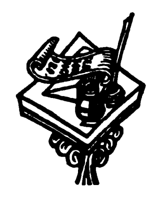
ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
Середина XVI века

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ



МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

Середина
XYI века

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

Р1
П15

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление
и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление
художника
В. ВАГИНА

П $\frac{4702010100\text{-}008}{028(01)\text{-}85}$ 19-85

ЛИТЕРАТУРА «ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЕНИЯ» (середина XVI века)

Литература — духовный организатор мира культуры. Она противостоит хаосу антикультуры, изначальной дисгармонии мира. Ее организующая роль тем сильнее, чем обширнее страна, чем больше в ней региональных, социальных, внутрифеодальных различий, бытовых особенностей — социальных и местных. Литература — огромное органическое целое, носящее активный, действенный характер. Именно потому в такой большой и пестрой стране, как феодальная Россия, литература играла в культурной жизни особенно важную, связующую роль. Она создавала идеалы поведения, идеалы личности, идеалы быта и государственного устройства.

Эти идеалы носили собирательную, объединительную функцию, и нужда в них проявлялась тем острее, чем больше развивалось объединение государственное.

Середина XVI века была эпохой величайшего государственного торжества на Руси, исконно русские земли были собраны воедино, присоединено Казанское царство, присоединено Астраханское царство, Волга стала целиком русской. Был открыт путь на Восток, в Сибирь и Среднюю Азию. Предстояло открыть ворота на Запад через Ливонию. Государство стало единым под властью одного сильного монарха вместо десятков слабых князей. Россия в глазах официозных идеологов русской государственности была близка к выполнению своей официальной исторической миссии: стать новым Римом. Миссия эта была своеобразным государственным мифом. Преодолеть для достижения идеала мифа Третьего Рима осталось совсем малое. «Стоглав» и книгопечатание, «Домострой» и «Степенная книга», казалось, упразднят культурные различия в государстве. «Четьи-Минеи» соберут всю читающуюся литературу, даже расположат ее для чтения по дням года. Чтение войдет в годовой цикл: каждому месяцу года, каждому дню месяца — свое, предназначенное. Сама история вот-вот закончится, ибо в мире полной политической и культурной упорядоченности не останется места для событий, случайностей, различий. А в непогрешимости монарха сомневаться не приходилось, ибо к монарху-то, согласно официальному мифу, все и сводится. Воля государя укрепляет все. Он над церковью и над государством. Он над людьми и над всеми их думами.

В эпоху образования единого русского централизованного государства литература становится не просто изображением действительности, но изображением некиих идеалов, господствовавших в жизни, глашатаем жизненных ценностей, устроителем идеального единого распорядка и уклада жизни.

Если в предшествующую эпоху создавалось то, что должно было стать идеалом, то в середине XVI века идеал был создан и создана была почва для его, казалось

бы, быстрого осуществления: русская территория была собрана, самостоятельность отдельных княжеств уничтожена, земли и церковь объединены.

Литература середины XVI века занята «устроением жизни». С одной стороны, продолжается присоединение к Русскому государству новых областей. Однако с другой стороны, эти новые области сами вносят разлад в быт, обычаи, искусство, письменность, даже в церковное устройство. Вожделенное единство ускользает, особенно в связи с присоединением нерусских областей — Казанского и Астраханского царств. Необходимость удержать и укрепить прочность быта, прочность и единство культуры возрастает все в большей мере.

Академик А. С. Орлов называл эпоху, начинающуюся с середины XVI века,— эпохой «обобщающих предприятий». «Стоглав» крепит единство и устойчивость церкви, «Домострой» вводит быт в регламентированные и идеализированные формы, «Степенная книга» и «Лицевой летописный свод» создают стройную концепцию русской истории: как бы целеустремленную к тому, чтобы стать опорой вселенского православия. Эта последняя концепция стала осуществляться в литературе уже в предшествующую пору, когда возникла идея Москвы как «Третьего Рима» — третьего и последнего; мирового царства, предназначенного провидением выполнить мировую роль, дать завершающее торжество православию и православному государству. В эпоху же, о которой идет речь, расширяется «Легенда о Белом Клобуке» — знаке незапятнанного ересями православия, который удостаиваются носить наследники Первого Рима и Царьграда — новгородские митрополиты, многие из которых переходили затем из Новгорода на Москву.

Итак, в 50—60-х годах проводятся многочисленные реформы, направленные на укрепление централизованного государства, на унификацию всей культурной, политической, экономической жизни страны. Унификация эта — подведение всей страны под некие нормы, создавшиеся в представлениях правящего класса отчасти под влиянием широкой полемики, разгоревшейся в литературе в предшествующий период (см.: «Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века». М., 1984). Хотя сама полемика в этот предшествующий период велась довольно широко и различные точки зрения были в ней представлены с относительной свободой,— результаты полемики свелись к тому, что монархическая власть сочла оправданным свое вмешательство во все стороны жизни своих подданных, и создававшиеся произведения, в большинстве своем огромные и пышные, приобрели характер предписаний и установлений, официальных историй и поучений к созданию единообразия во всех сторонах жизни: «Стоглав», «Домострой», «Чин венчания на царство», «Великие Четьи-Минеи», «Казанская история».

Во всем порядок и строгость. При этом вот на что следует обратить внимание. Предполагается единый быт всех слоев общества, единый круг чтения для всех, единое законодательство — как и единая денежная система. У одних побогаче, у других победнее, но в целом одинаковая. «Домострой» предлагает общие нормы семейной жизни для всех классов и сословий. Различие, которое допускается,— только в числе, количестве, богатстве. Двор одинаковый у крестьянина, купца, боярина — никаких отличий по существу. Все хозяйство ведется одинаково. «Великие Четьи-Минеи» предполагают общее чтение для всех. Тут и сложнейшие богословско-философские сочинения Дионисия Аре-

опагита и сравнительно простые жития русских святых. Разумеется, если не понимаешь, то можно и не читать, но если понимаешь,— то читать следует то, что предлагается, и в надлежащие дни года. Совершается словно возвращение к годовому кругу жизни, которое оставалось еще действенным в земледельческом и церковном обиходе. Изменения крупного исторического плана не предусматривались. Оставалось только славить историю, приведшую к утверждению Москвы, как центра человечества, и настоящее, которое можно улучшать в частностях, но нельзя изменять в целом. Происходит возвращение к монументализму, характерному для литературы и искусства Киевской Руси, но только утверждающегося на другой основе. Перед первым монументализмом открывался мир во всем его величии и грандиозности. Перед вторым монументализмом он закрывался и застывал как достигнутый идеал. Первый живил, второй мертвил. У первого было все впереди, у второго — позади. Этот второй монументализм отличался особым консерватизмом, сочетанием веры в совсем близкое достижение идеала и полного отказа от творческого отношения к современной авторам действительности.

Идеал, доведенный до деталей, требует церемониальности. Эта любовь к церемониальности во всем чувствуется в XVI веке и во всем приобретает свои формы. Может вызвать недоумение: какое отношение могут иметь к литературе чин свадебный, чин венчания на царство? На самом деле в этих на первый взгляд сухих указаниях есть такая сила любви к церемониальности, которая поднимает их до уровня своеобразной поэзии. Это документы художественного творчества — творчества в области житейской, бытовой, но тем не менее не совсем обычной, ибо нельзя думать, что свадьбы справлялись всегда и всюду именно по одному чину. Скорее всего это художественный идеал, свод рекомендаций, следовать которым надлежало лишь посильно.

Стиль, который следует признать господствующим в XVI веке,— это стиль церемониального монументализма, он может быть назван также стилем второго монументализма, учитывая, что первый монументализм — это стиль XI—XIII веков.

Господствующий в XVI веке стиль характеризуется не только пышностью традиционных форм, но и особым отношением к миру, стремящимся все подчинить определенным идеалам поведения и мироустройства. Стиль этот в известной мере деспотичен, ибо он не только *обнаруживает* в мире определенные стороны, особенности, но и *навязывает* эти особенности миру, исходя в основном из нужд феодального государства, впервые осуществившего на определенном уровне свое единство на огромной территории. Вместе с тем литература все больше обращается к действительности. Само по себе это обращение может быть различным: к большей ее изобразительности и наглядности, к светскому осмыслению, к документированности или к мелочевидению, к вниманию к подробностям событий, к строгой выдержанности последовательности рассказа, к жизненной наблюдательности, к связности рассказа как к некоему своеобразному повторению жизненного процесса и т. д.

«Повесть о болезни и смерти Василия III» стремится изобразить подробности событий. Эти подробности выстраиваются в некую цельную картину болезни, беспокойных передвижений, метущегося поведения, предсмертных распо-

ряжений великого князя. Это одна из многих в русской литературе картин смерти, для своего времени замечательная, но привлекающая внимание по преимуществу деталями и самим нарастанием событий приближающейся кончины.

Автор выражает свое отношение к событиям, жалеет великого князя, а по поводу прощания умирающего с женой замечает: «Жалосно же бѣ тогда видѣти, слез, рыдание исполнено в то время».

Некоторые подробности очень оживляют повествование. Таким, например, оказывается рассказ о том, как в спешке выронили чернеческую мантию, которую несли для пострижения в опочивальню к великому князю, и пришлось положить на него только переманатку и ряску. Реалистическая деталь вырастает из нарушения церемониала. Это значительно и в известной мере символично: отдельные элементы реалистичности противостоят церемониалу — все равно жизненному или литературному.

И вместе с тем повесть о смерти Василия III — это не простая фактография. «Повесть» хотя и описывает реальные события, действительно происшедшие,— памятные, известные, но она незаметно придает всему характер «действа». Перед нами смерть великого князя, а не рядового человека. Эта смерть могла бы быть и «чином кончины» — чем-то вроде чина свадебного или венчания на царство. Автор повести видит не только факты, но и величие фактов, их постепенность и степенность. Умереть внезапно, без покаяния, без прощания с близкими, без осознания самим умирающим значительности происходящего с ним,— считалось в Древней Руси величайшим несчастием. Описывая нарастание болезни, медленное движение к концу, автор повести о смерти Василия III делал кончину достойной великого князя, подчинял ее некоторому «идеалу смертного конца».

Вместе с тем церемониальное обряжение событий уже не удовлетворяет читателей, и писатели начинают вносить в свое повествование разнообразные детали, делающие изображаемое легко представимым. Повествование благодаря этому разрастается, усложняется и приобретает отдельные черты реалистичности.

Стремление к соединению истории в единую причинно-следственную связь, к стилистическому объединению рассказа, к связному повествованию было настолько волевым, что выражалось даже в грандиозной попытке к иллюстрированию истории в единой манере в многотомном «Лицевом летописном своде» XVI века. Единые приемы миниатюрных изображений должны были подчеркнуть единство истории. Если раньше в летописном повествовании прерывистость повествования, скачки от одного эпизода к другому, переходы повествования из одного княжества в другое должны были изобразить незначительность того, что совершается в этом мире в противоположность единственно значительному — вечности, то теперь наступила пора, когда подчеркивалось обратное — значительность всего того, что совершается в этом мире, целенаправленность мировой истории, устремляющейся к вечности. Раньше все земное было незначительно, а значительным считалось лишь то, что свидетельствовало о вечности. Теперь выявлялось обратное — земное стало значительным, как содержащее в себе вечное, божественную волю, вечное же находило себе выражение в мелочах и случайностях исторического процесса.

Если раньше прошлое представлялось как некая россыпь событий, а исторические сочинения (и в первую очередь летописи) излагали историю фрагментарно, то теперь, в XVI веке (а отчасти и раньше), историю стремились превращать в связное и сюжетное повествование. Это вызывало необходимость в ее делении на историю княжеств, городов, стран, отдельных князей. Жизнь человека также стала иметь свою «судьбу», целенаправленность. Появилась потребность в создании истории как цепи биографий и биографии соединять в историю страны («Степенная книга»), излагать историю княжений или царств.

В последующее время — в начале XVII века, в годы Смуты, поняли, что в истории есть борьба — соединение судьбы и воли людей, появились представления о роли народа, народных масс, восстаний, земских соборов и пр. Появилось и представление о двойственности натуры человека, о совмещении в нем злых и добрых черт. Пока же, в середине XVI века, это движение к новому историческому сознанию совершалось в относительно простом.

Середина XVI века была ознаменована в русской истории присоединением Казани, а в истории литературы — в основном созданием такого эпохального произведения, как «Казанская история». «Казанская история» не только самый значительный памятник середины XVI века по своим художественным достоинствам и достоинствам исторического источника, не знающего себе равных по количеству сведений, сообщаемых им о присоединенном Казанском царстве, но и памятник, вобравший в себя многие новые черты литературы.

В истории литературы мы можем наблюдать периоды, которые проходят как бы под сенью одного какого-либо автора или одного какого-либо произведения. Так, например, «Повесть временных лет» осветила собой целую эпоху. Возникла она в начале XII века, но разошлась по произведениям всей Руси и жила в списках, переработках, цитатах — пять веков по крайней мере.

Конечно, «Казанская история» не может сравниться с «Повестью временных лет», но в ней самой жила литература предшествующих четырех с половиной веков в цитатах, заимствованных формулах, а главное — в идеях. При этом «Казанская история» «заглянула в будущее»: она ярко представила все те прогрессивные особенности литературы, которые разовьются в литературе второй половины XVI и XVII веков.

Что же это за особенности? Во-первых, развивается личностное, авторское начало в произведении. Автор сообщает о себе биографические данные, что раньше делалось исключительно редко и скупо. Во-вторых, происходит усложнение рассказа и усложнение авторского отношения к описываемому. Эти усложнения частично объясняются необычной судьбой автора «Казанской истории», но в целом они становятся в какой-то мере характерными для русской литературы и знаменуют собой более широкое и более свободное ви́дение мира.

Какие же события в жизни автора «Казанской истории» способствовали появлению в ней новых черт, характерных для литературы его эпохи?

Автор был пленником в Казани, принял магометанство и получил почетное положение при дворе казанского хана Сап-Кирея. Он пишет: «И взятъ мя к себѣ царь с любовию служити во дворъ свой, и сотвори мя пред лицемъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу тамо у него двадесятъ лѣтъ в пленении. Во взятие же казанское изыдохъ ис Казани на имя царя и великаго князя.

Онъ же мя ко христовѣ вѣре обрати и ко святей церкви приобщи, и мало земли удѣла даде ми, яко да живъ буду, служа ему».

Двадцатилетнее пребывание в Казани не только в приближении ко двору, но и «при бесѣде со мною и мудрьствующих честнѣйшихъ казанцев», дало ему знание истории Казанского царства, осведомленность во всех дворцовых делах и интригах, в бытовой обстановке, хорошую ориентировку в расположении Казани и окрестных мест.

Заметно различие в осведомленности автора. То, что происходит в Казани, он знает в большинстве случаев как свидетель или долголетний житель Казани. То же, что происходит в Москве, он по большей части сочиняет по литературному этикету своего времени.

Автор давно интересовался историей Казани. Еще находясь на воле, на Руси, он расспрашивал «искуснейших (то есть наиболее осведомленных.— *Д. Л.*) людей, рускихъ сыновъ», но одни «глаголаху тако, инии же инако, ни един же вѣдая истинны». Только попав в плен и служа при дворе у «царя казанского», автор получил возможность удовлетворить свою любознательность и не только, по-видимому, на основании устных источников. Его сведения отличаются относительной точностью — поскольку эта точность вообще была возможна при состоянии исторических знаний в XVI веке [1].

Наконец соучастие в казанской жизни и дружеские связи с казанцами позволили ему судить о них более объективно, чем судили обычно русские книжники о врагах Руси. Он и сочувствует казанцам по-человечески, и восхищается красотой города, и с полной лирической самоотдачей передает или даже сочиняет от себя слова плача о Казани казанской царицы Сююмбеки. Этот плач приурочен автором к тому моменту, когда Сююмбеку выводили из Свияжска, чтобы отправить в Москву, и перед ней открылся потрясающий по красоте вид на Казань. Плач в виду Казани должен был производить особенно сильное впечатление на тех читателей, которые знали этот открывающийся обзор.

Автор «Казанской истории» все время колеблется между сочувствием казанцам и необходимостью признавать их врагами Русского государства. Иногда он прибегает даже к житийным шаблонам в отношении Казани и казанцев. Вот характерный пример. Подобно тому как в житиях основателей монастырей воспевается красота места, выбранного святым для монастыря, так и в «Казанской истории» говорится о поисках подходящего места для строительства города царем Саином Болгарским: «И поискавъ царь Саинъ, по мѣстомъ преходя, и обрѣте мѣсто на Волге, на самой украине Руския земли, на сей странѣ Камы рѣки, концемъ прилежащи х Болгарстей земли, а другимъ концемъ к Вятке и къ Перми, зело пренарочито: и скотопажно, и пчелисто, и всякими земляными сѣмяны родимо, и овощами преизобилно, и звѣристо, и рыбно, и всякого угодия житейскаго полно — яко не обрѣстися другому такому мѣсту по всей нашей Руской земли нигдѣ же точному красотою и крѣпостию, и угодием человеческим, и не вѣм же, аще будеть как и в чюжих земляхъ».

---

[1] См. рецензию на издание «Казанской истории» Г. Н. Моисеевой 1954 г.: Сафагалиев М. Г.— Вопросы истории, 1955, № 7, с. 148—151.

Освобождение Василия III из казанского плена казанским царем Мамотяком за большой выкуп автор комментирует как благое деяние казанского царя: «Милуетъ бо и варваринъ, видя державнаго злостражуща».

Автор восхищается Казанью и казанцами: «Град же Казань зѣло крѣпок, велми, и стоитъ на мѣсте высоце...» Казанцы же «умѣние велико имущи ратоватися во бранѣх. И не побѣждени бываху ни от киих же, и мало таковых людей мужественых и *злых* во всей вселѣнней обрѣташеся». Подчеркнутое слово могло бы и отсутствовать, оно этикетно, но без него вся характеристика могла бы быть обращена к русским, а не к их врагам. Автор ссылается затем и на собственные к Шигалею чувства — «жалость бо ми душевная и сладкая любы его ко мнѣ глаголати о немъ и до смерти моея понужает». Воздав хвалу казанскому царю Шигалею, автор пишет: «Да никто же мя осудит от вас о семъ, яко единовѣрных своих похуляюща и поганых же варваръ похваляющи: таков бо есть, яко и вси знают его и дивятся мужеству его, и похваляют».

В одной и той же фразе автор «Казанской истории» называет Казань и «презлым царством сарацынским» и «предивной Казанью» — без единой оговорки.

Знание истории Казани, событий последних лет, топографии города и его окрестностей оказалось тем более ценно, что автор «Казанской истории» был весьма образован и в русской литературе. В его произведении ясно ощутимы реминисценции из «Слова о Законе и Благодати», «Повести временных лет», «Жития Александра Невского», «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Сказания о Мамаевом побоище» и мн. др. Его военная терминология и отдельные образы близки с теми, что знакомы нам по «Слову о полку Игореве». Здесь и сравнения с пардусами, и отдельные выражения, близкие тем, что встречаются только в «Слове» («под меч подклонити», «намостить дебри, и блата, и езера, и реки... костми», «чаша, сетованием растворяема» и пр.).

Характерно и следующее. Автор «Казанской истории» определяет и тех, кому назначено его произведение, и характер своего исторического произведения. Адресаты его — это «братия наша, воини» и «простые» читатели. «История» обращена откровенно и прямо прежде всего не к служителям церкви, а к светскому читателю. Он надеется, что читатели его «от скорби своея применятся», то есть, очевидно, перестанут сожалеть о потерях своих родных и друзей, положивших головы свои за присоединение Казани. Произведение же свое он определяет как «сладкую повесть». Что значит «сладкая»? Означает это, прежде всего, то, что повесть эту «сладко читать» — она интересна и она литературно хорошо написана. Это не самооценка, это только определение характера повествования, к которому он стремился. «Казанская история» — сюжетна и украшена,— украшена прежде всего введением драматических ситуаций, блестяще переданными или сочиненными длинными речами действующих лиц (в этих речах прежде всего сказалась вымышленность, авторское воображение)

То обстоятельство, что автор «Казанской истории» воздает должное казанцам, их мужеству, любви к своему городу, уму и сообразительности (хотя в конечном счете они в основном ошибаются, не идя на добровольное подчинение Москве), лишь усугубляет драматизм повествования.

Значительность события присоединения Казанского царства к России определялась значительностью самой предшествующей истории Казани. Это не просто присо-

единение к России стратегически важного пункта: это слияние историй! И с этой точки зрения, чем многозначительнее была история Казани, тем более пышным и важным оказывалось и само присоединение. Церемониальное по своей сути литературное произведение, «Казанская история» сама становилась частью гораздо большей церемонии — церемонии присоединения Казанского царства. Она была так же важна в этой церемонии, как и построение в честь взятия Казани церкви Василия Блаженного. И если последняя своей нарочитой и необычной пестротой как бы подражала Востоку, выражала своей архитектурой представление Москвы о «стиле Востока», то «пестрая» в своем отношении к казанцам и Казани «Казанская история» выражала противоречивые чувства автора: радость от присоединения Казани и уважение к ее истории, как бы признание ее исторической самостоятельности.

Другой памятник, который чрезвычайно характерен для середины XVI века,— это «Домострой». Перед нами унификация, идеализация и поэтизация быта, доведенные до предела возможного. Это не просто сборник по большей части мелких практических советов — как солить рыжики, или наказывать слуг и детей, или как класть чистую посуду, ложки и плошки,— обязательно «опрокинуто ницъ». Нет, это и более широкие рекомендации — как устроить свой дом так, чтобы в него было «как в рай войти» (§ 38). В «Домострое» перед читателем развертывается грандиозная картина семейного идеального быта и идеального поведения хозяев и слуг.

В отличие от своего предшественника — «Измарагда», возносившего идеал человека до требований, которые могли относиться только к святому, «Домострой» рассказывает и о поварне, и об укладках, и о хранении запасов: о делах и быте, вполне светских и жизненно мелких.

Идеал «Домостроя» — это идеал чистоты, порядка, бережливости, почти скупости, и вместе с тем гостеприимства, взаимного уважения, а одновременно и семейной строгости — запасливости и нищелюбия. И это в целом идеал трудовой жизни. И слуги и сама «государыня» (госпожа) должны не сидеть без дела — даже когда «мужь ли придет, гостья ли обычная» — «всегды бы над ру коделиемъ сидѣла сама». Иное дело — гость «необычный», то есть знатный,— тут уж сами обязанности хозяйки становились трудом, и подчас тяжелым.

Упорядоченность быта оказывалась почти обрядовой, даже приготовление пищи — почти церковным таинством, послушание — почти монастырским, любовь к родному дому и хозяйствование в нем — настоящим религиозным служением.

Степенность во всем! Нарушения домашнего обряда — почти церковный грех. Случаи недорода, дороговизны смягчены вовремя сделанными домашними запасами. Домашняя жизнь не замкнута своим двором, ибо предусмотрена помощь соседям и соседская помощь. В «Домострое» пишется и о том, как давать в долг, как сохранить ношенное, чтобы отдавать сиротам — особенно детям. Важное место в «Домострое» занимали статьи: «Какъ всякое платье кроити и остатки и обрески беречи» или «какъ платья всякое жене носити и усътроити». Старые вещи надо беречь, хранить их чисто и «поплачено», то есть в заплатанном виде,— «ино сироткам пригодитца». Осуждается в «Домострое» злоупотребление правом неволи (не само право неволи в его разных видах,— а лишь та бесчеловечность, которая может быть с ним связана). Этому

посвящена особая статья — «Аще кто слугъ держит без строя». Нельзя, чтобы служанка, «у неволи заплакав», стала «лгать, и красть, и блудить», а «мужик» «и рóзбивать, и красть, и в коръчме пити, и всякое зло чинити». В быту без слез не обойдешься, но «в неволе заплакать», видимо, считалось особенно тяжелым.

Указывал «Домострой» и как наказывать, а после наказания непременно пожалеть и простить, чтобы наказываемый не затаил в душе обиды. А побить его следует «не перед людьми», а тайно, чтобы не оскорбить особенно. «А по всяку вину по уху ни по видѣнью (то есть по глазам.— *Д. Л.*) не бити, ни под серцо кулаком, ни пинком, ни посохомъ не колотить, никакимъ железнымъ или дѣревянымъ не бить» (§ 38).

Если помнить об общей грубости семейных нравов, то нельзя не признать, что «Домострой» стремился к смягчению этих нравов,— стремился умно, давая тонкие, психологически обоснованные советы, прибегая к примерам и формулируя советы просто, а иногда и пословично (конец § 38).

Идеал — это, конечно, не реальность. Но идеал — великий и бесценный регулятор жизни. А если этот регулятор доведен до дома, до семейной жизни, входит во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме и во всем требует «знать меру»,— то идеал, им проповедуемый, становится уже почти реальностью. Перед нами своеобразная «поваренная книга» русского быта.

В художественном же отношении «Домострой» рисует быт русских людей XVI века в различных мелочах, ибо, рассказывая о том, какой должна была быть жизнь, он давал понять и о том, в чем заключались ее нарушения, очевидно, не такие уж редкие.

Спрашивается — жизнь каких классов населения пытается регламентировать «Домострой»? Конечно, в первую очередь — имущих, зажиточных и даже весьма зажиточных. Двор, который описывается и устраивается в «Домострое»,— это двор и боярский, и купеческий, и, может быть, даже еще выше — княжеский. Но «Домострой» обращен и к тем, «у кого селъ нет» (§ 42).

Привлекает к себе внимание и указание по крестьянству: как кормить корову, как ее доить, «а самой руки умыти чисто», вымыть вымя у коровы, и «потиралцемъ чистымъ вытерть, и в чистомъ мѣсте издоить, и во всяком бережении» корову сохранить (§ 42). То же пишется и о «лошадках» (оцените это ласкательное слово!), и о коровках, и о кобылках, и о телятах, и о ягнятах, и о курах, и о гусях, и свиньях, и утках.

Заботой о неимущих людях проникнуты и советы «Домостроя»: как добыть запас, чтобы он не был «втридорога, а не милой кусъ». «Милый кус» — это тот товар, что действительно надобен и по вкусу (§ 43).

Древняя Русь знала разграничения между классами не в характере быта, как это стало в послепетровской Руси, а, главным образом, в степени накопленных богатств, в наличии слуг и величине хозяйства. Поэтому кое в чем идеал, нарисованный «Домостроем», мог быть и идеалом крестьянства, хотя и успевшего сильно обнищать при централизованной власти.

Как бы чувствуя недостаток духовности в «Домострое» (а этот недостаток и сделал его в XIX веке символом ретроградности в жизни), составители заканчивают его наставлением для души. Автор «Домостроя» понимал, что жизнь не может ограничиваться заботой о материальных и бытовых благах, о доме и о хозяйстве,

а потому присоединил к своему сочинению наставление благовещенского попа Сильвестра возлюбленному его сыну Анфиму. Наставление это служит как бы духовной параллелью к остальному сугубо материалистическому тексту «Домостроя» и, возможно, составлено одним и тем же автором: уж слишком много — и в основной части «Домостроя», и в его заключении — общих тем и выражений. Сильвестр нет-нет да сбивается на хозяйственные темы «Домостроя», хотя и пытается перевести их в план «духовности».

Литература в средние века живет в полной мере произведениями, созданными и в предшествующие века. Эти произведения изменяются, дополняются, редактируются, приспосабливаясь к требованиям эпохи. Одним из таких произведений, жившим в течение нескольких столетий, был «Измарагд», созданный, по-видимому, еще в XIV—XV веках. «Измарагд» — первое систематическое наставление «как жить», но наставление по преимуществу духовное. Он расширялся, дополнялся, и одно из его наиболее интересных «расширений» относится как раз к рассматриваемому времени. «Домострой» оказался у́же «Измарагда» как духовного наставления, зато гораздо шире в своих бытовых рекомендациях. И это очень типично. Жизнь должна была быть регламентирована во всех своих мелочах и бытовых подробностях. Даже опечатки и разночтения в рукописных книгах были опасны в культурной жизни, и вслед за попытками исправления текста священных книг, к которым был в предшествующий период привлечен афонский ученый — Максим Грек, теперь в целях предотвращения каких-либо расхождений в тексте учреждается книгопечатание.

Главная заслуга первопечатника Ивана Федорова в том, что он достиг идеала в книгопечатании: он выпустил книги, в которых был проверен и исправлен весь текст и в которых не было собственно опечаток: главное достоинство книг — достоинство, которого после Ивана Федорова никто уже не достигал. Единство, к которому устремлялась эпоха, было здесь выражено, может быть, определеннее всего.

Сам Иван Федоров достаточно хорошо понимал свою роль в истории русской культуры, снабдив свои главные издания пышными послесловиями, в которых он говорит как бог и обращается к богу как равный. Никогда после него (а до него вообще не было таких людей) ни у одного печатника не было такого высокого самосознания, как у Ивана Федорова. Он был и остается первым и потому, что первым создал печатание книги с таким безупречным искусством, и потому, что он первым оказался на высшей ступени своего мастерства: первым среди всех русских печатников.

* * *

История литературы не ограничивается литературой. В литературе есть сторона, обращенная к истории, так же как в истории — одна из сторон, обращенная к литературе.

В истории к литературе обращено ожидание будущего; в литературе же к будущему обращено ее лицо,— даже когда она говорит о прошлом. Литература — выразитель настоящего, своей современности, современность же всегда глядит

в будущее. В литературе действенны не только традиции, но и настороженный взгляд вперед. И это должно учитываться в литературоведении, в обобщениях, посвященных той или иной эпохе литературы.

Характеризованная нами эпоха, кульминацией которой было начало царствования Ивана Грозного, была полна столь напряженного ожидания окончательного разрешения всех проблем, что она не могла не кончиться в условиях феодализма трагическими последствиями. Там, где нет еще научного предвидения, а господствует мифологическое мышление, создающее свой миф будущего, попытка овладеть мифом, претворить его в жизнь не может не разочаровывать трагически. В мифологическом мировоззрении есть всегдашнее стремление остановить время, достичь идеального покоя и вечности. Но развитие неостановимо, в нем нет покоя и есть жертвы.

Чтобы понять середину XVI века, мы должны заглянуть и в близкое будущее этого движения к мифологическому идеалу, к той мифической модели, по которой должна была течь вся русская жизнь в эпоху безграничной феодальной монархии и безграничной «одинокой» власти единых представлений о жизни.

Мнимая близость идеала к осуществлению, конкретная подробность этого идеала выраженная во внешних и внутренних успехах, создавали нетерпение и нетерпимость, и обе они вместе в конце концов привели к деспотизму, который тем более оказывался жестоким, чем меньше его понимали подвластные люди — современники, а впоследствии историки. Грозный, полный надежд в начале своего царствования, стал затем свирепеть от бессилия, как можно скорее и полнее провести в жизнь идеал, и от непонимания того — почему это ему не удается, хотя все казалось ему таким ясным и необходимо понятным. Его подданные тем более были раздражающе пассивны, чем больше они не понимали того, чего от них хотят. *Единство* власти, сосредоточенной в руках одного «всесильного» монарха, оборачивалось *одиночеством* власти и связанным с этим одиночеством своеволием. Грозный же в конце концов не столько желал осуществления идеала,— он его во второй половине царствования почти и забыл,— сколько стремился осуществить свою полную власть над подданными — всеми: холопами и боярами, крестьянами и дворянами. Он обманчиво видел причину своих неудач в недостатке повиновения. Пассивность раздражала его больше, чем любое открытое восстание. Карающий меч Грозного каждый раз увязал в тине несопротивления, не встречая препятствий, которые могли бы оправдать силу его размаха. Грозный ломал то, что было мягко; он рвал то, что было несопротивляющимся; он с силой гнул то, что на самом деле гнулось легко. И при этом он постоянно считал, что неудача происходит от недостатка примененной силы. Он убирал советников и все более начинал страдать от одиночества безграничной власти. Было от чего стать неуравновешенным и сходить с ума.

Жестокость и нетерпимость власти вызваны были не только личными и случайными свойствами Ивана Грозного, как часто думают. Эта жестокость лежала в социальном порядке вещей: эпоха подошла к воплощению полной средневековой унификации,— подошла, но не могла ее до конца осуществить. Монархическая же унификация казалась крайне необходимой после мучительных столетий политических разладов и феодальной культурной раздробленности. Оставшееся для достижения идеала малое, казалось, уже не имело реальных сил

для сопротивления. Но вот в этом-то и крылась ошибка. Сопротивление монарху, всякое проявление хотя бы небольшого произвола злило, вызывало жестокое подавление и вместо идеала усиливало деспотизм, а вместе с деспотизмом — произвол, дробление еще худшее, чем раньше, отделение и бегство из центра на окраины — на Север в леса и на Юг в степи, на Восток,— что привело к освоению Сибири, на Запад — для продления в Польско-Литовском государстве той культурной работы, которая оказывалась невозможной в центре. Иван Федоров продолжает печатать книги в Остроге и Львове, Андрей Курбский — охранять и насаждать православие в Польско-Литовском государстве и полемизировать с Грозным, упрекая его за жестокость по крупным и мелким поводам.

Мелочи в конце концов стали мстить за себя и превратились в крупнейшие препятствия на пути к мифологическому идеалу всеединства, к которому стремился не один Грозный. Но об этой последней неудаче — в следующем томе наших «Памятников литературы Древней Руси».

Д. С. Лихачев

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Середина

XVI века

ПОВЕСТЬ
О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ
ВАСИЛИЯ III

ЛѢТА 7041-го СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ВАСИЛЬЕ ИВАНОВИЧЕ ВСЕА РУСИ, КАКО ѢЗДИЛ ВО СВОЮ ОТЧИНУ НА ВОЛОК НА ЛАМЪСКИЙ НА ОСЕНЬ ТѢШИТИСЯ, И КАК БОЛѢЗНЬ ЕМУ ТАМО СТАЛАСЯ, И МНИШЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИЯЛ, И СЫНА СВОЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО БЛАГОСЛОВИЛЪ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ, И О ПОГРЕБЕНИИ ЕГО

Князь велики Василѣй Иванович всеа Руси начатъ мыслити ѣхати во свою вотчину на Волок на Ламъский на осень тѣшится. И прииде к великому князю вѣсть с Поля мѣсяца августа въ 12 день, за три дни до Оспожина дни, что к Рязани идуть безбожьнии татарове кримские, царь Сап-Кирѣй да Исламъ царевичь со многими людьми. Князь же велики Василѣй Иванович воскоре посла по братию свою по князя Юрья Ивановича и по князя Андрѣя Ивановича. А братия же его приѣхавше въскорѣ к нему.

Тогда же князь велики посла воевод своих с Москвы на Коломну, на Берег, на Оку: князя Дмитрея Федоровича Бѣльского, да князя Василья Васильевича Шюйского, да Михаила Семеновича Воронцова, да Ивана Васильевича Ляцкого; а князя Семѣна Федоровича Бельского, да князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева, да князя Дмитрея Федоровича Палецкого наперед тое вѣсти князь же великий послал в Мещеру. И тогда князь велики за ними гонца послал, и повѣле имъ возвратитися вскоре на Коломну же с людьми; а тогда бысть на Коломнѣ намѣстникъ и воевода князь Иван Бѣлской Федорович.

И снидошася воеводы многие на Коломну, а с ними люди многие, дворяня великого князя и дѣти боярские; а безбожьнии татарове придоша на Рязань мѣсяца августа *в* 15 день, в пяток, на Оспожинъ день, и посады на Резани пожгоша, и ко граду приступаху, но града не взяша. У Рязани тогда бысть воевода князь Ондрѣй Дмитреевич Ростовский, и с нимъ дети боярские, рязанцы. А безбожьнии татарове жгуще и в плен ведуще, и волости воююще.

Князь же великий Василей Иванович розосла грамоты и гонцы по всемъ градомъ, и повелѣ людямъ ити къ собѣ, а иным людям на Берег к воеводамъ, а самъ князь велики з братиею своею со

ПОВЕСТЬ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III

В ГОД 7041-й. СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ВСЕЯ РУСИ ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ, О ТОМ, КАК ОН ЕЗДИЛ ОСЕНЬЮ В СВОЮ ВОТЧИНУ НА ВОЛОК ЛАМСКИЙ ОХОТИТЬСЯ, И КАК ЗАБОЛЕЛ ОН ТАМ, И МОНАШЕСКИЙ САН ПРИНЯЛ, И СЫНА СВОЕГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА НА ЦАРСТВО БЛАГОСЛОВИЛ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕГО, И О ПОГРЕБЕНИИ

Князь великий всея Руси Василий Иванович собрался ехать осенью в свою вотчину на Волок Ламский охотиться. И пришла к великому князю весть с Поля 12 августа, за три дня до Госпожина дня, что к Рязани идут безбожные татары крымские, царь Сап-Гирей и царевич Ислам с большим войском. Князь великий Василий Иванович сразу же послал за братьями своими — за князем Юрием Ивановичем и князем Андреем Ивановичем. И братья его быстро приехали к нему.

В то же самое время князь великий послал воевод своих из Москвы в Коломну, на Берег, к Оке: князя Дмитрия Федоровича Бельского, и князя Василия Васильевича Шуйского, и Михаила Семеновича Воронцова, и Ивана Васильевича Ляцкого; а князя Семена Федоровича Бельского, и князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева, и князя Дмитрия Федоровича Палецкого князь великий еще до получения этой вести послал в Мещеру. И теперь князь великий послал гонца за ними и приказал им сразу же возвратиться в Коломну вместе с войском; а наместником и воеводой в Коломне тогда был князь Иван Федорович Бельский.

И сошлись многие воеводы в Коломну, и с ними пришло много войска — дворян великого князя и детей боярских; а безбожные татары пришли на Рязань 15 августа, в пятницу, на Госпожин день, и посады у Рязани сожгли, и на приступ города шли, но города не взяли. В Рязани тогда был воевода князь Андрей Дмитриевич Ростовский и с ним дети боярские — рязанцы. А безбожные татары жгли все, и в плен уводили, и все волости вокруг города разоряли.

Князь великий Василий Иванович разослал по всем городам грамоты и гонцов и приказал одним людям идти к нему, а другим — на Берег, к воеводам, а сам князь великий с братьями своими,

княземъ Юрьем и со княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, и с воеводами поиде с Москвы *противу* безбожьныхъ татар, в пяток, на Оспожин день, и пришедше ста во своемъ селѣ Коломенскомъ.

Воеводы же великого князя з Берегу послаша за реку по люди воеводу князя Дмитрия Федоровича Палецкого, а с нимъ дворяне великого князя и дети боярские. И пришед князь Дмитрей Палецкой к Николе къ Зараскому на *Осетръ,* и приде к нему вѣсть, что люди крымские оттуды версть з десять, в Безубове селѣ. И ту на них приде князь Дмитрѣй, и потопташа их; и многи же избиша, и иных живых изымаша, и к великому князю отослаша.

И тогда же бысть links послѣ Оспожина дни, въ 24 день августа, в среду, бысть на небеси в солнце знамение, яко восходящу солнцу на 1-мъ часу дни, и бысть вверху солнца аки срѣзано по-малу, и нача в солнце гибели прибывати от перваго часа и до третьяго часа дни, и бысть на солнци яко до трети изгибе, аки *ускуй,* и исполнися солнце на пятомъ часу дни яко первое бысть; на небеси же бысть свѣтлость, не бысть ни облака. Людие же поразсудив, и глаголаху в себе, яко быти во царствѣ премѣнению некоему. Лѣто бысть тогда сухо, и курение, дымы хожаху.

Тогды же воеводы великого князя з Берегу послаша за реку князя Ивана Федоровича Телепнева-Овчину воеводу, а с нимъ дворян великого князя и детей боярских; князь же Иоанъ доеде сторожей татарских, и *потопташе* ихъ, и поби.Татарове же побегоша и намчаша наших людей на многие люди; и ту князя Ивана с нашими людьми розгромили. И татарове же поидоша вонъ из земли вскорѣ, чаяху за собою многих людей. Воеводы же великого князя за ними ходили, но не дошли их и возвратишася.

Князь же великий Василей Иванович всея Руси поиде к Москве ис Коломенского, и бысть на Москвѣ, а братию свою князя Юрья и князя Ондрѣя, отпустил по *их* отчинамъ, по удѣломъ. А самъ князь велики нача мыслити ѣхати къ живоначалнѣй Троици и преподобному чюдотворцу Сергию игумену.

Поиде князь велики Василѣй Иванович всеа Руси с великою княгинею и с своими детьми, со княземъ Иваномъ Васильевичемъ и со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, къ живоначальной Троице и ко преподобному чюдотворцу Сергию помолитися на память чюдотворца Сергия; и туто князь велики молился, и празновал чюдотворцову память, и молебная свершив.

И от Троицы князь велики поеде с великою княгинею и з детми во свою вотчину, *на Волок* на Ламский, тешитися. Поѣде же князь велики к Волоку на свое село на Озерецкое и ту начатъ не мощи. И явися у него мала болячка на левой странѣ, на стегнѣ, на згибе, близь нужного мѣста, з булавочную голову;

с князем Юрием и князем Андреем Ивановичем, и с воеводами выступил в пятницу, на Госпожин день, из Москвы против безбожных татар и, придя, остановился в своем селе Коломенском.

Воеводы же великого князя с Берега послали за реку за людьми воеводу князя Дмитрия Федоровича Палецкого, а с ним дворян великого князя и детей боярских. И пришел князь Дмитрий Палецкий к Николе Заразскому на Осетр, и получил он известие, что крымские татары от того места верстах в десяти, в селе Беззубове. И тут выступил против них князь Дмитрий и победил их; и многих татар убили, а часть — живыми захватили и к великому князю отослали.

И тогда же, после Госпожина дня, 24 августа, в среду, было на небе знамение на солнце: когда солнце только начало подниматься, в первом часу дня, верх его был как будто немного срезан, и затем стало солнце убывать, от первого часа дня до третьего, и уменьшилось солнце до трети, стало как ладья, и только к пятому часу дня солнце прибыло и стало таким, каким было вначале; на небе же было светло, не было ни облака. Люди, размышляя о виденном, говорили себе, что будет изменение какое-то в государстве. Лето тогда было сухим, и в разных местах курился дым от пожаров.

Тогда же воеводы великого князя с Берега послали за реку князя Ивана Федоровича Телепнева-Овчину, воеводу, а с ним дворян великого князя и детей боярских; князь же Иоанн доехал до передовых разъездов татарских, и одолел их, и уничтожил. Татары же побежали и, увлекая за собой наших людей, столкнули их с многочисленным войском; и тут князя Ивана с нашими людьми разгромили. А татары без промедления прочь пошли из Русской земли, ожидая за собой большой погони. Воеводы же великого князя преследовали их, но не догнали и назад вернулись.

Князь же великий всея Руси Василий Иванович поехал к Москве из Коломенского и был в Москве, а братьев своих — князя Юрия и князя Андрея — отпустил в их вотчины, в уделы. А сам князь великий собрался ехать в монастырь живоначальной Троицы и к преподобному чудотворцу Сергию-игумену.

Поехал князь великий всея Руси Василий Иванович с великою княгинею и со своими детьми, с князем Иваном Васильевичем и с князем Юрием Васильевичем, к живоначальной Троице и к преподобному чудотворцу Сергию помолиться в день памяти чудотворца Сергия; и тут князь великий молился, и праздновал память чудотворца, и молебны слушал.

И от Троицы князь великий поехал с великою княгинею и с детьми в свою вотчину, на Волок Ламский, охотиться. Поехал же князь великий к Волоку в свое село Озерецкое и тут начал недомогать. Появилась у него маленькая болячка на левой стороне, на бедре, на сгибе, около нужного места, размером с булавочную головку;

верху же у нея нѣсть, ни гною в ней нѣсть, а сама багрова. И оттоле приде князь великий въ Нохабное село; из Нахабного же поиде нужю, обдержимъ болѣзнию, в Покровское в Фуниково, и ту празнова Покрову святѣй богородици; и оттуду поеде во свое село Покровское, пребысть туто два дни, во третий жо день приде на Волок нужно, в недѣлю послѣ Покрова. И того же дни бысть пиръ на великого князя у *Ивана* у Юрьевича у Шигоны, у дворецкаго тверскаго и волоцкого.

Наутрия же в понедѣлникъ князь велики с великою нужею доиде до мыльни, за столомъ седе въ постельных хоромех великою нужею.

Наутрия же того во вторникъ бысть погодие велико тѣшитися государю, и послаша по ловчихъ своих, по Федора по Михайлова сына Нагово, да по Бориса по Васильева сына Дятлова да по Бобрища по Пушкина, и не унявся, хотя тѣшитися. И поѣде во свое село в Колпь, болѣзнию яко обдержимъ скорбяще; до села же того ѣдучи, мало бысть потѣхи. В Колпь же приѣха и седяще за столомъ нужею, посла *по* брата своего, по князя Ондрѣя Ивановича на потѣху къ собе; князь же Андрѣй приѣха к нему вскоре. Тогда же князь великою нужею выѣха со князем Андрѣемъ Ивановичемъ на поле съ собаками, и поѣздиша мало, токмо 2 версты от села, и возвратишася в Колпь. И седящу ему за столомъ з братомъ своимъ со княземъ Андрѣемъ Ивановичемъ, изнемогающи, и оттоле стола у него не бысть, но вкушаше мало на постели.

Князь же велики Василѣй Ивановичь нача к болѣзни своей призывати князя Михаила *Лвовича* Глиньского и доктаров своих, Николая Люева и Фефила; исперва же повѣле к болячке прикладывать муку пшеничную с медом прѣснымъ и лукъ печен, и от того болячка нача рдѣтися; он же нача болѣ прикладывати; и учинися на *болячкѣ* яко прыщь малъ, и появися в ней мало гною. Живе же князь велики в Колпѣ две недѣли.

Восхоте же князь велики ѣхати на Волокъ, но не можаше ѣхати на кони; и понесоша его на носилах дѣти боярские пѣши и *княжата* на собе. И приѣха князь велики на Волокъ.

А из болячкы же мало гною иссякаючи, верху же у нея нѣсть, рана же у нее аки утъкнуто, а не прибудеть, а не убываетъ. И повелѣ же князь велики прикладывати масть к болячке, и нача из болячки итти гною помалу и поелику болши, яко до полу таза и по тазу. И бысть же князь велики в скорби и в болѣзни велице, тогда же в грудех ему бысть тягость велика. И того ради *взяша* горшки тридневныя и сѣмянники, и с тово принесе ему на низ, а болѣзнь ему тяшка. И от того мѣста порушися ему ества, не нача ѣсти.

корки на ней нет, ни гною в ней нет, а сама багровая. И оттуда приехал князь великий в село Нахабное; из Нахабного же поехал с трудом, страдая от боли, в Покровское-Фуниково, и тут праздновал праздник Покрова святой богородицы, и оттуда поехал в свое село Покровское, находился там два дня, на третий же день с трудом приехал на Волок; это было в воскресенье после Покрова. И в тот же день был пир в честь великого князя у Ивана Юрьевича Шигоны, дворецкого тверского и волоцкого.

Утром же, в понедельник, князь великий с большим трудом дошел до бани, с большим трудом за столом сидел в спальных покоях.

Утром же, во вторник, была погода хорошая для государевой охоты, и послал он за ловчими своими: за Федором Михайловичем, сыном Нагова, да за Борисом Васильевичем, сыном Дятлова, да за Бобрищем-Пушкиным, и хотел охотиться несмотря ни на что. И поехал в село свое Колпь, страдая от боли, его охватившей; по дороге в это село охотились мало. Когда же приехал в Колпь, то, хотя и сидел за столом с трудом, послал за братом своим, за князем Андреем Ивановичем, звать его на охоту к себе; князь же Андрей скоро приехал к нему. Тогда князь великий с большим трудом выехал с князем Андреем Ивановичем на поле, с собаками; и поездили немного, отъехали только две версты от села и вернулись в Колпь. И когда сидел он за столом с братом своим, с князем Андреем Ивановичем, совсем не стало у него сил; и с тех пор стол ему не накрывали, но ел понемногу в постели.

И распорядился великий князь Василий Иванович позвать для лечения болезни своей князя Михаила Львовича Глинского и своих докторов — Николая Люева и Фефила, а для начала велел прикладывать к болячке муку пшеничную с пресным медом и печеный лук, и от этого болячка начала краснеть; он же еще больше начал прикладывать, и появился на болячке как будто небольшой прыщ, и появилось в ней немного гною. Жил князь великий в Колпи две недели.

Захотел князь великий ехать на Волок, но не мог ехать на коне, и понесли его на носилках пешком дети боярские и княжата. И приехал князь великий на Волок.

А из болячки гною мало сочилось, корки на ней не было, рана же была такой, как будто в нее что-то воткнуто: и не увеличивается она и не уменьшается. И велел князь великий прикладывать мазь к болячке, и начал из болячки идти гной, сначала немного, а потом больше: до полутаза и по целому тазу. И был князь великий в скорби и в болезни тяжелой, тогда и в груди у него была сильная тяжесть. Ради облегчения использовали горшки трехдневные и семянники, и от этого опустилась тяжесть вниз, но боль была мучительной. И с этого момента не принимал великий князь пищу, перестал он есть.

Тогда посла стряпчего своего Якова *Мансурова* и дияка своего введеного Григорья Никитина сына Меньшого Путятина к Москве тайно, по духовные грамоты дѣда своего и отца своего; а на Москве не повелѣ того сказать ни митрополиту, ни бояромъ. Яков же Мансуровъ и Меньшой Путятин приѣхаша с Москвы воскоре и привезоша духовные дѣда его и отца его великого князя Иоанна тайно, от всех людей и от великие княгини крыющеся, и от братьи своея, от князя Юрья и от князя Ондрѣя, и отъ *бояр* своихъ, и от князя Михаила Лвовича Глинского. До Москвы же князь велики доѣде, а то у него не вѣдал нихто, развее *Шигоны* и Меньшого Путятина.

Бысть же от пятницы в нощи противу Дмитреевы суботы знамение: *с* небеси спадша множество звѣздъ, яко велие градовые или дождевыя тучи проливахуся на землю; и виде то знамение с небеси множество людей на Москвѣ и на Волоце, и всея земли Руские области.

И тогда же в суботу противу Дмитреева дни, на 6-мъ часу нощи, *повѣле* к собѣ принести тайно Меньшому Путятину духовные грамоты, и пусти в думу къ собѣ и духовнымъ грамотам дворецкого своего тверскаго Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина. И нача мыслити князь велики, кого пустити в ту думу и приказати свой государевъ приказъ. А бояр тогда бысть на Волоце с великимъ княземъ: князь Дмитрей Федорович Белской, да князь Иван Васильевич Шуйской, да князь Михайло Лвовичъ Глинской, и дворецкие его — князь Иван Иванович Кубенской да князь Иван Юрьевич Шигона.

Тогда же приде к великому князю братъ его, князь Юрьи Иванович; князь же велики таяше от него болѣзнь свою. И мало у него пребысть, и отпусти его во свою вотчину, во Дмитров; он же не хотяше ѣхати, князь же велики отпусти его.

Тогда же пред чюдотворцовою памятью Варлама Хутынского, в нощи в той, много у него выде из болячки гною, яко болѣ таза выде из него гною, стержень болѣ полуторы пяди, но и еще не весь стержень выде из нее. Князь же великий о томъ возвеселися, чая болѣзни своея облехчания, и тогда посла к Москвѣ по гетмана своего по Яна. Ян же вскоре прииде и нача *прикладывати* к болячкѣ масть обычную; от Яновы же масти мало отокъ поляже.

Тогда же князь велики посла к Москвѣ по старца своего, по Мисаила по Сукина: болѣзнь же его тяшка бысть. И посла по боярина своего, по Михайла по Юрьевича. Старецъ же его Мисайло и бояринъ его Михайло Юрьевич вскорѣ к нему приѣхаша. И нача мыслити князь велики з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Дмитрѣй Федорович Бѣлской и князь *Иван* Васильевич Шуйской, и Михайло Юрьевич, да князь Михайло Лвовичъ Глинской, и дворецкие его: князь Иванъ Иванович Кубенской,

Тогда послал он тайно к Москве стряпчего своего Якова Мансурова и дьяка своего введенного Григория Никитина, сына Меньшого Путятина, за духовными грамотами деда своего и отца и запретил говорить об этом в Москве и митрополиту и боярам. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин скоро вернулись из Москвы и втайне привезли духовные грамоты деда его и отца его, великого князя Иоанна; скрывал это великий князь от всех людей: и от великой княгини, и от братьев своих, от князя Юрия и от князя Андрея, и от бояр своих, и от князя Михаила Львовича Глинского. Так и до Москвы князь великий доехал, и не знал об этом никто, кроме Шигоны и Меньшого Путятина.

В ночь же с пятницы на Дмитриевскую субботу было знамение: с неба падало множество звезд, как будто из больших туч град или дождь пролился на землю; и видело это небесное знамение множество людей и в Москве, и на Волоке, и по всей Русской земле.

И тогда же в субботу, накануне Дмитриева дня, в шестом часу ночи повелел Меньшому Путятину тайно принести духовные грамоты и допустил в думу к себе для совета о духовных грамотах дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина. И начал думать великий князь, кого допустить в эту думу и кому приказать свой государев приказ. А бояре тогда были с великим князем на Волоке такие: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михаил Львович Глинский, и дворецкие его — князь Иван Иванович Кубенский и князь Иван Юрьевич Шигона.

Тогда же пришел к великому князю брат его, князь Юрий Иванович; князь же великий скрывал от него свою болезнь. И недолго побыл у него, и отправил его великий князь в его вотчину, в Дмитров; он не хотел уезжать, но князь великий отправил его.

Тогда же, накануне дня памяти чудотворца Варлаама Хутынского, ночью, у великого князя много вышло гною из болячки — больше таза, и стержень вышел из нее — размером больше чем полторы пяди, но вышел стержень еще не весь. Князь великий повеселел, надеясь на облегчение своей болезни, и послал в Москву за гетманом своим Яном. Ян скоро приехал и начал прикладывать к болячке обычную мазь; от Яновой мази опухоль немного уменьшилась.

Потом князь великий послал в Москву за старцем своим, за Мисаилом Сукиным: болезнь его была тяжелой. И послал за боярином своим, за Михаилом Юрьевичем. Старец же его Мисаил и боярин его Михаил Юрьевич быстро к нему приехали. И начал держать совет великий князь с боярами; а тогда у него были бояре: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич, князь Михаил Львович Глинский, и дворецкие его: князь Иван Иванович Кубенский,

Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его: Григорѣй Меньшой Путятин и Елизаръ Цыплятев, Афонасѣй Курицын, Третьякъ Раков. И учалъ мыслити князь велики, какъ ему ѣхати к Москвѣ; и приговорил князь велики и з бояры ѣхати ему с Волока в Осифов монастырь ко Пречистыя молитися.

Тогда же князь велики поѣде с Волока в Осифов монастырь к Пречистые молитися, взя же заговейно во своемъ селе на Буе-городи, а брать его князь Ондрѣй Иванович с ним же.

Наутрия же приѣде в Осифов монастырь к Пречистые молитися, Иосифа игумена гробу поклонитися. И сретоша великого князя игумен з братиею и съ священники, и весь клиросъ церковный, во вратех монастыря, со образы и с кандилы.

Князь же велики, егда приѣде ис Колпи на Волок, и с Волока в Осифов монастырь, в каптанѣ, и не исхожаше от постели ни мало, пребываше на постѣли; обращаху его со страны на страну, понеже изнеможоть от зелныя болѣзни, и брашна мало вкушаше. И егда же поѣде с Волока в Осифов монастырь, и бысть у него в каптанѣ князь Дмитрѣй Иванович Шкурлятев да князь Дмитрей Федорович Палецкой, того ради, что обращаху его ѣдучи.

Егда же приеде в Осифов монастырь, и какъ его встрѣтил игумен з братьею, и тогда великого князя взяша два под руки, князь Дмитрѣй Шкурлятев да князь Дмитрѣй *Палецкой,* и поидоша ко храму Пречистые. И егда во церкве дьякон начать октенью творити за государя великого князя, и не можаху во слезах проглаголати; а игумен и братия горце плачюще и просяще милости господа бога и пречистые его матѐре; великая же княгиня и с дѣтьми туто же стояху, плакахуся горце у пречистые богородици о государеве здравии; бояре же и вси людие плачюще и моляще бога о государе.

Князь же велики выде из церкве и возлег на одрѣ, не можаше бо сидѣти, от зельныя болѣзни изнемогша. И начаша божественую литоргию. Князь же велики на одрѣ лежаше в паперти церковной.

По отпущении же божественыя литургия несоша великого князя в кѣлию; игумен же моли государя, чтобы вкусил брашна; князь же велики нужею вкуси брашна. Тогда князь велики посла брата своего князя Ондрѣя Ивановича з бояры своими во трапезу сѣсти. И начева князь велики в Осифовѣ манастырѣ.

Наутрия же князь велики поѣде к Москве, а брата своего князя Андрѣя отпустил въ его удѣл; а великого князя повезоша в каптанѣ; а у великого князя сидѣли князь Дмитрей Шкурлятев, да князь Дмитрѣй Палѣцкой; станы же великого князя часты.

И нача ѣдучи думати з бояры, чтобы ему въехати во град Москву не явно, понеже бо тогда на Москвѣ многие людие иноземцы и послы.

Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его: Григорий Меньшой Путятин, Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Третьяк Раков. И начал думать князь великий, как ему ехать к Москве; и решил князь великий с боярами: ехать ему из Волока в Иосифов монастырь к Пречистой молиться.

И тогда поехал князь великий из Волока в Иосифов монастырь к Пречистой молиться, заговенье начал в своем селе, на Буегороде, и брат его Андрей Иванович был с ним.

Рано утром приехал в Иосифов монастырь к Пречистой молиться, Иосифа-игумена гробу поклониться. И встретили великого князя в воротах монастыря с иконами и кадилами игумен с братией, и со священниками, и со всем клиросом церковным.

Князь же великий из Колпи на Волок, а из Волока в Иосифов монастырь ехал в повозке и совсем не вставал с постели, все время лежал; и поворачивали его с одной стороны на другую, ибо обессилел он от тяжелой болезни, да и ел мало. И когда ехал из Волока в Иосифов монастырь, с ним вместе в повозке ехали князь Дмитрий Иванович Шкурлятев и князь Дмитрий Федорович Палецкий, чтобы переворачивать его во время пути.

Когда же приехал в Иосифов монастырь и встретил его игумен с братьею, тогда великого князя взяли под руки двое — князь Дмитрий Шкурлятев и князь Дмитрий Палецкий, и пошли к храму пречистой Богородицы. И когда в церкви дьякон начал ектенью творить за государя великого князя — не могли от слез говорить; игумен и братия горько плакали и милости просили у господа бога и пречистой его матери; великая же княгиня с детьми тут же стояла, и плакали они горько, моля пречистую богородицу о государевом здоровье; бояре же и все люди плакали и молили бога о государе.

Князь же великий вышел из церкви и лег на одр: не мог он сидеть, обессилев от тяжелой болезни. И начали божественную литургию. Князь же великий на одре лежал на паперти церковной.

По окончании божественной литургии отнесли великого князя в келью; игумен уговаривал государя отведать угощения; князь же великий через силу отведал чуть-чуть. Затем князь великий послал брата своего, князя Андрея Ивановича, и своих бояр сесть за трапезу. И ночевал князь великий в Иосифове монастыре.

Утром же князь великий поехал в Москву, а брата своего, князя Андрея, отпустил в его удел; и повезли великого князя в повозке; сидели у великого князя князь Дмитрий Шкурлятев и князь Дмитрий Палецкий; остановки же великого князя были частыми.

И начал в пути совещаться с боярами о том, что надо ему въехать в город Москву незаметно, так как было тогда в Москве много иноземцев и послов.

И приде князь велики на Введение Пречистые во свое село в Воробьево, и бысть в Воробьеве два дня, от болѣзни зелнѣй стражюща и изнемогающа.

Тогда же приѣде к великому князю отець его Данил в Воробьеве митрополитъ посетити его, а с нимъ владыка Васьянъ коломенской, и Дософѣй, владыка крутицкой, и архимандриты, и бояря великого князя, которые были на Москвѣ: князь Иван Васильевичь Шуйской, Михайло Семѣнович Воронцовъ и казначей Петръ Иванович Головин, и иные многие дѣти боярские, которые с великим княземъ не были на Волоце. Много же тогды бысть во всех людех слез и рыдания, видяще такова государя в немощи лежаща. Князь же велики повеле на Москвѣ на реце мостъ мостити под Воробьевым, против Нового монастыря, понеже бо тогда река еще не крѣпко стала. И просекаху лед, столбы бияху, и мость намостиша. А тогда бысть городовой прикащикъ Дмитрѣй Волынской да Олексѣй Хозниковъ и иные.

На утрий же день, в недѣлю, поѣде князь велики во славный град Москву. Как приѣде на мостъ, на новой мощенный, тогда же у великого князя у каптаны в оглоблех впряженныи 4 санники вороны, и как санники на мостъ восхожаху, тогда мостъ обломися, каптану же великого князя дѣти боярские удержаху, а у санников гужи обрѣзаху. И оттуду же князь велики возвратися и покручинися на городцкихъ прикащиков, а опалы на них не положил. Поѣде князь велики *на пором под Дорогомиловым, и вьеде* во славный свой градъ Москву в ворота Боровицкие, и внесоша его во постельные хоромы. Того же дни приѣде к великому князю братъ его князь Ондрѣй Иванович.

И нача князь велики думати з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Василѣй Васильевич Шуйской, Михайло Юрьевич, Михайло Семенович Воронцов, и казначѣй Петръ Иванович Головинъ, и дворѣцкой его тверский Иван Юрьевичь Шигона, и дьякъ его Меншой Путятин, Федор Мишюрин. Призва къ собѣ и начатъ князь велики говорити о своемъ сыну о князе Иване, и о своемъ великомъ княжении, и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его млад, токмо трех лѣтъ, на четвертой, и како строитися царству послѣ его.

И тогда князь велики приказа писати духовную свою грамоту дьяку своему Григорью Никитину Меншому Путятину, и у него велѣл быти в товарыщех дьяку же своему Федору Мишюрину. Тогда же князь велики прибави къ собѣ в думу к духовной грамоте бояр своихъ: князя Ивана Васильевича Шюйского, да князя Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Львовича Глинского, прибавил потому, поговоря з бояры, что ему в родствѣ по жене его, по великой княине Елене. И тогда же приеде к великому князю братъ его князь Юрьи Иванович вскорѣ на Москву.

И приехал князь великий в свое село Воробьево на праздник Введения пречистой, и был в Воробьеве два дня, тяжко страдая от болезни и теряя последние силы.

Тогда приехал к великому князю в Воробьево навестить его отец его — Даниил-митрополит, а с ним владыка Вассиан Коломенский и Дософей, владыка крутицкий, и архимандриты, и бояре великого князя, которые были в Москве: князь Иван Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин, и многие другие дети боярские, которые не были с великим князем на Волоке. Все люди плакали и рыдали, видя великого государя, лежащего в немощи. Князь же великий повелел на Москве-реке у Воробьева, напротив Нового монастыря, мост мостить, ибо река тогда еще не крепко стала. И продолбили лед, и вбили столбы, и мост намостили. А городовыми приказчиками тогда были Дмитрий Волынский и Алексей Хозников и другие.

И утром на другой день, в воскресенье, поехал князь великий в славный город Москву. Как въехал он на мост, вновь наведенный (тогда у великого князя в повозке в оглоблях были впряжены четыре коня вороных), и как кони на мост вступили, тогда мост обломился, повозку же великого князя дети боярские удержали, а гужи у коней обрезали. И вернулся оттуда князь великий, досадуя на городовых приказчиков, но опалы на них не положил. Поехал князь великий на паром под Дорогомилово и въехал в славный свой город Москву через Боровицкие ворота, и внесли его в спальные покои. В тот же день приехал к великому князю брат его князь Андрей Иванович.

И стал князь великий держать совет с боярами, а бояре у него тогда были: князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Юрьевич, Михаил Семенович Воронцов, казначей Петр Иванович Головин, и дворецкий его тверской Иван Юрьевич Шигона, и дьяк его Меньшой Путятин, и Федор Мишурин. И призвал их к себе великий князь и стал говорить о своем сыне, о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, и о том, как управлять царством после него, ибо сын его мал, только трех лет, на четвертый пошло.

И тогда князь великий приказал писать духовную свою грамоту дьяку своему Григорию Никитичу Меньшому Путятину, а в товарищах у него велел быть дьяку своему Федору Мишурину. Тогда же князь великий добавил к себе в думу для совета о духовной грамоте своих бояр — князя Ивана Васильевича Шуйского и князя Михаила Васильевича Тучкова; и князя Михаила Львовича Глинского прибавил, поговоря с боярами, потому что он в родстве с ним через жену свою, великую княгиню Елену. И тогда же вскоре приехал в Москву к великому князю брат его князь Юрий Иванович.

И нача же с тѣми бояры думати князь велики и приказывать о своемъ сыну великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своемъ сыну князи Юрьи Васильевичѣ, и о своей духовной грамотѣ.

И нача же думати со отцемъ своимъ митрополитомъ Даниломъ, и со владыкою коломенскимъ Васияномъ, и *старцомъ* своимъ Мисаиломъ *Сукинымъ,* и со отцемъ своимъ духовнымъ Алексѣемъ протопопомъ, чтобы ему во иноческий образ облещися, понеже бо давно мысль его предлежаше в чернечество. И еще же бѣ на Волоце, князь велики приказал старцу своему Мисаилу Сукину да отцу своему духовному Алексѣю: «Чтобы есте того не учинили, старец Мисайло, протопопъ Алексѣй, что вамъ мене в беломъ платьи положити; хоти бы яз и здоров быль, но мысль моя и желание сердечно предлежить в чернечество». А на Волоце же князь великий старцу своему Мисаилу повелѣ собѣ платие приготовити чернечское. Еще же ему на пути ѣдучи к Москвѣ, и призва къ собе дворецкого своего тверскаго Ивана Юрьевича Шигону да дьяка своего Меньшого Путятина, и нача имъ мысль приказывати о чернечествѣ его, не положили бы в бѣлом платии.

И повелѣ князь велики тайно служити у Благовещения в приделѣ *в* Васильи в Великомъ благовѣщенскому попу Григорью, а на обѣдни *туто* были владыка коломенский Васьян, да Мисайло Сукин, да протопоп Алексѣй; и нес к великому князю дары владыка коломенский Васиян да Мисайло Сукинъ.

В среду же князь великий, противу четвергу, тайно масломъ священся, а *туто* бысть владыка коломенский Васиянъ, да Мисайло Сукин, да протопоп Алексѣй, да поп Григорѣй благовѣщенской, а не вѣдал того нихто.

И против недѣли перед Николиным днемъ, в нощи, явственно свящался масломъ и повѣле служити в недѣлю у Рожества святые богородици отцу своему духовному Алѣксѣю протопопу да благовѣщенскому попу Григорью; и нес к великому князю дары Алексѣй протопопъ, а попъ Григорѣй — дору. Дивно же есть: сѣй дотоле не можаше обратитися со страны, на ней же лежаше, но обращаху его, и повѣле собе сказати, какъ дары понесутъ, а собѣ повелѣ принести крѣсла к постели; и воста самъ, мало же его приня Михайло Юрьевич, сѣде князь велики в кресле, и принес к нему протопопъ Алексѣй святыя дары. Он же воста самъ на ноги своя и приимъ честныя дары честно и прослъзися, *дору* же и пречистыя хлебъ мало announcementземъ, и укропу же, и кутьи, и просфиры мало вкуси, и возлеже на постѣлю.

И призва отца своего Данила митрополита и братию свою, князя Юрья Ивановича и князя Андрѣя Ивановича, и бояръ своих всех, бѣ бо тогда мнози бояре съѣхашася и-своих отчинъ, слышав государеву немощь. Князь же вѣлики Василѣй Иванович нача

И начал с этими боярами совещаться князь великий и наказы давать: и о сыне своем великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своем сыне князе Юрии Васильевиче, и о своей духовной грамоте.

И начал совещаться великий князь с отцом своим, митрополитом Даниилом, и с владыкою коломенским Вассианом, и со старцем своим Мисаилом Сукиным, и с отцом своим духовным Алексеем-протопопом о том, чтобы принять ему иноческий сан, ибо давно уже думал он о монашестве. И, когда еще был на Волоке, князь великий приказал старцу своему Мисаилу Сукину и отцу своему духовному Алексею: «Смотрите, старец Мисаил и протопоп Алексей, чтобы не случилось так, что вам меня в мирском платье придется в гроб положить. Даже если бы я был здоров, то и тогда сокровенное мое помышление и желание — постричься в иноки». И на Волоке уже князь великий велел старцу своему Мисаилу приготовить для него платье монашеское. Когда же он ехал к Москве, то по дороге призвал к себе дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина, и начал им свой завет наказывать — о пострижении его, чтобы не положили его в гроб в мирском платье.

И велел князь великий тайно служить в церкви Благовещенья, в приделе Василия Великого, благовещенскому попу Григорию; а на обедне тут были: владыка коломенский Вассиан, и Мисаил Сукин, и протопоп Алексей, и несли к великому князю дары владыка коломенский Вассиан и Мисаил Сукин.

В среду же, перед четвергом, князь великий тайно маслом освящался, и были тут владыка коломенский Вассиан, и Мисаил Сукин, и протопоп Алексей, и благовещенский поп Григорий; и не знал об этом никто.

И накануне воскресенья перед Николиным днем освящался маслом, уже не скрываясь, и велел служить в воскресенье в церкви Рождества святой богородицы отцу своему духовному Алексею-протопопу и благовещенскому попу Григорию; и нес Алексей-протопоп великому князю святые дары, а поп Григорий — дору. Вот как удивительно: до этого времени он не мог сам повернуться с той стороны, на которой лежал, но переворачивали его; а теперь велел, чтобы сказали ему, когда дары понесут, и себе велел принести кресло к постели; и поднялся сам князь великий (слегка поддержал его Михаил Юрьевич), сел в кресло, и принес к нему протопоп Алексей святые дары. Он же встал сам на ноги свои, и принял честные дары с честию, и прослезился; дору же и священного хлеба взял немного, и сладкой воды, и кутьи, и просфиры немного отведал, и лег в постель.

И призвал отца своего Даниила-митрополита, и братьев своих, князя Юрия Ивановича и князя Андрея Ивановича, и бояр своих всех (ведь тогда многие бояре съехались в Москву из своих вотчин, услышав о болезни государя). И стал говорить

говорити отцу своему Данилу митрополиту и *братии* своей, князю Юрью и князю Андрѣю, и бояромъ всѣмъ: «Приказываю своего сына Иоанна богу и пречистые богородицы, святымъ чюдотворцамъ, и тебе, отцу своему Данилу митрополиту всѣя Руси, даю ему свое государьство, которым мене благословил отець мой, князь Иванъ Васильевич всеа Руси. Вы бы, моя братия, князь Юрьи, князь Ондрѣй, стояли крѣпко во своемъ слове, на чом есмя крестъ цѣловали и крѣпости промѣжи нами, и вы бы, братия моя, о земскомъ строении, о ратных дѣлех против недругов сына моего и своих стояли вопче, чтобы была православных хрестиян рука высока над бесерменскими и латынскими. А вы бы, бояре и боярские дѣти, и *княжата*, стояли вопче с моимъ сыномъ и моею братиею противъ недругов, а служили бы есте моему сыну, как есте мнѣ служили прямо».

Тогда же отпусти от себя митрополита и братию свою, а оставил у себя бояр своих всех: князя Дмитрѣя Федоровича Бѣлского з братиею, и Шюйских князей, Горбатых и Поплевиных, и князя Михаила Лвовича Глинского, и нача говорити своимъ бояромъ: «Вѣдаете и сами, кое от вѣликого князя Володимера Киевского ведетца наше государьство Владимерское и Новгородское и Московское. Мы вамъ государи прироженныя, а вы наши извечные бояре. И вы, брате, постойте крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государьстве государь и чтоб была в землѣ правда. Да приказываю вамъ своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Бѣлского с братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по женѣ моей мнѣ племя, чтобы есте были вопчѣ, дѣла бы есте дѣлали заодин. А вы бы, мои сестричичи, князь Дмитрѣй з братьею, о ратных дѣлех и о земскомъ строение стояли заодин, а сыну бы есте моему служили прямо. А ты бъ, князь Михайло Глинской, за моего сына князя Иванна, и за мою великую княгиню Елѣну, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиял и тѣло свое на раздробление дал».

Князь же велики велми скорбяше и изнемогоше, болѣзни же своей не чюяше, а раны у него не прибываше, но токмо духъ от нея тяжекъ, идущю же из нея нежид смертный.

И призва тогда князя Михаила Глинского, да Михаила Юрьевича, и докторов своих Николая Люева да Фефила, чтоб прикладывати к болячкѣ масть или бы нѣчто пустити в рану, чтобы от нѣя духу не было. И нача ему говорити боярин его, Михайло Юрьевич, тѣшачи государя: «Государь князь великий, чтобъ водка нарядити и в рану пущати и выжимати, ино, государь, видечи такова тя государя истомна, чтобы, государь, спустити *з день* или з два, что было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегчание, ино бы тогда вотка пустити». Князь же великий призва Николая и нача

князь великий Василий Иванович отцу своему Даниилу-митрополиту и братьям своим, князю Юрию и князю Андрею, и всем боярам: «Вверяю сына своего Иоанна богу и пречистой богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу моему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым благословил меня отец мой, князь всея Руси Иван Васильевич. Вы, мои братья, князь Юрий, князь Андрей, крепко держите свое слово, соблюдать которое вы клятвенно крест целовали, и договоры наши храните; и вы, братья моя, в государственных делах, в военных походах против недругов сына моего и своих держитесь вместе, чтобы была победа православных христиан над басурманами и латинянами. А вы, бояре и боярские дети и княжата, стойте вместе с моим сыном и братьями против недругов и служите сыну моему так преданно, как и мне служили».

Затем отпустил великий князь от себя митрополита и братьев своих, и оставил у себя всех своих бояр: князя Дмитрия Федоровича Бельского с братьями, и Шуйских князей, Горбатых и Поплевиных, и князя Михаила Львовича Глинского, и стал говорить им: «Знаете вы и сами, что от великого князя Владимира Киевского происходит наше государство Владимирское, Новгородское и Московское. Мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре. И вы, братья, стойте на том крепко, чтобы мой сын стал государем в своем государстве, и чтобы торжествовала в Русской земле правда. Да вверяю вам своих родственников — князя Дмитрия Федоровича Бельского с братьями и князя Михаила Львовича Глинского (ведь князь Михаил по жене моей мне родственник), чтобы были вы все вместе, все дела делали бы заодно. А вы, мои родственники, князь Дмитрий с братьями, в военных походах и в государственных делах стояли бы заодно и сыну моему преданно бы служили. А ты, князь Михаил Глинский, за моего сына князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрия кровь свою пролил бы и тело бы свое на раздробление дал».

Князь великий очень страдал от болезни и так изнемог, что и боль чувствовать перестал; рана его не увеличивалась, но только запах от нее шел тяжелый, сочилась из нее липкая жидкость, как из мертвого.

И призвал он тогда князя Михаила Глинского и Михаила Юрьевича, и докторов своих Николая Люева и Фефила, чтобы начали прикладывать к болячке мазь или чтобы пустили лекарство в рану, чтобы запаха от нее не было. И стал советовать ему боярин его Михаил Юрьевич, утешая государя: «Государь князь великий! Хорошо бы настой приготовить и в рану пускать и рану промывать, а то, государь, тяжело тебя видеть таким измученным; хорошо бы, государь, попускать так день или два, чтобы было, государь, хоть небольшое облегчение твоей болезни; надо бы настой пустить». Князь же великий призвал Николая и стал

ему говорити: «Брате Миколае, пришел еси из своея земля ко мнѣ, а видел еси мое велико жалованье к собѣ; мощно ли тобѣ, чтобъ облехчение было болѣзни моей?» И глагола Миколай: «Государь, князь велики! Яз, государь, был во своей земли, слышав твое государево великое жалование и ласку, и я, государь, оставил отца и матерь и землю свою и приѣхал до тебя, государя, и видѣл, государь, твое государево великое жалование до собя, и хлѣбъ, и соль. А мошно ли мнѣ мертваго жива сотворити, занеже, государь, мнѣ богомъ не быти!» Князь же великий обратися и нача говорити дѣтемъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: «Братие, Николай надо мною познал, что яз не вашь». Стряпчие же и дети боярские при немъ заплакаху горко, помалу его для, а вышед вон — горко плакаху и рыдаху, и быша яко мертви, видяще государя при конце.

И противу недѣли тоя нощи, коли причастися пречестныхъ тайнъ, и утѣшися мало, и нача, аки во сновидѣнии, пѣти: «Алиллуиа, алиллуиа, а слава тебѣ, боже!» И потомъ, пробудився, начатъ говорити: «Како господеви годѣ, тако и бысть; буди имя господне благословено отнынѣ и до вѣка».

И приказа же князь великий со вторника к средѣ декабря въ 3 день, пред Николинымъ днемъ, и повѣле отцу своему духовному Алексѣю протопопу собѣ держати служебныя дары у Благовѣщения. И тогда же прииде игумен троицкый Асафъ, и рече ему князь велики: «Помолися, отче, о земскомъ строении, о сыне моемъ Иване, и о моемъ согрешении; дал богъ и великий чюдотворецъ Сергий мнѣ вашимъ молѣниемъ и прошениемъ сына Ивана, и аз крестил его у чюдотворца, и дал есми его чюдотворцу, и на *раку* чюдотворцову положил его, и вамъ, отче, своего сына на руки дал; и вы молите бога и пречистую его матерь и великих чюдотворцов о Иванне, о сыне, и о моей жене, горчице; да чтоб еси, игумен, прочь не ѣздил, ни из города вон не выезжал».

В среду же прииде к нему отецъ его духовный Алексѣй протопоп и принес к нему святыя дары. Князь же великий не можаше с постеля востати, но под плечи подняху его, и причастися святыхъ тайн, и по причащении мало звару вкуси. Призва къ собѣ бояр своих, князя Василья и князя Иванна Васильевичи Шуйских, и Михаила Воронцова, Михаила Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Петра Головина, дьяков своих: Меньшово Путятина, Федора Мишурина, и быша у него тогда бояря от третьяго часа и до седмого; и приказавъ имъ о своемъ сыну великомъ князе Иване Васильевичи, и о устроенье земскомъ, како бы правити послѣ его государьства. И поидоша от него бояре, а у него оста Михайло Юрьев, да князь Михайло Глинской, да Шигона, и быша у него до самые нощи. И приказав о своей великой княгине Елѣне, како ей без него быти и какъ к ней бояромъ ходити, и о всѣмъ имъ *приказа,* как без него царству строитися.

ему говорить: «Брат Николай! Ты пришел из своей земли служить мне и видел мое великое тебе пожалованье. Можешь ли ты облегчить болезнь мою?» И ответил Николай: «Государь князь великий! Я, государь, был в своей земле, слышал про твое, великого государя, пожалованье и ласку, и я, государь, оставил отца и мать и землю свою, и приехал к тебе, государю, служить, и видел, государь, твое государево великое пожалованье мне, и хлеб, и соль. Но разве можно мне мертвого сделать живым? Ведь я не бог!» Князь великий повернулся и сказал детям боярским и своим слугам: «Братия, Николай уже понял, что я не ваш». Слуги и дети боярские заплакали горько, при нем — сдерживаясь, так как оберегали его, а выйдя вон, горько плакали и рыдали и сами были как мертвые, видя государя при смерти.

И вечером накануне воскресенья, после того как причастился он святых тайн и успокоился немного, начал великий князь молиться, а сам был как будто в забытьи: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» А потом — очнувшись — начал говорить: «Как господу угодно, так и совершается; да будет имя господне благословенно отныне и до скончания века!»

И приказал князь великий в ночь со вторника на среду перед Николиным днем, 3 декабря, отцу своему духовному Алексею-протопопу держать наготове святые дары в церкви Благовещенья. И тогда же пришел игумен троицкий Иоасаф, и сказал ему князь великий: «Помолись, отче, об устройстве государственных дел, и о сыне моем Иване, и о моих грехах; дал мне бог и великий чудотворец Сергий — вашими молитвами и просьбами — сына Ивана, и я крестил его в монастыре у чудотворца, и вручил его чудотворцу, и на раку чудотворца положил его, и вам, отче, своего сына на руки дал, и вы молите бога и пречистую его мать и великих чудотворцев об Иване-сыне и о моей жене-горюше. Да чтобы ты, игумен, прочь не вздумал уехать и из города вон не выезжал!»

В среду пришел к нему отец его духовный Алексей-протопоп и принес к нему святые дары. Князь великий не мог с постели подняться, но за плечи приподняли его, и причастился он святых тайн; и после причастия немного взвару выпил. Призвал к себе бояр своих — князя Василья и князя Ивана Васильевича Шуйских, Михаила Воронцова, Михаила Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Петра Головина, дьяков своих — Меньшого Путятина, Федора Мишурина,— и были у него тогда бояре с третьего часа до седьмого. И дал им наказ о своем сыне, великом князе Иване Васильевиче, и об устроении дел государственных, о том, как править после его царствования. И ушли от него бояре, а у него остались Михаил Юрьев, князь Михаил Глинский и Шигона и были у него до самой ночи. И дал им наказ о своей великой княгине Елене, как ей без него жить и как боярам к ней ходить, и обо всем им наказал, как без него царству быть.

И тогда приидоша к нему братия его, князь Юрьи и князь Андрѣй, и начаша его притужати, чтобъ нѣчто мало вкусил. Князь же вѣлики вкуси единыя миндальныя каши мало, токъмо ко устомъ принесе; и поидоша от него братия. И повѣле къ собѣ воротить брата своего князя Ондрѣя. Тогда же бысть у него Михайло Юрьев, князь Михайло Глинской, Шигона, нача имъ говорити князь велики: «Вижю самъ, что животъ мой къ смерти приближаетца; хочю послати по сына своего Иванна, и хочю его благословити крестомъ Петра чюдотворца; и хочю послати по жену свою, по великую княгиню Елѣну, и хочю простится с нею». О сѣй же рѣчи возвратися князь велики: «Не хочю послати по сына своего великого князя Иванна, понеже сынъ мой мал, аз лежю в великой своей немощи, и нѣчто бы от меня не дрогнул сынъ мой». Князь же Андрѣй и бояре начаша говорити великому князю и притужати: «Государь князь великий! Пошли по сына своего по князя Иванна, благослови его. И пошли, государь, по вѣликую княгиню».

Тогда же князь велики посла *по* великую княгиню брата своево князя Ондрѣя да князя Михаила Глинского, а наперѣд великия княгини повелѣ принести сына своего князя Иванна, плача для великие княгини, а сам на собя *постави* крестъ Петра чюдотворца. А тогда бысть у него Михайло Юрьев, да Шигона, да стряпчих его бысть в то время: Иванъ Иванович Челядинъ, да шюрин его князь Юрьи Глинской. И принесоша к великому князю сына его на руках князя Иванна шюрин его князь Иван Глинской, а за нимъ придѣ баба его Огрофѣна, Васильева жена Ондрѣевича. Князь же великий снемъ съ собя крестъ Петра чюдотворца, и приложил ко кресту сына своего, и благословилъ его крестомъ, и рече ему: «Буди на тобе милость божия и пречистыя богородици, и благословение Петра чюдотворца, какъ благословил Петръ чюдотворецъ прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича, и до нынѣ; и буди на тебѣ благословение Петра чюдотворца и на твоих детех и на внучатех, от рода в род; и буди на тобѣ мое грѣшное благословение, и на *твоих* детех и внучатех, от рода в род». И *приказа* же тогда князь велики Огрофѣне: «Чтоб еси, Огрофѣна, от сына моего от Ивана пяди не отступала!» И отпусти сына своего великого князя Иванна.

Тогда же приде к нему великая княгиня Елѣна, едва же держаху ее братъ его князь Ондрѣй Иванович, а з другую сторону боярыни Елѣна, Иванова жена Ондрѣевича Челядина. Биюще же ся, вѣликая княгини, и плаче ся горко, слезы же ея непрестанно текущи от очию ея, яко источникъ вѣлий зело. Много же бысть слезъ, плача и рыдания во всех людех. Князь же велики тѣши еа, глаголаше ей: «Жено, престани, не плачися! Болѣзнь ми есть лехче, не болитъ ми ничто, благодарю бога», понеже бо князь велики не чюяше собя. И на мал час уняв ея князь велики, и предста от слез великая княгини. И начатъ говорити

И затем пришли к нему братья его, князь Юрий и князь Андрей, и начали его уговаривать, чтобы хоть немного поел; князь же великий одной миндальной каши отведал чуть-чуть, только к устам поднес; и ушли от него братья. И велел он вернуть к себе брата своего князя Андрея. А тогда были у него Михаил Юрьев, князь Михаил Глинский, Шигона, и начал им говорить князь великий: «Вижу сам, что смерть моя приближается, хочу послать за сыном своим Иваном: хочу благословить его крестом Петра-чудотворца; и хочу послать за женой своей великой княгиней Еленой: хочу проститься с нею». И вновь заговорил об этом великий князь: «Не хочу посылать за сыном своим, великим князем Иваном: мал мой сын, а я лежу в великой немощи, как бы не напугался сын мой, увидев меня». Князь Андрей и бояре начали говорить великому князю, уговаривать его: «Государь князь великий, пошли за сыном своим, князем Иваном, благослови его. И пошли, государь, за великой княгиней».

Тогда князь великий послал за великой княгиней брата своего князя Андрея и князя Михаила Глинского, а сына своего князя Ивана велел принести до прихода великой княгини, опасаясь ее плача; а сам на груди держал крест Петра-чудотворца. Тогда были у него Михаил Юрьев и Шигона, и стряпчие его были в то время: Иван Иванович Челядин и шурин его князь Юрий Глинский. И принесли к великому князю сына его, князя Ивана, принес на руках шурин его князь Иван Глинский, а за ним пришла и няня его Аграфена, жена Василия Андреевича. Князь же великий снял с себя крест Петра-чудотворца, и приложил крест к сыну своему, и благословил его крестом, и сказал ему: «Пусть будет на тебе милость божия и пречистой богородицы и благословение Петра-чудотворца, которым он благословил прародителя нашего, великого князя Ивана Даниловича, и доныне пребывает благословение это, и пусть будет благословение Петра-чудотворца на тебе, на твоих детях и на внучатах, из рода в род, и пусть будет на тебе мое, грешного, благословение, и на твоих детях, и внучатах, из рода в род». И приказал затем князь великий Аграфене: «Чтобы ты, Аграфена, от сына моего Ивана ни на пядь не отходила!» И отпустил сына своего, великого князя Ивана.

Затем пришла к нему великая княгиня Елена, едва удерживали ее брат его князь Андрей Иванович, а с другой стороны — боярыня Елена, жена Ивана Андреевича Челядина. Великая княгиня билась и горько плакала, а слезы так и текли из ее глаз непрестанно, как из многоводного источника. Много тогда было слез, все люди плакали и рыдали. Князь же великий утешал ее, говоря ей: «Жена, перестань, не плачь! Мне легче стало, не болит у меня ничего, благодарю бога», ведь князь великий уже не чувствовал себя. И на короткое время успокоил ее князь великий, и перестала плакать великая княгиня. И стала говорить

великая княгини: «Государь князь велики! На кого меня оставляеш, и кому, государь, дѣти приказываеш»? Князь же велики отвещав, рече: «Благословил есми сына своего Ивана государьством — великим княжениемъ, а тобѣ есми написал въ духовной своей грамотѣ, какъ в прежних духовных грамотех отець наших и прародителѣй, по достоянию, как прежнимъ великимъ княгинямъ». И нача великая княгини бити челомъ о сыне о князе Юрьи, чтоб его благословил. И посла князь велики по сына по князи Юрья, и принесоша князя Юрья, ещо бо князь Юрьи мал бѣ, единого году. И благословил его князь велики, и дасть ему крестъ *паисиской,* и приказа отнести тот крестъ по преставлении своемъ боярину своему Михаилу Юрьевичу, а во отчине тако же отвечал: «Приказал есми в духовной грамотѣ, написал по достоянию». Тогда же великая княгини не хотяше итти от него, но отсла ея князь велики; и простися с нею князь велики, и отдасть ей послѣднее свое целованье. Жалосно же бѣ тогда видѣти, слез, рыдание исполнено в то время.

И тогда князь велики посла по владыку по Васьяна и по старца по Мисаила по Сукина, и повелѣ ему платие принести чернеческое, и в то время попыта игумена кириловского, на то, понеже мысль его была преже того постричися у Пречистой в Кирилове монастыре. И сказаша ему, что игумена кириловского на Москвѣ нетъ. И тогда посла по игумена по троицкого по Ясафа; Мисайло же пришед к нему и принес платие черное.

Приде же к нему Данил митрополитъ, и братъ его князь Юрьи, и князь Андрѣй, и бояре всѣ, и дѣти боярские. И нача ему говорити митрополитъ и владыка Васиян, чтобъ князь велики послал по Пречистые образ болший чюдотворѣнные Владимирские, еже Лука еуаггелистъ написа, и по Николу, чюдотворца Гостуньского. Князь же велики посла по Пречистые образ и по Николу, и принесоша Пречистые образ и Николу чюдотворца вскорѣ. И призва къ собе дворецкого своего тверского Ивана Юрьевича Шигону, и посла его ко отцу своему духовному Алексѣю протопопу, и повѣле ему принести къ собѣ дары изъ церкве запасные, и повелѣ его бы пытати, во обычай ему то дело, егда же разлучается душа от тѣла. Протопоп же отвеща, егда мало того бывало. И повелѣ ему внити в комнату з дароношениемъ, и повѣле ему стати противу собя, и повѣле стряпчему своему Федору Кучецкому *стати* с протопопомъ поряду, занеже бо Федець виде, когда представление его отца великого князя Ивана. И тогда повелѣ дьяку своему *крестовому* Данилку пѣти канон̣ великия мученици Екатерины и канун на исход души, и отходную повелѣ собѣ говорити. И какъ начал канон пѣти, и забывся мало и прочхнувся отъ сна, и нача говорити, какъ началъ канунъ пѣти, аки видѣние виде:

великая княгиня: «Государь князь великий! На кого ты меня оставляешь и кому, государь, детей поручаешь?» Князь же великий — отвечая — сказал: «Я благословил сына своего Ивана государством — великим княжением, и тебе написал в своей духовной грамоте так, как писалось в прежних духовных грамотах отцов наших и прародителей, по обычаю, как и прежним великим княгиням». И стала великая княгиня бить челом о сыне — о князе Юрии, чтобы его великий князь благословил. И послал великий князь за сыном — князем Юрием, и принесли князя Юрия, еще ведь мал был князь Юрий, был ему один год. И благословил его князь великий, и дал ему крест паисиевский, и приказал боярину своему Михаилу Юрьевичу передать тот крест сыну после смерти своей, а о наследстве ему также сказал: «Завещал ему в духовной грамоте, написал по обычаю». Великая княгиня не хотела уходить от него, но князь великий отослал ее; и простился с ней князь великий, и поцеловал ее в последний раз. Жалостно это было видеть, слез и рыдания много было тогда.

И затем князь великий послал за владыкой Вассианом и за старцем Мисалом Сукиным, и велел ему принести платье монашеское, и спросил про игумена кирилловского, ибо прежде еще думал он постричься в иноки у Пречистой в Кириллове монастыре. И сказали ему, что кирилловского игумена нет в Москве. И тогда послал он за игуменом троицким Иоасафом; Мисаил же пришел к нему и принес черное платье.

Пришел к нему и Даниил-митрополит, и брат его князь Юрий, и князь Андрей, и бояре все, и дети боярские. И начали ему говорить митрополит и владыка Вассиан, чтобы князь великий послал за большим чудотворным образом пречистой Богородицы Владимирской, написанным евангелистом Лукой, и за образом Николы, чудотворца Гостунского. Князь великий послал за образом Пречистой и за образом Николы, и принесли быстро иконы Пречистой и Николы-чудотворца. И призвал к себе своего тверского дворецкого Ивана Юрьевича Шигону, и послал его к отцу своему духовному Алексею-протопопу, и велел ему принести запасные дары из церкви, и велел его спросить, доводилось ли ему присутствовать при том, как душа разлучается с телом. Протопоп ответил, что редко доводилось. И велел войти ему в комнату и святые дары принести, и велел ему встать около себя, и велел стряпчему своему Федору Кучецкому стать рядом с протопопом, ибо он, Федец, присутствовал при преставлении отца его, великого князя Ивана. И затем велел дьяку своему крестовому Данилке петь канон великомученице Екатерине и канон на исход души, и велел отходную себе читать. А когда начал дьяк петь канон, великий князь забылся немного, а затем очнулся от сна и стал говорить, в то время как дьяк начал канон петь, как будто видение увидел:

«Государыни великая Екатерина, пора царствовати!» И возбудився, аки от сна, и примъ образ великомученици, и любезно приложися к нѣй и коснуся рукою правою образу ея, понеже бо в тѣ поры рука ему болна сущи. Тогда же принесоша к нему мощи великомученици Екатерины, и приложися к мощемъ, и рукою своею правою, и лежа на одре своемъ; и призва к собѣ боярина своего Михаила Семеновича Воронцова и поцеловався с нимъ, и прости его.

И отъ того часа время долго полежав. И приде к нему отецъ его духовный Алексѣй *протопоп,* хотя ему дары дати, он же уняв его, и рече ему: «Видиши самъ, что лежю болен, а в разуме своемъ. И егда станет душа от тела разлучатися, тогда ми и дары дай. Смотри же мя разумно и береги».

И мало время пождав, призва к собѣ брата своего князя Юрья Ивановича и рече ему: «Помниши ли, брате, коли отца нашего великого князя Ивана не стало назавтрее Дмитреева дни, в понедельник, понеже бо немощь его томила день и нощь? А мнѣ, брате, такожe смертный час, конецъ приближается».

И пождав мал час, призва отца своего Данила митрополита, и владыку коломенского Васияна, и братию свою, и бояръ всех, и рече ему: «Видите мене сами изнемогша и к концу приближшуся, а желание мое давно бысть постричися. Постригите мене!» Тогда же отець его Данил митрополитъ и бояре его Михайло Юрьевич похвалиши ему дѣло то, что добра жалает. И ста ему встречю братъ его князь Ондрѣй Иванович, и Михайло Семенович Воронцов, и Шигона, глаголаху: «Князь велики Владимер Киевский умре *не* в черньцех, не сподоби ли ся праведного *покоя?* И иные великие князи не в черньцех преставилися, не с праведными ли обрели покой?» И бысть промежи ими пря велика.

Князь же велики призвав къ собѣ отца своего Данила митрополита, и рече ему: «Исповѣдах есми, отче, тобѣ всю свою тайну, еже желаю чернечьства; чего так ми долежати? Но сподоби мя облещися во мнишеский чин, постриги мя!» И мало пождавъ, и рече ему: «Так ли ми, господине митрополитъ, лежати?» И нача креститися и говорити: «Алиллуия, алиллуия, слава тебѣ божѣ!» И нача говорити, из-ыкосов словеса выбираюци, а иные словѣса тихо в собѣ глаголати. И крестящеся, рече: «Радуйся, утроба божественного воплощения!» И потомъ начатъ глаголати: «Ублажаемъ тя, преподобноотче Сергие, и чтемъ святую память твою, наставниче инокомъ и сбеседниче ангеломъ».

И потомъ, конецъ его приближашеся, не нача языкомъ излаголати, но просяще пострижения; и емлюще простыню, и начать целовати ея. И тогда рука его правая не начать подниматися, и под-

«Государыня великая Екатерина! Пора царствовать!» И проснулся, как ото сна, и, приняв икону великомученицы, с любовью приложился к ней, и коснулся иконы правой рукой, так как в то время рука его болела. Затем принесли к нему мощи великомученицы Екатерины, и приложился он к мощам, и коснулся их своею правою рукою, и лежал на одре своем; и призвал к себе боярина своего Михаила Семеновича Воронцова, и поцеловался с ним, и простил его.

И после этого долго лежал. И подошел к нему отец его духовный Алексей-протопоп, хотел дать ему уже святые дары, он же остановил его и сказал: «Ты сам видишь, что хотя я лежу в немощи, но я еще в полном разуме. Когда станет душа с телом разлучаться, тогда мне и давай дары. Следи же за мной внимательно и стереги меня».

И, немного подождав, подозвал к себе брата своего князя Юрия Ивановича и сказал ему: «Помнишь ли, брат, как отца нашего, великого князя Ивана, не стало на другой день после Дмитриева дня, в понедельник? А немощь его томила и день и ночь. Вот, брат, и мой смертный час близок, конец приближается».

И, подождав немного, позвал отца своего Даниила-митрополита, и владыку коломенского Вассиана, и братьев своих, и бояр всех и сказал митрополиту: «Видите сами, что силы уже оставляют меня и кончина моя близка; а давно было у меня желание постричься в иноки. Постригите меня!» Тогда отец его Даниил-митрополит и боярин его Михаил Юрьевич одобрили его желание, сказав, что хорошего он хочет. Но стали возражать ему брат его князь Андрей Иванович, и Михаил Семенович Воронцов, и Шигона, и говорили они: «Князь великий Владимир Киевский умер, не будучи иноком, а разве он не сподобился праведного покоя? И другие великие князья не иноками преставились, а разве они не с праведными обрели покой?» И был между ними спор большой.

Князь же великий позвал к себе отца своего Даниила-митрополита и сказал ему: «Я открыл тебе, отче, сокровенное свое желание: хочу чернецом стать; зачем мне так — напрасно — лежать? Благослови меня облечься в монашеский сан, постриги меня!» И, немного подождав, сказал ему: «Неужели мне так, государь митрополит, лежать?» И стал креститься и говорить: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже!» И стал молиться, выбирая слова из икосов, а некоторые молитвы тихо — про себя — говорил. И, крестясь, сказал: «Радуйся, утроба божественного воплощения!» И потом стал говорить: «Хвалим тебя, преподобный отец Сергий, и чтим святую память твою, наставник инокам и собеседник ангелам!»

И потом — конец его приближался — перестал он языком владеть, но пострижения просил и, простыню захватывая, целовал ее. А затем рука его правая перестала подыматься, и под-

носяще ея боярин его Михайло Юрьевич; он же не престаше творя на лицы своемъ крестное знамение и зряще горе направо, на образ пречистые Богородици, еже пред нимъ на престене стоитъ.

Тогда же Данил митрополитъ посла по старца Мисаила, повѣле принести платье черничское в комнату, а патрахиль бѣ и пострижание у митрополита с нимъ, а отрицание же бѣ еще тогда исповѣдал князь великий митрополиту, когда дары взял, в недѣлю пред Николиным днем, и приказал митрополиту тогда: «Аще ли не дадуть мене постричи, но на мертвого мене положи платие чернеческое, бѣ бо издавна желание мое».

И прииде же старецъ Мисайло с платием, а князь велики приближашеся къ концу. Митрополитъ же взем патрахиль и подасть чрез великого князя игумену троецкому Иасафу. Князь же Андрѣй Иванович и боярин Михайло Семенович Воронцов не хотѣша дати вѣликого князя постричи. И глагола Данил митрополитъ князю Андрѣю: «Азъ тебя не *благословляю,* ни в сѣй век, ни в будущий, а того тебѣ у мене не отняти, занеже сосуд сребрян добро, а позлащен — того лучши».

Князь велики отхожаше, но спѣшаху стричи его: Данил митрополитъ положи на игумена на троицкого патрахиль, а самъ постриже его и положи на него перѣманатку и ряску, а манатии не бысть, занеже бо спѣшачи несучи выронили; и43 вземъ съ собя кѣларь троецкий Серапивон Курцов манатию, и положиша на него, и скиму ангельскую, и Евангелие на груди положиша. И стоящи же близь его Шигона. И как положили Евангелие на грудех, и видѣ Шигона духъ его отшедшь, аки дымецъ мал. Бѣ же в те поры плачь и рыдание во всех, и зелное *стенание* от великих людѣй, от простыхъ, паче же и во всей земли.

И просветися лице его аки свѣтъ, и бысть бѣл, аки снег. По преставлени же его от раны духа не бысть, и исполнися храмъ той и благоухание.

Престави же ся князь велики Василѣй Иванович всеа Руси, во иноческомъ чину наречен бысть Варлам, в лѣто 7042, мѣсяца декабря въ 3 день, сь середы на четверг, *в* 12 нощи, противу Варварина дни.

И тоя же нощи облекоша его во всю чернеческую одежю; Данил жо митрополитъ вземъ самъ бумагу хлопчатую, и воды мало воспусти на нее, и оттрѣ его от пояса.

Тогда бысть плачь и рыдание неутѣшно во всех людех. Данил жо митрополитъ и бояре унимаху людей и от плача, но не слышати бѣ во множемъ кричании, что другъ ко другу глаголаху. Еще же бѣ великая княгини тогда не вѣдала преставлѣния великого князя, бояря же унимаху людей от плача того ради, чтоб не слышати вѣликие княгини, ни в хоромех.

Тогда же Данил митрополитъ вземъ братию вѣликого князя, Юрья и князь Ондрѣя Ивановичев, в переднюю избу, приведе их ко

носил ее боярин его Михаил Юрьевич; он же непрестанно осенял лицо крестным знамением и смотрел вверх, направо, на образ пречистой Богородицы, который перед ним стоял.

Тогда Даниил-митрополит послал за старцем Мисаилом, велел принести платье монашеское в комнату, а патрахиль и все необходимое для пострижения у митрополита было с собой; отречение же князь великий еще тогда исповедал митрополиту, когда святые дары принимал, в воскресенье перед Николиным днем; и приказал он митрополиту тогда: «Если не дадут тебе меня постричь, то хотя бы мертвого меня одень в платье монашеское, ведь это издавна было моим желанием».

И пришел старец Мисаил с платьем, а князь великий был уже при смерти. Митрополит взял патрахиль и подал — через постель великого князя — игумену троицкому Иоасафу. Князь же Андрей Иванович и боярин Михаил Семенович Воронцов не хотели дать постричь великого князя. И сказал Даниил-митрополит князю Андрею: «Я тебя не благословлю ни в этой жизни, ни в будущей, но князя великого тебе у меня не отнять: серебряный сосуд хорош, а позолоченный — и того лучше!»

Князь великий отходил, и спешили постричь его: Даниил-митрополит положил на троицкого игумена патрахиль, а сам постриг великого князя и возложил на него переманатку и ряску, а манатии не было: ее, в спешке неся, выронили. И снял с себя троицкий келарь Серапион Курцов манатию, и положили ее на великого князя, а также и схиму ангельского чина, и Евангелие на грудь возложили. И стоял около него Шигона. И как только положили Евангелие на грудь, увидел Шигона, что дух его отошел, как слабый дымок. Все люди тогда плакали и рыдали, горько плакали бояре и простые люди, еще больше — вся земля.

И просветлело лицо великого князя и как будто озарилось светом, и стал он белым как снег. После преставления его и от раны запаха не стало и наполнилась горница благоухания.

Преставился князь великий Василий Иванович всея Руси, нареченный в монашестве Варлаамом, в год 7042 (1533), месяца декабря в третий день, со среды на четверг, в двенадцать часов ночи, накануне Варвариного дня.

И в эту же ночь одели на него всю черническую одежду; Даниил-митрополит сам взял вату и, немного смочив ее, обмыл его до пояса.

Все люди тогда плакали и рыдали неутешно. Даниил-митрополит и бояре унимали людей от плача, но в этом крике не слышно было, что друг другу говорили. Еще тогда великая княгиня не знала о преставлении великого князя, и бояре унимали людей от плача, чтобы не было слышно ни у великой княгини, ни в других покоях.

Тогда же Даниил-митрополит взял в переднюю горницу братьев великого князя Юрия и князя Андрея Ивановичей и привел их

крестному целованию на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичю всѣя Руси и его матере великой княгине Елѣне, а жити имъ на своих удѣлех, а стояти имъ в правду, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крѣпости промежю ими с великим княземъ Васильемъ; а государьства имъ под великимъ княземъ не хотѣти, ни людей имъ от великого князя к собѣ не отзывати, а противу недругов великого князя и своих, латынства и бесерменства, стояти имъ прямо, воопчи, заодин.

И бояр, и боярских детей, и княжатъ на томъ же приведе ко крестному целованию, что имъ хотѣти добра великому князю Ивану Васильевичю всѣя Руси и его матере великой княгине Елѣне, и всѣй земли хотѣти имъ добра в правду, и от недругов великого князя и всѣя земли, от бесерменства и от латынства, стояти вопче, заодинъ, а иного государя мимо великого князя не искати.

Тогда же Данил митрополитъ з братиею великого князя и з бояры поиде к великои княгине тѣшити ея. Великая же княгини видѣ митрополита и бояр, къ собѣ грядущии, и бысть яко мертва, и лежа часа з два, и едва очютнися. Тѣша же ю митрополитъ, и братия великого князя, и бояре, и поидоша от великия княгини всѣ.

А у великого князя остася игуменъ троицкый Иасафъ да старець его Мисайло Сукин; и начаша его нарежати, и браду его чесати, якоже подобаетъ быти по чернеческому чину, и положиша под него *постелю черну тафтяну, и принесоша подъ него* от Михайлова Чюда одръ, и положиша тѣло его на одре.

И егда же преставися князь великий, тогда начаша его нарежати старцы осифовские, а великого князя стряпчих отслаша. И тогда начаша у него пѣти заутреннюю и его дьяки крестовые с протопопомъ, и часы, и каноны, и погребанию канонъ, и вся отпѣша, якоже бѣ при живомъ. И тогда поиде к нему народ много прощатися, и боярские дѣти, и княжата, и гости, стряпчие погребные, и всѣ людие, которые не быша у него; и бысть плачь и рыдание во всех людех велие.

Наутрия же, в четвергъ, на 1-мъ часу дни, Данил митрополит повелѣ звонити в болшой колокол.

Бояринъ жо его Михайло Юрьевичь, поговоря с митрополитомъ и з братьею великого князя, и з бояры, и повѣле во Арханьгилѣ ископати гроб подлѣ отца его, великого князя Ивана Васильевича, противу *дверей* Семиона Лѣтопровотца. И поговоря с митрополитомъ, Михайло Юрьевичь послаша по *постельничиво* Русина Иванова, сына Семѣнова, снемъ с него мѣру, и повелѣ ему гроб привести камен.

к крестному целованию в том, чтобы им служить великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене, и жить им в своих уделах, и держать клятву честно, выполняя то, в чем целовали крест великому князю всея Руси Василию Ивановичу и в чем договоры были у них с великим князем Василием; а государства, находящегося под властью великого князя, им не добиваться и людей от великого князя им к себе не отзывать, а против недругов великого князя и своих, против латинства и басурманства, стоять им, как обещали, сообща, всем вместе.

И бояр, и детей боярских, и княжат в том же привел он к крестному целованию, чтобы хотели они добра великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и его матери, великой княгине Елене, и чтобы всей Русской земле хотели они добра честно, и против недругов великого князя и всей земли, против басурманства и против латинства, стояли все вместе, заодин, и другого государя себе — кроме великого князя — не искали.

После этого Даниил-митрополит с братьями великого князя и с боярами пошел к великой княгине утешать ее. Великая же княгиня, увидев митрополита и бояр, идущих к ней, упала, как мертвая, и лежала так часа два, и едва пришла в себя. Утешал же ее митрополит, и братья великого князя, и бояре, и ушли все от великой княгини.

А около великого князя остался игумен троицкий Иоасаф и старец великого князя Мисаил Сукин; и начали они великого князя обряжать, и бороду ему расчесывать, как это подобает согласно монашескому чину, и положили его на черную тафтяную постель, и принесли для него одр из Михаиловского Чудова монастыря, и положили тело его на погребальном одре.

И когда преставился великий князь, его начали обряжать старцы иосифовские, а слуг великого князя отослали. Затем начали у его тела дьяки его крестовые с протопопом петь заутреню, и часы, и каноны, и погребальный канон, и все спели так, как это было и при живом. И тогда пошло прощаться с ним много народа — и боярские дети, и княжата, и купцы, и слуги, ведающие погребением, и все те люди, которые не были еще у него; и все люди сильно плакали и рыдали.

Утром же в четверг, в первом часу дня, Даниил-митрополит велел звонить в большой колокол.

Боярин великого князя Михаил Юрьевич, посоветовавшись с митрополитом, и с братьями великого князя, и с боярами, велел в Архангельском соборе могилу выкопать возле могилы отца его, великого князя Ивана Васильевича, около дверей Симеона Летопроводца. И, поговоря с митрополитом, Михаил Юрьевич послал за постельничим Русином Ивановым, сыном Семеновым, и, когда сняли мерку с великого князя, приказал ему гроб привезти каменный.

Тогда же приде Данил митрополитъ и с нимъ владыка Васиян Коломенский и Дософѣй Крутицкой, а иные же владыкы быша тогда во своих областех, понеже не поспеша; архимандриты же тогда быша: чюдовские Иона, симановский — Филофѣи, андроновский — Зосима, игуменъ троицкый, игумен осифовский, игумены московские всѣ, протопопы московские и всѣ священницы. Тогда же пришедше братъ его князь Юрьи и князь Андрѣй Ивановичи, и бояре всѣ, и весь народ, плачюще и рыдающе горко, и повелѣ тогда диякомъ его любимымъ, пѣвчимъ болшой станицы, стати во дверех у комнаты, и начаша пети «Святый боже», болшую.

Тогда взяша тѣло великого князя, инока Варлама, старцы троецкие и осифовские, и понесоша его *на головах, и вынесоша его* в преднюю избу. И бысть слез и рыдания множество в людех, которые его не видѣша. И понесоша его на крилцо, и за нимъ грядуща со свѣщами и с кандилы, поюще «Святый боже». И какъ понесоша его на площадь, ино бысть слез и рыдания от народа, якоже и звону в колоколы не слышать, якоже земли востонати. Великую же княгиню Елѣну несоша ея изъ ее хоромъ в санях на собѣ дѣти боярские на лѣствицу, а с нею шли бояре: князь Василѣй Васильевичь Шуйской, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Лвовичь Глинской, князь Иван Федорович Овчина; боярыня же тогда бысть с великою княгинею князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, да княжь Иванова Даниловича Пѣнково княгини Марья, да боярыня Ивана Ондрѣевича жена Челядина Олѣна, да Василия Ондрѣевича жена Огрофѣна, да Михаила Юрьевича жена Феодосия, да Василья Ивановича жена Огрофѣна, да княжь Васильева жена Львовича Глинского княгини Анна.

Тогда же пришел Даниил-митрополит, и с ним были владыка Вассиан Коломенский и Дософей Крутицкий, а другие владыки были еще в своих епархиях, ибо не успели приехать; архимандриты же тогда были: чудовский — Иона, симоновский — Филофей, андроновский — Зосима, игумен троицкий, игумен иосифовский, игумены московские все, протопопы московские и все священники. Тогда же пришли братья великого князя, князь Юрий и князь Андрей Ивановичи, и бояре все, и весь народ, плача и рыдая горько, и велели тогда дьякам его любимым, певчим большой станицы, стать в дверях комнаты, и начали они петь «Святый боже», большую молитву.

Потом взяли тело великого князя — инока Варлаама, старцы троицкие и иосифовские, и понесли его, держа на головах, и вынесли его в переднюю горницу. И люди, которые его еще не видели, сильно плакали и рыдали. И понесли его на крыльцо, и шли за ним со свечами и с кадилами, и пели «Святый боже». И когда вынесли его на площадь, как будто земля застонала: от слез и рыданий народа не было слышно звону колокольного Великую же княгиню Елену несли из ее покоев на лестницу — в санях, на себе — дети боярские, а с нею шли бояре: князь Василий Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов, князь Михаил Львович Глинский, князь Иван Федорович Овчина; боярыни же тогда были с великою княгинею: жена князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, жена князя Ивана Даниловича Пенкова княгиня Марья, боярыня Алена, жена Ивана Андреевича Челядина, жена Василия Андреевича Аграфена, жена Михаила Юрьевича Феодосия, жена Василия Ивановича Аграфена, жена князя Василия Львовича Глинского княгиня Анна.

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ПРѢНИЕ ЖИВОТУ С СМЕРТИЮ

Нѣкий человекъ воинъ удалецъ ѣздяше по полю чистому и по роздолию высокому. И прииде к нему смерть, и бѣ видѣние ея страшно, яко лев ревый, всячески страшна от человеческаго устроения. Носящи же с собою оружия *всякия: мечь, ножи, пилы, рожны, серпы, оскорды и уды, иныя же незнаемая,* и ими же козноДѣйствует различными образы.

Сию же видивши смиренная ми душа устрашися велми. И азъ рекох ей: «Кто ты еси, лютый звѣрь? Образ твой страшенъ велми: подобие у тобя человеческое, а хожение звѣриное».

Рече ему смерть: «Пришла есми к тобѣ, хощу тя взяти».

Рече же человекъ той: «Да аз не хощу, а тобя не боюся».

Рече же ему смерть: «О человече, о чем мя не боишися? Цари и князи, и воеводы, и святители меня боятся. Азъ есмь славна на земли, а ты меня не хощеши боятися».

Рече же ей человекъ той: «Да азъ есмь воинъ удалецъ, в ратномъ дѣле многия полки побиваю, а единъ от человекъ никто же может со мною побитися, ни противу стати на мя. А ты ко мнѣ едина пришла, а *оружия и* запасу *с* собою много носиши. Видишися мнѣ ты не удала, толко еси *страшна:* образъ твой страшит мя, уды моя во мнѣ трепещут на тобя смотря. Отиди от мене прочь, доколе тя не потну мечем моимъ».

Рече же ему смерть: «Аз есмь не силна, ни хороша, ни красна, толке силных и красных побираю. Да скажу ти, человече, послушай мене. От Адама и до сего дни сколке было богатырей удалых, а никто же со мною не смѣл побитися, а и хоще ми ся того, хто бы со мною побил. Да еще скажу ти, послушай мене: от Адама и до сего дни сколке было людей, царей и князей, и владыкъ, женъ и девицъ, то всѣх азъ побрала. Самсон силный, не богатырь ли был, не силнее ли тебе был?

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

СПОР ЖИЗНИ СО СМЕРТЬЮ

Некий человек, удалой воин, ездил по полю чистому, по раздолью широкому. И пришла к нему смерть, и был вид ее страшен, как у рыкающего льва, ужасен он для человеческой природы. Носит смерть с собой всякие орудия: меч, ножи, пилы, рожны, серпы, топоры и другие неведомые предметы, которыми по-разному вершит свои злодеяния.

Увидав ее, смиренная моя душа сильно устрашилась. И я спросил смерть: «Кто ты, лютый зверь? Очень уж страшен облик твой: вид у тебя человеческий, а поведение звериное».

Ответила ему смерть: «Пришла к тебе, хочу тебя взять».

Говорит тогда человек тот: «Да я не хочу, а тебя не боюсь».

Смерть же ему в ответ: «О человече, почему меня не боишься? Цари и князья, и воеводы, и священнослужители меня боятся. Я славлюсь по всей земле, а ты меня не страшишься».

Говорит ей человек тот: «Ведь я удалой воин, в ратном деле многочисленные полки побеждаю, а в одиночку ни один человек не может со мной сразиться, ни выйти против меня. А ты ко мне одна пришла и всяких орудий с собой много носишь. Нет в тебе удали, только страшна: облик твой пугает меня, и все во мне трепещет, когда смотрю на тебя. Уходи от меня прочь, пока не пронзил тебя мечом своим».

Тогда говорит ему смерть: «Я ни сильна, ни хороша, ни пригожа, а вот сильных и пригожих забираю. Вот что скажу я тебе, человече, послушай меня. От Адама и до сегодняшнего дня сколь много было богатырей удалых, а ведь никто не осмелился со мной сразиться, да и не знаю никого, кто бы со мной сразиться мог. Да еще скажу тебе, послушай меня: от Адама и до сегодняшнего дня сколь много было людей, царей и князей, и священнослужителей, женщин и девиц,— всех их я забрала. Самсон сильный, не богатырь ли был, не сильнее ли тебя был?

Тако говорил: «Аще бы было колце в землю вдѣлано и яз бы всѣмъ свѣтомъ поворотил». Да аз и того взяла. Александр, царь макидонский, удал и храбръ *был*, и всему подсолнечному на земли царь и государь был, да и того яз взяла, аки единаго от убогих. А царь Давидъ, в пророцех пророкъ был,— да и того яз взяла. О человече, не мудрее ты царя Соломона — царь Соломонъ *хитр и мудр* был, да и той со мною не смѣл поговорити, *и того яз взяла*. Акирь Премудрый во Алевитцкомъ царьствии, не было таковаго мудреца ни под солнцем, да и тот со мною не смѣлъ поговорити, и азъ и того взяла. Да вѣдомо тебѣ, человече, азъ есмь смерть, не посулница, богатства не збираю, а красна портища не ношу, а земныя славы не хощу, занеже есми немилостива — издѣтска не навадилася миловати; и азъ не милую, не наровлю ни часу, какъ пришед, такъ и возму».

И рече человекъ той: «Госпоже моя смерть, яви на мнѣ любление свое».

И рече ему смерть: «Никако же, человече, занеже до всѣх любовь моя равна: какова до царя, такова и до князя, и до святителя, и до богата, и до нища. О человече, аще бы яз збирала богатство, столке бы было у меня богатства всего много и несказанно! Занеже, человече, азъ хожу аки тать в нощи, не сказываюся *никому,* занеже, человече, слышах во Евангелии глаголеть господь: «Блюдитеся вы, не вѣдает бо ни единъ вас, коли тать приидеть в домъ его, аще бы вѣдал, крѣпко бы стереглъ и не дал бы подкопывати храма своего». Тако и ты, человече, *разумей:* берегися смерти на всяк час, доколе аз не пришла по тебя. А нынѣ, человече, нѣсть ти помощи, занеже, человече,— «В чем тя застану, в том тя и сужу»,— глаголетъ господь».

Рече же человекъ той: «Госпоже моя смерть! Дай же ми, госпоже, да покаюся шедъ во град».

Рече же смерть: «Никако же, человече, не пущу тя, занеже мнози тако глаголют, человецы такоже. Егда азъ приступлю к ним, и они глаголють: «Господи, отпусти мнѣ, да покаюся»,— и аз полегчаю, чтобы покаялся, и он, отшед, да то же творит, а меня забудет, чает себѣ ни во что же. Уже, человече, живот твой коротается, конецъ близокъ есть, а солнце твое зашло есть».

Тогда же начя человекъ той рыдати, захлипаяся плакати и многи жалостныя словеса изглаголати. И рече: «Госпоже моя смерть! Дай же, госпоже, да шед приуготовлю погребалная: срачицу и саванъ и ина, яже на потребу тѣлу своему».

Рече же смерть: «Никако же, человече, не отпущу тя».

И начя человекъ рыдати и стенати, от сердца убиватися, глаголя: «Ох, ох, ох! Смерть злодѣю, кто тя может убежати? Увы, увы мнѣ, не готов есмь, горе мнѣ грѣшному, пришол немилостивый злодѣй по меня! По правдѣ дано имя ей смерть, о немилосердию твоему, злодѣю!»

Так говорил он: «Если бы было кольцо в землю вделано, то я бы весь мир повернул». А я и его взяла. Александр, царь македонский, удал и храбр был и всему подсолнечному миру царем и государем стал, а я и его взяла, как одного из убогих. А царь Давид, среди пророков пророк,— а я и его взяла. О человече, не мудрее ты царя Соломона — царь Соломон разумным и мудрым был, да и тот со мной не смел поспорить, и его я взяла. Акир Премудрый в Алевитском царстве, не было под солнцем другого такого мудреца, да и тот со мной не смел поспорить, а я и его взяла. Да знаешь ли ты, человече, что я, смерть,— не взяточница, богатства не коплю, а нарядных одежд не ношу, а земной славы не ищу, потому что немилостива — с детства не приучилась миловать: и я не милую, не делаю отсрочки ни на минуту, а как приду, так и возьму».

И говорит человек тот: «Госпожа моя смерть, будь благосклонна ко мне».

И говорит ему смерть: «Невозможно это, человече, потому что ко всем моя благосклонность одинакова: какова к царю, такова и к князю, и к священнослужителю, и к богатому, и к бедному. О человече, если бы я собирала богатства, то столько набралось бы у меня богатства всего мира, что и сказать нельзя! Потому так, человече, что хожу я, аки тать в нощи, никого не предупреждаю, ибо, человече, слышала, что говорит господь в Евангелии: «Остерегайтесь, ни один из вас не знает, когда тать прийдет в дом его; если бы знал, крепко бы стерег и не дал бы проникнуть в дом свой». Так и ты, человече, знай: берегись смерти каждый час, пока я не пришла за тобой. А теперь, человече, неоткуда ждать тебе помощи, потому что, человече,— «В чем тебя застану, в том и сужу»,— говорит господь».

Сказал тогда человек тот: «Госпожа моя смерть! Разреши мне, госпожа, пойти в город и покаяться».

Ответила ему смерть: «Нет, человече, не пущу тебя, потому что многие люди так же говорят. Когда я прихожу к ним, то они говорят: «Господи, отпусти меня, чтобы покаяться»,— и я отпущу, чтобы покаялся, и он, освободившись, поступает по-прежнему, а про меня забывает, думает, что с ним ничего не случится. Уже, человече, жизнь твоя пресекается, близок конец твой, а солнце твое зашло».

Тогда человек этот начал рыдать, плакать взахлеб и много жалобных слов произнес. И говорит он: «Госпожа моя смерть! Разреши, госпожа, пойду и приготовлю сорочку и саван и все другое необходимое для погребения тела моего».

Говорит ему смерть: «Нет, человече, не отпущу тебя».

И начал человек рыдать и стенать в сердечной тоске, так говоря: «Ох, ох, ох! Смерть-злодейка, кто тебя может избежать? Увы, увы мне, не готов я, о горе мне, грешному, пришел за мной неумолимый злодей! По праву дано ей имя смерть, о, немилосердная злодейка!»

Она же, смерть, приступив к нему, *подсече ему ноги косою* и, взя серпъ, и захвати за шею его и взят малый оскордецъ и начат отсекати нози, потом и руцы. И инымъ оружиемъ вся составы моя и инымъ иная, инако соузы моя телесныя и члѣны тѣла моего, и жилы оклячѣша, истерза два десят ногтей моихъ. И абие не реку, но омертвѣ все тѣло мое, ни двигнутися не могох никако же от страха, всѣми оружии кознодѣйствует надо мною. Таже веземъ теслу и сечет главу мою. И по сем налия в чашу, не вѣм что в ней, не разумѣю никаго же, дасть ми пити — мнѣ же не хотящу. Тако же, братие, столь бѣ горко в той час и тошно, не мочно и сказати беды тоя великия.

И отторже ми душю и скоро искочи из мене, ис тѣла, яко птица от тенета. И абие краснии они уноши взяша *душю мою* на руку свою и држаста, а возрѣх воспять и видѣх тѣло мое лежаще бездушьно и недвижимо, яко же кто совлекъ с себя ризу свою и поверже ю, и стоя зря на ню. Тако же *аз* видѣлъ тѣло свое велми гнусно, яко стерво смрадость от него злая. Яко же кто ис себе выпустит кал да гнушается его и бежит от него, тако же человеческое естество мертво и ненавидѣмо всѣми. Аминь.

Смерть же, подступив к нему, подсекла ему ноги косой и, взяв серп, схватила его за шею, взяла маленький топор и начала отсекать ноги, а потом и руки. И иными орудиями стала дробить все части тела моего, одними одни, а другими другие члены тела моего, и окоченели жилы мои, и вырвала она двадцать ногтей моих. И отнялся язык, и омертвело все тело мое, не мог никак пошевельнуться от страха перед всеми орудиями, которыми терзала она меня. Потом взяла она топор острый и отрубила голову мою. После этого налила чего-то в чашу, а чего — не знаю и не ведаю, и дала мне пить против моего желания. Так ведь, братья, столь было горько и тошно в это время, что и описать нельзя беду эту великую.

И исторгнула мою душу, и стремительно вылетела душа из меня, из тела моего, как птица из тенет. И тотчас прекрасные юноши взяли душу мою на руки свои и держали ее, а я оглянулся назад и увидел тело мое, лежащее бездушно и неподвижно, как если бы кто-нибудь снял с себя одежду свою и бросил ее и стоял бы и смотрел на нее, так и я видел тело свое очень гнусным, от которого, как от трупа, исходил ужасный смрад. Так же как кто-нибудь испустил из себя нечистоты и, гнушаясь их, отбежал прочь, так и мертвая человеческая плоть омерзительна. Аминь.

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

СЛОВО ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО, КАКО НЕ ЛѢНИТИСЯ КНИГИ ЧЕСТИ (ГЛАВА 4)

Мнози непочитанием божественых писаний с праваго пути съвратишася и, заблудивше, погибоша. Инии же и книги почитающе, но съвершена не имяху разума, съ праваго пути совратишася, богу попустившу, величиа ради ихъ, зане разумъ приимше, а правды не творят самохотием.

Мужь бо книженъ, а пьянчив не может *направитися* на истинну спасениа. Аще кто не умѣя книгъ мудруетъ, таковый подобенъ оплоту без подпоръ стоящу: аще будет вѣтръ, то падется. Тако и мудруя, а не книжник, аще на нь грѣховный пахнет вѣтръ, падет, не имый подпора словесъ книжных, и *мудростей* книги. Аще то ся обое мнитъ в человѣце, то яко очи обѣ в тѣлѣ свершено имуще глядят. Птицам бо того ради крилѣ данѣ, да сѣтей человѣческих избѣжатъ, а человѣком книги — яже всю неприязнену лесть обнажают. Мнози бо суть козни лукаваго дьявола, имиже уловляет человѣки: ового бо гнѣвом надымает, а иного завистию устрѣляетъ, иного же на татбу и обидѣти учят, а иных на позоры и на игры, и на плясание потычют, а иного на пьянство и на блуд ласкаютъ, а иныя на гордость острят и скупости учят, а иного на кощуны и на плескание и на пѣсни, и на гусли поучаютъ, а иных лѣностию *окрадают*, да къ церкви быша не приходили.

Многи бо съблажняют, хотя нас бога отлучити и царства *небеснаго* чужа сотворити. Богъ человѣкомъ откры святыми книгами вся соблажениа лукаваго дьявола, да не прелститъ боящихся его. И на дьявола дарова честный крестъ, а на сѣти его — святыя книги, ихже послушающе и сотворяюще реченная получим жизнь вѣчную и со святыми веселие о Христе Исусе господѣ *нашемъ*.

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА, КАК, НЕ ЛЕНЯСЬ, ЧИТАТЬ КНИГИ (ГЛАВА 4)

Многие из-за того, что не читают божественных писаний, с пути истинного совратились и, заблудшие, погибли. Другие же, и читая книги, но не обладая умом совершенным, с пути истинного совратились; допустил это бог за гордыню их, ибо, разумом обладая, по своеволию своему не творят дел праведных.

Муж книжник, но пьяница не может обрести путь к истинному спасению. А если кто, будучи неграмотным, мудрствует, то такой подобен стене, без подпор стоящей: если подует ветер, то рухнет. Так и тот, кто мудрствует, а не книжник,— если подует на него ветер греховный, то падет, не имея опоры в словах книжных и в мудрости книжной. Если же и то и другое видится в человеке, то это — словно два глаза в теле, глядящие зорко. Птицам для того даны крылья, чтобы избежали силков, расставляемых людьми, а людям — книги, чтобы обнажить перед ними весь обман дьявольский. Много ведь козней творит коварный дьявол, чтобы совратить человека: одного гневом наполняет, а другого поражает стрелой зависти, иного толкает на воровство и на обиды другим, а иных созывает на зрелища, и на игры, и на пляски, а иных влечет к пьянству и блуду, а в иных спесь обостряет и скупости их учит, а иного — на вздорные россказни и на пение под хлопанье в ладоши толкают и к гуслям влекут, а иных ленью опутывают, чтобы не ходили в церковь.

Многих соблазняют, стремясь нас от бога отлучить и отвратить нас от царства небесного. Бог святыми книгами открыл людям все соблазны коварного дьявола, чтобы не прельстил тот боящихся бога. И против дьявола даровал нам честной крест, а против сетей его — святые книги, слушая которые и творя сказанное в них, обретем мы жизнь вечную и со святыми ликованье во Христе Иисусе, господе нашем.

СЛОВО СВЯТАГО НИФОНТА О РУСАЛИЯХЪ (ГЛАВА 33)

Иногда бысть идущу блаженному Нифонту въ церковь святыя Богородица на утренюю, и видѣ мимо церковь идуща дѣмона, иже бѣсом бысть князь, и с нимъ 12 бѣсовъ. И слышавше церковное пѣние и ужасошася, и исполнишася ярости, и поносиша князю своему, глаголюще: «Видиши ли, како ти ся славитъ Исус от рабъ своих! Се убо пѣние слышаще токмо ужасъ прият нас. Горе нам, оканным, яко сила и крѣпость наша погибе, доколѣ царь нашь с нами бѣ, крѣпцѣ побѣжахомъ християны, но егда жиды вооруже на Исуса, распяша й, оттоле бысть сокрушенна сила наша. Исус бо, связавъ его, во огненѣ глубинѣ повелѣ утвердити. Оттолѣ сила царя нашего сокрушися и наша надежа попрана бысть». *Се бѣси* князю своему *поносяще*. Он же рече к нимъ: «О семъ ли вы печаль имѣете, иже славимъ Исус во церкви *Мариинѣ? Худо* о семъ скорбите. В мал час минуется, а нас *многи славят* мирскими пѣсньми и плясании. А нынѣ мало пождите, узрите, иже славити начнутъ нас, а о Исусе не брещи».

Бысть же по обѣднѣ, поиде человѣкъ, скача съ сопѣлми, и по немъ многъ народ *идуще,* овии поюще, и *плещюще,* а инии пляшюще. И се окаяннии бѣси видѣвше возрадовашеся радостию великою и начаша лстити овии на игры и на плясание, иныя на пѣсни. И се богатъ муж зряше ис полаты, и того наусти бѣсъ, и велѣ пред собою играти и плясати. И возмя сребряницу, дасть ю сопѣлнику. Онъ же во чпагъ вложи ю. Бѣси же, иземше ю, и послаша ко отцу своему сотонѣ в бездну ити. И ркуще посланному бѣсу: «Шед, рци отцю нашему, тамо связанному Исусом Назаряниномъ: Се ти даръ послалъ Алазионъ князь. Буди ти в честь, отче, мы твои раби, и многи соблазнихом крестияны, вороги наша». И се рекшу, даша диаволу сребро и мѣдь, иже игры дѣля *сопѣлнику* даяху. Симъ лукавии бѣси величахуся.

Дошед же посланный бѣсъ, вниде во адово жилище, принесе пагубныя дары сотонѣ. *Он же*, приимъ, велми обвеселися, рече: «Всегда от кумирослужениа жертву приемлю, но не могут мя *такъ* обвеселити, яко же сии от крестиян приносимая». Си изрѣкъ сотана, паки *возврати* посланному бѣсу иже *бѣ* принеслъ и рече ему: «Шед, и понужайте крестьян на игры и на плясаниа и на иная, иже ми в любви суть». *И* скоро вниде бѣсъ к пославшимъ его и повѣда имъ сотонино речение, и паки сребро и мѣдь во *чпагъ* вложи Оптиолу сопѣлнику. И тако отидоша прелщати инѣх человѣкъ.

Сии вся Нифонтъ блаженный душевныма очима видѣ, и плакаше о прелести християнстей, учаше многих игры оставляти, на позоры их не ходити, яко бо труба сбираетъ вои, тако книги чтомы аггелы божиа сбираютъ, а сопѣли

СЛОВО СВЯТОГО НИФОНТА О РУСАЛИЯХ (ГЛАВА 33)

Однажды шел блаженный Нифонт в церковь святой Богородицы на заутреню и увидел идущего мимо церкви демона, князя бесам, и с ним двенадцать бесов. И они, услышав церковное пение, пришли в ужас и в ярость и стали поносить князя своего, говоря ему: «Видишь ли, как славим Иисус рабами своими! Когда слышим мы пение это, лишь ужас охватывает нас. Горе нам, окаянным, ибо сила и крепость наша погибла. Пока царь наш был с нами, успешно одолевали мы христиан, но когда поднялись евреи против Христа и распяли его, с тех пор сокрушена сила наша. Иисус ведь, связав его, в огненной преисподне повелел его заточить. С той поры сила царя нашего сокрушилась и надежда наша растоптана». Так бесы укоряли князя своего. Он же сказал им: «О том ли вы печалитесь, что славим Иисус в церкви Марииной? Напрасно об этом скорбите. Очень скоро все переменится, а нас многие станут славить мирскими песнями и плясками. И теперь подождите немного, увидите, что славить начнут нас, а о Христе и не вспомнят».

И после обедни случилось так, что пошел человек, приплясывая под звуки сопели, и за ним — множество народа: одни пели и в ладоши били, а другие плясали. И, увидев это, окаянные бесы обрадовались радостью великой и начали прельщать кого на игры и на пляски, а кого — на песни. А некий муж богатый смотрел из палат своих, и подучил его бес — велел перед собой играть и плясать. И, достав серебряную монету, дал ее музыканту. Тот же положил ее в суму. А бесы, вытащив ее, послали к отцу своему сатане в бездну. И сказали посланному бесу: «Иди и скажи отцу нашему, связанному там Иисусом Назарянином: «Этот дар послал тебе Алазион-князь. Будет он тебе в знак чести, отец, мы — рабы твои и многих соблазнили христиан, врагов наших». И сказав так, вручили бесу серебро и медь, полученные музыкантом за игру. И возгордились этим коварные бесы.

Дойдя до адского жилища, вошел туда посланный бес и принес пагубные дары сатане. Тот же, взяв, очень обрадовался и сказал: «Всегда получаю я жертву от поклоняющихся идолам, но не могут они так меня порадовать, как эти — принесенные от христиан» Так изрек сатана и вернул посланному к нему бесу все, что тот принес ему, и сказал: «Иди, и призывайте христиан к играм и к пляскам и к иному, мною любимому». И поспешил бес к пославшим его, и поведал им слова сатаны, и серебро и медь снова вложил в суму Оптиолу-музыканту. Бесы же отправились искушать и других людей.

Все это блаженный Нифонт видел очами сердца своего, и сетовал о заблуждениях христиан, и многих наставлял, чтобы сторонились игр и не ходили смотреть на них. Ибо как труба собирает воинов, так чтение книг ангелов божьих собирает, а сопели

и гусли збирают около себе студныя бѣси, любяи же сопѣли и гусли сотонѣ честь творитъ, иже чтят и дарятъ — то бѣсу даютъ лукавому. Аще кто не останетъ творения сего проклятаго, с невѣрными осудится и кумирослужебники. Богу нашему слава!

СЛОВО ОТ ПАТЕРИКА, ЯКО НЕ ДОСТОИТ ОТИТТИ ОТ ЦЕРКВИ ЕГДА ПОЮТЪ (ГЛАВА 38)

Иже древле бысть се повѣдая нам нѣкто от вѣрных. Бѣ муж етеръ богобоязнивъ, и той сына имѣ единого. И бысть во странѣ той гладъ крѣпокъ. Оскудѣ богобоязнивый муж и рече сынови своему: «Чадо, видиши ли, яко осиротѣхомъ: не имам, что ясти. Хощеши ли, да тя продамъ, да и ты будеши живъ, и твоя родителя гладомъ не умревѣ». И глагола ему сынъ: «Твори, отче, еже хощеши». Отецъ же, поимъ, веде ко единому от вельможъ и взят цѣну на сынѣ своемъ. И рече ему: «Чадо мое! Си заповѣдаю ти: егда ти будет служба во святѣй церкви, не мози отити, доколѣ кончаютъ». То рекъ, отиде в домъ свой. Отрокъ же послушливый свершаше отца своего повелѣние.

И минувшу лѣту, видѣ госпожу свою творящу блуд съ слугою. И никому сего не повѣда, но моляше бога, да има грѣх оставит. Госпожа же его исполньшися гнѣва, срама не терпящи, глаголя к мужеви своему: «Сий новокупленный рабъ нѣсть добръ: о главѣ твоей мыслитъ. Да лѣпо его убити, *неже* онъ — тобе, моего живота». Сии блудная льстивая жена мужу своему глаголаше. Онъ же лукавая ея слышавъ словеса и ятъ вѣру, и осуди праведнаго умрети, а онъ не вѣдяше. И совѣщася со епархомъ: его же ти с убрусомъ пошлю, того посѣци главу, и даси ю, кто ти по немъ приидетъ. А не нарече именемъ ни единого слуги. И пришед в дом, посла й, праведна, и давъ ему убрус. Он же, не вѣдяше, на смерть идяй. Бысть же ему идущу мимо церковь, слыша божественую пѣснь поему. Воспомянувъ отца своего наказание, ста во церкви и жды совершения службы.

Госпожа же его, гнѣвомъ одержима, ускори послати виноватаго мечнику. Той же иде и видѣ друга си въ церкви стояща. Той рече ему: «Камо идеши?». Посланый *же рече:* «К мечнику реченно ми итти». И той глаголя: «И азъ к тому же есмь посланъ с симъ убрусомъ. Неси ты, да не оба ся трудива». Он же убрусъ веземъ, иде. *И* в той чяс усѣкну мечникъ главу виноватаго и въ убрус обвитъ ю.

Свершенѣ же бывши божественей службѣ во церкви, прииде *праведный* онъ отрок к мечнику. Онъ же, главу веземъ, дасть ю, рек: «Неси господину своему». Госпожа же и

и гусли собирают вокруг себя бесстыдных бесов, а любящий сопели и гусли сатану славит, а кто чтит и одаривает музыкантов — тот беса коварного одаривает. Если кто не оставит деяний этих проклятых, то осужден будет с иноверцами и с идолопоклонниками. Богу нашему слава!

СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА, КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПОКИДАТЬ ЦЕРКОВЬ, КОГДА ТАМ ПОЮТ (ГЛАВА 38)

О том, что случилось в древности, поведал нам некто из благоверных. Был некий муж богобоязненный, и имел он единственного сына. А в стране той был сильный голод. Обнищал богобоязненный муж и сказал сыну своему: «Чадо, видишь, как обеднели: нечего у меня есть. Если хочешь, продам я тебя, и ты будешь жив, и родители твои не умрут от голода». И сказал ему сын: «Делай, отец, как хочешь». Отец же, взяв с собой сына, отвел его к одному из вельмож и получил деньги за сына своего. И сказал ему: «Чадо мое! Вот что завещаю тебе: когда идет служба в святой церкви, не посмей покинуть ее, пока не окончится». Сказав так, возвратился в дом свой. Послушный же отрок следовал завету отца своего.

По прошествии года увидел он как-то госпожу свою блудящей со слугою. Никому о том не поведал, но молил бога, чтобы простил тем грех их. Однако госпожу его охватил гнев, и она, не в силах перенести позор свой, сказала мужу своему: «Этот новокупленный раб не надежен: замышляет убить тебя. Так лучше его убить, чем он убьет тебя — жизнь мою». Так говорила коварная и блудливая жена своему мужу. Он же, лживые ее слова услышав, поверил им и приговорил праведного к смерти, а тот и не догадывался. И попросил епарха: кого пришлю к тебе с полотенцем, тому отруби голову и отдай ее тому, кто придет к тебе вслед за ним. А имени не назвал ни одного из слуг. И, вернувшись домой, послал его, праведника, вручив ему полотенце. Он же, ничего не зная, пошел на смерть. И случилось ему проходить мимо церкви, и услышал пение божественной песни. Вспомнил он о завете отца своего, стал в церкви, ожидая окончания службы.

Госпожа же его, распаляемая гневом, поспешила послать к палачу виноватого. Тот же пошел и увидел друга своего, стоящего в церкви. Спросил тот этого: «Куда идешь?» Посланный же сказал: «Велено мне к палачу идти». И другой сказал: «И я к тому же послан с полотенцем этим. Отнеси ты, что мы будем оба трудиться». Тот же, взяв полотенце, пошел. И в тот же час отрубил палач голову виноватого и завернул ее в полотенце.

Когда же окончилась божественная служба в церкви, пришел к палачу и праведный тот отрок. Палач же, взяв голову, отдал ему и сказал: «Отнеси к господину своему». Госпожа же и

господинъ удивистася, яко посланый на смерть прииде живъ, а иже по главу иде, той умре. И воспросиша й. Отрокъ же повѣдаша пред всѣми: «Аз не ослушахся отца своего заповѣди, стахъ во церкви до свершениа службы. Поиде другъ мой скоро, и да ему убрус. Сей умре злѣ, аз же приидох живъ». И вси прославиша бога, яко соблюденъ бысть отрокъ от смерти, створивъ заповѣдь отчю, а виноватый злѣ умре.

Се же, братие и сестры, слышаще, не мозѣте исходити из церкви преже конца пѣнию, паче же в час литоргия, да избавлени будете бѣдъ, добрѣ поживете. Богу нашему *слава!*

СЛОВО О ПРИТЧИ И О НАКАЗАНИИ ДѢТЕЙ РОДИТЕЛЕМЪ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ! (ГЛАВА 53)

Человѣци внемлите извѣсто о глаголемыхъ: «Кажите измлада дѣти своя». Глаголетъ бо божиа премудрость: «Любяи сына своего жезла на нь не щадитъ. Наказай его во уности, да на старость упокоит тя. Аще ли измала не накажеши, то, ожесточавъ, не повинит ти ся». Глаголетъ же в 4-х Царствиих сице: «Ерей бѣ нѣкто именемъ Илия, смиренъ и кротокъ велми, имяше два сына, еюже не казняше, аще и злое творяста, ни на страх божий учаше, но волю има бѣ далъ. Она же в буести, в ненаказании все зло творяста. И рече богъ ко Илии: «Понеже не наказа сыну своею, да оба сына твоя умрета от меча. И ты сам и весь домъ твой злѣ погибнетъ сыну дѣля твоею».

Слышите братие: «Аще богоугодно поживете, но иже дѣтей страху божию не наказал, за то погибе». Да аще в Ветсѣмъ законѣ то бысть, а мы что приимемъ, в Новѣм законѣ будуще? Аще кто не накажет дѣтей — Златословесный бо глаголетъ: «Аще кто дѣтей своих не учитъ воли божии, то лютѣе есть разбойника осудится: убийца бо тѣло умертвитъ, а родители, аще не учатъ, то душу губятъ». Но вы, убо, братие и сестры, наказайте измлада дѣти своя на закон божий, да страхъ божий вкоренится в них. Аще ли не послушают твои дѣти, то не пощади й. Якоже мудрость божиа глаголетъ: «6 ранъ или 12 сыну или дщери. Аще ли зла вина, то 20 ранъ плетию». Наказайте убо дѣти своа бога боятися, а злыхъ нравъ остати, да помощь души вашей будет. Не оставляй наказая дѣти си. Аще бо жезломъ бьеши — не умрет, но паче здравие будетъ. Душю его спасеши, аще накажеши. Дщери ли имаши — положи на них грозу, да соблюдеши я от телесных, не срамит ти ся лице, аще бес порока дщерь свою отдаси, и срѣдѣ сбора похвалишися о ней. Любяй же сына своего, учащай ему раны, и да напослѣди о немъ

господин удивились, что вернулся живым посланный на смерть, а пошедший за головой его — умер. И расспросили его. Отрок же рассказал перед всеми: «Я не ослушался завета отца своего, простоял в церкви до окончания службы. Друг мой поспешил, и я отдал ему полотенце. Он погиб страшной смертью, а я вернулся живым». И все прославили бога, что спасся отрок от смерти, соблюдая заповедь отца, а виновный умер страшной смертью.
Об этом, братья и сестры, услышав, не покидайте церкви прежде окончания службы, а особенно во время литургии, и будете избавлены от беды и благополучно проживете. Богу нашему слава!

СЛОВО ИЗ ПРИТЧИ И О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЯМИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ! (ГЛАВА 53)

Люди, внимательно вслушайтесь в сказанное: «Наказывайте смолоду детей своих». Вещает премудрость божья: «Любящий сына своего палки для него не пожалеет. Наказывай его в юности, чтобы он принес тебе покой в старости. Если же смолоду не накажешь, то ожесточится и не покорится». Рассказывается же в книгах Четырех царств такое: «Был некий иерей по имени Илья, смиренный и очень кроткий. И было у него два сына, которых не наказывал он, когда и зло творили, не учил их страху божьему, но давал им во всем волю. Они же, в буйстве и не ведая наказания, всегда зло творили. И сказал бог Илье: «Раз не воспитал ты сыновей своих, то оба сына твоих от меча погибнут. И ты сам, и весь дом твой страшно пострадаете из-за сыновей твоих».
Послушайте, братья: «Хотя бы и богоугодно вы жили, но если кто из вас не наставлял детей своих в страхе божьем, то за это пострадает». Да если и в Ветхом завете это было, то что же нам следует принять, в Новом завете живущим? Если кто не наказывает своих детей, то (как говорит об этом Златоуст): «Если кто детей своих не учит покоряться воле божьей, то осужден будет суровее, чем разбойник: убийца ведь тело умертвляет, а родители, не воспитывающие детей, душу губят». Но вы, братья и сестры, наставляйте смолоду детей своих в страхе божьем, чтобы страх божий укоренился в них. Если же не слушаются тебя твои дети, то не щади их. Как вещает божественная премудрость: «Шесть ударов или двенадцать — сыну или дочери. Если же велика провинность, то двадцать ударов плетью». Учите же детей своих бога бояться, а дурных обычаев избегать, и будет это в помощь душе вашей. Не оставляйте детей без наказания. Если и палкой побьешь — не умрет, но еще здоровее будет. Душу его спасешь, если накажешь. Имеешь ли ты дочерей — держи их в страхе, чтобы оградить их от плотского, не будет посрамлено лицо твое, если выдашь дочь свою замуж непорочной и перед всеми похвалишься ею. Если же любишь сына своего, бей его часто, и тогда впоследствии

возвеселишися, и среди знаемых похвалу приимеши. Воспитай дѣтище в наказании, да обрящеши славу и благословение от бога. Не дай же во уности воли дѣтищу, но казни, дондеже растетъ. Егда, ожесточавъ, не повинит ти ся и будет ти от него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь не мала, и тщета домови, и погибель имѣнию, и укоръ от сусед, посмѣх пред враги, и пред властели платеж, и зла досада.

Того ради, братие и сестры, наказайте дѣти своя не словомъ, но и раною. Да нынѣ не приимете про нихъ от людей срама, а в будущий вѣкъ муки с ними.

СЛОВО ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО О НЕ ВСТАЮЩИХ НА УТРЕННЮЮ (ГЛАВА 71)

Иже в лѣности кто в житии сем пребываетъ, той не спасется. Аще бо ся облениши на утренюю встати, не дай же ясти тѣлу своему день той до вечера. Писано бо есть: «Праздный да не ясть». Яко бо кто крадетъ — вину на ся имат. Тако вину причитаетъ богъ не встающему на заутренюю к церкви, развѣе недуга ради и труда велика дѣля, обаче и от недужнаго и труднаго истязаетъ богъ ⟨...⟩ молитвы и службы духовныя. Да никто извѣта имать, яко в миру живый с женою и з дѣтми, и печаль о дому имѣя, не глаголите: «Не могу богу угодити». Видим бо много угодники божиа в миру и заповѣди его творяще. Давидъ не бѣ ли богатъ, или не царь ли, се богу глаголаше: «Седмижды днемъ хвалих тя и паки полунощи встах исповѣдатися тебѣ». Да аще царь сый седмижды днем пѣлъ бога, и полунощи встал и моляся богу, а толико имый печаль, мы же како будем помиловани живуще в *лготѣ*, а лѣнимся к церкви на утренюю и на литоргию и на вечерню.

Что твориши, о человѣче, бесчинно и скарѣдо живый, час молитвенный пропивая, нравъ поганых любя, тѣх бо есть веселие еже упиватися, а християном егда обѣдати, тогда и пити. А ты весь день сѣдиши, губя питием, и ни телесных могий орудий творити, ни душевных, но вся на питие предая, и душю и тѣло губяй. Реченно бо в законѣ ясти и пити и в подобно время, а не в пиянство. Мнози же пиюще весь день губят, аки безсловесныи скоти и звѣри, не чающе суда, ни бога вѣдуще. И ти смѣют ны ся, яко и мы несмыслено сего не творим, а человѣци сии несыти: егда не имут покоя пиюще, лиют яко во утелъ сосуд, донелѣже возбѣснѣют от пиянства.

Двѣ бо пиянству различии. Едино же мнози хвалятъ глаголюще: той пьяница, иже упивася спитъ, яко мертвецъ. И яко болван валяется, и много осквернитъся и, домочився, смердит. И лежит в годъ заутрений, не мога ни главы возвести, рыгая,

порадует он тебя и хвалы удостоишься от всех знающих тебя. Воспитай чадо свое в строгости и обретешь почет и благословение от бога. Не дай в юности воли чаду, но наказывай его, пока растет. Иначе, огрубев, не станет слушать тебя и будут тебе от него огорчения великие, и мука душевная, и скорбь немалая, и дома разорение, и богатства утрата, и укоры соседей, и позор перед недругами, и штрафы властелинам, и горькая обида.

Поэтому, братья и сестры, наказывайте детей своих не только словом, но и побоями. Тогда и ныне не будете ими посрамлены перед людьми и в будущий век не примете мук с ними.

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТОУСТА О ТЕХ, КТО НЕ ВСТАЕТ НА ЗАУТРЕНЮ (ГЛАВА 71)

Кто в жизни своей в леностн пребывает, тот не спасется. Если поленишься встать к заутрене, то лиши тело свое еды в тот день до вечера. Написано же: «Праздный да не ест». Если же кто крадет — тот вину на себя берет. Также вину возлагает бог на тех, кто не встает к заутрене в церкви, если только не помешала тому болезнь или горе великое, но и от больного и от несчастного ждет бог молитвы и служения душевного. Да никто пусть не осудит живущего в миру, с женой и с детьми, и в заботах о доме; не говорит: «Не могу богу угодить». Видим мы многих угодников божьих и в миру заповеди его творящих. Разве не был Давид богат, не царь ли он был, но так богу говорил: «Семь раз на день славил тебя и снова, встав в полуночи, исповедался тебе». Так если бывший царем семь раз на день воспевал бога и, в полуночи встав, молился богу, а столько горя перенес, то как же мы будем прощены, живущие в довольстве, если ленимся в церковь идти к заутрене, и на литургию, и на вечерню.

Что творишь ты, человек, беспутно и мерзко живущий, пропивающий час молитвы, любящий обычай неверных, ибо для тех веселье в пьянстве, а христианам следует — когда обедаешь, тогда и пить. А ты весь день сидишь, губя себя пьянством, и не способен к делам физическим и душевным, все в пьянстве растратив и душу и тело губя. Сказано ведь в законе: есть и пить следует в положенное время, а не пьянствовать. Многие же, пьянствуя, весь день губят, словно они — бессловесные скоты или звери, которые не думают о возмездии и бога не знают. И не смеются ли они над нами: и мы, мол, несмысленные, того не творим, что делают эти люди ненасытные, покоя не знающие пьяницы, что льют в себя, словно в бездонный сосуд, пока не взбесятся от пьянства.

Два различных вида есть пьянства. И многие хвалят один из них, говоря: тот пьяница, который, упившись, спит, словно мертвец. И словно идол валяется, и весь в грязи, и обмочится, и воняет. И лежит в час заутрени не в силах и головы поднять, рыгая,

смердя от многа пития, разслабле свое тѣло мокро. И до горла, яко мѣх, налиявся. Чим отдѣленъ от поганых таковый? Вижте, коль зло есть пианство. Аще бо кто в том умрет, с погаными осудится. А деряживый пьяница, иже биется и сварится, и лаетъ говѣющим, и боголюбцем поносит и укоряетъ. И аще властель есть — лютѣе: вся бо повинути хощет своей пагубе, бояся говѣющих укора, их ненавидит, ему подобныя любитъ, иже потаквы творят ему, блазняще и́. Аще в сих пребывающа смерть приреметъ и с кумирослужебники осудятся.

СЛОВО БЛАЖЕННАГО ЕВСЕВИА АРХИЕПИСКОПА О УТОПАЮЩИХ (ГЛАВА 82)

В лѣтѣ во единъ от дний человѣкъ, превозяся рѣку, утопе. Да овии глаголаху: «По дѣлом восприял есть», а инии вѣщаху: «Смерть прииде ему». О семъ царь Александръ воспроси блаженнаго Евсѣвиа епископа.

К нему же Евсѣвей рече: «Ни единъ же от сих обрѣте истинны. Аще бы кто же по дѣлом приималъ, то весь бы миръ злѣ погиблъ, но диаволъ не сердцевидець, но *назиратель* и уховолок и смотритель человѣчи смерти. И тако погубити ловитъ, да сѣтию его напишется смерть. Егда бо дияволъ увѣсть смерть человѣку, взбыстрит, ли сваръ, или гнѣвъ приводя, ли ярость, да от мала ударения человѣкъ умрет. Или понудити его в день весны преити рѣку, или во ину напасть чрез подобу ввержетъ его и своею сѣтию устроитъ ему смерть.

Но разумѣй и вижь, како без милости нѣкия человѣки бьютъ и оружиемъ сѣкутъ, но не умираютъ, и паки же случится: нѣкто, мало ударенъ, смерти вскорѣ предасть. И сему подобно есть, аще в зимный чяс кто и в лютый мразъ из дому изыдетъ и на пути от мраза умрет — самоволною смертию умирают таковии. Аще ли кто в тихо изыдетъ из дому, и на пути приимет бѣду, и мѣста не будетъ гдѣ съкрытися, то таковыи мученическою смертию умирают. И паки: аще кто придетъ на реку и обрящетъ ю волнами мутиму, не преходящу чрезъ ю никомуже, той же надѣяся своею дерзостию преити и, вшед, в напасть скоро умрет, то о таковѣм и приноса в церковь не достоитъ принести: сам бо убийца себѣ есть. Аще кто, разбой лютый услышавъ на нѣкоемъ распутии, и поидетъ яко мужаяся тѣмъ путемъ, аще убиютъ и́, то убийца же себе есть. И аще кто в вязнемъ бою убит или удавится, своею волею умираютъ тии, ни погребати таковых не достоитъ, ни приноса в церковь от них, рече, не приносити: сами бо губили ся суть. Аще же кого изнезапы бѣда прииметъ, или утонетъ, или убиют, или на кого невидѣние прилучится, то мученическою смертию умираютъ таковии».

воняя от чрез меру выпитого, обмякший и потный. И до горла, точно мех, налит. Чем отличается от иноверцев такой? Видите, какое зло пьянство. Если кто пьяницей умрет, тот с иноверцами осужден будет. А бывает драчливый пьяница: дерется он, и сквернословит, и оскорбляет трезвенников, и боголюбцев поносит и укоряет. А если он властелин — того хуже: всех хочет подчинить своему пороку, боясь от трезвенников укора, их же ненавидит, а себе подобных любит, кто потакает ему и совращает его. Если так поступающий смерть примет, то осужден будет с идолопоклонниками.

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЕВСЕВИЯ-АРХИЕПИСКОПА ОБ УТОПАЮЩИХ (ГЛАВА 82)

Как-то летом человек утонул, переплывая реку. И одни говорили: «По делам своим получил», а другие говорили: «Смерть пришла к нему». Об этом царь Александр спросил блаженного епископа Евсевия.

И сказал ему Евсевий: «И те и другие далеки от истины. Если бы каждый по делам своим получал, то весь мир погиб бы в муках, но дьявол не может читать в сердцах, а лишь подсматривает и подслушивает и высматривает смерть человека. И так стремится погубить, чтобы в сетях его погиб человек. Когда узнает дьявол, что суждена смерть человеку, то поспешит поссорить его или гнев в нем возбудить или ярость, чтобы и от легкого удара умер человек. Или убедит его в весенний день переправляться через реку, или ввергнет его в иную беду, заставив поступить, как не подобает, и своими уловками приведет его к смерти.

Но задумайся и посмотри, как иных людей без жалости бьют и оружием ранят, но не умирают они, а бывает, случится, что кто-либо и от слабого удара тут же умрет. И подобно этому: если кто зимой и в лютый мороз выйдет из дому и по дороге умрет, замерзнув,— то по своей вине умирают таковые. Если же кто выйдет из дому в тихую погоду, и в пути застигнет его ненастье, и не будет места, где спрятаться, то таковые умирают мученической смертью. И еще: если кто придет к реке и увидит на реке мутные волны и никто через нее не переправляется, а он, понадеявшись на себя, вздумает дерзнуть ее перейти, и, отправившись, в беду попадет, и погибнет, то за такого не следует и даров в церковь приносить — сам он себе убийца. Если кто, услышав о страшном разбое на распутье дорог, все же пойдет как смельчак той дорогой, то, если убьют его, сам себе он убийца. А если кто в ⟨...⟩ бою будет убит или повесится, то такие по своей воле умирают; ни погребать их не следует, ни даров в церковь за них не нужно приносить — сами себя погубили. Если же с кем внезапная беда случится: или утонет, или убьют его, или ослепнет кто,— то таковые умирают как мученики».

СЛОВО СВЯТЫХ ОТЕЦЬ О ТЯЗИОТѢ (ГЛАВА 131)

Иже в Картигании бысть в лѣто патрекиа Никиты тязиотъ нѣкто в претории бѣ. Многъ же бяше во градѣ моръ на люди. Сей же, покаявся о злобахъ своих, изыде из града в село с женою, и ту в чистотѣ пребывати ему. Завидяи же диаволъ спасению всѣх, соблазнивъ его любодѣяниемъ с женою ратая своего. И по малых днех змия его уяде и умре. Монастырь же единаго *бѣ* поприща от села того, во нь же везе жена мужа своего умерша, и погребоша в третий часъ дне.

И яко начаша пѣти, 9 час, слышавше вопль, глаголющь: «Помилуйте мя! Изведите мя отселѣ!». Они же, ужасни *быша* и, шед, раскопаша мѣсто то, изведши, и вопрашахут его, хотя увѣдѣти бывшее. Онъ же ничтоже могии глаголати, точию плакаше, захлипаяся. И ведоша его ко игумену, но не можаше тязиотъ глаголати по три дни, едва в четвертый день нача глаголати со слезами:

«Азъ, отцы и братья, егда умирах и видѣх страшныа *мурины* пришедша, и велми ужасе ми ся душа. И потом два уноши доброзрачны узрѣх и красны зѣло, яже душу мою приимше, и восхожахомъ от земля, и доидохом мытарствъ, яже на воздусѣ истязаху мимоидущая душа: ови лжа, иныя клеветы, зависть и осужение, гнѣвъ, гордость, пианства и граблениа, скупости и прочая грѣхи. Кождо *их* своя имат испытаниа на воздусѣ. И доидохомъ мытарства блуднаго, еже у вратъ небесных. И ту удержаша мя, вся блудства моя изношаху, иже есми сотворил от рода от 12 лѣтъ. И глаголаста аггела: «Покаялся о всѣх, отдалъ ему богъ есть». Они же рекоша: «По покаянии на селѣ с женою ратая своего соблудил есть». Отидоша аггела, оставлеши мя, имше мя бѣси, биюще лютѣ, и сведоша на землю. И разсѣдшися земля, во преисподняя темницы адовы ведоша мя, идѣже грѣшних души заключени в земли тмы вѣчныя, якоже Иевъ рече: «Идѣже свѣта нѣсть человѣком», но вѣчная болѣзнь, и бесконечная мука, и печаль беспрестани, и плачь, неисповѣдимая туга всегда. «О горе!» — глаголютъ и лютѣ вопиют. Нѣсть мощно бѣды тоя исповѣдати. От сердца стонут, и нѣсть кто помилуя их, плачются и молятся, но нѣсть помогающаго имъ. С ними же и азъ быхъ в тѣх же затворенъ мѣстех и плачася пребых до 9 часа.

И видѣх два она аггела пришедша, и азъ прилѣжно молихся имъ, дабы мя извели, и обѣты от сердца положих покаятися. Они же рекоста ми: «О человѣче! Уже ти есть вотще молба». Мнѣ же велми плачющуся умилно, и глагола единъ ко другому: «Поручиши ли ся за нь?» Онъ же рече: «Велми ся поручю: от сердца *бо* кается». Тогда аггела оба изведоста мя на землю во гробъ к тѣлу моему. И гнушахся в тѣло мое внидти,

СЛОВО СВЯТЫХ ОТЦОВ О ВОИНЕ (ГЛАВА 131)

Был в Картигании во времена патрикия Никиты некий воин в военном лагере. В городе том был страшный мор. И тот воин, покаявшись в грехах своих, покинул город и ушел с женою в село и тут зажил безгрешно. Дьявол же, завидующий спасению каждого, совратил того на прелюбодеяние с женою его крестьянина. И через несколько дней укусила его змея, и он умер. Был в одной версте от того места монастырь, туда и отвезла жена умершего своего мужа, и погребли его в третьем часу дня.

И когда начали отпевать, на девятый час услышали вопль: «Помилуйте меня! Выведите меня отсюда!» Пришли все в ужас, и пошли, и раскопали могилу, вывели того и стали расспрашивать, желая узнать, что с ним было. Он же ничего не мог сказать, только плакал и всхлипывал. И отвели его к игумену, но не мог воин еще три дня говорить и едва на четвертый день поведал со слезами:

«Я, отцы и братья, когда умирал, то увидел страшных бесов, подошедших ко мне, и ужас охватил мою душу. И потом увидел двух юношей, прекрасных видом и лицом, которые душу мою взяли, и вознеслись мы от земли, и достигли мытарств, где в воздухе вопрошают проносящиеся мимо души: одних — о лжи, других — о клевете, зависти, укорах, гневе, гордости, пьянстве, воровстве, скупости и о прочих грехах. Каждый из них был испытываем в воздухе. И достигли мы мытарства блудного, что у врат небесных. И тут задержали меня, обо всех блудодеяниях моих вспоминая, какие совершил я в течение жизни, начиная с двенадцати лет. И сказали ангелы: «Покаялся он обо всем, и простил его бог». Они же сказали: «После покаяния соблудил в селе с женою крестьянина своего». Отошли ангелы, оставив меня, а бесы, схватив и жестоко избивая, свели на землю. И расступилась земля, в преисподнюю, в темницу адскую, ввели меня, где души грешных заключены в земле тьмы вечной, как говорил Иов: «Где света нет людям, но вечные страдания, и бесконечные муки, и горе непрестанное, и плач, невыразимая туга всегда». «О горе!» — взывают и отчаянно вопят. Невозможно о страданиях тех рассказать. Из глубины сердца стонут, но нет никого, кто помиловал бы их, плачут и молятся, но нет никого, кто бы им помог. С ними и я был заключен в тех же местах и, плача, находился там до девятого часа.

И увидел, что пришли два ангела, и стал я истово молиться им, чтобы меня вывели оттуда, и дал обет сердечный покаяться. Они же отвечали мне: «О человек! Уже напрасны мольбы твои». Я же плакал горько и искренне, и сказал один другому: «Поручишься ли за него?» Он же ответил: «Охотно поручусь: от сердца ведь кается». Тогда ангелы привели меня на землю, в гроб, к телу моему. И с отвращением не решался я в тело свое войти,

бѣ бо яко калъ черно, и велми смрадя. И рекоста ми аггела: «Не мощно инако покаятися, аще не тѣлом, имъже еси согрѣшилъ». Азъ же моляхся, дабы ми в тѣло не внидти. Они же глаголаста ми: «Вниди, человѣче, в тѣло. Аще ли — то ведевѣ тя паки таможе. Вниди убо, да иным будеши на успѣх твоимъ покаяниемъ». Тогда видѣх ся, яко усты внидох, и начах звати: «Помилуйте мя!» И тако изведоста мя».

И глагола ему игумен: «Приими ясти, брате!». Тязиот же не вкуси ничтоже, но преходяше от мѣста на мѣсто, каяся, и плача велми, и глаголаше людем со слезами: «О братие! Горе грѣшником будет! Люто же отнудь скверняющему тѣло свое блудомъ». И пребывъ 40 дний и отиде к богу праведенъ.

Се же Фаласѣй игуменъ и чернцы его видѣша и нам на ползу написаша, и послушающим на успѣх о Христѣ Исусѣ, господѣ нашем.

было оно как грязь черно и издавало сильный смрад. И сказали мне ангелы: «Нельзя иначе покаяться, как не в теле, которым согрешил». Я же умолял их, чтобы мне в тело не входить. Они же сказали мне: «Войди, человек, в тело. Если же нет — то отведем тебя снова туда же. Войди же — да иным дашь пример своим покаянием». И тогда увидел я, что вошел через рот, и начал взывать: «Помилуйте меня!» И так вывели меня».
И сказал ему игумен: «Возьми поешь, брат!» Воин же не взял еды ни крошки, но, переходя с места на место, каялся и плакал горько и говорил людям со слезами: «О братья! Горе грешников ждет. Беда же великая будет тем, кто оскверняет тело свое блудом». И, прожив сорок дней, отошел к богу праведником.
Это Таласий-игумен и монахи все видели и нам на пользу написали и слушающим на благо о Христе Иисусе, господе нашем.

ДОМОСТРОЙ

КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ ДОМОСТРОЙ, ИМѢЕТЪ В СЕБѢ ВЕЩИ ПОЛЕЗНЫ, ПОУЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ВСЯКОМУ ХРИСТИЯНИНУ — МУЖУ, И ЖЕНѢ, И ЧАДОМ, И РАБОМ, И РАБЫНЯМ

1. НАКАЗАНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословляю азъ, грѣшный имярекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего имярекъ и его жену и ихъ чадъ и домочадцовъ быти во всякомъ християньскомъ законе и во всякой чистой совести и правде, с вѣрою творяще волю божию и храняще заповеди его, себе утвержающе во всякомъ страсѣ божии и в законномъ жительствѣ, и жену поучающе, тако же и домочадцовъ своихъ наказующе, не нужею, ни ранами, ни роботою тяжкою, имѣюще яко дѣти во всякомъ покои сыты и одѣны и в тепломъ храмѣ, и во всякомъ устрои. И вдаю вамъ, християньскому жительству, писание се на память и вразумление вамъ и чадом вашимъ. Аще сего моего писания не внемлете и *наказания* не послушаете и по тому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано, сами себѣ отвѣтъ дадите въ день Страшнаго суда, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ, кромѣ моея душа: аз о семъ о всякомъ благочинии благославлялъ и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писание предлагалъ вамъ, и, аще восприимете сие мое худое учение и грубое наказание, и сие *писание со всею чистотою душевною, прося у бога помощи и разума, поелико возможно, какъ богъ вразумит, и начнете дѣлом творити вся се — будет на вас милость божия и пречистые богородицы, и великих чюдотворцов, и нашего благословления отнынѣ и до вѣка, и дом вашь, и чада ваши, и стяжание ваше и обилие, что вам богъ подоровал от своих трудов — да будет благословенно и исполненно всяких благъ во вѣки. Аминь.*

ДОМОСТРОЙ

КНИГА, НАЗЫВАЕМАЯ ДОМОСТРОЕМ, КОТОРАЯ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ, ПОУЧЕНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ВСЯКОМУ ХРИСТИАНИНУ — И МУЖУ, И ЖЕНЕ, И ДЕТЯМ, И СЛУГАМ, И СЛУЖАНКАМ

1. НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

Благословляю я, грешник имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю божью и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не послушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и думал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примете вы со всею чистотою душевной, прося у бога помощи и разума, насколько возможно, и, коли бог вразумит, в дело его претворите,— будет на вас милость божья, и пречистой богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши, и имение ваше, и богатство, какие вам бог даровал от ваших трудов,— да будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь.

2. КАКО ХРИСТИЯНОМ ВѢРОВАТИ ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ И КРЕСТУ ХРИСТОВУ, И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСѢМ СВЯТЫМ, И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩЕМ И ПОКЛОНЯТИСЬ ИМ

Подобает убо всякому християнину вѣдати, како по бозѣ жити в православной вѣре християньстей: первое убо от всея души вѣровати во Отца и Сына и святаго Духа — в нераздѣлную Троицу, и воплощению господа нашего Исуса Христа, сына божия, вѣруй и рождьшую его матерь Богородицу нарицай, кресту же христову с вѣрою покланяйся, яко на том всѢм человекомъ спасение содѣла господь. И понеж иконе же Христове и пречистой матере его и святым небеснымъ бесплотным силам и всѣмъ святымъ честь воздай, яко сам любов.

3. КАКО ТАЙНАМЪ БОЖИИМЪ ПРИЧАЩАТИСЬ И ВѢРОВАТИ ВОСКРЕСЕНИЮ МЕРТВЫХЪ, И СТРАШНАГО СУДА ЧАЯТИ И КАСАТИСЯ ВСЯКОЙ СВЯТЫНИ

Тайнамъ божиимъ вѣруй, тѣлу его, крови вѣруй причащатися и со страхомъ, на очищение и освящение души же и тѣлу и во оставление грѣхомъ и в жизнь вѣчную, вѣруй воскресению мертвым и жизни будущаго вѣка, помяни Страшный судъ, и воздаяние по дѣломъ будетъ намъ. Аще когда приочистив себе духовно, в чистой совѣсти с молитвою и с молениемъ цѣловати животворящий крестъ и святыи честныи образы чюдотворные многоцѣлебныя мощи; по молении прекрестяся поцеловати, духъ в себѣ удержавъ, а губъ не разѣваючи. А благоволитъ богъ кому причасьтитися божественыхъ христовыхъ тайнъ, ино лжицею от иерея приимати во уста опасно, губами не сверкати, руцѣ имети к персемъ согбени крестаобразно, а дора и просфира и всякая святая вкушати бережно, крохи на землю не уронити, а зубами просфиры не кусати, яко же прочии, хлѣбъ уломываючи, невелики кусочки класти в рот, ести губами и ртомъ, не чавкати, со опасением ести; а просфиры с вологою не ести, токмо воды прихлебывати или укропу с виномъ служенымъ или без вина, а иного ничего не примешати. Преже всякия ествы свершати просфира в церкви или в дому, а и с кутьею никако же просфиры не ести, ни с кануномъ, и на кутью просвиры не класти; аще с кѣмъ о Христѣ цѣлование сотворити, такоже духъ в себѣ удержавъ поцѣловатися, а губами не плюскати; поразсуди: человеческия немощи, нечювьственаго духа гнушаемся чесночного, хмелного, болного и всякого смрада, коль мерско господеви нашь смрадъ, и обоняние — сего ради со опасениемъ творити.

2. КАК ХРИСТИАНАМ ВЕРОВАТЬ ВО СВЯТУЮ ТРОИЦУ, И ПРЕЧИСТУЮ БОГОРОДИЦУ, И В КРЕСТ ХРИСТОВ, И СВЯТЫМ НЕБЕСНЫМ БЕСПЛОТНЫМ СИЛАМ, И ВСЕМ СВЯТЫМ, И ЧЕСТНЫМ И СВЯТЫМ МОЩАМ, И КАК ПОКЛОНЯТЬСЯ ИМ

Каждому христианину следует знать, как по-божески жить в православной вере христианской: прежде всего всею душой веровать в Отца и Сына и святого Духа — в нераздельную Троицу, в воплощение господа нашего Иисуса Христа, сына божия, веруй, называй Богородицей мать, его родившую, и кресту христову с верою поклоняйся, ибо этим всем принес господь людям спасение. И всегда иконе Христа, и его пречистой матери, и святым небесным бесплотным силам, и всем святым честь воздай, ибо сам он — любовь.

3. КАК ТАЙНАМ БОЖИИМ ПРИЧАЩАТЬСЯ, И ВЕРОВАТЬ В ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ, И СТРАШНОГО СУДА ОЖИДАТЬ, И ПРИКАСАТЬСЯ КО ВСЯКОЙ СВЯТЫНЕ

В тайны божии веруй, в тело его и в кровь веруй, им причащайся со страхом для очищения и освящения души и тела, ради оставления грехов, и в жизнь вечную веруй, веруй в воскресение из мертвых и в загробную жизнь, поминай Страшный суд, и воздаяние по нашим делам будет нам. И когда приготовишь себя духовно, с чистой совестью, и с молитвою, и с мольбой целуй животворящий крест, и святые честные иконы чудотворные, и многоцелебные мощи; а после молитвы, перекрестясь, целуй их, воздух в себе удержав и рта не разевая. А коли благоволит господь причаститься божественных христовых тайн, то ложечкой от священника принимай в уста осторожно: губами не чмокать, а руки сложить у груди крестом, а дору и просвиру и все священное вкушать бережно и крошки на землю не ронять, просвиру зубами не кусать, как иные — хлеб, отламывая, маленькие кусочки класть в рот, жевать губами и ртом, не чавкать — с осторожностью есть; и просвиры с приправой не есть, только воды прихлебнуть или теплой воды с вином церковным или без вина, и ничего не примешивать. Прежде всяких кушаний готовить просвиры в церкви или в доме, никогда просвиры не есть ни с кутьей, ни с кануном, и на кутью просвиры не класть; и если с кем во Христе целованье творишь, то целуйся, также воздух в себе задержав, губами не чмокая; сам подумай: человеческой немощи, едва заметного запаха гнушаемся чесночного, смрада от хмельного, больного и прочего, так как же мерзок господу наш смрад и его проявление — вот почему с осторожностью совершай все это.

4. КАКО ЛЮБИТИ БОГА ОТ ВСЕЯ ДУША, ТАКО ЖЕ БРАТА СВОЕГО, И СТРАХ БОЖИЙ ИМѢТИ И ПАМЯТЬ СМЕРТНУЮ

Посем же возлюбиши господа бога твоего от всея душа своея и от всея крѣпости своея, и подвигни вся твоя дѣла и обычая, и нравы угодная творити по заповѣди его, паки же искреняго си возлюби всякаго человека, по образу божию созданна, рекше всякаго християнина; страхъ божий всегда имѣй в сердцы своемъ и память смертную всегда волю божию творити, и по заповѣдемъ его ходи. Рече господь: «В чемъ тя застану, в томъ и сужу» — ино достоитъ всякому християнину готову быти в добрых дѣлех, в чистоте и в покаянии, и во всякомъ исповѣдании, всегда чающе часа смертнаго.

5. КАКО СВЯТИТЕЛЬСКИЙ ЧИНЪ ПОЧИТАТИ, ТАКО ЖЕ И СВЯЩЕННИЧЕСКИЙ ЧИНЪ И МНИШЕСКИЙ

По святительскому чину всегда прибѣгай и должную честь имъ воздавай, и благословения и духовнаго поучения от него требуй от них, и припадай к ногамъ их, и во всемъ повинуйся имъ по бозѣ; священническому чину и мнишескому вѣлию вѣру и любовь, и повиновение, и всякое покорение пред ними имѣй, и духовную ползу от нихъ внимай: тѣ убо суть слуги и молебники небеснаго царя, имѣютъ дерзновение у господа просити добрых и полезных душамъ нашимъ и оставление грѣховъ и жизни вѣчьныя.

6. КАКО ПОСЕЩАТИ В МОНАСТЫРЕХ И В БОЛНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКАГО СКОРБИ

В монастыри и в болницы, и в пустыни, и в темницы закълюченных посѣщай и милостыню по силѣ всяких потребных подавай, елико требуютъ, и види бѣду их и скорбь, и всяку нужу, елико возможно, помогай имъ, и всякаго скорбна и бѣдна, и нужна, и нища не презри, введи в домъ свой, напои, накорми, согрѣй, одежи всею любовию и чистою совѣсьтию: тѣми милостива бога сотвориши и свободу получиши; а родителемъ своим преставльшимся память твори, к церквамъ божиимъ приношение и в дому по них кормлю твори, нищимъ милостыню, и самъ от бога помяновенъ будеши.

7. КАКО ЦАРЯ И КНЯЗЯ ЧТИТИ И ПОВИНОВАТИСЯ ВО ВСЕМЪ И ВСЯКОМУ *ВЛАСТЕЛЮ* ПОКАРЯТИСЯ, И ПРАВДОЮ СЛУЖИТИ ИМЪ ВО ВСЕМЪ, КЪ БОЛЬШИМЪ И К МЕНШИМЪ, И СКОРБНЫМЪ И МАЛОМОЩНЫМ, КО ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ, КАКОВУ БЫТИ, И СЕБѢ О СЕМЪ ВНИМАТИ

Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ бога моли, и ложно отнюдъ не глаголи пред нимъ, но с покорениемъ истинну отвѣщай ему, яко самому богу, и во всем повинуйся ему; аще земному

4. КАК ЛЮБИТЬ БОГА ВСЕЮ ДУШОЮ, И БЛИЗКИХ СВОИХ, И СТРАХ БОЖИЙ ИМЕТЬ, И ПОМНИТЬ О СМЕРТНОМ ЧАСЕ

И потому возлюби господа бога твоего всею душою своей и со всей твердостью духа своего, и стремись все свои дела и привычки и нравы соразмерять с заповедями его, и при этом возлюби всякого близкого человека, по образу божию созданного, то есть всякого христианина; страх божий всегда имей в сердце своем и помни о смерти. Сказал господь: «На чем тебя застану, по тому и сужу»,— так что следует всякому христианину готовым быть к встрече с господом — жить добрыми делами, в чистоте и покаянии, всегда исповедоваться, постоянно ожидая часа смертного.

5. КАК СВЯТИТЕЛЕЙ ПОЧИТАТЬ, ТАКЖЕ И СВЯЩЕННИКОВ И МОНАХОВ

К священникам всегда приходи и подобающую им честь воздавай, и благословения и духовного наставления проси у них, и припадай к ногам их, и во всем божественном повинуйся им; к священникам и монахам имей доверие, и любовь, и повиновение и во всем покоряйся им, духовную пользу душе своей получая, ибо они суть слуги и молельщики небесного царя, дано им право у господа просить о добром и полезном для душ наших, и о прощении грехов, и о жизни вечной.

6. КАК ПОСЕЩАТЬ В МОНАСТЫРЯХ, И В БОЛЬНИЦАХ, И В ТЕМНИЦАХ, И ВСЯКОГО В СКОРБИ

В монастыре, и в больнице, и в затворничестве, и в темнице заключенных посещай и милостыню, что просят, по силе своей возможности подавай, и вглядись в беду их и скорбь, и в нужды их, и, насколько возможно, им помогай, и всех, кто в скорби и бедности, и нуждающегося, и нищего не презирай, введи в дом свой, напои, накорми, согрей, приветь с любовью и с чистою совестью: и этим милость бога заслужишь и прощение грехов получишь; также и родителей своих покойных поминай приношением в церковь божию, и дома поминки устраивай, а нищим раздай милостыню, тогда и сам будешь помянут богом.

7. КАК ЦАРЯ И КНЯЗЯ ЧТИТЬ И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ ВО ВСЕМ, И ВСЯКОМУ ВЛАСТИТЕЛЮ ПОКОРЯТЬСЯ, И ПРАВДОЮ СЛУЖИТЬ ИМ ВО ВСЕМ, И БОЛЬШИМ И МАЛЫМ, И СКОРБНЫМ И НЕМОЩНЫМ, ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ, КТО БЫ ОН НИ БЫЛ, И СЕБЕ САМОМУ ВДУМАТЬСЯ В ЭТО

Царя бойся и служи ему с верою, и всегда о нем бога моли, и тем паче не лги ему, но с почтением правду ему говори, как самому богу, и во всем повинуйся ему; если земному

царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися: сей временень, а небесный вѣчень, и судия нелицѣмерень, воздасть комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покаряйтеся и должную ему честь воздавай, яко от него посланомъ во отмщение злодѣем. В похвалу же добродѣемъ князю своему прияйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ; ни помыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: «Вся владычество от бога учинена суть», да аще кто противится властелемъ, то божию повелѣнию противитца, а царю и князю, и всякому велможе и клеветою, й лукавъствомъ; погубит господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники от народа прокляти суть. Старейшимъ себѣ честь воздавай и поклонение твори, среднихъ яко братию почитай, маломожных и скорбных любовию привечай, юнейших яко чада люби — всякому созданию божию не лихъ буди. Славы земныя ни в чемъ не желай, вѣчьныхъ благъ проси у бога, всякую скорбь и тесноту з благодарениемъ терпи, обидимъ — не мсти, хулимъ — моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающая не осужай, воспомяни своя грѣхи, о тѣхъ крѣпко пѣкися, злых мужей совѣту отвращайся, буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣлания написуй в сердцы своемъ, и самъ тако ж твори.

8. КАКО ДОМЪ СВОЙ УКРАСИТИ СВЯТЫМИ ОБРАЗЫ, ДОМЪ ЧИСТЪ ИМѢТИ

В дому своемъ всякому християнину во всякой храмине святыя и честныя образы, написаны на иконахъ, по существу ставити на стенах, устроив благолѣпно со всякимъ украшениемъ, и со светилники, въ них же свѣщи пред святыми образы возжигаются на всякомъ славословии божии, и по пѣнии погашают, завѣсою закрываются всякия ради чистоты и от пыли, благочиния ради и брежения; а всегда чистым крылышкомъ омѣтати, и мяхкою губою вытирати их, и храмъ тот чистъ держати всѣгда. А к святымъ образомъ касатися достойнымъ в чистей совести и на словословии божии, и на святомъ пѣнии, и молитвѣ свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и фимияномъ, а образы святыя поставляются, иже в начале по чину, свято почитаеми суть имяны прежереченными, в молитвах и во бдениих, и в поклонех, и во всякомъ славословии божии всегда почитати их со слезами и съ рыданиемъ, и сокрушенымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущения грѣхомъ.

9. КАКО К *ЦЕРКВАМЪ* БОЖИИМ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМЪ ПРИХОДИТИ

А к церквамъ божиимъ всегда с вѣрою приходити, с приношениемъ: с свечею и с просфирою, с фимияномъ и с ладономъ, с канономъ и с кутьею, и с милостынею, и за здравие, и за упокой,

царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя бояться: этот временный, а небесный вечен и, судья нелицеприятный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь и должную им честь воздавайте, ибо князь послан богом карать злодеев. С похвалой благодетелям примите всем сердцем своего князя и властителей своих; не помыслите на них зла. Говорит же апостол Павел: «Вся власть от бога», так что кто противится властителям, царю и князю и всякому вельможе, и клеветою и лукавством вредит, тот божию повелению противится; погубит господь всех изрекающих ложь, а сплетники и клеветники прокляты и людьми. Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних как братьев почитай, немощных и скорбных утешь любовью, а младших как детей возлюби — никакому созданию божию не будь лиходеем. Славы земной ни в чем не желай, вечного блаженства проси у бога, всякую скорбь и притеснение с благодарностью претерпи, если обидят — не мсти, если хулят — молись, не воздавай злом за зло, согрешающих не осуждай, вспомни и о своих грехах, позаботься прежде всего о них, отвергни советы злых людей, равняйся на живущих по правде, их деяния запиши в сердце своем и сам поступай так же.

8. КАК ДОМ СВОЙ УКРАСИТЬ СВЯТЫМИ ОБРАЗАМИ И В ЧИСТОТЕ СОДЕРЖАТЬ

Каждый христианин должен в доме своем, во всех комнатах, развесить по старшинству святые образа, красиво их обрядив, и поставить светильники, в которых перед святыми образами зажигаются во время молебствия свечи, а после службы гасятся, закрываются занавеской чистоты ради и от пыли, ради строгого порядка и для сохранности; и всегда их следует обметать чистым крылышком и мягкою губкою их протирать, а комнату всегда содержать в чистоте. А к святым образам прикасаться лишь с чистой совестью, во время священного пения и молитвы свечи возжигать и кадить благовонным ладаном и фимиамом; а образа святых расставляются по старшинству, сначала — особенно почитаемые, как уже сказано; при молитвах, и в бдении, и поклонами, и во всяком славословии богу следует всегда воздавать им честь со слезами и с плачем и, с опечаленным сердцем исповедываясь, просить отпущения грехов.

9. КАК В ЦЕРКВИ БОЖИИ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМ ПРИХОДИТЬ

А в церкви божии всегда с верою приходить и с приношением: со свечой и с просвирой, с фимиамом и с ладаном, с кануном и с кутьею, и с милостыней — и за здравие, и за упокой,

и к празникомъ; и по монастыремъ тако с милостынею и с приношениемъ приходити, егда принесеши даръ свой ко олтарю, воспоминай еуаггельское слово: «Егда нѣчто имать братъ твой на тя, остави ту даръ свой пред олтаремъ, и шедъ смирися з братомъ своим прежде», тогда принеси даръ свой к богу от праведнаго своего имѣния: от неправды неприятна милостыня к сильнымъ. Речено бысть: «Луче не грабити, неже милостыня даяти». От неправды отдай обидимому — приятнее милостыни, а к богу приятна милостыня от праведнаго стяжания и от добрых дѣлъ.

10. КАКО СВЯЩЕННИКОВЪ И ИНОКОВ В ДОМЪ СВОЙ ПРИЗЫВАТИ, МОЛИТИСЯ

А в которые любо празники по обещанию *своему* да призываютъ священнический чин в домъ свой, елико по силе, и молебная совершают о всякомъ прошении и молятъ за царя и великаго князя имярек, всея Руси самодержца, и за его царицу и великую княгиню имярек и за их благородныя чада, и за братью его и за боляре, и за все христолюбиво воиньсьтво, иже побѣду на враги и о плененых свободѣ, и о всемъ священническомъ и иноческом ящаго... а от стола или от трапезы ества и питие тайно износити или высылати не по повелению настоящаго и без благословения святотаство суть и самочиние, таковых всячески бесчествуютъ. Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сѣди на преднемъ мѣсте, егда кто честнѣе тебѣ будетъ, званныхъ имъ; и пришедъ, иже тебѣ звавый, *иного* речетъ, ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ посьлѣднее мѣсто держати; но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣсте, да егда приидетъ звавый тя и речетъ ти: «Друже, посяди выше!» — тогда будет ти слава превозлежащими с тобою, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесѣтся. Егда на трапѣзе предпоставят ти многоразличныя яди и пития, егда кто честнѣе тебѣ будетъ званныхъ, не начни вкушати преже ничто же; аще ты начальстьвенъ будеши, предпоставленую ядь разсужая начинай. У некихъ боголюбцевъ изообилно бываетъ вкушение и питие и излишнее цѣло снимают, и вперед инымъ на потребу пригожается. И аще кто нечювьственъ и не искусенъ, и не ученъ, и невѣжда не рассуждая всякаго брашна в пресыщения начинаетъ и небрегомо творитъ, будет и самъ поруганъ и посмѣян, и обещестенъ от бога и от человекъ.

11. КАКО КОРМИТИ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМУ З БЛАГОДАРЕНИЕМЪ

Егда трапѣзу предпоставъляеши, вначале священници Отца и Сына и святаго Духа прославляют, потомъ девицу богородицу; и егда ядяху з благодарениемъ и с молчаниемъ или з духовною бесѣдою,

и к праздникам также; и по монастырям ходить также с милостыней и с приношением, и когда принесешь дар свой к алтарю, вспомни евангельское слово: «Если что-то имеет против тебя брат твой, оставь тогда дар твой пред алтарем и пойди помирись прежде с братом своим», и только тогда принеси свой дар богу от честного своего имущества: от бесчестного неприемлемо воздаяние. Сказано же: «Лучше не грабить, чем давать милостыню». Добытое неправедно отдай обиженному — это приемлемей милостыни, а богу приятна милостыня от честного прибытка и от добрых дел.

10. КАК СВЯЩЕННИКОВ И ИНОКОВ В СВОЙ ДОМ ПРИГЛАШАТЬ И МОЛИТЬСЯ

А в некоторые праздники по завету своему призывайте священников в дом свой, сколько сможете, и совершайте службы со всякими мольбами, и молитесь за царя и великого князя имярек, всей Руси самодержца, и за царицу и великую княгиню имярек, и за их благородных чад, и за братьев его и за бояр, и за все христолюбивое воинство, и о победе над врагами, и об освобождении плененных, и обо всех священниках и иноках. А от стола или от трапезы еду и питье тайно выносить или высылать без разрешения и без благословения — святотатство и самовольство, и таких людей всячески осуждают. Когда позовут тебя на пир, не садись на почетном месте, вдруг из числа приглашенных кто-то будет тебя почетнее; и придет тебя пригласивший и скажет: «Дай ему место»,— и тогда придется тебе со стыдом перейти на последнее место; но если тебя пригласят, войдя, сядь на последнем месте, и когда придет пригласивший тебя и скажет тебе: «Друг, садись выше!» — тогда будет тебе почет от остальных гостей, ибо всякий возносящийся смирится, а смиренный вознесется. Когда поставят перед тобою многоразличные яства и пития и если кто-то знатнее тебя будет из приглашенных, не начинай есть раньше его; если же ты почетный гость, то поднесенную пищу первым есть начинай. У некоторых боголюбцев в изобилье бывает еда и питье и все, что останется нетронутым, убирают, потом еще кому-то сгодится. Если же кто-то, бесчувственный и неискушенный, неучен и невежда, не рассуждая, все блюда подряд начинает, уже насытясь и не заботясь о еде, о сохранении блюд, будет такой обруган и обсмеян и обесчещен богом и людьми.

11. КАК КОРМИТЬ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМ ЧИННО

Перед началом трапезы прежде всего священники Отца и Сына и святого Духа восславляют, потом деву богородицу; едят с благоговением и в молчании или ведя духовную беседу,

тогда аггели невидимо предстоят и написуютъ дѣла добрая, и ества и питие в сладость бывает; аще начнетъ предпоставленую еству и питие похулят, тогда мотыло обращается сии вкушаютъ; и аще скаредныя речи и блудные срамословие, и смѣхотворение, и всякое глумление или гусли и плесание и плескание, и скокание, и всякие игры и пѣсни бѣсовские,— тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже и отыдутъ аггели божии от тоя трапѣзы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси и приидут, волю свою улучивъ, и вся угодная творится имъ: да такоже бесчиньствуютъ и зернью, и шахматы, и всякими играми бѣсовскими тѣшатся, даръ божий еству и питие, и всякие овощи в поругание помѣщут, и проливают, другъ друга шибают и обливаютъ, всячески поругаются дару божию, а дияволи записуютъ дѣла их, приносятъ къ сотанѣ и вкупѣ радуются погибели християньския. И та вся дѣла предстанут в день Страшнаго суда. О горе *дѣющим* таковая! Егда жидове сѣдоша ясти в пустыни и пити и, обьядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящь и три тысящи. О устрашитеся, людие, творите волю божию, якоже есть в Законе писано, а от сего злаго бесчиния соблюди, господи, всякаго християнина. Ести бы и пити в славу божию, а не обьядатися, ни упиватися, ни пустошных творити и, аще пред кого поставляеши еству или питие и всякое брашно или пред тобя поставятъ всякаго брашна, не подобает похулити, глаголати: «гнило» или «кисло», или «прѣсно», или «солоно», или «горко», или «затхлося», или «сыро», или «переварено», или какую ни буди хулу возлогати, но подобаетъ даръ божий всякое брашно похваляти и со благодарениемъ вкушати, ино богъ обоняет вонею благоухания, и в сладость претворити. И аще которая ества или питие непотребно, ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто то дѣлалъ, штобы впередъ таково не было.

12. КАКО МУЖУ З ЖЕНОЮ И З ДОМОЧАТЦЫ В ДОМУ СВОЕМЪ МОЛИТИСЬ

По вся дни в вечере мужь ж женою и з дѣтьми, и з домочадцы, кто умѣетъ грамоте — отпѣти вечерня, павечерница, полунощница с молчаниемъ и со вниманиемъ, и с кротъкостояниемъ, и с молитвою, и с поклоны, пѣти внятно и единогласно, после правила отнюдъ ни пити ни ести. Всегда всяму тому наукъ. А ложася спати, всякому християнину по три поклона въ землю положити, а в полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно к богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшении, а *утре* воставая такоже, и комуждо по силе и по желанию, а не празнымъ женамъ кланятися до пояса, всякому християнину молитися о своемъ согрѣшении и пущения грѣхомъ, и о царскомъ, и о царицине, и о чадех ихъ здравии, и о братии его, и о болярехъ его,

и тогда им ангелы невидимо предстоят и записывают дела добрые, и еда и питье в сладость бывают; если же вначале выставленную еду и питье похулят, тогда словно в отбросы превращается то, что и сами едят; а если при этом бесстыдные речи и непристойное срамословие, и смех, и всяческие забавы или игра на гуслях, и пляски, и хлопанье в ладоши, и прыжки, и всякие игры и песни бесовские,— тогда, как дым отгоняет пчел, так отойдут и ангелы божьи от этой трапезы и непристойной беседы; и возрадуются бесы и налетят, увидев свой час, и тогда творится все, что им хочется: бесчинствуют игрою в кости и в шахматы и всякими играми бесовскими тешатся, дар божий—еду, и питье, и всякие плоды—на посмешище выбросят и прольют, друг друга бьют и обливают, всячески надругаясь над даром божьим, а бесы записывают деяния их, приносят к сатане и вместе радуются погибели христиан. И все те деяния предстанут в день Страшного суда. О горе творящим такое! Когда иудеи сели в пустыне поесть и попить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их двадцать тысяч и три тысячи. О, устрашитесь, люди, и творите волю божью так, как в Законе писано, а от такого злого бесчинства сохрани, господи, всякого христианина. И есть бы вам и пить во славу божию, а не объедаться и не упиваться, пустых разговоров не вести и, если перед кем-то ставишь еду или питье и всякие яства или же перед тобою поставят какие яства, не подобает хулить их и говорить: «гнилое», или «кислое», или «пресное», или «соленое», или «горькое», или «протухло», или «сырое», или «переварено», или какое-нибудь еще порицание высказывать, но подобает дар божий — всякую пищу — расхваливать и с благодарностью есть, и тогда бог пошлет благоухание и превратит горечь в сладость. Если же какая еда или питье не годятся, наказывать домочадцев, того, кто готовил, чтоб наперед подобного не было.

12. КАК МУЖУ С ЖЕНОЮ И С ДОМОЧАДЦАМИ ДОМА У СЕБЯ МОЛИТЬСЯ

Всякий день вечером муж с женою, и с детьми, и с домочадцами, кто знает грамоту,— отпеть вечерню, павечерницу, полунощницу в тишине, и со вниманием, со смирением, и с молитвою, и с поклонами петь внятно и согласно, а после службы отнюдь не пить, не есть. Всегда всему свое правило. Ложась спать, каждый христианин по три земных поклона кладет, но и в полночь, тайком встав, со слезами прилежно богу молится, сколько сможет, о своих согрешениях, а утром, поднимаясь, также; и каждый делает так, по силе и по желанию, а беременным женщинам — только поясным поклоном; всякому христианину следует молиться о своем согрешении для отпущения грехов, и о здравии царя, царицы и чад их, и братьев его, и бояр его,

и о христолюбивом воиньствѣ о помощи на враги, и о плѣненых свободѣ, и о святительскомъ и священническом чину, и о болящихъ, и в темницахъ заключенныхъ, и за вся християне; женѣ молитися о своемъ согрѣшении и о мужи, и о чадехъ, и о домочадцех, и о сродникехъ, и о отцѣхъ духовных, а мужу такоже. А утре вставъ, богу молитись и отпѣти заутреня и часы, а в неделю и в празникъ молебен с молитвою и молчаниемъ, и с кротъкостояниемъ и единогласно пѣти и со вниманиемъ слушати и святымъ кажение. А гдѣ некому пѣти, ино молитися доволно вечере и утре, а мужемъ отнюд не погрѣшити по вся дни церковнаго пѣния вечерни, заутрени, обѣдни.

13. КАКО В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТИСЯ, ЧИСТОТА ХРАНИТИ И ВСЯКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стояти на всякомъ пѣнии со страхомъ и с молчаниемъ молитися. А дома всегда павечерница и полунощница, и часы пѣти. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от бога. А женамъ ходити к церкви божии какъ вънѣстимо на произволение по совѣту с мужемъ, а в цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхом и трепѣтомъ, и со воздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣния из церкви не исходити, а приити к началу. А неделя и празники господския и среду, и пятокъ, и святый постъ, и богородиченъ в чистотѣ пребывати, а от обьядения и пияньства, и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворения неподобнаго всѣгда беречися, и от татбы, и от блуда, и лжи, и клеветы, и зависти, и всякаго неправеднаго собрания, и ростовъ, и корчмы, и мыта, *и перевозовъ, и мостовщинъ,* и всякаго лукавъства не любити и не гнѣватися ни на кого. Ранного пития и ядения и позного послѣ пѣния отнюд не творити, есть бы и пить в славу божию, и в подобно время; малымъ дѣтемъ и работнымъ по разсужению мужа и жены кормити их. Или не вѣсте, яко неправедницы царствия божия не наслѣдят, якоже апостолъ Павелъ рече: «Аще некий братъ именуемъ или блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищник — с таковыми ни ясти, ни пити». И паки рече: «Ни идолослужители, ни прелюбодѣй, ни сквернителя, ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадителе, ни хищницы царствия божия не наследятъ, но достоитъ от всякаго зла блюстися всякому християнину.

и о помощи христолюбивому воинству, об освобождении плененных, и о священниках, и о болящих, и о заключенных в темницы, и за всех христиан; жене же молиться о своих согрешениях и за мужа, и за детей, и за домочадцев, и за родичей, и за духовных отцов; и мужу также. А утром, поднявшись, богу молиться, отпеть заутреню и часы, а в воскресенье и в праздник молебен с молитвою и в тишине, со смирением, петь согласно, и со вниманием слушать, и образам покадить. А если некому петь, то побольше молиться вечером и утром, а мужьям не пропускать ни дня церковного пения в вечерню, заутреню, обедню.

13. КАК В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТЬСЯ, ЧИСТОТУ ХРАНИТЬ И НИКАКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТЬ

А в церкви стоять на службе со страхом и в тишине молиться. Дома же всегда павечерницу, и полунощницу, и часы петь. А кто увеличит службу ради своего спасения, то в его воле, потому что и больше награда от бога. А женам ходить в церковь божию часто, насколько возможно, по собственному желанию и советуясь с мужем, а в церкви ни с кем не беседовать, стоять в молчании, слушать, не оглядываясь, ни к стене не прислоняться, ни к столбу, и с посохом не стоять, и с ноги на ногу не переступать; руки сложив на груди крестом, крепко и неустанно молиться со страхом и трепетом и со вздохами, слезами; не выходить до конца службы из церкви, придти же к самому началу. По воскресеньям же, и в праздники господни, и в среду, и в пятницу, и в святой пост, и в богородицын день — пребывать в чистоте, а объедания, и пьянства, и пустых бесед, и смеха непристойного всегда остерегаться, ни на кого не гневаться и отказываться от воровства, и от блуда, от лжи и клеветы, от зависти и всякого неправедного побора: от ростовщичества, от наживы вином, от взятки, от платы за проезд через твой мост и от всякого иного обмана. От ранних питья и еды и от поздних после церковной службы воздержитесь, если же пить, то только во славу божию и в положенное время; малых детей и работников кормить по усмотрению мужа и жены. Или не ведаете, что неправедные в царство божие не войдут, как апостол Павел сказал: «Если же какой-то человек известен как блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или насмешник, или пьяница, или грабитель,— с такими ни есть, ни пить». И еще сказал: «Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни воры, ни пьяницы, ни строптивцы, ни разбойники в царство божие не войдут»,— потому и нужно христианину от всякого зла охранять себя.

14. КАКО ЧТИТИ ДѢТЕМЪ ОТЦОВЪ СВОИХЪ ДУХОВНЫХЪ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ

Подобаетъ вѣдати се, како чтити *дѣтемъ* отцевъ своихъ духовных, изыскати отца духовнаго добра, боголюбива и благоразумна, и разсудителна, а не потаковъника пьяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Такова подобает чтити и повиноватися ему во всѣмъ и каятися пред нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя не стыдно и безсрамно, и заповѣди его хранити. А призывати его к себѣ в домъ часто и извѣщатися всегда во всякой совести, и наказание его с любовию приимати, и послушати его во всѣмъ и чтити его. И беите челомъ пред нимъ ниско: онъ учитель нашь и наставникъ, и имѣите его со страхом и любовию к нему приходити и приношение ему давайте от своихъ трудовъ по силе; и совѣтовати с нимъ часто о житии полезномъ, и востязатися от грѣховъ своихъ, и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни. А извѣщатися о грѣсехъ своих всегда пред отцемъ духовнымъ и обнажати грѣхи своя вся, и покарятися пред нимъ во всѣмъ: тии бо бдят о душахъ наших, и отвѣтъ дадутъ о нас в день страшнаго суда. А не поносити их, ни осужати, ни укоряти, а о комъ учнутъ печаловатися, ино его слушати, и виноватаго пожаловати, по вине смотря, с нимъ же разсудя.

15. КАКО ДѢТЕЙ СВОИХЪ ВОСПИТАТИ ВО ВСЯКОМЪ НАКАЗАНИИ И СТРАСѢ БОЖИИ

А пошлетъ богъ у кого дѣти — сынове или дщери, ино имѣти попечение отцу и матери о чадех своих, снабдити их и воспитати в добре наказании, и учити страху божию и вѣжству, и всякому благочинию, и, по времѣни и дѣтемъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлию матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати, уча и *наказуя* и, разсужая, раны возлогати. Наказуй дѣти во юности — покоитъ тя на старость твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесней и от всякаго грѣха отцемъ чадъ своих, якоже зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небрежениемъ, имъ о тѣхъ грѣсехъ отвѣт дати в день Страшнаго суда. А дѣти, аще не брегомы будутъ в ненаказании отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ или что сотворят, и отцемъ и матеремъ з дѣтми от бога грѣх, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивых родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани в страсѣ божии, и в добре *наказании,* и в благоразсудномъ учении всякому разуму и вѣштву, и промыслу, и рукодѣлию,— и тѣ чада

14. КАК ПОЧИТАТЬ ОТЦОВ СВОИХ ДУХОВНЫХ И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ

Следует знать, как почитать отца своего духовного. Приискать отца духовного доброго, боголюбивого, и благоразумного, и рассудительного, а не потаковщика пьяницу, не сребролюбца, не гневливого. Следует такого почитать и повиноваться ему во всем и каяться перед ним со слезами, исповедуя грехи свои без стыда и без срама, и наставления его соблюдать. Призывать же его в дом к себе часто и исповедоваться всегда по всей совести, и поучение его с признательностью принимать, и слушаться его во всем, и почитать его. И бейте челом ему низко: он учитель наш и наставник, и старайтесь приходить к нему со страхом и признательностью, и давайте ему приношения от своих трудов по возможности; и советуйтесь с ним почаще о правильном житье, чтоб удержаться от грехов, и мужу как поучать и любить жену свою и детей, а жене — слушаться мужа своего, советуйтесь с ним всякий день. А исповедоваться в грехах своих всегда перед духовным своим отцом, и открывать все свои грехи, и покоряться ему во всем: ибо они заботятся о наших душах и дадут ответ за нас в день Страшного суда. И не поносить их, не осуждать, не укорять, а если станут о ком просить, этого выслушать, да виновного и наказать, по вине смотря, с ним же все обсудив.

15. КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ

А пошлет бог кому детей — сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей, кто в чем способен, какие кому бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию,— такие дети

с родители своими бываютъ отъ бога помиловани, а отъ освященнаго чину благословены, а отъ добрых людей хвалими, а в совершене возрастѣ добрые люди с *радостию* и зъ благодарениемъ женятъ сыновъ своихъ по своей вѣрстѣ, по суду божию, а дщери за ихъ дѣти замужь выдаютъ. А аще отъ таковых которое чадо богъ возметъ в покаянии и съ причастиемъ, то отъ родителю безсквѣрная жертва к богу приносится, и в вѣчныя кровы вселяются, а имѣютъ дерзновение у бога милости просити и оставления грѣховъ и о родителехъ своихъ.

16. КАКО ЧАДЪ ВОСПИТАТИ, С НАДѢЛКОМЪ ЗАМУЖЬ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится, ино разсудны люди от всякаго приплода на дочерь откладывают: на ее имя или животинку ростятъ с приплодомъ, а у полотенъ, и у вусчинъ, и у ширинокъ, и у вубрусовъ, и рубашекъ по вся годы ей в пришенной сундукъ кладутъ и платье, и саженье, и монисто, и святость, и суды оловяные и медеными, и деревяные; прибавливати непомношку всегда, а не вдруг, себе не в досаду, и всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху божию и вѣшътву учатся, а приданое с ними вдругъ прибывает, и какъ замужь зговорятъ — ино всѣ готово. А толко ранее хто о дѣтехъ не смышляетъ, да какъ замужь давать, и въ ту пору всѣ покупать, ино скорая женитва видомая работа; а по судбамъ божиимъ толко та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминают по еи души сорокоустъ и милостыню ис того дают. А толко иные дочери есть, тако ж о них промышляти.

17. КАКО ДѢТИ УЧИТИ И СТРАХОМЪ СПАСАТИ

Казни сына своего отъ юности его и покоитъ тя на старость твою и дастъ красоту души твоей; и не ослабляи, бия младенца: аще бо жезломъ биеши его, не умретъ, но здравие будетъ, ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти. Дщерь ли имаши, положи на них грозу свою, соблюдеши я отъ телесных; да не посрамиши лица своего, да в послушании ходит, да не свою волю приимеши и в неразумии прокудит дѣвство свое, и сотворится знаемъ твоимъ в посмѣхъ, и посрамят тя пред множествомъ народа. Аще бо отдаси дщерь свою бес порока, то яко велико дѣло совершиши и посреди собора похвалишися, при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о немъ возвеселишися, казни сына своего измлада и порадуешися о немъ в мужествѣ, и посреди злых похвалишися, и зависть приимутъ враги твоя. Воспитай дѣтище с прещениемъ, и обрящеши о немъ покой и благословение; не смѣйся к нему, игры творя: в мале бо ся ослабиши — в велицѣ поболиши, скорбя, и после же яко оскомины

с родителями своими будут богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут — добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то получают у бога право просить милости и прощения грехов также и для своих родителей.

16. КАК ДОЧЕРЕЙ ВОСПИТАТЬ И С ПРИДАНЫМ ЗАМУЖ ВЫДАТЬ

А у кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную; добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток. И всего будет полно. Так дочери растут, страху божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят — тут все и готово. А кто заранее о детях не раздумывает, то как замуж отдавать, тотчас же и покупать все, так что скорая свадьба вся на виду; а коли по божьему желанию дочь та преставится, то ее приданым поминают душу ее в сорокоуст, и милостыню из него же дают. А если другие дочери есть, таким же образом и о них заботиться.

17. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ

Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не сердясь на нее. Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь — в большом пострадаешь скорбя и в будущем будто занозы

твориши души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, и, ожесточавъ, не повинет ти ся и будет ти досажение и болезнь души, и тщета домови, погибель имению и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ пред враги, пред властию платежь и досада зла.

18. КАКО ДѢТЕМЪ ОТЦА И МАТИ ЛЮБИТИ И БЕРЕЧИ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ И ПОКОИТИ ИХ ВО ВСЕМЪ

Чада, послушайте заповѣди господни, любите отца своего и матерь свою, и послушайте их, и повинуйтеся имъ по бозѣ во всемъ, и старость ихъ чтите, и немощь ихъ и скорбь всякую от всея душа понесите на своей выи, и благо вамъ будетъ, и долголѣтны будете на земли, симъ очистите грѣхи своя и от бога помиловани будете, и прославитеся от человѣкъ, и домъ его будетъ благословѣнъ в вѣки, и насьледит сыны сыновъ твоих, и дось- тигнѣтъ старости маститы, во всякомъ благодѣньствѣ дни своя препровожают. Аще ли кто злословитъ или оскорбляетъ *родителя* своя или кленетъ, или лаетъ, сий пред богомъ грѣшенъ, отъ народа проклятъ; аще кто биетъ отца и матерь — отъ церкви и отъ всякия святыни да отлучится, и лютою смертию и градскою казнью да умрет, писано бо есть: «Отча клятва иссушит, а матерня искоренитъ». Сынъ или дщерь, не послушьливы отцу или матери, в пагубу имъ будѣтъ, и не поживутъ дней своихъ, иже прогнѣвают отца и досажаютъ матери. Мнится не согрѣшяя к богу, и есть поганого горѣе, и обѣщникъ есть нечестивымъ, о них же пророкъ Исаия рече: «Возмется нечестивый, да не видит славы господня». Сихъ нечестивыи именова, иже бесчествуют родителя своя и паки насмехающагося отцу и укаряюща старость матерню, да ськлюютъ их врановѣ и снѣдят орли! Честь же творяй отцу и матери, и повинующеся имъ по бозѣ во всѣмъ, возвеселитися имутъ о чадех своихъ, и в день печали избавит их господь богъ, и молитву ихъ услышит, егоже просят, подастъ имъ вся благая; покояй матерь свою волю божию творит и угожаяй отцу во благихъ поживет. Вы же, чада, дѣломъ и словомъ угожайте родителемъ своимъ во всякомъ блазѣ совѣте, да благословени будете отъ нихъ: отчее благословение домъ утвердит, и матерня молитва отъ напасти избавит. Аще ли оскудѣют разумомъ в старости отецъ или мать, не бесчествуйте ихъ, не укаряйте, да от своихъ чадъ почтени будете, не забывайте труда матерня и отцова, яже о васъ болезноваша и печални быша, покойте старость ихъ и о них белезнуйте, якоже они о вас. Не глаголи много: «Сотворих имъ добра одѣяниемъ и пищею, и всякими потребами», но ни си свободи, симъ не можеши бо ею родити и тако ею болети, яко она о тебѣ; тем же со страхомъ раболѣпъно служити имъ, да и сами отъ бога мзду приимете и жизнь вѣчную наслѣдите, яко свершители заповѣди его.

вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением до́ма, погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой.

18. КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ, И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, вслушайтесь в заповеди господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать,— пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исайя сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их господь бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю божью творит и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым»,— этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его.

19. КАКО ВСЯКОМУ ЧЕЛОВѢКУ РУКОДѢЛЬНИЧАТИ И ВСЯКОЕ ДѢЛО ДѢЛАТИ БЛАГОСЛОВЯСЯ

В домовитомъ обиходѣ и вездѣ всякому человеку, государю или государыни, или сыну или дщѣри, или служке мужеска полу и женьска, и стару и малу всякое дѣло начати или рукодѣлничати: или ести, или пити, или ества варити, или печи што и всякие приспехи дѣлати, и всякое рукоделие, и всякое мастерьство, и, устроивъ собя, очистивъ от всякия скверны и руки умывъ чисто, преже святымъ покланятися трижды въ землю, а по нужи или до пояса, кто умѣетъ достойно проговорити да, благославясь у настоящаго, да молитву исусову проговоря да перекрестяся, молвя: «Господи благослови, отче»,— тоже начати всякое дѣло, ино тому божия милость поспѣшесътвуетъ, аггели невидимо помогают, а бѣси отбѣгнут, и то дѣло богу в честь, а души на пользу. И ести, и пити зъ благодарениемъ, ино сладъко, а што впрокъ здѣлано, ино мило, а дѣлати с молитвою и з доброю бѣседою, или с молчаниемъ, а дѣлаючи што ни буть, начнется слово празное или хулное, или с роптаниемъ, или смѣхи, или кощуны, или скверныя и блудныя речи — от такова дѣла и от таковыя бесѣды божия милость отступитъ, аггели отидутъ скорбни, и возрадуются нечестивии дѣмони, видя волю свою содѣвающу безумнии християне; и приступятъ ту лукавии, влагающе в мысль всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и подвизают помыслы на блудъ и на гнѣвъ и на всякие кощуны и сквернословие, и на всякое зло ино,— то уже дѣло, ества или питие не споро, и всякое мастерство и всякое рукодѣлие не о бозѣ свершается, богу на гнѣвъ, а людемъ не благословленое не потребно и не мило, и не прочно, а ества и питие не укусна и не сладка, только врагу и его слугамъ угодно и сладко, и радостно. А къто въ естве и в питии, и во всякомъ рукодѣлии не чисто стряпает, и во всякомъ мастерьствѣ што украдетъ или прилжет, или божитца на криве: не толко здѣлано или не в толке стало, а онъ лжетъ,— и тѣ всѣ дѣла не угодны богу, бѣси написуютъ, и в томъ во всѣмъ человеку истязану быти в день Страшнаго суда.

20. ПОХВАЛА ЖЕНАМЪ

Аще даруетъ богъ жену добру, дражайши есть камени многоцѣннаго, таковая от добры корысти не лишится, дѣлаетъ мужу своему все благожитие. Обрѣтши волну и ленъ, сотвори благопотребно рукама своима, бысть яко корабль куплю дѣющи: издалече збираетъ в себѣ богатество и востает из нощи, и дастъ брашно дому и дѣло рабынямъ, от плода руку своею насадит тяжание много; препоясавъше крѣпко чресла своя, утвердит мышца своя на дѣло и чада своя поучаетъ, тако же и рабъ, и не угасаетъ свѣтилникъ ея

19. КАК ВСЯКОМУ ЧЕЛОВЕКУ РУКОДЕЛЬНИЧАТЬ И ВСЯКОЕ ДЕЛО ДЕЛАТЬ, БЛАГОСЛОВЯСЬ

В домовитом хозяйстве и всюду всякому человеку, хозяину и хозяйке, или сыну и дочери, или слуге — мужчине или женщине, и старому и малому всякое дело начать или рукодельничать: или есть, или пить, или еду готовить, или печь что, и разные припасы делать, и всякое рукоделье исполнять, и всякое ремесло, и, приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а в болезни — только до пояса, а кто может правильно молитву сказать, тот, благословясь у старшего и молитву иисусову проговорит да, перекрестясь, молвит: «Господи, благослови, отче!» — с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует, ангелы невидимо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое богу в почет, а душе на пользу. А есть и пить с благодарностью будет сладко; что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное, или непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством, или скверные и блудливые речи,— от такого дела и от такой беседы божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются нечестивые бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане; и приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и подвигают мысли на блуд, и на гнев, и на всякое кощунство, и сквернословие, и на всякое прочее зло,— и вот уже дело, еда или питье не спорятся, и всякое ремесло и любое рукоделие не с богом свершается, а богу во гнев, ибо и людям неблагословенное не нужно и не мило, да и непрочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, и только дьяволу да слугам его все то и удобно, и сладко, и радостно. А кто в еде и в каком рукоделье нечисто готовит и в ремесле каком украдет что или соврет, и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так и такие дела не угодны богу, и тогда их запишут на себя бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда.

20. ПОХВАЛА ЖЕНАМ

Если дарует бог жену добрую, получше то камня драгоценного; такая из выгоды не оставит, всегда хорошую жизнь устроит своему мужу. Собрав шерсть и лен, сделай что нужно руками своими, будь как корабль торговый: издалека вбирает в себя богатства и возникает из ночи; и даст она пищу дома и дело служанкам, от плодов своих рук увеличит достояние намного; препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело и чад своих поучает, как и рабов, и не угаснет светильник ее

всю нощь: руцѣ свои простирает на полезная, лакти же своя утвержает на вретено, милость же простирает убогу, плод же подаетъ нищим,— не печется о дому мужь ея: многоразлична одѣяния преукрашена сотвори мужу своему и сѣбе, и чадомъ, и домочадцемъ своимъ. Всегда же мужь бысть в соньмищи с вельможи и сядет знаемымъ вельми честенъ бысть, и благоразумно бесѣдова разумѣетъ, яко добро дѣлати, никто же без труда вѣичанъ будетъ. Жены ради добры блаженъ мужь, и число днии его сугубо, жена добра веселит мужа своего и лѣта его исполнит миромъ, жена добра часть блага в части боящихся господа да будет, жена бо мужа своего честнѣ творяще: первие божию заповѣдь сохранивъ, благословена будет, а второе отъ человекъ хвалима есть. Жена добра и страдолюбива и молчалива венецъ есть мужеви своему, обрѣте мужь жену свою добру износитъ благая из дому своего: блаженъ есть таковыя жены мужь, и лѣта своя исполняют во блазѣ мирѣ; о добрѣ жене хвала мужу и честь.

21. НАКАЗЪ МУЖУ И ЖЕНѢ, И ЛЮДЕМ, И ДѢТЕМЪ, КАКО ЛѢПО БЫТИ ИМЪ

Да самому себѣ государю и жену, и дѣтей, и домочадцов своихъ учити не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидети, не клепати, чюжаго не прѣтися, не осужатися, не бражничати, не просмѣивати, не помнити зла, не гнѣватися ни на кого, к большимъ быти послушны и покорну, к средънимъ любовну, к меншим и убогимъ привѣтну и милостиву, со всякимъ управа без волокиты, ноипаче наимита наимомъ не изобидѣти, а всякая обида со благодарениемъ терпѣти бога ради: и поносъ, и укоризна, аще по дѣломъ поносятъ и укаряютъ, сие с любовию примати, и от таковаго безумия отвращатися, а противъ не мстити. Аще в чемъ не повиненъ, за сие от бога мзду приимеши. А домочатцѣвъ своихъ учи страху божию и всякой добродѣтели, и самъ тая же твори, и вкупѣ от бога обрящете милость. Аще ли небрежениемъ и нерадѣниемъ самъ или жена мужнимъ ненаказанием согрѣшит или что злое сотворитъ, и вси домочадцы, мужи и жены, и дѣти господаревым ненаказаниемъ каковъ грѣх или что зло сотворят, или брань, или татбу, или блудъ, всѣ въкупѣ по дѣломъ своимъ приимутъ: зло сотворшии — муку вѣчную, а добро сотворшии, богоу угодно поживше,— жизнь вѣчную наследят в царствии небеснемъ.

22. КАКОВЫ ЛЮДИ ДЕРЬЖАТЬ И КАКЪ О НИХ ПРОМЫШЛЯТИ ВО ВСЯКОМЪ УЧЕНИИ И В БОЖЕСТВЕНЫХ ЗАПОВЕДѢЙ, И В ДОМОВНОМЪ СТРОЕНИИ

А людей у собя добрых дворовыхъ держати, чтобы были рукоделны, кто чему достоинъ и какому рукодѣлию ученъ, не воръ бы, не бражник, не зерьщикъ, не тать, не разбойникъ, не блудникъ,

всю ночь; руки свои протягивает к прялке, а персты ее берутся за веретено, милость обращает на убогого и плоды трудов подает нищим,— не беспокоится о доме муж ее; самые разные одежды расшитые сделает мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому всегда ее муж соберется с вельможами и сядет, всеми друзьями почтен, и, мудро беседуя, знает, как делать добро, ибо никто без труда не увенчан. Если доброй женою муж благословен, число дней его жизни удвоится, хорошая жена радует мужа своего и наполнит миром лета его; хорошая жена да будет благою наградой тем, кто боится бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив божию заповедь, благословится богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую — только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире. За хорошую жену похвала мужу и честь.

21. НАКАЗ МУЖУ, И ЖЕНЕ, И РАБОТНИКАМ, И ДЕТЯМ, КАК ПОДОБАЕТ ИМ ЖИТЬ

Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам — не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовию принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд,— все вместе по делам своим примут; зло сотворившие — муку вечную, а добро сотворившие, угодно богу прожившие,— жизнь вечную получат в царствии небесном.

22. КАКИХ ЛЮДЕЙ ДЕРЖАТЬ И КАК О НИХ ЗАБОТИТЬСЯ ВО ВСЯКОМ УЧЕНИИ, И В БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАПОВЕДЯХ, И В ДОМАШНЕЙ РАБОТЕ

А людей дворовых у себя держать хороших, чтобы знали ремесло, кто какого достоин и какому ремеслу учен, не был бы ни вор, ни бражник, ни игрок, ни грабитель, ни разбойник, ни блудник,

не чародѣй, не корчмитъ, не оманьщикъ; всякой бы человекъ у доброго государя наученъ страху божию и вѣжьству, и смиренью, и всякимъ добродѣтелемъ, доброму промыслу, не солгалъ, ни розбилъ, никово бы не обиделъ, сыт бы был государевымъ жалованьемъ да одѣнъ, или своимъ рукодѣлиемъ; а чемъ государь пожалует: платьемъ или лошедь и всяким нарядцомъ, или пашенькою, или кокою торговлею, а и сам что замыслитъ своими труды,— ино лучшее платенко верьхнее и нижнее, и рубашка, и сапогъ блюсти по праздникомъ и при добрых людех в ведро, а всегды было бы чистенко и не изваляно, и не изгрязнено, и не излито, и не измочено, и не измято. А которой человекъ глуп и грубъ и невѣжда, и небреженъ, а и есть у нево *платенко,* государьско жалованье или своими труды здѣлано, да беречи не умѣет, ино государю или кому приказано у таких нечювьсьтвениковъ платье берегутъ у собя лучшее, дадутъ, коли во время надѣть да, опять снемше, у собя блюдутъ. А всемъ дворовымъ людемъ наказъ: всегда што дѣлают в ветшаном платье, а какъ пред государемъ и при людех — въ чистомъ во вседневномъ платейцы, а в празники и при добрых людехъ или с государемъ или съ государынею где быти, ино в лучшемъ платьи; а беречи от грязи и от дожжа, и от снегу, и пришед да снявъ платейце, высушить да вымять, и вытерьть, и выпахать хорошенько, укласть и упрятать гдѣ то живет,— ино и себѣ мило, и от людей чесно, и государю споро, и слушкам прочно, и всегда вновѣ. А люди бъ были во чти и в грозѣ, и во всякомъ дозорѣ, промеж бы собя не кралися, чюжево бы отнюдь не хотѣли ни коими дѣлы, а государьского бы берегли все за одинъ, а государю бы и государыни не лгали и не клеветали ни на кого ни в чемъ, а государи бы темъ не потакали, обыскивали бы прямо ставя с очей на очи, дурному бы не попущали, а доброго бы жаловали, ино всякъ добру ревнуетъ и государьское жалованья хочет выслужить правдою и прямою своею службою, и государьскимъ наказом и добрымъ наукомъ вѣкъ живетъ и душу спасетъ, и государю служит, и богу угодит. Да наипаче указывати, которымъ вмѣстно к церкви божии всегда ходити и по праздникомъ или во дворе пѣтья слушати, и особъ наедине молитися, чистота *телесная* хранити от всякаго блуда, и пьяньства, и лакомъства, и от безвременного пития и ествы, и обьядения, и пияньства воздержатися, и отцовъ бы духовных и з женами своими имѣти, и на покаяния приходили, а женатые с своими женами законно бы жили по духовнаго отца *наказанию*, от женъ бы своих не блудили, а жены от мужей; да чему самъ от государя наученъ, тово бы и жены наказывали, всякому страху божию и вѣжству, и государыни бы слушали и повиновалася во всемъ, и своими труды и рукодельемъ выслуживала, а не крала бы и не лгала, и не бляла, и не бражничала,

ни колдун, ни мошенник, ни обманщик; всякий бы человек у хорошего хозяина научен был страху божию, и знанию, и смирению, и всем добродетелям, доброй заботе, не солгал, не разломал, никого бы не обидел, сыт бы был да одет господским пожалованием или своим ремеслом; а чем господин пожалует: платьем, или лошадью и всяким снаряжением, или пашенкой, или какою торговлею, да и сам что приобретет своими трудами,— из этого лучшее платье верхнее и нижнее, и рубашку, и сапоги носить по праздникам и при добрых людях в хорошую погоду, а всегда бы было чистенько и не измято, и не загрязнено, и не облито, и не намочено, и не разорвано. А какой человек глуп, и груб, и невежда, и не бережлив, и есть у него платьишко, господина пожалование или своими трудами добытое, да беречь не умеет, тогда господину или кому он прикажет таковых нерадивых платье беречь у себя, что получше, да давать им на время, когда нужно, и, снова сняв, у себя же хранить. И всем дворовым людям приказ: всегда работать в старой одежде, а как перед господином и на люди — в чистом повседневном платье, а в праздники и при добрых людях, или с господином, или с госпожою куда идти, то в лучшем платье; и беречь его от грязи, и от дождя, и от снега, а воротясь и сняв платьице, высушить да вытряхнуть и вытереть и обмести хорошенько, уложить и спрятать, где что находится,— так и себе мило, и от людей честь, и господину прибыль, и служкам надолго, и всегда как новое. А люди бы были в уважении и в страхе и всегда под присмотром, меж собою бы не воровались, чужого бы никогда не желали ни в каком виде, а господское бы хранили все заодно, и господину бы и госпоже не лгали и не клеветали ни на кого ни в чем, да и господа бы таким не потакали, проводили дознание прямо, делая очную ставку, дурному бы не попускали, а доброго бы не жаловали, ведь каждый склонен к добру и господское жалованье желает выслужить правдой и верной службой и господским приказом и доброй наукой век проживет и душу спасет; и господину служит, и богу угождает. Но больше всего указывать, кому надлежит в церковь божью ходить всегда и по праздникам или в доме молебны слушать и особенно молиться в одиночку; чистоту телесную хранить от всякого блуда, и пьянства, и чревоугодия, и от неурочных питья и еды, и от обжорства, и от пьянства воздерживаться да иметь бы им вместе с женами одних духовных отцов, к которым на исповедь бы приходили; женатые же со своими женами законно бы жили по поучению духовного отца, на стороне от жен своих не блудили, а жены — от мужей; чему и сам господином научен, тому бы и жен учили, всякому страху божью и уважению, и чтоб госпожу свою слушались, и чтобы их жены повиновались ей во всем, а своими трудами да ремеслом заслужили милость ее, да ни одна не крала бы, и не лгала, и не блудила, и не бражничала,

и з дурными речми к государыни не приходила, и волхвовъ, и с кореньемъ, и з зельемъ, кто тѣмъ промышляетъ, с тѣми бы отнюдь не зналася и государемъ бы про таких людей не сказывали, то бо суть слуги бѣсовския. Служили бы государемъ своимъ вѣрою и правдою, и добрыми дѣлы, и праведными труды, а государи бы и государыни людей своих, мужей и женъ, и робят, и всяких слугъ жаловали, и кормили, и поили, и одѣвали, и въ тепле бы жили и во всякомъ покои, и в благоденьстве всегда, и государи бы себя и свою душу и домъ свой добре строивъ, и домочадцовъ безо всякия скорби, тоже нищих и странных и убогих вдовицъ и сирот покоити достойно от своих праведных трудовъ и к церквамъ божиимъ и церковникомъ, и в монастыри проносити милостыня, и к себѣ в домы своя призывати, ино то и богу приятно, и души полезно; а отнюдъ бы не вмещалося в домъ ни от насилия, ни от грабления, ни от всякого мшелоимъсътва, ни от посулу, ни от поклепу, ни от резоимъства, ни от ябедничества, ни от крива суда,— аще от сего зла богъ соблюдетъ, тотъ домъ будетъ благословенъ отнынѣ и до века.

23. КАКО ВРАЧЕВАТИСЯ ХРИСТИЯНОМЪ ОТ БОЛЕЗНИ И ОТ ВСЯКИХ СКОРБЬ

Аще богъ пошлет на кого болезнь или какую скорбь, ино врачеватися божиею милостию, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею к нищимъ, да истиннымъ покаянием, да благодарение и прощение, и милосердие, и нелицѣмѣрная любовь ко всякому, да отцовъ духовных подьвизати на моление богу, и молебны пѣти, и вода святити с честных крестов и со святых мощей и с чюдотворных образовъ, и масломъ священатися, да и по чюдотворнымъ, по святымъ мѣстомъ обещеватися и, приходяще, молитися со всякою чистою совѣстию, тѣм цѣлба всякимъ различнымъ недугомъ от бога получити, да и от всяких грѣховъ удалятися, и впередь никакова зла не творити; а отцовъ духовных заповѣди хранити и епитемъи исправляти, тѣмъ очиститися от грѣха, и душевная и телесная болезнь исцелити, и бога милостива сотворити. И всякому християнину целити себѣ от всяких различьных недугъ душевныхъ и телесныхъ, и душетлѣнныхъ и болезненых страстей, жити по заповедемъ господнимъ и по отеческому преданию, и по християньскому закону, якоже в начале писано книги сея от первыя главы вся пятьнадесят главъ и прочая главы книги сея такоже, 25 глав, внимати и достоит творити, ино и богу угодит, и душу спасет, и грѣха избудетъ, и здравие получитъ душевное и телесное, и вѣчных благъ наследникъ будетъ. А кто безстрашенъ и бесчиненъ, страху божию не имѣетъ и воли божии не творит, и закону християньского и отеческаго предания не хранит, о церкви божии и о церковномъ пѣнии, и о келейномъ правиле, и о молитве, и о

и с дурными речами к госпоже не ходила бы, и с волхвами, что промышляют кореньем и зельем, отнюдь бы не зналась и господам про таких людей не сказывала бы, ибо то слуги бесовские. Служили бы господам своим верой и правдой, и добрыми делами, и праведными трудами, а господа бы и госпожи людей своих, мужчин и женщин, и ребят, и всех слуг, жаловали и кормили, и поили, и одевали, и в тепле бы держали и покое, всегда в благополучии, а господа, себя и свою душу и дом свой хорошо устроив, и домочадцев избавили бы от всякой скорби, также нищих и странников, и убогих вдовиц и сирот снабдили бы подобающе от праведных своих трудов, и церкви божии, и церковников, и в монастыри приносили бы милостыню, и к себе в дома свои звали, ибо то и богу приятно и душе полезно; но отнюдь не входило бы в дом ничего из насилия, ни из грабежа, ни из какой корысти, ни из взятки, ни из навета, ни из ростовщичества, ни из клеветы, ни из неправедного суда,— если от этого зла бог охранит, будет тот дом благословен отныне и вовеки.

23. КАК ВРАЧЕВАТЬСЯ ХРИСТИАНАМ ОТ БОЛЕЗНИ И ОТ ВСЯКИХ СТРАДАНИЙ

Если бог нашлет на кого болезнь или какое страдание, врачеваться ему божьею милостью да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею нищим, да истовым покаянием, да благодарностью и прощением, и милосердием, и нелицеприятною любовью ко всякому, да и отцов духовных поднять на моление богу, и петь молитвы, и воду святить с честных крестов, и со святых мощей, и с чудотворных образов, и освящаться маслом, да и по святым чудотворным местам по обету ходя, молиться со всею чистою совестью, и тем исцеление самым разным недугам от бога получить, да и от всяких грехов уклоняться и впредь никакого зла не творить; а наказы духовных отцов соблюдать и епитимьи править, и тем очиститься от греха, и душевные и телесные болезни исцелить, и бога на милость направить. И каждому христианину исцелять себя от самых разных недугов душевных и телесных, от душетленных и болезненных страданий, жить по заповедям господним, и по отеческому преданию, и по христианскому закону, как и в начале книги этой написано, с первой главы первые пятнадцать глав и все остальные главы книги также, двадцать пять глав, вдуматься в них и все соблюдать,— значит, и богу он угодит, и душу спасет, и грех обойдет, и здоровье получит душевное и телесное, и станет наследником вечных благ. Кто же нагл, и страха божьего не имеет, и воли божьей не творит, а закона христианского и отеческого предания не соблюдает, о церкви божьей, и о церковном пении, и о келейном правиле, и о молитве, и о

всякомъ славословии божии не радитъ, естъ и пиетъ без воздержания, и во обьядение и в пияньство, и не в подобно время, и законного жительства не хранит, недѣли, и среды, и пятка, и празниковъ, и Великого поста, и Богородичьна, без воздержания блудитъ и не в подобно врѣмя, и чрезъ естество и чрезъ законъ, или от жены блудятъ, или содомъский грѣхъ содѣвают, и всяко скаредие творятъ и всякие богомѣрзские дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословие и срамословие, пѣсни бѣсовские, бубны, трубы, сопѣли,— всяко бѣсовское угодие и всякое бесчиние, и бесстрашие, к сему ж чарование и волхвование, и наузы, звездочетье, рафли, алнамахи, чернокнижье, *воронограй*, шестокрылъ, стрелки громныя, топорки, усовники, дна камение, кости волшебныя и иныя всякия козьни бесовъския. Или кто чародѣйствомъ и зелиемъ, и корениемъ, и травами на смерть или на потворьство окормляетъ, или бесовскими славами и мечтаньми, и кудесом чаруетъ на всякое зло или на прелюбодейство, или кто кленется именемъ божиимъ во лжу или клевещетъ на друга, туто ж прочти и 24 главу. В тѣхъ во всѣхъ дѣлехъ и в обычеехъ и нравех востаетъ в человецехъ гордость, ненависть, злопомнение, гнѣвъ, вражда, обида, лжа, татьба, клятъва, срамословие и сквернословие, и чарование, и волхвавание, смѣх, кощуны, обьядение, пияньство безвременное и рано и позно и всякая злая дѣла, и всякий блудъ, и всякая нечистота. И благий человеколюбецъ богъ не терпя в человецѣхъ таких злыхъ нравовъ и обычаевъ и всякихъ неподобных дѣлъ, якоже чадолюбивый отецъ скорбьми спасаетъ, и ко спасению приводит, показуя, и наказуетъ за премногия грѣхи наша, смерти же скорыя не предастъ, не хощет смерти грѣшничи, но ожидает покаяния, еже обратитися и живу быти ему; аще не обратятся и не каются от злыхъ дѣлъ, наводит грѣхъ ради наших, овогда глад, ово моръ, ово пожаръ, ово потопъ, ово пленение, и о посечение от поганых и градомъ разорение, и церквамъ божиимъ и всякой святыни потребление и всякому стяжанию расхищение, овогда от царска гнѣва разграбление имѣнию и самому казнь без милости и поносная смерть, и от разбойникъ и от татей окрадение и от судей продажа и мучение, ово бездождие, ово безвременные дожди и нестройные лѣта, и зима неугодна, и лютые мразы, и земли бесплодие, и всякому животному — скоту и зверемъ, и птицамъ, и рыбам: и всякому обилию скудость, родителемъ и женѣ, и чадомъ нужными и напрасными, и съкорыми смертьми лишение от многоразличных нужныхъ и тяжкихъ недуговъ страдания и злескончание. И о всех сихъ настоящих бѣдах не уцеломудримся и не накажемся, и в покаяние и в чювьство, и в страх не внидемъ, видя таково праведного гнѣва божия наказание за премногия грѣхи наши? И паки господь наказуя ны и обращая к покаянию, якоже и долготерпѣливаго Иова искушая, посылая различныя

восхвалении бога не думает, ест и пьет без удержу до объедения и до пьянства и в неурочное время, и правил общежития не соблюдает, воскресенья и среды, и пятницы, и праздников, и Великого поста, и Богородицына дня, без воздержанья блудит и в неурочное время, нарушая природу и закон, или те, что от жены блудят или совершают содомский грех и всякую мерзость творят и всякие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, песни бесовские, игру на бубнах, трубах, сопелках,— все угодное бесам, всякую непристойность, наглость, а к ним еще чародейство и волхвование, и колдовство, звездочетье, чернокнижье, чтение отреченных книг, альманахов, гадальных книг, шестокрыла, веру в громовые стрелы и топорки, в усовье, и в матку, в камни и кости волшебные и прочие всякие козни бесовские. Если же кто чародейством, и зельем, и кореньями, и травами до смерти или до колдовства окормит, или бесовскими словами, и наваждением, и наговором наведет на всякое зло или на прелюбодеяние, или если кто-то клянется именем божьим ложно или клевещет на друга,— тут же прочти и двадцать четвертую главу. При всех тех делах и обычаях и нравах рождается в людях гордость, ненависть, злопамятство, гнев, вражда, обида, ложь, воровство, проклятие, срамословие и сквернословие, и чародейство, и волхвование, насмешка, кощунство, объедение, пьянство безмерное и чуть свет и запоздно, и всякие злые дела, и всякий блуд, и всякое распутство. И благой человеколюбец бог, не терпя в людях таковых злых нравов и обычаев и всяких неподобных дел, как чадолюбивый отец в страданиях спасает и приводит к спасенью, наставляя, и наказывает за многочисленные наши грехи, но скорой смерти не предает, не желает смерти грешника, а ожидает покаяния, чтобы мог исправиться и жить во блаженстве; если же не исправятся и не покаятся в злых делах, наводит бог по нашим грехам когда голод, когда мор, а то и пожар, а то и потоп, а то и пленение и смерть от язычников, а городам разорение, и божьим церквам и всякой святыне уничтожение, и всему имуществу расхищение; иногда и по царскому гневу наступает разорение имущества, и казнь самомý без милости, и позорная смерть, а от разбойников и воров покража, и от судей мзда и грабеж; то бездождье, то бесконечные дожди и неблагополучные лета, зима непригодная, и лютые морозы, бесплодие земли и всякой живности — скотине, и зверю, и птицам, и рыбам, и всяким хлебам скудость; утрата родителей, и жены, и детей от тяжелых и быстрых и внезапных смертей после тяжелых и горьких страданий в недугах и злая кончина. Неужели во всех этих бедах, нам угрожающих, мы не исправимся и не научимся и в раскаяние и в сознание не придем, устрашась, видя такое наказание праведного гнева божия за многие наши грехи? И снова господь, наставляя нас и направляя к раскаянию, точно долготерпеливого Иова искушая, посылает различные

скорби и болѣзьни, и тяжкия недуги, от духов лукавых мучение, тѣлу согнитие, *костемъ ломота,* отокъ и опухолъ на все уды, проходом обоимъ заклад и камень во удахъ, и глухота, и слѣпота, и *нѣмота,* в утробѣ терзание, и блевание злое, и на низъ во оба прохода кровь и гной, и сухотная, и кашель, и главоболение, и зубная болезнь, и камчюгъ, и френьчюги, и разслабление, и трясение, и всякие тяшкие различные недуги — наказание гнѣва божия. И сия вся своя грѣхи презрѣхомъ и в покаяние не внидохомъ, ничто же не уцѣломудри, ни устраши и не накажемъся, о семъ видя божие *наказание* на себѣ и болезни тяшкие, оставя бога, создавшаго ны, и милости и прощение грѣховъ от него не требуя, еже злѣ содѣяхомъ и приступихомъ к нечистымъ бѣсомъ, от них же отрекохомъся во святомъ крещении и всѣхъ дѣлъ их, и призываемъ к себѣ чародѣевъ и кудесниковъ, и волъхвовъ, и всяких мечетниковъ и зелейниковъ, и с кореньемъ, от нихже чаемъ душетлѣнныя и временныя помощи и уготоваемъ собя дияволу во дно адово во вѣки мучитися. О безумнии человеци! Оле неразумия вашего, не разсуждаем своихъ грѣховъ, за што ны богъ наказуетъ, и не каемся о них, и не престаемъ от злобъ и от всяких неподобныхъ дѣлъ, не помышляемъ вѣчнаго, но желаемъ тлѣннаго и временнаго. Престаните от злобъ и от всяких душетленных дѣлъ и очистимъ себѣ истинным покаяниемъ, яко милостивъ господь помилуетъ от грѣхъ и подастъ телесемъ здравие и душамъ спасение и вѣчных благъ не лишит, аще кто потрудится в семъ вѣцѣ царства ради небеснаго. Писано бо есть во святомъ Апостоле: «Многими скорбми подобаетъ намъ внити в царство небесное», во святомъ Еуаггелии речено бысть: «Уский и прискорбный путь вводяй в живот, а широкий и пространный, вводяй в пагубу», и паки рече господь: «Нужно есть царство небесное, и нужницы восхищаютъ е».

24. О НЕПРАВЕДНОМЪ ЖИТИИ

А кто не по бозѣ живет, не по християньскому житию чинит всякую направду и насилие, и обиду силно отоиметъ, возмя не заплатит, волокитою уморитъ, а молода человека во всемъ изобидит, а на суседьсьтве кто не добръ или в селѣ на своих християнъ или на приказе, или на власти дани тяжкия, и всякие уроки незаконныя накладывает, или чюжую ниву попахалъ, или лѣсъ посѣкъ, или землю переоралъ, или лугъ перекосилъ, или ловлю рыбную переловилъ, или борти или перевесье и всякую ловлю, и всякое угодье неправдою и насилиемъ сотворит или ограбит, или покрадет, или розобьетъ, или кого чимъ поклеплет, или кого чимъ подкинет, или чимъ ополичьнитъ, или напрасно кого продастъ, или в работу неповинных лукавьствомъ или насилиемъ охолопит, или непрямо судитъ или *неправедно* обыскиваетъ или

страдания: и болезни, и тяжкие недуги, духов лукавых мучение, огнивание тела, костям ломоту, отек и опухоль на все члены, обоим проходам запор и камень в почках, и глухоту, и слепоту, и немоту, боли в желудке и страшную рвоту, и вниз на оба прохода кровь и гной, и чахотку, и кашель, и боль в голове, и зубную боль, и подагру, и чирьи, и слабость, и дрожь, и всякие прочие тяжкие недуги,— все наказание по божьему гневу. И мы все эти свои грехи презрели и не покаялись, и ничто нас не может ни исправить, ни устрашить, ни научить; видя в этом божью кару себе и болезни тяжкие за то, что оставили бога, создавшего нас, и милости и прощения грехов от него не требуя, какое же зло мы сотворили, что обратились к нечистым бесам, от которых уже отреклись при святом крещении, как и от дел их, и вот призываем к себе чародеев и кудесников, и волхвов, и всяких колдунов и знахарей с их корешками, от которых ждем душетленной и временной помощи, и этим готовим себя дьяволу в адову пропасть мучиться в веки. О безумные люди! Увы неразумию вашему, не осознаем мы своих грехов, за которые бог нас наказывает, и не раскаиваемся в них, не избегаем пороков и всяких непотребных дел, не помышляем о вечном, но мечтаем о тленном и временном. Оставьте пороки и всякие душетленные дела, очистим себя искренним раскаянием, и милостивый господь помилует нас в грехах, и даст телам нашим здоровье и душам спасенье, и вечных благ не лишит того, кто трудится в этом мире царства ради небесного, ибо писано в святом Апостоле: «Многими страданиями предстоит нам войти в царство небесное»; в святом Евангелии сказано: «Узкий и скорбный путь, вводящий в жизнь вечную, но широкий и просторный, вводящий в пагубу», и еще сказал господь: «Трудно достичь царства небесного, и только те, что приложат усилие, получат его».

24. О НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекосил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище и всякие ловчие угодья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или

накривѣ послушествуетъ, или кающимся немилостивъ, или лошадь или всякую животину и всякое стяжание и села или винограды, или дворы и всякое угодие силою отимет, или дешево в неволю купит, или ябедничествомъ вытяжет или корчемнымъ прикупомъ, или лихвы, и всякимъ лукавным ухищрениемъ, и неправедным собраниемъ или росты и насъпы и мыта, всякия неподобныя дѣла: блудъ, нечистоту, скверънословие и срамословие, и клятвопреступление, и ярость, и гнѣвъ, и злопамятство,— самъ государь или государыня творят или дѣти их или люди их, или крестьяне их, а они, государи, о томъ не возбраняют и не обороняют, и управы не дают — прямо и всѣ вкупѣ будутъ во адѣ, а здѣ прокляти, ино во всѣх тѣхъ плодех не благословеных, а от бога не помилованъ, а от народа проклят, а обидимии богу вопиют; а своей души на погибель, а дому тщета, и все проклятое, а не благословеное: и носити, и ясти, и пити — то все стяжание и плоди не божии, но бесовские; низходятъ во адъ живы душа их, тако творящих, а от нихъ всякого обилия и плодовъ от таковых неприятна богу милостыня ни при животе, ни по сьмерти, аще хощете вѣчныя муки избыти, отдай неправедное обидимому и кайся вперед тако не творити со всеми своими, еже есть писано: «Скоръ господь на милость свою, истинно кающихся приемлетъ, и великимъ грѣхомъ свободу даруетъ».

25. О ПРАВЕДНОМЪ ЖИТИИ, АЩЕ КТО ПО БОЗѢ ЖИВЕТ И ПО ЗАПОВѢДЕМЪ ГОСПОДНИМЪ, И ПО ОТЧЕСКОМУ ПРЕДАНИЮ, И ПО ХРИСТИЯНЬСКОМУ ЗАКОНУ, АЩЕ ЛИ ВЛАСТЕЛИНЪ СУДИТ ПРАВЕДНО И НЕЛИЦѢМѢРНО ВСѢМЪ РАВНО — БОГАТУ И УБОГУ, И БЛИЖНЕМУ, И ДАЛНЕМУ, ДОВОЛНИ БУДУТЪ УРОКИ ПРАВЕДНЫМИ, И ТВОРИТИ

Аще ли в селех такоже и во граде и на сосѣдьствѣ хто добръ и у своих християнъ или на власти, или на приказе праведъныя уроки в подобно время емлет, не силою и не граблением, и не мучениемъ, а коли что не радилося, а заплатити нечим, и онъ наровит, а у сусѣда или у своево християнина чево не достало на сѣмена или лошади или коровы нѣтъ, или государьские дани нечимъ заплатить, ино ево ссудити и подмочи, а у самого мало, ино заняти, а о нихъ болезновати от всея душа, а ото всякаго обидящаго беречи их в правдѣ, а сомому и людемъ твоимъ отнюд никово ни в чемъ не обидѣти: ни в пашне, ни в земле, ни в домашнемъ ни в какомъ запасе, ни в животине, и всякаго неправеднаго стяжания не желати, благословлеными плоды и праведнымъ стяжаниемъ жити подобаетъ всякому християнину. И видя богъ ваша добрая дѣла и такову милость, и нелицемѣрую любовъ ко всем, и правду во всемъ, и подастъ богъ богатую милость, и гобину плодомъ, и всякого изобилия умножит,

ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве,— сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбраняют им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них,— обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к богу. И своей душе на погибель, и дому в запустение, и все проклято, а не благословлено: и владеть, и есть, и пить — то все прибыли и доходы не от бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное и впредь обещай обиженному не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает».

25. О ПРАВЕДНОМ ЖИТИИ, ЕСЛИ КТО ПО-БОЖЕСКИ ЖИВЕТ, И ПО ЗАПОВЕДЯМ ГОСПОДНИМ, И ПО ОТЕЧЕСКОМУ ПРЕДАНИЮ, И ПО ХРИСТИАНСКОМУ ЗАКОНУ И ЕСЛИ ВЛАДЕТЕЛЬ СУДИТ СПРАВЕДЛИВО И НЕЛИЦЕПРИЯТНО ВСЕХ ОДИНАКОВО — БОГАТОГО И БЕДНОГО, БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО, ТО УДОВЛЕТВОРЕНЫ БУДУТ СБОРАМИ СПРАВЕДЛИВЫМИ, И ТАК ПОСТУПАТЬ

Если же в селах, а также и в городах и по соседству кто добр, то у своих крестьян или в силу власти, в приказе сидя, законные сборы в нужное время взимает не силою, и не грабежом, и не мучением; а коль чего не родилось и заплатить нечем, так он немного послабит; а у соседа или у своего крестьянина чего не достало на семена, лошади или коровы нет или господскую подать не с чего сдать, то ему ссудить и помочь, а коль и у самого мало, то занять, но о таких позаботиться от души и от всякого обидчика уберечь их в суде, да самому тебе и людям твоим отнюдь никого и ни в чем не обидеть: ни в пашне, ни в земле, ни в домашнем, ни в ином припасе, ни в животине, никакого неправедного богатства не желать, законными доходами и праведным богатством жить подобает всякому христианину. И, видя ваши добрые дела, и такую милость, и нелицеприятную любовь ко всем, и правду во всем, пошлет вам бог щедрую милость и урожай плодам и всякий достаток умножит;

и милостыня та от праведных трудовъ и богу приятна, и молитву ихъ богъ услышит, и от грѣховъ свободит и жизнь вѣчьную даруетъ.

26. КАКО ЖИТИ ЧЕЛОВѢКУ, СМѢТЯ СВОЙ ЖИВОТ

А во своемъ во всякомъ обиходе: и в лавочномъ, и во всякомъ товаре, и в казнѣ, и в полатахъ, или в дворовомъ во всякомъ запасе или в деревенскомъ или в рукодельи, и в приходе и в росходе, и в заимехъ, и в долгѣхъ всегда себѣ смечать, и потому живешь и обиходъ держишь, по приходу и росходъ.

27. АЩЕ КТО НЕ РАЗСУДЯ СЕБЯ ЖИВЕТ

Всякому человеку: богату и убогу, велику и малу — разсудити себя и смѣтити по промыслу и по добытку, и по своему имѣнию, а приказному человеку смѣтя собя по государьскому жалованью и по доходу, и по помѣстью, и таковъ дворъ себе держати, и всякое стяжание, и всякой запасъ, по тому и люди держати, и всякой обиходъ, по промыслу и по добытку по тому и ести, и пити, и носити, и людей одѣвати, и с людьми сходитися з добрыми. Аще кто не разсудя собя и не смѣтя своего житья и промысла, и добытка, и учнетъ на люди глядя жити не по силе и заимуя, или неправеднымъ имѣниемъ, и та честь будет с великимъ бесчестиемъ и со укоризною, и с поношениемъ, в злое время нихто ему не поможет, а от бога грѣхъ, а от людей посмѣхъ, ино надобѣ всякому человеку тщеславия бѣгати и похвалы, и неправеднаго собрания, жити по силе и по промыслу, и по смѣте, и по добытку своею правою силою. Ино то житие благоприятно и богоугодно, и от людей похвално, и себѣ, и дѣтемъ своим прочно.

28. АЩЕ КТО СЛУГЪ ДЕРЖИТ БЕЗ СТРОЯ

А толко людей держат у собя не по силе и не по добыткамъ, а не удоволити его ествою и питиемъ, и одежею, или которой не рукодѣленъ и собою не умѣет промыслити, ино той слуги, мужику или женки или девки, у неволи заплакав, и лгать и красть, и блясть, а мужикомъ и розбивать и красть, и в коръчме пити, и всякое зло чинити,— и тому безумному государю и государыне от бога грѣхъ, а от людей посьмѣхъ, и не сусѣдьство со всякимъ, а от сусѣдей продажа и тщета дому, и самъ оскудеет за скудость ума.

милостыня же от праведных трудов и богу приятна, и бог молитву вашу услышит, грехи простит и жизнь вечную дарует.

26. КАК ЖИТЬ ЧЕЛОВЕКУ, РАЗМЕТИВ СВОЮ ЖИЗНЬ

А во всяком своем имуществе: и в лавочном, и в любом товаре, и в казне, и в домах, или в дворовом всяком припасе, деревенском ли, или ремесленном,— и в приходе и в расходе, и в займах и в долгах всегда все себе отмечать, тогда и проживешь и имущество сохранишь, по приходу и расход.

27. ЕСЛИ КТО ЖИВЕТ, НИЧЕГО НЕ РАССЧИТАВ

Всякому человеку: богатому и бедному, большому и малому — все рассчитать и разметить, исходя из ремесла и из доходов, а также и по имуществу; приказному же человеку все рассчитать, учтя государево жалованье и по доходу, и по поместью, и такой уж двор при себе держать и все имущество и всякий припас; по тому же расчету и людей держать и все хозяйство, по ремеслу своему и прибыли — и есть, и пить, и одежду носить, и людей одевать, и с людьми сходиться с нужными. Если же кто, не рассчитав своего и не разметив житья своего и ремесла и прибыли, начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая или беря незаконным путем, та честь его обернется великим бесчестием со стыдом и позором, и в лихое время никто ему не поможет, да и от бога грех, а от людей насмешка; надобно каждому человеку избегать тщеславия, и гордыни, и греховных встреч, жить по силе своей и по возможности, и по расчету, и на прибыль от законных средств. Ибо такое житье удобно, и богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.

28. ЕСЛИ КТО СЛУГ СОДЕРЖИТ БЕЗ ПРИСМОТРА

Если же людей держат у себя не по средствам и не по прибылям, а потому и не могут удовлетворить их едою, и питьем, и одеждой, или таких, что ремесла не знают и сами не могут пропитаться, приходится такому слуге, мужику, или женке, или девке поневоле, горюя, и лгать, и красть, и блудить, а мужикам и грабить, и красть, и в корчме пить, и всякое зло чинить,— так тем неразумным господину и госпоже от бога грех, а от людей насмешка и жизнь без соседства, ибо соседи растащут и разорят весь дом — и сам оскудеет за бедность ума своего.

29. ПОУЧАТИ МУЖУ СВОЯ ЖЕНА, КАКЪ БОГУ УГОДИТИ И МУЖУ СВОЕМУ УНОРОВИТИ, И КАКО ДОМЪ СВОЙ ДОБРЕ СТРОИТИ, И ВСЯ ДОМАШНЯЯ ПОРЯДНЯ И РУКОДЕЛЬЕ ВСЯКОЕ ЗНАТЬ, И СЛУГЪ УЧИТЬ И САМОЙ ДѢЛАТЬ

Подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ с любовию и благоразсуднымъ наказаниемъ, жены мужей своихъ вопрошают о всякомъ благочинии, како душа спасти, богу и мужу угодити, и домъ свой добре строити, и во всемъ ему покарятися; и что мужь накажетъ, то с любовию приимати и *творити* по его наказанию: пѣрьвие, имѣти страх божий и телесная чистота, яко же впреди указано бысть. Воставъ от ложа своего, предочистивъ себѣ и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкам дѣло указати дневное, всякому рукодѣлию что работы: дневная ества варити, и которой хлѣбы печи ситные и решетные, и сама бы знала, как мука сѣяти, какъ квашня притворити и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи, и квасны и бухоны, и выпеклися, а колачи и пироги тако же, и колко муки возмутъ, и колько испекутъ, и колко чево родится ис четверти или из осмины, или из решота, и колко высевковъ, и колко испекутъ,— мѣра знати во всемъ. А ествy мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие приспѣхи печи и варити,— все бы сама государыня умѣла, ино умѣетъ и слугъ научити, и все сама знает. А коли хлѣбы пекутъ, тогды и платья моютъ, ино с *одного* сьтрепня и дровамъ не убыточно, и дозирати, какъ красные рубаши моют и лучшее пълатья, и колко мыла идетъ и золы, и на колке рубашекъ, и хорошо бы вымыти и выпарити, и начисто выполоскати и иссушити, и искатати и скатерти, и убрусы, и ширинки, и утиралники, такоже и всему счетъ самой знати, и отдати, и взяти все сполна, и бело и чисто, а ветчано вѣжливо бы поплачено, ино сироткамъ пригодитца. А коли хлебы пекутъ, ино того же тѣста вѣлети отняти и пироговъ начинити, а коли пшеничьное пекутъ и семъе из межьситки велѣти пироговъ зьдѣлати, в скоромные дни скоромною начинкою, какая лучится, а в посные дни с кашею или з горохомъ, или с сокомъ, или рѣпа, или грибы, или рыжики, или капуста,— что богъ лучит, ино семъе потешенье. И всякую бы ествy, и мясную и рыбную, и всякой приспѣх, скоромной и посной, жена сама бы знала и умѣла здѣлать, и слушку научить: то государыни домовная и домоводицы добрые. И то бы знала же: пивной, медовой и винной, и бражьной, квасной и уксусной, и кислаштяной, и всякой обиходъ как дѣлают, и поваренной и хлѣбной, и в чемъ что родится, и колко ис чево будет. Коли все знаетъ, доброго мужа наказаниемъ и грозою и своимъ добрымъ разумомъ, ино все будетъ споро и всево будет много. А которая женьщина или дѣвка рукодѣльна,

29. УЧИТЬ МУЖУ СВОЮ ЖЕНУ, КАК БОГУ УГОДИТЬ, И К МУЖУ СВОЕМУ ПРИНОРОВИТЬСЯ, И КАК СВОЙ ДОМ ЛУЧШЕ УСТРОИТЬ, И ВСЯКИЙ ДОМАШНИЙ ПОРЯДОК И РУКОДЕЛЬЕ ВСЯКОЕ ЗНАТЬ, И СЛУГ УЧИТЬ И САМОЙ ТРУДИТЬСЯ

Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, богу и мужу угодить и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению: и прежде всего иметь страх божий и пребывать в телесной чистоте, как уже впереди указано было. Поднявшись с постели, умывшись и помолясь, женкам и девкам работу указать на день, каждой — свое: кому дневную пищу варить, а кому хлебы печь ситные и решетные,— да и сама бы хозяйка знала, как муку сеять, как квашню затворить и замесить и хлебы скатать и испечь: и кислые, и пышные, и выпеченные, а также калачи и пироги; да знала бы, сколько муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, или из осьмины, или из решета, и сколько высевков отойдет, и сколько испекут,— меру знать во всем. А еду мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие блюда печь и варить,— все бы сама хозяйка умела, чтобы и всех слуг научить. Когда же хлебы пекут, тогда и одежду стирают, так в общей работе и дровам не убыточно, но нужно приглядывать, как нарядные рубашки стирают и лучшую одежду, и сколько мыла идет и золы, и на сколько рубашек, да хорошо бы постирать, прокипятить и начисто выполоскать и высушить и разгладить и скатерти, и убрусы, и платки, и полотенца; также и счет всему самой знать, отдать и взять все сполна, и бело и чисто, а ветхое осторожно бы залатали, всё сироткам сгодится. А когда хлебы пекут, того же теста велеть отложить и пироги начинить; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей, или с горохом, или со сладким, или репу, или грибы, или рыжики, или капусту,— что бог подаст, всё семье в утешенье. И всякую бы еду, и мясную, и рыбную, и всякое блюдо, скоромное или постное, жена сама бы знала да умела и приготовить и служку научить: такая хозяйка домовитая и умелая. И это знала бы также: как делают пивной, и медовый, и винный, и бражный, квасной, и уксусный, и кислощанный, и всякий припас поварской и хлебный, и в чем что готовить, и сколько из чего получится. Если все это знает благодаря строгости и наставлениям хорошего мужа и своим способностям также, то все будет споро и всего будет вдоволь. А которая женка или девка рукодельна,

и той дѣла указати: рубашка дѣлати или убрусъ брати, или ткати, или золотное или шелковое пяличное дѣло, и которая чему учена — того всего досмотрити и дозрети, и всякой мастери самой прядено, а тафта, и камка, и золото, и серебро отвѣсити и отмѣрити, и смѣтити, и указати, сколко чего надобно и сколко чего дастъ, и прикроити, и примѣрити, самой все свое рукоделие знати, а малых дѣвокъ учити, которая чево пригоже; а мужнимъ женкамъ, которые черное дѣло дѣлают, избу топятъ и хлѣбы пякутъ, и платья моют,— тѣмъ ленъ дают на собя и на мужа, и на дѣти прясти, а одинокая жоночка или дѣвка на государя ленъ прядетъ, а изгребии и пачеси на собя или какъ пригоже. А все бы вѣдала сама государыня, которой дѣло какое дастъ, колко чево дастъ и колко чево возмѣтъ, и сколко чево здѣлаетъ кто днемъ, много ли мало, и сколько ис чево выйдетъ,— то бы сама все знала, и в счете бы было все. А сама бы государыня отнюдъ никако же, никоторыми дѣлы, опрично немощи, без дѣла не была, ино и слушкамъ, на нее смотря, повадно дѣлати. Муж ли придет, гостья ли обычная придетъ,— всегды бы над рукоделиемъ сидѣла сама: то ей честь и слава и мужу похвала; а николи же бы слуги государыни не будили, государыня бы слугъ будила, а, ложася бы спать, всегды от рукодѣлия молебная совершивъ.

30. ДОБРЫЕ ЖЕНЫ РУКОДѢЛНЫЕ ПЛОДЫ И БЕРЕЖЕНЬЕ ВСЕМУ, И ЧТО СКРОИТ, И ОСТАТКИ И ОБРЕСКИ БЕРЕЧИ

А добрая домовитая жена благоразумнымъ своимъ помысломъ и мужнимъ наказаниемъ, и добрымъ подвигомъ своихъ трудовъ с слушками полотенъ и усчинъ, и холъстовъ надѣлано да на што пригоже: ино окрашено на летники и на кавтаны, и на сарафаны, и то у ней на домашней обиходъ перекроено и перешито, а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано полотенъ или усчинъ, или холъстовъ, или скатертей, или убрусовъ, или ширинокъ, или иного чего, ино и продастъ, ино што надобе купитъ, ино того у мужа не проситъ. А рубашки красные мужьские и женьские, и порты,— то все самой дати при себе кроити, и всякие остатки и обрѣсъки камчатые и тафтяные, и дарагие и дешевые, и золотное, и шелковое, и бѣлое, и красное, и пухъ, и *оторочки,* и спорьки, и новые и ветшаное,— все бы было прибрано мѣлкое в мешечках, а остатки сверчено и связано, а все розбрано по чисълу и упрятано, и какъ чево подѣлать вѣтшана или у новаго не достало, а то все есть в запасе, в торгу того не нищешь: далъ богъ, у доброго промысла, у совершенаго разума все ся лучило дома.

так той указать дело: рубашку сшить, или вышить убрус да выткать, или шить на пяльцах золотом и шелками — какую чему научили, и то все и доглядеть и заметить. И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи, и тафты, и камки, золотой и серебряной ткани, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить и примерить, самой знать всякое рукоделие и малых девок учить, какая к чему пригодна; а замужним женкам, которые черную работу делают, избу топят, и хлебы пекут, и белье стирают,— тем лен дают прясть, на себя да на мужа и на детей; одинокая женка или девка на хозяина лен прядет, а и́згреби и очёсы на себя или как придется. Да и ведала бы сама хозяйка, которой какое дело дать, сколько чего дать, и сколько̀ чего взять, и сколько чего кто сделает за день, много ли, мало, и сколько из чего получится,— все то сама бы знала, и было бы все у нее на счету. А сама бы хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит, без дела не находилась, так что и служкам, на нее глядя, повадно было трудиться. Муж ли придет, простая ли гостья — всегда б и сама над рукодельем сидела: за то ей честь и слава, а мужу похвала; никогда бы слуги хозяйку не будили, но сама хозяйка будила слуг и, спать ложась после трудов, всегда бы молилась.

30. МАСТЕРИЦЫ ХОРОШИЕ ЖЕНЫ — ДОХОД И СБЕРЕЖЕНЬЕ ВСЕМУ; А С ТОГО, ЧТО СКРОИТ, ОСТАТКИ И ОБРЕЗКИ СОХРАНЯТЬ

А хорошая домовитая жена понятливостью своей, и наставлением мужа, и похвальным к труду стремлением вместе со слугами холстов, и полотен, и тканей наготовит на все, что нужно: то окрашено на летники, и на кафтаны, и на сарафаны, а иное у нее для домашней носки перекроено и перешито; а если больше потребного наделают — полотен, холстов и тканей или скатертей, полотенец, простыней или иного чего, то и продаст, а что нужно, купит, и потому у мужа денег не просит. А рубашки нарядные, мужские и женские, и штаны — то все самой велеть при себе кроить, и все остатки и обрезки — камчатые, и тафтяные, и дорогие, и дешевые, и золотное, и шелковое, и белое, и крашеное, и пух, и оторочки, и выпоротки, и новое, и ветхое,— все бы было прибрано мелкое в мешочки, а остатки скручены и связаны и все разобрано по размеру и припрятано, и как потребуется сделать что из ветхого или нового не хватило,— а то все и есть в запасе, и на рынке того не ищешь: дал бог, у доброго разума, у заботливой хозяйки все и дома нашлось.

31. КАКЪ ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТИ И ОСТАТКИ И ОБРЕСКИ БЕРЕЧИ

В домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ или жене, или дѣтемъ, или людемъ: камчато или тафтяно, или изуфрено, или кушачно, или зенденинное, или сукняное, или армячное, или сермяжное, или кожи как не краити, или сагадакъ, или на седло или омѣтюкъ, или сумы, или сапаги, или шуба, или кафтанъ, или терликъ, или однорятка, или кортель, или лѣтникъ и каптуръ, или шапка, или нагавицы, или какое платно ни буди,— и самъ государь или государыня смотри и смечаетъ остатки, и обрески живутъ, и тѣ остатки и обрески ко всему пригожаютца в домовитомъ дѣле: поплатить ветчаново товож портища или к новому прибавить, или какое ни буди починить, а остатокъ или обрезокъ какъ выручить, а въ торгу устанешъ прибираючи в *лицо тѣмъ видомъ* в три *дороги* купиш, а иногды и не приберешъ. А коли лучится какое платно кроити молоду человеку, сыну или дщери, или молодой невѣске, лѣтникъ или кортель, или шуба с поволокою, или опашень зуфрянъ или камчат, или обьярь, или отласъ или бархатъ, или терликъ, или кафтанъ,— и што ни буди доброе и, кроячи, да загибати, вершка по два и по три на подоле и по краемъ, и по швомъ, и по рукавомъ, и какъ выростетъ годы два или три или в четыре, и, роспоровъ то платно и загнутое отправит, опять платно хорошо станет; кое платья не всегда носити, то такъ краити.

32. ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ ДОМАШНЯЯ ДЕРЖАТИ

А всякому рукодѣлью и у мужа, и у жены, всякая бы порядня и и снасть была в подводвории: и плотницкая, и портново мастера, и железная, и сапожная, и у жены бы всякому ей рукодѣлью и домовитому обиходу всякая бы была порядня своя, и держано бы то бережно, гдѣ что пригоже: ино что себѣ ни зделалъ, и нихто ничево не слыхалъ, в чюжии дворъ не идешь, ни пошто свое без слова. А поваренная порядня и хлѣбная, а все бы было у собя сполна: и мѣдяное, и оловяное, и железное, и деревяное — каково ся лучитъ, а лучится у кого кокая ссуда взять или свое дать: саженье или мониста, или *съкрута* женьна, судно серебряное или мѣдяно, или оловяное, или какое платно, и како ни буди запасъ пересмотрити и нового и ветшаного, гдѣ измято или избито, или утло, или што гдѣ изваляно или подралося, и которая на чемъ ни буди притча, или што не цѣло,— и все то исчести и смѣтити и записати, и хто емлет, и хто даетъ — обѣма то бы было вѣдомо. А что вѣсовое — то бы извешено, и всякой ссуды бы цѣна поставлена: по грѣхомъ какова притча станетца, ино на обѣ стороны хлопотовъ и остуды нѣтъ, ино тому платежь.

31. КАК ВСЯКОЕ ПЛАТЬЕ КРОИТЬ И ОСТАТКИ И ОБРЕЗКИ ХРАНИТЬ

Если случится платье какое кроить в домовитом хозяйстве — себе, или жене, или детям, или работникам: камчатое, или тафтяное, или шерстяное, или златотканое, или хлопчатое, или суконное, или из серпянки, или сермяжное или кожи какие кроить на сагайдак, или на седло, или на шлею, или на сумки, или на сапоги, или шубу, или кафтан, или терлик, или однорядку, или кортель, или летник и каптур, или шапку, или нагавицы, или какое иное платье,— и сам господин или госпожа смотрят и подбирают остатки, а обрезки хранят, и те остатки и обрезки ко всему пригодятся в домовитом деле: заплату наставить на обветшавшей одежде, или новую удлинить, или какую из них починить; а если на рынке искать остаток или обрезок, так намаешься, подбирая по цвету и виду, да втридорога купишь, а иногда и не сыщешь. И если придется какую одежду кроить для молодых, сыну или дочери или молодой невестке, летник, или кортель, или шубу с покрывалом, или опашень шерстяной или камчатый, или шелковый с золотом, или атласный, или бархатный, или терлик, или кафтан,— и что-нибудь доброе, то, кроя, следует загибать вершка по два и по три на подоле и по краям, возле швов и по рукавам; а как вырастет он года через два или четыре, распоров ту одежду, загнутое выправить, опять одежда впору будет; и какая одежда не на каждый день, также кроить ее.

32. ВСЯКИЙ ПОРЯДОК ДОМАШНИЙ СОДЕРЖАТЬ

А для всякого рукоделья и у мужа и у жены всякое бы орудие в порядке было на подворье: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, а у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и держалось бы все то бережно, где что нужно: и что себе ни сделал — никто ничего не слыхал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова. А поварские принадлежности и хлебопекарные все бы были у самого сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное,— какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: украшения или мониста или женскую одежду, сосуд серебряный, или медный, или оловянный или какое платье,— и как-нибудь запасы пересмотреть, и новое все и ветхое: где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано или продралось, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело,— и все то пересчитать, и отметить, и записать — и кто берет, и кто дает — обоим то было бы ведомо. А что можно взвесить — то бы взвешено было, и всякой ссуде определили бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, ибо цена известна.

А всякая ссуда имати и давати в честь и беречи паче своего, и отнести на срокъ, чтобы сами государи того не просили и по то не посылали: ино и впредь дадут, и дружба впрокъ. А толко чюжаго не беречи или не срокъ не отнести или испортивъ отдать, ино остуда въ вѣкъ и убытокъ в томъ, и продажа живетъ, и впередь нихто ни в чемъ не вѣритъ.

33. ПО ВСЯ ГОСУДАРЫНИ ДНИ ДАЗИРАТИ У СЛУГЪ ВСЕГО И ДОМАШНЕЙ ПОРЯДНИ И РУКОДѢЛЬЯ, И О САМОЙ ЕЙ И О ВСЯКОМЪ БЕРЕЖЕНИИ И СТРОЕНИИ

А по вся дни государыня у слугъ дазираетъ, которые пекутъ и и варятъ, и всякие приспѣхи дѣлаютъ, и которые всякое рукодѣлие дѣлаютъ; и которая служька хорошо дѣлает по приказу: или есть варитъ или хлѣбы печет, или колачи, или пироги, или какие-нибудь приспѣхи, или какое рукодѣлие здѣлает хорошо,— и за то слушка примолвити и пожаловати, и есть подати, и по преже писанному какъ дворовымъ людемъ от государя бережение и, по службе смотря, а хто худо и не по приказу здѣлает или не слушает, или ленитца, или испортитъ што, или нечисто стряпает, или крадет,— ино по преже писаному наказанию учити, какъ от государя слугамъ живет; впреди о томъ наказании писано, как кого пожаловати или наказати, или научити. А в горнице и в комнате, и в сенех, и на крыльце, и на лѣснице всегда бы было чисто, и рано, и позно, а столъ и суды всякие всегда чисто мыти, и скатерть чиста. А сама бы государыня всегда была устоина во всякомъ обиходе, таковый бо у нее служки были вѣжливы по преже писаному, а с слугами бы государыня пустошных речей ни пересмешныхъ отнюд не говорила, ни торговки, ни безделные женки, ни волхвы никако не приходили. А постеля и платья по гряткамъ и в сундукѣхъ, и в коробьях, и убрусы и рубашки, и ширинки — все бы было хорошенко и чистенько и беленко, уверчено и укладяно и не перемято, и не сполщено. А саженье и мониста и лучшее *платья* всегда бы было в сундукѣхъ и в коробьях за замкомъ, а ключи бы держала в малам ларцѣ, а всѣ бы *вѣдала* сама.

34. ПО ВСЯ ДНИ ЖЕНЕ С МУЖЕМЪ О ВСЕМЪ СПРАШИВАТИСЯ И СОВѢТОВАТИ О ВСЕМЪ: И КАК В ЛЮДИ ХОДИТИ, И К СЕБЕ ПРИЗЫВАТИ, И З ГОСТЬЯМИ ЧТО БЕСѢДАВАТИ

А по вся бы дни у мужа жена бы спрашивалась и *совѣтовалась* о всякомъ обиходе и воспоминала, что надобет; а в гости ходити и к себѣ звати, ссылатца, с кемъ велитъ мужь, а гостьи коли лучится или самой гдѣ быти, за столомъ сѣсти — луччее платье переменити, отнюдь *беречися* от пьяного пития: пьяный мужь дурно, а жена пьяна в миру не пригоже; а з гостьями бесѣдовати

А всякую ссуду и брать и давать честно, хранить сильней своего и возвратить в срок, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и впредь дадут и дружба навек. А если чужого не сохранять, или в срок не вернуть, или испортил, то обида на век и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.

33. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОСПОЖЕ НАДЗИРАТЬ НАД СЛУГАМИ В ДОМАШНЕМ УСТРОЙСТВЕ И РУКОДЕЛИИ И О ВСЯКОМ СОХРАНЕНИИ И ПОРЯДКЕ

Каждый день госпожа надзирает над слугами, которые пекут и варят и все блюда готовят и которые делают всякое рукоделие; а которая служка хорошо делает по наказу: или есть варит, или хлебы печет, или калачи, или пироги, или какие-нибудь блюда готовит или работу какую хорошо исполнит,— и за то служку похвалить да пожаловать и есть подать, по службе смотря; заботиться, как уже писано прежде, господину о дворовых людях. Если же кто плохо и не по наказу исполняет, или не слушается, или ленится, или испортит что, или нечисто стряпает, или крадет,— также по прежде писанному наставлению поучить, как от господина слугам и положено; выше наставление писано о том, как кого пожаловать, или наказать, или поучить. А в горнице, и в комнате, и в сенях, и на крыльце, и на лестнице всегда бы было чисто, и с утра, и запоздно, а стол и посуду всякую всегда мыть чисто, и скатерть чиста. А сама хозяйка всегда была бы готова ко всякому делу, также и служки ее были б послушны, как сказано выше, и со слугами бы госпожа пустошных речей пересмешных никогда не говорила, и к ней бы никогда не приходили ни торговки, ни бездельные женки, ни волхвы. А постели и одежда, полотенца, рубашки и простыни по полкам, и в сундуках, и в коробьях — все было бы хорошенько, и чистенько, и беленько, завернуто и уложено, и не перемято, и не замарано. А украшения и мониста и лучшее платье всегда бы было в сундуках и в коробьях под замком, а ключи бы хозяйка держала в малом ларце и ведала всем бы сама.

34. КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЖЕНЕ МУЖА ОБО ВСЕМ СПРАШИВАТЬ И СОВЕТОВАТЬСЯ ОБО ВСЕМ: И КАК НА ЛЮДИ ВЫХОДИТЬ, И К СЕБЕ ПРИГЛАШАТЬ, И О ЧЕМ ГОВОРИТЬ С ГОСТЬЯМИ

А всякий бы день у мужа жена спрашивалась и советовалась обо всем хозяйстве и напоминала, что следует; а в гости ходить и, к себе звать, и пересылаться, с кем разрешит муж, а коли гостья зайдет или сама где будет, сесть за столом — лучшее платье одеть и беречься всегда хмельного питья: пьяный муж дурно, а жена пьяная в миру не пригожа; а с гостьями беседовать

о рукодѣльи и о домашьнемъ строении, как порядня вести и какое рукодѣлейцо здѣти; чего не знаетъ, и того у добрых женъ спрашиватися вѣжливо и ласково, и, кто что укажетъ, на томъ ниско челомъ бити; или у собя в подворье у которой гостьи услышитъ добрую пословицу, какъ добрые жены живутъ и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строит, и какъ дѣти и служокъ учатъ, и какъ мужей своихъ слушают, и какъ с ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ,— и то в себѣ вънимати, а чево доброво не знаетъ, ино спрашиватца вѣжливо, а дурных и пересмѣшных и блудныхъ речей не слушати и не бесѣдовати о томъ; или в гостяхъ увидит добрую порядню или вь естве, или в питье, или в каких приспѣсех, или какое рукодѣлье необычно, или кокая домашняя порядня гдѣ хороша, или которая добрая жена и смышленая, и умная, и в речехъ и в бесѣде, и во всяком обиходѣ, или гдѣ слушки умны и вѣжливы, и порядливы, и рукодѣлны, и ко всякому добру смышлены,— и всего того добра примечати и внимати, чево не знает или чево не умѣетъ, и о томъ спрашиватись вѣжливо и ласково, и о томъ бити челомъ, и, пришедъ на подворья, то все мужу сказать на упокой; с такими то з добрыми женами пригоже сходитися ни ествы ни пития для, добрыя ради бесѣды и науку для, да внимать то в прокъ себѣ, а не пересмехатись и ни о комъ не переговаривати, и спросятъ о чемъ, про кого, иногды и учнутъ *пытати,* ино отвещати: «Не вѣдаю азъ ничего того и не слыхалъ, и не знаю, и сама о ненадобномъ не спрашиваю, ни о княинях, ни о боярынях, ни о сусѣдах не пересужаю».

35. СЛУГЪ НАКАЗЫВАТИ, КАКЪ В ЛЮДИ ПОСЫЛАТЬ С ЧИМЪ

А слугъ своихъ заповѣдывати о людех не переговаривати, и гдѣ в людех были, и что видели недобро — тово дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы в людех не сказывали: о чемъ послано, то и паметуй, а о иномъ о чемъ учнутъ спрашивати, того не отвечевай и не вѣдай, и не знай того. Борзее отдѣлавшися да домой ходи и дѣло кажи, а иныхъ вестей не приноси, што не приказано, ино промежь государей никакой ссоры не будетъ и неподобные речи и блудные. То бы отнюд не было, то доброму мужу похвала и жене, толко у них таковы служки вѣжливы. А пошлешь куды слушку или сына, и што накажеш говорити или што здѣлати или што купить, и ты вороти да спроси ему, што ты ему наказалъ, что ему говорити или что ему здѣлать, или что ему купити, и толко по твоему наказу тебѣ все изговорит, ино добро. А пошлеш с слугою к кому еству или питье или что ни буди, да воротивъ спроси его, куды несетъ: толко такъ скажетъ, какъ наказано — то добро. А посылати питие вполне, а еству цѣлу, ино солгать не умееть,

о рукоделии и о домашнем устройстве, как хозяйство вести и какими делами заниматься; а чего не знает, то у добрых жен спрашивать послушно и вежливо, и кто что укажет, на том низко челом бить; или у себя на подворье от какой-нибудь гостьи услышит полезный рассказ, как хорошие жены живут и как хозяйство ведут и как дом устраивают, как детей и служек учат, и как мужей своих слушаются, и как с ними советуются, и как повинуются им во всем,— и то все для себя запоминать, а чего полезного не знает, о том спрашивать вежливо, а дурных и пересмешных и блудливых речей не слушать и не говорить о том; или если в гостях увидит удачный порядок, или в еде, или в питье, или в каких приправах, или какое рукоделье необычное, или какой домашний порядок где хорош, или какая добрая жена и смышленая и умная, и в речах, и в беседе, и во всяком обхождении, или где служки умны, и вежливы, и пристойны, и рукодельны, и во всяком деле смышлены,— и все то хорошее примечать и всему внимать, чего не знаешь и чего не умеешь, о том расспрашивать вежливо и послушно, и за науку благодарить, и, придя домой, обо всем рассказать мужу перед сном; с такими-то хорошими женами пригоже встречаться не ради еды и питья, но ради доброй беседы и ради науки, чтобы запоминать для себя все это впрок, а не пересмешничать и попусту не болтать. Если же спросят о чем про кого, иногда и с пристрастием, то отвечать: «Не ведаю я ничего такого, и не слыхала, и не знаю, и сама о ненужном не спрашиваю, ни о княгинях, ни о боярынях, ни о соседях не сплетничаю».

35. КАК СЛУГ НАСТАВЛЯТЬ, КОГДА С ЧЕМ-НИБУДЬ ПОСЫЛАЕШЬ НА ЛЮДИ

А слугам своим наказывать с людьми не сговариваться, и когда на людях были и что нехорошее видели — того дома не передавали бы; а что дома делается, того бы на людях не сказывали: с чем послан, о том и помни, а о чем ином станут спрашивать, не отвечай и не ведай и не знай того. Поскорей разделавшись, иди-ка домой и о деле расскажи, а посторонних вестей не касайся, о каких не наказано, тогда между господами никакой ссоры не будет и недостойных речей и обманных. И если так будет, то доброму мужу похвала и жене, что у них такие умелые служки. Если пошлешь куда служку или сына и что накажешь сказать, или что сделать, или что купить, так ты вороти его да переспроси, что ты ему наказал, что ему говорить, или что ему сделать, или что ему купить, и если верно по твоему наказу все тебе повторит, хорошо. Если пошлешь со слугою к кому яства или питье или что-нибудь, то, также вернув с дороги, спроси его, куда несет: коли скажет так, как наказано, то хорошо. Посылать же питье полным, а яства целыми, тогда слуга обмануть не сумеет,

а товаръ посылай смѣтивъ или смѣрявъ, а деньги счетши, а што вѣсовое — свѣсивъ, а всево лучши запечатавъ, ино *безгрѣшно.* Да о томъ наказывати, что послано без государя отдать ли, или домовъ отнести. И о тѣх всѣхъ людехъ не догадается государь или государыня сына или слуги воротитъ да спросит, куды и с чимъ послали и что наказали, и умная слушка вѣжливая самъ воротся да вѣжливенко соймя колпакъ, у государя или у государыни спросивъ, о всемъ переговорит, что наказано — толко по тому, ино добро. А куды пошлють в добрые люди, у воротъ легонко поколотить, а по двору идешь и *какъ* спросит, какимъ дѣлом идешь, ино того не сказывати, а отвѣчать: «Не к тебѣ азъ посланъ, к кому азъ посланъ, с темъ то и говорить». А у сѣней или у избы или у кѣльи и ноги грязные отерти, носъ высмаръкати и да выкашлятся, да искусно молитва сотворити, а толко аминя не отдадутъ — ино и в другое, и в третие молитва сотворити, поболши перваго, а отвѣта не отдадут, ино легонко потолкатися, и, какъ впустят, ино в ту пору носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, вѣжливенко стоять и на сторону не смотрить, да что наказано, то исправить, а о иномъ ни о чемъ не бесѣдовать да борзее к себе поити да тотъ отвѣтъ государю сказать, о чемъ посылан. А гдѣ лучится быти у кого в подворье или в кѣльи при государи или без государя, никакой вещи, ни доброй ни худой, ни дорогой ни дешево не ворошити, ни *смотрети* бес прощения, ни с мѣста на мѣсто не переложити, и, с собою возмя, ничего не вынести без благословения; а ествы и пития також не покушати, чево не велено: то святотатьство и лакомъство, кто на то дерзаетъ без благословения и без веления. Тому ни в чемъ не верити, и заочи его никуды не пошлют, по еуаггелию: «В мале бе вѣренъ, надо многими тя поставлю». А что куды послано покрыто или повязано или запечатано или заверчено — того не дьвигнути и не посматривати, ествы или пития, что послано, того не покушивати: каково послано, таково и отнести, толко туто осмотрити, какъ дают — цѣло ли и вполне ли посылаютъ, чтобы тамъ невѣрки не было, куды то нести.

36. ЖЕНАМЪ НАКАЗЪ О ПЬЯНЬСТВѢ И О ПЬЯНОМЪ ПИТИИ И СЛУГАМЪ ТАКО ЖЕ, И О ПОТАЙ НЕ ДЕРЖАТИ НИЧЕВО НИГДѢ, И СЛУГЪ ЛЖИ И КЛЕВЕТЫ НЕ СЛУШАТИ БЕЗЪ ИСПРАВЫ; КАКЪ ИХЪ НАКАЗЫВАТИ ГРОЗОЮ И ЖЕНУ ТАКО ЖЕ, И КАКЪ В ГОСТЕХ БЫТИ И ДОМА СЕБЯ УСТРОИВАТИ ВО ВСЕМЪ

А у жены бы отнюд никако же никоторыми дѣлы пияное питье не было, ни вино, ни мед, ни пиво, ни гостиньцы, питие бы было в погребѣ да на леднике, пила бы безхмелную брагу и

а товар посылая — рассчитав и смерив, а деньги сосчитав, и все, что можно взвесить, взвесив, и, лучше всего, запечатав,— тогда безопасно. Да наставлять и о том, что делать с присланным, если хозяина дома нет,— отдать ли, или домой вернуть. И если тех всех людей не догадается господин или госпожа, сына или слугу, вернуть с дороги да переспросить, куда и с чем посланы и что наказано, то умный и знающий служка сам вернется да, вежливенько шапку сняв, у господина или у госпожи разрешения испросив, все повторит, что приказано,— и если так, то хорошо. Там же, куда пошлют к добрым людям, у ворот слегка постучаться и, как по двору идешь да спросят, по какому делу, лучше того не сказывать, а отвечать: «Не к тебе я послан, к кому я послан, с тем о том и говорить». А у сеней или у избы или у кельи ноги грязные вытереть, нос высморкать, да и прокашляться, да умело молитву сотворить, а коли аминя не отдадут — то и в другой и в третий раз молитву сотворить, подлиннее первой, и если ответа опять не дадут, то легонько постучаться и, как впустят, тогда уже в носу пальцем не ковырять, не кашлять, не сморкаться, вежливенько стоять и по сторонам не оглядываться и все, что наказано, выполнить, а об ином ни о чем не беседовать да поскорее к себе вернуться и тот ответ, с каким послан, передать господину. А придется быть у кого в подворье или в келье, с господином или без господина, никакой вещи, ни хорошей, ни плохой, ни дорогой, ни дешевой, не трогать, не глядеть на них без разрешения, с места на место не перекладывать и ничего не выносить без дозволения, с собой прихватив; яства же и питья также не пробовать, какого не велено: то святотатство и чревоугодие, если кто-то на это дерзнет без благословения и без разрешения. Тому, кто так делает,— ни в чем нельзя верить, да и одного его никуда не пошлют, ибо в Евангелии сказано: «В малом был верен, над многими тебя поставлю». Если же что-то послано куда накрытым, или увязанным, или запечатанным, или завернутым,— того не трогать и не разглядывать, яств и питья, что посланы, не пробовать: как послано, так и снести, и только дома осмотреть, когда выдают,— цело ли и полным ли посылают, чтобы не было недоверия там, куда это несут.

36. ЖЕНАМ НАКАЗ О ПЬЯНСТВЕ И О ХМЕЛЬНОМ ПИТЬЕ, И СЛУГАМ ТАКЖЕ, И О ТОМ, ЧТОБЫ ТАЙКОМ НЕ ДЕРЖАТЬ НИЧЕГО НИГДЕ, А КЛЕВЕТЕ И ОБМАНУ СЛУГ БЕЗ ПРОВЕРКИ НЕ ВЕРИТЬ; КАК ИХ СТРОГОСТЬЮ НАСТАВЛЯТЬ, ДА И ЖЕНУ ТАКЖЕ, И КАК В ГОСТЯХ НАХОДИТЬСЯ И ДОМА СЕБЯ ВЕСТИ ВО ВСЕМ ПРАВИЛЬНО

А у жены никак никогда и никоим образом хмельного питья бы не было, ни вина, ни меда, ни пива, ни угощений; питье находилось бы в погребе на леднике, а жена пила бы бесхмельную брагу и

квасъ и дома, и в людехъ. Аще приидутъ отколе жены о здоровъи спросить, тѣмъ пития пьяного не давать, а свои женки и дѣвки не пили же бы в людех и дома допьяна; а жене втаи мужа своего не ести и не пити, и похоронакъ на еству и на питье потай мужа своего не держати, а у подруг и у племяни потай мужа своего питья и *ествы* и здѣлки и поминковъ всяких не просить и самой не давать, а у себя чюжево не держать без мужня вѣдома, о всем совѣтовати с мужемъ, а не с холопомъ и не с робою. Отнюдь беречися от всякаго зла, а рабъ своихъ и рабынь ложьными словесы не обговаривати мужу своему и насердки не держати, а кто что изbродитъ, и то мужу сказати прямо бес прибавки, а мужу и жене отнюдъ оговору не слушати никаково и не вѣровати безъ обыску без прямого, а жене к мужу безлепицъ домашних не доносити; чего сама не возможет управити, а которое дурное дѣло, то мужу сказати въ правду, а в чемъ которая женка или дѣвка не слушает, и слово и наказание неиметъ ее, или какову пакость учинит, о томъ о всемъ с мужемъ переговорити, каково кому наказание учинити. А гостьи коли лучатся, и их потчивати питиемъ как пригожа, а самой пьяново пития хмелново не пити, а питие и *еству* и всякой обиходъ приносит одинъ человекъ сверстной, кому приказано, а мужескъ полъ туто и рана и поздно отнюдъ никако же никакими дѣлы не былъ бы, кромѣ того, кому приказано сверстному человеку что принести или о чемъ спроситца, или о чемъ ему приказати, и всего на немъ пытати, и безчиния, и невѣжества,— а иному никому тута дѣла нѣт. А завтракати мужу и женѣ отнюдъ не пригоже кромѣ немощи, ести и пити в подобно время.

37. КАКЪ ПЛАТЬЯ ВСЯКОЕ ЖЕНЕ НОСИТИ И УСЪТРОИТИ

А платья и рубашки, и убрусы на себе носи бережно по вся дни, не изваляти, не изсуслати, не измяти и не излити, на рудне и на мокрѣ не класти; все то снимаючи с себя, класти бережно и беречи того накрѣпко, и слугъ учити всякому тому наукъ, а самаму государю и государыни, и дѣтемъ, и слугамъ в чемъ дѣлать, то платье ветшано, а остряпавши дѣло, ино переменить платно чисто вседневное и сапогъ. А в празникъ и в ведро и при людехъ или к церкви ити, или в гости, ино лучшее платье надѣти, из утра бережно ходити, и от грязи, и от дожжа, и от снега беречися, и питьемъ не улити, и ествою и саламъ не извалять, и не иссуслать, на руде и на мокрѣ не сѣсти; от празника или от церкви, или из гостей пришед, лучшее платья с себя снемъ, пересмотрить и высушить, и вымять и выпахать, и вычистить, да хорошенько укласти да упрятать. А и ветшаное и вседневное всякое *платно*, и верхнее и нижнее, и бѣлое, и сапаги,— все измыто всегда бы было, а ветшаное исплачено и исшито, ино людемъ

квас и дома и на людях. Если придут откуда женщины справиться о здоровье, им тоже хмельного питья не давать, да и свои женки и девки не пили бы в людях и дома же допьяна; а жене тайком от мужа не есть и не пить и захоронков еды и питья втайне от мужа своего не держать, у подруг и у родни тайком от мужа питья и еды и поделок и подарков разных не просить и самой не давать и ничего чужого у себя не держать без ведома мужа, во всем советоваться с мужем, а не с холопом и не с рабою. Крепко беречься всякого зла, а ложные речи рабов своих и рабынь не пересказывать мужу и зла не держать, а кто натворит что, об этом прямо и без прибавлений сказать; а мужу и жене никаких наговоров не слушать и не верить без прямого следствия над виновным и мужу жене сплетен домашних не передавать; с чем сама не может управиться — если дурное дело, то мужу сказать всю правду, если же какая женка или девка не слушается, ни слово, ни наставление не действует на нее или пакость какую учинит,— все то с мужем решить, какое кому наказание назначить. А когда окажутся гостьи, потчевать их питьем как пригоже, самой же хмельного питья пьянящего не пить, а питье и яства и всякое угощение приносит тогда один человек, выделенный для этого дела, а мужчин никаких тут ни рано, ни поздно никогда и ни в коем случае не было бы, кроме того человека, которому приказано принести что, или что-то спросить у него, или что-то ему приказать; и во всем с него спрашивать, и за беспорядок, и за ошибки,— никому же иному тут дела нет. А сразу завтракать мужу и жене никак не годится, разве уж если кто болен; есть же и пить в нужное время.

37. КАК ВСЯКУЮ ОДЕЖДУ ЖЕНЕ НОСИТЬ И СОХРАНИТЬ

А платья и рубашки и платки на себе носи бережно всякий день, надо не выпачкать, не замазать, не измять и не залить, на кровавое и на мокрое не класть; все то снимая с себя, класть нужно бережно, и беречь это крепко, и слуг научить всякому такому знанию; у самого господина и у госпожи, у детей и слуг рабочее платье должно быть ношеным; закончив же дело, можно переменить одежду на чистую каждодневную и сапоги тоже. А в праздник и в хорошую погоду, да на людях, или в церковь идти, или в гости — нужно нарядную одежду надеть, с утра осторожно ходить и от грязи, и от дождя, и от снега беречься, питьем не залить, едой и салом не запачкать и не замазать, на кровь и на мокрое не сесть; с праздника, или из церкви, или из гостей воротясь, нарядное платье с себя сняв, оглядеть его, и высушить, и выгладить, и вымести, и вычистить да хорошенько уложить и упрятать. А и ветхое, и каждодневное всякое платье, и верхнее, и нижнее, и белое, и сапоги — все было бы всегда вымыто, а ветхое заплатано и зашито, так что и людям

посмотрити пригоже и себѣ мило и прибылно, и сиротины дать, ино спасенья; платья всякое и рубашка, и убрусы, и ширинки, и всякой нарядъ и, складши и свертевъ хорошенько, положити гдѣ ни буди в сундукъ или въ коробью.

38. КАКЪ ИЗБНАЯ ПАРЯДНЯ УСТРОИТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Столъ и блюда, и ставцы, и лошки, и всякие суды и ковши, и братены, воды согрѣвъ, из утра перемыти и вытерьти, и высушить, а после обѣда такоже и вечере; а ведра и ночвы, и квашни, и корыта и сита, и решета, и горшки, и кукшины, и корчаги також всегды вымыты и выскресть, и вытерть, и высушить, и положить в чистомъ мѣсте, гдѣ будет пригоже быти. Всегда бь всякие суды и всякая порядня вымыто и чисто бы было, а по лавке и по двору, и по хоромамъ суды не волочилися бы, а ставцы и блюда, и братены, и ковши, и лошки по лавке не валялися бы, гдѣ устроено быти в чистомъ мѣстѣ лежало бы опрокинуто ницъ; а в какомъ судне што ества или питие, и то бы покрыто было чистоты ради, и всякие суды сь ествою или с питиемъ, или с водою, или квашня ростворить, всегда бы покрыто было, а в ызбе и повязано от тороканавъ и от всякия нечистоты. Изба и стены, и лавки, и скамъи, и полъ, и окна, и двѣри, и в сенехъ, и на крылцы вымыть и вытерть, и выместь, и выскресть, всегда бы было чисто, и лесницы, и нижнее крылце,— все бы то было измыто и выскребено, и вытерто, и сметено, да перед нижнимъ крыльцомъ сѣна положить грязные ноги отирать, ино лѣсница не угрязнится, и у сѣней *перед* дверьми рогошка или войлокъ ветшаной положить или потирало ноги грязные отирать, чтобы мосту не грязнить в грязное погодье; у нижнего крылца сѣно или солома переменити, а у дверей рогозинка или войлокъ переменити или потирало чистое положить, а грязъное прополоскать и высушить, и опять туто же под ноги пригодится. Ино то у добрых людей, у порядливой жены всегды домъ чистъ и устроенъ,— все по чину и упрятано, гдѣ что *пригоже,* и причищено, и приметено всегды: в устрой как в рай воити. Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: не имет слов, ино ударить; и увидит мужь, что не порядливо у жены и у слугъ или не по тому о всемъ, что в сей памяти писано, ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсужениемъ и учити; аще внимает — и по тому все творити и любити, и жаловати, аще жена по тому научению и наказанию не живетъ, и такъ того всего не творит и сама того не знаетъ, и слугъ не учит, ино достоитъ мужу жена своя наказывати, и ползовати страхом наедине и, понаказавъ, и пожаловати, и примолвити, и любовию наказывати, и разсужати, а мужу на жену не гневатися, а жене на мужа, всегды жити в любви и в чистосердии. И слуги, и дѣти,

посмотреть не совестно, и себе хорошо и прибыль, и сиротине дать во спасенье; платье всякое, и рубашки, и платки, и простыни, и всякий наряд, сложив и свернув хорошенько, положить где-нибудь в сундук или в коробку.

38. КАК ПОРЯДОК В ИЗБЕ НАВЕСТИ ХОРОШО И ЧИСТО

Стол, и блюда, и поставцы, и ложки, и всякие сосуды, и ковши, и братины, воды согрев, с утра перемыть и вытереть и высушить, и после обеда также, и вечером; а ведра и ночвы, и квашни и корыта, и сита и решета, и горшки и кувшины, и корчаги также вымыть всегда, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить в чистом месте, где будет удобно хранить. Всегда бы все сосуды и посуда вымыты и чисты были, а на лавке, и по двору, и по комнатам посуда не валялась бы, поставцы, и блюда, и братины, и ковши, и ложки на лавке не валялись бы, но там, где положено, в чистом месте лежали бы, опрокинуты вниз; а в какой посуде что лежит из еды или питья, так то покрыто было бы чистоты ради и вся посуда с едой или с питьем или с водою; если квашню творить, всегда бы было покрыто, а в избе и завязано от тараканов и от всякой нечисти. Избу, и стены, и лавки, и скамьи, и пол, и окна, и двери, и в сенях, и на крыльце — все вымыть и вытереть, и вымести и выскрести, и всегда бы было чисто; и лестницы, и нижнее крыльцо — все бы было вымыто, и выскоблено, и вытерто, и выметено, а перед нижним крыльцом положить сена, чтобы грязные ноги вытирать, тогда и лестница не загрязнится; и в сенях перед дверями рогожку или ветхий войлок положить или тряпку — вытирать грязные ноги, чтобы в плохую погоду полов не пачкать; у нижнего крыльца сено или солому переменять, а у дверей рогожку или войлок переменять или тряпку чистую положить, а загрязненное прополоскать и высушить и снова туда же под ноги сгодится. Вот потому-то у добрых людей, у хозяйственной жены дом всегда чист и устроен,— все как следует припрятано, где что нужно, и вычищено, и подметено всегда: в такой порядок как в рай войти. За всем тем и за любым обиходом жена бы следила сама да учила слуг и детей и добром и лихом: а не понимает слова, так того и поколотить; а увидит муж, что у жены непорядок и у слуг, или не так все, как в этой книге изложено, умел бы свою жену наставлять да учить полезным советом; если она понимает — тогда уж так все и делать, и любить ее, и хвалить, но если жена науке такой и наставлению не следует, и того всего не исполняет, и сама ничего из того не знает, и слуг не учит, должен муж жену свою наказывать и вразумлять наедине страхом, а наказав, простить, и попенять, и с любовью наставить, и поучить, но при этом ни мужу на жену не гневаться, ни жене на мужа — всегда жить в любви и в согласии. А слуг и детей,

тако же посмотря по вине и по дѣлу, наказыти и раны возлогати да казавъ пожалоти, а государыни за слугъ печаловатися по разсужению, ино служкам надежно. А толко жены или сына, или дщери слово или наказание не иметъ, не слушаетъ и не внимаетъ, и не боитца, и не творит того, как мужь или отецъ, или мати учитъ, ино плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучити, да примолъвити, и пожаловати, а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А по всяку вину по уху ни по видѣнью не бити, ни *под серцо* кулаком, ни пинком, ни посохомъ не *колотить*, никакимъ железнымъ или дѣревянымъ не бить; хто с серца или с кручины такъ бьетъ, многи притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболие, и зубная болезнь, а у беременных женъ и дѣтемъ поврежение бываетъ во утробѣ. А плетью с наказаниемъ бережно бити, и разумно, и болно, и страшно, и здорова, а толко великая вина и кручинавата дѣло, и за великое, и за страшное ослушание и небрежение, ино соимя рубашка плеткою вежливенко побить, за руки держа, по винѣ смотря, да поучивъ примовити: «А гнѣвъ бы не былъ, а люди бы того не вѣдали и не слыхали, жалоба бы о томъ не была». А по людцкой ссорѣ или по оговору без обыску без прямого брань и побои, и гнѣвъ никако же бы не было, како было наношение или рѣчи недобрые, или своя примѣта — того наедине пытати добромъ: истиннѣ покается — безо всякаго лукавства милостивно наказать да и пожаловати, по вине смотря; а толко не виновато дѣло, ино оговорщикомъ не попущати, ино бы вперед вражда не была, а толко по вине и по обыску по прямому; а не каетца о грѣхѣ своем и о винѣ, то уже наказание жестоко надобет, штобы былъ виноватой в винѣ, а правой в правдѣ: поклонны главы мечь не сечет, а покорно слово кость ломит.

39. АЩЕ МУЖЬ САМЪ НЕ УЧИТЪ, ИНО СУД ОТ БОГА ПРИИМЕТ, АЩЕ САМЪ ТВОРИТЪ И ЖЕНУ И ДОМОЧАТЦОВЪ УЧИТЪ МИЛОСТЬ ОТ БОГА ПРИИМѢТЪ

Аще мужь самъ того не творитъ, что в сей памяти писано, и жены не учит и домъ свой не по бозѣ строитъ, и о своей души не радит, и людей своихъ по сему писанию не учитъ, и он самъ погубленъ в семъ вѣцѣ и в будущемъ, и домъ свой погубит. Аще ли добрый муж о своемъ спасении радит и жену наказуетъ, тако же и домочадцовъ своихъ всякому страху божию учитъ и законному християньскому жительству, яко же есть писано, и онъ вкупѣ со всеми в благоденьстве по бозѣ жизнь свою препроводит и милость божию получитъ.

также смотря по вине и по делу, наказать и посечь, а наказав, пожалеть; госпоже же слуг защищать в разбирательстве, тогда и служкам уверенней. Но если слову жены, или сына, или дочери слуга не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и преждевременные роды. Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да, поучив, попенять: «А и гнев бы не был, и люди бы того не ведали и не слыхали, жалобы бы о том не было». Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения,— виновного наедине допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства — милостиво наказать да простить, по вине смотря; но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распрей не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску; если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут уже наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит.

39. ЕСЛИ МУЖ САМ НЕ ПОУЧАЕТ, ТО НАКАЖЕТ ЕГО БОГ, ЕСЛИ ЖЕ И САМ ТАК ПОСТУПАЕТ И ЖЕНУ И ДОМОЧАДЦЕВ УЧИТ, МИЛОСТЬ ОТ БОГА ПРИМЕТ

Если же муж и сам не делает того, что в этой книге писано, и жены не учит, и дом свой не по заповеди устраивает, и о своей душе не радеет, и людей своих этим правилам не учит,— и сам он погиб в этом веке и в будущем, и дом свой погубит. Если же добрый муж радеет о своем спасении и жену наставляет, да притом и домочадцев своих всякому страху божию учит и правильному христианскому житью так, как написано здесь, то он со всеми вместе в благости с богом жизнь свою проживет и милость божью получит.

40. САМОМУ ГОСУДАРЮ ИЛИ КОМУ ПРИКАЖЕТЪ ГОДОВОЙ ЗАПАСЪ И ВСЯКОЙ ТОВАРЪ КУПИТИ

Приказному человеку, дворецкому или ключнику, или купчине на комъ вѣра положена, или самому государю всегда в торгу смотрити всяково запасу к домашнему обиходу: или хлѣбнаго всякаго жита и всякаго обилия, хмелю и масла и мясново, и рыбново, и свѣжево, и просолу, или товары какие привозные или лѣсовой запасъ, и всяко товаръ, со всехъ земель идетъ, коли чему навозъ или коли чево мъного у приезжих людей и у християнъ — в те поры и закупить на весь годъ, ино у рубля четверти не дадастъ, а у десети рублевъ по тому же, а у закупщика дороже купити, двои денги дати, да не любое купишь, коли чево нет, а надобѣть. А которой товаръ или запасъ не портитца вдаль, а коли дѣшево, ино и с лишкомъ купить, свою нужу исполнить на свой обиходъ, а лишнее в пору продастъ, коли дорого: иногды свой обиходъ прибылью пролезет, такъ то ведетца в добрых людех, и у доброго государя домовитаго и благоразсуднаго своимъ дозоромъ и добрымъ наукомъ. А купить у кого что-нибудь много или мало у приезжево ли гостя или у крестьянина или у здешнево человека, торгуй полюбовна, а денги плати въручь, а над темъ по человеку смотря и по купле, и почестку учинишь хлѣбомъ да солью и питьемъ — въ томъ убытка нет: дружба да впередь познать, всегды мимо тебя товару доброго не продастъ и лишьнево не возметъ, и худово не дастъ; а за добрую послугу или торговлю самаму государю такова гостя или торгового человека или приезжего пригоже почтити: напоити, накормити, добрымъ словом привечат и ласковымъ приветомъ, и в такой доброй дружбе во всемъ прибытокъ живет великой. А посмотря по торговле и по человеку, что чево достоин, подаришь его чемъ, то у тебя сугубо будет; а кто тѣмъ путемъ живетъ, первое — от бога грѣха нет, а от людей остуды, а от гостѣй похвала во всехъ землях, а в дому все благословеное, а не с клятвою, и носити и пити и ести и милостыня довати ис того, ино богу приятно, а души на пользу.

41. СЕБѢ НА ОБИХОД КУПИТИ ВСЯКОЙ ТОВАРЪ ЗАМОРСКОЙ И ИЗ ДАЛНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ

А бобръ у гостя цѣлой купишь или два, или три, или колько хочешь, да и здѣлать дашъ: дома на все пригодится, и у рубля полтина збудется; а тафты косякъ или сукна поставъ, или розных поставцовъ, или шелку цвѣтного, литра или болши золота и серебра по тому же, или бѣлки, или всякому запасу, коли чему навозъ, по своему обиходу смотря и по *промыслу,* и по рукодѣлью, и по своей семьи, и по мостерицамъ, и по рукоделникомъ, и по своему

40. САМОМУ ГОСПОДИНУ ИЛИ КОМУ ОН ПРИКАЖЕТ ПРИПАСЫ НА ГОД И ВСЯКИЙ ТОВАР КУПИТЬ

Приказчику, дворецкому, или ключнику, или купцу, кто из них облечен доверием, или самому господину на рынке всегда присматривать всякий припас к домашнему обиходу: или хлебное всякое жито и любое зерно, хмель и масло, и мясное, и рыбное, и свежее, и малосольное, или товары какие привезут — запас леса и всякий товар, что со всех сторон идет; когда навезут всего или когда много чего у приезжих людей, у христиан,— в те поры и закупить про запас, все с рубля четвертак недодашь и с десяти рублей также, а у перекупщика купишь дороже, вдвое заплатишь, да еще и не всякое купишь, если чего-то нет, а надобно. А какой товар или припас не портится со временем, да если еще он дешев, тогда и лишнего можно купить, чтобы в своем хозяйстве обеспечить все нужды; лишнее же продать, когда товар вздорожает, и тогда запасы твои обернутся прибылью, как и водится то у добрых людей и у хорошего хозяина, домовитого и смышленого в своей предусмотрительности и в сноровке. А понадобится купить у кого что-нибудь много или мало, у приезжего ли купца, или у крестьянина, или у здешнего человека, сговорись полюбовно, а деньги плати из рук в руки, а затем, по человеку смотря и по покупке, почти его хлебом да солью и питьем — в том убытка нет: дружба да знакомство на будущее, и никогда он тебя хорошим товаром не обнесет и лишнего не возьмет, а плохого не даст; за добрую же услугу или покупку и самому господину такого купца, или торгового человека, или приезжего хорошо бы почтить: напоить, накормить, добрым словом приветить и ласковым обращением, от такой ведь дружбы и прибыль во всем растет великая. А там, смотря по торговле и по человеку, чего они стоят, чем и одаришь его, так у тебя же будет вдвойне. И кто таким образом живет, прежде всего от бога греха нет и от людей нареканий, а от купцов похвала во всех землях и в доме благословенное, а не проклятое все, что носить и есть и из чего милостыню подавать, все то богу приятно, а душе на пользу.

41. СЕБЕ НА ОБИХОД КУПИТЬ ВСЯКИЙ ТОВАР ЗАМОРСКИЙ И ИЗ ДАЛЬНИХ ЗЕМЕЛЬ

А если бобра у купца купишь, или два, или три, или сколько хочешь, то и сшить отдашь: дома на все пригодится, а с рубля полтина останется; а тафты кусок, или сукна постав, или разных поставцев, или шелку цветного, литр или более золота и серебра точно так же, или белки, или всякого иного запаса, если чего завоз, по своему хозяйству судя, и по ремеслу, и по рукоделью, и по своей семье, и по мастерицам, и по рукодельницам, и по своему

прожитку, такъ и покупать, и запасать, коли чево много и дешево, ино и споро, и прибылно. Да толко лучитца мастерокъ свой портной и сапожьной и плотникъ, ино во всякомъ запасе и в остатках, и в обресках прибыль будет или к новому портищу остатки пригодятца, или ветчаново починить, а ты тово не прикупаешь. А лѣсъ и дрова, и бочьки, и мѣрники, и скалы, и дубник, и лубья, и липнягъ, и доски, и драницы, и желобы, коли тому навозъ в зимѣ на возех, а лѣте на плотех и в лодьяхъ, на год запасешъ: у всего не додашь, а у рубля четьверть збудется. А у прасола коли занадобитца не любое купишъ, а денегъ слишкомъ дашъ, а всякой таваръ запасъ, коли ему навозъ, всякому товару, а дешево: хоти не надобе, а в ту пору купи — и свою нужу исполънишъ, а чево запасено слишькомъ, на томъ денги будут съ прибылью.

42. О ТОМ ЖЕ: КОЛИ ЧТО КУПИТЬ, У КОГО СЕЛЪ НЕТ, И ВСЯКОЙ ДОМАШНЕЙ ОБИХОДЪ, И ЛѢТЕ, И ЗИМѢ, И КАК ЗАПАСАТИ В ГОД И ДОМА ЖИВОТИНА ВОДИТИ ВСЯКАЯ, И ЕСТВА, И ПИТИЕ ДЕРЖАТИ ВСЕГДЫ

Годовой обиходъ домовитому человеку, мужу и жене, и у ково помѣстья и пашни, сѣлъ и вочины нѣтъ, ино купити годовой запасъ: хлѣбъ и всякое жита, зимѣ на возѣхъ, а полтевое мяса тако же, и рыбу всякую, свѣжую *или иную,* осетрину на провѣсъ, и бочесную в годъ, и семжину, и икру сиговую и черную, и которая рыба в лето ставити, и капуста,— и тѣ суды зимѣ в лед засекати, и питье запасное глубоко, и покрывъ лубомъ засыпать, и коли надобе лѣте и тогды свѣже и готово. А в лете мясо ести покупати домовитому человеку: купити боранца, а дома облупити а овчинки, а бораней потрохъ прибыль в столе, потешенье у порядливой жены или у доброго повара; много промыслу: из рудины ушное нарядит, почки начинитъ, лапатки изжарит, ношки, яички начинит, печень иссѣкши с лукомъ, перепонкою обертѣвъ, изжарит на сковородѣ, легкое, молочкомъ с мукою сь яички приболтав, нальет, а кишечьки яички нальетъ, боранью голову можжокъ с потрошкомъ уху нарядит, а рубецъ кашкою начинит, почечные части сваритъ или, начинивъ, ижжаритъ,— и такъ дѣлати, ино из одново борана много прохладу. А студень на леду держати хорошо, что останетца. В лѣте мяса покупать на обиход — под росход в пятницу, в понеделникъ, в среду — на всю недѣлю купить: не додастъ у гривны алтына, просолено на леду въ два или в три дни или недѣлею не испортится. А с Сѣменя дни купи яловицу или колко надобет не вдруг изгодою, коли подешевле, и ты тогды больши купишъ. Мясо соли в годъ и на провѣсъ, а потрохомъ семья сыта во всю осѣнь. А на коже да на сале половину возмешь денегъ, а про себя сало перетопишъ, на год с вологою, потрохи,

состоянию,— все то и покупать и запасать, когда чего много и дешево, тогда и удачно и прибыльно. Если же окажется у тебя портной свой, или сапожник, или плотник, то от всяких запасов и остатков и обрезков прибыль будет, да и к новой одежде остатки сгодятся или ветхую починить, так тебе того прикупать не нужно. А лес, и дрова, и бочки, и мерники, и котлы, и дубовые клепки, и лубье, и липовые доски, и дранка, и желоба, коли им привоз зимой на возах, а летом на плотах и на лодках, на целый год запасешь: у всего недодашь, и на рубле четвертак сбережешь. А у торговца мясом, как потребуется, не всякое купишь, но денег дашь наперед; и всякий товар запасать, только когда завоз, это дешево: хоть и ненадобно, но тогда и купи — и нужду свою покроешь, и запас будет с избытком, и деньги — с прибылью.

42. О ТОМ ЖЕ: КОГДА ЧТО КУПИТЬ ТОМУ, У КОГО ДЕРЕВЕНЬ НЕТ, И ВСЯКИЕ ДОМАШНИЕ ПРИПАСЫ И ЛЕТОМ И ЗИМОЙ, И КАК ЗАПАСАТЬ НА ГОД, И КАК ДОМА ЖИВОТИНУ ВСЯКУЮ РАЗВОДИТЬ, И ЕДУ И ПИТЬЕ ДЕРЖАТЬ ВСЕГДА

Домовитому человеку, мужу и жене, у которых поместья, и пашни, и деревень, и вотчины нет, купить годовой запас: хлеб и всякое жито зимой на возах, а также мороженое мясо, и рыбу всякую, свежую или иную, осетрину копченую или в бочках на целый год, и семжину, икру сиговую и черную, и рыбу, которую летом доставили, и капусту,— и все то в посуде зимой льдом завалить, а запасы напитков поглубже, лубом покрыв, засыпать, и когда они летом понадобятся, все свежо и готово. Летом же мясо покупать домовитому человеку для еды: купить баранчика и дома освежевать на овчинку, а бараний потрох — добавка к столу, утешенье для хозяйственной жены или для хорошего повара; много промыслит: из потрошков похлебку снарядит, почки сготовит, лопатки и ножки прожарит, печень яйцом заправит, насекши с луком, и, пленкою обернув, изжарит на сковороде; легкое, разболтав с молочком в муке и с яичками, нальет, а кишочки яичками зальет, мозжок из бараньей головы с потрошком в отваре сготовит, а рубец начинит кашкой, почки сварит или, начинив чем, поджарит,— и если так делать, от одного барана много пользы будет. Студень же, какой останется, на льду держать хорошо. Летом мясо покупать по расходу — в пятницу, в понедельник, в среду, и на всю неделю купить сразу: недодашь с гривны алтына, а просоленное и на льду оно за два дня, или за три, или за неделю не испортится. А с Семенова дня купи яловую телку или что нужно, но не сразу, а выждав, когда подешевле станет, тогда ты и удачнее купишь. Мясо про запас засоли и провяль, а потрохом семья всю осень сыта. На коже да на сале половину денег вернешь, еще и для себя сала натопишь, запасешься жиром, а потроха,

голова, уши, губы, скороньи и мозгъ, кишки, осердье, окоренье, ноги, печень, почьки жонки передѣлаютъ да кашею сальною ошвариною начинят, а каша бы овсяная или грѣчневая и ячная, и иною какою хочешъ. А не переядятъ потроховъ осеню, ино в рожественой мясоед пригодитца, а рубцы и губы, и уши, и ноги коровьи на студень во весь год пригодитца, коли не дѣлай квашенину,— всегды прохлад. А свиньи доморощеные в осень бити по тому же полти в годъ осолити, а голова и сало, и ноги, и жолудь, и кишки, и потрохъ, и спина в осень и в зиму пригодитца у промышьленово мужа и у промышьленой жены, у доброй порядни во всемъ спорыня, а всегды прохлад и себе и семье и гостем. А не убыточно: по што в торг, и ты в клѣт. А гуси и утки и куры кто дома водитъ, и толко у воды, ино скормит лѣте ничемъ, а на годъ з запасомъ з даровымъ, да кто про себя коровы держитъ дойные, лѣте кормъ на поле, а дома всякого корму много у добрые порядни, и лѣте и зимѣ: гуща пивная и бражная, и киселная, и квасная, и кислыхъ штей и отрубей овсяныхъ, и высевки оръжаные и пшенишные и ячные, и заспу дѣлаючи и толокно, и в осень капусту солят, и свеклу ставят, и рѣпу и морковъ запасают, и у всего того хряпье и листье и коренье и обрѣсковъ и крохъ, и в скатерти и в столе и в вѣке въ хлебномъ и по полицамъ и по чюланомъ, и по залавкам крохи и остатки и обьеди, и домовитая добрая государыня или ключникъ доброй все то обирает и по судомъ ставит, и темъ животину: лошеди страдные и коровы, и гуси, и утки, и свины, и куры, и собаки кормит; себѣ не убытокъ, а приплоду и прохладу много, всегды в столе прибыль, и себѣ, и гостю. Толко дома родитца: куры и яйца, и забѣла и сыры, и всякое молоко,— ино по вся дни празникъ и прохлад, а не в торгу куплено; всякие пирои и всякие каши и всякие блины и трубицы, и кисели, и всякие молока,— коли чево похотѣлося, а все дома готова, а сама жена все умѣеть здѣлать и слугъ научит рядити. От токих домочатцовъ богатѣют мужи. А толко у промышленого человека у домовитого, и у доброй жены богъ пошлет приплоду поболши у сьвиней или у гусѣй или у куравъ и у вутокъ или у коровъ молока и сметаны, масла и сыравъ, и яицъ: сами всегда ядятъ воложно да и людей кормят и милостыню даютъ от праведных трудов, а от благословеных плодовъ. А излишнее упродадутъ, ино на иную потребу *пригодитца* благословленая денешка, и на милостыню богу приятно. А у молода человека или у вдовы только запасу такого нетъ, чемъ *живота* кормит, что в сей главе писано, а коровка дойная есть или в деревни у молода человека не одна есть, ино кормит: сѣна изрѣти да мукою посыпати овсяною или иная какая мякинка лучится, да кипяткомъ облить или елычемъ облить да передъ

голову, уши, губы, височные кости и мозг, кишки, осердье, копыта, ноги, печень, почки женки обработают да кашею жирною со шкварками начинят, а каша была бы овсяная или гречневая да ячневая и всякая, какую захочешь. Если же не доедят потрохов осенью, пригодятся в рождественский мясоед, а рубцы, и губы, и уши, и ноги коровьи во весь год сгодятся на студень; когда ни делай студень — всегда удовольствие. А свиней, выращенных дома, забивать в осень и туши также про запас засолить, а голова и сало, и ноги, и желудок, и кишки, и потрох, и спинка пригодятся заботливому хозяину и заботливой хозяйке осенью и зимой, в добром хозяйстве во всем изобилие и всегда хорошо и себе, и семье, и гостям. Да и не убыточно: кто на рынок, а ты в клеть. Кто же дома разводит гусей, и уток, и кур, их только у воды держать, ибо кормить летом незачем, а потом живи год с припасом даровым; а кто для себя дойных коров держит, летом им корм в поле, да и дома у доброй хозяйки всякого корма много и летом и зимой: гуща пивная, и бражная, и кисельная, и квасная, и с кислых щей, и с отрубей овсяных, и высевки ржаные, и пшеничные, и ячневые, с них и похлебку делают и толченку, а осенью, как капусту солят и свеклу ставят, репу и морковь запасают, так со всего того много хряпы и листьев и корней; а обрезков и крошек со скатерти и со стола и из лукошка хлебного, а поискать так и по полкам, и по чуланам, и по залавкам и крошки, и остатки, и объедки,— и все это хорошая хозяйка или ключник добрый собирают и по ведрам раскладывают и тем скотину кормят: лошадей рабочих, и коров, и гусей, и уток, и свиней, и кур, и собак; себе не убыток, а приплоду и радости много, всегда на столе прибыль и себе и гостю. Только дома и водятся куры, и яйца, и сметана, и сыры, и всякое молоко,— так что в любой день праздник и удовольствие, не на рынке куплено; разные пироги, и любые каши, и всякие блины, и рулеты, и кисели, и разное молоко,— чего только захотелось, все уже дома готово, и сама жена все умеет сделать, и слуг научит управляться. От таких домочадцев богатеют мужи. И глядишь, заботливому хозяину домовитому и доброй жене его бог пошлет приплоду побольше у свиней, у гусей, у кур, у уток или у коров молока, и сметаны больше, масла, и сыров, и яиц: сами всегда едят жирно, да и людей кормят, и милостыню подают от праведных трудов и от благословенных плодов. А будут излишки — продадут, и на другие нужды сгодится благословенная денежка, и на милостыню, богу приятную. Только у бедного хозяина или у вдовы нет такого запаса, которым скотину кормить, как в этой главе писано; а если коровка дойная есть в деревне у бедного, и есть не одна, тогда кормить так: сена набросать, мукою пересыпав овсяной, или мякинки какой иной, какая случится, да кипятком обварить или рассолом заправить, да прежде

собою покормить, да и издоитъ. А самой руки умыти чисто, и платно ветчаное чисто же надѣть и воды теплой принести, потиралце на плечи принесть и вымя и соски вымыть у коровы, и потиралцемъ чистымъ вытерть, и в чистомъ мѣсте издоить, и во всякомъ *бережении,* и на мяккѣ держать и кормъ класть, какой лучился; а лошадки и кобылы по вся дни таким ж кормомъ християнину вызбе перед собою покормить, ино будетъ плодовито и служиво, и то имъ за овса мѣсто. А телята и ягнята молоды, и куры, и гуси, и свиньи, и утки тако же перед собою корми, какой кормъ, которой животине пригодитца.

43. А ТОЛКО МУЖЬ ПРИПАСЕТЪ В ГОД ВСЯКОГО ЗАПАСУ И ПОСТНОГО, И ТОМУ УСТРОЙ

А толко у мужа в год все припасено: и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и всякие запасы и ячмени, солоду, гороху и конопли, и въ постъ всякие ествы перемяняяся, по вся дни дѣлают *самъ* и жена с слугами, и семья сыта и прохладна, и гостя употчивают безъ убытка. А которой ествы будетъ похочет постной, и то и дѣлает масло конопляное, и заспа все дома, и мука, и всякие пироги, и всякие блины дѣлает и соцни, и трубицы, и всякие каши, и лапши гороховые, и цыженой горохъ, и зобонецъ, и кундумцы и *вареные* и соковые *каши,* ествы — пироги з блинцы и з грибы, и с рыжики, и з груздями, и с макамъ, и с кашею, и с репою, и с капустою, и с чимъ богъ послалъ, или орѣшки в соку и коровайцы. А у доброго человека и у порядливой жены толко пасено в пору, коли рыбу свѣжую купячи, иную солит, иную вялит, иную подвариваетъ, иную сушит мелкую, иную и в муку толчет, в пост во шти подсыпает, коли пригоже, ино в постные дни про гость и про себя, коли свѣжей рыбѣ не быть; ино преже в столе рѣтка, хрѣнъ, капуста, росолъ ставленой и иные земленые плоды, што богъ послалъ: и икры, и вялая рыба, и прутовая и подвариваная, и ухи пластовые и щипаные, и подвариваные, и всякие потрохи, и хохолковые, и из немецких селдей, и из вандышевъ, и в росоле, и в пирозехъ, и в каши, и яглы, и всякой снѣтъ — всякихъ ествъ постных у доброй порядни много. А все богъ послал домо, ничего в торгу не купишъ. А брусничная вода и вишни в патоке, и малиновой морсъ и всяки сласти, и яблока, и груши в квасу и в патоке, и постелы, и левашники себѣ и про гость и за немощь всегды есть, толко в пору припасено. А нужному и болному и родителнице, и заежжему человеку дастъ, ино велия мзда от бога. А которой рыбы нетъ в запасѣ или запасъ придержалъся и бочка самому не изойдет купити, прибавъ товарыща или два — бочку осетрины или белужины или селдей или какой ни буди

чем сам поешь, накормить и выдоить. А самой хозяйке руки вымыть начисто, и одежду старую чистую надеть, и теплой воды принести, с полотенцем на плечах, вымя и соски у коровы вымыть, а полотенцем чистым протереть и в чистом месте выдоить со всей осторожностью, и корову на мягком сене держать и корм класть, какой нашелся; а лошадок и кобылиц каждый день тем же кормом в хлеву христианину раньше себя накормить, и будет тогда плодовита скотина и работяща, ибо все то им вместо овса. И телят, и ягнят молодых, и кур, и гусей, и свиней, и уток также раньше себя корми таким кормом, какой животине сгодится.

43. А ЧЕГО МУЖ ЗАПАСЕТ В НУЖНОЕ ВРЕМЯ, ВСЯКОГО ПРИПАСУ ПОСТНОГО, И КАК ЕГО СОХРАНИТЬ

А только у мужа вовремя все припасено: и рожь, и пшеница, и овес, и греча, и толокно, и всякие запасы, и ячмень, и солод, горох, и конопля; и в пост всякие яства, сменяясь, каждый день готовят сам и жена со слугами; и семья сыта и довольна, и гостя накормят без убытка. А если пожелает хозяин какой-то постной еды, пусть готовит масло конопляное, и крупа вся дома, и мука, и всякие пироги, и разные блины печет, и сочни, и рулеты, и всякие каши, и лапшу гороховую, и цеженый горох, и похлебки, и кундумцы, и вареные и сладкие каши и яства — пироги с блинцами и с грибами, и с рыжиками, и с груздями, и с маком, и с кашей, и с репой, и с капустой, и с чем бог послал, или орешки в сахаре, или сдобные пироги. А у хорошего хозяина и у хозяйственной жены все припасено вовремя; так, рыбу свежую купив, иную солит, иную вялит, иную проваривает, иную мелкую сушит, какую и в муку истолчет и в постные щи подсыпает, если нравится, а то и в постные дни готовит для гостей и для себя, раз уж свежей рыбы нет; а еще на столе редька, хрен, капуста, крепкий рассол и разные овощи, какие бог послал, и икра, и рыба вяленая, и сушеная, и вареная, и уха из вяленой, и копченой, и вареной рыбы и всяких потрохов, и сушеных немецких сельдей, и из снетков, а еще и в рассоле, и в пирогах, и в каше, и в овощах — и всякой снеди, всякой постной еды у доброй хозяйки много. И все то бог послал в дом, ничего такого на рынке не купишь. А брусничная вода, и вишни в патоке, и малиновый морс, и всякие сладости, и яблоки, и груши в квасу и в патоке, и пастилы, и левашники — и для себя, и для гостя, и больному всегда есть, если вовремя припасены. Если же страдающему, и больному, и роженице, и заезжему человеку что даст хозяйка, великая за то награда от бога. А которой рыбы нет в запасе или запас издержался, а бочки одному не одолеть купить, возьми товарища или двух — бочку осетрины, или белужины, или сельдей, или какой-нибудь

рыбы, или осетрины купить вмѣсте или икру всякую: у рубля пяти алтынъ не додашъ. А не будетъ в запасе чево, а гостя для и про себя что понадобится купить, и того в торгу не добудешъ, а и добудешъ не в пору — и ты *втридорога,* а не милой кусъ.

44. О ЗАПАСНОЙ ПРИБЫЛИ ВПЕРЕДЬ

А у доброго человека и у доброй жены у порядливой и у смышленыхъ и у разумныхъ и у благоразсудныхъ и у благобоязнивыхъ людей и у годового у всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и у ествы, и у хлебново, и у воложново, и у мясново, и у полтявого, и у рыбного, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и у ветренего, и у просолу, и сухари, и мука, и толокно, и иной запасъ, и макъ, и пшено, и горохъ, и масло, и конопли, и соль, и солодъ, и хмель, и мыло, и зола, и всякой запасъ, чему мочно *впередь* быти в бережении и не згноено — у всякого бы году во всякомъ обиходе и в запасе сходилося. Выном году чево не родилося или дорого, ино темъ запасомъ как даромъ проживет, а нужного и болново, и недостаточново ссудит и подможетъ, кому какъ пригоже. А коли чево изообилно запасено в дешевую пору, ино в дороговлю и продастъ, ино самъ елъ и пилъ даромъ, а денги опять дома: доброго человека и доброй жены николи ни в чем меженина не имет. А старой запас держать на много лѣт, кои не портятся.

45. ОГОРОДЪ И САДЪ КАК ВОДИТЬ

А у которого человека огородецъ есть и кто пашетъ огородъ, сам ли государь дозирает или государыня, или кому приказано, первое городба перекрепити, чтобы в огород собаки ни свиньи, ни куромъ, ни гусемъ, ни уткамъ и всякой *животинѣ* взойти не *имутъ* ни с чюжево двора, ни с своего, ино яблонямъ и всякому плоду пакости нет, а с суседы остуды — толко от тобя твердо твоей животине к нимъ не умѣть, а ихъ к тебѣ. А дворъ бы былъ потому же везде бы крѣпко гороженъ или тыненъ, а ворота всегды приперты, а к ночи замъкнуты, а собаки бы сторожливы, а слуги бы стерегли же, а сам государь или государыня послушиваютъ ночи. А огородъ всегды бы былъ замкнутъ, да кому приказано, тот бы его всегды берегъ и день и ночь, и в немъ всегда дозиралъ. Да какъ гряды копати весне и навоз класти, а навозъ зимѣ запасати, и к садиломъ на дыни варовые гряды готовить, и всякие семѣна водить у себя и, посадивъ или посѣевъ всякие сѣмена и всякое обилие, в пору поливати и укрывати, и от морозу всегды беречи, и яблони подчишати и суша *выбирати,* и почки разсаживати, и пѣнки и почки прививати, и гряды всякое обилие полоти, и капуста от черьвя и от блохи беречи и обирати, и оттрясывати, а возле тына около всего огорода борщу сеет,

рыбы, или осетрины купить вместе, или икры какой: тогда с рубля пяти алтын недодашь. Если не будет чего в запасе, а для гостя или себе понадобится что купить, того на рынке не сыщешь, да если и достанешь не впору — и тебе втридорога, и радости нет.

44. О ПРИБЫЛИ ОТ ЗАПАСЕННОГО ВПРОК

А у доброго хозяина и у доброй жены хозяйственной, у смышленых и разумных, у рассудительных и богобоязненных людей годового всякого припасу и пожитков каждый бы год во всяком хозяйстве собиралось: питья, и яства, и хлебные, и жирные, и мясные, и рыбные, и вяленые, и сушеные, и малосольные, и ветчина, и солонина, и сухари, и мука, и толокно, и иной запас, и мак, и пшено, и горох, и масло, и конопля, и соль, и солод, и хмель, и мыло, и зола, и всякий запас, какой можно впрок запасать и при хранении не сгноить. Если в каком году не уродилось что или дорого, тогда тем запасом хозяин проживет как даром, да еще несчастному да больному да бедному ссудит чего и поможет, кому как удастся. А чего в дешевую пору припасено в изобилии, при дороговизне можно и продать, так что выходит — и сам ел да пил даром, и деньги опять дома: доброго хозяина и его хорошей жены никогда и ни в чем недостаток не прихватит. Старый же запас можно держать по многу лет, если он не портится.

45. КАК ОГОРОД И САД РАЗВОДИТЬ

А у которого человека и огородик есть, то за тем, кто работает в нем, либо сам господин доглядывает, либо госпожа или тот, кому поручено; прежде всего — укрепить ограду, чтобы в огород ни собаки, ни свиньи, ни куры, ни гуси, ни утки, никакая скотина не могла зайти ни с чужого двора, ни со своего, тогда яблоням и всяким растениям урона нет, да и от соседей никаких упреков — всегда твоей скотине ход перекрыт от тебя, а их скотине — к тебе. Также и двор бы был везде огорожен крепко и тыном заделан и ворота всегда прикрыты, а к ночи и заперты, да собак держать сторожевых, и слуги бы охраняли, да и сам господин или госпожа послушивают в ночи. Огород же всегда бы был заперт, а кому поручено, тот бы всегда охранял его, сторожил днем и ночью. Когда ж по весне гряды копать и навоз возить, так навоз зимой запасти, а перед посадкой дынь парниковые грядки готовить да всякие семена заводить у себя и, посадив и посеяв разные семена и всякие зерна, вовремя их поливать и укрывать, сберегая всегда от мороза, а яблони обрезать, выбирая сушняк, черенки нарезать и делать прививку к стволам, и гряды с посевами пропалывать, и капусту от червя и от блох охранять, и обирать их, и отряхивать; а возле тына вокруг всего огорода, где крапива растет, насеять борща

гдѣ кропива ростет, и с весны его варит про себя много, и тово в торгу не купит, и нужному дастъ бога ради, а толко у молода человека ино и продастъ, на иную вологу. А какъ насадит капусты и свеклы и поспеет, листье капустное варит, и какъ учнетъ витися въ клубъ, и толко часта, ино изретка секучи варити, а листья, обламываючи, животина кормить. А в ту пору и до осѣни борщъ рѣжучи сушит, ино всегда пригодится — и в год, и в даль; и капусту все лѣто варит и свеклу, а в осень копусту солити, а свеколной росолъ ставит, а огурцы солит, а лѣтомъ прохлажаетца: естъ дыни, стручье, морковь, огурцы и всякой овощъ, а, богъ послалъ, поболши чево *природилося,* ино и упродаст. А садъ развадити про себя, ино прививка от дрѣва до древа по три сажени и болши, ино яблони ростутъ велики, обилью и всякимъ овощемъ не помѣшает ростетъ, а как будет густо от вѣтья по деревиемъ, не растет ништо, ино борщу насѣяти, ино всегды плод. А падушокъ яблочных и што поспѣло, огурцы и дыни, и всякой овощь, в пору бы обирати, што про себя сьесть или поблюсть, или в год что поставить, или что осолить, или в квасы ставить яблока и груши, или в патокѣ и ягодный, и вишневой морсъ, а в дешевую пору и грибы сушить, и грузди, и рыжики солить, и всякой овощь в годъ ставити, или чево упродати,— то бы все было убережено, а семѣна бы всякие у собя водить, ино велика прибыль: в торгу тово не купишь, а будет слишкомъ, и ты и продашъ.

46. КАКЪ ЧЕЛОВЕКУ ЗАПАСНОЕ ПИТИЕ ДЕРЖАТЬ ПРО СЕБЯ И ПРО ГОСТЬ, И КАКЪ УСТРОИТИ ТО ПРИ ЛЮДЕХЪ

А коли одинакой человекъ, а не богатой и запасистой, держит про гость пивцо в запасе, переварки на марте сваривъ ячной и подсытивъ, а обычное пивцо есть же, а медку разсытитъ к празднику и вдаль поблюдет, в леду, засечено, медокъ и мартовское пивцо. Аще коли празникъ или именины, или свадба, или родины, или крестины, или по родителех память, или лучится гость зневесть любо приежей любо званой, или избранной человекъ, или игуменъ честной, и одново часу из одной бочки в пять оловениковъ меду нацыдят или, по людемъ смотря, в бочечки малые, да запасного мушкатцу в мешечке, а гвозьдики в другомъ мешечке дерьжит, а в третьемъ мешечке всяких благовонных зелей, в печи подваривъ, в оловеники покласти или в бочечки, в горячее вино, а вишневого морсу и малинового два оловяника, а в ыной патоки готовой, ино в одночасье шесть медовъ про гость да два вина, да вишневого морсу, и в переварку в оловеничекъ поддастъ, ино дъва пива;

и с весны варить его для себя понемногу: такого на рынке не купишь, а тут всегда есть, и с нуждающимся поделиться бога ради, а если у бедного человека разрастется, то и продаст, обменяв на другую заправку. А коли насадит он капусты и свеклы, и они созреют, то листья капустные может сварить, а станет капуста свиваться в кочан, да еще и густо, то, постепенно отсекая, тоже варить; листьями же, их обламывая, кормить скотину. В ту же пору до самой осени, борщ нарезая, сушить, он всегда пригодится — и в этот год, и позднее; и капусту в течение всего лета варить и свеклу, по осени же хозяин капусту солит, а свекольный рассол готовит и солит огурцы, а летом наслаждается: ест дыни, горошек, морковь, огурцы и всякий овощ, а коли бог послал и больше чего уродилось, то еще и продаст. А сад заложить самому, чтобы расстояние от дерева до дерева было в три сажени, а то и больше, тогда яблони растут большими, зерновым и овощам на грядах не мешают, а как разрастутся густо на деревьях ветви, уже ничто на земле не растет, насей тогда борщу, все-таки всегда какой-то урожай. А падалицу с яблонь и то, что поспело из огурцов и дынь и всяких овощей, вовремя бы перебирать, что съесть самому или сберечь, а что и в запас оставить или что засолить, яблоки же и груши заквасить или залить их патокой, ягодным или вишневым морсом; а в дешевую пору и грибы сушить, грузди и рыжики солить, и всякий овощ на хранение ставить, а то и продать что,— и все бы то было сохранено; а семена хорошо бы всякие у себя заводить, ибо от них прибыль велика: чего на рынке не купишь, а у тебя излишек, ты и продашь.

46. КАК ХОЗЯИНУ ЗАПАСЫ НАПИТКОВ ДЕРЖАТЬ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ГОСТЯ И КАК ПРИГОТОВИТЬ ИХ ДЛЯ ПОСТОРОННИХ

А коли один живет человек и не богат, но запаслив, держит для гостя пивцо в запасе, в марте сварив переварки ячневой да подсытив, да и обычное пивцо у него тоже есть; а медку разварить к празднику и впрок сохранять во льду, засечь в нем медок и мартовское пивцо. Если же настанут праздник, или именины, или свадьба, или рождение, или по родителям память, или случится гость неожиданный, или приезжий, или званый, или важный гость, или игумен честной, тотчас же из бочки одной в пять оловянных чаш меду нацедят или, смотря по объему, в бочонки малые; запасы муската в мешочке держит, а гвоздику в другом мешочке, а в третьем мешочке всякие благовонные травы; и, все то в печи заварив, в оловянные чаши разлить или в бочонки, в вино горячее, добавив вишневого морсу и малинового — чаши две, а одну — готовой патоки; так одним махом и выйдет шесть медов для гостей, да вина два, да вишневого морсу, да два пива,— и все из чана, где варит, по чашам разольет;

и кто з запасомъ живетъ, и у порядливой жены ества запасная же, ино всегды гостя не соромъ, хотя пиръ — *ино* нужново чево прикупитъ, ано далъ богъ — всего дома много.

47. ТОМУ ЖЕ ПИВОВАРЕННОЙ НАКАЗЪ, КАКЪ ПИВО ВАРИТЬ И КАКА МЕДЪ СЫТИТИ И ВИНО КУРИТИ

А в пивоварнюю поварню на пиво и на брагу и на кислые шти солоду и муки, и хмелю отдать — то бы было все в письмѣ и смѣрено и счете. А коли пиво затирают ячное или овсяное, или оржаное, или хмель парить, и у квашенья и у сливаныя дозирати самому — все бы было бережно и чисто, и не раскрадено, и не испрокужено, и за посмѣхъ не выпить. А коли пиво варят, ино отваривъ пиво, и силенъ толко солод — ино бочку и болши другово пива нарядят, а после всякого пива водою на гущу поливают, воды взогрѣвъ вѣдръ с тритцать и с сорокъ на ячную гущу, и пятьдесят и шестьдесят взогрѣвъ, взлити и больши, по вари смотря. И тотъ исътокъ приквасит, добре хорошо семъе пити; а ис первого последу приквасивъ, на кислые шти пригодится. А уксусъ ставити из доброго сусла, и в береженье и в тепле держати, и в чистоте приходити к нему. А хмелины пивные копити на винную брагу и в перепускъ, и *бережно* держати, а на то ветшаные суды пригожаются, толко бы было в запасе да и перекреплены. А мед сытити самому, а какъ кишетъ, хоромина та запечатати, самому толко назирати; и хто бы тутъ не ходилъ, а сливати самому же, а на сливанье бы не пили же. А вино курити самому, неотступно же быти, или кто вѣренъ — прямо тому приказати, и у перепуска по тому же, да смечать, по сколку ис котла араки первой и другой и последу уточат. А у перепуску по тому же смечать, колко ис котла укурит первого и середнего и последу, и на погребъ и на ледникъ и в сушило и в житницы без собя никакова не пускати, вездѣ самому отдавати и отмѣрити, и отвѣсити; и сколко кому чево дастъ, то все записати.

48. У ПОВАРОВЪ И У ХЛѢБНИКОВ И ВЕЗДЕ ВСЯКОЙ ПОРЯДНИ КЛЮЧНИКУ ДОЗИРАТЬ

А у поваровъ бы и у хлѣбниковъ и у всяких приспѣшниковъ была бы вся порядня: и котлы, и сковороды, и горьшки, и мѣдные и железные, и таганы, и решотки, и чюмичи, и корцы,— все бы было чисто и цѣло и извары, все бы было в счете и в писмѣ, а мѣдяное и оловяное в вѣсу. А по вся дни у ключника то бы было пересмотрено, чтоб было все по числу и перекрѣплено и вымыто, и в суши, и на мѣсте лежало замкнуто, а бочки и всякие суды перемыты и перекрѣплены, и лежало бы в суше и замкнуто.

и кто так с запасом живет, всегда все в запасе и никогда перед гостем не стыдно, а если придется устраивать пир, не нужно ничего прикупать, глядишь: дал бог — всего и дома в избытке.

47 ЕМУ ЖЕ НАСТАВЛЕНИЕ, КАК ПИВО ВАРИТЬ, КАК МЕД СЫТИТЬ И ВИНО КУРИТЬ

А в пивоварню выдать на пиво и на брагу и на кислые щи солоду, муки и хмелю — и все то было б записано, и взвешено, и сосчитано. А когда затирают пиво ячневое, или овсяное, или ржаное и парят хмель, то при заквашивании и чисто, и не раскрадено, и не испорчено, и с насмешкой не выпито. А когда пиво варят и, уже сварив его, видят, что солод крепок еще — то бочку, а то и больше вторично пива сготовят, а гущу водой заливают после всякого пива, воды согрев ведер с тридцать или сорок, а если гуща ячневая, то и пятьдесят, и шестьдесят залить и даже больше, по чистоте смотря. И эти смывки, заквасив как следует, семье хорошо пить; а то, что заквасишь из первых остатков, сгодится на кислые щи. Уксус же готовить из хорошего сусла и держать его бережно и в тепле, подходить к нему в чистом. А хмелины пивные собирать на винную брагу и вино курить да бережно сохранять, для того годятся и старые сосуды, только бы были в наличии да починены. А мед сытить самому, да как двинется он, посудину ту запечатать, а самому только наблюдать; и кто бы тут ни был, сливай все же сам, да при этом тоже не пили бы. Самому и вино курить и быть при том неотступно, а если кому доверяешь — строго тому наказать, как и всем на винокурне также, да замечать, по скольку выгонят из котла араки в первый, во второй и в последний раз, и в перегонке также смекать, сколько выкурят из котла сначала, потом и после всего. Да и на погреб, и в ледник, и в сушилки, и в житницы без себя никого не пускать, везде все самому передавать, отмерять и отвешивать; и сколько кому чего даст, то все записать.

48. КАК КЛЮЧНИКУ НАБЛЮДАТЬ ЗА ПОВАРАМИ, И ЗА ХЛЕБНИКАМИ, И ВСЮДУ ЗА ВСЯКИМ ПОРЯДКОМ

У поваров бы и у хлебников и у всех помощников было бы все в порядке: и котлы, и сковороды, и горшки, и медные и железные, и таганы, и решетки, и ковши, и корцы, и извары,— все бы было чисто и цело, все бы было в счете и в письме, а медное и оловянное взвешено. И всякий бы день ключником то было просмотрено, чтобы было все и по числу, и починено, и вымыто, и высушено, и на месте лежало закрытое, а бочки и всякие сосуды перемыты и зачинены и лежали бы сухими и закрытыми.

49. МУЖУ З ЖЕНОЮ СОВѢТОВАТИ КАКЪ КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗАТИ О СТОЛОВОМЪ ОБИХОДЕ, О ПОВАРНЕ И О ХЛѢБНѢ

По вся дни и по вся вечеры, исправя си долгъ душевный, и во утрии встати по звону и после пѣния мужу з женою совѣтовати о устроении домовномъ, на ком что положено и каму которое дѣло приказано вѣдати, и тому наказати, что коли устроити ести и пити про гости или про себя, или ключник по государеву приказу прикажет что купити на обиходъ и, купивъ что принесутъ, то смети и правды смотрити; а повару отдастъ то, что варити, и хлѣбнику, и на приспѣхи на всякие, по тому же отдастъ. А всегды бы то было в памяти, что государю сказати. А в поварню ества мясная и рыбъная и печь и варити отдавати в число, колко государь велит, и на колко блюдъ, да испечено и съварено, но у повара взяти в число же. А на столъ всякая ества ставити по государеву наказу по гостемъ смотря, а хлѣбенной приспѣхъ по тому же дати в число и взяти в число же, и всякой ествы, что у стола останетца и цѣло, и едено, и ухъ и приспѣху всякого, а цѣлую еству перебрати, а початое о себѣ и мясное и рыбное, и покласти в суды в чистые и в твердые и покрыть, и в леду засѣчь; а початая ества и всякие остатки давати на обиход, как по пригожу а цѣлое блюсти про государя и государыню и про гость; а питье в столъ давати по приказу, по гостемъ смотря и безъ гостей, а государыне брага или квасъ. А суды бы всякие столовые и поваренные всегды после стола в горячей воде перемыть и переполоскать и перетерть и высушить и, всѣ собравъ, счести и устроити з замкомъ, гдѣ что живетъ и у ково што на рукахъ. А столовые суды: оловяники и *братины,* и ковши, и судки столовые — всегда беречи, и уксусницы, перешницы, росолники, солоницы, лошки, блюды, ставцы, скатерти и фаты, всегды бы было чисто, и готово на столъ. И столъ бы былъ чист, и скамъи, и лавки, и избы, и образы на стѣне уставлены, а изба метена и устроена. А уксусъ и огуречной росолъ и лимонной, и сливной,— все бы цѣжено в ситце, и огурцы и лимоны, и сливы также бы очищено и перебрано, и на столе бы было чисто и скусно. А рыба прутовая и всякая вялая, и всякая студень, посная или мясная, и икра, и капуста — очищено, и по блюдомъ раскладено, до стола изготовлено. А питъе бы всякое чисто, в ситце бы цѣжено. А ключники бы и повары, и хлѣбники, и всякие стряпчие сами бы къ столу при людехъ устроилися чистенко, а руки бы были мыты чисто во всяко стряпни. А всякие суды и всякая порядня у ключника и у всѣхъ стряпчихъ, все бы было мыто и чисто и бережьно и у государыни и у ее слугъ по тому же. А ества и питие на столь понести осмотря, чтобь то судно

49. КАК МУЖУ С ЖЕНОЮ СОВЕТОВАТЬСЯ, ЧТО КЛЮЧНИКУ НАКАЗАТЬ О СТОЛОВОМ ОБИХОДЕ, О КУХНЕ И О ПЕКАРНЕ

Каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, встав по колокольному звону и после молитвы, мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве, а на ком какая обязанность и кому какое дело велено вести, так тем наказать, когда и что из еды и питья приготовить для гостей и для себя; а то и ключник по хозяйскому слову прикажет что-то купить на расход, и когда то, купив, принесут, так отмерить и тщательно оглядеть; повару же то отослать, что нужно варить, и хлебопеку, и для всяких заготовок также товар отослать. И всегда бы ключник держал в памяти то, что нужно сказать господину. А в поварню яства мясные и рыбные отдавать по счету, печь и варить, как господин повелит, на столько блюд пусть испекут и сварят, и готовое у повара взять по счету же. На стол же всякие яства ставить по хозяйскому приказу, смотря по гостям, а хлебный припас и всякой еды также дать по счету и взять по счету же, а если что от стола из похлебок и готовки всякой останется нетронутым и недоеденным, то нетронутые блюда перебрать, а начатые — отдельно, и мясные и рыбные, и положить все в чистую и прочную посуду, и накрыть, и обложить льдом; а начатые блюда и разные остатки отдавать на подъедание, как что сгодится, нетронутое же сохранять для господина и госпожи и для гостя; а напитки к столу давать по наказу, судя по гостям или без гостей, а госпоже только брага да квас. И всю бы посуду столовую и кухонную всегда после стола в горячей воде перемыть и прополоскать, и перетереть и высушить, и, всю собрав, пересчитать и спрятать под замок, и знать, что где находится и что у кого на руках. А столовую посуду — всегда беречь: и тарелки, и братины, и ковши, и судки столовые, и уксусницы, перечницы, рассольницы, солонки, ложки, блюда, поставцы, скатерти и покрывала,— все всегда бы чисто было и готово на стол. И стол бы был чист, и скамьи, и лавки, и комнаты, и образа на стене развешены, а изба выметена и прибрана. А уксус, рассол огуречный и лимонный и сливовый, были бы отцежены через сита, огурцы же, лимоны и сливы также были бы очищены и перебраны и на столе было бы чисто и опрятно. А рыба красная и другая вяленая, и всякий студень, постный и мясной, и икра, и капуста — очищены и по блюдам разложены, до еды уже приготовлены. А напитки бы все были чистые, через сита процежены. А ключники бы, и повара, и пекари, и все стряпухи, выходя к столу на люди, сами изрядились бы чистенько, да и руки бы вымыли чисто перед каждой стряпней. А всякая посуда и все снасти у ключника и у всех на кухне были бы вымыты, и вычищены, и в сохранности, а у хозяйки и у ее слуг также. Еду же и напитки на стол нести, оглядев, чтобы посуда,

было чисто, в чемъ несешь, и ества или питие чисто же бес пороха и бес пригарины: осмотря ставить, а поставя еству или питие, да тут ни кашлять ни сморкать, отшедъ на сторону, вычистить носъ или выкашлятся, ино не скаредно и вѣжливо.

50. КЛЮЧНИКУ ПРИКАЗЪ, КАКЪ ПИРЪ ЛУЧИТСЯ

А коли пиръ болшой, ино всюды самому дозирати и в поварне и в хлѣбне, а за столом ества отдавати приставити добра человека, а у поставца, у питья и у судовъ бережной же доброй человекъ надобе. А в столъ питье подавати по государеву наказу, кому што велено, а на сторону никому не давати без веления. И как пиръ минет, и весъ запасъ серебряной и оловяной, и всякие суды смотрити и счесьти, и поваренной, и хлѣбной, и ества перебрати и питие созрити, початое дополнивати. А в пиръ на дворе бреженъ же человекъ надобе, всего бы смотрилъ и берегъ, и домашние всякие порядни: не окрали бы чево. И гостя пьяново беречи, чтобы не истерялъ чево, и брань бы не была. А как столъ отойдет, ино суды смѣтити всякие и перемыти велети, и всякая ества перебрати, мясная или рыбная, и студень, и ухи, и устроити по преже писанному. А коево дни пиръ, тово вѣчера или порану самому государю пересъмотрити, все ли по здорову, и смѣтити и перепытати у ключника подлинно, колько чево сьедено и испито, и кому что отдано, и кому что послано, и всякой бы росход во всякомъ обиходѣ былъ в вѣдомѣ, и суды бы всякие были в счете, и умѣлъ бы государю сказати про все прямо, куды што розошлося и куда что дано, и сколко чево розошлося; и толко далъ богъ — все по здорову и не исьтеряно, и не испорчено и ништо, ино государю ключника пригоже почтити и иныхъ служекъ по тому же: и поваров, и хлѣбниковъ, которые *бѣрежно* стряпали, а не пили, ино всѣхъ прохладит и накормитъ и напоитъ.

51. НАКАЗЪ ОТ ГОСУДАРЯ КЛЮЧНИКУ, КАКЪ ЕСТВА ПОСТНАЯ И МЯСНАЯ ВАРИТЬ И КОРМИТЬ СЕМЬЯ В МЯСОЕДЪ И В ПОСТЪ

Да и то бы было от государя в наказе ключнику, в мясоед какая ества отдавати въ поварню про государя и про домашней обиходъ и про гость, а в постные дни потому же. А о питьи потому же наказъ надобет от государя ключнику, какое питье носити про государя и государыне и про семью, и про гость,— и то все чинити и дѣлати и отдавати по государеву наказу, а о всякомъ обиходе ключнику государя по вся утра спрашиватися о естьвѣ и о питье, и о всякомъ обиходе, как государь

в которой несешь, была чиста и еда или напитки также чисты, без мусора и без пригарины: поставить, осмотрев, а поставив еду или напитки, тут уж не кашлять, не сморкаться, но, отойдя в сторонку, прокашляться или высморкаться, ибо то не бесстыдно и вежливо.

50. КЛЮЧНИКУ НАКАЗ НА СЛУЧАЙ ПИРА

Если же пир большой, то всюду самому наблюдать, и на кухне и в пекарне, а блюда раздавать за столом — поставить умелого человека, да у поставца, у напитков и у посуды нужен бережливый да хороший служитель. А к столу подавать напитки по хозяйскому наставлению, кому что велено, на сторону же никому не давать без разрешения. А как кончится пир, то всю утварь, серебряную и оловянную, и всякую посуду осмотреть и пересчитать, и кухонную и столовую, да блюда перебрать и напитки пересмотреть и початые доливать. Во время же пира надежный человек и на дворе нужен, за всем наблюдал бы и сохранял домашние всякие вещи: не покрали бы чего. И гостя пьяного охранять, чтобы не растерял чего и ругани бы не было. А как стол отойдет, всю посуду пересчитать и велеть перемыть, и всякие блюда перебрать, мясные и рыбные, и студень, и похлебки, и прибрать, как прежде написано. В день же пира под вечер, а то и пораньше самому господину просмотреть, все ли в порядке, и пересчитать, и распытать у ключника доподлинно, сколько чего съедено и выпито, и кому что отдано, и кому что послано, так что всякий расход во всяком деле был бы известен, и посуда бы вся была на счету, и мог бы ключник господину рассказать все точно, куда что разошлось, и кому что дано, и сколько чего разошлось; и если даст бог — все в порядке, и не истрачено, и не испорчено, и ничего себе, то господину наградить надо ключника и остальных служек также: и поваров, и пекарей, которые с заботой готовили, а не пили,— всех тогда похвалить, и накормить, и напоить.

51. НАКАЗ ГОСПОДИНА КЛЮЧНИКУ, КАК ГОТОВИТЬ БЛЮДА ПОСТНЫЕ И МЯСНЫЕ, ВАРИТЬ И СЕМЬЮ КОРМИТЬ В МЯСОЕД И В ПОСТ

Да и то бы наказывал господин ключнику, какую еду в мясоед отпускать на кухню для хозяина и для домашнего употребления и для гостей, а какую — в постные дни. О напитках также нужен хозяйский наказ ключнику, какие напитки подносить господину и какие — госпоже, и семье, и гостям,— и все то готовить и делать и выдавать по хозяйскому распоряжению, а во всяком деле ключнику у господина каждое утро спрашивать о блюдах и напитках и обо всех поручениях; как господин

накажет, такъ и творити. Государю съ женою о томъ о всяком обиходе в домашнемъ советовати и ключнику наказывати, какъ челядь кормити по вся дни: хлѣбъ решетной, шти да каша с ветчиною житкая, а игда густая с саломъ, переменяя часто, мяса как лучится дадут к обѣду, а в неделю и в празники иногды пироги, а иногды кисель, а иногды блины или иная какая ества; а у вужины шти да молоко или каша, а в посные дни шти да каша житкая, иногды с сокомъ, иногды сущь, иногды рѣпня, а у вужины иногды шти капуста, толокно, иногды росолъ, иногды ботьвинье, по недѣлямъ, по празникомъ к обеду пироги какие или гуща, или яглы, или селедавая каша и что богъ лучитъ. А у вужину копуста, росолъ, ботьвинья, толокно. А у женъ у челяденных и у дѣвокъ и у робят по тому же, а *страдымъ* людемъ та же да прибавка остатковъ столовых государевых и гостиных, а лутчие люди, которые торгуют, тѣхъ государь в столѣ у себя сажает; а коли гости ядят, и они стряпают, а после стола едят ествы с прибавкою, и столовых остатков. А у государыни мастерицамъ и швеямъ по тому же, сама за столомъ их кормит и подаетъ имъ от сѣбя. А челяди питие — истокъ пивной, а в неделю и в празники брага, а торговымъ всегда брага; а питьемъ всякимъ государь жалуетъ или прикажет, а в прохлад и самимъ пивца дадуть.

Наказ от государя повару и ключнику или от государыни, варит на семью челяди или нишимъ скоромную и постную еству: капусту или натину, или крошиво — иссѣчено мѣлко, и вымыть хорошо, и уварить, и упарити горазно, в скоромные дни мяса или ветчина, или сальца ветчинного положить, забелъки поддать да припарить, а в постъ сочкомъ залить или иной какой навары прибавить да упарить; хорошо или заспицы подсыпать да с солью и с кислы штями приварить, а кашку всякую по тому же уварить и упарить хорошо с саломъ или с масломъ, или селедовую, или с сокомъ, и всякую семеиную еству хорошенько усьтряпати, и хлѣбы семеиные тако ж мѣсити и укъвасити, и вывалять хорошо и выпечь, и пирошки семѣиные по тому же. И всякую еству хорошенько и чисьтенько устряпать, какъ своя душа любит, и всякой семеиной ествы государыня или дворецкой самъ кушаетъ, и толко не хорошо сварено или испечено, и о томъ бранит на повара или на хлѣбника, или на женки, которые то стряпают, а дворецкой того не брежетъ, ино на него бранит, а государыня того не брежет, ино мужу на нее бранити; какъ своя душа любит, такъ служокъ и нищих кормити, ино то богу в честь, а себѣ во спасение. Да государю или государыне всегды ззирати и спрашивати слугъ и маломощьных и убогихъ о всякой нуже и о ествѣ и о питии, и о одежи, и о всякой потребѣ, и о всякой скудости, и о недостатки, и о *всякомъ обиходѣ*, и о всѣхъ тѣхъ нужах, о них бога ради промышляти, и попечение имѣти, елико вмѣсьтимо, сколко богъ поможе, от всѣя душа, яко же о своихъ чадехъ

накажет, так и делать. Господину же с женою о всяких делах домашних советоваться и ключнику наказывать, как челядь кормить каждый день, переменяя чаще: хлеб решетной, щи да каша с ветчиной жидкая, а иногда и крутая с салом, и мясо, если будет к обеду, в воскресенье и в праздники иногда пироги, иногда и кисель, а иногда блины или иная какая еда; на ужин щи да молоко или каша, а в постные дни щи да жидкая каша, иногда с вареньем, когда и сущик, когда печеная репа, да в ужин иногда и капустные щи, толокно, а то и рассольник или ботвинья, по воскресеньям да праздникам к обеду какие-нибудь пироги, или густые каши, или овощи, или селедочная каша и что бог пошлет. Да на ужин еще капуста, рассольник, ботвинья, толокно. А женкам, челяди, и девкам, и ребятишкам то же, да и рабочим людям также, но с прибавлением остатков со стола господского и с гостевого, а лучших людей, которые торгуют, тех господин за столом с собой сажает; те же, кто подает, когда гости едят, вдобавок после стола доедают блюда из столовых остатков. А госпожа мастерицам и швеям также, сама за столом их кормит и подает им от своего; пить же челяди пиво из отжимок, а в воскресенье и в праздники брагу, приказчикам же всегда брага, разными же напитками господин пожалует или почтит, а для удовольствия и пивца дадут.

Наказ господина или госпожи повару и ключнику, как варить для семей челяди и для нищих скоромную и постную пищу: капусту или ботву или крошево мелко нарезать, и вымыть хорошо, и разварить, и посильней пропарить, в скоромные дни положить мяса, или ветчины, или сальца ветчинного, сметанки поддать да еще припарить, в пост же соком залить или иной какой приварки добавить да снова упарить; хорошо также крупки подсыпать да с солью или с кислыми щами переварить, а кашку разную также уварить и упарить хорошенько с салом, или с маслом, или с маслом селедочным, или с соком, и всякую снедь для таких семей готовить, и хлебы для них месить и заквасить, и скатать хорошо и выпечь, и пирожки для них также. Всю пищу готовить хорошенько и чистенько, как для себя, и от всякого блюда такого госпожа или дворецкий откушает сам, и если нехорошо сварено или выпечено, бранит за то повара или пекаря или женщин, которые готовили, а если и дворецкий за тем не следит, то бранят и его, если же и госпожа за тем не следит, то бранит ее муж; служек и нищих кормить, как себя, ибо то богу в честь, а себе во спасение. Господину же и госпоже следить всегда и спрашивать слуг, и немощных, и убогих о всякой нужде их и о еде, и о питье, и об одежде, и обо всем необходимом, о всякой их скудости и недостатке, и о делах их, и о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради бога, насколько удастся, насколько бог пособит, и от всей души, как о детях своих,

и яко же о присныхъ, аще кто не радит о семъ и не болезнуетъ о сихъ, да будет анафема; а кто сие с любовию от всея душа и брежет и хранит, велию милость от бога обрящет и грѣхомъ свободу получит и жизнь вѣчную наслѣдитъ.

52. В ЖИТНИЦАХЪ И В ЗАКРОМѢХЪ О БЕРЕЖЕНЬИ

А в житницах бы у ключника былъ бы всякой запасъ и всякое жита, солод и рожь, и овесъ, пшеница, не згноено и не накапала бы и не навьяло, не проточено от мышей и не слеглося и не затхло бы; а что в бочкахъ или в коробах мука и всякой запасъ, и горох, и конопли, и грѣча, и толокно, и сухари, и ржаные и пшеничьные,— то бы было все покрыто, и судно твердо и не намокло бы и не знило и не затхлося. А всему бы тому была мѣра и счет, сколко чево ис села или ис торгу привезутъ, и записати, а что вѣсовое — то взьвѣсити, и колко коли отдаст чево на росход или взаимы и на всякой обиход, ли кому государь велит что дати — то все записати же, и сколко чево здѣлают, то бы было вѣдомо ж; и хлѣбы, и колачи, и пиво, и вино, и брага, и квасъ, и кислые шти, и уксусъ, и высевъки, и отруби, и гуща всякая, и дрожьжи, и хмелины,— то бы было все у ключника в мѣре и *записано,* а хмѣль и медъ, и масло, и соль вѣшено.

53. В СУШИЛЕ ТАКО ЖЕ СМОТРИТИ

А в сушиле мясо полтевое и солонина вѣтреная, полотки и языки, и прутовая рыба, и пласти, и всякая рыба вялая и вѣтреная, и в рогожах и в крошнях и вандыши и хохольки, чтобы было все в счете и в писмѣ, сколко чево куплено и вывешено, провялено и положено; и *держано* бы то брежно и не згноено и не измочено, и не измято, убережено бы от всякие пакосьти, и всегда замъкнуто.

54. В ПОГРЕБЕ И НА ЛЕДНИКЕ ВСЕГО БЕРЕЧИ

А в погребе и на ледникех и на погрѣбицех хлѣбы и колачи, сыры, яйца, забѣла и лукъ, чеснокъ и мясо всякое, свѣжее и солонина, и рыба свѣжая и просольная, и мѣдъ пресной, и ества вареная мясная и рыбная, студенью и всяй запасъ естомой, и огурцы, и капуста соленая и свежая, и рѣпа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и росолы ставленыя, и морсъ, и квасы яблочные, и воды брусничные, и вина флязские и горючие, и меды всякие, и пива сыченые и простые и брага, и всяго того запасу ключнику вѣдати. И сколко чево на погребице поставлено, и на леднике и на погрѣбе,— и все бы то сочтено и перемечено, што вполне, что не вполне, и перемечено, и записано, и сколко чево куды отдастъ по приказу государеву, и сколко чево разоидетца,—

как о близких; если же кто не радеет о том и не соболезнует о таковых, да будет ему анафема; кто же это с любовью от всей души и блюдет и хранит, великую милость от бога получит и грехам прощение и вечную жизнь найдет.

52. О ХРАНЕНИИ В ЖИТНИЦАХ И В ЗАКРОМАХ

А в житницах у ключника был бы всякий запас и разное жито, солод и рожь, и овес, и пшеница, не сгнившее, и не подмоченное, и не высохшее, не испорченное мышами, не слеглось бы, не стало затхлым; а какая в бочках или в коробах мука и прочий припас, и горох, и конопля, и греча, и толокно, и сухари ржаные и пшеничные,— то все было бы закрыто в посуде крепкой, и не намокло бы, и не сгнило, и не стало затхлым, и была бы всему тому мера и счет: сколько чего из деревни или с рынка привезут — записать, и что весовое — взвесить, и сколько когда ключник выдаст чего на расход или взаймы и на разное дело или кому господин повелит что выдать,— и это все записать, и сколько нового чего сделают,— и все бы то было известно; и хлебы, и калачи, и пиво, и вино, и брага, и квас, и кислые щи, и уксус, и высевки, и отруби, и всякая гуща, и дрожжи, и хмель,— то было бы все у ключника и вымерено и записано, а хмель, и мед, и масло, и соль взвешены.

53. ТАК ЖЕ ПРИСМАТРИВАТЬ И В СУШИЛЬНЕ

А в сушильне мясо и солонина вяленые, тушки и языки, и красная рыба распластанная, и прочая рыба, вяленая и сушеная, а в рогожах и в корзинах снетки и хохолки; чтобы было все на счету и записано, сколько чего куплено и свешено, провялено и разложено; сохранялось бы то бережно, и не сгнило, и не намокло, и не измялось — сохранено бы от всякой пакости и всегда под замком.

54. В ПОГРЕБЕ И НА ЛЕДНИКЕ ВСЕ ХРАНИТЬ

А в погребе, и на ледниках, и в подвалах хлебы и калачи, сыры и яйца, сметана и лук, чеснок и всякое мясо, свежее и солонина, и рыба свежая и соленая, и мед пресный, и еда вареная, мясная и рыбная, студень и всякий припас съестной, и огурцы, и капуста, соленая и свежая, и репа, и всякие овощи, и рыжики, и икра, и рассолы готовые, и морс, и квасы яблочные, и воды брусничные, и вина сухие и горькие, и меды всякие, и пива на меду и простые, и брага,— весь тот запас ведать ключнику. А сколько чего в кладовой поставлено, и на леднике, и в погребе,— все то было бы сосчитано и перемечено, что целиком, а что не полностью, и пересчитано, и записано, и сколько чего и куда отдаст ключник по приказу господскому, и сколько чего разойдется,—

то бы было все в счете, было бы што господарю сказать и отчетъ во всемъ дати. А все бы то было чисто и в покрыте и не затхлося и не заплеснело, и прокисло. А вина фряские и сыченая перевара, и всякое лутчее питье в опришенномъ погребе за замкомъ держать, а самъ бы тамо ходилъ.

55. А В КЛЕТЕХ И В ПОДКЛЕТЕХ И В ОНБАРЕХ УСТРОИТИ ВСЯКАЯ ПОРЯДНЯ КЛЮЧНИКУ ПО ГОСУДАРЕВУ НАКАЗУ

А в клетехъ и в подклетехъ и в онъбарехъ устроити по государеву наказу ключнику всякая порядня: платье ветчаное и дорожнее и служне, и полсти, и епаньчи, и кепеняки, и шляпы, и рукавицы, и медведна, и ковры, и попоны, и войлоки, и седла, и саадаки, и с луки и с стрелами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды, и оброти, и морхи, лысины, и похви, и остроги, и плети, и кнутье, и вожжи моржовые, ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и миндери, и мѣхи дымчатые, и сумы, и мѣхи холщовые, и припоны, и шатры, и пологи, и ленъ, и посконь, и веревки, и ужища, и мыло, и зола, и ветшаной всякой запасъ и обрѣски, ветшаное и новое, и пълатяные и коженые, и железные обломки всякие, и гвоздье, и чепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякой желѣзной запас, и всякая рухледь,— и все то разобрати, что пригоже — в коробьяхъ положити или в *бочках,* иное по гряткамъ, иное по спицамъ, иное в коробех, гдѣ что пригоже, то туто и строити, в сусе и в покрыте, от мышей и от *мокра,* и от снегу беречи, и от всякия пакости, и все бы было в счете и в писмѣ, сколко чево нового и сколко ветчаного; а что попортилося, то починивати, а всегды бы было готово, всякой запасъ, какъ попытают. А в ынех подклѣтех или в подсѣнье или в онбаре устроити сани, дровни, телѣги, колеса, одры страдные, дуги, хомуты, оглобли, рогожи, посконные вожжи, лыка и мочала, веревки лычьные, оброти, тяжи, шлеи, попоны, иной дворовой запас коньской, гдѣ что пригоже поставити или положити или повѣсити. А лутчие сани, возъ, коптана, калымага укрыть на подкладках, все бы было брежно в суще з замкомъ; а в ыномъ онбаре бочки и мѣрники, и цѣпники, высытки, корыта, жолобы, извары, корцы, сита, решота, фляги и всякая порядня поваренная и погребная; которые бочки и всякое судно попортилося или обручи огнили или свалились, и то велѣти окрѣпити или уторы передѣлати или дъна поправити и обручи новые наколотити, все бы то было готово и выпарено, и вымыто, и высушено, чтобы ни гнилью, ни плѣснью и затъхолью не пахнуло; дрожьжи бы ни хмелины не засушены, ни загнилися. Какъ которое судно понадобитца, ино бы было готово, а дубник в запасе держати, что починити или здѣлати, а вѣтчаная бочка, извара

и то было бы все в счете, было бы что господину сказать и отчет во всем дать. Да было бы то все и чисто, и накрыто, и не задохлось, и не заплесневело, и не прокисло. И вина сухие и медовые взвары и прочие лучшие напитки в особом погребе за замком держать и самому за ними следить.

55. КЛЮЧНИКУ ПО ХОЗЯЙСКОМУ НАКАЗУ В КЛЕТЯХ И В ПОДКЛЕТЯХ И В АМБАРАХ СОДЕРЖАТЬ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

А в клетях и в подклетях и в амбарах ключнику содержать по хозяйскому наказу в порядке платье старое, и дорожное, и рабочее, и полсти, и епанчи, и кебеняки, и шляпы, и рукавицы, и медведна, и ковры, и попоны, и войлоки, и седла, и саадаки с луками и со стрелами, и сабли, и топорики, и рогатины, и пищали, и узды, и оброти, морхи, лысины и пахвы, и остроги, и плети, и кнутье, и вожжи моржовой кожи, ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и перины, и мешки меховые, и сумки, и мешки холщовые, и занавеси, и шатры, и пологи, и лен, и посконь, и веревки, и канаты, и мыло, и золу, и разное старье, и обрезки, ветхие и новые, матерчатые и кожаные, и железные обломки всякие, и гвозди, и цепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякий железный припас, и всякую рухлядь,— и все то разобрать, что пригодно,— по коробьям разложить да по бочкам, а иное по полкам, кое-что по крюкам, а то по коробам; куда что удобно, там и пристроить, сухим и завернутым от мышей и от сырости, и от снега беречь и от всякой пакости, и все бы было на счету и записано, сколько чего тут нового и сколько ветхого; а что попортилось, то починить, чтобы всегда был готов любой припас, который затребуют. А в других подклетях, или под сенями, или в амбаре расставить сани, дровни, телеги, колеса, рабочие повозки, дуги, хомуты, оглобли, рогожи, посконные вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброти, тяжи, шлеи, попоны, другой запас дворовой для коней, где что удобно поставить, положить или повесить. А лучшие сани, возы, каптаны, колымаги укрыть на подставках, чтобы сберечь их в сухости и под замком; в другом же амбаре бочки, и мерные коробы, и бадьи, и чаны для сычения, и корыта, желоба, извары и корцы, сита, решета, фляги и всякая снасть поварская и для хранения снеди; если какие бочки и иные сосуды попортились или обручи в них подгнили или свалились, велеть закрепить их, или уторы переделать, или днище поправить и обручи новые наколотить; все бы то было готово, и выпарено, и вымыто, и высушено, чтобы ни гнилью, ни плесенью, ни затхлостью не несло; дрожжи и хмель не пересохли бы и не загнили. И лишь только какой понадобится сосуд, всегда бы готов был, а для этого дубовые доски в запасе держать, вдруг придется что починить или наладить, а ветхие бочки, извары

и выситокъ, донце дощечки бочечные и вѣчка и всякое судно,— все бы было припрятано, а все то ся пригожаетъ на худую потребу, и ты доброво не портишъ.

56. В СѢННИЦАХЪ СѢНО И В КОНЮШНЯХ ЛОШАДИ, И НА *ДВОРѢ* И ДРОВЯНОЙ ЗАПАС УСТРОИТИ И ВСЯКАЯ ЖИВОТИНА

А в сѣнницах бы было сѣно усътроено и не разрыто, и не разволочено по лѣснице и по крыльцу, и по двору не растаскано, и всегда бы было обрано и подметено, и в ногахъ и в грязи не затоптано, и не накапало бы, и не навъяло, и не гнило, замкнуто. А солома по тому же бы была в кровле и прикладено, и обрано, и очищено, и не разволочено бы и подметено, а в конюшне бы дозирати, по вся дни сѣна бы класти въ ясли какъ лошедемъ сьести, и в ноги бы не рыли, а соломка под лошади слати и подгребати, по вся дни перетрясывати. А на воду бы лошади водити брежно, робята бы на них не гоняли, и вываляти, и вычесати, и на дворе из жолоба овсомъ передъ собою кормити, и попонами терти, и покрыти, а лете подкупывати и холодити; а коровамъ и гусем, и уткамъ, и курамъ, и свиньямъ, и сабакамъ кормъ давати и в хлѣвы солома слати и подгребати, и поити — вода ставити, а животине и собакамъ, и куром на то свои суды держати, а чистых судовъ не поганити. А по всѣмъ службамъ ходити вечере и в ночи и утре, в фонаре бы была свеча с огнемъ, а в конюшне и у сѣна и у соломы однолично из фонаря огня не вымати всякия притчи. А бревна бы и дрова и доски, и драницы, и усѣчки, и урупки дощаные и бревенные и всякие устроити в стороне, гдѣ пригоже, а не на дороге; а бревна и доски и драницы на подъкладках, а толко под кровлею и тово лутче, чтобы в сухе не навьяло и не замокло, дрова толко сухи, ино топитца хорошо — и служке приступита и взять и понесть, ино хорошо и не угрязнено.

57. В ПОВАРНЯХ И В ХЛѢБНЯХ, И В ДѢЛОВЫХ ИЗБАХЪ УСТРОИТИ ДѢЛАНОЕ

А в повареныхъ избахъ и в поварнехъ, и в хлебнех гуща и дробина, и отруби всякие, и кобустное коренье и хряпье, и листье свеколное и рѣпное, плюсенье и бражная гуща и винная ис котловъ, и кисельные *ожимкы,* и в поварьне от мяса и от рыбы что очищают, и кислых штей, и опара,— всего тово не метати, все то обрати и в ветчаные суды класти, которые ни в поварьне, ни на погребѣ не пригодятся, да ставити то в опричьней хоромине, и тѣмъ страдные лошеди кормити или чем подмѣшиваючи невѣиницы или овсяной муки или сѣно рѣзаное или чево иного,

и чаны, дощечки от бочек и донца лукошек и прочих посудин надо припрятать — все то пригодится для мелкого дела, и тогда ты хороших вещей не попортишь.

56. НА СЕНОВАЛАХ СЕНО И В КОНЮШНЯХ ЛОШАДЕЙ, А НА ДВОРЕ ЗАПАС ДРОВ ПРИСТРОИТЬ И ВСЯКУЮ СКОТИНУ

А на сеновалах бы сено было разложено, и не разбросано, и не раскидано по лестнице и по крыльцу, и по двору не растаскано, и не подмочено, и не завяло, и не погнило, всегда под замком. А солома также была бы под кровлей разложена, и обрана, и очищена, и не разбросана, и заметена, да в конюшне доглядывать бы каждый день: в ясли сено класть, когда пришло время кормить лошадей, а под ноги бы не бросать, и соломку стлать бы под лошадей и ее подгребать, всякий день перетряхивая. А на водопой лошадей водить осторожно, детишки бы на них не гонялись, а дать лошадям наваляться вдоволь, и вычесать их, и на дворе из колоды овсом накормить, раньше, чем сам поешь, и попонами растереть, и накрыть, а летом еще искупать да остудить; коровам же, и гусям, и уткам, и курам, и свиньям, и собакам корм давать, и солому стлать, и подгребать ее, и поить — воду ставить, а для скотины, и для собак, и для кур держать для того особые миски и чистой посуды не поганить. И по всем службам ходить и вечером, и ночью, и под утро, а в фонаре бы была зажженная свеча, но не в конюшне и около сена или соломы, из фонаря огня ни в коем случае не вынимать, чтобы не было какой-нибудь случайности и неосторожности. А бревна бы, и дрова, и доски, и дранку, и обрезки, и обрубки досок и бревен и все разложить в стороне, где удобно, а не на дороге; доски же, и бревна, и дранку — на подставках, да если еще под крышей, то это и лучше, чтобы в сухости не зацвело и не подмокло, и если дрова сухие, тогда хорошо топятся — и служке только придти и взять и снести, все хорошо и не запачкано.

57. В ПОВАРНЯХ И В ПЕКАРНЯХ И В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СЛУЖБАХ ДЕРЖАТЬ СГОТОВЛЕННОЕ

А в кухнях и в поварнях собирается гуща и барда, и отруби всякие, и капустные кочерыжки, и хряпа, листья свекольные и от репы, отбросы, и бражная и винная гуща из котлов, и кисельные отжимки, а на кухне и то, что счищают с мяса и с рыбы, и кислые щи, и опара,— так всего того не бросать, все собрать и в старую посуду класть, такую, что ни на кухне, ни на погребе больше не пригодится, да ставить все это в особую кладовую и тем рабочих лошадей кормить, чего-нибудь примешивая, невеяный хлеб, или овсяную муку, или сено нарезанное, или чего иного

а иное коровамъ давати и свиньямъ и гусемъ, и уткамъ, и курамъ, собакамъ, что какъ пригоже: и мукою посыпают и помывки судовые и горшечные и котелные и всякие ествы, и пригарины,— все животине копят, животина тѣмъ сыта бываетъ; а и в дѣревни животине такой кормъ ссылают же.

58. НА ПОГРЕБѢХЪ И НА ЛѢДНИКЕХЪ, И В ЖИТНИЦАХЪ, И В СУШИЛЕХ, И В ОНБАРЕХЪ, В КОНЮШНЯХ ЧАСТО ГОСУДАРЮ СМОТРИТИ

А на погрѣбехъ и на ледникех, и в житницах, и в сушилех, и в клѣтех, и в онбарех, и в конюшнах по вся дни вечере в кой любо день пересмотрити самому государю всякого питья и ествы и всякого обиходу, и всякого запасу, и всякой рухледи, и в конюшнѣ, и хлѣбне, и в поварнѣ, и в чьемъ приказе: или у ключника, или у повара, или у хлѣбъника, или у конюха — всего песмотрити самому, по тому чину устроено, какъ в сѣй памяти писано, и перепытати, колко чево есть и всѣму ли есть мѣра и счетъ, и писмо. Да все то смѣтити и згадати самому: и сколко чево здѣлано, и колко чево разошлося, и кому что отдано,— и все бы то умѣли сказать именно; иново вечера кълючника, иново вѣчера хлебника, иново вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всѣмъ, а ключнику туто же быти. И толко вездѣ стройно по наказу все зблюдено, и счетъ сойдется, и устроено хорошо, и счетъ отдастъ подлинно и памятно и прямо — ино того за его службу жаловати; а кто небреженьемъ или истерялъ или испортилъ, или солгалъ, или покралъ — ино посмотря по винѣ наказывати и пѣня чинити. А государю или государыне, или ключьнику, или ключницѣ по вся дни, из утра вставъ, всего преже по всему двору у всѣхъ хоромовъ замковъ пересмотрити, а гдѣ есть печати — ино печатей, и по здорову — ино добро, а гдѣ худо замкнуто или замокъ испорченъ, или не замкнуто или печать испорчена, или худо запечатано — и в ту хоромину влезши, всего пересмотрити: толко тати были — ино знать, или свои крали, или небереженьемъ худо замкнуто, и о томъ, по винѣ смотря, и бранить и наказывать, и обыскивати, гдѣ хто начевалъ и што какъ дѣялося, и по тому управа чинити. А в вечере по тому же вездѣ переходити и пересмотрити, и перенюхать, гдѣ огня бы не уронили на погребѣ и на лѣднике, и в вечере и утре смотрити гвоздье, крѣпко ли прибито, не поттекаетъ ли уторами и ладами, и дномъ, гдѣ не каплетъ ли и везде ли чисто и в росолѣ, и не заплесневело, и не згнилося, и покрыто, и перечищено, и перебрано. Толко все по здорову в такомъ береженье — ино добро, а што не по тому — ино по винѣ смотря, наказывать. А в поварнях и в хлѣбнях, и во всякихъ хоромѣхъ, и в конюшняхъ у всякой животины, и в сѣнникѣхъ, у мастеровъ и у мастерицъ, и у вучениковъ,

сюда подмешать, а остальное коровам давать, и свиньям, и гусям, и уткам, и курам, и собакам, кому что сгодится: и мукой присыпают, и обмывками посудными и горшечными и котловыми после всякой пищи, и пригарины,— все собирают скотине, скотина тем и сыта бывает; да и в деревне скотине такой же корм выдают.

58. ЗА ПОГРЕБАМИ, И ЗА ЛЕДНИКАМИ, И В ЖИТНИЦАХ, И В СУШИЛЬНЯХ, И В АМБАРАХ, И В КОНЮШНЯХ ГОСПОДИНУ ЧАЩЕ ПРИСМАТРИВАТЬ

А в погребах, и на ледниках, и в житницах, и в сушильнях, и в клетях, и в амбарах, и в конюшнях каждый день по вечерам в любую погоду самому господину проверить все питье, и еду, и порядок, и всякий припас, и товар, и пожитки, и в конюшне, и в пекарне, и в кухне, и в любом владенье; и у ключника, и у повара, и у пекаря, и у конюха — все осмотреть самому, хорошо ли устроено, так ли, как записано в этой книге, и расспросить, сколько чего есть и всему ли есть мера и счет и записи. Да все то приметить и самому размыслить: и сколько чего сделано, и сколько чего разошлось, и кому что отдано,— и все бы они то умели сказать подробно и точно; в один вечер ключника, в другой вечер пекаря, в иной вечер пивовара и конюха доглядеть и заметить себе все, а ключнику тут же быть. И если точно везде по наказу устроено все, и счет сойдется, и налажено хорошо, и отчет каждый даст честно, с понятием и точно,— такого за службу его пожаловать; а кто небреженьем все растерял, или попортил, или солгал, или выкрал, то, смотря по вине, наказать и утраченное получить с виновного. Господину и госпоже или ключнику или ключнице каждый день, утром встав, прежде всего по всему двору у всех помещений замки оглядеть, и где были печати — там и печать, и если все хорошо — то добро, а где плохо замкнуто, или замок попорчен, или вовсе не замкнуто, а то и печать нарушена или нехорошо запечатана,— тогда, в то помещение войдя, все просмотреть: если воры там были — сразу заметно, если свои покрали или плохо по небреженью заперли, за то, по вине смотря, и бранить, и наказывать, да разузнать, кто где ночевал и что как делалось, и потом уже суд чинить. И вечером также везде походить, и все оглядеть, и перенюхать, как бы огня не уронили в погребе или на леднике, также вечером и по утрам осмотреть все гвозди, крепко ли вбиты, не протекает ли в бочках уторами и щелями и донцем, не каплет ли где и везде ли чисто и в рассоле ли, не заплесневело ли и не сгнило, и накрыто ли, и перечищено, и перебрано ли. И если в порядке все в хранении, то хорошо, и в пекарнях, и во всех помещениях, и в конюшнях у всякой скотины, и на сеновалах, у мастеров и у мастериц, и у учеников,

и у торговцовъ, и у всяких своихъ прикащиковъ всегда всево пересматривати и пытати: толко все по наказу — ино добро, а не по тому — ино наказание, по винѣ смотря, по преже писанному; а за доброе устроение и брежение любити и жаловати, всячески доброму бы была честь, а худому гроза.

59. С СЛУГАМИ ГОСУДАРЮ СМѢТЯСЯ ВО ВСЕМЪ ПО ТОМУ ИХ ЖАЛОВАТИ

А которой служка в *которомъ* приказе береженъ и по наказу живетъ и в службе чисто ходит без хитрости, за посмѣхъ не отдастъ и сам не украдет, а вездѣ ества и питие и всякая ботреба: покрыто и не знило, и не поплесневело, и прокисло, и вездѣ подметено и вытерто и не намочено, и не налито, и не нагрязнено, и не насорѣно, и суды всякие чисты, перемыты, и устроено хорошо, и ества, остатки всякие, перебърано цѣло,— и впередь блюсьти про государя и про гость, а початое в росходъ давати и в столъ, кому что достойно и какъ ему велено от государя. И во всякой службе кто добро и бережно и бесхитросно служит и по приказу чинит, и того пожаловати и добрымъ словомъ привечати, и есьти и пити подати, и нужа его всякая исполнити, а чево безхитростно или недогаткою, или неразумиемъ не гораздо здѣлалъ или попортилъ што — и в томъ словомъ наказати передо всѣми: все бы того береглися, и вины отдати; а в другие и в третие проступит или ленитца — и ино, по винѣ и по дѣлу смотря, по разсужению наказати и побити: доброму бы была честь, а худому наказание — и всему тому наукъ. А государыня жонокъ и дѣвакъ в своемъ обиходѣ тако же сзирает и смечаетъ, и наказуетъ такоже, какъ здѣ писано.

60. О ТОРГОВЫХ И О ЛАВОЧНЫХЪ ЛЮДЕХ, ПО ТОМУ ЖЕ СЧЕТЪ С НИМИ ЧАСТО ДЕРЖАТИ

А которые в лавкахъ торгуютъ и на домовной обиходъ покупают всякую потребу и на всякой запасъ, ино с теми в вечере и на упокои на всякую неделю самому государю надобет смечатися с ними и в приходѣ, и в росходе, и в купле, и в продаже: с темъ вечеръ, а с ынымъ иной вечеръ. А кто береженъ и памятенъ и радитъ о своем дѣле, и все в счете живетъ у него, и хитрости в немъ нетъ никоторые, и прибыточекъ от него есть,— и того примолвити и пожаловати ествою и питиемъ, и нужа его пополнити во всемъ, а за добро — промыслъ, на выимокъ своимъ платьемъ пожаловати. А кто безхитросно что учинит или ленивъ, или позно в лавку ходитъ или спитъ долго, или кто с товаромъ не ходитъ к гостем, или какое его небрежение и нерадѣние — ино его наказывати и бранити и, по вине смотря, такова ему

и у торговцев, и у всех своих приказчиков всегда все просматривать и распытывать; если все по наказу — то хорошо, а не так — тогда наказать, по вине смотря, как выше описано; за хорошее устройство и хранение любить и жаловать, всегда к хорошему работнику было бы уважение, а к плохому — строгость.

59. СЛУГ ГОСПОДИНУ, СПРАВЯСЬ ОБО ВСЕМ, ПО ДОСТОИНСТВУ ЖАЛОВАТЬ

А какой служка бережлив и строго по наказу действует и в службе верно ходит без хитрости, на посмеяние не выдает и сам не украдет, а везде еда и питье и все, что нужно, покрыто и не сгнило, и не заплесневело, и не прокисло, и всегда подметено и вытерто, и не замочено, и не залито, и не запачкано, и не замусорено, и посуда вся чиста и перемыта и хорошо уложена, а остатки пищи все перебраны и целы,— пусть и впредь так хранит для господина и для гостей, а початое выдает на расход и на стол, каждому что поручено и как ему велено хозяином. Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить и всякую просьбу его исполнить, а чего без умысла, или недогадкой, или неразумием неловко натворил, или испортил что — и в том только словом поучить его перед всеми: и все бы того остерегались, ему же вину простить; но если в другой и в третий раз натворит чего или заленится — тогда, по вине и по делу смотря, поразмыслив, поучить и побить: была бы хорошему честь, плохому же — наказание, и всем тем наука. Так же и госпожа за женками и девками в своем хозяйстве доглядывает, и замечает, и наказывает так же, как здесь написано.

60. О ТОРГОВЦАХ И ЛАВОЧНИКАХ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАК ЧАСТО РАССЧИТЫВАТЬСЯ С НИМИ

А которые слуги в лавках торгуют и покупают для домашнего хозяйства все нужное и всякие припасы, с теми по вечерам и на покое во всякое воскресенье самому господину следует рассчитываться и в приходе и в расходе, и в купле и в продаже: с тем вечером, а с другим и в иной вечер. А кто бережлив, и с понятием, и радеет о своем деле, и если все у него находится в полном порядке, и хитрости в нем нет никакой, а прибыточек есть от него,— так того похвалить и одарить едой и питьем, а иногда и одеждой своей пожаловать, а за добрую службу — забота и просьбы его исполнить во всем. А кто без умысла что натворит, или ленив, или опаздывает в лавку и долго спит, или кто за товаром не ходит к купцам, или иначе как небрежен и нерадив,— такого поучать и бранить и, по вине смотря, еще

и пѣня учинити; а за добрую службу — тѣхъ у себя за столъ сажати и от себя подавати и жаловати, и во всемъ их беречи. А во всякой службе и в домашнемъ обиходѣ и въ торговле кто ленивъ и сонълив, и крадливъ, и упьянчивъ, и наказание и побои неимутъ — и тово от дѣла отставити и по немъ работати. А кто глупъ и грубъ, и крадливъ, и ленивъ, и ни во что не пригодится, и наказание ни ударъ немет — ино *накормивъ* да зъ двора спустить: и иные, на токава дурака глядя, не испортятся!

61. КАКЪ ДВОРЪ СТРОИТИ ИЛИ ЛАВКА, ИЛИ ДЕРѢВНЯ, ИЛИ АНЪБАРЪ

Всякаму человеку домовитому доброму, у кого, богъ послалъ, свое подворейце или деревеньку, или лавочку в торгу, или онбаръ, или домы каменые, или варницы, или мѣлницы — ино бы было по преже писаному всякой запасъ купленъ в пору, коли дешево, да вездѣ на дворѣ всегды у собя смотрити,— или ключникъ, или кому приказано: или тынъ попортился, или городба в поле или в огородѣ, или ворота, или замки попортилися, или которой хоромины кровля гънила или обетшала, или жолобы засорилися,— все то смывати и мести, и жолобы вычищати и перекрывати и перекрепливати, кое поветшало или поломилося, или прокапало, или вѣтрамъ подрало, или в ызбѣ, или в которыхъ хоромехъ столъ, лавка или скамъя, или печь попортилася, или на погребе, или на лѣднике, или в мылне, или мостъ,— и гдѣ што ни будь попортилося: или порядня домовитая какая ни буди дворовая, или какая или поваренная или конюшенная, или погребная, или всякое платно и сапогъ,— все бы было ветшаное поплачено, а порченое покреплено, а все бы было и твердо и крѣпко, и не згнило, и не накапало, и не нагрязнено, и не намочено, и в кровли, и в суши, и тому подворью и всякому обиходу домовному старости обетшания нѣтъ, всегды живет вновѣ. А печи всегды посматривают внутри и на печи, и по сторонамъ, и щели замазываютъ глиною, а подъ новымъ кирпичемъ поплатитъ, гдѣ выломалося; а на печи всегды бы было сметено, ино николи притчи от огня не сътрах, и спать на ней хорошо, или чево посушить; и у всякой бы печи над челомъ былъ искреникъ глинянъ или железенъ, и хоти и низокъ потолокъ, ино не страхъ огня. А всегды бы были всякие хоромы чисто метены и сухи, и не нагрязнены, и не засорены. А на дворе и перед вороты всегды после снегу згребено и свожено, и сметено, а посьле дожжа грязь пригребена и ненадобное пристроено, и не насорено и не заволочено, а в сушу приметено,— ино всегды в *подворье* чисто и сухо и не нагрязнено. А метлы и лопаты и всякой запасъ и всякая порядня по двору бы не валялась, все бы было прибрано и припрятано, а на дворе и в огородѣ колодязь бы былъ,

и штраф наложить; а за добрую службу за стол свой сажать, и от себя подавать, и жаловать, и от всего охранять их. А во всякой службе, и в домашнем хозяйстве, и в торговле, если кто ленив, и сонлив, и вороват, и пьянчужка, от поучений и битья не исправится,— такого от дела отставить и все за него переделать. А кто глуп, и груб, и вороват, и ленив, и ни на что не годится, ни поучений, ни ударов не воспринимает — того, накормив, со двора прогнать: тогда и другие, на такого дурака глядя, не испортятся!

61. КАК ДВОР УСТРАИВАТЬ, ИЛИ ЛАВКУ, ИЛИ ДЕРЕВНЮ, ИЛИ АМБАР

У всякого человека домовитого, доброго, у кого, бог послал, свое подворейце, или деревенька, или лавочка на торгу, или амбар, или каменные дома, или варницы, или мельницы,— были бы, как выше описано, закуплены все припасы вовремя, когда они дешевы, да везде во дворе их присматривали бы ключник или кому поручено: если тын попортился, или ограда в поле и в огороде, или ворота, или замки попортились, или у какого строения кровля сгнила или обветшала, или желоба засорились,— все то промывать и вымести, а желоба вычищать и перекрывать и закреплять, а что обветшало, или поломалось, или протекает, или ветром содрано, а не то в избе или в каких-то строениях стол, лавка, или скамья, или печь поломались, или в погребе, или на леднике, или в бане, или полы и где-нибудь что-то испортилось; или снасть какая домашняя дворовая или поварская или конюшенная, или погреба, или какое платье и сапоги,— все бы то было ветхое починено, а порченое поправлено, а все было бы и крепко, и цело, и не прогнило, и не залито, и не запачкано, и не размочено, и прикрыто, и в сухости, так что тому подворью и всему обиходу домашнему старости и обветшания нет, всегда стоит как новое. Печи же всегда осматривают внутри и поверху и по сторонам, а щели замазывают глиной, а под в печи залатать новым кирпичом, где выломался; а на печи всегда бы было выметено, чтоб ничего от огня не случилось, тогда и спать на ней хорошо или что высушить; и у всякой бы печи над челом был навес от искр, глиняный или железный, так что даже и низкий потолок, да огня не боится. Все комнаты всегда бы были чисто выметены, и сухи, и не запачканы, и не замусорены. На дворе и перед воротами после снегопада всегда все сгребено и сметено и свезено, да после дождя грязь подчищена, и ненужное убрано, и не намусорено, и не разбросано; а в сушь и выметено,— так что всегда в подворье чисто и сухо и не выпачкано. А метлы, и лопаты, и всякий припас, и всякая снасть по двору не валялись бы, все было бы прибрано и припрятано, а на дворе и в огороде был бы колодец,

а нѣтъ колодезя — ино бы вода всегды была, а лѣте и по хоромомъ вода бы стояла, пожарные *ради* притчи. А коли избу или мылню топитъ, а вода бы напередь принесена, пожарные ради притчи.

62. КАКЪ ДВОРОВОЕ ТЯГЛО ПЛОТИТЬ ИЛИ С ЛАВКИ ПОЗЕМ ИЛИ З ДЕРЕВНИ ПОДАТЬ, И ДОЛЖНИКОМЪ ДОЛГЪ ВСЯКОЙ ПЛАТИТЬ

А всякому человеку с своего подворья или с лавки поземъ, и з деревни и со всякого угодья дани и пошлины и всякого оброку, и всяких даней, и всякихъ государскихъ податей на себе не задерживати, копити не вдругъ, а платити ранее до сроку: и ты без работы живешь, и от сроку и от поруки денекъ не даешъ, и поминковъ не носишь, и самъ не таскаешся. А кто на срокъ всякихъ оброковъ и всяких тяглей не платит, а от того откупается, и двѣ дани будетъ — ино уже вдвое будетъ платить. И такъ нерассудные люди живутъ в роботе, и на правежи, и в долгу до коньца обнищает; а кто живет в росплатѣ и в управе, и всякихъ податей за собою не клачиваетъ, и долгу на себе безлѣпичново не водит, и тот человекъ всегды без работы живѣтъ и свободенъ, и при животе добро, и по смерти детемъ поминокъ и надѣлокъ: дворъ со всѣмъ запасомъ или лавка с товаромъ, или деревня со всяким животомъ, толко ни в кабалах, ни в записехъ, ни в порукахъ, ни в какихъ тяглехъ, ни в каких податехъ не зорощено. А лучится кому денегъ заняять бескобально или в кобалу, или закъладъ, или без росту — ино бы на срокъ платитъ, ино и впередь добрые люди вѣрят; а хто на срокъ не платитъ или росту напередь не уплачиваетъ, ино с убыткомъ и со студомъ платежь, и *въпередь* никто не вѣритъ.

63. УКАЗЪ КЛЮЧНИКУ, КАКЪ ДЕРЖАТЬ НА ПОГРЕБЕ ВСЯКОЙ ЗАПАСЪ ПРОСОЛНОЙ И В БОЧКАХЪ, И В КАДЕХЪ, И В МѢРНИКЕХЪ, И ВО ТЧАНЕХЪ, И В ВЕДЕРЦАХЪ МЯСО, РЫБА, КОПУСТА, ОГУРЦЫ, СЛИВЫ, ЛИМОНЫ, ИКРА, РЫЖИКИ, ГРУЗЬДИ

Все бы то стояло, непочатые и початые сосуды, в росоле да пригнетено дощечкою, да и каменемъ тяжелымъ, а огурцы и сливы, и лимоны в росоле же бы были, а огурцы решеточкою ж пригнетены подъ камешкомъ легонько, а плеснь всегды счищать и росоломъ дополнивати. А которой росолъ пахнетъ затхолы, и его сливать да свѣжимъ дополнивати, россоливъ. Да толко которой просолъ не в росоле стоитъ, ино верхней рядъ зниетъ, а не в береженье ино испортится: а то все в лѣте все засекати, а мясо по времени вывѣшивати, а и в рыбѣ только духъ появится, ино перемывъ вывѣшивать же. А которая рыба всякая и мясо солено на провѣсъ, и вывешивати под весну, и *какъ* выветрело, и есть поспѣло, ино от стропа збирати да

а нет колодца,— тогда вода бы была всегда, а летом и по комнатам вода бы стояла, не случилось бы вдруг пожара. Когда же избу или баню топить, вода заранее была бы припасена, на случай пожара.

62. КАК ПОДВОРНОЕ ТЯГЛО ПЛАТИТЬ, ИЛИ С ЛАВКИ ПОЗЕМ, ИЛИ С ДЕРЕВНИ ПОДАТЬ, И КАК ДОЛЖНИКАМ ВСЯКИЙ ДОЛГ ПЛАТИТЬ

А всякому человеку со своего подворья или с лавки позем, а с деревни и со всех угодий дани и пошлины и всякий оброк и разные государственные подати на себе не задерживать, не собирать в одно время сразу, а платить раньше срока: тогда ты и независим будешь, и за просрочку да за поручительство денег не платишь, и взяток не носишь, и сам не таскаешься. А кто в срок всяких оброков и всяких повинностей не платит и того избегает, две дани ему набежит — вот уж и вдвое ему платить. И так неразумные люди попадают в рабство, а в судах и в долгах до конца обнищают; кто же расплачивается, и управляется в срок, и всяких податей за собой не накапливает, и долгу за кем бессмысленного не водится, так тот человек всегда свободен живет, независимо, и в жизни ловко и после смерти детям оставит на поминки с наделом: двор со всяким припасом, или лавку с товаром, или деревню со всякой живностью, и никаких кабал, ни записей, ни порук, никаких повинностей, никаких податей — ни в чем не запутался. А случится кому денег занять бескабально, или в кабалу, или под заклад, или без процентов,— тогда оплатить бы в срок, и впредь добрые люди поверят; кто же в срок не платит или проценты заранее не оплачивает, тому наступит выплата с убытком и с позором, и впредь никто ему не поверит.

63. НАКАЗ КЛЮЧНИКУ, КАК В ПОГРЕБЕ ХРАНИТЬ ВСЯКИЕ ПРИПАСЫ СОЛЕНЫЕ И В БОЧКАХ, И В КАДКАХ, И В МЕРНИКАХ, И В ЧАНАХ, И В ВЕДЕРКАХ МЯСО, РЫБУ, КАПУСТУ, ОГУРЦЫ, СЛИВЫ, ЛИМОНЫ, ИКРУ, РЫЖИКИ, ГРУЗДИ

Все бы те непочатые и початые сосуды стояли с рассолом да пригнетены дощечкою и камнем тяжелым, а огурцы, и сливы, и лимоны также в рассоле бы были, огурцы же под решеточкой придавлены легонько камешком и плесень всегда счищать и доливать рассолом. Какой же рассол запахнет тухлостью, его сливать да свежим дополнять, подсолив. Ведь если что из засоленного не в рассоле стоит, то верхний ряд сгниет, а если еще в небреженье — то и испортится; а летом все это еще и льдом обложить, а сушеное мясо на время вывешивать; да и рыбу, лишь только запах появится, также, промыв, вывешивать. А если рыба любая и мясо соленое вялены, вывешивать их по весне, и как только обветрилось, значит, поспело, тогда со стропил собирать

переносити в сушило, да что пригоже, вѣшати, а иное в стопу класти; а рыба прутовая в рогожи вертетъ, а пласти по полице класти, а подпариваная в крошню, чтобы вѣтръ проходилъ: которая какъ пригоже, такъ дерьжати. А о всемъ о томъ, какъ беречи, в начале писано. А в житницах и в закромѣхъ, и в сушилех всякаго обилия пересматривати; притчею которою накапало или навяло, или сыро, или затлося, или поплесневело, или слеглося, ино то, рассыпавъ, на сонцѣ пересушивати или в печехъ, а что попортилося, ино то напередь ести и в заимъ давати и милостыню и нужнымъ, а толко много, ино упродастъ: а которой свѣжей, сухой, в береженье стоитъ, ино то вдаль блюсти. А питье всякое, и меды, и пива, и морсы, и вишьни в патокѣ, и яблока, и груши в патоке и в квасу, и брусничная вода по тому же, кои бочки в леду засѣчены, и тѣ *держати* вполне, а которое питье стоитъ не вполне, ино дополнивати и в леду засѣкати; а толко которое питье тронулося, окисло или поплесневело, ино то по малымъ судомъ растачивати, да то борзо изведет, а которое свѣжее — вдаль блюсти и вполне держати. И яблока, и груши, и вишни, и ягоды,— то бы было в росоле, а плѣснь счищать и, подсытивъ, доливать и что как пригоже; а на лѣдникѣ полное питье и ествуʼ к леду засѣкши держать, ино не портитца. А платье всякое и таваръ, которое в полатахъ и в клѣтехъ, и в *онбарехъ*, и в лавкахъ, и в сундукех, и в бочкахъ, и в коробьях, и верьхнее и нижьнее, и новое и ветчаное, дорогое и дешевое, и усчины и полотна,— того всего лѣте пересматривати и розвѣшивати, и пересушивати, и перетрясывати, а которое попортилося, того починить, и нового, и ветчаного, и опять по старому хорошо укъладывати, и держать то в суше и в покрыте, и за замкомъ. А сѣно толко накапало или навьяло, или сыро, или слеглося, или затхлося, ино его в вѣдреной день в солнечной и на вѣтръ выносить ис сѣнницы да просушить и перетрясть, да и опять в сенницу скласть; а в стогу толко слеглося или затхлося, по тому же розослать и перетрясть, и просушить, и опять хорошенько сметать, да толко таково ино продастъ или лошедми кармить, да то изводит кое попортилося, а много — ино продастъ, а кое доброе, ино дале блюсть, и в суше покласть и сѣнницы укрыти.

64. ПОСЛАНИЕ И НАКАЗАНИЕ ОТО ОТЦА К СЫНУ

Благословение от благовѣщеньскаго попа Селивестра возлюбленному моему единородно сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай отца своего назание, рождьшаго тя и воспитавшаго в добре наказании и в заповедехъ господнихъ, и състраху божию и божественому писанию изучену, и всякому закону християньскому, и промыслу доброму, во всякихъ торговлехъ и во всяких товарехъ наказану; и святительское благословение

да переносить в сушильню и что хорошее, то развесить, а прочее в кучу класть; а рыбу красную завернуть в рогожи, вяленую разложить по полкам, а пареную в корзины, но чтобы ветер обдувал: какую как нужно, так и хранить. А о том, как хранить, было уже написано. В житницах, и в закромах, и в сушильнях все запасы такие просматривать: по какой-то причине подмочило, или завяло, или сырое, или затхлое, или заплесневело, или слеглось, тогда, разложив все, на солнце пересушить или в печах, а что испортилось, то раньше съесть или взаймы давать и милостыню и нуждающимся, если же слишком много, то и продать; все же, что свежо, сухое и хорошо сохранилось, хранить и дальше. А напитки всякие: и меды, и пива, и морсы, и вишни в патоке, яблоки и груши в патоке и в квасу, и брусничная вода также,— если в бочках обложены льдом, так полными сохранить, а какие напитки стоят неполными, дополнить их до краев и в лед поставить; если же какое питье тронулось, скисло или заплесневело, так его по малым сосудам разливать и быстро пускать в дело, а какое посвежей — дальше хранить и держать полным. А яблоки, и груши, и вишни, и ягоды — все бы были в рассоле, а плесень счищать и, подсластив, доливать, что как нужно; да и на леднике питье и еду только полным, льдом обложив, хранить, тогда не испортится. А платье всякое и товар, какие в дому, и в клетях, и в амбарах, и в лавках, и в сундуках, и в бочках, и в коробах, и верхнее, и нижнее, и новое, и ветхое, дорогое и дешевое, и холсты, и полотна — летом все то просматривать, и развешивать, и пересушивать, и перетрясывать, а какое попортилось, то починить, и новое и ветхое снова по-прежнему укладывать и сохранять все в сухости и закрытым и под замком. Сено же, если оно намокло, или завяло, или отсырело, или слеглось, или затхлое, его в погожий день солнечный на воздух выносить из сеновала, да просушить, да перетрясти, а там и снова на сеновал сложить; если же в стогу сено слеглось или запрело, также рассыпать, и перетрясти, и просушить, и снова хорошенько сложить, можно его и продать и лошадей кормить; да раньше пусть то потребит, какое попорчено, а если такого много — то продаст, какое же сено доброе, то хранить дальше, сложить в сухом месте и сеновалы укрыть.

64. ПОСЛАНИЕ И НАСТАВЛЕНИЕ ОТ ОТЦА К СЫНУ

Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему и единственному сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое! Послушай наставление отца твоего, родившего тебя и воспитавшего в добром поучении и в заповедях божьих, и страху божьему и божественному писанию научившего, и всякому закону христианскому, и заботам добрым, во всяких торговлях и во всех товарах всему научившего; и святительское благословение

на себѣ имѣешь, и царское государево жалование и государыни царицы, и братии его, и всехъ болярь, и з добрыми людми водишися, и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть: все еси доброе получилъ и умѣи еси совершити о бозѣ. Яко же начато при нашемъ попечении, и по насъ тако же бы богъ соблюлъ по тому жити. И законному браку сочтах тебѣ у добру родителю благодарную дщерь, и благословилъ есми тобя всякою святынею и честными кресты, и святыми образы, и благословенынымъ стяжанием, яко же, мню, от праведныхъ трудовъ, а в невѣдании богъ правитель. И нынѣ убо, сыну Анфимъ, предаю тебѣ и поручаю, и оставляю создатели нашему доброму, блюстителю Исусу Христу и его матери, пречистыя богородица, и заступнице нашей, помощнице, и всемъ святымъ, яко же рече Писание: «Подщися дѣти оставити наказаны в заповедехъ господнихъ — лучше неправеднаго богатества: аще и в праведнемъ убожестве, неже бы въ неправеднем богатествѣ». И ты, чадо, блюдися неправеднаго имѣния, а твори добрая дѣла, имѣй, чада, великую вѣру к богу, всѣ упование возлогай на господа: никъто же, надѣяся на Христа, не погибнетъ! Прибѣгай всегды с вѣрою ко святымъ божиимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погреши и не пропивай павечерница и полунощница и часы в дому своемъ всегды по вся дни пѣти: то всякому християнину божии долгъ. Аще возможно, по времени прибавишь правила, на твоемъ произволении, болшую милость от бога обрящеши, а в церкви божии и дому на правиле и на всяком молении и самъ, и жену, и детей, и домочатцовъ стояти, со страхомъ богови молититися и со вниманиемъ слушати, отнюдъ в те поры ни о чемъ не бесѣдовати, ни обзиратися, разве ли кия нужда, а говорити правило келейное и церковное единогласно, чисто, а не вдвое; священнический чинъ и иноческий почитай: тѣ бо суть божии слуги, тѣми очищаемъся от грѣховъ, тѣ имѣют дерзновение молитися господу о гресѣхъ нашихъ и бога милостива сотворятъ. Повинуйся, чадо, отцу духовному и всякому священническому чину во всякомъ духовномъ наказании, а жена тако же; в домъ свой их призывай молитися о здравии за царя и государя и за царицу и чада ихъ, и за братию его, и за сьвещеннический чинъ и мнишеский, и за вся християне. И о своемъ согрѣшении и о своихъ домочадцевъ молебная совершай; и воду бы святили з животворящаго креста и со святыхъ мощей, и с *чудотворныхъ* образовъ. Аще болезьни ради за здрави и масломъ свящаютъ и в церквах божиих — тако же твори: приходи с милостынею и с приношениемъ за здравие и по родителехъ преставльшихъся память твори со всякою чистотою, и самъ воспомяновенъ будеши от бога. Церковников и нищих, и маломожныхъ, и бѣдных, и скорбныхъ, и странных пришелцовъ призывай в домъ свой и по силе накорми и напои и согрѣй, и милостыню давай от своихъ праведныхъ трудовъ

на себе несешь, и царское государя пожалование и государыни царицы, и братьев его, и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами в большой торговле и в дружбе состоишь: все блага получил, так умей и делать по-божески. Все это начато нашим попечением, но и после нас сохранил бы тебя бог так же жить. И законным браком сочетал тебя от добрых родителей благодарную дочь, и благословил я тебя всякой святыней, и честными крестами, и святыми образами, и благословенным имением, которые все, я уверен, достались праведными трудами, и подтвердит это бог направляющий. Но теперь, сын Анфим, передаю тебя и препоручаю и оставляю создателю нашему доброму, хранителю Иисусу Христу и его матери, пречистой богородице и заступнице нашей, помощнице, и всем святым, как сказано в Писании: «Позаботься детей оставить наставленными в заповедях господних — и это лучше неправедного богатства: краше быть в праведном убожестве, нежели в неправедном богатстве». И ты, чадо, тоже берегись неправедного богатства и твори добрые дела, имей, чадо, великую веру в бога, все надежды возлагай на господа: ибо никто, уповая на Христа, не погибнет! Всегда с верою обращайся к святым божьим церквам, заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не пропусти и не пропивай вечерней и ночной молитвы, и службы в доме твоем всегда бы и всякий день велись: для каждого христианина это долг перед богом. Если сможешь, со временем по своему желанию увеличишь службу и тем большую милость от бога получишь; а в церкви божьей и дома во время службы и во всяком молении и самому, и жене, и детям, и домочадцам стоять, со страхом богу молиться и со вниманием слушать и никогда в то время ни о чем не беседовать, не оглядываться, разве что очень нужно; службу келейную или церковную вести согласно и чисто, а не вразнобой; священников и монахов почитай: они ведь слуги божии, трудами их очищаемся от грехов, они имеют власть молиться господу о наших грехах и склоняют бога к милости. Повинуйся, чадо, и жена твоя также отцу духовному и любому священнику во всяком духовном наставлении; в дом свой приглашай их помолиться о здравии царя-государя и царицы, и детей их, и братьев его, и за священников, и за монахов, и за всех христиан. И о своих согрешениях и о согрешениях своих домочадцев молебны совершай; и воду бы святили с животворящего креста и со святых мощей и с чудотворных образов. Во здравие елеем освящают больного в церквах божьих — так же и ты поступай: приходи с милостыней и с дарами во здравие, и преставившихся родителей поминай во всей чистоте, и сам будешь помянут богом. Церковников, и нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и, как можешь, накорми, напои, и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо

и в дому и в торгу и на пути тою бо очищаются грѣси: тѣ бо ходатаи богу о гресѣхъ нашихъ. Имей, чада, истинную правду и любовь нелицемѣрную ко всемъ, не осужай никого ни в чемъ, свои грѣхи рассужай, како избыти ихъ; чево самъ не любишъ, того и другу не твори, и храни чистоту телесную паче всего, да наступи на совесть свою, яко же на лютаго врага и возненавиди, яко же милаго душетленнаго дъруга; хмелново пития, господа ради, отвѣрзи от себѣ, пияньство в семъ убо недуге, и вся злая ражаются обычаи от него. Аще от сего сохранитъ тя господь, вся благая и полезная от бога получиши, и от человекъ чесьтенъ будеши, и души своей просвѣтъ сотвориши на вся добрая дѣла. Воспомяни, чада, апостольское слово: не прельщайтеся — ни пьяница, ни блудникъ, ни прелюбодѣй, ни содомленинъ, ни тать, ни разбойникъ, ни клеветникъ, ни хищникъ царствия божия не наследятъ! Аще которою страстию побѣдился еси, чадо, или в которое грѣхопадение впал, о сѣмъ прибѣгни к богу с теплою вѣрою и ко отцу духовному з горкими слезами и плачися о грѣсех своихъ, и кайся истиннѣ, еже таковая не творити, и заповѣдъ отца духовънаго храни и епитемью держи: милостивъ господь праведныхъ любитъ, грѣшныхъ милуетъ, всехъ зовет ко спасению, и паки храни и блюди себе в християньскомъ жити праведномъ законе, удержи языкъ свои от зла и устне свои, еже не глаголати льсти, храни себе ото лжа и от похвалы, и от клеветы, и самъ ни в чемъ не величайся: уничижи себѣ паче всехъ человѣкъ — узриши славу божию. И всякого, чадо, не презри, во всякой нужи памятуй, чадо, како мы жихомъ вѣкъ, никто же изыдѣ от дому нашего тощь или скорбенъ, по силе вся потребная всякому человѣку бога ради давано и скорбново словомъ ползовано. Аще кому в чемъ возможно, и мы помогали бога ради, и ссужали всячески, а намъ невидимо Христосъ изобилно посылалъ милость свою, всяких благихъ. А не помыслихомъ никогда на зло никому, разьве недоразумия, а без лукавства. Чадо, люби мнишеский чинъ, и страннии пришелцы всегда бы в дому твоемъ питалися, и в монастыри с милостынею и с кормлею приходи и в темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силе давай. А домочадцовъ своихъ одевай и корми доволно, а жену свою люби и в законе живи по заповѣди господни: в неделю и в среду, и в пяток, и в празники господни и Великий постъ в чистоте пребывайте, в посте и молитве, и в покаянии и во всяких добродѣтелех, законъное жительство в славу богу и в жизнь вѣчную, а любодѣемъ и прелюбодеемъ судитъ богъ. Да самъ, чадо, что твориши, того жену учи, всякому страху божию и всякому вежьству и промыслу, и рукодѣлью, и всякому рукодѣлью и домашнему обиходу, и всякой порядне: умѣла бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умѣла, и всякое женьское рукоделье знала — коли сама все знаетъ и умѣет, ино умѣетъ и дѣтей и слуг всему научити и наряжати, и наказати во всемъ.

и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед богом за наши грехи. Имей, чадо, верную правду и любовь нелицеприятную ко всем, не осуждай никого ни в чем, о своих грехах поразмысли, как их избыть; чего сам не любишь, того и другому не делай, и сохраняй чистоту телесную пуще всего да наступи на совесть свою, как на лютого ворога, и возненавидь, как милого и погибельного друга; от хмельного питья, господа ради, откажись, ибо пьянство — болезнь и все плохие поступки им порождаются. Если от этого сохранит тебя господь, все благое и нужное от бога получишь, и будешь почтен и людьми, и душе своей путь отворишь на всякие добрые дела. Вспомни, чадо, апостольское слово: не надейтесь — ни пьяница, ни блудник, ни прелюбодей, ни содомлянин, ни вор, ни разбойник, ни клеветник, ни убийца царства божьего не наследует! И если какая страсть тебя покорила, чадо, или в грех какой впал, с тем обратись к богу в искренней вере и к отцу духовному с горькими слезами, и оплачь грехи свои, и кайся по правде, что больше не станешь такого творить, поучение же отца духовного соблюдай и епитимью исполни: милостивый господь праведных любит, грешных милует, всех призывает к спасенью; и больше всего сбереги и сохрани себя в праведном христианском законе, удержи язык свой от злого и уста свои, чтобы не извергали лжи, храни себя от обмана, от похвальбы и от клеветы и сам ни в чем не заносись: унизь себя пуще всех людей — сподобишься славы божьей. Никого же, чадо, не презирай и во всякой нужде помни, как мы прожили век, никто не вышел из дома нашего голоден или печален, как могли, все нужное каждому человеку бога ради давали и печального словом вылечивали. Кому как можно, мы помогали бога ради и ссужали, как могли, и Христос нам невидимо в обилии посылал свою милость, всякие блага. И не помыслили мы никогда никому во зло, разве что по недомыслию, но без лукавства. Чадо, почитай монахов, и странники в доме твоем всегда бы кормились, также и в монастыри с милостыней и с кормом приходи, и заключенных в темницах, и убогих, и больных посещай, и милостыню посильно давай. И домочадцев своих одевай и корми в достатке, и жену свою люби, и в законе живи по заповеди господней: в воскресенье, и в среду, и в пятницу, и по праздникам господним, и в Великий пост любви избегайте, живя добродетельно в посте, и в молитве, и в покаянии; жизнь по закону — во славу бога и ради вечного царства, а любодеев и прелюбодеев осудит бог. Что сам, чадо, делаешь, тому и жену учи, всякому страху божью, разному знанию, и ремеслу, и рукоделью, всяким делам, и домашнему обиходу, и всем порядкам: сама бы умела и печь, и варить, и любое дело домашнее знала, и всякое женское рукоделье умела,— когда сама все знает и умеет, сможет и детей и слуг всему научить, ко всему пристроить и наставить во всем.

И сама бы хмелново питья отнюд не любила, и дѣти и слуги у ней того не любили же, а всегда бы жена без рукодѣлия сама ни на часъ не была, разве немощи, а слуги у ней тако же. А в гостех будет или у ней гости, отнюд бы сама пьяна не была, а з гостьями бѣседа бы была о рукодѣльи и о домашней порядне, и о законномъ християньскомъ житии, а не пересмѣивайся и не переговаривала бы ни о комъ ничево; в гостехъ и в дому пѣсней бесовскихъ и всякого срамословия и блядивых речей и блудных пословицъ сама и слуги не говорила и не творила бы, того ни у кого бы не слушала, и волъхвовъ, и кудесниковъ, и всякого чарования не знала бы и в домы не пушали ни мужиковъ, ни женокъ. Аще не внимает сего, всячески наказуй страхомъ и спасая, а не гневайся на жену, а жена на тебѣ. Наказуй наедине, да наказавъ примолви и жалуй и люби ея, тако же и дѣтей и домочатцовъ своихъ учи страху божию и всякимъ добрымъ дѣломъ, понеже тебѣ о нихъ отвѣть дати въ день Страшного суда. Аще по нашему наказанию и по сему писанию учнете жити, велию благодать от бога обрящете и жизнь вѣчную наслѣдите и з домочатцы своими.

Да держися, чадо, добрыхъ людей во всяких чинехъ, и ревнуй добрымъ дѣлом, вънимай словеса добрые и твори я. Почитай часто божестьвеное писание и влагай въ сердце себѣ на ползу. Видѣлъ еси, чадо, како в житии семъ жихом во всякомъ благоговении и сътрасѣ божии и в простотѣ сердца и церковномъ прилежании со сътрахомъ, и божественнымъ писаниемъ ползуючися всегда, и како были божиею милостию от всѣхъ почитаемъ и всеми любимъ и всякому и в потребныхъ унировилъ и рукоделиемъ и службою и покорениемъ, а не гордынею, ни прекословиемъ не осужахъ никого, не просмѣивалъ, ни укаривалъ никого, ни бранивался ни с кѣмъ, и пришла от кого обида, и мы бога ради терьпѣли и на себя вину полагали, и тѣмъ враги други быша. И аще которою виною душевною или телесною согрѣшихъ пред богомъ и предо всѣми человеки, и вскорь о томъ плакахся к богу грѣха своего, и у отца своего духовнаго каяхся со слезами и умилне прощения прося, и заповеди его духовныя с любовию храняхъ, яко же повелитъ ми. И аще кто мя въ моемъ прегрѣшении или въ каковѣ невежьствѣ обличитъ, или кто духовне накажетъ или кто в посмѣхъ поноситъ мя и укоряетъ,— вся сия с любовию примах и себѣ внимах, аще по дѣлом о всемъ о семъ каяхся и от таковых дѣлъ удаляхся богу поспешествующу ми. Аще что и не повинно и не по делу молва или поношение, или посмѣхъ каковъ или укоризна, или ударение,— во всемъ в томъ винихся и не оправдахъся пред человеки, богъ сие праведнымъ своимъ милосердиемъ исправит. Воспоминахъ Еуаггельское слово: «Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущая вы, молите за творящая вамъ пакости, изгонящая вы, биющему тя в ланиту обрати ему и другую

И сама бы хмельного питья никогда не любила, и дети и слуги у нее того не любили бы тоже, и никогда бы жена без рукоделья ни сама ни на час не оставалась, разве что заболеет, и слуги ее также. Если же в гости пойдет или у ней гости, никогда бы сама пьяна не была, а с гостьями беседовала о рукоделье, и о домашнем хозяйстве, и о праведном христианском житии, а не насмешничала бы и не болтала ни с кем ничего; в гостях и дома песен бесовских, и всякого сквернословия, и блудливых речей, и грубых слов сама бы не произносила и того ни от кого бы не слушала и слуги ее также; и волхвов, и кудесников, и всяких заговоров не знала бы и в дом не пускала бы ни мужиков-колдунов, ни женок. Если же не понимает этого, сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена — на тебя. Поучай наедине, да, поучив, успокой, и пожалей, и приласкай ее, также и детей и домочадцев своих учи страху божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного суда. Если станете жить по нашему поучению и по этому написанию, великую благодать от бога получите и вечной жизни удостоитесь с домочадцами своими.

А еще держись, чадо, добрых людей всех чинов и званий и добрым делам подражай, внимай хорошим словам и исполни их. Почаще читай божественное писание и вложи его в сердце свое на пользу себе. Видел и сам, чадо, как в жизни этой жили мы во всяком благоговении и в страхе божьем, и в простоте сердца, и в страхе и уважении к церкви, пользуясь всегда божественным писанием, и как были по божьей милости всеми мы почитаемы и всеми любимы, всякому в нужном угодил я и делом, и служением, и покорством, а не гордыней, порочащим словом не осуждал никого, не насмехался, не укорял никого, не бранился ни с кем, а пришла от кого обида — мы бога ради терпели и винили себя, и потому становились враги друзьями. А если какою виною душевной или телесной согрешил я пред богом и перед людьми, тотчас о том я винился пред богом за грех свой и отцу своему духовному каялся, со слезами и с сокрушением прося прощения, духовные его наставления с признательностью исполнял, что бы он ни повелел. И если кто в моем прегрешении или в каком невежестве меня уличит, или кто духовно наставит, или кто с насмешкой поносит меня и укоряет,— так все благодарно я принимал, если то было правдой, и каялся в том, и от дел таковых удалялся, если бог помогал мне. Если в чем и не повинен и не справедлива молва и брань, или насмешка какая, или укоризна, или удары,— все равно я во всем повинился, не оправдываясь перед людьми, и праведным своим милосердием бог восстановит правду. Вспоминал я слова Евангелия: «Любите врагов ваших, делайте добро ненавидящим вас, благословите клянущих вас, молитесь за творящих вам пакости, вас изгоняющих, ударяющему тебя по щеке подставь и вторую щеку,

и от взимающаго ти ризу и срачицу не возбрани, и всякому просящему у тебе дай, от взимающаго твое не истязуй, аще кто тя пойметъ поприще едино — иди с нимъ и двѣ», и паки еще воспоминая причастную молитву: «Господи, даждь ми милость ненавидящимъ мя и враждующимъ ми и поношающимъ ми, такоже и оклеветающимъ мя, да никто же никако же от нихъ мене ради, нечистаго и грѣшнаго, зло нѣкако постражетъ ни в нынѣшнемъ, ни в будущемъ вѣце, но очисти ихъ милостию своею и покрый ихъ благодатию своею, благий!» Тѣмъ всегда утешах себѣ, не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣния от юности своея и до сего въремени, кромѣ немощи; ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печална никогда же презрѣхъ, кроме невидения, и в темницы болна и пьленена, и из работы должьна, и во всякихъ нужах по силе окупихъ, и гладных по силе кормих, работныхъ своих всѣхъ свободихъ и надѣлихъ и, ины окупихъ из работы и на свободу попущахъ, и всѣ тѣ роботые наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молят за ны бога и доброхотают намъ всегда. А кто забылъ насъ — богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны живутъ у нас по своей воли, виделъ еси, чадо мое, многихъ пустошныхъ, сиротъ и работныхъ, и убогихъ, мужеска полу и женьска, и в Новѣ городѣ и здѣ, на Москвѣ, вскормихъ и вспоих до совершена возраста, изучихъ, хто чево достоинъ, многихъ грамотѣ и писати и пѣти, иныхъ иконного писма, инѣхъ книжного рукодѣлия, овѣхъ серебреново *мастерства*, и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлей, а иныхъ всякими многими торговли изучих торговать. А мати твоя многие девицы и вдовы пусътошные и убогие воспитала в добре наказании, изучила рукодѣлию и всякому домашнему обиходу и, надѣливъ, замужь давала, а мужеский полъ поженили у добрыхъ людей, и всѣ тѣ, далъ бог, свободны, своими добрымъ домами живутъ, многи во священническомъ и во дьяконьскомъ чину, и в дьяцѣхъ, и в подьячихъ, и во всякихъ чинехъ: кто чево дородился и в чемъ кому благоволилъ богъ быти — овии рукодѣльничают всякими промыслы, а многия торгуютъ в лавках, мнози и гоздьбы дѣют в различныхъ земляхъ всяки торговлями. А божиею милостию во всѣхъ тѣхъ наших скормленикехъ и послуживцех ни соромота, ни убытокъ, никакая продажа от людей, ни людемъ от насъ, ни тяжа ни с кемъ не бывала: во всемъ богъ соблюлъ по ся мѣста. А от кого намъ, от своих скормлениковъ, досада и убытъки многи и велики бывали, ино то все на сѣбѣ понесено, нихто того не слыхалъ, а намъ то бог исполнилъ. И ты, чадо, тому же ревнуй и тако твори: на себѣ всякую обиду понеси и претерпи, богъ сугубо исполнитъ. Не познахъ другия жены, разве матери твоея; еже с нею обѣщахове, то и сотворих. О бозѣ, соверши, Христе, християньски скончати животъ свой в заповедехъ твоихъ! Живи, чадо, по християнскому закону во всякихъ обычаехъ без лукавства

и не препятствуй отнимающему у тебя одежду твою и сорочку, и каждому, просящему у тебя, подай, у отнимающего твое не востребуй, а если кто попросит тебя пройти один переход,— пройди с ним два», и припоминая при том и молитву у причастия: «Господи мой, дай ты милость ненавидящим меня, и враждующим со мною, и поносящим меня, также и клевещущим на меня, пусть никто никогда из них из-за меня, нечистого и грешного, от зла не пострадает ни в нынешнем, ни в будущем веке, но очисть их милостью своею и покрой их благодатью своею, всеблагий!» И тем всегда утешал я себя, что не погрешил никогда против церковной службы от юных лет и до сего времени, разве что был болен, ни нищего, ни убогого, ни странника, ни скорбного, ни печального никогда не презрел я, разве когда по неведению, и из темниц больных и пленных, и должников из рабства, и во всякой нужде людей по силе своей выкупал я, и голодных, как мог, кормил, рабов своих всех освободил я и наделил их, а иных и из рабства выкупил и на свободу пустил я, и все те наши рабы свободны, богатыми домами живут, как ты видишь, и молят за нас бога, и всегда нам содействуют. А кто и забыл нас — бог его простит во всем. А теперь домочадцы наши живут все свободны у нас в своей воле, видел ты сам, чадо мое, многих ничтожных сирот, и рабов, и убогих, мужского полу и женского, и в Новгороде, и здесь, в Москве, вскормил и вспоил я до зрелости, обучил, кто чему достоин, многих и грамоте, и писать, и петь, которых иконному письму, а каких и книжному искусству, тех серебряному делу и прочим всем многим ремеслам, а кого разной торговлей обучил заниматься. А мать твоя воспитала в добром наставлении многих девиц и вдов, ничтожных и убогих, обучила рукоделию и разному домашнему обиходу и, наделив приданым, выдала замуж, а мужчин поженили у добрых людей,— и все те, дал бог, свободны, живут состоятельно, многие в священническом и дьяконском чине, и в дьяках, и в подьячих, и во всяких чинах: кто во что уродился и в чем кому благоволил бог быть,— те занимаются разными ремеслами, а многие торгуют в лавках, многие и в купечестве в различных землях ведут торговлю. И божьею милостью у всех тех наших вскормленников и иждивенцев ни позор, ни убыток, ни денежной пени от людей, ни людям от нас, ни тяжб ни с кем не бывало: во всем бог сберег до сих пор. А от кого нам, от наших вскормленников, досада и убытки многие и большие бывали, так то все мы сами снесли, никто о том и не слыхивал, а нас за то бог наградил. И ты, чадо, тому же подражай и так поступай: всякую обиду в себе пронеси и перетерпи, и бог вдвойне наградит. Не познал я другой жены, кроме матери твоей; как дал ей слово, так и исполнил. О боже, Христе, удостой закончить жизнь свою по-христиански в заповедях твоих! Живи, чадо, по христианскому закону во всех делах без лукавства

и безо всякия хитрости ко всемъ, а не всякому духу вѣруй, доброму ревнуй, лукавыхъ и законопреступных во всякихъ обычаех отнюдъ не люби. А законной бракъ со всякимъ опасениемъ храни до коньчины живота своего, чистоту телесную храни, кромѣ жены своей не знай никого, и пьяньственаго недуга такоже *берегися:* в дву сихъ главизнах вся злая сводятся, до ада преисподняго: и домъ пустъ — имению тщета, и от бога не помилованъ будетъ, и от людей безчестенъ и посмѣянъ, и укоренъ, и от родителю прокълятъ. Аще, чадо, тебя от сего зъла господь сохранит, законъ сохраниши по заповеди господни, и от хмелного питья воздержися, и во всяких добродѣтелех поживеши, яко же есть богобоязнивии люди, и ты от бога помилованъ будеши, а от людей честенъ. И исполнит господь домъ твой всякою благодатию. И еще воспомянути: гостей приезжихъ у себя корми, а на сусѣдстве и з знаемыми любовно живи, о хлебѣ и о соли и о доброй здѣлке и о всякой ссудѣ. А поедешь куды в гости — поминки не дороги, вози за любовь, а в пути от стола есть подавай домовнымъ государем и приходящимъ и ихъ с собою сажай за столъ и питейца такоже подавай. А маломожнымъ милостыню давай. Аще сия твориши, то везде тебя ждутъ и стречаютъ, а в путь провожаютъ — от всякого лиха берегутъ: на стану не покрадутъ, а на дороге не розобьютъ, того ради кормят добраго до добро, а лихова от лиха, тот ся на добро обратит, во всемъ в томъ убытка нетъ в добрых людехъ. Хлѣбъ соль — заемное дѣло, а поминъки такоже, а дружба въ вѣкъ, а слава добрая. А на дороге и в пиру и в торговле отнюдъ самъ брани не зачни, а кто излает — терпи бога ради, а от брани уклонися: добродѣтель злобу преодолеваетъ. Господь бо гордымъ противится, смирена богъ любит, а покореному богъ благодать даетъ. Аще людемъ твоимъ лучитца с кѣмъ брань гдѣ ни будь, и ты на своихъ брани, а кручиновато дѣло — и ты и ударь, хоти и твой правъ: тѣмъ брань утолиши, такоже убытокъ и вражда не будетъ. Да еще недруга напоити и накормити хлѣбомъ да солью, ино вместо вражды дружба. Воспоминай, сыну, великое божие милосердие к намъ и заступление от юности и до сего времени. На поруку не давалъ никого, ни меня не давывалъ никто во всякихъ вещех, и на судѣ не бывалъ ни с кемъ, ни искивалъ, ни отвечивалъ. А видѣлъ еси сам, в рукодѣяхъ и во многих бо всякихъ вѣщех мастеровъ всякихъ было много: иконники, книжные писцы, *серебреные* мастеры, кузнецы и плотники и каменьщики, и всякие и кирпищики, и *стеньщики,* и всякие рукодѣлники; денги имъ даваны на рукодѣлье напередь по рублю и по два, и по три, и по пѣти, и по десяти, и болши; а многи были чмуты и бражники, и со всѣми тѣми мастеры в сорокъ лѣтъ, далъ богъ, разлезеноси без остуды и бес пристава и безо всякия кручины, все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьеме, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпениемъ. А самъ у кого што купливаль,

и без всякой хитрости во всем, да не всякому духу верь, доброму подражай, лукавых и закон преступающих во всяких делах отнюдь не привечай. Законный же брак со всей осторожностью соблюдай до конца своей жизни, чистоту телесную сохрани, кроме жены своей, не знай никого и также пьянственного недуга берегись: в тех двух причинах все зло заводится вплоть до преисподнего ада: и дом пуст — богатству разорение, и богом не будет помилован, и людьми обесчещен, высмеян и унижен, родителями же проклят. Если, чадо, тебя от такого зла господь сохранит, закон соблюдешь по заповеди господней, и от хмельного питья воздержишься, и добродетельно проживешь, как все богобоязненные люди, тогда ты помилован будешь богом и почтен людьми. И наполнит господь дом твой всякою благодатью. И еще напомнить: гостей приезжих у себя корми, а с соседями и со знакомыми пребывай в дружбе, и в хлебе, и в соли, и в доброй сделке, и во всяком займе. А поедешь куда в гости — подарки недороги вези за дружбу; а в пути от стола своего есть давай домашним твоим и приходящим, и их с собою сажай за стол, и питье им также подавай. А маломощным милостыню подавай. И если так поступаешь, то везде тебя ждут и встречают, а в путь провожают — от всякого лиха берегут: на стоянке не обкрадут, а на дороге не убьют, потому-то и кормят доброго ради добра, а лихого от лиха, но если и это на добро во всем обратится, в том убытка нет добрым людям. Хлеб-соль — взаимное дело, да и подарки также, а дружба навек, да и слава добрая. А ни в пути, ни в пиру, ни в торговле сам никогда браниться не начинай, и кто излает — стерпи бога ради, но уклонись от брани: добродетель побеждает злонравие, злобу преодолевает, ибо господь гордым противится, смиренных любит, а покорному дает благодать. Если же людям твоим случится с кем переругаться, так ты своих побрани, а крутое дело — так ты и ударь, хотя бы прав был твой: тем брань успокоишь, да к тому же убытка и вражды не будет. Да еще вот недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба. Вспоминай, сынок, великое милосердие божие к нам и заступничество с юности и до сего времени. На поруки не брал никого, но и меня не брал никто ни в каких делах и на суде не бывал ни с кем, ни в истцах, ни в ответчиках. А видел ты сам, в ремеслах во многих разных дел мастеров много бывало всяких: иконники, переписчики книг, серебряные мастера, кузнецы, и плотники, и каменщики разные, и кирпичники, и строители крепостей, и всякие мастера; деньги даны им на ремесло наперед по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше; хоть многие были мошенниками и бражниками, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал бог, обошлись без клеветы, и без судебного пристава, и без всякой кручины, все, что было, улажено хлебом, да солью, да питьем, да подарком и всякою добродетелью, да терпеньем своим. Если же сам у кого что купливал,

ино ему от мене милая розласка, без волокиды платежь, да еще хлѣбъ да соль сверхъ, ино дружба в вѣкъ, ино всегда мимо мене не продастъ и худого товару не дастъ, и у всего не доимет. А кому што продавывалъ, все в любовь, а не в оманъ; не полюбит хто моего товару, и азъ назадъ возму, а денги отдам. А о купли и о продажи ни с кемъ брань и тяжба не бывала, ино добрые люди во всѣмъ вѣрили, и здѣ, и иноземцы — никому ни в чемъ не сьлыгивано, не манено, ни пересрочено, ни в рукодѣльи, ни в торговли, ни кабалы, ни записи на себя ни в чемъ не давывалъ, а ложь никому ни в чемъ не бывала. А виделъ еси самъ, какие великие сплетъки со многими людьми были, да все, далъ богъ, безъ вражды коньчалося. А ведаешъ и самъ, что не богатествомъ жито з добрыми людми, правдою да ласкою, да любовию, а не гордостию, и безо всякия лжи. Чадо мое любимое, Анфимъ, еже тя поучахъ и всячески наказывахъ о всякомъ добродѣтелномъ и богодухновенномъ житии, и грубое сие писание худаго моего учения предахъ ти, молю тя, чадо, господа ради и пречистой богородицы и великихъ чюдотворьцевъ, почитай себѣ с любовию и со вниманиемъ и напиши на сердцы своемъ и, прося у бога милости и помощи, и разума, и крѣпости, и вся предиреченная с любовию и дѣломъ, тако же по сему писанию и жену поучай и наказуй, такоже и детей своихъ и домочадцовъ всехъ учи страху божию и добродѣтелному житию. И аще самъ вся сия твориши, и жену и детей, и рабъ, и рабынь, и всехъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ научиши, и домъ свой добре устроиши, вся благая от бога *обрящеши*, и жизнь вѣчную наслѣдиши со всеми одержимыми тобою. Аще, сыну, моего моления и поучения не внемлеши, и по сему писанию не учнеши жити, яко же и прочии добрые люди и боязнивии мужие, и отца духовнаго заповеди не учнешъ хранити и от богодухновенныхъ мужей не пользуешися поучениемъ и почитанием святаго Писания и християньскаго праведнаго закона не храниши, и о домочатцѣхъ своих не радиши, и язъ твоему грѣху не причастенъ, самъ о себѣ и о домочатцехъ своих и о жене отвѣтъ даси в день Страшнаго суда. Аще, чадо мое, возлюбленное, и малые сия *заповеди* худаго моего учения сохраниши, и по нашему пути поидеши, и словесъ моихъ послушаеши, и дѣломъ творити начнеши, и будеши сынъ свѣту и наслѣдникъ небесному царствию, и будетъ на тебѣ милость божия и пречистыя богородицы и заступницы нашея, и великихъ чюдотворьцевъ Николы, Петра, Алексѣя и Сергия, и Никона, и Кирила и Варлама, и Александра, и всѣхъ святыхъ, и родительская молитва, и мое вѣчное на тебѣ благословение отнынѣ и до вѣка, и благословляю тебя, чада своего, и прощаю в сѣмъ и в будущемъ и буди на тебѣ милость божия, и на женѣ твоей и на чадехъ твоихъ, и на всѣхъ вашихъ доброхотавъ отнынѣ и до вѣка.

так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман; кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам. Ни в купле, ни в продаже ни с кем ни тяжба, ни брань не бывали, так что добрые люди во всем мне верили, и здешние, и иноземцы — никому и ни в чем не солгано, не обмануто, не просрочено; ни в ремесле, ни в торговле, ни кабалы, ни записи на себя ни на чем я не давал, и лжи ни в чем не бывало. Видел и сам ты, какие большие ссоры со многими были людьми, да все, дал бог, без вражды кончалось. А ведаешь и сам, что не богатством жили мы с добрыми людьми,— правдой, да лаской, да любовью, а не гордостью, и без всякой лжи. Чадо мое любимое, Анфим, а в том, что тебя наставлял я и всяким путем поучал добродетельному и богополезному житию и что неумелое это писание худого моего поучения тебе передал, так молю тебя, чадо, господа ради и пречистой богородицы и великих чудотворцев, прочти ты его с любовью и со вниманием и запиши его в сердце своем и, прося у бога милости, и помощи, и разума, и крепости, и всего, уже именованного, по этому же написанию с любовью и делом, так и жену поучай и наставляй и детей своих и домочадцев всех учи страху божию и добродетельному житию. А если и сам так поступаешь, и научишь жену и детей, и рабов и рабынь, и всех ближних своих и знакомых, и дом свой хорошо устроишь, благость у бога найдешь и вечную жизнь получишь со всеми, кто тебя окружает. Но если, сынок, моего моления и наставления не примешь, и по этому написанию жить не станешь, подобно другим добрым людям и богобоязненным мужам, и заповеди отца духовного не станешь соблюдать, и не воспользуешься поучением одухотворенных богом мужей и чтением святого Писания, и христианскому праведному закону не последуешь, и о домочадцах своих не порадеешь, то я твоему греху не причастен, сам о себе, и о домочадцах своих, и о жене дашь ответ в день Страшного суда. Если, чадо мое возлюбленное, хоть редкие заповеди этого моего простого наставления соблюдешь и делом их оправдаешь, то будешь сын света и наследник небесного царства, и снизойдет на тебя милость божия и пречистой богородицы и заступницы нашей, и великих чудотворцев Николая, Петра, Алексия и Сергия, и Никона, и Кирилла, и Варлаама, и Александра, и всех святых, и молитва родителей, и мое вечное тебе благословение отныне и во веки веков, и благословляю тебя, чадо мое, и прощаю в сем веке и в будущем, пусть будет на тебе милость божия, и на жене твоей, и на детях твоих, и на всех твоих людях отныне и во веки веков.

Чадо мое единородное и любимое, Анфимъ, произволилъ богъ и благочестивый и православный царь государь, велѣлъ послужити тебѣ в своей царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ, и нынѣ молю тя, чадо, и со слезами глаголю: «Господи ради памятуй царское наказание, прося у бога помощи и разума от всея душа и от всего помышления, служи вѣрою да правдою безо всякия хитрости и безо всякаго лукавства во всемъ государьскомъ; другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людемъ ни въ чемъ не была, всякого отдѣлай с любовию без брани; а не поспѣется, и ты добрым словомъ отвѣщай и, присрочивъ, не изволоча отпусти; а въ торговли прямую розласъку чини, душевредная бы тьвоя служба не была государю ни в чемъ, а самъ благословленымъ государьскимъ урокомъ сыт буди, и все бы у тебя государьское было всегда въ счете и в смѣте, и в писмѣ, и приходъ, и расходъ, и к казначеемъ буди послушенъ, а с товарищами совѣтенъ, а к подьячимъ и мастеромъ и к сторожемъ грозенъ и любовенъ, и ко всякимъ людемъ приветенъ; а побѣдныхъ и скорбныхъ, и нужных, и полонениковъ отнюдъ без волокиды управъ и от собя по силе накорми и напои, и милостыню дай, по человѣку смотря; а случится судъ, всякаму человеку, богату и убогу, другу и недругу, аще свое дѣло истинно и праведно, без волокиды и безо всякия хитрости соверши, по Еуаггельскому словеси: «Не на лица судите сынове человечестии, но праведенъ судъ судите: имъ же судите судомъ, судится вамъ, и в ню же мѣру мѣрите, возмѣрится».

Слава свѣршителю богу нынѣ и в вѣкъ вѣка, аминь.

Чадо мое единственное и любимое, Анфим, соизволил бог — и благочестивый православный царь-государь велел послужить тебе в своей царской казне у таможенных дел, и теперь говорю тебе, чадо, и со слезами молю: «Господа ради помни царское наставление, прося у бога помощи и смысла от всей души и от всего помышления, служи верою и правдою без всякой хитрости и без всякого лукавства в любом государственном деле; с другом не дружи, недругу не мсти, и волокита бы людям ни в чем не была, всякого обслужи с любовью и без брани; а не удастся дело, так ты добрым словом ответствуй, а срок пропустив, без проволочки отправь; а в торговле поступай обходительно, душевредной служба твоя не была бы государю ни в чем, сам же сыт будь благословенным царским жалованьем, и все хозяйское у тебя было б всегда на счету и на заметке, в записи и приход и расход, казначеям будь послушен, а с товарищами согласен, с подьячими, и мастерами, и сторожами будь строг, и дружелюбен, и с любым человеком приветлив, а бедных, и печальных, и нуждающихся, и пленных всегда без волокиты разбери, и от себя по возможности накорми и напои, и милостыню дай, по человеку смотря; а случится суд, всякому человеку, богатому и убогому, другу и недругу, если дело его истинно и праведно, без волокиты и без всякой хитрости его заверши, по словам Евангелия: «Не по лицам судите сынов человеческих, но праведный суд судите, каким судите судом, таким и судится вам, и какою мерою мерится, такой и воздастся».

Слава свершителю богу ныне и во веки веков, аминь.

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

ЧИНЪ СВАДЕБНОЙ

Какъ бывает зговоръ, приѣдет жених с своими свойственными к тестю на двор в чистом платье, а с ним бывает отец или брат старѣший, наперед жениха ходит один, а иные по нем. И встрѣча бывает у коня и на крылцѣ и в сѣнях, стречает тесть, и садятся по чину за столом: которые приѣдутъ с женихом — в лавке, а тутошние — в скамье. И тесть понесет вина красные в кубках, а в тѣ поры начнет говорити хто приѣхалъ съ женихом, отець или старѣйший брат, назвав благочинно тестя имянем: «Время нам начати дѣло говорити, о чем съѣхалися». И тесть велитъ священнику достойно говорити, и воспоминает праотець Авраама и Сарру, Иокима и Анну, и царя Константина и Елену. И благословивъ ту священник крестом, начнутъ говорити и писати записи зарядные, и рядную договорився, в сколки за ряд и сколко приданого, и приложив руки, и свершив записи, говорит священникъ: «О тебе радуется...» И взявъ кои же свою запись, и емлют по сосуду меду, и меж собя здороваются и записи разнимают.

А дары в тѣ поры держатъ: тесть дарит зятя, первое благословение — образ, кубокъ или ковшъ, бархат, камка, сорокъ соболей. А являет дары кому поволитъ тесть, и потомъ цѣлуются, и чаши пьют, и всѣ здороваютъ: первое — жениху, а после тестю. Да идут в другие хоромы к тещи, а съ нею боярыни, и теща спрашивает отца женихова о здоровье, и цѣлуется с ширинкою, да и с женихом, и со всѣми по тому же, да и боярыни.

А невѣста тут не бывает, а в середних обычаех и невѣсты бывают туто, стоят подлѣ матерей, а не целуется. И выходят вскорѣ и пируют прохладно, а стола не бывает.

А на завтрѣ или по времени, какъ изволят, приѣжжает к тещи мати женихова и смотрит невѣсты, и тут ея дарят

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

Когда происходит сговор, приедет жених со своими родственниками к тестю во двор в нарядной одежде, а с ним должен быть отец или брат старший, и этот первым входит один, а остальные после. Встреча же происходит у коня, или на крыльце, или в сенях, встречает тесть, а затем садятся по чинам за стол: какие приехали с женихом — на лавке, а здешние — на скамье. И когда тесть поднесет ви́на лучшие в кубках, станет тогда говорить тот, кто приехал с женихом, отец или старший брат, назвав, по приличию, тестя полным именем: «Время нам начать дело говорить, зачем съехались». И тесть велит священнику подобающее говорить, и тот вспоминает праотцев Авраама и Сарру, Иоакима и Анну, и царя Константина и Елену. И как благословит тут священник крестом, станут говорить и писать записи договорные и рядную грамоту, условясь, и сколько за договор и сколько приданого, а как подпишут и закончат записи, скажет священник: «О тебе радуется...» И, сделав свои записи, все берут по чаше меду и друг друга поздравляют и грамоты разбирают.

И тогда же дары подносят: тесть одаривает зятя первым благословением — образом, кубком или ковшом, бархатом, камкой, сороко́м соболей. А подносит дары тот, кому повелел тесть, и потом целуются и чаши пьют, и все поздравляют: сначала — жениха, а потом и тестя. Да пройдут и в другие комнаты к теще и к ее боярыням, и теща спрашивает отца женихова о здоровье и целуется через платок с ним и с женихом, да и со всеми так же, и боярыни тоже.

А невесты тут не должно быть, у простых же в обычае и невесте быть тут; стоят они подле матерей, но не целуются, и вскоре удаляются. И пируют все с удовольствием, но стола — не бывает.

А назавтра или по некотором времени, как договорятся, приезжает к теще мать жениха и смотрит невесту, и тут ее одаривают

камками и соболми, а она дастъ невѣсте один перстень да на завтрѣе пришлет крестъ или панагию да овощи с боярынею. И тое боярыню дарят обышной убрусъ да волосникъ.

А как приговорят день быти сводбѣ, наканунѣ роспишут, и пошлет женихъ к тестю роспись, кто во отцово мѣсто и в материно, и хто сѣдячих бояръ и боярын, и хто тысяцкой и поѣжжан, и друшка, и сваха. А тесть пошлет к жениху, кто сѣдячих бояръ и боярын, и дружка и сваха, и кто которые стороны, тѣ тут и съѣжжаются, прибирают наряды, лошади, а невѣсту положат за завѣсом на постелки.

А как приспѣет день, то съѣдутся на обѣ стороны, гдѣ кто учинен к столу. А столы бываютъ порознь, боярыни — себѣ, а жених и невѣста не вкушают. У жениха говорятъ каноны, а у невѣсты также. И как время приспѣет, пошлют от тестя к жениху старишего слугу сказати, что друшка и сваха ѣдутъ с постелею: «Велите указати сенникъ и к которому мѣсту приѣхати» — а по обычному потклѣтъ. И ему укажут, и онъ, осмотривъ, х которому мѣсту приѣхати, и то скажет.

И друшка поѣдет в золотѣ, а перед нимъ человекъ 5 или 6 на конях в золотѣ, да у коня около его человекъ с 10 в чистом платье пѣших. А за друшкою повезут постелю, в санях в налцевских и лѣтом, зголовьем к облуку, покрыто одѣяломъ. А в санях два санника сивых, а около саней люди боярские в чистом платье, а за облуком постелничей станет человекъ старѣйшей в золотѣ, держит образъ.

А за постелею поѣдет сваха в нарядѣ, а нарядъ бы был лѣтник желтъ, шубка червчата, в убрусѣ и в бобровом ожерельѣ. Будет зимою — ино в каптыре, в санях в налцевских же сядет одна.

И как приѣдут ко двору, и конные люди с лошадей сойдут долой, и пойдут перед друшкою на дворъ по два в золотѣ, а друшка приѣдетъ на дворъ на лошадѣ и не доѣхавъ лѣстницы, с лошади сойдет и дождется постели. Какъ с постелью приѣдут к лѣснице, и друшка жениховъ встрѣтит и людем жениховым велит взяти постелю. И они, многими людми приступяся къ санем, тѣх людей отеснятъ и возмут постелю из саней на коврѣ и понесут на головах.

А боярские боярыни стрѣтят сваху у саней в лѣтниках да в шубках, сваха с тѣми пойдетъ за постелею послѣ образа. А на нижном крылце стрѣчает сваха женихова, а за нею боярыни ж боярские в шубках же. И пойдут друшки оба перед постелею, а свахи обѣ за постелею и, вшед в сенник, священникъ кропит по углом и гдѣ быти постели. А изготовят 3 девят сноповъ ржаных, поставят их стойма и на то коверъ и постелю, и одѣялом покроют. А въ головах поставят образ, а в четырех углех на стрѣлках по паре соболей да по калачику крупичатому, да поставець, на немъ 12 кружек с розным питиемъ, с меды и с квасы, да ковшъ один,

камкою и соболями, а она даст невесте один перстень да назавтра пришлет с боярыней крест или панагию да фруктов. И ту боярыню одаривают обычным платком и волосником.

А как только назначат день свадьбы, накануне гостей распишут и пошлет жених к тестю список всех, кто посаженые отец и мать, и кто приглашенные бояре и боярыни, и кто тысяцкий, и поезжане, и дружка, и сваха. Да и тесть пошлет к жениху сказать, кто приглашенные бояре и боярыни, и дружка, и сваха; и с обеих сторон тут съезжаются, перебирают наряды, лошадей, а невесту положат за занавеской на кровати.

И как настанет день, то съедутся в оба дома все, кто где назначен к столу. И столы дают отдельно, боярыни — себе, а жених с невестой не едят. У жениха ведут службу и у невесты также. И как время настанет, пошлют от тестя к жениху старшего слугу сказать, что дружка и сваха едут с постелью: «Велите показать сенцы и куда приезжать»,— и обычно в подклеть. И ему укажут, и он, осмотрев то место, куда приезжать, это скажет.

А дружка поедет в золоте, и перед ним человек пять или шесть на конях в золоте, да у коня около него человек с десять в нарядном платье и пеших. А за дружкой повезут постель в санях с передком, а летом — так изголовьем к облучку, накрытое одеялом. А в санях две лошади сивые, а около саней боярские слуги в нарядном платье, на облучке же станет постельничий старший в золоте, держит образ.

А за постелью следом поедет сваха в наряде, а наряд бы был: желтый летник, шубка красная, а еще в платке и в бобровом оплечье. И будет дело зимой — так в меховой шапке, и в санях с передком же сядет она одна.

И как только приедут во двор, и конные слуги с лошадей сойдут наземь и пойдут поперед дружки во двор по двое в золоте, дружка же въедет во двор на лошади, но, не доехав до лестницы, с лошади сойдет и дождется саней с постелью. Как с постелью подъедут к лестнице, то женихов дружка встретит ее и слугам жениха повелит ее взять, и те, толпою к саням подступя, приезжих слуг оттеснят, и вынут постель из саней на ковре, и понесут на головах.

А здешние боярыни встретят сваху у самых саней в летниках да в шубках, и сваха с ними пойдет за постелью сразу же вслед за образом. А на нижнем крыльце встречает ее женихова сваха, а за нею боярыни здешние в шубках же. И пойдут оба дружки впереди постели, а свахи обе за постелею; как войдут в сенцы, священник окропит по углам и то место, где быть постели. А приготовят три́девять снопов ржаных, поставят их стоймя, а на них ковер и постель и сверху одеялом накроют. В головах же поставят образ, а по четырем углам на прутьях по паре соболей, да по калачику крупитчатому, да поставец, а на нем двенадцать кружек с разным питьем, с медом и с квасом, да ковш один,

да чарка одна ж, чтобы была бес полки и бес конца, или братина круглая без носка. Да туто ж устроити стол, покрыти фатою, гдѣ быти свѣчам и короваям в головах, да столчик малой повыше того, да 2 блюда под крест, что будет на женихѣ, да под манистом, что будет на невѣсте, да 2 мисы, одна под колпак или под шапку, а другая под кику. А в ногахъ устроити стол, гдѣ быти платью, да в одном углу устроити завѣсъ, а за завѣсом пуховичек на коврѣ да зголовейцо, кумган воды теплой болшей 2 таза, лохан болшая, двѣ простыни. Да туто ж изготовити 2 чехла, мужской и женской, рукомойник, лоханка, полотенцо, 2 шубы наголные. И изготовя то все, друшки и свахи наперед вышлют всѣх, и сами выйдут, а сенник замкнут и запечатают друшки оба своими печатми. А оставят тут перед сенником постелничих двух старѣйших человекъ в золотном платье, и сами друшки и свахи пойдут; и быти у них, у постелничих, без скатерти.

И друшка и сваха невѣстина поѣдут к тестю на дворъ, а провожают ихъ друшку друшка до коня, а сваха сваху до нижнего крылца, а боярские боярыни до саней. А в хоромы друшка и сваха приѣжжие не ходят и седячие бояря и боярыни их не встречают, ни провожают. А в кою пору устраивают постелю и люди, которые будут с постелею и с друшкою и свахою потчиваютъ на дворѣ, устроивъ столы и скамьи. А какъ друшка и сваха, проводивъ постелю, приѣдут к жениху, и у жениха в хоромех стол болшей и скатерть и судки, и хлѣб и колачи одни до послѣдних сѣдячих, и сядет отець по конец стола, а тысецкой в углу, а в болшем мѣсте жених, и подлѣ его мати, и под нею седячие боярыни: на всѣх лѣтники желтые и шубки червчаты, в убрусѣ с ожерельи бобровыми, а в зимѣ в каптурѣх. А противъ боярын в скамье бояре сѣдячие, а в кривом столѣ и в лавкѣ и в скамье поѣжжанѣ в золотѣ; свѣщник опоясан, ферези спущены, кафтан золотной или цвѣтной, шапка горлатная, через плечо кошелик бархатен или камчат, или кушак какъ свѣча держати, а свѣча — пуд с четвертью; два коровайника, также ферези спущены через плечо, по 2 кушака, коровай обшит бархатом или камкою на носилах, носила обшиты бархатом или камкою, покрыти короваи наволочкою или кушакъ золотной. И тутож поставец полной, другой в сѣнях. А лошади держати готовы в нарядех, чѣпи гремячие под золотными покровцы. А как изготовясь пошлют друшку, и он, поклонився на 4 стороны, приходит к свекру, и он с ним приказывает челобитие к свату от себя, и тысяцкой имярекъ и бояре и весь поѣзд и друшка поѣдет. А перед ним такъ же бы человекъ пят или шесть на конях верхомъ в золотѣ, и у коня в цвѣтном людей не мало.

И приѣдет на дворъ, а люди с лошадей сойдут за вороты, и идутъ

да чарку одну же, чтобы была она гладкая и без выступов, или братину круглую без носка. И тут же накрыть и стол, застелив фатою, в головах, там, где быть свечам и караваям, да маленький столик повыше него, да два блюда под крест, что будет на женихе, да под монисто, что будет на невесте, да две миски, одна для колпака или для шляпы, а другая для кики. А в ногах накрыть стол, на котором быть платью, да в одном углу закрыть занавеской, а за ней пуховичок на ковре да изголовье, большой кумган теплой воды, два таза, большая лохань да две обычные. Тут же приготовить и два халата, мужской и женский, рукомойник, лохань, полотенце, две шубы нагольные. И, все то приготовя, дружки и свахи сначала всех отошлют, затем и сами выйдут, а сенцы запрут и запечатают дружки оба своими печатями. И оставят тут перед сенцами постельничих двух из старших слуг в золотно́м платье, и сами дружки и свахи уйдут; и быть им, постельничим, без еды. И дружка и сваха невесты поедут к тестю во двор, а провожают их — дружка дружку до коня, а сваха сваху до нижнего крыльца, а здешние боярыни до саней. А в комнаты дружка и сваха приезжие не заходят и приглашенные бояре и боярыни их не встречают и не провожают. А во время, когда готовят постель, людей, что приедут с постелью и с дружкой и со свахой, потчуют во дворе, накрыв столы и поставив скамейки.

А как дружка и сваха жениха, наладив постель, вернутся к жениху, в комнатах у того уже стол большой, и скатерть, и посуда, и хлеб, и калачи одни и те же для всех, до самого последнего гостя; и сядет отец на конце стола, а тысяцкий в углу, а на почетном месте жених и рядом с ним мать, а за нею званые боярыни: на всех летники желтые и шубки красные, в платках с оплечьями бобровыми, а зимой в меховых шапках. А напротив боярынь на скамье бояре званые, а за боковым столом на лавке и на скамье поезжане в золоте; свечник подпоясан, ферязи спущены, кафтан золотной или цветастый, шапка горлатная, через плечо кошелек бархатный или камчатый или кушак, которым свечу держать, а сама свеча — пуд с четвертью; два каравайника, также ферязи спущены, через плечо, по два кушака, каравай обложен бархатом или камкой на подносах, подносы обшиты бархатом или камкою, накрыты караваи наволочкой или золотным кушаком. Тут же поставец полный, а другой в сенях. А лошадей держать готовыми в упряжи, цепи гремучие под золотными покрывалами. И как только приготовятся, отсылают дружку, и он, поклонясь на четыре стороны, подойдет к свекру, тот посылает с ним челобитье от себя к свату, да и тысяцкий имярек, и бояре, и весь поезд, и дружка поедут. А перед ним бы также человек пять или шесть на конях верхом и в золоте, да и рядом с конем пеших в нарядных одеждах людей немало.

А приедет на двор, так люди его с лошадей сойдут за воротами и идут

на дворѣ перед нимъ пѣши. И у них также изготовят стол болшей по тому ж у задние стѣны, скатерть, сутки; тесть по конець стола, а теща в лавкѣ, а под нею седячие боярыни, а против ихъ в скамье седячие бояре. Да устроити мѣсто середи избы прŏтив дверей, оболочено 2 зголовейца нарядных, новобрачному и новобрачной, стол, на столѣ двѣ скатерти, судки, колачь, перепечка, на столѣ на мисѣ коровай, на другой сыръ; по конець стола тысецкому мѣсто, а подлѣ невѣсту двум свахам мѣста, противъ скамья, против новобрачново и новобрачные, два или четыре поѣжжан, а против свах друшки, а по конець за судками мѣсто попу. А у мѣста и за мѣстом боярыни боярские: одна держит на блюдѣ кику, другая — покровъ на блюдѣ, третьяя на блюде ж волосник, подубрусник и иное, четвертая — осыпало на блюде, хмел 3 девят, лоскутковъ собольих 3 девят, лоскутков розных цвѣтов камки и тафты 3 девят, пѣнязей серебряных золоченых малых.

А поѣжжаном досталным стол кривой, а поставець полной, свѣщник опоясан, ферези спущены, шапка горлатная или рысья, кошелик бархатен или камчат, в чем свѣчю держат, а свѣча — пуд без четверти, да 2 коровайника, так же опоясаны, ферези спущены, по 2 кушака через плечо, а коровай обшит камкою или тафтою и покрыт наволочкою или кушаком золотным. А в сѣнях поставець ж, а на дворѣ столы без скатертей и скамьи и на полы с пивом и с медомъ, а на столѣх погребцы с вином.

А как друшка женихов приѣдет, и люди встрѣчают у ворот, и середи двора и у лѣсницы, а на крылце друшку стрѣтит друшка ж. А какъ войдет в ызбу и кланяется образом на 4 стороны, и говорит тестю: «А государь имярекъ велѣл челом ударити» — свекор поминаетъ имены и правит челобитие. Потом от бояръ тестю и бояром, потом теще от свекрови и от боярын, и боярыням от свекрови и от боярын, по имяном, потом «тысецкой имярекъ и весь поѣздъ велѣли челом ударити тестю и бояром». И говорит: «тысецкой имярекъ велѣлъ говорити: «Жених имярекъ готовъ ѣхати к мѣсту». И тесть говорит: «Как будет время, и мы пришлем друшку, и он поѣдетъ».

А приѣхав друшка к новобрачному, и они отпустят сваху в санях налцовских в наряде желтомъ, и как сваха приѣдет, и у саней стречаютъ боярыни боярские, и на крылце сваха, и как войдет в избу, и боярыни из за стола выходят и целуются, и идут с нею всѣ, гдѣ невѣста занавѣсом наряжена. А на невѣсте бы вѣнець, лѣтник желтъ, шубка червчата. И сваха с нею целуется и говорит: «Время, государыни, тебѣ идти к мѣсту». И мати еѣ тут благословит и положит на неѣ манисто или панагѣю и цѣлуетъ, и она всхлипаетъ. А в тѣ поры поют пѣсни. И какъ по времяни идти к мѣсту, пойдет наперед мати, а за нею новобрачная, с правые стороны

во двор перед ним пеши. И здесь также приготовят большой стол, и также у задней стены, скатерть, посуда; тесть на конце стола, а теща на лавке, а за нею званые боярыни, а напротив них на скамье званые бояре. Да наладить место посреди избы напротив дверей, разложить две подушки нарядные, для новобрачного и новобрачной, да стол, и на столе две скатерти, посуда, калач, пироги, на столе же на блюде каравай, а на другом сыр; у другого конца место тысяцкого, а рядом с невестой места для двух свах, напротив новобрачного и новобрачной на скамье два или четыре из поезжан, а против свах дружки, а в самом конце за мисками место попу. А около места и за местом здешние боярыни: одна держит на блюде кику, другая — покрывало на блюде, третья также на блюде волосник, подубрусник и прочее, четвертая — то, чем осыпать новобрачных, на блюде: тридевять хмелю, лоскутков собольих тридевять, лоскутков разного цвета, камки и тафты тридевять, монеток серебряных позолоченых мелких.

А остальным поезжанам стол боковой, но и он заполнен; свечник опоясан, ферязи спущены, шапка горлатная или рысья, кошелек для свечей бархатный или камчатый, а свеча — пуд без четверти; да два каравайника, также опоясаны, ферязи спущены, по два кушака через плечо, а сам каравай лежит на камке или тафте и накрыт наволочкой или золотным кушаком. Да и в сенях накрыто, а на дворе столы без скатертей, заставлены штофами с вином, и скамейки, на которых пиво наполовину с медом.

А как приедет женихов дружка, встречают его слуги у ворот, и посреди двора, и у лестницы, а на крыльце дружку встретит другой дружка. А как войдет в избу, и поклонится всем на четыре стороны, и скажет тестю: «А государь имярек велел челом ударити»,— поминает имя свекра и челом бьет. Потом же от бояр — тестю и боярам, потом теще от свекрови и от боярынь, и боярыням от свекрови и от боярынь, по именам называя, потом «тысяцкий имярек и весь поезд велели челом бить тестю и боярам». А потом говорит: «Тысяцкий имярек велел передать: «Жених имярек готов ехать к месту». И тесть отвечает: «Как настанет время, и мы пошлем дружку, и он поедет».

И приедет дружка к новобрачному, и от него пошлют сваху в санях с передком в наряде желтом, а как сваха приедет, встречают ее у саней боярыни здешние, а на крыльце сваха, а как в избу войдет, боярыни из-за стола встают и с ней целуются и идут с нею все туда, где невеста за занавеской готовится. А на невесте бы был венец, летник желтый, шубка красная. И сваха с нею целуется и говорит: «Время, государыня, тебе идти к свадебному месту». Тут и мать ее благословит и возложит на нее монисто или панагию и поцелует, а она станет плакать. И в это время поют песни. И как по времени нужно идти к месту, пойдет первой мать, а за ней новобрачная, с правой стороны

поведет сваха болшая приѣжжая, а с лѣвую другая, а за ними боярыни, и пришед кланяются невѣста с свахами на четыре стороны.

А тесть и теща и боярыни пойдут за столъ по своимъ мѣстом, а священник говорит достойно и благословит крестом одну невѣсту, и кропит водою мѣсто. А друшка в тѣ поры отцу и матери говорит: «Имярекъ, благослови доч свою на мѣсто». И отецъ и мати говорят: «Богъ благословит!» И в тѣ поры вжигают свѣчи пред образом, а тот священник изготовив к обручанью двѣ свѣчи витые вдвое, и изготовя пошлют друшку к жениху, и он приѣхав на дворъ такъ ж, как и с постелею приѣжжал, и встрѣчают его.

А как войдет и кланяется на 4 стороны и правитъ челобитье от тестя к свекру и бояром от бояръ, и свекрове от тещи, и боярыням от боярын, и тысецкому, да говорит тысецкому: «Имярекъ велѣлъ говорити (имянемъ назвавъ тестя) — время жениху ѣхати к своему доброму дѣлу». И изговоря ѣдет к себѣ.

И как отѣдет, друшка и тысецкой с поѣжжаны ставъ учнут кланятися и говорити тысецкой отцу имярекъ и матери имярекъ: «И изволили естя сына своего сочетати законному браку, и вам бы его благословити ѣхати к мѣсту». И отець и мати выйдут с ним из за стола и кланяются на 4 стороны образом, и говорят сыну своему: «Богъ тобя благословит и помилуетъ, и подастъ ти подружие благозаконно во здравии и благоденствии» — и благословитъ его крестъ с мощми на гойтанѣ, и положитъ на него своими руками, а мати положит перстень на руку. И пойдут ис хоромъ, первое — друшка, поѣжжанѣ по 2 в ряд, которые помоложе — тѣ наперед, а которые почестнѣе — тѣ опослѣ.

А опосле всѣх пойдет новобрачной, а у него с правые стороны тысецкой. И садятся на лошади наперед поѣжжанѣ, покамѣста новобрачной на аргамакъ сядет, а они в тѣ поры по двору на аргамацѣхъ и на конехъ прыгаютъ, и поѣдут з двора также по 2 в ряд, а из за ворот перед ними поѣдут люди их, которые в золотѣ. А у них бы было по человѣку у стремени, свѣщники да коровайники, потом священникъ со крестом, а мало поотделясь перед поѣжжаны друшка, около его люди, потом поѣжжанѣ по 2, а за ними люди с покровцами и с попонами и простые, сколко хто за собою возмет, кой ж около своего. А перед новобрачным и перед тысецким 2 конюшие идут в золотѣ с батошки с малыми, а за ними идут с покровцы конскими. А около новобрачного и тысецкого идут люди в цвѣтном платье, и на дворъ приѣдут тѣм же обычаем и вверхъ пойдут.

Туто благословляетъ священникъ крестом, а встрѣчаетъ от тестя один друшка, идет перед новобрачным и перед тысецким, а тесть и сѣдячие бояре не встрѣчают. И в хоромы пришедъ станут

поведет ее сваха старшая, приезжая, а с левой другая, своя, а за ними боярыни, и, войдя, кланяются невеста со свахами на все четыре стороны.

А тесть и теща и боярыни сядут за стол на свои места, и священник говорит положенное, и благословляет крестом одну невесту, и кропит святою водой свадебное место. А дружка тем временем отцу и матери ее говорит: «Имярек, благослови дочь свою на свадебное место». И отец и мать говорят: «Бог благословит!» И тогда возжигают свечи перед образом, а священник готовит к обручению две свечи, свитые вместе, и как будет готов, посылают дружку за женихом, а он приезжает на двор так же, как и за постелью приезжал, и тут уже его встречают.

А как только войдет дружка, и поклонится на четыре стороны, и бьет челом: от тестя к свекру, и боярам от бояр, и свекрови от тещи, и боярыням от боярынь, и тысяцкому, да и говорит тысяцкому: «Имярек велел передать (именем назвав тестя) — время жениху ехать к доброму своему делу»,— и, так сказав, возвращается к себе.

И лишь он уедет, дружка и тысяцкий с поезжанами, поднявшись, станут кланяться, и говорит тысяцкий отцу имярек и матери имярек: «Хотели вы сына своего сочетать законным браком, так вам бы благословить его да ехать к месту». И отец и мать выйдут с сыном своим из-за стола, и поклонятся на все четыре стороны, и скажут сыну своему: «Бог тебя благословит и помилует и даст тебе жену законную во здравии и в благоденствии»,— и благословит его отец крестом с мощами на шнурке, и возложит на него собственноручно, а мать наденет перстень на палец. И пойдут из комнат, первым — дружка, поезжане по двое в ряд, которые помоложе — те впереди, а которые познатней — те после.

А позже всех выйдет новобрачный, а справа от него — тысяцкий. И садятся на лошадей — сначала поезжане, и пока новобрачный на аргамака сядет, они тем временем по двору на аргамаках и на конях скачут, и поедут вон со двора также по двое в ряд, а за воротами перед ними поедут их слуги, все в золоте. И было бы у них у всех у стремени по слуге, затем свечники и каравайники, потом священник с крестом, а чуть-чуть поотстав, перед поезжанами — дружка, а рядом с ним слуги, потом поезжане по двое, а за ними слуги кто с покрывалами и с попонами, кто просто так,— скольких кто из поезжан с собою возьмет, каждый слуга около своего. А перед новобрачным и перед тысяцким двое конюших идут в золоте с маленькими батожками, а за ними идут с конскими попонами. А возле новобрачного и тысяцкого слуги идут в нарядной одежде; и как во двор въедут, тем же порядком и наверх пойдут.

Тут благословляет священник крестом, а встречает их от тестя один дружка, идет он перед новобрачным и перед тысяцким, а тесть и званые бояре их не встречают, но, в комнаты войдя, станут

по обѣ стороны. А тысецкой с новобрачным пришед, учнет кланятися образом на 4 стороны, а друшка новобрачново соймет в тѣ поры отрока, которой сѣдит с невѣстою на новобрачного мѣсте, а говорит дворкою: «Аргамак тобѣ в Ордѣ, а золотые в Угрѣ». И священник благословит новобрачново одново на мѣсто, а тысецкой сядетъ и поѣжжанѣ по мѣстом, и священникъ приѣжжий и тутошной велят мѣстные свѣчи зажигати. А поставят свѣшника новобрачново противъ новобрачного, а невѣстина противъ еѣ, а коровайники вмѣсте свои носила, и потом научнут обручати, и по обручанье жених невѣсту целуетъ. И потом свахи, ставъ обѣ не выходя из мѣстъ, кланяются образом на 4 стороны, и говорят тестю и тещи: «Имярекъ, благословите дѣтем своимъ, новобрачному и новобрачной, голову чесати», и потом закроют, и сваха головы чешет и косу росплетает, и кику кладет.

А друшка в тѣ поры болшей кроит короваи и сыры съ 4 углов краики, положитъ на одно блюдо да укрухи рѣжетъ и сыры колупляетъ, кладет по блюдам. И на первое блюдо положит ширинку, гдѣ крайчики, поднесет новобрачному имярекъ и молвитъ: «Новобрачная имярекъ, челом бьет — короваи и сыръ и ширинка». И онъ возметъ одну ширинку и положит еѣ у собя, потому тысецкому и поѣжжаном по росписѣ, а ширинки по ярлыком — всякому на блюдѣ укруг коровая да глыбка сыра да ширинка. Да и тут тестю и теще и седячим бояром и боярынямъ всѣм по блюду. Да посылают с людми отрадными къ свекру и свекрови и к седячим бояром и боярыням такъ ж на блюдех, всѣмъ по укруху коровая и сыра и по ширинкѣ. И которые свойственные у новобрачново и у новобрачные, хотя их туто и нѣтъ, а короваи им и сыръ и ширинки посылают. А как тысецкой и поѣжжаня коровай примут, и в тѣ поры станет тесть и подносит тысецкому и поѣжжаном вино, а иным велит подносити седячим бояром, а людей боярских тут в хоромех и в сѣнех и на крылцѣ и на дворѣ потчивают и дают ширинки, кому буде тесть прикажет.

А какъ новобрачную покроют и вѣнець на блюдѣ понесутъ в другие хоромы, и в тѣ поры сваха болшая осыпаетъ, а тысецкой встанет, и новобрачново подымет, а священник учнет говорити: «Все упование мое...» — а друшка благословляется у тестя да и у тещи: «Благословите дѣтем своим итти к венчанью», и новобрачной поклонився и тестю и тещи челом по обычаю, и возмет невѣсту свою сам за руку и пойдетъ с нею, а поѣжжаня перед ним по прежнему.

Поѣжжаня по тому ж садятся на лошади, наперед новобрачной на аргамакъ, а новобрачная в сани сядет одна к облуку, а свахи обѣ противъ еѣ, а боярских боярын к венчанью не емлют. А как венчаются, на подножие положити пара соболей, рознявъ, под новобрачново соболя, а под новобрачную другой. А скляница бы

по обе стороны. А тысяцкий с новобрачным, войдя, станет кланяться ликом на четыре стороны, а дружка новобрачного снимет тем временем мальчика, что сидит с невестой на месте новобрачного, и говорит скороговоркою: «Аргамак тебе в Орде, а золотые на Угре». Священник благословит одного новобрачного на свадебное место, и тысяцкий сядет и поезжане по своим местам, а священники, местный и приезжий, повелят возжигать свечи у свадебного места. И поставят свечника от новобрачного против новобрачного, а свечника от невесты — напротив ее, а каравайники вместе составят свои подносы, и тут начнут обручать, и после обрученья жених невесту целует. И потом свахи, встав обе и не сходя с мест, кланяются на четыре стороны и говорят тестю и теще: «Имярек, благословите детям своим, новобрачному и новобрачной, голову расчесать», и потом их закроют, а сваха головы расчесывает, и косу расплетает, и кику накладывает.

А в это время старший дружка режет караваи и сыры с четырех сторон по ломтям, кладет на одно блюдо да ломти разрежет и сыры поломает, разложит по блюдам. И на первое блюдо, где горбушки, положит платок, поднесет новобрачному имярек и молвит: «Новобрачная имярек челом бьет — караваем и сыром и платком». И тот возьмет один лишь платок и положит его себе; также и тысяцкому и поезжанам по росписи, а платки по договорным грамотам — всякому на блюде ломоть каравая да кусок сыра да платок. Да тут и тестю, и теще, и приглашенным боярам и боярыням всем по блюду. Да посылают с людьми скорыми к свекру, и к свекрови, и к приглашенным боярам и боярыням также на блюдах всем по ломтю каравая и сыра и по платку; и какие свойственники есть у новобрачного и у новобрачной, хотя их и нет тут, но караваи и сыр и платки им посылают. А как тысяцкий и поезжане каравай примут, тогда поднимется тесть и поднесет тысяцкому и поезжанам вино, а прочим званым велит подносить, да и слуг боярских тут в комнатах, и в сенях, и на крыльце, и во дворе потчуют и дарят платки, кому только тесть укажет.

А как новобрачную накроют и венец на блюде понесут в другие комнаты, в то время старшая сваха молодых осыпает, а тысяцкий встанет и новобрачного поднимет, а священник станет говорить: «Все упование мое...» — а дружка просит благословения у тестя и у тещи: «Благословите детей своих идти к венчанию», и новобрачный, поклонившись тестю и теще по обычаю, возьмет невесту свою сам за руку и пойдет с нею, а поезжане перед ними в прежнем порядке.

Поезжане в том же порядке садятся на лошадей, сначала новобрачный на аргамака, а новобрачная сядет одна к облучку в сани, а обе свахи напротив нее, здешних же боярынь к венчанью не берут. А когда венчаются, под ноги бросить пару соболей, отдельно — под новобрачного соболя, а под новобрачную — другого. А чаша

была без руковеди, ис которые пивъ розбити, а ниц еѣ не опрометывати, и испустити ея из рук, и достал розбити ногою. И от венчанья ѣхати к тестю на то ж мѣсто.

И тут встрѣчают у коня и на крылцѣ бояре седячие, и сам тесть встѣтит в сѣнях, и цѣлуется тесть с новобрачным. А новобрачной от венчанья идет и держит невѣсту свою за руку, а ево поддерживает тысецкой, а еѣ свахи. И как итти в сѣни, и тутъ осыпаетъ их теща, а как придут в хоромы, и покланявся сядут по своим мѣстом, и тесть понесет новобрачному вино, и красные вина понесут, и он кушаетъ наперед крайчики и сыръ.

И понесут в столы наперед лебедь, поставят перед новобрачново, и онъ приняв наложит руку да велит обрѣзывати. И ставят в стол лебед и посылают к тестю и к тещи и к седячим бояром и боярыням, по блюду роскладывая по косткам, да по кубку романѣи, и подают птицы.

Из за третьие ѣствы станет новобрачной, а с ним тысецкой да дружка одинъ, и учнет звати, а говорити учнет друшка тестю: «Имярекъ, новобрачной челом бьетъ, чтобы пожаловал завтра у него пировал» — тещу тако ж, седячих бояръ и боярын по именом всѣх. А в кою пору друшка говорит, а новобрачной кланяется в шапкѣ наголной. И позвавъ друшка в тѣ поры сойметъ скатерть верхнюю и блюдо, на чем крайчики и сыръ и свертевъ отдастъ людемъ своим, а велит отнести в сѣнник.

А поѣжжаня пойдутъ ис хором и учнут садится на лошади, а тесть взявъ дочь свою и пришедъ к дверем, назвавъ благочинно имянем зятя своего: «Судбами божиими дочь моя приняла вѣнець с тобою, имярекъ и тебѣ бы жаловати еѣ любити законным бракомъ, как жили отци и отцове отець наших». И онъ тестя поцелует в плечо да пойдет с новобрачною и сядут на лошади по прежнему обычаю, а новобрачная в санях со свахами, и поѣдут к себѣ по прежнему.

И как приѣдут на дворъ и идут в сенникъ, а по простому в потклѣт, и тут ихъ осыпает свекры, а идти по послану. А пришед новобрачному и новобрачной сѣсти на постели. И тысецкой пришедъ новобрачную вскроет, а молвит им: «Дай господи вам здорово опочивати», а свѣчи и короваи поставят на уготованныхъ мѣстехъ, и колпакъ и кику поставят на мѣсто.

И в тѣ поры станут говорити вечерню, новобрачной снимает наряд, а с новобрачной снимаютъ за завѣсою. Да и пойдет тысецкой и с поѣжжаны со всѣми к свекру в хоромы, а в сѣнникѣ с новобрачным останутся 2 друшки да 2 свахи, да постелничей и которым ближним людем боярским и боярыням велят, тѣ с них снимают платье. Новобрачной на зипунокъ положит шубу наголную, а новобрачная в телогрѣи, да в шапках в горлатных, и дружекъ и свах отпустят, а оставят, кому розути, да потом промышляет.

при этом была бы без ручек, из которой выпив, затем разбить, вниз ее не швырять, а просто выпустить из рук и осколки разбить ногою. И после венчания ехать к тестю на то же место.

И тут встречают у коня и на крыльце бояре приглашенные, и сам тесть встретит в сенях, и целуется тесть с новобрачным. А новобрачный от венчанья идет и держит невесту свою за руку, и его поддерживает тысяцкий, а ее свахи. И как входят в сени, тут осыпает их теща, а как войдут в комнаты и, поклонясь, сядут по своим местам, тесть поднесет новобрачному вино, и лучшие вина понесут, но тот отпробует сначала только горбушку и сыр.

И прежде всего понесут на столы лебедя, поставят перед новобрачным, и он, приняв, наложит руку да велит разрезать. И ставят на стол лебедя и посылают тестю, и теще, и приглашенным боярам и боярыням, по блюду раскладывая по кусочкам, да по кубку романеи, и подают птицу.

После третьего блюда встанет новобрачный, а с ним тысяцкий да один дружка, и станет звать, но говорить будет дружка тестю: «Имярек, новобрачный челом бьет, чтобы пожаловал завтра к нему пировать»,— тещу приглашает также, званых бояр и боярынь по именам всех. А в то время как дружка говорит, новобрачный кланяется в шапке нагольной. И, пригласив, дружка затем снимет скатерть верхнюю и блюдо возьмет, на котором горбушки и сыр, и, завернув, отдаст слугам своим, и велит снести в сенцы.

А поезжане выйдут из комнат и станут садиться на лошадей; тесть же, взяв дочь свою и подойдя к дверям, назовет с почтением по имени зятя своего: «Судьбами божьими дочь моя приняла венец с тобою, имярек, и тебе бы жаловать ее и любить в законном браке, как жили отцы и отцы отцов наших». И тот тестя поцелует в плечо, и пойдет с новобрачной, и сядут на лошадей в прежнем порядке, а новобрачная в санях со свахами, и поедут к себе, как прежде.

А как вернутся на двор, сразу идут в сенцы, а проще сказать — в подклеть, и тут их осыпает свекровь, идти же им надо по постланному. И как только войдут, новобрачному и новобрачной сесть на постели. И тысяцкий, войдя, с новобрачной покрывало снимет и молвит обоим: «Дай господи вам в добром здоровье опочивать»,— а свечи и каравай поставят на приготовленных местах, и колпак и кику положат на место.

И в это время станут служить вечерню, новобрачный снимает наряд, с новобрачной же все снимают за занавеской. А тысяцкий с поезжанами со всеми пойдет к свекру в комнаты, а в сенцах с новобрачными останутся двое дружек, да две свахи, да постельничий; и каким ближним людям боярским и боярыням повелят, те и снимают с них платье. Новобрачный на зипунок наденет шубу нагольную, а новобрачная в телогрее, да оба в шапках горлатных; потом они дружек и свах отпустят, оставив только тех, кто разует, а потом исполняют дело.

А тысецкой и поѣжжаня и друшка и сваха болшие пойдут в хоромы к тестю и тут сказав, что: «Богъ сподобил дѣти ваши имярекъ, у вѣнчанья бывъ, легли опочивати здорово, и тут прохлажаются». А друшка и сваха другие поѣдут к тестю и скажут, что доѣхали и легли опочивати здорово. А постелничеи два сѣдят у дверей безотступно, а какъ новобрачному время полежавъ и провѣдавъ, и онъ кликнетъ постелничево и велитъ позвати ближнюю боярыню, и сам бывъ за завѣсомъ и обдався водою, положит на собя чехол да шубу наголную. Да пойдет новобрачная с боярынею или и з двема, и там обздадет еѣ, и сорочки обѣ смочат в тазѣх. А новобрачная по тому ж на собя положит чехол и шубу наголную да велит позвати къ себѣ друшку, а сам сядет на болшей постели, а новобрачная за завѣсом на пуховичкѣ.

И друшка придет, и онъ пошлетъ ко отцу и к матери, а скажет, что дал богъ здорово. И они пошлют сваху и потом придет тысецкой да ближней кто сердоболь къ новобрачному, а к новобрачной придет свекры и свойственные боярыни, и принесут кушанье на руках, студен крошеная птичья с сливами и с лимонами и с огурцы. И новобрачново кормит тысецкой, а новобрачную свекры с боярынями за завѣсою. А дружку в тѣ поры пошлют к тестю и к теще, и друшка приѣхавъ говорит, назвавъ имянем: «Велѣл вам говорити новобрачной имярекъ: божиим милосердием и вашим родителским жалованьемъ и бережением мы, дал богъ, здорово, и на том на вашем жалованье челом бью!» И з друшкою тутъ целуются тесть, подарит чарочку или ковшикъ, а теща ширинку. И в тѣ поры в обѣих дворех бываетъ веселие и прохлад.

А как обручати и вѣнчати, и вечерня в сѣнникѣ говорити, и на завтрѣе какъ выйдет новобрачной из мылни, молитва и заутреня, и молебен и часы говорити, то священниково дѣйство по уставу и по изволению могущему вмѣстимая вмѣщати. А какъ свекры и друшка и сваха из сѣнника выйдут, а жених с невѣстою что хотят, то дѣлают. А у сѣника и под крылцом привязывают жеребцов и кобылицъ, и жеребцы в тѣ поры, смотря на кобылы, ржутъ.

И потом поѣздъ и седячие бояре и боярыни и друшки и свахи с обѣих сторонъ розѣжжаются по себѣ, а свойственные по совѣту и ночуют, и свѣчи во всю ноч горят. А к утру велят держати мылни.

А на завтрѣе друшки и свахи на обѣ половины съѣдутся, и от тестя пошлет друшка меншей к болшему друшке людей с мыленными суды и с простыни, а судов котелъ мѣденик съ кровлею, 2 таза, 2 простыни на полки, 2 простыни на воды. И прикажет, как двинется новобрачной, чтобы ему вѣсть учинил, друшке друшка. И как новобрачному встати, призовет постелничево и велит к себѣ быти друшке, а мовниковъ велит послати в мылню. И как

А тысяцкий, и поезжане, и дружка, и сваха старшая войдут в комнаты к свекру и тут скажут: «Бог сподобил: дети ваши, имярек, после венчанья легли почивать поздорову, и вот услаждаются». А другие дружка и сваха поедут к тестю и скажут, что молодые доехали и легли почивать поздорову. А два постельничих у дверей сидят неотступно, и как настанет новобрачному время, полежав и познав, он кликнет постельничего и велит позвать ближнюю боярыню, а сам, зайдя за занавеску и омывся водой, набросит на себя халат да шубу нагольную. А затем выйдет и новобрачная с боярынею или с двумя, и там обмоют ее, и обе сорочки замочат в тазах. И новобрачная также набросит на себя халат и шубу нагольную да велит позвать к себе дружку, а сам новобрачный сядет на большой постели, новобрачная же за занавескою на пуховичке.

Когда же дружка придет, пошлют его к отцу и к матери сказать, что, дал бог, все в порядке. И те пошлют сваху, а потом придет и тысяцкий или кто-то из ближних родственников к новобрачному, а к новобрачной придет свекровь и боярыни родственницы и поднесут на руках кушанья: студень крошеный из птицы со сливами и с лимонами и с огурцами. Новобрачного кормит тысяцкий, а новобрачную за занавескою свекровь с боярынями. А дружку тем временем пошлют к тестю и к теще, и тот, приехав, говорит, назвав полным именем: «Велел вам сказать новобрачный имярек: божиим милосердием и вашим родительским пожалованием и сохранением мы, дал бог, справились, и на том на вашем пожалованье челом бью!» И с дружкой тут поцелуется тесть, подарит чарочку или ковшик, а теща платок. И с этого времени на обоих дворах наступает веселье и праздник.

А вот когда обручать, и венчать, и вечерню в сенцах служить, да и назавтра, как выйдет новобрачная из бани, молитву, и заутреню, и молебен, и службу вести,— то все дело священника, по уставу и по желанию способного все нужное выполнить. И когда свекровь, и дружка, и сваха из сенцев выйдут, жених с невестой что хотят, то и делают. А у сенцев и под крыльцом привязывают жеребцов и кобылиц, и жеребцы в ту пору, глядя на кобыл, ржут.

А потом поезжане, и званые бояре и боярыни, и дружки, и свахи с обеих сторон разъезжаются по своим домам, а родственники по разрешению тут и ночуют, а свечи всю ночь горят. К утру же велят затопить бани.

Назавтра же дружки и свахи съедутся на свои половины, и от тестя пошлет дружка младший к старшему дружке слуг с банною утварью да с простою, а из утвари медный котел с крышкою, два таза, два обычных ковша на полки, два простых для воды. И накажет: как проснется новобрачный, чтобы сказал ему, дружка дружке. Настанет пора новобрачному вставать, призовет он постельничего и велит дружке быть у него, а банщиков велит послать в баню. А как

будет готово, и друшка придет, и он вставе в башмаки и шубу наголную на собя да шапку подскорную пойдет закрывся рукавом. А новобрачная лежит на постели, покрывся одѣялом, и тотчасъ к ней войдет сваха да боярские боярыни и еѣ учнут подымати. А в тѣ поры сурна заговорит и трубки, и накрачии заиграют, и новобрачную поднявъ, положатъ на неѣ лѣтник бѣл, шубку золотную обышную, шапку горлатную, и идет накапками закрывся в хоромы. А ей изготовятъ за навѣсом постелку, и она ляжет.

А друшка пошлет к тестю на дворъ, а велит сказати друшке ж, что новобрачной пошел в мылню, и новобрачная двигнулася. И сваха другая к новобрачной поѣдет, а тесть друшку отпустит к новобрачному с мылеными дарами, и друшка поѣдет в золотѣ тѣм же обычаем, а за ним в санях под полстью мыленные дары в коробьяхъ.

А приѣхав к мылнѣ, розбирает и даетъ людем держати на руках сорочка, порты, поясъ с мошною, в мошне золотые, нижней поясъ, ногавицы и четыги, башмаки, зипун, шуба наголная, шапка черевья. А наперед подадут в мылнѣ чехол, башмаки. И к мылнѣ съѣжжаются поѣжжаня, тысецкой съ товарищи, и тут устроены поставци с питиемъ, хто изволитъ, пьют и людем подают, а накрачи играют, и мовниковъ дарятъ ширинками. А из мылни новобрачной в сѣнник идет и тут поопочинет. А новобрачные в мылню не водят, тут еѣ умывают, и как будет время, положат на нее кику и наряд да идут свахи с нею в сенникъ, а новобрачной в тѣ поры выйдет со всѣми в свои хоромы, нарядятся в золото. И по обручанью посадят на постелю, и свахи положат на неѣ покровъ, и новобрачной со всѣм поѣздом в наряде придет в сенник и сядет подле невѣсту, а тысяцкой и поѣжаня сядут по чину. И входитъ ту свекоръ съ бояры с седячими и сына своего целует и здоровает ему женився, да невѣстку свою вскроет и здоровает за мужем, и всѣ здоровают. И тут сыну своему и снохѣ своей на вскрыванье явит благословение свое, образы или кресты и понагѣи, села вотчинные. И приносят тут куря и кашу, и князь молодой кушает. И пойдут новобрачной со отцом и с поѣжжаны в хоромы, а новобрачная с свахами в другие хоромы к свекрови, роскрыта, и свекры и боярыни тут целуются и здоровают и благословляют кресты или понагѣи, перстни, и в тѣ поры готовят взвары.

И как время будет, сойдутся в болшие хоромы, а на столѣ изготовлены овощи, на скатерти, без судков, без хлѣба. И платье золотное сложат, будет лѣтом — положат охабни, а зимою шубы наголные, а боярыни — лѣтники бѣлые да шубки червчатые, в спусках, а зимою в каптурах. И сядут свекоръ с свекровью по конець стола, а новобрачных посадят в болшом мѣсте, а там свахи да седячие боярыни, а въ скамье тысецкой

будет все готово и дружка придет, то он, надев башмаки да набросив на себя нагольную шубу и шапку пуховую, пойдет, закрывшись рукавом. Новобрачная же лежит в постели, накрывшись одеялом, но тут же войдет к ней сваха да здешние боярыни и станут ее поднимать. А в это время сурна заговорит, и трубы заиграют, и бубны загремят; тогда, новобрачную подняв, набросят на нее белый летник, шубку золоченую обычную, шапку горлатную, и пойдет она, фатами укрывшись, в комнаты. А ей приготовят за занавеской постельку, и она ляжет.

А дружка пошлет к тестю во двор и велит сказать дружке же, что новобрачный пошел в баню и новобрачная ушла. Тут и другая сваха к новобрачной поедет, а тесть дружку отпустит к новобрачному с банными дарами, и дружка в золоте поедет тем же порядком, а следом за ним в санях под полстью банные дары в коробах.

Приехав к бане, дружка разбирает и дает слугам держать на руках сорочку, порты, пояс с кошельком, а в кошельке золотые, подпояску, нижнее белье и четыги, башмаки, зипун, шубу нагольную, шапку кожаную. А прежде подадут в баню халат и башмаки. И съезжаются к бане поезжане, тысяцкий с товарищами, и приготовлены тут поставцы с питьем, кто пожелает — пьет, и слугам подают, и бубны бьют, а банщиков одаривают платками. Из бани же новобрачный в сенцы идет и тут отдохнет немного. А новобрачную в баню не водят, моют ее тут, и как настанет время, наложат на нее кику и наряд, да и идут свахи с нею в сенцы, а новобрачный тем временем выйдет со всеми своими в свои комнаты, и нарядятся они в золото. И по правилу обручения посадят новобрачную на постель, и свахи накроют ее покрывалом, а новобрачный со всеми поезжанами в полном наряде придет в сенцы и сядет подле невесты, а тысяцкий и поезжане рассядутся по чину. И входит тут свекор с боярами с приглашенными, и сына своего целует, и здоровья желает ему в женитьбе, да невестку свою откроет и здоровья желает в замужестве, и все поздравляют. Тут же сыну своему да снохе своей даст свое благословление, образá, или кресты, или панагии, или села вотчинные. И приносят тут петуха и кашу, и князь молодой откушает. И пойдут новобрачный с отцом и с поезжанами в комнаты, а новобрачная со свахами в другие комнаты к свекрови, уже не покрытая, и свекровь и боярыни тут целуют, и поздравляют, и благословляют крестами или панагиями и перстнями, а в то время готовят напитки.

И как время настанет, сойдутся все в большой комнате, а на столе уже приготовлены фрукты, на скатерти, без посуды и хлеба. И платье золоченое сложат, если летом — сложат охабни, а зимою — шубы нагольные, и боярыни — летники белые да шубки красные, в спусках сидят, а зимою в каптурах. И сядут свекор со свекровью в конце стола, а новобрачных посадят на почетное место, там же и свахи да приглашенные боярыни, а на скамье

да седячие бояре, а поѣжжань в кривом столѣ. Да понесут взвары, а от тестя приѣдет друшка с дары и подносит на блюдех, свекру сорочку да порты, а говоритъ, назвав имянем: «Новобрачная имярекъ челом бьет», и онъ прииметъ, а новобрачная поклонится, а в тѣ поры всѣ стоят. А свекрове камка, а боярыням по тафтѣ, также подносит на блюдѣх, и говорит, а новобрачная кланяется. А в обычных мѣстех свекрове тафта или дороги, а боярыням седячим по сорочке да по убрусу да по волоснику, а тысецкому и седячим всѣм бояром по сорочкѣ да по портамъ, а поѣжжаном не живет. И кушавъ овощи, принесут дары, и сына благословляет отець и мати образы и платьемъ дѣланые золотные, и шубою, и суды и лошади подводят в нарядех, и жалует его людми и вотчинами, а мати по тому же благословляет. И потомъ сноху жалуют саженьемъ и платьемъ и судами. И тысецкой и седячие бояре новобрачново и новобрачную подарят, кто чем изволитъ.

И пойдут в свои хоромы, а велят готовити лошади и, как время дойдет, нарядятся в золотное платье и поѣдут на дворъ к тестю тѣм же обычаем, как к мѣсту ѣхали: священникъ наперед со крестом, да поѣжжаня, да тысецкой с новобрачным; и как на дворъ взъѣдутъ и у тестя накрачѣи и трубники играют, и тут у тестя бываетъ стрѣча: люди на дворѣ и у коня, и на крылцѣ. А стречают свойственные, и тесть встрѣтит в сѣнях и целуются с новобрачным и с тысецким и с поѣжжаны, а у тестя в хоромехъ за столом в болшем мѣсте теща да седячие боярыни.

А на столѣ скатерть без судковъ и овощи. И встрѣтитъ тесть с седячими, войдетъ в хоромы наперед, и станут по своим мѣстом, а новобрачной войдет с тысецкимъ, перед ними один друшка их да другой, тутошной, а поѣжжаня идут за новобрачным. И теща из за стола мало выйдет и спрашиваетъ зятя о здоровье и цѣлуется с ним с ширинкою, и боярыни сѣдячие, выходя с новобрачным, цѣлуются всѣ с ширинками. А с тысецким и с поѣжжаны цѣлуется теща с ширинками, а боярыни иные и без ширинок. И садятся боярыни в лавках по чину, подлѣ тещи сядет зять, а въ углу тысецкой, по конець стола тесть, в скамье седячие бояре, а поѣжжанѣ в кривом столѣ по тому ж.

За овощи тесть понесетъ вина и понесут взвары, и кушают овощи, и сняв овощи, переменят платье, и понесут завтрокъ — полной стол. А боярыни в том платье и сѣдят: лѣтники бѣлые да шубки червчатые в спусках.

И какъ учнут издавати и новобрачной станет из за стола, а с ним тысяцкой, а друшка станет звати тестя и тещу и седячих бояръ и боярынъ, назвавъ именем: «Новобрачной челом бьет, чтобы тѣбѣ пожаловати сегодни — у новобрачново за столом быти и пировати», да вышед в сѣни опять положат золотное платье и поѣдутъ к себѣ тѣмже обычаем.

тысяцкий да званые бояре, а поезжане за боковым столом. Да понесут напитки, а от тестя приедет дружка с дарами и подносит их на блюдах, свекру сорочку да порты да приговорит, назвав по имени: «Новобрачная имярек челом бьет»,— и тот примет, а новобрачная поклонится, и в это время все стоят. А свекрови камка, а боярыням по тафте, служка также подносит на блюдах и говорит, а новобрачная кланяется. А на обычных свадьбах свекрови тафта или до́роги, а боярыням приглашенным по сорочке, да по платку, да по волоснику, а тысяцкому и приглашенным всем боярам по сорочке да по портам, а поезжанам ничего не дается. А как откушают фруктов, принесут дары, и сына благословляет отец и мать образами, и платьем златотканым, и шубою, и сосудами, и лошадей подводят в нарядах, и жалует его людьми и вотчинами, и мать это все благословляет. А потом и сноху одаривают украшениями, и платьем, и посудой. И тысяцкий и званые бояре новобрачного и новобрачную одарят, кто чем пожелает.

А вернутся в свои комнаты, и велят приготовить лошадей, и как время настанет, нарядятся в золотное платье и отправятся на двор к тестю в том же порядке, что и на свадьбу ехали: священник впереди с крестом, да поезжане, да тысяцкий с новобрачным; и как во двор въедут, у тестя бубны и трубы заиграют, и тут у тестя начинается встреча: слуги на дворе, и у коня, и на крыльце. И встречают свойственники, а тесть встретит в сенях и целуются с новобрачным, и с тысяцким, и с поезжанами, а у тестя в комнатах за столами на почетном месте теща уже и приглашенные боярыни.

А на столе скатерть без посуды и фрукты. И встретит тесть с приглашенными, войдет в комнаты первым, и станут все по своим местам, а тут новобрачный войдет с тысяцким, перед ними один дружка их да другой, здешний, а поезжане идут за новобрачным. А теща из-за стола чуть выйдет, и спрашивает зятя о здоровье, и целуется с ним через платок, и боярыни приглашенные, подходя к новобрачному, целуются все через платок. И с тысяцким и с поезжанами также целуется теща через платок, а боярыни некоторые и без платка. И садятся боярыни на лавки по чину: возле тещи сядет зять, а в самом углу тысяцкий, в конце стола тесть, на скамье приглашенные бояре, а поезжане за боковым столом, как и прежде.

За фруктами тесть подаст вина, и принесут напитки, и едят фрукты, а как уберут фрукты, все переоденутся, и тогда внесут завтрак — полный стол. А боярыни в том же платье и сидят: летники белые да шубки красные в спусках.

И как перестанут подавать, новобрачный встанет из-за стола, а с ним и тысяцкий, и дружка станет звать тестя, и тещу, и посаженых бояр и боярынь, называя по имени: «Новобрачный челом бьет, чтобы пожаловал ты сегодня — у новобрачного за столом быть и пировать», да, выйдя в сени, снова наденут золотное платье и поедут к себе тем же порядком.

И приѣхавъ к себѣ, мало поопочинут, а в тѣ поры готовят стол. А как время приспѣет, новобрачную нарядят в болшей наряд и пошлют друшку звати тестя и тещу и седячих бояръ и боярын к столу.

И тесть поѣдет в нарядѣ в золотѣ, а с ним седячие бояре по тому ж в золотѣ, по 2 в ряд, а за ними люди около коней пѣшие. А теща поѣдет в санех по тому ж, и боярыни — в золотных лѣтниках и в спусках по одной в санях.

И приѣдут к свекру на дворъ бояре к лѣсницы, а боярыни к другой, и тутъ встрѣчают бояръ бояре, а боярын боярыни, на крылце и в сѣнех по достоянию. И гдѣ быти столу, тут на столѣ овощи.

Напеpед придут боярыни, а сядет в болшем мѣсте теща, под нею новобрачная да свахи, да боярыни и приѣжжие, а под ними тутошные, а ниже всѣх сядет свекры. А тесть сядет по конець стола, подле ево свекоръ, а в скамье седячие бояре приѣжжие, а под ними тутошные. А новобрачной присѣдает подлѣ отца, а тысецкой и поѣжжанѣ в кривом столѣ.

А как повмѣстятся, свекоръ выходит, да и приѣжжие бояре, и кланяются свекрови и тутошним боярыням, и спрашивают ихъ о здоровье, и целуются, и потом переменяют платье, вышед в сѣни. И садятся за стол, подносят вина и овощи и взвары кушают, и потом овощи снимают и понесут ѣсти. А новобрачной вставая потчивает ко отцу и к тестю и к тещи, подносит в кубках питье, вина и меды красные. И как столъ учнут здавати, и тесть встанет, а друшка другой учнет говорити свекру, назвавъ тестя именем: «Бьет челом, чтобы тебѣ пожаловати завтра у него у стола быти и пировати». И новобрачново, и сѣдячих бояръ, и свекровь, и боярын по имяном друшка зоветъ, а тесть кланяется, а новобрачной тестя и приѣжжих бояръ потчивает.

И как время дойдет, принесут дары: кубок двойчатой или с кровлею, бархат или камка, и наложив сосуды меду, учнет говорити свекоръ тестю: «Дай, господи, намъ здорово быти съ дѣтми своими!», назовет сына и сноху имянем — «с дѣтками своими много лѣтъ!» А друшка болшей в тѣ поры станет сказывати, назвавъ тестя имянем: «Челом бьет зять твой имярекъ,— кубокъ двойчат золочен, бархат таков цвѣтом, сорокъ соболей!» Да теще дары также являет друшка: братина или стопа, камка, сорокъ соболей, назвавъ имянем: «Зять челом бьетъ, дары велят приняти».

А боярыни пойдут с новобрачною к себѣ в хоромы, и по времяни, как ѣхати, положат на собя наряды. И тесть, и теща, и приѣжжие бояре поѣдутъ к себѣ тѣм же обычаемъ, а провожаютъ их до лошадей, а боярын боярыни до саней — и прохлажаются на своихъ дворех, на обѣ половины бываетъ веселие. А друшки и свахи дожидаются, как пойдут новобрачной и новобрачная в сѣнник и, положивъ их, розѣжжаются по себѣ.

Приехав к себе, немного отдохнут, а в то время готовят стол. И как время настанет, новобрачную нарядят в главный наряд и пошлют дружку, чтобы позвал тестя, и тещу, и приглашенных бояр и боярынь к столу.

И тесть поедет в золотном наряде, и с ним приглашенные бояре также в золоте, по двое в ряд, а с ними и слуги возле коней пеши. И теща поедет в санях точно так же, и боярыни — в золотных летниках и в спусках, по одной в каждых санях.

И подъедут к свекру на двор бояре к лестнице, а боярыни к другой, и тут встречают бояр бояре, а боярынь боярыни, на крыльце или в сенях, по знатности. А где будет стол, тут на столе и фрукты.

Раньше придут боярыни, и сядет на главное место теща, за нею новобрачная да свахи, затем и боярыни приезжие и только за ними — здешние, а ниже всех сядет свекровь. Тесть же сядет на конце стола, подле него свекор, а на скамье приглашенные бояре приезжие, а под ними здешние бояре званые. Новобрачный же присядет возле отца, а тысяцкий и поезжане за боковым столом.

И как разместятся, свекор выходит, да и приезжие бояре, и кланяются свекрови и здешним боярыням, и спрашивают их о здоровье, и целуются, а затем переменят платье, выйдя в сени. А как сядут они за стол, подносят им вина, и фрукты, и напитки, но потом уберут фрукты и разнесут еду. А новобрачный, поднявшись, потчует отца и тестя и теще подносит в кубках питье, вина и лучшие меды. И как кончат к столу подавать, тесть встанет, а дружка второй начнет говорить свекру, назвав его полным именем: «Бьет тебе челом, чтобы пожаловал ты завтра у него за столом быть и пировать». И новобрачного, и званых бояр, и свекровь, и боярынь по именам дружка называет, а тесть кланяется, и новобрачный тестя и приезжих бояр потчует.

И как наступит время, принесут дары: кубок двойной или с крышкой, бархат или камка, и, налив в сосуды меду, станет говорить свекор тестю: «Дай, господи, хорошо нам жить с детьми своими», назовет сына и сноху по именам — «с детками своими много лет!». А дружка старший в то время начнет говорить, назвав тестя по имени: «Челом бьет зять твой имярек!» — кубком двойным, золоченым, бархатом такого же цвета да сороком соболей, и теще дары также объявляет дружка: братина или стопка, камка, сорок соболей, называя по имени: «Зять челом бьет, дары велит принять».

А боярыни пойдут с новобрачной к себе в комнаты и в то время, как ехать, нарядятся. И тесть, и теща, и приезжие бояре поедут к себе тем же порядком, а провожают их до лошадей, а боярынь боярыни до саней — и услаждаются по своим дворам, на обеих половинах наступает веселье. Дружки же и свахи дожидаются, как пройдут новобрачный и новобрачная в сенцы, и, положив их, разъезжаются по домам.

А на завтрѣе готовят мылну, и друшка от тестя приѣжжает с мыленными дары, полегче тѣх; сорочка, порты, поясъ, полотенце и что будет иное пришлет. А как изъ мылни учнет выходити, и тысецкой и поѣжжаня приѣдут и нарядяс в сенникѣ, пойдет новобрачной со всѣм поѣздом в хоромы отцу челом ударити и матери, а у них изготовлены овощи по тому ж обычаю.

За столом мати, новобрачная и свахи, и седячие боярыни, и бояре в скамье, и садятся по чину, и кушают овощи и взвары. А в тѣ поры приѣдет друшка от тестя и зовет отца и матерь, и новобрачново с новобрачною, и седячих бояръ и боярын, и его потчивая отпущают, и сами завтрокаютъ, переменивъ платье.

А у тестя изготовят столы по чину и овощи, и как время дойдет, пошлют друшку же звати к столу, и *отець* поѣдет у сына по правую руку, а тысецкой по лѣвую, а поѣжжаня перед ними по прежнему в наряде, а седячие бояре за ними такъ ж в наряде. А мати в санехъ в наряде, а против еѣ новобрачная, да боярыни седячие и свахи в санех по одной. А свахи садятся противу седячих боярын, которые ѣдут в первых.

А приѣхавъ, входят в хоромы, и встрѣча бывает имъ по чину: тесть стрѣчает свата и зятя, а теща стрѣчает сватью и дочерь. И входят за овощи и целуются приѣжжие бояре с тутошными боярынями, и понесут вина и взвары, и кушают овощи. И как время дойдет, боярыни пойдут в свои хоромы, а они туто послѣ овощей и учнут роздѣлыватися в приданом, и рядные подписывают. А будет в чем споръ, и они откладывают до иново дни. Да потом садятся за стол порознь: бояре себѣ, а боярыни в других хоромех. А после стола тесть благословляет зятя образы и дары: кубки и бархаты, и камки, и соболи, и лошади в нарядех, и доспѣхи, и — здоровает. Чаши пьют с сватомъ и с тысецким, и после стола на поѣздѣ положат на собя нарядное платье да пойдут отець да новобрачной и тысецкой и старишие бояре къ боярыням в хоромы, а с ними тесть — благословляет дочерь свою образы, платьем, суды, перстни, вотчину, приданые люди. Потом теща зятя благословляет образы, платье, суды, да дочерь свою благословляетъ и жалует сажаньем и платьем.

И потом поѣдут к себѣ, тѣм же обычаем в нарядех, а в ыные дни съѣжжаются и пируют по произволу.

А назавтра готовят баню, и дружка от тестя приезжает с банными дарами, поменее прошлых: сорочка, порты, пояс, полотенце,— и что-нибудь еще пришлет. А как из бани станет выходить, то тысяцкий и поезжане приедут, и, одевшись в сенцах, пойдет новобрачный со всеми поезжанами в комнаты отцу и матери челом ударить, а у тех приготовлены фрукты в том же виде.

А за столом мать, новобрачная, и свахи, и званые боярыни, и бояре на скамье — все садятся по чину, и едят фрукты, и пьют напитки. А в то время приедет дружка от тестя и зовет отца и мать, и новобрачного с новобрачною, и приглашенных бояр и боярынь, и, его попотчевав, отпускают, а сами, переодевшись, завтракают.

А у тестя приготовят столы по чину и фрукты, и, как время наступит, пошлют дружку звать к столу, и тогда отец поедет по правую руку от сына, а тысяцкий по левую, поезжане же перед ними по-прежнему в наряде, да и приглашенные бояре за ними также нарядно. А мать в санях и наряжена, а напротив нее новобрачная, а боярыни приглашенные и свахи в санях по одной. А свахи садятся напротив приглашенных боярынь, которые едут первыми.

И, приехав, входят в комнаты, и встреча бывает им всем по чину: тесть встречает свата и зятя, а теща встречает сватью и дочь. И входят все в комнату с фруктами на столах, и целуются приезжие бояре со здешними боярынями, и понесут вина и напитки, и едят фрукты. И как время наступит, боярыни пойдут в свои комнаты, и тут-то после фруктов начнут разбираться в приданом и рядные подписывают. А возникнет в чем спор, откладывают до другого дня. Потом же садятся за стол порознь: бояре особо, а боярыни в других комнатах. И после застолья тесть благословляет зятя образами и дарами: кубками и бархатом, и камками, и соболями, и лошадями в нарядах, и доспехами,— поздравляет. Чаши пьют со сватом и с тысяцким, а после застолья у поезда наденут на себя нарядное платье, и пойдут отец, да новобрачный, да тысяцкий и старшие бояре к боярыням в комнаты, а с ними и тесть — благословляет дочь свою образáми, платьем, сосудами, перстнями, именьем, придаными слугами. Потом теща благословляет зятя образáми, платьем, сосудами да дочь свою благословляет и одаривает украшениями и платьем.

И потом поедут к себе тем же порядком и в нарядах, а в остальные дни съезжаются и пируют, как пожелают.

ПОВЕСТЬ О НОВГОРОДСКОМ БЕЛОМ КЛОБУКЕ

ПОСЛАНИЕ ДМИТРЕЯ ГРЕКА ТОЛМАЧА НОВГОРОДЦКОМУ АРХИЕПИСКОПУ ГЕНАДИЮ

Пречестныя и великия святыя соборныя и апостольския церкви Софии премудрости божии первопрестолнику государю преосвященному архиепископу великого Новаграда и Пъскова владыцѣ Генадию слуга твоего святительства Митя Малой челом бьетъ. Твоим святительским благословениемъ и молитвами аз великого Рима града доидох во здравии и по твоему святительскому приказу о бѣломь клобукѣ в лѣтописных в римских книгах едва можах обрѣсти написание, понеже срама ради таят велми. И сие тебе повѣмъ, како обрѣтох писание о семъ.

Первие приласкахся аз ко книгохранителю церкви римския именем Иякову и многими дарми одарихъ его. Книгохранитель же онъ, видѣвъ мя любезно припадающа к себѣ и велию любовь яви ко мнѣ многими брашны и питии. И по многи дни прихождах к нему и в дому его вечерях с нимъ. И нѣкогда пришедшу ми к нему по обычаю вечеряти, он же с любовию срѣте мя и ем мя за руку введѣ в домъ свой. И в то время вечерях с нимъ, похваляя ему нашу греческую вѣру, и о Росиистеи земли також и о вѣре о благостоянии и о чюдотворцех, иже в Рустеи земли просиявших многими знамении и чюдесы. И потом сказах ему повѣсть чюдну зѣло о бѣлом клобукѣ, еже ты святитель великого Новаграда на главѣ своей носиши. Книгохранитель же онъ, яко услышавъ от мене сия, воздохнув о семъ велми и рече: «От древних и достовѣрных муж у нас сицева повѣсть обношашеся о семь прежде, яко клобукъ сий бѣлый честный, о нем же глаголеши, сотворен бысть в семъ велицемъ граде Римѣ царемъ Констянтиномъ и данъ бысть на почесть римскому папе Селивестру на главѣ носити. И ради согрѣшении наших, еже содѣяся в Римѣ сий клобукъ посланъ бысть в Констянтинград къ патриярху. Патриархъ же посла его в Рускую землю в великий Новъград».

ПОВЕСТЬ О НОВГОРОДСКОМ БЕЛОМ КЛОБУКЕ

ПОСЛАНИЕ ДМИТРИЯ ГРЕКА ТОЛМАЧА НОВГОРОДСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ ГЕННАДИЮ

Настоятелю пречестной и великой, святой соборной и апостольской церкви Софии, премудрости божьей, господину преосвященному архиепископу великого Новгорода и Пскова, владыке Геннадию слуга твоего святейшества Митя Малый челом бьет. По твоему святейшему благословению и по молитвам твоим достиг я великого города Рима в полном здравии и по твоему святейшему повелению в римских летописных книгах с трудом смог найти сказание о белом клобуке, потому что, боясь позора, там его очень скрывают. И вот поведаю тебе, как я нашел сказание об этом.

Прежде всего подольстился я к книгохранителю церкви римской по имени Яков и многими дарами его одарил. Книгохранитель же тот, видя любезное мое отношение, большое гостеприимство оказал мне многим угощеньем и питием. И часто приходил я к нему и в доме его с ним ужинал. И вот когда однажды пришел я к нему, по обычаю, ужинать, он с удовольствием встретил меня и, взяв меня за руку, ввел в свой дом. И тогда я ужинал с ним, расхваливая ему нашу греческую веру, а еще говорил ему о Российской земле, о вере и о благосостоянии и о чудотворцах, которые в Русской земле воссияли многочисленными пророчествами и чудесами. А потом и поведал ему рассказ весьма удивительный о том белом клобуке, который ты, святитель великого Новгорода, на главе своей носишь. И книгохранитель, как только услышал от меня все это, горько вздохнул и сказал: «От древнейших и самых надежных мужей у нас такая же повесть ходила об этом когда-то, будто клобук этот белый честной, о котором ты говоришь, создан был в этом великом городе Риме царем Константином и в знак почета римскому папе Селивестру дан был носить на главе. Но за многие наши грехи, сотворенные в Риме, этот клобук переслали в Константинополь к патриарху. Патриарх же послал его в Русскую землю в великий Новгород».

Аз же рѣх: «Есть ли написание здѣ?» Он же рече: «Есть ново написание здѣ, а древняго нѣсть». Аз же подробьну и с тихостию начах вопрошати его, да скажет ми подлинно о семъ о бѣломъ клобукѣ написание. Книгохранитель же онъ, вечеря много со мною великою любовию и видѣв мя тщателнѣ вопрошающа о семъ и сказа ми повѣсть сицеву.

«О семъ многу речению из нас преж сего во граде и взысканию бывшу о сем,— он глаголеть се,— и ин же ино, а истинны не вѣдая никто же, понеже зависти ради православных древнии началницы града того о семъ писание истребиша. От того же времени по мнозех лѣтех, егда турки обладаша царствующимъ градомъ, тогда нѣции благочестивии мужие Царяграда взяша множество греческих книгъ, хотяще соблюсти греческия вѣры от безбожных турокъ, и отплыша морем в Рим. Латынстии же людие наши тщеславнии зѣло и тщателны философскому учению от многих бо лѣтъ восточных учителеи желаху видѣти писания, но гречестии царие не изволиша тако быти, ради отступления иже от православия. Егда же улучиша время принесенныя убо от Грекъ книги в свои римскии язык преложиша, а греческия книги вси огнем сожгоша. О бѣлом же клобукѣ, о немъ же вопрошаеши, тако же написание з греческих книгъ в римския книги вновѣ написана бѣ, а преж того в римских книгах написания не бѣ о бѣломъ клобукѣ срама ради. И нынѣ се таят же велми».

Аз же, яко услышавъ от книгохранителя оного сицевая повѣствующа, и болми распаляхся желанием и со многимъ молениемъ припадах к колѣнома его, да бы ми дал написание се. И с великимъ заклинаниемъ едва упросих и в таи написах подлинно, и Осмочастную книгу и миротворныи Круг. И вся сия послал есми к тебѣ с московским гостемъ с Фомою с Саревым. И буди, государь, спасаяся и здравствуя о Христѣ и нас во святых своих молитвах не забуди, яко и прежде.

ОТ ИСТОРИЯ РИМСКИЯ ПОВЕЛѢНИЯ ЦАРСКАГО И ЧИНА СВЯТИТЕЛЬСКОГО НАПИСАНИЕ В КРАТЦѢ ЧЮДНЫ ЗѢЛО ОТ ЧАСТИ ЖИТИЯ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА РИМСКАГО И СОТВОРЕНИИ СВЯТИТЕЛЬСКАГО БѢЛАГО КЛОБУКА. И ОТКУДУ И КАКО НАЧАЛО ПРИЯША АРХИЕПИСКОПИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ЕЖЕ НОСИТИ ЕГО НА ГЛАВАХ СВОИХ, А НЕ ЯКОЖЕ ПРОЧИИ МИТРОПОЛИТИ. ЗДѢ ЖЕ О СЕМЪ ИЗВѢСТНО СКАЗАНИЕ ИМАТЬ

По смерти нечестиваго царя Максентия на кристияны гонение преста и бысть тишина велия. Человѣцы же живущеи в Римѣ окрестнии, аще и невѣрием бяху одержими, но веселием и радостию великою венчавше град свой. Восприяша же

Я спросил: «Записано ли все это?» Он же ответил: «Есть изложение новое, а древнего нет». И я в подробностях, но осторожно начал его расспрашивать, чтобы сказал ~~он~~ мне истину всю, об этом белом клобуке известную. И книгохранитель тот, долго со мною ужиная с большим удовольствием, увидел, насколько мне важно все то, о чем я прошу, и поведал мне эту повесть.

«Многие из нас,— так он начал,— разные слышали рассказы об этом в городе, но одни говорят одно, а другие — другое, истины же не знал никто, поскольку из зависти к православным прежние властители города все об этом написанное уничтожили. Однако много лет спустя, после того как турки овладели царствующим градом, некие благочестивые мужи из Царьграда взяли множество греческих книг, желая греческую веру сохранить от безбожных турок, и отправились в Рим морем. Наши же католики, люди суетные и очень усердные в философской науке, долгое время хотели ознакомиться с писаниями восточных учителей, но раньше греческие цари не позволяли им этого из-за их отступничества от православия. А тут воспользовались случаем и привезенные из Греции книги на свой латинский язык перевели, сами же греческие книги сожгли в огне. И о белом клобуке, о котором ты вопрошаешь, также рассказ из греческих книг в латинские книги заново был переписан, потому что прежде того из-за позора в латинских книгах не было сказания о белом клобуке. Да и теперь очень его скрывают».

Я же, услышав от книгохранителя все это, еще сильней разгорелся желанием прочесть и с горячею просьбой припадал к коленам его, чтобы дал мне об этом записи. И великими мольбами едва упросил его, и тайком переписал все доподлинно, а еще и Восьмичастную книгу, и Круг миротворный. И все это переслал тебе с московским купцом с Фомою с Саревым. Пребывай же, господин, спасаясь и здравствуя во Христе, и нас в святых своих молитвах не позабудь, как и прежде.

ИЗ РИМСКОЙ ИСТОРИИ СООБЩЕНИЕ КРАТКОЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПОВЕЛЕНИЯХ ЦАРСКИХ, О ЧИНЕ СВЯТИТЕЛЬСКОМ. ИЗ ЧАСТИ ЖИТИЯ БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА РИМСКОГО О СОТВОРЕНИИ СВЯТИТЕЛЬСКОГО БЕЛОГО КЛОБУКА, А ТАКЖЕ ОТКУДА И КАК ЕГО ВПЕРВЫЕ ВОСПРИНЯЛИ АРХИЕПИСКОПЫ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, ЧТО НОСИЛИ ЕГО НА СВОИХ ГОЛОВАХ, В ОТЛИЧИЕ ОТ ПРОЧИХ ИЕРАРХОВ,— ЗДЕСЬ ОБО ВСЕМ ЭТОМ ДОПОДЛИННОЕ ИЗВЕСТИЕ СОДЕРЖИТСЯ

По смерти нечестивого царя Максентия прекратились гонения на христиан, и настало полное спокойствие. Люди же, жившие около Рима, хотя и были неверием одержимы, но весельем и радостью отметили великое это событие в граде своем, приняли

с похвалами на царство великаго и славнаго Константина, спаса и благодателя нарицающе его. Благопоспѣшный же царь Констянтинъ прием царство скипетро Римское и велѣниемъ его вся по чину бываху царски и властельски. Во христианстеи же вѣре пребывающим во ослабѣ жити повелѣ. Християне же благодательство сие видяще, наипаче радовахуся и веселящеся творяху побѣдные празники, всесильнаго бога безпрестани славяще и царя Констянтина немолчно величаху. Православную же вѣру господа нашего Исуса Христа в Риме содержашу и укрѣпляющу тогда блаженному Селивестру епископу християньскому; в мале дружине и во утеснении пребывающу тогда и учащу ему люди *веровати* в господа нашего Исуса Христа, и сие творя втаи, а не явѣ страха ради жидовскаго и еллиньскаго, понеже царь Констянтинъ еллиньстей вѣре прилежаше тогда: идоломъ кланяшеся.

В третье же лѣто царства его блаженный Селивестръ папа римьский крести нѣкоего царева мужа Изумфера именемь и добре устрои его вѣровати в господа нашего Исуса Христа. Замбрия же нѣкто бѣ в Римѣ жидовинъ и волъхвуя и всѣми любим бѣ, с ним же блаженный Селивестръ послѣди чюдо велие сотвори, о семъ убо инде скажемъ. Сей же убо Замбрия не можаше зрѣти вѣры Христовы, собра вопрошая еллины и жидовы. Приидоша же ко царю и рекоша: «Господи великодьржавный царю! Града сего епископъ христианский Селивестр, поношая ны и укаряя нелѣпыми словесы, и добре проповѣдает распятого нѣкоего, наша же честныя и великия боги поношая и бесчестны творит я́. И твоего и великаго Изумфера своими словесы прелсти и сотвори его вѣровати в распятаго. И намъ о семъ смятение и печаль велию сотвори. Тако же и твоему величеству вещает, хотя и тебе прельстити и в распятого вѣровати, яко же Изумфера сотвори. И сего убо злотворца ни слышати можем, и молим тя, великии царю, повели убо намъ, да истребимъ его». Царь же, сия слышавъ, разгнѣвася зѣло на епископа, Изумфера ради, и хотяше его яти и в темницы затворити, а прочая християны разгнати. Селивестръ же яко услыша на ся гнеѣв царевъ, убояся и бежа и скрыся в горѣ нѣкоей и с клирики своими. Много же искаху его и не обретоша, богу же хранящу его на полезная. И пребысть крыяся время доволно.

Но творец всея твари господь наш Исус Христос не нужею приводя человѣческии родъ ко спасению, но волею, и комужждо вещьми разумь даетъ, тако же и здѣ хотя прославити угодника. В седмое убо лѣто царства своего *царь Константин* в слоновую проказу впаде, уязвен бысть по всему тѣлу острупивъ лежаше едва дыша. Мнози же чаровницы

на царство с похвалами великого и славного Константина, называя его спасителем и благодетелем. И сам готовый на благое, царь Константин принял скипетр Римского царства, и его повелением все как должно быть стало и в светской и в церковной власти. А тем, кто пребывал в христианской вере, повелел он жить без гонений, и христиане, благодеяние это видя, тем более радовались и, веселясь, праздновали победу, всесильного бога непрестанно славя и царя Константина также безумолчно величая. Православную же веру господа нашего Иисуса Христа в Риме сохранял и укреплял тогда блаженный Селивестр, христианский епископ; с малочисленными сподвижниками и в притеснениях находился он тогда и поучал своих последователей веровать в господа нашего Иисуса Христа, но делал он это втайне, а не открыто — из опасения преследований от вер иудейской и языческой, потому что царь Константин тогда и сам прилежал языческой вере: идолам поклонялся.

На третий год его царствования блаженный Селивестр, папа римский, крестил одного из приближенных царя, по имени Изумфер, и успешно наставил того веровать в господа нашего Иисуса Христа. И был в Риме некто Замбрия, еврей и колдун, всеми любимый, с которым впоследствии блаженный Селивестр великое сотворил чудо, о чем, впрочем, скажем в другом месте. И этот вот Замбрия не мог видеть христианской веры и собрал, призывая, язычников и евреев. Пришли они все к царю и сказали: «Господин всевластный царь! Города этого христианский епископ Селивестр, понося нас и укоряя непотребною речью, успешно меж тем проповедует о каком-то распятом, а наших славных и великих богов поносит и объявляет недостойными почитания. И твоего Изумфера-вельможу своими речами прельстил и склонил его к вере в распятого. И этим принес нам недоумение и печаль великую. А тем временем то же излагает и твоему величеству, желая и тебя прельстить верой в распятого, как это случилось уже с Изумфером. Так вот, об этом злодее мы и слышать не можем и умоляем тебя, великий царь, лишь повели нам, и мы уничтожим его». Царь же, это узнав, страшно разгневался на епископа из-за Изумфера и хотел схватить его и затворить в темницу, а прочих христиан разогнать. И Селивестр, лишь прослышал о царском гневе, испугался и бежал и скрылся на какой-то горе, чтобы бог сохранил его для полезных дел. И пребывал, скрываясь, долгое время.

Но создатель всей твари господь наш Иисус Христос не силой склонял человеческий род к спасению, но по желанию, и как он всегда деянием в разум вводит, так он и тут пожелал прославить угодника. И вот на седьмой год своего царствования впал царь в слоновую проказу, покрылся язвами по всему телу и в струпьях лежал, едва дыша. И многие чародеи

и волсви приходяще не точию от римлянъ, но и от персъ приходяще приведени, и ничто же успѣша. Наипаче на горшее пришедше и маломъ не прельстиша царя лукавии рекоша сице: «Подобаетъ купѣли быти в Капеталии римьстеи и исполнитися чистых перворожде младенецъ кровию мужска полу и горячею кровию измытися тебѣ и живот получиши, а телеса младенческая дати на жертву богом». Царь же вскоре сему быти повелѣ и во всей Римьстей области принесоша дѣтей 3000 мужеска полу. В потребный же день идущу царю с волхвы онѣми в Капеталию в младенчестей крови измытися жерцем готовым сущим на заколение дѣтей, и бысть слышати стонание и кричание велие непрестанно. Сия же слышав царь ужасеся и ста на единомъ мѣсте и узрѣ множество женъ стоящих простовласы, кричаще и плачюще и воздыхающе велиими гласы. Вопроси же царь грядущих с ним, кто сеи есть и что вина плача их. Рѣша же ему, яко убиения ради дѣтей онѣх плачють матери их. И побеждень быв царь жалостию и воздохнув из глубины сердца и начат плакати велиимъ гласомъ и глаголати: «Лучше ми есть самому умрети за спасение дѣтей, неже тѣмъ убиеным быти». И се рекъ возвратися в полаты своя и не точию дѣти матеремъ повелѣ отдати, но и имѣниемъ одаривъ отпусти. Жены же оны, восприимше чада своя во мнозѣ радости.

Тому же убо дневи мимошедши и нощному безмолвию пришедшу, явистася царю *во сне* святии апостоли Петръ и Павел глаголюще: «Понеже грѣхом не восхотѣл исполнитися и пролияти кровь неповинных возгнушася, от Христа бога нашего послани есьми дати тебѣ спасения образъ, им же здравие получиши. Послушай убо нашего заповѣдания и сотвори еже ти повелеваемъ. Иже града сего епископъ Селивестръ, твоего гонениа бѣгая, в пропастех каменных крыется в горѣ Сорепте, и сего призвав с честию повели приити к себѣ. Сей бо имать показати тебѣ купѣль спасения, в ней же измывся всю скверну струпъ своихъ очистиши и здравъ будеши и живота вѣчного сподобишися, живота ради данного тобою нескверным младенцем. И егда от святителя сию благодать примеши, воздаждь ему воздарение честное, да во всей вселенней церкви православных твоими велѣнми обновятся священною лѣпотою, и да прославится в них имя великаго господа бога и спаса нашего Исуса Христа, и святым его пѣниемъ да украшаются».

По явлении святых апостолъ от царя Констянтина взысканию бывшу о епископе и обрѣтоста его со всякою честию приведоста пред царя. И яко епископъ вниде в полату, царь же воста и первие цѣлова епископа и рече: «Здрава тя приемши радуемся, честный отче!» Селивестръ же рече: «Мир тебе с небесе дастъся и побѣда». Царь же сказа ему о видѣнии: «Нѣкая,— рече,—

и колдуны приходили не только из римлян, но даже и персы, но ни в чем не преуспели. И тогда решились на страшное и чуть не подвигли на это царя лукавые те, сказав: «Следует в Капитолии римском поставить купель и наполнить ее чистою кровью только что рожденных младенцев-мальчиков и этою горячей кровью тебе омыться, тогда ты поправишься; тела же этих младенцев дать в жертву богам». Царь повелел поскорее это исполнить, и из всей римской области принесли три тысячи младенцев-мальчиков. И в назначенный день, когда пошел царь с теми колдунами в Капитолий, чтоб в младенческой крови омыться, как только жрецы были готовы заклать детей, вдруг раздались страшные стоны и беспрестанные крики. Услышав их, царь ужаснулся и стал точно вкопанный и увидел множество простоволосых женщин, которые стояли, и кричали, и плакали, и стонали громкими голосами. И вопросил царь идущих с ним, кто эти женщины и в чем причина их плача. И ответили ему, что по случаю заклания этих детей плачут то матери их. И проникся царь жалостью, и, вздохнув от глубины сердца, начал плакать громко и говорить: «Лучше мне самому умереть во спасение этих детей, чем им быть убитыми». И, так сказав, воротился в покои свои и не только повелел вернуть матерям детей, но и, дарами почтив, отпустил. А женщины те соединились с детьми своими в великой радости.

Когда же тот день миновал и наступило ночное безмолвие, явились царю во сне святые апостолы Петр и Павел, так говоря: «Так как ты не захотел согрешить и кровь неповинных пролить погнушался, то от Христа, бога нашего, посланы мы дать тебе способ спастись, и посредством него ты получишь здоровье. Выслушай же наше приказание и исполни то, что тебе повелеваем. Так как этого града епископ Селивестр, избегая твоих преследований, в ущельях каменных скрывается на горе Сарепте, то, его призвав, с почетом вели явиться к тебе. Именно он и покажет тебе купель спасения, в которой омывшись, всю скверну струпьев своих очистишь, и станешь здоровым, и вечной жизни сподобишься благодаря той жизни, что даровал ты неоскверненным младенцам. И когда от святителя ты эту благодать примешь, воздай ему даром почетным, и пусть во вселенной всей православные церкви по твоему повелению обновятся священною красотою, и да восславится в них имя великого бога и спаса нашего Иисуса Христа, и службой во славу его пусть украсятся».

После явления святых апостолов царь Константин стал разыскивать епископа и, как только нашли его, с почетом привели к царю. И лишь вошел епископ в покои, царь встал и первым поцеловал епископа и сказал: «Во здоровьи тебя принимая, радуемся, честный отче!» И Селивестр ответил: «Мир тебе с небес дастся и победа». И рассказал ему царь о видении: «Неких,— поведал,—

два мужа нощию во снѣ явльша ми ся Петръ и Павелъ нарицаета себѣ имена и возвѣстиста ми яже о тебѣ. И се пришел еси сотвори о мнѣ еже имаши от бога дару и очисти мя от болѣзни моея сея. Но и еще молю тя, святый епископе: кто суть бози Петръ и Павелъ именуеми? Имаши у себе образа явльшихся мнѣ и да покажеши ми их и сотвори ми ею явлены и разумно ми будетъ, аще воистинну от бога посланным имъ быти». Селивестръ же рече: «Не истинна суть еже тѣх боги именовати, но апостоли суть господа нашего Исуса Христа и по томъ всякоя чести достойны». Отец Селивестръ божественных апостолъ образы своему диакону повелѣ принести, узрѣв же их царь на иконах и позна пред своими князи и велможами исповѣдався и глагола: «Воистину сих в видѣнии узрѣхъ, тии мнѣ глаголаста: посли ко епископу Селивестру — той ти покажетъ купѣль спасения!» И паде пред ногама епископу. Блаженный же Селивестръ воздвигъ его и поучивъ его от божественных Писании и заповѣда поста прияти седмь дней и во едином вретищи одѣяну быти и милостыню творити повелѣ и благословивъ сотвори его оглашенна и отыдеть.

Бысть же въ день недѣльный службѣ готовленѣ сущи Селивестръ же царю рече: «Вода сия, царю, еже видеши, призыванием святыя и животворящая Троица божественную силу приемлющи, яко же телеса извнутъ от всякие скверны очищает, тако и душа от всякого грѣха и от всякия скверны очищается и солнца свѣтлѣйшии творится. Вниде убо въ честную и священную сию баню и очистишися от всѣх сотворенных ти грѣховъ». Симъ же и инѣмъ реченным бывшим и благословив святыя воды, помазану же бывшу царю святымъ маслом и влѣзшу ему во святую воду, о великого таинства божия тогда бывшего! Внегда ему крещъшуся во имя святыя Троица, внезаапу сияние нѣкако безчисленнаго свѣта с небесе воссия и гласъ бысть яко мѣди звѣнящи, и изыде от воды добронравный и великий царь Конъстянтинъ весь здрав, струпа же от тѣла его отпадоша яко чешуя и чисть бывъ всюду. И рече к Селивестру: «О пречестный отче! Велика божия благодѣяния повѣмъ тебѣ: внегда убо тобою в нѣдрах купѣльных поставлен бых, рукою коснувшую ми с небесе своима видех очима, от нея же чистъ восстах и всякаго еже от проказа одержания познах очищена». Блаженный же Селивестръ слышав се, одеждами бѣлыми одѣя его и седмоличную святаго духа подастъ святаго помазания масть и знамениемъ святаго креста знамена рекъ: «Знаменает тя богъ вѣры своея печатию во имя Отца и Сына и святаго Духа». И весь собор отвѣща: «Аминь!» Святитель *рече*: «Мир ти».

Благодатиею же божиею царь Констянтин здрав бысть и наречен бысть во святом крещении Флавиянъ; радости же многия наполнися, велию славу воздая Христу богу и святителю

два мужа ночью во сне явились ко мне, Петром и Павлом назвали себя и возвестили мне о тебе. И вот ты пришел, так сотвори для меня все, что можешь, по благословению бога и очисти меня от этой болезни. Но еще и спрошу тебя, святой епископ: кто эти боги, по имени Петр и Павел? Если есть у тебя их изображения, так покажи мне и сделай их видимыми, тогда я точно пойму, что воистину посланы они от бога». Селивестр же сказал: «Неверно их называть богами, ибо они апостолы господа нашего Иисуса Христа, но вслед за ним достойны всякой почести». Отец Селивестр повелел своему диакону принести изображения святых апостолов, и, увидев их на иконах, царь тотчас узнал их, и признал это перед князьями своими и вельможами, и сказал: «Воистину видел их в сновидении, и они сказали мне: «Пошли к епископу Селивестру — и тот укажет тебе купель спасения!» — и упал епископу в ноги. Блаженный же епископ Селивестр поднял его и, наставив по божественному Писанию, повелел поститься семь дней, стоя в одном рубище, и милостыню повелел раздавать, а затем, благословив, объявил его оглашенным — и вышел.

И когда были в день воскресный готовы к службе, сказал Селивестр царю: «Эта вода, государь, какую ты видишь, обращением к святой и животворящей Троице восприняла божественную силу, и теперь она любое тело снаружи от всякой скверны очистит, но вместе с тем и душа от всякого греха и от всякой скверны очистится и станет светлее солнца. Так что войди в честную и священную эту купель и очистишься от всех сотворенных тобою грехов». Сказав и все это, и многое иное и благословив освященную воду, лишь только помазал епископ царя святым маслом и как только вошел тот в освященную воду — о! великое таинство божье тогда и случилось! Когда он крестился во имя святой Троицы, внезапный блеск какого-то беспредельного света с небес воссиял и голос раздался, подобный звенящей меди, и вышел из воды добронравный и великий царь Константин совершенно здоровым, а струпы с тела его отвалились, как чешуя, и весь он очистился. И сказал Селивестру: «О преславный отче! Великое благодеянье божье поведаю я тебе: когда был я поставлен тобою в глубинах купельных, своими увидел очами руку с небес, что коснулась меня, и от нее восстал я чистым, сразу почувствовав себя очищенным от всякой проказы». Блаженный же Селивестр, услышав это, одеждами белыми покрыл его и семь раз помазал его миром, говоря: «Знаменует тебя бог веры своею печатью во имя Отца и Сына и святого Духа». И все собрание отвечало: «Аминь!» Святитель: «Мир тебе».

Так благодатию божьей царь Константин поправился и в святом крещении был наречен Флавианом; исполнившись многою радостью, великую славу воздал Христу богу и святителю

Селивестру, и не вменяше его человека суща, но чтяше его яко бога и отца его себе нарече и папою именова. Вси же людие, елицы под Римьскою державою, возрадовашася зѣло не точию царева ради исцеления, но и чад своих ради, еже собрани бѣша на заколение здравия ради царева. Сих всѣх живых приемши матери их, и тогда радость велия бысть во всей Римстей дрьжаве.

По исцелении же своемъ царь Константин и по повелѣнию святых апостол и поучениемъ блаженнаго папы Селивестра, преже всего повелѣ собрати мощи святых мученикъ, умерших от нечестивых царей за вѣру Христову и благочиннѣ гробомъ предати повелѣ. И во изгнании сущих приведе и в темницах и во юзах сѣдящих свободи и отъятыя имѣния отдати повелѣ. Церкви же божия поновляти успѣхомъ многим, еллиньския же храмы разоряти и огнем сожещи повелѣ, а имѣния их святымъ церквамъ отдати. И со словомъ вскоре дѣла быша, и вся по чину бываху, яко же лѣпо християнскимъ царемъ владѣтельство. Папе же Селивестру царь Константин многая благодарения воздаде на церковныя чины и самому святѣйшему папе на послужение от своих царских чинов и величествъ и многие чины устрои, и венецъ царский хотяше положити на главу его. Папа же рече: «Царю великий, не лѣпо есть намъ твоего царскаго венца носити на главѣ; аще и епископскаго сана сподоблень бых, но мних есмь по обѣщанию. И сего ради молимся всемогущему богу, да в будущем вѣце вѣчная благая приимем от него». Царь же, любовию побѣждаем, оскорбися о словеси венца ради, папа же рече: «Не скорби, царю! Твое есть еже носити златый вѣнець и вся красная мира сего; наше же должно есть о твоем царствии бога молити и смиренная и плачевная носити на тѣле своем за царскую красоту. Тако же должно есть нам и о всем мире молитвы воздаяти богу — не точию о вѣрующих в господа нашего Исуса Христа, но и о невѣрующих; о вѣрующих убо спасения ради, о невѣрующих же крещения ради, да и тии спасение улучат, яже о Христѣ Исусе, яко же рече блаженный апостолъ Павелъ». Сия же слышав царь, умилися и с великимъ молениемь зовяше святителя, да яст у него.

Егда же прииде папа в царский двор, царь же самь срѣте его и своима рукама поддержа его. Тако же и прочему священническому чину и клириком и мнихомь честь велию воздаде. Во время же ядения боголюбивый он царь своима рукама поставляя брашна святѣйшему папе и протчим и велми чтяше его, и в радости велице предстоя ему, яко богу, и беспрестани зря на лице его и мысляше неослабно, да кацѣм образом состворит ему одѣяние на главѣ носити вмѣсто царскаго вѣнца, и недоумѣяся. Прочая же священии мнихи такожде доволно питая, учрежая же ихъ всѣми царскими брашьны и во всемъ угажая имъ, предстояния ради церковнаго. По скончании же оного преславнаго

Селивестру и не признавал его за человека, но чтил его словно бога и отцом своим называл и объявил папою. И все люди, бывшие под римской властью, радовались не только выздоровлению царя, но и за детей своих, которых собрали на заклание ради здоровья царя. Всех их живыми получили матери, и радость великая тогда воцарилась во всей Римской державе.

После своего исцеления царь Константин по повелению святых апостолов и по поучению блаженного папы Селивестра прежде всего приказал собрать останки святых мучеников, погибших от нечестивых царей за веру христову, и благочинно повелел предать их погребению. И всех, кто в изгнании был, возвратил, а сидящих в темницах и узилищах освободил, отнятые имения повелел возвратить, церкви же божьи обновлять всякой утварью, а языческие храмы разорять и огнем сжечь велел, имущество же их передать святым церквам. А за словом вскоре и дела последовали, и все устроилось, как и положено христианским государям. Папе же Селивестру царь Константин многие дары поднес на церковные службы, да и самому святейшему папе для службы из своих царских средств и придворных чинов создал достойный случаю сан, и даже царский венец хотел возложить на его главу. Но папа сказал: «Великий государь, не пристало нам на главе носить твой царский венец; даже если и сподоблен епископского сана, все равно я простой монах по моему обету. И потому помолимся всемогущему богу, чтобы в будущей жизни воспринять от него вечных благ». Царь же, полный признательности, обиделся на эти слова о венце, но папа сказал: «Не обижайся, государь! Твое дело носить золотой венец и всю красоту сего мира; наше же дело — бога молить о царстве твоем и вместо царской красоты носить на теле своем знаки смирения и печали. И еще нам следует обо всем мире возносить молитву к богу — не только о верующих в господа нашего Иисуса Христа, но и о неверующих; ибо молимся о верующих — спасения ради, о неверующих — ради крещения, чтоб и они получили крещение во Иисусе Христе, как и сказал блаженный апостол Павел». Все это услышав, царь растрогался и с великим желанием пригласил святителя у него обедать.

И когда папа в царский дворец пришел, царь сам его встретил и обнял. Такую же великую честь он воздал и прочим церковным чинам, и клирикам, и монахам. Во время обеда боголюбивый тот государь собственноручно подавал блюда святейшему папе и всем остальным, и всячески его почитал, и, в радости великой пребывая пред ним, непрестанно вглядывался в лицо его, и неотступно размышлял, какое бы придумать ему одеяние, которое можно было бы носить на голове вместо царского венца, и не мог придумать. И прочих святых монахов столь же сытно кормил, угощая их всякими царскими брашнами и во всем угождая им во славу церкви. По окончании же этого славного

пирования святѣйший папа хотяше отити во своя. Благочестия любитель благовѣрный онъ царь повелѣ привести предсѣдания с конми своего царскаго сана и величества и со многимъ благочиниемъ своими руками поддержа блаженнаго папу и посади его на мѣсте честно и поклонився отпусти его с миромъ. И потом вниде в ложницу свою почити.

Спящу же ему на одрѣ нощию и явистася в видѣнии святии апостоли Петръ и Павел в славѣ велицѣ и рекоша: «Царю, о здравии твоемъ радуйся, яко от епископа Селивестра сподобися святого крещения и вѣру яже в господа нашего Исуса Христа, распятаго от июдѣи и въскресша в третий день и вся яже научи тя святый епископъ. Вѣнца же царствия твоего епископъ не взя и на главѣ своей носити не восхотѣ, понеже мних есть: от златаго же украшения, еже носити на тѣле своемъ во обѣщании своемъ отрекошася. Ты же, аще хощеши божия святителя честнѣйша имѣти и вышша паче всѣх, сотвори ему одѣяние на главѣ носити лицемъ бѣлейшимъ по подобию святительскаго и мнишескаго чина сицевым образом». И показа ему еже имяху в руках своих, одѣяние бѣло, достойно бяше святителемъ на главѣ. Царь же рече имъ: «Господие мои, вся повелѣная вами да сотворю; повѣдайте ми, кто еста вы — в пришествии бо вашемъ зѣло возрадовася сердце мое и свѣт сладокъ осия мя». Они же рѣша: «Мы есвѣ апостоли Петръ и Павел, иже прежде бѣхомъ у тебе, егда ты несущему богу вѣрова. Нынѣ же истиннаго бога позна, паче же познанъ еси от бога. И се второе послани есвѣ от спасителя Христа бога дати тебѣ разумъ благочестия в вѣру господа нашего Исуса Христа, понеже послушал еси велѣния нашего и живота вѣчнаго сподобися рукою святѣйшаго епископа». Царь же рече: «Господие мои, нынѣ разумно вижу и познах ваша святая лица, и аще не бы вы предстали во явлении вашемь, вмале не подвижася нога моя, яко возревновах на безаконыя зря. И аще не господь помоглъ бы ми, вмале вселилася бы во адѣ душа моя, и мало не скончаша мене на земли злии они врази и отступницы, бѣсовстии служителие». Апостоли же реша: «Нынѣ вся, яже повелит ти епископъ, твори и спасешися, и сынъ свѣта будеши и небеснаго града гражданинъ». И сии глаголавше невидими быша. Царь же от сна воспрянувъ и скоро притече к папе радостенъ и повѣда ему вся реченная от апостолъ. Папа же благодари бога о сем, яко незабвенно дѣло его бѣ пред богомъ. И абие поиде царь во своя.

От многия радости любовию побѣждаемъ и от святаго духа вразумляемъ, повелѣ привести пред ся вскоре ризошвецъ мудрѣйших, иже искусни суще утвари всякия плетенная творити, и вмѣсто царскаго вѣнца веляше имъ сотворити клобук бѣл на главу блаженному папе, по повелѣнию святых апостолъ и по образу, еже показаша ему святии блаженнии апостоли. И своею рукою назнаменавъ имъ яко же видѣ в руках святых апостол.

пира святейший папа пожелал вернуться к себе. Почитатель благочестия, благоверный царь повелел привести колесницу с конями, достойными его величия и царского сана, и с бесконечным благоговением обнял святого папу, и усадил его на почетное место, и, склонившись, отпустил его с миром. А затем вошел в свою опочивальню отдохнуть.

И когда он спал на ложе своем ночью, явились ему во сне святые апостолы Петр и Павел в бесконечном сиянии и сказали: «Государь, порадуйся своему выздоровлению и тому, что от епископа Селивестра сподобился ты святого крещения, уверовав в господа нашего Иисуса Христа, распятого иудеями и воскресшего на третий день, да и всему, чему научил тебя святой епископ. Венца же царства твоего епископ не взял и на голове своей не захотел носить, ибо монах он: и от золотого нательного украшения отказался. Ты же, если хочешь святого почтить выше всех других, сделай ему для ношения на голове убор, цветом белейший, а видом — как у священников или монахов». И показали ему то, что было у них в руках, белый убор, достойный головы святителя. Царь же сказал им: «Государи мои, все повеленное вами я исполню; поведайте мне, кто вы — лишь только вошли вы, как сердце мое возликовало и сладкий свет осиял меня». Они же ответили: «Мы двое — апостолы Петр и Павел, мы и прежде были у тебя, когда еще ты веровал в ложного бога. Ныне же истинного бога познал, но также и бог узнал о тебе. Потому и вторично посланы мы спасителем богом Христом указать тебе смысл благочестия в вере в господа нашего Иисуса Христа, так как внял ты нашим велениям и вечной жизни сподобился рукою святейшего епископа». И сказал царь: «Теперь, государи мои, действительно вижу и признал я ваши святые лица и понимаю, что, если бы вы не предстали тогда предо мной, поддался б я чарам язычников. И если бы господь не помог мне, скоро низверглась бы в ад душа моя, да и без того чуть не погубили меня на земле злые враги и отступники, служители бесов». И сказали апостолы: «Отныне все, что ни прикажет тебе епископ, исполняй, и спасешься, и станешь сыном света и небесного града жителем». И, так сказавши, исчезли. Царь же, от сна воспрянув, сразу пошел к папе в радости и передал ему все, что сказали апостолы. И папа возблагодарил бога за то, что дело его не осталось не замеченным богом. А царь тут же вернулся к себе.

И желанием побуждаемый, вразумленный святым духом, в великой радости повелел он собрать поскорее самых лучших портных, искусных в вышивании всяких нарядов, и велел им изготовить белый клобук вместо царского венца на голову святого папы — по велению апостолов и по образцу, какой указали ему эти святые апостолы. И своею рукою начертал им то, что видел в руках у святых апостолов

Богу же поспѣшествующу не по мнозех днех сотвориша его зиждущеи по повелѣнию цареву и устроиша его чюдно и принесоша его ко царю. И абие изыде от него благоухание велие. Царь же видѣвъ удивися сотворению сего, тако же и благочинию.

В нарочитый же день празника божия зѣло рано еще сущи, папа Селивестръ идяше ко утреннему пѣнию и абие на пути осия его свѣтъ велий от небесе, и глас бысть глаголющь сице: «Епископе, внимай себе — царь Констянтинъ сотвори одѣяние бѣло носити тебѣ на главѣ ты же приемъ, постави его в церкви божии, идѣже служиши, дондеже восстанетъ дому владыка, ему же уготовася свѣтильникъ сей». И абие по гласѣ томъ подъяся свѣтъ онъ к небеси и раступися небо и прияти. Папа же стоя на единомъ мѣсте и видѣнию дивяся и свѣт осия сердце его и грядущих с ним: сии тако же свѣт видѣша и глас божии слышаша. По свѣте же оном нощь паки бысть, и вси устрашишася. Селивестр же дивяся видѣнию и недоумѣяся о глаголѣ семь. И вшед в церковь и все пѣние утреннее стоя и смышляя в себѣ глаголаше: «Кто вразумит мя, что преславное се видѣние, и что се хощетъ быти?»

В уреченный же час дни того, егда творяху божественную службу, папе пришедшу в церковь, благовѣрный же царь Констянтин облечеся в царскую порфиру и венецъ царский возложи на главу свою, со множеством синклита своего. И сего святого клобука принесе во церковь и со всякою христоподобною честию своими руками положи сего на главу блаженному папе и рече: «Такову ти достоит быти свѣтлу, яко же солнцу посредѣ всѣх человекъ, о пресвятый отче и учителю!» Папа же рукою своею сотвори на царѣ крестное знамение, царь же папу цѣлова в руку и в клобук и поклонився ему благочинно. Селивестръ же в клобукѣ ономъ съ своего мѣста соступив и мало отшед и со многим благоговѣинством поклонися в немъ царю и ста на мѣсте своем. В то же время в церкви бѣ нѣкто царевь бояринъ Симеонъ именем, царю предстоя и держа блюдо злато — ухищрено же бѣ жемчюгомъ и камениемъ драгим, на нем же царь венецъ главы своея полагаше. Папа же испроси у царя блюдо оно и сня клобукъ съ главы своея и положи его на нем. И любезно цѣловав со всѣми святители и постави в церкви на нарочите мѣсте, по гласу явльшемуся ему во свѣте господни. И на господьские празники точию возлагаше на главу свою и честно творяше, и паки поставляше его на том же мѣсте. Тако же заповѣда и по преставлении своем творити.

В третье же на десят лѣто царства своего благовѣрный царь Констянтинъ совѣтъ благь приемъ и рече, яко: «Идѣже святительская власть и християньскаго благочестия глава небесным царемъ уставлена бысть, не у достойно есть тамо власть имѣти земному царю». И написания благочиннѣ предавъ и

Так с божьей помощью через несколько дней изготовили мастера клобук по велению царскому, и украсили его чудесно, и принесли к царю. И тотчас изошло от него великое благоухание. Царь же, увидев его, поразился и созданному и его совершенству

И в торжественный день праздника божия, хотя и было еще очень рано, папа Селивестр шел к утренней службе, как вдруг на пути осиял его свет небесный и голос раздался, говорящий так: «Епископ, внимай — император Константин изготовил тебе, носить на голове, белое одеяние; но ты, его приняв, поставь в церкви божьей, в которой служишь, пока не прибудет владыка дома, которому предназначен светильник сей». И сразу же после сказанного воспарил тот свет к небесам и небо расступилось и приняло его. Папа же застыл на месте и видению поражался, и свет осиял сердце его и всех с ним идущих; и они этот свет видели и слышали голос бога. А после такого света вновь наступила ночь, и все ужаснулись. Селивестр же дивился видению и постигал смысл этих слов, так что, войдя в церковь, всю утреннюю службу стоял и размышлял, говоря сам себе: «Кто же вразумит меня, в чем смысл преславного этого видения и что случится?»

И в назначенный час того дня, когда совершали торжественную службу, после прихода папы в церковь благоверный царь Константин облекся в царскую одежду, и царский венец возложил на главу свою, и пошел в окружении многих своих придворных. И этот святой клобук принес он в церковь и своими руками торжественно возложил его на главу святого папы, сказав: «Вот таким и достойно тебе быть светлым, подобно солнцу среди людей, о пресвятой отец и учитель!» И папа рукою своей осенил царя крестным знамением, а царь поцеловал папе руку и клобук, склонился пред ним почтительно. Селивестр же в том клобуке с места своего сошел, и, чуть отступив, благоговейно склонился в нем перед царем, и вернулся на свое место. В то время в церкви был один из вельмож царя, по имени Симеон, который стоял перед царем, держа золотое блюдо, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, на которое царь обычно возлагал царский венец. И папа попросил у царя то блюдо и снял клобук с головы своей и положил на блюдо. А затем вместе со всеми служителями благоговейно поцеловал его и поставил в храме на почетном месте, в соответствии с гласом, явившимся ему в господнем сиянии. И отныне только в господни праздники возлагал он клобук на главу свою с почтением и ставил затем его на то же место. Так же завещал он поступать и после его смерти.

На тринадцатый год своего царствования благоверный царь Константин принял великое решение и сказал: «Там, где священническая власть и глава христианского благочестия небесным царем установлена, не подобает земному царю власти иметь». И, изложив в законе, как положено, передал власть и, приняв

благословение от папы веземъ и великий Римъ поручи ему. Сам же преиде в Византию и созда град великъ и славенъ и нарече его во свое имя Констянтинград и живяше ту.

По преставлении же святѣйшаго папы Селивестра вси православные папы и епископи творяху велию честь святому бѣлому клобуку, яко же заповѣда блаженный Селивестръ. И тако преидоша лѣта многа во благочинии ономъ.

Богопротивник же и человѣческому роду супостат и врагъ дияволъ сотвори рать велию на святую церковь. Воздвиже нѣкоего царя Карула именемъ и папу Фармуса и научи их прелстити християнский род своими ложными учении и отступити повелѣша от православныя Христовы вѣры и раздрати соединение благочестия святыя апостольския церкви. И бесовскимъ умышлениемъ тии скверниии учителие православную христову вѣру и апостольския и святых отецъ предания отврьгоша и во Аполинариеву ересь превратишася и опресночная вмениша в правду, а истинная Христова предания и святых апостолъ и отеческия поставиша во лжу. И святую апостольскую церковь оскверниша неправыми учении и служении. И святаго бѣлого клобука не любяху и чести ему не воздаяху, яко же заповѣдано бѣ исперва, но веземше его и положиша на том же блюде в придѣле нѣкоем церковныя стены заключиша и на дверцах написаниемъ написавше латинскою рѣчию сице: «Здѣ сокровен есть бѣлыи клобукъ папы Селивестра». Пребысть же лѣта многа тамо богомъ храним.

По мнозех же временех воста инъ папа того же латинскаго служения, иже отнюдь не любя христовы вѣры и святых апостолъ предания и учения, гордостию превознесеся и святых иконъ поклоняние конечно отложи. И нѣкогда вшедшу ему во олтарь, узрѣ на дверцех онѣх написание о бѣлом клобукѣ и прочет восхотѣ видѣти его и повелѣ отврьсти его — двери оны. Егда же отврьзоша их и изыде воня благовония многа неизреченна и чюдна зѣло. Папа же взя блюдо с клобукомъ и дивися сотворению его. И от бѣса пострекаемъ возненавидѣ его и положи его паки в том же придѣле и заключи его твердо. Потом же во многи нощи и дни папа онъ во снѣ многащи слышит глас, евангельскою рѣчию глаголющь сице: «Не может град укрытися врьху горы стоя; ни вжигают свѣтилника и поставляют под спудом, но на свѣщникъ возлагают, да свѣтит всѣмъ». Папа же дивяся гласу тому и возвѣсти в сонмищи советникомъ его и докторомъ. И мысль положше, яко глас сий бывает клобука ради оного, и от бѣса пострекаеми, хотяше его сожещи посреди града Рима. Богу же не попустившу сотворити им сего и страх нападе на них и убояшася народа. И на иную мысль преидоша: отослати его в дальная страны замория своего скевернаго учения и тамо его опоругати и истребити на устрашение оставшимъ християномъ. И веземше

благословение от папы, поручил его власти великий Рим; сам же перешел в Византию, и построил великий и славный город, и назвал его по своему имени Константиноград, и проживал тут.

И по смерти святейшего папы Селивестра все православные папы и епископы воздавали великие почести святому белому клобуку, как и завещал блаженный Селивестр. И так прошли многие годы.

Противник же богу и человеческому роду, супостат и враг дьявол навел на святую церковь великую войну. Поднял некоего царя, по имени Карл, и папу Формоза, и подучил их прельстить христианский род лживыми их учениями, и повелел отступить от православной христовой веры и разорвать благочестивое единство святой апостольской церкви. Так, по бесовским замышлениям те нечестивые учители православную христову веру и заветы апостолов и святых отцов отвергли, и в аполлинариеву ересь впали, и опресночную службу признали правильной, а истинные заветы Христа, и святых апостолов, и святых отцов объявили ложными. И святую апостольскую церковь осквернили ложными учениями и службами. И святого белого клобука не признавали и чести ему не воздавали, хотя это было завещано изначала, но взяли его и положили на то же блюдо в дальнем приделе и заложили в стене, написав на крышке слова латинскою речью так: «Здесь сокрыт белый клобук папы Селивестра». И пребывал он там много лет, богом хранимый.

Прошли времена, и появился другой папа того же латинского обряда, который совсем не любил христовой веры и заветов и учения святых апостолов, возносился гордынею и навсегда отменил поклонение святым иконам. И вот однажды вошел он в алтарь, и увидел на крышке этой слова о белом клобуке, и, прочтя надпись, пожелал его видеть, и повелел раскрыть тайник. Когда же его открыли, изошел благовонный запах, неизреченный и сильный и бесконечно чудесный. И взял папа блюдо с клобуком и дивился его совершенству. Но, подстрекаемый бесом, возненавидел его, и снова положил в том же приделе, и накрепко его запечатал. И вот после этого в течение многих ночей и дней тот папа во сне часто слышит глас, евангельскими словами изрекающий так: «Не может город укрыться, на вершине горы стоя; не возжигают светильник, скрывая его в сосуде, но ставят на подсвечник, чтобы светил всем». И папа, дивясь тому гласу, возвестил о нем в собрании советников своих и ученых. И поняли они, что глас напоминает о клобуке, и тогда, подстрекаемые бесом, хотели сжечь его посреди города Рима. Когда же бог не попустил им этого сотворить, напал на них страх и испугались они верующих. И пришли к иной мысли: отослать клобук в дальние страны заморские, в которых исповедовали то же ложное учение, и там над ним надругаться и уничтожить на устрашение всем остальным христианам. И потому, взяв

клобукъ он святый, вложиша его во вретище бесчестно, а златое блюдо себѣ удержаша, и посланники суровы и бесчинны отрядивше и написания даша повелѣнная сотворити имъ и отпустиша в корабли с гостьми, пришедшими купля дѣяти.

И пловущим по морю и нѣкто посланникъ Индрикъ именем,— суров и житиемъ поган,— упився пьянством и усты своими глаголаше скверная и хотяше сѣсти верху святаго клобука. И абие мракъ темен нападе на нь и невидимая божия сила не даде ему сѣсти и рину его от мѣста того и удари о корабльныи мостъ и паки подъя выше и удари его о край корабля. И бысть расслабленъ рукама и ногама и лице его назадъ обрати, очи же развращены имѣя и кричаше беспрестани: «Ох, помилуйте мя!» И тако злѣ изчезе, вопия: «Ох, помилуйте мя!» Прочии же клеврети его, видящи сия ужасошася и боящеся держати его мертва в корабли, да нѣчто зло постражут от морскаго волнения, и ввергоша его в море и погрязе.

С тѣми же посланники бѣ некто инъ Еремѣя имянем, иже втай держаше вѣру христову и милостыня многи творяше нищимъ и святый сей клобук втай чтяше. И видѣ клеврета своего пострадавша злѣ и страх обьятъ его. И пловущимъ им по морю пять дни, и яко бысть в полунощи и всѣх сонъ объят, и прииде глас глаголющь сице: «Иеремѣе, утвержаися о господѣ бозѣ и почитай святая честнѣ и храни еже носиши и спасенъ будеши от моря». Иеремѣя же, услышав глас, и воспрянув от сна и страх обия его и недоумѣяся о глаголѣ семъ. И внезапу тма нападе на них и громи велицы воссташа и с небесе молниямъ блистания многа явишася и зажже корабль и смолу корабленую развари и вся сущая люди и рухляди корабленыя пожже и потопи и корабль разлама и вся сущая в немъ погибоша. Точию Еремѣя онъ преждереченный на единой дцкѣ сохраненъ бысть, и вретище с клобуком взя и крѣпьце держа его и беспрестани зовяше велиимъ гласом: «Благовѣрный царю Констянтине с своимъ учителем святымъ папою Селивестромь, святаго ради клобука сего, сотвореннаго вами, избавите мя в час сей от належащая сея бѣды!»

И абие вскоре тишина бысть и свѣт восия. И явишася два мужа свѣтлостию сияюща, от них же и воздух освятися, по морю ходяще, яко по суху. Единъ в воиньская одѣянъ и венецъ царский на главѣ его, другий же святительския ризы на собе нося. И вземше уже корабля оного и привязаша за конец дцки и привлекоша Иеремия ко брегу нѣкоему, знаему сушу. И клобукъ святый из вретища выняша и цѣловавше его с великою любовию и положше его паки в то же вретище и даша Иеремию и рекоша: «Внимай себѣ, Иеремие, и блюди со опасением еже носиши и повѣдай елика ти сотвори богь сего ради». И невидими быша. Иеремия же

тот святой клобук, обмотали его грязным тряпьем, золотое же блюдо при себе удержали, и потом, послов отрядивши грубых и наглых, дали им письменные повеления, что надлежит делать, и отправили в кораблях с купцами, пришедшими в Рим торговать.

Когда же плыли они по морю, один из посланных, по имени Индрик,— грубиян и нравом язычник,— упившись допьяна, изверrал устами своими скверное и захотел даже сесть на святой клобук. И тотчас мрак кромешный напал на него и невидимая божественная сила не дала ему сесть, и отшвырнула его от места того, и ударила о корабельную палубу, и снова вскинула вверх, и ударила его о борта корабля. И отнялись у него руки и ноги, а лицо его вывернулось назад, очи же его вращались, и кричал он неумолчно: «Ох, помилуйте меня!» Вот как страшно он умер, вопия: «Ох, помилуйте меня!» Остальные его помощники, видя все это, ужаснулись и, боясь держать мертвеца на корабле, чтобы не пострадать от ужасной морской бури, тут же бросили его в море, и он утонул.

А среди тех послов был и еще один, по имени Еремей, который втайне придерживался христовой веры и подавал многие милостыни нищим, и этот святой клобук втайне почитал. Лишь увидел он спутника своего, столь ужасно погибшего, был объят страхом. И как проплыли они еще по морю пять дней, среди ночи, когда остальных объял сон, раздался глас, изрекающий: «Еремей, укрепляйся о господе боге, и почитай святыню с честию, и сохраняй то, что носишь, и будешь спасен в бурю». И Еремей, услышав глас, воспрянул от сна, и страх объял его, и недоумевал он, что значит такая речь. Но тут внезапно тьма напала на них, и раздались сильные громы, и в небесах заблистали многие молнии, и подожгли корабль, и смолу корабельную растопили, и все, что в нем было, и людей и товар, сожгли и потопили, сам же корабль развалился, и все в нем бывшие погибли. И только Еремей спасся на одной доске, и, тряпицу с клобуком схватив, он крепко держал его, беспрестанно крича громким голосом: «Благоверный царь Константин и учитель его святой папа Селивестр! ради священного этого клобука, вами созданного, избавьте меня сей час от нависшей надо мной беды!»

И тотчас настала тишина, и свет воссиял, и появились в сиянии света два мужа, от которых и воздух засверкал: шли же они по морю, как посуху. Один из них — в воинских доспехах с царским венцом на главе, другой же носил на себе святительские ризы. Взяли они веревку с погибшего корабля, и привязали ее к концу доски, и повлекли Еремея к берегу, уже видимому с моря. А потом из тряпицы вынули клобук святой, и, поцеловав его с великим почтением, положили снова в ту же тряпицу, и вернули Еремею, сказав: «Возьми себе, Еремей, и сохраняй со старанием то, что носишь, и всем расскажи о том, что было, ибо и спас тебя бог только ради этого». И исчезли. Еремей же

вретище оно с клобукомъ взя на раме свои носяще и по триехъ днех прииде в Римъ и вся бывшая папѣ повѣда.

Папа же, таковая слышав, ужасеся страхом велиим и нача браду свою терзая кусати. И повелѣ клобукъ онъ положити на предиреченнемъ златом блюде и постави его в церкви. И по том не смѣяше ему ни коего же зла сотворити, а почести ему не воздаяше ни коея же: омрачен бо бѣ диаволим ухищрением, вь еретическая сведен со отступники его. И мысляше всегда, что сотворити клобуку оному злая.

Человеколюбецъ же богъ, вся строя на ползу и соблюдая святыню свою на пречестную похвалу. В нѣкую нощь, спящу папе оному на ложи своему, и прииде к нему ангелъ господень страшенъ образомъ, в руцѣ имѣя мечь пламененъ. И испусти изо устъ своих глас, яко гром — от гласа же его потрясошася полаты папины. И рече ему: «О злый и скверныи учителю! Не довлѣ ли ти осквернити святую христову церковь и многи душа человѣческия погубисте своими неподобными учении и отступисте от праваго пути божия и поидосте в путь сатанин? Нынѣ же конечне хощеши противен стати богу своим гнилымъ буйствомъ и святый бѣлый клобукъ умыслисте послати в нечистая мѣста и хотѣсте его опоругати и истребити. Но владыка всея твари соблюде его своим смотрением, ты же, скверный, нынѣ с великою честию вскоре посли сего святаго клобука в Констянтинград к патриярху, и сему повелѣно будет устроити яже о нем. И аще сего не сотвориши, то пожгу домъ твой и смерть злу наведу на тя и предам тя безвременно вѣчному огню». И сия глаголавъ, невидимъ бысть.

Папа же вскочи от сна весь трясыися и страхомъ велиимъ одрьжим бѣ и не смѣя ослушатися повелѣннаго ангеломъ. Во утрий же день созва единомысленныя своя и повѣда имъ страшное ангельское явление. И прииде в церковь, хотя взяти святый клобукъ онъ, и абие узрѣ страшное видение: прежде взятия, блюдо оно златое и с клобукомъ подъяся выше человека и паки ста на мѣсте. Папа же с великим страхомъ обоя своими руками взя и положи их в сосуд честенъ и печатавъ своими печатми и отряди честны мужа и написание давъ имъ и посла их в Констянтинъград к патриарху.

В Констянтине же граде бѣ тогда Филофие патриарх, постомъ и всякою добродѣтелию украшенъ. И сему в видѣнии нощнемъ явися юноша свѣтелъ и рече: «Учителю благий, в древняя лѣта римский царь Констянтин, по явлению святых апостолъ и от бога вразумляемъ, на похвалу святей и апостольстей церкви и на почесть блаженному папе Селивестру сотвори клобукъ бѣл на главѣ носити. И нечистый папа латыньский того святаго клобука нынѣ хотѣ опоругати

взял тряпицу ту с клобуком, и, с собою неся, через три дня прибыл в Рим, и все, что с ним было, поведал папе.

Папа же, услышав такое, ужаснулся страхом великим и начал бороду свою рвать и кусать. А потом повелел тот клобук положить на прежнее место на том же самом золотом блюде и поставил его в церкви. И после того уж не смел он никакого зла причинить клобуку, но и почестей никаких не воздавал: был омрачен дьявольскими кознями, окончательно в ересь впал вместе с другими отступниками. И постоянно раздумывал, что бы такое плохое сделать с тем клобуком.

Человеколюбец же бог все образует на пользу и потому соблюдал святыню свою для всеобщего почитания. В одну из ночей, когда папа спал на ложе своем, явился ему господень ангел в устрашающем виде, с пламенеющим мечом в руках. И издал он из уст своих глас точно гром — и от гласа такого затряслись чертоги папы. И сказал ему ангел: «О злой и негодный учитель! Не довольно ли тебе осквернять святую христову церковь, и многие души христианские погублять своими непотребными учениями, и отступать от праведного божьего пути, избирая путь сатаны? Теперь же и окончательно хочешь опротиветь богу злостным своим лиходейством: белый святой клобук замыслили вы отослать в места нечистые, хотели над ним надругаться и уничтожить его. Но владыка всей твари сохранил его своим бдением, ты же, негодный, пошли теперь с великою честью поскорей этот святой клобук в Константиноград к патриарху, а тому укажут, как быть с ним дальше. Если ты этого не выполнишь, то сожгу я твой дом, и злую смерть наведу на тебя, и предам тебя раньше времени вечному огню». И, все это сказав, исчез.

А папа вскочил со сна, весь трясясь, страхом великим одержимый, и не посмел ослушаться повеленного ангелом. Наутро созвал он своих сторонников и поведал им устрашающее явление ангела. Когда же пришел он в церковь, желая взять тот святой клобук, тотчас увидел дивное видение: прежде чем он прикоснулся к клобуку, золотое блюдо вместе с клобуком поднялось выше человеческого роста и снова вернулось на место. Папа же с великим опасением обеими своими руками взял и положил их вместе в подобающий сосуд, и запечатал своими печатями, и отрядил достославных мужей, и, вручив им свое послание, отправил их в Константиноград к патриарху.

А в Константинограде был тогда патриархом Филофей, прославленный постничеством и всякою добродетелью. Вот ему-то в ночном видении и явился юноша светлый и сказал: «Учитель святой, в давние времена римский царь Константин, после явления святых апостолов и вразумляемый богом, на похвалу святой и апостольской церкви и во славу блаженного папы Селивестра белый клобук изготовил на голове носить. Так вот, преступный папа римский теперь тот святой клобук захотел уничтожить,

и истребити. И повелениемъ страшнаго явления моего злый онъ папа нынѣ послалъ к тебѣ сего. И егда же приидут к тебѣ посланнии с клобукомъ онѣмъ, ты же приими сего с честию, и написание со благословениемъ вдавъ, посли сего святаго клобука в Рускую землю в Великий Новъградъ, и да будетъ тамо носим на главѣ Василия архиепископа на почесть святей соборней и апостольстей церкви Софѣи, премудрости божии, и на похвалу православным. Тамо бо воистинну нынѣ славима есть христова вѣра. Папе же оному, бесстудия его ради, сотворитъ господь отмщение вскоре». И сия глаголав, невидимъ бысть. Патриярхъ же восста от сна, страха и радости наполнився и всю нощь без сна пребысть, размышляя о видѣнии ономъ. И повелѣ клепати утренюю рано, и яко приспѣ день созва соборъ церковный и повѣда им явление оно. И вси воздаша хвалу богу и разумѣша, яко святый ангелъ есть явлейся патрияху, а о сказании его не можаху разума приложити.

И бысть сѣдящимъ имъ в соборѣ ономъ и от радости чюдящимся, и абие приидоша слузѣ патрияхховы и сказаша ему о пришествии посланных от римскаго папы. Патриарх же повелѣ ввести к себѣ. Послании же вшедше поклонишася и от папы написание даша ему. Патриархъ написание прочет удивися и хвалу богу воздавъ и возвѣсти о сем царю Иванну тогда сущему, нарицаемому Кантакузину, и со освященнымъ соборомъ срѣтоша божественное сокровище. И ковчежецъ приемъ с честию и печати отъятъ и взя оттуду святый бѣлый клобукъ и цѣловавъ его любезно. И зря на нь, дивяся сотворению его и благоуханию чюдному, исходящу от него, тако же дивяся. Бѣ же патриархъ в то время боленъ очима и главою; и клобукъ он святый положи на главу свою и ко очесем приложи,— и в том часѣ глава его и очи здравѣ быста. И возрадовася великою радостию и славу воздая Христу богу и приснопоминаемому царю Констянтину, сотворшему таковое пречюдное дѣло, и блаженнаго папу Селивестра тако же похваляя. И положи клобукъ онъ святый на златомъ блюде, его же посла папа с клобукомъ, и постави его в велицей церкви в честнѣ мѣсте, дондеже о немъ со царемъ совѣт положит.

По отпущении же из Рима святаго клобука, злый онъ папа, от еретик научаем, злѣ разливаявся на христову *вѣру,* и возбесися и раскаяся зѣло о отпущении клобука, и неправо и лукаво написа к патрияху, возвратити повелевая к себѣ клобукъ онъ и златое блюдо. Патриярхъ же, прочетъ написания и разумѣ злохитрие и лукавство папино, и написание посла к нему от святых писании нарекъ его сурова и безбожна и отступника христовы вѣры и предтечю антихристова и прокля его именем господа нашего Исуса Христа и святыми апостолы и божественными отцы. Сия же написания к папе доидоша. Папа же

над ним надругавшись. По знаку устрашающего моего явления злой тот папа теперь к тебе посылает этот клобук. И когда придут к тебе посланцы с тем клобуком, ты прими его с честью и, благословляющую грамоту приложив, пошли тот святой клобук в Русскую землю в Великий Новгород, и пусть там Василий-архиепископ носит его на главе своей во славу святой соборной и апостольской церкви Софии, премудрости божьей, и на похвалу православным. Ибо только там теперь действительно держится православная христова вера. А папе этому, за бесстыдство его, сотворит господь скорое отмщение». И, так сказав, исчез. Патриарх же пробудился от сна, страха и радости преисполненный, и всю ночь пребывал без сна, размышляя об этом видении. А потом повелел пораньше звонить к заутрене и с наступлением дня созвал всех своих приближенных и рассказал им об этом видении. И все воздали богу хвалу, уразумев, что патриарху явился святой ангел, а вот о сказанном им ничего порешить не смогли.

И вот, когда сидели они в своем собрании, радостно удивляясь, пришли слуги патриарха и сказали ему, что явились посланцы от римского папы. И патриарх велел ввести их к нему. Посланцы вошли, поклонившись, и подали ему грамоты от папы. Патриах, прочтя написанное, удивился и, богу хвалу воздав, сообщил обо всем царю Иоанну, тогда правившему, по прозвищу Кантакузин, и со всем освященным собором встретил божественное сокровище. И, приняв ковчежец с честью и сломав печати, вынул он святой белый клобук и целовал его с любовию. И, глядя на него, дивился он красоте его и благоуханию чудесному, исходящему от него, также дивился. А был патриарх в то время болен глазами и головой; но как только клобук тот святой возложил на главу свою и к глазам приложил,— тотчас и голова его и глаза излечились. И возрадовался он великою радостью, и славу воздал Христу богу и приснопамятному царю Константину, создавшему такую чудесную вещь, и блаженного папу Селивестра также восславил. И положил святой клобук на золотое блюдо, которое папа прислал вместе с клобуком, и поставил его в главном храме в почитаемом месте до тех пор, пока он решит с царем, как быть дальше.

Отправив же из Рима святой клобук, зловредный папа, подученный еретиками, злобно распалился на христову веру и разбушевался, сильно уже раскаиваясь, что упустил клобук, и написал к патриарху лживое и лукавое послание, повелевая вернуть ему тот клобук вместе с золотым блюдом. Но патриарх, прочтя письмо и постигнув злохитрость и лукавство папы, послал к нему выдержки из святых писаний, нарекая его и жестоким и безбожным отступником от христовой веры, предтечею антихриста, и проклял его именем господа нашего Иисуса Христа, и святых апостолов, и святых отцов. И эти писания до папы дошли. Папа же,

прочет и увѣдав, яко патриярхъ клобук бѣлый имать в велицей чести и хощет его послати в Рускую землю в Великий Новъград, и рыкнув болѣзнено и опусне лицем и в болѣзнь впаде: толико бо поганый онъ папа не любяше Русския земля, вѣры ради христовы, но и слышати не терпяше. И распали вся плоть его и сѣдоша на лонѣ его двѣ болячки на обѣих частях. И от тѣх разыдошася болячки по всему тѣлу его от главы и до ногу его. И смрад велий исхождаше от него, и черви многи искипѣша ис тѣла его и хребет его сляче вдвое. Мнози же врачеве приходящи не могоша исцѣлити его. Очи же развращеннѣ имѣя и кричаше беспрестани великимъ гласомъ и нелѣпая глаголаше, и псомъ и волкомъ вояше, и исходящую из него мотылу руками своими хваташе и во уста своя влагая ядяше. И тако творя многи дни и злѣ стража, и страх обоя всѣх ту сущих. Предстоя же нѣкто у одра его веземъ платно, хотяше отерти уста его, он же аки пес ухвати зубы своими платъ онъ и вотче себе в горло, и абие отече плоть его и рассѣдеся весь — бѣ бо дебел плотию, поганый. И тако скончa окаянный живот свой. Римляне же слышавше таковое скончание злаго оного папы, не идоша на погребение его, но оплевавше прокляша его. Властели же тогда градстии, срамнаго ради скончания папы оного, погребоша его тай, а имя его в писании утаиша и премениша во ино имя: овии глаголют Гервасъ имя ему и инии же Евгѣния, а истинны никто не повѣсть.

Патриярх же Филофие, видя святаго клобука добротою сияюща, и мыслити нача, хотя удержати его в Констянтинеграде и на своей главѣ носити. И о семъ часто приклоняяся к царю и хотя писати к патриархом и митрополитом еже приити на собор. Бысть же в день недѣльный по пѣнии утренем, вниде патриярхъ во своя и по обычном правилѣ сѣде почити. И в сон тонок сведеся и видѣ в видѣнии его вшедша к нему дверцами два мужа незнаеми свѣтлы зѣло. Єдинъ аки воинъ вооруженъ и венец царский на главѣ имѣя, другий же святительския ризы нося на себѣ, честными сѣдинами украшенъ, и рече патриярху: «Филофие, престани от помышления твоего еже носити тебѣ на главѣ своей бѣлый клобукъ. Аще бы господь нашь Исус Христос изволил сему здѣ быти, то от начала бы в создании града сего сие сотворено было. Но древле, по явлению свѣта господня, сшедшего с небесе, и божия гласа, бывшаго ко мнѣ вразумляемъ аз и разумѣх хотящую латынскую прелесть и от бога отступление в Риме быти. И сего ради не восхотѣх святаго оного клобука на главѣ своей носити и прочим такожде заповѣдах. В царствующем же семъ граде Констянтине по нѣколицехъ временех обладати имуть агаряне за умножение грѣх человѣческих, и вся святая осквернят истребят, яко же в создании града сего явлено бысть о сем.

их прочтя и узнав, что патриарх содержит белый клобук в великой чести и хочет его послать в Русскую землю в Великий Новгород, заревел от боли, и изменился в лице, и в болезнь впал: настолько поганый тот папа Русской земли не любил из-за веры ее православной, что и слышать о ней не мог. И рассыпалась вся его плоть, и сели на грудь его две болячки с обеих сторон, и от них разошлись другие болячки по всему его телу с ног до головы. И смрад великий исходил от него, и черви многие зарождались в теле его, и спина его вдвое согнулась. Многие врачи приходили, но не могли его исцелить. С вытаращенными глазами беспрестанно он кричал громким голосом, и нелепицы говорил, и выл, будто по-волчьи пес, и исходящие из тела его нечистоты руками своими хватал и, в рот свой впихнув, поедал. И так он делал многие дни, жестоко страдая, и страх объял всех вокруг. Некто из бывших тут, у его одра, взяв полотенце, хотел отереть ему рот, так тот словно пес ухватил зубами своими полотенце и воткнул себе в горло, и тотчас распухло тело его, и весь он лопнул — потому что был телесами толст, поганый. Так он окончил, окаянный, свою жизнь. И римляне, прослышав о подобном конце злого этого папы, не пошли на его погребение, но оплевали и прокляли его. Властители же городские, учтя постыдную смерть папы, погребли его тайком, а имя его в летописании утаили и заменили другим именем: одни называют его Гервасием, другие же Евгением, а истинного имени никто не ведает.

Тем временем патриарх Филофей, видя, какой красотою святой клобук сияет, начал подумывать, не удержать ли его в Константинограде, чтобы носить на своей голове. И с тем он начал часто ходить к царю, хотел и писать ко всем патриархам и митрополитам, чтобы созвать их всех на собор. Но случилось так в воскресный день после заутрени, что вошел патриарх к себе и, как обычно, присел отдохнуть. И тут погрузился он в полузабытье и увидел во сне входящих к нему дверями двух неизвестных мужей, воистину светлых. Один точно воин с оружием, с царским венцом на голове, другой же, носящий на себе патриаршие ризы, украшен благородными сединами; и сказал второй патриарху: «Филофей, оставь помышления носить на своей голове белый клобук. Если бы господь наш Иисус Христос соизволил этому быть, то это случилось бы раньше и произошло бы при создании этого города. Но древле уже, по явлению света господня, сошедшего с небес, и божьего гласа, ко мне обращенного, был вразумляем я и постиг предстоящую нам латинскую ересь и то, что наступит в Риме отпадение от веры. И оттого не захотел я на голове своей носить святого того клобука и так же заповедал всем после меня. И в этом царствующем ныне граде Константина через какое-то время станут господствовать мусульмане за умножение грехов человеческих, и они все святыни осквернят и уничтожат, как было это предсказано еще и при создании города.

Ветхий бо Римъ отпаде от вѣры христовы гордостию и своею волею, в новем же Риме, еже есть в Констянтинеграде, насилиемъ агарянскимъ тако же христианьская вѣра погибнеть. На третьем же Риме, еже есть на Руской земли, благодать святаго духа восия. И да вѣси, Филофие, яко вся християньская царства приидутъ в конецъ и снидутся во едино царство Руское, православия ради. В древняя убо лѣта изволениемъ земнаго царя Коньстянтина от царствующаго града сего царский вѣнецъ данъ бысть рускому царю. Бѣлый же сей клобук *изволением* небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу Великаго Новаграда. И кольми сии честнѣе оного, понеже архангельскаго чина есть царский венѣцъ и духовнаго суть. Ты же не умедли святаго сего клобука послати в Рускую землю в Великий Новградъ по первому тебѣ явлению святаго ангела, и моимъ глаголом вѣруй, и да просвѣтятся и похвалятся о семъ православнии, и да не обладают ими агаряне, внуцы погании, ни да опоругаютъ его, яко же латынский папа хотяше сотворити. Яко же бо от Рима благодать и слава и честь отъята бысть, тако же и от царствующаго града благодать святаго духа отымется в пленение агаряньское, и вся святая предана будут от бога велицей Рустей земли. И царя рускаго возвеличит господь надо всѣми языки и под властию их мнози царие будут от иноязычных. И патриаршеский чинъ от царствующего града сего такожде данъ будетъ Рустей земли во времена своя. И страна та наричется свѣтлая Росия, богу тако извольшу прославити тацѣми благодарении Рускую землю и исполнити православия величество и честнѣйшу сотворити паче первых сих». И сия глаголавше хотяху отити, патриярх же, во страсе велице бывъ, паде пред ногама их и рече: «Кто еста, господие мои, вы, иже вид ваю зѣло ужаси мя, и от словес ваю устрашися сердце мое, и вниде трепет в кости моя?» Святительская же носяи рече: «Аз есмь папа Селивестръ и повелѣниемь божиимъ приидох к тебѣ повѣдати тебѣ сию тайну божию великую, яже збудутся во времена своя». Таже, рукою своею указуя на другаго пришедшаго с нимъ, рече: «А се благовѣрный царь Констянтинъ римский, иже породих его во святей купѣли и сотворих его вѣровати в господа нашего Исуса Христа. И сей бысть первый християньский царь и чадо мое о Христѣ, иже сотвори им бѣлый онъ клобукъ в мѣсто царскаго вѣнца». И сия глаголав и благословение давъ патриарху и невидими быша.

Патриарх же от сна воспрянув, и страх великъ нападе на нь, поминая глаголы явльшихся ему о бѣлом клобукѣ и еже о обладании Констянтинаграда от поганых агарян и плакася на многь час. Времени же приспѣвшу божественой литоргии, пришед в церковь паде пред образом пречистыя Богородица и плакася на мног час. И воста и святаго бѣлаго

Ибо древний Рим отпал от христианской веры по гордости и своевольству, в новом же Риме — в Константинограде, притеснением мусульманским христианская вера погибнет также. И только в третьем Риме, то есть на Русской земле, благодать святого духа воссияет. Так знай же, Филофей, что все христианские царства придут к своему концу и сойдутся в едином царстве русском на благо всего православия. Ибо в древние годы повелением земного царя Константина от этого царствующего града царский венец дан был русскому царю. Белый же этот клобук изволением небесного царя Христа ныне дан будет архиепископу Великого Новгорода. И насколько этот венец достойней того, потому что одновременно он есть и архангельской степени царский венец и духовной. Так что и ты не медли, этот святой клобук пошли в Русскую землю в Великий Новгород при первом же появлении святого ангела; и словам моим верь. Пусть же просветятся и восхвалятся в вере своей православные, и пусть не владычествуют над ними мусульмане, потомки поганых, и пусть не надругаются над клобуком, как это хотел сделать латинский папа. И так же как от Рима благодать и слава и честь были отняты, так и от царствующего града благодать святого Духа изымется в годы мусульманского плена и все святыни будут переданы богом великой Русской земле. Царя же русского возвеличит господь над всеми народами, и под власть его подпадут многие из царей иноплеменных. Патриарший чин также будет передан Русской земле в свое время из этого царствующего града. И прозовется страна та озаренною светом Россией, ибо бог пожелал подобным благословением прославить Русскую землю, наполнить величием православия и сделать ее честнейшей из всех и выше всех прежних». И, так сказав, хотели они уйти, но патриарх, пребывая в великом страхе, пал им в ноги и вопросил: «Кто вы оба, господа мои, вы, вид которых столь ужаснул меня и от словес которых устрашилось сердце мое и вторгся трепет в кости мои?» И тот, кто был в патриарших ризах, сказал: «Я — папа Селивестр, пришел повелением божьим поведать тебе великую тайну божию о том, что сбудется в свое время». И он же, рукою своею указывая на другого, пришедшего с ним, сказал: «А вот благоверный царь Константин Римский, которого я возродил в священной купели и привел к вере в господа нашего Иисуса Христа. И был он первым христианским царем и чадом моим во Христе, который изготовил мне этот белый клобук вместо царского венца». И, так сказав и благословив патриарха, оба исчезли. Патриарх же воспрянул ото сна, и великий страх напал на него, стоило вспомнить ему слова, сказанные ему явившимися, о белом клобуке, о покорении Константинограда безбожными мусульманами, и плакал долгое время. Когда же приспело время божественной литургии, пришел он в церковь, пал пред образом пречистой Богородицы и долго плакал. Потом он поднялся и, со

клобука вземъ с великимь страхомъ и цѣлова его любезно, и на главу свою полагаше и прикладав его ко очима и к сердцу тако же прилагая, и любовь к нему приложи боле прьваго и сия творя со многимъ плачемъ. Клирици же сущии близ его стояще и видѣша его неутѣшно плачюшася и не смѣяху воспросити его. Патриярх же мало от плача преста, и сказа всѣм явственно явление блаженнаго папы Селивестра и царя Констянтина и глаголы их. Таковая же словеса от патриярха слышавше, жалостне восплакаша и рекоша: «Воля господня да будет». Патриярхъ же хотящую быти бѣду Констянтинаграда оплакавъ и повелѣния божия преступити бояся и рече: «Яко идѣже ся изволит господеви, тамо и устроит святыню свою». И с совѣтомъ благочестиваго царя Иванна святый онъ бѣлый клобукъ взя и золотое блюдо и в прежереченный ковчежецъ положи благочинно. И печатавъ своими печатми и по повелѣнию святаго ангела и блаженнаго папы Селивестра написание со благословением дав и клобукъ онъ бѣлый архиепископу Василию на главѣ носити повелѣ и прочимъ по немъ архиепископом Великаго Новаграда. Тако же и иныя многия честныя дары чюдны зѣло от своих церковных чинов дарова, благочиния ради святительскаго, и ризы крестьчаты на похвалу святыя и апостольския церкви. И сия в другий ковчежецъ положи. И вся сия даде епископу нѣкоему Еумѣнию именем, и с радостию и с жалостию отпусти их.

В то же время в Великом Новѣградѣ бѣ архиепископъ Василие, постничествомъ и всѣми добродѣтельми украшенъ. И в нѣкую нощь молящуся ему богу и сѣде почити и мало воздремався и явѣ видѣ ангела господня умиленным образомъ и свѣтла лицем, предстояща пред нимъ, имѣя клобукъ бѣл по образу мнишескаго чина. И перстомъ руки своея указуя на главу свою, и тихим гласомъ рече: «Василие, клобукъ сий бѣлый, еже видиши на главѣ моей, от Рима есть. В древняя лѣта християнский царь Константинъ сотвори его на почесть римскому папе Селивестру носити на главѣ. И господь вседержитель не изволи сему быти тамо, прелести ради скверных латынь. Ты же во утрии день иди внѣ града сего со благоприятельством и стрѣти посланных от патриярха и епискупомъ носимый ковчежецъ, в нем же клобукъ бѣлый сим образомъ на блюде на злате, приими с честию. Сий бѣлыи клобукъ прообразуетъ свѣтлое Христово тридневное воскресение. И нынѣ да будет на твоей главѣ носим, и на прочих по тебѣ архиепископѣх града сего утвердится на главах носити. И сего ради показах ти прежде, да вѣрно ти будетъ и не усумнишися». И сия глаголав невидим бысть.

Архиепископъ же Василие от сна воспрянув и от страха и радости дивяся видѣнию. Во утрии день от предстоящих ему посла на распутия увѣдати, истинна ли есть явльшееся.

страхом великим взяв святой белый клобук, поцеловал его с любовью, и на голову свою возлагал, и прикладывал его к глазам своим, и к сердцу также, и все большую чувствовал в сердце любовь к нему, и делал все это, бесконечно рыдая. Служители же, бывшие рядом, стояли и видели его безутешно рыдающим, но не смели спросить ничего. А патриарх, чуть уймясь от плача, рассказал всем подробно о явлении блаженного папы Селивестра и царя Константина и о словах их. И, речи такие от патриарха услышав, жалостно все возрыдали и сказали: «Воля господня да будет». Патриарх, оплакав предстоящие беды Константинограда, повеления божьего ослушаться не посмел и сказал: «Там, где пожелает, там господь и устроит святыню свою». И по совету благочестивого царя Иоанна взял тот белый клобук и золотое блюдо и в уже известный ковчежец благоговейно положил. И, запечатав его своими печатями, а также описав все по повелению святого ангела и блаженного папы Селивестра, повелел носить этот белый клобук на главе архиепископу Василию и всем последующим за ним архиепископам Великого Новгорода. Но кроме того, и много иных почетных и чудесных даров от службы своей церковной он послал, благочиния ради святительского, и прежде всего — вышитые крестами ризы во славу святой и апостольской церкви. Но это уже положил в другой ковчежец. И все вручил одному епископу, по имени Евмений, и в радости, но с сожалением, их отпустил.

В то время в Великом Новгороде архиепископом был Василий, постничеством и всякими добродетелями прославленный. И вот однажды ночью, когда молился он богу, присел отдохнуть и, чуть задремав, увидел он явственно ангела господня, кроткого видом и светлого лицом, который предстал перед ним, в белом клобуке, очень похожем на те, что носят монахи. И, перстом руки своей показав на главу свою, тихим гласом изрек: «Василий, клобук этот белый, что видишь ты на моей главе, из Рима. В давние годы христианский царь Константин создал его для ношения на голове во славу римского папы Селивестра. Но господь-вседержитель не позволил быть тому в тех землях из-за впадения в ересь скверных латинян. Ты ж поутру гостеприимно выйди из города встречать посланцев патриарха и тот ковчежец, что несет епископ; в нем на золотом блюде белый клобук такой, как видишь,— прими его с благочестием. Этот белый клобук знаменует собой светлое воскресение Христа через три дня после распятия. И носи отныне клобук на своей голове, и все остальные после тебя архиепископы также пусть носят его на голове. А заранее его тебе потому показал я, чтобы ты уверовал и потом уж не сомневался». И, сказав так, исчез.

Архиепископ Василий, от сна очнувшись, со страхом и радостью дивился видению. Рано поутру послал он нескольких приближенных на перекресток проведать, верно ли все, что ему приснилось.

Посланнии же отыдоша недалече от града и узрѣша епископа грядуща незнаема суща и поклонившеся и возвратишася во град ко архиепископу и сказаша ему вся. Архиепископ же посла проповѣдника во весь град на собрание священнаго чина и людскаго всенароднаго множества и повелѣ звонити в тяжкая. Сам же облечеся во святительские ризы со всѣми причты. И отшедшу ему недалече от церкви святыя Софѣя, и се прииде прежереченный епископ от патриярха, нося ковчежецъ от патриярха за патриаршескими печатми и честными даровы. И пришед ко архиепископу поклонися благочинно и посланные к нему патриярховы грамоты даде. И другъ от друга благословение приемше и о Христѣ цѣловавшеся. Василие же архиепископъ патриярхова написания и ковчежецъ вземъ честнѣ своими руками, и другий ковчежець с патриярховыми честными даровы тако же взя, и поидоша в церковь святыя Софѣи премудрости божии и ковчежецъ поставиша посреди церкви на мѣсте честнѣ. И посланные патриярховы грамоты повелѣ чести во услышание всѣм.

Сущии же во церкви православнии, егда услышаще сицева написания, воздаша славу богу и возрадовашеся великою радостию. Архиепископъ же Василие ковчежецъ онъ распечатавъ и покровъ ковчежцу отвори — и абие изыде из него благоухание неизреченное, и свѣт пречюденъ в церкви восия. Архиепископъ же Василие и вся предстоящеи народи, видяще сия, удивишася. От патриярха же пришедый Еумѣние, в той час сия вся благодѣяния божия видѣв, удивися велми. И вси воздаша хвалу богу и пѣвше молебная. Архиепископъ же взя ис ковчега бѣлый клобукъ и узрѣ его тацем же образомъ суща, яко же и видѣ на главѣ святаго ангела, и целова его любезно и положи его на свою главу. И в томъ часѣ изъ церковныя главы от господня образа изыде велий глас: „Святый святымъ!“ И мало помолчав, третицею глас прииде: „Исполати деспота!“ И яко услыша архиепископъ и вси сущии гласи сия слышавше, страха и радости наполънишася и рекоша: „Господи помилуй!“

И повелѣ молчати всѣмъ сущимъ во церкви и сказа имъ ангельское явление и глаголы о святемъ клобукѣ и вся по ряду, яже рече ему святый ангелъ нощию в видѣнии. И возблагодарив бога, в клобукѣ ономъ поиде от церькви во своя, предидущимъ ему подьякомъ во священных одеждах со свѣщами и с пѣниемъ, и бѣ видѣти благочинно и честно. Народи же утесняху другъ друга и скачюще зряще на святительский верхъ и дивляхуся.

И сицевою дѣтелию и благодатию господа нашего Исуса Христа и по благословению святѣйшаго Филофея патриарха Царяграда утвердися бѣлый клобук на главах святых архиепископъ великого Новаграда.

И посланные, чуть отойдя от города, увидели незнакомого епископа, который шел в их сторону, и, поклонясь, воротились в город к архиепископу, и все ему доложили. И тогда архиепископ разослал глашатаев по всему городу, чтобы собрать и священников и людское всенародное множество, и повелел звонить во все колокола. А сам он со всем своим причтом облекся в святительские ризы. И только успел он отойти недалеко от церкви святой Софии, как подошел упомянутый выше епископ от патриарха, неся от него ковчежец с печатями патриарха и с почетными его дарами. Подойдя к архиепископу, посланец благочинно поклонился и вручил переданные с ним патриарховы грамоты. Затем они приняли друг от друга благословение и во имя Христа облобызались. И Василий-архиепископ, грамоты патриарха и ковчежец благоговейно приняв своими руками, взял и другой ковчежец с почетными дарами, и пошли они все в церковь святой Софии, премудрости божьей, и поставили ковчежец посреди церкви на самом почетном месте. Присланные же от патриарха грамоты велел Василий прочесть во всеуслышание.

Все же православные, бывшие в церкви, прослушав письма, воздали богу хвалы и возрадовались великою радостью. А архиепископ Василий ковчежец тот распечатал и крышку его откинул — и тотчас изошло из него неизреченное благоухание и свет всечудесный в церкви воссиял. И архиепископ Василий и все, кто тут был, видя все это, поразились. Да и посланец патриарха Евмений, только тут всю божью благодать увидев, сильно удивился. И все вместе они восславили бога и вознесли молитвы. Архиепископ же взял из ковчега белый клобук, и увидел, что видом он точно такой, как и был на главе святого ангела, и целовал его с любовью, и возложил на свою голову. И в то же мгновение из церковной главы от господня образа изошел громкий глас: «Святой святым!» И, чуть помолчав, трижды тот же глас изрекал: «Многие лета, повелитель!» И как услышал те слова архиепископ, и все, тут бывшие, услышали, страха и радости исполнясь, сказали: «Господи помилуй!»

И тогда повелел Василий всем бывшим в церкви замолчать и поведал им слова ангела о святом клобуке и по порядку все остальное, что сказал ему ангел святой ночью во сне. И, благодаря бога, в том клобуке пошел он из церкви к себе, и шли перед ним иподьяконы в торжественных одеяниях при свечах и с пением, и видеть все это было и благочинно и славно. Люди же, тесня друг друга, подпрыгивая, через головы взирали на святительский убор и дивились ему.

Таким вот действием и благодатию господа нашего Иисуса Христа и по благословению святейшего Филофея, патриарха Царьграда, утвердился белый клобук на главах святых архиепископов Великого Новгорода.

Архиепископ же, радости наполнився, 7 дней питая священники и дьяконы и вся церковники всего Великого Новаграда, многими брашны учреждая ихъ. Тако же и нищая и мнихи и темничьники добре напитавъ, прочих свободити моляся. Патриярховы же святыя и честныя дары устрои в соборней церкви в божественней службе по благословению святительскаго чина. Блюдо же златое, на нем же бѣ святый бѣлый клобукъ, тако же на божественную службу в церкви святыя Софѣя устрои. Посланных же от патриярха со святымъ клобукомъ зѣло чтяше и даровы многи одаровав, тако же къ царю и к патриярху *написание* с покланяниемъ посла и отпусти их во своя с великою честию.

Потом многих град и царствъ приходяще людие в Великий Новград аки на нѣкое чюдо дивное зряще, видяще архиепископа в бѣлом клобукѣ ходяща, и дивляхуся, и во всѣх царствах и странах о сем повѣдающе. И сия убо написания о святем бѣлом клобукѣ до здѣ.

НАПИСАНИЯ АРХИЕПИСКУПА ГЕНАДИЯ

Сия же написания архиепископ Генадие извесно увѣдав и зело возрадовахся великою радостию, яко «сподобихся при своем мнѣ первопрестольстве великого архиерѣйства извещение прияти о святем о бѣломъ клобукѣ, гдѣ сотворен бысть и како прииде в Великий Новград; прочая же изысках мала нѣкая о том же о бѣлом клобукѣ в соборней церкви. И сия разстоящая многая, аки на полѣ чисте многия различная цветы воедино собрав своими написани, добрѣ уяснив и соборней церкви предах на уверение православным. Димитрий же онъ толмач в Риме и во Флоренцы граде бѣ два лѣта нѣких ради нужных взысканих. Егда же прииде оттуду, аз же смиреный Генади архиепискуп даровах ему имѣния многа и *одеждами* и пищами удовлих».

* * *

От сего же времяни благочестия любитель святѣйшии Генадий архиепискуп устав сицевъ предаде соборней церкви.

Егда хотяше служити божественную литоргию и вшед в церковь, клобук со главы своея сняв, пологаше его на раме своей. И входя в олтарь и по целовании святых икон, пришед ста на месте в церкви, идеже облачашася во святительский сан. Хотяй же с ним служити поп, приношаше пред него блюдо сребреное позлащено, архиепискуп же клобук с раму своею сняв, пологаше его на блюде оном. Поп же отшед и поклонися архиепискупу благочинно и блюдо с клобуком поставляше в олтарѣ на нарочите мѣсте близ святыя трапезы до отпущения божественныя литоргия.

Архиепископ же, исполнившись радости, семь дней угощал священников и дьяконов и всех церковников всего Великого Новгорода, многими блюдами наделяя их. Также и нищих, и монахов, и заключенных славно накормил, а всех остальных просил освободить. Почетные же и святые дары патриарха по благословению патриаршему поместил он в соборе для церковной службы. И золотое блюдо, на котором лежал святой белый клобук, также отдал для богослужения в церковь святой Софии. Посланцев же патриарха славно почтил он и одарил многими дарами, не забыв с челобитьем отписать подробные грамоты, и послал их царю и патриарху, отпустив всех послов восвояси с великою честью.

И долго потом из многих городов и царств приходили в Великий Новгород люди и словно на чудо какое дивное взирали, видя архиепископа в белом клобуке, и поражались снова, и во всех странах и царствах рассказывая. И это все написано о святом белом клобуке до этого места.

НАЧЕРТАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ

И, все это описание до тонкости изучив, архиепископ Геннадий страшно возрадовался великою радостью, что «сподобился я в продолжение своего архиепископства, во время архиерейства в Великом Новгороде получить эти сведения о святом белом клобуке, о том, где был создан и как он попал в Великий Новгород; все прочее о том же белом клобуке разыскал я понемногу в новгородской Софии в книгах. И все это разноцветное множество, словно в чистом поле различные цветы, собрав воедино в своем описании и прояснив суть дела вполне, соборному храму я передал для сведения православным. Дмитрий же толмач пробыл два долгих года в Риме и во Флоренции в своих неизбежных поисках, и когда он вернулся оттуда, то я, смиренный архиепископ Геннадий, отблагодарил его имением, а также одеждой и пищей его одарил».

* * *

С этого времени любитель благочестия святейший архиепископ Геннадий передал соборному храму такое установление.

Когда собирался служить божественную литургию, в церковь войдя, клобук с головы своей снимал, кладя его на плечо. И, войдя в алтарь, после прикладывания к святым иконам возвращался на место в церкви, где облачался в святительские ризы. Поп, с ним служивший, подносил ему блюдо серебряное позолоченное, и архиепископ, клобук с плеча своего снимая, возлагал его на это блюдо. Поп же, чуть отойдя, благочинно кланялся архиепископу, а блюдо с клобуком водружал в алтаре на почетном месте возле престола до самого конца церковной службы.

По совершени же святыя службы, протопоп или честнейший игумен, служа со архиепископом во всѣм чину, взимаше с мѣста блюдо оно, на нем же святый клобук лежаше, и приношаше ко архиепископу. Архиепископ же взимая блюдо, святый клобук пологаше его на свою главу и отхождаше во своя. Тако же и въ кельи своей святый он клобук пологаше на блюде честне.

На честныя же и великия празники господа нашего Исуса Христа и пречистыя богородицы, паче же на Цветоносный день, Генадие архиепископ, егда шествие творя на жребяти и ослѣ к церкви святаго Иерусалима, юже созда боголюбивый архиепископ Василий, и того дни в дому святыя Софеи премудрости божии в велицей палате трапезу поставляя и князей и боляр питая и нарочитых православных великого града, тако же и свѣщеннически чин добрѣ учрежая многими брашны. По скончании же честнаго оного и торжественного пиршества и по роздаянии хлѣбца пречистыя богородица святѣиший Генадий архиепископ повелевая молчанию быти от всѣх в полатех сущих и о святѣм о белом клобукѣ написания повесть веляше чести велегласно добрѣ умеющему причетнику. И всѣ всласть послушаху чтомаго и чюдесем божиим дивящеся и святый бѣлый клобук благодаряху.

По чтении же священницы и дьяки певчие и подьяки державъному государю великому князю пояху многолѣтие, потом же архиепископу. И тогда святѣйший Генадие благословение дая комуждо, тако же и въ клобук целова его. И чашу пречистые богородицы раздая своими руками всѣм православным и довляя всѣми, и потом отхождаше во своя, предыдущим подьяком во свѣщенных одеждах со свѣщами и пѣния празнику поюще, провожа его честно. Генадие же архиепископ учрежая их доволно. И сия убо до здѣ.

А по совершении святой службы протопоп или главный из игуменов, служивший с архиепископом в полном облачении, брал то блюдо, на котором лежал святой клобук, и подносил архиепископу. Архиепископ же, принимая блюдо со святым клобуком, возлагал клобук на свою голову и отбывал восвояси. Так же благоговейно и в келье своей святой тот клобук возлагал он на блюдо.

В славные же и великие праздники господа нашего Иисуса Христа и пречистой богородицы, и особенно в день цветоносной Пасхи, когда нужно шествовать на жеребенке или осле к храму святого Иерусалима (обычай этот создал боголюбивый архиепископ Василий), архиепископ Геннадий в доме святой Софии, премудрости божьей, в большой палате трапезу выставлял для князей и бояр, кормя и знатных людей православных великого града, но также и всех священников угощая славно многими брашнами. По окончании такого почетного и торжественного пиршества и после раздачи богородицыных просвирок святейший Геннадий повелевал замолчать всем, кто был на пиру, а самому лучшему чтецу — громкогласно читать повесть о святом белом клобуке. И все наслушивались повести всласть и, божьим чудесам дивясь, белый клобук святой восславляли.

После чтения же священники, и певчие дьяки, и иподьяконы многолетие пели державному государю, великому князю, а вслед за ним и архиепископу. А потом святейший Геннадий каждого благословлял, а те в клобук целовали его. И чашу пречистой богородицы раздавал он собственноручно всем православным, не обходя никого, а потом удалялся к себе, предшествуемый иподьяконами в торжественных одеяниях и со свечами, которые славили праздник, его провожая с почетом. И архиепископ Геннадий награждал их довольно. И вот это все.

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО

(Из «Многословного послания» Зиновия Отенского).

СКАЗАНИЕ «МНОГОСЛОВНОМУ ПОСЛАНИЮ»

Предлежащему сему многословному посланию вина есть сиа.

Раби нѣции въ градѣ Москвѣ, украдше от стяжаниа господий своихъ, бѣжаша въ предѣлы Белозерскиа. Убояша же ся мукъ от господий своих, внидоша в манастыря и постригошася. Потомъ съвокупишася на Новоозерѣ Федосей, нарицаемый Косой, и Игнатей, и Васианъ, ученикы Артемиевы, и инии с ними. Тии мниси развратишася въ ересь, нарицаемую безбожную, отвергошася христовы вѣры, и вселися в них дух лукавый, начаша своей ереси учити и иныа. Бысть же от святаго собора, иже в Москвѣ, взыскание от безбожной сей ереси. Тогда началницы ереси тоа разбѣгошася от Новоозера: Игнатей на Двину, Косой и Васианъ съ прочими — в Литву. Бѣжаще же в Литву, проидоша Псковъ, и Торопець, и Лука Великиа, вездѣ сѣюще свою злую ересь. Присташа же в мѣстѣ, нарицаемемъ озеро Усочортъ, имена своа преименоваша, да не увѣдани будуть, и многиа съвратиша от православной вѣры во свою прелесть, не токмо не боящаяся бога и грѣхолюбныа, но и богобоязнивых смиреныхъ людей.

Учаху же, прельщающе люди простыа нравомъ: преже хулити манастыри, оклеветающе ихъ, яко села имяху, таже попы и епископы укаряху, глаголюще: «Живут попы и епископы не по Евангелию, ложнии учитилие, имѣниа збирають, ядять и пиють много, и по Евангелию не учат, учат человеческая преданиа». Себе же еретицы они глаголють — истину паче всѣхъ познали, и живуть по Евангелию, и разум имѣють больши святых отецъ. Та же святыхъ отець хулять и неистинными учители ихъ нарицають, себе именують истинными учители. Потом хулятъ святыа церкви, нарицающе ихъ кумирницею, крестъ христовъ и иконы святыа кумиры нарицаху, святыхъ мученикъ и всѣхъ святых мощи еллиньскими мертвецы именоваху, и почитающих святая

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО
(из «Многословного послания» Зиновия Отенского)

ПОЯСНЕНИЕ К «МНОГОСЛОВНОМУ ПОСЛАНИЮ»

Причина написания этого многословного послания такова.

Некие рабы в городе Москве, украв кое-что из имущества своих господ, бежали в Белозерские земли. Боясь, что будут наказаны своими господами, они укрылись в монастырях и постриглись в монахи. Потом встретились на Новоозере Феодосий, по прозвищу Косой, и Игнатий, и Вассиан, ученики Артемия, и другие с ними. Эти монахи впали в ересь, которую можно назвать безбожной, отступили от христовой веры, и вселился в них злой дух, начали они учить своей ереси и других людей. Розыск об этой безбожной ереси был произведен священным собором, собравшимся в Москве. Тогда зачинатели той ереси разбежались из Новоозера: Игнатий — на Двину, Косой и Вассиан с прочими — в Литву. По дороге в Литву они прошли Псков, и Торопец, и Великие Луки, везде сея свою злую ересь. Укрывшись же в месте, называемом озеро Усочорт, они переменили свои имена, чтобы их не узнали, и многих совратили от православной веры в свое лжеучение, не только не боясь бога и склоняясь к греху, но и не стыдясь богобоязненных благочестивых людей.

Учили же они, прельщая простодушных людей, так: прежде всего хулить монастыри, обвиняя их в том, что они имеют села, затем укоряли попов и епископов, говоря: «Живут попы и епископы не по Евангелию, они — ложные учителя, накапливают имущество, много едят и пьют и по Евангелию не учат — учат человеческим измышлением». А о себе эти еретики говорят, что они лучше всех узнали истину, и живут по Евангелию, и имеют больше мудрости, чем святые отцы. И святых отцов хулят и называют их неистинными учителями, себя же именуют истинными учителями. Потом хулят святые церкви, называя их кумирницами, крест христов и святые иконы называют кумирами, мощи святых мучеников и всех святых именуют эллинскими

и божественая вся погибшими и заблужшими именують, и послѣдующих человеческым преданиемъ. Ясти же и пити повелевают без воздержаниа, мяса и вся по вси дни и нощи ясти, святости и освящениа никоея же не нарицати, ни мнѣти ничто же свято ниже освященно. Также и молитвы творити не повелевають, ни покланятися богу, ни поститися, такоже и нечистым не нарицати ничто же, и скверна никакова не мнѣти ни в чесомь же. И по блудѣ не омыватися повелѣвают, мнѣти же вся чиста. И вси вѣры въ всѣх землях однакы мнѣти. Книгы святыхъ отецъ и правила церковная ложнымъ писаниемъ именують, токмо едины книгы повелѣвають Ветхиа прочитати, и Евангелие, и Апостолъ, и Великаго Василиа Постническую книгу, и Златоустовъ Маргаритъ токмо. Сиа же книги едины прочитати сего ради повелеваху, понеже из них строкы избирающе и по развращенному своему разуму ложно толкующе сиа, прельщають не разумѣющихъ Писаниа въ свою пагубную ересь. Прочая же книгы святыхъ отець и мучениа святыхъ и житиа и учениа, не повелевають прочитати. Учать же и не вѣровати въ святыхъ благодати божии быти, и чюдеса от них ложны именующе, и пророчества не святым Духомъ бывающа, и богородицу просту жену быти глаголють.

Сицевая учаще еретицы они, видяху нѣкоихъ богобоязнивых простых людей учимых от нихъ, о таковом нечестивомъ учении ихъ сумнящихся, еретици же они увѣряюще себе имъ, оболговаху етера калугера, глаголюще: «И калогеръ онъ вѣдаеть истину, но молчитъ и истину таить». Богобоязнивии же людие тии в колебании велицѣмъ о благочестии от учениа еретиковъ онѣхъ бояхуся прогнѣвати бога невѣданиемъ благочестиа, тѣм же писаша къ оному калогеру, о нем же клевету слышаша от еретикъ, моляще его и заклинающе именемъ господнимъ сказати имъ истину благочестиа, а не умолчати, ни утаити. Повѣдаша же ему вся нечестивая тая учениа и въпрошаху его о семъ, аще полезно учать их Косого чадь.

Слышавь же калогеръ людемъ божиимъ великую сию погибель от еретиковъ онѣхъ, зило поболѣ душею и много плакавъ о прелести антихристовѣ, еже на христианы, понудився абие, написа Послание сие многословное, въскорѣ и неукрашено, токмо православно, къ колеблемымъ людемъ о благочестии от еретикъ ⟨...⟩

⟨...⟩ ЧЕРОНОРИЗЦА ПОСЛАНИЕ МНОГОСЛОВНОЕ К ВОПРОСИВШИМ О ИЗВѢСТИИ БЛАГОЧЕСТИА НА ЗЛОМУДРИЕ КОСОГО И ИЖЕ С НИМЪ ⟨...⟩

Писасте ми в грамотѣ вашей, глаголющи: Понеже крещени бысте въ имя Отца и Сына и святаго Духа и бысте христиане, обѣщастеся и исповѣдасте вѣровати и благочествовати, яко же дръжить

мертвецами, а почитающих все святое и божественное зовут погибшими и заблудшими, последователями человеческих измышлений. Есть же и пить учат они без умеренности, мясо и все остальное — во все дни и ночи, ничего не называть святым и священным, и не усматривать ни в чем ни святости, ни освящения. Также и творить молитв не велят, ни класть поклонов, ни поститься, также ничего не называть нечистым и ни в чем не видеть скверны. И после соития омываться не повелевают, считая, что все на свете чисто. И все веры во всех землях почитают одинаковыми. Книги святых отцов и церковные правила именуют ложным писанием, повелевают читать одни лишь книги Ветхого завета, и Евангелие, и Апостол, и Постническую книгу Василия Великого, а у Златоуста только Маргарит. Одни лишь эти книги они повелевают читать потому, что из них выбирают отдельные строки и ложно толкуют их согласно своему развращенному разуму, прельщая не разумеющих Писания в свою пагубную ересь. Прочие же книги святых отцов и мучения святых и жития и учения святых мучеников не разрешают читать. Учат также не верить в то, что на святых почиет божия благодать, и чудеса от них именуют ложными и пророчества их — не от святого Духа, и богородицу считают простой женщиной.

Уча таким образом, эти еретики увидели, что некоторые из богобоязненных простых людей, наученных ими, усомнились в их нечестивом учении, и стали еретики убеждать их, оболгав некоего монаха и говоря: «И монах этот ведает истину, но молчит и истину утаивает». Тогда эти богобоязненные люди, испытывая из-за еретиков великое смущение и не зная, в чем заключается истинное благочестие, боясь прогневать бога неведением благочестия, написали к тому монаху, о котором слышали клевету от еретиков, моля его и заклиная именем господним сказать им об истинном благочестии, ничего не умалчивая, не утаивая. Изложили они ему все эти нечестивые учения и спросили его, добру ли учат их люди Косого.

Когда же монах услышал об этом великом бедствии для людей божиих из-за еретиков, испытал он великую душевную боль, пролил много слез из-за такого прельщения христиан антихристом, сразу же принялся за работу и написал это «Послание многословное» к людям, благочестие которых колеблено еретиками, написал поспешно и неискусно, однако согласно православному вероучению. ⟨...⟩

⟨...⟩ ЧЕРНОРИЗЦА ПОСЛАНИЕ МНОГОСЛОВНОЕ К ПРОСИВШИМ ЕГО ПОДТВЕРДИТЬ ИХ БЛАГОЧЕСТИЕ ПРОТИВ ЗЛОМУДРСТВОВАНИЯ КОСОГО И ТЕХ, КТО С НИМ ⟨...⟩

Писали вы мне в грамоте своей, говоря: «Как христиане, крещенные во имя Отца и Сына и святого Духа, вы обещали и обязались верить и соблюдать те обряды, каких придерживается

святая апостольская съборная церкви Христова. Тако и мудръствовасте въ благочестии по обѣщанию своему к богу и исповѣданию и донынѣ, яко же отцы ваши, приемше просвѣщение отъ начала при Владимирѣ. Нынѣ же пришедше въ вашу страну етери, мнящеся чернеческая носяще, и учаху, глаголюще: «Не правѣ быти вѣрѣ въ васъ, и бога прогнѣваете мнимым благочестием вашим — в церкви каменыя приходите, а того въ Евангелии и Апостолѣ не писано. Писано — апостоли на горницу въсходили, а не в церковь; не бѣяху бо церкви при апостолѣхъ. Едина церкви въ Иерусалимѣ древняя, еаже о разрушении Христос рече: «Не останет камень на камени» и прочее. Не подобает церквамъ нынѣ бывати по разрушении древняя церкви. Нынѣ не церкви сия създаны, но кумириницы суть и златокузницы. Златоустъ бо в словѣ «Оже предста царица» глаголеть: «Церковь не стѣны, но вѣрныхъ съборы». Той же и въ Маргаритѣх глаголеть: «Не храм освящаетъ сходящихся, но сходящиися святъ храмъ сътворяють» ⟨...⟩

Писано же пакы въ грамотѣ вашей, яко тии же пришелцы глаголаша вамъ: «Не подобаеть почитати иконы Христовы, и матере его, и аггелъ, и мучениковъ, и отцевъ. Богъ заповѣда: «Не сътвориши себѣ, глаголя, всякого подобиа, елико на небеси горѣ и елика на земли долу, елико же в водѣ и елика подъ землею, и не поклонишися имъ, и да не послужиши имъ. И въ Псалмѣхъ писано: «Идоли языкъ — сребро, злато, дѣла рукъ человеческъ. Уста имуть и не глаголють, очи имуть и не видять, уши имуть и не слышать, ноздри имуть и не обоняютъ, руцѣ имуть и не осяжуть, нозѣ имуть и не пойдуть, и не възгласять гортанемъ своимъ». И в Премудрости писано: «Нечестиви же суть, и в мертвыхъ упование ихъ, иже именоваху богы дѣла рукъ человеческыхъ — злато, и сребро, ума обрѣтение и подобиа животнымъ». И помалѣ глаголеть: «От лѣса древо право отсѣчеть, по уму его мастерства образуеть то и уподобитъ то образу человѣчу или нѣкоторому отъ животныхъ, помазающи красками и червленыя цвѣты творяще, украсивъ его всяко, и сътворить ему по немъ обитание, и на стѣну възложивъ, желѣзомъ укрѣпить и, да не падеть, зря и вѣдя, яко не можеть помощи себѣ: образъ бо есть, и требѣ есть тому помощь», и прочая, яже въ Премудрости писано. И в Послании Иеремиинѣ в Вавилонъ писано: «Нынѣ же узрите въ Вавилонѣ богы сребряны, и златы, и древяны, на рамѣ несомы, кажуще страхъ странамъ. Не убоитеся, убо да не и вы иноплеменникомъ уподобитеся и страх приметь вы отъ нихъ: видѣвшемъ весь народъ предь и въслѣдъ ихъ кланяющаяся имъ». И помалѣ глаголеть: «Хоруговъ имать, акы человекъ, судий странѣ, иже съгрѣшающаго къ нему не убиетъ. Имать же и саблю въ десницы и брадъвъ, сам же себе отъ рати и отъ разбойникъ не отиметъ; от того знаеми суть, яко не суть бози, не убойтеся ихъ убо». И помалѣ глаголеть: «Храмы ихъ утвержають

святая апостольская соборная церковь Христова. Так вы и мыслили и пребывали в благочестии по своему обещанию богу и исповеданию и доныне, подобно отцам вашим, изначала принявшим крещение при Владимире. Ныне же пришли в вашу землю некие, выдававшие себя за черноризцев, и стали учить, говоря: «Неправая у вас вера, и гневаете вы бога вашим мнимым благочестием — ходите в церкви каменные, а это в Евангелии и Апостоле не писано. Писано — апостолы в горницу собирались, а не в церковь; ибо не было церкви при апостолах. Единой церковью в Иерусалиме была древняя, о которой Христос сказал: «Не останется камня на камне», и прочее. Не подобает церквам ныне быть после разрушения древней церкви. Ныне же не церкви созданы, но кумирницы и хранилища золотых украшений. Ибо Златоуст в слове «Когда предстала царица» говорит: «Церковь не стены, но собрание верующих». Он же в Маргаритах говорит: «Не храм освящает собравшихся, но собравшиеся делают храм святым» ⟨...⟩

Писано также в грамоте вашей, что те же пришельцы говорили вам: «Не подобает почитать иконы Христа, и его матери, и ангелов, и мучеников, и отцов церкви. Бог заповедал: «Не сотвори себе, сказал он, никакого подобия того, что на небе наверху и на земле внизу, и того, что в воде и под землей, и не поклоняйся им и не служи им». И в Псалмах написано: «Идолы язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Уста имеют и не говорят, очи имеют и не видят, уши имеют и не слышат, ноздри имеют и не обоняют, руки имеют и не осязают, ноги имеют и не ходят, и не возглашают гортанью своей». И в Премудрости (Соломона) написано: «Нечестивы и уповают на мертвых те, кто именует богами деяния рук человеческих — золото и серебро, измышления ума и подобия животных». И немного далее говорит: «Если кто отсечет от дерева подходящий кусок и своим мастерством создаст образ и уподобит его человеку или какому-нибудь из животных, расписав красками и нарисовав алые цветы, всячески его украсив, и найдет ему подобающее место, поместив на стене и укрепив железом, чтобы не упал, видя и зная, что тот образ сам себе помочь не может и потребна ему помощь», и прочее, как написано в Премудрости. И в Послании Иеремии в Вавилон написано: «Ныне вы увидите в Вавилоне богов серебряных, золотых и деревянных, которых носят на плечах, чтобы пугать чужеземцев. Не бойтесь, дабы и вы не уподобились иноплеменникам, которых охватывает из-за них страх, когда они видят, как кланяется им весь народ». И немного далее говорит: «Скипетр имеет, как человек, главный судья страны, а согрешающего перед ним не убьет. Также саблю имеет в руке и секиру, а сам себя на войне и от разбойника не защитит; поэтому мы знаем, что они не боги, не бойтесь же их». И немного далее говорит: «В их храмах устанавливают

жерцы дверми, и ключи, и завѣсами, яко да не от разбойникъ окрадени будуть, свѣтила жгуть имъ многа, иже сами себе не могуть видѣти. По телесемъ ихъ и по главѣ парять нетопыре нощнии, ластавица и птица такоже еже. Отъ того увѣсте, яко не суть бози; не убойтеся ихъ убо. Злато бо, лежащее на нихъ на красу, аще не оцыстытъ кто ржа, не блеснется: егда бо слияшаясь, не чюша. Отъ всея цѣны куплени суть, в нихже нѣсть духа. Без ногу на раму носять я, являюще своя нечестиа человѣком», и прочая, яже въ Иеремиинѣ послании писано. И иконы тожъ дѣло рукъ человѣческъ: очи имуть и не видять, и прочая, и вапы помазаны и позолочены тако же, якоже и идоли, и украшени тако же. И по Писанию, идоли суть иконы, и въ Евангелии нѣсть писано о иконахъ. Грѣхъ есть почитати иконы». ⟨...⟩

Пакы же писасте ми, яко пришелцы они глаголаша вамъ и сия: «Нѣсть потребы молитвы творити, молитва оно едино, еже от неправды отступити, и яко богъ сердца чиста токмо истязуеть, а не молитвы. И въ Евангелии писано: «Духомъ и истиною кланятися», а не телеснѣ кланятися, или на землю падати и покланятися. И октениямъ насмѣяваются, глаголюще: «Како на врагы молятся, Христос повелѣваеть любити врагы и молитися о нихъ? Яко вѣсть богъ, что требуемъ? Почто намъ бога учити? Не подобаеть просити у бога, и ради сего да не будемъ учити бога». И Охтаикъ, и мѣсячныя святымъ пѣснопѣниа, и Уставъ глаголють та вся растлитыхъ человѣкъ умомъ списаниа и человѣческая предаииа. Тако же глаголють: «Кто дни раздѣлилъ на постныя и не на постныя? Дни изначала богомъ единакы сътворены, и господь в Евангелии глагола: «Не могуть сынове брачнии поститись, донелѣже с ними женихъ есть». И с нами женихъ — Христос, и того ради не подобаеть поститися намъ и заутра ясти достойно, ибо и ученицы Христовы заутра класы стираху и ядяху. Глагола Исус: «Не входящая въ уста сквернить человека», и прочая. Сего ради не подобаеть поститися николиже. И апостолъ писа: «Вся чиста чистымъ». И Петру въ плащаницы всяко животно показавъ богъ, повелѣ ясти. Что убо посты? Что же ли среда и пятокъ? Нѣсть ничтоже. И еже ясти по вся дни мяса ничтоже есть. Глаголеть бо Златаустъ: «Не рече Христос поститеся, но будите милосерды, яко же и отецъ вашь небесный милосердъ есть». И пакы той же: «В чесомъ познають вы, яко мои ученицы есте? Въ еже ли мертвыя въскрешати и прокаженныя очищати? Но что аще, рече, любите друг друга» ⟨...⟩

Писасте же ми пакы, яко пришелцы они глаголють про вся вѣры, иже суть въ всѣхъ языкохъ, яко вси людие едино суть у бога: и татарове, и нѣмцы, и прочии языцы. Глаголеть бо апостолъ Петръ: «Въ всякомъ языцѣ бояйся бога и дѣлаяй правду приятъ ему есть». Тѣмже и крещение не нужно людемъ; глаголеть бо апостолъ, яко: «Обрѣзание ничьто же есть, и необрѣзание

жрецы двери, которые закрывают ключами и засовами, чтобы разбойники не обворовали храм, зажигают многочисленные светильники, потому что сами по себе они не видны. Над телами и головами идолов парят летучие мыши, а также летают ласточки и иные птицы. Поэтому можете узнать, что они — не боги; не бойтесь же их. Если кто не очистит от ржавчины позолоту, которой они украшены, она не заблестит: когда идолов отливали, они этого не чувствовали. За плату они куплены, нет в них души. Лишенных ног носят на плечах, обнаруживая тем перед людьми их нечестие», и прочее, как написано в Послании Иеремии. И иконы тоже дело рук человеческих: очи имеют и не видят, и прочее, и красками расписаны и позолочены так же, как идолы, и украшены так же. И по Писанию, иконы — идолы, и в Евангелиях ничего не написано об иконах. Грех почитать иконы» ⟨...⟩

Еще писали вы, что эти пришельцы говорили вам и такое: «Не надо творить молитв, единственная молитва — отступить от неправды, ибо бог требует только чистых сердец, а не молитвы. И в Евангелии написано: «Совершайте поклонение духом и истиной», а не телом, кланяясь или падая на землю и творя поклоны. И смеются над ектениями, говоря: «Как же молятся о победе над врагами, когда Христос повелевает любить врагов и молиться за них? Как узнает бог, что мы от него требуем? Зачем нам бога учить? Не подобает просить у бога, поэтому да не будем учить бога». И Октоих, и месячные песнопения святым, и Устав — все это они называют сочинениями развращенных людей и человеческими измышлениями. Говорят еще: «Кто разделил дни на постные и не постные? Дни изначала сотворены богом одинаковыми, и господь в Евангелии сказал: «Не могут сваты поститься, пока с ними жених». И с нами жених — Христос, и поэтому не подобает нам поститься и с утра есть можно, ибо и ученики Христа утром растирали колосья и ели. Сказал Христос: «Не входящее в уста оскверняет человека», и прочее. Поэтому никогда не следует поститься. И апостол писал: «Для чистых — все чисто». И Петру на спустившемся с неба полотне показал бог всех животных и повелел их есть. Что такое посты? Что значит среда и пятница? Нет этого ничего. И ничего нет в том, чтобы есть мясо ежедневно. Ибо говорит Златоуст: «Не поститься велел Христос, но быть милосердным, как милосерден отец ваш небесный». И снова он же: «Из чего узнают, что вы мои ученики? Из того, что вы мертвых воскрешаете и прокаженных исцеляете? Нет, из того, сказал, что вы любите друг друга» ⟨...⟩

Писали вы мне еще, что эти пришельцы говорят про веры, которые есть у всех народов, что все люди для бога едины: и татары, и немцы, и прочие народы. Ибо говорит апостол Петр: «Во всяком народе боящийся бога и поступающий по правде приятен ему». Поэтому и крещение не нужно людям, ибо говорит апостол: «И обрезание ничего не значит, и необрезание

ничьто же есть». Тако же и къ причащению тѣла и крови Христо-ви не подобаеть поститися, или очищатися, или омыватися. Нѣсть бо тѣло Христово или кровь: Христос глаголы предаде, а не тѣло свое, ни кровь свою. И то причастие простой хлѣбъ общей, и ясти его, яко же и общий хлѣбъ, не приуготовляася. И вся же приносимая въ церковь, свѣщи и прочая, ненавидить богъ, и то приношение на грѣхъ есть приносящим. Нынѣ прино-шениа богъ не взыскуюетъ. В Ветхомъ таковая быша, нынѣ «Жеръtва богу — дух съкрушенъ», по писаному. Таковое при-ношение, яко жертва идоломъ есть. Чернечество же откуду приаша? Въ Евангелии и въ Апостолѣ не писано, паче же пишеть Апостолъ: «Духъ же рѣчию глаголеть, яко в послѣдняа вре-мена отступять нѣции отъ вѣры, внимающе духомъ лестчемъ и учениемъ бѣсовскымъ, в лицемѣрии лжесловесникомъ, изже-ныхъ своею совѣстию, възбраняющихъ женитися, удалятися брашенъ, яже богъ сътвори въ снѣдение съ благодарениемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину». Тѣм же въ среды, и въ пяткы, и в посты не ясти мяса, и чернечествовати, и не женитися, и, блудивши съ женами, омыватися, вся та человѣческая преда-ниа. И сего ради подобаеть ясти мяса въ среду, и в пятокъ, и в посты, и не дѣвьствовати, и по блудѣ не измыватися. «Честенъ бо бракъ, и ложе нескверно», и «Вся чиста чистымъ», пишеть Апостолъ. И Петру въ плащаницы: «Яже богъ очисти, ты не скверни». Паче же въ Евангелии пишеть: «Не входящая въ уста сквернять человѣка». И: «Фарисею слѣпый, очисти прежде внут-реняа».

Тѣм же вся та человѣческая предания, съпротивна Евангелию и Апостолу. «Кляхся, рече, и поставихъ съхранити судбы правды твоея», а не рече «человѣческая предания». Въ церквахъ же попы учать по книгамъ и по уставомъ ихъ человѣческая преда-ниа, и повелѣваюrь себе послушати, и земскыхъ властей боятися и дани даяти имъ. Не подобает же въ христианохъ властемъ быти и воевати,— писано: «Отъ взимающаго твоя не истязуй». Велят же попы имѣниа приносити и нищимъ подаяти, а нищиа псы, не подобаеть имъ подаяти, пишеть бо: «Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ». И чада мы есмы, яко позна-хомъ истину, занеже у насъ разумъ духовный. И аще кто нашь разумъ имѣеть, то братъ духовный и чадо есть, и къ намъ подобаеть приносити имѣниа, яко же пишеть въ Дѣянихъ: «Яко приношаху имѣниа и полагаху предъ ногама апостолъ». Тии же вси, иже приходять къ церквамъ и внимають чело-вѣческымъ преданиемъ, пси суть и внѣшнии, и заблудиша отъ истины, и не въсиа имъ благовѣствованиа, погыбшии суть, и елико добродѣтели ни сътворяють, не могуть спасти-ся, аще не приимуть нашего духовного разума. Никому же такъ не открылася истина, яко же намъ открыся. Не подо-баеть же повиноватися властемъ и попомъ, понеже пишеть:

ничего не значит». Так же и перед причащением телом и кровью Христовой не нужно поститься, или очищаться, или омываться. Это — не тело Христово и не кровь: Христос завещал нам учение, а не тело свое, не кровь свою. А причастие — простой, обычный хлеб, и есть его надлежит, как обычный хлеб, без всяких приготовлений к этому. И все приносимое в церковь — свечи и прочее — бог ненавидит, и это приношение во грех приносящим. Ныне бог не хочет приношений. В Ветхом завете были приношения, ныне же: «Жертва богу — дух сокрушенный», как указано в Писании. А всякое приношение — то же, что жертва идолам. А монашество откуда взяли? В Евангелии и Апостоле об этом ничего не написано, но пишет Апостол: «Дух святой ясно говорит, что, когда придут последние времена, отступят некие от веры, внимая лживым духам и учениям бесовским, из-за лицемерия лжеучителей, с сожженной совестью запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарностью». А не есть в среду, в пятницу и в пост мяса, и монашествовать, и не жениться, и после соития омываться — все это человеческие измышления. И поэтому подобает есть мясо в среду, и в пятницу, и в посты, и не блюсти воздержания, и после соития не омываться. «Ибо брак да будет честен и ложе непорочно» и «Для чистых все чисто» — пишет Апостол. И Петру было заповедано на спустившемся с неба полотне: «То, что бог сделал чистым, не оскверняй». Также и в Евангелии написано: «Не входящее в уста оскверняет человека». Также сказал: «Фарисей слепой, очисти прежде то, что внутри».

Таким образом, все это — человеческие измышления, противоречащие Евангелию и Апостолу. «Клялся, говорит, и утвердил твое правосудие», а не говорит: «человеческие измышления». В церквах же попы учат человеческим измышлениям по книгам и по их уставам и повелевают себя слушаться, и земных властей бояться, и давать им дани. Но не подобает у христиан властям быть и воевать,— сказано: «От взявшего у тебя не требуй назад». Велят также попы приносить деньги и подавать нищим, а нищие — псы, не следует им подавать, ибо сказано: «Нехорошо отнимать хлеб у детей и бросать псам». А дети — это мы, ибо познали истину, потому что у нас есть разум духовный. И всякий, кто имеет такой же разум — тот духовный брат и дитя, и нам подобает приносить имущество, как сказано в Деяниях: «Приносили деньги и клали к ногам апостолов». Те же все, кто приходят к церквам и следуют человеческим измышлениям, суть псы и мирские люди, сбившиеся с истинного пути, и не воссияет им истинное учение, они — погибшие, и сколько бы добрых дел ни делали, не могут спастись, если не воспримут нашего образа мыслей. Никому так не открылась истина, как нам открылась. Не подобает также повиноваться властям и попам, потому что сказано:

«Не нарицайтеся наставницы: единъ есть вашь наставникъ — Христос». Тако же не подобаеть рожьшихъ почитати, ни именовати отцевъ: пишеть бо: «Не нарицайте себѣ отца на земли. Единъ есть отецъ вашь — богъ». И посему мы сынове божии, яко истину никто же тако позна, яко же мы; не имущим же нашего разума внѣшнии суть и пси 〈...〉

Пакы же писасте ми въ грамотѣ вашей, яко пришелцы они глаголють вамъ: не подобаеть прочитати мучений святыхъ мученикъ, понеже съблазнъ въ нихъ людем: писано въ мучениихъ, яко укоряху мучителей, еже не подобаеть. Такоже не подобает почитати и отеческая житиа, понеже яко же и в мучениихъ съблазнъ есть людемъ: писано и пророчества и чюдеса в нихъ. Христос бо глагола, яко «Вси пророцы до Иоанна», и сего ради послѣ Предтечева пророчества нѣсть от бога пророчества; такоже и послѣ апостоловъ нѣсть чюдесъ, ныне же пророчества и чюдеса ложныя, не подобаеть бо послѣ Предтеча и апостоловъ пророчеству и чюдесѣмъ бывати. Такоже не подобаеть мощей почитати апостольскых и мученическых и отеческых и на молитву призывати ихъ, понеже то человѣкослужение есть, и человѣкослужение под клятвою есть. Укараяеть же таковыхъ и пророкъ, глаголя: «Живии от мертвыхъ помощи взыскують». Апостоли бо живи чюдеса сътвориша и помогоша людем; умерше же они, и мученикы, и отцы не могуть помагати ничесо же молящимся имъ: мертвецы бо суть, яко же и вси мертвецы. И в еллинохъ тацыи же мертвецы. И чюдеса отъ мощей ихъ на съблазнъ людем и не святымъ Духомъ бывають. Гдѣ писано — телеса нетлѣнна? Тѣмже, кто почитаеть мертвыя телеса и на молитву мертвых призываеть,— человѣкослужитель есть и заповѣдемъ преступникъ: презирая государя, рабу молится, оставя бога, мертвецев призываеть на помощь. Такоже и памяти празновати не подобаеть: грѣхъ бо есть великъ 〈...〉

Пакы же писасте ми въ грамотѣ вашей, яко глаголють пришелцы ваши: «Не подобаеть много почитати рожшую Христа, глагола бо Христос: «Кто суть мати моя и братиа моя? Иже сътворить волю пославшего мя, сей братъ мой, и сестра, и мати ми есть». И посему мати Христова нѣсть честна, но яко же и вси жены, тако же и она. Честна, егда имѣ Христа въ утробѣ, а повнегда родити ей Христа, не имѣеть святости. Ибо чересъ внегда полнъ сребреницъ, тогда съблюдаемъ есть, егда же испразнится сребрениц, тогда той же чересъ, яко ничтоже презираемъ бываеть: сице и мати Христова повнегда роди, яко и вси жены бысть. И крестъ, емуже покланяются, древо есть. Кую святость имѣеть? Яко же и всякое древо и яко столбъ, не имать святости. Крестъ есть оно, еже господь глагола: «Възми крестъ свой и въслѣдъ мене гряди», а не сие крестъ, еже руками сътворяють и покланяются» 〈...〉

«Не называйтесь наставниками: один есть у вас наставник — Христос». Также не подобает почитать родителей, ни именовать их отцами; ибо сказано: «Отцом не называйте никого на земле. Один отец у вас — бог». И поэтому мы сыновья божии, ибо истину никто так не познал, как мы; не имеющие же нашего образа мыслей — мирские люди и псы. ⟨...⟩

Писали вы мне еще в грамоте вашей, что эти пришельцы говорят вам: не подобает читать о мучениях святых мучеников, потому что от этого люди впадают в соблазн: писано в житиях, что они укоряли мучителей, а это не подобает делать. Не подобает также почитать и жития святых отцов, потому что от них, как и от мученических житий, люди впадают в соблазн: описываются в них чудеса и пророчества. Ибо говорил Христос: «Все пророки были до Иоанна Предтечи», и поэтому после пророчества Предтечи не бывает пророчества от бога; также и после апостолов нет чудес; нынешние же пророчества и чудеса ложные, ибо не подобает после Предтечи и апостолов быть пророчеству и чудесам. Также не подобает ни почитать мощи апостолов, мучеников и святых отцов, ни призывать их в молитвах, потому что это человекослужение, а человекослужение предано проклятию. Укоряет таких и пророк, говоря: «Живые обращаются за помощью к мертвым». Ибо апостолы творили чудеса и помогали людям, когда были живы; после смерти же ни они, ни мученики, ни святые отцы ничем не могут помочь тем, кто молится им: мертвецы они такие же, как и всякие мертвецы. И у эллинов были такие же мертвецы. И чудеса от их мощей бывают для искушения людей, а не святым Духом. Где написано, что тела нетленны? Поэтому тот, кто почитает мертвые тела и призывает мертвых к молитве, есть человекослужитель и отступник от заповедей: презирая государя, молится рабу, оставя бога, призывает на помощь мертвецов. Также и дни поминовения праздновать не подобает: это великий грех ⟨...⟩

Также писали вы мне в грамоте вашей, что говорят ваши пришельцы: «Не подобает слишком почитать родившую Христа, ибо сказал Христос: «Кто мать моя и кто братья мои? Тот, кто творит волю пославшего меня, тот мне брат, и сестра, и мать». И поэтому мать Христова не заслуживает почитания, но так же, как все женщины, так и она. Почиталась, когда Христа в утробе носила, а после того, как родила Христа, не имеет святости. Ибо пока кошель полон серебреников, его оберегают, когда же опустошится, тогда тот же кошель в пренебрежении бывает, ибо он — ничто; так же и мать Христова, когда родила, стала как все женщины. И крест, которому поклоняются, есть дерево. Какую он святость имеет? Как и всякое дерево, как столб, не имеет святости. Крест — это то, о чем господь сказал: «Возьми крест свой и следуй за мной», а не тот крест, который сотворяют руками и поклоняются ему» ⟨...⟩

Писасте же ми въ грамотѣ вашей, яко пришелцы они именують церковныя попы ложными учители, глаголюще, яко в Маргаритохъ писано: «Нынѣ попы не суть священникы божии, но лицемѣрьствуются священьствомъ». Глаголють же къ попомъ и господне слово: «Горе вамъ книжницы, фарисеи, лицемѣри» ⟨...⟩

Пакы же писасте ми в грамотѣ вашей, яко пришелцы они глаголють: «Яко же жидове и мучитилие древле апостоловъ гоняху, тако и насъ нынѣ гонять заблужшии, понеже мы истину знаемъ паче всѣхъ, и того ради насъ гонять. Златаустъ писа, сказуя притчю въ Евангелии о плевелохъ селныхъ, яко не подобаеть убивати еретикы. Они же насъ, яко и апостоловъ, гонять, познавшихъ истину, и възбраняют намъ сказывати слово божие». ⟨...⟩

Писали вы мне в грамоте вашей, что эти пришельцы именуют попов в церкви ложными учителями, говоря, что в Маргаритах написано: «Ныне попы — не священники божии, но лицемеры во священстве». О попах же говорит и господнее слово: «Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры» 〈...〉

Писали вы мне еще в грамоте вашей, что эти пришельцы говорят: «Так же, как иудеи и мучители в древние времена подвергали гонению апостолов, так и нас гонят впавшие в заблуждение, потому что мы истину знаем лучше всех, из-за того нас и гонят. Златоуст писал, толкуя евангельскую притчу о плевелах на поле, что не подобает убивать еретиков. Они же нас, познавших истину, гонят, как и апостолов, и возбраняют нам толковать слово божие». 〈...〉

ИЗ «СТЕПЕННОЙ КНИГИ»

СКАЗАНИЕ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ

⟨...⟩ О великомъ князе Игоре, како сочтася со блаженною Олгою. Игорю же юну сущу еще и бывшу ему во Псковской области, яко же нѣцыи повѣдаша дивно сказание, яко нѣкогда ему утѣшающуся нѣкими ловитвами и узрѣ об ону страну реки лов желанный; и не бѣ ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладьици, и узрѣ нѣкоего по рецѣ пловуща въ лодейцы, и призва пловущаго къ берегу, и повелѣ себя превести за реку. И пловущим имъ, и возрѣ на гребца оного и позна, яко дѣвица бѣ сия блаженная Олга, велми юна сущи, доброзрачна же и мужествена. Ея же иногда никогда же не зная, и уязвися видѣнием, яко же писано есть: «Очи лакомѣ и некасаемых касахуся». И разгорѣся желанием на ню и нѣкия глаголы глумлением претворяше к ней. Она же уразумѣвше глумления коварство, пресекая бесѣду неподобнаго его умышления, не юношески, но старческим смыслом поношая ему глаголаше: «Что всуе смущаешися, о княже, срам притворяя ми? Вскую неподобная во умѣ совещевая, студная словеса износиши? Не прелщайся, видѣв мя юну дѣвицу и уединену, и о сем не надѣйся, яко не имаши одолѣти ми; аще и невѣжда есмь, и велми юна, и простъ обычай имам, яко же мя видиши, но обаче разумѣх, яко поругати ми ся хощеши и глаголаши нелѣпая, его же не хощу ни слышати: прочее же внимай себѣ и останися таковаго умышления. Дондеже юн еси, блюди себѣ, да не одолѣетъ ти неразумие, и да не постражеши зло нѣкое; останися и всякого безакония и неправды, аще сам уязвен будеши всякими студодѣянии, то како можеши инѣмъ неправду возбранити и праведно судити державѣ твоей. Разумно же да будет ти, аще и паки нынѣ не престанеши соблажняяся о моем сиротствѣ, то уне ми есть, яко да приимет мя глубина реки сея,

ИЗ «СТЕПЕННОЙ КНИГИ»

СКАЗАНИЕ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ

⟨...⟩О великом князе Игоре, как он сочетался браком с блаженной Ольгой. Когда еще совсем юный Игорь был в Псковской земле — рассказывают некоторые дивное сказание — однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу; и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки, и увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица (а это была блаженная Ольга) совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его (а ведь сказано в Писании: «Похотливые очи зарятся на запретное»). И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его: «Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся — не возьмешь меня силой. Хоть я неученая, и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я и слышать не хочу. Лучше подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы не пострадать тебе самому. Откажись от всякого беззакония и неправды — если ты сам будешь побежден разными постыдными делами, то как сможешь другим запрещать неправду и как сможешь праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то лучше мне будет, чтобы глубина реки этой пог-

да не буду тебѣ на соблазнъ, и сама поругания и поношения угонзну, ты же прочее не смущаешися о мнѣ». И ина многа премудрено о целомудрии глаголя. Се начаток благ и удивления достоин доброумнаго юношскаго цѣломудрия блаженныя Олги, еще не вѣдущи бога и заповеди его не слыша; такову премудрость и чистоты хранение обрѣте от бога, яко удивитися Игорю мужеумному смыслу ея и благоразумным словесем ея. И абие Игорь отложь юношеское мудрование свое, наипаче же со стыдѣнием своим и с молчанием преиде реку, внимая себѣ от таковых до времени, и оттоле паки иде в Киев. Внегда же прииде время, и повелѣнию его бывшу изобрѣсти ему невѣсту на бракъ, взысканию же бывшу, яко же есть обычай господьству и царстей власти, и о мнозех небреже, но воспомяну дивную въ дѣвицах Олгу, юже видѣ своима очима, мужествену сущу и благообразну, и еже от устъ ея слыша хитростныя глаголы и целомудреный нравъ ея видѣвъ. И посла по нея сродника своего прежереченнаго князя Олга; и приведе ю съ подобающею честию, и тако сочтана бысть ему закономъ брака.

О брани Игоревѣ на Греки. Великий же князь Игор по смерти своего сродника Олга иде на Греки, и повоева страны Финическия и по Понту, и до Ираклия, и до Фефлегонския земли, и всю Никомидийскую землю полони. Много же бысть побѣжено воинство его от грекъ. И паки Игор собра многое воиньство, иде на греки. Царь же Роман, тесть царя Констянтина Багрянороднаго, сына Премудраго Лва царя, посла лучших боляр своих, и умоли Игоря, и нача давати ему дань выше Олговы первыя. И взем дань Игор возвратися от Дуная в Киевъ. И родися ему сын Святослав от сея блаженныя Олги. И тако самодержьствуя мир имѣя ко всѣм странам.

Убиение Игорево от древлянъ. И тогда же шедшу ему в Древляны, и усугуби на них дань и, еже взя, посла в Киевъ съ лодми своими, а самъ оста не со множеством людий. Древляне же со князем своим, ему же имя Мал, злое умысливше, глаголаху к себѣ: «Сей есть наслѣдникъ, приидѣте, убием его и супружницу его Олгу премудрую возмем за нашего князя, и сыну его сотворим, яко же хощемъ, и сами свободни от дани будем, и наше будет достояние». И убиша его внѣ града Коростеня, идѣже и погребоша его.

О посланникѣх отъ древлян ко Олге. И послаша древляне по блаженную Олгу двадесят лучших людей в лодии. Ей же увѣданъ бысть приход их и убийство самодержца, и въсплакася велми глаголющи: «Увы мнѣ, свѣтлѣйший самодержателю, великий государю руский! Увы мнѣ, свѣте мой, камо зайде

лотила меня, чем быть тебе на соблазн; так я избегну поругания и позора, а ты не впадешь в соблазн из-за меня». И много другого разумного сказала она о целомудрии. Это первое проявление, благое и достойное удивления, благоразумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей бога и заповедей его не слышавшей. Такую премудрость и чистоты соблюдение обрела она от бога, что удивился Игорь зрелому ее разуму и благоразумным ее словам. И сразу Игорь отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту, и стали ему подыскивать ее, как это было в обычае для властителей. И многими он пренебрег и вспомнил дивную в девицах Ольгу, отвагу и красоту которой видел своими глазами, и из уст которой слышал речи разумные, и целомудренный нрав которой видел. И послал он за ней родича своего, вышеназванного князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и так сочетались они законным браком.

О войне Игоря с греками. Великий князь Игорь после смерти своего родича Олега пошел на греков, и завоевал страны Финические, до Понтского моря, и до Ираклии, и до Пафлагонской земли, и всю Никомидийскую землю попленил. И много войска его было перебито греками. И снова Игорь собрал большое войско и пошел на греков. А царь Роман, тесть царя Константина Багрянородного, сына царя Льва Премудрого, послал лучших бояр своих, и умилостивил Игоря, и стал давать ему дань больше, чем раньше давал Олегу. И, взяв дань, Игорь возвратился с Дуная в Киев. И родился у него сын Святослав от блаженной Ольги. И, так самодержствуя, жил он в мире со всеми странами.

Убиение Игоря древлянами. Пошел Игорь в те годы на Деревскую землю, и удвоил дань с них, и то, что взял, отправил в Киев со своими ладьями, а сам остался с небольшой дружиной. Древляне же, с князем своим, имя которому Мал, задумав злое, сказали себе: «Он снова вернется. Пойдем убьем его, а супругу его, Ольгу премудрую, возьмем за нашего князя, а с сыном его сделаем что хотим, и освободимся от дани, и все нам достанется». И убили его около города Искоростеня, там и погребли его.

О посланниках от древлян к Ольге. И послали древляне к блаженной Ольге двадцать лучших мужей в ладье. А ей было известно о их приходе и о убийстве государя, и восплакала она горько, говоря: «Увы мне, великий самодержец, великий государь русский! Увы мне, свет мой, куда скрылся

от очию моею, мене уединену вдовою остави! К кому приближуся и на кого нынѣ возрю? Увы мнѣ, драгий мой милый супружниче преудобренный! Уне бы мнѣ преже тебе умрети, неже лишенѣ быти твоея красоты и твоего любезнаго сожитства, и не бы слышела твоея пагубы, иже не от супостатных враг, но от своеземных ти людий! И не вѣм, что сотворити, или к кому горкую сию печаль простирети! К сыну ли, но той велми дѣтескъ еще, и не вѣм от кого наказанъ будетъ, или кто снабдит державу ему». И ина многа глаголаше плачющи, и никто же можаше утолити плача ея, тако же и вси людие плакахуся. И едва плачю преставшу, по малу нача укреплятися, и женскую немощ забывши и мужеским смыслом обложися и умышляше, како месть крови мужа своего сотворити и коим образом убийца оны казнити; и повелѣ возвати к себѣ древлянския мужи и преухищренно глагола к ним: «Добре, яко приидоста сѣмо, о мужие, глаголите же, что ради приидосте». Они же рекоша: «Приидохом, о госпоже, Деревьская земля посла нас возвѣстити тебѣ, яко князь твой отягча насъ данию, а довола не имый и сего ради убиен бысть. Наши же князи добрыи суть, и ты поиди за нашего князя Мала»,— иже тако зовом бѣ. Олга же глагола к ним: «Любовна ми суть словеса ваша. Никтоже бо не может воскресити мертваго. Тако ни азъ могу мужа своего воставити господьствующаго вами, его же вы убиисте. Нынѣ же идите в лодию вашу. И заутра, егда послю по вас, и вы величающеся рцыте посланым от мене по вас: «Мы пѣши не идем и на конех не всядем, но понесите на главах ваших, вземше с лодиею». Егда же понесут вы, и тогда велию честь от мене примите пред людьми моими». Они же послушавше ю, идоша в лодию свою, и заутра посла по них. Древляне же гордящеся седяху в лодии и глаголаша, яко же Олгою научени: веляху нести ся и с лодею на главах. Киевъстии же людие насмехающеся безумию их, яко повинующеся, и глаголаху: «Князя не имамы, а княгиню поемлете за вашего князя, и нѣсть нынѣ нашея воли». И взяша их с лодею на главы и принесоша их на теремный дворъ, иже бѣ внѣ града Киева. Олга же зрящи ис терема. И вринуша их живых во уготованную им глубокую яму глаголюще: «Угодна ли есть вам честь сия». Они же вверженн вопиаху: «О горе нам, аще и убихом Игоря, а блага не обрѣтохом, но паче горшая злая праведно по дѣлом нашим постигоша нас». И живыи засыпаны быша. И абие Олга посла в Деревы глаголюще: «Аще истинно хощете поняти мя за вашего князя, и еще пришлите нарочитых мужей, яко да прииду к вам в велицей чести, дондеже не удержат мя киевстии людие».

О других посланникѣх деревъских. Древляне же паки послаша избранныхъ мужей 8, иже бяху нарочитии држателие Деревския земли. И приидоша в Киев. Олга же

ты от очей моих, меня одинокой вдовою оставив? К кому ныне прибегну, к кому обращусь? Увы мне, дорогой мой милый супруг прекрасный! Лучше бы мне было прежде тебя умереть, нежели лишиться твоей красоты и остаться вдовой! Не слышала бы я тогда о твоей погибели не от супостатов врагов, а от людей земель твоих! Не знаю, что мне делать и к кому горькую печаль обратить! К сыну ли — но он еще дитя, и не знаю, кто его будет наставлять и кто сбережет ему державу его?!» И многое другое говорила она, плача, и никто не мог утешить плача ее, и все люди плакали. И как только оплакивание кончилось, стала она понемногу собираться с силами и, оставив женскую слабость и мужским разумом вооружившись, решила она, как отомстить за кровь мужа своего и каким образом покарать убийц. И велела она позвать к себе мужей древлянских и хитроумно говорила им: «Хорошо, что вы пришли сюда, о мужи. Говорите же, зачем пришли». Они же сказали: «Пришли мы, о госпожа, потому что послала нас Деревская земля возвестить тебе, что твой князь отяготил нас данью и все ему было мало, и был убит из-за этого. А наши князья хорошие. Пойди за нашего князя Мала»,— так звали их князя. Ольга же сказала им: «По душе мне слова ваши. Никто ведь не может воскресить мертвого. И я не могу восстановить господство над вами моего мужа, которого вы убили. Теперь идите в вашу ладью. А завтра, когда я пошлю за вами, вы, величаясь, скажите посланным мною: «Мы пешком не пойдем и на коней не сядем, несите нас на своих головах вместе с ладьей». И когда понесут вас, вы большую честь от меня получите перед людьми моими». И они послушали ее, пошли в свою ладью. Назавтра Ольга за ними послала. Древляне, гордясь, сидели в ладье и говорили, как их научила Ольга: велели на головах нести себя вместе с ладьей. Киевские люди смеялись их глупости и, как бы повинуясь, сказали: «Князя у нас нет, а княгиню вы возьмете за своего князя, и теперь нет нашей воли». И взяли они их вместе с ладьей на головы, и принесли на теремный двор, который был около города Киева. А Ольга смотрела из терема. И бросили их живыми в заготовленную заранее яму глубокую, говоря: «Люба ли вам честь такая?» Они же, ввергнутые в яму, вопили: «О горе нам! Хотя и убили мы Игоря, но ничего хорошего нам от этого. Лишь еще большее бедствие за дела наши постигло нас справедливо». И были они засыпаны живыми. И снова послала Ольга к древлянам: «Если действительно хотите взять меня в жены вашему князю, то коли пришлете лучших мужей, пойду к вам с великими почестями, если не удержат меня киевские люди».

О втором посольстве древлян. Древляне же послали восемь избранных мужей, которые были самыми знатными властителями Деревской земли. И пришли они в Киев. Ольга же

повелѣ имъ, да в бани измывшеся, приидут к ней. Бани же уготовленѣ бывши, и внидоша в ню древлянѣ, еже измытися; и ту запроша их и сожъгоша.

О пришествии Олгине в Древляны. И посла к древляномъ глаголющи: «Се уже гряду къ вам. Вы же устроите меды многи у града, идѣже убисте мужа моего, да плачюся над гробом его и тризны сотворю ему». Они же зѣло много меду устроиша. И вскоре Олга собра воинество, поиде в Деревы и прииде на гроб Игоревъ и плачася по нем плачем велиимъ, источники слезъ от очию проливающи, жалостно глаголющи: «О свѣте мой милый, о драгий мой животѣ, како оплачю тебе или что сотворю тебе? Самодержец всей Русской земли былъ еси; нынѣ же мертвъ и землею покровенъ и никим же не владѣеши, и многи страны примириша ти ся и самый Царский град дани и выходы дароваху ти, и многи побѣды на супротивныя показал еси. Нынѣ же гдѣ что? Все мину. Гдѣ великое государство самодржъства твоего? Гдѣ слава и красота мира сего? Гдѣ багряницы брачныя и ризы многоцѣнныя? Гдѣ злато и сребро, и вина, и меды, и брачна честная, и быстрии кони, и домеве велиции, и имѣния многая, и дани, и чести бесчисленныя, и гордѣния в болярех своих? Уже тебѣ не будетъ сего никогда же. Всѣхъ сихъ лишенъ еси. Се бо, яко вижу, с перстию смесился еси, о милый мой господине, великий княже. Како скрыся в землю и к нам не возвращаешися? И звѣри земныя на ложа своя идут и птицы небесныя ко гнездом летятъ. Ты же, самодержавне, свой дом оставивъ и здѣ пришед, идѣже отъ безумных древлян кров твоя царская пролияся, и тѣло твое погребению предасться. И азъ тебе, светлѣйшаго живота и царя, лишена бых и сира вдова со единым сыномъ оставаюся, и за веселие и радость плач и слезы постигоша мя, за утѣху же и покой сѣтование болѣзнено. И многия труды скорбныя обыдоша мя, и не вѣм, како враги смирити и всякая вражда утолити и како в тишинѣ мирны дни видети, въ них же бы истиннаго пути взыскати. И кто, когда, каково утѣшение дарует ми, и ум мой на лучшее утвердитъ, и желание мое исполнит? И кто обрящется, возвѣщая ми, аще будет нѣкая иная жизнь, или другий мир? Сей бо мир преходит, яко же вижу и нѣсть хитрости, еже убежати кому смерти. Егда же како и мене постигнет смерть, и кто будет памят мою творя по смерти? Все бо естество человѣческое въ небытие расходится и забытию предавается. ⟨...⟩ И что нынѣ успѣем, косняще господоубийцам врагом ненавидящим надъ ними царския власти. И того ради да приимут месть, и да престанет дерзость в Рустей земли помышляющих злое на самодержавных; да и прочии не навыкнут убивати государьствующих ими в Руси, но со страхомъ да повинуются величию царствия Руския державы началником. Мы же паки по сихъ егда мирно время улучим, и тогда паче потщатися имамы добрѣйшая и полезная

велела им, чтобы они, вымывшись в бане, пришли к ней. Баня была приготовлена, и вошли древляне в баню, чтобы вымыться; их там заперли и сожгли.

О походе Ольги в Деревскую землю. И послала Ольга к древлянам, говоря: «Я уже иду к вам. Приготовьте многие меды у того города, где вы убили моего мужа, чтобы мне поплакать над его могилой и совершить тризну». Они очень много меду приготовили. И вскоре Ольга, собрав войско, пошла на Деревскую землю, пришла на могилу Игоря и плакала над ним плачем великим, ручьи слез из очей проливая, жалостно говоря: «О свет мой милый, о дорогая жизнь моя! Как мне тебя оплакать и что сделать? Самодержцем всей Русской земли ты был, а ныне ты мертв, и землею покрыт, и никем не владеешь. С тобою многие страны заключили мир, и сам Царьград дани и подати давал тебе, и много побед над врагами ты совершил. А теперь где это? Все миновало. Где власть твоя самодержавная? Где слава и красота мира этого? Где багряница шелковая и одежды драгоценные? Где золото и серебро, где вина и меды, где парчи многоценные, где быстрые кони, великие дома, богатства, дани, почести бесчисленные, гордость боярами своими? Уже не будет тебе всего этого никогда! Всего этого ты лишен! Вижу я, что соединился ты с землей, милый мой господин, великий князь! Как же скрылся ты в земле и к нам не возвращаешься?! Ведь и звери земные в норы свои идут и птицы небесные летят в свои гнезда. Ты же, самодержец, свой дом оставил и пришел сюда, где неразумные древляне пролили кровь твою царскую, и тело твое погребению предано было. И я тебя, жизнь моя, светлейший царь, лишена и сирой вдовицей с единственным сыном остаюсь! Вместо веселия и радости плач и слезы — удел мой, вместо покоя и утехи — горестное сетование. Много тяжких забот меня окружило, и не знаю я, как смирить врагов, как вражду прекратить, как в тишине мирные дни обрести и истинный путь найти? Кто, когда, какое утешение дарует мне, и ум мой на лучшее утвердит, и желание мое исполнит? И кто найдется, кто возвестит мне, что будет какая-то иная жизнь и другой мир? Этот мир преходит, и, как вижу, нет никакой возможности ни для кого избежать смерти. А когда меня постигнет смерть, то кто будет творить мою память после моей смерти? Ведь все естество человеческое в небытие расходится и забвению предается. ⟨...⟩ И как мы ныне сумеем преуспеть против наших врагов, убийц своего господина, ненавидящих царскую власть над собой. За это пусть они примут месть, чтобы прекратилась в Русской земле дерзость злых помышлений против самодержцев — пусть и другим будет неповадно убивать правящих ими на Руси, и пусть они со страхом повинуются величию царской власти и властителям Русской земли. И тогда снова наступит у нас мирное время, и тогда мы постараемся добрейшее и полезнейшее

увѣдати». И ина многа плачевная притворяше глаголы и повелѣ могилу сыпати надъ Игорем и тризны творити, яко же есть обычай в невѣрныхъ. По сих древляне седоша пити и повелѣ Олга отроком своим пити с ними и служити пред ними, а самим не упиватися. Древляне же воспросиша: «Гдѣ суть дружина наша, их же послахом по тебя?» И рече Олга: «По мнѣ грядут с боляры моими». И егда упилися быша древляне, и тогда сама отиде кромѣ; повелѣнием же ея воини изсѣкоша пят тысящ древлян. И возвратися в Киевъ.

О второй побѣде на древлянѣ. И паки собра воинества много храбрых и поиде съ сыном своимъ великим князем Святославомъ на Деревскую землю. Они же выидоша противу на бой и побѣжени быша и бѣгше, затворишася во градѣхъ своих. И тамо не улучиша избавления, но взяты быша от Свѣтослава вся грады ихъ.

О взятии Коростѣня града. Сама же Олга устремися на Коростен град и обступи его. Древляне же бияхуся крѣпко, предатися не хотяще, понеже тии сами быша убийца Игоревы. И стоя Олга лѣто у града, и не може взяти его, и посла ко гражданомъ, глаголющи: «Вси грады предашася мнѣ и дань дающе нивы дѣлают. Вы же от глада умрети хощете, не имущеся дани давати». Древляне же рекоша: «Ради быхом дань даяли, но боимся отмщения». Глагола же имъ Олга: «Месть уже воздахомъ вам. Нынѣ же изнеможения ради вашего не отягчаю на вас дани, яко же князь мой. Вѣм бо яко меду и скоры нынѣ не имате, и вмѣсто сих скудну дань возму у вас, еже имате; дадите ми от двора по три голуби и по три вороби». Они же ради бывше и собраша по всему граду голуби и вороби и послаша к ней с поклонением. Она же вземше рече: «Се уже покористеся мнѣ и сыну моему. Идите во град. И аз не днесь, но заутра отступлю отъ града». И вси иже во граде, слышавше, возрадовашася. Олга же птица оны раздая воемъ своимъ и повелѣ к коейждо привязывати сѣру съ огнем, ввивающи в плат и в вечеръ, егда смерчеся, повелѣ пустити голуби и вороби с огнем, и прилетѣша в гнѣзда своя, и загорѣся весь град. Людие же не возмогоша угасити и побѣгоша из града. И повелѣ Олга имати их и убивати; овѣх же воем своимъ в работу преда, а иных остави дань даяти. И всю Деревенскую землю прият и дань тяжку возложи на них.

О устроении земскомъ. И иде Олга сыном своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляющи устав и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская земля

познать». И много еще горестных слов она говорила. Велела она курган насыпать над Игорем, и тризны творить, как это в обычае у язычников. После этого древляне сели пить, и велела Ольга отрокам своим пить с ними и служить им, но самим не упиваться. Древляне спросили: «Где же наша дружина, которую мы послали к тебе?» И сказала Ольга: «За мной идут с боярами моими». И когда древляне напились, тогда отошла она в сторону, а воины ее, по ее повелению, зарубили пять тысяч древлян. И возвратилась Ольга в Киев.

О второй победе над древлянами. И снова собрала Ольга большое и сильное войско и пошла с сыном своим, великим князем Святославом, на Деревскую землю. Древляне вышли против них на бой, и были побеждены, и, отступив, затворились в городах своих. Однако и там не спаслись они: были взяты Святославом города их.

О взятии города Искоростеня. Сама же Ольга устремилась на город Искоростень и осадила его. Древляне крепко бились, не желая сдаваться, ведь именно они были убийцами Игоря. И стояла Ольга у города год, и не могла взять его, и послала к горожанам, говоря: «Все города уже сдались мне, платят дань и возделывают нивы свои. И вы от голода умрете, если не согласитесь платить дань». Древляне сказали: «Мы рады были бы платить тебе дань, но боимся мести». Сказала им Ольга: «Мы уже вам отомстили. На этот раз из-за того, что вы истощены, я не стану утяжелять вашу дань, как мой князь. Я знаю, что меда и шкур сейчас у вас нет, вместо этого я возьму с вас небольшую дань тем, что имеете: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья». Они обрадовались, собрали по всему городу голубей и воробьев и послали к ней с выражением покорности. Она же, принимая дань, сказала: «Вот вы покорились мне и сыну моему. Идите в город. И я не сегодня, так завтра отступлю от города». И все в городе, услышав это, обрадовались. Ольга же раздала этих птиц воинам своим и повелела к каждой привязывать серу с трутом, завязывая их в тряпочку; вечером, когда стемнело, велела она отпустить голубей и воробьев, поджегши трут, они полетели в свои гнезда, и загорелся весь город. Люди не смогли погасить пожара и побежали из города. И велела Ольга одних ловить и убивать, а других воинам своим отдала в рабство, а иных оставила платить дань. И всю Деревскую землю покорила она и возложила на древлян дань тяжкую.

О установлении порядка в стране. И пошла Ольга с сыном своим и с войском по Деревской земле, устанавливая порядок дани и места охоты. Некоторые говорят, что Деревская

бѣ, иже во области Великого Новаграда, нынѣ же Деревская пятина именуема; инии же глаголют, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже бѣ Чернигов градъ. И прииде Олга во град Киев с сыном своимъ великим князем Свѣтославом. И, пребыв лѣто едино, остави сына въ Киевѣ, а сама иде къ Новуграду и нача уставляти по Мстѣ погосты и от луговъ и от ловитвъ дани и оброки, и по Днѣпру перевѣсища и села, тако и же по Деснѣ, и по всей земли ловища и знамения и мѣста и погосты. И изрядивши вся сия и пресмотрив своима очима, возвратися в Киев. Кто не удивится сея блаженныя Олги премудрости и мужеству и целомудрию? Аще и не крещена бѣ и земнаго царствия власть управляя, по лишении же мужа не изволи посягнути ко другому мужу; уподобися горлицы единомужней. Убийцам же супруга своего месть возда, яко же властодержателие обычай имѣяху. Печаше бо ся исправити и доброприбытно устроити скипетродержавие Руския земли, отеческое наслѣдие сынови своему, с нимъ же тогда в любви пребываше.

О разсужении духовнаго тщания и о вѣре христовѣ блаженныя Олги. Наипаче же о душевных себѣ внимая, тщашеся в чистотѣ и в целомудрии пребывати и тѣло свое неоскверненно снабдѣти. Прикосну бо ся сердцу ея слово спасеное, и утѣшителева благодать разумнѣи очи ея отверзати начат, к неложному приводя богоразумию, его же блаженная возжела, о нем же мудроствовати утвердися; бѣ бо мудра паче всѣх; премудростию уразумѣ, яко вси людие земли ея, сущаго бога не вѣдуще, суетно тщание к бездушным идолом имяху и безъ ума кумиром, не сущим богом требы творяху. Дияволом прельщени — дияволу угодная и творяху. Преблагий же и премилостивый Христосъ бог нашь не презрѣ дѣла рук своих и не забы заблуждьших людий своих, но благоволи помиловати нас и воздвиже рог нам благочестия и начало спасения не от иныя страны, ни от чюжия земли, но от дому и отечества Рускаго изращения сию богомудрую и равноапостольную великую княгиню Олгу. Бе бо подвиг ея, иже бы увѣдати вѣру истиннаго бога, кумиры же возненавидѣ и велми гнушашеся их. Аще тогда и не в благочестии и живяше и закона християнскаго не вѣдущи, но образы благихъ дѣлъ ея явно свидѣтелствоваху, яко быти ей Христовѣ рабѣ. Но, яко же выше речено, чисть и целомудръ смыслъ имяше и желанием желаше християна быти не нужею нѣкоею, но самовластным хотѣниемъ; и несумѣнною вѣрою, и благим произволением, и чистою совѣстию сущаго бога взыска и сердечными очима путь благоразумия увѣдѣ, по нему же неблажнено поиде, и обрѣте желаемаго бога, и тщашеся угодная ему сотворити, и глаголаше во умѣ своем: «Аще

земля была в области Великого Новгорода и что теперь она называется Деревской пятиной, а другие говорят, что это Северская земля, где город Чернигов. И пришла Ольга в Киев с сыном своим, великим князем Святославом. И, побыв в Киеве один год, оставила сына в Киеве, а сама пошла к Новгороду, и стала устанавливать по Мсте погосты, и определять от лугов и охотничьих угодий дани и оброки, и устанавливать по Днепру места для ловли птиц и села, и также по Десне — и по всей земле есть ловища ее, и знаки, и места, и погосты. Установив все это и посмотрев на все своими глазами, возвратилась в Киев. Кто не удивится блаженной Ольги мудрости, мужеству и целомудрию? Не будучи крещенной, управляя страной, лишившись мужа, она не захотела выйти замуж за другого: уподобилась она горлице единомужней. Убийцам же супруга своего она месть воздала, как это было в обычае у властителей. Ибо она заботилась о том, чтобы установить к добру и пользе царскую власть в Русской земле, отеческое наследие сыну своему, которого тогда она любила.

О духовном стремлении и о вере христовой блаженной Ольги. Особенно заботясь о духовном, она старалась в чистоте и целомудрии пребывать и тело свое неоскверненным сохранять. Ибо прикоснулось к сердцу ее слово спасения, и благодать Утешителя очи ее внутренние отверзать начала, приводя ее к истинному богоразумию, которого блаженная Ольга возжаждала и о котором привыкла размышлять, ибо она была мудрее всех людей. Премудростью уразумела она, что все люди ее земли, не зная о существовании бога, напрасное усердие к бездушным идолам имея, неразумно кумирам, не являющимся богами, жертвы приносили. Прельщенные дьяволом, они дьяволу угодное и творили. Но преблагой и премилостивый Христос бог наш не отверг творение рук своих и не забыл заблудших людей своих, но благоволил помиловать нас. Он воздвиг нам рог благочестия и начало спасения — не из иной страны, не из чужой земли, а из дома и отечества Русского произвел он эту богомудрую и равноапостольную великую княгиню Ольгу. Ее подвиг был в том, чтобы узнать веру в истинного бога, а кумиры она возненавидела и сильно их гнушалась. Еще тогда, когда не в благочестии жила она и закона христианского не знала, примеры благих ее дел явно свидетельствовали, что быть ей рабой Христовой. Но, как было выше сказано, чистый и целомудренный образ мыслей был у нее, и жаждала она быть христианкой — не по принуждению, а по свободной воле; несомненной верой, благим произволением, чистой совестью истинного бога взыскала и сердечными очами путь познания бога обрела, по нему пошла, не соблазняясь, и обрела желаемого бога и, стараясь угодное богу совершать, говорила в уме своем: «Если я

угодна богу обрящуся, и той сам господь, яко же вѣсть, не имат лишити мя сладкаго ми желания; яко же хощет, наставит мя на всяку истинну и произволение благое да подасть ми, яко да и аз, недостойная, причтена буду избранному его стаду». Не бяше бо тогда во странѣ Рустей благочестию учителя.

О желании шествия во Царьград блаженныя Олги. Но от божия промысла, свыше свѣтом разума осияема, благодатию святаго Духа учима и направляема, трудолюбным тщанием восхотѣ шествовати ко Царствующему граду, и сама своима очима желаше видѣти красоту службы християнския, и слышати слово благочестия, и разумно увѣдати православную вѣру; и без всякого сумнѣния желаше креститися. Предваряху бо ей к богу присвоение милостивный нрав и прочая образы благих дѣл ея.

О побѣде великого князя Свѣтослава Игоревича на Болгары. В та же времена сынъ ея великий князь Свѣтослав воева на Болгары, и по Дунаю взя осмьдесят градов, и, самодержствуя живый в Болгарех в Переславцы, и на Царѣграде дани и выходы взимаше, приведе бо его на болгар царь Никифоръ Фока, мстя свою обиду болгаром.

О Афонасии Афонстемъ и о царьствѣ Никифора Фоки и о убиении его. Того же царя Никифора повелѣнием и помощию преподобный Афонасий во Святѣй Горѣ созда великую лавру, идѣже Никифор кѣлия отходныя себѣ устрои, ту же и пострищися хотя и жити со Афонасием, но возбрани ему любление царства. Царствова бо Никифор в Цариграде по Романе цари, сыне Костянтина Багрянороднаго, внука Лва Премудраго. Примѣси же ся Никифор и царицы Романовѣ Феофане, последи же и ошаяся ея, устыдѣвся святаго Афонасия Афонскаго, и жестоко живяше. Царицы же не угодно бысть сие плотскаго ради сверѣпства, и примесися царица къ Цимисхию Ивану, иже бяше сродник царю Никифору. Их же умышлением убиен бысть царь Никифор, молитву имѣя во устѣх, и с мученики причте его бог, яко же о сих свидѣтелствует в житии святаго Афанасия Афонскаго.

О прихожении в Царьград блаженныя Олги и о крещении ея и о царѣ Иване Цимисхии. Вмѣсто же Никифора царьствова Иван Цимисхий, при нем же блаженная Олга прииде въ Царьствующий град, яко добрый купецъ ищущи бесцѣннаго бисера Христа, его же и получи. Повѣдаша же приход ея царю Ивану Цимисхию, и абие же царь съ подобною честию возва ю к себѣ. Она же иде к нему ничтоже медлящи. И видѣв ю царь зело добру сущу лицем, и в бесѣдовании смыслену, и разумом украшену,

окажусь угодной богу, то сам господь, который все знает, не лишит меня сладкого моего желания. Если он захочет, он наставит меня на истину. Пусть он подаст мне произволение, чтобы и я, недостойная, причтена была к избранному его стаду». Не было тогда в Русской земле учителя благочестия.

О желании блаженной Ольги идти в Царьград. По божию промыслу, свыше светом разума осиянная, благодатью святого Духа наученная и направляемая, в своем подвижническом стремлении захотела она пойти в Царьград, своими глазами хотела она видеть красоту службы христианской, слышать слово благочестия и разумом узнать православную веру; без какого-либо сомнения хотела она креститься. Способствовали ей к принятию бога ее милостивый обычай и другие примеры благих ее дел.

О победе великого князя Святослава Игоревича над болгарами. В то время сын ее, великий князь Святослав, воевал с болгарами, и по Дунаю взял он восемьдесят городов, и жил он в Переславце, господствуя над болгарами, и с Царьграда дани и подати брал; а привел его на болгар царь Никифор Фока, мстя за свою обиду болгарам.

Об Афанасии Афонском, и о царствовании Никифора Фоки, и о том, как был он убит. Повелением царя Никифора и с его помощью преподобный Афанасий основал на Святой Горе Великую Лавру, где Никифор создал для себя келью, желая тут постричься и жить с Афанасием, но помешала ему любовь к царствованию. Царствовал же Никифор в Царьграде после царя Романа, сына Константина Багрянородного, внука Льва Премудрого. Сошелся он с царицей Феофано, вдовой Романа, но после отказался от нее, устыдившись святого Афанасия Афонского, и жил строго. Царице же, с ее плотскими страстями, это не понравилось, и сошлась она с Иоанном Цимисхием, который был родичем царю Никифору. По их замышлению убит был царь Никифор, умер он с молитвой на устах и был богом причтен к мученикам, как об этом свидетельствуется в житии святого Афанасия Афонского.

О приходе в Царьград блаженной Ольги, и о крещении ее, и о царе Иоанне Цимисхии. Вместо Никифора царствовал Иоанн Цимисхий, и при нем блаженная Ольга пришла в Царьград, ища, как хороший купец бесценный жемчуг,— Христа, и его нашла. Поведали царю Иоанну Цимисхию о ее приходе, и он с подобающей честью призвал ее к себе. Она пришла к нему без промедления. И увидел ее царь — как красива она лицом, как разумна в беседе, разумом украшена,

и в премудрости доволну, наипаче же божиею благодатию осияему, и вельми царь почюдися великому разуму ея и свѣтлости благообразия ея, и возлюби ю зело, и возжелѣ доброте ея. И глубокий в премудрости ум ея к своему люблению уловити тщашеся гаданми нѣкими и ласканьми, притворяя к ней бесѣду, яко же древле египтяныни цѣломудренаго Иосифа запяти хотя, глаголя сия: «Добрѣ потщася приити до царствия нашего, о преудобренная в женахъ великая княгини Олга, видѣти честь и красоту скипетродержания нашего. И являет видѣние доброты твоея, яко подобна еси быти здѣ и счетатися доброте моей и царицы именоватися и царьствовати с нами и вѣре нашей приобщитися». Бѣ бо и сам Цымисхий телесным подобием велми добророден и надѣяшеся улучити, о них же умышляше ко счетанию. Богомудрая же Олга уразумѣвши, яко сий совѣт от навѣта лукаваго диявола, Еввина запинателя, иже в раи древле во змию вселися и возсвиста на первозданных, тако и здѣ возсвиста женолюбива царя усты; такою козниию лукавый злобу свою воздвиже на блаженную, да лоне сим коварством поколеблет душу ея. И тогда целомудреная умное свое око возведе к богу, его же потщася взыскати, помощи от него требуя, яко да свободит ю от многообразных ловлений злокозненаго врага. И тако благоразумия крылы вперившися и чистымъ помыслом возвысився, преухищрено начатъ прелетати сѣти суемудраго царева умышления, паче же льстиваго злоначалное коварство всячески тщашеся упразднити. *Подвизаше* бо ся от юности о целомудрии паче нежели о царствии Греческом. И тогда излияся благодать во устнах ея еже вѣтийствовати таинство во Христа вѣры; и нача бесѣдовати к цареви смиреномудреными глаголы сице вѣщая: «Сладко нѣкогда слышание слышася ушима моима о вашем царствии и вѣре християнстей, нынѣ же чюдно и велико видѣние вижю очима моима — красоту непорочнаго закона божия, иже в вас совершается; и любви твоея бесѣду, и присвоение, еже нашему странствию, разумно внях. Ты же, о царю, чертогу своему царскому причтати ми ся глаголеши и царьствовати здѣ завѣщеваеши ми; его же не отрицаюся, но обаче погана есмь, яко же мя видиши, тако же и сынъ мой поган есть, ему же вы дани и выходы подаваете. Ты же наипаче всего еже крестити ми ся совѣщеваеши, его же и сама желаю от всея душа и от всего помышления; на се бо и придох сѣмо, яко да и ты свидѣтел неложен будеши иже ко Христу обещания моего. И аще, о царю, истинно попечение о моем спасении показуеши и сообѣщну мя хощеши быти истинной вашей вѣре къ богу, и тако подобно ти есть никако же коснѣти, но вскоре сам с патриархомъ потщися исполнити яже о мнѣ божию благодать, дондеже не возбраняет ми ничтоже. Егда же просвѣщена буду и тогда прочие, яже глаголахомъ, вся желаемая тобою здѣйствуются тако, яко же закон християнский

премудростью в избытке обладает, и более всего божией благодатью осиянна, и сильно подивился царь великому разуму ее и светлости ее благообразия, и полюбил ее сильно, и возжелал ее. И ее глубокий премудростью ум, стараясь склонить к своей любви, пытался он уловить загадками и лестью, хитря в беседе, как в древности египтянка, которая хотела соблазнить целомудренного Иосифа. И говорил он так: «Хорошо, что ты потрудилась придти в наше царство, о прекраснейшая из жен великая княгиня Ольга, чтобы увидеть честь и красоту нашей державы. А вид твоей красоты являет, что достойна ты быть здесь, и сочетаться с моей красотой, и называться царицей, и царствовать с нами, и вере нашей приобщиться». Ибо и сам Цимисхий был обликом весьма хорош, и надеялся он добиться того, о чем задумал. А богомудрая Ольга поняла, что этот замысел происходит по навету лукавого дьявола, Евина соблазнителя, который в древности вселился в змея и нашептал первозданным людям,— так и здесь нашептывали по-змеиному уста царя-женолюбца; этой кознью сатана злобу свою воздвиг на блаженную Ольгу, надеясь таким коварством поколебать ее душу. И тогда целомудренная мысленный взор свой обратила к богу, которого стремилась найти, прося у него помощи, чтобы избавил он ее от многообразных уловок злокозненного врага; и так, оперившись крылами богоразумия, чистым помыслом возвысившись, преискусно стала перелетать через сеть суемудрого царева умышления, прежде всего стараясь обезвредить злокозненное коварство дьявола. Ведь она с молодых лет о целомудрии заботилась больше, чем о греческом царстве. И тогда появилась благодать на устах ее, так что стала она провозглашать таинства христовой веры, и стала она беседовать с царем смиренномудрыми словами, так говоря: «Некогда сладкая молва услышана была моими ушами о вашем царстве и вере христианской, ныне же чудесное и великое видение вижу очами моими — красоту безупречного закона божия, который тут у вас осуществляется; и любви твоей беседу, общение со мной, чужестранкой, всем разумом восприняла. Ты, царь, говоришь, чтобы мне причислиться к чертогу твоему и царствовать здесь предлагаешь мне; и я от этого не отказываюсь, но ведь я язычница, как ты видишь, язычник и сын мой, которому вы дани и подати платите. Ты мне советуешь прежде всего креститься, и я сама этого хочу от всей души и от всего помышления; для этого я и пришла сюда, чтобы ты был свидетелем моего обращения к Христу. И если ты, о царь, истинное попечение о моем спасении проявляешь и хочешь, чтобы я была единомысленной тебе в истинной вере к богу, то следует тебе не медлить, а скорее самому с патриархом свершить надо мною дело божией благодати, пока ничто мне не препятствует. Когда же я буду крещена, тогда и все другое, о чем мы говорили, все желаемое тобой сделается, как это полагается по христианскому закону.

обдержатство имат. Аще ли же не тако сотвориши, то не имам креститися». Царь же ина ничтоже не внимаше, но токмо дабы вскоре браку сбытися, и яко готово имяше, о нем же браце всуе смущашеся. И абие святѣйший патриархъ Фотий словесы спасеными и богословными глаголы правовѣрныя вѣры огласивъ ю со вселенским соборомъ, и тако вкупе царю яко приемнику сущу и патриарху священнодѣйствующе.

В лѣто 6463 крещение блаженныя Олги. И тако крестиша блаженную Олгу во имя Отца и Сына и святаго Духа, и наречено бысть имя ей Елена. И тако совлечеся всея грѣховныя одежды, отложши ветхаго человѣка и дѣла поганская, и облечеся в новаго Адама, еже есть во Христа, и тако просвѣщена бывши, тако породився водою и Духом сице добрым изменением изменися, и возрадовася душею и тѣлом радостию неизглаголанною, и бысть причастница и божественых тайн пречистаго и животворящаго тѣла и крови Христа бога нашего, и бывает вѣрное овча Христова стада.

Благословение и поучение патриархово къ блаженней Олге. Патриархъ же благослови ю и пророческии глаголаше: «Благословен Христос бог наш просвѣщая и освѣщая всякого человѣка грядущаго в мир, иже тебѣ избравый от рускаго рода невѣрных людий! Благословена ты в женах руских, понеже тму прелести временнаго свѣта сего остави, а свѣт живота вѣчнаго возлюби! Благословити тя имут сынове рустии в послѣдняя дни родовъ внук твоих». И бесѣдова к ней, и поучение предлагая от Ветхаго завѣта и Новыя благодати Христовыхъ святых евангельских заповедей, и от правил святых апостолъ и святых отецъ вселенских собор, и како в вѣре твердо пребывати, и течение жития сего въ добродѣтелех свершити, и о воскресении мертвых, и о втором Христовѣ пришествии, и о воздаянии комуждо по дѣлом его: грѣшником тма кромѣшная, огнь неугасимый и черви неусыпающии и иныя муки в вѣки и на веки конца не имущи, а праведным царство небесное и жизнь без конца и прочая благая, их же усты человѣческими немощно изрещи. И заповѣда ей о церковном уставѣ, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостыни, и о воздержании, и о чистотѣ тѣлесней, и о памяти смертней, и о покаянии. Блаженная же Олга, поклонши главу, стояше аки губа морская от росы небесныя напаема, божественых писаний учение в сладость приимаше от святѣйшаго патриарха. От радостотворнаго же плача слезами себе обливаше, ими же землю умачаше, и покланяяся и припадая к ногам святому патриарху глаголющи: «Иже завѣщаваеши ми душеполезная завѣщания, о честнѣйший владыко, буди ми сия

А если ты так не поступишь, то я не крещусь». Царь тогда ни о чем другом не думал, как только о том, чтобы скорее совершился брак, быв в заблуждении, что все уже улажено для этого брака. И вот святейший патриарх Фотий со всем собором спасительными словами и богословными речами огласил ее, при этом царь был восприемником, а патриарх совершил священное таинство крещения.

В 6463 (955) году крещение блаженной Ольги. И так крестили блаженную Ольгу во имя Отца и Сына и святого Духа, и наречено ей было имя Елена. И так сняла она с себя одежды греха, отбросила ветхого человека и языческие дела и облеклась в нового Адама, то есть во Христа, и так стала христианкой, и так она снова родилась водою и силою святого Духа, и изменилась добрым изменением, и возрадовалась она душою и телом радостью неизреченною, и причастилась божественных тайн пречистого и животворящего тела и крови Христа бога нашего, и стала верным агнцем Христова стада.

Благословение и поучение патриарха блаженной Ольге. Патриарх благословил ее и сказал пророческими словами: «Благословен Христос бог наш, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир, избравший тебя из язычников русского рода! Благословенна ты среди жен русских, потому что тьму заблуждений временного света сего оставила и свет жизни вечной возлюбила! Благословлять тебя будут все русские сыны в поколениях твоих внуков». И беседовал он с ней, и поучение ей представил и из Ветхого завета, и из Новой благодати евангельских заповедей Христа, и из правил святых апостолов, и из учения святых отцов вселенских соборов, и о том, как следует пребывать в твердой вере, и течение жизни своей в добродетели проводить, и о воскресении мертвых, и о втором Христовом пришествии, и о воздаянии каждому по его делам: грешников ждет тьма кромешная, огонь неугасимый, и червь неусыпающий, и иные муки во веки вечные без конца, а праведникам — царство небесное, жизнь бесконечная и прочие блага, о которых невозможно говорить человеческими устами. Заповедал ей также о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о воздержании, и о чистоте телесной, и о памяти смертной, и о покаянии. Блаженная Ольга, склонив голову, стояла и, как губка морская впитывает росу небесную, так учение божественных писаний в сладость принимала она от святейшего патриарха. Слезами творящего радость плача она себя обливала, так что и землю омочила и, поклонившись, припадая к ногам святого патриарха, говорила: «Душеполезные заветы, которые ты мне завещаешь, о честнейший владыка, да исполню я

по глаголу твоему исправити, и молитвами твоими от всѣхъ сѣтей лукаваго диявола и от всѣх неприязненых козней его да сохранена буду, и благодать божия да не оставит мене николи же». И паки патриархъ благослови ю по мнозе поучении глаголя: «Господь исполнит прошение твое и не лишит тя от всякаго блага. Амин». И отпусти ю ис церкви. И тогда блаженная Олга вдаде патриарху блюдо златом устроено з драгим камением и бисером на потребу святому олтарю преименитаго храма соборныя церкви премудрости божия слова. Она же идяше в дом веселящися и благодарящи бога.

О учрежении и о тщетномъ умышлении Цимисхия царя. Егда же учрежению бывшу, и тогда блаженная не толико земныя телесныя пища желаше насыщатися, елико внимаше духовныя бесѣды и отъ того паче насыщашеся, и тщашеся вышняя разумѣвати, идѣже есть Христосъ со Отцем и со святым Духом. Цимисхий же не тако, но долу влекущими мудровании дмяся, аще и благочестия закон держа, и сего не внимаше по преданию сохранити и неудобобразныя благочестию начинанию являя, яко забыв присвоения духовнаго, иже в крещении ко блаженной Олгѣ, и вмѣсто купнодушевнаго благодарения составляетъ бесѣду тщетну. Егда же по крещении возва ю и рече к ней: «Нынѣ времяни настоящу и чертогу готову сущу, се уже посягни за мене. И да будеши ми жена и царица и всему царству нашему госпожа».

Оле несытства женолюбия! Оле умышления неподобнаго! Оле скверннаго рачения! Что глаголаши, о Цимисхие, ей же от святыя купѣли приемник бысть, приемникъ же тоя и чертогу непщуеши быти и не стыдишися, хотя разорити духовное сочетание? Не довлѣ ли тебѣ, о царю, немилостивное погубление сродника твоего святого царя Никифора, сообъщницу погублению его имѣя блудорачительную его царицу суровѣйшую Феофану, ей же законопреступно примѣсился еси! Не усрамився, ни помилова, ни снабдѣ, иже по плоти сродства, иже о Никифоре цари, нынѣ же и по духу сродствия, иже ко блаженней Олге снабдѣвати не рачиши!

Благоотвѣтно мудрование блаженныя Олги, имъ же посрами Цимисхия царя. Что же новопросвѣщенная Христова невѣста? Слышавъ сия, никако же не смутися, ни усумнѣся и, некнижна сущи, умудрися. О ней же збысться Христово благодарение, иже к богу отцу: «Яко утаил еси сия отъ премудрых и разумных и открыл еси та младенцем». И тако блаженная, богом вразумлеваема, со тщанием отвѣт цареви сотвори, и неподобное его начинание со дерзновением обличи, и душетлѣнную его бесѣду мужественѣ отсече, и срамлятися ему сотвори, сице глаголющи: «Аз от поганства понудихся приити доздѣ и слышати и получити о бозѣ и о заповѣдех его истинну.

по словам твоим, и да сохранят меня от сетей дьявольских и от козней лукавого молитвы твои, и благодать божия да не оставит меня никогда». И снова патриарх благословил ее и после многих поучений сказал: «Господь исполнит твое желание и не лишит тебя всякого блага. Аминь». И отпустил ее из церкви. И тогда блаженная Ольга дала патриарху блюдо, сделанное из золота, с драгоценными камнями и жемчугом, для употребления в святом алтаре знаменитого храма — соборной церкви Софии премудрости божией. И пошла она в дом, радуясь и благодаря бога.

О пире и о несбывшихся замыслах царя Цимисхия. Во время пира блаженная Ольга желала насыщаться не столько пищей земной, сколько слушанием духовных бесед, стараясь понять высшее — где Христос с Отцом и святым Духом. Цимисхий же, напротив, низменными помыслами полон, хоть и признавал закон благочестия, но не заботился сохранить его как положено, но неподобающие благочестию действия затевал, ибо забыл он про духовную связь в крещении с блаженной Ольгой, и вместо единодушного благодарения затевает он суетные беседы. После того как она крестилась, позвал он ее и сказал: «Сейчас настало время и чертог уже готов, выходи за меня. Ты будешь мне женой и царицей и всему нашему царству госпожой».

Увы, ненасытное женолюбие! Увы, замыслы непотребные! Увы, скверные речи! Что говоришь ты, о Цимисхий, той, которой восприемник ты был от святой купели, хочешь восприемником от чертога быть и не стыдишься этого, разрушая духовное родство? Не достаточно ли для тебя, о царь, того, что немилосердно погубил ты родича своего, святого царя Никифора, в сообщничестве с распутной его женой, жестокой царицей Феофано, с которой ты вступил в законопреступную связь! Ты не устыдился, не пощадил того, кто был тебе родственником по плоти, царя Никифора, а теперь и родства по духу, которое у тебя с блаженной Ольгой, соблюдать не стремишься!

Благая мудрость ответа блаженной Ольги, которой она посрамила царя Цимисхия. Что же новопросвещенная Христова невеста? Услышав все это, она нисколько не смутилась, не растерялась, и не будучи ученой, стала она премудрой. С ней сбылись слова Христа, которыми он восхвалил бога-отца: «То, что ты утаил от премудрых и разумных, то открыл ты младенцам». Блаженная Ольга, вразумляемая богом, незамедлительно царю ответила и неподобающие его поползновения смело обличила, и душепагубную беседу его мужественно пресекла, и посрамила его, так говоря: «Я из языческой страны потрудилась придти сюда, чтобы услышать и узнать о боге и о заповедях его истину.

Глаголи же ми истинну, о царю, аще есть во християнех сий обычай, иже бы отцу дщерь поимати, яко же ты, о царю, наипаче разумѣваеши? Се нынѣ крещенну мя от святыя купѣли сам восприял еси и дшерию себѣ именова мя. И тако нетлѣнною благодатию породихся, ты же паки тлѣнный чертог и брак предуготоваеши и маловременно царствовати с тобою завѣщеваеши ми. И сего ради аз приидох здѣ да с тобою царствую? Не имам бо тебѣ царю смертному нарещися царица, яко уневѣстихся желаемому ми бесмерьтному жениху Христу богу небесному царю царствующим, да съ ним в вѣки царствую. Яко же вы сами глаголете, яко ин вѣк всѣх нас ждет и есть любящим бога бесконечный живот в небеснемъ царствии; его же и аз желаю получити. Земное же царство довлѣет ми Руская великая земля, идѣ же самодержьствует со мною сынъ мой, дани и выходы обемля на многих странах и на вашем царствии. И ты, о царю, всуе о сем бесѣдуеши. Почто ми и на стези спасения преткновение и сѣть души протязаеши? Сия ли суть образи правовѣрия, сего ли ради отецъ нарече ми ся, да в супружство себѣ приобрящеши мя? Еже не имат быти, его же ти неудоб и помыслити. И аще бы потребных царствию твоему от нашея державы попросил еси, то всячески бы от нас получил еси; ими же изообилствует земля наша: множеством челяди на всяко послужение и работу и, еже ино удобно тебѣ, воскъ и бѣлка, наипаче же и воинство в помо-жение царству твоему на супротивныя. Ты же, удобная презрѣв, тщетным поучаешися. Прочее же не прилагай о сем стужати си, но благодарно прекратим бесѣду, да без смущения возвращуся во свояси».

Царь же от своея совести обличаем и с студом в чювство прииде и о непотребствѣ глаголъ своих в раскаяние обратися и превращаше глаголы, ими же студа гонзнути. Дивляше бо ся великия премудрости словес и высокому *разуму* отвѣта ея и мужественному нраву. Призвав же боляр своих, елико бяху совѣтницы ему, и глагола: «Что сотворим, яко невозможная начахом, и начаток вездѣлен бысть. Не видѣх бо в женах подобну сея премудрости. Яко же сами видѣсте, како мене уковарствова премудрыми своими словесы сия великая княгиня Олга. Не токмо не получих сочетатися доброты ея, о ней же туне смутихся, но вмѣсто сих срам и студ приобрѣтох си. Истинно глаголати, яко святый Дух вселися в душу ея и научи ю тако мудроствовати, не точию земное царство управляти, но небеснаго царства желати вразуми ея. Лѣпо есть нам тоя премудрому величеству достойную честь усугубити и отпустити ю в землю ея». И угоден бысть таковый его совѣт. И сотвори царь чрежение велие, яко подобаше царскому их достоинству, и сугубыми дарми одари ю, злата и сребра множеством, и драгими паволоками, и многоразличными царскими сосуды; и с великою честию, и друголюбным миром, и радостным усердием отпусти ю, дщерию себѣ нарицая от купѣлнаго порожения.

Скажи же мне истину, о царь, разве есть у христиан обычай, чтобы отцу жениться на дочери, как ты, царь, сейчас задумал? Только что крестившуюся, меня ты сам от святой купели воспринял и дочерью меня своей назвал. Я нетленной благодатью заново родилась, а ты снова тленный чертог и брак готовишь и к кратковременному царствованию с собой зовешь. Разве я для того сюда пришла, чтобы с тобой царствовать? Не назовусь я тебе, смертному царю, женой, потому что я стала невестой желанному мною бессмертному жениху Христу, богу небесному, царю царствующим, чтобы царствовать с ним вовеки. Ведь вы сами говорите, что всех нас ждет иной век и что любящим бога суждена вечная жизнь в небесном царствии; и я хочу его получить. А земное царство — мне достаточно великой Русской земли, где самодержствует со мной мой сын, а дани и подати он получает от многих стран, в том числе и от вашего царства. И ты, царь, напрасно об этом говоришь. Зачем ты ставишь мне преграды на пути спасения и сеть на уловление души простираешь? Это ли примеры правой веры? Для того ли ты назвался отцом моим, чтобы взять в супружество себе? Этого не будет, об этом тебе и думать не подобает. Если бы ты просил что-то нужное для твоего царства у нашей державы, ты бы получил от нас все, чем богата наша земля: множество челяди на всякое услужение и работу, и все другое, нужное тебе: воск и меха, и в особенности же — войско на помощь твоему царству против врагов. А ты, полезное презрев, занимаешься пустяками. Не позорь себя более, прекратим беседу благоразумно, чтобы мне без смущения вернуться к себе».

Царь, обличаемый совестью своей и стыдом, пришел в чувство, и о непотребстве своих слов раскаялся, и другие речи повел, чтобы стыда избегнуть. Ибо подивился он великой премудрости ее слов, и благоразумию ее ответа, и мужеству ее нрава. Призвал он бояр своих, которые были его советниками, и сказал: «Что делать, если мы невозможное начали и начало бесполезным было? Не видел я среди жен подобную ей премудростью. Вы сами видели, как перехитрила меня своими премудрыми словами эта великая княгиня Ольга. Не только не смог я сочетаться браком с красотой ее, которая меня вотще так взволновала, но вместо этого устыжен и посрамлен был я. По правде говоря, дух святой вселился в душу ее и научил ее быть такой мудрой, не только земным царством управлять, но и небесного царства желать умудрил он ее. Подобает нам ее премудрому величеству честь удвоить и отпустить ее в землю ее». И одобрено было такое его решение. И устроил царь пир великий, как подобало их царскому достоинству, и удвоенными дарами одарил он ее, множеством золота и серебра, дорогими паволоками, различными царскими вещами; и с великой честью, дружеским миром и радостным усердием проводил он ее, называя ее своей дочерью по крестному родству.

Пришествие блаженныя Олги к патриарху, просящи благословения на путь и молитвы. И тако блаженная видѣ себе всячески обогащену и бѣ радуюся душевнѣ вкупѣ и тѣлесне о величии божии, яко сотвори господь с нею милость свою и изят ю от адския тмы идолобѣсия, и приведе ю в познание истиннаго свѣта триипостаснаго божества — Отца и Сына и святаго Духа. И вкупѣ благородная тѣлом, благороднѣйша же паче и душею, яко бремя нѣкое и яко желѣза тяжка отложив древнее нечестие, и свѣтовидная путеви касашеся, и прииде к патриарху, благословения просящи и молитвы на путь паче же и на весь дом свой, смиреномудрено поклонение сотворяя, слезами разливаяся умильно глаголющи: «Что могу твоему святителству великому воздати, о вселенский патриарше? Или кое твоего желания утѣшение сотворю о всѣх, яже твоим священнодѣйством и молитвами поучихся, и просвѣтихся, и всячески облагодатився, во свояси гряду? Разумно же ти есть и извѣстно, яко людие земли моей поганства нечестием живяху, яко же волцы, тако же и сынъ мой. От них же мене едину лукавую рабу и отступницу, яко овцу заблуждьшую и погибшую в горах и всякому звѣрю готову на снѣдь преблагий бог твоим к нему предстателством к себе в свою ограду привел есть, яко же восхотѣ, и къ незаблуждьшим своим божественным овцам сочтал есть, и в чину чад наслѣдницу явил есть, и дивных своих вѣчных благъ обещанием надежну мя яви. И тѣх великих божиих даров и сам ты за мое недостаточество сподобишися получити от единаго бога дарующаго благая своя любящим его. Се нынѣ, великий патриарше, разлучаюся твоего любочадия и доброучителства. Ты же даруй ми в себе мѣсто единого от прозвитер твоих, могущаго ми исполнити твой чин, и той да будет ми пастыр и наставник. И спутника блага даруй ми, молитву твою и совершенное благословение. И незабвенну мя сотвори, яко да и домъ мой сподобится получити божия благодати и твоея молитвы и вѣчнаго благословения въ род и род и во вѣки. И аз молитвами ти да сохранена буду от всякого вражия навѣта, и от всякого смущения, и озлобления отъ невѣрных людей, да неблазнено богови вѣруя, въ заповедех его жизнь сию скончаю и не посрамлена пред богомъ обрящуся здѣ и в будущий вѣкъ». Патриархъ же во удивлении мнозе бысть, видѣв блаженныя глубокое смиреномудрие, и крѣпкодушевный смыслъ, и слезам источники, и глаголы умилныя во устнах ея. И хотя ю от плача утолити, и утѣшение духовно даровати ей, и абие подвижеся на благодарную молитву и, на высоту руцѣ воздѣвъ, прилежно помолися за ню. ⟨...⟩

Благословение патриархово. По совершении же молитвы обращся и благослови ю глаголя: «О чадо вѣрное небеснаго отца, мир тебѣ и благословение и всему роду державы твоея

Пришествие блаженной Ольги к патриарху с просьбой о благословении на путь и о молитве. И вот блаженная Ольга, видя себя всячески обогащенной, радовалась душой и телом о величии божьем, тому, что свершил господь над нею милость свою, и изъял ее из адской тьмы идолопоклонства, и привел ее к познанию истинного света триипостасного божества — Отца и Сына и святого Духа. Она, благородная телом и, более того, душою, как бремя некое, как тяжкие вериги, отбросила прежнее нечестие, вступила на светлый путь и пришла к патриарху, благословения прося и молитвы в дорогу, и в особенности для всего своего дома, смиренномудро склоняясь, слезами заливаясь, говоря с умилением: «Что могу твоему преосвященству воздать, о вселенский патриарх? Как смогу я выполнить, возвращаясь домой, все то, чему я научилась и просветилась и чем всячески обогатилась, благодаря твоему священнодействию и молитве? Ты же знаешь и понимаешь, что люди моей земли в нечестии язычества живут, как еретики, так же и сын мой. Лишь меня одну, недостойную рабу и отступницу, как овцу заблудшую и пропавшую в горах, обреченную всякому зверю в добычу, преблагой бог, благодаря твоему предстательству, по своему желанию в свою ограду привел и причислил к незаблудшим овцам своего стада, и в ряду чад своих наследницей сделал, и обещанием дивных своих вечных благ меня обнадежил. Этих великих божьих даров и сам ты за меня, недостойную, удостоишься от великого бога, дарующего благо всем любящим его. А теперь, о великий патриарх, я лишаюсь твоего чадолюбия и твоей мудрости. Дай же мне вместо себя одного из твоих священников, который сможет для меня исполнить то, что делал ты, пусть он будет мне пастырем и наставником. И даруй мне в спутники молитву твою — прощальное благословение. Поминай меня, чтобы и дом мой удостоился получить божию благодать и твою молитву и вечное благословение из рода в род и вовеки. Пусть сохранит меня твоя молитва от всякого вражьего навета, от всякого смущения и злобы нечестивых людей, чтобы я, твердо богу веруя, в заповедях его жизнь свою скончала и не посрамленной перед богом оказалась здесь и в будущем веке». Патриарх был в великом удивлении, видя глубокое смиренномудрие, твердость души и разум блаженной Ольги, и слез потоки, и речи умиленные в устах ее. И захотел он плач ее утешить, и духовное утешение даровать. И вот подвигся он на благодарственную молитву и, простерев ввысь руки, помолился за нее усердно.

Благословение патриарха. По совершении молитвы обратился он к ней, говоря: «О чадо верное небесного отца, мир тебе и благословение и всему роду твоему

во веки! О чадо честнѣйшее, уневѣстившееся Христови, во Христа крестилася еси и во Христа облечеся! Христосъ да сохранит тя от всякого зла. Господь Исусъ Христосъ сохранит вхождение твое в землю достояния вашего, идѣже грядеши быти, яко овча посреди волков, невѣрных людей, и благодать господня буди с тобою». ⟨...⟩ И паки патриархъ и иже с нимъ весь освященный собор благословиша ю; и одари ю доволно; дарова же ей и честный крестъ Христовъ, и святыя иконы, и презвитера, и святыя книги, и прочая священныя вещи. И глагола ей: «О чадо преудобренное богови, преименитая въ державных, приими сию святыню, приими сие вѣчное благословение. О чадо богоизбранное, виновная спасению рускому роду, яко же вѣруеши и вѣрою приемлеши сия божественныя вещи. Наипаче же вѣрою и любовию облобызай сия с покланянием честное вообраӕение владычняго образа, нас ради вочеловѣчьшагося бога Слова, самого во образѣ творца зрѣти мня; такоже и пречистыя его матери и всѣх святых его благочестно покланяйся и облобызай Его же есть образ и яко к живому тому умныма очима ко истинному видѣнию восходя. Такоже и животворящаго креста господня образу вѣрою и поклоняйся, и целуй пригвожденнаго ради на нем плотию Христа бога нашего и спаса мирови, давшаго образ сей на спасение роду нашему, на диявола побѣду: боит бо ся и трепещет, не терпя зрѣти силы его». И доволно наказав ю и благословив, отпусти въ путь ея. Блаженная же, радующися душею и тѣлом, восприимши святыню и благословение, иде с миром в землю свою, носящи с собою от Царствующаго града божественную благодать паче всякого богатества.

Пришествие из Царяграда въ град Киев блаженныя же Олги. И прииде в преименитый град Киев, живый и по преданию святаго патриарха в воздержании и в молитвах, во днех и в нощех соблюдая чистоту душевную и телесную, и всякаго *грѣха* храня себе. Сеже бысть яко древле при Соломоне цари Сивилва, царица южская, прииде видѣти премудрость Соломоню. Блаженная же Олга болѣ Соломона получи: Сивилла человѣческия премудрости желаше видѣти, Олга же божию, яко же пишет в премудрости: «Приложи сердце твое в разум. Аз мене любящая люблю и ищущии мене обрящут благодать. Премудрость бо на исходящих поется, на путех же дерзновение вводит, на краех же стѣнъ забральных дерзающи глаголет». От младаго бо возраста блаженная Олга искаше премудрости паче всего на свѣте сем. Честный и животворящий крестъ Христовъ, его же святая Олга принесе из Царяграда в Киев, последи ея поставлен бысть во святей Софѣи во олтари на десной странѣ, имѣя писмена сице: «Обновися Руская земля к богу святым крещением, его же прия благовѣрная великая княгиня Олга».

вовеки! О чадо достойнейшее, уневестившееся Христу, во Христа ты крестилась и во Христа облеклась! Пусть Христос сохранит тебя от всякого зла. Господь Иисус Христос сохранит твое возвращение в землю, которой ты владеешь, куда ты идешь, чтобы быть как овца среди волков — нечестивых людей, пусть благодать господня будет с тобой». ⟨...⟩ И снова святейший патриарх и с ним весь священный собор благословил Ольгу; и одарил ее патриарх щедро: даровал он ей честный крест христов и святые иконы, дал ей священника, и святые книги, и прочие священные вещи. И сказал ей: «О чадо, угодившее богу, знаменитая среди царствующих, прими эту святыню, прими это вечное благословение. О чадо, избранное богом! Ты залог спасения русского народа, потому что ты веруешь и вещи эти божественные принимаешь с верою. С верою и любовию облобызай с поклоном это честное изображение образа владыки, нас ради вочеловечившегося бога слова — в его образе ты поклоняешься самому творцу; поклоняйся также и лобызай образ пречистой божьей матери и всех святых его. Чей образ видишь, к тому, словно к живому, мысленным взором стремись. Также и животворящему кресту господню веруй и поклоняйся и целуй пригвожденного к нему плотию ради нас Христа, бога нашего и спасителя мира, давшего нам этот образ на спасение нашему роду и на победу над дьяволом; боится он его и трепещет и не смеет видеть силу его». И, так наставив ее во всем и благословив, отпустил он Ольгу в путь ее. Блаженная же, радуясь душой и телом, восприняв святыню и благословение, пошла с миром в свою землю, неся с собой из Царьграда божественную благодать, а это больше любого богатства.

Приход из Царьграда в град Киев блаженной Ольги. И пришла она в знаменитый город Киев, и жила по завету святого патриарха в воздержании и молитвах, днем и ночью соблюдая чистоту душевную и телесную и от всякого греха себя храня. Подобное было и в древности при Соломоне, когда Сивилла, царица южская, приходила, чтобы увидеть премудрость Соломона. Блаженная же Ольга получила больше, чем Сивилла от Соломона: Сивилла человеческую премудрость желала узреть, Ольга же — премудрость божию; как гласит мудрость: «Направь сердце свое к размышлению. Я любящих меня люблю, и ищущие меня обрящут благодать. Премудрость на улицах поет, на дорогах возвышает голос, на краях стен городских кричит». С юных лет блаженная Ольга искала премудрости более всего на свете этом. Честной и животворящий крест господень, который Ольга принесла из Царьграда в Киев, после нее был поставлен в святой Софии, в алтаре у правой стены, и так было написано: «Обновилась Русская земля святым крещением, которое приняла благоверная великая княгиня Ольга».

О послании отъ царя Цимисхия ко блаженной Олге. Живущи же блаженная въ Киеве, и присла к ней царь Иван Цымисхий, глаголя: «Егда ты у нас бѣ, о добророднѣйшая самодержице Олге, и тогда любочестно чрежение сотворих ти. и многоразличными царьскими даровании много одарих тя, ты же обѣща ми ся от своего государьства прислати воздарие, ими же изообителствует земля державы вашея: челяд, воскъ, бѣлку и воинство в помощь. И нынѣ исполни удобное нам обѣщание твое». Блаженная же Олга отвѣт сотвори ко пришедшему к ней Косомѣру, яко да отречетъ пославшему его царю Цымисхию сице: «Аз, о царю Цымисхие, егда бѣх въ Царьствующем твоем граде, идѣже к богу сподобихся приступити и просвѣтитися святым крещением; и о сих благодарьствуя благодарю премногую божию благодать, яко непотребну мя сущу себѣ уневѣстил есть; ему же и чертожница быти желаю и у него жити в бесконечныя вѣки. Ты же, о царю, несогласная тогда умышления коварства старости моей и всячески прельщашеся всуе, ратуя на душу мою о счетании брака, его же не радих. Аще отъ святыя купѣли восприял мя еси и того благодатнаго ко мнѣ присвоения не внимая, яко внѣ себе быв, яко презорник являяся християнских законовъ — отецъ ми по благодати крещения наречеся, вкупѣ и муж хотяше быти ми. Неподобно дѣло соглашая, удобная царствию твоему требования просити от нас презрѣл еси, и яже неудоб получити, о сих покусился еси. Благодатию же Христовою от моих недостоиных устен коварство твое упразнися. Ты же едва въ разумѣние вниде, совѣстию обличаем со студом от таковых умолче и, примирився, одари мя, дщерию нарицая мя, и с любочестием отпустив мя во свою ми землю. И нынѣ, воздария требуя, присла ко мнѣ. Мню, яко нѣкое глумление притворяя, таковое прошение надѣешися улучити. И сего ради ничтоже прияти имаши от нас. Аще ли же отъ благочиния таковое требование надѣешися прияти от нас душевнаго ради союза и непорочныя ради любви, то лѣпо ти есть преже уцеломудрити свою совѣсть и очиститися прежняго скверноубийства. И потом потщися сам приити до нас и изслѣдити нашу реку Почайну и нас посетити с воинством духовныя любви, яко же и аз у тебе бых, идѣже и в сосудѣ святыя купѣли стоях. И пришествием своим иже к нам, сугубо любочестие достойное царствию твоему получиши и многосугубное дарование от нас приимеши, яко же и аз от тебе». И ина многа прирече, и с миром отпусти посланники к своему их царю.

Поучение блаженныя Олги. Сама же пребываше посреди бесчисленнаго множества поганых людей, кумиробѣсия тмою помраченых, иже бяху, яко дивии звѣрие, в них же сия едина благочестивая Олга вѣрою свѣтяшеся, глубокую нощи тму невѣрия отгоняя, яко пресвѣтлая звезда пред солнцем грядый и свѣтлый день правовѣрия руским людем предъявляя.

О послании царя Цимисхия блаженной Ольге. Жила блаженная Ольга в Киеве, и прислал к ней царь Цимисхий, говоря: «Когда ты была у нас, о благороднейшая самодержица Ольга, я тогда почетный пир для тебя устроил и многими царскими дарами тебя одарил обильно, а ты обещала мне из своего государства прислать воздаяние, то, чем богата земля ваша: рабов, воск, меха и войско в помощь. Ныне исполни свое обещание». Блаженная Ольга составила ответ, который должен был передать посланный им Косомер: «Я, о царь Цимисхий, когда была в твоем Царьграде, сподобилась приблизиться к богу и просветиться святым крещением; за это я глубоко благодарю премногую божью благодать, что меня, ничтожную, сделал господь своей невестой; ему невестой я хочу быть и жить у него бесконечные века. Ты же, царь, тогда, несмотря на мой возраст, неподобающими коварными умыслами напрасно обольщался, склоняя мою душу к браку, которого я не хотела. Хотя от святой купели ты меня воспринял, ты благодатного родства со мной не признал, как бы вне себя ты был, как будто законов христианских отступником явился — отцом мне по благодати крещения нарекся и в то же время захотел стать мужем. Когда неподобающее дело устраивал, тогда пренебрегал ты просить у нас то, что нужно для твоего царства; ты покушался на то, чего получить не можешь. Благодатью же Христовой из уст моих недостойных коварство твое разрушилось. Ты же, едва придя в разумение, обличаемый совестью и стыдом, перестал говорить обо всем том, примирился, одарил меня подарками, называя дочерью, и с честью отпустил меня в мою землю. А теперь, воздаяния требуя, прислал ко мне. Мне кажется, ты издеваешься, если думаешь получить просимое. И поэтому ничего от нас не получишь. Если бы ты благочестно хотел получить от нас помощь душевного ради союза и ради чистой любви, то прежде следует тебе свою совесть уцеломудрить и очиститься от прежних злодейств. А потом потрудись сам придти к нам, чтобы посмотреть на нашу реку Почайну и нас посетить с воинством духовной любви, как и я у тебя была и в сосуде святой купели стояла. И за твое пришествие к нам получишь ты и двойные почести, достойные твоего царства, и многочисленные дары от нас примешь, как и я от тебя». И много чего еще прибавила к сказанному, и отпустила посланников с миром к их царю.

Поучение блаженной Ольги. Сама же Ольга пребывала среди бесчисленного множества язычников, помраченных тьмой идолопоклонничества, которые были как дикие звери, и она одна среди них, сия благочестивая Ольга, верою светясь, глубокую тьму неверия отгоняя, как пресветлая звезда, идя перед солнцем, светлый день православия русским людям предвещая.

Все же бысть тщание ея, да быша были людие ея просвѣщении вѣрою христовою. И сына своего, великого князя Свѣтослава, много учаше его креститися, тако же и всѣм людем всегда со умилением глаголаше: «О сынове рустии, послушайте мене, новопросвѣщенную, да разумно будет вам, яже о мнѣ сами вѣсте, яко вся лѣта моя во тмѣ невидѣния ижжих и не слышах ни отъ кого же истиннаго словеси божия, возвѣщающа путь вѣчнаго живота. Егда же от истинно *вѣдущихъ* услышах, и тогда благодать божия вселися в сердце мое и неблазнено разумѣх, яко во истинну нѣсть иного имени под солнцем развѣе Отца и Сына и святого Духа, в него же вѣровах и в него же крестихся, о нем же возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой, еще же и вся чювствия плоти моея, и самый духъ мой. Кто убо не радуется, вѣруяй сущему богу, истинно со упованием разумѣвая, како дивно прославляет бог угодников своих не токмо в житии сем, но и по преставлении — многа чюдеса сотворяются от них и исцѣления различная истачают. От них же мнози во гробѣх лежаще, яко живы, и мощи их нетлѣнны пребывают до общаго всѣх воскресения, и тогда возставше в бесконечныя вѣки с богом царствовати имут. Сего ради молю вы, вѣруйте сущему богу, его же азъ познах. К сему приступите и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся». Народи же дивляхуся о глаголех ея, их же преже нигдѣ же не слышаша. Овии же от уст ея любезно прияша слово божие, крестишася. Сынъ же ея, великий князь Свѣтослав, яко звѣр бяше обычаем и ни мало о сих внимаше, тако же и вольможи его и прочии людие. Хотящим же тогда креститися не возбраняху, и крестившимся погании ругахуся; невѣрующим бо вѣра христианская уродство вменяется; не смыслиша бо, ни разумѣша, во тме ходяще, и не хотяху зрѣти славы господня.

Бесѣдование к сыну блаженныя Олги. Блаженная же Олга, часто бесѣдуя к самодержавному сыну своему Свѣтославу, глаголаше: «О любезнѣйшее чадо! Нѣсть иного бога на небеси горѣ и на земли долѣ, токмо его же аз познах всея твари содѣтеля, Христа сына божия истиннаго бога. ⟨...⟩ О нем же радости и веселия здѣ исполнихся, яко николи же преже просвѣщения тако не радовахся. Кольми паче вси любящии бога радоватися имут с самым богом в бесконечном царствии пребывающе! И аще ты, о сыну мой вожьделѣнный, и познаеши истиннаго бога и крестишися, и ты тако же радость велию получиши, и ползу, и всякое благо приобрящеши себѣ же и прочим с собою. Не буди преслушатися мене, матери своея. Вѣдый буди, чадо, иже кто не покаряется родителем, такоже и учителей благому наказанию, пагубу себѣ ходатайствует. Ты же, чадо, послушай мене, приими вѣру истинную и крестися, и спасенъ будеши. Не косни, сыну, дондеже пагуба не постигнет тебе». Сия убого

Все ее старания были направлены на то, чтобы просветить людей своих верой христовой. И сына своего, великого князя Святослава, много раз побуждала она креститься, да и всем людям всегда с умилением говорила: «О сыновья русские, послушайте меня, новопросвещенную, пусть будет вам понятно то, что вы обо мне и сами знаете,— что все годы свои я прожила во тьме неведения и не слышала ни от кого истинного слова божия, возвещающего путь вечной жизни. Когда же я услышала об этом от действительно знающих, тогда благодать божия вселилась в сердце мое и я без сомнения поняла, что воистину нет под солнцем иного имени, кроме Отца и Сына и святого Духа, в него я поверила, в него крестилась, о нем возвеселилось сердце мое, и возрадовался язык мой, и все чувства плоти моей, и самый дух мой. Кто не возрадуется, уверовав в сущего бога, твердо с надеждой понимая, как прославляет бог угодников своих не только в этой жизни, но и после смерти — многие чудеса происходят от них, различные исцеления они расточают. Многие из них в гробах лежат, но мощи их, как живые, нетленны пребывают до общего для всех воскресения, и тогда они восстанут и бесконечные века с богом царствовать будут. Ради всего этого молю вас, поверьте в сущего бога, которого я познала, приступите к нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся». Люди же дивились речам ее, подобных которым они никогда раньше не слыхали. Некоторые из них охотно приняли из уст ее слово божие и крестились. А сын ее, великий князь Святослав, как зверь был по привычкам своим и нисколько не прислушивался к ее словам, так же как и вельможи его и прочие люди. Хотящим креститься тогда не препятствовали, но над крестившимися смеялись язычники, ведь неверующим вера христианская безумием кажется; не знали они, не понимали, во тьме ходя, не желая видеть славу господню.

Беседы с сыном блаженной Ольги. Блаженная Ольга, часто беседуя со своим самодержавным сыном Святославом, говорила: «О дорогое мое дитя! Нет иного бога ни на небесах наверху, ни на земле внизу, кроме того, которого познала я, создателя всего сотворенного, Христа сына божия. ⟨...⟩ С ним я радости и веселия здесь исполнилась; никогда до крещения я так не радовалась. А насколько больше будут радоваться любящие бога с самим богом в царствии небесном! А ты, о сын мой желанный, если познаешь бога и крестишься, такую же радость великую получишь и пользу и всякое благо приобретешь себе и тем, кто с тобой. Не ослушайся меня, матери твоей. Знай, дитя мое, что тот, кто не покоряется родителям, так же как и учителей доброму наставлению, погибели себе ищет. Послушай меня, сынок, прими веру истинную и крестись и спасен будешь. Не медли, сын мой, пока погибель тебя не застигла». Эти слова, как казалось

глаголания мняше блаженная, яко на водѣ сѣяв, виде бо его студено к глаголаннымъ прилежаща и двоемыслено к ней вѣщающа сице: «Вѣмъ, родительнице моя, яко благо мнѣ, еже послушати тебе, матере моея. Аще и хотѣл бых креститися, но никто же не послѣдует ми, ни совѣтует от велмож моих. И аще един аз законъ християнъския вѣры восприиму, и тогда вси боляре мои и прочии чиновники вмѣсто повиновения, иже ко мнѣ, поругают ми ся и поношение и смѣх составят о мнѣ, и что ми будет самодержьство, аще закона ради иного вси оставят мя, и непотребен буду никому же». Богомудрая же его мати глагола ему: «О чадо, не глаголи того. Аз вѣм, яко никто же есть противляйся самодержавству твоему. Аще ты, о сыну мой, истинно прилепишися любви господа Исусъ Христа и во имя его крестишися, и тогда людие твои вси, видѣвше твое предначинание ко благочестию, радующеся вси безо всякого прекословия единомыслено обѣщницы ти будут таковыя великия благодати, и сугубу славу и честь от всѣх приобрящеши себѣ». Онъ же ни мало не приклонился глаголом ея, еще и гнѣвашеся на святую матерь свою. «В душу бо неразумнаго не внидет премудрость», яко же рече пророкъ. Не восхотѣ разумѣти еже бы сотворити благое; предста бо всякому пути не благу и творя дѣла поганская, невѣдый Писания: «Аще кто не послушает отца или матери, смертию да умрет». О таковых и Соломон рече: «Учай злыя примет себѣ досаждение», еще же: «Не обличай злых, да не вознавидят тя». Боголюбивая же и чадолюбивая Олга жестость души его видѣв и безумныя отвѣты слышав, но любочадия утробою матерьски болѣзнуя о нем, и плакаше доволно, непрестанныя источники слез испущая и к любимому си Христу возрѣв моляся вопияше, яко ту ему сущу, и к нему бесѣдующи глаголаше: «О премилостивый господи боже мой Исусъ Христосъ, прилпе душе моя по тебе, и мене прият десница твоя: приклони ухо твое ко мнѣ и услыши молитву мою. И дай же ми путь обрѣсти, им же ми получю угодити тебе: тебе бо жадаю источника спасению. Помощник ми буди и не остави мене, боже спасителю мой, яко отецъ мой и мати моя остависта мя, и супруга лишена бых; от него же единаго сына прижих, и той непокорив и невѣрен, такоже и людие невѣрни. Ты же, господи, едину мя на упование призвал еси. Аз же, господи, на милость твою уповах и на пучину щедрот твоих надежу душа моея возлагаю и, к тебѣ прибѣгая, молюся: научи мя творити волю твою и спаси мя от рода сего строптиваго, множества невѣрных людей. Аще они заблудили суть от твоея благодати, но ты, владыко, человѣколюбия своего ради не презри их, но посети и въ разум призови и своему познанию приведи. Яко же и мене древле учюженую присвоил еси достоянию твоему, тако, господи, и люди сия, болящая невѣрием, исцели благовѣрием и к себѣ обративъ, привлецы, да и ти,

блаженной Ольге, она сеяла на воде, потому что видела она, как холодно отнессся он к ее словам и как уклончиво ей ответил: «Знаю, родительница моя, что лучше бы послушаться тебя, матери моей. Но если бы я и хотел креститься, никто бы мне не последовал и никто бы из моих вельмож не согласился это сделать. Если я один закон христианской веры приму, тогда мои бояре и прочии сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной, поношения и насмешки сочинят про меня, и что мне будет самодержство, если из-за чужого закона все меня оставят и я буду никому не нужен». Богомудрая же его мать сказала ему: «О чадо, не говори так. Я знаю, что никто не противится твоему самодержству. Если ты, о сын мой, истинно предашься любви к господу Иисусу Христу и во имя его крестишься, тогда все люди твои, видя твое устремление к благочестию, радуясь, все без возражений, единомысленно примут участие вместе с тобой в такой великой благодати, и двойную славу и честь от всех ты получишь». А он нисколько не склонился к ее речам, да еще и прогневался на святую мать свою. «В душу неразумного не войдет премудрость»,— сказал пророк. Не захотел он понять, что делать ко благу; предпочел он пути нехорошие, совершая языческие дела, не ведая слов Писания: «Кто не послушает отца или матерь, смертью да умрет». О таких Соломон сказал: «Учащий дурных навлечет на себя беду», и еще: «Не обличай злых, да не возненавидят тебя». Боголюбивая же и чадолюбивая Ольга, суровость души его видя и безумные ответы слыша, но материнским чадолюбивым сердцем страдая за него, плакала много, непрекращающиеся источники слез испуская, к любимому ею Христу обратив взор, молилась, восклицая, как если бы он был тут, она с ним беседовала и говорила: «О премилостивый господи боже мой Иисус Христос, прилепилась моя душа к тебе, и приняла меня рука твоя: преклони ухо твое и услышь молитву мою. Дай мне найти такой путь, чтобы смогла я угодить тебе: к тебе я стремлюсь, как к источнику спасения. Будь мне помощником и не оставь меня, боже, спаситель мой,— отец и мать меня оставили, и супруга я лишилась; от него я прижила единственного сына, и тот непокорный и неверующий, так же как и народ языческий. Ты же, господи, только мне одной дал упование. Я, господи, на милость твою уповаю, и на множество щедрот твоих надежду души моей возлагаю, и, к тебе прибегая, молюсь: научи меня творить волю твою и спаси меня от рода лукавого, от множества неверующих людей. И хоть они ушли от твоей благодати, но ты, владыка, человеколюбия ради, не пренебреги ими, но посети их и вразуми, приведи их к познанию себя. Как и меня, прежде отчужденную, привел ты к своему достоянию, так же, господи, и людей этих, болеющих неверием, исцели благоверием и к себе обрати и привлеки, и пусть они,

нѣкогда просвѣщении тобою бывше, прославят имя твое пресвятое Отца и Сына и святаго Духа въ род и роды и во вѣки. Амин». ⟨...⟩

О пророчении бытия града Пскова, идѣже свѣта облистание видѣ блаженная Олга. И прииде блаженная Олга близ реки, глаголемыя Великая, и бывши ей на конец реки Псковы, и ту бяше тогда великъ лѣс и многия дубравы, и на том мѣсте святая Олга чюдно и преславно видѣние видѣ: мѣсто оно пресвѣтлыми лучами осияваемо бѣ, яко от трисиятелнаго свѣта. Блаженная же Олга бѣ радующеся душею, удивляяся неизреченнаго свѣта блистанию, благодать богу воздая, яко таково обрадованно знамение предъявляше ей на увѣрение хотящая быти благодати просвѣщения земли Руcстей. И пророчествуя глаголаше ко всему синклиту, иже бяху с нею: «Разумно да будет вам, яко волею божиею на семъ мѣсте церьков имат быти во имя пресвятыя единосущныя и животворящия и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа. Еще же и град здѣ велик будет и славен, изообилен». И по глаголех сих доволно помолися на мѣсте том и крестъ постави, иже и до нынѣ есть крестъ той.

О добродѣтелех блаженныя Олги. И оттуду паки поиде во преименитый град Киев и тамо живущи, многа блага о бозѣ содѣвая, и всѣми добрыми дѣлы освящашеся и милостынею обогащашеся: нагия одѣвая, алчныя напитая, жадныя напаяя и странныя упокоивая всяким благопотребством. И нищая вдовица, и сироты, и болящая по премногу милуя и сих довольствуя всяким требованием, и ему же что удобно, сим и учрежашеся тихостию и любовию от чиста сердца. Тиха бо дателя, по реченному, любит господь. Аще же тогда и поганым вся сия благая творяше, но вменяше себѣ бога должника не скудна, и яко самому тому богатодавцу взаим даяше и надѣяшеся от него сторицею восприяти воздаяние здѣ и в будущий вѣкъ.

О началѣ церкви псковския. Посла же святая Олга много злата на Плескову реку на создание церкви святыя живоначалныя Троица, идѣже трисиятелныя божественыя луча свѣтоявление видѣ. Послѣди же ту и град великъ Псков поставлен бысть. Сугуб же подвиг тогда бяше блаженныя Олги, велико попечение имѣя о соблюдении Руския земли. Сыну бо ея великому князю Свѣтославу тогда не сущу в Киеве, но въ Болгарех, иже на Дунаи в Переславцы, идѣже любяше жити, и ту ему присылаху дани и выходы от многих стран, тако же и от Царствующаго града. Дѣти же Свѣтославли, Ярополкъ и Олег и равноапостолный великий Владимиръ, еще тогда дѣтски суще, в Киевѣ пребывающе, о них же печашеся и промышляше баба их святая Олга.

просвещенные когда-нибудь тобою, прославят имя твое пресвятое, Отца и Сына и святого Духа, из рода в род вовеки. Аминь». 〈...〉

О предсказании возникновения города Пскова в том месте, где света блистание видела блаженная Ольга. И пришла блаженная Ольга к реке, называемой Великая, и была она у устья реки Псковы, а тут был тогда великий лес и густые дубравы. На том месте блаженная Ольга чудесное и преславное видение видела: место то было освещено пресветлыми лучами, как бы от трех источников света. Блаженная Ольга возрадовалась душой, пораженная блистанием этого невыразимого света. Вознесла она благодарность богу за то, что столь радостное знамение предрекает, укрепляя ее, свершение благодати крещения земли Русской. И, пророчествуя, сказала она, обращаясь ко всем, кто был тогда с нею: «Знайте, что по воле божией на этом месте церковь будет во имя пресвятой животворящей нераздельной Троицы, Отца и Сына и святого Духа. А еще здесь город великий будет, славен и богат». И, сказав это, долго молилась она на этом месте, и крест поставила, и доныне стоит крест тот.

О добродетелях блаженной Ольги. Оттуда опять пошла она в прославленный город Киев и там жила, много добра во имя божие делая, всякими добрыми делами освящаясь, милостынею обогащаясь: нагих одевая, алчущих питая, жаждущих напояя, странствующим давая приют со всем необходимым. Нищих, вдов, сирот, больных она очень жалела и всем необходимым снабжала, кому что нужно, то и делала тихо, с любовью, от чистого сердца. Тихого дателя любит господь, как было сказано. Хотя тогда еще она для язычников все эти благодеяния совершала, но она считала, что дает в долг богатому заимодавцу, самому богу, и надеялась она сторицею от него получить и здесь и в будущем веке.

О начале псковской церкви. Послала святая Ольга много золота на Плескову реку на создание церкви святой живоначальной Троицы на том месте, где она видела видение — свет трисиятельных божественных лучей. Потом тут и большой город Псков поставлен был. Двойной подвиг тогда совершила блаженная Ольга, великое попечение имея о сохранении Русской земли. Ибо сына ее Святослава тогда не было в Киеве, он был в Болгарии, на Дунае, в Переславце, где любил жить, и туда ему посылали дани и подати от многих стран, в том числе от Царьграда. Дети же Святослава Ярополк и Олег и равноапостольный великий князь Владимир, еще тогда ребенок, в Киеве пребывали, о них пеклась и заботилась бабушка их святая Ольга.

Печенѣзи же тогда, яко удобно время своему пронырству обрѣтше, и собравшеся множество их, внезапу нападоша на Киев и яко неводом обьяша его и вмалѣ не взяша града. Божий же промыслъ вѣсть благочестивыя от напасти избавляти, яко же и праведную Олгу храняй богъ внят молитвѣ ея и покрываше ю от всякого зла и не предасть града Киева противным. И тогда ускори приити ко граду воевода Свѣтославль именем Претич с малым воиньством. Печенѣзи же, мняще самого великого князя пришедша и страхом объяти бывше, бѣгу яшася вскоре.

О великом князе Владимере и братии его. Блаженная же Олга благодарение велие воздая богу, яко спасению сподобил ея от толикия бѣды, с нею же и триех внуков ея, их же велми святая Олга любяше, крестити же их тогда не дерзну, да не безмѣстно что сотворит непокоривый сынъ ея Свѣтославъ, и остави сие на воли божии, моляшеся о всѣх. Ея же моления не презрѣ господь, но послѣди исполни благоволением своим прошение ея и пророчествие, егда внук ея великий князь Владимир по нѣколице времени получи святое крещение и вся люди земля своея приведе во крещение. Братия же его, Ярополкъ и Олег, преже крещения братоубийственою кровию скончашася; по многих же лѣтех при великом князе Ярославе Владимеричи выгребоша кости их и крестивше, вложиша их в церкви Святыя Богородица, юже Владимир созда. И о сих до здѣ, паки же настоящее да глаголется.

По отшествии же печенѣх посла блаженная Олга на Дунай к сыну своему великому князю Свѣтославу, повѣдая ему, еже сотвориша печенѣзи земли его. Он же со многими людми вскоре прииде в Киев и целова матерь свою и детей своих и сжали си о бывшем от печенѣг, и собра воиньство, и прогна печенѣг в поле, и бысть мир.

Завѣт к сыну блаженныя Олги преже преставления ея. И в Киевѣ Свѣтославъ рече матери своей и боляром своим: «Не угодно ми есть жити в Киевѣ, но хощу жити в Переславцы, иже на Дунаи, яко той есть среди земли моея, и ту вся благая мнѣ сходятся: от греков — злато, и паволоки, и вино, и овощие различнии, от чахов же и угров — сребро и кони, а из Руси — бѣлки, и мед, и воск, и челяд». Блаженная же Олга плачющися рече ему: «Вскую оставляеши мя, о сыну? Камо грядеши, чюжих желая? А свою землю кому вручаеши? Чада ти малы, аз же стара, и яко же видѣши мя конечно изнемогающу. Аз, чадо, преже много молих тя, дабы со мною вѣровал единому истинному богу и даровалъ бы ти къ земному царству и небесное. Ты же возненавидѣ совѣт мой и отверже словеса моя, не восхотѣ разумѣти истинны, паче же гнѣваяся

Печенеги же тогда выбрали удобное время для своего коварства, собралось их великое множество, и внезапно напали они на Киев, и как неводом охватили его, и едва не взяли города. Но божий промысел знает, как благочестивых от напасти избавлять, так и теперь,— праведную Ольгу храня, бог внял ее молитве, и охранил ее от всякого зла, и не предал города Киева врагам,— тогда поспел придти к городу воевода Святослава по имени Претич с небольшим войском. Печенеги же, думая, что пришел сам великий князь, объятые страхом, разбежались поспешно.

О великом князе Владимире и братьях его. Блаженная же Ольга благодарение великое воздавала богу за то, что спас ее от такой беды, а с нею и трех внуков ее, которых блаженная Ольга очень любила; крестить их она тогда не решилась, опасаясь, как бы чего неподобающего не учинил непокорный сын ее Святослав, оставила она это на волю божию, молясь обо всех. Ее моления не презрел господь и потом по своему благоволению исполнил прошение ее и пророчество, когда внук ее, великий князь Владимир, через некоторое время получил святое крещение и всех людей своей земли привел к крещению. А братья его, Ярополк и Олег, прежде крещения братоубийственной смертью погибли; через много лет, при великом князе Ярославе Владимировиче, выкопали кости их и, крестив, похоронили в церкви святой Богородицы, которую Владимир создал. Но об этом хватит, будем говорить о настоящем.

После ухода печенегов послала блаженная Ольга на Дунай к сыну своему великому князю Святославу, сообщив ему, что учинили печенеги в земле его. Он же со многими людьми вскоре пришел в Киев, целовал мать свою и детей своих и сожалел о случившемся из-за печенегов, собрал войско, прогнал печенегов в степь, и настал мир.

Завет к сыну блаженной Ольги перед преставлением. В Киеве Святослав сказал матери своей и боярам своим: «Не хочу я жить в Киеве, но хочу жить в Переславце на Дунае, потому что он находится на середине моей земли и туда все блага сходятся: от греков — золото, и паволоки, и вино, и плоды различные, от чехов же и угров — серебро и кони, а из Руси — меха, и мед, и воск, и рабы». Блаженная же Ольга с плачем сказала ему: «Зачем оставляешь меня, о сын мой? Куда идешь, чужого желая? А свою землю кому поручаешь? Дети твои малы, а я, как сам видишь, стара и уже смертельно больна. Я, сын мой, прежде уже горячо умоляла тебя, чтобы ты со мной вместе верил в единого истинного бога, и он даровал бы тебе к земному царству и небесное. Ты же пренебрег моим советом и отверг мои слова, не захотел постичь истину и даже разгневался

на мя, прелестию погружаяся сквернаго смраднаго кумиробѣсия, слѣпотою невѣрия претыкаяся, во глубинѣ всякия нечистоты низлагаяся, послѣдуя губителному коварству лукаваго диявола. Не положил еси бога помощника себѣ, но упова на множество тлѣннаго собрания, еже вскоре преходит. Нынѣ же, о чадо, не ходи ни камо же, дондеже отъиду жития сего и погребению предана буду. И тогда идеши, амо же хощеши. А яже о мнѣ: по преставлении моем да не сотворите ничтоже по вашему поганскому обычаю, но презвитер мой той да погребет грѣшное тѣло мое, яко же есть обычай християном погребати равна со землею. Могилы же надо мною да не дерзнет никто же сыпати, ни тризны творити, но посли злато в Царствующий град к патриарху, и той молитву и совершение сотворит к богу о души моей и нищих милостынею учредит. Не буди же инако сотворити, но исполни завѣт мой. Уже бо приближися время скончания моего, да к желаемому Христу отъиду, ему же вѣровах». Свѣтослав же слышав матерни глаголы, слез исполнистася очеса его, аще не обратися вѣровати во Христа, но матерелюбно обѣщася по повелѣнию ея сотворити о ней.

О преставлении блаженныя Олги. И по триех днех последнее изнемогаше блаженная, и тогда наипаче благодарствуя бога, пречистую богородицу, юже всегда помощницу имѣя, тако же и святыя вся в молитву на помощ призывая. И приспѣвшу часу внегда от телеснаго союза душа ея хотяше разлучитися и к вышнему преселитися чертогу, к нему же издавна тщашеся. И сподобися быти причастница животворящих таин пречистаго тѣла и крови Христа бога нашего и благодарению и молитве сущи во устѣх ея, радуяся предаде святую свою душу в руцѣ всѣх бога и преиде во обители вѣчныя, и сподобися небесному чертогу с мудрыми дѣвами. Престави же ся в лѣто 6477 мѣсяца июля 11 день, бывши в супружьствѣ лѣт 42 от дѣвьства своего; по смерти же мужа своего в десятое лѣто сподобися восприяти благодать святаго крещения, пребысть же во святом крещении благочестно и богоугодно до старости маститы лѣт 15; всѣх же лѣт живота ея бяше близу осмидесяти лѣт. Великий же князь Свѣтослав, сынъ ея, и внуцы ея, с ними же князи, и боляре, и прочии чиновники, и всего града людие плакахуся по ней плачем велиемъ зѣло.

О погребении блаженныя Олги. Внегда же понесоша ю на погребение, и тогда елико вѣрных, иже бяху ту, такоже и невѣрнии, своеземнии же и пришелцы от многих стран, купцы же и прочии вси велми плакахуся о лишении блаженныя Олги. Князи бо и вси велможи и прочии сановницы имѣша ю, яко едину от премудрых и разумнѣйшу во управлении царствия и крѣпку поборницу державы, и самѣм им тихоувѣтливу в совѣте

на меня; обольщаемый, погружался ты в смрадное и скверное кумирослужение, из-за слепоты неверия спотыкаясь, в глубину всякой нечистоты низвергаясь, следуя коварному губительству лукавого дьявола. Ты не сделал бога помощником себе, но возложил упование на тленное людское множество, которое скоро истощается. Теперь, сынок, не ходи никуда, пока я не отойду от этой жизни и погребению не буду предана. Тогда иди куда хочешь. А со мной поступи так: после моей смерти не делайте ничего по вашему языческому обычаю, пусть мой священник погребет грешное тело мое по обычаю христиан, засыпав вровень с землей. Кургана же пусть не дерзнет никто надо мною сыпать, ни тризны творить, но пошли золота в Царьград к патриарху, пусть он совершит моление к богу о моей душе и нищих милостыней оделит. Не вздумай иначе поступить, исполни мой завет. Уже приближается время моей кончины, и я уйду к желанному Христу, в которого верую». Когда Святослав услышал слова матери своей, слезами наполнились глаза его, и хотя он не уверовал во Христа, но по сыновней любви обещал ей все сотворить с ней, как она просила.

О преставлении блаженной Ольги. Через три дня наступила ее последняя болезнь. Тогда она особенно благодарила бога и пречистую богородицу, которая всегда была ей помощницей, а также всех святых она в молитве на помощь призывала. И вот настал час, когда от телесного союза захотела душа ее отделиться и к вышнему переселиться чертогу, к которому уже давно стремилась. И сподобилась она причаститься животворящих тайн тела и крови Христа, бога нашего, и с благодарением и молитвой на устах, радуясь, предать святую свою душу в руки божии, перейти в обители вечные и удостоиться небесного чертога, вместе с мудрыми девами. Преставилась она в год 6477 (969), месяца июля в 11 день, быв в супружестве сорок два года от времени девичества своего; после смерти мужа своего через десять лет приняла она святое крещение и была во святом крещении благочестно и богоугодно до глубокой старости пятнадцать лет; всех же лет жизни ее было около восьмидесяти. Великий же князь Святослав, сын ее, и внуки ее, и с ними князья, и бояре, и прочие сановники, и все горожане плакали по ней великим плачем.

О погребении блаженной Ольги. Когда понесли ее хоронить, тогда все, сколько там было христиан, так и язычников-соотечественников, и приезжие из многих стран, купцы и другие, все горько плакали о потере блаженной Ольги. Для князей и вельмож и прочих сановников она была мудрейшей и разумнейшей управительницей государства и защитницей державы, для них же самих была она тихой и приветливой в совете

и благоразсудну в наказании. Гражане же и пришелцы такоже имѣша ю прибѣжище и упокоение, вдовицы же и сироты обилное приятие и насыщение; и одежа всегда примаху от нея съ любовию, нищии же и убозии всѣх потребных изообилное доволство получаху от нея. И такова многонароднаго плача во умилении конец достиже и донесоша ю на мѣсто, идѣже сама блаженная заповѣдала погребсти себе. И ту прозвитер ея, отпѣвъ над нею узаконеныя псалмопѣния и молитвы и прочая службы совершив, благоговѣйно погребе ю; и вся яже о ней содѣяша тогда по повѣлению ея.

Сия святая и блаженная, великая княгиня Олга, нареченная во святом крещении Елена, праведно и богоугодно жизнь сию препроводи, его же ради сторичное и мздовоздаяние от бога восприят, достойно праведным царство небесное и нетлѣнное блаженство. Честныя же ея мощи по преставлении ея пребыша в земли лѣт яко тридесят; обрѣтены же быша цѣлы и нетлѣнны. От них же различныя чюдеса и многая исцѣления содѣвахуся приходящим с вѣрою благодатию Христовою, ему же слава со Отцем и святым Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Амин ⟨...⟩

и справедливой в наказании. Горожане же и приезжие также находили у нее прибежище и упокоение, вдовы же и сироты приют, насыщение и одежду от нее получали с любовью; нищие же и убогие — все в изобилии получали от нее, что им было потребно. И когда настал конец этого многолюдного плача, принесли ее на то место, где блаженная Ольга завещала себя похоронить. И тут священник ее, отпев над ней положенные по уставу псалмопения и молитвы и всю службу совершив, благоговейно похоронил ее; и все было сделано так, как она завещала.

Эта святая и блаженная великая княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Еленой, провела свою жизнь праведно и богоугодно и за это получила стократное воздаяние от бога — даваемое праведным царство небесное и нетленное блаженство. Честные мощи ее после смерти ее были в земле около тридцати лет; обретены они были целы и нетленны. От них много чудес и исцелений сделалось приходящим с верой и благодатью Христовой, слава ему со Отцом и святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь ⟨...⟩

ПОСЛЕСЛОВИЯ К ИЗДАНИЯМ ИВАНА ФЕДОРОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОСКОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1564 ГОДА

Изволениемъ Отца, и споспѣшениемъ Сына, и совершениемъ святаго Духа, повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича, всея Великая Росия самодержца, и благословениемъ пресвященнаго Макария, митрополита всея Русии, многи святыя церкви воздвизаеми бываху во царствующемъ градѣ Москвѣ, и по окрестнымъ мѣстомъ, и по всѣмъ градомъ царства его, паче же в новопросвѣщенномъ мѣсте — во градѣ Казани и в предѣлехъ его. И сия вся святыя храмы благовѣрный царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми по преданию и по правилом святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ и по изложению благочестивыхъ царей греческих, во Царѣградѣ царьствовавшихъ Великаго Константина, Иустинияна, и Михаила и Феодоры, и прочихъ благочестивых царей, въ своя времена бывшихъ. И тако благовѣрный царь и великий князь Иванъ Василиевичь всея Русии повелѣ святыя книги на торжищих куповати и въ святыхъ церквахъ полагати: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы, и прочая святыя книги. В них же мали обрѣтошася потребни, прочии же вси растлѣни от преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и не искусныхъ в разумѣ, ово же и неисправлениемъ пишущихъ.

И сие доиде и царю в слухъ; он же начатъ помышляти, како бы изложити печатныя книги, яко же в грекехъ, и в Венецыи, и во *Фрягии,* и в прочих языцехъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ. И тако возвѣщает мысль свою пресвященному Макарию, митрополиту всея Русии. Святитель же, слышавъ, зело возрадовася и, богови благодарение воздавъ, царю глаголаше, яко от бога извѣщение приемшу и свыше даръ сходящъ. И тако повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословениемъ

ПОСЛЕСЛОВИЯ К ИЗДАНИЯМ ИВАНА ФЕДОРОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОСКОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1564 ГОДА

По воле Отца, и с помощью Сына, и при поддержке святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Великой России самодержца, и с благословения преосвященного Макария, митрополита всея Руси, многие святые церкви воздвигались в столичном городе Москве, и в окрестных землях, и во всех городах царства его, особенно же в недавно приобщенном к христианству месте — в городе Казани и его пределах. И все эти святые храмы благоверный царь украшал почитаемыми иконами, и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и другой церковной утварью по заветам и по правилам святых апостолов и богоносных отцов и по установлению благочестивых царей греческих, в Царьграде царствовавших Константина Великого, Юстиниана, и Михаила и Феодоры, и других благочестивых царей, в древние времена живших. И поэтому благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел святые книги на торгах покупать и в святые церкви вкладывать: Псалтири, и Евангелия, и Апостолы, и другие святые книги. Но среди них мало нашлось пригодных, другие же все оказались испорчены переписчиками, невежественными и несведущими в науках, а кое-что испорчено было по небрежению писцов.

Дошло это и до слуха царя; тогда он начал размышлять, как бы наладить печатание книг, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и у других народов, чтобы впредь святые книги издавались в исправленном виде. Эту мысль свою он сообщает преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси. Иерарх же, услышав об этом, весьма обрадовался и, бога поблагодарив, царю сказал, что тому такая мысль пришла от бога и как сходящий свыше дар. И вот по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и с благословения

пресвященнаго Макария митрополита начаша изыскивати мастеръства печатных книгъ в лѣто 61 осмыа тысящи, въ 30-е лѣто государьства его. Благовѣрный же царь повелѣ устроити домъ от своея царския казны, идѣ же печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше от своихъ царских сокровищъ дѣлателем — Николы Чюдотворца Гостунъского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофѣеву Мстиславцу на составление печатному дѣлу и къ ихъ упокоению, донде же и на совершение дѣло ихъ изыде. И первѣе начаша печатати сия святыя книги — дѣяния апостольска, и послания соборная, и святаго апостола Павла послания в лѣто 7070 первое априля въ 19 на память преподобнаго отца Иоана Палеврета, сирѣчь ветхия лавры. Совершени же быша в лѣто 7070 второе марта въ 1 день при архиепископе Афанасие, митрополите всея Росия, в первое лѣто святительства его, въ славу всемогущия и живоначалныя Троица, Отца, и Сына, и святаго Духа, аминь.

преосвященного Макария-митрополита начали готовить устройство для печатания книг в год 61 восьмой тысячи (1563), в тридцатый год царствования Ивана Васильевича. Благоверный царь повелел на средства из своей царской казны устроить дом, где будет совершаться печатное дело, и щедро наделял из своей царской казны печатников — дьякона церкви Николая Чудотворца Гостунского Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца: для устройства печатного дела и для их собственных нужд, пока дело не было налажено. И в первую очередь начали печатать эту святую книгу — деяния апостолов, и послания соборные, и послания святого апостола Павла в год 7071 (1563) апреля 19 числа в день памяти преподобного отца Иоанна Палеврета, то есть из старой лавры. А завершено было издание в год 7072 (1564) марта 1 числа при архиепископе Афанасии, митрополите всей России, в первый год правления его, во славу всемогущей и живоначальной Троицы, Отца, и Сына, и святого Духа, аминь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЬВОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1574 ГОДА

СИЯ УБО ПОВѢСТЬ ИЗЪЯВЛЯЕТ, ОТКУДУ НАЧАСЯ И КАКО СЪВЕРШИСЯ ДРУКАРНЯ СИЯ

Изволениемъ Отца, и споспѣшениемъ Сына, и съвершениемъ святаго Духа, повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословениемъ преосвященнаго Макария, митрополита всея Руси, друкарня сия съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7070 первое, въ тридесятое лѣто государьства его. Сия же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣлнаго ради озлобления, часто случающагося нам не от самого того государя, но от многихъ начальникъ, и священноначалникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божие дѣло в конець погубити, яко же обычай есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разумѣ человекъ, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло принесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утвержается. Сия убо насъ от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели.

Егда же оттуду сѣмо преидохом, и по благодати богоначалнаго Исуса Христа, господа нашего, хотящаго судити вселеннѣй въ правду, въсприяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Август, кроль польский и великий князь литовъский, руский, пруский, жемотиский, мазовецкий и иных, съ всѣми паны рады своея. Въ то же время съ тщаниемъ умоли государя волеможный панъ Григорей Александровичь Ходкевича, панъ виленьский, гетманъ наивышший Великого князьства литовъскаго, староста городеньский и могилевъский, прия насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упокоеваше насъ немало время, и всякими потребами телесными удовляше насъ. Еще же и сие не доволно ему бѣ — еже тако устроити насъ,

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЬВОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1574 ГОДА

ЭТА ПОВЕСТЬ РАССКАЗЫВАЕТ, ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ И КАК БЫЛА УСТРОЕНА ТИПОГРАФИЯ ЭТА

По воле Отца, и с помощью Сына, и при поддержке святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и с благословения преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта была устроена в столичном городе Москве в год 7071 (1563), в тридцатый год царствования Ивана Васильевича. Об этом же я не напрасно начал рассказывать вам, но вследствие великих бед, часто случавшихся с нами не из-за самого русского государя, но из-за многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас по причине зависти во многих ересях обвиняли, желая благо во зло превратить и божие дело окончательно погубить, как это свойственно злонравным, и невежественным, и несведущим в науках людям, которые и в искусстве грамматики не умудрены, и духовного разума лишены, но втуне и всуе слова злые изрекают. Таково свойство зависти и ненависти, которая без нужды клевещет, не знает, как ходит и на чем утверждается. Эта ненависть нас и прогнала с земли, и с родины, и от родичей наших и в другие страны неведомые переселила.

Когда же мы оттуда сюда пришли, по благодати богоначального Иисуса Христа, господа нашего, хотящего судить вселенную по правде, принял нас милостиво благочестивый государь Сигизмунд Август, король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтийский, мазовецкий и других земель, со всеми панами рады своей. В это же время, настойчиво упросив государя, вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич, пан виленский, гетман верховный Великого княжества литовского, староста гродненский и могилевский, принял нас милостиво к себе с великой любовью, и в покое содержал нас немалое время, и всем потребным для жизни наделял нас. Однако и этого недостаточно ему было,— таким образом устроив нас,

но и весь немалу дарова ми на упокоение мое, нам же работающим по воли господа нашего Исуса Христа и слово его по вселеннѣй разсѣвающе.

Егда же приити ему въ глубоку старость, и начастѣ главѣ его болѣзнию одержимѣ бывати, повелѣ намъ работания сего престати, и художьство рукъ наших ни во что же положити, и въ веси земледѣланиемъ житие мира сего препровождати. Еже не удобно ми бѣ — раломъ ниже сѣменъ сѣяниемъ время живота своего съкращати, но имам убо вьмѣсто рала — художьство, наручныхъ дѣлъ съсуды, вьмѣсто же житныхъ сѣменъ — духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати и всѣмъ по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно въпиюща къ мнѣ: «Лукавый рабе и лениве! Почто не вда сребра моего торжникомъ: и азъ, пришед, взялъ бых свое с лихвою».

И когда убо на уединении въ себе прихождах, и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя въ сердцы своемъ, да бых не съкрылъ в земли таланта, от бога дарованнаго ми. И тужащу ми духом, сия глаголах: «Еда въ вѣки отринетъ господь и не приложитъ благоволити паки или до конца милость свою отсѣчетъ по притчи смоковничнаго неплодъствия, яко всуе землю упражняющу». И сего ради понудихся ити оттуду. И въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя не точию долготы ради путнаго шествия, но и презелному повѣтрею дышущу и путь шествия моего стѣсняющу и, просто рещи,— вся злая и злых злѣе.

И тако промысломъ божия человеколюбия до богоспасаемаго града, нарицаемого Лвова, приидох и вся, яже на пути случающая ми ся, ни во что же вьмѣнях, да Христа моего приобрящу. Вся, яже здѣ, сну подобна, и сѣни преходятъ бо, яко же бо дым на воздусѣ — благая и злая расходятся. Яко апостолъ хвалится въ скорбех, «зане же скорбь терпѣние съдѣвает, терпѣние же упование, упование же не посрамит». Почто? Зане же любовь божия възгорѣся въ сердцы моемъ Духомъ святымъ, данным ми. И разсудившу ми се, и когда вселшу ми ся въ преименитомъ градѣ Лвовѣ, яко по стопамъ ходяще, топтанымъ нѣкоего богоизбранна мужа, начахъ глаголати в себѣ молитву сию:

Молитва: «Господи, вседержителю, боже вѣчный и безначалный! Иже благости ради единыя приведый от небытия въ бытие всяческая словомъ своимъ вседѣтелнымъ, духомъ устъ своих срасленым; иже и промышляя присно и съдержа, износя по числу тварь свою и по имени възывая; иже въ послѣдняя лѣта неизреченныя ради милости твоея падшее наше естество възвелъ еси схожениемъ единороднаго сына твоего, господа нашего Исус Христа, иже и предасть ся за прегрѣшения наша и въскресе

он и село немалое подарил мне для благополучия моего, в то время как мы работали по воле господа нашего Иисуса Христа и слово его по вселенной сеяли.

Когда же он достиг глубокой старости и часто головной болью страдал, он повелел нам работу эту прекратить, и искусством рук наших совершенно пренебречь, и в селе, занимаясь земледелием, проводить жизнь в этом мире. Но это не пристало мне — плугом или посевом семян жизнь свою коротать, ибо есть у меня вместо плуга искусство, орудия для работы, а вместо хлебных семян я должен духовные семена по вселенной сеять и всем по порядку раздавать духовную эту пищу. Особенно же побоялся я суда владыки моего Христа, непрестанно взывающего ко мне: «Лукавый раб и ленивый! Почему ты не отдал серебра моего торгующим: и я, вернувшись, получил бы свое с прибылью».

И в уединении, когда я к себе возвращался, много раз я слезами постель мою орошал, все это обдумывая в сердце своем, как бы не сокрыть в земле таланта, от бога дарованного мне. И когда я сокрушался духом, я вот что говорил: «Неужели навеки отвергнет меня господь и не вернет мне своего благоволения вновь и милости своей окончательно лишит согласно притче о смоковнице бесплодной, как напрасно землю отягощающего». Поэтому решился я уйти оттуда. В то время как я находился в пути, многие огорчения и беды преследовали меня не только из-за продолжительности путешествия, но и потому, что великий мор свирепствовал и путешествию моему препятствовал и, попросту сказать,— всякое зло, злейшее всех зол.

Таким образом по промыслу человеколюбивого бога я достиг богоспасаемого города, называемого Львов, и все, что на пути случалось со мной, ни во что не ставил, чтобы к Христу, богу моему, приблизиться. Все, что в этом мире, сну подобно и как тени преходяще, как дым по воздуху — так удачи и неудачи рассеиваются. Так апостол укрепляется в скорби, «ибо скорбь терпение порождает, терпение же надежду, а надежда не посрамит». Почему? Потому что любовь к богу разгорелась в сердце моем по воле Духа святого, данного мне. Поразмыслив об этом, когда я поселился в знаменитом городе Львове, как бы по следам шествуя, оставленным некиим богоизбранным мужем, начал я читать про себя молитву такую.

Молитва: «Господи, вседержитель, бог вечный и безначальный! Ты, который единственно по причине доброты своей привел из небытия в бытие всё словом своим всесильным, дыханием уст твоих произнесенным; который заботится всегда и сохраняет, создает в должном количестве тварь свою и по имени ее называет; который в последние времена по невыразимой милости твоей погибший наш род обновил схождением на землю единородного сына твоего, господа нашего Иисуса Христа, который отдал себя за прегрешения наши и воскрес

оправдания ради нашего, его же язвою исцѣлѣхом по благоволению хотѣния твоего и въ похвалу славы благодати твоея; пред же нарече насъ въ усынение Исус Христомъ въ тебѣ, въ еже быти намъ святомъ и непорочномъ пред тобою въ любви, повѣдая намъ тайну воля своея, еже быти намъ исперва нѣкое от създаний твоих. Укрѣпи, боже, се, еже сдѣла в насъ неизвѣщенною глубиною судебъ твоих. Християномъ даталю истинныя премудрости, вразуми мя, и испытаю законъ твой. И не отими от устъ моих словесе истинна до зела ради братий моихъ и ближнихъ моих. «Услыши молитву мою, господи, и моление мое внуши, слез моих не премолчи, яко преселникъ азъ от тебе и пришлець, яко же вси отцы мои». Ослаби ми от страстей моихъ, да полещу дѣяниемъ и почию видѣниемъ и смирениемъ. Ты убо, о владыко, и прежде множицею отпустилъ еси нечестие сердца моего молитвами святых твоих, от вѣка угодившихъ ти и нынѣ служащих ти преподобием и правдою, аминь».

И помоливщу ми ся, начахъ богоизбранное сие дѣло къ устроению навершати, яко бы богодохновенныя догматы распространевати. И обтицахъ многащи богатыхъ и благородных въ мирѣ, помощи прося от нихъ и метание сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земном; сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи сътворях, и въ церкви священнику всѣмъ въслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезнымъ рыданием, не исходатайствовахъ никоея же милости иерейскими чинми и плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагающаго, не точию же в рускомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтох. Но мали нѣцыи въ иерейскомъ чину, инии же неславнии въ мирѣ обрѣтошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но яко же оная убогая вдовица от лишения своего двѣ лѣптѣ въвергьшия. Вѣмъ убо, яко в нынѣшнемъ мирѣ должная их к ним възвратится, в будущем же вѣцѣ от богатодавца бога стократицею въздастся.

Молю убо васъ, не прогнѣвайтеся на мя грѣшнаго. Пишущу ми сия, не мните убо, яко от чрева глаголати ми или писати. Вѣсть бо всяк, от начала прочитаяй въкратцѣ списаную сию историю, како от его милости пана Григория Ходковича всякими потребами телесными, пищею и одежею удоволенъ бѣхъ. Но вся сия ни во что же вмѣнях, не уповах на неправду и на восхыщение, не желах богатьства, аще и много стѣкалося, не прилагах тамо сердца. Но паче изволих всякия предреченныя скорби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово божие и свидѣтелство Исус Христово. Наше убо есть — еже съ смиреномудриемъ просити и начинати, божие же — еже миловати и совершати. Того бо

для оправдания нашего, и благодаря его ранам мы исцелились по милости желания твоего и для похвалы славной благодати твоей; а раньше ты назвал нас сыновьями твоими по Иисусу Христу, чтобы мы были святыми и непорочными перед тобой в любви, и ты сообщил нам тайну воли своей, то есть что мы были изначально одним из созданий твоих. Укрепи, боже, то, что ты сделал для нас по несказанной глубине судеб твоих. Христианам дающий истинную премудрость, вразуми меня, и я узнаю закон твой. И не отними до конца от уст моих слова истинного ради братьев моих и ближних моих. «Услышь молитву мою, господи, и молению моему внемли, не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у тебя и пришелец, как и все отцы мои». Освободи меня от страстей моих, чтобы мне легче было в трудах и я успокоился в созерцании и смирении. Ибо ты, владыка, и прежде многократно прощал мне нечестие сердца моего ради молитв святых твоих, издревле угодивших тебе и теперь служащих тебе преподобно и праведно, аминь».

И, помолившись, я начал богоизбранное это дело к воплощению готовить, чтобы можно было боговдохновенные догматы распространять. Многократно обходил я богатых и благородных из числа мирян, помощи прося у них и поклоны творя, к коленям припадая и простираясь перед ними на земле; капающими из глубины сердца слезами моими ноги их я омывал, причем не единожды, не дважды, но многажды делал это, и в церкви об этом священнику всем вслух сообщить повелел. Не выпросил я ничего умильными словами, не умолил никого многослезным рыданием, не добился я никакой милости через священников и плакал горькими слезами, что не нашел милостивого человека, готового помочь, не только среди русского народа, но и среди греков милости не нашел. Помощь оказывали только незначительные священники да малоизвестные из мирян. Не думаю я, что от избытка они это делали, но как та убогая вдова, которая от нищеты своей две лепты положила в сокровищницу. Знаю я, что и в здешнем мире данное ими к ним возвратится, а в будущей жизни подателем богатств богом стократ воздастся.

Итак, молю вас, не прогневайтесь на меня, грешного. Когда я пишу это, не думайте, что это из выгоды я говорю или пишу. Ибо знает всякий, с начала читающий кратко написанный этот рассказ, как по милости пана Григория Ходкевича всем необходимым для жизни, пищей и одеждой, я был обеспечен. Но все это я ни во что не ставил, не надеялся на неправду и на стяжание, не хотел богатства, хотя оно и в изобилии стекалось, не по сердцу оно мне было. Но предпочел всякие вышеназванные огорчения и беды претерпевать, чтобы более распространить слово божье и свидетельство Иисуса Христа. Ибо наш удел — со смирением просить и пытаться, а божий — миловать и совершать. Поэтому

и царствию наслѣдникъ быти надѣюся, его же буди всѣмъ намъ получити благодатию и человеколюбиемъ господа нашего Исус Христа, ему же подобаетъ слава, честь и покланяние съ Отцем и съ святымъ Духомъ нынѣ и в бесконечныя вѣки, аминь.

А начася сия книга друковати, рекомый Апостолъ, въ богоспасаемомъ градѣ Лвовѣ, въ ней же дѣяния апостольская, и послания съборная, и послания святаго апостола Павла, по воплощении господа бога и спаса нашего Исус Христа въ лѣто 1573 февруария въ 25 день; и съвершися въ лѣто 74-е того же месяца въ 15 день. Молимъ же васъ любовию духа господа нашего Исус Христа, давшего себе о гресѣхъ нашихъ, вси раби благословеннаго бога нашего, да аще когда прилучится кому вникнути в сию душеполезную апостольскую книгу и разумѣти, что потребно и душеполезно, той преже всѣхъ виновнику всѣмъ благим и съдѣтелю жизни нашея богу благодать да воздаетъ. А его милости пану Григорию Александровичу Ходкевича вѣчныя памяти и съ святыми равнопрестольными, от вѣка богу угодившими, съселения и съжительства получити да проситъ. Потом же сыномъ его милости — пану Андрѣю Григорьевичу Ходкевича, пану подстолему Великаго князьства литовского, старосте могилевскому, и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевича, старосте городеньскому, державцу аиньскому, да проситъ душевного спасения и многолѣтнаго здравия,— поне же бо они виновни суть таковыя ползы.

Намъ же непотребнымъ, *начнания* дерзнутымъ, прощение и грѣхомъ простыню да просятъ, да и сами того же благословения и простыни грѣхомъ сподобитеся. И аще что погрѣшено будетъ, бога ради исправляйте, благословите, а не кленѣте, поне же не писа Дух святый, ни аггелъ, но рука грѣшна и брена, яко же и прочии ненаказаннии. Выдруковалъ есми сию душеполезную апостольскую книгу въ преименитомъ мѣсте Лвовѣ въ славу всемогущия и живоначалныя Троица, Отца, и Сына, и святаго Духа, аминь.

я и надеюсь стать наследником того царства, которое дай бог всем нам получить по благодати и человеколюбию господа нашего Иисуса Христа, который достоин славы, чести и поклонения вместе с Отцом и со святым Духом теперь и на веки вечные, аминь.

А начала печататься эта книга, называемая Апостол, в богоспасаемом городе Львове, а в ней содержатся деяния апостолов, и послания соборные, и послания святого апостола Павла после воплощения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа в год 1573 февраля в 25 день; а закончена была в год 74 того же месяца в 15 день. Умоляем вас ради любви духа господа нашего Иисуса Христа, отдавшего себя на муки из-за грехов наших, всех рабов благословенного бога нашего, чтобы, если когда-нибудь случится кому-то вдумываться в эту душеполезную апостольскую книгу и разбирать, что есть в ней нужного и душеполезного, пусть он прежде всего виновнику всех благ и создателю жизни нашей богу благодарность принесет. А его милости пану Григорию Александровичу Ходкевичу пусть просит вечной памяти и чтобы он со святыми многочтимыми, издревле богу угодившими, совместно поселился и жил. А потом сыновьям его милости — пану Андрею Григорьевичу Ходкевичу, пану подстолию Великого княжества литовского, старосте могилевскому, и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевичу, старосте гродненскому, державцу аиньскому, пусть просит душевного спасения и многолетнего здоровья, ибо это они виновники такой пользы.

Нам же, непотребным, начать это дерзнувшим, прощения и грехов отпущения пусть просят, чтобы и сами также благословения и прощения грехов сподобились. И если что-то будет ошибочно, бога ради исправляйте, благословите, а не кляните, так как писал это не Дух святой, не ангел, но рука грешная и бренная, как и другие ненаученные. Напечатал я эту душеполезную апостольскую книгу в знаменитом городе Львове на славу всемогущей и живоначальной Троицы, Отца, и Сына, и святого Духа, аминь.

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

СКАЗАНИЕ ВЪКРАТЦѢ ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО И О БРАНѢХ, И О ПОБѢДАХЪ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ СО ЦАРИ КАЗАНЬСКИМИ, И О ВЗЯТИЕ ЦАРСТВА КАЗАНИ, ЕЖЕ НОВО БЫСТЬ

Красныя убо и новыя повѣсти сея достоит намъ радостно послушати, о христоимянитии людие, якоже удивившеся преславному в нашей земли и во дни наша — в лѣта православнаго и благочестиваго и державнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, богомъ возлюбленнаго и богомъ избраннаго, и богомъ вѣнчаннаго, глаголю же, владимирскаго и московскаго и всеа великия Росии самодержца, ему же дарова богъ всемирную побѣду и славное одолѣние на презлое царство срацынское, на предивную Казань, правые ради его вѣры еже во Христа. Но молю вас боголюбне: не позазрите грубости моей. От любве бо Христовѣ пострекаемь бѣх и покусихся невѣдящим сего по нас людем, в род инъ, писанием изъявити разумно, мню, маловѣдомых о начале Казанскаго царства: откуду начася исперва и в которыя лѣта, и како быша почасто, *и о* бывшихъ великих побѣдахъ его с великими нашими державными московскими, яко да, прочетше, братия наша воини и от скорби премѣнятся, простии же ту возвеселятся и прославятъ великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа, и разумѣютъ все дивная его чюдеса и великие милости, еже подаетъ истиннымъ и вѣрнымъ рабомъ своим. Начну же сице. Вы же внимайте разумно сладкия сея повѣсти и старыя.

О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ. ГЛАВА 1

Бысть убо от начала Руския земли, якоже повѣдаютъ русь и варвари, все то едина Руская земля, идѣже стоитъ нынѣ град Казань, продолжающися в длину до оного Нова града Нижнего на востокъ, по обѣма странама великия реки Волги, вниз до Болгарскихъ рубежов, до Камы рѣки, в ширину же простирающеся на полунощие до Вяцкие земли и до Пермьския, а на

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

НОВОЕ СКАЗАНИЕ, ВКРАТЦЕ ПОВЕСТВУЮЩЕЕ О НАЧАЛЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА, И О ВОЙНАХ С КАЗАНСКИМИ ЦАРЯМИ ВЕЛИКИХ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ, И О ПОБЕДАХ ИХ, И О ВЗЯТИИ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Прекрасную и новую повесть эту следует нам выслушать, о христиане, радуясь и дивясь славным делам, совершенным в нашей земле и в дни наши — во времена православного, и благочестивого, и державного царя и великого князя Ивана Васильевича, богом возлюбленного, и богом избранного, и богом венчанного, скажу же, Владимирского, и Московского, и всей Великой России самодержца, которому даровал бог — за правую веру его во Христа — всемирную победу и славное одоление презлого сарацинского царства — предивной Казани. Но молю вас, бога ради: не осуждайте невежества моего. Ведь я, понуждаемый любовью Христовой, покусился не знающим всего этого потомкам нашим, иному поколению, изъявить разумно писанием своим, думаю, малоизвестное о начале Казанского царства: с чего началось и в какие годы, и как было основано, и о бывших больших победах его над великими нашими московскими правителями, чтобы братья наши воины, прочитав его, избавились от скорби, простые же люди развеселились и прославили великого бога и спаса нашего Иисуса Христа, и познали все удивительные его чудеса и великие милости, которые подает он истинным и верным своим рабам. Начну же так. Вы же разумно внимайте сладкой и старой сей повести.

О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ. ГЛАВА 1

От начала Русской земли, как рассказывают русские люди и варвары, там, где стоит теперь город Казань, все то была единая Русская земля, продолжающаяся в длину до Нижнего Новгорода на восток, по обеим сторонам великой реки Волги, вниз же — до болгарских рубежей, до Камы-реки, а в ширину простирающаяся на север до Вятской и Пермской земель, а на

полудень — до половецкихъ предѣл. Все же бѣ держава и область Киевская и Владимирская. Живяху же за Камою в части земли своея болгарския князи и варвари, владующе поганым языкомъ черемискимъ, не знающим бога, никоего же закона не имущим. Обои же бяху служаще и дани дающе рускому царству до Батыя царя.

О первом же начале царства Казанскаго — в кое время или како зачася — не обрѣтохъ в лѣтописцех рускихъ, но мало в казаньских видѣхъ. Много же и рѣчию вопрошахъ от искуснѣйших людей, рускихъ сыновъ. Глаголаху тако, инии же инако, *ни един же вѣдая истинны*.

Грѣх же моихъ ради случи ми ся пленену быти варвары и сведену в Казань. И данъ бысть в дарѣх царю казанскому Сат-Серею. И взятъ мя к себѣ царь с любовию служити во дворъ свой, и сотвори мя пред лицемъ своимъ стояти. И удержану ми бывшу тамо у него двадесятъ лѣтъ в пленении. Во взятие же Казанское изыдохъ ис Казани на имя царя и великаго князя. Онъ же мя ко христовѣ вѣре обрати и ко святей церкви приобщи, и мало земли удѣла даде ми, яко да живъ буду, служа ему.

Мнѣ же живущу в Казани, часто и прилѣжно от царя вопрошахъ в веселии, и при бесѣде со мною и мудръствующих честнѣйшихъ *казанцев* — бѣ бо царь по премногу и меня любя, и велможи его паче мѣры брегуще мя — и слышахъ слово изо устъ от царя самого многажды и отъ велмож его о войне Батыеве на Русь и о взятии от него великаго града столнаго Владимира, и о порабощении великих князей.

ГЛАВА 2

Рекоста ми сице яко двадесять лѣтъ мину по Батые царѣ, пленившемъ вашу Рускую землю, и по взятии оного великаго столнаго и славнаго града рускаго Владимира и со всѣми его благими узорочьи, и по убиении великаго князя Георгиа Всеволодича Владимирскаго и со двема сыньми его и з братаничи, и со многими рускими князьми. И приятъ по немъ в Новѣ граде великое княжение Рускаго царства Владимирскаго Ярославъ Всеволодичь, от Великаго Нова града пришед со осмью сыньми своими, владѣвшу ему тамощними людми время нѣкое, остави же имъ в свое мѣсто княжити болшаго сына своего Александра. И бѣ той князь Александръ силенъ и славенъ в Руси и во многихъ странахъ.

И егда прииде оттуду великий князь Ярославъ Всеволодичь и видѣ столный свой великий град Владимиръ погаными взятъ и весь начисто огнемъ попаленъ и хитрыя его здания вся разрушишася, и красота его вся погибша, и брата своего, великаго князя Георгиа Всеволодича, убита и с первопрестольником тогдашним,

юг — до половецких границ. И все это была держава и область Киевская и Владимирская. За Камой же рекой жили в своей земле болгарские князья и варвары, держа в подчинении поганый черемисский народ, не знающий бога, не имеющий никаких законов. И те и другие служили Русскому царству и дани давали до Батыя-царя.

Об основании же Казанского царства — в какое время или как возникло оно — не нашел я в летописях русских, но немного видел в казанских. Много же и расспрашивал я искуснейших людей, русских сынов. Одни говорили так, другие иначе, ни один не зная истины.

За грехи мои случилось мне пленену быть иноверцами и сведену в Казань. И отдан я был в дар царю казанскому Сафа-Гирею. И взял меня к себе царь с любовью служить при дворе своем и назначил мне перед лицом его стоять. И был я удержан там, у него в плену, двадцать лет. Во взятие же Казанское вышел из Казани на милость царя и великого князя. Он же меня обратил в христову веру, и приобщил к святой церкви, и немного земли дал мне в удел, чтобы жил, служа ему.

Живя же в Казани, часто и прилежно расспрашивал я царя, когда он бывал весел, и мудрых честнейших казанцев во время бесед их со мною — ибо царь сильно меня любил и вельможи его сверх меры берегли меня — и слышал много раз из уст самого царя и от его вельмож о походе Батыеве на Русь, и о взятии им великого города стольного Владимира, и о порабощении великих князей.

ГЛАВА 2

И рассказали мне о том, что произошло через двадцать лет после того, как царь Батый пленил нашу Русскую землю и взял великий стольный и славный город русский Владимир со всеми его богатствами, и после гибели великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского с двумя сыновьями его и с племянниками и со многими русскими князьями. После Георгия Всеволодовича великое княжение Русского царства Владимирского принял Ярослав Всеволодович, находившийся в Новгороде. Пришел он с восемью сыновьями своими из Великого Новгорода, где некоторое время владел тамошними людьми, оставив им вместо себя княжить старшего сына своего Александра. И был тот князь Александр силен и славен на Руси и во многих странах.

И когда пришел оттуда великий князь Ярослав Всеволодович и увидел, что стольный его великий город Владимир взят погаными и весь начисто спален огнем, и прекрасные его здания все разрушились, и красота его вся погибла, и что брат его, великий князь Георгий Всеволодович, убит с первопрестольным тогдашним

иже нареченнымъ митрополитом Антонием, и со всѣмъ священническим чиномъ, и восплакася в горести своего сердца и рече: «Господи, вседержителю и творче всеа твари, видимых и невидимыхъ, сие ли угодно твоему человеколюбию, да стадо, еже ценою изкупи своею кровию, и сих предалъ еси кровопийцемъ и сыроядцамъ и поганым человеком симъ, звѣринъ нравъ имущим и не знающимъ тебе, истиннаго бога нашего, ни страха твоего никогда же имущимъ? Увы мнѣ, господи, священники твоя заклаша, имъ же не достоинъ весь миръ, олтари твоя раскопаша, и святая твоя в попрание скверными ногами ихъ быша, и всѣх людей твоихъ остриа меча поразиша! И остахъ азъ единъ, и ищутъ мене поглотити. Но избави мя, господи, от рукъ ихъ и спаси душы раб своихъ, избиенныхъ от безбожных, имени твоего ради, покой со святыми во царствии твоемъ, и помилуй, ими же вѣси судбами, и спаси ихъ яко человеколюбецъ». И предаде всѣхъ земному погребению честнѣ.

А самъ живяше во граде Переаславле, иже нынѣ зовется Залѣской, доколѣ обновляше градъ Владимиръ во утѣснении и в великомъ неустроении и мятежи земли своея. Осиротѣ бо тогда и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея, но не вовѣки, и поработися богомерску царю и лукавнѣйшю паче всеа земли, и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тѣм смирится.

И от того времени обложися и нача великий князь Ярославъ Всеволодичь Владимирский царю Батыю во Златую Орду дани давати. И изнеможение видя людей своихъ и конечныя ради погибели земли своея опустѣние, еще же и злобы царевы бояся, и властемъ его дары дающе, насилиа терпѣти не могуще. По нем же державнии наши рустии, сынове и внуцы его, много лѣтъ выходы и оброки даваху царемъ в Золотую Орду, и повинующеся имъ, и приимаху власть от нихъ вси ни по колѣну, ни по роду, но яко хто хощетъ и какъ которого царь возлюбитъ.

Бысть же злогордая та и великая власть варварьская над Рускою землею от Батыева времени по царство тоя Златыя Орды царя Ахмата, сына Зелед-Салтанова, и по благочестиваго великаго князя Иоанна Васильевича Московскаго, иже взя и поработи под ся Великий Новъ град.

О ВЗЯТИИ ВЕЛИКАГО НОВА ГРАДА ОТ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, И ПОХВАЛА ТОМУ ЖЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 3

Новогородскимъ бо людемъ не хотѣвшим его над собою имѣти и великим княземъ звати. Изначала же и испервa едино царство и едино государьство, едина держава Руская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье — товсе

митрополитом Антонием и со всем священническим чином, то зарыдал он, охваченный горем, и сказал: «Господи, вседержитель и творец всех созданий, видимых и невидимых, это ли угодно твоему человеколюбию, чтобы паству, которую искупил ты ценою своей крови, предал ты кровопийцам, и сыроядцам, и поганым людям этим, звериный нрав имеющим и не знающим тебя, истинного бога нашего, и страха перед тобой никогда не имеющим? Увы мне, господи, священников твоих, которых недостоин весь мир, убили, алтари твои разрушили, и святыни твои попраны скверными ногами их, и всех людей твоих острые мечи поразили! И остался я один, и хотят меня уничтожить. Но избавь меня, господи, от рук их и спаси души рабов своих, убиенных безбожными, имени твоего ради, упокой со святыми в царствии твоем и помилуй, ибо ведаешь их судьбами, и спаси их как человеколюбец». И предал всех земле с честью.

А сам, пока обновлял город Владимир, жил в городке Переяславле, что ныне зовется Залесским, в притеснении и в великом беспорядке и смятении земли своей. Осиротела тогда и обнищала великая наша Русская земля, и отнята была у нее слава и честь, но не навеки, и была она порабощена более всех земель богомерзким и лукавейшим царем, и была отдана ему в наказание, так же как Иерусалим Навуходоносору, царю Вавилонскому, дабы тем смирилась.

И с того времени покорился великий князь Ярослав Всеволодович Владимирский и начал платить дань царю Батыю в Золотую Орду. И, видя изнеможение людей своих и окончательную погибель в запустение пришедшей своей земли, еще и злобы царской боясь и не в силах терпеть насилия, он и вельможам его дары приносил. И после него наши русские князья, сыновья и внуки его, многие годы выходы и оброки платили царям в Золотую Орду, повинуясь им, и все принимали от них власть не по колену, не по роду, но те, кому удастся, и те, кто полюбился царю.

Длилась же злогордая та и великая власть варварская над Русскою землею от Батыева времени до царствования в той Золотой Орде царя Ахмата, сына Зеледсалтанова, и до благочестивого великого князя Ивана Васильевича Московского, который взял и покорил себе Великий Новгород.

О ВЗЯТИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ИВАНОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И ПОХВАЛА ТОМУ ЖЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 3

Новгородцы же не хотели подчиняться ему и звать великим князем. Вначале ведь, в первые времена, было единое царство и единое государство, единая держава Русская: и поляне, и древляне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье — все это была

единa Русь: единому великому князю служаху, тому же и дани даваху, и повиновахуся киевскому и владимирскому.

Они же, неразумнии, приведоша себѣ, призвавше от Пруския земли, от варяг, князя и самодержца и землю свою всю ему предаша, да владѣет ими, яко же хощетъ. И в тыя же горкая батыева времена отвергошася они ига работнаго: видяще в державныхъ рускихъ нестроение и мятежъ, и отступиша тогда и отдѣлишася от Рускаго царства Владимирскаго. Осташа убо сии новъгородцы от Батыя не воеванны и не пленены: и дошед бо онъ за сто верстъ до Нова града и заступлениемъ премудрости божии обратися вспять. И того ради ничтоже скорбных и бѣдныхъ от него не прияша, тѣм же и возгордѣшася, и восчаяшася, яко силни и богати, не вѣдуще, яко господь богатит и смиряетъ, и высить, и гордым противится, и смиренныя милуетъ.

Они же забывше своихъ великихъ князей владимирских, презрѣша и преобидѣша, и ни во что же вмѣниша, и воеватися с ними почали, мало нѣкако худе нѣчто помогающе, сребромъ подаяху ему, во своей воли живуще и сами собою властвующе, и никому же покаряющеся, и паки надѣющеся невѣгласи на богатство свое, а не на бога. И не воспомянуша апостола, глаголюща: «Братие, бога бойтеся, а князя почитайте, творяще пред нимъ всегда благо во страсе господни. Божий бо слуга есть и отмститель злымъ злое воздати тѣм же благимъ во благое: не туне бо мечьноситъ в рукахъ своих, но на противляющияся». Еще же и вѣрою християне и подобием первымъ работы вернаго своего князя християнска быти не восхотѣша, но держащаго латынскую вѣру короля литовскаго держателя себѣ восхотѣша имѣти. Но аще не бы ускорилъ борзо ратию приити на них великий князь Иоаннъ Васильевичь, богу его воздвигшу и пославшу за уничижение и ихъ презрѣние к нему, яко Тита, римскаго царя, Еуспасиянова сына, разорити градъ Иерусалимъ и разсѣяти жиды за беззаконие ихъ по всей вселенней. Тако же и сему покори богъ под работное его иго крѣпкия и жестосердыя люди новъгородския тезоименитому своему слузе, благовѣрному и великому князю Иоанну Васильевичу Московскому.

Онъ же, елико бѣ в людех тѣх крамолниковъ болшихъ, тѣх изыскавь, избравъ и желѣзы тяжкими окова ихъ, и з женами, и по далнимъ своимъ землямъ, и по селомъ расточи, и пресѣлницы на земли чюждей быти ихъ учини. И овѣхъ осуди горкою смертию умрети, не умѣвших жити в воли своей и великим началиемъ самодержцемъ своимъ гордящихся. И сего ради благовѣрный сей великий князь Иоаннъ Васильевичь восприятъ великое дерзновение, поборая по християньстѣй вѣре, и презрѣ, и преобидѣ прещение царя Ахмата Златыя Орды и страхъ и боязнь всѣх варваръ в плюновения худыя вмѣнивъ, и скрегчюще вооружися, и мужественъ ста противу неистовства царева и

единая Русь: служили они одному великому князю киевскому и владимирскому, которому платили дани, и повиновались. Новгородцы же, неразумные, привели себе из Прусской земли, от варягов, князя и самодержца и отдали ему всю свою землю, чтобы владел ими, как хочет. И в те горькие Батыевы времена избежали они рабского ига: видя среди правителей русских несогласие и вражду, отошли они тогда и отделились от Русского царства Владимирского. Поэтому и остались новгородцы Батыем не завоеваны и не пленены: не дошел он ста верст до Новгорода и, благодаря заступничеству божьей премудрости, повернул вспять. Поэтому они ни скорби, ни бед от него не испытали, оттого и возгордились и возомнили себя сильными и богатыми, не ведая, что господь обогащает, и смиряет, и возвышает, и гордых наказывает, и смиренных милует.

Они же, забыв своих великих князей владимирских, пренебрегали ими, наносили им обиды, и ни во что их не ставили, и начали с ними воевать; мало и плохо помогая великому князю, платили ему дань серебром, живя по своей воле, сами собой управляя, никому не покоряясь и больше надеясь на свое богатство, а не на бога. И не вспомнили они апостола, говорящего: «Братья, бога бойтесь, а князя почитайте, всегда творя для него добро в страхе господнем. Ибо он — божий слуга и отмститель, злом воздающий злым, а добрым — благом: не напрасно ведь он держит меч в руках своих, а против тех, кто противится». Хоть и были они христиане по вере и по обличию, но не захотели служить правоверному своему христианскому князю, а захотели иметь своим правителем литовского короля, исповедующего латинскую веру. Но вовремя подоспел с войском великий князь Иван Васильевич, которого бог призвал и послал наказать их за их презрение к нему и за его унижение, так же как послал римского царя Тита, Веспасианова сына, разорить город Иерусалим и рассеять евреев за беззаконие их по всей вселенной. Также и этому тезоименитому своему слуге, благоверному и великому князю Ивану Васильевичу Московскому, покорил бог крепких и жестокосердных новгородских людей.

Он же, разыскав и собрав всех главных крамольников, заковал их в тяжелые оковы и вместе с женами разослал по дальним своим землям и селам и заставил их стать переселенцами в чужую землю. Некоторых же осудил горькой смертью умереть, ибо не умели они жить по своей воле и возгордились великой властью над своими правителями. И тогда благоверный этот великий князь Иван Васильевич наполнился великой дерзостью и, борясь за христианскую веру, презрел и попрал угрозы царя Золотой Орды Ахмата, обычный страх перед всеми варварами худым плевкам уподобил, и, негодуя, вооружился, и мужественно встал против неистовства и

гордаго шатания, пословъ его от него не восхотѣ. И до конца отложи дани и оброки давати, ни сам во Орду приходити к нему поставления ради на великое княжение и своея державы и вотчины у царя в честь просити, дающе дары великия, и власти руския купити.

При семъ же царѣ Ахмате божиими судбами до конца Болшая Орда запустѣ. Изведошася царие от родовъ своихъ образомъ сицевымъ.

О ПОСЛѢХ ОТ ЦАРЯ ПРИШЕДШИХЪ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ, И О ЯРОСТИ ЦАРЕВЕ НА НЕГО, И О ГРУБОСТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 4

Царь Ахматъ восприимъ царство Златыя Орды по отце своемъ, Зелети-Салтанѣ царѣ, и посла к великому князю московскому Иоанну Васильевичю послы своя по старому обычаю отецъ своихъ и с парсуною басмою просити дани и оброковъ на прошлая лѣта. Великий же князь ни мало убояся страха царева, но приимъ базму — парсуну лица его, и плевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима. И гордых пословъ его избити повелѣ всѣх, пришедших к нему дерзостно. Единаго же отпусти жива, носяща вѣсть ко царю, глаголя: «Яко же сотворихъ посломъ твоимъ, тако же имамъ и тебѣ сотворити, да престанеши, беззаконниче, от злаго начинания своего, жесточати намъ».

Царь же, слышавъ сие, великою яростию воспалився, огнемъ и гнѣвомъ дыша, и прещением аки огнемъ. И рече княземъ своимъ: «Видите ли, что творит раб нашъ! Како смѣетъ противитися державе нашей безумний сий». И собравъ в Велицей Ордѣ всю свою силу срацынскую, не вѣдый никоих же враг пошествиа и востания на свою Орду, тѣмъ ни малы стражи в *нѣй* остави запаса ради и прииде на Русь к рецѣ Угрѣ в лѣта 6989-е, ноября въ 1 день, хотя поглотити християньство все и царствующий градъ, преславную Москву, взяти, яко же и царь Тактамышъ лестию взялъ. Рекъ то: «Аще не возму жива великаго князя московского, и аще не приведу его связана и умучю горкими муками, то чему есть живу быти ми, и царская власть держати ми».

Слышавъ же князь великий неукротимое царево свирѣпство, и собрася такожде со всею областию рускою, и изыде без страха в лице нечестивому царю Ахмату, к той же рекѣ Угрѣ. И стояста оба об едину рѣку, русь и срацыни. Та бо река многа мѣста обходящи Руския земли с прихода пути поганыхъ варваръ, и могу то рещи — поясъ самыя пречистыя богородицы, аки твердь очищающи от поганыхъ и защищающи Рускую землю. Царь же, видѣвъ великаго князя, мнимаго раба своего, в велицей силе противъ его изшедша небоязнено и стояше при рецѣ со оружием, сердце его и главу мечемъ хотяше отсѣщи,

гордости царевой, не захотев принять от него послов. И окончательно перестал он платить дани и оброки, и приходить к нему в Орду для поставления на великое княжение, и просить у него, как чести, своей державы и вотчины, и, принося великие дары, покупать русское правление.

При этом же царе Ахмате, по божьей воле, окончательно пришла в запустение Большая Орда. Перевелись в ней цари, а случилось это так.

О ПОСЛАХ, ПРИШЕДШИХ ОТ ЦАРЯ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ, И О ЯРОСТИ ЦАРЯ, И О ТОМ, КАК НАГРУБИЛ ЕМУ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ. ГЛАВА 4

Царь Ахмат, воцарившись в Золотой Орде после смерти своего отца, царя Золед-Султана, по старому обычаю, послал своих послов с царским ярлыком к великому князю московскому Ивану Васильевичу просить дани и оброков за прошлые годы. Великий же князь не испугался царского гнева, но, взяв ярлык с изображением его лица, плюнул на него, сломал, бросил на землю и затоптал ногами своими. И повелел он перебить всех надменных царских послов, дерзко явившихся к нему. Одного же оставил в живых, чтобы он мог передать царю такие слова: «То, что сделал я с твоими послами, сделаю и с тобой, чтобы ты, злодей, перестал творить зло и притеснять нас».

Царь же, услышав это, воспылал великой яростью, дыша, как огнем, гневом и угрозой. И сказал он своим князьям: «Видите, что творит раб наш?! Как смеет этот безумец противиться власти нашей?» И, собрав в Большой Орде всю свою сарацинскую силу, не оставив даже небольшой охраны — ибо не знал он ни о каком предстоящем нападении врагов на его Орду,— пришел он на Русь, к реке Угре, в лето 6989 (1481), ноября в 1 день, желая уничтожить всех христиан и взять царственный город, славную Москву, как взял ее обманом царь Тохтамыш. И говорил он так: «Если не захвачу я живым великого князя московского, и не приведу его связанного, и не замучу горькими муками, то зачем мне жизнь и царская моя власть».

Услышал великий князь о неукротимой свирепости царя, и также собрал воинов со всей Русской земли, и вышел без страха навстречу нечестивому царю Ахмату к той же реке Угре. И стояли оба войска по берегам одной реки — русское и сарацинское. Та ведь река обходит многие места Русской земли, лежащие на пути у приходящих на Русь поганых варваров, и могу сказать, что она, словно пояс самой пречистой богородицы, как твердыня, очищает от поганых и защищает Русскую землю. Царь же, видя, что великий князь, мнимый его раб, вышел безбоязненно против него с большой силой и стоит, вооружившись, у реки, намереваясь поразить мечом его сердце и отсечь ему голову,

и дивляшеся толикому новому дерзновению его. И покушашеся многажды прелѣсти реку ону во многих мѣстехъ, и не можаше, воспрещением от рускаго воинства.

И совѣща князь великий с воеводы своими добро дѣло, иже полза бысть ему великая, и по немъ и дѣтемъ, и внуком его в вѣки. И посылаетъ отай царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецкаго, с нимъ же и воеводу — князя Василиа Ноздроватаго Звенигородцкаго со многою силою, и доколе царь стояше на Руси, не вѣдущу ему сего. Они же, Волгою, в ладияхъ пришед на Орду, и обрѣтоша ю пусту, без людей: токмо в ней женьский полъ, и старъ и млад. И тако ея поплениша: женъ и дѣтей варваръскихъ, и скот весь в полонъ взяша, иныхъ же огню и водѣ, и мечю предаша, и конечнѣ хотѣша юртъ батыевъ разорити.

Уланъ же царя городецкаго и Обляз лесть сотвори, глаголя царю своему: «Что твориши, о царю, яко нелѣпо есть тебѣ болшаго сего царства до конца разорити — от него же ты и самъ родися, и мы всѣ. И наша земля то есть и отецъ твоих искони. Се повелѣнная пославшаго ны понемногу исполнихомъ, и доволно есть намъ, и поидемъ, егда како богъ не попустит намъ». И прибѣгоша вѣстницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша. И скоро в томъ часѣ царь от рѣки Угры назадъ обратися бѣжати, никоея пакости земли нашей не учиниша. Да тако же преже реченное великаго князя воинство от Орды отступи.

О КОНЕЧНОМ ЗАПУСТѢНИИ ЗЛАТЫЯ ОРДЫ, И О ЦАРѢ ЕЯ, И О ВЕЛИЧЕСТВѢ РУСКИЯ ЗЕМЛИ, И О ЧЕСТИ И КРАСОТѢ ПРЕСЛАВНАГО ГРАДА МОСКВЫ. ГЛАВА 5

И приидоша нагаи, иже реченныя мангиты, по московскомъ воинствѣ. И тии тако же останки ординъския погубиша, и юртъ царевъ разориша, и царицу его побиша. И самому царю Ахмату встрѣчю поидоша, преплывше Волгу. И сшедшеся с нимъ на поле чисте внезапу, много бившеся с нимъ, и одолѣвше. И паде ту воинство его. Ту же и самого царя, наѣхавъ, убиша, узрѣвъ его, Ямгурчѣй мурза, и на костехъ его вструбиша. И тако скончашася цари ординьстии, и таковым божиимъ промысломъ погибе царство и власть великия Орды Златыя.

И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начатъ обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатися. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие, и доброту, яко же при велицемъ князи первом Владимирѣ православномъ. Ей же, премудрый царю Христе, даждь расти, яко младенцу, и величатися, и разширятися, и всюдѣ пребывати в муже совершенне, и до славнаго твоего втораго пришествия, и до скончания вѣка сего.

подивился таковой новой его дерзости. И много раз пытался царь переправиться через ту реку во многих местах и не мог, так как препятствовало ему русское воинство.

И посовещался великий князь с воеводами своими о добром деле, от которого была ему великая польза, а после него и детям его и внукам на века. И посылает он втайне от царя захватить Золотую Орду, пока царь стоит на Руси, не подозревая об этом, находившегося у него на службе царя Нурдовлета Городецкого и с ним воеводу — князя Василия Ноздреватого Звенигородского с большою силой. Они же, придя Волгою, в ладьях, в Орду, нашли ее пустой, без людей: были в ней только женщины, старики и дети. Так и захватили ее: жен и детей варварских и весь скот в плен взяли, иных же огню, воде и мечу предали и хотели до конца разорить Батыев юрт.

Улан же царя городецкого, Облаз, обольстил своего царя, говоря ему так: «Что творишь ты, о царь, не пристало тебе до конца разорять большое царство это, в котором и сам ты родился и мы все. Ведь это искони земля наша и предков твоих. Повеление пославшего нас мы понемногу исполнили, и довольно с нас, пойдем отсюда, если бог не помешает нам». И прибежали вестники к царю Ахмату с известием, что Русь Орду его разорила. И вскоре после этого, в тот же час, царь от реки Угры побежал назад, никакого вреда земле нашей не причинив. Также и прежде упомянутое воинство великого князя из Орды отступило.

ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ЗАПУСТЕНИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, И О ЦАРЕ ЕЕ, И О ВЕЛИЧИИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, И О ЧЕСТИ И КРАСОТЕ СЛАВНОГО ГОРОДА МОСКВЫ ГЛАВА 5

И пришли в Орду вслед за московским воинством ногаи, называемые мангитами. Они-то и погубили то, что осталось от Орды, и юрт царев разорили, и царицу его убили. И пошли они навстречу самому царю Ахмату, переплыв Волгу. И, внезапно сойдясь с ним в чистом поле, долго бились с ним и одолели его. И пало здесь воинство его. Здесь же и самого царя, настигнув, убили — увидел его Ямгурчей-мурза, и на костях его вострубили. Так и кончили свое существование ордынские цари, и таковым божиим промыслом погибло царство и власть Золотой Орды.

И тогда великая наша Русская земля освободилась от ярма и гнета басурманского и начала обновляться, подобно тому, как зима переходит в тихую весну. И обрела она снова прежнее свое величие и благочестие и богатство, как и при первом великом князе Владимире преславном. Дай же ей, премудрый царь Христос, расти, как младенцу, и прославляться, и расширяться, чтобы повсюду пребывали в ней мужи совершенные, и так — до славного твоего второго пришествия и до скончания века сего.

И возсия нынѣ столный и преславный град Москва, яко вторый Киевъ, не усрамлю же ся и не буду виновенъ нарещи того,— и третий новый великий Римъ, провозсиявший в послѣдняя лѣта, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всѣх градѣхъ, и во всѣхъ людехъ страны сея, красуяся и просвѣщаяся святыми божиими церквами, древяными же и каменными, яко видимое небо, красяшеся и свѣтяшеся, пестрыми звѣздами украшено и православием непозыблемо, христовою вѣрою утвержено, и не поколебимо от злых еретикъ, возмущающих церковь божию о сих.

Сице и первому слову да имемся, аще богъ вразумит насъ.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ, И О ПОНОВЛЕНИИ РУСКИХ ГРАДОВ ОТ НЕГО, И О ПОУЧЕНИИ ЕГО ЛЮДЕМ СВОИМЪ, И О ВОСТАВШЕМ ПАКИ МЯТЕЖЕ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ ОТ САИНА ЦАРЯ ОРДИНЬСКАГО. ГЛАВА 6

Великому же князю Ярославу Всеволодичю живущу в смятении людей своих, и проходящу грады и села своя, и населяше ихъ жители, и поновляше грады стѣнами, разоренныя от Батыя, и посаждаше в них жители. И облегчеваше данми и оброки жителей селских и градскихъ. И утѣшаше людей своих не малодушъствовати от мимошедшихъ скорбѣхъ великих, нанесеных от поганых, и не отчаятися милости божии и уповати на господа, всѣми сотворенными своими пекущагося и дающаго пищю на всяк день скотомъ и птицамъ, и рыбамъ, и гадомъ, ни тѣх забывающа, колми же паче раб своихъ вѣрныхъ забыти имать, по образу сотворенных: и ни единъ влас главы нашея без велѣния его не погибнетъ, неже человекъ или кая земля, или град. Посылает бо богъ на нас всякия скорби и бѣды спасения ради нашего и казнит нас иногда нахождением поганых, иногда же моромъ, иногда же гладомъ и пожаром. Тѣм же отецъ нашъ небесный за грѣхи наши к покаянию приводитъ нас, яко да и прочии оставльшеися людие страха его имѣти накажутся. И аще с радостию сия наказания *от него* приемлемъ, и не похуляюще его, то спасени бываемъ. Силенъ бо есть господь и паче перваго помиловати насъ, и той нас избавитъ от врагъ нашихъ и вся совѣты ихъ неоправедныя расторгнетъ. И сицевыми словесы многими укрѣпляше народъ, и тако всегда поучаше люди своя великий князь Ярославъ Всеволодичь, и потребная комуждо имъ подаваше, и всячески утѣшаше ихъ, яко чадъ своих любимых, самъ бо тогда такоже не зѣло богатъ, яко же и людие.

Первому бо мятежу обдержащу Рускую землю и еще належащу не утѣшившимся людемъ, и вторый воздвизашеся паче перваго и болши сторицею сугубо. *По смерти* же царя Батыя, убиту ему бывшю от югорскаго короля Владислава у столнаго града его у Радина, и наста иный царь на

И воссиял ныне стольный и прославленный город Москва, словно второй Киев, не посрамлюсь же и не провинюсь, если скажу, как третий новый великий Рим, воссиявший в последние годы, как великое солнце, в великой нашей Русской земле, во всех городах и во всех людях страны этой, красуясь и просветляясь святыми божьими церквами, деревянными и каменными, словно видимое небо, красуясь и светясь, пестрыми звездами и незыблемым православием украшенное, христовою верою укрепленное и непоколебленное злыми еретиками, возмущающими церковь божию.

Теперь же вернемся к началу рассказа, если бог вразумит нас.

О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ, И ОБ ОБНОВЛЕНИИ ИМ РУССКИХ ГОРОДОВ, И О ПОУЧЕНИИ ИМ СВОИХ ЛЮДЕЙ, И О НОВОМ НАБЕГЕ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ САИНА, ЦАРЯ ОРДЫНСКОГО. ГЛАВА 6

Великий же князь Ярослав Всеволодович, видя, что люди его жили неустроенно, обходил города и села свои, и населял их жителями, и обновлял стены в городах, разрушенных Батыем, и поселял в них людей. И облегчал он выплату даней и оброков сельским и городским жителям. И утешал людей своих, чтобы не падали они духом от временных этих больших несчастий, принесенных погаными, и не отчаивались дождаться милости божьей, и не переставали уповать на господа, пекущегося о всех созданиях своих и всякий день дающего пищу животным, и птицам, и рыбам, и гадам, никого не забывая; тем более не может он забыть рабов своих верных, по образу его сотворенных, и ни один волос на голове нашей не погибнет без его ведома, тем более человек, или какая-нибудь земля, или город. Ибо ради нашего спасения посылает бог на нас всякие несчастья и беды и казнит нас — иногда нашествиями поганых, иногда же мором, иногда же голодом и пожаром. Тем самым отец наш небесный за грехи наши к покаянию нас призывает, чтобы и остальных людей заставить иметь страх перед богом. И если мы с радостью эти наказания от него принимаем и не хулим его, то бываем спасены. Ибо более в силах господь, чем прежде, помиловать нас, и избавит он нас от врагов наших, и разрушит все неправедные их замыслы. Такими словами многими ободрял великий князь Ярослав Всеволодович народ, и так всегда поучал он людей своих, и подавал каждому то, в чем кто нуждался, и всячески утешал их, как любимых своих детей, ибо и сам он тогда был не очень богат, как и люди его.

Когда еще первая беда не ушла с Русской земли и оставались еще не утешившиеся люди, вторая ворвалась больше первой и намного страшней. По смерти царя Батыя, убитого венгерским королем Владиславом у стольного города его Радина, вступил на

царство его, Саинъ именем, первый по Батые царство прием. Наши же державнии оплошишася и позакоснѣша к нему ити во Орду и смиритися с нимъ. И подняся царь Саинъ ординский ити на Рускую землю с темными своими силами. И поиде, яко и Батый царь, до конца попленити ю за презрѣние к нему от державных руских.

Державнии же наши идоша в Болгары ко царю и ту его встрѣтиша и утолиша его великими многими дарми. И остася царь Саинъ пленити Руския земли и восхотѣ близ ея на кочевищи своемъ, гдѣ вспятися на Русь ити, поставити град на славу имени своего, и на приѣздъ и на опочивание посломъ его, по дань ходящимъ на Русь на всякое лѣто, и на земскую управу.

О ПЕРВОМ НАЧАЛЕ КАЗАНЬСКАГО *ЦАРСТВА* И О МѢСТНОМ УГОДИИ, И О ЗМИИНОМЪ ЖИЛИЩЕ. ГЛАВА 7

И поискавъ царь Саинъ, по мѣстомъ преходя, и обрѣте мѣсто на Волге, на самой украине Руския земли, на сей странѣ Камы рѣки, концемъ прилежащи х Болгарстей земли, а другимъ концемъ к Вятке и къ Перми, зело *пренарочито*: и скотопажно, и пчелисто, и всякими земляными сѣмяны родимо, и овощами преизобилно, и звѣристо, и рыбно, и всякого угодия житейскаго полно — яко не обрѣстися другому такому мѣсту по всей нашей Руской земли нигдѣ же точному красотою и крѣпостию, и угодием человеческим, и не вѣм же, аще будетъ как и в чюжих земляхъ. И велми за то возлюби царь Саинъ.

И глаголютъ мнози нѣцыи: преже мѣсто то было издавна гнѣздо змиево, всѣм жителем земли тоя знаемо. Живяху же ту, въ гнездѣ, всякия змии и единъ змий, великъ и страшенъ, о двою главахъ: едину главу змиеву, а другую волову. И единою главою человѣки пожираше и звѣри и скоты, а другою главою траву ядяше. *А иныя змии около его лежаше, живяху с ним всяцеми образы.* Тѣмъ же и не можаху человецы близ мѣста того жити свистания ради змиина и точания ради ихъ, но аще и недалече кому путь лежаше, иным путемъ обхожаше, аможе идяху.

Царь же Саинъ по многи дни зряше мѣста того, обходяше, и любя, и не домысляшеся, како бы извѣсти змия от гнѣзда его — яко да того ради будетъ градъ великъ и крѣпокъ, и славенъ вездѣ. И изыскавъся в веси сицевъ волхвъ. «Аз,— рече — царю, змия уморю и мѣсто очищу». Царь же радъ бысть и обѣща ему нѣчто велико дати, аще тако сотворит. И собра обаянникъ волшвениемъ и обоянием своимъ вся живущыя змии от малыхъ и до великих в мѣсте том к великому змию во едину великую громаду и всѣх чертою очерти, да не излѣзетъ из нея ни едина змиа. И бѣсовским дѣйствомъ всѣх умертви. И облече круг ихъ

царство другой царь, Саин по имени, первым принявший царство после Батыя. Наши же правители оплошали и поленились пойти к нему в Орду и заключить с ним мир. И поднялся царь Саин ордынский, чтобы идти на Русскую землю с темными своими силами. И пошел он, как и царь Батый, чтобы окончательно разорить ее за презрение к нему русских правителей.

Тогда пошли правители наши в Болгарскую землю навстречу царю и там встретили его и утолили его многочисленными великими дарами. И оставил царь Саин свое намерение разорить Русскую землю, и пожелал вблизи ее, на кочевище своем, откуда не пошел он на Русь, поставить город во славу имени своего, где бы останавливались и отдыхали его послы, каждый год ходящие на Русь за данью, и для учреждения в нем земской управы.

О ПЕРВОМ НАЧАЛЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА, И О МЕСТНЫХ УГОДЬЯХ, И О ЗМЕИНОМ ЖИЛИЩЕ. ГЛАВА 7

И, поискав, переходя с одного места на другое, нашел царь Саин на Волге, на самой окраине Русской земли, на этой стороне Камы-реки прекрасное место, одним концом прилежащее к Болгарской земле, а другим концом — к Вятке и к Перми, богатое пастбищами для скота и пчелами, родящее всевозможные злаки и изобилующее плодами, полное зверей, рыбы и всякого житейского добра,— не найти другого такого места нигде на всей нашей Русской земле по красоте и богатству, с такими же угодьями, и не знаю, найдется ли и в чужих землях. И очень за это полюбил его царь Саин.

И рассказывают многие так: место это, что хорошо известно всем жителям той земли, с давних пор было змеиным гнездом. Жили же здесь, в гнезде, разные змеи, и был среди них один змей, огромный и страшный, с двумя головами: одна голова змеиная, а другая — воловья. Одной головой он пожирал людей, и зверей, и скот, а другою головою ел траву. А иные змеи разного вида лежали возле него и жили вместе с ним. Из-за свиста змеиного и смрада не могли жить вблизи места того люди и, если кому-либо поблизости от него лежал путь, обходили его стороной, идя другой дорогой.

Царь же Саин много дней смотрел на место то, обходил его, любуясь, и не мог придумать, как бы изгнать змея из его гнезда, чтобы поставить здесь город, большой, крепкий и славный. И нашелся в селе один волхв. «Я,— сказал он,— царь, змея уморю и место очищу». Царь же был рад и обещал хорошо наградить его, если он это сделает. И собрал чародей волшебством и чародейством своим всех живущих в месте том змей — от малых до великих — вокруг большого змея в одну громадную кучу и провел вокруг них черту, чтобы не вылезла за нее ни одна змея. И бесовским действом всех умертвил. И обложил их со всех

сѣномъ и тростиемъ, и древиемъ, и лозиемъ сухим многимъ, поливая сѣрою и смолою, и изже я, попали огнемъ. И запалишася вся змии, великия и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той, проявляющи впредь хотящая быти от окаяннаго царя злое тимѣние проклятыя вѣры его срацынския. Многимъ же от вой его умрети от лютаго смрада того змиина близ мѣста того стоящимъ, и кони, и велбуды его многи падоша.

И симъ образомъ очиствивъ мѣсто царь Саинъ и возгради на мѣсте том град Казань, никому же тогда от державных наших смѣющу ему что сотворити или рещи. *И есть* градъ Казань стоитъ и нынѣ всѣми рускими людми видимъ есть и знаемъ, *а не знающими слышим есть.*

И паки же, яко и преже, вогнѣздися на змиином точевищи словесенъ лютый змий — воцарися во граде скверный царь. Нечестия своего великим гнѣвом воспалашеся и, яко огнь в тростии, разгнѣщаяся, зияя, яко змий, огнеными усты и устрашая, и похищая, яко овчатъ, смиренныя люди в прилѣжащих весехъ в близживущих около Казани, изгна от нея Русь туземцы, в три лѣта землю всю пусту положи. И наведе с Камы рѣки языкъ лютъ и поганъ — болгарскую чернь и со князми, и со старѣйшими ихъ, многу сущу ему и подобну суровствомъ и обычаем злымъ песьимъ главамъ — самоедомъ. И наполни такими людми землю ту.

Бысть же черемиса, зовомая остяки. Тое же глаголютъ ростовскую чернь, забѣжавших тако от крещения рускаго и вселившихся в Болгарскую землю и Орду, да царем казаньским обладаются. Та бо бѣ преже земля болгаровъ малых за Камою, промеж великия рѣки Волги и Бѣлыя рѣки Воложки до великия Орды Нагайския. Болшия болгары — на Дунае.

Тут же был на Каме град старый Бряховъ болгарский, нынѣ же градище пусто. Того же первие взя князь великий Андрѣй Юрьевичь Владимирский и в конечное запустѣние преда, и болгаръ тѣх под себя подклони. И бысть Казань столный градъ вмѣсто Бряхимова.

И *вскоре* новая Орда, земля многоплодная и семенитая и, все рещи, медомъ и млекомъ кипящая, даде во одержание власти и в наслѣдие поганымъ. И от сего царя Саина преже зачася Казань и словяше юртъ Саиновъ. И любляше царь и часто самъ, от столнаго своего града Сарая приходя, живяше в нем. И остави по себѣ на новом юрте своего царя от колѣна своего и князи свои с нимъ.

По том же царѣ Саинѣ мнози цари кровопийцы, Руския земли губители, премѣняющеся царствовали в Казани лѣта многа.

сторон сеном, и тростником, и деревом, и сухим лозняком, поливая все это серой и смолой, и поджег их, и спалил огнем. И загорелись все змеи, большие и малые, так что распространился от этого сильный смрад змеиный по всей той земле, предвещая грядущее зло от окаянного царя — мерзкую тину проклятой его сарацинской веры. Многие же воины его, находившиеся вблизи этого места, от сильного змеиного смрада умерли, и кони и верблюды его многие пали.

И, очистив таким образом место это, поставил царь Саин там город Казань, и никто из правителей наших не посмел ему помешать или возразить. И стоит город Казань и поныне, всеми русскими людьми видимый и знаемый; те же, кто не бывал там, наслышаны о нем.

И снова, как и прежде, свил гнездо на змеином токовище том словесный лютый змей — воцарился в городе скверный царь. Воспылал он великим гневом нечестия своего и, разгораясь, как огонь в тростнике, зияя, словно змей, огненными устами, и устрашая, и похищая, как овец, смиренных людей, живущих около Казани в прилежащих к ней деревнях, изгнал из мест тех туземную Русь, в три лета опустошив всю землю. И навел он с Камы-реки народ свирепый и поганый — болгарскую чернь с князьями и старейшинами их, многочисленный и подобный своей суровостью и обычаями злым песьим головам — самоедам. И наполнил он такими людьми землю ту.

Есть среди черемисы народ, который зовут остяками. Так называют ростовскую чернь, убежавшую от русского крещения и поселившуюся в Болгарской земле и Орде, чтобы быть под властью казанского царя. Это ведь была прежде земля малых болгар — та, что за Камой, между великой рекой Волгой и рекой Белой Воложкой до великой Ногайской Орды. Большие же болгары живут на Дунае.

Здесь же, на Каме, был старый болгарский город Брягов, ныне же это запустевшее городище. Его впервые взял великий князь Андрей Юрьевич Владимирский и привел его в окончательное запустение, покорив тех болгар. И стала Казань стольным городом вместо Брягова.

И вскоре новая Орда, земля плодородная и изобильная и, можно сказать, медом и молоком кипящая, была отдана во владение и в наследство поганым. Этим царем Саином и была впервые основана Казань, и стали называть ее юрт Саинов. И любил его царь, и часто сам жил в нем, приходя из стольного своего города Сарая. И оставил он после себя в новом юрте царя от колена своего и при нем своих князей.

После того же царя Саина многие цари-кровопийцы, губители Русской земли, сменяя друг друга, царствовали в Казани многие годы.

О ПЕРВОМ ВЗЯТИИ КАЗАНСТЕМ И О ИНѢХ ГРАДѢХ БОЛГАРСКИХЪ И О ПОВОЕВАНИИ ВЕЛИКИЯ ОРДЫ, НА НИХ ЖЕ ХОДИЛ КНЯЗЬ ЮРЫ ДМИТРИЕВИЧ. ГЛАВА 8

В лѣто 6903-е посла князь великий Василей Дмитриевичь з братом своимъ со княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ воя многи. И пошед к грады болгарския, по Волге стоящыя; Казань, Болгары, Жукотинъ, Кеременчюк и Златую Орду повоева по совѣту крымскаго царя Азигирея. И вся тѣ грады до основания раскопа и царя казанскаго и со царицами его въ ярости своей мечем уби, и всѣх срацын съ женами их пресѣче, и землю варварскую поплени, и здрав с побѣдою восвояси возвратися.

И на мало время смирися Казань и укротися, и оскудѣ. И стояше пуста 40 лѣтъ. Бяше бо умирился крымъский царь Азигирей с великим княземъ Васильемъ Дмитриевичем и воеваше с ним соединого и на брата своего на Селед-Салтана Тактамышевича: онъ полем по суху войско свое посылаше, а князь великий в лодиях. А з другую сторону мангиты силнии, их же бѣша улусы черныя на велицей рецѣ Яикѣ, иже течет во Хвалимское море прямо бухаров.

И тако бысть отвсюду изгонение велико Ордѣ оной: первое того да после — от великаго князя Иоанна Васильевича — второе. От тѣх мангитъ до конца запустѣ, якоже преже речеся. И вселишася в Болшой Ордѣ нагаи и мангиты из-за Еика пришедше. И донынѣ в тѣхъ улусѣх кочюютъ, живуще с великими князи московскими в мирѣ и ничим же их обидяще.

О ИЗГНАНИИ ЦАРЯ ОТ ЗЛАТЫЯ ОРДЫ И О СМИРЕНИИ ЕГО, И О БРАНЕХ С ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ МОСКОВСКИМЪ. ГЛАВА 9

И в то же во едино время, спустя по умертвии Зелед-Салтана, царя Великия Орды, десять лѣтъ, а по взятии Казанскомъ от князя Юрья тридесять лѣтъ, и се, гонимъ, прибѣжа с тоя же восточныя страны и тоя же Болшия Орды Златыя царь, Улус-Ахметъ имя ему, и в мале дружине своей изгнан и со царицами своими и з дѣтми от великаго Едичея, старого заяицкаго князя, и царства своего лишенъ и мало от него смерти не приятъ. И бѣ день и нощъ скитаяся в поле и преходя от мѣста на мѣсто едино лѣто, ища покоя, идѣже вселитися, и не обрѣташе нигдѣ. И ни смѣяше ни х коей странѣ приближитися и державе, но так между ими по полю сюду и сюду волочася, яко хищникъ и разбойникъ. И приближися к предѣлом Руския земли, и посла моление свое и смирение к великому князю Василию Васильевичю Московскому в шестое лѣто царства своего, не рабомъ, но господиномъ и любимым своимъ братом именуя его, яко да повелитъ ему невозбранно

О ПЕРВОМ ВЗЯТИИ КАЗАНИ И ИНЫХ БОЛГАРСКИХ ГОРОДОВ, НА КОТОРЫЕ ХОДИЛ КНЯЗЬ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, И О РАЗОРЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОРДЫ. ГЛАВА 8

В лето 6903 (1395) отправил великий князь Василий Дмитриевич в поход со своим братом Юрием Дмитриевичем многих воинов. И, пойдя к болгарским городам, стоящим по Волге, разорил тот Казань, Болгары, Жукотин, Кременчуг и Золотую Орду по совету крымского царя Азигирея. И все те города разрушил он до основания, и казанского царя с царицами его убил в ярости мечом, и всех сарацин с женами их порубил, и землю варварскую пленил, а сам благополучно с победою возвратился восвояси.

И на недолгое время смирилась Казань, и укротилась, и оскудела. И стояла она пустой сорок лет. В то время крымский царь Азигирей заключил мир с великим князем Василием Дмитриевичем и ходил с ним в союзе войной на брата своего Зелед-Султана Тохтамышевича: он полем, посуху, войско свое послал, а великий князь — в ладьях. С другой же стороны были воинственные мангиты, черные улусы которых стояли по великой реке Яику, что течет в Хвалисское море через земли бухарцев.

И было великое гонение на ту Орду отовсюду: впервые тогда, а во второй раз — после, от великого князя Ивана Васильевича. От тех мангит она и опустела окончательно, как прежде говорилось. И поселились в Большой Орде ногаи и мангиты, пришедшие из-за Яика. Они и до сих пор в тех улусах кочуют, живя с великими князьями московскими в мире и ничем их не обижая.

О ИЗГНАНИИ ЦАРЯ ИЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ, И О СМИРЕНИИ ЕГО, И О БИТВАХ ЕГО С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МОСКОВСКИМ. ГЛАВА 9

Однажды, по прошествии десяти лет после смерти Зелед-Султана, царя Великой Орды, а после взятия Казани князем Юрием тридцати лет прибежал изгнанный из той же восточной страны царь Большой Золотой Орды, по имени Улу-Ахмет, с небольшой дружиной своей, и с царицами своими, и с детьми, изгнанный великим Едыгеем, старым заяицким князем, и царства своего лишенный, и едва не принявший от него смерть. День и ночь в течение года проводил он, скитаясь в поле, переходя с одного места на другое, подыскивая спокойное место, где бы ему поселиться, и нигде не находил себе его. И не смел он приблизиться ни к одной стране и державе, но так между ними по полю туда и сюда и таскался, словно хищник и разбойник. И приблизился он к границам Русской земли, и послал свое моление со смирением к великому князю Василию Васильевичу Московскому в шестое лето своего царствования, не рабом, но господином и любимым своим братом называя его, чтобы позволил тот ему беспрепятственно

на предѣлех земли своея мало время от труда почити и собратися помалу с розгнаными своими со многими вои и возвратитися вскорѣ, рече, на врага своего, на заяицкаго князя Единчея, согнавшаго со Орды его.

Бяше бо у того князя Единчеа девятъ сыновъ от тритцати женъ его, а у меншаго сына его быти десять тысящъ вой. *Ради* силы своея мангиты силныя прозвавшеся. Тѣм и покорятися царю не восхотѣша, но Орду Болшую воевати дерзнуша.

Князь же великий повелѣ и нимало сперва не возбранити царю, еже приближитися къ земли своей, но и приятъ его с честию, не яко бѣглеца, но яко царя и господина своего, и дарми его почти, и дружелюбие с ним велие сотвори, яко сынъ ко отцу или яко раб господину своему.

Но конецъ сице соверши. От него же бо и на великое княжение посаженъ бысть и сыномъ нарванъ, и в десять лѣтъ царства своего не взимаше дани с него и оброковъ, надѣяше бо ся его князь великий паче приятелства себѣ имѣти, яко же бо онъ глаголаше, и любовь вѣрну и дружбу велику. Не размысливъ сего князь великий, яко волкъ и агнецъ вкупѣ не питаются, ни почивают, ни сотворяются, но сердце единому язвленно боязнию, и всяко един от них погибнетъ. И обѣщание и клятву взяша между собою царь и князь великий: не обидити друг друга ничим же дондеже царь от земли Руския отступитъ. И даде князь великий царю в качевище Бѣлевские мѣста.

Царь же, кочюя ту, нача и себѣ собирати войско, хотя отмстити врагу своему. И здѣла себѣ ледный град, из рѣки влача толстый ледъ и снѣгомъ осыпая, и водою поливая, бояся по себѣ еще гонителей своихъ. Сего ради и крѣпость ему велика бысть в нужное время. И отходя, пленяше иныя земли чюжие, яко орелъ отлѣтая от гнѣзда своего далече пищу себѣ искаше.

Князь же великий, слышав се, и убоявся зѣло, и возмущашеся в мысли своей, и мятяшеся, мнѣвъ, яко хощет збирати царь войско на него и хощетъ воевати Рускую землю его. Нѣкимъ ближним совѣтникомъ возмутившимъ его, глаголаху ему: «Господине княже, яко егда звѣрь утопаетъ, тогда и убити спѣютъ, егда же ли на брег восплоевет, то многихъ уязвитъ и сокрушит, да ли убиен будетъ, или живъ утечетъ».

Онъ же, послушавъ горкаго совѣта ихъ, пославъ к царю пословъ своих, глаголющи, да скоро отойдет от земли его, не браняся. Онъ же моляшеся кочевати. Князь же великий и паче с прещением и грозою пославъ к нему второе, и третие. Ни тако послуша, но еще моляшеся почити, не вѣдый на себя от правды великаго князя готовящася и вооружившася, и мечь брани обощряюща на него. Но смиряяся, глаголаше: «Брате, господине мой, мало ми время помедли, яко

отдохнуть недолгое время от похода у границ своей земли, и постепенно собрать разогнанных многочисленных его воинов, и возвратиться вскоре, как он говорил, на врага своего, на заяицкого князя Едыгея, изгнавшего его из Орды.

Было ведь у того князя Едыгея девять сыновей от тридцати его жен, а у младшего его сына было девять тысяч воинов. Из-за их войска мангиты и назывались сильными. Поэтому они не захотели покоряться царю Улу-Ахмету, но дерзнули напасть на Большую Орду.

Великий же князь разрешил царю приблизиться к своей земле, и сперва ни в чем не чинил ему препятствий и даже с честью принял его не как беглеца, но как царя и господина своего, и почтил его дарами, и большую дружбу с ним завел, относясь к нему как сын к отцу или как раб к своему господину.

Но конец был таков. Поскольку великий князь этим царем был посажен на великое княжение и сыном назван и за десять лет царствования своего не взимал с него царь дани и оброка, надеялся великий князь, что будет он ему, как тот сам говорил, ближе товарища, и будет между ними любовь верная и крепкая дружба. Не подумал о том великий князь, что волк и ягненок вместе не питаются, не спят, не живут, ибо сердце у одного из них уязвлено боязнью и один из них все равно погибнет. И дали друг другу царь и великий князь клятву, что не будут ничем обижать друг друга до тех пор, пока царь не уйдет из Русской земли. И дал князь великий царю для кочевья Белевские места.

Царь же, кочуя там, начал собирать у себя войско, желая отомстить своему врагу. И построил он себе, еще опасаясь появления своих преследователей, ледяной город, таская из реки толстый лед, осыпая его снегом и поливая водой. Поэтому в трудное время была у него надежная крепость. И, уходя в походы, разорял он чужие земли, словно орел, далеко отлетая от своего гнезда в поисках пищи.

Великий же князь, услышав об этом, сильно испугался, встревожился и пришел в смятение, думая, что царь хочет собрать войско, чтобы идти на него и разорить Русскую землю. Некие ближайшие его советники подстрекали его, говоря: «Князь, господин наш, когда зверь тонет, тогда его и убить спешат, ибо если он на берег выберется, то многих поразит и сокрушит, и неизвестно,— будет ли убит или же живым убежит».

Он же, вняв горькому их совету, послал к царю своих послов сказать, чтобы побыстрей уходил из его земли, не ссорясь с ним. Тот же умолял позволить ему кочевать. Великий же князь во второй и в третий раз посылал к нему послов с запрещением и угрозой. Но и тогда царь не послушал его, но молил дать ему еще отдохнуть, не зная правды — того, что великий князь вооружается и меч брани острит, готовясь к бою. Но смирялся он и говорил ему так: «Брат, господин мой, помедли немного, ибо

в борзе имамъ пойти от земли твоея. Никоего же зла тебѣ никако же сотворю по обѣщаю же нашему с тобою и по любви, но и впредь и до смерти моея, егда мя устроитъ богъ и паки сѣсти на царствии моемъ, рад есми с тобою имети дружбу вѣрну и любовь сердечну и незабытну. Еще *же* и сыномъ моимъ прикажу по себѣ служити тебѣ и наровити сыном моимъ. И рукописание тебѣ крѣпкое на себе дамъ и на сыны моя, и на внуцы за печатми золотыми, дани и оброки имъ у тебе не имати, ни земли твоея воевати имъ, ни ходити, ни посылати. Или аще нынѣ помыслю кое убо зло, мало или велико, на тебя, яко же мнится ти, преобидя любовь твою, еже сотворил еси ко мнѣ, напитавъ мя, яко просителя нища, да будет ми богъ мой да и твой убиваяй мя в него же вѣрую и азъ».

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХЪ ВОЙ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 10

Видѣ его князь великий непослушающа, добром и волею своею отступити от земли державныя не хотяща и словесемъ его и вѣры его, и обѣщанию, яко поганымъ, и не ятъ истинны быти, мня его все лесть глаголюща ему и лжуща. Забытъ сего слова, яко покорно слово сокрушаетъ кости, и смиренныя сердца и сокрушенныя богъ не уничижитъ. И посла на царя брата своего, князя Дмитрея Галецкаго, по реченному Шемяку, и с нимъ посла войска 20 000 вооруженныхъ, и оба князи тверския посла, а с ними по десяти тысящь войска — и всѣхъ бысть 40 000, да шед, отженутъ царя от предѣлъ Руския земли.

Он же, змий царь, видѣвъ великаго князя не повинувшася молению его и смирению и вои ихъ уже готовы и близко идущих к себѣ узрѣ, преже невѣдущу ему ихъ, и посла тако же смирение свое и к брату великаго князя, да не идутъ нань до утра, яко отступити имамъ прочь. Онъ же тщашеся скоро повелѣние брата своего исполнити, надѣющеся на силу свою.

И царь же отложи чаяние от человѣка смертна милости просити, и возведе очи своя звериныя на небо, моляся. И къ церкви рустей притече, прилучися ему стояти при пути в нѣкоем селѣ. И паде при дверѣх храма у порога на земли, не смѣя влѣсти вонь, вопияше и плача с многими слезами, глаголя: «Боже руский, слышахъ о тебѣ, яко милостив еси и праведенъ и не на лица человеческия зриши, но правды в сердцахъ испытаеши. Виждь нынѣ скорбь и бѣду мою, но помози ми и буди намъ истинный судия, правосуде межъ мною и великимъ княземъ, и обличи вину коегождо насъ. Ищетъ бо онъ неповинно убити мя, яко подобно время обрѣтъ и ищетъ неправедно погубити мя. Обѣщанием нашимъ и клятву с нимъ солгалъ и преступилъ, и великое брежение мое и прежнюю мою любовь к нему, аки любезному сыну,

скоро собираюсь уйти из земли твоей. Не причиню я тебе никакого зла по нашему с тобой договору и по любви и впредь до смерти моей, если бог поможет мне снова сесть на царстве моем, рад буду иметь с тобой верную дружбу и любовь сердечную и незабвенную. Также и сыновьям моим прикажу после себя служить тебе и подчиняться. И грамоту тебе надежную дам на себя, на сыновей моих и на внуков за печатями золотыми, что они не будут брать с тебя ни даней, ни оброков и не будут ходить в твою землю и разорять ее. И если замышляю я теперь какое-либо зло против тебя, малое или большое, как мнится тебе, пренебрегши любовью, с которой ты отнесся ко мне, накормив меня, словно нищего просителя, пусть мой бог, да и твой, в которого я верю, убьет меня».

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОИНОВ НА ЦАРЯ. ГЛАВА 10

Видя, что не слушается его царь и не хочет добром и по своей воле уйти из державной его земли, не поверил великий князь, что слова и обещания поганого и вера его искренни, думая, что он лицемерит и лжет. Забыл он слова Писания, что покорное слово сокрушает кости и что смиренные и разбитые сердца бог не унизит. И послал он на царя своего брата, князя Дмитрия Галицкого, по прозвищу Шемяка, и с ним послал двадцать тысяч вооруженного войска, и обоих князей тверских послал, а с ними по десяти тысяч войска — и всех воинов было сорок тысяч, чтобы они, пойдя на царя, отогнали его от границ Русской земли.

Он же, царь-змей, видя, что великий князь не внял молению его и смирению, и увидев уже готовых к бою русских воинов, близко подошедших к нему, о приходе которых он не знал, послал и к брату великого князя со смиренной просьбой, чтобы тот не шел на него до утра, ибо собирается он отступить прочь. Тот же хотел побыстрее исполнить повеление брата своего, надеясь на свою силу.

И расстался царь с надеждой просить у смертного человека милости и, молясь, обратил глаза свои звериные к небу. И когда случилось ему остановиться по пути в некоем селе, пришел он к русской церкви. И упал он на землю перед дверями храма, у порога, не смея войти внутрь, стеная, и обливаясь слезами, и говоря так: «О, русский бог! Слышал я о тебе, что милостив ты и праведен и не на лица человеческие смотришь, но отыскиваешь правду в сердцах. Увидь ныне скорбь и беду мою, и помоги, и будь нам справедливым судьей, свершив правосудие между мною и великим князем, и укажи вину каждого из нас. Ведь намерен он безвинно убить меня, выбрав удобное время, и хочет неправедно погубить меня, видя, что сильно притесняем я ныне многими напастями и бедами и погибаю. Нарушил он обещание наше и преступил клятву, которую дали мы друг другу,

забывъ, видя мя нынѣ в велицей напасти и бѣдѣ утѣсняема зелно и погибающа отвсюду. И не свѣдаю бо себе аз ни в чемъ же преступивша ему или солгавша».

И плакався много и стонавъ, воставъ от земли от ницания мерскаго и собрався с вои своими, и затворися во граде леденомъ. И се борзо внезапу нападоша на нихъ руския люди. Онъ же мало бився оттуду и видѣвъ, яко спѣется ему дѣло, и тогда отвори врата градныя, и всяде на конь свой, и взя оружие свое в руку свою, и поскрежета зубы своими, яко дивий вепрь, и грозно возсвиста, яко стращный змий великий, ожесточися сердцемъ своимъ и воскипѣ злобою своею. Мало смиряшеся преже и повиновашеся, и братомъ и господиномъ зовяше великаго князя, и се на брань, яко левъ, рыкая и, яко змий, страшно огнемъ дыша от великия горести противъ многихъ воеводъ великаго князя напусти с немногими своими вои. Развѣе три тысящи всѣх людей и тысяща из тѣхъ же вооруженныхъ не содрогнувся, ни побѣжа от московскихъ людей и воевъ, но отчаявшеся живота своего и болше надѣяся на бога и на правду свою, неже на грубость и на малое имѣние свое ратное.

И егда ступившимся обоимъ воемъ, увы мнѣ что реку, и одолѣваетъ великого князя. И побилъ всѣх в лѣта 6906-м году декабря въ 5 день. Но осташася токмо на побоищи томъ от 40-хъ тысящъ вой братъ великаго князя и пять воеводъ с нимъ с немногими вои, бѣгающи по дебремъ и по стремнинамъ, и по чащем леснымъ. И мало не взяша самѣх живыхъ, но избави ихъ господь от него.

Покорение бо и смирение пренеможе и побѣди великаго князя нашего свирѣпое сердце, яко да клятву не преступаетъ, аще и к поганымъ сотворяютъ. О блаженное смирение и покорение! Яко не токмо спомогает богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ.

О ВТОРОМ НАЧАЛЕ КАЗАНСКОМЪ. О ПРИХОЖЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ НА РУСКИЯ ГРАДЫ И О СМЕРТИ ЕГО И О ВЗЯТИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ. ГЛАВА 11

Поганый же онъ царь Улусъ-Ахметъ побѣди московския люди и воя и обоимав ихъ, и обогатися добрѣ. И повоева, и поплени руския земли предѣлы, и наполнися всякого добра от избытка своего, и вознесеся сердцемъ, и возгордѣся умомъ. И к тому далече ни в кою же Орду не восхотѣ от предѣлъ рускихъ отъити, но прейде тамо от мѣста того побоища подале на другую страну Руския земли украины, бояся великого князя, да не паки тайно пошлетъ войска своего болши первых, граду же его леденому растаявшу от солнца и крѣпости себѣ никоея имущу. «Аще на сонныхъ,— рече,—

и забыл он большую заботу мою о нем и прежнюю любовь к нему, как к любезному сыну. И не знаю я ничего, в чем бы помешал ему или обманул».

И поднялся он с громким плачем и стенаниями с земли после мерзкой своей молитвы, и собрал воинов своих, и заперся с ними в ледяном городе. И вот вскоре напали на них внезапно русские люди. Он же недолго бился с ними оттуда, а когда увидел, что пришло время, отворил городские ворота, и сел на своего коня, и взял в руки оружие, и заскрежетал зубами, словно дикий вепрь, и, грозно засвистав, словно огромный страшный змей, ожесточился сердцем своим, и воскипел злобою. Если прежде смирялся он несколько перед великим князем, и повиновался ему, и звал его братом своим и господином, то теперь вышел он на бой против многих воевод великого князя с немногими своими воинами, рыкая, словно лев, и, словно змей, страшно дыша огнем от великой горести. И хотя было у него всего три тысячи людей, из которых только тысяча была вооружена, не дрогнул он и не побежал от московских воинов, отчаявшись остаться живым и больше надеясь на бога и на свою правоту, нежели на силу и на своих немногочисленных ратников.

И когда сошлись оба войска,— увы мне, что говорю! — начал царь одолевать великого князя. И побил он всех русских в лето 6906 (1398), декабря в пятый день. И остались на побоище том от сорока тысяч воинов только брат великого князя и с ним пять воевод с немногими воинами, разбежавшиеся по дебрям, и по стремнинам, и по чащам лесным. И едва не взяли их живыми, но господь избавил их от плена.

Так покорность и смирение пересилили и победили свирепое сердце нашего великого князя, дабы не преступал он клятву, даже если дал ее поганым. О блаженные смирение и покорность! Ибо не только христианам помогает бог, но и поганым содействует.

О ВТОРОМ ОСНОВАНИИ КАЗАНИ. О ПОХОДЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ НА РУССКИЕ ГОРОДА, И О СМЕРТИ ЕГО, И О ПЛЕНЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ. ГЛАВА 11

Поганый же тот царь Улу-Ахмет победил московских людей и, пограбив воинов, сильно разбогател. И повоевал, и разорил он пограничные русские земли, и с избытком наполнил свою казну всяким богатством, и вознесся сердцем, и возгордился умом. И после этого ни в какую Орду не захотел он уходить от русских границ, но, когда его ледяной город растаял от солнца и больше не стало у него никакой крепости, отошел он подальше от места того побоища на другую сторону пограничной Русской земли, опасаясь, как бы великий князь не послал на него нового войска, больше прежнего. «Если на сонных нас,— говорил он,—

нощию нападуть или коею же иною кознию, и то погибну самъ аз и сущии со мною».

И шед полемъ округъ и перелѣз Волгу, и засяде Казань пустую, Саиновъ юртъ. Мало было во граде живущих. И собирающися срацыне и черемиса, которые по улусомъ казанскимъ нѣкако живяху, и ради ему бывше. И со оставшимися от плѣна худыя болгаре казанцы и молиша его заступника быти бѣдам, иже от насилиа и воевания рускаго, и помощника, и царству строителя, да не до конца запустѣют. И повинушася ему.

Царь же вселися в жилищах ихъ. И постави себѣ древяный градъ крѣпокъ на новом мѣсте, крѣпчае старого, недалече от старыя Казани, разоренныя от московския рати. И начаша ко царю збиратися много варвар от различныхъ странъ: от Златыя Орды, и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма.

И нача изнемогати во время то великая Орда Златая, и уселятися, и укрѣплятися нача в тоя мѣсто Казань — новая Орда, запустѣвший Саинов юртъ. И кровию рускою беспрестани кипяше. И прейде царьская слава и честь велия Болшия Орды старые премудрые ордамъ всѣмъ на преокаянную младую дщерь Казань. И паки же возрасте царство и оживе, яко древо измерзшее от зимы солнцу обогрѣвшу и веснѣ. От злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая вѣтвь произыде — Казань — и горкий плодъ второе изнесе, *зачася* от другаго царя ординъска.

И той царь Улус-Ахметъ великия брани воздвиже и мятежи в Руской земли паче всѣхъ прежнихъ царей казаньскихъ, от Саина царя бывшихъ, понеже бо многокозненъ человѣкъ и огненъ дерзостию, великъ телесемъ, силенъ. Отвсюду себѣ собра воинственую силу и многи грады руския обсади, и всяко имъ озлобление тяжко наведе. И до самого дойде царствующаго града Москвы и на другое лѣто Белевскаго побоища, июня въ 3 день, и пожже около Москвы великия посады, и християнского народу много посече и в пленъ сведе. Града же не взя, и отиде во своя.

И умре в Казани и со юнѣйшимъ своим сыномъ съ Ягупомъ: оба ножемъ зарѣзаны от болшаго сына своего Мамотяка. А царствова на Казани 7 лѣтъ.

И приятъ по немъ царство Казанское сынъ его Мамотякъ, от скорпий змий, и ото льва лютаго лютый звѣрь и кровопийца. Сей же бысть и отца своего злѣе и ярѣе на християны воевати руския земли, яко и самого великаго князя Василиа Васильевича — увы, и всѣмъ тогда скорбь велию наведе! — в тайне изгономъ пришедъ, у Суздаля града изыма и сущыя с нимъ воинъства побивъ в лѣта 6953 году июля въ 6 день. И в Казань к себѣ сведе великаго князя и державъ его у себе четырнатцать месяцъ, не в темнице, но проста, посаждая его с собою с честию ясти на единой трапезѣ и не оскверняше поганымъ ядениемъ и тѣм своим

нападут ночью или придумают какую-нибудь еще хитрость, то погибну и сам я, и мои люди».

И, обойдя поле, переправился он через Волгу и засел в Казани, пустом Саинове юрте. Мало было тогда в городе жителей, и стали собираться сюда сарацины и черемисы, жившие по казанским улусам, и были они рады ему. И вместе с уцелевшими от пленения остатками болгар молили его казанцы быть им заступником и помощником в бедах, которые терпели они от набегов и походов русских, и быть правителем их царства, дабы окончательно они не разорились. И покорились они ему.

Царь же поселился среди них. И построил он себе на новом месте, неподалеку от старой Казани, разоренной московским войском, крепкий деревянный город, крепче прежнего. И начали собираться к царю многие варвары из различных стран: из Золотой Орды, и из Астрахани, и из Азова, и из Крыма.

И начала изнемогать в то время великая Золотая Орда, и вместо нее начала заселяться и укрепляться новая Орда — Казань, опустевший Саинов юрт, беспрестанно кипя русскою кровью. И перешла царская слава и великая честь от старой, мудрейшей среди других орд Большой Орды к преокаянной младшей дочери ее — Казани. И вновь выросло и ожило царство, как будто замерзшее зимой дерево обогрело весеннее солнце. От злого дерева, скажу же — от Золотой Орды, произросла злая ветвь — Казань — и во второй раз дала горький плод, зачатый от второго царя ордынского.

И тот царь Улу-Ахмет великие войны и беспорядки породил в Русской земле, больше, чем все прежние казанские цари, начиная от Саина, ибо был он человеком очень коварным и пылавшим дерзостью, велик телом и могуч. Собрал он отовсюду военную силу, и осадил многие русские города, и причинил им много всякого зла. И дошел он до самого царствующего города Москвы, и на второй год после Белевского побоища, 3 июня, пожег около Москвы большие посады, и много христианского народа порубил и увел в плен. Города же не взял и ушел восвояси.

И умер он в Казани вместе с младшим своим сыном Ягупом: обоих ножом зарезал старший его сын Мамотяк. А царствовал он в Казани семь лет.

И принял после него царство Казанское сын его Мамотяк — из змеев змей, лютее льва лютого и кровопийца. Злее и яростнее отца своего воевал он с христианами Русской земли, так что и самого великого князя Василия Васильевича — увы! — совершив неожиданное нападение, схватил у города Суздаля и побил бывших с ним воинов в год 6953 (1445), в шестой день июля. Великую скорбь навел он тогда на всех! И отвел он великого князя к себе в Казань, и держал его у себя четырнадцать месяцев, но не в темнице, а с честью сажал его с собою есть за один стол, и не осквернял его поганой пищей, и ничем своим

не кормяше, но все честнымъ брашномъ рускимъ. И взялъ на немъ у велможъ его много злата и сребра. И отпусти его к Москвѣ на царство его. Милуетъ бо и варваринъ, видя державнаго злостражуща.

О ВТОРОМ ВЗЯТИИ КАЗАНСКОМЪ И О ПЛЕНЕНИИ АЛЕХАМА ЦАРЯ СО ВСѢМИ ЕГО, И О ПОСАЖЕНИИ НА КАЗАНЬ МАХМЕТ-АМИНЯ ЦАРЯ, И О ПОСѢЧЕНИИ ХРИСТИЯНСТЕМЪ В КАЗАНИ. ГЛАВА 12

Сынъ же великаго князя Василья Васильевича — Иоаннъ Васильевичь — восприятъ великое княжение московское по смерти отца своего. И шедъ, взя Великий Новъ градъ со многою гордынею и буйствомъ, яко же преди речеся, и Тверь, и Вятку, и Резань. И вси рустии князи поклонишася ему служити. И единъ владѣя всѣми скипетры рускими, и многи грады полскаго короля отня державы своея, завладѣвшия княземъ Гедимономъ. И бысть великая власть державы Руския и оттолѣ назвася самодержавный великий князь Московский.

По взятии же Великого Нова града въ девятое лѣто, по тверскомъ во второе лѣто посла воеводъ своихъ на Казаньское царство с великим воинствомъ за безчестие и срамоту отца своего: князя Данила Холмскаго и князя *Александра* Оболенскаго со многимъ войскомъ. И срѣте ихъ казанский царь Алехамъ старый со своими людми на рекѣ Свияге. И бывшу у них бою велику, и поможе богъ и пречистая богородица московскимъ воеводамъ и побиша ту многих казанцовъ, и мало ихъ живыхъ в Казань убѣжа. И града затворити и осадити не успеша, и самого царя Алехама жива собою рукама яша. И с нимъ во градъ вшедше и яша матерь его и царицу его, и дву братей его, и к Москвѣ ихъ сведоша. Досталных же казанъцовъ покориша Московскому царству и повинных учиниша.

И заточи князь великий царя Алехама со царицею его на Вологду, матерь же цареву со двѣма царевичи ея заточи на Бѣло озеро. Тамо же в заточении том умре царь и мати его, и братъ царевъ Малендаръ царевич. Другий же царевичъ оста живъ: того же изведе ис темницы и крести его, и даде за него дщерь свою.

И се второе тогда Казань взята бысть от Москвы от начала ея в лѣто 6995-го года, июля въ 9 день, на память священномученика Пагкратия.

И посади на Казани великий князь Иоаннъ Васильевичь служащаго своего царя Махмет-Аминя Ибѣговича, приѣхавшаго ис Казани к Москвѣ з братомъ своим Ибделятифомъ служити великому князю. И данъ бысть ему от него в вотчину градъ Кошира,

не кормил, но только хорошей русской едой. И взял за него с вельмож его большой выкуп золотом и серебром. И отпустил его в Москву на царство. Ибо и варвар прощает, когда видит правителя в страданиях.

О ВТОРОМ ВЗЯТИИ КАЗАНИ, И О ПЛЕНЕНИИ ЦАРЯ АЛЕХАМА СО ВСЕМИ ПРИБЛИЖЕННЫМИ ЕГО, И О ПОСАЖЕНИИ НА КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА, И О ПОСЕЧЕНИИ В КАЗАНИ ХРИСТИАН. ГЛАВА 12

Сын же великого князя Василия Васильевича — Иван Васильевич — воспринял великое московское княжение после смерти своего отца. И, пойдя на Великий Новгород, взял его с великой дерзостью и смелостью, о чем говорилось прежде; тогда же захватил он и Тверь, и Вятку, и Рязань. И все русские князья вынуждены были служить ему. И правил он один всеми русскими землями и многие города своей державы, которыми завладел князь Гедимин, отвоевал у польского короля. И утвердил он великую власть над Русской державой, и с того времени стал называть себя великим самодержавным князем московским.

Через девять лет после взятия Великого Новгорода, а после тверского похода через два года послал он на Казанское царство, чтобы отомстить за бесчестие и позор своего отца, воевод своих со многими воинами: князя Данилу Холмского и князя Александра Оболенского с большим войском. И встретил их казанский царь, старый Алехам, со своими людьми на реке Свияге. И когда произошел между ними решающий бой, помогли бог и пречистая богородица московским воеводам, и побили они тогда многих казанцев, и мало их живых в Казань убежало. И не успели казанцы запереться в городе, как живым был схвачен сам царь Алехам. И, войдя с ним в город, схватили русские мать его, и царицу, и двух братьев его и отвели их в Москву. Остальных же казанцев подчинили Московскому царству и сделали данниками.

И заточил великий князь царя Алехама с царицею его в Вологде, мать же царя с двумя царевичами ее заточил на Белом озере. Там, в заточении, и умерли царь, мать его и брат царя — царевич Малендар. Другой же царевич остался жив: великий князь освободил его из темницы, крестил и выдал за него замуж свою дочь.

Так во второй раз от основания ее была взята Москвою Казань в лето 6995 (1487), девятого июля, в день памяти священномученика Панкратия.

И посадил великий князь Иван Васильевич править в Казани служившего ему царя Махмет-Амина Ибеговича, некогда приехавшего в Москву из Казани с братом своим Абделятифом служить великому князю. И был дан ему во владение город Кашира,

другому же брату иныя грады. Отъѣхаста убо тыя царевичи от болшаго брата своего Алехама, царя казанъского роскоторавшеся о нѣкоей вещи, не стерпѣвше от него обиды многия. Они же подняша великаго князя Казань взяти, да не царствуетъ на Казани братъ единъ, смѣяся и досаждая.

И по лѣтех же живша и умроста на Москвѣ оба царевича: Авделети въ срацынской вѣре своей, а другий же — изведеный ис темницы и в вѣру христову крещение восприем и нареченъ бысть Петръ царевич, иже и зять бысть великаго князя.

Той же царь Махмет-Амин сяде на царствѣ и взя сноху свою за себе, брата своего царицу, *Алехамову* жену болшую, по прошению его у великого князя из заточения ис темницы с Вологды, мужу же ея *Алехаму* царю умершу в заточении, и люба ему бысть велми братня жена.

И нача она помалу, яко огнь разжигати сухия дрова и яко червь точить сладкое древо, и яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охапившися о выи, и шептати во уши царю день и нощь, да отложится от великаго князя и да не словетъ казанский царь раб его во всѣхъ земляхъ, да не срамъ будетъ и уничижение всѣмъ царемъ, и всю русь да побиетъ, живущую в Казани, и корень ихъ изведетъ изо всего царства своего: «И аще сия сотвориши, и много лѣтъ царствовати имаши на Казани, аще ли сего не сотвориши, вскорѣ бесчестием и поруганием сведенъ будеши съ царства, якоже и братъ твой Алехамъ царь, и умреши тако же в заточении в темницѣ».

И всегдашняя капля дождевная и жестокий камень пробиваетъ вскорѣ, а лщение женское снѣдаетъ премудрыя человеки. И много крѣпився царь, и прелстися от злыя жены своея и послуша проклятаго совѣта ея, окаянный. О безумию его! Измени великому князю московскому, нареченному отцу своему, и присѣче купцовъ рускихъ богатыхъ и всю русь, живущую в Казани и во всѣх улусехъ з женами и з дѣтми в лѣта 7013 года на Рождество Иоанна Предтечи.

На той бо день съѣзжахуся в Казань изо всеа земли Руския богатыя купцы далния, и торговаху казанцы с русью великими драгими товары, невѣдушимъ рускимъ людем сея бѣды на себя никако же и без опасения всякого живущим, и надѣющимъся яко на своего царя, и не бояшася его. И аще бы вѣдали сие, то бы не подклонилися под мечь, мочно было всякому мала попротивитися варваромъ или нѣкако избѣгнути ино.

Вездѣ превзыде вифлиомский плачь: тамо бо младенцы закалаху, отцы же и матери ихъ з болѣзнию души оставахуся, здѣ же состарѣвшиися мужи и жены, и юношы младыя, и красныя отроковицы, и младенцы вкупѣ убивахуся.

второму же брату — другие города. Уехали те царевичи от старшего своего брата — казанского царя Алехама, из-за чего-то поссорившись с ним, не стерпев причиненных им многих обид. Они-то и подговорили великого князя взять Казань, дабы брат их не царствовал в Казани один, насмехаясь над ними и досаждая им.

И, пожив некоторое время в Москве, умерли там два царевича: Абделятиф — в сарацинской своей вере, второй же — тот, что освобожден был из темницы и наречен при крещении Петром царевичем, а потом стал зятем великого князя.

Царь же Махмет-Амин начал править в Казани и взял себе в жены, испросив разрешения у великого князя, свою сноху, старшую жену брата своего Алехама, что жила в Вологде в заточении, ибо очень люба ему была братова жена, муж же ее — царь Алехам — умер в заточении.

И начала она понемногу, так же, как огонь разжигает сухие дрова или червь точит сладкое дерево, подстрекаемая царскими вельможами, словно лукавая змея, обвившись вокруг шеи, день и ночь нашептывать на ухо царю, чтобы изменил он великому князю, и перебил всех русских людей, живущих в Казани, и род русский уничтожил во всем царстве своем — да не слывет казанский царь рабом его во всех землях и да не будет позора и унижения всем казанским царям, говоря ему так: «Если совершишь это, много лет будешь царствовать в Казани, если же не сделаешь так, то вскоре с бесчестием и поруганием лишен будешь царства своего, как и брат твой, царь Алехам, и умрешь, как он, в заточении, в темнице».

Как дождевая капля пробивает вскоре твердый камень, так лесть женская подтачивает мудрых людей. Потому и царь, хоть и долго крепился, прельщен был все же женой своей и послушал, окаянный, проклятого ее совета. О безумный! Изменил он великому князю московскому, нареченному отцу своему, и перебил богатых русских купцов и всю русь, живущую в Казани и во всех казанских улусах, с женами и с детьми, в лето 7013 (1505) на Рождество Иоанна Предтечи.

В тот день съехались в Казань изо всех дальних мест богатые русские купцы, и торговали казанцы с русью дорогими товарами, ибо не знали русские люди о грозящей им беде и без всякого опасения жили в Казани, надеясь, как на своего, на казанского царя и не боясь его. Если бы знали они о предстоящем, то не склонились бы они под меч — каждый смог бы оказать сопротивление варварам и попытаться избегнуть смерти.

И поднялся везде вифлеемский плач: там убивали младенцев, отцы же и матери их оставались жить с болью в сердце; здесь же все вместе погибали: старики и старухи, юноши, прекрасные отроковицы и младенцы.

И взя царь весь драгий товаръ и безчисленое богатство у купцовъ в казну свою и насыпа полну полату злата и сребра рускаго до верху, и подѣла от того себѣ вѣнцы драгия и сосуды, и блюда серебреныя и златыя и весь царьский нарядъ устроивъ. И от тѣхъ мѣстъ не ядяше от котловъ и опаницъ, яко песъ ис корыта, но из сребреныхъ сосудовъ и златыхъ с велможами своими на пирѣхъ своихъ ядяше и веселяшеся без числа.

И казанцы много разграбиша по себѣ и обогатѣша, яко к тому не ходити имъ во овчиихъ кожахъ ошившися, но в красныхъ ризахъ и в зеленыхъ, и в багряныхъ одѣявшеся щапствовати пред катунами своими, яко во цвѣтех полстихъ различно крася-хуся, другъ друга краснѣе и пестрѣе.

Бысть же тогда Казань за великимъ князем седмь на десятъ лѣт.

О ПРИХОДЕ МАХМЕТЬ-АМИНЯ, ЦАРЯ КАЗАНСКОГО, К НИЖНОМУ НОВУ ГРАДУ, И О ПАДЕНИИ ВОЙСКА ЕГО У ГРАДА, И О СТРАСѢ МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ, И О СМЕРТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИОАННА. ГЛАВА 13

И еще не удоволися казанский царь богатством руских людей взятыхъ в Казани, ниже крови ихъ напися, текущия рѣками, но болшею яростию, свирѣпый, разжегъся. И собрався с казанцы своими, и призвавъ к себѣ на помощъ 20 000 нагай к тому, и воюя християнство и убивая, и прииде к Нижнему Нову граду, еже хотѣ взяти его, и пожже около града всѣ посады. И стояше у града тридесять дней и по вся дни приступая к нему.

Воевода же бѣ тогда во градѣ Хабар Симский, и мало бысть во граде с нимъ бойцовъ, токмо народъ градский — страшливыя люди, не успѣша бо к нему съ Москвы на помощъ приити, занеже вскорѣ безвѣстно пришел царь. И мало града не взялъ, аще не бы во граде богъ прилучилъ огненыя литовския ратобои, рекомыя желныри.

Тии бо быша на бою, когда побилъ литовскую силу на Ведроши храбрый воевода московский князь Данило, прозвищемъ Щеня, и 12 воеводъ великих изыма, с ними же приведены тѣ желныре стрелцы. И тѣхъ заточили в Нижнемъ Великомъ Новѣ городе, в темнице сѣдяху.

Аще и мало ихъ числом бѣ, точию триста человѣкъ оставшихся живыхъ, изомроша бо мнози, в темницахъ сѣдяще, но превзыдоша храбростию многочисленых и побиша многихъ казанцовъ. И многоогненым стреляниемъ своимъ и градъ от взятия удержаша, и християнский народ от меча и от плена избавиша. Застрелиша же шурина царева, мурзу нагайского, приведе бо воинство свое в помощъ царю. Бѣста бо стояща со царем за нѣкою церковию християнскою, думающе

И отобрал царь у купцов в казну свою весь дорогой товар и несметные богатства, и полную палату русского золота и серебра до самого верха насыпал, и изготовил из него себе венцы, и сосуды, и блюда серебряные и золотые, и весь свой царский наряд. И с того времени не ел он больше из котлов и плошек, словно пес из корыта, но из серебряных и золотых сосудов вкушал с вельможами своими, веселясь на бесчисленных своих пирах.

И простые казанцы много богатств набрали себе тогда и разбогатели, после чего перестали они ходить в овечьих шубах, но, одевшись в красивые одежды — и в зеленые, и в красные,— стали они щеголять перед женами своими, всячески красуясь, словно цветы полевые, друг друга красивее и пестрее.

И оставалась тогда Казань под властью великого князя семнадцать лет.

О ПРИХОДЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА К НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ, И О ПАДЕНИИ У ГОРОДА ЕГО ВОЙСКА, И О СТРАХЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД, И О СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА. ГЛАВА 13

Но не насытился еще царь богатством русских людей, схваченных в Казани, и кровью их, текущей реками, не напился, но еще больше, свирепый, разжегся яростью. И собрал он казанцев своих, и призвал к себе на помощь двадцать тысяч ногаев, и, нападая на христиан и убивая их, подошел он к Нижнему Новгороду, вознамерившись взять его, и пожег около города все посады. И стоял он у города тридцать дней, ежедневно штурмуя городские стены.

Воеводой же тогда был в городе Хабар Симский, и мало было при нем в городе бойцов, только горожане — пугливые люди, так как не успела подойти к нему помощь из Москвы, ибо внезапно и тайно подошел царь к городу. И если бы, по божьей воле, не оказалось в городе литовских стрелков, называемых жолнерами, то взял бы он город.

Стрелки эти принимали участие в бою на Ведроши, когда храбрый московский князь Данила, по прозвищу Щеня, побил литовскую силу и взял в плен двенадцать знатных воевод, с которыми и приведены были те жолнеры — стрелки. И были они заточены в великом Нижнем Новгороде в темницу.

Хоть и мало было их числом — всего триста человек, оставшихся в живых, ибо многие из них умерли, пока сидели в темнице,— но превзошли они храбростью многочисленных казанцев и побили многих из них. И своей сильной орудийной стрельбой предотвратили они взятие города и избавили христианский народ от меча и от плена. Они же застрелили и шурина царя, ногайского мурзу, который привел своих воинов на помощь царю. Стоял он вместе с царем, укрывшись за некою христианской церковью, думая

о взятии града и понужающе воинство свое к приступу. И прилетѣ ядро, и удари его по персемъ, и вниде ему в сердце, и пройде сквозѣ, и ста. И тако изчезе нечестивый. И возмутишася нагаи, яко птичия стада вожда своего изгубиша. И бысть брань между ими великая, и почаша сѣщися с казанцы по своемъ господине, и много у града паде обоих. Царь же едва устави мятеж воинства своего, и убоявся, и от града отступи, и побѣжа к Казани, и многа зла християнству учини.

И за сие великое добро свобожени быша от одержания желныри воеводою. И одаривъ ихъ, отпусти. Они же радостни поидоша восвояси, свободишася горкия смертныя темницы.

Московския же воеводы, пришедше, в Муроме стояху готовы, с ними же сто тысящъ войска, посланы великимъ княземъ прихода ради царева, не дати ему воли воевати Руския земли. Они же паче себе брежаху, а не земли своея, великим страхомъ объяти бывше, безумнии, и бояхуся, и трепетаху из града изыти. Толику силу имуще, нимало въстрѣтиша царя, а со царемъ бѣ толко шездесят тысящъ рати. Казанцы же неподалеку от нихъ хожаху по мѣстомъ, насмѣхающеся имъ, и воеваху, и християнъ губяху, и великая села огнемъ пожигаху.

Умре же князь великий Иоаннъ Васильевичь в борзе по измѣне казанской, на другое лѣто, не успѣ за живота своего управитися со царемъ казанским. И приказа по себѣ царство свое Московское сыну своему Василию Ивановичю.

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХЪ ВОЕВОДЪ Х КАЗАНИ И О ПАДЕНИИ ВОЙ У ГРАДА. ГЛАВА 14

Великий же князь Василей Иванович, хотя отомстити измѣну измѣннику — своему рабу, казанскому Махметъ-Аминю, и паки у него взяти Казань, и посла в себе мѣсто брата своего князя Дмитрея Углецкаго, Жилку по реклому, и князей, и воеводъ с нимъ со многими вои рускими х Казани полемъ по суху на конех и Волгою в ладияхъ в лѣто 7016-го года.

И егда пришедшимъ воемъ рускимъ к Казани и первое даде имъ богъ побѣду на казанцовъ. Потом же — охъ, увы намъ! — разгнѣвася на насъ господь и побѣжени быша християне от поганых, и поби ихъ казанский царь, изшедъ, обоя войска руская, конная и плавныя, великою лестию нѣкоею.

На великомъ бо лугу и на Арском поле около града поставляше царь до тысящи шатровъ на праздники своя, и велможы его в них же корчемъствоваше, пияше с ними и всякими потѣшенми царьскими веселяшеся, честь *празнику своему* творяше. Такоже и гражане, мужи з женами и з дѣтми, гуляюще по нихъ, пияху в корчемницахъ царевыхъ, купяше на

о взятии города и понуждая своих воинов идти на штурм. И прилетело ядро, и ударило его в грудь, и поразило его в сердце, и, пройдя его насквозь, остановилось. Так и погиб нечестивый. И пришли ногаи в смятение, словно птичьи стаи, потеряв своего вожака. И началась между ними великая брань, и начали ногаи после смерти своего господина биться с казанцами, и много пало у города тех и других. Царь же едва подавил мятеж воинства своего, и испугался он, и побежал к Казани, и много зла причинил христианам.

И за большую их помощь были освобождены жолнеры воеводою из плена. И, одарив, отпустил он их. Они же, радостные, отправились к себе домой, освободившись из горькой смертной темницы.

Московские же воеводы, посланные великим князем, когда царь пришел на Русь, чтобы не дать ему разорять русские земли, со стотысячным войском стояли в это время наготове в Муроме. Но они больше себя берегли, чем свою землю: в страхе и трепете, безумные, боялись они выйти из города. Имея такую силу, они и не подумали встретить царя, а с царем всего-то и было шестьдесят тысяч войска. Казанцы же неподалеку от них ходили, насмехаясь над ними, грабили и губили христиан и огню предавали большие села.

Вскоре же после измены казанцев, на второй год, умер великий князь Иван Васильевич, не успев при жизни своей справиться с казанским царем. И передал он по наследству царство свое Московское своему сыну Василию Ивановичу.

О ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ И О ГИБЕЛИ ВОИНОВ У ГОРОДА. ГЛАВА 14

Великий же князь Василий Иванович, желая отомстить за измену изменнику — рабу своему, казанскому Махмет-Амину, и снова отобрать у него Казань, послал к Казани вместо себя своего брата — князя Дмитрия Углицкого, по прозвищу Жилка, с князьями, воеводами и со множеством русских воинов: полем по суше — на конях и Волгою — в ладьях в году 7016 (1508).

И когда пришли русские воины к Казани, то сначала даровал им бог победу над казанцами. Потом же — ох, увы нам! — разгневался на нас господь, и побеждены были христиане погаными, и разбил казанский царь, выйдя из города, оба русские войска, конницу и судовую рать, прибегнув к некой хитрости.

На большом лугу и на Арском поле около города царем было поставлено для праздничных увеселений до тысячи шатров, в которых пировали его вельможи и сам он с ними пил и веселил себя различными царскими потехами, отдавая честь празднику. Так же и горожане, мужья с женами своими и с детьми, гуляя после них, пили вино в царских корчемницах, покупая его за

цену и прохлажахуся. Многу же народу и черемисы збирахуся на празники тѣ с рухлом своимъ из далных улусовъ и торговаху з градскими людми, продающе и купующе, и мѣняюще.

И в тѣх корчемницахъ пиющим и веселящимся царю и велможамъ, и всему люду казанскому, и не вѣдущим на себя ничего, и внезапу на праздникъ, аки съ небеси, падоша на казанцов предивная руская воинства и всѣх варваръ избиша, иныъ же плениша, а иные же во градъ за царемъ убѣжаша, инии же в лѣса — и коиждо ихъ како бы избыти. От великия тѣсноты во граде задыхахуся и задавляхуся людие, и аще бы едину три дни руская воинства стояли у града, то бы взяли градъ Казань волею и без нужы.

И осташася на лузѣ стоящи всѣ царевы *шатры, таже и* катарги и велмож его со многимъ ядениемъ и питиемъ и со всяким рухломъ. Вои же рустии от путнаго шествия нужнаго, уже аки взявше Казань, и оставя дѣло божие, и уклонишася на дѣла дияволская от высокоумия и бѣзумия ихъ, богу тако извольшу, и начаху ясти без страха и упиватися без воздержания сквернымъ ядениемъ и питием варварским, глумитися и играти, и спати, аки мертвы, до полудне. Царь же из стрѣлницы града зряше с казанцы бесчинство рускихъ воинъствъ и безумнаго шатания ихъ и узна ихъ быти пияных и всѣх от мала и до велика, яко и до самых воеводъ, и помышляше, и времени подобна искаше, когда напасти на них, еже погубити я.

И разгневася господь на руских вой, отъят от них храбрость и мужество и даде поганымъ храбрость и мужество. Охъ увы! В третий же день пришествиа руския силы к Казани во вторый часъ дни отвориша врата граду, и выѣхавъ царь зъ двадцетию тысящъ конныхъ, а тритцать тысячь пѣшихъ — черемисы злыя, да не сотворитъ зла ничто же, но токмо самъ на волю да убѣжитъ и не взятъ будет в плѣнъ, яко же выше рѣх. И нападе на полки руския, и смятошася полцы. Изби я и своя вся отпленивъ, всѣм пияным и спящим, и храбрыя ихъ сердца бес помощи божии быша мяхка, яко и женскихъ сердецъ слабѣйши.

И пояде мечь толикое воинство: клас несозрѣлых — юношъ и средовѣчных муж, покры земное лице трупием человеческим, и поле Орское и Царевъ лугъ кровию очервленишася. Едва сами воеводы болшия от смерти убѣгнути возмогоша. Инѣх же побиша, а инии на Русь прибѣгоша с великою тщетою, много язвеных имуще. Воевод же тогда великих пять убиша: трех князей ярославских, князя Александра Пѣнкова, да князя Михаила Курбьскаго, Карамыша, з братом его с Романом, да Федора Киселева; Дмитрея Шеина жива н бою взяша, и замучи его царь в Казани зѣло горкими муками.

деньги и прохлаждаясь. Много народа и черемисов собиралось на те праздники с товаром своим из дальних улусов, и торговали они с горожанами, продавая, покупая и меняя.

И когда царь, вельможи его и все казанские люди пили и веселились в тех корчемницах, ничего не подозревая, внезапно среди праздника, словно с неба, ринулось на казанцев русское доблестное воинство и всех варваров перебило, некоторые же были взяты в плен, другие же вслед за царем убежали в город, иные же — в леса,— каждый спасался, кто как мог. От большой тесноты люди в городе задыхались и давили друг друга, и если бы еще дня три русское воинство постояло у города, то взяли бы они Казань без боя и без труда.

И остались стоять на лугу все царские шатры и обозы его вельмож с богатой закуской и вином и со всякой одеждой. Русские же воины после трудного похода, возомнив, что они уже взяли Казань, оставили дело божие и уклонились из-за высокоумия своего и безумия на дела дьявольские,— ибо так было угодно богу,— начали объедаться без страха и упиваться без удержу скверной едой и вином варварским, веселиться, и забавляться, и спать мертвым сном до полудня. Царь же из бойниц в городских стенах наблюдал вместе с казанцами бесчинства русских воинов и их безумное веселие и когда увидел, что все русские пьяны от мала до велика, в том числе и воеводы, стал думать, как бы выбрать поудобнее время, чтобы напасть на них и всех погубить.

Разгневался тогда господь на русских воинов, отнял у них храбрость и мужество и отдал их храбрость и мужество поганым. Ох, увы! На третий день после прихода русской силы к Казани во второй час дня отворились городские ворота и выехал царь с двадцатью тысячами всадников и тридцатью тысячами пеших — злой черемисы, намереваясь, не причинив зла, лишь вырваться на свободу и убежать, дабы не попасть в плен, как говорил я раньше. И напал он на русские полки, и пришли полки в смятение. И поскольку русские были все пьяны и спали и храбрые их сердца без божьей помощи размякли и стали слабее женских сердец, перебил он их всех и освободил своих пленников.

И поглотил меч многочисленное воинство: юношей — колосьев несозревших и мужчин во цвете лет, покрыл лицо земли человеческими трупами, и поле Арское, и Царев луг обагрились кровью. Едва сами большие воеводы смогли избегнуть смерти. Иных же побили, другие прибежали на Русь с большими потерями, имея много раненых. Великих воевод тогда убили пять: трех князей ярославских — князя Ярослава Пенкова и князя Михаила Курбского Карамыша с братом его Романом да Федора Киселева; Дмитрия же Шеина живым взяли во время боя, и замучил его царь в Казани горчайшими муками.

И от 100 000 осташася толко руских людей 6 000 разгнаных: овѣх убо мечем поразиша, инии же сами в водах истопоша, бѣгающе от страха варварскаго. И Волга утопшими людми загрязе, и езеро Кабан, и обѣ рѣки — Булак и Казанка — наполнишася побитыми тѣлесы християнскими. И тѣче вода по три дни с кровию, и сверхъ людей лзя *было* казанцомъ ходити и ѣздити, аки по мосту. И велик бысть от тѣх мѣстъ плач на Руси, паче того, еже бысть плач о прежнихъ побитых в Казани живущия Руси. Понеже бо ту падоша воинския главы избранныя, княжие и боярские, и храбрых воевод и воинъ главы и тѣла, яко же и на Дону от Мамая.

И тогда много зѣло казанский и велми царь Махмет-Аминь обогатися всяцем узорочьем и безчисленными драгими златом и сребром, и конъми, и доспѣхи, и оружием, и полоном. Или кто может дати число тому, ли смѣтити или счесть, еже царь тогда взял с казанцы своими! И ту учини гору златую.

Но не долсий живот ему протяжеся, и умалишася дние его, и въскорѣ господь скрати вѣкъ его. И испиваетъ чашю божия отмщения.

О *ПРОКАЗѢ* ЦАРЕВѢ МАХМЕТ-АМИНЕВѢ, И О ПОКАЯНИИ ЕГО, И О ПОСЛАНИИ З ДАРЫ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О СМЕРТИ ТОГО ЦАРЯ. ГЛАВА 15

И за сие преступление порази его богъ язвою неизцелною от главы и до ногу его. Люте боляше три лѣта, на одрѣ лежа, весь кипя гноемъ и червьми.

Врачеве же и волхвы не возмогоша от язвы тоя исцелити. Но нихто к нему в ложницу не вхождаше посетити его: но ни та царица, прелстившая его, ни болшия его рядцы, смрада ради злаго, изходящаго от него. И вси смерти ему чаяху, не токмо тии, вхожаху к нему же и неволею, царица кормити пристави к нему. Но и тии скоро избѣгаху от поту лица его, и ноздри свои заемшии.

И воспомяну царь согрѣшение свое, глаголя в себѣ, яко: «Бысть мнѣ неисцелѣнъ недугъ сей за неправду мою и измѣну, и за клятвопреступление, и за напрасное и неповинное многое кровопролитие христианъское, и за великую любовь и честь, бывшую ми на Москвѣ от названаго отца своего и от великаго князя Иоанна Васильевича. Въскорми бо мя и воспита мя от руки своея, не яко господинъ раба, но яко чадолюбивый отецъ любя чадо свое, или, реку, волчие щеня по злонравию моему. Взяв бо Казань у брата моего великим подвигом и трудом и мнѣ предаде на брежение, злому сѣмяни варварскому, яко вѣрному чаду своему, аз же, злый раб его, варваръ, солгахъ ему во всем, страшныя ему клятвы преступихъ, от лестных словесъ, оболстившихъ мя,

И от ста тысяч русских людей осталось, разогнанных, только шесть тысяч: одни были мечом поражены, другие сами в воде потонули, убегая в страхе от варваров. И была Волга переполнена утонувшими людьми, и озеро Кабан, и обе реки — Булак и Казанка — наполнились телами убитых христиан. И три дня текла вода с кровью, и можно было казанцам ходить и ездить по трупам, как по мосту. И стоял тогда великий плач на Руси, громче того плача, который был по прежде перебитым в Казани русским людям. Ибо пали здесь избранные воинские головы, княжеские и боярские, и храбрых воевод и воинов головы и тела, так же как и на Дону от Мамая.

И сильно тогда обогатился казанский царь Махмет-Амин различными сокровищами и бесчисленными дорогими золотыми и серебряными вещами, и лошадьми, и доспехами, и оружием, и пленниками. И кто может назвать число, или перечислить, или подсчитать, сколько всего захватил тогда царь с казанцами своими? И насыпал он из захваченного золотую гору.

Но недолго продлилась его жизнь, и укоротились дни его, и вскоре господь сократил век его. И испивает он чашу божьего мщения.

О ПРОКАЗЕ ЦАРЯ МАХМЕТ-АМИНА, И О ПОКАЯНИИ ЕГО, И О ПОСЛАНИИ С ДАРАМИ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О СМЕРТИ ТОГО ЦАРЯ. ГЛАВА 15

И за это преступление поразил его бог неизлечимой язвой с головы до ног. Тяжело болел он три года, лежа на постели, весь кипя гноем и червями.

Врачи же и волхвы не смогли от болезни той исцелить его. И никто не входил к нему в спальню навестить его из-за смрада, исходящего от него: ни царица, прельстившая его, ни главные его советники. И все желали ему смерти — не только те, кто вынуждены были входить к нему, приставленные царицей кормить его. Но и те убегали вскоре, зажав ноздри от зловонного пота его.

И вспомнил царь о своем согрешении, и рассуждал про себя так: «Послан мне неизлечимый недуг этот за неправду мою и измену, и за нарушение клятвы, и за напрасно и невинно пролитую христианскую кровь. И за ту великую любовь и честь, которую оказал мне в Москве названый отец мой и великий князь Иван Васильевич — ведь он вскормил меня и воспитал в доме своем не как господин раба, но как чадолюбивый отец любимое свое дитя, я же скажу — волчонка, по злому нраву моему; ведь захватив в кровопролитном и тяжком сражении Казань у брата моего, передал он ее на сохранение мне, злому семени варварскому, как верному сыну своему, а я, злой раб его, варвар, солгал ему во всем, нарушил данные ему страшные клятвы, послушался льстивых слов жены моей, соблазнивших меня,

жены моея послушахъ и во благоденства мѣсто злая воздахъ ему! И убиваетъ мя руский богъ его ради. О горе мнѣ, окаянному! Погибаю, и все злато и сребро, и царьския вѣнцы, и златотворныя одежды, и многоценныя постели царския, и красныя мои жены, и предстоящыя ми отроки младыя, и добрыя кони, и величание, и честь, и дани многие, и все мое безчисленое богатство, и вся моя драгая царская узорочья оставляются инѣм по мнѣ! Аз же, поганый, токмо в суе тружахъся без ума, и нѣсть ми нынѣ ползы ни от жены-змии, прелстившия мя, ни от множества силы моея, ни от братства моего — вся бо изчезоша, яко прахъ от вѣтра».

И посла к Москвѣ послы своя к великому князю Василию Ивановичю. С ними же посла к нему и царския дары свои: триста коней добрых, на них же самъ яждяше, когда бѣ еще здрав, в сѣдлѣх и в уздахъ златыхъ, и на коврѣхъ червленыхъ; мечь и копие свое, и щитъ, и лукъ, и тулъ со стрѣлами, яко да тѣмъ Казань одолѣваетъ; и красный свой шатер драгий, ему же велицыи купцы заморстии не возмогоша цены уставити и дивяшеся хитрости его, глаголюще, яко: «Нѣсть в наших заморских странахъ, во всѣх землях фряскихъ узорочия такова, ни слышено и ни видено ни у коегождо царя или у кроля, токмо тоя земли у царя, гдѣ сотворяютъ»,— с различными узоры красными срацынскими, весь изшитъ златомъ и сребром и усаженъ по мѣстомъ жемчюгомъ и камением драгимъ, *и соха шатерная — морская* трость, двѣ пяди толщина, драгою мусиею изписано красно, яко не мочно назрѣтися до сыти никому же. И еще сказати нѣсть лзѣ, каковъ есть онъ хитростию и ценою; златом и сребромъ не мочно купити его, аще не плѣномъ взятъ будетъ нѣкако или такоже в дарѣхъ посланъ; прехитръ бѣ видѣнием и премудростию великою устроенъ. Прислан бо той шатеръ казанскому царю в дарѣх от царя вавилонскаго и кизылбашского.

Той же иныя вещи нѣкия драгия присла казанский царь к великому князю, братом и господиномъ зовя его и прощения прося о грѣсе своемъ, еже сотвори ко отцу его и к нему, сводя с себе измѣну и Казань преда ему. «Аз,— рече,— умираю», веля ему прислати на мѣсто свое царя или воеводу, вѣрнаго себѣ, не лестна, да не таково же сотворитъ зло.

И Махметь-Аминь житие свое скончавъ, живъ червьми снеденъ бысть, яко дѣтоубийца Иродъ, не исцелѣвъ от врачевъ, и отъиде в вѣчный огнь равно мучитися с нимъ. Тако же и царица та, прелстившая его, борзо по немъ того же месяца с печали умре и от совѣсти своея, бо дома смертнаго зелия вкусивъ. И се богъ преступающим клятву воздает.

и вместо благодарности заплатил ему злом! И теперь за него убивает меня русский бог. О, горе мне, окаянному! Погибаю я, и все золото и серебро, и царские венцы, и шитые золотом одежды, и многоценные постели царские, и прекрасные мои жены, и служащие мне молодые отроки, и добрые кони, и слава, и честь, и многие дани, и все мое несметное богатство, и все мои бесценные царские сокровища остаются после меня другим! Я же, поганый, всуе трудился без ума, и нет мне сейчас пользы ни от жены — змеи, прельстившей меня, ни от сильного войска моего, ни от родни моей — ибо все это исчезло, словно прах от ветра».

И послал он в Москву послов своих к великому князю Василию Ивановичу. С ними же послал к нему и царские свои дары: триста добрых коней, на которых сам ездил, когда был еще здоров, в седлах и в золотых уздечках, покрытых красными попонами; меч и копье свое, и щит, и лук, и колчан со стрелами,— чтобы с их помощью одолевал он Казань, и прекрасный свой дорогой шатер, которому богатые заморские купцы не могли установить цены и удивлялись замысловатости его, говоря: «Нет в наших заморских странах, во всех фряжских землях такой драгоценной вещи, не слышали о ней и не видели ни у одного царя или короля, только у царя той земли, где их делают»,— с различными прекрасными узорами сарацинскими, весь он расшит золотом и серебром и усыпан жемчугом и дорогими каменьями, и столб шатерный, из морского дерева двух пядей в толщину, красиво украшен дорогой мозаикой, так что невозможно никому досыта насмотреться. И невозможно передать словами, как искусно он сделан и сколько он стоит: нельзя купить его ни за золото, ни за серебро, разве только захватить в плен или получить в подарок,— такой он замысловатый с виду и с большим умом изготовленный. Прислан же был тот шатер казанскому царю в дар от царя вавилонского и кизилбашского.

Прислал казанский царь и иные дорогие подарки великому князю, братом и господином величая его и прося прощения за грех свой перед отцом его и перед ним, каясь в своей измене и отдавая ему в руки Казань. «Я,— сказал,— умираю», и велел он ему прислать на свое место царя или воеводу, который был бы ему верен, нелицемерного — дабы не сотворил такое же зло.

И окончил Махмет-Амин свою жизнь, заживо съеденный червями, как детоубийца Ирод, не вылеченный врачами, и отошел, как и тот, мучиться в вечном огне. Вместе с ним и царица та, прельстившая его, вскоре после его смерти, в том же месяце, от печали умерла, ибо, мучимая совестью, выпила дома смертельного зелья. Так воздает бог тем, кто нарушает клятву.

О СМИРЕНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ С КАЗАНЦЫ И О ПОСЛАНИИ НА ЦАРСТВО В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛИА. ГЛАВА 16

И умилися великий князь о прощении царя того, и забы зло его все, и прости его во всемъ, и безцѣнныя дары его в великую честь и любовь приятъ, и противъ послы казанския одари, и смирися с ними в мѣсто всѣх казанцовъ. И повѣри паки ложной ихъ клятве и обѣщанию их лестному, вдаде имъ на царство по прошению ихъ служимаго своего царя Шигалея Шахъяровича Касимовскаго, забывъ бывшее дващи великое побиение християнское в Казани, не возвратна бо есть вещъ и людей сѣченых не воскресити.

Царь же Шигалей вшед в Казань с московскимъ воинством и с воеводою — съ Федором Карповымъ, и со князи, и с мурзы своими и держа царство, три лѣта мирно владѣя Казанью. И казанцы много жити не любляху въ смирении без мятежа с великим княземъ и начаша прелщати царя своего Шигалия, веляще ему такоже от великаго князя отступити и измѣнити, яко же выше реченный царь прежний, Махмет-Аминь прокаженный, сотвори. «Да владѣеши ты единъ,— рекоша,— Казанью всею, намъ всѣм будеши ты единъ волный царь. Нам бо нынѣ невѣдущим, у коего царя служити и боятися и коему царю покарятися, два царя имущим, и не вѣмы, от коего царя чести искати и даровъ восприяти и управление людем. Да единаго лучьше возлюбити всѣм сердцемъ нелестнѣ,— рекоша,— другаго же возненавидѣти».

Царь же Шигалий никакоже уклонися к лестным словесем ихъ, ни послуша ихъ лукавая, глаголющих ему, но всѣх болшихъ князей и мурзъ в темницу заключи, иных же казни смертней предаде. И возненавидѣша его всѣ казанцы, велможи и простии.

И втай от него совѣщавшеся, пославше нѣкихъ своих в Крым ко царю Менди-Гирею, и оттуду приведоша царя себѣ, испросивше у него сына меншаго, именем Сап-Кирея. И приидоша с ним в Казань многие крымские уланове и князи, и мурзы, и посадиша его на царство на Шигалѣево мѣсто.

И восташа казанцы паки на християны с новым царемъ Сап-Киреем. И в третие всю русь присѣкоша в Казани, при царе Шигалее в третие лѣто, прибивше служащих ему варваръ, 5 000 убиша. И царскую его казну всю взяша, злато и сребро, и многоценные *ризы* его, и оружие, и кони, и воеводы московскаго дом разграбиша, и отрок его тысячю убиша. Едва же токмо Шихалея и воеводу у казанцов упросиша. Царь Сап-Кирей пощади царскаго ради сѣмене и юности ради, и благородства, еже в нем великаго разума. Бѣ бо царь Шигалей по роду от великих царей

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ МИРА С КАЗАНЦАМИ И О ПОСЛАНИИ НА ЦАРСТВО В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ. ГЛАВА 16

И умилился великий князь оттого, что казанский царь попросил у него прощения, и забыл все его зло, и простил его во всем, и бесценные его дары с великой честью и любовью принял, и сам одарил казанских послов, и помирился через них со всеми казанцами. И поверил он снова ложной их клятве и лицемерному их обещанию, дав на царство по их прошению находившегося у него на службе царя Шигалея Шахъяровича Касимовского, забыв о дважды бывшем великом избиении христиан в Казани, решив, что нельзя возвратить минувшего и погибших людей не воскресить.

Царь же Шигалей, придя в Казань с московским воинством и с воеводою — с Федором Карповым, и с князьями, и с мурзами своими, правил царством, три года мирно владея Казанью. Но казанцы не любили долго жить в мире с великим князем, без мятежа, и начали они прельщать царя своего Шигалея, заставляя его отступить от великого князя и изменить ему, как сделал это упомянутый выше прежний царь — прокаженный Махмет-Амин. «Владей один,— говорили они,— всей Казанью, будешь ты всем нам один вольный царь. Ведь не знаем мы сейчас, какому царю служить, кого бояться и какому царю покоряться, так как два у нас царя, и не знаем мы, у какого царя чести искать и даров просить и власти над людьми. Лучше одного без обмана полюбить всем сердцем,— говорили они,— другого же возненавидеть».

Царь же Шигалей не склонился на льстивые их речи, не послушал лукавых слов, которые говорились ему, но всех знатных князей и мурз заключил в темницу, других же предал смертной казни. И возненавидели его все казанцы, вельможи и простые люди.

И, втайне от него посовещавшись, послали они своих людей в Крым, к царю Мендигирею, и, испросив у него младшего его сына, привели оттуда себе царя, Сахыб-Гирея по имени. И пришли с ним в Казань многие крымские уланы, и князи, и мурзы и посадили его на царство вместо Шигалея.

И снова восстали казанцы против христиан с новым царем Сахыб-Гиреем. И в третий раз посекли всех русских в Казани — при царе Шигалее, на третий год его царствования, перебив всех служащих ему варваров — пять тысяч их было убито. И царскую его казну всю взяли, золото и серебро, и дорогие одежды его, и оружие, и коней, и разграбили дом московского воеводы, и тысячу отроков его убили. Только Шигалея и воеводу у казанцев выпросили. Царь Сахыб-Гирей пощадил Шигалея из-за его царского происхождения, юности и благородства и большого его ума. Был ведь царь Шигалей родом из великих

и от Златыя Орды, от колѣна Тактамышева, и того ради царь не даде воли казанцем убити его. Испусти его ис Казани токмо с воеводою и с обѣма има отпусти служащаго варвара. И проводиша их в поле чистое нагли во единой ризѣ и на худомъ конѣ.

О ПЕЧАЛИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ О ХРИСТИАНЕХ, В КАЗАНИ ПОБИЕННЫХ, И РАДОСТЬ ЕГО О ШИГАЛИЕВЕ ЖИВОТѢ. ГЛАВА 17

Слышавъ сие князь великий Василей Иванович, и в раскаяние прииде, еже о миру с казанцы, и печаленъ бысть на многи дни, и никому же его могущу утѣшити от великия печали. И многи слезы къ богу проливая, и по многи дни хлѣба не вкушаше, ядения и пития, и плакашеся богу о християнстѣй погибели, еже в Казани. Плакашеся и о царѣ Шигалее, яко той тамо же погибе: зѣло бо любляше его. И мало погодивъ, и се прииде ему вѣсть, сказующе ему жива царя Шигалия, добраго слугу своего вѣрнаго, и близко идуща в поле *чисте нага, яко роженна,* от глада изнемогша и ведуща с собою болши 10 000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге, под горами Дѣвичьими и до Змиева камени и до Увѣка, за тысячю верстъ от Казани. Заѣхавше, тамо живяху все лѣто, на Дѣвичьихъ водахъ ловяху рыбу и в осень возвращахуся на Русь, наловившися и обогатѣвши.

И заслышавше рыболове от царя вѣсть пришедшую про сѣчю в Казани, яко да избѣжатъ к нему немочая оттуду, да не избиени и они будут от казанцовъ. А самъ же дозидашеся ихъ, стоя на мѣсте нѣкоем. Они же лодии свои и мрежы, и рыбы, и всѣ кормовые свои запасы огню и водѣ предаша, а сами поидоша полемъ, не знающе коиждо очи вѣсть, на себѣ токмо *рыбы* носящи едины. И доидоша до царя, гладом изнемогающимъ, мнози же и умроша. И ради быша царю, и царь имъ, *и плакашеся обои о* погибели своея. И поидоша царь и людие вкупѣ ко странамъ рускимъ, питающеся мертвечиною и ягодою полскою, и травою дивиею.

И посла князь великий предстоящих своихъ со многимъ брашномъ и со многими многоценными ризами и повелѣ в полѣ в руских предѣлехъ съ честию срѣтити его. И приходящу ему близ самыя Москвы, и въсрѣтиша царя вси полатнии велможи и боляре московския, из града выѣхаша на поле за посадъ, кланяющеся ему до земли.

Тако же и самъ князь великий от радости не може усѣдѣти в полатѣ своей и, скоро исшедъ, встрѣте его на полатныхъ лѣствицах честно, не яко раба, но яко брата своего и друга любимаго. И охапистася оба, и плакастася много, яко всѣмъ ту предстоящимъ бояромъ и велможамъ плакатися с ними. И вземъ

ханов Золотой Орды, от колена Тохтамышева, поэтому Сахыб-Гирей и не позволил казанцам убить его. Выпустил он его из Казани только с воеводой и с ними отпустил служащего им варвара. И выпроводили их в чистое поле только в одном платье и на плохом коне.

О ПЕЧАЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О ХРИСТИАНАХ, ПЕРЕБИТЫХ В КАЗАНИ, И РАДОСТЬ ЕГО О СПАСЕНИИ ШИГАЛЕЯ. ГЛАВА 17

Услышав обо всем этом, великий князь Василий Иванович раскаялся в том, что заключил мир с казанцами, и много дней пребывал в печали, и никто не мог его утешить в глубокой его печали. И много слез к богу проливая, не притрагивался он по многу дней ни к хлебу, ни к еде, ни к питию, и плакал он, обращаясь к богу, о гибели христиан в Казани. Оплакивал он и царя Шигалея, думая, что и он погиб там же, ибо очень любил его. И немного времени спустя пришла к нему весть, что жив Шигалей, верный и надежный слуга его, и близко идет он в чистом поле, нагой, как новорожденный, изнемогший от голода, и ведет с собою больше десяти тысяч рыболовов московских, ловивших рыбу на Волге, под Девичьими горами, до Змиева камня и до Увека, за тысячу верст от Казани. Заехав туда, они живут там все лето, ловят в Девичьих водах рыбу и осенью возвращаются на Русь, наловив рыбы и разбогатев.

И получили рыболовы от царя Шигалея известие о том, что в Казани перебили русских, и наказ, чтобы они, не медля, бежали со своего места к нему, да не будут и они перебиты казанцами. Сам же он дожидался их, стоя в некоем месте. Они же свои лодки, и сети, и рыбу, и все свои съестные припасы сожгли и утопили в воде, а сами пошли полем, куда глаза глядят, неся на себе только рыбу. И дошли они до царя, изнемогшие от голода, многие же умерли по дороге. И рады они были царю, и царь им, и плакали они вместе о погибели своей. И пошел царь вместе с этими людьми к русским землям, питаясь мертвечиной, и полевой ягодой, и дикой травой.

И послал великий князь своих приближенных с обильной едой и большим количеством дорогой одежды и повелел им в поле на русской границе с честью встретить его. И когда подошел царь к самой Москве, встретили его все палатные вельможи и бояре московские, выехали они из города на поле за посад, кланяясь ему до земли.

Также и сам великий князь от радости не мог усидеть в своей палате и, поспешно выйдя, встретил его с честью на дворцовой лестнице не как раба, но как брата своего и друга любимого. И обнялись они, и долго плакали, так что заплакали с ними и все присутствовавшие при этом бояре и вельможи. И взял он

его за руку и поидоша в полату. И тако утѣшися князь великий о Шигалиеве здравии и о пришествии его, преста от сѣтования и плача и бысть веселъ.

И многия царю Шигалею за его вѣрную службу дары воздаде, что к казанцемъ не приложися, ни прелстиша его измѣнити, бывъ у меча и самыя смерти горкия и поглощенъ во адове утробѣ, а родъ его бѣ с ними варварский единъ и языкъ ихъ единъ, и вѣра едина. И за великую похвалу его удостоинъ есть царь Шигалей своея воли и царствовати. Онъ же владѣти собою не восхотѣ и рабомъ слыти не отвержеся, но и умрети не отречеся, любве ради к нему державнаго. И невѣрный варваръ паче нашихъ вѣрных сотвори. И достойно есть намъ чюдитися крѣпкоумию его!

О ПРЕСТАТИИ ВОЕВАНИЯ НА ВРЕМЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЬ. И О БРАНИ, И О СМИРЕНИИ ЕГО С ПОЛСКИМЪ КОРОЛЕМЪ, И О ВТОРОМЪ ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОЕВОДЪ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 18

И потом молча долго князь великий, 11 лѣтъ не могий управитися с казанцы, одолѣваху бо ему зло не силою своею, но лукавствомъ и хитростию своею ратною. И тако силнии от несилныхъ изнемогоша. Великий бо тогда страхъ от нихъ обтече всю нашю Рускую землю, и токмо воеводы московския на краяхъ земли стояху по градомъ, стрежаху прихода казанцевъ, боязнию одержими, не смѣюще на нихъ из градовъ выходити.

Тогда бо бѣ князь великий недосуженъ воеватися с казанцы, но брань великую имяше с полскимъ королемъ, з Жигимонтом, и воевашеся с нимъ не опочивая двадесять лѣтъ. И одолѣ кроля, и взятъ его столный градъ Смоленскъ со всѣми его предѣлы и много завладѣ литовския земли его. И едва в миръ его введе с королемъ римъский цысарь, послы своя посылавъ о томъ. И умирився князь великий с королемъ.

И паки же второе собра многочисленое множество войска рускаго, болше перваго, еже посылал з братом своимъ, посла войска своего отмстити казанцемъ и 12 воеводъ своихъ и с ними рати 150 000 в лѣта 7032-го года. Воспомяну же воеводамъ началнымъ имена: в конной рати полемъ воевода князь Борис Суздалский Горбатой да Иванъ Ляцкий, да Хабар Симский, да Михайло Воронцовъ, да в ладиях князь Иванъ Палецкой да Михайло Юрьевичь.

О грѣховныя споны, о неутаимыя нашея бѣды! И тоя рати в ладиях на Волге черемиса казанская побила: яртаульный полкъ 5 000 и предний полкъ весь — 15 000, и от болшаго полку 10 000

его за руку, и пошли они в палату. И утешился великий князь, узнав о здоровье Шигалея и его возвращении, перестал он сетовать и плакать и стал весел.

И многими дарами воздал он царю Шигалею за его верную службу, за то, что не перешел на сторону казанцев, что не смогли они прельстить его на измену, хотя был он под мечом на краю горькой смерти и погружен в адову утробу, и род у него с ними был варварский один, и язык один, и вера одна. И за большие заслуги его удостоен был царь Шигалей права царствовать по своей воле. Он же свободным быть не захотел, и не отказался называться рабом, и не отрекся умереть за любовь к нему державного. Так неверный варвар поступил лучше наших правоверных. И стоит нам подивиться мудрости его!

О ВРЕМЕННОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ВОЙНЫ С КАЗАНЬЮ, И О ВОЙНЕ, И О ПРИМИРЕНИИ ЕГО С ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕМ, И О ВТОРОЙ ПОСЫЛКЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ. ГЛАВА 18

И после этого долго молчал великий князь, одиннадцать лет не мог он справиться с казанцами, ибо одолевали они не силою своей, но лукавством и хитростью воинской. И таким образом сильные от несильных изнемогли. Разлился тогда из-за них великий страх по всей нашей Русской земле, и только воеводы стояли по городам в пограничных землях, подстерегая приход казанцев, одержимые страхом, не смея выходить из городов, чтобы нападать на них.

Тогда ведь было недосуг великому князю воевать с казанцами, ибо вел он большую войну с польским королем, с Сигизмундом, и воевал он с ним без отдыха двадцать лет. И одолел он короля, и взял стольный его город Смоленск со всеми прилежащими к нему селениями, и завладел многими его литовскими землями. И едва помирил его с королем римский цесарь, посылавший для этого к нему своих послов. И заключил великий князь с королем мир.

И во второй раз собрал он многочисленное войско русское больше первого, того, что посылал с братом своим, и послал он свое войско отомстить казанцам — двенадцать воевод своих и с ними сто пятьдесят тысяч войска в год 7032 (1524). Вспомню же главных воевод имена: в коннице полем пошли воеводы князья Борис Суздальский Горбатый, да Иван Ляцкий, да Хабар Симский, да Михайло Воронцов; в судах же — князья Иван Палецкий да Михайло Юрьевич.

О греховные преграды, о неутаимые наши беды! И то войско в ладьях на Волге побила с помощью некой злокозненной хитрости казанская черемиса: из ертаульного полка пять тысяч и весь передовой полк — пятнадцать тысяч и десять тысяч

нѣкимъ ухищрением злокозненымъ. В тѣснинахъ бо рѣки тоя, в мѣстехъ островныхъ запрудиша великим древиемъ и камениемъ и доспѣша аки пороги, и ту згустившимся ладиямъ, и друг от друга сокрушахуся. К тому же и спреди, и ззади черемиса стужаше имъ стреляниемъ и убиваниемъ, не пропущающе ихъ. И подсѣцающе великое древие, изготовляху дубие и осокорие и держаху на ужищехъ, и на лодии пущаху с высокихъ бреговъ, юду же минути не мочно. От единаго бо древа лодей пять и болши погрушахуся и с людми, и з запасом. И стѣнобитнаго наряду много — пушекъ, великих и малых, погрязе, и людей истопоша: мечющеся от страха сами в воду. После же тое воды вешние того же лѣта весь огненый нарядъ и зелия, и ядра черемиса извлече, все в Казань допровадиша. И иных вещей много себѣ набраша, а еже в ладияхъ с погруженых утопших мертвецев снимаху великие чересы, насыпаны полны сребра; иниие же в песцехъ находяще, разнесеных быстриною рѣчною, и свѣтлых портищъ, и оружия без числа. И Волга явися поганымъ человѣком златоструйный Тигръ, не трудное богатство из себе издающи: злато и жемчюг, и камение драгое.

Воеводы же преидоша великие поля многими деньми, не вѣдуще бываемая струговым воемъ. И внидоша в землю Казанскую, и приближишася к рецѣ Свияге, на поле, и тако уже ту стояху воеводы казанския своею силою, ждуще руския силы. В нихъ же бѣ первый князь Аталык, а царь ихъ во граде осадися. И бишася по три дни об рѣку ту едины, и от единых побѣждени быша казанцы от воеводъ московскихъ. И побѣгоша ко граду к Казани. Воеводы же гнашася за ними до Волги, биюшеся. Они же вмѣташася в ладии свои и в Волге истопоша, а иниие по лѣсомъ разбѣгошася; и утѣкоша немнози в Казань и затворишася со царемъ во граде. И казанцевъ бѣ побитыхъ на томъ бою сорокъ двѣ тысячи.

Воеводам же московским стоящимъ на побоищи на мѣсте томъ и воюющимъ улусы казанския, и дожидающимся лодейныя рати, и дивящимся необычному замедлению ихъ, и се приплыша ту к нимъ обитыя воеводы, замедливше, пробивающеся сквозѣ пороги и тѣсности и мало оставшиися, з гладу изомроша, сказывающе имъ тритцать тысящ войска своего изгубление. Воеводы же всѣ содрогнушася и ужасошася. И подумавше яко нѣсть лзѣ ко граду приступати без стѣннобитнаго наряду, всему в Волге утопшю.

И повоевавше нагорнюю черемису, и возвратишася обои воеводы вкупѣ, и лодейныя с конными, пожгоша ладии свои достальныя. И не постояша у града ни единаго же дни, гладныя ради нужды да на них же страхъ нападе. И приидоша к Москвѣ

из большого полка. Перегородили они реку большими деревьями и камнями в тех узких местах, где выступали островки, и сделали запруду наподобие порогов, и когда скопилось здесь много судов, стали они разбиваться друг о друга. К тому же и спереди и сзади преследовала их черемиса, стреляя по ним и убивая, не пропуская их дальше. Срубая толстые деревья, изготовляли они бревна дубовые и осокоревые и, привязав к ним веревки, пускали на ладьи с высоких берегов, так что невозможно было от них уклониться. От одного дерева тонуло ладей пять, а то и больше, с людьми и с припасами. И много стенобитного вооружения — пушек, больших и малых, ушло под воду, и людей утонуло — от страха сами они в воду бросались. После же, когда схлынули вешние воды, в том же году, черемисы извлекли все стенобитные орудия, и пушечный порох, и ядра и переправили их в Казань. И много иных вещей они набрали себе, а с мертвых людей, которые утонули вместе с ладьями, снимали они большие чересы, насыпанные доверху серебром; другие же находили в песке богатые одежды и много оружия, разнесенного по берегу речной быстриной. И стала Волга для поганых людей златоструйным Тигром, дающим из своих вод без труда добытое богатство: золото, и жемчуг, и драгоценные камни.

Воеводы же за много дней перешли великое поле, не зная о том, что случилось с воинами, переправлявшимися в судах. И вошли они в Казанскую землю, и приблизились к реке Свияге, и вышли на поле, а там уже стояли казанские воеводы со своею силой, поджидая русскую силу. Возглавлял их князь Аталык, а царь их заперся в городе. И три дня билось сухопутное войско одно с казанцами у той реки, и одними этими московскими воеводами побеждены были казанцы. И побежали они к городу Казани. Воеводы же гнались за ними до Волги, побивая их. Одни же попрыгали в свои ладьи и в Волге утонули, другие же разбежались по лесам, и лишь немногие убежали в Казань и заперлись вместе с царем в городе. И было убито казанцев в том бою сорок две тысячи.

В то время как московские воеводы стояли на месте того побоища и разоряли казанские улусы, дожидаясь судовой рати и удивляясь необычному ее промедлению, приплыли к ним отбившиеся от черемисов воеводы, те немногие, что не умерли с голоду, опоздавшие из-за того, что пробивались сквозь пороги и теснины, и рассказали о гибели их тридцатитысячного войска. Воеводы же все содрогнулись и ужаснулись. И подумали они, что нельзя им брать город приступом без стенобитных орудий, потонувших в Волге.

И, повоевав горную черемису, повернули назад все воеводы: и те, что приплыли в ладьях, и те, что возглавляли конницу, а уцелевшие ладьи сожгли. И не простояли они у города ни одного дня, ибо мучил их голод и напал на них страх. И пришли они в Москву,

со тщетою войска своего, не с радостию, но с печалию великою. Много же войска от Казани идучи на пути гладомъ изомроша. Инии же чревною болезнию, долго лежавше на Руси, в своей земли помроша, яко не остатися половины живыхъ, ходившихъ войска того.

Князь же великий и о тѣхъ людех, якоже и о первыхъ своихъ избиенныхъ, долго печаленъ бысть. Но нѣсть тоя радости и печали, кая непреходима — *но* вся бо яко цвѣт увядаютъ, яко стѣнь мимо грядет.

О ТРЕТЬЕМЪ ПОСЛАНИИ МОСКОВСКИХ ВОЕВОДЪ ЕЖЕ К КАЗАНИ И О ВЗЯТИИ ОСТРОГА КАЗАНСКАГО ВЕЛИКОГО. ГЛАВА 19

По семъ же онъ терпѣ лѣтъ 6 и конечное стиснувъ сердце свое от великия скорби на казанцевъ, и положи на бога упование свое, яко же отчаявся или гнѣваяся, да или ему поможетъ богъ или поганым казанцемъ, или всячески его от всего отщетитъ. И паки собравъ третие великихъ воеводъ своихъ, и посла к Казани со многоратным воинствомъ — конную рать и в ладияхъ, яко и преже сего дважды посылал.

Воеводам же началнымъ бѣ имена: князь Иоанъ Бѣльский, князь Михайло Глинский, сынъ Лвовъ, князь Михайло Суздалский силный, князь Осипъ Дорогобужский, князь Федор Оболенский Лопата, князь Иван Оболенский Овчина, князь Михайло Кубенский. И всѣх тридесять, оставлю же всѣхъ писати по именомъ, да не продолжю рѣчи.

И слышавъ казанский царь Сап-Кирий великих воеводъ московскихъ в велицей силе идущих, и посла царь во вся улусы своя казанския по князей и по мурзъ, веля имъ в Казань збиратися изо отчинъ своихъ и приготовившись сѣсти в осаде, сказуя имъ необычную силу рускую и тѣмъ не смѣя с ними срѣтитися ни дѣла поставити. И черемису ближнюю повелѣ загнати: повелѣ имъ дѣлати подле Булака острог — около пасаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казанки рѣки, и около его рвы копати по-за острогу, да в немъ сѣдятъ черемиса с прибылнымъ войском, яко да граду помощъ будетъ и посады от запаления огня целы отстоятъ.

Пришло бо тогда в помощъ царю и паче же на свою погибель триттцать тысячь нагай, хотяще обогатитися рускимъ полоном и наймомъ царевым. Град бо Казань всего народа своего не можаше в себе вмѣстити, с прибылыми людми за умаление пространствия своего, издѣлану бывшу острогу повелѣнием царевым вскорѣ крѣпку и велику с камением и з землею, двема же концами ко граду притчену ему быти. И собрашася воеводы казанския и сѣдоша в нем со всею силою своею — с нагаи и с черемисою, а самъ царь во граде затворися с народом градскимъ и со избранными людми с немногими.

напрасно погубив войско, не с радостью, но в большой печали. Многие же воины умерли от голода по дороге из Казани. Другие же, долго проболев на Руси, умерли от желудочной болезни в своей земле, так что не осталось в живых и половины того войска, что ходило под Казань.

Великий же князь и об этих людях, так же как и о ранее погибших, долго печалился. Но нет той радости и печали, которые бы не проходили, ибо все увядает, подобно цветам, и все мимо грядет, словно тень.

О ТРЕТЬЕЙ ПОСЫЛКЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ И О ВЗЯТИИ БОЛЬШОГО КАЗАНСКОГО ОСТРОГА. ГЛАВА 19

После этого терпел он лет шесть, и сжалось смертное его сердце от великой скорби из-за казанцев, и то ли в отчаянии, то ли в гневе возложил он упование на бога: или ему бог поможет, или поганым казанцам, или лишит его всех земных благ. И снова, в третий раз, собрав главных своих воевод, послал к Казани закаленное в битвах воинство — конницу и судовую рать, как и до этого дважды посылал.

Главным же воеводам имена: князь Иван Бельский, князь Михайло Глинский, сын Львов, могущественный князь Михайло Суздальский, князь Осип Дорогобужский, князь Федор Оболенский Лопата, князь Иван Оболенский Овчина, князь Михайло Кубенский. А всего — тридцать воевод, но я прекращу перечислять их по именам, чтобы не отклониться от рассказа.

Казанский же царь Сафа-Гирей, услышав, что идут на него знатные московские воеводы с огромной силой, послал во все свои казанские уезды по князей и мурз, повелевая им собираться в Казань из своих отчин и приготовиться к осаде, сообщив им о необычной силе русских, из-за которой не посмел он выйти к ним навстречу и сразиться с ними. И повелел он согнать из близлежащих мест черемису: повелел им строить подле Булака острог — около посада, на Арском поле, между Булаком и рекой Казанкой, и копать рвы за острогом, чтобы сидела в остроге черемиса с прибывшим войском,— тогда и городу помощь будет и посады не дадут сжечь огнем.

Тогда же пришли на помощь царю, а вернее, на свою погибель, тридцать тысяч ногаев, хотевших обогатиться русским полоном и платой царевой. Так как город Казань не мог в себя вместить всех своих жителей вместе с прибывшими людьми и стало в нем мало места, по царскому повелению вскоре был построен из земли и камней большой острог, который с двух сторон примыкал к городу. И собрались воеводы казанские, и засели в нем со всей своей силой — с ногаями и с черемисой, а сам царь с городскими жителями и с немногими избранными людьми заперся в городе.

Воеводы же московския пришедше к Казани и составляют на казанцовъ брань крѣпкоратнюю. И стояху лѣто все приступающе ко граду и ко острогу. И в день с русью бияхуся казанцы, и к вечеру брани преставши, русь отхожаше въ станы своя отпочивати, а казанцы нощью ядяху и запивахуся до пияна, и спяху сномъ крѣпким, не бояхуся руси, оставльше токмо стражей на остроге; когда приидетъ имъ от бога свѣтъ ко дни, тогда уснутъ крѣпко, единъ токмо стражъ на вратѣх.

И в таковое время десять храбрыхъ юношъ рускихъ полковъ свѣщавшеся тайно, любо въ смерть или в животъ, и ко острогу приползоша на чревѣ своемъ, змиямъ подобни, и принесоша мѣх пушечного зѣлия, и под стѣну положиша, и зажгеше острогъ запалением силным, помазавше сѣрою и смолою, и загорѣвся, никому же от нихъ услышавшу, ни гласу испустившу.

И единъ от десяти человекъ, пришедъ, возвѣсти сотнику своему, яко острог запалиша. Сотник же сказа воеводе. Воевода же, князь Иоанъ Овчина, изготовяся со всѣм полкомъ своимъ и повелѣ в ратныя трубы трубити. И уже заря утрения пред солнечным всходом, а казанцы уснуша сномъ тяжкимъ, и ударишася об острог с шумом и с воплемъ великим, за ними же и всѣ воеводы, видѣвше острог горящъ.

И послышавше казанцы гласъ трубный во всѣх рускихъ полкахъ. И приидоша со всею силою руские со всѣх странъ, конные и пѣшие, и проломиша вся врата у острога, и сѣцаху казанцевъ — иныхъ спящихъ, иных бѣгающихъ, аки бѣсни, во огнь мѣтающеся, ни коней своихъ вѣдяху, ни оружия помнящих.

И тако взяша руския люди крѣпкий острог. И посады ихъ погорѣша, и много люду казанского згорѣ. И бывшихъ в немъ срацынъ всѣх избиша, аки скотъ, числомъ 60 000, казанцев и нагай, храбрыхъ бойцевъ в лѣта 7038-го июля въ 16 день. И падоша тѣлеса ихъ по Арскому полю, наги и не погребены.

Туто же, наскочивше из войска, избодоша копьи силнаго ихъ варвара Аталыка. Спящу ему в шатре своемъ з женою своею, на дворѣ своемъ упившуся виномъ, и не успѣвшу ему скоро от сна востати и возложити на себе пансыря и шлема, ни палицы желѣзныя, ни меча похватити в руку своею, но тако паде на коня своего в одной срачицы и без пояса, и ни обуся, ни плесницъ имяше и хотяше во градъ убѣжати. И понесе конь его из острога на поле, к рекѣ х Булаку и, аки крилатъ, конь его рѣку прелетѣ, а самъ онъ от страха ужасеся и паде с коня своего, и остася на сей странѣ, а на другой сторонѣ бѣгаше конь его. И ту, на брезѣ, убиша Аталыка, похвалнаго воеводу казанского.

Воеводы же московские подошли к Казани и начали вести с казанцами ожесточенные бои. И стояли они под Казанью целый год, пытаясь взять приступом город и острог. Днем казанцы бились с русскими, а к вечеру, когда сраженье останавливалось, русские отходили в свои станы на отдых, а казанцы ночью ели, и напивались допьяна, и спали крепким сном, не боясь русских, оставляя только дозорных на остроге; когда приходил посылаемый богом дневной свет, тогда и засыпали они крепко, оставляя только одного стражника у ворот.

Именно в такое время десять храбрых юношей из русских полков, тайно сговорившись либо выжить, либо умереть, приползли, подобно змеям, на животе к острогу, и принесли мех с порохом, и положили его под стену, смазав стену серою и смолою, и подожгли острог, и загорелся он сильно, а никто внутри не услышал этого и не закричал.

И один из десяти человек, придя, возвестил своему сотнику, что острог подожжен. Сотник же сказал об этом воеводе. Воевода же, князь Иван Овчина, приготовясь со всем полком своим, повелел трубить в ратные трубы. И когда уже занялась утренняя заря перед восходом солнца, а казанцы уснули тяжелым сном, напали они на острог с шумом и громкими воплями, за ними последовали и все остальные воеводы, увидев, что острог горит.

И услышали казанцы звуки труб во всех русских полках. И пришли русские со всех сторон со всей своей силою, конные и пешие, и проломили все ворота у острога, и рубили они казанцев — иных спящих, иных бегающих, словно взбесившихся, бросающихся в огонь, забывших про коней своих и про оружие свое не помнящих.

Вот так и взяли русские люди крепкий острог. И погорели казанские посады, и много люда казанского сгорело. И побили, словно скот, всех находившихся в остроге сарацин, числом шестьдесят тысяч казанцев и ногаев, храбрых бойцов, в год 7038 (1530), июля в 16 день. И лежали тела их по Арскому полю нагие и непогребенные.

Тут же пронзили копьями и могучего варвара Аталыка. Упившись вином, спал он в шатре своем с женою, на дворе своем, и не успел он быстро от сна пробудиться и надеть на себя панцирь и шлем, ни схватить ни палицы железной, ни меча в руку, но так и вскочил на коня своего в одной сорочке, без пояса, босой и без башмаков хотел убежать в город. И понес его конь из острога на поле, к реке Булаку, и, словно крылатый, перелетел конь его реку, а сам он от страха и ужаса упал с коня и остался на этой стороне реки, в то время как конь его бежал по другой. И здесь, на берегу, убили Аталыка, достохвального воеводу казанского.

Наѣзжал онъ, злый, на сто человекъ удалых бойцов, и возмущаше всѣми полки рускими и, многихъ убивъ, самъ отъѣзжаше; доѣзжая и догоняя когождо, мечемъ своимъ по главѣ разсѣцаше надвое и до сѣдла, не удержеваше бо мечь его ни шлема, ни пансыря. И стрѣляше версты далѣ в примѣту, и убиваше птицу и звѣри или человѣки. Величина же его и ширина, аки исполина, очи же его бяху кровавы, аки у звѣря или человѣкоядца, велики, аки буявола. И бояше бо ся его всякъ человѣк. Руский воевода или воинъ противъ его выѣхати и с нимъ дратися не смѣяху. От взора его страх наших обдержа.

Тогда же казанцы убиша дву воеводъ московскихъ добрыхъ, во оружиях возрастьших: князя Иосифа Дорогобужскаго на зъѣздѣ копием прободоша, и ту свалися с коня своего, и подхватиша его свои отроцы; князя Федора Лопату стѣны градныя стрелою застрѣлиша в мыщку, и отече рука его, аки мѣхъ, и болѣвъ, и умре въ третий день.

Казанский же царь, узнався что граду быти взяту и ему самому, аще во граде сѣдѣти, и выѣха из града нощию с крымскими татары, с надежными своими с трема тысящи. И возмутившимся полком о царѣ. Черемиса же, излѣзши из града и ухватиша *малаго градца гуляя 80 городень* и в них 7 пушекъ. И бися крѣпко, и сквозѣ полки руския пробися, и с того бою на перемѣнных своихъ конѣхъ в Крым утече удалыхъ и со царицами своими к брату своему Сап-Кирию, царю крымскому, аки из рукъ изыманъ, ушел и язвенъ ранами многими. И остави Казань пусту, токмо во граде народ казанский: и жены, и дѣти, старии и младии. Бойцевъ двѣнатцеть тысящ утѣкоша в Крым, черемисы злыя. И бѣ тамо в Крымѣ у брата своего лѣто и *шесть* месяцъ.

О МИРѢ КАЗАНЦЕВЪ С ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
И О ВЗЯТИИ ЦАРЯ С МОСКВЫ, И О УБИЕНИИ ЕГО.
ГЛАВА 20

Воеводы же со оставшими казанцы во граде перемирие учиниша и взяша выходы и оброки на три лѣта впредь к великому князю со всего царства Казанского. И отступиша прочь, не вземше Казани, между себе *в споре* и яко не смѣюще ни единъ остатися во граде на брежение, и градъ стояше три дни оттворенъ и пустъ без людей.

И намъ мнится, яко силнѣйши есть злато вой безчисленых: жестокаго бо умякчеваетъ, мяхкосердое ожесточеваетъ и слышати глуха творитъ, и слѣпа видѣти. Самъ прелстися воевода первый и много себѣ злата взя у казанцевъ. И того ради ни самъ остася в Казани, ни иного же понуди. И возвратишася на Русь всѣ со всѣм воинствомъ, аще и падоша два воеводы на пути.

Наезжал он, злой, на сто человек удалых бойцов, и приводил в смятение все русские полки, и, убив многих, отъезжал; тех же, кого он догонял и настигал, рассекал он мечом своим надвое от головы до седла, ибо не спасал от его меча ни шлем, ни панцирь. И стрелял он в цель более чем за версту, и убивал с этого расстояния и птицу, и зверя, и человека. Ростом же и дородством был он как исполин, глаза у него были налиты кровью, словно у зверя или людоеда, и такие же большие, как у буйвола. И всякий человек боялся его. Русский воевода или простой воин против него выехать и с ним драться не смели. От взгляда его нападал на наших людей страх.

Тогда же казанцы убили двух московских воевод добрых, выросших в сражениях: князя Иосифа Дорогобужского на спуске копьем пронзили, и свалился он со своего коня и подхвачен был отроками своими; князю же Федору Лопате с городской стены стрелой попали под мышку, и отекла у него рука и стала словно бурдюк, и занемог он и на третий день умер.

Казанский же царь понял, что если будет он сидеть в городе, то захватят и город и его самого, и ночью выехал из города с тремя тысячами надежных своих крымских татар. И началось из-за отъезда царя смятение в полках. Черемисы же, выйдя из города, захватили восемьдесят городней малого гуляй-города с семью пушками. И крепко бился царь, и пробился сквозь русские полки, и с того боя, сменяя удалых своих коней, с царицами своими бежал в Крым к брату своему Сахыб-Гирею, царю крымскому, весь покрытый ранами, ушел от русских прямо у них из рук. И оставил он Казань пустой: остались в городе только казанцы — женщины и дети, старые и молодые. Бойцов же двенадцать тысяч убежало в Крым, черемисы злой. И пробыл он там, в Крыму, у брата своего год и шесть месяцев.

О ЗАКЛЮЧЕНИИ КАЗАНЦАМИ МИРА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И О ВЗЯТИИ ИМИ ЦАРЯ ИЗ МОСКВЫ, И ОБ УБИЕНИИ ЕГО. ГЛАВА 20

Воеводы же с оставшимися в городе казанцами заключили перемирие и взяли дани и оброки со всего царства Казанского для великого князя за три года вперед. И отступили они прочь, не взяв Казани, перессорившись друг с другом, ибо ни один не смел остаться на правление в городе, а город стоял три дня отворен и пуст, без людей.

И кажется нам, что золото могущественнее многочисленного войска: ибо оно жестокого смягчает, а мягкосердечного ожесточает, глухого делает слышащим, а слепого зрячим. Сам первый воевода прельстился и много взял себе золота у казанцев. Поэтому ни сам он не остался в Казани, ни другого какого-нибудь воеводу не принудил к этому. И возвратились они все на Русь со всем воинством, только два воеводы умерли по дороге

Они же с ними вдруг поидоша и казанския послы лстивыя от всего царства своего со многоценными дары великими. И пришедше к Москвѣ казанцы с воеводами московскими, и вдаша в руцѣ многие дары великому князю и полатным боляромъ, и всѣмъ велможамъ его, и коморником, и всѣх творяху по себѣ да печалуются великому князю об нихъ. И плакахуся о мимошедшемъ злѣ, вину же на себе возлагающе, и повиновахуся, и смиряхуся, предающе Казань и во очи ему насмѣхахуся. И царя на Казань прошаху — брата Шигалиева меншаго, царевича Геналея, аще дастъ имъ. Все же *сие* казанцы льщаху и маняху себѣ на мало время, како бы имъ скорби избыти и не до конца бы еще всѣмъ погибнути, донелѣже опочинутся, яко звѣрие в ложахъ своихъ, и паки, возставше заутра, лютейше явятся на ловитву и тацы же будутъ, аки змии суровии, безчисленно немилостиви ко християном, якоже и прежде.

Князь же великий послуша боляръ и велможъ и всѣх ближнихъ совѣтниковъ своихъ и лвообразную ярость во овчюю кротость преложи, смирися с казанцы, утвердивъ ихъ клятвами многими. И вдаде имъ на царство Геналия, брата царя Шигалиева, царевича суща пятинадесяти лѣтъ, кротка и тиха. И воеводу ему даде на брежение князя Василья Ярославского Пункова, всячески утѣшая, нѣсть ли *казанцы* укротятся и умирятся, и в правде поживут с нимъ, и примирити хотя их добромъ себѣ, и присвоити, и в вѣк смиритися, яко да все християнство Руския земли в покое и в тишинѣ от нихъ пребудетъ.

А на воеводъ болшихъ, к Казани ходивших, разпалився и разгнѣвався. Началнаго же воеводу, Бѣлскаго князя Иоана, едва от смерти упросили Даниилъ митрополитъ и Сергиева монастыря игуменъ Порфирий. На том бо воеводѣ положено вѣдати все ратное дѣло, и за то бысть заключенъ в темницѣ пять лѣтъ, изыманъ, сѣдяше скованы руцѣ и нозѣ и плеча, зло держимъ, ото всего имѣния своего и несытиства обнаженъ и ожидаше смерти, когда глава его отсѣчена будетъ, занеже мочно бы ему Казань взяти и самоволениемъ не взя, сребролюбиемъ побѣжденъ. С прочих же воеводъ борзо сниде гнѣвъ его, и быша в первой чести и любви его.

Казанцы же приведоша себѣ царя с Москвы, третияго уже, проминувъше лѣто едино тихо живше с нимъ, и восташа, и убиша его без вины, прекраснаго царя Гиналия Шигалияровича, в полатѣ спяща, яко юнца при яслѣхъ или яко звѣря в тенетѣ готова изымана. С нимъ же убиша и воеводу московского, царева воздержателя, и вся войска его. И паки же прияше царя Сап-Кирия — бѣглеца, убѣгшаго в Крымъ от московскихъ воеводъ.

Вместе с ними одновременно пошли и льстивые казанские послы от всего царства своего с многочисленными дорогими дарами. И пришли в Москву казанцы с московскими воеводами, и передали многие дары в руки великому князю и придворным боярам и всем вельможам его и комнатной прислуге, чтобы те заступились за них перед великим князем. И каялись они в содеянном зле, признавая свою вину, и повиновались ему, и смирялись, передавая ему Казань, а сами смеялись ему в глаза. И попросили они дать им в Казань царя — Шигалеева младшего брата, царевича Геналея. Но все это говорили казанцы лицемерно и выпрашивали себе царя лишь на короткое время, чтобы избежать беды и не до конца всем погибнуть, пока соберутся они с силами, словно звери в норах своих, и тогда снова, встав поутру, еще более свирепыми выйдут они на охоту и будут такими же, как и прежде, жестокими и бесконечно немилостивыми к христианам, словно змеи.

Великий же князь послушал бояр, и вельмож, и всех ближних советников своих и сменил львиную ярость на овечью кротость, заключил мир с казанцами, подтвердив договор многими клятвами. И дал им на царство Геналея, брата царя Шигалея — царевича пятнадцати лет, кроткого и тихого. И для охраны дал ему воеводу — князя Василия Пункова Ярославского, и всячески утешал, надеясь, что казанцы укротятся, и помирятся с ним, и поживут с ним в правде, желая добром примирить их с собой, и покорить, и заключить с ними вечный мир, да пребудут в покое от них и в тишине все христиане Русской земли.

А на больших воевод, ходивших к Казани, распалился он и разгневался. Старшего же воеводу, князя Ивана Бельского, едва спасли от смерти митрополит Даниил и игумен Сергиева монастыря Порфирий. Тому воеводе поручено было ведать всем ратным делом, и мог бы он взять Казань, но, побежденный сребролюбием, самовольно не взял ее. И за это был он схвачен и заключен в темницу на пять лет и сидел, закованный по рукам и ногам и плечам, под строгим надзором, лишенный всего своего имущества и награбленных богатств и ожидая смерти, когда отсекут ему голову. А гнев великого князя на других воевод скоро прошел, и снова оказались они у него в великой чести и любви.

Казанцы же привели к себе царя из Москвы, третьего уже, и только год прожили с ним тихо, и восстали, и убили его без вины, прекрасного царя Геналея Шигалияровича, спящего в палате, словно младенца в яслях или зверя, попавшего в сети. Вместе с ним убили и московского воеводу, телохранителя царского, и все его войско. И снова приняли они царя Сафа-Гирея — беглеца, убежавшего в Крым от московских воевод.

О СМЕРТИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛЬЯ ИВАНОВИЧА И О ПРИКАЗѢ ЦАРСТВА СЫНУ ЕГО, И О САМОВЛАСТИИ БОЛЯРЪ ЕГО. ГЛАВА 21

И от того времени надолго время великое зло бысть християномъ от казанцевъ. В то же время и преставися великий князь Василей Ивановичь, нареченный во иноцѣх Варлаамъ, в лѣта 7042 года декабря въ 5 день. Царствова на великомъ княжении лѣтъ 28, много брася с казанцы, весь животъ свой премогая, и до конца своего не може имъ ничтоже сотворити.

И осташася от него два сына, яко от краснопераго орла два златоперыя птенца. Первый же, нами реченный князь великий Иоаннъ Васильевичь, остася отца своего четырѣх лѣтъ и трехъ месяцъ, зѣло благороденъ муж. Отецъ его всю великую власть Руския державы по смерти своей ему дарова. Другий же сынъ его, Георгий, не таковъ, но простъ сый и несмысленъ, на все доброе нестроенъ. Той остася трех лѣтъ и полтора месяца.

И, умирая, князь великий повелѣ к себѣ принести в ложницу оба сына своя. И внесоша ихъ, и сѣдящим у него преосвященному митрополиту Данилу всея Русии и отцу его духовному, и всѣм его княземъ и боляром. И восклонься от одра своего, сѣдя и стоня, двѣма болярином поддержимъ сый, и вземъ на руцѣ свои болшаго сына своего и, цѣлуя его, с плачемъ глаголаше, яко: «Сей будетъ вамъ всѣм по мнѣ царь и самодержецъ, и той отъиметъ слезы християнския и смиритъ языческая шатания, и вся враги своя побѣдитъ». И цѣловав оба дѣтища своя, и отдаде пѣстуном, а самъ тихо возлегъ на одрѣ и конечное цѣлование и прощение *дав* великой своей княгине Еленѣ и всѣм княземъ и боляромъ приказнымъ своимъ, и успѣ вѣчнымъ сномъ, не созрѣвъ сединами, ни старости многолѣтны не достиг, остави плачь великъ по себѣ во всей Руской земли до возраста и до воцарения сына его.

И растяху сына его в воли своей оба, без отца и без матери, богомъ самим брегоми и учими, и наказуеми, и всѣмъ тогда княземъ и велможамъ ихъ, и судиям градским самовластиемъ обиятым и в безстрашии божии живущимъ, и неправосудящим, но по мздѣ, насилствующе людем и никого же блюдущимся, понеже бо великий князь юнъ, и ни страха божия имущим, и не брегущимъ от сопостатъ, не пекущеся Рускою землею. Тако и инде языцы погани християнъ воеваху, здѣ же среди земли сами мздами и налоги, и бѣдами великими, и продажами християнъ губяху. Да яко же велможи творяху, тако же и раби ихъ, зряще на господей своихъ. Тогда во градѣхъ и в селѣх неправды умножишася, восхищение и обида, и татбы, и разбой, и убийства много, и по всей земли бяху слезы и рыдание, и вопль.

О СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА, И О ПЕРЕДАЧЕ ИМ ЦАРСТВА СВОЕМУ СЫНУ, И О САМОВЛАСТИИ БОЯР ЕГО. ГЛАВА 21

И с тех пор долгое время много зла терпели христиане от казанцев. В то же время преставился великий князь Василий Иванович, в иноках нареченный Варлаамом, в год 7042 (1533), в пятый день декабря. Царствовал он на великом княжении двадцать восемь лет, много воевал с казанцами, положив на это все силы, но так и не смог ничего с ними сделать до смерти своей.

И остались после него два сына, словно от краснoперого орла два златоперых птенца. Первый, упоминавшийся нами великий князь Иван Васильевич, остался после отца своего четырех лет и трех месяцев, весьма благородный муж. Отец его всю великую власть Русской державы даровал ему после своей смерти. Другой же сын его, Георгий, не таков был — прост и несмышлен, и для добрых дел не пригоден. Тот остался трех лет и полутора месяцев.

И велел, умирая, великий князь принести к себе в спальню обоих своих сыновей. И внесли их, когда сидели у него преосвященный митрополит всея Руси, и отец его духовный Даниил, и все его князья и бояре. И приподнялся он со своего ложа, и сел, стеная, поддерживаемый двумя боярами, и взял на руки старшего своего сына, и, целуя его, с плачем проговорил: «Сей будет всем вам после меня царь и самодержец, и высушит он слезы христианские, и смирит язычников, и всех врагов своих победит». И, поцеловав обоих детей своих, отдал их пестунам, а сам опустился на ложе, и дал последнее целование и прощение великой своей княгине Елене и всем своим князьям и приказным боярам, и заснул вечным сном, не дожив до седин, не достигнув глубокой старости, оставив после себя плач великий по всей Русской земле до того времени, пока не вырос и не воцарился сын его.

И росли оба сына его, предоставленные сами себе, без отца и без матери, самим богом оберегаемые, поучаемые и наставляемые, в то время как все князья, и вельможи их, и городские судьи упивались самовластием и жили, не боясь бога и не по справедливости судя, но по мзде, творя насилие над людьми и никого не боясь, потому что был великий князь еще юн, и не имели они страха перед богом, и не берегли от супостатов Русскую землю, и не пеклись о ней. Как в других местах поганые народы нападали на христиан, так здесь, на своей земле, эти сами губили христиан, взимая с них мзду и налоги, причиняя им великие беды. И то, что творили вельможи, то же делали и рабы их, глядя на господ своих. Тогда в городах и в селах умножились несправедливости, хищения, и обиды, и воровство, и разбой, и многочисленные убийства, и по всей земле стояли слезы, и рыдания, и плач.

О ВОЦАРЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, И О РАЗУМѢ, И О ПРЕМУДРОСТИ, И О ИЗБИЕНИИ ОТ НЕГО БОЛЯР ЕГО, И О СОГЛЯДАНИИ ЕГО ЗЕМЛИ СВОЕЯ, И О ЛЮБВИ ЕГО К ВОЕМ СВОИМ, И О УВѢДАНИИ ЕГО О КАЗАНСКОМЪ ЦАРСТВѢ. ГЛАВА 22

Возрастъщу же великому князю Иоанну и великим разумом прешедшу, и восприемникъ бысть по отцѣ своемъ всея державы Руския великаго царства Московского, и воцарися, и поставися на царство великим поставлением царскимъ в лѣта 7055-го года генваря въ 16 день. И помазанъ бысть святымъ миромъ и вѣнчанъ святыми бармами и вѣнцем манамаховымъ по древнему закону царскому, яко же и римстии, и гречестии, и прочии православнии царие поставляхуся. И наречеся царь всеа великия Росии.

И самодержецъ великъ показася, и страх его обдержаше вся языческия страны, и бысть велми премудръ и храбръ, и усердъ, и крѣпко силен тѣлом, и легокъ ногама, аки пардусъ, и подобен по *всему* дѣду своему, великому князю Иоанну. Преже бо его никто же от прадѣдъ его словяшеся в Росии царь, и не смѣяше от них никто же поставитися царемъ новым и зватися тѣм имянем, блюдяхуся завидѣния и востания на них поганых царей и невѣрныхъ.

Сему же удивишася вси, слышаше, врази его — погании царие и нечестивии крали, и похвалиша его, и прославиша, и послы своя приславше з дары к нему, и назвавше великимъ царемъ и самодержцемъ, ни гордящеся, ни злозловяще его, ни поносяще, ни завидяще ему. О семъ же паче великий салтанъ турский похвалная восписа ему сице: «Воистину ты еси самодержецъ, царь мудрый и вѣрный, волнѣйший божий слуга! Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя слава, и огненыя твои горугви прогоняют бо и попаляютъ воздвизающихся на тя, иже отнынѣ боятся тебе вси орды наши и на твоя предѣлы наступати не смѣютъ».

И сѣдъ на велицем царствии державы своея благовѣрный царь, самодержецъ Иоаннъ Васильевичь всеа Русии, и вся мятежники старыя изби, владѣвшихъ царством его неправедно до совершенаго возраста его. И многи велможи устрашишася и от лихоимания и неправды воспятишася, и праведенъ суд судити начаша. И правляше с ними добрѣ царство свое. И кротокъ, и смиренъ быти нача, и праведенъ в судѣ и неуклоненъ, *ко всѣм* воинственым людемъ милостивъ и многодаровит, и веселъ сердцемъ, и сладокъ рѣчию, и окомъ радостенъ, от зрѣния очей своихъ источая веселие всѣм печалнымъ, блѣдость не бѣ на лице его.

Всяк бо человекъ, иже в скорбѣхъ возрасте и в бѣдахъ множественых, всѣмъ искусенъ бывает и можетъ многостражущим в напастѣх спомогати: и разумъ, и смыслъ великъ в таковыхъ

О ВОЦАРЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, И О РАЗУМЕ, И О ПРЕМУДРОСТИ ЕГО, И ОБ ИЗБИЕНИИ ИМ СВОИХ БОЯР, И ОБ ОБЪЕЗДЕ ИМ ЗЕМЛИ СВОЕЙ, И О ЛЮБВИ ЕГО К СВОИМ ВОИНАМ, И О ТОМ, ЧТО УЗНАЛ ОН О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ. ГЛАВА 22

Когда же вырос великий князь Иван и пришел в великий разум, принял он после смерти отца своего всю власть великого Русского царства Московского, и воцарился, и был поставлен на царство великим поставлением царским в год 7055 (1547), января в 16 день. И был он помазан святым миром и венчан святыми бармами и мономаховым венцом по древнему царскому обычаю, как и римские, и греческие, и прочие православные цари поставлялись. И нарекся он царем всей великой России.

И показал он себя великим самодержцем, и держал в страхе все языческие страны, и был весьма мудр, и храбр, и усерден, и очень силен телом, и легок ногами, словно гепард, и был он во всем подобен деду своему, великому князю Ивану. До него ведь никого из его прадедов не называли в России царем, и не смел никто из них венчаться на царство и зваться тем именем, остерегаясь зависти и нападения на них поганых и неверных царей.

Удивились, услышав об этом, все враги его: поганые цари и нечестивые короли, и похвалили его, и прославили, и прислали к нему своих послов с дарами, и назвали великим царем и самодержцем, не презирая его за это, не злословя о нем, не понося его, не завидуя. Лучше же всех написал ему об этом похвальные слова турецкий султан: «Поистине ты, самодержец,— мудрый и правоверный царь, истинный божий слуга! Ведь удивляет нас и ужасает великая твоя слава: огненные твои хоругви отгоняют и сжигают поднимающихся на тебя, и отныне боятся тебя все орды наши и к твоим границам подступать не смеют».

И сел царствовать в державе своей благоверный царь Иван Васильевич, самодержец всей России, и перебил он всех старых мятежников, владевших неправедно царством его до его совершеннолетия. И устрашились многие вельможи, и от лихоимства и обмана отказались, и праведный суд начали чинить. И управлял он с ними в согласии царством своим. И стал он кротким и смиренным, в суде же справедливым и непреклонным, ко всему воинству милостивым и щедрым, и весел сердцем, и сладок речью, и оком радостен, взором очей своих источая веселье всем печальным, и не было бледности на лице его.

Ведь всякий человек, выросший в страданиях и многочисленных бедах, во всем искусен бывает и может помогать страдающим от напастей: большой ум и понимание есть в таких людях.

проповѣдается. Тако и державный сей, малъ остася отца своего и матери, въ юности своей вся собою позна, яко злато в горнилѣ, в бѣдахъ искусися.

И соглядая землю свою всю своима очима, всюду ѣздя, и видѣ многи грады и страны руския запустѣвши от поганых: Резанъская бо земля и Сиверская крымъским мечем погублена, и Низовская же земля вся, и Галич, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь от казанцевъ запустѣла. И плакашеся всегда пред богомъ, и моляшеся, да вразумитъ его богъ то, иже языком поганым воздати, еже христианомъ воздаша. Смѣтивъ ратных людей во всей области своей, любляше ихъ и брежаше старых, яко отцы, срѣдовѣчныя — яко братию, юных же — яко сыны, и всѣх почиташе честьми прилѣжными. И от сего самодержца починашеся воемъ его быти трудове и печали велицыи, и брани, и кровопролития. И блещащияся копия и мѣдныя щиты, и златыя шлемы, и желѣзныя одѣяния на всѣхъ, и разумѣ, яко мочно есть з божиею помощию и с тѣмъ своимъ воинствомъ брещи земли своея от всѣх странъ от плѣнения поганыхъ языкъ.

И еще ново прибави к ним — огненых стрелцовъ много, и ратному дѣлу гораздо изученыхъ, и главъ своихъ не щадящихъ в нужное время, и отцевъ и матерей своихъ, и женъ, и дѣтей своихъ забывающихъ, ни смерти боящихся. И ко всякому бою, аки к великой корысти или к мѣдвеной чаши царстѣей, друг друга напред течаху. И силно бияхуся, и складываху храбрыя главы своя нелѣстно за вѣру християнскую и за любовь к ним царскую великую, и дарове, и честь, отлучающе тѣх от любве отцев и матерей ихъ. И забываху *родителей* своихъ, и притѣкаху к нему, аки к чадолюбивому отцу, взимающи потребная неоскудно.

И увѣда царь и великий князь Иоанъ Васильевичь, яко издавна стоить на Руской его земли царство срацынское Казань, по рускому же языку — Котелъ златое дно, и велика скорбь и бѣда предѣлом рускимъ бывает от него, и как отецъ его и прадѣд воевахуся с ними и конечныя споны не возмогоша сотворити Казани. И многа лѣта преидоша Казани, до трехсотъ лѣтъ — с первого начала Казанского от Саина царя — оттолѣ же обладающе казанстии царие тоя страны много Руския земли отъемше до сего нашего самодержца, о нем же нынѣ намъ слово предлѣжитъ, похваляя доблесть его. *Много бо, иже* и преже его бывших, и державствующии московстии праотцы его, великии князи, востающе и ополчающеся на казанцевъ, хотяще взяти змеиное гнѣздо ихъ, градъ Казань, и ихъ изгнати от отечествия своего, Руския державы. И вземше единою Казань, и удержати за собою царства, и укрѣпити его не разумѣша, лукавства *ради* поганых казанцевъ.

Овогда убо мало державнии наши побѣждаху казанцевъ, овогда же сами от нихъ болши сугубо побѣждаеми бываху; и никоего

Так и державный этот, ребенком оставшись без отца и матери, все сам познал в юности своей, словно золото в горниле, в бедах закалился.

И, ездя повсюду, осмотрев своими глазами всю землю свою, увидел он, что многие города и земли русские запустели от поганых: Рязанская и Северская земли крымским мечом погублены, и Низовская земля вся, и Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь из-за казанцев запустели. И просил он всегда у бога и молился, чтобы вразумил его бог, как отплатить поганым народам за то, что сотворили они христианам. Учтя воинов всей своей земли, относился он к ним с любовью и оберегал старых, как отцов, людей средних лет, как братьев, юных же, как сыновей, всем воздавая по их заслугам. И начались при этом самодержце для воинов его ратные труды, и великие печали, и сражения, и кровопролития. И, глядя на блещущие их копья, и медные щиты, и золотые шлемы, и железные латы, понял он, что сможет с божьей помощью и с тем своим воинством оберегать со всех сторон свою землю от нападения поганых народов.

И присоединил он к ним новых воинов — многочисленные отряды пищальников, хорошо обученных ратному делу, и голов своих не щадящих в трудное время, и забывающих отцов и матерей своих, и жен, и детей, и смерти не боящихся. И устремлялись они на каждый бой, словно за богатой добычей или к медовой царской чаше, друг друга опережая. И мужественно бились они, и честно слагали храбрые свои головы за христианскую веру и за большую любовь к ним царя, и за дары его, и за почести, из-за которых пренебрегали они любовью отцов своих и матерей. И забывали они родителей своих, и приходили к нему, как к чадолюбивому отцу, всегда получая все необходимое.

И узнал царь и великий князь Иван Васильевич, что издавна стоит на Русской его земле сарацинское царство Казань, а по-русски — Котел золотое дно, и что приносит оно большие несчастья и беды пограничным русским землям, и о том, как отец его и прадед воевали с казанцами и как не смогли они окончательно покорить Казань. И много лет простояла Казань — около трехсот лет — от основания Казани царем Саином, и за это время до нынешнего самодержца нашего, о котором теперь надлежит нам сказать слово, восхваляя доблесть его, много русских земель захватили владевшие той страной казанские цари. Много раз и бывшие до него московские правители, предки его, великие князья, поднимались и ополчались на казанцев, стремясь взять змеиное гнездо их, город Казань, и изгнать их из отечества своего, Русской державы. И однажды взяли они Казань, но не сумели удержать за собою царства и укрепить его из-за лукавства поганых казанцев.

Случалось иногда, что правители наши побеждали казанцев, иногда же терпели от них еще большие поражения и не могли

же зла могуще сотворити агаряном, внуком Измаиловымъ, но сами паче и множае бездѣлны и посрамлены возвращахуся от нихъ. Учени бо суть измаилтяне от начала своего бранем, учатся от младенства сицевым, потому же и сурови, и безстрашни, и усерды намъ бываху, смиренным. От праотецъ своих благословени быша — от Исава и от Исмаила прегордаго — питатися оружием своимъ; мы есмя — от кроткаго и смиреннаго изыдохом праотца нашего Иякова, тѣмъ силно не можемъ противитися и много смиряемся пред ними, и яко Ияковъ пред Исавом, и побѣждаемъ ихъ оружием крестным, той бо есть намъ во бранѣх побѣда и утвержение на противныя наша.

Онѣ измаилтяне оружиемъ своимъ многимъ преодолѣша земли и понасиловаша великим градом, еже и в нашей странѣ все, обладающе напрасно украиною нашея земли Руския. И вселишася в ней, и расплодишася, и злы быша на ны за умножение беззакония нашего пред богомъ.

О ПЛѢНЕНИИ КАЗАНЦЕВ НА РУСКУЮ ЗЕМЛЮ И О ОСКВЕРНЕНИИ ОТ НИХ СВЯТЫХ БОЖИИХ ЦЕРКВАХ И НАРУГАНИЕ ХРИСТИАНОМЪ. ГЛАВА 23

И како могу сказати или исписати напасти тоя грозныя и тучи страшныя руским людем во времена та! Страх бо мя побѣждаетъ, и сердце ми горитъ, и плачь смущаетъ, и сами слезы текутъ изо очию моею! и хто убо тогда, о вѣрнии, изрещи можетъ бывшиа великия бѣды за многа лѣта от казанцевъ и от поганыя черемисы ихъ православным христианом паче Батыя. Онъ бо единою протече Рускую землю, яко молниина стрѣла или темная главня огненая, попаляя и пожигая, и разрушая, и пленя християнство, мечем посѣкая. И оттолѣ наложи на державствующих наших дани тяжки имати, якоже преже речено. Казанцы же не тако, но всегда из земли нашея не изхождаху, овогда убо с царемъ воююще и плѣняюще, яко пшеницу, пожинаютъ и, аки садовъ, посѣкают рускихъ людей, и кровь ихъ, аки воду, проливаху по удолиям, покоя християном и тихости на всяк часъ не дающе. Никому же от наших князей и воеводъ могущу сопротив им стати, ни возбранити от таковаго ихъ звѣрства и безчеловѣчия, и суровства, и ни сопротивитися имъ, ни воспретити ни мало, и худи и некрѣпцы, и немощни воеводы наши никако возбраняху.

И всѣмъ тогда людемъ печаль велика бысть, живущимъ вскрай варваръ тѣхъ, и у всѣх вѣрных людей горки слезы от очию течаху. И болши домовъ своихъ имяху в пустынях и лѣсахъ, и в пещерахъ и горах крыющеся, живяху з женами своими и дѣтми,

они никакого зла причинить агарянам, внукам Измаила, но более того — возвращались от них посрамленные, ничего не добившись. Ибо изначально владели измаильтяне военным искусством, которому обучаются они с детства, потому они и суровы так, и бесстрашны, и настойчивы бывают в боях с нами, смиренными. Праотцами своими — Исавом и гордым Измаилом — были они благословлены добывать себе пропитание оружием; мы же ведем род от кроткого и смиренного праотца нашего Иакова, поэтому и не можем сильно сопротивляться им и часто смиряемся перед ними, как Иаков перед Исавом, и побеждаем их оружием крестным, ибо оно приносит нам победу над врагами нашими.

Те измаильтяне с помощью своего оружия одолели многие земли и насилие учинили над многими большими городами нашей страны, и захватили неожиданными набегами окраины нашей земли Русской. И поселились они на ней, и расплодились, и причиняли нам зло за умножение наших преступлений перед богом.

О ПЛЕНЕНИИ КАЗАНЦАМИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, И ОБ ОСКВЕРНЕНИИ ИМИ СВЯТЫХ БОЖИИХ ЦЕРКВЕЙ, И О ПОРУГАНИИ ИМИ ХРИСТИАН. ГЛАВА 23

И как могу я рассказать или описать те грозные напасти и тучи страшные, обрушившиеся в те времена на русских людей! Ибо страх меня побеждает, и сердце мое горит, и плач смущает, и сами слезы текут из очей моих! Да и кто может рассказать, о правоверные, о бывших тогда великих бедах страшнее Батыевых, в течение многих лет причиняемых казанцами и поганой их черемисой православным христианам. Батый ведь всего один раз прошел по Русской земле, словно стрела молнии или темная огненная головня, спаляя, и сжигая, и разрушая, и пленяя христиан, посекая их мечом. И с тех пор обложил он правителей наших тяжелыми данями, как было сказано прежде. Не так было с казанцами: они из земли нашей не уходили, время от времени с царем своим разоряя ее и захватывая пленных, и пожиная, как пшеницу, и посекая, как сады, русских людей, и кровь их, как воду, проливая по долинам, не давая христианам ни на час покоя и тишины. Никто же из князей и воевод наших не мог ни подняться против них, ни помешать их зверствам, бесчеловечности и суровости, ни оказать им сопротивления, ни остановить их, и ни в чем им не препятствовали худые, и некрепкие, и немощные воеводы наши.

И была тогда великая печаль всем людям, жившим на границе с теми варварами, и горькие слезы текли из глаз у всех правоверных людей. Дома же свои они по большей части ставили в безлюдной местности, в лесах, и жили там, в пещерах и горах прячась с женами своими и детьми, боясь попасть в плен

варварскаго ради плененна. Инии же оставляюще домы своя пусты и родъ, и племя свое, страну и отечество свое, в нем же родишася и воспитани быша, и преселение творяху оттуду во глубочайшую Русь, идѣже варвари тии не ходятъ.

И что много глаголю: от частаго бо ихъ нахождениа и пленения мнози рустии гради до основания низложени быша и ото очию человѣчю не познаваемым быти, поразждьшим былием и травою. Все же села пусты сотвориша, яко от великия пустоты и лѣсы великими заростоша. Честныя великия монастыри огнем пожгоша, святыя церкви стоянием своимъ оскверниша, лежаше спяху в нихъ; и блуд над плѣнеными женами и дѣвицами творяху; и честныя образы святыя сѣкирами раскалающе, и огню всеядцу предаяху, и святыя сосуды служебныя в простыя сосуды претворяху: из нихъ же дома, на пирѣхъ своихъ, ядяху и пияху скверныя и мотылная своя ядения и питиа; и честныя кресты, сребреныя и златыя, сокрушаху, и святыя обложеныя иконы обдираху, на сребреники и на златники изливаху, и усерязи, и ожерелия, и маниста женам своимъ и дщерямъ изряжаху, и тафии на главы своя украшаху; и из ризъ священнических себе ризы перешиваху; и мнихом наругахуся, образ ангельский безчестяху: горящее углие за сандалия ихъ засыпаху и, ужемъ о шии зацепляюще, скакати имъ веляху и плясати, яко звѣремъ на сие изученымъ; и добровидных инокъ и тѣлесы младых, премѣняюще, совлачаху черных риз и в мирския портища облачаху, и в варварския земли далече, яко простых юнош, продаяху; и младыя инокини разстризаху и разтлѣваху ихъ, яко простыя девицы, и за себя поимаху; над девицами же мирскими пред очима отецъ и матерей ихъ беззаконие, блудное дѣло, не срамляющеся творяху, тако же и над женами пред очима мужей ихъ, еще же и над старыми женами, которыи до 40 лѣтъ и до 50 во вдовствѣ пребываху, мужей своихъ оставше. И нѣсть мочно таковаго беззакония ихъ подробну исчести, понеже бо то аз своима очима видѣх и пишю, свѣдая, горкое повѣдание.

Православнымъ християномъ по вся дни казанскими срацыны и черемисою в плѣнъ ведоми бываху, и старым и непотребнымъ очи избодаху, и уши, и носъ, и уста обрѣзоваху, и зубы искореневаху, и ланиту выломляху, и тако помѣтаху конечно дышущих. Инѣм же руце и нозѣ обсѣцаху и, яко бездушное камение, по земли валяющеся и по малѣ часѣ умирающе. И инии же человецы усѣкаеми, иных же на желѣзныхъ удицах за ребра и за пазуси, и за ланите пронизающе, иных же на полы пресѣцаху, погубляюще, иных же на вострыя колия около града своего посажаху и позоры дѣяху, смѣх великъ.

О царю Христе, терпѣниа твоего ради! — и сие же, паче их, сихъ реченныхъ, младенецъ незлобивыхъ от пазух матерей своихъ, и смѣющихся, и играющих, и руцѣ свои, яко отцемъ своим, любезно имъ подающе,— тѣх окаяннии кровопийцы за гортани

к варварам. Иные же, оставив дома свои, и род и племя свое, страну и отечество, где они родились и были воспитаны, переселялись оттуда в глубину Руси, куда не доходили те варвары. И что тут много говорить: ведь от частых их набегов и завоеваний до основания были разрушены многие русские города и поросли они былием и травою, так что стали неузнаваемы. Опустошили они и все села, так что от всеобщего запустения позаросли они густыми лесами. И жгли они великие честные монастыри, святые же церкви оскверняли присутствием своим, ложась в них спать; и чинили они насилие над пленными женщинами и девицами; и, раскалывая секирами честные святые образы, предавали их огню-всеядцу; и святые служебные сосуды в простую посуду превращали: дома, на пирах своих, ели и пили из них скверные и поганые свои яства и напитки; и снимали честные кресты, серебряные и золотые, и, обдирая оклады с икон, переливали все это на серебреники и золотые и делали женам и дочерям своим серьги, ожерелья и мониста, а свои головы украшали тафиями и из священнических риз шили себе одежду; и над монахами чинили надругательство, бесчестя образ ангельский: засыпали им в сандалии горячие угли и, обвязав вокруг шеи веревку, заставляли их скакать и плясать, словно прирученных зверей; и стаскивали с молодых красивых иноков черные ризы и облачали их в мирские одежды, а затем продавали их, как простых юношей, в далекие варварские земли; и расстригали молодых инокинь, и насиловали их, как простых девушек, и брали их себе в жены; над мирскими же девицами на глазах у отцов их и матерей, не стыдясь, преступное блудное дело творили, также и над женами на глазах у их мужей, еще же и над старыми женщинами, которые до сорока и до пятидесяти лет во вдовстве пребывали, оставшись без мужей своих. И невозможно подробно перечислить все преступления их, ибо все это я видел своими глазами и знаю то, о чем пишу в горьком этом повествовании.

Православные христиане ежедневно уводились в плен казанскими сарацинами и черемисой, старым же, непригодным для работы, они выкалывали глаза и обрезали уши, нос и губы, и выдергивали зубы, и вырезали щеки, и в таком виде бросали их, еле дышащих. Иным же отрубали они руки и ноги, и валялись те люди как бездушные камни на земле, и спустя недолгое время умирали. Некоторые люди посечены бывали, других же они пронзали железными прутьями меж ребер, и в грудь, и в лицо, иных, убивая, перерубали пополам, иных же сажали на острые колья возле их города и предавали позору, насмехаясь над ними.

О царь Христос, велико твое терпение! Вот что они — хуже, чем с теми, о ком выше шла речь,— делали с младенцами незлобивыми: когда те, смеясь и играя, протягивали к ним любовно руки свои, словно к родным отцам, окаянные те кровопийцы, схватив

похитивше, задавляху и, за ноги емлюще, о камень и о стѣну разбиваху, и, на копияхъ прободающе, поднимаху.

О жестокия сердцы! О каменныя утробы ихъ! О солнце, како не померче и сияти не преста! Како луна не преложися в кровь, и звѣзды, яко листвие от древес, на землю како не низпадоша! О земле, како стерпѣ таковая и не разверзе устъ своихъ, и живых не пожре беззаконникъ тѣх, и во адъ не низведе ихъ! Кто тогда, жесток и каменосердеченъ, горце не восплачется, глаголюще: «О горе и увы», видящу отцевъ и матерей от чадъ своихъ отлучающихся, аки овцы от агнецъ своих, чада же от родителей своих, аки птенцы от птицъ отъемлемы, и подружия от подружия своего разстающеся живымъ разставаниемъ, иже много лѣтъ живше вкупѣ и на едином одрѣ возлежащимъ, и играющим, и чада родивше, и возпитавше, и своих чадъ дѣти видѣвше, и се во единъ часъ напрасно разлучаеми биваху, кииждо от себе. А инии же — новобрачнии, яко единъ день или множае два поживше, инии же не тако, но еще законным браком обручившеся и от церкве в домъ свой идущимъ, вѣнчание приемшимъ от презвитера своего, и не познавшися горлица с супругомъ своимъ, тако же разлучахуся, женихъ с невѣстою, и друг от друга без вѣсти биваху, яко звѣрми, разхищахуся, невѣдомо ис пустыни пришедшими. А инии же, во благоденствѣ цвѣтуще и богатствомъ кипяще, яко древний Авраамъ, и нищиа удовляюще, и странныя упокоивающе, и церковныя иерѣи почитающе, и плѣнныя у варвар откупающе и на волю пущающе, и многими деньми собранное у них богатство в мегновении ока, поганых руками разграбляемо, изгибаше. Они же во единъ час нази оставахуся, яко рожени, от всего своего лишаеми, и в убожествѣ и нищетѣ горце дни своя препровождаху, туне ходяще, просяще укруха; вчера и ономъ дни у них просящим до сытости подаваху, нынѣ же сами от боголюбцевъ снедениа приемляху.

Казанцы же приводяще к себѣ в Казань пленену русь и прелщаху, и принуждаху ихъ, мужескъ полъ и женескъ, в бусорманскую вѣру ихъ прияти. Неразумнии же мнози, увы мнѣ, прелщахуся и приимаху срацынскую вѣру ихъ, а инии же страха ради и мукъ и продания боящеся. Увы! горѣ таковых: не разумѣю прелести и помрачениа — горѣе варваръ и злѣе черемисы на християны биваху.

Не хотящих же вѣры их прияти убиваху, а иных, яко столпъ, перевязаных держаху и на торгу продаваху иноземцем купцем, тацѣм же поганым человекомъ, во иныя страны далниа и во грады поганыя невѣрных людей, идѣже слух нашъ не знает,— на чюжую далнюю землю, да тамо вси погибнутъ, не могуще оттуду никаможе избыти. Не смѣяху бо казанцы многия руси в Казани, мужска полу и необусорманеных, держати, ни во всей

за горло, душили их, и, взяв за ноги, разбивали о камень и о стену, и, пронзив копьями, поднимали в воздух.

О жестокие сердца! О каменные утробы их! О солнце, как ты не померкло и не перестало сиять! Как луна не претворилась в кровь, и звезды, как листья с деревьев, не попадали на землю! О земля, как стерпела ты все это и не разверзла уст своих, и живыми не поглотила тех преступников, и в ад их не низвергла! Кто не зарыдает горько, будь он даже жестокий человек с каменным сердцем, со словами: «О горе и увы!», видя, что отцы и матери разлучаются со своими детьми, словно овцы со своими ягнятами, дети же от родителей своих, словно птенцы от птиц, отрываются, и расстаются мужья с женами, прожившие вместе много лет, и на одном ложе возлежавшие, и любившие друг друга, и детей родившие и воспитавшие, и увидевшие чад детей своих,— и вот в один час жестоко разлучают их друг с другом. А иные — новобрачные, день или самое большее два прожившие, другие же — едва успевшие законным браком обручиться и идущие из церкви в дом свой, обвенчанные пресвитером своим, так что еще не познала горлица супруга своего — и те также разлучались, жених с невестою, словно зверями похищенные, внезапно пришедшими из пустыни, и ничего больше уже не знали друг о друге. У других же, в благоденствии процветающих и богатством кипящих, подобно древнему Аврааму, и подающих нищим, и странникам дающих приют, и церковных иереев почитающих, и выкупающих пленников у варваров, и на волю их отпускающих, за много дней собранное богатство в мгновение ока погибало, разграбленное руками поганых. И в один час оставались они нагими, как при рождении, лишившись всего своего имущества, и в убожестве и горькой нищете проводили свои дни, понапрасну ходя и прося куска хлеба; еще вчера просящим у них подавали они досыта, теперь же сами от боголюбцев пропитание принимали.

Казанцы же, приводя к себе в Казань русских пленников, прельщали их и принуждали, мужчин и женщин, принять басурманскую веру. Многие же неразумные — увы мне! — прельщались и принимали сарацинскую веру их: некоторые делали это от страха, боясь мучений и продажи в рабство. Увы! Горе было от таковых: не понимаю, как прельстились они и помрачился их разум, но бывали они христианам горше варваров и злее черемисы.

Тех же, кто не хотел принять их веру, они убивали; других же держали связанными, наподобие столбов, и продавали на рынке иноземным купцам, таким же, как и они сами, поганым людям, в иные дальние страны и поганые города, где жили неверные, о которых мы даже не слышали, в чужую дальнюю землю, дабы все они там погибли, не имея возможности никуда оттуда убежать. Ибо опасались казанцы русских людей, мужского пола и необасурманенных, в большом количестве держать как в самой

области Казанстей, развѣе женъ и дѣвиц, и младых отрочат, и да не наполнится руси и умножится в Казани, яко израилтян во Египтѣ, и укрѣпятся, и понасилуют самѣми ими. И того ради продаваху их иноязычником, емлюще на них откупъ велик, и тѣм богатяхуся.

И бѣ скорбь велика в Руской земли и велико стѣнание, и рыдание, и вездѣ произхождаше плач велегласен и горек, и неутѣшим от языка погана и неправедна, студа и злобы исполненъ, от человѣк, сердцы милости не имущих.

МОЛЕНИЕ КЪ БОГУ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О ЖАЛОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО НАРОДА, КОИ В ПЛѢНЪ ВЗЯТЫ. ГЛАВА 24

Православный же царь и великий князь Иоан Васильевич всегда, сия реченная слышавъ и зря плач и рыдание, и погибель людей своихъ, лютѣ печалуяся о них, яко оружиемъ уязвляшеся и утробою мятяшеся, и сердцемъ боляше, стоняше о православных християнѣхъ и по вся часы мысляше, како бы что таковая противная воздати казанцем и поганой черемисе их.

И всегда с постом моляшеся богу день и нощь и мало сна приемляше, давыдски слезами своими постелю свою омакаше, глаголя: «Боже, языцы приидоша погании в достояние твое, дал еси намъ в жребий жити в немъ, и оскверниша церковь святую твою, и положиша тѣлеса раб твоихъ брашно птицам небеснымъ, и плоти преподобных твоих звѣрем земнымъ, и пролияша кровь ихъ, яко воду, в нашей земли. И поношение быхомъ соседомъ нашим, и поругание, и насмѣяние сущим окрестъ живущих насъ. Коими убо, боже нашъ, казнами не наказа нас: и пленenми непрестанными, и великими пожары, и гладомъ частымъ и великим по всей земли, и мором великим — и ни тако же престахомъ от злоб своих. Доколѣ, господи, прогнѣваешися на рабы твоя? Мене же еси, яко добраго пастыря, избрал стаду твоему, и, аз согрѣших, мене погуби преже, а не овцы моя. Да за что погибаютъ сии? — Токмо грѣхов моихъ ради и небрежения, и непопечения о сих! Нынѣ, господи, прости вся грѣхи моя и не помяни беззаконий моих первых, во юности сотворенных мною, и не отврати лица твоего от моления моего, и вонми слезы моя горкия, виждь сокрушение сердца моего и не презри воздыханий моихъ, и призри на стадо свое, еже стяжа десница твоя, и пощади наслѣдие твое, и ущедри создание свое, Спасе, и услыши стонание раб твоих, и спаси люди гиблющия, за них же на крестѣ своем кровь свою излиял еси. Владыко, пролѣй гнѣв твой на языки, не знающия тебе, и на царствия, яже имени твоего не взыскаша, и помози нам, боже, спасителю нашъ, славы ради имени твоего святаго, и сотвори с нами

Казани, так и во всей Казанской области, оставляли только женщин и девушек и молодых отроков, дабы не наполнилась русскими Казань и не умножилось число их, как израильтян в Египте, и не укрепились бы они, и не стали бы сами притеснять казанцев. Потому они и продавали русских иноязычникам, беря за них большую плату, и наживались на этом.

И разлилась по Русской земле великая скорбь, и стон великий, и рыдание, и отовсюду поднимался громкий плач, горький и неутешный, от народа поганого и неправедного, бесстыдством и злобой переполненного, от людей, не имеющих жалости в сердце.

МОЛЕНИЕ К БОГУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О ТОМ, ЧТОБЫ СЖАЛИЛСЯ ОН НАД ХРИСТИАНСКИМ НАРОДОМ, В ПЛЕНУ НАХОДЯЩИМСЯ. ГЛАВА 24

Православный же царь и великий князь Иван Васильевич, слыша обо всем этом и видя плач, и рыдание, и погибель людей своих, всегда о них сильно печалился: горела у него утроба, как у раненого, и болело сердце, и стонал он при мысли о православных христианах, и всякий час думал он, как бы отомстить казанцам и поганой черемисе.

И всегда пребывал в посте, день и ночь молился он богу и мало сну предавался и, орошая слезами своими, как Давыд, свою постель, говорил так: «Боже, поганые народы вторглись во владения твои, и осквернили святую твою церковь, и сделали тела твоих рабов пищей для птиц небесных, а плоть преподобных твоих — для зверей земных, и пролили кровь их, словно воду, в нашей земле. И соседям нашим, окрест нас живущим, было от них поношение, и поругание, и насмеяние. Какими только, боже наш, казнями не наказал ты нас: и непрестанным пленением, и великими пожарами, и частым сильным голодом во всей нашей земле, и мором великим, но и тогда не отказались мы от злых своих дел. Доколе, господи, будешь гневаться на рабов твоих? И если меня избрал ты добрым пастырем стаду твоему, а я согрешил, то меня и погуби прежде, а не овец моих. За что погибают они! — Только из-за грехов моих, из-за того, что не берег их и не заботился о них! Ныне же, господи, прости все грехи мои и не помяни первых моих преступлений, совершенных мною в юности, и не отврати лица своего от моего моления, и вними горьким моим слезам, увидь сокрушение сердца моего, и не презри воздыханий моих, и позаботься о стаде своем, которое охраняла десница твоя, и пощади наследие твое, и будь щедрым, спаситель, к созданию своему, и услышь стоны рабов твоих, и спаси гибнущих людей, за которых пролил ты на кресте кровь свою. Владыка, излей гнев свой на народы, не знающие тебя, и на царства, не признавшие имени твоего, и помоги нам, боже, спаситель наш, во славу имени твоего святого, и поступи с нами

по милости твоей — изими насъ по чюдесем твоимъ и даждь славу имени твоему, господи, и да постыдятся вси супостаты наши, являющыя злая рабомъ твоим; и да изнемогут от силы своея, и крѣпость ихъ да сокрушится, и да разумѣют, яко ты еси богъ единъ и славен по всей земли, и да тихо и безмятежно во благо время поживут християнския чада, славяще тебе, великаго бога и спаса нашего Иисуса Христа. И о семь пророкъ написа: «Близ господь всѣм, призывающим его воистину; волю боящихся его сотворитъ и молитву их скоро услышит, и спасетъ ихъ».

О ВОСТАВШЕМЪ МЯТЕЖИ В КАЗАНИ И О СОГНАНИИ ЦАРЯ, И О ВЗЯТИИ С МОСКВЫ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ, И О БѢЖЕНИИ ЕГО, И СКАЗАНИЕ О УБИЕНИИ КНЯЗЯ ЧЮРЫ. ГЛАВА 25

И воста в Казани в велможахъ и во всем народе смятение велико, воздвигоша бо крамолу вси болшие с мѣншими на царя своего, Сат-Кирея, и свергоша его с царства своего, и выгнаша ис Казани со царицами его. И мало его не убиша за вину сию, что онъ приемляше своея земли крымскихъ срацынъ, приходящих к нему в Казань, и велможами быти устрояше, и богатяше их, и почиташе, и власть велику подаваше имъ, и обиде казанцевъ, и любляше и брежаше ихъ паче казанцевъ.

И побѣжавъ царь Сат-Кирей в Нагаи, и за Яикъ, и присвоися тамо, прибѣжав къ заяицкому князю Исупу, и дщерь у него взя, красну велми и мудру. С нею же взя и улусы кочевныя, в них же, кочюя, живяше. И бысть ему та пятая жена. И возлюби ю зѣло, паче первыхъ женъ своих болшихъ.

И подня с собою тестя своего, князя Исупа, приведе с ним нагайских срацын — всю орду заяицкую, и прииде с ними на взятие Казани. И стояше два месяца, приступая, и не взя града. И возвратися в Нагаи и ничтоже успѣвъ, токмо землю поплѣнив, нимало имуще у себя стѣнобитнаго наряду. И кто можетъ град таковъ стрѣлами взяти едиными, без пушек, аще не господь его нѣкако предастъ!

В сие же время злочастное притужаше казанцем царь Шихалей Касимовский всегдашним воеванием земли ихъ. И возтужиша казанцы о частыхъ войнахъ, напавших на нихъ, ово же о царѣ своемъ, не могуще жити долго без царя, яко ядовиты осы без матки своея въ гнѣздѣ или малыя змии без великаго. И не вѣдяху, откуду себѣ царя добыти, не хотяху от казанских царевичев и ни единаго знаемаго ими поставити царем. Ови убо хотяху в Крым послати по царевича, какова любо, овии же за турскаго царя мышляху заложити, да брежетъ их онъ и пришлетъ имъ своего царя, но не хотяху быти никому же повинны, яко державнии;

по милости твоей — чудесами своими спаси нас, господи, и прославь имя свое, да постыдятся все супостаты наши, причиняющие зло рабам твоим, и потеряют силу свою, и сокрушится твердыня их, чтобы уразумели они, что ты — один бог славный на всей земле, и чтобы чада христианские могли тихо и безмятежно пожить в добрые времена, славя тебя, великого бога и спасителя нашего Иисуса Христа. Об этом и пророк написал: «Близок господь ко всем, искренне призывающим его; исполнит он волю боящихся его, и быстро услышит молитву их, и спасет их»

О ПОДНЯВШЕМСЯ В КАЗАНИ МЯТЕЖЕ И ИЗГНАНИИ ЦАРЯ, И О ВЗЯТИИ НА ЦАРСТВО ИЗ МОСКВЫ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ, И О БЕГСТВЕ ЕГО. И СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ КНЯЗЯ ЧУРЫ ГЛАВА 25

И началось в Казани среди вельмож и народа большое смятение: возвели все — и знатные, и простые — крамолу на царя своего Сафа-Гирея, и свергли его с царства, и выгнали из Казани с царицами его. И едва его не убили за то, что принимал он сарацин из Крымской своей земли, приходящих к нему в Казань, и делал их вельможами, и обогащал, и почитал, и наделял их большой властью, и любил их, и берег больше казанцев, казанцев же обижал.

И, побежав к ногаям за Яик, остался там царь Сафа-Гирей у заяицкого князя Юсупа и взял себе в жены его дочь, очень красивую и умную. В приданое же взял за ней кочевые улусы, в которых и жил, кочуя. И была это у него пятая жена. И сильно полюбил он ее, больше своих прежних, старших жен.

И, уговорив тестя своего, князя Юсупа, пришел он с ним захватить Казань, приведя с собой ногайских сарацин — всю орду заяицкую. И стояли они два месяца, штурмуя город, и не взяли его, так как не было у него никаких стенобитных орудий. И возвратился он к ногаям, ни в чем не преуспев, только пограбив Казанскую землю. И разве может кто-нибудь взять такой город одними стрелами, без пушек, если только не отдаст его ему в руки сам господь!

В это же злосчастное время досаждал казанцам постоянными набегами на их земли касимовский царь Шигалей. И затужили казанцы из-за частых войн, обрушившихся на них, а также и о царе своем, ибо не могли они долго жить без царя, так же как ядовитые осы в гнезде без матки своей или маленькие змееныши без большой змеи. Но не знали, откуда добыть себе царя, ибо не хотели посадить на царство никого другого из известных им. Одни из них хотели послать за каким-нибудь царевичем в Крым, другие же за турецкого царя намеревались заложиться, чтобы взял он их под охрану и прислал им своего царя, при этом не хотели они никому повиноваться, словно правители;

овии же за московскаго царя и великаго князя, и бояхуся мщения от него о старых своихъ преступлениях; овии же и паки того же сосланнаго царя Сап-Кирея, изгнанаго, призвати хотяху, но и того бояхуся, мало бо его не убивше казанцы, всегда поучаеми бывахv на зло и на горшее преуспѣваху.

И смысливше, яко улучно время изыскавше оманути имъ самодержца московскаго, еже заложитися за него и Казань ему предати, и взяти на царство царя Шигалия, и уморити, яко же и брата его, мечи разсѣкоша, да не творит имъ пакости великие всегдашним воеванием. И послаша с лестию послы своя со многими дарми ко царю и великому князю просити царя Шигалия на Казань царемъ и миръ, и любовь имѣти с нимъ. И паче же заручающе на болшую вину, лжуще и маняще, яко же и отцу его лгаху и ругахуся.

Царь же и великий князь не позна гораздо лукавства казанцев, яко юнъ сый, и не послуша старых вѣрных совѣтников своих. И возбраняющим имъ не нят вѣры казанцем, но повѣри и послушав лстивых прелагатаевъ своих злых християнскихъ, наровящих казанцем, аще и единовѣрнии ему, еще же паче и воскормивше его. О семъ да никто же ми позазрит, яко лжу на своихъ глаголюща, истину бо вѣщаю: воистину достойни суть таковии вѣчному проклятию!

Онъ же, по лукавому совѣту ихъ, ятъ вѣры имъ и казанцем. И призвавъ к себѣ царя Шихгалея, и понуди его итти на царство в Казань, паче же на смерть, яко да, волею царство смиривъ, привлечетъ под руку державы его. Царь же Шихгалей не смѣ преслушатися самодержца своего, ни рещи ему противъ ничто же, да не разгнѣвается на него. Неволя бо многажды может паче волнаго!

И пойде с казанскими татары и с послы, великою печалию одержим сый, и не просто же, но на вѣре и ротѣ велицей, да не убиен будет от нихъ, тако же и они от него разпленени да не будутъ и никоея же ему вины прошлыя не мстити имъ; да преже *идет* к ним не в велицей силе: да не, убоявшеся казанцы плѣнения от царя, и вси во граде затворятся и царя самого, и послов своихъ к ним не пустят в Казань. И симъ лщением омануша его послове. И изыманъ бысть, аки медвѣдь, не крепкотѣненными мрежами звѣриными, но лестию и словесы лукавыми.

И не взяв царь с собою ни силы многие, ни стѣнобитнаго наряду огненаго, ни стрѣлцовъ, но токмо своих варваръ 3 000 и два воеводы московских. Единъ посланъ на брежение царю в Казани быти с нимъ — князь Дмитрей Белской, и с тѣм тако же рабовъ и домочадцевъ его 1000; другий же воевода — князь Дмитрей *Палецкой,* и тому повелено бѣ до Казани провадити и поставить царя на царство, и возвратитися.

иные стояли за московского царя и великого князя, но боялись мщения его за старые их преступления; иные же хотели снова призвать изгнанного ими царя Сафа-Гирея, но и его боялись, ибо едва не убили его казанцы, всегда подстрекаемые на зло и в горьких делах преуспевающие.

И сообразили они, что пришло подходящее время обмануть им московского самодержца: заложиться за него и отдать ему Казань, и взять на царство царя Шигалея, и погубить его, как и его брата, зарубить его мечами, чтобы не причинял он им великих бед постоянными своими войнами. И послали они лицемерно послов своих с многочисленными дарами к царю и великому князю, чтобы просить у него на царство в Казань царя Шигалея, обещая жить с ним в мире и любви, и навлекли они на себя еще большую вину, обманывая его и заманивая, как лгали и насмехались они над отцом его.

Царь же и великий князь по молодости не распознал сразу лукавства казанцев и не послушал старых верных своих советников. И хотя уговаривали они его не доверять казанцам, поверил он им, послушавшись льстивых и злых изменников христианских, которые хотя и были одной с ним веры, более того,— вырастили его, но угождали казанцам. Да не осудит меня никто за то, что лгу на своих, ибо все это правда: воистину достойны такие люди вечного проклятия!

Он же, по лукавому совету их, поверил им и казанцам. И, призвав к себе царя Шигалея, принудил его идти на царство, а вернее,— на смерть, в Казань, чтобы тот, своей волею смирив царство, подчинил его Московской державе. Царь же Шигалей не смел ослушаться самодержца своего и в чем-нибудь возразить ему, дабы тот не разгневался на него. Покорностью ведь можно большего достичь, чем своеволием!

И пошел он с казанскими татарами и послами, охваченный большою печалью, но не просто так, а заключив с ними договор о том, что не будет он убит ими, они же не будут им взяты в плен, и что не будет он мстить им за прошлые их провинности; идти же он должен к ним без большого войска, иначе казанцы, побоявшись царской расправы, затворятся в городе и не пустят к себе в Казань ни самого царя, ни своих послов. И такой хитростью обманули его послы. И поймали, как медведя, но не крепкими охотничьими сетями, а лестью и лукавыми словами.

И не взял царь с собой ни большого войска, ни стенобитных орудий, ни стрельцов, взял только три тысячи своих варваров и двух московских воевод. Один из них — князь Дмитрий Бельский — был послан для охраны царя и должен был остаться с ним в Казани, при нем была тысяча слуг его и домочадцев; другому же воеводе — князю Дмитрию Палецкому — было приказано лишь проводить царя до Казани, поставить его на царство, а затем возвратиться.

И пришед тамо царь, и въстрѣтиша его казанцы, в пансырех и в доспѣсѣхъ одѣяни, *не з* дары царскими, *со* блещащимся оружемъ и кровь проливающими. И взяша царя единаго неволею в Казань, без воеводы его, и с ним в число болшихъ его мурзъ и князей 100 человекъ. И тѣх емше, в тѣмницах заключиша, а прочих тѣхъ избиша всѣх на поле, на встрѣче царя, не пущая во град.

И видѣв воевода, князь Дмитрей, стрясшееся сие зло над царемъ и проводивъ его с плачемъ и со слезами, поклонився царю, и ни единыя нощи препочивъ, тако бо ему велено, и возвратися, скоро бѣжа, повѣдая сие самодержцу. Казанцы же отпустиша воеводу к Москвѣ, ни единаго словесе худа рекше ему, а после и каявшеся, что отпустивше его.

А другий же воевода со царем остася, и даша ему дворы стояти за городомъ, на посаде. И не брежаху его, да како хощетъ, но токмо ко царю ѣхати не дадяху ему и к Москвѣ возвращаху, да идет от них без боязни и со всѣми своими, невережен ничим же, а о царѣ да не тужит. Онъ же паче изволи умрети у них со царемъ, неже, оставльше его жива, единъ возвратитися и умрети на Москвѣ.

Глаголю же о нем, яко в том бѣ воеводѣ болшая измѣна казанцемъ, и сего ради они ходяще войною и не воеваху ни селъ, ни градовъ его, но около их обхожаху, и ни куряти единаго не взимаху. Посему, знати есть, яко прелагатай бѣ.

И бысть тогда в Казани царь месяцъ единъ в лѣта 7 054-го года, не яко царь, но яко плѣнникъ, изыманъ, крѣпко брегомъ — не испущаху его из града гуляти со своими его никаможе. И видѣ себе от казанцев неизбытною бѣдою одержима, и тужаше, и плакаше, и втай небеснаго бога моляше по вѣре своей, но и руских святыхъ на помощъ призываше, и мысляше, како бы освободитися от напрасныя смерти.

И в царския мѣсто власти смиряшеся пред ними и повиновашеся, и ни в чем же имъ прерѣковаше, и славны пиры на них творяше по вся дни, и дарове имъ подаваше, не царству же хотяше, но тѣм хотяше нѣкако смерти горкия избыти. Они же царскую его честь и дары со смирением ни во что же вмѣняху, но и сосуды его сребреныя и златыя, разставленыя пред ними на столѣх, разграбляху, сердце его раздражающе, злии, даромъ, да что имъ речетъ, и они, вскочивше ту, и разсѣкутъ его мечи, аки сыроятцы звѣрие овча или козла разсторгнутъ.

Но царская смерть без вѣдома божия не бывает, ни проста коегождо человѣка, вся бо умирает судом его, божиими дланми соблюдаеми: никто же можетъ от человекъ убити до реченнаго ему дни.

И вложи богъ милосердие о царѣ, вѣрнаго ради его страданиа за християны, въ сердце болшаго князя — властителя казанскаго

И пришел туда царь, и встретили его казанцы одетыми в панцири и доспехи, не с царскими дарами, а с оружием, блещущим и проливающим кровь. И впустили они царя в Казань против его воли одного, без воеводы, и с ним князей и мурз его сто человек. И, схватив их, заключили в темницах, а всех остальных перебили на поле, когда встречали царя, не пустив их в город.

И, видя стрясшееся с царем несчастье, проводил его воевода, князь Дмитрий, с плачем и со слезами поклонившись царю, и, не отдохнув ни одной ночи, как было ему велено, возвратился очень скоро в Москву, рассказав обо всем самодержцу. Казанцы же отпустили воеводу в Москву, ни одного худого слова не сказав ему, а после раскаивались, что отпустили его.

Другой же воевода остался с царем, и дали ему дворы для постоя за городом, на посаде. И не сторожили они его, предоставляя жить по своему усмотрению, но только к царю ездить не давали и уговаривали его вернуться в Москву: пусть-де идет от них без страха со всеми своими людьми, ни в чем не понеся ущерба, а о царе-де не тужит. Он же предпочитал умереть у них вместе с царем, нежели, оставив его живого, одному возвратиться и умереть в Москве.

Скажу же о нем, что был тот воевода тайным другом казанцев, поэтому они, ходя войной на Русь, ни сел, ни городов его не разоряли, но обходили их стороной, не взимая с него дани ни одним куренком. Поэтому следует знать, что был он предателем.

И пробыл тогда царь в Казани всего один месяц, в году 7054 (1546), не как царь, но как пленник, схваченный и крепко охраняемый,— никуда не отпускали его гулять из города с приближенными его. И, видя, что ввергнут он казанцами в непоправимую беду, тужил он и плакал, и в тайне молил своего бога, и русских святых на помощь призывал, и раздумывал, как бы избежать жестокой смерти.

И вместо того, чтобы показывать царскую свою власть, смирялся он перед ними, и повиновался им, и ни в чем не прекословил, и каждый день устраивал для них славные пиры, и одаривал их подарками, не на царстве стараясь утвердиться, но желая тем избежать горькой смерти. Они же царскую его честь и дары, подносимые им со смирением, ни во что не ставили, но, злые, расхищали сосуды его, серебряные и золотые, расставленные перед ними на столах, понапрасну выводя его из себя; если же он что-нибудь говорил им, то они тут же, вскочив, готовы были рассечь его мечами, словно звери-сыроядцы — разорвать овцу или козла.

Но царская смерть без ведома божия не случается, так же как и смерть любого другого человека, ибо все божьими руками охраняемы: умирают по суду его, никто не может быть убитым до назначенного ему дня.

И в награду за праведные страдания царя за христиан вложил бог жалость к нему в сердце знатного князя-правителя

Чюры Нарыковича; власть бо тогда над всѣми велику имѣяше в Казани Чюра. Князь же той, возрѣвъ на царя человѣколюбезнѣ и милостивно, пожалѣ о нем сердцемъ и душею своею и припаде ко царю вѣрною приязнию нелѣстною, добру помочь ему дая совѣтомъ своимъ, печаль от него отрѣвая и время, подобно к бѣжанию его, сказуя, избавляя царя от неповинныя смерти, оболгаетъ казанцевъ и сказуетъ ему и велмож московскихъ, доброхотящих Казани, и вѣсти повѣдающе о злѣ, и о добрѣ, подаваше имъ, и дары от того у них велики взимаше. Царь же даде ему и *грамоты*, вѣры для, ихъ за печатми ихъ.

Казанцы же неотложно, с того дни и сего дни, хотяху царя убити, но побѣждаше смирение его. И пресѣцаше думу Чюра, и день от дне отлучаше. Во един же день праздника нѣкоего срацынскаго — обычай имѣют казанцы праздновати и веселитися, и в корчемницахъ испивати, в той же день зва царь на обѣдъ свой всѣх казанскихъ велмож и властей, и судей всѣх, пребывающих в ратномъ дѣле, и всѣх купцевъ великих, и добыточныхъ людей, и простых, учрежаше ихъ сам в полатах царскихъ учрежениемъ великимъ. Протчему же народу градскому повелѣ брашна и пития, и меду, и вина возити, великия сосуды мѣрныя изналивати, и неизчерпаему быти, и поставляти на царевѣ дворѣ и площади, и вездѣ по граду: и по улицам, и по переулкамъ, и на распутиях, идѣже собираются людие и куплю дѣют, и ходятъ, и минуютъ,— и давати имъ пити невозбранно до воли ихъ. Такоже и воеводы царевы вся, приходящыя к нему, накормлеваше и напояваше, и одаряше ихъ, улановей же и князей, и мурзъ. И вси упивахуся до пияна и разъѣзжахуся по домом своим. Простыя же люди по улицам лежаху, коиждо гдѣ възвалився. И вси царя похваляху, убозии же и нищии бога о немъ моляху.

И никто же тогда никого же стрежаху, и моглъ бы царь, аще бы восхотѣл, от великих и до малых, и до худых всѣх избити во граде. Но или собою не домысляся, или вразумити его нѣкому на сие, но толко своими руками уби нарочитых князей и мурзъ, но и болшихъ волмож пьяных с собою ухвати и умча. Проспалися, в чепѣх и во оковах ведомы, на пути и плакахуся зло совѣсти своея и недомышляхуся.

Царю же изготовившуся и воеводе его, и нощи дня того приспѣвши, во граде же всѣмъ людем пияным, малу и велику, и проводи царя из Казани до Волги Чюра, изпустивъ его и бѣжати изнарови. И рече ему: «Аз, царю, вмѣсто тебе умру и моя глава вмѣсто твоея главы. Ты же, мною избавленъ бывъ от смерти, не забуди мене: егда будеши на Москвѣ, прежде мене станеши пред самодержцем, и воспомяни ему о себѣ и о мнѣ вся повѣдай». Сказа Чюра всю свою мысль царю, яко: «И аз готовъ буду за тобою из Казани бѣжати к Москвѣ на имя

Чуры Нарыковича; имел тогда Чура большую власть надо всеми в Казани. И князь этот, посмотрев на царя человеколюбиво и милостиво, пожалел его сердцем своим и душою и привязался к царю преданно и искренне, оказывая ему большую помощь своими советами, отгоняя от него печаль и указывая ему время, подходящее для его побега, и тем избавляя царя от незаслуженной смерти; доносил он ему на казанцев, а также назвал и тех московских вельмож, что были казанскими доброхотами и, узнавая плохие и хорошие новости, передавали их казанцам, получая за это от них богатые дары. И для верности передал царю грамоты, скрепленные их печатями.

Казанцы же, не медля, со дня на день хотели убить царя, но побеждало их его смирение. И отговаривал их Чура, и день за днем откладывали они убийство. В один же день некоего сарацинского праздника — казанцы имеют обыкновение устраивать праздники, и веселиться, и в корчемницах напиваться — созвал царь на обед к себе всех казанских вельмож, и правителей, и судей всех, и ратных людей, и всех богатых купцов, и зажиточных людей, и простых граждан и разместил их сам в царских палатах по своему царскому усмотрению. Прочему же народу городскому повелел он возить еду, и питье, и мед, и вина, наливать их в большие сосуды и следить, чтобы не кончалось в них вино, и расставить их на царском дворе, и на площади, и по всему городу: и по улицам, и по переулкам, и на перекрестках, где собираются люди на торг, и ходят, и переходят, и давать им беспрепятственно пить, сколько они захотят. Также и всех царских воевод, приходящих к нему, кормил он, и поил, и одаривал — уланов, и князей, и мурз. И упились все допьяна и разъехались по домам своим. Простые же люди лежали прямо по улицам, кто где повалился. И хвалили все царя, убогие же и нищие бога о нем молили.

И никто тогда никого не стерег, и мог бы царь, если бы захотел, всех перебить в городе от мала и до велика, всех без исключения. Но или сам он до этого не додумался, или некому было его вразумить, только убил он своими руками одних лишь знатнейших князей и мурз, богатых же вельмож, пьяных, с собою захватил и увез. Проснулись они уже в пути, ведомые в цепях и оковах, и зло плакали они от стыда, и не могли понять, как все случилось.

Когда же царь и воевода его были готовы к побегу и настала ночь того дня, а горожане все были пьяны от мала до велика, проводил Чура царя из Казани до Волги, выпустив его и уговорив бежать. И сказал ему так: «Я, царь, вместо тебя умру и отдам свою голову вместо твоей. Ты же, избавленный мною от смерти, не забудь меня: когда будешь в Москве и раньше меня предстанешь перед самодержцем, поведай ему о своем спасении и расскажи все обо мне». И открыл Чура царю весь свой замысел: «И я готов бежать вслед за тобой в Москву и перейти на службу

самодержцево: аще ли не побѣгну, то быти ми убиену от казанцевъ про изпущение твое». И совѣт ему даде, яко да дождетъ его царь на нѣкоемъ мѣсте знаемѣ, день ему нарече, да з женами своими и з дѣтми, и с рабы, и со всѣм имѣниемъ своим, не мочавъ нимало, побѣгнетъ за ним к рускимъ людемъ и украинам.

Разгнѣвася бо Чюра князь на казанцевъ о царѣ Шигалии, что лѣсть сотвориша над царем не по совѣту его, и взяша царя на вѣре и ротѣ велицей, и восхотѣша его убити, аки нѣкоего злодѣя или худа человѣка, бога не убоявшеся и брань конечную и кровопролитие зачинающе с московским самодержцем на отмщение себѣ и чадомъ своим.

И пущенъ бысть царь из Казани Чюрою, реку богомъ, здрав побѣгли и воевода его, князь Дмитрей, со всѣми его отроки, невреждень ничем: воевода же не стрегом казанцы, развѣе царя блюдяху крѣпко. И побѣжаху к руским украинам, к Василь-городу, в борзоходных стругахъ, токмо з душами своими, яко же *роженны,* да едины главы своя унесутъ от напрасныя смерти, всю казну свою в Казани покинувше, сребреную и златую, и оружейную, и ризную, избывъ от тѣнята, яко птица от пругла на воздухъ излѣтевъ, второе избывъ от рукъ казанцевъ, от страха смертнаго. И забы царь, и не пожда на мѣсте реченнѣм друга своего Чюры Нарыковича, избавльшаго его от смерти.

Во утрии же день приѣхаша нѣцыи князи и мурзы надзирати царя и увидѣша двор царевъ пустъ стоящъ: ни входящих вонь и низходящихъ из него, и не бѣ стражей, ни бѣрежателей, ни слуг царевых, предстоящих ему. И поискавше царя в ложницах его, и не обрѣташе ни во единой храминѣ. И видѣша токмо стрежателей царевыхъ, лежащих изсѣченых. Они же рекоша: «Охъ! Охъ! Увы, яко прелщени есмя, *всякъ* посмиется нам, вѣдомо бо казанцем бѣжание царево».

И гнашася за нимъ и вѣдуще, яко не согнати его, и между собою которахуся и пряхуся овъ на того, овъ на иного, и много избиша меж собою неповинных. Гнѣвахуся вси на Чюру, унимаше бо ихъ о убитии царя, и роптаху нань, и зубы скрѣжетаху. Инии же почитаху Чюру за храбрость его и за высокоумие его во всемъ граде.

Чюра же, по времени собрався з женами своими и з дѣтми,— с ним же бѣ 500 служащих раб его, во оружиях одѣяны, всѣх ратник с ним 1 000 и присталых к нему со всѣм богатесвомъ князи з женами и з дѣтми, аки в села своя поѣха прохлажатися ис Казани. И побѣжа к Москвѣ спустя по царѣ Шигалѣи десять дней и догнав мѣста реченнаго, и не обрѣте царя ждуща его. И горко ему бысть в той часъ.

А казанцы, увѣдавше бѣжание Чюры и гнавшеся за ним, и догнавше. Онъ же, обострожився от нихъ в мѣсте крѣпце, чая отбитися

к самодержцу: ведь если я не убегу, то убьют меня казанцы за то, что отпустил тебя». И условились они, что дождется его царь в некоем известном им месте в назначенный день, а он с женами своими, и с детьми, и со слугами, и со всем своим скарбом, не медля, побежит вслед за ним к русским людям в пограничные земли.

Ибо разгневался князь Чура на казанцев из-за царя Шигалея за то, что обманули они царя, не послушавшись его совета, и, клятвенно пообещав ему безопасность, захотели убить его, словно какого-нибудь злодея или безвестного человека, не побоявшись бога и затеяв кровопролитную войну с московским самодержцем, уготовив тем месть себе и своим детям.

И, выпущенный Чурой, я же скажу — богом, побежал царь из Казани, здоров и невредим, и с ним воевода его, князь Дмитрий, со всеми своими отроками: воеводу ведь казанцы не стерегли, только за царем строго следили. И побежали они к русским границам, к городу Васильеву в быстроходных стругах, ничего не имея за душой, в чем мать родила, чтобы только головы свои унести от жестокой смерти, бросив всю казну свою в Казани: золото, и серебро, и оружие, и одежду, освободясь от пут, словно птица, вырвавшаяся на воздух из сетей, во второй раз уйдя от казанцев, от страха смертного. И забыл царь и не подождал в назначенном месте друга своего Чуру Нарыковича, избавившего его от смерти.

Утром же следующего дня приехали некие князья и мурзы следить за царем и увидели, что двор царев стоит пуст: не было видно ни входящих в него, ни выходящих, ни стражей, ни охранников, ни слуг царских, прислуживающих ему. И, поискав царя в спальнях его, не нашли его ни в одной из комнат. И увидели они только побитых стражников царских. И сказали они: «Ох! Ох! Увы! Обмануты мы, и каждый теперь посмеется над нами, когда узнают казанцы о бегстве царя».

И погнались они за ним, и, поняв, что не смогут его догнать, начали между собою ссориться и браниться, один наскакивая на другого, и убили многих неповинных. Гневались все на Чуру, ибо унимал он их, когда хотели они убить царя, и роптали на него, и скрежетали зубами. Другие же почитали Чуру за его храбрость и за то, что был он самым умным в городе.

Чура же через некоторое время, собравшись с женами своими и детьми,— было с ним пятьсот вооруженных рабов, служивших ему, всех же воинов с ним была тысяча, так как присоединились к нему некоторые князья со всем богатством своим, с женами и детьми,— будто бы в села свои поехал прогуляться из Казани. И побежал он в Москву через десять дней после царя Шигалея, и достиг назначенного места, и не нашел там царя, ждущего его. И горько ему было в тот час.

А казанцы, узнав о бегстве Чуры, погнались за ним и догнали его. Он же отгородился от них в удобном месте, надеясь отбиться,

от нихъ. И бившеся с ними долго. И убиша своего храбраго воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всѣми отроки его, яко прелагатай есть Казани, доброхота царева. И токмо живѣ женѣ его с рабынями ея в Казань возвратиша. И болши сея любви нѣсть ничто же, еже положити душю свою за господина своего или за друга.

О ТРЕТИЕМЪ ВЗЯТИИ ЦАРЯ САП-КИРЕЯ НА ЦАРСТВО И О СКОРБИ ЕГО, И О СМЕРТИ, И О ЦАРИЦѢ ЕГО, И О КАЗНИ ВЕЛМОЖ МОСКОВСКИХ, И О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 26

И по избѣжании царя Шигалѣя ис Казани идоша казанцы в Нагаи, за Яикъ, и молиша царя Сап-Кирея, да изыдетъ паки третье к нимъ на Казань царемъ, ничтоже бояся. Онъ же радъ бысть и пойде с ними, прииде с честию в Казань. И встрѣтиша с дары царскими и умиришася с ним. И царствова напослѣдок два лѣта, и злѣокаянную свою душу изверже.

Словес божиих суд! Мечь и копие не уби его, и многажды на ратѣх смертныя раны возлагаху нань, нынѣ же, пьянъ, лице свое и руце умываше и напрасно занесеся ногама своима, и главою о умывалничный теремец ударися до мозгу, и о землю весь разразися, и всѣ составы тѣла его разслабишася, и не успѣвшим его предстоящим скоро подхватити. И от того умре того же дни, глагола сие, яко: «Нѣсть ино ничто, но кровь християнская уби мя». И всѣх лѣтъ царствова на Казани 32 лѣта.

И, умирая, царь приказа царство свое меншей царице своей, начаяся нѣчто сынъ родится ему от нее, а трем женам раздѣли имѣние царское и отпустити велѣл во отечествия своя ихъ. Они же поѣхаша: болшая в Сибирь ко отцу своему, а вторая к Астраханскому царю, третяя жена въ Крымъ к братии своей, князем Ширинскимъ. Четвертая же бѣ руская плѣнница, дочь нѣкоего князя славна. И та по возвращении царя из нагай в Казань умре в Казани.

И по смерти царевѣ востала брань велика и убийство в велможахъ его, и ругание злогласно, и крамола губителная: не хотяху бо слушати казанцы и покарятися менший болшимъ, коимъ царство приказано беречи, но вси велики творяхуся и вси хотяху владѣти в Казани, и друг друга убивающе.

А инии же крамолницы бѣгаху к Москвѣ ко царю и великому князю служити. Онъ же, не бояся, приемля ихъ и дая имъ потребная неоскудно. И се видяще, инии забываху родъ и племя. К Москвѣ выѣзжаху казанцы до 10 000 на Русь. Божие слово рече во Евангелии: «Аще кое царство станетъ само на ся, то вскорѣ разорится».

Царь же Шигалий из Казани на Коломну прибѣжав, яко ястреб, борзо прелѣтев путную долготу, ту бо стояше того лѣта царь

и долго сражался с ними. И убили они храброго своего воеводу Чуру Нарыковича с сыном его и со всеми отроками его как изменника Казани и царского доброхота. И только жена его с рабынями живой возвратилась в Казань. И нет ничего выше той любви, когда отдают душу за господина своего или друга.

О ВЗЯТИИ В ТРЕТИЙ РАЗ НА ЦАРСТВО ЦАРЯ САФА-ГИРЕЯ, И О СКОРБИ ЕГО, И О СМЕРТИ, И О ЦАРИЦЕ ЕГО, И О КАЗНИ МОСКОВСКИХ ВЕЛЬМОЖ, И О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ НА КАЗАНЬ. ГЛАВА 26

И после бегства царя Шигалея из Казани отправились казанцы к ногаям, за Яик, и молили царя Сафа-Гирея, чтобы, ничего не боясь, пошел он к ним снова в третий раз царем в Казань. Он же был рад, и пошел с ними, и пришел с честью в Казань. И встретили его казанцы с царскими дарами и помирились с ним. И царствовал он напоследок два года и испустил злокаянную свою душу.

О суд божий! Не убили его меч и копье и много раз в боях наносили ему смертельные раны, теперь же, пьяный, мыл он руки свои и лицо, и покачнулся на ногах, и разбил голову об умывальник до мозга, и упал на землю, и разбился, и все суставы его расслабились, и прислуживавшие ему не успели подхватить его. И от этого умер он в тот же день, проговорив: «Не что-нибудь, а кровь христианская убила меня». И всего процарствовал он в Казани тридцать два года.

И, умирая, передал царь свое царство младшей своей царице, надеясь, что родится у нее его сын, а имение царское разделил между другими тремя женами и велел отпустить их каждую в свое отечество. И поехали они: старшая — в Сибирь, к отцу своему, вторая — к астраханскому царю, третья жена — в Крым, к братьям своим, князьям Ширинским. Четвертая же была русской пленницей, дочерью некоего славного князя. Она после возвращения царя от ногаев в Казань умерла в Казани.

И началась после смерти царя между вельможами его яростная борьба, и убийства, и злая ругань, и крамола губительная, ибо не хотели менее знатные казанцы слушаться и покоряться более знатным, которым приказано было беречь царство, но все главными себя возомнили, и все хотели править в Казани и убивали друг друга.

А иные же крамольники убегали в Москву служить царю и великому князю. Он же, не боясь, принимал их и давал им необходимое, не скупясь. И, видя это, иные забывали свой род и племя. И выехало казанцев в Москву, на Русь, до десяти тысяч. Слово божие говорит в Евангелии: «Если какое-либо царство станет само на себя, то вскоре разорится».

Царь же Шигалей из Казани быстро, словно ястреб, перелетев долгий путь, прибежал в Коломну, где стоял в том году царь

и великий князь с силами своими, мужествуя на крымскаго царя. И втай наедине возвѣсти ему Шигалий о себѣ, како поглощенъ хотяше от казанцевъ быти и еже рядцы его болшие казанцем дружаху и поноровляху, яко наветом ихъ казанцы хотѣша его убити. Показа же ему и грамоты их за печатми ихъ.

Царь же и великий князь возъярися и рыкнувъ, яко лѣвъ, зло и, вправду обыскавъ и испытавъ християнскихъ губителей и бусорманских понаровниковъ, сослати повелѣ трех своих боляр, великихъ велможъ, лесть творящих, главной казни предати. Четвертый же болший и той смертным зелием опився уже после ихъ. К сим же и иных, вѣдающихъ дѣло сие, но не творящих, тии же бѣжанием смерти избыша и казни, и нѣгдѣ укрывшеся гнѣва его, живше до времени и обославшеся инѣми, и паки прияти быша во свой санъ.

Царь же и великий князь о том посмѣянии ему казанцевъ, еже о царѣ Шигалие, болитъ душею и снѣдается сердцем и недугуетъ злобою. И на другое лѣто по нем посла за сию лестную измѣну казанския земли воевати дву своихъ воевод преславных: превеликаго воемъ наставника храбраго князя Семиона Микулинскаго, достойно его памяти не забыти, и князя Василья Оболенскаго Сребренаго — и с ними на лехкѣ рати с копии многочисленых и бойцовъ огненых, и стрелцовъ.

И отпущаше ихъ, говорит имъ слово свое царское с любовию: «Вѣсте ли, о силнии мои, каков пламень горит в сердцы моем о Казани и не угаснетъ никогда же?! И воспомяните тогда, что благоприяли от отца моего, а от меня же, аще и мало: се еще нынѣ вамъ время предлежитъ любовъ показати ко мнѣ потщаниемъ службы, еже нелестно, на враги моя, и, аще угодно послужите и печаль мою утѣшите, то многимъ благимъ и паче первыхъ повинна мя вам дарователя имѣйте, о друзи. И се ми надежда моя великих воеводъ и благородных юнош». И сими словесы дерзостных сотвори, и отпущает Волгою в лодияхъ, заповѣдавъ имъ не приступати к Казани, сам бо мысляше ити, изготовяся, какъ ему время будетъ.

Похвалю же мало время предобраго воеводу и всѣми любимаго князя Симиона. Таковъ бо обычай имѣ: умомъ веселъ всегда и свѣтел лицем, и радостенъ очима, и тих, и кроток, и не имѣя гнѣва ни на кого же своих воин, но на противныя ему ратныя, и силенъ в мужествѣ, и славен в побѣдах, и в скорбѣхъ терпѣливъ, и наученъ мѣтати копием и укрыватися от стреляния, и на обѣ руки стрѣляти в примѣту, и не погрѣшити.

Тот же воевода, князь Семенъ, з другимъ воеводою уязвляется сердцемъ и вооружается крѣпце, со многими ратными храбрыми шедше, повоеваша много казанския области и кровию наполниша черемиская поля, и землю покрыша варварскими мертвецы,

и великий князь с силами своими, доблестно воюя с крымским царем. И тайно, наедине, рассказал ему Шигалей, как хотели его погубить казанцы и о том, что его, самодержца, ближайшие советники были в сговоре с казанцами и потрафляли им и что по их навету казанцы хотели его убить. Показал он ему и грамоты их, скрепленные их печатями.

Царь же и великий князь разъярился и, рыкнув зло, словно лев, и учинив строгий допрос губителям христиан и басурманским приспешникам, повелел сослать трех своих бояр, знатных вельмож, бывших в заговоре, и предать их смертной казни. Четвертый же знатный сам принял яд уже после их смерти. К этим же прибавил он и иных, которые знали об этом заговоре, но сами в нем не участвовали, но те бегством избежали смерти и казни, и жили до времени в некоем месте, укрывшись от гнева его, и, когда поручились за них другие, снова были утверждены в своем сане.

Царь же и великий князь из-за всего случившегося с царем Шигалеем, из-за этой насмешки над ним казанцев озлобился, и болела у него душа, и ныло сердце. И послал он на следующий год разорить за ту коварную измену казанские земли двух своих прославленных воевод: великого наставника воинов храброго князя Семена Микулинского — да сохранится память о нем! — и князя Василия Оболенского Серебряного и с ними налегке многочисленных воинов, вооруженных копьями, и пищальников, и стрельцов.

И, отпуская их, говорит он им с любовью слово свое царское: «Знаете ли, о сильные мои, какой пламень горит в сердце моем из-за Казани и не угаснет никогда?! Вспомните же все доброе, что получили от отца моего и от меня, пусть даже от меня и мало еще: теперь подошло вам время показать любовь вашу ко мне усердной и преданной службой против врагов моих, и если хорошо послужите и печаль мою утешите, то больше прежнего, о друзья, награжу вас многими дарами. И теперь надеюсь я на первых моих воевод и благородных юношей». И, вдохновив их такими словами, посылает он их Волгою, в ладьях, наказав им не подступать к Казани, ибо сам намеревался, приготовившись, идти туда, когда подоспеет время.

Воздам же коротко хвалу добрейшему воеводе и всеми любимому князю Семену. А был он таков: умом всегда живой и лицом светел, с радостными глазами, тихий и кроткий; не держал он гнева ни на кого из своих воинов, только на вражеских ратников, и был он доблестен и славен победами своими, и терпелив в несчастьях, и хорошо умел метать копье и укрываться от стрельбы, и мог обеими руками стрелять в цель и не промахнуться.

И загорелись сердца у того воеводы князя Семена и другого воеводы, и хорошо вооружились они, и, пойдя со многими храбрыми воинами, разорили много казанских земель, и наполнили кровью черемисские поля, и покрыли землю мертвыми варварами,

а Казань град мимо идоша неподалеку, толко силу свою показавше казанцем, не приступающе ко граду.

А велми и зѣло мочно бѣ и невеликим трудом Казань тогда взяти, занеже пришли воеводы не с вѣдома в землю Казанскую, а во граде мало людей было: всѣ улановѣ и князи и мурзы разъѣхашася по селом своимъ гуляти з женами своими и з дѣтми. И царя во граде нѣтъ: наѣхаша бо его на полѣ, с ловящими птицы и со псы ѣздяше и ловы дѣяше, тѣшашеся просто в мале дружине своей. И убиша 3 000 казанцевъ, бывшихъ с нимъ, и шатры его, и казну ту всю разграбиша, и болшую кормлю хлѣба его взяша, и самого царя мало не взяша, едва убѣжа самъ на возвращение с пятию или з десятию человеки, и град осади.

И видѣвъ, яко прошли уже Казань, и в третий день собрався и посла за ними 20 000 казанцевъ на похвалѣ, мняшеся и похваляяся ста тысящъ не боятися руси и, догонячи, переняти пути и воевод московских убити, и повоевати предѣлы руския. Воеводы же, услышавше за собою погоню, и сташа, крѣпце нѣгде укрывшеся. Казанцы же три дни гнашася за ними и утомишася сами и кони ихъ, и падоша почивати, аки мертви, чающе ушедше воевод у нихъ.

Воеводы же изшедше из мѣста своего и поидоша тихо к брегу, гдѣ казанцы спятъ. И послаша ихъ подзирати, и видѣша, что крѣпко спяху всѣ и оружые с себя помѣташа, и стражей нѣтъ, и стада конския далече от нихъ пасутъ, и никого же боятся, потому что во своей земли. И вои преже на нихъ шедше и отгнаша коней от нихъ. И вострубиша в трубы ратныя и в сурны, и нападоша на нихъ в полудни, вару сущу и зною велику, и побиша ихъ 17 000, а 2 000 взяша в плѣнъ, а тысящу нездравыхъ и язвеных и убѣгших в лѣсы.

И с великимъ полономъ казанскимъ воеводы приидоша к Москвѣ здравы всѣ, и нимало ихъ не паде. И радъ бысть велми царь и великий князь. Повелѣ одарить воеводъ своихъ и все войско издоволи, ходившия с ними, царскими дарованьми, яко забыти имъ вся труды своя, еже ходяще подъяху нужнымъ путемъ.

И се бысть первая началная побѣда сего самодержца нашего над злою Казанью. И ни тако же царь с казанцы своими устрашися, ни смирися с московскимъ самодержцемъ, не преста от злого обычая своего, *еже воевати Руския земля.* И в борзе умре: по возвращении же своем из Нагай царствова и по той побѣде толко два лѣта.

В то же лѣто, в не же умре царь казанский, начатъ царь и великий князь рать свою подвизати, и премѣняя войско свое по вся лѣта, на Казанскую державу. Неисходимо воинство руское бываше по седмь лѣтъ *ис Казанския области,* донелѣже, смиривъ ю тѣмъ, *одолѣ* и взятъ.

а город Казань обошли стороной неподалеку от него, только силу свою показав казанцам, не подступая к городу.

А можно было, и даже очень легко, взять тогда Казань, поскольку пришли воеводы неожиданно в Казанскую землю, а в городе было мало людей: все уланы, и князья, и мурзы разъехались гулять по своим селам с женами и детьми. И царя не было в городе: наехали на него в поле, когда он, развлекаясь, охотился с ловчими птицами и собаками, и была при нем лишь небольшая дружина. И убили они три тысячи казанцев, бывших при нем, и разграбили шатры его и казну, и забрали много хлеба, и самого царя едва не взяли — еле удалось ему убежать назад с пятью или десятью людьми и затвориться в городе.

И когда увидел он, что русские прошли уже мимо Казани, на третий день собрался он и послал за ними двадцать тысяч казанцев, похваляясь при этом, что не испугаются они стотысячного русского войска, и, догнав его, преградят ему путь, и поубивают московских воевод, и пограбят русские земли. Воеводы же, услышав за собою погоню, остановились, надежно укрывшись в некоем месте. Казанцы же три дня гнались за ними, и утомились они и кони их, и попадали они, как мертвые, на отдых, думая, что ушли от них воеводы.

Воеводы же вышли из укрытия своего и пошли тихо к берегу, где спали казанцы. И послали понаблюдать за ними, и увидели посланные, что все крепко спят, поснимав с себя оружие, и дозорных нет, и конские стада от них далеко пасутся и никого не опасаются, потому что находятся на своей земле. И пошли воины сначала к ним и отогнали коней от казанцев. И вострубили они в ратные трубы и в сурны, и напали на них в полдень, в самый жар и зной, и побили их семнадцать тысяч, а две тысячи взяли в плен, и лишь тысяча покалеченных и раненых убежала в леса.

И с большим казанским полоном пришли воеводы в Москву, все здоровые — никто из них не погиб. И рад был очень царь и великий князь. Велел он одарить воевод своих, и всем воинам, ходившим с ними, раздал царские дары, чтобы забыли они все тяготы свои, которые перенесли, пройдя этот тяжелый путь.

То была первая победа этого нашего самодержца над злою Казанью. Но не устрашился царь с казанцами своими, не помирился он с московским самодержцем, не отказался от злого обычая своего разорять русские земли. И вскоре умер он; после возвращения его от ногаев и того поражения своего царствовал он только два года.

В тот же год, когда умер казанский царь, начал царь и великий князь посылать свою рать на Казанскую державу, каждый год обновляя войско. Семь лет не уходило русское воинство из Казанской земли, до тех пор пока, смирив ее и одолев, не взял он Казани.

О ПЕРВОМЪ ХОЖЕНИИ САМОГО ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ Х КАЗАНИ И О ИЗЛЮБЛЕНИИ ЕГО МѢСТА ГРАДНАГО. ГЛАВА 27

Царь же и великий князь, слышав царя казанскаго Сап-Кирея, злаго воина, лютаго звѣря, кровопийцу, злѣ умерша и в велможахъ его и во всѣх казанцех возмущение и брань, и самоволие великое, и подвижеся умом и сердцемъ уязвися, и разгорѣся божественою ревностию по християнствѣ. И в третие лѣто царства своего собра вся князи и воеводы, и вся руская воинства многа и поиде самъ х Казани во многих тысящах в зимнее время в лѣта 7058-го года.

И велика бысть нужа воемъ от стужи зимныя: и от мраза, и от глада мнози изомроша, и конскаго падежу безчислено бысть. Велика тогда зима и мразна, к тому же и весна приспѣ скоро, и дождь велик, и много его идяше месяцъ непрестанно — или богъ тако сотвори или волхвование казанских волхвовъ сие бысть, не вѣмъ,— яко и станам и становищам в войске потонути, и мѣстом сухим не обрѣстися, гдѣ стояти и огнемъ огрѣтися, и ризы своя просушити, и ядения сварити.

И тогда того ради мало стояху у Казани, токмо три месяцы — от 25-го дни декабря месяца и до 25-го дни марта месяца. Приступаху ко граду по вся дни, біюще по стѣнам из великихъ пушекъ. И не преда ему богъ Казани взяти тогда, яко царя не бѣ на царствѣ, не бы славно было взяти его.

И возвратися на Русь, и Казанскую землю всю почернивъ и опустошивъ, видѣвъ у града напрасное падение людей своихъ. И мимо идущимъ имъ путем по Волге, ледомъ, за 15 верстъ от Казани на рецѣ, зовомѣй Свияге, ей же устие в Волгу течетъ, и узрѣ ту меж двѣма рѣкама гору высоку и мѣсто пространно и крѣпко велми, и красно, и подобно к поставлению града. И возлюби е въ сердцы своемъ, но не яви тогда мысли своея воеводам, ни единому же не рече ничтоже имъ, да не разгнѣваются нань и паче времени не сущу: бѣ бо мѣсто пусто и лѣсъ велик по нему. Подле же обою рѣкъ, Звияги и Волги, великия луги прилѣжатъ, травны велми и красны. Вдалѣ же от рѣкъ, в гору, села казанския стояху, в них же долняя черемиса живетъ — двѣ бо черемисы в Казанской области, языки ихъ три, четвертый же язык — варварский и той владѣяше ими: едина убо черемиса об сю страну Волги сѣдят, промеж великих горъ, по удолиям, и та словетъ горняя; другая же черемиса об ону страну Волги живетъ, и та наричется луговая,

О ПЕРВОМ ПОХОДЕ САМОГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЬ И О ТОМ, КАК ПРИГЛЯНУЛОСЬ ЕМУ МЕСТО ДЛЯ ПОСТРОЙКИ ГОРОДА. ГЛАВА 27

Царь же и великий князь, услышав, что казанский царь Сафа-Гирей, неистовый воин, лютый зверь и кровопийца, умер злой смертью и что между вельможами его и всеми казанцами начались междоусобицы и борьба, и царит там самоволие, взволновался умом и уязвился сердцем, и разгорелся божественным усердием защитить христианство. И в третий год своего царствования собрал он всех князей, и воевод, и все русское воинство и в зимнее время, в году 7058 (1550), сам пошел к Казани со многими тысячами.

И была для воинов большим бедствием зимняя стужа, и многие поумирали от морозов и от голода, и коней пало бесчисленное множество. Зима тогда была долгой и морозной, к тому же и весна началась рано, и целый месяц непрестанно шли проливные дожди — не знаю, бог ли так устроил или по волхвованию казанских волхвов это случилось,— так что все воинские станы и лагеря потонули в воде, и не было сухого места, где бы можно было остановиться, и обогреться у огня, и просушить одежду, и сварить еду.

Поэтому в тот раз недолго стояли русские под Казанью, только три месяца — с 25 декабря до 25 марта. Каждый день штурмовали они город, стреляя по стенам из больших пушек. И не дал бог московскому царю и великому князю взять Казань, ибо не было там в это время царя на царстве и потому не славно было бы взять его.

И возвратился он на Русь, пожегши и опустошив всю Казанскую землю, мстя за жестокую смерть своих людей у города. И когда шли они Волгою назад по льду, в 15 верстах от Казани, на реке, называемой Свиягой, устье которой впадает в Волгу, увидел он между двумя реками высокую гору и место, подходящее для постройки города: весьма просторное, крепкое и красивое. И полюбил он его всем сердцем, но не открыл тогда своего замысла воеводам, ни одному из них ничего не сказал, чтобы не разгневались на него: ведь место то было безлюдно и поросло густым лесом, больше же потому, что на это не было тогда времени. По берегам обеих этих рек — Свияги и Волги — простираются луга, богатые травами и красивые. Вдали же от рек, по склону горы, разбросаны казанские села, в которых обитает низовая черемиса,— ведь в Казанских землях проживают две черемисы, объединяющие три народа, четвертый же народ — варвары, которые и владеют ими: первая черемиса по эту сторону Волги сидит, между высокими горами по долинам, и называется она горной; вторая же черемиса живет по другую сторону Волги и зовется луговой из-за

низоты ради и равности земли тоя. И всѣ тѣ людие земли тоя пашницы и трудники, и злолютыя *ратники.* В той же странѣ луговой есть черемиса кокшаская и ветлуская: живутъ в пустынях лѣсных, ни сѣют, ни орутъ, но ловом звѣриным и рыбным извозомъ питаются и живутъ, аки дикие.

И пришед к Москвѣ царь и великий князь, и распусти войско свое препочити и не прогнѣвася на ня о неполучении орудиа своего, и хулна слова не рече к нимъ о напрасном хожении своемъ. И не ослабѣ ото всегдашняго подвига и желания мыслию о Казани, ни обленися и не преста от молениа своего ко господу со слезами, не отчаяся надѣжды своея.

О ВИДѢНИИ СНА ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О ВТОРОМ ПОСЛАНИИ ВОЕВОД ЕГО Х КАЗАНИ, И О ПОСТАВЛЕНИИ СВИЯЖСКОГО ГРАДА. ГЛАВА 28

И абие видитъ видѣние нѣкое во снѣ, показующе ему мѣсто, *гдѣ самъ видѣ и град ту* поставити веляше, яко и древле царю Константину, на устрашение казанцем, яко да побѣгнут от лица его и да мало нѣкое пособие и ограда будетъ украинам руским, и крепость и покой ратующимся с казанцы, да яко дома, во граде своемъ, на Руси, живущим и временем исходящим из него и воюютъ землю Казанскую.

И убудився от сна своего, и разумѣ, яко истинно есть видѣние се, а не лжа. И *призвав* к себѣ скоро прежепомянутаго многажды царя Шихгалея изо отчины земли его — из Касимова, яко вѣренъ ему бѣ паче иных царей и князей, и повелѣ ему ити со всѣми его служивыми варвары х Казани, яко уже гораздо есть ему знаема Казань и обычай казанской весь вѣдом.

Посылаетъ с ним девять воевод своих великихъ: первое князя Петра Шуйскаго, второе князя Михайла Глинского, третьяго князя Семена Микулинскаго вышереченнаго, четвертаго князя Василья Оболенскаго Серебренаго, пятое брата его, князя Петра Серебренаго, шестое Ивана Челяднина, седмое Данила Романова, осмое Ивана Хабарова, девятое Ивана Шереметева. С ними же и прочих воевод и многочисленное войско руское, твердооружное и все златом испещрено, и хитрецы, и градоздавцы, и дѣлатели. Повелѣ имъ казанския улусы плѣнити и воевати, и не щадѣти ни женъ, ни дѣтей, ни старых, ни малыхъ, но всѣх под мечь клонити и на мѣсте же своемъ любимом и паче — богомъ избранном град возградити, и всячески неослабно притужати х Казани, егда будетъ мочно.

Царь же Шихгалей Касимовский повелѣние приемъ от царя, самодержца своего, веселым сердцемъ и не со гнѣвом, и не *хулением,*

низости и ровности той земли. Жители же земли той все хлебопашцы и труженики и свирепые ратники. В той же луговой стороне есть черемиса кокшайская и ветлужская; живут они в безлюдных лесных местах, не сеют и не пашут, но питаются охотой и рыбной ловлей и живут, как дикие.

И, придя в Москву, царь и великий князь распустил свое войско на отдых, и не разгневался на воинов за то, что не исполнили они своего дела, и худым словом не попрекнул их за неудавшийся свой поход. И не ослабло всегдашнее его стремление и желание овладеть Казанью, не ленясь, не переставал он со слезами молиться господу, не теряя надежды своей.

О СНЕ, ПРИВИДЕВШЕМСЯ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, И О ПОСЛАНИИ ИМ ВО ВТОРОЙ РАЗ СВОИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ, И О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДА СВИЯЖСКА. ГЛАВА 28

И внезапно явилось ему, как некогда царю Константину, видение некое во сне, в котором показано было увиденное им место и повелевалось поставить там город на устрашение казанцам, дабы скрылись они от лица его и была бы для пограничных русских земель от этого города помощь и защита, а для воюющих с казанцами стал бы он надежной крепостью, чтобы могли они жить в нем, как дома, в своем городе на Руси, время от времени выходя оттуда и разоряя Казанскую землю.

Когда же пробудился он ото сна, то понял, что истинно видение это, а не ложно. И вскоре, призвав к себе много раз упоминавшегося прежде царя Шигалея из его отчины — Касимова, поскольку был он предан ему больше других царей и князей, повелел ему идти со всеми служащими ему варварами к Казани, ибо хорошо ему уже знакома была Казань и известны все казанские обычаи.

Посылает с ним царь и великий князь девять старших своих воевод: первым — князя Петра Шуйского, вторым — князя Михаила Глинского, третьим — вышеназванного князя Семена Микулинского, четвертым — князя Василия Оболенского Серебряного, пятым — брата его Петра Серебряного, шестым — Ивана Челяднина, седьмым — Данилу Романова, восьмым — Ивана Хабарова, девятым — Ивана Шереметева. С ними послал он и других воевод, а также многочисленное русское войско, хорошо вооруженное и разукрашенное золотом, и мастеров, и градостроителей, и работников. И повелел он им разорять и захватывать в плен казанские улусы и не щадить ни женщин, ни детей, ни старых, ни малых, но всех склонять под меч, и воздвигнуть на облюбованном им и, более того, богом избранном месте город, и, когда будет возможно, всячески неослабно докучать Казани.

Царь же Шигалей Касимовский принял повеление царя, самодержца своего, с веселым сердцем, без гнева, хулы или скорби.

ни скорбию. Такоже и всѣ воеводы великия и все московское воинство радостно поидоша, аки вѣдая на готовое орудие, шествие скоро *творящи* к Казани *плаванием* в ладиях великою рѣкою Волгою — течение имуще из Руси прямо на Востокъ, от нея же за 5 верстъ градъ Казань стоитъ, о лѣвую страну — везуще с собою готовый град древяный на великих лодиях бѣлоозерскихъ, того же лѣта новъ и хитръ строениемъ.

И плывше 30 дней и приидоша в землю Казанскую на рѣку Свиягу на мѣсто, указанное имъ, *месяца* майя въ 16 день, в субботу седмую по Пасце. И сташа ту, не дошедше Казани за 15 верстъ. И видѣша мѣсто угодно и добро велми, возлюбиша е царь и воеводы всѣ, и возрадовашася войска вся. И на утриа, в неделю, распустиша войска вся по улусомъ казанскимъ воевати и плѣнити горние черемисы и нижние. Первому войску, пѣшцем, повелѣша на горѣ той лѣсъ сѣщи и мѣсто чистити на поставление града. И божиимъ повелѣнием и поспѣшением въскорѣ дѣло конецъ прият не во многи дни и, *готовый собравше,* поставиша град велик и красенъ в лѣто 7059-го месяца июня въ 30 день.

И поставиша в нем церковь соборную пречистыя богородицы честнаго ея Рождества древяну и 6 инѣх монастырей внутрь града построиша, в них же храмъ преподобнаго Сергия чюдотворца. И всѣ воеводы и боляре, и купцы, и богатии, и простии жителие во граде домы свѣтлы поставиша и много житие свое устроиша. И радости, и веселиа наполнишася вси людие и прославиша бога.

О БЫВШЕМЪ ЗВОНУ НА МѢСТЕ ТОМЪ И О ЧЮДОТВОРНОМ ЯВЛЕНИИ СЕРГИА ЧЮДОТВОРЦА. ГЛАВА 29

Многа тогда быша изцеления от иконы великаго чюдотворца Сергия, якоже у гроба его слѣпии прозрѣша, нѣмии проглаголаша, хромым хожденне дарова, сухимъ простертие, глухим слышание; и бѣсы изгоняя, и от плѣна из Казани избавляше, и всяк недуг изцелеваше данною ему от бога благодатию. Якоже бо царь нѣкий град свой возлюби, в нем же царствовати хотяше, то всяцеми вещьми драгими и видимыми добротами украшаетъ, да тѣм славенъ и красенъ будетъ от иноземцев далних странных и купцевъ и от всѣх человекъ, входящих в онь да зряще на нь, дивящеся, и восвояси пришедше, и сказуютъ инемъ красоты его,— тако же и блаженный нашъ Сергий чюдотворецъ благими своими знаменми и чюдесы украси и прослави новый градъ свой, и от всѣх познася по всему, яко хощетъ жити в нем неотступно и град свой, и вся люди своя, живущия в немъ, соблюдати присно от варваръ. И преже намъ всего радостный вѣстник

И все знатные воеводы, и все московское воинство радостно выступило в поход на Казань, как будто уже предчувствуя победу, быстро совершая переход вплавь, в ладьях, по великой реке Волге — течет она из Руси прямо на восток; в пяти верстах в сторону от нее и стоит город Казань, на левом берегу — везя с собою на больших белозерках готовый деревянный город, заново искусно построенный в том же году.

И плыли они тридцать дней и пришли в землю Казанскую на реку Свиягу, на указанное им место месяца мая в шестнадцатый день, в седьмую субботу после Пасхи. И остановились там, не дойдя до Казани пятнадцати верст. И открылось им очень удобное и красивое место, и полюбилось оно царю Шигалею и всем его вельможам, и возрадовались все войска. И наутро, в воскресенье, распустил царь свои войска по казанским улусам — разорять и брать в плен горную и нижнюю черемису. Первому же войску, пехотинцам, повелел он на горе той рубить лес и расчищать место для постройки города. И вскоре божиим повелением и с его помощью, по прошествии лишь немногих дней, дело подошло к концу и, собрав готовые части, поставили город, большой и красивый, в году 7059 (1551), месяца июня в тридцатый день.

И поставили в нем деревянную соборную церковь Рождества пречистой богородицы, и построили внутри города шесть монастырей, в одном из которых — храм преподобного Сергия-чудотворца. И все воеводы, и бояре, и купцы, богатые люди и простые жители поставили себе в городе светлые дома и хорошо устроили свою жизнь. И наполнились все люди радостью и весельем и прославили бога.

О РАЗДАВАВШЕМСЯ В ТОМ МЕСТЕ ЗВОНЕ И О ЧУДЕСНОМ ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ-ЧУДОТВОРЦА. ГЛАВА 29

Многие тогда свершились исцеления от иконы великого чудотворца Сергия: слепые у гроба его прозревали, немые начинали говорить, хромым он даровал способность ходить, сухоруким — владеть руками, глухим — слух, и бесов он изгонял, и освобождал из казанского плена, и всякий недуг исцелял данной ему от бога благодатью. Подобно тому, как если бы некий царь, полюбив свой город и желая в нем царствовать, стал украшать его всякими дорогими вещами и зримыми красотами, дабы стал он от этого прекрасным и прославили бы его иноземцы из дальних стран, и купцы, и все люди, входящие в него, ибо, увидев его, удивились бы они и, вернувшись в свои земли, рассказали другим о его красоте,— также и блаженный наш Сергий-чудотворец благими своими знамениями и чудесами украсил и прославил новый город свой, отчего всем стало ясно, что хочет он в нем пребывать постоянно и всегда оберегать от варваров город свой и всех людей своих, в нем живущих. И явился он самым

и неложный бываеть, еже до конца изчезновение на враги своя казанцы, и на всю черемису ихъ.

Мѣсто же то таковое, идѣже поставися град: прилѣжаху бо к нему подале от него превысокия горы, и лѣсы *верси* своя покрывающе, и стремнины глубокия, и дебри, и блата; ближе града об едину стѣну езеро мало, имѣюще в себѣ воду сладку и рыбиц всяких малых доволно и на пищу человеком, из него же круг града течет рѣка Щука, и мало пошед, впаде въ Свиягу рѣку. И на таковѣй сей границе краснѣй промѣж двою рѣкъ, Волги и Свияги, новый градъ ста.

И первое явися начало божия помощи молитвъ ради пречистыя богородицы и новых всѣх святых чюдотворцев руских: егда бо царю и воеводамъ пришедшимъ и град Свияжский ставити начаша, и в третий день приидоша з дары, обославшеся, старѣйшины, сотники горния черемисы и моляхуся царю и воеводам, еже не воевати ихъ, князем же ихъ и мурзамъ оставиша их имъ и в Казань в осаду бѣжавшимъ и з женами, и з дѣтми. И присяже тогда горняя черемиса вся царю и великому князю и приложися половина земли казанския людей. И послаша царь и воеводы во улусы ихъ писарей, описавше ихъ 40 000 луков гораздных стрелцовъ, кромѣ мала и стара, невозрослого бо юноши и стара мужа, не писаху тѣх луков.

Сказываху же царю и воеводам нашим старейшины — сотники горния черемисы, живущии неподалечю от Свияжскаго града, тужаще и жаляще, иже добрѣ и гораздо свѣдяще: «До поставления бо за пять лѣтъ, царю нашему того же лѣта уже умершу и мѣсту тому пусту сущу, и граду Казанску мирну, и всей земли его не силно воевано от вас, слышахомъ ту часто по-руски звонящу церковный звонъ. Нам же во страсѣ бывшим и недоумѣющим, и чюдящимся, и посылающим нѣкоих юношъ легкихъ многажды доскочити до мѣста того и видѣти, что есть бывающее. И слышахом гласы прекрасно поющих, яко во время церковнаго пѣния, а поющих не видѣша; единаго же токмо видѣвше стара каратуна вашего, рекше, калугера, ходяща ту со крестом и на вся страны благословляюще, и кропяще, и *с образом яко любующа м*ѣсто и размѣряюща, идѣже поставитися граду. Мѣсто же то все исполнися благоухания. Много же наши юноши послании изжидаху его, покусившеся, да в Казань сведут на испытание, откуду приходитъ на мѣсто. Той же от них утѣкаше. Они же и стрѣлы своя из луков своихъ изпустиша, и невидим бываше, и да уязвивше, поне тако изымут его. И стрѣлы же ихъ ни близко к нему прихождаху, ни уязвляху его, но вверхъ идяху и сходящи с высоты, и сокрушахуся наполы, падаху на землю.

первым радостным и правдивым вестником того, что окончательно будут побеждены враги наши казанцы и вся их черемиса.

Место же, где вырос город, было таково: подалее от него подходили к нему высокие горы, вершины которых покрывал лес, простирались глубокие стремнины, непроходимые чащи и болота; вблизи же города, возле одной из стен, находилось небольшое озеро, имеющее вкусную воду и богатое всякой мелкой рыбой, пригодной для питания людей, из него берет начало река Щука, которая сначала обтекает вокруг города, а затем, немного пройдя, впадает в реку Свиягу. На этом прекрасном месте между двух рек, Волги и Свияги, и встал новый город.

И явилось первое знамение божьей помощи благодаря молитвам пречистой богородицы и всех новых святых русских чудотворцев: на третий день после того, как пришли царь и воеводы и начали строить Свияжский город, явились к ним с дарами, предупредив заранее через послов, старейшины, сотники горной черемисы, и стали молить царя и воевод, чтобы они не разоряли их, сказав, что князья их и мурзы бросили их, а сами укрылись в Казани вместе с женами своими и детьми. И присягнула тогда вся горная черемиса царю и великому князю, и перешла на его сторону половина жителей Казанской земли. И посланы были царем и воеводами в их улусы писари, которые переписали сорок тысяч умелых стрелков, кроме молодых и старых,— не достигших зрелости юношей и стариков не переписали.

И рассказали, тужа и жалуясь, царю и воеводам нашим старейшины, сотники горной черемисы, живущие неподалеку от Свияжска, то, что было им хорошо и подробно известно: «За пять лет до постройки этого города, когда царь наш уже умер и место это было еще безлюдно, а город Казань пребывал в мире и вы несильно разоряли нашу землю, слышали мы здесь часто звонящий по русскому обычаю церковный звон. И напал на нас страх, недоумевали мы и дивились, и много раз посылали неких быстроногих юношей добраться до места того и посмотреть, отчего это происходит. И слышали они прекрасно поющие, как во время церковной службы, голоса, а самих поющих не видели; одного только увидели старого каратуна вашего, то есть старца-калугера, ходящего по тому месту с образом и крестом, и благословляющего на все стороны, и кропящего святой водой, как если бы он любовался этим местом и размерял, где поставить город. Место же все то наполнилось благоуханием. Много раз посланные нами юноши, отважившись, поджидали его, чтобы свести в Казань и допросить, откуда он приходит на это место. Он же не давался им в руки. Они и стрелы в него пускали из луков, чтобы, подстрелив, схватить его, но он становился невидим. Стрелы же их не долетали до него и не поражали его, но летели вверх, а опускаясь, переламывались пополам и падали на землю

И устрашившеся юноши тѣ, и проч отбѣгаху. Мы же чюдихомся. И помышляху, дивяшеся в себѣ: «Что се будетъ новое сие знамение над нами?». И исповѣдахом господиям нашимъ — и князем нашим, и мурзамъ. Они же, шедше в Казань ко царице нашей и велможамъ казанскимъ, сказаша. И царица же, и велможи такоже дивляхуся и ужасахуся о явлении томъ и об томъ калугере.

О ВОЛХВѢХ, ПРОРИЦАЮЩИХ ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОЕ, И О СѢТОВАНИИ КАЗАНСКИХ СТАРѢЙШИН, О ГОРДѢНИИ ИХ. ГЛАВА 30

Многажды бо и от велмож нѣцыи сами в полудни видяху и жены их, и дѣти, играюще, и градние стражие в нощи того же калугера, по стѣнам казанским града ходяща и крестомъ град осѣняюща, и таковою же водою на четыре страны кропяща, но таяху в себѣ, никому же того повѣдаху, да не страх и боязнь преже времени на всѣ люди нападетъ, но тайно друг со другомъ глаголаху, посылаху по хитрыя своя волхвы, вопрошаху ихъ о том, что сие необычное является.

Волхвы же, яко древле еллинстии, *пророчествоваша о Христове пришествие,* сице и казанстии глаголаху: «О горе нам, яко приближается конецъ нашему житию, и вѣра христианская будетъ здѣ, и Русь имат в борзе царство наше взяти и насъ поработити, и владѣти нами силно не по воли нашей. Вы же, яко хощете — сказуемъ вам прямо и не обинующеся — еще тихо пожити вашего отечества и женъ, и чад ваших, и родителей, состарѣвшихся пред очима вашима, побиваемых и в плѣн ведомых не видѣти, то, собравшеся, от себе пошлите мужи мудры и словесники к московскому самодержцу, могущих умолити его и укротити. *Заранее* смиритеся с ним и обѣщайтеся быти подручны ему, не гордящеся, дани ему давайте. Не требует бо дани вашея, ни злата, ни сребра, и не нужно есть ему, но ждетъ смирениа вашего и покорения истиннаго. И аще сего не сотворите, якоже глаголахом вамъ, но то вскорѣ погибнемъ».

Старѣйшии же наши тужаху и печаляхуся, а инии же, горделивии и злии, смѣхуся и не внимаху речем волхвовъ, глаголаху: «Мы ли хотим быти подручны московскому держателю и его князем и воеводамъ, всегда насъ боящимся имъ! Достоит бо и лѣпо есть намъ ими владѣти и дани у них имати, яко и преже, они бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмь тѣм изначала господиа, а онѣ раби наши. И како могут или смѣют наши раби нам, господам своимъ, противитися, многажды им побѣждаемым бывшим от насъ. Мы бо искони обладаеми не быхом ником же, кромѣ царя нашего, но и служимъ ему, волны есмь себѣ: камо хощем, тамо идемъ. И тако живем и волею своею служим, и в велицей неволи жити не хощем, якоже у него на Москвѣ живут

И, устрашившись, юноши те убегали прочь. Мы же удивлялись. И, дивясь, размышляли мы про себя: «Что нам предвещает это знамение?» И рассказали мы обо всем господам нашим — князьям нашим и мурзам. Они же, пойдя в Казань, рассказали обо всем царице нашей и казанским вельможам. Царица же и вельможи также удивились и ужаснулись появлению того старца.

О ВОЛХВАХ, ПРЕДРЕКАЮЩИХ ВЗЯТИЕ КАЗАНИ, О ПЕЧАЛИ КАЗАНСКИХ СТАРЕЙШИН И О ИХ ГОРДОСТИ. ГЛАВА 30

Много раз в полдень видели того старца и некоторые из вельмож, а также их жены и дети во время своих игр, по ночам его видели городские стражи — ходящим по стенам Казани, и крестом осеняющим город, и кропящим на четыре стороны святой водой, но, опасаясь, как бы не напали прежде времени на народ страх и боязнь, утаивали они ото всех увиденное, никому не рассказывая об этом, но, тайно совещавшись друг с другом, посылали за мудрыми своими волхвами, чтобы расспросить их о том, что означает это необычное видение.

И так же как в давние времена греческие волхвы пророчествовали о пришествии Христа, так теперь казанские говорили: «О, горе нам, ибо приближается конец нашей жизни: утвердится здесь вскоре христианская вера, и возьмут русские наше царство, и поработят нас, и будут крепко владеть нами против нашей воли. Вы же — говорим вам прямо, без обиняков,— если хотите еще тихо пожить в вашем отечестве и не увидеть, как будут убивать и уводить в плен ваших жен, детей и родителей, состарившихся у вас на глазах, то, собравшись, пошлите от себя к московскому самодержцу мудрых и умеющих хорошо говорить людей, которые могли бы умолить его и укротить. Заранее помиритесь с ним и обещайте, не гордясь, служить ему, платите ему дани. Он ведь не дани требует от вас: ни золота, ни серебра ему не нужно, но ждет он смирения вашего и истинной покорности. Если же не сделаете так, как говорим мы, то вскоре все мы погибнем».

Старейшины же наши тужили и печалились, иные же, горделивые и злые, смеялись и не внимали речам волхвов, говоря так: «Нам ли служить московскому правителю и его князьям и воеводам, если они всегда сами нас боялись! Это нам пристало, как и прежде, владеть ими и получать с них дань, ибо они присягали нашим царям и платили им дань, и мы искони господа им, а они — наши рабы. И как могут или смеют рабы наши нам, господам своим, противиться, ведь много раз бывали они побеждаемы нами?! Нами же никто никогда не правил, кроме нашего царя, но и ему мы служили по своей воле: куда хотим, туда и идем. Так и живем, служа по своему желанию, и не хотим жить в неволе, как живут люди у него в Москве,—

люди в великой скорби и терпят от него. Мы же того и слышати не хощем, еже глаголете.

И многи хулы глаголавше и укоривше волхвовъ и посмѣявшеся имъ, вон изгоняху от себе безчестно и плеваху на лица их; иногда же в темницу всаждаху их, да не возмущают людми. Они же паче вопияху к народу: «Горе казанскимъ людем, яко в плѣнъ и в расхищение будут войскомъ рускимъ! Горе же и нам, яко волхвования наша с нами исчезнутъ!» Се тако и збысться, якоже рекоша волхвы наши».

Разумѣ и царица от волхвовъ, яко збысться конецъ пророчению оныя болшия царицы сибирския, но молчаше, людей укрѣпляюще. Прорече та царица казанское взятие в болѣзни своей, аки неволею в себѣ таяше.

О ЦАРИЦЫНѢ ПРОРОЧЕНИИ И О КАЗАНИ. ГЛАВА 31

При царѣ бо нѣкогда ходившим казанцемъ войною на руския предѣлы: на Галич и на Вологду, и на Чюхлому, и на Кострому, и много крови християнской пролияша. И взяша тогда, изгоном прискочивши, град Балахну немногими людми, посланы от болшихъ войска токмо шесть тысящъ, на мясопустной недели, на утреной зарѣ, градским людем изплошившимся и во время то испивающим, якоже обычай християнский в тыя дни о бозе веселитися. Варвари же гражданъ, мужей и женъ, и з дѣтми, всѣх под мечь подклониша, не ведуще *их* в плѣнъ *отехчения ради, единем бо* сребромъ и златомъ, и одеждами златыми, и инѣми таковыми же, и всяцеми вещми многоценными угрузишася, бяху же взяли боле *всея* рати своея, наполниша возы, и вьючьная бремена тяжка бысть наполнены рухла. А от смирѣннѣйших ничтоже взимаху, но вся во огнь вмѣтаху и сожигаху, яко не подобно имъ. И с таким великимъ плѣном в Казань пришедшим.

Царю же с воеводами веселящуся на пиру своемъ, царице же его болшой — сибирке — на одрѣ слежащи и лютѣ болѣвшей недугом нѣкимъ. А царь веселъ прииде к ней в ложницу, радость ей повѣдая рускаго плѣна и богатства неизреченного привезение к ней. Она же мало помолчав и, аки новая Сивилла *Южская* царица, со воздыханем изпущает глас, отвѣща ему: «Не радуйся, царю, сия бо радость и веселие нѣсть на долго время нам будет, но по твоемъ животѣ и оставшимся в плач и в сѣтование нескончаваемо обратится, и тую неповинную кровь християнскую своею кровию отолиют, и звѣрие, и пси поѣдят тѣлеса ихъ, и не родившимся и умершимъ тогда отраднѣйши будет, и царие в Казани по тебѣ уже не будут, вѣра бо наша во граде семъ искоренится, и вѣра будетъ святая в немъ, и обладанъ будетъ рускимъ держателем».

Царь же замолчавъ, разгнѣвася на нея и изыде от нея вонъ из ложницы.

объяты скорбью и притесняемы им. Не хотим мы и слышать о том, что вы предлагаете».

И, сильно браня и укоряя волхвов, смеялись над ними, и с позором прогоняли прочь, и плевали им в лицо, а иногда же сажали их в темницу, дабы не возмущали людей. Они же громче прежнего взывали к народу: «Горе казанским людям, ибо будут они разорены и взяты в плен русскими войсками. Горе и нам, ибо с нами исчезнет и волхвование наше!» Так все и сбылось, как предсказывали наши волхвы.

Поняла и царица, послушав волхвов, что сбывается конец предсказания старшей сибирской царицы, но умолчала об этом, ободряя людей. Напророчила же та царица во время своей болезни падение Казани — открылось ей это помимо ее воли.

О ПРОРОЧЕСТВЕ ЦАРИЦЫ О КАЗАНИ. ГЛАВА 31

Некогда, еще при царе, ходили казанцы войной на русские земли: на Галич, и на Вологду, и на Чухлому, и на Кострому и пролили много христианской крови. И взял тогда, в воскресенье на мясопустной неделе, небольшой их отряд в шесть тысяч воинов, посланный из большого войска, город Балахну, внезапно напав на него на утренней заре и застав горожан врасплох — пирующими, ибо по христианскому обычаю полагалось в те дни веселиться, прославляя бога. Варвары же всех горожан — и мужчин и женщин с детьми — предали мечу, не желая вести их в плен, дабы не обременять себя, нагрузились только серебром, и золотом, и одеждами златоткаными, и другими драгоценностями, и всякими дорогими вещами, которых взяли они больше, чем требовалось для такого войска, наполнив ими повозки; тяжелые тюки с разными пожитками тащили и вьючные животные. Имущество же простых людей они не забирали с собой, но бросали все в огонь и сжигали как ненужное. И с такой огромной добычей вернулись они в Казань.

В то время как царь с воеводами своими веселился на пиру, царица его старшая — сибирячка — лежала в постели, сильно страдая от некой болезни. И пришел, веселый, к ней в спальню царь, рассказывая ей о радостном событии — привозе для нее русских пленников и несказанного богатства. Она же, немного помолчав, словно новая Сивилла, Южская царица, со вздохом ответила ему: «Не радуйся, царь, ибо недолго будет длиться у нас эта радость и веселье, но после твоей смерти обратятся они для оставшихся плачем и нескончаемой скорбью, и за неповинную эту христианскую кровь заплатят они своей кровью, и поедят тела их звери и псы, и отрадней тогда будет неродившимся и умершим, и не будет уже после тебя царей в Казани, ибо искоренится вера наша в этом городе, и будет в нем святая вера, и будет им владеть русский правитель».

Царь же, разгневавшись на нее, замолчал и вышел вон из спальни.

О БѢСЕ, ТВОРЯЩЕМЪ МЕЧТАНИЕ ПРЕД ЧЕЛОВЕКИ, ЖИВУЩИМИ ВО ГРАДѢ. ГЛАВА 32

К сему же и третие знамение при мнѣ же бысть, еще бы ми тогда живущу в Казани. Нѣ в коем улусе мал градецъ пустъ, на брезе высоцѣ Камы рѣки стоя, его же русь имѣнуетъ бѣсовское городище. В нем же жывяше бѣс, мечты творя от мног лѣтъ. И то бѣ еще старых болгар молбище жертвеное. И схождахуся ту людие мнози со всея земли Казанъския: варвари, мужы и жены, и черемиса, жруще бѣсу и о полезных себѣ вопрошаху ту сущих волхвовъ. Бѣс же онѣх аки от недуг исцеляше, и всѣх, нерадящих его и минующих, уморяше, непомѣтнувших ему ничтоже, и плавающих рѣкою опроверзаше ладии и потопляше в рецѣ. И от християнъ нѣкиих погубляше.

И никтоже не смѣяше проѣхати его, не повергше что от рухла своего мало. К вопрошающим отвѣты невидимо отдаяше жрецы своими, приѣзжаху бо к нему жрецы и волхвы. Иному долго лѣтъ жити сказываетъ, и смерть, и здравие, и немощи, и убытки, и на землю ихъ плѣнение и пагубы, и всяку скорбь. И на войну пошедше, жряху ему, совопрошающе его волхвы, аще з добытком или з тщетою возвратятся. Бѣс же вся проявляше имъ, прелщаше, овогда же *и лгаше*.

И посла царица самого сеита казанскаго вопрошати, аще одолѣет царь Московский и великий князь Казанью или казанцы ему одолѣютъ. И до 9-го дни, падше, лѣжаху на земли, молящеся, иереи бѣсовскии, не востающе от земли, от мѣста, мало ядуще, да не умрут з гладу. И в десятый день, в полудне, едва отозвася имъ глас от бѣса в *мечети,* глаголющь, всѣмъ людем слышащимъ: «Что стужаете ми, уже бо отнынѣ нѣсть вам надежды на мя, ни помощи малы от мене, отхожду бо от васъ в пустая мѣста и непроходная, прогнанъ христовою силою, приходитъ бо сюда со славою своею и хощетъ воцаритися в земли сей и просвѣтить ю святымъ крещением».

И по малѣ часѣ явися дым чернъ великъ изнутрь *градца,* из мечети, на воздух се излетѣ змий огненъ и полѣте на запад. Нам же всѣм зрящим и чюдящимся, и невидимъ бысть очию нашею. И разумѣвше все бывшее, яко ту исчезе живот ихъ.

О ЦАРИЦЫНѢ ВЛАДѢНИИ КАЗАНЬЮ ВСЕЮ И ВЕЛМОЖ С НЕЮ БОЛШИХ, И ПЕЧАЛЬ О ПОСТАВЛЕНИИ ГРАДА СВИЯЖСКАГО. ГЛАВА 33

Царя же в то время не бѣ на Казани, яко преже умер бо бяше душевною смертию и тѣлесною. Оста же царица его млада, и родися царевич от нея, именемъ Мамш-Кирей, единым лѣтом у сосцу матери своея, ему же по себѣ отецъ его царство приказа.

О БЕСЕ, СОБЛАЗНЯЮЩЕМ ВИДЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ, ЖИВУЩИХ В ГОРОДЕ. ГЛАВА 32

Было при мне, когда жил я в Казани, и третье знамение. В некоем улусе стоял на высоком берегу реки Камы опустевший городок, который русские называют бесовским городищем. В нем обитал бес, с давних лет прельщая людей. Еще при старых болгарах здесь было мольбище языческое. И сходилось сюда много людей со всей Казанской земли: варвары и черемиса, мужчины и женщины, жертвоприношения творя бесу и прося совета у живших там волхвов. Таких людей бес как будто исцелял от болезней, всех же, кто пренебрегал им и обходил стороной, не принося ему никакой жертвы, убивал — у плывших по реке перевертывал лодки и топил всех в реке. Губил он и некоторых христиан.

И никто не смел проехать мимо, не пожертвовав ему чего-нибудь из своего имущества. Тем, кто его спрашивал, он невидимо отвечал через своих жрецов, ибо приезжали к нему жрецы и волхвы. Предсказывал он и долгую жизнь, и смерть, и здоровье, и болезни, и убытки, и земли их завоевание и разорение, и всякую беду. И когда уходили они на войну, то приносили жертвы ему, вопрошая его с помощью волхвов, с добычей или пустыми возвратятся они домой. Бес же все предсказывал им, соблазняя их, а иногда и обманывал.

И послала царица самого казанского сеита узнать, московский ли царь и великий князь одолеет Казань или казанцы одолеют его. И девять дней лежали, припав к земле, бесовские иереи, молясь и не поднимаясь со своего места, и ели только для того, чтобы не умереть с голода. И на десятый день, в полдень, едва отозвался им бес, и услышали все люди, находившиеся в мечети, его голос: «Зачем досаждаете мне, ведь уже нет вам отныне надежды на меня, ни на помощь мою, ибо ухожу от вас в пустынные и непроходимые места, изгнанный христовою силой, так как приходит он сюда со славою и хочет воцариться в земле этой и просвятить ее святым крещением».

И вскоре повалил густой черный дым из городка, из мечети, и в изумлении увидели мы все, как вылетел с ним вместе на воздух огненный змей, и полетел на запад, и скрылся из глаз. И поняли все, что случившееся означает: пришел конец их житию.

О ТОМ, КАК ЦАРИЦА СО ЗНАТНЫМИ СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ УПРАВЛЯЛА КАЗАНЬЮ, И О ПЕЧАЛИ ЕЕ ИЗ-ЗА ПОСТРОЙКИ СВИЯЖСКОГО ГОРОДА. ГЛАВА 33

Царя же в то время не было в Казани — он еще раньше умер духовной и телесной смертью. После него осталась молодая царица, и родился у нее в тот же год царевич, по имени Мамш-Кирей, которому и завещал царство после своей смерти его отец.

Владяше же царица Сумбек после царя своего пять лѣтъ всѣм Казанским царством, доколѣ возрастетъ сынъ ея, царевич младый, и в царский разумъ приидетъ совершено. И брежаху Казань с нею уланове и князи, и мурзы болшия, и велможи, и приказщики царевы, в них же бѣ первый болше всѣх крымской царевич Кощакъ. И за едино лѣто до *сего* отстоя Казань и от взятиа удержа от самого царя и великаго князя.

Се же все видѣвше царица и всѣ реченныя владѣлцы казанския, и вси простии земския люди, черемиса нижняя, по рускому языку чернь, что прииде царь Шихгалий Касимовской со множеством рускаго воинства и с великим нарядом огненым, аки смѣяся имъ и играя, и не во многи дни поставиша град посредѣ земли ихъ, яко на плещах ихъ, да подивятся. И горния страны черемиса и вся своя войска отступивших от нихъ и заложишася за московскаго самодержца, казанцем же ничего же сего в борзе не свѣдавшимъ: ни града поставлениа, ни черемисы отложения. И многим сказующим сия имъ, и не яша вѣры, гордостию снѣдаеми, чающе малый градецъ поставленъ, зовомый «гуляй». Той бо градецъ многажды ходил с воеводами к Казани, сотворенъ на колѣсех и цѣпми желѣзными утверженъ, его же нѣкогда часть отторгоша казанцы и 7 пушек в нем ухватиша.

И егда же великий град Свияжский поставлен бысть, и тогда истину увѣдаша и начаша тужити и тосковати. И возбояся царица и вси велможи казанския, и вси людие устрашишася зѣло, и вниде трепетъ, и ужасошася кости ихъ, и вся мозги ихъ, и крѣпость ихъ вся изчезе, и мудрость ихъ и гордѣние поглощено бысть христовою силою. И рекоша сами к себѣ: «Что сотворихом и что не убудихомся, и како уснухомъ, и како не устрѣгогомъ, и како оболсти нас, аки во снѣ, Русь, лукавая Москва?» И думаша много со царицею.

Она бо, яко лютая лвица, неукротимо рыкаше и веляше имъ в Казани осаду крѣпити и вой многих на помощ отвсюду собирати и отколе пойдутъ к ним: от Нагай и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма, аще не достанет столко своих людей на противление Руси, и давати им царския казны, елико хотят, и царя Касимовского, и воевод руских со всею силою рускою изгнати из земли своея Казанския; и град новый отъяти, и всячески противитися, доколе мочно.

И нихто же их не послушаше тогда. Аще и царица вѣдаше сама неизбытие свое, но волею предатися не хотяше. Единъ бо ея нѣкто подкрѣпляше и крѣпце с нею стояше за Казань, и противляшеся без лѣсти самодержцу московскому и воемъ его, и премогаяся с ним пять лѣтъ по наказу царя своего и по смерти его, той бяше саном почтенъ от царя выше всѣх велмож казанских, воеводства ради и мужества на бранѣх, реченный преже, мало вышше, Кощак царевич, муж величав

Владела же царица Сумбека всем Казанским царством после царя своего пять лет, пока подрастал сын ее, молодой царевич, и набирался царского разума. И правили Казанью вместе с нею уланы, и князья, и знатные мурзы, и вельможи, и царские приказчики, первыми среди которых был крымский царевич Кощак. И за год до этого отстоял он Казань и не дал взять ее самому царю и великому князю.

И увидела тогда царица, и все упомянутые казанские правители, и все простые земские люди — низовая черемиса, а по-русски чернь, что пришел касимовский царь Шигалей с многочисленным русским воинством и большими стенобитными орудиями и, словно насмехаясь над ними и играючи, всего за несколько дней построил им на удивление город посреди их земли, словно у них на плечах. И когда изменила им черемиса горной стороны со всеми своими войсками и покорилась московскому самодержцу, казанцы долгое время ничего об этом не знали: ни о построении города, ни об измене черемисы. И хотя многие говорили им об этом, казанцы, снедаемые гордостью, не верили им, думая, что построен лишь малый городок, называемый «гуляй». Такой ведь городок, поставленный на колеса и скрепленный железными цепями, много раз ходил с воеводами к Казани; некогда часть его была захвачена казанцами вместе с семью пушками.

И только тогда, когда большой город Свияжск был уже построен, узнали они правду и начали тужить и тосковать. И испугались царица и все казанские вельможи, и сильно устрашились все люди, и охватил их трепет, и ужаснулись они до мозга костей, и вся сила их исчезла, и поглощены были христовою силой мудрость их и высокомерие. И говорили они сами себе: «Что натворили мы и почему не проснулись, и как могли мы уснуть и не устеречь, и как обольстила нас, как во сне, Русь, лукавая Москва?» И долго совещались они с царицею.

А она, словно свирепая львица, неукротимо зарычала и повелела им готовить Казань к осаде и, если не хватит своих людей для того, чтобы оказать русским сопротивление, собирать на помощь многочисленных воинов отовсюду, откуда пойдут к ним: из Ногайской Орды, и из Астрахани, и из Азова, и из Крыма, и платить им из царской казны, сколько они захотят, и изгнать из Казанской своей земли касимовского царя и русских воевод со всею русскою силой, и отнять у них новый город, и сопротивляться им, покуда возможно.

Но никто из них не послушал ее тогда. Царица же, хотя и знала, что она обречена, но по своей воле не хотела сдаваться. И только один человек поддерживал ее и вместе с ней твердо отстаивал Казань и нелицемерно сопротивлялся московскому самодержцу и его войскам, пять лет воюя с ними по наказу своего царя после его смерти — упоминавшийся прежде, немного выше, царевич Кощак, человек величавый и свирепый, удостоенный ца-

и свирѣпъ. К нему же приложишася крымцы и нагаи, и вси приѣзжыи языцы брань составляти с Русью.

Казанцы же всѣ не хотяху, глаголюще яко: «Мы не мощни есмы нынѣ и несилны противитися руским людемъ, понеже не изучены и несилны». И бысть между всѣх пря и несогласие во едину мысль. И за сие погибоша.

О ЛЮБВИ БЛУДНОЙ СО ЦАРИЦЕЮ КОЩАКА И О ИЗБѢЖЕНИИ ЕГО ИЗ КАЗАНИ, И О ЯТИИ ЕГО, И О СМЕРТИ ЕГО. ГЛАВА 34

Того же царевича Кощака не токмо вси казанстии людие вѣдяху от своея жены прелюбы со царицею творяща после царя, но и на Москвѣ слышашеся рѣчь та, и во многих ордах. Еще же и злѣе того — мысляше с нею царевича младаго убити и велмож всѣх, обличающих его о беззаконии томъ, и царицу поняти за себе, и воцаритися в Казани. Таково бо женское естество полско ко грѣху! И никий же бо лютый звѣрь убиваетъ щенцы свои, и ни лукавая змиа пожирает изчадий своих!

Сверстницы же его и велможы возбраняху ему, да престанет от злодѣяниа того, и убийством прещаху ему. Онъ же, яко власть имый надо всѣми, не смотряше ни на когождо ихъ. Любляше бо его царица и зазираше добротѣ его, и разжиганми плотскими сердце уязвися к нему всегда, и не можаше ни мало быти без него и не видѣв лица его, огнеными похотми разпалаема.

Кощак же царевич, видѣвъ царство всѣ и люди волнуемы, и разумѣ неможение свое и неизбытие, и неминующую бѣду свою, и казанцевъ мятущихся всѣх и не слушающих его ни в чем же. И умысливъ бѣгством сохранити животъ свой, начатъ у казанцев проситися из Казани ласковыми словесы, яко да отпустят в Крымъ. И отпустиша его честнѣ, куда ему любо, со всѣм имѣнием его, бѣ бо богатъ зѣло, яко да не метет всѣми людми.

Онъ же, собрався со многими варвары, жившими в Казани, и взявъ брата своего, и жену свою, и два сына своя, и вся стяжаниа своя, и нощию воставъ, побѣжа из Казани, не являяся, яко побѣже, но яко збирати войска пойде самъ, не вѣруя посланым от него, вси бо посылаемыя имъ не дохождаху тамо, удуже посланы бываху на собрание войска: к Москвѣ з грамотами приѣзжаху и отдаваху самодержцу. Казанцы же, испустивше его, и даша вѣсть ко царю Шихалею, яко да не взыдетъ на них вина бѣжания его, не любляху бо его за то *казанцы* что онъ, иноземецъ сый, яко *царь,* силно владѣяше ими.

Царь же посла за ним в погоню воеводу Ивана Шеремѣтева, 10 000 с ним легких людей. Воевода же догна его в полѣ, бѣжаща

рем самого высокого сана среди казанских вельмож за то, что показал себя в боях мужественным воеводой. К нему присоединились крымцы, и ногаи, и другие народы, приехавшие, чтобы воевать с Русью.

Казанцы же не хотели этого, говоря так: «Не в состоянии мы сейчас и не в силах противиться русским людям, поскольку необучены и несильны». И началась между ними распря, и никак не могли они придти к единому мнению. Из-за этого и погибли.

О ГРЕХОВНОЙ ЛЮБВИ ЦАРИЦЫ И КОЩАКА, И О БЕГСТВЕ ЕГО ИЗ КАЗАНИ, И О ПЛЕНЕНИИ ЕГО И СМЕРТИ. ГЛАВА 34

О том, что царевич Кощак втайне от своей жены прелюбодействует с царицей после смерти царя, знали не только казанцы: слышали об этом и в Москве и во многих ордах. Но и хуже того — вместе с нею задумал он убить юного царевича и всех вельмож, обличающих его за то беззаконие, потом взять царицу себе в жены и воцариться в Казани. Вот до чего женское естество склонно к греху! Ведь даже дикий зверь не убивает щенков своих и не пожирает коварная змея своих детенышей!

Близкие же ему люди и вельможи требовали, чтобы прекратил он злодеяние свое, и грозились его убить. Он же, имея власть надо всеми, ни на кого не обращал внимания. Царица же любила его и любовалась его красотой, и всегда сердце ее было уязвлено плотским влечением к нему, и не могла она даже на малое время оставаться без него, не видя его лица, распаляемая огнем похоти.

Царевич же Кощак, видя, что взбудоражено все царство и все казанцы пришли в смятение и ни в чем не слушаются его, понял, что бессилен он и обречен и что ждет его неминуемая беда. Тогда, задумав бегством сохранить себе жизнь, начал он ласковыми словами уговаривать казанцев, чтобы отпустили они его из Казани в Крым. И отпустили они его честно, куда он хочет, со всем имуществом его — а был он очень богат,— чтобы не возбуждал он смуты среди людей.

Он же, собрав многих варваров, живших в Казани, и взяв с собой брата, жену, и двух своих сыновей, и все нажитые богатства, побежал, поднявшись среди ночи, из Казани, представив все так, будто он не убегает, а отправляется сам набирать войско, не доверяя больше своим посланцам, ибо все, посылавшиеся им, не доходили туда, куда посылали их для найма воинов: вместо этого приезжали они в Москву со своими грамотами и отдавали их самодержцу. Казанцы же, выпустив его, послали весть царю Шигалею, дабы не возложил он на них вину за его бегство, ибо не любили его казанцы за то, что он, будучи иноземцем, правил ими как царь.

Царь же послал за ними в погоню воеводу Ивана Шереметева с десятью тысячами легковооруженных людей. Воевода же

меж двою рѣкъ великихъ — Доном и Волгою. И поби всѣх бѣжащих с нимъ 5 000, и взяша много богатства ихъ. Самого же улана Кощака и з братом его жива взяша, и з женою его, и с малыми двѣма сыны его, и с ним 300 добрых воинъ, в них же бѣ 7 князей и двѣнатцеть мурзъ. И послаша его к Москвѣ оттуду.

И приведоша его, варвара, во царствующий град Москву безчестна, аки лютаго звѣря, всего желѣзными чепми окована — не хотяща добромъ смиритися, и богъ неволею предаде его. И вопросиша его повелѣнием самодержца, о аще хощет креститися и служити ему, и то *да* милость прииметъ от него и живъ будет. Онъ же раб его быти хотяше, креститися отрицашеся, *ни мыслию* внимаше, и не восхотѣ благословения, и удалися от него.

И по нѣколицех днех державше его в тѣмницѣ и усѣкоша его не во граде, но на усѣкателномъ мѣсте, со всѣми его варвары. И побиша паличием всѣх. А жену его крестиша со двѣма сынми его в православную вѣру. И взят ю к себѣ христолюбивая царица жити в полату свою. А два сыны Кощаковы взят к себѣ во двор царь и великий князь и изучи их руской грамотѣ гораздно.

О ДУМѢ ВЕЛМОЖ КАЗАНСКИХ СО ЦАРИЦЕЮ О КАЗАНИ И О МИРУ, ЕЖЕ СО ЦАРЕМЪ ШИХАЛЕЕМ И С ВОЕВОДАМИ. ГЛАВА 35

По избѣжании из Казани царевича Кощака собрашася ко царице все казанстии великии велможи, глаголюще: «Что имамы сотворити, царице, и что дума твоя с нами еже о нас, и когда утѣшимся от скорби и печалей, нашедшихъ на ны? Уже бо прииде кончина твоему царствованию и нашему владѣнию с тобою, яко же мы сами себѣ дивимся. За великое наше согрѣшение и неправду, бывшую на руских людех, постиже царство наше гнѣвъ божий, и намъ — плач не утѣшим и до смерти нашея. Вѣси убо и сама уже и видѣла еси, колико побѣждахомъ Руси и погубляхом, с великимъ таким царством много лѣтъ боряхомся, и паче и боле ихъ множается: есть богъ ихъ с ними всегда, побѣждая нас. И аще убо нынѣ хощем стати супротивъ Руси бранию, яко же ты пущаеши и понуждаеши, руским бо воеводам многим сущим и готовым убо, и великий наряд огненый у себя имущим, и на то пришедших, еже с нами братися, нам же немногими людми, несобравшимся и не изготовльшимся,— да вѣдаем и сами себѣ, яко побѣжденым намъ быти от них, неже побѣдити их. А храбрый Кощак царевич, его же держахом у себя и в царя мѣсто почитахом его, и покоряхомся ему по цареву приказу, и надѣяхомся на него, аки на царя же,

догнал его в поле, когда бежал он между двумя великими реками — Доном и Волгою. И перебил он всех, бежавших с ним, пять тысяч, и захватил у них много богатства. Самого же улана Кощака, и брата его, и жену, и двух его маленьких сыновей взяли живыми и вместе с ними захватили триста добрых воинов, среди которых было семь князей и двенадцать мурз. И послали его оттуда в Москву.

И привели его, варвара, в царствующий город Москву без чести, как лютого зверя, закованным в железные цепи — не хотел он добром смириться, и вот бог против его воли отдал его в руки русским. И по повелению самодержца спросили его, хочет ли он креститься и служить ему, ибо тогда он будет помилован и останется жив. Тот же рабом его быть хотел, креститься же отказался, даже мысли об этом не допускал, и не захотел благословения, и удалился от него.

И, продержав его несколько дней в темнице, казнили его вместе со всеми его варварами, но не в городе, а на месте, предназначенном для казней. И побили их всех палицами. А жену его вместе с двумя сыновьями крестили в православную веру. И взяла ее христолюбивая царица к себе в палату. А двух сыновей Кощака взял к себе во двор царь и великий князь и хорошо обучил их русской грамоте.

О ДУМЕ КАЗАНСКИХ ВЕЛЬМОЖ И ЦАРИЦЫ О КАЗАНИ И О МИРЕ, ЗАКЛЮЧЕННОМ ИМИ С ЦАРЕМ ШИГАЛЕЕМ И ВОЕВОДАМИ. ГЛАВА 35

После бегства из Казани царевича Кощака собрались к царице все знатные казанские вельможи, говоря так: «Что будем делать, царица, и что думаешь ты вместе с нами о нашей судьбе, и когда утешимся мы от скорби и печалей, на нас нашедших? Ибо пришел уже конец твоему царствованию и нашему с тобой правлению, так что удивляемся мы сами себе. За великое наше согрешение и неправду, творимую над русскими людьми, постиг царство наше гнев божий, а нас — безутешный плач до самой смерти. Знаешь ведь уже и сама и видела ты, сколько раз побеждали мы и губили Русь и много лет с таким большим царством боролись, но становится оно все больше и больше, ибо всегда с ними бог их, побеждающий нас. И если мы теперь решим выступить против Руси, как ты нас посылаешь и понуждаешь, в то время как русские воеводы, специально пришедшие, чтобы с нами биться, располагают большим войском и огнестрельным нарядом и готовы к бою, а у нас и людей немного, и к войне мы не приготовились, не собрались с силами — знаем мы, что будем мы ими побеждены, нежели победим. А храбрый царевич Кощак, которого держали мы у себя и почитали, как царя, и которому покорялись по царскому приказу и, как на царя, надеялись

и онъ в горкое се время нужное преже всѣх нас устрашися и оставя нас в печали и в мятежи, и *взяв* вся имѣниа, своя многая и чюжая, и храбрых людей, тайно изыде от нас, яко всему царству нашему грубя. И побѣжа с великою корыстию, хотя единъ угонзнути божиа суда, и от коихъ бѣгаше, бояся изыманиа ихъ, и к тѣмъ сам прибѣжа, впад в руце, и погибе. Нынѣ же гордѣние наше и высокоумие преложимъ на кротость и смирение и, вся оставльше нелѣпыя наши думы, и идемъ ко царю Шихалѣю с мирением и с молением от лица твоего, яко да не бы помнил нашея вины и наруганиа, еже когда сотворихом ему, хотяще многажды убити его, егда бо был на Казани, царемъ чтобы ныне былъ и взял бы тебя честно женою себѣ, не гордяся тобою, но с любовию, не яко горкую плѣнницу, но яко царицу, любимую и прекрасную, *дабы укротилось* сердце его и смирятся воеводы всѣ». И люба бысть рѣчь сиа царицѣ и всѣм велможам ея, и всему народу казанскому.

И сими словесы совѣщавшеся, и болша сихъ, и поидоста от царицы болшиа велможи и улановѣ, князи и мурзы казанския во Свияжский град ко царю Шихалѣю и к воеводам и, пришедше к ним, даша им дары свѣтлы и начаша им тихо глаголати о смирении от всего сердца их, не лѣстно молити царя Шихалея, яко да изыдет к нимъ на царство, ничтоже сумняся. «Молим тя,— глаголаху,— волный царю, и кланяемся вамъ всѣм, воеводам великим, не погубити нас всѣх до конца, раб своих, но приимите смирение наше и покорение: великий град нашъ и вся земля державы нашея пред вами есть и ваша да будет. У нас же на царствѣ нѣсть царя и того ради меж нами бывает мятеж великий и межусобица, и нестроение земное. Ты же, аще помилуеши нас, царю, и всего зла нашего забудешь, и не воспомянешь древния обиды своея, и не отмстиши нам, и царицу нашю возмѣши за себя, то все царство наше и со всѣми нами повинны тебѣ будут и не противны».

Царь же совѣтовав с воеводами и о себѣ ничто же не здѣла, и прият смирение казанцев, и нача у них быти царем на Казани, и царицу хотѣ поняти. И приѣзжаху казанцы на зговор по пятнадесять дней и пироваху, и веселяхуся у царя и *воевод*. И уложи царь с казанцы меж собою миръ вѣчный. И приѣхаша в Казань велможи, и сказаша царице вся, яко: «Мир со царемъ совершенъ прияша и царство предаша ему, и тебе хощетъ поняти».

О ЦАРИЦЫНЕ ОТРАВѢ, ДАННЫЕ НА СМЕРТЬ ЦАРЮ И О ГНѢВЕ ЕГО НА ЦАРИЦУ. ГЛАВА 36

Она же, аки на радости, посла ко царю дары нѣкиа честны, и брашно нѣкое царское и питие смертное устроивъ. Онъ же повелѣ искусити — часть малу дати псу снѣсти, его же излити.

на него! Он в горькое это трудное время устрашился раньше нас всех, оставив нас в печали и в смятении и, захватив все свои пожитки, а также и чужое имущество, и храбрых людей, тайно бежал от нас, нанеся обиду всему нашему царству. И побежал он с огромной добычей, желая один избежать божьего суда, но от кого убегал, боясь быть пойманным, к тем сам и прибежал, попав к ним прямо в руки, и погиб. Ныне же сменим нашу гордость и высокомерие на кротость и смирение и, оставив все нелепые наши замыслы, пойдем к царю Шигалею от твоего лица, чтобы помириться с ним и умолить его, дабы не помнил он нашей вины и надругательства, которое сотворили над ним в прошлом, много раз пытаясь убить его, когда жил он в Казани, и чтобы стал он теперь царем и взял бы тебя честно в жены, не пренебрегая тобой в высокомерии, но с любовью, не как горькую пленницу, а как любимую прекрасную царицу, чтобы укротилось сердце его и смирились все воеводы». И люба была эта речь царице, и всем вельможам ее, и всему казанскому народу.

И, сказав ей все это и больше того, пошли от царицы знатные вельможи и уланы, князья и мурзы казанские в город Свияжск к царю Шигалею и к воеводам, и, придя к ним, вручили им богатые дары, и начали с кротостью говорить им от чистого сердца о смирении своем и нелицемерно умолять царя Шигалея, чтобы шел он к ним на царство, ни в чем не сомневаясь. «Молим тебя,— говорили они,— вольный царь, и кланяемся вам всем, воеводам великим, не погубите окончательно всех нас, рабов ваших, но примите смирение наше и покорность: великий город наш и вся земля нашей державы — перед вами, и да будет она вашей. Нет ведь у нас на царстве царя, и бывают между нами из-за этого большие разногласия, и междоусобицы, и ссоры. Если же ты, царь, помилуешь нас, и забудешь все наше зло, и не вспомнишь старые свои обиды, и не будешь мстить нам, и возьмешь за себя нашу царицу, то все наше царство и все мы покоримся тебе и не будем ни в чем противиться».

Царь же ничего не стал решать сам, но посоветовался с воеводами и тогда принял смирение казанцев, и начал царствовать в Казани, и захотел взять в жены их царицу. И в течение пятнадцати дней приезжали казанцы на сговор, и пировали, и веселились с царем и воеводами. И заключил царь с казанцами вечный мир. И приехали в Казань вельможи и рассказали царице обо всем: «Заключили мы с царем полный мир и передали ему царство, и хочет он взять тебя в жены».

ОБ ОТРАВЕ, ПОСЛАННОЙ ЦАРИЦЕЮ НА ПОГИБЕЛЬ ЦАРЮ, И О ЕГО ГНЕВЕ НА ЦАРИЦУ. ГЛАВА 36

И послала она царю, якобы на радостях, некие честные дары, и угощение некое царское, и питье, отравой смертной напитав их. Он же повелел их проверить,— отлив немного, дать отведать псу.

Песъ же брашна того языком лизнув и разторжеся на кусы. В другие же посла к нему срачицу, дѣлав своима рукама. Царь же даде ю носити служащему своему отроку, на смерть осужденому. Отрок же воздѣвъ на себе срачицу и в том часѣ пад на землю, корчаяся, вопия и умре, яко всѣм, ту бывшим и видѣвшим сие, устрашитися.

Царь же извѣт сотвори об нѣй казанцем, глаголя, яко: «По вашему научению сотвори сия царица мнѣ». Они же кляхуся, глаголюще, не вѣдуще сего. И даша ему волю, яко хощетъ с нею. И за сие зло разгнѣвася на них царь и ятъ царицу, и к Москвѣ ю посла, яко прелютую злодѣицу, и со младымъ лвовищем, сыномъ ея, и со всею царскою казною ихъ.

Казанцы же, извѣдаша извѣстно о ней, и не глаголаста со царемъ вопреки, что *царица* слово свое и клятву свою преступи, но и *подустиша его на ню* и волю ему даша известь царица невозбранно из Казани, яко да не все царство погибнетъ единыя ради жены: «Яко мы составляхомъ и глаголахомъ миръ и любовь и како бы скорѣе скорби и печали минути, она же воздвизаше брань и мятеж. И вправду сего изгнания достойна есть».

О СМЕРТИ СЕИТОВѢ И ВСЕГО РУСКАГО ПЛѢНА ИСПУЩЕНИЕ ИЗ КАЗАНИ. ГЛАВА 37

По царице же сеита своего казанцы, книгам учителя ложнаго закона Махметова, сами руками своими яша и отдаша его царю, приведше, яко худа и непотребна, и возмущающа всѣмъ народомъ, и во единъ совѣтъ не совѣщающася, и царю не покаряющася. И повелѣ царь того же часа главу ему отсѣщи, а богатство его все в казну самодержцу взяти, переписав.

И весь в Казани бывший руской полонъ, много избравше за 30 лѣтъ низовскиа земли, числом более 100 000 мужей и женъ, и отрок, и девицъ, на Русь отпустиша. А иниии же, застарѣвшиися, прелстишася мнози, и они осташася, не хотяще паки обратитися ко христовѣ вѣре и до конца отчаявшеся своего спасения, и свѣт отвергоша истинныя вѣры и тму возлюбиша.

О ИЗВЕДЕНИИ ЦАРИЦЫ И СЫНА ЕЯ. ГЛАВА 38

Егда же ведомѣй быти царицы из Казани, посла по нѣй царь великаго воеводу московского, князя Василья Сребренаго, и 3 000 вооруженных вой с ним, 1 000 огненых стрелцовъ. И воевода, вшед во град, и взя царицу и с царевичем ея, яко смирну птицу въ гнѣздѣ со единым малым птенцем, в полатах ея и в пресвѣтлых свѣтлицах, не трепещуще, ни биющеся, со всѣми

Пса же, когда лизнул он немного того кушанья, разорвало на куски. В другой раз послала она ему сорочку, сшив ее своими руками. Царь же дал ее поносить своему слуге, отроку, осужденному на смерть. Отрок же надел на себя сорочку и тотчас же упал на землю, корчась и вопя, и умер, так что все, бывшие там и видевшие это, испугались.

Царь же учинил о ней допрос казанцам, говоря им так: «По вашему наущению содеяла это со мной царица». Они же клялись ему, говоря, что ничего об этом не знали. И предоставили они ему самому решать, что делать с нею. И за это зло разгневался на них царь и, схватив царицу, отправил ее в Москву, словно лютую злодейку, вместе с молодым львенком, сыном ее, и со всей царской их казной.

Казанцы же, убедившись, что все это правда, не стали перечить царю, поскольку царица нарушила свое слово и клятву, но еще и подталкивали его к этому, позволив ему беспрепятственно вывезти царицу из Казани, дабы не погибло все царство из-за одной женщины, так говоря: «Мы установили и провозгласили мир и любовь, чтобы скорее избегнуть скорби и печали, она же разжигает войну и мятеж. Поэтому действительно она заслужила это изгнание».

О СМЕРТИ СЕИТА И О ОСВОБОЖДЕНИИ В КАЗАНИ ВСЕХ РУССКИХ ПЛЕННИКОВ. ГЛАВА 37

Вслед за царицею казанцы своими руками схватили и отдали царю сеита своего, толкователя книг ложного Магометова закона, приведя его как худого и непотребного, подстрекающего народ, не пожелавшего советоваться с остальными и не покоряющегося царю. И повелел царь в тот же час отрубить ему голову и все его богатство, переписав, забрать в казну самодержцу.

И отпустили на Русь всех находившихся тогда в Казани русских пленников, которых много — более ста тысяч человек: мужчин, женщин, отроков и девиц — было захвачено за тридцать лет на низовской земле. Многие же, состарившиеся в плену и изменившие своей вере, остались, не желая снова обращаться в христианскую веру и окончательно потеряв надежду на свое спасение, и отвергли свет истинной веры, и возлюбили тьму.

О ТОМ, КАК ВЫВОДИЛИ ИЗ КАЗАНИ ЦАРИЦУ И ЕЕ СЫНА. ГЛАВА 38

Когда выводили царицу из Казани, послал за нею царь знатного московского воеводу, князя Василия Серебряного, и с ним три тысячи вооруженных воинов и тысячу пищальников. И, войдя в город, взял воевода царицу с царевичем в покоях ее, пресветлых светлицах, словно смиренную птицу с единственным малым птенцом в гнезде, ни трепещущую, ни бьющуюся, и вместе с нею

любымыми рабынями ея и великородными женами и отроковицами, жившими с нею в полатѣ. Не вѣда же царица изымания своего: аще бы вѣдала, то сама бы ся убила.

Вшед же к ней воевода с велможами, одѣян во златую одежду, и став пред нею, и сня златый вѣнец со главы ея, рекъ к ней слово тихо и честно: «Поимана еси, волная царица казанская, великим нашим богомъ Иисусом Христомъ, им же царствуютъ на земли вси царие, служаще ему, и князи власти содержатъ до воли его, и богатии величаются, и силнии похваляются и храбруютъ. Той господь надо всѣми единъ царь царем, и царству его не будет конца. И той и нынѣ отъемлетъ царство твое от тебе и предает тя в руце великому и благочестивому самодержцу всеа Русии, его же повелѣнием приидох аз, раб его, посланъ к тебѣ. Ты же готова буди с нами пойти».

Она же разумѣ переводников толкомъ слово его, и против его слова, воспрянув от высокаго мѣста своего царского, на нем же сѣдяше, и ста, поддержима под руце рабынями ея, и умилно, и с тихостию отвѣща рѣчью варварскаго языка своего: «Буди воля божия и самодержца московскаго». И то слово изрекши, и заразися от рукъ рабынь, поддержащих ю, о свѣтличный мостъ и возопи великим гласом плачевным, подвизающе с собою на плач и то бездушное камение. Тако же и честныя жены и красныя девицы, живущия с нею в полатѣ, яко многия горлицы и загозицы, жалобно плачевныя гласы горкия во весь градъ испущаху, издираху лица своя красныя и власы рвущи, и руце и мыжцы своя кусающе.

И восплакася по ней весь двор царевъ: велможи и властели вси, и царския отроцы. И слышаще плач той, стицахуся *народ* ко цареву двору, такоже плакахуся и кричаху неутѣшно. И хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мочно, и войско бы его камением побити. Но не даша имъ воли властели ихъ, и биюще ихъ шелыгами и батоги, и дреколием, разгоняху их по домам

И похватиша царицу от земли ту стоящии с воеводою ближнии ея велможи, мало не мертву. И едва отлияша ю водою и утѣшаху ю. И умоленъ бысть той воевода царицею, да еще мало помѣдлит царица в Казани. Онъ же царя и воеводъ спросися, даде ей десять дней пребыти в Казани в полатах своих за крѣпкими стражми, да не убиет сама себя, давъ ея брещи велможам казанскимъ и самъ, почасту ходя, назираше во царевѣ дворѣ и в ыных полатах не просто, но брегомо от вой своих, да не нѣкакое зло изневѣстно казанцы учинят над нимъ лукавствомъ своимъ.

И переписавше цареву казну всю до единаго праха и запечатав самодержцевою печатью. И наполни до угружения дванадесять ладей великих златом и сребромъ и сосуды, сребреными и

всех любимых ее рабынь, и знатных женщин, и отроковиц, живших с нею во дворце. Не знала царица, что будет схвачена, если бы знала об этом, то убила бы себя сама.

И вот, облаченный в расшитую золотом одежду, вошел к ней воевода с вельможами и, встав перед нею и сняв с ее головы золотой венец, обратился к ней с тихими и почтительными словами: «Пленена ты, вольная казанская царица, великим нашим богом Иисусом Христом, благодаря которому царствуют на земле, служа ему, все цари, по чьей воле и князья пользуются властью, и богатые прославляются, и сильные похваляются и показывают свою храбрость. Тот господь — единственный царь над всеми царями, и царству его не будет конца. И тот ныне отбирает царство твое от тебя и передает тебя в руки великому и благочестивому самодержцу всея Руси, повелением которого пришел я, раб его, посланный к тебе. Ты же готова будь идти с нами».

Она же поняла через переводчиков его речь и в ответ на его слова вскочила со своего высокого царского места, на котором восседала, и, встав, поддерживаемая под руки своими рабынями, отвечала ему на своем варварском языке тихо и умильно: «Да будет воля божья и самодержца московского». И, произнеся эти слова, бросилась она из рук рабынь, поддерживавших ее, на пол своей светлицы и возопила, громко рыдая, заставляя плакать вместе с собой даже бездушные камни. Также и честные жены, и красные девицы, живущие при ней в покоях, словно многочисленные горлицы и кукушки, жалобно горькими рыданиями оглашали весь город, раздирая прекрасные свои лица, вырывая волосы и руки свои кусая.

И зарыдал по ней весь царский двор: и вельможи, и все управляющие, и царские отроки. И, слыша этот плач, стал стекаться к царскому двору народ, также крича и плача неутешно. И если бы было можно, то заживо хотели бы они растерзать воеводу и войско его побить камнями. Но не позволили им их правители; избивая их плетками, батогами и дубинками, разгоняли они их по домам.

И подняли царицу с земли стоявшие тут с воеводами приближенные ее вельможи чуть живую. И едва удалось отлить ее водой и утешить. И умолила царица того воеводу, чтобы позволил ей ненадолго задержаться в Казани. Он же, посовещавшись с царем и воеводами, разрешил ей еще десять дней пожить в Казани в своих покоях под строгой охраной, чтобы не убила она себя, поручив сторожить ее казанским вельможам, и сам, часто приходя, наблюдал за царским дворцом и другими палатами, не в одиночку, но охраняемый своими воинами, дабы не причинили ему казанцы по своему лукавству какого-нибудь неведомого зла.

И переписал он царскую казну до последней пылинки и запечатал самодержцевой печатью. И наполнил до отказа двенадцать больших ладей золотом, и серебром, и сосудами, серебряными и

златыми; и украшеными постелями, и многоразличными одѣяньми царскими, и воинскими всяцеми оружии, и высла из Казани преже царицы со инем воеводою в новой градъ. И пославъ за казною ихъ хранителя *казеннаго, скопца царева,* да той сам пред самодержцемъ книги счетныя положитъ.

По десяти же днех пойде воевода из Казани, за ним поведоша царицу ис полаты ея вослѣд воеводы, несуще ю под руце, а царевича, сына ея, на руках пред нею несяху пѣстуны его. И упросися царица у воеводы проститися у гроба царева. Воевода же отпусти ю за стражми своими, а сам ту же у дверей стояше недалече.

Вшед же царица в мечеть, гдѣ лежаше царь ея умерший, и сверже златую утварь з главы своея, и раздра верхния ризы своя, и паде на землю у гроба царева, власы своя терзающе и ноготми лице свое деруще, и в перси биюще. И воздвигше умилный глас свой и плакаше, горко вопия, глаголя: «О милый мой господине, царю Сап-Кирею, виждь нынѣ царицу, юже любил еси паче всѣх женъ своихъ: се ведома бываю въ плѣнъ иноязычными воины, на Русь, с любимым сыном твоим, яко злодеица, не нацарствовавшиеся с тобою и много лѣтъ не нажившеся! Увы мнѣ, драгий мой животъ, почто рано зайде красота твоя от очию моею под темную землю, оставив мя вдовою, а сына своего сиротою и младенца еще? Нынѣ — увы мнѣ! — гдѣ тамо живеши, да иду тамо к тебѣ, да живу с тобою! Почто нынѣ остави нас здѣ? Увы намъ, не вѣси сего! Се бо предаемся в руце ненадѣемым супостатом, московскому царю. Мнѣ же убо единой не могуще противитися силѣ и крѣпости его и не имѣх помогающих мнѣ, и вдахся воли его. Увы мнѣ! Аще от иного царя коего плѣнена бых была — единаго языка нашего и вѣры моея, то шла бы тамо не тужаще, но с радостию, без печали. И нынѣ же, увы мнѣ, мой милый царю, послушай горкаго моего плача и отверзи темный свой гроб, и поими мя к себѣ живу, и буди нам гроб твой единъ — тебѣ и мнѣ, царская наша ложница и свѣтлая полата!

Увы мнѣ, господине мой царю, не рече ли тебѣ иногда з болѣзнию души болшая твоя царица, яко добро тогда будет умершим и неродившимся, и се не збыло ли ся тако? Ты же ничего не вѣси нынѣ, нам прииде, живым, горе и болѣзнь. Приими, драгий господине царю, юную и красную царицу свою, и не гнушайся мене, яко нечисты, да не насладятся иновѣрнии красоты моея и да не буду лишена от тебя конечнѣ, и на землю чюжду нейду, и в поругание, и в посмѣх, и во иную вѣру, в незнаемыя люди и въ язык чюж! Увы мнѣ, господине, кто тако ми пришедши, плач мой утѣшит и горкия слезы моя утолит, и скорбь души моей возвеселит? Или кто посѣтитъ мя? Нѣсть никого же. Увы мнѣ, кому тако печаль мою возвѣщу: сыну ли нашему? — но той еще млечныя пищи требуетъ; или отцу моему? — но той отселѣ

золотыми, и нарядными постелями, и различными царскими одеждами, и всяким воинским оружием и выслал их из Казани прежде царицы с другим воеводою в новый город. И вслед за казной послал хранителя казны — царского скопца, дабы сам он положил перед самодержцем учетные книги.

Когда же минуло десять дней, пошел воевода из Казани, вслед же за воеводой под руки повели царицу из палаты ее, а царевича, сына ее, несли перед нею на руках пестуны его. И выпросила царица у воеводы разрешение проститься с гробом царя. Отпустил ее воевода со стражами своими и сам тут же, у дверей, стоял неподалеку.

Царица же, войдя в мечеть, где лежал ее умерший царь, сорвала с головы своей золотой убор, и разодрала верхние свои одежды, и пала на землю возле царского гроба, терзая на себе волосы, раздирая ногтями лицо свое и колотя себя в грудь. И запричитала она жалобно и заплакала, горько рыдая и говоря так: «О милый мой господин, царь Сафа-Гирей, взгляни на царицу, которую любил ты больше всех жен своих: вот ведут меня с любимым сыном твоим в плен, на Русь, иноземные воины как злодейку, ненацарствовавшуюся и много лет не пожившую с тобой! Увы, жизнь моя дорогая, зачем рано зашла красота твоя от глаз моих в темную землю, оставив меня вдовою, а сына твоего, еще младенца, сиротою? Теперь — увы мне! — где ты обитаешь, туда и я пойду, чтобы жить с тобою! Зачем теперь оставил нас здесь? Увы нам, не ведаем того! Отдаемся ведь мы в руки жестоким супостатам, московскому царю. Не могла я одна противиться силе его и крепости, и не было того, кто бы помог мне, потому и подчинилась я воле его. Увы мне! Если бы была я взята в плен другим царем — одного с нами языка и одной веры, то шла бы туда не тужа, но с радостью и без печали. Теперь же — увы мне! — царь мой милый, услышь горький мой плач, и открой темный свой гроб, и возьми меня, живую, к себе, и пусть будет нам гроб твой один на двоих — тебе и мне — царская наша спальня и светлая палата!

Увы мне, господин мой царь, не сказала ли тебе некогда с душевною болью старшая твоя царица, что будет вскоре лучше умершим и неродившимся, и не сбылось ли это? Ты же ни о чем ныне не ведаешь, к нам же, живым, пришли горе и скорбь. Прими, дорогой господин царь, юную и прекрасную свою царицу и не гнушайся меня, как нечистой, да не насладятся иноверцы моей красотой, и не потеряю я тебя окончательно, и в чужую землю на поругание и на смех, в иную веру, к неизвестным людям, в чужой народ не пойду! Увы мне, господин, кто вот так же, придя ко мне, утешит меня в плаче, и горькие слезы мои осушит, и скорбь души моей развеет? Разве кто-нибудь посетит меня? — Нет, никто. Увы мне, кому так вот печаль свою поведаю: сыну ли нашему? — Но он еще молочной пищи требует;

далече есть; казанцем ли? — но онѣ чрез клятву самоволием отдаша мя.

Увы мнѣ, милый мой царю Сап-Кирею, не отвѣщаеши ми ничтоже, горкия твоея царицы! Не слышиши ли, се при дверех здѣ немилостивыя воины стоят и хотят мя, яко звѣрие дивии серну, восхитити от тебе. Увы мнѣ! Царица твоя бѣх иногда, нынѣ же горкая плѣнница! И госпожа именовахся всему царству Казанскому, нынѣ же убогая и худая раба! И за радость и за веселие плач и слезы горкия постигоша мя, и за царскую утѣху сѣтование болѣзненое и скорбныя бѣды обыдоша мя, иже бо плакатися не могу, ни слезы текутъ из очию моею, ослѣпоста бо очи мои от безмѣрных и горкихъ слез моихъ, и премолче глас мой от многаго вопля моего».

И ина таковая же многа причиташе царица и *кричаше,* лежащи у гроба, на земли, яко часа два убивающися, яко и самому воеводе приставнику прослезитися, и уланомъ же и мурзамъ и всѣм предстоящимъ ту многимъ людемъ плакати и рыдати. Приступиша же к ней царевы отроцы повелѣниемъ приставника со служившими рабынями ея и подняша ю от земли, мертву изполу. И видѣша ту вси людие открыто лице ея, кроваво все от охотнаго драния, и от текущих слез ея нѣсть красоты, и от обычных ея велможъ болших, всегда входящих к ней, от земскихъ людей никто же нигдѣ видѣ. Ужасе же ся воевода приставник, яко не убреже ея, бѣ бо образом царица та зѣло красна и в разумѣ премудра, яко не обрѣстися таковой красной в Казани в женах и в дѣвицах, но и в руских во многих на Москвѣ во дщерях и в женах болярских и княжых.

О УТѢШЕНИИ СЛОВЕС ВОЕВОДЫ КО ЦАРИЦЫ И О ПРОВОЖЕНИИ ЕЯ ОТ НАРОДА КАЗАНСКОГО. ГЛАВА 39

Воевода же приставник пришед близ к ней и болшия велможы казанския и увѣщаваху царицу ласковыми словесы сладкими, да не плачетъ, да не тужитъ. Глаголаша ей: «Не бойся, госпоже царице, и престани горкаго сего плача, не на безчестие бо, ни казнь и смерть идеши с нами на Русь, но на великую честь к Москвѣ ведем тя, и тамо госпожа многим будеши, якоже и здѣ была еси, в Казани. Не отъиметъ воли твоея самодержецъ, милость велику покажетъ тебѣ, милосердъ бо есть ко всѣмъ. И не возпомнит зла царя твоего, но паче возлюбит тя и дастъ ти на Руси нѣкия грады свои вмѣсто Казани царствовати в нихъ. И не оставит тя до конца быти в печали и в тузѣ и скорбь твою и печаль на радость преложитъ. И есть на Москвѣ много царей юныхъ по твоей верстѣ кромѣ Шихалѣя царя, кому поняти тя, аще восхощеши за другаго мужа посягнути: Шихалей убо царь уже стар есть, ты бо млада, аки цвѣт красный цвѣтешъ или ягода вишня, наполнися сладости. И того ради царь не хощет тебе поняти за себя.

или отцу моему? — но он далеко отсюда; казанцам ли? — но они, преступив клятву, самовольно отдали меня.

Увы мне, милый мой царь Сафа-Гирей, не отвечаешь ты мне ничего, горькой твоей царице! Не слышишь разве, что стоят здесь у дверей немилосердные воины и хотят похитить меня у тебя, словно дикие звери серну? Увы мне! Некогда была я твоей царицей, ныне же — горькая пленница! Звали меня раньше госпожой всего царства Казанского, ныне же я — жалкая и нищая рабыня! И за радость и за веселие обрушились на меня плач и горькие слезы, а за царские мои утехи охватили меня горькие обиды и тяжкие беды, так что и плакать я не могу и слезы уже не текут из глаз моих, ибо ослепли глаза мои от безмерных и горьких слез и пресекся голос мой от долгого рыдания моего».

И долго еще так причитала царица и восклицала, лежа часа два, убиваясь, у гроба на земле, так что и сам приставленный к ней воевода прослезился, также и уланы, и мурзы, и все находившиеся там люди плакали и рыдали. Наконец, по повелению блюстителя ее, подошли к ней царские отроки с прислуживающими ей рабынями и, полумертвую, подняли ее с земли. И увидели тогда все люди открытым лицо ее, изодранное ею до крови, и не было в нем красоты от текущих слез — никто ведь и нигде не видел раньше ее лица: ни знатные вельможи, обычно входившие к ней, ни земские люди. Ужаснулся тогда приставленный к ней воевода, что не уберег ее, ибо была та царица очень хороша лицом и умна, так что не было ей равной в Казани по красоте среди женщин и девиц, да и в Москве среди русских — дочерей и жен боярских и княжеских.

О ТОМ, КАК УТЕШАЛ ВОЕВОДА ЦАРИЦУ И КАК ПРОВОЖАЛ ЕЕ КАЗАНСКИЙ НАРОД. ГЛАВА 39

Окружили царицу воевода-блюститель и знатные казанские вельможи и увещевали ее ласковыми сладкими словами, чтобы не плакала она и не тужила. Говорили они ей: «Не бойся, госпожа царица, и перестань горько плакать, ведь не на бесчестье и не на казнь и смерть идешь с нами на Русь, но на великую честь ведем тебя в Москву, и будешь ты там для многих госпожа, как и здесь была, в Казани. Не отнимает у тебя свободу самодержец, окажет он тебе великую милость, ибо милосерден он ко всем. И не припомнит он тебе зло царя твоего, но еще больше полюбит тебя и даст тебе на Руси какие-нибудь города свои вместо Казани, чтобы ты в них царствовала. И не даст он тебе до конца пребывать в печали и тоске и скорбь твою и печаль в радость превратит. Есть в Москве много и царей юных, равных тебе, кроме Шигалея, кто сможет взять тебя в жены, если захочешь еще раз выйти замуж: ведь царь Шигалей уже стар, ты же молода: как цветок прекрасный, цветешь и, как вишневая ягода, наполнилась сладостью. Поэтому и не хочет царь взять тебя

Но и той есть в воли самодержца: все якоже что хощетъ, то и сотворит о тебѣ. Ты же не печалися о том, ни скорби».

И проводиша ю честно всѣм народомъ: мужи и жены, и девицы, и малии и велицыи, на брег Казани рѣки, плачюще и горко вопиюще по ней, аки по мертвой, вси от мала и до велика. И плакася по ней весь градъ и вся земля неутѣшимо лѣто цѣло, поминающе разумъ ея и премудрость, и велможам честь, и середнимъ и ко обычным милование и дарование, ко всему народу брежение великое.

И приѣхавъ царица *в* колымазѣ своей на брег к рѣце, и пояша ю под руки ис колымаги ея, не можаше бо востати сама о себѣ от великия печали. И обратися и поклонися казанцемъ всѣм. Народ же казанский припадоша на землю, на колѣнех своихъ поклонение свое дающе по своей вѣре. И ведоша ю во уготовленый царский струг, в нем же когда царь на потѣху ѣздяше, борзохожением же подобенъ лѣтанию птичию и утворенъ златом и сребром; и мѣсто царицыно посредѣ струга — тѣремецъ сткляничной вздѣланъ, свѣтел аки фонарь, злачеными дсками покрыт, в нем же царица сѣдяше, аки свѣща, на всѣ страны видя. С нею же взят воевода от женъ красных и девицъ 30 благородныхъ на утѣху царицы. И положиша ю в теремцѣ на царской постѣле ея, аки болну или пияну, упившуся непросыпною печалью, аки вином.

Воевода же и велможи казанския идоша по своимъ стругомъ. Мнози же от гражан, простая чадь, пѣши провожаху царицу, мужи и жены, и дѣти, по обѣма странама Казани рѣки идущем имъ и очима зрящим въслѣд ея, доколѣ видѣти, и едва возвращахуся назад с плачем и с рыданием великим. Пред царицею же, впреди и назади, в боевых струзѣх огненыя стрелцы идяху, страх велик дающе казанцемъ, силно биюще ис пищалей.

И проводиша царицу велможи и обычныя казанцы до града Свияжского, и вси возвратишася в Казань, тужаще и плачюще, и полѣзная впредь о животѣ своемъ промышляюще.

О ПОВЕДЕНИИ ЦАРИЦЫНѢ К МОСКВѢ ИЗ КАЗАНИ И О ПЛАЧЕ ЕЯ ОТ СВИЯЖСКОГО ГРАДА ИДУЩИ. ГЛАВА 40

И проводиша царицу от Свияжского града два воеводы с силою до рускаго рубежа, до Василя-города, третий же воевода, приставник царицынъ, бояшеся, егда како отдумают казанцы, раскаются, и, сустигши царицу, отъимут у единаго воеводы и его не спустят жива: многажды бо извѣрившеся, преступающе клятву.

Царица же казанская, егда поведена бысть к Москвѣ, и горко плакашеся, Волгою ѣдучи, зряше прямо очима на Казань: «Горе тебѣ, граде кровавый! Горе тебѣ, граде унылый! И что еще

в жены. Но и он во власти самодержца; все, что тот захочет, то он с тобой и сделает. Ты же не печалься о том и не скорби».

И проводил ее с честью весь народ: мужчины и женщины и девушки, и маленькие и большие, на берег реки Казани, и плакали все от мала до велика, и горько рыдали по ней, словно по мертвой. И плакали по ней неутешно весь город и вся земля целый год, вспоминая разум ее, и мудрость, и почести, которые оказывала она вельможам, и милость ее, и подарки к менее знатным и совсем простым людям, и большую заботу обо всем народе.

Когда же приехала царица в своей повозке на берег реки, под руки высаживали ее из колымаги, ибо сама она не могла подняться из-за сильной печали. И обернулась она и поклонилась всем казанцам. Народ же казанский попадал на землю, на коленях творя поклоны, как подобает по их вере. И повели ее в приготовленный для нее царский струг, в котором царь обычно ездил на потеху, быстроходностью своей подобный птичьему полету и украшенный золотом и серебром; посередине струга было сделано помещение для царицы — стеклянный теремок, светлый, как фонарь, покрытый золочеными досками, в котором, как свеча, сидела царица, видя во все стороны. С нею отправил воевода тридцать благородных и красивых женщин и девиц на утеху царице. И положили ее в теремке на царскую ее постель, словно больную или пьяную, упившуюся, как вином, беспробудною печалью.

Воевода же и казанские вельможи разошлись по своим стругам. А горожане, простые люди — мужчины, женщины, дети — пешком провожали царицу, идя по обоим берегам реки Казани и смотря ей вслед, пока можно было ее видеть, и неохотно возвращались назад с громким плачем и рыданиями. Впереди же царицы и за нею в боевых стругах плыли пищальники, нагоняя на казанцев сильный страх частой пальбой из пищалей.

И проводили царицу вельможи и простые казанцы до Свияжского города, и возвратились все в Казань, тужа и плача, озабоченные своим будущим.

О ТОМ, КАК ВЕЛИ ЦАРИЦУ ИЗ КАЗАНИ В МОСКВУ, И О ПЛАЧЕ ЕЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ГОРОДКА СВИЯЖСКА. ГЛАВА 40

И проводили царицу от Свияжского городка до русской границы — Василя-города — два воеводы с войском, ибо третий воевода — блюститель царицын, боялся, как бы казанцы не передумали, не раскаялись и, догнав царицу, не отняли ее у одного воеводы; тогда и самого его не отпустили бы они живым: много раз ведь нарушали они договор, преступая клятву.

Царица же казанская, когда повели ее в Москву, горько плакала, едучи по Волге, обратив глаза свои к Казани: «Горе тебе, город кровавый! Горе тебе, город унылый! Что возносишься ты в своей

гордостию возносишися, уже бо спаде вѣнец со главы твоея! Яко жена худа и вдова, являешися, осиротѣв, и раб еси, а не господинъ. Пройде царская слава и вся скончася! Ты же, изнемогши, падеся, аки звѣрь, не имущи главы. Срамъ ти есть! Аще бы и вавилонския стѣны имѣлъ еси и римския превысокия столпове, то бы ни тѣ от таковаго царя силнаго устоял еси, и всегда от него воюему тебѣ и обидиму, всякое бо царство царемъ премудрымъ содержится, *а не стенами столповыми, и рати силныя* воеводами крепки бываютъ. И без тѣх хто тебѣ, царство, не одолѣет? Царь твой силный умре, и воеводы изнемогоша, и вси людие охудѣвше и ослабѣша, и царства иные не сташа о тебѣ, не давше пособия ни мала, и нынѣ всячески побѣжден еси.

И се восплачися со мною, о всекрасный граде, и воспомяни славу свою и праздницы, и торжествия своя, и пиршества, и веселия всегдашния! Гдѣ нынѣ бывшая в тебѣ иногда царския пирове и веселия всегдашния? Гдѣ улановѣй и князей, и мурзъ твоих красование и величание? Гдѣ младых женъ и красных девицъ ликове и пѣсни, и плясания? — Вся та нынѣ изчезоша и погибоша, и в тѣх мѣсто быша в тебѣ многонародная стѣнания и воздыхания, и плачевѣ, и рыдания непрестанно. Тогда в тебѣ рѣки медвеныя и потоцы винныя тецаху, нынѣ же в тебѣ людей твоих крови проливаются, и слез горящих источники лиются и не изсякнут. И мечь руский не отъимется, дондеже вся люди твоя изгубитъ.

Увы мнѣ, господине, гдѣ возму птицу борзолѣтную и глаголющую языком человеческим, да пошлю ко отцу моему и матери, да *возвѣстит* случившаяся чаду ихъ? Суди, богъ, и мсти во всем супостату нашему и злому врагу царю Шихалѣю, и буди вся наша скорбь на нем и на всѣх казанцех, что предаша мя ему! И ят мя по воли ихъ, и самодержцу мя оболсти, не хотя мя, плѣнницу, поняти, болшею женою взяти имѣти, и единъ захотѣ, без мене, царствовати з женами своими в Казани, и разгнѣватися на мя сотвори великаго князя и самодержца, и его повелѣниемъ изгоняетъ нас из царства нашего неповинно.

И за что лишаетъ насъ от царства нашего и от земли нашея и пленуетъ? И болши сего не хотѣла бых ничего от него, но толко дал бы мнѣ гдѣ в Казани улусецъ малъ земли, иже бы могла до смерти моей прожити в немъ, или бы мя отпустил во *отечествие* свое, в Нагайскую землю, ко отцу моему Исупу, великому князю заяицкому, от нея же страны взята есмь за царя казанского, да тамо жила бы, у отца моего в дому сидѣла вдовою, аки неугодная раба его, свѣта дневнаго не зря, и плакала бы сиротства своего и вдовства моего и до смерти моея! Но и того бы ми лучше было, гдѣ царствовах с мужемъ моим, ту и заточение нужное прияти и горкою смертию умрети, неже к Москвѣ быти ведены в поругание и во всѣх наших срацынских

гордыне, когда упал уже венец с твоей головы! Стал ты, осиротев, подобен женщине, бедной и вдовой, и раб ты теперь, а не господин. Прошла царская слава и вся кончилась! И пал ты, лишившись сил, словно зверь, не имеющий головы. Позор тебе! Если бы имел ты даже вавилонские стены и высокие римские столбы, все равно не устоял бы ты перед таким могущественным царем, постоянно им разоряемый и обижаемый, ибо всякое царство охраняемо бывает мудрым царем, а не стенами крепкими, так же как сильные войска крепки своими воеводами. А без них кто тебя, царство, не одолеет? Царь твой могущественный умер, и воеводы изнемогли, и все люди обеднели и ослабели, а другие царства за тебя не вступились, даже малой помощи не прислали, вот ныне ты и побеждено.

Плачь же со мной, о прекрасный город, и вспоминай славу свою, и праздники, и торжества свои, и пиршества, и всегдашнее веселие! Где теперь былые царские пиры и постоянные увеселения? Где уланов твоих, князей и мурз красование и величание? Где молодых женщин и прекрасных девушек лица, и песни, и пляски? Все это теперь исчезло и погибло, а вместо них слышатся в тебе всенародные стенания, и воздыхания, и плач, и непрестанные рыдания. Тогда в тебе лились медовые реки и винные потоки, ныне же льется кровь твоих людей и бьют неиссякаемые источники горячих слез. И не остановится меч русский, пока не погубит всех твоих людей.

Увы мне, господин, где возьму я птицу быстролетную и говорящую на человеческом языке, чтобы послать ее к отцу моему и матери, да отнесет им весть о случившемся с их чадом! Осуди же, бог, и отомсти за все супостату нашему и злому врагу — царю Шигалею, и пусть отольется ему и всем казанцам, которые отдали меня ему, вся наша скорбь! Взял он меня по их воле и оболгал меня перед самодержцем, не желая меня, пленницу, взять в жены, старшей женою своею сделать, и захотел один, без меня, царствовать в Казани с женами своими и сделал так, что разгневался на меня великий князь и самодержец и теперь по его повелению без вины изгоняет нас из нашего царства.

И за что лишает он нас нашего царства и земли нашей и в плен ведет? Не хотела бы я ничего большего от него, только дал бы он мне в Казани где-нибудь небольшой улусец земли, чтобы могла я прожить до смерти моей в нем, или отпустил бы он меня в мое отечество, в Ногайскую землю, откуда взята была я в жены казанским царем, к отцу моему Юсупу, великому князю заяицкому, дабы жила я там как неугодившая ему раба, сидела вдовою в доме отца моего, света дневного не видя, и плакала бы о сиротстве моем и вдовстве до самой смерти! И даже лучше было бы мне попасть в тягостное заточение и умереть горькой смертью, но там, где царствовала я с мужем моим, нежели быть ведомой на поругание в Москву и слыть во всех наших сарацинских

ордах, от царей и князей владомых, и ото всѣх людей горкою пленницею слыти».

И хотяше царица сама ся убити, но не можаше, приставника ради крѣпкаго брежения. Ведущии же ю пристаницы не можаху утѣшити ея, и до Москвы путем идущи, от великаго умиленнаго и горкаго плача ея, обѣщавающе ей великие дары от царя самодержца прияти.

Приставникъ же воевода, аки орелъ похищая себѣ сладок ловъ, мчаше царицу, не мочая, день и нощъ, и скоро бѣжаху в великих стругахъ до Нижнего Нова града, от того же града по Окѣ рекѣ к Мурому и Володимиру, из Володимеря же посади ю на царския колымаги, на красныя и позлащенныя, яко царице честь творяше.

О БЫВШЕЙ ВѢСТИ У ТУРСКАГО ЦАРЯ О КАЗАНИ, И О ЦАРИЦЫ, И О ПОСЛАНИИ ЕГО К МУРЗАМЪ НАГАЙСКИМЪ. ГЛАВА 41

Скоро же дойде вѣсть о Казани и о царице и до самого нечестиваго царя турскаго салтана, во Царь-градъ. И воспечалися о том велми турский царь салтанъ, яко все свое злато египетское погубль, болши всѣх даней земных его, приносимых к нему. И не довѣде, кое пособие дати Казанскому царству, далече бо от него отстоитъ.

Умысли с паши своими посылати в Нагаи послы ко всѣм началным болшимъ мурзамъ со многими дары, глаголя тако: «О силные нагаи и многие, станите и мене послушайте: соединитеся с казанцы во едино сердце в поможение за Казань на московского царя и великого князя и паче же за вѣру древнюю нашю и великую, яко близ его живуще. И не давайтеся во обиду ему, мощно бо есть противитися ему, яко слышю всегда про вас, аще хощете. Зѣло бо воюетъ на вѣру нашю и хощет до конца потребити ю. И аз о семъ в велицей печали есмь и боюся, еда помале и вамъ то же будетъ от него, яко же и Казани, и в несогласии живуще меж собою, изгонзнете, и орды ваши запустѣют».

Нагайския же мурзы всѣ отмолвиша ему, рекуще: «Ты, о великий царю салтане, собою пецыся, а не нами: и не царь еси намъ, и земли нашей не строиши, и нами не владѣеши, и живеши от нас за моремъ, богатъ еси и силенъ, и всѣм изобиленъ, и никаяждо нужда потреб житейскихъ не обдержит тя. Нам же, убогимъ и скуднымъ всѣм, и аще бы потребными нашу землю не наполнял московский царь, то уже бы не могли быти ни единаго дни. Да за сие добро лѣпо есть нам всячески помогати ему на казанцы за их прежнее великое лукавство и неправду, аще и язык нашъ с *ними* единъ, и вѣра едина. Но довлѣет намъ правду имѣти: не токмо же на казанцев помогати ему, но и на тебя самого, царя царемъ, аще востанеши на нь. Или нѣси то слышил,

ордах между правящими в них царями и князьями и всеми людьми горькой пленницей».

И хотела царица убить себя, но не смогла, ибо крепко берег ее блюститель. Сопровождавшие же ее стражники, обещая ей, что получит она от царя-самодержца дорогие подарки, не могли утешить царицу, которая до самой Москвы громко, жалобно и горько плакала.

Блюститель же воевода, словно орел, уносящий сладкую добычу, мчал царицу, не медля, день и ночь и вскоре доплыл на больших стругах до Нижнего Новгорода, а из этого города по реке Оке к Мурому и Владимиру, во Владимире же посадил ее на красивые, позолоченные царские повозки, как царице, честь оказывая.

О ВЕСТИ, ПОЛУЧЕННОЙ ТУРЕЦКИМ ЦАРЕМ О КАЗАНИ, И О ЦАРИЦЕ, И О ПОСЛАНИИ ЕГО К НОГАЙСКИМ МУРЗАМ. ГЛАВА 41

Вскоре дошла весть о Казани и о царице и до самого нечестивого турецкого царя — султана в Царьград. И сильно опечалился турецкий султан, что истратил уже все свое египетское золото — самую большую из всех даней, приносимых ему разными землями. И не знал, какую помощь оказать Казанскому царству, ибо находилось оно далеко от него.

И решил он с пашами своими послать послов с многочисленными дарами в Ногайскую Орду ко всем старшим большим мурзам, чтобы сказали они им так: «О могущественные и многочисленные ногаи, станьте и послушайте меня: соединитесь с казанцами в одно сердце на защиту Казани от московского царя и великого князя и более того,— за великую и древнюю нашу веру, ведь поблизости от него живете. И не позволяйте ему обижать себя, ведь можете вы, как я всегда про вас слышу, оказывать ему сопротивление, когда захотите. Сильно воюет он против нашей веры и хочет до конца ее истребить. И сильно печалюсь я об этом и боюсь, что вскоре и вам то же будет от него, что и Казани, и, живя в несогласии друг с другом, погибнете вы, и орды ваши запустеют».

Все же ногайские мурзы ответили ему так: «Ты, о великий царь-султан, о себе пекись, а не о нас: не царь ты нам, и землей нашей не управляешь, и нами не владеешь, и живешь от нас за морем, богатый и сильный, все имея в изобилии, не зная нужды ни в каких житейских потребах. Мы же, убогие, в скудости живущие, если бы не наполнял нашу землю всем необходимым московский царь, то и дня бы уже прожить не могли. За такое добро пристало нам всячески помогать ему против казанцев за их прежнее лицемерие и вероломство, хоть и язык у нас с ними один и вера одна. Но хотим мы поступать по правде: не только против казанцев помогать ему, но и против тебя самого, царя царей, если поднимешься против него. Или не слышал ты,

каково зло всегда казанцы сотворяют ему: непрестанно землю его воюют и людей руских губят, многажды преступают клятву и мир, измѣняютъ. А еже реклъ еси: нам то же будет от него, что и Казани, не срам есть нам покоритися и служити ему, точен бо есть онъ тебѣ во всем: и богатством, и силою. Пишют бо наши книги и христианския, яко в послѣдниа лѣта соединятся вси языцы и будут во единой вѣре христианской и под тою же державою, да которая же есть вѣра таковая, якоже христианская, святая, еже есть руская, во всѣх наших темных вѣрах, яко пресвѣтлое солнце сияет». И тако мурзы нагайския написавше ему и с тѣм к нему отпустиша пословъ его, землие у них напрасно многоценныя дары великия.

О ПОШЕСТВИИ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ ТРЕТИЕ И О ПОСАЖЕНИИ ЕГО НА ЦАРСТВО, И О ИЗБИЕНИИ ОТ НЕГО ВЕЛМОЖЪ КАЗАНСКИХ. ГЛАВА 42

Царь Шихалей посла царицу к Москвѣ, изымавъ ю, вины ради ея, яко хотѣла его отравою окормити, якоже преже рѣх, но богъ его сохрани от нея; и по царице поѣха в Казань на царство, вземъ с собою в помощъ единаго воеводу московского Ивана Хабарова и служивых своих варваръ дватцать тысяч и 5 000 огненых стрелцовъ, да той воевода с нимъ царство строит и его бережет самого. А во граде Свияжскомъ воеводы осташася со всею силою рускою.

Казанцы же с великою честию и радостию поставиша его царя на Казани, царем дважщи же и убити его хотяху. Казанцы же град свой предаша великому князю, самодержцу московскому, и сами за него всѣ заложишася и со всею другою половиною болшею земли своея, с нею же и черемиса нижняя казанская, доброволно и без брани, и без пролития крови, на всей воли его, якоже есть любо ему. И служити обѣщашася ему нелестно и дани давати, яко и всѣм бывшимъ своимъ царемъ казанским, и роту написаша по вѣре своей, яко же обычай есть имъ клятися.

Царь же, вшед во град, и сѣде на царствѣ и жити нача бережно по царскому своему обычаю. И пристави ко всѣм вратом граднымъ стражи своя и воротники — огненыя стрелцы, на всякую нощъ *ключа* повелѣ къ воеводѣ своему приносити. Такоже и двора его стрежаху по 1 000 огненых стрелцовъ в день, а в нощи по 3000 со оружием. Воеводскаго же двора стрежаху по пятисот человекъ в день, а в нощи по 1 000. И мало царь на коего казанца окомъ ярымъ поглянул или перстомъ показал, они же вскорѣ того, вскочивше, оружием своим разсецаху наполы.

И не бояхуся казанцев, и в думу к себѣ их не пущаху. И не слушаше их царь ни в чемъ, и от очию своею изгоняще ихъ, и саны от них

сколько зла казанцы всегда причиняют ему: непрестанно землю его разоряют и губят русских людей, часто нарушают клятву и мир, изменяют ему. А то, что ты сказал: нам будет то же от него, что и Казани,— не позор для нас и покориться ему и служить, ибо равен он во всем тебе: и богатством и силою. Пишут ведь и наши книги и христианские, что в последние годы соединятся все народы и будут в единой христианской вере и под властью того народа, кто эту веру исповедует, ибо христианская вера, русская вера, среди всех наших темных вер как пресветлое солнце сияет». И, написав так, ногайские мурзы отпустили с этим посланием назад к нему его послов, силой отобрав у них многочисленные богатые дары.

О ТОМ, КАК В ТРЕТИЙ РАЗ ПОШЕЛ В КАЗАНЬ ЦАРЬ ШИГАЛЕЙ, И О ПОСАЖЕНИИ ЕГО НА ЦАРСТВО, И О ИЗБИЕНИИ ИМ КАЗАНСКИХ ВЕЛЬМОЖ. ГЛАВА 42

Царь Шигалей отправил царицу в Москву, лишив ее царства за вину ее, за то, что хотела она окормить его отравой, да уберег его бог, о чем рассказал я прежде; и после этого с двадцатью тысячами варваров, находившихся у него в услужении, и пятью тысячами пищальников поехал на царство в Казань, захватив себе в помощь одного московского воеводу — Ивана Хабарова, чтобы тот вместе с ним управлял царством и охранял его. А в городе Свияжске остались воеводы со всею русской силой.

Казанцы же с великой честью и радостью посадили его на царство, а до этого дважды хотели его убить, когда был он царем в Казани. И передали казанцы свой город великому князю, московскому самодержцу, и добровольно, без борьбы, без пролития крови вместе со всей низовой казанской черемисой, населявшей другую половину их земли, отдались под его покровительство, в полную его власть, чтобы владел он ими, как ему хочется. И обещали они преданно служить ему и давать дани, как и всем прежним своим казанским царям, и по своему обычаю написали клятву о верности ему.

Царь же, войдя в город и сев на царство, начал жить осторожно — по царскому своему обычаю. И приставил он ко всем городским воротам своих стражей и привратников — пищальников, повелев им каждую ночь приносить ключи своему воеводе. Также и двор его днем охраняла тысяча пищальников, а ночью три тысячи вооруженных воинов. Воеводский же двор днем охраняло пятьсот человек, а по ночам — тысяча. И стоило царю гневно посмотреть на какого-нибудь казанца или пальцем указать на кого-нибудь, они, вскочив, вскоре рассекали того надвое своим оружием.

И не боялись они казанцев и не пускали их на свои совещания. И не слушал их царь ни в чем, и прогонял с глаз долой, и лишал

отъемляше, и своя власти во князи ихъ поставляше, иже служити хощет, яко вѣрный раб господину своему. Аще и мало царствова на Казани и владѣя казанскими людми неполное единое лѣто, но многа добра и велику помощь сотвори, служа и помогая самодержцу своему, аще и поганъ есть. Писано во святых книгахъ: «Во всяком языце творяи волю божию и дѣлаяи правду, приятенъ ему есть».

Казанцы же, видѣвше царя своего столь борзо над ними волю творяща, и вознегодоваша, и почаша думати на него, да како его жива и не убивше избудут с царства. Не терпяху от него, видяще многих своихъ часто и по вся дни яве и отай задавляемых и разсѣкаемых, яко свиней ножи закалаемых. И глаголаху в себѣ: «Аще надолзѣ сие будетъ нам от злаго царя нашего, то по единому всѣхъ нас и до остатка погубит, мудрых казанцевъ, аки безумных, и распудит, яко волкъ овцы, и придавит, яко мышей горностай, и приѣстъ, аки куры лисица, и не оставит нас ни единаго быти в Казани по научению самодержца своего».

И по мале увѣда царь бываемое се, еже всегда совѣт на него творящих. Казанцы же, болшии велможи, нощию тайно съѣзжающеся на сонмищи своя и мысляще на него, да како его, уловивше, погубят или жива с царства згонятъ и царю и великому князю измѣнят. И не стерпѣ сему царь надолзе быти злому совѣту ихъ, смышленому совѣту на него, и паче, и лютейши возъярився на них и уби по изведении царицы числом казанцевъ 700: великих велмож, и среднихъ, и менших, улановей и князей, и мурзъ, похищая имѣние их к себѣ и коней стада, и велбуды, и овцы, обычных же людей простых до 5 000, мятежников казанскихъ, и лукавыя их сонмища, по старой вражбе своей на нь притворяя имъ вины, *ими же* царство *строяшеся* без царя и содержашеся, *и мщая* многия измѣны ихъ ко царю и великому князю и ко отцу его, и к дѣду его, и кровь брата своего, Еналея царя, и много безчестия своего, преже сотворше, и яко младенцемъ играюще. И за сие немилостиво и зло, и неправедно их оскорбляше и озлобляше, и всяческими мѣрами горце ихъ поработи.

Последи же рѣкоша сами казанцы про своихъ побитых, яко: «Аще бы тыя у нас болшия владѣлцы наши живы были, всяко бы ихъ пригубил царь Шихалей, и кои разъѣхашася в орды, а инии к Москвѣ, инии в Крым, инии в Нагаи, и не брань бы в них была, и не межусобица, и не измѣнство ко своим людемъ, и едино бы мыслие и правду, и любовь меж собою имѣли, и *не понороввление* ко царю, прелстившеся, емлюще дары от него, по мале же и всего своего лишишася, з богатством же своимъ и живота своего гонзнуша, и царство свое погубиша, и при них

их титулов, и своей властью производил в князья тех, кто хотел ему служить, как верный раб своему господину. Хотя и мало процарствовал он в Казани, всего один неполный год правя казанскими людьми, но много добра сделал он и великую помощь оказал, служа и помогая самодержцу своему, хотя и был поганым. Написано ведь в святых книгах: «Любой народности человек, исполняющий волю божию и живущий по правде, приятен ему».

Казанцы же, увидев, что царь их так быстро взял над ними власть, вознегодовали и начали думать, как бы его живым, не убив, свести с царства. Не могли они терпеть, видя, как по его воле многих из них ежедневно тайно и открыто душат, рассекают мечом и, как свиней, закалывают ножами. И так говорили они между собой: «Если долго будет так обращаться с нами злой наш царь, то по одному до последнего всех нас, мудрых казанцев, погубит, словно несмышленых, и разгонит нас, как волк овец, и передавит нас, как горностай мышей, и приест, как лисица кур, и не оставит ни одного из нас в Казани по наущению самодержца своего».

И вскоре узнал царь о том, что постоянно совещаются о нем. Казанцы же, первые вельможи, тайно, по ночам, съезжаясь на свои сборища, обсуждали, как они, поймав его, погубят или живого сгонят с царства и царю и великому князю изменят. И не потерпел царь, чтобы дальше продолжались коварные эти совещания, на которых замышляли они против него, и еще больше, еще сильней разъярился на них, и после сведения с царства царицы перебил до семисот казанских вельмож — старших, средних и младших: уланов, князей и мурз, забирая себе их имущество, и конские стада, и верблюдов, и овец, простых же людей перебил, мятежников казанских — до пяти тысяч. И ставил он в вину вельможам, правившим Казанью, когда не было в ней царя, по старой своей вражде с ними, предательские их сборища и мстил за многие их измены царю и великому князю, и отцу, и деду его, и за кровь брата своего, царя Геналея, и за то большое свое бесчестие, которое перенес от них прежде, когда они играли им, как младенцем. И за все это он немилосердно, зло и неправедно оскорблял их, и озлоблял, и всяческими мерами тяжко их поработил.

Впоследствии сами казанцы так говорили про своих побитых: «Если бы были живы те главные правители наши, которых погубил царь Шигалей, и те, что разъехались по ордам, кто в Москву, кто в Крым, кто к ногаям, и если бы не воевали они друг с другом, и не было бы между ними междоусобиц, и не изменяли бы они своим людям, и было бы между ними единомыслие, правда и любовь, и не потрафляли бы они царю, прельстившись его дарами, а потом постепенно лишившись всего своего имущества, а затем, вместе с богатством, и жизни своей, и если бы не погубили они царства своего, не была бы при них

еще не бы одолѣние было Казани, царь и великий князь взя, пришед, аки пустое и худое село вдовичье, слав градъ наш Казань. Наши же господие после царя нашего Сап-Кирея, аки вѣдающе кончину свою, восташа сами на себя и почаша ѣстися, аки гладныя овцы, и друг друга разстерзавше и вси при цари Шихалеи конечно на пред нас погибоша. Мы же, после ихъ оставльшеся, напастьми и злыми плѣнении и бѣдами всячески изчезохомъ».

О ПРЕЛАГАТАЕ КНЯЗЕ ЧАПКУНѢ И О ИЗМѢНЕНИИ О НЕМ КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 43

В то же время бѣ нѣкто на Москвѣ бѣгунъ казанстий — князь, именем реченный Чапкунъ. Сей оставль землю и страну, и отечества своего, в нем же родися, идѣже и жителствоваше прежде того, и домъ, и жену свою, и чада своя и вся пометну, еже имяше в Казани, вины ради смертныя, хотяща ему быти по дѣлом его. И прибѣжавъ оттуду к Москвѣ, на Русь, на самодержцево имя, служити ему хотя. Мнози же убо казанцы прибѣгоша к нему, якоже преже рѣкохъ.

Царь же и великий князь прием его с великою любовию и дарми, и почестьми понемалу почти его, и жити ему даде велик домъ на Москвѣ. Но древняя злоба никако же благихъ новых ходатай истиненъ не бывает и нѣсть мочно и лзѣ просту человеку со змием дружитися и кормити его от руку своею всегда и присвоити к себѣ, и приучити в пазусе носити и не снедену быти от него, но вмѣсто его добра главу ему отсѣщи, не дружачися с нимъ, да не, преже уязвився от него и болѣвъ, умреши от него злѣ. Тако и от злаго слуги своего, невѣрнаго раба иноязычнаго не мочно есть ухранитися и убрещися у него, близко держаще его и думающе с нимъ.

Окаянный же сей варвар поганый жил на Москвѣ, служа самодержцу, пять лѣт в велицей чести и любви его, и от всѣх велмож его и князей, и боляр любимъ и почитаем, яко друг и братъ превозлюбленъ, *аще* и варваръ, *но* человекъ честенъ бѣ. *И егда предася* Казань *за* московского самодержца, тогда казанец онъ, льстецъ и прелагатай князь Чапкунъ, ста пред самодержцем и падает на колену свою, моляся, яко да отпущенъ будет, пронырникъ, в царство свое Казань видѣти сродники своя и род, и друзи, и вся знаемыя имъ, живы ли всѣ, и взяти ему *к Москвѣ их* оттуду, подружие свое змииное, и дѣти своя, и рабы, оставшыя тамо, и имѣния забрати. Царь же и великий князь отпусти его, рекъ: «Иди, якоже хощеши», не вѣдый пронырства лукаваго и льсти того варвара.

Онъ же пойде, отпущенъ, печать цареву нося и не блюдяся никого же, и прииде в землю свою, в Казань, и свидѣвся с своими, и прелстися, преложися к казанцемъ, льстивых словес змииных

покорена Казань, и не взял бы, придя, царь и великий князь славный город наш Казань, словно пустое и нищее вдовье село. Господа же наши после царя нашего Сафа-Гирея, как будто провидя кончину свою, восстали сами на себя и начали грызться, словно голодные овцы, и растерзали друг друга, и все при царе Шигалее прежде нас окончательно погибли. Мы же, оставшиеся после них, замучены были всяческими напастями и бедами и жестоким пленом.

О ПРЕДАТЕЛЕ КНЯЗЕ ЧАПКУНЕ И О ИЗМЕНЕ ЕГО С КАЗАНЦАМИ. ГЛАВА 43

В то же время жил в Москве некий беглец из Казани — князь по имени Чапкун. Оставил он землю и страну и отечество свое, в котором родился и жил, и дом, и жену свою, и детей своих, бросив все, что имел он в Казани, ибо ждала его там смертная казнь за дела его. И прибежал он оттуда на Русь, в Москву, под покровительство самодержца, желая послужить ему. Многие ведь казанцы прибегали к нему, как я уже говорил.

Царь же и великий князь принял его с большой любовью, и почтил дарами и немалыми почестями, и дал ему для проживания большой дом в Москве. Но застарелая злоба никогда не бывает истинным пособником новых благих дел, и невозможно, и нельзя неискушенному человеку иметь дружбу со змеей, и всегда кормить ее из своей руки, и приручить, и приучить так, чтобы носить ее за пазухой и не быть ею съеденным, но следует даже за добро ее отсечь ей голову, не заводя с ней дружбы, дабы от укуса ее не заболеть и не умереть тяжкой смертью. Также и от злого слуги, неверного иноязычного раба невозможно охранить себя и уберечься, приблизив его к себе и совещаясь с ним.

Окаянный же этот варвар, служа самодержцу, жил в Москве, пять лет в великой чести и любви, и все вельможи, и князья, и бояре также любили и почитали его как друга и брата возлюбленного, ибо хотя он и варвар, но человек был честный. Когда же покорилась Казань московскому самодержцу, казанец этот, льстец и изменник князь Чапкун, явился перед самодержцем и упал на колени, умоляя его, чтобы тот отпустил его, коварного, в царство его — Казань — увидеться с родственниками своими, друзьями и знакомыми, чтобы узнать, живы ли они все, и взять их оттуда в Москву, жену свою змеиную и детей своих и рабов, оставшихся там, и имущество свое забрать. Царь же и великий князь отпустил его, сказав: «Иди, если хочешь», не подозревая о хитром коварстве и лицемерии того варвара.

Он же, отпущенный, пошел, имея при себе царскую грамоту и никого не опасаясь, и пришел в землю свою, в Казань, и, увидевшись со своими, прельстился, и перешел на сторону казанцев,

жены своея послушав, не хотящи бо ей от земли своея и от рода своего на Русь ити с нимъ. И забы онъ самодержца честь и любовь, бывшую ему на Москвѣ и возвратися паки к селу удавления его, крѣпце самъ на ся понят уже, его же избѣжал преже и болѣ неправду и зачат беззаконие, и ровъ изры ископай и впадеся вь яму, и обратися болѣзнь его на главу его и на верхъ его сниде неправда его.

И соединися с велможами казанскими, нача развращати ихъ и смущати всѣми людми, и совѣт неблагий с ними съшивати, веля Казань затворити и царя Шихалея убити, якоже и брата его убиша, Еналея царя, и отложитися от самодержца московскаго, ни служити ему, ни повиноватися, яко да не болшую бѣду и напасть постражут впредь, якоже и от раба его, царя Шихалея, мучатся злѣ, и по странамъ его расточени да не будут и развѣдени, и законъ отеческий и вѣра ихъ срачинская да не погибнетъ, и обычаи старыя измѣнятся.

Казанцы же послушаху его с великим усердиемъ, еже отложитися, яко добра хотяща имъ, а о том словесамъ его не внимаху, яже царя убити, да не болшимъ согрѣшат и бога прогнѣваютъ и царя и великаго князя раздражат и подвигнут на гнѣвъ, чающе с нимъ вѣчным миром смиритися.

И сотвориша его над всѣми велможами болѣ всѣх князя и воеводу, зане от юности наученъ бѣ ратному дѣлу. И возлюбиша людие вси и послушаху его во всѣм, глаголюще ему: «Да буди воля твоя над всѣми нами, вся повелѣнная тобою с радостию сотворяем: и се ты свѣси гораздо всякия обычаи московския, недавно бо еси отдуду пришед, и что про нас думает царь и великий князь: миловати ли нас хощет или до конца згубити; и что подобает намъ о себѣ полезная смышляти: противная ли или смиренная. Да како будет лучше, ты всяко вѣси и блюдися, да не в полѣзных мѣсто паки зло сугубо постражем, велик бо нас всѣх страх обдержитъ».

Он же рече им: «Ничтоже бойтеся, но токмо зрите на мя, и еже велю, то творите». Помышляет же безвѣрный царем быти в Казани, аще Казань отстоит от московского царя. *И совѣщав казанцемъ оболстити царя* своего воеводам *московским,* стоящим во граде Свияжском, и *возвести* на него измѣну велику, да тако его могут избыти, аще не хотят его убити, и без него како хотят, тако и сотворят.

По воли его и по слову подпадоша казанцы к воеводам, яко вѣрны творяшеся и *нелестны*, льстяще и облыгающе царя своего, яко: «Хощет царь измѣну в борзе сотворити, совещал бо ся с нѣкими нашими, и мы вѣмы истинно, аще в борзе не сведете с

послушавшись коварных змеиных речей жены своей, не хотевшей идти с ним на Русь от своей земли и от родни своей. И забыл он почести и любовь самодержца, которыми был он окружен в Москве, и снова возвратился к тому силку, которым должен был быть удушен и которого избежал он прежде, теперь же сам на себя его наложил, и начал он творить еще большее беззаконие и неправду, и, вырыв яму, сам же в нее упал, и обратилась болезнь его на голову его, и вернулась к нему его неправда.

И, объединившись с казанскими вельможами, начал он развращать их и сеять смуту среди всех людей, и недобрые замыслы с ними строить, подговаривая их запереть Казань и убить царя Шигалея, как убили и брата его, царя Геналея, и отделиться от московского самодержца, больше не служить ему и не повиноваться, дабы не навлечь на себя в будущем больших бед и напастей, чем те горькие муки, которые терпят они от раба его, царя Шигалея; дабы не расселили их и не развели в будущем по разным его землям и дабы не погибла сарацинская их вера, и закон отеческий и обычаи старые не изменились.

Казанцы же усердно слушали его речи о том, чтобы отделиться, считая, что он хочет им добра, но его словам о том, что надо убить царя, не внимали, чтобы не совершить большего греха, и не прогневить бога, и царя и великого князя не раздражить, и не вызвать его гнева, надеясь заключить с ним вечный мир.

И сделали они его первым князем и воеводой над всеми вельможами, поскольку с юности своей был он научен ратному делу. И полюбили его все люди и во всем слушались его, говоря ему так: «Да будет воля твоя над всеми нами, будем мы с радостью исполнять все повеления твои, ибо хорошо знаешь ты — поскольку недавно оттуда пришел — всякие московские обычаи и то, что думает с нами сделать царь и великий князь: хочет ли он помиловать нас или окончательно погубить, и то, что выгодней нам, выбрать: сопротивление или смирение. Ведомо тебе, что для нас лучше, но остерегайся, как бы не пришлось нам еще больше пострадать вместо того, чтобы извлечь для себя пользу, ибо пребываем мы в сильном страхе».

Он же ответил: «Ничего не бойтесь, но только смотрите на меня и что вам велю, то и делайте». Сам же, неверный, замышляет стать в Казани царем, если убережет Казань от царя, присланного из Москвы. И посоветовал он казанцам оклеветать царя перед московскими воеводами, стоявшими в Свияжске, и приписать ему великую измену, ибо только так могут они от него избавиться, если не хотят его убивать, а когда его не станет, пусть поступают так, как захотят.

Подчинившись воле его и словам, явились казанцы к воеводам, притворившись преданными и искренними, и стали возводить на царя своего ложь и клевету, говоря так: «Если в скором времени не сведете царя с Казани, не будете сами вместо него

Казани, и сами будете вмѣсто его брещи нас или дати намъ вмѣсто его иного царя, вѣрнее сего, владѣти нами».

И ложныя свидѣтели многия поставиша на царя, паче же и князя Чапкуна: «Но аще и нам вѣры не имѣте,— глаголаху,— но и тому свѣдомо извѣстно нашему врагу, а вашему же приятелю. Мы бо того ради возвѣщаем, преже вам боящеся, да не паки на ны от вас горше будетъ пленение и пагуба. Не хощем клятвы нашея с вами преступити, но мир великъ имѣти хощемъ и жити заедино».

О ПИСАНИИ ВОЕВОД КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НА ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ И О ШЕСТВИИ ЦАРЯ ИС КАЗАНИ, И О ПОИМАНИИ КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 44

Воеводы же, испытавше горазно многими людми, и пояша вѣры казанцы, возбоявшеся, да не тако же паки будетъ от царя Шихалия, якоже от Махмет-Аминя царя в Казани измѣнство случися. И отписавше о том, и послаша к Москвѣ к самодержцу з борзоходъцѣм, яко да изведет царя из Казани, нѣкоторым от нихъ пятма или шестьма повелит быти вмѣсто его.

Царь же и великий князь почет послание воевод своих и послуша ихъ на единаго многих свидѣтелствия, и понегодова о том во умѣ своемъ на казанскаго царя Шихалея, дивися, что ново лесть явися в нем на старость его, нѣсть была во юности его. И отписа к нему з грозою, да оставит царство, выйдет ис Казани с воеводою и со всею силою своею и со всею казною своею, не оставити своего ни мала в Казани, да будет к Москвѣ, да скажет от себѣ всю истину; и аще тако будет помыслил, то казнь приимет о дѣле своемъ. А на мѣсто его повелѣ быти в Казани князю Петру Шуйскому со инѣми пятью воеводами и с половиною воинства, въ Свияжскомъ же граде князю Семену со двема воеводами и з другою половиною войска, да тако тѣми воеводами без царя строится Казань доколѣ истинно испытает о царѣ.

Дошедшу же посланию от самодержца с Москвы ко царю Шихалѣю в Казань, и разумѣ, яко оболщенъ есть от казанцевъ и от воевод. И не убоявся ни мало о лестном оглаголании на себя, надѣяся на бога жива и на безмѣрную правду свою. И не потужи, еже отстати царства, и зва казанцев на пир, лесть творя, аки не вѣдая лукавства их, еже навадиша на нь, и тѣм оплоши их, и прощаяся с ними и веселяся свѣтло, яко да не увѣдят на себя злобы царевы или да сядут или убиютъ его, или вси разбѣгутся от него.

И пировав с казанцы четыре дни, испущая люди своя ис Казани со стады конскими и со всею казною своею и дожидаяся воевод казанских, да при нем въѣдут в Казань со всею силою своею.

управлять нами или не дадите нам вместо него другого царя, знаем мы наверняка, что вскоре совершит царь измену, так как вел он кое с кем из нас переговоры об этом».

И представили они многих ложных свидетелей против царя, и прежде всего князя Чапкуна. «Если нам не верите,— говорили они,— то поверьте нашему врагу, а вашему другу, который тоже знает об этом. Мы ведь, боявшиеся вас раньше, сообщаем вам об этом потому, чтобы не было нам от вас еще большего разорения и беды. Не хотим мы нарушать данной вам клятвы, но хотим иметь с вами прочный мир и жить с вами в согласии».

О ПОСЛАНИИ ВОЕВОД К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПРОТИВ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ, И О ВЫХОДЕ ЦАРЯ ИЗ КАЗАНИ, И О ЗАХВАТЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 44

Воеводы же, подробно расспросив многих людей, поверили казанцам, испугавшись, как бы не было и от царя Шигалея измены, какую совершил в Казани царь Махмет-Амин. И написали они о том самодержцу, и отправили со скороходом в Москву послание, чтобы отозвал он царя из Казани и повелел кому-нибудь из них — пятерым или шестерым — занять его место.

Царь же и великий князь прочел послание своих воевод, и прислушался к свидетельствам многих против одного, и вознегодовал мысленно на казанского царя Шигалея, дивясь, что на старости лет завелась в нем измена, которой не было в нем в юности. И написал он ему с угрозой, дабы оставил он царство, вышел из Казани с воеводою, и со всеми своими воинами, и со всей своей казной, ничего не оставив своего в Казани, и пришел бы в Москву, и рассказал бы о себе всю правду: и если действительно замышлял он измену, то примет он за это казнь. А в Казани повелел вместо него быть князю Петру Шуйскому с пятью воеводами и с половиною воинства, дабы те воеводы без царя управляли Казанью, доколе он не узнает правду о царе; в городе же Свияжске — князю Семену с двумя воеводами и с другой половиной войска.

Когда же дошло в Казань до царя Шигалея из Москвы послание самодержца, понял он, что оклеветан казанцами и воеводами. Но не испугался он ничуть хитрой этой клеветы, надеясь на бога и безмерную свою правду. И не опечалился он о потере царства, а позвал казанцев на пир, чтобы попрощаться с ними, притворившись, будто не знает о лукавом их замысле против него, и этим обманул их, и беззаботно веселился с ними, дабы не догадались они о царской на них злобе и, сев с ними, не убили его или не разбежались от него все.

И пировал он с казанцами четыре дня, отправляя из Казани своих людей с конскими стадами и со всей своей казной и дожидаясь воевод, которые будут править в Казани, чтобы они при нем въехали

И посылаше по них и, не дождався их в пятый день, и сам выѣха из Казани с воеводою, радуяся, избывъ печали казанския, аки младенец на свѣт родився или мертвец изо ада изпущенъ. А князь Чапкунъ, утаився царя, остася в Казани, да изымав, к Москвѣ сведетъ с собою, яко сходника и прелагатая, и погрешит надежды своея вкупѣ же и живот свой погубит.

Царь же, ис Казани пошед, повелѣ себя проводити до Свияжского града оставшимся немногим улановем болшим и мурзам, которые на него измѣну возвели и в коих была неправда вся, лесть и мятеж, яко да обѣдают у него и пируют еще, и повеселятся вкупѣ и с воеводами, яко уже царемъ не видати имъ за живота своего николи же. И сим неразумных прелсти ихъ.

Казанцы же, меж собою смѣящеся, провождаху царя, вкупѣ же *аки* тужаще, яко не быти у них таковому царю добру ни до смерти нашея, счастливу и премудру, и правосудному, ко всѣмъ намъ милостиву и почасливу, и много даровиту, и не нажити нашим дѣтем и внучатом. Такоже и царь по них мняся, аки тужа въ сердцах, прослезяшеся.

И посла вперед себя к воеводам, яко да встретят и на пир его зовуща. Воеводы же по словеси царя срѣтивше его за пять верстъ от града, дающе ему почесть, яко же лѣпо есть царемъ, и зваху царя и казанцевъ на пир, киижздо их, к себѣ.

И въѣхавшим во град всѣмъ: царю и воеводам, и казанцем, и повелѣ царь казанцев переимати всѣх, мятежниковъ и лестцовъ, и клятвопреступников казанских. И поимаша всѣх, и не утече с вѣстию ни един в Казань. Всѣх же бѣ *казанцев* и со служившими с ними семьсотъ. *И* болших *велмож* девяносто, желѣзы окованыхъ, того же дни на пред себя к Москвѣ посла, яко всегда лесть и мятеж творяху, да не веселие и радость и смѣяние прибудет им про царя, яко прелукаваша его, но плач неутѣшимый женам и дѣтем, туга и сѣтование и еже всѣм казанцемъ. Служащих же и ятыхъ казанцевъ ту, во граде, главне казнѣ предаша.

О ВЕСЕЛЫИ ПИРА ВОЕВОД И О ПОСЛАНИИ В КАЗАНЬ ОТРОК ИХ, И О СѢТОВАНИИ КАЗАНЦЕВЪ ПО ВЕЛМОЖАХ СВОИХ. ГЛАВА 45

Сами же воеводы тогда со царем начаша пировати и веселитися, яко провождающе его и сотворше послѣднюю побѣду над казанцы, и яко крѣпце и конечнѣ взяша. Позакоснѣша мало и прозабышася в пиянствѣ, и не *поскориша* того дне въѣхати въ Казань с силою *своею.* А царь не премолкая глаголаше имъ, посылаше ихъ в Казань, доколе не свѣдают казанцы велможъ

в Казань со всею силою своею. И посылал он за ними, но, не дождавшись их, на пятый день сам выехал из Казани с воеводой, радуясь, как младенец, только что родившийся на свет, или мертвец, выпущенный из ада, что избыл он казанской печали. А князь Чапкун, спрятавшись от царя, остался в Казани, дабы тот, схватив его, не свел с собою в Москву как лазутчика и изменника, и не расстался бы он со своей надеждой, а вместе с ней и с жизнью.

Царь же, покидая Казань, повелел проводить себя до города Свияжска немногим оставшимся знатным уланам и мурзам, которые оклеветали его и в которых была сосредоточена вся неправда, обман и мятеж, пригласив их еще пообедать у него, и попировать, и повеселиться теперь уже и вместе с воеводами, ибо при жизни своей не увидят они его уже своим царем. И тем прельстил он их, неразумных.

Казанцы же, посмеиваясь про себя, провожали царя, притворно вместе с тем печалясь, что не будет у них больше до самой смерти такого доброго царя, счастливого, мудрого и правосудного, милостивого ко всем им, почтительного и щедрого, и что не нажить такого царя ни детям их и ни внучатам. Также и царь, делая вид, что печалится он в душе, прослезился.

И послал он вперед себя гонца к воеводам, чтобы встречали они его и звали на пир. Воеводы же, по слову царя, встретили его за пять верст от города, оказывая ему честь, какую подобает оказывать царям, и позвали царя и каждого из казанцев к себе на пир.

Когда же все въехали в город: и царь и воеводы и казанцы, повелел царь схватить всех казанцев — мятежников, изменников и клятвопреступников казанских. И схватили всех, и не убежал ни один из них с вестью в Казань. И было всего казанцев вместе со слугами их семьсот человек. И в тот же день послал царь вперед себя в Москву закованными в железо девяносто больших вельмож, всегда лицемеривших и сеявших смуту, дабы не смеялись они над царем, думая, что обманули его, и были бы им не веселие и радость, но плач неутешный женам их и детям, а всем казанцам — скорбь и печаль. Слуг же и остальных схваченных казанцев здесь, в городе, предали смертной казни.

О ВЕСЕЛОМ ПИРЕ ВОЕВОД, И О ПОСЛАНИИ ИМИ В КАЗАНЬ СВОИХ ОТРОКОВ, И ОБ ОПЛАКИВАНИИ КАЗАНЦАМИ СВОИХ ВЕЛЬМОЖ. ГЛАВА 45

Сами же воеводы начали тогда с царем пировать и веселиться под предлогом проводов его, считая, что одержали уже над казанцами последнюю победу и окончательно покорили их. Немного позамешкались они, и позабылись в пьянстве, и не поспешили в тот же день въехать в Казань со своими силами. А царь не переставая говорил им об этом, посылая их в Казань, пока не узнали казанцы о том, что схвачены их вельможи.

своихъ изыманых. Но единако продумавшеся, не послушавше царя и таково дѣло великое впросте покинувше, послаша бо точию того дни наперед себя избранных своих отрокъ три тысящи с казною своею и с нарядом своимъ ратным *и со изготовленным на все лѣто* з сапасом пищным, заимати имъ *велевшим* великия домы лучьшия на стояние себѣ. А сами отложиша в Казань ѣхати до утренняго дни, не мняху измѣны быти во оставшихся казанцехъ, ни въ князе Чапкунѣ, занеже велможи ихъ и воеводы избиены, инии же изведени, и мало остася князей и мурзъ в Казани, но людие среднии, и вси сѣмени злаго того же — воин искусенъ и ратникъ изученъ.

Казанцы же, слышавше бывшая над старѣйшинами своими, яко изымани быша, и на всѣх страх и ужас велий нападе на нихъ. И сѣтоваху и тушаху, середнии и меншии по своих владѣлцех. И восплакашася горко и воскричаша по мужех своих катуны, и дѣти по отцѣх своихъ, просящеся во единых срачицах за ними на Русь. «Отпустите нас,— вопияху,— о казанцы, за нашими мужми отпустите! Все наше имѣние возмите у нас и нагих отпустите нас, да умрем с *ними* в темницѣ на Москвѣ, не можем бо здѣ быти без них ни единаго дни. Нам бо младымъ овдовѣвшим и малымъ чадом нашим осиротѣвшим, и домы наши и села великия запустѣют и богатство все изгибнетъ». И бысть по них плач неутѣшимый по многи дни.

И ужасаху жены тыя оставших сродницъ и племя, и знаемии. И проклинающе царя, и жестока его, и лукава, и не милостива глаголаху, и волхва его нарицаху: «И колко бѣ в руках наших при смерти, и всячески бѣгаше, прелщая нас, нынѣ же до конца все царство наше прелсти и вся премудрыя наши властели и велможи многия единъ, аки младенцовъ, изпрелукави: овѣх многих в Казани изби, а досталных изведе и позоба, яко вепрь дивий сладок виноград, и яко пшеницу чистую на поли пожа, а нас, яко терние, ногама попра, остави. Не вѣсте ли, яко терние остро есть: неподобает ногам босым ходити по нему, и мал камень разбивает и великия корабли». И плакавше, и туживше по многи дни.

И поставиша в тѣх мѣсто многия князи и воеводы, избравше от родов своих; надо всѣми же — князя Чапкуна, яко в побѣдах искусна. И по совѣту его вскорѣ градъ затвориша. И измѣниша казанцы царю государю и великому князю, преступиша обѣщание свое и клятву, и солгаша на конечную погибель себѣ.

О СМЕРТИ ОТРОКОВ ВОЕВОДЦКИХ. ГЛАВА 46

Тѣх же воеводцких отроковъ в Казань пустивше и яша всѣх. И понудиша их преже ласканием отврещися вѣры християнския

Но все они оплошали, не послушав царя и такое великое дело бросив на половине, послали в тот день вперед себя лишь три тысячи избранных своих отроков с казной своею, и боевым своим снаряжением, и с приготовленным на весь год запасом пищи, повелев им занять лучшие большие дома себе на постой. А сами отложили поездку в Казань до следующего утра, решив, что не может быть измены в оставшихся казанцах и князе Чапкуне, поскольку вельможи их и воеводы побиты, другие же отосланы, и мало осталось князей и мурз в Казани, только средние люди. Но все они — от того же злого семени: каждый искусный воин и хорошо обученный боец.

На казанцев же всех, когда услыхали они, что старейшины их схвачены, напал страх и ужас великий. И горевали, и тужили средние и меньшие казанцы по своим хозяевам. И заплакали горько, и зарыдали жены по мужьям своим, а дети по отцам своим, просясь в одних сорочках за ними на Русь. «Отпустите нас,— вопили они,— о казанцы! За нашими мужьями отпустите! Все наше имущество заберите у нас и нагими отпустите нас, да умрем с ними в Москве в темнице, ибо не можем мы здесь оставаться без них ни одного дня. Ведь молодыми овдовели мы, и дети наши осиротевшие еще малы, потому запустеют дома наши и большие села, и погибнет все наше богатство». И много дней стоял по ним безутешный плач.

И навели женщины эти ужас на остальных своих родственников и близких. И, проклиная царя, обзывали его жестоким, лукавым и немилосердным и нарекали его волхвом, говоря так: «Сколько раз был он в наших руках на краю гибели, но всячески избегал ее, обманывал нас, теперь же окончательно прельстил он все наше царство и один перехитрил, словно младенцев, всех мудрых наших правителей и вельмож: многих в Казани перебил, а остальных вывел из нее и пожрал, словно вепрь дикий сладкий виноград, и покосил их, словно чистую пшеницу в поле, а нас, как терн, поправ ногами, оставил. Но разве не известно, что колется терн: не следует ходить по нему босыми ногами, и что маленький камень разбивает и большие корабли?» И плакали они и тужили много дней.

И поставили они на место прежних князей и воевод многих новых, которых выбрали из числа своих родственников; надо всеми же поставили князя Чапкуна как самого искушенного в победах. И по его совету вскоре заперли они город. И изменили казанцы царю-государю и великому князю, нарушили обещание свое и клятву и совершили обман на окончательную свою погибель.

О СМЕРТИ ВОЕВОДСКИХ ОТРОКОВ. ГЛАВА 46

Тех же воеводских отроков впустили они в Казань и схватили всех. И вначале ласково понуждали их отречься от христианской

и прияти бусорманская их вѣра, яко да в чести велицей будут у них и князи нарекутся, и за едино с ними на Русь воевати учнут ходити. Воини же возопиша единем гласом купно вси: «Не даждь нам, боже, отлучитися вѣры християнския и попрати святое крещение вас ради, нечестивых и поганых человѣк!»

Казанцы же разгнѣвавшеся на них и по многих томлениих и мучениих различных смерти предаша всѣх: овѣх огнем сожгоша, иных же в котлѣхъ свариша, овѣх же на коле посадиша, овѣх по составом разсѣкоша и рѣзаша тѣлеса ихъ, инѣм же кожу со главы до пояса содраша, наругающеся, немилостивии кровопийцы.

И тако доблии тии юноши-воини стерпѣша. И умроша за вѣру християнскую, пострадавше мученическия смерти от безбожных варваръ, положиша храбрыя главы своя за Рускую землю. И вмѣсто земныя чести же и работы князей своих прияша с мучениками побѣдныя вѣнцы от Христа бога на небесѣх.

О ПОШЕСТВИИ ВОЕВОД МОСКОВСКИХ Х КАЗАНИ И ХУЛА И УНИЧИЖЕНИЕ ОТ КАЗАНЦЕВЪ, И ПЕЧАЛЬ ИМ О КАЗАНИ. ГЛАВА 47

Наутрия же поидоша воеводы из града Свияжского ко граду Казани со всѣми вои своими, надѣющеся по обычаю въѣхати в Казань, якоже имъ рѣкоша казанцы, преже избывающе царя своего. И пришедше воеводы ко граду, и смотряху противъ себя изшествия казанцев с честию и з дары в срѣтение. И не изыде противу ихъ ни единъ казанец худъ или слепъ, или хромъ. И объѣхавше около града, и видѣша всѣ врата извнутръ твердо затворены и заключены, и казанцевъ по стѣнам града ходящих вооруженых, на брань готовыщихся и битися хотящих, аще учнут московская воинства на градъ налѣгати.

И стояще на граде, глаголаху воеводам: «Отступите от града нашего поздорову прочь, безумныя воеводы московския, другий же град — Свияжский — намъ отдайте, его же чрез правду, насилиемъ на чюжей земли постависте, и миръ с нами сотворите, и вонъ из нашея земли пойдите, и вспять возвратитеся. Не тружайтеся, без ума взявше царство напрасно и не умѣвше держати его. Уже бо нынѣ не имате обманути нас, якоже прежних властей наших и велможей, аки безумных, прелстисте и чрез клятву их пригубисте. Нынѣ же у нас велможи новыи и воеводы есть и крѣпчайше, и премудрѣйше ихъ бывших. Аще же и самъ на нас приидет злый вашъ царь и великий князь, и не убоимся его».

И лесть свою с себя снимаху и на воевод на самих налыгаху, яко: «По зависти и без вины взясте от нас добраго царя нашего Шихалея, оболстивше, сведосте его с царства, хотяще быти сами вмѣсто его владѣти нами и поклонение, и честь, и приношение от нас приимати. Недостойни есть ни видѣти Казани

веры и принять басурманскую их веру, обещая, что будут они у них ходить в великой чести и называться князьями и вместе с ними начнут ходить воевать на Русь. Воины же все в один голос закричали: «Не дай нам бог отлучиться от христианской веры и попрать святое крещение из-за вас, нечестивых и поганых людей!»

Казанцы же разгневались на них и после многих различных пыток и мучений предали их всех смерти: одних сожгли, других сварили в котлах, других же на колья посадили, иных рассекали на части и резали их тела, иным же немилосердные кровопийцы содрали кожу с головы до пояса, надругавшись над ними. Вот что вытерпели доблестные те юноши-воины. И умерли они за веру христианскую, приняв мученическую смерть от безбожных варваров, сложили они храбрые головы свои за Русскую землю. И вместо земной чести и службы князьям своим снискали они вместе с мучениками победные венцы от Христа-бога на небесах.

О ПОХОДЕ МОСКОВСКИХ ВОЕВОД К КАЗАНИ, И О ТОМ, КАК ХУЛИЛИ И УНИЖАЛИ ИХ КАЗАНЦЫ, И О ПЕЧАЛИ ИХ ИЗ-ЗА КАЗАНИ. ГЛАВА 47

Наутро же пошли воеводы из города Свияжска к городу Казани со всеми своими воинами, рассчитывая, как обещали им казанцы, избавляясь от своего царя, въехать в Казань, согласно установившемуся обычаю. И, подойдя к городу, стали воеводы ждать, когда с дарами выйдут им навстречу казанцы, оказывая им честь. И не вышел навстречу им ни один казанец, хотя бы нищий, или слепой, или хромой. И увидели они, объехав вокруг города, что все ворота плотно закрыты и заперты изнутри и что по городским стенам ходят вооруженные казанцы, готовящиеся к бою и хотящие сражаться, если московское воинство начнет наступать на город.

И говорили они воеводам, стоя на городской стене: «Отступите подобру-поздорову прочь от нашего города, глупые воеводы московские, другой же город — Свияжск, который незаконно, насильно поставили вы на чужой земле, нам отдайте, и мир с нами заключите, и идите вон из нашей земли, и назад возвращайтесь. Не трудитесь теперь, если без ума, случайно взяв царство, не смогли его удержать. Теперь уже не сможете обмануть нас, как обольстили вы, словно несмышленых, прежних наших властителей и вельмож и погубили их, нарушив клятву. Теперь же у нас есть новые вельможи и воеводы, крепче и мудрей прежних. Если же придет на нас даже сам злой ваш царь и великий князь, не испугаемся и его».

И переложили они клевету свою с себя на самих воевод, говоря так: «По зависти своей и без вины забрали вы от нас доброго царя нашего Шигалея, обманув, свели вы его с царства, желая сами вместо него владеть нами и поклонение, и почести, и приношения от нас принимать. Недостойны вы даже видеть Казань

за невѣрствие ваше, неже жити во царствѣ томъ. Казань бо есть царство волное, и держатъ царя на Казани по воли своей — брежащаго людей своихъ, а злаго отсылаютъ или убиваютъ. Ни от князей бо, ни от воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей. И всегда на царское мѣсто подобно есть быти царю, а не вам, руси, московским воеводам, лжывым людемъ и нимало в себѣ правды имущим». И много укориша их казанцы, лающе, яко пси.

Воеводы же московския болши себѣ срама добывше, студа и поругания и три часа стоявше у града с войскомъ и развѣе погрозивше казанцемъ и ничтоже имъ доспѣвше, и возвратившеся во град свой без успѣха, не смѣяху, без вѣдания самодержца своего ничто же творити казанцем.

И тужаху и плакахуся, глаголаху: «Что се намъ будет от царя самодержца, яко мы взяхом град Казань, мы же и паки отдахомъ его. И его же многотрудно и много лѣтъ доступахом и, взявше, из рукъ наших и пустихом! Кий сонъ удержа нас? Да како уснухом и како забыхомся от горкаго нашего вчерашняго пира? О, безумия всѣх безумнѣйше есть мы! Како явимся во очи самодержцу нашему, на дѣло сие пославшему нас? Како же смертныя сея скорби премѣнимся или какое воздание от него приимемъ? Коими же златыми вѣнцы украси главы наши? И вправду есмы повинны великимъ казнемъ смертным от него».

И утоляти начаша царя Шихалея, да не речетъ на них самодержцу слова хулна и лестна, яко же они с казанцы лесть на него возвели невѣдающе, но паче молит о нихъ и печалуется.

О ПОШЕСТВИИ ЦАРЯ ШИХАЛЕЯ К МОСКВЕ, И ПЕЧАЛЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ, И О ПРИШЕСТВИИ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ЕДИГЕЯ. ГЛАВА 48

Царь же скоро пойде к Москвѣ. И проводиша его все воеводы с великою честию, а сами ту оставшеся, во граде Свияжскомъ, со всею силою своею.

Казанцы же вскорѣ, того же лѣта, пославше и приведоша себѣ на царство царя из Нагайския земли именем Едигея Касаевича, втай ходивше по него. И приведоша его лѣсами и иными непроходными пути, и да не свѣдавше воеводы московския и устрѣгши, измымут его, стояху бо на всѣх путех заставы. Онъ же три заставы малыя, побивъ, пройде, перелѣз Каму рѣку выше Вятки. Сущу же ему по роду от астраханских царей. И с ним прийде в Казань 10 000 варваръ, кочевных самоволных, гуляющих в поле.

Бысть же тогда Казань владаема от Москвы семь месяцъ, строима царемъ Шихалеемъ.

за неверность вашу, тем более жить в царстве том. Казань ведь царство вольное, и держат царя в Казани, какой бережет людей своих, а злого отсылают или убивают. Не князьями ведь и не воеводами или простыми людьми управляется Казань, но царями. И всегда на царском месте подобает быть царю, а не вам, русским, московским воеводам, людям лживым и нисколько в себе правды не имеющим». И много оскорбляли их казанцы, лая, словно псы.

Воеводы же московские, ничего не добившись от казанцев, разве что пригрозив им, а больше добыв себе срама, стыда и поругания, три часа простояв у Казани, возвратились без успеха в свой город, не смея без ведома своего самодержца что-либо предпринять против казанцев.

И тужили и плакали они, говоря: «Что нам будет теперь от царя-самодержца, ведь взяли мы город Казань и сами же снова отдали его? Город, которого с большим трудом и много лет добивались мы, теперь, взяв его, из рук наших упустили? Какой сон удержал нас? Да как уснули и как забылись мы от горького нашего вчерашнего пира? О, мы глупейшие из глупцов! Как явимся мы на глаза самодержцу нашему, пославшему нас на дело это? Как же избавимся мы от смертельной этой скорби и какое примем от него воздаяние? Какими золотыми венцами украсит он головы наши? И вправду заслужили мы у него страшную смертную казнь».

И начали они умолять царя Шигалея, чтобы не сказал он о них самодержцу дурного и несправедливого слова о том, что они с казанцами клевету на него возвели, не зная правды, но умолял бы его и печалился о них.

ОБ УХОДЕ ЦАРЯ ШИГАЛЕЯ В МОСКВУ, И О ПЕЧАЛИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ, И О ПРИХОДЕ В КАЗАНЬ ЦАРЯ ЕДИГЕРА. ГЛАВА 48

Царь же вскоре пошел к Москве. И проводили его все воеводы с большими почестями, а сами остались здесь, в городе Свияжске, со всем своим войском.

Казанцы же вскоре, в том же году, послали послов и привели себе на царство царя из Ногайской земли, по имени Едигер Касаевич, тайно ходя за ним. И привели его лесами и иными непроходимыми путями, дабы не сведали воеводы московские и, подкараулив, не захватили его, ибо на всех путях стояли заставы. Он же, прорвавшись через три небольшие заставы, перебив их, переправился через Каму-реку выше Вятки. По рождению же был он из астраханских царей. И с ним пришли в Казань десять тысяч варваров, вольных кочевников, гуляющих в поле.

Была же тогда Казань, управляемая царем Шигалеем, под властью Москвы семь месяцев.

Царь Шихалей прииде к Москвѣ ис Казани и ста пред самодержцем. Царь же и великий князь о здравии вопроси его и о воеводах, такоже и о всем воинствѣ своемъ, преча на него, яко недобре правил царство. Он же рече: «Многа лѣт ти буди, самодержче славный, со всѣм царствомъ твоим, и мы есмы, раби твои, здрави всѣ! А еже глаголеши ми, то есть неправда. Не буди то, ни не вѣрь сему — се бо нанесоста на мя врази мои казанцы, избывающе мя, да изведеши мя от них. Нѣсмь бо имѣл прелагатайства ни мыслию ни въ юности моей, ни въ старости, и се нынѣ готовъ есмь от тебя в казнь и в смерть».

И подробну ему вся исповѣда, еже како строяше и како смиряше казанцев, и что по нем содѣяше казанцы возмущением князя Чапкуна. «И аще бы,— рече,— аз мало еще побыл в Казани, но не бы сие случилося. Нынѣ же, самодержце, совѣтую ти: яко да не опечалишися и, аще мя послушаеши, раба своего, и *тогда* сам подвигнися на Казань, и богу помогающу ти, возмеши *царьство* честно и славно. Казань бо есть нынѣ безлюдна и пуста: аще и есть люди, то худы и немощны и убоятся самого тебе, и не силны тебѣ будут, господин мой. А воеводами твоими без тебя не взята будетъ Казань. Казанския бо люди худы в ратном дѣле: зѣло свирѣпы и жестоки — и сам ихъ знаешь. Нынѣ же паче премѣниста животъ свой на смертъ. И вѣдают воевод твоих слабых и мяхкосердых, и не повинятся. И живут у тебя князи твои и воеводы в велицей славѣ и богатствѣ, и тѣ во время рати бывают некрѣпцы и несилны и подвизаются лестно и нерадиво, друг за друга уклоняющеся и воспоминающе славу свою и многое имѣние, и красныя жены своя и дѣти». И ина многа изрече ему.

Царь же и великий князь, слышав реченная от царя Шихалея про все дѣло Казанское, яко все добрѣ творяше и к ползѣ велицей и нѣсть неправды в немъ, но и воеводамъ вины в том не учини, не вѣдающе бо сие сотвориша, изказиша бо ихъ казанцы лестию, а князя Чапкуна самъ бѣ отпустил в Казань.

И тяжко си вмѣнивъ о отвержении казанцевъ от него, паче живота своего, и очи свои слез наполни, и глагола слово псаломское: «Суди, господи, обидящия ми и возбрани борющия ми, и приими оружие свое и щит, и востани в помощъ мою, и запрѣти сопротиво гонящих мя, и рцы души моей спасение: *твой* есмь аз».

Царь же и великий князь служимаго ему царя Шихалея дарми великими одаривъ и почестьми царскими почтивъ за великую службу его вѣрную и нелестную, и тѣмъ от печали его утѣшив, и отпусти его честно во свою вотчину ему, в Касимовъ, наказавъ ему, да паки готовъ будет с ним часа того к Казани итти, егда к нему вѣсть придетъ от него, каяся велми о изведении его.

Царь Шигалей пришел в Москву из Казани и предстал перед самодержцем. Царь же и великий князь спросил его о здоровье и о воеводах, а также и обо всем воинстве своем, упрекая его за то, что нехорошо правил царством. Он же сказал: «Многая лета тебе и царству твоему, славный самодержец, а мы, рабы твои, все здоровы! То же, о чем ты мне говоришь, неправда. Не верь, не было этого — то наговорили на меня враги мои казанцы, избавляясь от меня, чтобы ты отозвал меня от них. Не был я предателем даже в мыслях ни в юности моей, ни в старости и сейчас готов принять от тебя и казнь и смерть».

И рассказал ему обо всем подробно, как правил казанцами и усмирял их, и что после него учинили казанцы по наущению князя Чапкуна. «И если бы,— сказал он,— я еще немного побыл в Казани, то не случилось бы этого. Теперь же, самодержец, советую тебе: не печалься и, если хочешь послушать меня, раба своего, то сам иди в Казань и с божьей помощью возьмешь царство с честью и славой. Казань ведь сейчас безлюдна и пуста: если и есть в ней люди, то бедны, и немощны, и самого тебя испугаются, и не окажут тебе большого сопротивления, господин мой. А воеводами твоими без тебя не будет взята Казань. Казанцы ведь страшны в бою: очень свирепы и жестоки — сам их знаешь. Теперь же тем более поменяют они жизнь свою на смерть. И знают они слабость и мягкосердечие воевод твоих, и не подчиняются им. Живут у тебя князья твои и воеводы в великой славе и богатстве, а во время боя бывают некрепки и несильны и сражаются нечестно и нерадиво, прячась друг за друга и вспоминая славу, и большие богатства, и красивых жен своих, и детей». И многое другое сказал ему.

Царь же и великий князь, услышав рассказанное царем Шигалеем о казанских делах — о том, что все делал он правильно и к большой пользе и что нет в нем обмана, не стал винить в случившемся и воевод, ибо содеяли они это по неведению, поскольку казанцы обманом ввели их в заблуждение, князя же Чапкуна сам он отпустил в Казань.

И сильно тужил он об измене казанцев, больше, чем о жизни своей, и наполнились очи его слезами, и произнес он слово псаломное: «Осуди, господи, обижающих меня, и помешай воюющим со мной, и возьми оружие свое и щит, и приди мне на помощь, и накажи гонящих меня, и спаси душу мою, ибо твой я».

Царь же и великий князь, дорогими подарками одарив служащего ему царя Шигалея и почтив его царскими почестями за преданную и нелицемерную его службу и тем утешив его в печали, отпустил его с честью в его вотчину — в Касимов, наказав ему, чтобы он был готов, как только придет весть, идти вместе с ним к Казани, сильно раскаиваясь в том, что свел его с царства.

СОВѢТ З БОЛЯРЫ СВОИМИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ О КАЗАНИ. ГЛАВА 49

И призывает к себѣ в полату великую златую братию свою: благовѣрнаго князя Георгия и князя Владимира, и князя мѣстныя и вся великия воеводы, и вся благородныя своя велможи. И посади ихъ по мѣстом и начат благъ и мудръ совѣтъ с ними творити, хотя самъ в другие двигнутися на безбожную и поганую Казань, на презлыя и невѣрныя недруги своя — казанския люди и мстити крови християнския, яко Елезванъ, ефиопъский царь, на омиритского царя Дунаса жидовина, ревнуя прадѣдом своим: великому князю Святославу Игоревичю, како той многажды Греческую землю плѣни, столь далече ей сущи от Руския земли разстояниемъ, и дани великия со Царя-града имая, со благородных грек, побѣдивших древле Трою предивную и прегордаго царя перскаго Скерска; и той же великий князь по Дунаю стоящихъ 80 градовъ болгарскихъ взя.

Поревнова же и сыну его, первому во благочестии возсиявшему — православному и великому князю Владимиру, иже державу свою — Рускую землю — святымъ крещением просвятившему, како взя великий град Корсунь и иныя земли многия з дары, работаху ему, дани дающе. И надо всѣми враги его рука его бѣ высока.

Велми же позавидѣ Владимиру Манамаху, якоже той подвизася на греческаго царя Констянтина Монамаха великим ополчением ратнымъ, не хотѣвшу греческому царю мира поновити и дани давати по уложению прежнихъ бывших его царей с великими князи рускими.— Великий же князь Владимир Манамах, шед во Фракию, повоева начисто, и Халкидонъ мину, и окрестныя области Царя-града греческия всѣ пусты положи. И возвратися на Русь с великою корыстию и со многимъ богатствомъ, плѣнивъ царство Греческое.

Царь же Констянтинъ бысть о семъ в велице недоумѣнии и в печали, и тузѣ и совѣтова с патриархомъ, да пошлетъ в Киевъ, на Русь, к великому князю о миру, дабы от сего престал кровопролития тацех сущих християнъ и вѣрных людей греческих, проливая кровь неповинную, откуду и самъ бысть вѣренъ и всей земли своей спасение изобрете.

Посылает к нему с великим смирением великия своя премудрыя послы: Ефескаго митрополита киръ Неофита и два епископа с ним — Митулинскаго и Милитийскаго и стратига Антиохийского Иоанна, и *игѣмона* Иерусалимскаго Евстафиа и инѣх своихъ с ними благородных *мужей*, яко могущих умолити и укротити ярость и свирѣпство княже.

СОВЕЩАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СО СВОИМИ БОЯРАМИ О КАЗАНИ. ГЛАВА 49

И призывает он к себе в большую золотую палату своих братьев: благоверного князя Георгия, и князя Владимира, и всех местных князей, и первых воевод, и всех благородных своих вельмож. И рассадил он их по местам, и начал держать с ними благой и мудрый совет о том, что хочет он сам снова пойти на безбожную и поганую Казань, на злейших и неверных недругов своих — казанцев, как Елезван, эфиопский царь, ходил на омиритского царя Дунаса, жидовина, и отомстить за христианскую кровь, подражая своим прадедам: великому князю Святославу Игоревичу, который много раз покорял Греческую землю, так далеко находящуюся от Русской земли, взимая большие дани с Царьграда, с благородных греков, победивших в древности предивную Трою и гордого персидского царя Ксеркса; тот же великий князь взял также восемьдесят болгарских городов, стоящих по Дунаю.

Хотел он походить и на сына его, первым просиявшего в благочестии — православного великого князя Владимира, который державу свою — Русскую землю — просвятил святым крещением и взял со всем богатством его великий город Корсунь и многие другие земли, покорил их и стал получать с них дань. И высоко занесена была рука его надо всеми врагами.

Позавидовал он сильно и Владимиру Мономаху, который с большим войском ходил на греческого царя Константина Мономаха, когда не захотел греческий царь возобновить мирное соглашение и выплачивать дань по договору, который бывшие до него цари заключили с великими русскими князьями. Великий же князь Владимир Мономах пошел во Фракию и начисто ее разорил, затем прошел через Халкидонию и опустошил все греческие земли в окрестностях Царьграда. И возвратился он на Русь с богатой добычей и большим богатством, завоевав Греческое царство.

Царь же Константин пребывал из-за этого в большой растерянности, в печали и тоске. И держал он совет с патриархом о том, чтобы послать в Киев, на Русь, к великому князю послов для заключения с ним мира, дабы после этого прекратил он проливать кровь правоверных греков, таких же христиан, как и он сам, ибо проливает он неповинную кровь в стране, откуда началось и его правоверие и откуда пришло спасение для всей его земли.

Посылает он к нему с большим смирением первых своих мудрейших послов: Эфесского митрополита кир Неофита с двумя епископами — Митулинским и Милитийским, стратига Антиохийского Иоанна, Иерусалимского игемона Евстафия и иных своих благородных мужей, которые могли бы умолить его и укротить княжескую ярость и свирепость.

С ними же посла *к нему* и честныя великия и безценныя дары: самый свой царский вѣнецъ и багряницу, и скиптръ, и сердоликову крабийцу, из нея же еще великий Августъ, римский кесарь, на вечерях своих пия, веселяшеся, и злата, и сребра, и бисера, и камений драгихъ без числа, и инѣх драгих вещей без числа множество, утоляя гнѣвъ его лвовъ и свѣтлым царем рускимъ называя его, и да *уже* к тому ся не подвижет Греческия земли воевати.

«И сея ради вины великий князь Владимир, прадѣд мой, царь и Монамах наречеся. И мы прияхом царемъ нарицатися, венца ради и порфиры, и скипетра царя Константина Монамаха».

И уложивше между собою мир и любовь в вѣки и паче первыя вся бывшия.

Сия царь и великий князь и з братию своею и князи мѣстными и с великими воеводами премудре и царски думавше и глагола: «Или егда хуждьше есмь дѣда моего, великого князя Иоанна, и отца моего, великого князя Василия, недавно предо мною бывших и царствовавъших на Москвѣ, и скипетры правящих всея Руския державы? Такожде бо и они покориша под ся великия грады земли чюжих странъ и многих язык незнаемых поработиша, и память себѣ велику и похвалу в роды вѣчныя оставиша. И аз сынъ и внук ихъ вся тыя же грады и земли единъ содержа: коими бо царствоваша они — и аз тѣми же царствую, коими областьми владѣша они — и аз тѣми же всеми владею, и суть в руках моихъ и мною нынѣ вся строятся, и есмь божиею милостию царь и напрестолникъ ихъ. Тацы же у меня славныя воеводы великия, храбры и силны, и в ратных дѣлехъ зѣло изкусны, яковы же были и у них. И хто ми возбраняет тако же творити, яко же они потщашася, намъ сотворша многа блага? Тако же и мы хощем, богу помогающу нам, инѣм по нас сотворити.

Велико бо нынѣ зло постиже от единых казанцевъ паче всѣх враг и супостат моихъ. Не вѣмъ како мощенъ буди управитися с ними, зѣло бо стужают ми. И слышати бо не могу всегдашняго плача и рыдания людей моихъ, и терпѣти не могу досады и обиды от казанцевъ. И за сия, о князи мои и воеводы, надѣяся аз на премилостиваго вседержителя и человеколюбца бога, и хощу самъ второе свой подвиг учинити и ити на казанския срацыны и страдати за православную вѣру нашю и за святыя церкви: не токмо же до крови страдати хощу, но и до послѣдняго ми издыхания.

Сладко бысть всякому человеку умрети за вѣру свою, паче же кому за християнскую святую, нѣсть бо смерть, но вѣчный живот! Не бо вотще страдание прияша апостоли святии и мученици и благочестивии царие и благовѣрнии князи и сродницы наши, и за то прияша не токмо земныя почести, царство же

С ними послал он к нему и многочисленные бесценные дары, оказывая ему честь: собственный свой царский венец, багряницу, и скипетр, и сердоликовый кубок, из которого некогда пил сам великий Август, римский кесарь, веселясь на своих пирах, и золота, и серебра, и жемчуга, и камней драгоценных без числа, и иных дорогих вещей бесчисленное множество, утоляя львиный его гнев и светлым русским царем называя, дабы не стал он больше разорять Греческую землю.

«Вот почему великий князь Владимир, прадед мой, стал называться царем и Мономахом. От него и мы приняли титул царя, ибо владеем венцом, порфирой и скипетром царя Константина Мономаха».

И договорились они между собой о вечном мире и любви, и был этот договор крепче всех предыдущих.

Мудро, по-царски, обсудив все это со своими братьями, удельными князьями и первыми воеводами, царь и великий князь сказал так: «Разве хуже я деда моего, великого князя Ивана, и отца моего, великого князя Василия, которые незадолго до меня царствовали в Москве и правили всей Русской державой? Они ведь тоже подчинили себе великие чужеземные города, и поработили многие неведомые народы, и оставили о себе навечно добрую память, заслужив похвалу у будущих поколений. И я, сын их и внук, один правлю всеми теми же городами и землями, над которыми они царствовали,— над ними царствую и я, какими областями они владели — теми и я владею: находятся они в моих руках, и все они мною управляются, и я по божьей милости — царь и напрестольник их. Есть у меня и такие же славные великие воеводы, храбрые, и сильные, и искусные в ратном деле, какие были и у них. Кто же возбраняет мне сделать то же, что совершили они, принеся нам много добра? Вот и хотим мы с божьей помощью совершить то же самое, что и они, для будущих после нас.

Великое ведь зло терпим мы от одних только казанцев, больше, чем от всех других врагов и супостатов моих. Не ведаю, как сможем мы управиться с ними, ибо сильно они досаждают мне. Не могу я больше слышать постоянный плач и рыдания людей моих и терпеть от казанцев притеснения и обиды. И посему, о князи мои и воеводы, хочу я, надеясь на премилостивого вседержителя и человеколюбца бога, свершить свой подвиг и сам во второй раз идти на казанских сарацинов и пострадать за православную нашу веру и за святые церкви: не только до крови пострадать, но до последнего вздоха.

Любому ведь человеку сладко умереть за свою веру, но особенно — за святую, христианскую, ибо это не смерть, а вечная жизнь! Не напрасно ведь приняли страдание святые апостолы, и мученики, и благочестивые цари, и благоверные князья, и родственники наши: получили они за это не только земные почести, царство,

и славу, и храбрование на супротивныя, и многолѣтне славне на земли пожиша, и дарова имъ богъ за их благочестие и страдание, еже за православие страдаша, но отшествии сего прелестнаго мира в земных мѣсто небесная, а во тлѣнных мѣсто нѣтлѣнная, и всеконечная радость, и вѣчное веселие, еже быти у господа бога своего всегда и со ангелы ему предстояще, со всѣми праведными веселитися в бесконечныя вѣки.

Вы же, братиа моя и благородныя наши велможи, что ми о семъ мыслите и речете?» И преста глаголя, и мало молчанию бывшу.

ОТВѢТЪ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ОТ ВСѢХ ВЕЛМОЖ ЕГО И ВОЕВОД. ГЛАВА 50

И отвѣщаша ему братия его князь Георгий да князь Владимер и вся благородныя его велможи, яко единѣми усты и единем гласом с веселием сердца вкупѣ вси: «Дерзай, не бойся, о великий нашъ самодержче, побѣждай сопостаты своя и славу присовокупляй благородству своему! Не сопротивимся тебѣ, ни впреки глаголем. Буди воля твоя: ни в чем же от тебе отимаемъ и твори, еже хощеши. Много бо слышахом отецъ своихъ, иная же и сами видѣхом своима очима великия обиды тебѣ от казанцевъ и многия измѣны, да вси мы по силе своей, елико поможетъ богъ, крѣпко имамы страдати и полагати главы наши нелестно за святыя церкви и за все православие державы твоея. И за тебе, великого нашего самодержца, должни есмы умрети и все богатество наше и домы, и жены, и чада своя забыти и ни во что же положити, а не якоже иногда нерадѣниемъ и лѣностию своею одержими бяху тебѣ служихомъ, друг на друга смотривше, и великия наши отчины, данныя прадѣдам нашимь от прадед твоихъ, сами вкупѣ с казанцы небрежением нашим или неможением в конечное запустѣние предахомъ». Сим же словесемъ реченным бывшим от братии его и от всѣх благородных велмож и боляр и воевод его.

Сия же слышавъ от них царь князь великий и возлюби зѣло добрый отвѣтъ ихъ и мудрыя глаголы ихъ к нему. «Вопросиши бо отца твоего, и возвѣстит тебѣ, и старцы твои повѣдят ти». И воставъ с престола своего, и поклонися имъ на всѣ страны до земли, и рече: «Велми угоденъ ми бысть совѣтъ вашъ, любимыи мои думцы, и познахъ, яко будет на ползу вам и намъ».

О СОБРАНИИ РУСКИХ ВОЙ И О РАСМОТРЕНИИ ИХ. ГЛАВА 51

И въскорѣ повелѣ всѣмъ княземъ и воеводамъ — благороднымъ, средним же и обычным — готовым быти на царскую свою службу со всяким запасомъ разнымъ, с конми и со отроки своими, разслав же листы по все области державы

и славу, и победу над врагами, и долгую славную жизнь на земле — даровал им бог за их благочестие и страдание — страдание за православную веру — по отшествии от этого полного соблазнов мира вместо земных наслаждений — небесные, вместо тленных — нетленные и вечное веселие, и бесконечную радость всегда находиться возле господа бога своего и, служа ему вместе с ангелами, веселиться со всеми праведниками бесконечные века.

А что думаете вы об этом, братья мои и благородные наши вельможи, и что ответите мне?» И замолчал он, и воцарилось недолгое молчание.

ОТВЕТ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВСЕХ ЕГО ВЕЛЬМОЖ И ВОЕВОД. ГЛАВА 50

И отвечали ему его братья — князь Георгий и князь Владимир и все благородные его вельможи с веселым сердцем в один голос, словно едиными устами: «Дерзай, не бойся, о великий наш самодержец, побеждай супостатов своих и славу присовокупляй к своему благородству! Не противимся мы тебе и не возражаем. Поступай по своей воле, мы же ни в чем не будем тебе мешать. Ведь слышали мы часто от своих отцов, иное же и сами видели своими глазами — великие обиды, нанесенные тебе казанцами, и многие их измены, поэтому все мы в меру своих сил, насколько поможет нам бог, хотим крепко пострадать и честно сложить свои головы за святые церкви и за всех православных в твоей державе. И за тебя, великого нашего самодержца, должны мы умереть и забыть богатство наше, и дома, и жен, и детей своих, ни во что их не ставя,— не так, как некогда служили тебе, нерадением и леностью своей одержимые, подражая друг другу, и большие наши вотчины, полученные нашими прадедами от твоих прадедов, сами вместе с казанцами по небрежности своей или немощи привели в окончательное запустение». Такие слова были сказаны ему братьями его и всеми благородными вельможами, боярами и воеводами.

И когда выслушал это царь великий князь, очень понравился ему добрый их совет и мудрые слова их, сказанные ему. Ибо сказано: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, и старцы твои поведают тебе». И, поднявшись с престола своего, поклонился он им на все стороны до земли и сказал: «Весьма угоден мне совет ваш, любимые мои советники, и понял я, что будет он на пользу вам и мне».

О СОЗЫВЕ РУССКИХ ВОИНОВ И О СМОТРЕ ИХ. ГЛАВА 51

И вскоре повелел он всем князьям и воеводам — знатным, средним и обычным — быть готовыми к царской службе в полном снаряжении, с конями и с отроками своими, разослав по всем областям

своея, по градомъ, на собрание воинственаго чина, да скоро собираются в преславный град Москву иже вся воинская дѣла творяще люди.

Вборзе же не по многи дни по царскому его повелѣнию множество собрашася вой в прейменитый град, яко от великого собрания силы не бѣ во градѣ мѣста, гдѣ стояти, по улицам и по домом людскимъ, но ставляху по полю около посадовъ и по лугом в шатрѣх своихъ.

И по нѣколикихъ днех восхотѣ видѣти самъ всего своего войска число. И урядивъ разное украшение их, и преже повелѣ всѣмъ княземъ и воеводам во град приѣзжати на великую площать пред царския своя полаты и красно нарядяся, по них же среднимъ и обычным воем. Великия же воеводы и вся благородныя велможи, и вся силныя же и несилныя приѣзжаху во град единъ по единому их на площадь ко царским его полатам, показующеся ему, изодѣвшася в пресвѣтлая своя одѣяния и со всѣми отроки своими, тако же и добрыя своя кони во утварех добрых и красных ведущи и яко достоит быти на ратѣх воеводам.

Царь же князь великий разсмотривъ самъ своя князи и воеводы своя, благородныя велможы до послѣднихъ всѣх, на полатных своих лѣствицах *стоя*, и велми всѣхъ похвали, яко вѣрно служащих ему. Такоже и множества воинства своего видѣвъ, из далнихъ своихъ градовъ и земель скоро и незамѣдлено собравшихся по словеси его, зѣло порадовася радостию великою. Видѣв же инѣх нѣких вой своихъ убозѣх сущих и нужны всѣмъ не имѣюще у себѣ: ни коней воинских, ни оружия такого, ни кормли, и тѣм отвори полаты своя оружейныя и ризныя и житницы хлѣбныя и даваше имъ до любве ихъ оружиа всякия и свѣтлыя ризы, и кормлю, и добрыя кони с конюшни своея.

И преже всего своего пошествиа, избравъ от всѣх ис тѣх вой, и отпущает воевод своихъ с тѣми дванадесять с великою силою х Казани мая въ 9 день двѣма рѣкама в лодьяхъ и струзѣх — Волгою и Камою. Волгою же рѣкою отпусти с кормлею и со всяким запасом *ратным* всего великаго воинства своего и з болшим стѣннобитным нарядом огненым, яко да не будет нужды от пищи в воехъ на долго время; Камою же, с верху от Вятки зашедъ, воевати полныя мѣста и недвигомыя казанския.

Кама бо великая рѣка, обходит три земли вкруг: Пермскую землю и Вятскую, и всю Казанскую,— и устием в Волгу падетъ ниже Казани за 60 верстъ. По ней же приидоша х Казани московския воеводы с Устюжны и с Вятки с храбрыми людми и воевавше по Камѣ богатыя улусы казанския.

По двою же месяцохъ по преже посланными воеводы, празновав царь князь великий пятдесятный день по Пасце на сшествие святаго Духа на святыя ученики его и апостолы, и всю ту неделю пянтикостную царски веселяся и с велможами своими,

своей державы, по городам, грамоты о созыве всего воинства, дабы в скором времени собрались в преславный город Москву все военные люди.

И вскоре, по прошествии немногих дней, по царскому повелению собралось в прославленный город множество воинов, так что от великого множества собравшихся не было в городе места для постоя ни на улицах, ни в городских домах, и разместились они по полю около посадов в своих шатрах.

И через несколько дней захотел он сам посмотреть на численность своего войска. И, послав им различные воинские украшения, повелел, красиво нарядившись, съезжаться в город на большую площадь перед своими царскими хоромами — сначала князьям и воеводам, за ними — средним и рядовым воинам. Первые же воеводы и все благородные вельможи, все знатные и незнатные, разодевшись в нарядные свои одежды, один за другим приехали в город на площадь к царским его палатам, показываясь перед ним со всеми своими отроками, ведя и добрых своих коней в красивом и добротном убранстве, как подобает воеводам, отправляющимся на войну.

Царь же великий князь сам осмотрел всех до одного своих князей и воевод, благородных вельмож, стоя на дворцовых своих лестницах, и всех весьма похвалил как верно служащих ему. Так же сильно порадовался он и множеству своих воинов, скоро и незамедлительно собравшихся по слову его из дальних своих городов и земель. Увидев же, что некоторые из его воинов плохо снаряжены и не имеют самого необходимого: ни боевых коней, ни оружия, ни провианта, отворил он для них свои палаты, оружейные и ризные, и хлебные амбары и давал им, сколько они захотят, всякого оружия, и дорогой одежды, и припасов, и добрых коней со своей конюшни.

И прежде чем сам он выступил в поход, выбрав воинов из числа собравшихся, отпускает он двенадцать своих воевод с теми воинами, с большою силой, к Казани мая в девятый день двумя реками в ладьях и стругах — Волгою и Камой. Волгою-рекой отпустил он воинов с провиантом и разными припасами для всего многочисленного своего воинства и с большим стенобитным огнестрельным нарядом, дабы не терпели воины долгое время недостатка в пище; Камою же, сверху, от Вятки — разорять богатые некочующие казанские села.

Кама ведь — великая река, протекает она по трем землям: по Пермской земле, по Вятской и по всей Казанской — и устьем впадает в Волгу в шестидесяти верстах ниже Казани. По ней и приплыли к Казани московские воеводы с Устюжны и с Вятки с храбрыми людьми, разорив по Каме богатые казанские улусы.

Через два же месяца после отсылки воевод, отпраздновав пятидесятый день по Пасхе — сошествие святого Духа на его учеников и апостолов — и отпраздновав по-царски со своими вельможами

и предает преславный град Москву въ божии руце и пречистой богородицы и оставляет в себе мѣсто на Москвѣ царская строити брата своего — благороднаго князя Георгия, и приказывает брещы отцу своему митрополиту Макарию.

НАКАЗАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КО ЦАРИЦѢ СВОЕЙ АНАСТАСИЕ. ГЛАВА 52

И тогда благочестивый царь и великий князь, миръ и любовное целование царице своей Анастасии оставляя, прирекъ ей слово едино: «Аз тебѣ, о жено, повелѣваю никако же скорбѣти о моем шествии, но пребывати в подвизѣхъ духовных и в постѣ, и в воздержании и часто приходити к церквамъ божиимъ, и многи молбы творити за мя и за ся, и милостыню убогимъ давати, и бѣдных миловати, и в царских наших опалах разрѣшати, и в тѣмницах заключеныя испущати, да сугубу мзду от господа приимеши в будущем вѣце». То же слово и брату своему наказа.

Царица же, слышавъ сия от благочестиваго царя, супруга своего любимаго, и нестерпимою скорбию уязвися о отшествии его, и не може от великия печали стояти, и хотяше пасти на землю, аще не бы сам царь супружницу свою рукама своима поддержалъ. И на мног часъ она безгласна бывши. И восплакася горце, и едва мало воздержавшися и возможе от великих слез проглаголати: «Ты убо, о благочестивый мой *господине* царю, заповѣди божия храниши и тщишися единъ паче всѣх душю свою положити за люди своя. Аз же, свѣте мой драгий, како стерплю на долго время разлучение твое от мене, или хто ми утолитъ мою горкую печаль? Или кая птица во един час прилѣтит и долготу путя того и возвѣстит ми слаткую вѣсть здравия твоего, яко ты с погаными брався и одолѣти возможе?! О всемилостивый господи, боже мой, призри на мое смирение и услыши молитву рабы твоея, и вонми рыдания моя и слезы, и даруй ми слышати супруга моего царя преславно побѣдивша враги своя, и сподоби мя здрава его сождати, свѣтла и весела видѣти ко мнѣ пришедша, и радующася, и хвалящася о милости твоей!»

Царь же князь великий, утѣшив царицу свою словесы и наказаниемъ, целование и здравие давъ ей, исходит от нея ис полат своих и входит в церковь пречистыя богородицы, честнаго ея Благовѣщения, еже стоит на сѣнех близ царских полат его.

Благовѣрная же царица его Анастасиа, проводив до церкви тоя супруга своего царя, и возвратися в полаты своя, аки ластовица во гнѣздо свое, с великою печалию и со многим сѣтованием, аки свѣтлая звѣзда темным облаком, скорбию и тоскою припокрывся в полатѣ своей, в ней же живяше. И вся оконцы позакры, и свѣта дневнаго зрѣти не хотя, доколѣ царь с побѣдою возвратится И в постѣ, и в молении пребываше день и нощъ, бога

всю ту пентикостную неделю, царь великий князь вручает преславный город Москву в божьи руки и пречистой богородицы и оставляет вместо себя в Москве управлять царством брата своего, благоверного князя Георгия, и приказывает беречь его отцу своему духовному митрополиту Макарию.

НАКАЗ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЦАРИЦЕ СВОЕЙ АНАСТАСИИ. ГЛАВА 52

И тогда благочестивый царь и великий князь, благословив и поцеловав с любовью царицу свою Анастасию, промолвил ей слово едино: «Я тебе, о жена, повелеваю не скорбеть о моем уходе, но пребывать в духовных подвигах, посте и воздержании, и часто ходить в церкви божии, и многие молитвы творить за меня и за себя, и милостыню убогим подавать, и бедных миловать, и от царских наших опал освобождать, и узников из темниц выпускать — дабы приняла ты в будущем веке двойную мзду от господа». То же самое наказал он и брату своему.

Царица же, услышав это от благочестивого царя, супруга своего любимого, уязвлена была нестерпимою скорбью об уходе его, и не могла она от сильной печали стоять, и упала бы на землю, если бы сам царь не поддержал супругу свою своими руками. И долгое время была она безгласна. И заплакала она горько и едва смогла из-за сильных слез проговорить: «Ты ведь, о благочестивый мой господин царь, соблюдаешь заповеди божии и стараешься один больше всех положить душу свою за людей своих. Я же, свет мой дорогой, как стерплю разлуку мою на долгое время с тобою, и кто утешит мою горькую печаль? Разве какая-нибудь птица за один час преодолеет долгий этот путь и принесет мне сладкую весть о твоем здоровье, о том, что бился ты с погаными и смог их одолеть?! О всемилостивый господи боже мой, увидь мое смирение, и услышь молитву рабы твоей, и вними рыданиям моим и слезам, и даруй мне услышать, что царь, супруг мой, доблестно победил врагов своих, и удостой меня дождаться его здоровым, увидеть, как придет он ко мне, светлый и веселый, радующийся и восхваляющий милость твою!»

Царь же великий князь, словами утешив царицу и дав ей наказ, поцеловав ее и пожелав ей здоровья, выходит от нее из палат своих и входит в церковь Благовещения пречистой богородицы, что находится на сенях, близ царских его хором.

Благоверная же царица Анастасия, проводив до той церкви супруга своего царя, возвратилась в палаты свои, словно ласточка в гнездо свое, в большой печали и скорби, словно светлая звезда темным облаком, скорбию и тоской призакрывшись в покоях своих, где жила она. И позакрывала она все оконца и не захотела видеть дневного света, пока царь не возвратится с победой. И день и ночь пребывала она в посте и в молитвах, моля бога

моля о супрузе своем, нань же пошел есть, орудие свое и то непредкновенно да исправится ему, с веселием и радостию да приидет к ней во своя, и оба да престанут от печали своея, и сѣтования, и туги.

О МОЛИТВѢ И О МОЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 53

Царь же великий князь со священники совершивъ молебная и пойде от церкви от Благовѣщения в великую и соборную церковь пречистыя богородицы честнаго ея Успениа и повелѣ ту молебная совершати и самому святѣйшему митрополиту Макарию, правящему тогда митрополию руския церкви московския, мужю в добродѣтелѣх совершену, и всѣм епископом, с нимъ прилучившимся тогда во царствующем градѣ Москвѣ нѣкоих ради духовных винъ, и со всѣми презвитеры, и со дьяконы.

Самъ же христолюбивый царь из глубины сердца своего крѣпко востонавъ, ко всемогущему богу и спасителю всѣх пролиявъ слезы, и рече: «Господи боже, всемощный царю нѣбесный, крѣпкий и силный, и непобѣдимый во бранѣх Христе! Помилуй нас пречистыя ти ради матери молбами и не остави нас быти в скорбѣхъ и в печалѣхъ наших до конца! Ты бо еси богъ нашъ и мы, грѣшнии раби твои, на тя надѣемся и от тебе всегда милости просим. Посли намъ крѣпкую твою руку свыше и помилуй нас, убогих, и дай же намъ помощъ и силу на всегдашния враги наши казанцы, и посрами ихъ, обидящих нас и борющихся с нами, и низложи шатания их, и воздаждь имъ по дѣлом ихъ и по лукавству начинания ихъ, силенъ бо еси господи, и кто может противитися тебѣ?!»

И по семъ падаетъ предо образомъ владычицы нашея Богородицы, юже евангелистъ Лука написа, сице моляся во умѣ своемъ: «Владычица наша пречистая богородица, молися сыну своему Христу, богу нашему, рождьшемуся от тебе спасения ради нашего! Воздежи, госпоже, о нас к нему пречистыя свои руце и не презри нас, грѣшных раб своихъ, молящихся тебѣ с вѣрою, испроси нам помощъ и побѣду на вся враги наши и буди нам всегда твердая стѣна от лица супостат наших и крѣпкий столпъ, и оружие непобѣдително, и ополчение крѣпко, и воевода силенъ, и предстатель непобѣдим на противныя наши враги. Помяни, владычице, милосердие свое, еже имаши ко християнскому роду, обѣщница бо еси спасению нашему, и мы есмы вси недостойнии твои раби и тобою избавляемся от всяких бѣд и злых напастей. И прослави, госпоже, и возвеличи християнское имя над погаными всѣми, и да разумѣютъ и вѣруют, яко есть царь и владыка всѣх сынъ твой и богъ наш надо всѣми языки. И ты, богородица, воистину можеши бо на небеси и на земли творити, елика хощеши, и невозбранно ти есть ничесо же».

о супруге своем, чтобы беспрепятственно свершил он то дело, на которое отправился с оружием, и с веселием и радостью вернулся бы к ней домой, и оба они перестали бы печалиться, скорбеть и тужить.

О МОЛИТВЕ И О МОЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 53

Царь же великий князь, совершив со священниками молебен, пошел из Благовещенской церкви в большую соборную церковь Успения богородицы и повелел отслужить там молебен самому святейшему митрополиту Макарию, человеку совершенному в добродетелях, управлявшему тогда Московской митрополией русской церкви, и всем епископам, оказавшимся тогда с ним в царствующем городе по каким-то духовным делам, со всеми пресвитерами и дьяконами.

Сам же христолюбивый царь, громко застонав из глубины сердца своего и проливая слезы ко всемогущему богу и спасителю всех людей, промолвил: «Господи боже, всемогущий небесный царь, крепкий, сильный и непобедимый в битвах Христос! Помилуй нас ради молитв пречистой твоей матери и не оставь нас до конца пребывать в скорбях и печалях наших. Ибо ты — наш бог, и мы, грешные твои рабы, на тебя надеемся и всегда у тебя милости просим. Протяни же к нам с высоты крепкую твою руку и помилуй нас, убогих, и пошли нам помощь, и дай силу против всегдашних врагов наших казанцев, и посрами их, обижающих нас и борющихся с нами, и разрушь замыслы их, и воздай им по делам их и за лукавство их деяний, ибо силен ты, господи, и кто может противиться тебе?!»

И после этих слов упал он перед образом владычицы нашей Богородицы, который написан был евангелистом Лукой, мысленно произнося такую молитву: «Владычица наша, пречистая богородица, молись сыну своему Христу, богу нашему, рожденному тобой ради нашего спасения! Простри, госпожа, к нему пречистые свои руки, прося о нас, и не оставь нас, грешных рабов своих, молящихся тебе с верою, испроси нам помощь и победу над всеми врагами нашими и будь нам всегда твердой стеной перед лицом супостатов наших, и крепким столпом, и оружием непобедимым, и ополчением крепким, и сильным воеводой, и непобедимым предводителем против наших врагов. Вспомни, владычица, о милосердии своем к христианскому роду, ибо ты — пособница нашему спасению, а мы все — недостойные твои рабы и тобою избавляемся от всяких бед и злых напастей. Прославь же, госпожа, и возвеличь христианское имя над всеми погаными, дабы уразумели и уверовали они, что сын твой и бог наш — царь и владыка над всеми народами; воистину ведь можешь ты, богородица, на небе и на земле творить все, что пожелаешь,— ничто тебе невозбранно!»

Тако же и к небеснымъ силам, и ко всѣм святым моляшеся, и к новым нашим руским чюдотворцем Петру и Алексѣю, и Ионе, мощи ихъ лобзая с вѣрою и со многими слезами. И положи завѣт з богомъ в церкви, пред иконою Спасовою стоя и глаголя: «О владыко царю-человеколюбче, аще нынѣ погубиши враги моя казанцы и предаси градъ Казань, то воздвигну святыя церкви в немъ во славу и похвалу пречистому ти имени. И православие утвердити хощу, яко да воспоется вновѣ и прославится во вѣки пресвятое и великое имя твое — Отца и Сына и святаго Духа, бесерменство имамъ потребити и вѣру бо ихъ, и жертву мечемъ до конца искорѣнити».

И скончану же бывшу молебному пѣнию в церкви велицей, пойде из великия церкве пречистые. И близ ту стоящи церковь великого чиноначалника архистратига христова Михаила — в том же храмѣ лежатъ умершие родителие его и прародителие. И ту молебная же пѣвъ небесному христову воеводѣ. И у гробовъ родителей своихъ и прародителей простився.

С нимъ же вкупѣ ходяще, моляхуся вcѣ князи и воеводы и многу милостыню нищимъ дающи. Вдана же бысть тогда и от самодержца милостыня велика по всей земли Руской: и по градомъ, и по селомъ, иерейскому чину и святителемъ, и по всѣмъ монастыремъ — черноризцемъ и пустынным инокомъ, и всѣм нищимъ.

О БЛАГОСЛОВЕНИИ МИТРОПОЛИТОМЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ВСЕ ВОИНСТВО ЕГО И ПРОРЕЧЕНИЕ ЕГО О КАЗАНИ. ГЛАВА 54

По молитве же своей благоверный царь самодержецъ благословляяся от преосвященнаго отца своего Макария митрополита и от прочих епископъ. Святѣйший же митрополит Макарий благословляет самодержца животворящим крестомъ и святою водою покропи, и молитвою вооружи, и конечную побѣду наказав.

И пророчествуетъ ему, ко уху глаголя: «О, пресвѣтлый царю и предобрый пастырю, полагай душю свою за словесныя овцы, ихъ же богъ дарова тебѣ паствити! Имаши *теплѣйшую ревность* по бозѣ своемъ и дерзаеши неотложно за благочестие страдати. И всемогущий же богъ молитвами пречистыя своея матери подастъ ти нынѣ помощъ и конечное одолѣние на супостаты твоя, и на свой престолъ Росийского царства здрав и радостенъ с побѣдою возвратишися со всѣм своим христолюбивым воинством. И многолѣтенъ будеши на земли и со царицею своею. А мы, смиреннии, безпрестани должни есмы бога молити и пречистую богородицу, и всѣх святыхъ о твоем богохранимом царствѣ».

И отпущаетъ его, яко ангелъ божий Гедеона на царей мадиамскихъ и яко Самсонъ кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда, и дает ему вмѣсто видимаго оружия невидимое оружие — крестъ Христовъ. Благословляет же крестомъ и вооружает

Молился он и небесным силам, и всем святым, и новым нашим русским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе, целуя мощи их с верою и со многими слезами. И дал он обет богу, стоя в церкви перед иконой Спаса, говоря так: «О владыка, царь-человеколюбец, если погубишь ты теперь врагов моих казанцев и предашь мне город Казань, то воздвигну я в нем святые церкви во славу и похвалу пречистому твоему имени. Хочу я утвердить православие, да воспоется вновь и прославится на века пресвятое и великое твое имя — Отца и Сына и святого Духа, басурманство же и веру их — истребить и до конца искоренить мечом их жертвенники».

Когда же окончилось в великой церкви молебное пение, вышел он из великой пречистой церкви. Рядом с ней стояла церковь великого чиноначальника архистратига христова Михаила — в том храме лежат умершие его родители и прародители. Там он тоже пел молебен небесному христову воеводе. И простился он с могилами родителей своих и прадедов.

Молились и все ходившие с ним князья и воеводы, раздавая нищим много милостыни. Разослана была тогда и от самодержца большая милостыня по всей Русской земле: и по городам, и по селам, иереям и святителям, и по всем монастырям — черноризцам и отшельникам и всем нищим.

О БЛАГОСЛОВЕНИИ МИТРОПОЛИТОМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ВСЕГО ЕГО ВОИНСТВА И О ПРЕДСКАЗАНИИ ЕГО О КАЗАНИ. ГЛАВА 54

После же молитвы своей благоверный царь-самодержец благословляется отцом своим — преосвященным митрополитом Макарием и прочими епископами. Святейший же митрополит Макарий благословил самодержца животворящим крестом, и покропил его святою водой, и молитвою вооружил, и дал наказ победить.

И говорит он ему на ухо пророчество: «О пресветлый царь и предобрый пастырь, отдавай душу свою за словесных овец своих, которых бог поручил тебе пасти. Горячо заботишься ты о боге своем и хочешь, не медля, пострадать за благочестие. И всемогущий бог молитвами пречистой своей матери подаст тебе ныне помощь и окончательное одоление супостатов твоих: возвратишься ты на свой престол Российского царства с победою, здоров и радостен, со всем твоим христолюбивым воинством. И будешь много лет жить на земле с царицею своею. А мы, смиренные, непрестанно должны бога молить и пречистую богородицу, и всех святых о твоем богом хранимом царстве».

И отпускает его, как ангел божий Гедеона на царей мадиамских и как Самсон кроткого Давида на могучего исполина Голиафа, и дает ему вместо видимого оружия невидимое — крест христов. Благословляет он крестом и вооружает также и брата его,

брата его, благороднаго князя Владимера, и всѣх благовѣрныхъ князей и велмож, и великих воевод. Епископи же и попове во дверѣх церковных стояху и благословляху все христолюбивое воинство, и святою водою кропляху. И благословени быша от святителей вся воя от мала и до велика.

Царь же князь великий приемлет святителское благословение, яко от вышняго десницы вседержителевы, вкупѣ же с нимъ — храброство и мужество Александра, царя Макидонскаго. И всѣм святителем мир давъ, и всему безчисленному множеству великому народу московскому на четыре страны до земли поклонися, и веля имъ о себѣ во церквах и особ по домом своимъ прилѣжно бога молить и постъ держати по силе своей з *женами* своими и з дѣтми.

О ПОШЕСТВИИ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О ПРИШЕСТВИИ КРЫМСКАГО ЦАРЯ НА РУСКИЯ ПРЕДЕЛЫ, И О ПРОГНАНИИ ЕГО. ГЛАВА 55

И повелѣвает привести к себѣ великий конь свой, и всѣдает нань, глаголетъ пророческое слово: «Ревнуяи поревновах по господѣ бозѣ вседержители».

Всѣдают же на своя кони силныя вси князи и воеводы, и храбрые воины. И сѣдше, скоро, яко высокопарныи орлы, полѣтевше из очию безчисленаго множества народа московскаго, борзо идуще и друг друга женуще, и друг друга достизающе: яко на царевъ пиръ позвани царем, радующеся, идяху.

Выѣзжает же царь князь великий из великого своего града столнаго славныя Москвы лѣта 7060-го месяца в 19 день в первую неделю Петрова поста въ десятый час дни въ 22-е лѣто от рожения возраста своего. И пойде с Москвы на Коломну. И слыша тамо буяго варвара нечестиваго царя крымскаго Девлет-Кирия пришедша со многими срацыны своими на руския предѣлы, на Тулу, отай и невѣдомо, яко тать в нощи, и хотя православие поплѣнити.

Яки два лва кровопийца из дубравы искочиста и двѣ огненыя главни, пожигающи и попаляющи християнство, аки терние *и* траву, единомыслено совѣщавшеся на стадо христово крымский царь с казанским царемъ, яко да кождо ихъ от своих си нападутъ, чаяху бо уже пошедша х Казани московскаго самодержца со всѣми вои рускими. И мнѣвъ себѣ, окаянный, благополучно время изыскавъ исполнити хотѣние свое невозбранно, и нѣкому стати мощно впреки ему, яко да тѣм смирят и устрашат царя и великого князя того лѣта не воевати на Казань, да соберутся казанцы с крымцы и могут братися с ними. И не попусти имъ богъ того быти по воли ихъ.

благородного князя Владимира, и всех благоверных князей, и вельмож, и главных воевод. Епископы же и попы стояли в дверях церкви, и благословляли, и кропили святою водой все христолюбивое воинство. И получили благословение от святителей все воины от мала до велика.

Царь же великий князь принимает святительское благословение, как от десницы небесного вседержителя, а вместе с ним — храбрость и мужество Александра, царя Македонского. И, отпустив с миром всех святителей, поклонился он до земли на четыре стороны всему бесчисленному множеству великого московского народа и наказал прилежно молить о себе бога в церквах и, особо, по своим домам и посильно придерживаться поста с женами своими и детьми.

О ВЫХОДЕ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О ПРИХОДЕ К РУССКИМ ГРАНИЦАМ КРЫМСКОГО ЦАРЯ, И О ИЗГНАНИИ ЕГО. ГЛАВА 55

И повелевает он привести к себе могучего коня своего и, сев на него, произносит пророческие слова: «Ревностный ревнует о господе боге вседержителе».

Садятся на своих сильных коней и все князья, и воеводы, и храбрые воины. И, вскочив на коней, вскоре, словно высоко парящие орлы, скрылись с глаз бесчисленного множества московского народа, стремительно двигаясь, опережая друг друга и настигая, шли они, радуясь, словно царем позванные на царский пир.

Выезжает же царь великий князь из великого своего стольного города, славной Москвы, в год 7060 (1552) месяца июня в девятнадцатый день, в первую неделю Петрова поста, в десятом часу дня на двадцать втором году своей жизни. И пошел он из Москвы на Коломну. И услышал он там, что тайно, словно вор в ночи, пришел на Русь, к Туле, неистовый варвар — нечестивый царь крымский Давлет-Гирей со многими своими сарацинами, намереваясь пограбить православных.

Словно два льва-кровопийцы, выскочившие из дубравы, или две горящие головни, сжигающие и спаляющие христианство, как терн и траву, порешили единодушно крымский царь с казанским царем, что каждый из них со своей стороны нападет на стадо христово, ибо надеялись они, что московский самодержец со всеми воинами русскими уже на пути к Казани. И думал окаянный крымский царь, что нашел он благоприятное время, чтобы беспрепятственно исполнить свое желание, ибо некому будет оказать ему сопротивление, и что смирят они тем самым царя и великого князя и устрашат, так что не будет он в этом году брать Казань, а казанцы с крымцами объединятся и смогут сражаться с ним. И не допустил бог, чтобы было по их желанию.

Царь же князь великий, пришед на Коломну, и входитъ в коломенскую церковь соборную пречистыя богородицы честнаго ея Успения. И повелѣ ту сущему епископу Феодосию со всѣм его соборомъ пѣти молебны. Самъ же приходит *ко* пречистыя *Богородица* образу, иже была на Дону с преславнымъ и великим княземъ Дмитреемъ, и тако припадает *и* молится милосердаго владыку господа нашего Иисуса Христа и рождьшую его богоматерь со многими слезами и воздыханьми сердечными о пособлении и о помощи, и о побѣдѣ на противныя ему агаряны. И помолився, исходит ис церкви, второе взя благословение от епископа Феодосия и от всего священнаго собора.

И опущает противу царя крымского великих воевод своихъ князя Петра Щенятева и князя Ивана Турунтая Пронского со иными со многими вои. Они же, шедше, обрѣтоша царя у Тулы града стояща и мало в ту нощъ не вземше града, всѣх бо уже градных бойцевъ изби и врата града сломи. Но вечер уже приспѣ, и жены, яко мужи, охрабришася с малыми дѣтцами и врата граду камением затвориша.

Царь же очюти пришедших воеводъ московских, и нападе на нь страхъ и трепетъ, воставъ и побѣже нощию от града Тулы, и весь наряд свой у града помѣтавше с великим страхом и срамомъ, гоними божиимъ гнѣвом, и токмо единѣми душами своими и тѣлеса своя носяще, оставльше катарги своя и шатры, и велбуды, и колесницы в станѣх, на них же бѣ все стяжание ихъ, сребрено и златое, и ризное, и сосуды. И бѣжаще, исполниша весь путь, мѣтающе различная своя оружия и ризы.

Воеводы же въслѣдъ царя женуще и побѣдиша много силы его, и весь руский плѣн назадь отплѣниша. Самого же царя прогнаша в поле великое, за Донъ, мало его жива не взяша руками. И мног крымский плѣнъ приведоша во градъ Коломну на увѣрение самодержцу и на показание всему народу. Онъ же прослави бога о семъ, посрамльшаго лютаго врага его, крымского царя, и возвеселися по седмь дней с веселием великим со всѣми князи и воеводами и воздая побѣдителем почести великия, комуждо по достоянию ихъ. Тѣх же плѣненыхъ крымцевъ повелѣниемъ его живыхъ всѣхъ в рѣку вмѣташа.

О ПОШЕСТВИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ С КОЛОМНЫ И О УРЯДСТВѢ ПОЛКОВЪ ЕГО. ГЛАВА 56

Царь же и великий князь не возмятеся о нечестиваго царя приходе на Русь ни устрашися от него, ни убояся. И воспять не возвратися от пошествия своего, яко воинъ страшенъ, но прогнавъ *врага* своего божиею помощию, и вѣрою христовою укрѣпляемь, и надеждею, и подвизанием великим грядяше небоязнено на злыя

Царь же великий князь, придя в Коломну, направляется в соборную коломенскую церковь Успения богородицы. И повелел он находившемуся там епископу Феодосию со всем его собором петь молебны. Сам же подходит к образу пречистой Богородицы, тому, который был на Дону с прославленным великим князем Дмитрием, и припадает к нему, и молит милосердного владыку господа нашего Иисуса Христа и родившую его богоматерь со многими слезами и сердечными воздыханиями о пособлении, и о помощи, и о победе над непокорными агарянами. И, помолившись, выходит он из церкви, во второй раз получив благословение — от епископа Феодосия и от всего священного собора.

И посылает он против крымского царя великих своих воевод — князя Петра Щенятева и князя Ивана Пронского Турунтая со многими иными воинами. Они же, отправившись, нашли царя стоящим у города Тулы и едва в ту ночь не взявшим города, ибо перебил он уже всех городских бойцов и проломил городские ворота. Но когда уже приспел вечер, женщины, расхрабрившись, словно мужчины, с малыми детьми заделали городские ворота камнями.

Когда же царь узнал о приходе московских воевод, напал на него страх и трепет и, свернув лагерь, побежал он ночью в большом испуге от города Тулы, позорно побросав у города все воинское свое снаряжение, гонимый божьим гневом, едва душу в теле унося, оставив в станах шалаши свои, и шатры, и верблюдов, и колесницы, где была вся их утварь, серебряная и золотая,— одежда и посуда. И бежали они, бросая по пути различное свое оружие и облачение.

Воеводы же гнались за царем, и одержали победу над многими силами его, и вернули всех русских, взятых ими в плен. Самого же царя прогнали в большое поле, за Дон, едва не взяв его живым. И много пленных крымцев привели они в город Коломну, чтобы самодержец уверился в их победе и чтобы показать их всему народу. Он же за это прославил бога, посрамившего лютого врага его, крымского царя, и в течение семи дней пировал в большом веселье со всеми своими князьями и воеводами, воздавая победителям великие почести — каждому по его заслугам. Пленных же крымцев по его повелению всех живыми побросали в реку.

О ВЫХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИЗ КОЛОМНЫ И О ПОСТРОЕНИИ ЕГО ПОЛКОВ. ГЛАВА 56

Царь же и великий князь не пришел в смятение из-за прихода на Русь нечестивого царя, не устрашился его и не испугался. И не повернул он назад со своего пути, как пугливый воин, но, с божьей помощью прогнав врага своего, укрепляемый верою христовой и надеждой, в высоком порыве бесстрашно шел на злых

казанцы, не на силу свою надѣяся великую, но на бога своего, поминая рекшаго: «Не спасется царь многою силою своею, и исполинъ не спасется множеством крѣпости своея».

И прииде с Коломны в славный град Владимир, и препочи в немъ неделю едину, по церквам богу моляся и милостыню нищим дая. Из Володимеря же в Муромъ град прииде и стояше въ немъ десять дней, собираяся по малу с воинством, ожидая царя Шихалѣя.

По днех десятих прииде в Муромъ градъ царь Шихалѣй ис предѣла своего, ис Касимова, с ним же силы его варвар 30 000; и два царевячя Астроханския Орды и с нимъ же приидоша ту: Кайбула именемъ, другий же — Дербыш-Алей, обославшеся царемъ Шигалѣем, дающися волею своею в послужение царю великому князю, а с ними татар ихъ дватцать тысящь. Онъ же радостно прият ихъ и царскими дарованми одаривъ ихъ и мѣстом ихъ учини быти под царем Шихалѣем.

И воздвигнувся из Мурома царь князь великий, собрався со всѣми силами рускими, и изыде на чистое поле великое, и ту благоразумно уряжает полки и многоискусные воеводы устраяет, и учиняетъ началники воевъ.

И поставляет воеводъ артоулному полку надо всѣми благородными юношами: царскаго своего двора князя Дмитрея Никулинского и князя Давыда Палетцкаго, и князя Андрея Телятевского, поддавъ имъ черкасъ 5 000, любоискусных ратоборец, и огненых *стрелцовѣ* 3 000.

В преднем же полку началныхъ воевод устави над своею силою: татарского крымскаго царевича Тактамыша и царевича шибанского Кудаита, и князя Михайла Воротынского, и князя Василья Оболенскаго Помяса, и князя Богдана Трубецкаго.

В правой руце началных воеводъ устави: касимовского царя Шигалѣя и с ним князя Ивана Мстиславского и князя Юрья Булгакова, и князя Александра Воротынского, и князя Василья Оболенского Сребреного, князя Андрѣя Суздалского и князя Ивана Куракина.

В матице же велицей началных воеводъ: самъ благовѣрный царь и с нимъ братъ его — князь Владимер, и князь Иванъ Бѣлской, и князь Александръ Суздалской и, по реклу, Горбатый, и князь Андрѣй Ростовский Красный, и князь Дмитрей Палецкой, и князь Дмитрей Курлятевъ, и князь Семионъ Трубецкой, и князь Федор Куракинъ, и братъ его, князь Петръ Куракинъ же, и князь Юрье Куракинъ, и князь Иван Ногтевъ, и многие князи и боляре.

В лѣвой же руцѣ началные воеводы: астороханский царевич Кайбула и князь Иванъ Ярославской Пѣнковъ, и князь Иванъ Пронской Турунтай, и князь Юрье Ростовской Темкинъ, и князь Михайло Рѣпнинъ.

Въ сторожевом же полцѣ началныя воеводы: царевичь Дербыш-

казанцев, не на силу свою большую надеясь, но на бога своего, вспоминая сказанное им: «Не спасет царя большое его войско, а исполина не спасет великая сила его».

И пришел он из Коломны в славный город Владимир и отдыхал в нем одну лишь неделю, молясь по церквам богу и раздавая милостыню нищим. Из Владимира же пришел он в город Муром и стоял в нем десять дней, собирая понемногу воинство, поджидая царя Шигалея.

Через десять же дней пришел в город Муром царь Шигалей из земли своей, из Касимова, а с ним сила его — тридцать тысяч иноверцев, и два царевича из Астраханской Орды пришли сюда с ним: одного звали Кайбула, другого же Дербыш-Алей, сообщившие через Шигалея царю великому князю, что поступают они по своей воле к нему на службу, а с ними — двадцать тысяч их татар. Он же радостно принял их, одарив царскими дарами, и определил их под начало царя Шигалея.

И, собрав все русские силы, отправился царь великий князь из Мурома, и вышел он в большое чистое поле, и начал там мудро устраивать полки, и искуснейших воевод назначает, и распределяет начальников.

В ертаульном полку ставит он воеводами над всеми благородными юношами: царского своего двора князя Дмитрия Микулинского, и князя Давыда Палецкого, и князя Андрея Телятевского, добавив к ним пять тысяч черкас, искуснейших бойцов, и ружейных стрелков три тысячи.

В передовом же полку назначил он главными воеводами над своими воинами: татарского крымского царевича Тохтамыша, и шибанского царевича Кудаита, и князя Михайлу Воротынского, и князя Василия Оболенского Помяса, и князя Богдана Трубецкого.

В правой руке главными воеводами назначил: касимовского царя Шигалея и с ним князя Ивана Мстиславского, и князя Юрия Булгакова, и князя Александра Воротынского, и князя Василия Оболенского Серебряного, князя Андрея Суздальского и князя Ивана Куракина.

В большой же матице главными воеводами были: сам благоверный царь и брат его — князь Владимир, и князь Иван Бельский, и князь Александр Суздальский, по прозвищу Горбатый, и Андрей Ростовский Красный, и князь Дмитрий Палецкий, и князь Дмитрий Курлятев, и князь Семен Трубецкой, и князь Федор Куракин, и брат его князь Петр, тоже Куракин, и князь Юрий Куракин, и князь Иван Ногтев и многие князья и бояре.

В левой же руке главными воеводами были: астраханский царевич Кайбула, и князь Иван Пенков Ярославский, и князь Иван Пронский Турунтай, и князь Юрий Ростовский Темкин, и князь Михайло Репнин.

В сторожевом же полку главные воеводы: царевич Дербыш-

Алѣй и князь Петръ Щенятевъ, и князь Андрѣй Курбьской, и князь Юрье Пронской Шемяка, и князь Никита Одоевский.

И с тѣми всѣх великих воевод болѣ 90 — вси князи велицыи и благороднии, и первыи в совѣтех царскихъ; под тѣми же иные воеводы, средние и меншие. Во всѣх же бѣ тогда полцѣхъ руския силы число благородныхъ князей и боляръ, и великих воевод, и храбрыхъ отрокъ, и крѣпких конникъ, и стрѣлецъ изученыхъ горазно, и силных ратоборец, и *в* твердыи пансыри, и в доспѣхи оболченых — 300 000, и огненых стрелецъ 30 000, в лодьяхъ рати 100 000, и с касимовским царемъ Шигалѣемъ и со царевичи иноязычныя силы татарския — служащихъ рускому царству князей и мурзъ, и казаковъ — 60 000; к сим же и черкасъ 10 000, и мордвы 10 000, и нѣмецъ, и фряг, и ляховъ десять же тысяч; кромѣ обычных вой, конник и пѣшцевъ, возящих ратным запасы.

И тѣ люди безчислены, якоже о приходе вавилонскаго царя ко Иерусалиму и пророчествова Иеремия: «*От яждения бо*,— рече, —громовъ колесниц его и от ступания коней и слоновъ его потрясется вся земля». Сице же и здѣ бысть.

И пойде царь князь великий чистымъ полемъ великим х Казани и со многими иноязычными служащими ему: с русью и с татары, и с черкасы, с мордвою и со фряги, и с нѣмцы, и ляхи — в силе велице и тяжце зѣло — треми пути на колесницех и на конѣх, четвертым же путемъ — рѣками, в лодьях, водя с собою вой ширѣ Казанския земли.

О ВЕЛИЧЕСТВѢ ПОЛЯ И О НУЖЕ БЕЗВОДНЕ ВОЕМЪ, И О ПРИШЕСТВИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВО СВИЯЖСКИЙ ГРАД. ГЛАВА 57

Поле же то великое зѣло велико, конца мало ходячи до дву морь: на востокъ до Хвалимского, а к полудни до Чернаго. На немъ же рустии гради, веси и села мнози стояху древле, и мнози бяху людие живуще в нихъ, имѣюще селение и водворение и за поле Куликово по Мечю рѣку. На оной же странѣ рѣки тоя тако же мнози срацыни половцы живяху в вежах своихъ, кочююще в поле том.

Но убо между себе русь и варвари от частых воеваний запустѣша и удалишася от себе, якоже пишут рустии лѣтописцы. Конечнее же от силнаго *Батыява* плѣнения и от иных по немъ царей все погибе. И бысть поле чисто и нужно. По мѣстом поля того возрастоша дубравы велия, имѣя в себѣ упитѣние звѣремъ пустынным и всякому скоту полскому многу.

Царь же князь великий прейде часть поля того, прилѣжащую к Казанскимъ улусамъ, пятью недѣлми до новаго Свияжского города.

Алей, и князь Петр Щенятев, и князь Андрей Курбский, и князь Юрий Пронский Шемяка, и князь Никита Одоевский.

И всех вместе великих воевод было более девяноста, все — знатные и благородные князья, первые на царских советах; им же подчинялись иные воеводы, средние и меньшие. Всего же во всех полках было тогда русской силы — благородных князей, и бояр, и великих воевод, и храбрых отроков, и крепких конников, и хорошо обученных стрелков, и сильных бойцов, облаченных в твердые панцири и доспехи,— триста тысяч, и пищальников — тридцать тысяч; судового войска — сто тысяч; и с касимовским царем Шигалеем, и с царевичами иноязычной татарской силы — служащих русскому царству князей и мурз, и казаков — шестьдесят тысяч; к этим же и черкас — десять тысяч, и мордвы — десять тысяч, и немцев, и фрягов, и ляхов тоже десять тысяч, помимо обычных воинов, конных и пеших, перевозящих снаряжение.

И было тех людей бесчисленное множество, что уподобить можно приходу вавилонского царя к Иерусалиму, о котором пророчествовал Иеремия. «От грохота,— говорит он,— двигающихся колесниц его и топота коней и слонов его потрясается вся земля». Так же и здесь было.

И пошел царь великий князь по большому чистому полю к Казани с русскими и со многими иноязычными воинами, служащими ему; с татарами, и с черкасами, и с мордвой, и с фрягами, с немцами и с ляхами — с огромной и очень грозной силой — тремя путями, на колесницах и на конях, четвертым же путем — реками в ладьях, ведя с собой войско шире Казанской земли.

О НЕОБЪЯТНОСТИ СТЕПИ, И О НЕХВАТКЕ ВОДЫ ДЛЯ ВОИНОВ, И О ПРИХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В СВИЯЖСК. ГЛАВА 57

Степь же та — большая-пребольшая: края ее едва не доходят до двух морей — на востоке до Хвалисского, а на юге — до Черного. В давние времена стояло по ней множество русских городов, сел и деревень, и жило в них множество людей, селившихся и обосновавшихся даже за Куликовым полем по Мечу-реку. На другой же стороне той реки жили в вежах своих многочисленные сарацины-половцы, кочующие по тому полю.

Но разорили друг друга частыми войнами русские и варвары и удалились друг от друга, как пишут русские летописцы. Окончательно же все погибло от страшного Батыева нашествия и от иных царей, бывших после него. И была теперь степь пустынная и труднопроходимая. Местами по той степи и разрослись большие дубравы, дававшие пищу диким зверям и разнообразной живности, обитавшей в степи.

Царь же великий князь прошел часть той степи, прилежащую к казанским улусам, до нового Свияжского города за пять недель.

И тяжекъ явися ему путь той и всему воинству его: от конскихъ бо ног взимаему пѣску, и не бѣ видѣти солнца и небеси, и всего войска идущаго. И печаль велика все воинство обдержаше.

Мнози же человецы изомроша от солнечнаго жара и от жажды водныя, исхоша бо вся дебри и блата, и малыя рѣки полския не тѣкоша путемъ своим, но развие мало воды в великих рѣках обрѣташеся и во глубоких омутѣх, но и то и сосудами, и корцы, и котлы, и пригорщами в час единъ досуха исчерпаху, друг друга бьюще и угнѣтающе, и задавляюще, ни отецъ сына жалующе, ни сынъ отца, ни брат брата. Инии же росу лизаху и тако жажду свою с нужею утоляху.

И пришед во град Свияжский, пребысть в немъ стоя неделю, опочивая и отдыхая от великаго путнаго шествия и от горѣния солнѣчнаго, и от многия тѣплоты лѣтния, сожидаяся со многими вои.

Казанцы же, свѣдавше приход самого царя, и пожгоша посады своя, и впряташася со всѣми статки своими во град. И собравшим же ся воемъ руским до единаго человека ис поля оного великаго, тако же и преже посланная рать в лодиях вся прииде, цѣла и здрава, преже его. И мало отдохнувшим самѣм и конем изопочившемъ.

ПОВЕЛѢНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВОЕВОДАМЪ ПЕРЕВОЗИТИСЯ ВОЛГУ И О БРАНИ С КАЗАНЦЫ НА ВСТРѢЧЕ. ГЛАВА 58

И тогда пѣвъ молебны многи царь князь великий и повелѣвает артоульному полку перевозитися Волгу в ратоборных лодиях, и на то учиненыя, в пансырѣх и доспѣхех одѣявшимся, за ним же и преднему полку ити — *царевичем с татары,* крѣпко уготовльшимся. Такоже и самъ царь князь великий уготовися и в калантырь облекся предо всѣми, яко гигантъ, и златый шеломъ возложив на главу свою, и препоясася брани своея мечемъ. Такоже и вси воеводы его и полконачалницы, и вся вои одѣваются в крепкия доспѣхи и утвержаются бронями и шеломы наготово, и приемлют в руце свои копия и щиты, и мечи, и луки, и стрѣлы. И почаша превозитися всѣ полцы великую рѣку Волгу от Свияжскаго града с нагорныя страны на луговую месяца августа въ 15 день.

И слышав казанский царь Едегер Касаевичь воевъ руских перевозящихся рѣку, изыде из Казани на великий лугъ свой, к Волге, стрѣтением со избранными бойцы казанскими, с пятьюдесятми тысящами. И разчинив полки своя по брегу рѣки тоя, и сам ставъ против артаула и предняго полка, и всея болшия матицы, в ней же и сам царь князь великий идяше, хотя пострашити руских вой и брега не дати превозящимся, яко да воспрѣтит имъ.

И тяжким оказался тот путь для него и всего его воинства: от конских ног поднимался песок, так что не видно было ни солнца, ни неба, ни самого движущегося войска. И охватила все воинство глубокая печаль.

Много же людей поумирало от солнечного жара и от безводья, ибо все овраги и болота пересохли и не текли обычным путем небольшие степные речки, лишь в больших реках и глубоких омутах сохранилось немного воды, но и ту за один час досуха вычерпали: кто сосудами, кто ковшами, кто котлами, а кто и пригоршнями, отталкивая друг друга, побивая и давя, не жалея ни отец сына, ни сын отца, ни брат брата. Другие же лизали росу и таким образом с трудом утоляли жажду.

Придя же в Свияжск, простоял там царь неделю, опочивая и отдыхая от долгого пути, и от солнцепека, и от сильного летнего тепла, поджидая многих воинов.

Казанцы же, узнав о приходе самого царя, пожгли свои посады и укрылись со всем своим имуществом в городе. И собрались все русские воины с того большого поля до единого человека, пришла прежде царя и вся посланная вперед в ладьях рать, цела и невредима. И отдохнули немного и сами они и их кони.

О ПОВЕЛЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВОЕВОДАМ ПЕРЕПРАВЛЯТЬСЯ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ И О БИТВЕ С КАЗАНЦАМИ ГЛАВА 58

И тогда, отпев много молебнов, повелевает царь великий князь ертаульному полку переправляться через Волгу в боевых ладьях, специально для этого приготовленных, одевшись в панцири и доспехи, за ними же приготовиться идти передовому полку — царевичам с татарами. Также и сам царь великий князь приготовился и в калантырь пред всеми облекся, словно исполин, и золотой шлем возложил на голову свою, и препоясался мечом своим. Также и все воеводы его, и полководцы, и все воины одеваются в крепкие доспехи, и наглухо закрываются бронями и шлемами, и берут в руки копья, и щиты, и мечи, и луки, и стрелы. И начали переправляться все полки через великую реку Волгу от Свияжска с нагорной стороны на луговую месяца августа в пятнадцатый день.

И когда услышал казанский царь Едигер Касаевич, что русские воины переправляются через реку, вышел он навстречу им из Казани на большой свой луг, к Волге, с пятьюдесятью тысячами избранных казанских бойцов. И расставил он полки свои по берегу той реки, а сам встал напротив ертаульного и передового полков и всей большой матицы, в которой шел сам царь великий князь, желая устрашить русских воинов и не дать переправляющимся выйти на берег.

И сразишася на три часы от обоихъ полковъ, бьющеся на великом поле, лузѣ Царевѣ, у Гостина острова. И преже воспущают казанцы артаулнаго полка и проч отбиваютъ от брега. И удержа, и укрѣпи его передовый полкъ, ускоривъ придвигнутися ко брегу.

И возопиша царевичи, воеводы предняго полка своего, всей силе варварской, укрѣпляюще и понуждающе ихъ, яко да не слабѣют. И паки бывает брань не худа и мрачна, вооружаются яростию, и великъ шумъ на высоту взимается. И мнози от обою страну падоша, аки цвѣты прекраснии, зане овѣмъ бѣ дѣло стройно братися на суши и на водѣ, и единъ удержаваше сто, а два тысящу; овем же не угодно на водѣ и скробно, и тѣсне в сюдѣ же. Но богъ есть *помогаяй* всѣм, надѣющимся на нь и *той* может искони воду на сушю преложити.

И по мале часѣ облия казанцевъ округ руское воинство, правая рука и лѣвая, и вспящиются от огненаго стрѣляния, сотрени быша. И побѣжа царь казанский во град не путем и со всею силою своею, не могуще долго стояти и нимало держати руси, еже не дати брега, видяху изнеможение вой своих, а руских вой храбръство и мужество. И превожахуся рустии полцы по седмь дней, не бояхуся казанцевъ.

О ПРИХОДѢ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Х КАЗАНИ И О КОЛИЧЕСТВѢ СИЛЫ ЕГО, И О РАСМОТРЕНИИ, И О КРѢПОСТИ ГРАДА КАЗАНСКАГО. ГЛАВА 59

Самъ же царь князь великий превезеся Волгу августа въ 17 день в веселии сердца своего, по чисту пути пришед. И подступи близ самого града Казани, и ста на Арскомъ поле со всею матицею великою прямо граду за версту едину, противу троих вратъ арскихъ. И повелѣ себе одѣлати градцемъ, да не убиенъ будетъ ис пушки. Полком же раздѣли врата и приступные мѣста, коемуждо ихъ, противу коего мѣста стояти и со излазящими из града с казанцы битися.

И постави правыя руки полкъ царя Шигалѣя противу дву Нагайских вратъ, а передовый полкъ, царевичев с татары, за Булаком, противъ двоих же вратъ Елбугиных и Кѣбековых, а яртоулной полкъ — за Булаком же, против Муралиевых вратъ; а лѣвыя руки полкъ — за рѣкою Казанью, противъ вратъ Водяных; а сторожевый полкъ — за Казанью же рѣкою, противъ Царевых вратъ.

И облегоша вои руския градъ Казань. И бѣ видѣти многия силы, аки море волнующеся около Казани или вешняя великая вода по лугомъ разлияся. Вси же вои: избрании оружници и

И сошлись оба полка на три часа, сражаясь на большом поле — Царевом лугу, у Гостина острова. И прежде всего впускают казанцы на берег ертаульный полк и отбивают его прочь от берега. И удержал его, и укрепил передовой полк, поспешив придвинуться к берегу.

И закричали царевичи, воеводы передового полка, всей силе варварской, подбадривая их и понуждая, чтобы не слабели. И вновь начинается брань немалая и мрачная: вооружаются бойцы яростью, и высоко поднимается страшный шум битвы. И многие с обеих сторон падали, словно цветы прекрасные, ибо лишь некоторым удавалось стройно биться и на суше и на воде, так что один удерживал сто, а два — тысячу; другим же тяжело было, и неудобно, и тесно сражаться на воде, в судах. Но помогает бог всем, надеющимся на него, и может он искони превращать воду в сушу.

И вскоре обтекло казанцев русское воинство, правая рука и левая, и бросились казанцы вспять от ружейной стрельбы, и были стерты русскими. И побежал царь казанский к городу, не разбирая дороги, со всем своим войском, не в состоянии дольше стоять и сдерживать русских, не пуская их на берег, видя изнеможение своих воинов и храбрость и мужество русских бойцов. И целых семь дней переправлялись русские полки, не боясь казанцев.

О ПРИХОДЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ К КАЗАНИ, И О ВЕЛИЧИНЕ ЕГО ВОЙСКА, И О КРЕПОСТИ ГОРОДА КАЗАНИ, И ОБ ОСМОТРЕ ЕГО. ГЛАВА 59

Сам же царь великий князь переправился через Волгу августа в семнадцатый день, с веселым сердцем пройдя по чистому пути. И подошел он близко к самому городу Казани и стал на Арском поле со всею большой матицей прямо против города, за одну версту напротив трех арских ворот. И повелел он защитить себя оградой, дабы не быть убиту из пушки, и разделил он между полками ворота и места для штурма — кому из них против какого места стоять и с выезжающими из города казанцами биться.

И поставил он полк правой руки во главе с царем Шигалеем напротив двух Ногайских ворот; а передовой полк царевичей с татарами — за Булаком, напротив двух ворот Елбугиных и Кебековых; а ертаульный полк — тоже за Булаком, напротив Муралиевых ворот; а полк левой руки — за рекой Казанью, напротив Водяных ворот; а сторожевой полк — за Казанью же рекой, напротив Царских ворот.

И окружили русские воины город Казань. И напоминало большое их войско море, волнующееся около Казани, или большую вешнюю воду, разлившуюся по лугам. Все же воины: избранные стрелки, и

копейщики, и тулоносцы, и доброконники,— и вси на Казань дыхающе дерзостию брани и гнѣвом, аки огнемъ, и блещахуся ополчении оружии на *храбрыхъ оружницѣхъ*, яко пламень, рекъше, аки солнце, зракъ человѣкомъ изимающе, и аки звѣзды, на главах свѣтяхуся златыя шеломы и щиты, и копия в руках зряхуся.

И сущия во граде Казани возмущахуся от страха. И како кто не убоится сицевых полковъ, хотя бы храбры были — казанцы или древния оны исполины, но и тии бы в себѣ почюдилися или усумнилися толику собранию человѣчю.

И не хуже Антиоха явленаго, егда прииде Иерусалимъ плѣнити. Но онъ невѣренъ и поганъ и хотя законъ жидовский потребити и церковь божию осквернити и разорити. Сей же вѣрный на невѣрныя и за беззаконие к нему, и за злодѣяние ихъ *прииде* погубити ихъ.

И наполни всю землю Казанскую воями своими, конники и пѣшцы. И покрышася ратию его поля и горы, и подолиа, и разлѣтѣшася, аки птицы, по всей земли той, и воеваху, и плѣняху, всюду невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конецъ ея. И быша убиения велика человѣческая, и кровми пролияся варварская земля и область, блата, и дебри, езера и рѣки намостишася черемискими костьми.

Земля бо бѣ Казанская рѣками и езеры, и блаты велми наводнена. За согрѣшения же к богу казанских людей лѣта того ни едина капля дождя с небеси на землю не паде. От солнечнаго бо жара непроходныя тѣ мѣста — дебри и блата, и рѣки вся преисхоша. И полцы же рустии по всей земли непроходными тѣми пути безнужно ѣздяху, который любо камо хотяше, и стада скотъ пред ихъ гоняху.

Царь же князь великий, *облѣгши* Казань и объѣхавъ около города, и смотряше стѣнныя высоты и мѣстъ приступных. И видѣвъ, дивяся необычной красотѣ стѣнъ и крѣпости градной. Преже бо приходил бѣ в зимнѣе время, того дѣля не разсмотрев града гораздо, каковъ есть.

Прилежитъ бо к нему с востока поле, зовомое Арское, велико и красно, по нему же течетъ под градъ Казань рѣка. На том же поле изливается езеро, Кабанъ имянуемо, от града за три версты, и рыбу многу имѣющу в себѣ на пищу человеком, из него же изтѣкает Булакъ рѣка, в Казань рѣку под градомъ втѣкает, грязна велми и топна, а не зѣло глубока. С полудни же града, от Булака и до Волги, красный луг Царевъ на семь верстъ продолжается, травою многою зеленяся и цвѣты красяся.

Град же Казань зѣло крѣпок, велми, и стоитъ на мѣсте высоце промеж двою рѣк, Казани и Булака, и соградженъ въ 7 стѣнъ в велицех и толстых древесѣх дубовых. Въ стѣнах же сыпано внутрь хрящь и пѣсок, и мѣлкое камение. Толщина же градная от рѣкъ, от Казани и от Булака, трех саженъ, и тѣ бо мѣста

копьеносцы, и тулоносцы, и добрые конники,— все, словно огнем, дышали на Казань боевой дерзостью и гневом, и блистало оружие на храбрых воинах, как пламя, иначе сказать — как солнце, слепя людям глаза, и, словно звезды, сверкали золотые шлемы на головах их и щиты, и видны были копья в руках.

И от страха пришли в смятение все находившиеся в городе. Да и кто не испугается таких полков, хотя бы и из храбрых людей — будь то казанцы или древние воины-богатыри? Но даже и те бы про себя подивились или пришли бы в изумление, увидев такое скопление людей.

И был он не хуже самого Антиоха, когда пришел тот покорить Иерусалим. Но тот был неверным и поганым и хотел истребить жидовский закон и осквернить и разорить церковь божию. Этот же — правоверный — на неверных пришел погубить их за беззакония их, чинимые ему, и за злодеяния.

И наполнил он всю Казанскую землю воинами своими, конными и пешими. И покрыли ратники его и поля, и горы, и долины, и разлетелись они, словно птицы, по всей той земле, и разоряли ее, и забирали в плен жителей, беспрепятственно ходя везде, во все стороны от Казани до самых ее окраин. И много было убито людей, и залита была кровью варварская земля, болота же и овраги, озера и реки вымощены были черемисскими костями.

Наводнена ведь Казанская земля многими реками и озерами и болотами. За согрешения же казанцев перед богом ни одна капля дождя не упала в том году с неба на землю. От солнечного жара непроходимые те места — овраги, и болота, и реки — все пересохли. И разъезжали беспрепятственно русские полки по всей земле непроходимыми теми путями, кто куда хотел, гоня перед собой стада скота.

Царь же великий князь, окружив Казань и объехав вокруг города, осмотрел высоту стен и места, подходящие для приступа. И, осмотрев все, подивился он необычной красоте стен и крепости города. Прежде ведь приходил он в зимнее время, поэтому и не рассмотрел хорошенько города, каков он есть.

Прилегает к нему с востока поле, называемое Арским, большое и красивое, по которому течет под город Казань-река. На том же поле, за три версты от города, разлилось озеро, именуемое Кабан, имеющее в себе много рыбы на пропитание людям, из которого вытекает река Булак и под городом впадает в реку Казань, весьма грязная и топкая, но не очень глубокая. С юга же от города, между Булаком и Волгою, на семь верст простирается прекрасный луг Царев, зеленея густой травой и цветами красуясь.

Город же Казань очень-очень крепок: стоит он на высоком месте между двух рек, Казани и Булака, и огражден семью стенами из длинных и толстых дубовых бревен. Промежутки же между стенами засыпаны хрящом, и песком, и мелким камнем. Толщина стен со стороны рек Казани и Булака достигает трех саженей, и места

ратным неприступны. И вода, двема рѣкама быстро со обою страну градъ обтекши, и во едину рѣку у стены града слияся, еже есть Казань, *и та рѣка в Волгу поиде,* двѣма устьи, за три версты выше града — по рѣце же той градъ словет Казань. Яко крѣпкими стѣнами, водами вкруг обведенъ бѣ град той, токмо со единыя страны града, с поля Арского, приступъ малъ. И туда стѣна градная была толстотою седмь сажен, и прекопана около ея стремнина велиа глубока.

И от сего казанцы немалу себѣ притяжаша крѣпость и ничесоже бояхуся, аще и вси царства околния, соединшеся, востанут и подвигнутся на нихъ, крѣпок бо бѣ градъ ихъ. Крѣпчайше же града сами бяху, *умѣние* велико имущи ратоватися во бранѣх. И не побѣждени бываху ни от киих же, и мало таковых людей мужественых и злых во всей вселѣнней обрѣташеся.

О ПОСЛАНИИ С ЛЮБОВИЮ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КО ЦАРЮ КАЗАНСКОМУ. ГЛАВА 60

И посылает царь князь великий послы своя ко царю Казанскому во вторый день прихода своего, подъѣхавъ ко стѣнам, глаголати вѣрное слово свое с любовию, и ко всѣм казанским своимъ велможам — болшим же не многим живымъ оставльшимся от царя Шигалѣя, и в тѣх мѣсто быша новыя — и вкупѣ спроста ко всѣм казанским людем.

«Помилуй себе,— глаголя,— казанский царю, и убойся мене, видя и плѣнение земли своея, и погубление многих людей своихъ, и предай ми ся самоволно, и служи ми вѣрно, якоже и прочии царие служатъ ми, и буди ми яко братъ и яко вѣренъ друг, а не яко раб и слуга, и царствуя будеши на Казани от мене и до смерти своея.

Такоже и вси людие казанцы, помыслите в себѣ и пощадите живот свой, и предайте ми град вашъ доброволно, по любви и без брани, и без пролития крови вашея же и нашея. И приложитеся к нашему царству, и присягайте нам, яко и преже, ничесоже боящися от мене, ни страха имуще, и прощу вы всея прежния ми от вас злобы и напасти великия, еже сотвористе отцу моему и мнѣ по нем. Милость и честь великую от мене приимите и от горкия смерти и скорыя нынѣ избавитеся, и мнѣ будите любимии друзи и вѣрныя слуги.

И дамъ вам лготу великую по вашей любви жити в воли своей, по вашему обычаю, и закона вашего, и вѣры не отъиму от вас, и от земли вашея вас никуда по моим землям не развѣду, егоже вы боитеся. И токмо оставлю у вас двух или трех воевод моих, а самъ проч пойду. А сами вы лучше вѣсте, и аще не хощете ми повинутися, ни служити и под моею областию быти, и в моем имени, и вы той град вашъ празденъ оставите и землю свою со всѣми людми своими, и здравы разыдитеся на всѣ четыре части

эти неприступны. И, быстро двумя реками обтекши город с обеих сторон, сливаются воды у стен города в одну реку — Казань, и та река двумя устьями впадает в Волгу за три версты выше города — по реке той и назван город Казанью. Словно крепкими стенами, окружен был водами город тот, только с одной стороны — со стороны Арского поля, было небольшое место для приступа. Но в том месте городская стена была толщиною в семь сажень, и возле нее был выкопан глубокий ров.

Поэтому и обрели казанцы немалую силу и ничего не боялись, хотя бы и все окрестные царства, соединившись, поднялись и выступили против них, ибо крепок был их город. Но еще крепче, чем город их, были они сами, ибо хорошо владели искусством боя. И никем не были они побеждаемы, и трудно было отыскать таких мужественных и злых людей во всей вселенной!

О ПОСЛАНИИ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ С ЛЮБОВИЮ ПОСЛОВ К КАЗАНСКОМУ ЦАРЮ. ГЛАВА 60

И посылает царь великий князь послов своих к казанскому царю на второй день после своего прихода, чтобы, подъехав к стенам, с любовию передали они верное его слово всем казанским его вельможам — знатных-то немного осталось в живых после царя Шигалея, вместо них были новые — и всем жителям Казани.

«Пожалей себя,— говорил он,— казанский царь, устрашись меня, видя разорение земли своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добровольно, и верно служи мне, как служат мне прочие цари, и будь мне братом и верным другом, а не рабом и слугою, тогда посажен будешь ты мною царствовать в Казани до самой своей смерти.

Также и вы все, казанцы, одумайтесь, и пощадите жизнь свою, и сдайте мне город ваш добровольно, по любви и без боя и без пролития крови — вашей и нашей. Присоединитесь к нашему царству и присягайте нам, как и прежде, без страха, ничего не опасаясь, и прощу вам все прежние злые дела и тяжелые напасти, которые терпел от вас и отец мой, и сам я после него. Получите вы от меня помилование и почести великие, и избавитесь теперь от горькой и скорой смерти, и будете мне любимыми друзьями и верными слугами.

И дам я вам за вашу любовь большую льготу — жить по своей воле, по вашему обычаю, и законов и веры вашей не лишу вас, и из земли вашей никуда не разведу вас по моим землям, чего вы боитесь. И только оставлю у вас двух или трех воевод моих, а сам пойду прочь. Вы же сами лучше знаете, как вам быть, и если не захотите повиноваться мне, и служить, и быть под моею властью, под именем моим, тогда оставьте пустым этот город ваш и землю вашу и со всеми людьми невредимыми разойдитесь

земли, в кою любо страну хощете и з женами своими, и з дѣтми, и со всѣм вашим имѣнием, и без боязни и без страха от мене будете, и не угибнет от вас ни единъ влас главы вашея от вой моихъ.

Во истинней бо правдѣ и на велику ползу вам глаголю, милующи вас и брегущи, не кровопийца бо есмь аз, ни сыроядец, яко вы есте, погании бусорманы, и не рад кровопролития вашего, но за великую неправду вашю послан богом, приидох оружием показнити васъ. И еще же глаголъ моих не послушаете, то бога моего помощию имам град ваш на щит взяти, вас же всѣх без милости и жены ваша, и дѣти под меч подклонити. И падете же и поперетеся, яко прах, под ногами нашими.

И не мнитеся, яко играюща мя или пострашающа васъ, или яко всуе глаголюща, не имам бо отступити от вас ни до десяти лѣт, не вземше града, его же бо ради самъ приидох аз, не верующи моимъ посылаемым мною царемъ и княземъ и воеводам.

Не хотяше бо царь князь великий, да пролиется кровь ихъ без ума и без опасения его к нимъ от него, но хотяше самъ преже собою исправити и смирение явити имъ по заповѣди Спасовѣ, яко «Всяк возносяйся, смирится, смиряяи же себе вознесется».

О СТРАСѢ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И ОТВѢТ ЖЕСТОКИЙ КАЗАНЦЕВЪ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 61

Царь же казанский слышав сладостная и грозная словеса московского самодержца и устрашися зѣло, и убояся, и хотяше отворити град и волею предатися, но не можаше добром умолити и ни страхом грозя препрѣти казанцевъ, не взя бо власти великия над ними, якоже царь Шигалѣй, но яко новъ сый и еще обычая в них не вѣдаша.

И не послушаху казанцы совѣта добраго царева и не внимаху словесем его. Онъ же и вонъ прошашеся из града изытти с пришедшими своими, да волею к самодержцу приѣхавъ и милость от него получит. И не выпустиша его. И во всем болши царя слушаху князя Чапкуна и покоряхуся ему, яко царю.

Пословъ же самодержцевых отбиша от града з бесчестиемъ, лаявше жестокими словесы. И гордостию, и величанием возносящеся, и врежающе и раздражающе сердце его, глаголюще: «Да вѣдая буди, царю московский, тако глаголетъ тебѣ царь и казанцы всѣ: да помремъ вкупѣ до единаго и з женами нашими, и з чады здѣ за законы и вѣру, и обычаи отецъ своих во отечествѣ нашея земли, в нейже родихомся, и во граде нашем, в немже воспитахомся и нынѣ живемъ, и в нем же царствуютъ царие, киими владѣют улановѣ и князи, и мурзы. Тебѣ же и тако сущу и богату, и много имущу градовъ и землей. У нас же единъ столный градъ Казань, и той хощеши взяти у нас и, пришед, яко силенъ намъ бывъ.

на все четыре стороны, в какую хотите страну, с женами своими и детьми и со всем вашим имуществом, без боязни и без страха, и не упадет с головы вашей ни один волос от воинов моих.

Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то с помощью бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попраны нашими ногами.

И не думайте, что шучу я, или стращаю вас, или попусту говорю вам это: не намерен я отступать от вас и до десяти лет, пока не возьму город, ради которого сам пришел я, не доверяя посылаемым мною царям, и князьям, и воеводам».

Не хотел ведь царь великий князь, чтобы кровь их проливалась бессмысленно и без его предупреждения к ним, но хотел сам сначала показать им свое смирение по заповеди Спасовой: «Всякий возносящийся смирится, смиряющийся же вознесется».

О СТРАХЕ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ЖЕСТОКОМ ОТВЕТЕ КАЗАНЦЕВ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 61

Царь же казанский, услышав сладостные и грозные слова московского самодержца, сильно устрашился и испугался и хотел отворить город и добровольно сдаться, но не смог он умолить и переубедить казанцев ни добром, ни страшными угрозами, ибо не приобрел еще над ними большой власти, как царь Шигалей, но был новичком и не знал еще обычаев их.

И не послушали казанцы доброго царского совета и не вняли словам его. Он же просился у них один уйти из города с пришедшими с ним людьми, чтобы, по своей воле приехав к самодержцу, снискать у него прощения. И не выпустили его. И во всем больше царя слушались они князя Чапкуна и подчинялись ему, как царю.

Послов же самодержца с позором прогнали они от города, облаяв их жестокими словами. И, вознесясь в гордости своей и высокомерии, раня и раздражая сердце его, говорили они так: «Узнай же, царь московский, что отвечают тебе царь и все казанцы: лучше умрем мы все до единого с женами нашими и с детьми за законы, и веру, и обычаи отцов своих здесь, в отечестве нашем, в котором родились, и в городе нашем, в котором выросли и живем теперь, и в котором царствуют цари, которыми управляют уланы, и князья, и мурзы! Ты же и так богат и много имеешь городов и земель, а у нас один только стольный город Казань, и тот, придя на нас, хочешь ты у нас отобрать, почувствовав свою силу над нами.

И не мысли, ни надѣяся, лестию грозя, царства нашего взяти. Уже бо познахомъ лукавствие ваше и не имамы тебѣ никако же волею града нашего предати, и до смерти всѣх нас. И не видѣти бы намъ того, ни слышати, чтобы рускими твоими людми, свиноядцы погаными, населенъ и обладаемь столный град нашъ Казань, и добрыя наши законы вашими нагами попираеми и посмѣхаеми, и новыи обычаи руския в нем бываемы».

СКАЗАНИЕ ВОЛХВОВ О ЦАРЕВЕ СНѢ И О СЕИТОВЕ И О СТРАСЕ ЦАРЯ И КАЗАНЦЕВЪ, И О ВЫЕЗЖАЮЩИХ ИЗ ГРАДА БИТИСЯ С РУСИЮ. ГЛАВА 62

В первую же нощъ, егда х Казани прииде царь и великий князь и град обляже, видѣ сонъ страшенъ сам про себе казанской царь, легшю ему с печали мало уснути, яко взыде с востока месяцъ мал и тѣмен, худ и мраченъ, и ста над Казанью. Другий же месяцъ, аки от запада взыде, зѣло пресвѣтел и велик велми, и пришед над градъ, ста выше темнаго месяца. Темный же месяцъ пред свѣтлым побѣгованъ и потрясашеся. Великий же месяцъ долго стоявъ и, яко крилатъ, полѣте от мѣста своего и, догнавъ, удари собою темнаго месяца и яко поглотивъ себе и прият, и той в нем просвѣтися. Великий же месяцъ свѣтлый пусти из себе, аки свѣзды, искры огненыя долу с небеси во градъ и сожже вся люди казанския. И паки ста над градом великий месяцъ и боле возрасте, и паче перваго сияше неизреченным свѣтом, аки солнце.

В ту же нощъ сеитъ казанский сонъ же видѣ, яко стѣкошася мнози стада великия многообразных звѣрей и лютѣ рыкающе: лвовѣ же и пардуси, и медвѣди, и волцы, и рыси. И наполниша ся ими лугове и поля вся казанская. Противъ же их истѣкоша из града невеликия стада — единошерстныя звѣри волцы, выюще. И начаша ѣстися и битися, падоша, со многоразличными тѣми звѣрми. И в час единъ вся истекше из града, от лютых тыхъ звѣрей изъядени быша.

Сеитъ же наутрие приѣхавъ ко царю и сказа ему сонъ свой, а царь свой сон сеиту повѣда, и дивишася о снѣх своихъ. И созва к себѣ царь вся велможи казанския и премудрыя волхвы и повѣдаша имъ оба сна своя царь же и сеитъ. Властѣли же казанския всѣ умолкнуша и ни единъ же ихъ отвѣта не даде.

Волхвы же явѣ царю оба сна сказаша и разсудиша предо всѣми велможами: «Темный бо мѣсец, худый, ты еси, царю, а свѣтлый месяцъ — московский царь князь великий, от него же ты ятъ будеши и в плѣн сведенъ. А многоразличние звѣрие толкуются языцы мнози, руская сила, а единошерстнии волцы — то есть казанцы единовѣрнии, и стражутъ за едино царство едиными главами своими, и подвизаются нелестно собою за ся. А еже изъѣдоша сѣрых пестрыя звѣрие — то одолѣетъ нынѣ

Не мечтай же и не надейся, обманывая нас угрозами, что возьмешь царство наше. Уже ведь познали мы лукавство ваше и не хотим ни за что по доброй воле сдать город наш, пока все не умрем. И не видеть бы нам и не слышать того, что русскими твоими людьми, погаными свиноядцами, населен и управляем стольный город наш Казань, и добрые наши законы вашими ногами попраны и осмеяны, и установлены в нем русские обычаи».

О ТОЛКОВАНИИ ВОЛХВАМИ СНОВ ЦАРЯ И СЕИТА, И О СТРАХЕ ЦАРЯ И КАЗАНЦЕВ, И О ВЫЕЗЖАЮЩИХ ИЗ ГОРОДА БИТЬСЯ С РУССКИМИ. ГЛАВА 62

В первую же ночь, когда царь и великий князь пришел к Казани и окружил город, увидел страшный сон сам про себя казанский царь, когда лег он в печали немного поспать: будто бы взошел с востока месяц, мал и темен, тонок и мрачен, и встал над Казанью. Другой же месяц будто бы взошел с запада, очень светлый и огромный, и, подойдя к городу, встал выше темного месяца. Темный же месяц перед светлым задрожал и пустился в бегство. Большой месяц долго стоял, потом, словно крылатый, полетел от своего места, и, догнав, ударил темный месяц, и, как будто проглотив его, принял в себя, и тот в нем засветился. Большой же светлый месяц выпустил из себя с неба вниз, на город, огненные искры, подобные звездам, и сжег всех казанцев. И вновь повис над городом большой месяц, и еще больше вырос он, и ярче прежнего сиял неописуемым светом, словно солнце.

В ту же ночь видел сон и казанский сеит: будто бы стекались многочисленные большие стаи разнообразных зверей, свирепо рычащих: львов, и гепардов, и медведей, и волков, и рысей. И наполнились ими все луга и поля казанские. Навстречу же им выскакивали из города небольшие стада единошерстных зверей — волков воющих. И когда начали они грызться и бороться с различными теми зверями, то все пали. И в один час выбежали все из города, ибо были изъедены лютыми теми зверями.

Сеит же наутро приехал к царю и рассказал ему свой сон, а царь свой сон поведал сеиту, и подивились они о снах своих. И созвал царь к себе всех казанских вельмож и премудрых волхвов, и поведали им царь и сеит оба свои сна. Правители же казанские умолкли все, и ни один из них не дал ответа.

Волхвы же ясно растолковали и объяснили оба сна царю и всем вельможам: «Темный месяц, плохой,— это ты, царь, а светлый месяц — московский царь великий князь, которым будешь ты схвачен и сведен в плен. А различные звери толкуются как многие народы, русская сила, а единошерстные волки — это казанцы единоверные, и расплачиваются они за свое царство своими же головами, и заботятся они воистину сами о себе. А то, что съели серых пестрые звери, означает, что одолеют ныне

русь казанцевъ. И болши сего не вопрошай нас о семъ ничтоже. И аще сего не хощеши ту, увѣщай вскорѣ казанцев смиритися с нимъ, еже и преже глаголахом *им* много *до* призывания твоего к нимъ да и сами бы живи были и царства своего не губить.

Еще же царь и вси велможи ужасахуся и трепетаху и сокрушахуся сердцы своими, но обаче мятяхуся мыслию и не внимаху реченным ихъ и царю воли не даяху ни в чем же, и мудрых своихъ волхвовъ не слушаху, надѣющеся на пошедших своихъ пословъ, что послани звати нагайских срацынъ в поможение имъ.

И бияхуся с русию, выѣзжая по седьмь дней, не дадяху руси ко граду приступовъ чинити. Рустей же силе велице суще и всегда казанцев прогоняху, биюще: на единаго бо казанца сто русинов, а на два двѣсте. Ждуще же казанцы к себѣ на помощь нагайския силы и не возмогоша казанцы, еже бы не дати руси ко граду приступити.

О ПОБѢЖЕНИИ ЧЕРЕМИСЫ. ГЛАВА 63

Но злѣе преднихъ, градскихъ, созади выѣзжаху из остроговъ лѣсных и стужаше полкомъ рускимъ черемиса, належаще на станы, возмущающим имъ в нощи и в день убивающе, и от вой хватающе живых, и стада конская отгоняюще. И напущающем на них воемъ руским, они же убѣгаху от нихъ в чащи лесныя и в горския стрѣмнины и стояху в крѣпях тѣхъ, избываху.

И в печали бысть о том царь князь великий и воеводы его всѣ, понеже бо доходити ихъ великою нужею. Но, яко праведенъ вѣрою несумѣнною, на бога уповая, посла и на тѣх воевод своих: князя Александра Єуздалского Горбатого да князя Андрѣя Курбского со множеством вой. Они же идоша три дни со труды жестокими пути до мѣстъ ихъ и обшедше вкруг дебри и стрѣмнины, и горы прямоходу к полудню и, обшедши, обступиша всюду крѣпи черемиския.

И постиже их нощъ. Онѣм же не вѣдущем сихъ, от преднихъ полковъ бѣжавшим и намчашася на задних. И побѣдиша ихъ скоро, и остроги ихъ раскопаша и пожгоша, и воевод черемиских пfive взяша живых и с ними пятьсотъ добрых черемисиновъ приведоша, и жены ихъ, и дѣти плѣниша, и сами воеводы здравы приидоша. И черемиса преста выѣзжати из лѣсовъ.

Оставиша бо тѣх казанцы 15 000 конников ходити под вои рускими, а 10 000 на Волзе в судѣх. И от тѣх судовых никоея же пакости бысть руским воемъ, ходящим в ладиях и воюющим села казанъския, стоящия по брегом рѣкѣ: тии бо токмо покушахуся

русские казанцев. И больше ни о чем нас не спрашивай. И если не хочешь ты этого, уговори поскорее казанцев помириться с ним, о чем и прежде мы им много говорили, до призвания твоего сюда, дабы и сами они остались живы и царства своего не погубили».

И хотя царь и все вельможи пришли в ужас, и затрепетали, и сокрушались сердцем, но помутился у них разум, и не вняли они сказанному ими, и ни в чем не дали воли царю, и мудрых своих волхвов не послушали, надеясь на послов своих, отправившихся звать на помощь ногайских сарацин.

И бились они с русскими, выезжая в течение семи дней из города, не позволяя русским делать приступов. Силы же у русских были большие, и всегда они, сражаясь, прогоняли казанцев, ибо на одного казанца приходилось сто русских, а на двух — двести. И пока дожидались казанцы помощи от ногаев, обессилели они и уже не в состоянии были помешать русским штурмовать город.

О ПОБЕДЕ НАД ЧЕРЕМИСОЙ. ГЛАВА 63

Но больше чем горожане, досаждала русским полкам, нападая с тыла, черемиса, выезжавшая из лесных острогов: обрушивались они на станы, ночью приводя русских в смятение, а днем убивая их, и хватая воинов живыми, и угоняя конские стада. Когда же нападали на них русские воины, те убегали от них в лесные чащи и горные ущелья и, прячась в тех недоступных местах, спасались.

И был царь великий князь и все воеводы его из-за этого в печали, ибо очень трудно было добраться до них. Но, уподобившись искренне верующему праведнику и положась на бога, послал он на них своих воевод: князя Александра Суздальского Горбатого и князя Андрея Курбского со множеством воинов. И пробирались они с большим трудом три дня по плохим дорогам до мест, где обитала черемиса, а затем, двигаясь на юг, обошли кругом овраги те, стремнины и горы и таким образом окружили со всех сторон черемисские укрепления.

И застигла их ночь. Те же, не зная, что окружены, побежали от передовых полков и наскочили на тех, что были позади. И вскоре победили их русские, остроги их разрушили и пожгли, и взяли живыми пятерых черемисских воевод, а с ними привели пятьсот добрых черемисинов и жен их и детей взяли в плен, сами же воеводы здравы возвратились назад. И перестала черемиса выезжать из лесов.

Пятнадцать тысяч конников черемисских оставили казанцы для нападения на русских воинов и десять тысяч на Волге, в судах. Но от этой судовой черемисы не было русским воинам, ходившим в ладьях разорять казанские села, стоящие по берегам реки, никаких неприятностей: те лишь пытались нападать на

напасти на запасныя ладии и не можаху, острогом бо крѣпким и великим вся ладии обведены по брегу Волги, и стрѣжаху ихъ два воеводы со стрѣлцы огнеными и со многими вои от околныя черемисы, паче да не изгоном нападут и смятутся вои. А от лодейныя черемисы не брежахуся, не умѣют бо битися с русью на водѣ.

И по тѣх реченных воеводах прииде из войны князь Симионъ и прочии воеводы, воевавше землю Казанъскую и единем пошествием вземше в десять дний тридесять острогов великих же и малых, в них же збѣгшеся черемиса во время рати и отбывающеся, избываху. И много в них черемисы и з женами их и з дѣтми избиша и всякого ихъ рухла и скота взяша без числа. И не бысть падения воем руским ни у единого града, ни у острога, но сами крѣпкия остроги отверзаху и предавахуся, ни лука напрязающе, ни стрѣлы пущающе, ни камение мѣтающе, но развѣе у перваго острога великаго три дни постояша вои, но без падения же людскаго.

Той бо острог старый, Арескъ зовом, здѣланъ, аки град твердъ, и з башнями, и з бойницы, и людей живет в нем много, и брегут велми. И не бѣ взиманъ ни от коих же ратей никако же. Стоит же от Казани 60 верстъ в мѣстех зѣло крѣпких и в непроходимых дебрехъ, и в болотах, и единѣм путем к нему приити и отъити.

Великий же воевода князь Симионъ видѣ, яко не взяти его просто, понеже много есть в нем людей, бойцевъ единѣх 15 000, и прикативъ пушки и пищали к нему и нача бити. Князи же арские и вся черемиса, сѣдящая в немъ, возопиша и врата отверзоша, и руки подаша, богу бо в сердца ихъ страх вложившу, и ратию русь ихъ плѣниша. И приведоша князей арскихъ 12 и воевод черемиских седмь, и земских людей лутчих избравше, сотников и старѣйшинъ, триста, и всѣх до 5 000 человѣкъ.

Царь же князь великий возрадовася зѣло и благодаряше бога, и воевод почиташе, и воя своя похваляя. И плѣнных до времени брещи повелѣ, и ко граду приводити многажды, и глаголати царю и казанцем, дабы без крови предатися ему. Они же плѣнных своих плачя и моления не послушаху. И сих плѣнением велми прегорко серца прерѣза казанцев, князь же Симионъ в страх великъ вложи ихъ.

Такоже и рускаго плѣна множество приведе, инии же собою убѣгаху изо всѣх казанских улусовъ в станы руския, якоже не брегоми ником же. Царь же князь великий повелѣ весь плѣнъ собирати в станы своя и держаше на многи дни в шатрѣх своих, пищею и одеждами всѣм доволно учрежаше, якоже отецъ чадолюбивый чад своих веселяше. И в Рускую землю в лодьяхъ своих отсылаше их до Василя-города и восвояси оттуду их разпущаше.

запасные ладьи, но безуспешно, ибо были окружены все ладьи по берегу Волги крепким и большим острогом и двое воевод с пищальниками и многими воинами охраняли их от окрестной черемисы, опасаясь нового внезапного ее нападения и смятения в рядах своих воинов. А судовой черемисы не остерегались, ибо не умеет она воевать с русскими на воде.

И после тех упомянутых воевод пришел из похода князь Семен с другими воеводами, разорявшими казанские земли и за один поход в течение десяти дней взявшими тридцать острогов, больших и малых, в которые убегала черемиса во время боя и, отсиживаясь там, спасалась. И много в них перебили черемисы с женами их и детьми, и захватили бесчисленное множество всяких пожитков их и скота. И не потерпели поражения воины русские ни у одного города, ни у одного острога: крепкие остроги сами открывались перед ними и сдавались им — ни луков не приходилось натягивать, ни стрел пускать, ни камней метать, разве что у первого большого острога три дня постояли воины, но и здесь без потери людей.

Острог тот старый, называемый Арским, построен словно укрепленный город: и с башнями, и с бойницами, и людей живет в нем много, и хорошо его охраняют. И не был он ни разу взят — ни в одном бою. Стоит же он от Казани в шестидесяти верстах в труднодоступных местах — непроходимых оврагах и болотах, и можно лишь одним путем подойти к нему и вернуться назад.

Главный же воевода, князь Семен, понял, что не взять его просто, поскольку много в нем людей — одних бойцов пятнадцать тысяч, и, прикатив к нему пушки и пищали, начал бить по острогу. Князья же арские и вся черемиса, сидящая в нем, возопили и отворили ворота и руки им протянули, ибо бог вложил страх в сердца их. И взяли их в плен русские. И привели они двенадцать арских князей, и семь черемисских воевод, и лучших земских людей, отобрав триста сотников и старейшин; всех же до пяти тысяч человек.

Царь же великий князь очень обрадовался, и возблагодарил бога, и воздал почести воеводам, и всех своих воинов похвалил. Пленных же до времени повелел беречь и много раз приводить к городу, чтобы они призывали царя и казанцев сдаться ему без пролития крови. Те же плачу и молениям пленных своих не внимали. И прегорько ранило сердца казанцев пленение их, князь же Семен привел их в сильный страх.

Также привел он с собой и многочисленных русских пленников, иные же сами убегали из казанских улусов в русские станы, ибо никто не стерег их. Царь же князь великий повелел всех пленных собирать в свои станы, и держал он их долгое время в шатрах своих, раздавая им пищу и одежду, словно отец чадолюбивый детей своих веселя. И в Русскую землю отослал их в ладьях своих до Василя-города, и оттуда распустил их по своим землям.

Нужницы же они видѣша к ним таковое милосердие и благоутробие его, яко от плѣнения ихъ свободи и таковый покой и утишие имъ подаде, о семъ миловании его многи слезы и моления ко господу о нем всылаху, со слезами глаголюще: «О премилостивый господи Иисусе Христе, боже нашъ, услыши нас, молящихся пресвятому имени твоему! Помилуй, господи, и спаси, и сохрани раба твоего, христолюбиваго благовѣрнаго царя нашего и все его христолюбивое воинство, и даруй ему одолѣние на противныя его, и виждь его благое милосердие, еже к нам, нищим, и ко плѣненым людем показа. И ты, господи, воздай же ему милость свою за нас, убогихъ и нищихъ, в сем вѣцѣ и в будущемъ».

О ПЕЧАЛИ КАЗАНЦОВ И О ПОСЛАННЫХ ИХ ПОСЛѢХ, ХОДИВШИХ ПО ЛЮДИ В НАГАИ. ГЛАВА 64

Царь же и казанцы, яко увѣдѣвше острогов своихъ взятых и многих в нихъ побѣжденых и плѣненыхъ и царя и великого князя великою яростию и лютостию, яко лва в ловитвѣ своей, прещением рыкающе на них и милости своея не хотяше имъ подати за великую ихъ к нему обиду и неправду, и лесть, аще не зѣло крѣпко смирятся с нимъ и вѣрно предадятся ему, и в недоумѣнии бысть царь и казанцы всѣ, зане покоритися ему не хотяху и не смѣяху. Противитися ему не можаху, понеже бѣ мало во градѣ собрания людей, развѣ 40 000 оружие носящих, силных бойцевъ и всѣх до пятидесяти тысящъ с несилными, и яко не имут уже оманути его лжами, ни лестию прелстити, понеже бо гораздно познаша лесть их и лукавство и вси искусишася.

И уже смотряху и ожидаху себѣ казанцы конечныя погибели и не надѣющеся ни от коея же орды помощи себѣ *прияти,* далняго *ради* от них разстояния землям. И печаль с тоскою тѣмъ наливашеся горкаго пития, и чаша сѣтования имъ исполняема и растворяема унынием и скорбию, ея же не мощно бяше како минути или гдѣ уклонитися.

Посылаху бо в Нагаи того лѣта послы своя до прихода руския силы с великими дары к мурзамъ, да возмут наемъ на люди своя, елико хотят, и послют к нимъ на помощъ и помогутъ имъ, егда бѣ имъ нужа воемъ.

Началницы же нагайския, мурзы, дары взяша у пословъ, а воевъ своихъ не пустиша к нимъ, глаголяще: «Не смѣем к вамъ пустити на московского царя вой наших, многажды бо пущавшим намъ, и вси у вас от руси умираху, и ни единъ когда от вас возратися живъ. И богъ не попущает намъ за истинную любовь к нам московского самодержца, и нѣсть намъ лзѣ стати по вас братися с ними, всегда намъ велико добро от него

Страдальцы же те, видя к себе такое милосердие и расположение его — что освободил он их от плена и такой покой и утешение дал им, много слез и молений к господу о нем воссылали за эту заботу его, говоря со слезами так: «О премилостивый господь Иисус Христос, бог наш, услышь нас, молящихся пресвятому имени твоему! Помилуй, господь, спаси и сохрани раба твоего, христолюбивого благоверного царя нашего, и все его христолюбивое воинство, и даруй ему победу над врагами его, и увидь его благое милосердие, которое проявил он к нам, нищим пленникам. Воздай же ему, господи, милостью своей за нас, убогих и нищих, в этой жизни и в будущей!»

О ПЕЧАЛИ КАЗАНЦЕВ И ОБ ОТПРАВЛЕННЫХ ИМИ ПОСЛАХ, ХОДИВШИХ ЗА ЛЮДЬМИ К НОГАЯМ. ГЛАВА 64

Царь же и казанцы, узнав, что остроги их взяты и многие, находившиеся в них, побеждены и взяты в плен, а царь и великий князь, словно лев, вышедший на охоту, в сильной ярости свирепо бросается на них, угрожая им и не желая помиловать их за нанесенную ему обиду, за их обман и лицемерие, если по-настоящему не помирятся они с ним и истинно не покорятся ему,— зная все это, пребывали в недоумении, ибо покориться ему не хотели и не осмеливались. Противиться же ему царь и все казанцы не могли, поскольку мало в городе было людей — всего лишь сорок тысяч держащих оружие крепких бойцов, а вместе со слабыми — до пятидесяти тысяч, и еще потому, что уже не могли они обмануть его лживыми словами, ни хитростью прельстить, ибо хорошо узнал он хитрость их и лукавство и во всем был искушен.

И уже предвидели и поджидали казанцы окончательную свою погибель, и не надеялись ни из какой орды получить помощь из-за большой дальности от них тех земель. И наливалось им горькое питье — печаль с тоскою — и чаша их была наполнена несчастьями, и растворены в ней были уныние и скорбь, и никак невозможно было миновать этой чаши или уклониться от нее.

Посылали они в том году, еще до прихода русской силы, своих послов к ногаям с богатыми дарами для мурз, чтобы те взяли с них любую плату за найм воинов, какую сами захотят, и послали бы их к ним на помощь, и помогли бы им, поскольку была у них нужда в воинах.

Начальники же ногайские, мурзы, дары у послов взяли, а воинов своих к ним не отпустили, говоря так: «Не смеем мы отпустить к вам наших воинов против московского царя, ибо много раз, когда отпускали мы их, все они у вас погибали от русских, и ни один не вернулся от вас живым. Да и бог не позволяет нам этого сделать за истинную любовь к нам московского самодержца: нельзя нам вместе с вами воевать против него, ибо всегда мы от

восприемлющим, в мирѣ и любви живущим с нимъ, но паче готовимся и спомогати ему на вас, на лукавых и невѣрных человекъ. Вы бо всегда не по правде своей обидите его, но и клятву свою многажды преступающе, в сосѣдех ему живуще. И убози суще, и худи, а такову царю силну и велику хощете одолѣти лукавством вашим, а не силою своею, да всякое одолѣние будетъ от него, неже одолѣти ему, *аще* добром не смиритеся с ним, предавшеся ему».

Казанския же послы, пришедше из Нагай, хотѣша во град прокрастися сквозѣ руския полки, стражие же изымаша и приведоша в станъ к самодержцу. Онъ же грамоты их прочетъ и отпусти их в Казань живых, и не сотвори имъ зла никоего. Они же удивишася незлобию его.

И пришедше, и вдаша грамоты царю и казанцемъ, и рѣчи сказаша имъ нагайских мурзъ. Сами же собравшеся до трех тысящъ с племянем своим и з женами и з дѣтми, и со служащими им и нощию избѣгоша из Казани в руския полки на имя самодержцево. По них же и инии мнози выбѣгаху людие, доколѣ града не затвориша, угадывающе по всему не отстоятися от взятия, и от самодержца милость получиша.

О БОЮ ПРЕСТАВЪШЕМ И ВО ОСАДѢ СѢДШИХ КАЗАНЦЕВ, И О РАЗГНѢВАНИИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 65

Казанцы же разумѣвше от послов своих и от того часа престаша битися с русью, выѣзжая из града, искусиша бо стремление их и храбръство, и затворишася во граде, и сѣдоша во осаде, надѣющеся на крѣпость града своего и на многие свои кормовыи запасы.

И пять тысящъ с собою затвориша нудма иноземскихъ купцевъ: бухар и шамах, и турчанъ, и арменъ, и инѣх; не испустиша *их* из града до прихода силы руския ити во страны своя, турчанъ и арменъ, вѣдаху тѣх огненому бою гораздых и принужаху их битися с русью. Онем же не хотящим и отрицающимся, аки неумѣющим дѣла того. И приковываху их желѣзы к пушкам и со обнаженными мечи стояху над главами ихъ и смертию имъ претяху. И тако их принудиша неволею ис пушек бити по руским полкомъ. Они же лестно худо бияху и не улучаху, аки не умѣюще, и ядра чрез воя препущаху или не допущаху, и едва кого убиваху во взятие казанское. Царь же князь великий за се подаде им милость — живых всѣх отпустив во отечествия ихъ.

И отложиша казанцы надежду свою ото всѣх, и во убитых мѣсто и избѣжавших из града прибираху высокораслыя жены и дѣвицы силния и тѣми число наполняху и множаху, и учаху их копейному бою их и стрелбѣ, и битися со стѣны, и воскладаху на

него много добра получали, живя с ним в мире и любви; более того, собираемся мы помогать ему против вас, лукавых и неверных людей. Вы ведь, живя с ним по соседству, всегда несправедливо обижали его, много раз преступая свою клятву. И убоги вы и бедны, а такого сильного и великого царя хотите одолеть не силой, а хитростью, но будете вы сами побеждены им, нежели одолеете его, если добром не помиритесь с ним, предавшись ему».

Казанские же послы, придя от ногаев, хотели сквозь русские полки прокрасться в город, но дозорные схватили их и привели в стан к самодержцу. Он же грамоты их прочитал, и отпустил их живыми в Казань, и не причинил им никакого зла. Они же удивились незлобивости его.

И, придя в город, передали они грамоты царю и казанцам и пересказали им речи ногайских мурз. Сами же собрались — тысячи три с родственниками своими, с женами, детьми и слугами — и ночью убежали из Казани в русские полки на имя самодержца. После них и многие другие люди убегали из города, пока его не заперли, ибо по всему догадывались, что не отстоять его от взятия, и получили помилование от самодержца.

О ПРЕКРАЩЕНИИ БОЯ, И О ЗАТВОРИВШИХСЯ В ГОРОДЕ КАЗАНЦАХ, И О ГНЕВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 65

Казанцы же, выслушав послов своих, все поняли и с того часа перестали выезжать из города и биться с русскими, ибо познали стремительность их и храбрость, и затворились в городе, и сидели осажденные, надеясь на крепость своего города и на большие запасы еды.

И вместе с собой заперли они насильно пять тысяч иноземных купцов: бухарцев, шемаханцев, турок, армян и других; до прихода русских сил не выпустили они их из города, чтобы вернулись те в свои страны, ибо знали, что турки и армяне искусны в огневом бою, и принуждали их биться с русскими. Те же не хотели и отказывались, как будто не умели этого делать. И приковывали их железными цепями к пушкам, и стояли возле них, держа над головами у них обнаженные мечи и угрожая им смертью. И таким образом принудили их против их воли бить из пушек по русским полкам. Они же нарочно плохо стреляли и не попадали в цель, как будто не умели стрелять, и ядра у них то перелетали через воинов, то не долетали до них, так что мало кого убивали они во время взятия Казани. За это царь великий князь помиловал их — всех живыми отпустил по своим странам.

И оставили казанцы надежду получить от кого-либо помощь, и на место убитых и сбежавших из города подбирали они рослых женщин и сильных девиц, и пополняли ими свои ряды, и обучали их копейному бою, и стрельбе, и биться со стены, и надевали на

них пансыри и доспѣхи. Они же, яко юноши, бияхуся дерзостно. Но страшливо естество женское и мяхко сердце их кровавым ранамъ и нетерпѣливо, аще и варварско.

И начаша казанцы крѣпити град и застѣниша всѣ врата граду камениемъ и землею, и запрошася со всѣми людми во градѣ. Пушки же и пищали, и воевод крѣпких изготовиша с приступных мѣстъ град стрещи, и да вѣдает кождо их воевода свою страну и крѣпцѣ блюдет, и вся да устраяет и готовит, еже довлѣет на ратную потребу, мнящи тако отстоятися, яко и преже сего избываху многажды.

Царь же князь великий, видѣвъ казанцев непреклонных къ милости его и поносящих ему, и гордящихся, и о смирении его не внимающих, и на брань готовляющихся, и гнѣва многа наполнися, и яростию великою разжеся, и прежде бывшее милосердие свое к нимъ на гнѣвъ претворяет. И осуди во острозѣх взятую черемису всю на смерть — до 7 000 человекъ: инѣх около града на колья посади, а инѣмъ стремъглавъ за едину ногу повѣшати, а инѣх за выя, а инѣх же оружиемъ убити на устрашение казанцем, да видѣвше злогоркую ту смерть своих и убоятся, и град здадут ему, и смирятся. Черемиса же умирающи кленяху казанцевъ: «Дабы вамъ по нас та же горкая смерть приняти и женам вашимъ, и дѣтем».

И повелѣ царь князь великий ополчитися воемъ и ко граду приступати, и всякия хитрости и замышления бранемъ творити на взятие града: и чинить *грады* приступныя и многия туры великия, и насыпати землею, и болший наряд стѣнобитный готовити. И здѣланным бывшим вскорѣ многимъ туром и всему наряду огненому уготовленну, и повелѣ грады тыя и туры великия, и пушки блиско прикатити ко стѣнамъ граднымъ, а иныя ставити по Казани рѣке, по брегу, и по-за Булаку, и по рвомъ около града, и бити по стенам граднымъ со всѣх странъ из великих пушекъ, ядра имѣющимъ в колѣно человеку и в пояс, и паче же из огненных пищалей болших многих, и из луков тмочисленных стреляти внутрь града день и нощь. И самъ яздяше по полком своим нощию и в день, понуживая и поучевая къ приступу вои, дары имъ и почести обѣщевая.

Стѣнобитнии же бойцы и огненыя же стрелцы со тщаниемъ великим и не ленящеся повелѣнная имъ творяху и бияху отвсюду по стѣнам безпрестани. Такоже и вси конники и пѣшцы ополчахуся и ко граду приступаху по вся дни и брани силния творяху, еже довлѣет ратным творити. И покушахуся силою взыти на стѣны, и не припущаху их казанцы, но крѣпце боряхуся с конники и с пѣшцы. От пушечнаго стрѣляния не можаху стояти на стѣнах, но збѣгаху з града и западываху за стѣны, и напрасно из наряду своего не стреляху, но готов заряженъ держаху,

них панцири и доспехи. Те же, словно юноши, бились отважно. Но пугливо женское естество, и сердца у них, хоть и варварские, мягкие, не выдерживали вида кровавых ран.

И начали казанцы укреплять город, и заложили все городские ворота камнями и землею, и заперлись со всеми людьми в городе. А в доступных для штурма местах поставили они охранять город надежных воевод с пушками и пищалями, чтобы каждый воевода наблюдал за своей стороной, и крепко ее стерег, и устраивал, и приготовлял все необходимое для ведения боя, и надеялись они таким образом выстоять, как и до этого спасались они много раз.

Царь же великий князь, видя, что казанцы непреклонны к его увещаниям, и поносят его, и гордятся, и не хотят мириться с ним, и готовятся к бою, преисполнился сильным гневом, и разжегся великою яростью, и прежнее свое милосердие к ним обратил в гнев. И осудил он на смерть всю взятую в острогах черемису — до семи тысяч человек: одних около города посадили на колья, других подвесили вниз головой за одну ногу, некоторых — за шею, а иных застрелили на устрашение казанцам, чтобы те, увидев злогорькую смерть своих людей, испугались и сдали ему город и смирились. Черемиса же, умирая, проклинала казанцев: «Чтобы вам после нас принять такую же горькую смерть, и женам вашим, и детям!»

И повелел царь великий князь вооружиться воинам, и подступать к городу, и сооружать разные боевые приспособления и устройства для взятия города: ставить предназначенные для штурма городки и многочисленные большие туры, насыпать их землей и готовить большой стенобитный наряд. И когда вскоре построены были многочисленные туры и приготовлен весь огневой наряд, повелел он городки те, и большие туры, и пушки близко подкатить к городским стенам, а другие расставить по Казани-реке по берегу, и за Булаком, и вдоль рвов около города и бить со всех сторон по городским стенам из больших пушек, ядра у которых были высотой по колено и по пояс человеку, кроме того, стрелять день и ночь из многочисленных больших огненных пищалей и из бесчисленных луков внутрь города. И сам объезжал он ночью и днем полки свои, понуждая воинов к приступу и наставляя их, обещая им дары и почести.

Стенобитные же бойцы и пищальники с большим старанием и не ленясь исполняли приказанное им и беспрестанно отовсюду били по стенам. Также и все конные и пешие бойцы вооружались и каждый день приступали к городу и вели яростные бои, что и подобает делать воинам. Пытались они и на стены подняться, но не подпускали их казанцы и крепко бились с конными и с пешими. Из-за пушечной стрельбы не могли они стоять на стенах, но сбегали с городских стен и прятались за ними и попусту из своего наряда не стреляли, но держали его наготове заряженным,

ждуще ко граду великаго приступа всѣх рускихъ вой. И егда приступаху ко граду вои вси руския великим приступом, конники и пѣшцы, и они тогда вси на стѣны вскакаху и бияхуся з града ис пушекъ своих и ис пищалей, и из луков стреляху, и колиемъ изоостренныть, и камениемъ бросаху, и смолою, и водою кипящею в котлѣх на подскакающия *воины блиско* к стѣне возливаху, и брани силнии творяху, и крѣпцы бываху, смерти не боящеся. И елико можаху, и противляхуся, и отгоняху прочь, и отбиваху от града все московское воинство, и мало их побиваху заступлениемъ же всемилостиваго бога нашего.

И от пушечнаго и от пищалнаго гряновения, и от многооружнаго скрежетания и звяцания, и от плача и рыдания градских людей — и жен, и дѣтей — и от великаго кричания, вопля и свистания, и от обоих вой ржания и *топота* конскаго, яко велий громъ, и страшенъ звукъ далече на руских предѣлех за 300 верстъ слышашеся, и не бѣ ту слышати лзѣ что друг со другом глаголати. И дымный мракъ зелный восхожаше вверхъ и покрываше град и руския вои вся. И нощъ, яко ясный день, просвѣщашеся от огня, и невидима бяше тма нощная, и день лѣтний, яко темная нощъ осенная, бываше от дымнаго воскурения и мрака.

И 12 великими приступы ко граду приступаху вси вои руския, конники и пѣшцы, и по 40 дней бияху в стѣны града день и нощъ, и по вся дни притужающе, и не дающи от труда поспати казанцемъ, и многи козни стѣнобитныя замышляющи, и много трудящеся, ово тако и ово инако, и ни успѣша ничимъ же град вредити. Но яко великая гора каменная тверда, стояше град и неподвижимо, ни откуду же от силнаго биения пушечнаго ни шатаяся, ни позыбаяся. И не домышляхуся стѣнобитнии бойцы, что сотворить граду.

ГЛАГОЛАНИЕ О КАЗАНИ ВОЕВОД К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И МОЛЕНИЕ ЕГО К НИМЪ. ГЛАВА 66

Князи же и воеводы московския, такоже видѣвше неослабление казанцевъ, и стоснувше многажды. И глаголаху самодержцу, егда на думу к нему в станъ приѣзжаху поутру: «Видим, господи царю, яко уже лѣто преходит и осень и зима приближается, а путь намъ с тобою на Русь итти далекъ есть и тяжекъ, а казанцы нимало дѣлом послабляют, но зѣло крѣпце стоят и паче готовятся, а запас кормовый — твой и нашъ — весь по Волзѣ потонулъ, разбившимся ладиямъ от вѣтра. Да на что ся надѣемъ и откуду брашно возмем на люди своя? А в Казанъской земли во всей нимало обрѣтают кормовъ посылаемыя вои наши, всюду бо пусто, повоевана бѣ. Подобно же есть тебѣ нынѣ послушати

дожидаясь большого штурма города всеми русскими воинами. И когда подступали к городу все русские воины для большого штурма, конные и пешие, тогда они все вскакивали на стены, и били с них из своих пушек и из пищалей, и стреляли из луков, и бросали в них заостренные колья и камни, и выливали из котлов кипящую смолу и воду на воинов, близко подскакавших к стене, и завязывали жестокие бои, и крепко стояли, не боясь смерти. И, сколько могли, сопротивлялись они, и отгоняли прочь, и отбивали от города все московское воинство, но немногих убивали благодаря заступничеству всемилостивого нашего бога.

И от пушечных и пищальных залпов, и от скрежета и бряцания многочисленного оружия, и от плача и рыданий горожан — женщин и детей,— и от громких криков, вопля и свиста, и от ржания и топота коней тех и других воинов далеко слышен был по русским пограничным землям, за триста верст, словно сильный гром, страшный шум, и нельзя было тут ничего расслышать, что друг другу говорили. И дымная пелена от пороха поднималась вверх и покрывала город и всех русских воинов. И ночь, словно ясный день, светлела от огня, и не видно было ночной тьмы, а летний день от дымных воскурений и мрака становился подобен темной осенней ночи.

И двенадцать раз подступали к городу все русские воины, конные и пешие, штурмуя его, и в течение сорока дней били по городским стенам день и ночь, ежедневно досаждая казанцам, не давая им поспать после ратного труда, замышляя многочисленные стенобитные козни и много трудясь, иногда так, иногда иначе, но ничем не смогли они повредить городу. И стоял он твердо и непоколебимо, словно большая каменная гора, ни в каком месте от сильной пушечной стрельбы не шатаясь, не колеблясь. И не могли придумать стенобитные бойцы, что сделать с городом.

СЛОВО ВОЕВОД К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ О КАЗАНИ И ЕГО ПРИЗЫВ К НИМ. ГЛАВА 66

Князья же и воеводы московские также видели, что не слабеют казанцы, и сильно затосковали. И говорили они самодержцу, когда поутру съезжались к нему в стан на совет: «Видим мы, господин царь, что лето уже подходит к концу и приближаются осень и зима, а путь нам с тобою на Русь далек и тяжек, а казанцы нисколько не ослабели, но еще крепче стоят и снова готовятся к бою, а все съестные припасы — твои и наши — потонули в Волге, когда ветром разбило ладьи. На что же мы надеемся и где возьмем пищу для людей своих? Ведь во всей Казанской земле посылаемые нами воины не находят никакого корма, ибо всюду в ней пусто, разорена она. Следует тебе теперь послушать

нас и оставити во градѣ Свияжскомъ немногия воя, а от Казани отступити, и на Русь возвратитися со всѣми силами, зане приходит не время, яко да не со всѣми здѣ напрасно гладомъ изомремъ, а оставших живых казанцы избиют». И немного не отведоша от Казани, смутивше ему сердце, но богъ укрѣпи его, хотя Казань предати ему.

Онъ же рече имъ: «Да кая похвала намъ будетъ, о великия моя воеводы, ото всѣх языкъ, стужающих намъ! И почто рано страшливи есте, ничесо же мало скорбная приимши? И что рекут намъ врази наши? И кто не посмѣется намъ, часто приходящим и с таким тяжкимъ нарядомъ поднимающимся, и всегда велико дѣло начинающим и не совершающим, ничтоже добра успѣвающим, но токмо труд великъ себѣ доспѣвающи?! И како несмысленни есте рцете ми: себѣ ли ради единаго аз тако труждаюся и сице стражду, не общия ли ради ползы мирския? И не ваша ли есть и моя вся держава Руская земля? И над вами аз, единъ токмо имя царское имѣя и вѣнецъ нося, и багряницу, и небезсмертен ли есмь? И не трилакотный ли мене ждет гроб, яко всѣх человекъ? Но хощу завѣта моего, богу попущающу ми, и с вами дерзновению на нас поганых воспретити. Или не помните глаголъ своих, когда еще в полатѣ моей на Москвѣ совѣтовах с вами, вы же добре ми рекосте: «Дерзай и не бойся! И царствовати с тобою, и умрети готовимся»? И сердце ми тогда возвеселисте, нынѣ же опечалисте.

А о хлѣбе что печетеся? Не может ли богъ кормить нас малыми хлѣбы, яко древле иногда от 5 хлѣбов 5 000 народа иудѣй напита? Или не искусиста милости божия, како иногда сѣмо приходящимъ намъ, и мнози наши людие и кони, ядше и пивше воды здѣшния из рѣкъ сих, умираху, долго болѣзнию болѣвше; нынѣ же богъ услади воды сия, паче меда и млека, и здравие велико воемъ своимъ подаде и конемъ, паче своея земли. И потому мыслим, яко хощетъ богъ предати град в руки наши за грѣхи казанцевъ.

И вѣсте сами болѣ мене: кто вѣнчается без труда? Земледѣлец убо тружается с печалию и со слезами, жнетъ бо веселиемъ и радостию; и купец такоже оставляет домъ, жену и дѣти и преплаваетъ моря, и преходит в далния земли, ища богатства, и егда обогатѣет и возвратится, и вся труды от радости забывает и покой приемля з домашними своими. Да то видяще, потерпим мало еще, и узрите славу божию. И молюся вам, господие мои, к тому по сий час не стужайте ми о семъ, да умру с вами здѣ, на чюжей земли, а к Москвѣ с поношением и со студомъ не возвращуся! И лутчи есть намъ единою умрети и пострадати кровию за Христа и похвалны быти в роды или побѣдившимъ великая благая приобрѣсти! И да возмемъ едино:

нас и оставить в городе Свияжске немного воинов, а от Казани отступить и со всеми силами возвратиться на Русь, поскольку подходит неблагоприятное время, дабы все мы здесь понапрасну не умерли с голоду, а оставшихся в живых не перебили казанцы». И едва не отвели они его от Казани, смутив ему сердце, но бог укрепил его, желая предать ему Казань.

И ответил он им: «Как же похвалят нас, о великие мои воеводы, все народы, досаждающие нам! Почему раньше времени стали вы боязливы, еще совсем мало тягот испытав? И что скажут о нас враги наши? И кто не посмеется над нами, часто приходящими сюда и привозящими такой тяжелый наряд и всегда великое дело начинающими, но не совершающими его, ничего доброго сделать не успевающими, только обременяющими себя тяжким трудом?! Говорите вы мне, словно неразумные: для себя ли одного так тружусь я и так страдаю, не общей ли ради пользы мирской? И разве не ваша это и не моя держава — Русская земля? И я, стоящий над вами, единственный, у кого царское имя, венец и багряница — разве бессмертен я? И разве не ждет меня такой же гроб в три локтя, как всякого человека? Но хочу исполнить я завет свой, ибо бог помогает мне, и вместе с вами положить конец дерзости поганых. Или не помните вы слов своих, когда еще в палате моей, в Москве, советовался с вами и вы хорошо сказали мне: «Дерзай и не бойся! И царствовать с тобой и умереть готовимся»? И развеселили вы мне тогда сердце, теперь же опечалили.

А о хлебе что печетесь? Разве не сможет бог прокормить нас малыми хлебами, как некогда в древние времена пятью хлебами напитал он пять тысяч иудеев? Или не распознали вы милость божию: вспомните, как раньше, когда приходили мы сюда и многие наши люди и кони, поев и попив здешней воды из этих рек, умирали после долгой болезни; теперь же бог усладил воды эти, сделав их вкуснее меда и молока, и ниспослал он крепкое здоровье воинам нашим и коням, даже лучшее, чем имели они в своей земле. И потому думаем мы, что за грехи казанцев хочет бог предать город в наши руки.

И знаете вы лучше меня: кто вознаграждается без труда? Земледелец трудится с печалью и со слезами, зато жнет с веселием и радостью; также и купец оставляет дом, жену и детей, и переплывает моря, и доходит до дальних земель, ища богатства; когда же разбогатеет и возвратится, то все труды от радости забывает, обретая покой с домашними своими. Помня об этом, потерпим же еще немного, и узреете вы славу божию. И потому молю вас, господа мои: не требуйте этого от меня сейчас, да умру с вами здесь, на чужой земле, а в Москву с поношением и со стыдом не возвращусь! Лучше нам всем вместе умереть, и пострадать кровью за Христа, и прославиться в будущих поколениях или, победив, великие блага приобрести! Так возьмем

или сладкую чашу с питием, или пролиемъ — или одолѣемъ, или одолѣни будем». И *поклонихся* имъ до земли.

Они же укрѣпишася молением его и учениемъ и сократиша рѣчи своя, да не паче разгнѣвают его.

ПОХВАЛА ЦАРЮ ШИГАЛЕЮ И КНЯЗЮ СИМЕОНУ. ГЛАВА 67

Единъ бо царь Шигалей и князь Симеонъ тии самодержца укрѣпляху, втай, наедине, никакоже потачити воеводам, смущающим его и обленевающимся служити, и не отступити от Казани, не вземше град. Онъ же слушаше, аки отца, Шигалея, а князя Симеона, аки брата.

Бѣ бо царь Шигалей в ратномъ дѣле зѣло прехитръ и храбръ, яко инъ никто же таков *во* всѣх *царѣх,* служащих самодержцу, и вѣрнейши всѣх царей вездѣ и вѣрных наших князей и воевод служаше, и нелестно за християны страдаше весь живот свой до конца. Да никто же мя осудит от вас о семъ, яко единовѣрных своих похуляюща и поганых же варваръ похваляющи: таков бо есть, яко и вси знают его и дивятся мужеству его, и похваляют. Той предлежаше крепчае всѣх о Казани по старой враждѣ своей на нь и совѣтоваше самодержцу о взятии града непрестанно.

Тако же и прехвалны и превеликий воевода князь Симеон вся превзыдѣ воеводы и полконачалники храбростию и твердостию ума своего, и мудрых ради совѣтов его любимь бѣ царю и великому князю. И всѣм показася красота и похвала московскимъ воеводам, старымъ же и новымъ, и всѣмъ рускимъ, доброратенъ воевода, побѣдами многими сияя. И мнози рустии вои и противнии ратницы видяху его издалеча, егда на брани в полцѣх снемшихся, аки огненна всего яздяща на конѣ своемъ, и мечь, и копие его, аки пламень, метающися на страны и сецающи на противных, и творяше улицы, и коня его *мнѣти*, аки змия, крылата, летающи выше знаменъ. Противнии же видѣша се и скоро бѣгаху от него вси, не могуще ни мало стояти противу его, страхом одержими, и мняще его быти не человека, но аггела божия или святых нѣкоего поборника рускаго.

Но, о прегоркая смерти злая, не милующа красоты человеча, ни храбра мужа щадящи, ни богата почитающи, ни царя, многими владѣющаго, боящися, но вся равно от жития сего поемлющи и в трилакотнемъ гробѣ темнем полагаше, и землею засыпаны. И кто может от пресилния твоея крѣпости избѣжати? И гдѣ тогда красота, храбрость и величания — все мимо иде, аки сонъ.

Въ 7 же лѣто по взятии казанскомъ, мужественне воевав на ливонския нѣмцы, и смертную язву оттуду на вые своей принесе, и скончася на Москвѣ въ 50 же лѣто вѣка своего, не достигъ совершенныя старости, оставив самодержцу печаль велику

же сладкую чашу с питием и либо выпьем ее, либо прольем — или одолеем, или будем побеждены!» И поклонился он им до земли.

Они же укрепились словом его и поучением и прекратили речи свои, дабы еще больше не разгневать его.

ПОХВАЛА ЦАРЮ ШИГАЛЕЮ И КНЯЗЮ СЕМЕНУ. ГЛАВА 67

Только царь Шигалей и князь Семен тайно, когда были с ним наедине, поддерживали самодержца, чтобы он не потрафлял воеводам, смущающим его и ленящимся служить, и не отступал бы от Казани, не взяв города. Он же слушался Шигалея, как отца, а князя Семена, как брата.

Был ведь царь Шигалей в ратном деле весьма искусен и храбр, как никто другой среди всех царей, служащих самодержцу, и вернее всех царей и правоверных наших князей и воевод служил он ему, и нелицемерно страдал он за христиан всю свою жизнь до самого конца. Да не осудит меня никто из вас за то, что единоверцев своих хулю, а поганых варваров восхваляю: таков он есть на самом деле, и все знают его, и дивятся мужеству его, и восхваляют. Он больше всех беспокоился о Казани по старой вражде своей с нею и непрестанно советовал самодержцу взять город.

Также и достойный похвалы знатнейший воевода князь Семен превзошел всех воевод и полководцев храбростью и твердостью ума и был любим за мудрые советы царем и великим князем. И отличался он, мужественный воевода, среди всех московских воевод, старых и новых, и всех русских воинов красотой и честью, сияя многими победами. И многие русские воины и вражеские бойцы видели издалека, когда сходились во время боя полки, как скачет он, словно огненный, на своем коне, и меч его и копье, словно пламень, во все стороны обрушиваются на врагов и посекают их, пробивая в них улицы, и конь его, казавшийся змеем крылатым, летает выше знамен. Враги же, видя это, вскоре все убегали от него, не в силах устоять против него, одержимые страхом, думая, что он не человек, а ангел божий или какой-нибудь святой, защитник русских.

Но — прегорькая, злая смерть, ни красоты человеческой не милующая, ни храброго мужа не щадящая, ни богатого не почитающая, ни царя, над многими властвующего, не боящаяся, но всех равно из этой жизни забирающая и в темный гроб кладущая трехлокотный, засыпаемый землей! И кто может избежать крепкой твоей хватки? И куда девается тогда красота, храбрость и слава — все мимо проходит, словно сон.

И в седьмой год после взятия Казани, мужественно сражаясь с ливонскими немцами, принес он оттуда на шее своей смертельную рану и скончался в Москве на пятидесятом году своей жизни, не достигнув настоящей старости, оставив самодержца

и всѣмъ воеводам на многи дни, понеже ратникъ бѣ велий и мужественнѣ зѣло.

И проводи его до гроба самодержецъ самъ с плачемъ и со слезами. И положенъ бысть во отечествии своемъ, в Никулине, в новосозданней от него церкви каменной. Яко смерти его ради скращу же рѣчь, и первие къснуся: жалобость ми душевная, и сладкая любы его ко мнѣ глаголати о немъ и до смерти моея понужает.

О ПОСЛАНЫХ ЧЕРНОРИЗЦЕХ ИЗО ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦЫ СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ. ГЛАВА 68

И приидоша в то время в Казань два инока, посланы игуменомь ко благовѣрному царю, и носяще святую икону, на ней же написанъ образ живоначалния Троицы и пресвятыя богородици со двѣма апостолы — видѣние Сергиа чюдотворца, и просвиру, и воду святую. Царь князь великий с великою радостию святую икону приемлет и прочая и таковая втайне тайно свѣдящему богу моление от сердца приносит. «Слава тебѣ,— глаголаше,— создателю мой, слава тебѣ, яко в сицѣвых в далних странах варварских зашедшаго посещаеши мене, грѣшнаго. На сию бо икону твою взираю, яко на самаго бога, и милости и помощи от тебѣ непрестая прошу и всему воинству моему, твой бо есмь аз рабъ, и вси людие твои — грѣшнии раби твои. Ущедри, владыко, и помилуй милостиве, и подай же намъ побѣдителная на враги наши».

И на Пречистыя образ такоже взирая, глаголаше: «О пресвятая госпоже богородице, помогай намъ ныне, грѣшным рабом твоим, и моли владыку Христа, бога нашего, да подастъ намъ побѣду на противныя. И ты убо, преподобне отче Сергие, великий христовъ угодниче, ускори ныне на помощъ нашу и помогай молитвами си, яко же иногда прадеду нашему на Дону на поганаго Мамая».

И от того дне, во нь же икона прииде, вся благочестивому царю от господа радость и побѣда даровашеся. И нача недоставати во градѣ пушечнаго зелия до толика, яко ни единою стрелити, и прискорбни бывше казанцы до смерти.

О ПРИШЕДШИХ ФРЯЗЕХ КО ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 69

И се внезапу тогда посла богъ ко царю-самодержцу, яко аггела своего ко Исусу Навину разорити стѣны Иерихонския, магнитомъ утверженныя, тако и здѣ приведено выхитренныя мудрецы фрязи иноземца служити ему. И повелѣ их царь князь великий поставити пред собою. Фрязи же, ставше пред нимъ и видѣвше лице его, и падше, поклонишася ему до земли. Царь же, видѣвъ их честныи мужи и взоромъ добры, и сказа имъ крѣпость града и непослабление казанцевъ.

и всех воевод на много дней в большой печали, поскольку был он искусный и очень мужественный воин.

И проводил его до могилы сам самодержец с плачем и со слезами. И был он погребен на своей родине — в Никулине, в им самим построенной новой каменной церкви. Поведав о смерти его, закончу я рассказ и к началу вернусь, однако печаль душевная и нежная любовь его ко мне понуждают меня говорить о нем до самой моей смерти.

О ЧЕРНОРИЗЦАХ, ПОСЛАННЫХ ИЗ ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ. ГЛАВА 68

И пришли в то время в Казань два инока, посланные игуменом к благоверному царю, и принесли святую икону, на которой написан был образ живоначальной Троицы и пресвятой Богородицы с двумя апостолами — видение Сергия-чудотворца, и просфору, и святую воду. Царь же великий князь с большой радостью принимает святую икону и прочее и мысленно произносит из глубины своего сердца моление к богу, которому ведомо все тайное. «Слава тебе,— говорил он,— создатель мой, слава тебе за то, что посещаешь меня, грешного, зашедшего в эти дальние варварские страны. Ибо смотрю я на эту твою икону, как будто на самого бога, и не переставая прошу у тебя милости и помощи себе и всему моему воинству, ведь я — раб твой, как и все люди — грешные твои рабы. Будь же щедрым, владыка, смилуйся над нами и пошли нам победу над врагами нашими».

А глядя на образ Пречистой, говорил он так: «О пресвятая госпожа богородица, помогай нам теперь, грешным твоим рабам, и моли владыку Христа, бога нашего, чтоб послал он нам победу над врагами. И ты, преподобный отец Сергий, великий христов угодник, поспеши теперь к нам на помощь и помогай молитвами, как когда-то прадеду нашему на Дону против поганого Мамая».

И с того дня, когда прибыла икона, была дарована благочестивому царю от бога вся радость и победа. И стало не хватать в городе пороха до такой степени, что не могли казанцы выстрелить ни одного раза и смертельно страдали от этого.

О ФРЯГАХ, ПРИШЕДШИХ К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. ГЛАВА 69

И внезапно прислал тогда бог к царю-самодержцу, так же, как когда-то ангела своего к Иисусу Навину разрушить Иерихонские стены, магнитом укрепленные, искуснейших иноземных мастеров-фрягов, чтобы послужить ему. И повелел царь великий князь привести их к себе. Когда же фряги предстали перед ним и увидели его лицо, то пали перед ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости города и о стойкости казанцев.

Они же рѣша ему: «Не печалуйся, господи царю, мы скоро и малыми дни, аще волю подаси нам, от основания низложимъ град, и наше есть дѣло сие, и на то приидохом, еже послужити богу и тебѣ». Онъ же, слышав сия от фряз, и радости наполнися, и одари их по премногу златомъ и сребромъ, и свѣтлыми портищи. И повелѣваетъ имъ таковая вборзе творити.

Хитрецы же со усердиемъ яшася по сие дѣло. «И мощно быти сим,— глаголаху,— и аще не тако, или гладом выстояти его, то не возмется инако ничимъ же град сей». И преже учиниша стрелцемъ с четырех странъ града башни 4 фряским обычаемъ — с камениемъ и з землею, крѣпки и высоки, с треми бои: с верхнимъ и среднимъ, и нижнимъ, да сѣдяще в них огненныя стрелцы премѣнныя и оттуду, с высоты, аки с неба, во град стреляху и улучаху, и убиваху многих внутри града, ходящих и во храминах живущих: мужей и женъ, и дѣтей, яко не смѣти имъ в день по улицам их соватися и ни чрез двор свой из храмины во храмину прескочити по какое убо оружие. И се бысть казанцемъ злѣе всех замышлений приступных.

И совершивше башни хитрецы и мосты на рвѣх и чрез рѣки мудростию великою, и вскоре другому дѣлу болшому касаются, его же преж того никто же на Руси видал. И почаша нощию тайно копати глубокия рвы под Казань-град с восточныя страны, под глубокую ону стремнину от Арского поля, с приѣзда х Казани. И не вѣдущим казанцемъ дѣла сего. И от наших вой никому же не вѣдущу, токмо воевод и дѣлателей, иже кои дѣло сие дѣлаху, но и тии укреплени никому же дѣла того повѣдати, измѣнных для наших лестцов, да не свѣдавше казанцы, и того устрегутся.

Ис тѣх же единъ бѣ нѣкто от приставникъ, воинъ полка царева, родомъ Колужска града, именем Юрьи Булгаковъ, лют сый и неправеденъ, яко и во отечествии своемъ сожитствующих ему сосѣд насильствоваше и грабляше, и озлобляше, и землю у них отводяше, и ко своей земли прилагаше. Его же за злонравие не любляше самодержецъ и многажды смиряше его. Сей же беззаконный за нелюбие то гнѣвашеся на государя своего и царя и хотѣ, аки невѣрный, злое прелагатайство сотворити. И написавъ грамоту, на стрелѣ и пусти ю в Казань ко царю, яко да град и люди своя крѣпит и самъ не страшится, сказуя ему мѣста подкопная и отступление от града царя и великаго князя вборзѣ, и во всѣх воех скорбь велику, кормли ради и потопление на Волге. «Да егда,— рече,— царь князь великий от Казани отступит, азъ же мало проводивъ его, и буду к тебѣ в Казань служити. Ты же буди мя брещи и любя раба твоего».

Они же ответили ему: «Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город,— ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы послужить богу и тебе». Он же, услышав это от фрягов, наполнился радостью и щедро одарил их золотом, и серебром, и красивыми одеждами. И повелевает им срочно приступить к делу.

Мастера же с усердием взялись за работу. «Либо таким способом,— говорили они,— либо выдержав его в голоде, только и можно взять этот город». Прежде всего по фряжскому способу возведены были стрелками с четырех сторон города четыре башни из камня и земли, крепкие и высокие, с тремя рядами бойниц: верхним, средним и нижним, дабы сидели в них, сменяя друг друга, стрелки из пушек и пищалей и оттуда, с высоты, словно с неба, стреляли по городу и, прицелившись, многих бы убивали внутри города — мужчин, женщин и детей, ходящих по улицам и сидящих по домам, чтобы не смели они днем метаться по улицам или перебегать по двору из дома в дом по какому-нибудь делу. И было это для казанцев хуже всякого штурма.

Когда же построены были мастерами с большим умением башни и мосты через рвы и реки, взялись они вскоре за другое большое дело, которого никто прежде того на Руси не видал. И начали они тайно по ночам копать глубокие рвы под город Казань — с восточной стороны, под крутую стремнину, что находилась со стороны Арского поля, откуда был подъезд к Казани. Казанцы же ничего не знали об этом. И среди наших воинов никто не знал, только воеводы и строители, занимавшиеся этим делом; но и тех уговорили никому о нем не рассказывать, опасаясь двуликих наших изменников, дабы казанцы, проведав от них об этом, не обезопасили бы себя.

Из них же был один некто из числа начальников, воин царского полка родом из города Калуги, по имени Юрий Булгаков, свирепый и несправедливый, который и в отечестве своем притеснял живущих рядом с ним соседей: грабил их, озлоблял, отбирал у них земли и присоединял к своим. За злонравие не любил его самодержец и много раз смирял его. Этот же беззаконный за нелюбовь ту гневался на государя своего и царя и захотел, как неверный, совершить злое предательство. И, написав грамоту, пустил ее на стреле к царю в Казань, говоря в ней, чтобы укреплял он город и людей своих, сам же не страшился, сообщив ему места подкопов и уведомив о скором отступлении от города царя и великого князя и о сильных мучениях воинов из-за отсутствия съестных припасов, потонувших в Волге. «Когда же,— писал он,— царь великий князь от Казани отступит, я, немного проводив его, приеду в Казань служить тебе. Ты же будешь беречь и любить меня, раба твоего».

Но что может человекъ сотворити, аще не богъ попустит его? Казанцы же паче о семъ укрѣпишася, искаху в тѣх мѣстех подкопов и не обрѣтоша, богу укрывшу.

И вборзѣ хитрецы повелѣнное *ими* дѣло в седмый день стройно и спѣшно скончаша, изготовиша тайныя рвы в трех мѣстех под градными стѣнами, яко дивитися самодержцу и княземъ, и воеводамъ его новой мудрости той. Бойцы же пушечныя из-за туров не приступающе, но в стѣны града бияху изо всего наряду великаго — ис пушекъ болших и ис пищалей, да не познани будутъ копающиися под град.

Казанцы же, старыя и недужныя, не бойцы, и они, аки мыши, в погребѣх своих и по норамъ земным ископающися глубоко, и ту от стрѣляния избываху, и в пещерах тѣх живых сокрывшеся з женами и з дѣтми, и не являющеся, и на свѣт не исходяще из ямъ тѣх на многи дни.

ЧЮДО СВЯТЫХ АПОСТОЛЪ И СВЯТАГО НИКОЛЫ, КАКО ЯВИШАСЯ НА ВОЗДУСЕ И БЛАГОСЛОВИША ЗЕМЛЮ ОНУ И ГРАД КАЗАНЬ, ДА ВСЕЛЯТСЯ В НЕМ ПРАВОСЛАВНИИ ХРИСТИАНЕ. ГЛАВА 70

Пред взятиемъ же града Казани многа чюдеса показа всемилостивый богъ угодники своими, великими апостолы 12-ми и великим чюдотворцем Николою, и преподобнымъ Сергиемъ.

Некий убо человекъ от болярских людей раненъ велми у града лежаше, за туры, боленъ, язвами изнемогая, и мало от болѣзни в сонъ тонокъ свѣденъ бысть. И видѣ над градомъ сияющий велий свѣтъ и во свѣте томъ на воздусѣ 12 апостолъ стоящих. И се прииде к ним от востока муж свѣтел стар во одежди святительской, великимъ же свѣтомъ сияя. И поклонися пред апостолы, глаголя: «Радуйтеся, ученицы и апостолы господа нашего Иисуса Христа». И отвещаша ему апостолы: «Радуйся и ты, угодниче христовъ Николае».

И нача святый Николае молити святых апостолъ: «Ученицы Христовы, молите спаса Христа и благословите мѣсто сие, и освятится град, и да вселятся в немъ православнии людие и во вѣки поживут». И отвещаша ему апостоли: «Но да вкупѣ с тобою помолимся, угодниче божий Николае, егда услышит нас богъ и помилует люди своя». И обратишася на востокъ, и помолишася мало, и глас прииде к нимъ от востока с небесе, глаголя: «Се услыша господь молитву вашу, и отныне буди благословенъна земля сия и град сей, и да прославится на мѣсте семъ имя мое, Отца и Сына и святаго Духа». Апостолы же и Николае святый обратившеся и благословиша мѣсто оно и град, и невидими быша.

Воин же той болный, видѣв и слышав сия вся, и страхом великим одержимъ, и возбнув от видѣния, и повелѣ к себѣ отца духовнаго

Но что может сделать человек, если бог воспротивится ему? Казанцы же, ободрившись, искали подкопы в указанных местах и не нашли, ибо укрыл их бог.

И вскоре, на седьмой день, быстро и хорошо завершили мастера порученное им дело, выкопав в трех местах тайные рвы под городскими стенами, и подивился самодержец с князьями его и воеводами новой той мудрости. Бойцы же, находившиеся при пушках, в это время не выходили из-за туров на штурм города, а били изо всего большого наряда — из пушек и из пищалей — по городским стенам, чтобы не было слышно, как ведется подкоп.

Казанцы же, старые и больные, не бойцы, словно мыши, глубоко зарывшись в погребах своих и земляных норах, прятались там от стрельбы, скрывались в спасительных пещерах тех с женами и детьми, по многу дней не появляясь и не выходя на свет из этих ям.

ЧУДО СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ И СВЯТОГО НИКОЛЫ: ЯВЛЕНИЕ ИХ НА ВОЗДУХЕ И БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИМИ ЭТОЙ ЗЕМЛИ И ГОРОДА КАЗАНИ, ДАБЫ ПОСЕЛИЛИСЬ В НЕМ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ. ГЛАВА 70

Перед взятием же города Казани много чудес показал всемилостивый бог через своих угодников — двенадцать великих апостолов, и великого чудотворца Николу, и преподобного Сергия.

Некий человек боярского рода, тяжело раненный, лежал за турами недалеко от города больной, изнемогая от ран, и от боли ненадолго забылся в чутком сне. И вот видит он над городом яркое сияние и в том свете стоящих над землей, в воздухе, двенадцать апостолов. И приходит к ним с востока светлый старец в святительской одежде, окруженный ослепительным сиянием. И поклонился он апостолам со словами: «Радуйтесь, ученики и апостолы господа нашего Иисуса Христа!» И отвечали ему апостолы: «Радуйся и ты, угодник христов Николай!»

И начал святой Николай умолять святых апостолов: «Ученики Христовы, молите спасителя Христа и благословите место это, да освятится город и да вселятся в него православные люди и будут жить века». И отвечали ему апостолы: «Помолимся же вместе с тобой, угодник божий Николай, тогда услышит нас бог и помилует людей своих». И обратились они на восток, и немного помолились, и раздался с неба голос с восточной стороны, обращенный к ним: «Господь услышал молитву вашу: будь же отныне благословенна эта земля и город этот и да прославится в месте этом имя мое, Отца и Сына и святого Духа». Апостолы же и святой Николай повернулись и благословили то место и город и стали невидимы.

Больной же тот воин, увидев и услышав все это, охваченный сильным страхом, очнулся от видения и попросил позвать к себе

призвати. И повѣда ему вся, еже видѣ и слыша, и всѣмъ ту предстоящимъ воином, самъ же причастився святых таин Христа, бога нашего, и преставися в той час.

ЧЮДО ВТОРОЕ СВЯТАГО НИКОЛЫ. ГЛАВА 71

Инъ же воинъ двора царева великаго князя видѣ во снѣ святаго Николу вшедша к нему в шатер его и возбуждающа его от сна, глаголя: «Востани, человече, и шед, рцы царю своему, ему же ты служиши, да приступает дерзновенно ко граду, всяко сумнѣние отложа, без всякаго страха, не леняся, в праздникъ пресвятыя богородицы честнаго ея Покрова, богъ бо предает ему град сей и противныя ему срацыны. Аз бо есмь Николае Мирликийский святитель и возвещаю ти сия».

Той же бояринъ убудився от сна своего и мняше сон зримое, а не истинно видѣние, и мечтание помышляше, и умолча, и никому же того повѣда того дня. Во вторую же нощъ и паки тому же христолюбивому мужу явися святый Николае и з запрещениемъ рече ему: «Не мни, человече, яко лож видѣние се, но истинну ти глаголю: востани скоро и повѣждь, яже ти преже возвестих». Онъ же воставъ и текъ, повѣда самому самодержцу.

ЧЮДО 3-Е ПРЕПОДОБНАГО СЕРГИА. ГЛАВА 72

Инии же от воин, благочестивии человецы, видѣша себѣ во снѣ во градѣ Казани, ту же старца видѣша в ветхих ризах чернеческих ходяща, браду же велию и густу сѣду, невелми же долгу, имущи, град и улицы, и площадь, и храмины самому ему метущу. И нѣцыи ту свѣтлии юноши предстояще глаголаша ему: «Како святый Сергий самъ сия твориши, повели убо сия иному измести». И рече имъ святый, яко: «Самъ убо аз измету их, заутра бо у мене многия гости будут здѣ: велиции, силнии, богатии и убозии».

По взятии же града от многих нечестивых казанцевъ извѣстно про святаго увѣдано бысть, како варвари они по многи дни и нощи видяху бо его явѣ по граду ходяща и град крестом осѣняюща, и метуща, яко же и преже написано бысть о нем. И таковая вся благочестивому царю возвѣстиша. Онъ же заповѣда никому же сих чюдес повѣдати, дондеже на немъ милость божия совершится. Самъ же безпрестани втайне бога моляше: «Ты убо, премилостивый господи Иисусе Христе, сыне божий, таковая вся вѣси и нас, раб твоих, помилуй по велицѣй твоей милости».

духовного отца. И поведал он ему и всем стоящим вокруг воинам все, что видел и слышал, сам же причастился святых тайн Христа, бога нашего, и тотчас же преставился.

ВТОРОЕ ЧУДО СВЯТОГО НИКОЛЫ. ГЛАВА 71

Другой же воин из придворных царя и великого князя увидел во сне, что вошел к нему в шатер святой Никола и начал будить его ото сна, говоря: «Вставай, человек, и пойди скажи царю своему, которому служишь, чтобы в праздник Покрова богородицы смело, без страха, не ленясь шел он на штурм города, оставив всякие сомнения, ибо бог предает ему этот город и врагов его сарацин. Я — святитель Николай Мирликийский и пришел возвестить тебе об этом».

Боярин же тот пробудился ото сна и подумал, что увиденное им — сон, а не действительность, и посчитал это видением, поэтому в тот день умолчал он о нем и никому об этом не поведал. На вторую же ночь Николай опять явился тому христолюбивому мужу и повелительно сказал ему: «Не думай, человек, что видение это — обман, истину говорю тебе, скорее вставай и поведай то, что возвестил я тебе прежде». Тот же, проснувшись, пошел и все рассказал самому самодержцу.

ЧУДО ТРЕТЬЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. ГЛАВА 72

Другие же воины, благочестивые люди, видели себя во сне в городе Казани, там же видели они старца в ветхой монашеской одежде с большой и густой, но не длинной седой бородой, ходящего и подметающего город, и улицы, и площадь, и дома. И некие находившиеся тут же добрые юноши говорили ему: «Зачем, святой Сергий, ты сам делаешь это? Повелел бы кому-нибудь другому подмести». И ответил им святой: «Лучше сам я вымету все, ибо утром будет здесь у меня много гостей: могущественных, сильных, богатых и бедных».

После же взятия города от многих нечестивых казанцев стало известно о святом, что в течение многих дней и ночей наяву видели его варвары, как ходил он по городу, осеняя его крестом и подметая, о чем уже писалось прежде. И рассказали обо всем этом благочестивому царю. Он же повелел никому не рассказывать об этих чудесах до тех пор, пока не свершится на нем милость божья. Сам же беспрестанно тайно молил бога: «Ты ведь, премилостивый господь Иисус Христос, сын божий, ведаешь обо всем, помилуй нас, рабов твоих, по великой твоей милости».

О УКРѢПЛЕНИЕ ВОЕМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ТОСКОВАНИЕ, И ПЛАЧЬ КАЗАНСКИХ ЖЕНЪ И ДѢТЕЙ. ГЛАВА 73

И объѣзжаше по вся дни почасту полки своя, моля и наказуя, и укрепляя вся князя и воеводы своя, и воя вся царскимъ словомъ своим, и утѣшая, и дары подавая, ядениемъ и питиемъ, удовляя, да не скорбят о подвизе и милости божия да не отлучаются.

И бѣ умилен позор видѣти по 3 дни до дне того, в он же день взятися граду, жены убо казанския и красныя девицы, яко на великъ нѣкий праздникъ свой или на женственый пир свѣдяще конецъ свой, и на смерть готовяхуся, жадающи лутчи умрети, неже долго мучитися и жити злѣ, и от пещер своих излазяще и облащахуся в тресвѣтлыя своя одѣяния златая, красующися и показующися руским воемъ. И аще бы имъ мощно, птицамъ или звѣремъ метнувшеся со стѣны летѣти и к ним бѣжати, но нѣсть лзѣ. И от утра даже и до вечера по 3 дни по стенам града хождаху, плачюще и гласомъ умилнимъ рыдающе, с родомъ своимъ и со знаемыми прощающеся, и видѣнием наслажахуся свѣта сего, сияния конечне зряху. И на великия полки руския и удивляхуся, и ужасахуся, толикая видяще множества руских полков и неизбытие, яко же иногда, и ненадежно отстояние свое от них.

И плакахуся материе сыновъ своих, и власы простерши, и перси своя открывающи, и нагия сосца показующи, и вопиющи: «О милая наша чада! Помяните болѣзни нашя, еже родяще вас, подъяхомъ и пища млечныя! Устыдитеся и пощадите старость нашу, и свою юность предобрую помилуйте, и престаните от брани сея, и главъ своих не кладите всуе, и с московскимъ царемъ смиритеся».

И вопияху такоже к мужем своим катуны, и горко плакахуся велми красоты и любве женъ и дѣтей своих не забывати, и моляху их повинутися московскому царю и град ему предати, и покоритися воли его, и встрѣтити его, изшедше со младенцы своими на руках держаще, и самым имъ руцѣ свои желѣзы и ужи превязавше, и в рубища раздранная одѣянным; аще и всѣм имъ предведеннымъ быти от земли своея на иную землю его или работа будет тяшкая, или дань ему неискупимая давати, давшеся на душу его, *то да вѣдаетъ* вся *он* и воля его буди, токмо да не вси вдруг погибнут, но *по них* бы хотя чада их осталися на память их имъ.

О ЗЛОБЕ КАЗАНЦЕВЪ И О ПОСЛѢДНЕМ ПОСЛАНИИ К НИМ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, И О МИЛОСЕРДИИ ЕГО. ГЛАВА 74

Они же, немилостивии и злии, отреваху их от себѣ прочь и не послушаху их; ни приклонишася, окаяннии, къ горким слезам родителей своих, и милых женъ не помиловаша и малых дѣтей своих,

ОБ ОБОДРЕНИИ ВОИНОВ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ И О ТОСКЕ И ПЛАЧЕ КАЗАНСКИХ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ. ГЛАВА 73

И объезжал он каждый день по многу раз свои полки, давая наказы князьям своим, и воеводам, и всем воинам, укрепляя их царским своим словом и утешая, одаривая и удовлетворяя в еде и питье, умоляя их не тужить о предстоящем великом и трудном деле, дабы не лишились они милости божьей.

За три же дня до того, когда был взят город, можно было видеть трогательное зрелище: казанские женщины и прекрасные девушки повылезали из пещер своих и разоделись, словно на какой-то большой свой праздник или на женский пир, в прекрасные свои золотые одеяния, красуясь в них и показываясь перед русскими воинами, ибо поняли они, что близок их конец, и готовились к смерти, желая лучше умереть, чем долго мучиться и жить в страданиях. И если бы могли они, то, как птицы, полетели бы или, как звери, метнулись бы со стен и побежали бы к русским, но это было невозможно. И ходили они с утра до вечера три дня по городским стенам, плача и жалостно рыдая, прощаясь с родственниками своими и знакомыми и наслаждаясь зрелищем этого света, в последний раз любуясь его сиянием. И удивлялись они и ужасались величине русских полков, видя такое их множество и сознавая, что невозможно спастись от них, как бывало в прошлом, и что мало надежды от них отбиться.

И умоляли матери с рыданиями сыновей своих, распустив волосы и груди свои открывая, нагие сосцы свои показывая, причитая так: «О милые наши дети! Вспомните о муках наших, которые перенесли мы, рожая вас, и о молоке, которым вскормили вас! Устыдитесь и пощадите старость нашу, и пожалейте прекрасную свою юность, прекратите войну эту и не кладите понапрасну голов своих, и с царем московским помиритесь».

Также и жены, горько плача, умоляли своих мужей не забывать о красоте и любви жен своих и детей, и подчиниться московскому царю, и сдать ему город, и покориться его воле, и встретить его, выйдя ему навстречу в разодранных одеждах, держа на руках младенцев своих и самим себе цепями и веревками связав руки; пусть даже всем им придется переселиться со своей земли в иную его землю, или предстоит им тяжелое рабство, или придется платить ему неискупаемые дани, но если они сдадутся на его милость, то, может быть, тогда не все они разом погибнут, но хотя бы дети их останутся в живых и будут памятью о них.

О ЗЛОБЕ КАЗАНЦЕВ, И О ПОСЛЕДНЕМ ПОСЛАНИИ К НИМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О МИЛОСЕРДИИ ЕГО. ГЛАВА 74

Они же, немилостивые и злые, отрывали их от себя и не слушали; и не склонились они, окаянные, перед горькими слезами родителей своих и милых жен и малых детей своих не пожалели,

но окаменишася сердца их непокорством и ожесточишася желѣзныя выя их несмирениемъ, наполненны бо суть злобы и лукавства, и всякия неправды. И мнящеся быти мудры, и обьюродѣвша, ослепи бо их злоба и лукавство их. И, яко хотѣша и рекоша, тако и сотвориша, и напрасно вси вдруг исчезнуша за беззаконие свое, яко египтянѣ: онѣх бо море потопи, сих же оружие пояде. И во своей крови потопишася, и спяти быша, и падоша, и поразишася неисцѣлнею язвою смертною, и отечества своего, и свободы, и славы испадоша, и всякаго благоденства, и господьствия лишишася, и быша плѣнницы и раби.

Царь же князь великий видѣвъ женъ и девицъ по стѣнамъ града ходящих, и умилостивися о них, и не велѣ стрелцем стреляти их, да поне мало при кончине своей повеселятся. Мнози же от вой руских, жалостивии, прослезишася, зряще сих, и дивящеся немилосердию их при кончине к женам и к чадом своим.

Посылаше же царь князь великий до седмижды х казанцемъ послы своя, самъ ходя с ними и *речь* слушая, таяся, аки воинъ, а не царь, в простых же одежах. Овогда же приѣзжих к нему князей и мурзъ казанских посылаше глаголати к нимъ милосердие свое, да примолвят и увѣщают их всяко, яко своеземцевъ и сродников, глаголюще и рѣчь сию от него: «О непокоривии и жестосердечнии людие казанстии, не видите ли сами всея вашея земли запустѣние и *острогов взятия* и в них многих людей, черемисы вашея и племени, и знаемых ваших побиение — от человека и до скота — кромѣ единѣх вас, аки в темницах, сѣдящих во градѣ своемъ. Вѣм бо, яко храбри есте собою и надѣетеся не на бога, но на храбрость свою и на крѣпость града своего, и на уготованную свою кормлю многую, но не удержат вас ныне, якоже вижю, ни желѣзныя стѣны, ни огненная сила, и не можете божия гнѣва ни под землею укрытися, богу мя пославшу погубити вас многаго ради терпѣния моего от вас. И что богу противитеся? Азъ бо милую и жалѣю, и тужю о всѣх вас и о родителех ваших старых, и о красных женах, и о дѣтех младых, вчюже пришед, иноязычникъ сый! Како же вы, окаяннии беззаконнии человецы, не смилитеся ко утробам вашим? Или кто тако не любит женъ и не слушает родителей своих, якоже и вы? Помилуйте поне малыя своя дѣтца и дщеря красныя, и жены своя любимыя, и тѣх ради *не погубляйте* себѣ напрасно, и крови не проливайте нашея же и своея, да живи будете, и честь, и дары от мене великия приимете, и в царстей нашей любви всегда будете у нас. И от сего дня к тому не бойтеся гнѣва моего и прещения, и кленуся вам, яко любо есть вамъ, «живъ господь богъ мой», яко не имамъ ни единаго

но окаменели сердца их в непокорности и от несмирения перестали сгибаться железные их шеи, ибо полны они были злобы, и лукавства, и всяческой неправды. И, думая, что поступают мудро, повели себя, как юродивые, ибо ослепила их собственная злоба и лукавство. И как захотели они и сказали, так и сделали, и все разом безвозвратно исчезли за беззаконие свое, как египтяне: тех море поглотило, этих же — оружие поело. И потонули они в своей крови, и низвергнуты были, и пали, и поразила их неизлечимая смертельная язва, и потеряли они отечество свое, и свободу, и славу, и лишились они благоденствия и господства, и стали пленниками и рабами.

Царь же великий князь, видя жен и девиц, ходящих по стенам города, смилостивился над ними и не велел стрелкам стрелять по ним, дабы те хоть немного повеселились перед своей кончиной. Многие же из русских воинов, жалостливые, прослезились, глядя на них, и подивились непреклонности казанцев перед смертью к женам своим и детям.

До семи раз посылал царь великий князь к казанцам своих послов, сам тайно ходя с ними не как царь, а как рядовой воин, в простой одежде, и слушая их речи. Иногда же посылал к ним приезжавших к нему казанских князей и мурз возвестить казанцам о его милосердии, дабы уговорили они и увещали их как своих земляков и родственников, и передали бы им такие слова: «О непокорные и жестокосердные люди казанские, разве сами не видите вы запустения всей вашей земли и не знаете, что взяты все ваши остроги со многими находившимися в них людьми и что побита черемиса ваша и ваши родственники и знакомые,— все, от человека до последней скотины, кроме одних вас, сидящих, словно в темнице, в городе своем? Знаю я, что отважны вы и надеетесь не на бога, а на храбрость свою, и на крепость своего города, и на заготовленные съестные припасы, но не спасут вас на этот раз, как вижу я, ни железные стены, ни огненная сила: не сможете вы скрыться от божьего гнева даже под землей, ибо меня послал бог погубить вас за то, что много вытерпел я от вас. Зачем противитесь вы богу? Я ведь прощаю вас, и жалею, и тужу обо всех вас: и о старых ваших родителях, и о прекрасных женах, и о маленьких детях,— я, чужеземец, пришедший со стороны! Как же вы, окаянные преступники, не сжалитесь над теми, кто породил вас? Разве можно так, как вы, не любить жен своих и не слушать своих родителей? Пощадите же малых своих детей, и дочерей своих прекрасных, и любимых своих жен и ради них понапрасну не губите себя, и не проливайте и своей и нашей крови и тогда останетесь живы и получите от меня и почести, и богатые дары, и жить всегда будете у нас в царской нашей любви. И с этого дня не бойтесь моего гнева и наказания: клянусь вам клятвой, которую признаете вы больше всего — «жив господь бог мой!», что не собираюсь ни одного из вас

бо погубити вас: ни мала, ни велика, и не мщю никому же, но паче любити вы учну, стоящих крѣпко за себе. Не срамъ бо есть вамъ покоритися *болшим себѣ — намъ*. И аще не покорите ми ся часа сего, то уже при концѣ есте и узрите вскоре збывшееся слово мое. И аз буду о семъ без вины от бога моего, а вашъ лживый пророкъ Махметъ не поможетъ вамъ ничѣмъ же нынѣ, в него же вѣруете, злѣ прельстившеся и не познавше истиннаго бога».

О БЕЗСТРАШИИ И О РОПТАНИИ КАЗАНЦЕВ, И О УКРѢПЛЕНИИ МЕЖ СОБОЮ. ГЛАВА 75

Казанцы же ни тако послушаху, но и *умирающе* грозяху и противу сего воздати ему хотяще. «Аще мало послабиша намъ, или десятижды хощеши слышати от нас,— глаголаху,— ни *даров* твоих хощемъ прияти, ниже прещения твоего страшимся, ни страха твоего боимся. И что прелщаеши нас словесы своими лукавыми? Твори, почто пришел еси! Аще бы мы к тебѣ, собравшеся, тако силно пришли, то всю бы землю твою от конца до конца поплёнили бы, яко же и нашю ты поплѣнил еси, и грады бы твоя вся до основания разорили, и не бы тебѣ дали тако много вѣщати что или мало помѣдлити».

И укрѣпляхуся меж собою, глаголюще: «Не убоимся, храбрыя казанцы, страха и прещения московскаго *царя* и многия его силы руския, аки моря, биющагося о камень волнами, и аки великаго лѣса, шумяща напрасно, селикъ *имуще* град нашъ, твердъ и велик, ему же стѣны высоки и врата желѣзна, и люди в немъ удалы велми, и запас многъ и доволенъ стати на 10 лѣт во прекормление намъ. И да не будем отметницы добрыя вѣры нашея срацынския и не пощадим пролити крови своея, да ведоми не будемъ во плѣнъ работати иновѣрнымъ на чюжу землю, християном, по роду меншимъ нас и украдшимъ благословение».

О ГНѢВѢ И О ЯРОСТИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 76

И видѣ царь князь великий никакоже покаряющихся ему казанцевъ, к нему же и грозящих еще, и воздвиже пламень ярости своея из глубокаго сердца своего, яко левъ, рыкание страшно испусти. Избирает изо всѣх полковъ юнош сверѣпых и крѣпкооружных полкъ великъ — 100 000 силних бойцевъ, и уготовляет тѣх, пѣших, к приступу ко граду: овѣх со огненым стрѣлянием, овѣхъ с копьи и с мечи, овѣх с секирами и с мотыки, и с лѣствицы, и з багры,

погубить: ни мала, ни велика, и не буду никому мстить, но еще больше начну любить вас, умеющих крепко постоять за себя. Не позорно ведь вам покориться тем, кто сильнее вас — нам. Если же сейчас не покоритесь мне, то близок уже ваш конец, и вскоре увидите вы, как сбудется слово мое. И не буду я в этом виновен перед богом моим, ваш же лживый пророк Магомет, в которого вы веруете, обольстившись и не познав истинного бога, ничем вам теперь не поможет».

О БЕССТРАШИИ КАЗАНЦЕВ, И О РОПОТЕ ИХ, И ОБ ОБОДРЕНИИ ИМИ ДРУГ ДРУГА. ГЛАВА 75

Казанцы же не только не послушали его, но, даже умирая, угрожали ему, желая воздать ему за его слова: «Раз уж ты позволил нам говорить, не хочешь ли десятый раз услышать от нас,— говорили они,— что ни даров твоих не хотим мы принимать, ни угроз твоих не страшимся, ни страха перед тобой не имеем. И что прельщаешь нас лукавыми своими словами? Твори то, ради чего пришел! Если бы мы, собравшись, пришли на тебя с такой силой, то разорили бы всю землю твою от края до края, как ты разорил нашу, и все бы твои города до основания разграбили, и не дали бы тебе так долго говорить или хотя бы немного помедлить».

И ободряли они друг друга, говоря так: «Не побоимся же, храбрые казанцы, угроз московского царя и не испугаемся многочисленного его русского войска, подобного морю, бьющемуся волнами о камень, или сильно шумящему большому лесу, ведь есть у нас великий наш город, большой и крепкий, с высокими стенами и железными воротами, и люди в нем разудалые, и съестных припасов у нас много: хватит, чтобы прокормиться, на десять лет. Не будем же отступниками от доброй нашей сарацинской веры и не пожалеем пролить кровь свою, дабы не повели нас в плен на чужую сторону служить иноверцам — христианам, менее знатным по рождению, чем мы, укравшим у нас благословение».

О ГНЕВЕ И ЯРОСТИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 76

Когда же увидел царь великий князь, что казанцы никак ему не покоряются, но еще и угрожают ему, исторг он из глубины сердца своего пламень ярости и, словно лев, издал грозное рычание. И набирает он из всех полков большой полк отважных и хорошо вооруженных юношей — сто тысяч крепких бойцов — и готовит их пешими идти на приступ города, одних — с огнестрельным оружием, других — с копьями и мечами, третьих — с секирами, и мотыгами, и с лестницами, и с баграми,

и со многоразличными хитростьми градоемными, да преже всѣх полковъ поспѣшит избранный той полкъ и на град злояростне нападет со устремлениемъ. Воеводъ же устави полка того: князя Михайла Глинского, другаго же воеводу князя Александра Воротынскаго — оба же тѣ воеводы храбрыи и силнии.

И уготовив полкъ той, стояти велѣ и ждати времене. Всему же воинству от града отступити повелѣ, яко до поприща единаго, и бываемых на готово, стоя, смотрити, и весь снаряд стѣнобитный, пушки и пищали, отдвигнути, и мѣста очистити. И егда учнет богъ избранному полку помогати, тогда же и тѣмъ полком всѣмъ на то же дѣло поскорити.

И повелѣвает хитрецемъ во глубокия рвы в подкопныя под крѣпкия стены казанския бочки со огненым зелиемъ подкачивати. Бѣ бо тогда день той суботный, праздникъ же владычици нашея богородици, честнаго ея Покрова. И уже дни суботному мимо шедшу, освитающу же дни преславному христову воскресению, в он же всемирная радость, на память святых великомученикъ Киприана и Устины. У себѣ же царь князь великий, рано воставъ заутра, до зари, и в церкви шатерней повелѣ презвитером своимъ и пѣвцемъ заутренняя пѣния сотворяти; по отпѣнии же заутрени в той же час и молѣбная пѣти повелѣ ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистѣй богородицѣ, и ко всѣм святым небеснымъ силамъ и великим чюдотворцемъ рускимъ, и всѣмъ святым, и на солнечном всходѣ и литургию служити. Не престанно же самъ о землю пометашеся и главою бияшеся, и в перси своя часто руками ударяше, и захлепашеся, и слезами ся обливашеся.

С нимъ же и вся земля Руская изпусти вопль безгласный ко всесилному богу, исполняема неповинными кровми: «Да не вотще будут труды его и великий подвигъ поднятия его, и да не возратится второе, самъ пришед и посрамлен от града Казани, и да не будет в послѣдний смѣх и во уничижение казанцемъ и всѣм окрестным врагом его, живущимъ около державы его, и да не будет лишенъ от желания своего! И отверзи очи свои, боже, и виждь злобу поганых варваръ, и ущедри заклания рабъ своих, и суд издаси на окаянных горекъ, яко же и они воздаша вѣрнымъ людемъ рускимъ!»

И отпѣвшим молебная, и литургию презвитером его служившимъ, и покаявся онъ у духовнаго отца своего, и причастися пречистаго тѣла и животворящия крови Христа бога нашего: тако же и вси князи и воеводы, и воини мнози в станѣх поновившеся у отцевъ своих духовных, причастишася пречистых христовых тайн и приготовишася чисти к подвигу смертному приступити.

и с различными приспособлениями для штурма города, дабы сборный тот полк поспешил на приступ до выхода всех остальных полков и, устремившись к городу, с яростью напал на него. Воеводами же поставил он в том полку князя Михаила Глинского и князя Александра Воротынского — оба те воеводы храбрые были и могучие.

И, приготовив тот полк, повелел ему стоять и ждать. Всему же воинству повелел отступить от города на одно поприще, и, стоя там в полной готовности, ждать сигнала, и весь стенобитный наряд, пушки, пищали отодвинуть, и очистить место. И когда начнет бог помогать сборному полку, тогда и всем тем полкам надо будет поспешить на то же дело.

И повелевает он мастерам подкатывать в глубокие подкопные рвы под крепкие казанские стены бочки с порохом. А был тогда день субботний и праздник владычицы нашей богородицы — честного ее Покрова. И вот уже прошел день субботний, и забрезжил день преславного христова воскресения, день всемирной радости и памяти святых великомучеников Киприана и Устины. Царь же великий князь поднялся у себя рано утром, до зари, и повелел пресвитерам своим и певцам в шатровой церкви петь заутреню; тотчас же, как отпели заутреню, повелел петь молебны господу нашему Иисусу Христу, и пречистой богородице, и всем святым небесным силам, и великим русским чудотворцам, и всем святым, а на восходе солнца — служить литургию. Сам же непрестанно творил земные поклоны, и бился головой о землю, и часто ударял себя руками в грудь, и рыдал, задыхаясь и всхлипывая, и обливался слезами.

Вместе с ним и вся Русская земля, залитая невинно пролитой кровью, испустила немой вопль ко всесильному богу: «Да не напрасными будут труды его и великий подвиг похода его, и да не возвратится он во второй раз, сам придя к городу Казани, посрамленным, и да не будут над ним зло насмехаться и унижать его казанцы и все окрестные его враги, живущие около державы его, и не лишится он того, чего желает! Отверзи очи свои, боже, и увидь злобу поганых варваров, и спаси от заклания рабов своих, и учини над окаянными суд горький, какой и они учинили над правоверными русскими людьми!»

Когда же отпели молебны и пресвитеры его отслужили литургию, покаялся он перед духовным своим отцом и причастился пречистым телом и животворящей кровью Христа, бога нашего; также и все князья, и воеводы, и многие воины в станах очистились у отцов своих духовных, причастились пречистых христовых тайн и приготовились чистыми приступить к смертному подвигу.

МОЛЕНИЕ И УЧЕНИЕ К ВОЕМЪ СВОИМЪ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 77

И тогда благовѣрный царь всѣд на великий конь свой и поѣха по всѣм полкомъ своимъ и по станом, моля и наказуя воевод своих и воя вся, с плачемъ горким кланяяся имъ до златаго стремени ноги своея: «Братие и господие мои, князи и воеводы, и вси малии и велицыи руская чада, ныне приспѣ намъ время добро показати побѣда на противных наших за непокорство их и несмирение, и за великую злобу и неправду. Подщитеся, подвигнитеся за обиды своя на них на славу мнѣ, себѣ же на похвалу велику, и послужити богу и намъ всею крѣпостию вашею и постражите за церкви божия и за все православие наше, и явите мужество свое и на память роду нашему по нас. Да убитыя ныне от казанцев с мученики вѣнцы приимут на небесѣх от Христа бога нашего, и напишутся имена их у нас во вседневныя сенодики вѣчныя, и поминаеми будут по вся дни во святых соборех церковных от митрополит и епископовъ, и поповъ, и диаконовъ на литиях и на понахидах, и на литургиях. Живых же, сохраненых богомъ и не убитых от поганых, здѣ от мене приимут честь и дарове, и похваление велико».

Князи же и воеводы, и всѣ вои, слышавше от самодержца своего умилная словеса его, и воскъликнуша великими гласы со слезами, и дерзновени быша вси, и рекоша: «Ради есмя и все готови, о самодержче великий, всѣм сердцемъ подвизатися вседушно, елико поможет богъ, и скласти главы наши нелестно за вѣру християнскую и за тебя, царя нашего, умрети, а с срамом с тобою живым во своя не возвратитися, великаго ради твоего попечения еже стражеши за вся люди своя, и наших ради частых трудовъ хождениемъ всегдашнимъ х Казани».

О ЗАЖЖЕНИИ ЗЕЛИЯ В РОВѢ И О ВЕСЕЛИИ КАЗАНЦЕВ, И О МОЛБѢ, И О ЖЕРТВѢ ИХ. ГЛАВА 78

Наказа же накрѣпко всѣмъ князем и воеводам, и полконачалником, да готови будут вси часа того к приступу, егда возгласят ратныя трубы, и пѣшцы и с конники в пансырех и в доспѣсех одѣяни, да брежет и учит киждо их полка своего и принуждаетъ к брани, крѣпко и мужественно, и неподвижно стояти.

И объѣхавъ всѣ полки своя, яко от бога извѣщение приимъ, и повелѣвает хитрецемъ под крѣпкими стѣнами во рвѣх глубоких зажигати сверѣпое зелие огненое. Самъ же, во станъ свой приѣхавъ, и паки на молитву къ богу обратися со слезами. И стояше весь вооруженъ во златыя броня, в рекомый калантырь, и готовъ на подвигъ, ожидая милости божия, поющимъ у него беспрестани священником и диаконом молебны.

МОЛЕНИЕ И ПОУЧЕНИЕ К ВОИНАМ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 77

И тогда сел благоверный царь на могучего своего коня и поехал по всем своим полкам и по станам, моля и наставляя воевод своих и всех воинов, с горьким плачем кланяясь им до золотого своего стремени: «Братья мои и господа, князья и воеводы, и все большие и малые русские чада, теперь приспело нам доброе время одержать победу над противниками нашими за непокорство их и несмирение и за сильную их злобу и неправду. Поспешите же, устремитесь на них за свои обиды — мне на славу, себе же на великую похвалу, и, собрав все свои силы, послужите богу и нам, и пострадайте за церкви божии и за все православие наше, и явите мужество свое, чтобы оставить по себе память потомкам нашим. Ведь те, кто будет убит теперь казанцами, примут на небесах венцы вместе с мучениками от Христа, бога нашего, и запишутся имена их у нас во вседневные синодики вечные, и поминаемы будут каждый день в святых соборах церковных митрополитами, и епископами, и попами, и диаконами на литиях, и на панихидах, и на литургиях. Живые же, сохраненные богом и не убитые погаными, здесь от меня получат и почести, и дары, и похвалу великую».

Князья же, и воеводы, и все воины, услышав от самодержца своего кроткие его слова, закричали горько со слезами и, наполнившись отвагой, ответили ему так: «Рады мы и все готовы, о самодержец великий, всем сердцем и всей душой, насколько поможет бог, постараться и честно сложить головы наши за веру христианскую, умереть за тебя, царя нашего, но не возвращаться вместе с тобою с позором домой, ради многих твоих забот и страданий за всех людей своих, наших ради непрестанных трудов, постоянного хождения на Казань».

О ЗАЖЖЕНИИ ВО РВЕ ПОРОХА, И О ВЕСЕЛИИ КАЗАНЦЕВ, И О МОЛИТВАХ ИХ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ. ГЛАВА 78

И накрепко наказал он всем князьям, и воеводам, и полководцам, чтобы были они готовы на приступ и все пехотинцы и конники были бы одеты в панцири и доспехи к тому часу, когда заиграют военные трубы, чтобы каждый из них оберегал и понуждал к бою свой полк и учил его стоять крепко, и мужественно, и недвижимо.

И, объехав все полки свои, словно получив знак от бога, повелевает он мастерам зажигать в глубоких рвах под крепкими стенами свирепое огненное зелье. Сам же, приехав в стан свой, снова со слезами встает на молитву к богу. И стоял он, закованный с ног до головы в золотую броню, так называемый калантырь, и готовый на подвиг, ожидая милости божией; священники же и дьяконы беспрестанно пели у него молебны.

Казанцы же видѣвше из стрѣлницъ и стѣнъ града своего, яко отступиша тмочисленыя воя руская — бѣ же казанцев на стѣнах града 20 000, иже брань творяху, пременяющися, с вои с рускими — и сказаша царю своему отступление от Казани московскаго царя. И заповѣда царь молбы творити, аки не хотя, новому сеиту казанскому и молвам, и азифом, и дербышем по всему граду Казани, людемъ всѣмъ, мужем и женам со младенцы их, и жертвы приносити скверному Махмету, яко избавльшему град их от таковыя несказанныя силы руския.

Царь же и велможи казанския жребца и юнца тучныя приводяще закалаху на жертву; простая же чадь, убозии людие, овцы и куры, и птицы приносяще закалаху. И радоватися, и веселитися почаша, лики творяще и прелестныя пѣсни поющи, и плещущи руками, и скачюще, и пляшуще, играющи в гусли свои и в прегубницы ударяющи, и шумъ и грохотание велико творяще, и поносы, и смѣх, и укоризны велики дающи рускимъ людемъ, и погаными свиноядцы называху их.

Царь же казанский веселъ бысть и невесел, чюяше бо сердце его и по сномъ разсужаше в себѣ, и по всему познаваше взяту быти граду. Мняху бо погании казанцы, яко царь князь великий безделенъ вспять возвратися, яко и преже сего за два лѣта. Приходил бѣ к ним не от истинны и не тако силно и грозно наредяся, но яко тогда пострашая им и претя, и грозя, да престанут от злобы своея и да живут в сумежницах по сосѣдству, не обидяще его, и отиде прочь, не учинивъ имъ конечныя бѣды. Невѣдаху бо, безумнии, скончания своего, что имъ уже приспѣ день горкий и час, и приближися к вечеру день конечныя погибели ихъ.

О СТРАСѢ ОГНЯ И О РАЗРУШЕНИИ СТѢН, И О ПОГИБЕЛИ КАЗАНЦЕВЪ. ГЛАВА 79

И егда зажжено бысть огненое зелие в ровѣх, диякону же на литургии чтущу святое Еуангелие и конец возгласившу: «И будет едино стадо и единъ пастырь», и аки друга вѣрна с тѣмъ воедино дѣло согласистася, и в той час возгремѣ земля, яко велий громъ, и потрясеся мѣсто то все, идѣже стояше град, и позыбахуся стѣны градныя, и в малѣ весь град не паде от основания.

И вышед огнь ис-под градных пещер и совьеся во едино мѣсто, и возвысися пламень до облака, шумящъ и клокочющи, аки нѣкия великия рѣки силныи прах, яко и рускимъ воемъ и смястися от страха и далече от града бѣжати. И прорви крѣпкия стѣны градныя, прясло едино, а в другомъ же мѣсте — с полпрясла, в третиемъ же мѣсте саженъ з десять;

Казанцы же, увидев из бойниц и с городских стен, что отступили бесчисленные русские воины — было ведь на стенах города двадцать тысяч казанцев, сражавшихся, сменяя друг друга, с русскими воинами,— сказали царю своему об отступлении от Казани московского царя. И повелел царь, словно бы нехотя, новому казанскому сеиту, и муллам, и азифам, и дервишам, и всем людям в Казани, мужчинам и женщинам с младенцами их, творить молитвы и приносить жертвы скверному Магомету как избавившему их город от таковой несказанной силы русской.

Царь же и вельможи казанские, приводя тучных жеребцов и быков, закалывали их, принося в жертву, простой же народ, бедные люди, овец, и кур, и птицу принося, закалывали. И начали они радоваться и веселиться: разыгрывали представления, пели нечестивые песни, размахивая руками, скакали, плясали, играя на гуслях своих и в прегубницы ударяя, поднимая громкий шум и грохот и воссылая ругательства, и насмешки, и укоры русским людям, называя их погаными свиноядцами.

Царь же казанский весел был и невесел, ибо сердцем предчувствовал недоброе, да и сны свои обдумал наедине и по всему понимал, что город будет взят. Поганые же казанцы решили, что царь великий князь, не исполнив своего дела, возвращается назад, так же как и два года назад. Но тогда приходил он к ним не с такой целью и не с таким сильным и грозным войском, а лишь попугать их, пригрозить и потребовать, чтобы уняли они злобу свою и зажили по соседству с ним, в смежных землях, не обижая его, и отошел тогда прочь, не учинив над ними расправы. Не ведали ведь, безумные, о конце своем, о том, что приспел уже для них горький день и час и приблизился к вечеру день окончательной их погибели.

О СТРАШНОМ ОГНЕ, И О РАЗРУШЕНИИ СТЕН, И О ПОГИБЕЛИ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 79

И когда был подожжен порох во рвах, а дьякон, читавший в это время на литургии святое Евангелие, произнес последние слова: «И будет одно стадо и один пастырь», словно соглашаясь с ним, как с верным другом, тотчас же загрохотала земля, подобно сильному грому, и затряслось все то место, где стоял город, и заколебались городские стены, и едва весь город не разрушился до основания.

И вырвался огонь из пещер, вырытых под городом, и свился в единое пламя, и поднялось оно до облака, шумящее и клокочущее, словно некая большая и сильная река, так что и русские воины пришли в смятение от страха и побежали подальше от города. И прорвало крепкие городские стены, одно прясло, а в другом месте — полпрясла, в третьем же месте — саженей десять; и

и тайникъ подня, и понесе на высоту велико древие с людми, яко сѣно и прах вѣтромъ, и относя чрез воя руския, и пометаше в лѣсе и на поле далече, за 10 и за 20 верстъ, идѣже нѣсть руских людей. И божиимъ брежением не уби древиемъ тѣмъ великим ни единаго рускаго человека.

Бывшии же на стѣнахъ погании и поносы, и укоризны дающе руским воемъ, вси безвести погибоша: овѣх древие и дым подави, овѣх же огнь пояде. А иже внутрь во градѣ казанцы, мужи и жены, от страха силнаго гряновения омертвѣша и падоша ницъ на землю, чающи под собою земли погрязнути или содомский огнь, с небеси сшедши, попалити их. И быша, аки камыцы, безгласни, друг на друга зряще, яко изумлени, и ничто же друг ко другу своему провѣщати могуще, и долго лежаще.

И очюнѣша от страха того, и смутишася, и подвизашася, яко пияни. И вся мудрость их и разное умѣние их поглощено бысть Христовою благодатию. И обратися имъ вмѣсто смѣха плачь, и в веселия мѣсто, и прегубницъ, и плясания — другъ друга объемлющи, плакати и рыдати неутѣшно.

ОПОЛЧЕНИЕ И ПОБѢДА МОСКОВСКИХ ВОЕВОД НА КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 80

Видѣвше же се воеводы велика полка, яко прииде имъ уже помощъ божия, и наполнишася духа храбра. И вострубиша воя их в ратныя трубы и в сурны во многия, и удариша в накры, вѣсть подающи и прочим полком всѣмъ, да готовятся скоро.

Царь великий князь взем благословение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродѣтелна, Андреа именем, и, аки пардус, ярости наполнися бранныя, и всѣд на избранный свой конь с мечемъ своимъ, и, скача, вопияше воеводам, мечем маша: «Что долго стоите бездѣлны? Се приспѣ время потружатися малъ час и обрѣсти вѣчную славу».

И хотѣ въ ярости дерзнути с воеводами самъ итти к приступу в велицем полцѣ и собою дати храбрости начало всѣм, но удержаше его воеводы нудма и воли ему не даша, да не грѣх кой случится. И отведоша в станъ его и увѣщевающе его тихими словесы: «Тебѣ убо, о царю, подобаетъ спасти себе и нас: аще бо мы вси избиени будемъ, а ты будеши здравъ, то будет намъ честь и слава, и похвала во всѣх землях, и останутся у тебе сынове наши и внучата, и сродники, то паки вмѣсто нас будут без числа служащих ти; аще ли же мы вси спасемся и тебе единаго, самодержца нашего, изгубим, то коя будетъ намъ слава и похвала, но студ и срамъ, и поношение во языцѣх, и уничижение вѣчно, и останемся, аки овчая стада, в пустынях и в горах блудяще, снѣдаеми от волкъ, не имущи пастыря».

подняло тайник и понесло на высоту, словно ветром сено или пыль, большие бревна с находившимися на них людьми, и стало относить их в сторону над головами русских воинов, и разбросало их далеко в лесу и на поле за десять и за двадцать верст, где не было русских людей. И божьим ограждением не убило большими теми бревнами ни одного русского человека.

Поганые же, что находились на стенах и угрозы и укоры посылали русским воинам, все безвестно погибли: одних бревна и дым умертвили, других огонь поглотил. А те казанцы, мужчины и женщины, что находились внутри города, от сильного грохота помертвели со страху и попадали на землю, думая, что под ними проваливается земля или содомский огонь сошел с неба, чтобы спалить их. И, безгласные, словно камни, в изумлении смотрели они друг на друга, и ничего не в силах были вымолвить друг другу, и долго лежали так.

И очнулись они от испуга того, и смутились, и были словно пьяные. И вся мудрость их и все, что умели они, поглощено было христовой благодатью. И обратился смех их в плач, и пришлось им вместо веселья, и прегубниц, и плясок, друг друга обняв, плакать и рыдать неутешно.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БОЮ И ПОБЕДА МОСКОВСКИХ ВОЕВОД НАД КАЗАНЦАМИ. ГЛАВА 80

Воеводы же большого полка, увидев, что пришла им уже божья помощь, исполнились храбростью. И вострубили воины их в ратные трубы и во многие сурны и ударили в накры, подавая весть всем прочим полкам, чтобы те быстро готовились.

Царь же великий князь, получив благословение и прощение от духовного отца своего, мужа добродетельного, по имени Андрей, словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на боевого своего коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: «Что долго стоите без дела? Приспело уже время потрудиться немного и обрести вечную славу!»

И хотел он в ярости дерзнуть сам идти с воеводами на штурм в большом полку и показать всем пример храбрости, но воеводы силой удержали его и не дали ему воли, дабы не случилось какого греха. И отвели его в стан, увещевая тихими словами: «Тебе, о царь, подобает спасти себя и нас: ведь если все мы будем убиты, а ты останешься здоров, то будет нам честь, и слава, и похвала во всех землях, и останутся у тебя сыновья наши, и внучата, и родственники, и снова будет у тебя вместо нас множество слуг; если же мы все спасемся, а тебя одного, самодержца нашего, погубим, то будет нам не слава и похвала, но стыд, и срам, и поношение от других народов, и вечное унижение, и уподобимся мы овечьим стадам, не имеющим пастуха, бродящим по пустынным местам и горам и поедаемым волками».

Онъ же, пришед во умъ свой, и от ярости зелния, и позна, яко не добро есть безумное дерзновение, и пусти ко граду впред великий полкъ пѣших оружниковъ за великими щиты древяными по 30 человекъ ко всѣмъ вратом; и туры подвигнути ко стѣнамъ граднымъ близко до толика, яко воемъ взыти с них на стѣны проломныя, царевичевъ астроханских с татары; за тѣми же воинство все. И еще полкомъ всемъ не велѣ поспѣшити, да не угнетения ради и стѣснения у града падение людем будет велие. Самъ же, отъѣхавъ з братомъ своимъ, со княземъ Владимиром, и со царем Шигалѣем, и стояше, смотря издалеча бывающаго.

Воеводы же с пѣшцы ко граду приступльше и единемъ часомъ малотрудне девятеры врата граду изломиша, во град внидоша и путь всюдѣ сотвориша всему рускому воинству. И самодержцево знамя, вознесше, на градѣ поставиша, християнское побѣдителство на поганых являющи всѣмъ.

И вдруг с тѣми царевичи поспѣшиста в проломы с полки своими варварскими, и внидоша во град полыми мѣсты в мегновении ока невозбранно, и от бития, и от возгорѣния град отняша, и угасиша силу огненую, казанцы же еще во страсѣ томъ мятущися и не вѣдающим самим себѣ, и ума не собравшимъ.

Прочии же воеводы стоящи и времяни ожидающи. И видѣвше огнь угасшъ и дымъ по ветру вѣтром разносимь, и вой руских уже во градѣ скачющих и биющихся с казанцы, за руки имаяся, и двигнушася от мѣстъ своих с полки своими, киижде стояше гдѣ, с воплем крѣпкимъ и приидоша во град на конех своих, яко грозныя тучи с великимъ громом, льющеся со всѣх стран, аки силная вода, во всѣ врата и проломы со обнаженными мечи и с копьи, и другъ друга понуждающи и вопиющи: «Дерзайте и не бойтеся, о друзи и братия, и поспѣшите на дѣло божие — се Христос невидимо помогает намъ!»

И не удержаша их ни рѣки, ни глубокия рвы, и вся крѣпость Казанская, но яко птица чрез их прелетаху и ко граду припадаху и прилипаху. И аще не господь сохранит град, то всуе бдятъ стрегии *его*.

Пѣшцы же лѣствицы тмочисленныя приставляющи ко стѣнамъ и на град полѣзоша неудержанно. Ови же, яко птицы или вѣкшицы, прилепляющися, яко ноготми, желѣзными багры, всюде ко стѣнамъ и возлазаху на град, и бияху казанцевъ.

Казанцы же со стѣнъ градных падаху на землю и, смерть свою пред очима своими видяще, веселяхуся и лутчи живота смерть вмѣняху, яко нелестно за закон свой и за отчество и за град свой пострадаша. С нѣких же казанцевъ сниде смертный страх и охрабришася, и сташа во вратѣх града и у полых мѣстъ, и сняшася с русью и с татары, смѣсишася

Он же, придя в себя от сильной ярости, понял, что безумное это дерзновение не ведет к добру, и послал первым к городу, ко всем его воротам, большой полк пеших пищальников, которые укрывались за большими деревянными щитами, по тридцать человек за каждым; и повелел придвинуть туры к городским стенам настолько близко, чтобы воины — астраханские царевичи с татарами — могли перейти с них на проломленные стены; а за ними и все остальное воинство. При этом не велел он спешить одновременно всем полкам, опасаясь, как бы из-за давки и тесноты не пало у города много воинов. Сам же, отъехав, с братом своим, князем Владимиром, и с царем Шигалеем стоял, наблюдая издалека все происходящее.

Воеводы же с пехотинцами начали штурм, и, в один час без труда проломив девять городских ворот, вошли в город, и повсюду открыли путь для всего русского воинства. И, подняв, водрузили над городом самодержцево знамя, возвещающее всем о победе христиан над погаными.

И внезапно те царевичи поспешили в проломы со своими варварскими полками, и в мгновение ока, в то время как казанцы еще метались в страхе, сами себя не понимая и не обретя разум, беспрепятственно вошли в город сквозь полые места и спасли город от разрушения и пожара, потушив огонь.

Прочие же воеводы стояли и дожидались своего времени. Когда же увидели они, что огонь угас, и дым разносится ветром, и русские воины уже скачут по городу и врукопашную бьются с казанцами, то двинулись они с громкими криками со своих мест, где кто стоял, с полками своими и прискакали на конях своих в город, словно грозовые тучи с сильным громом, вливаясь со всех сторон, словно быстрая вода, во все ворота и проломы с обнаженными мечами и копьями, друг друга ободряя и крича: «Дерзайте и не бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело божье — сам Христос невидимо помогает нам!»

И не удержали их ни реки, ни глубокие рвы, ни сама казанская крепость: подобно птицам, перелетали они через них, и припадали, и прилипали к городу. Ибо если не сам господь решит уберечь город, то напрасно будут охранять его сторожа.

Пехотинцы же приставляли к стенам бесчисленные лестницы и неудержимо лезли на город. Некоторые же, словно птицы или белки, повсюду зацеплялись, как когтями, железными баграми за стены, и влезали на город, и били казанцев.

Казанцы же падали с городских стен на землю и, смерть свою видя перед глазами, радовались и почитали смерть лучше жизни, ибо честно пострадали за обычаи свои, и за отечество, и за город свой. С некоторых же казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами, смешавшись

сѣчемъ великим с предними же и задними, иже кои во градѣ, и крѣпце сечахуся, яко звѣрие дивии рыкающе.

И страшно бѣ видѣти обоих храбрости и мужества: овии влѣсти во град хотяху, овии же яко пустити не хотяще. И отчаявшеся живота своего, и силно бияхуся, и неотступно рекущи в себѣ, яко: «Единако же умрети намъ есть!» И трескотаху копья и сулицы, и мечи в руках их, и, яко громъ силенъ, глас и кричание обоих вои гремяше.

И ту, в Муралѣевых вратех, уязвиша казанцы храбраго воеводу князя Симеона Никулинского ранами многими, но не смертными. И по малех днех исцѣлиша его врачеве здраво и сотвориша, но не во много время, яко преже написах о немъ. Брата же его, князя Дмитрия, ис пушки со стены убиша. И похватившe слуги его, отомчаша мертва в шатеръ его. И вой его паде с нимъ 3 000.

И мало бившеся, и потопташа казанцевъ русь, и погнаша их во улицы града, биюще и секуще, казанцевъ бо не зѣло много и не успѣвающим скакати по всѣмъ мѣстом града, всюдѣ врат и проломовъ брещи и битися со всѣми не могущимъ, яко уже полонъ град руси, аки мшицы насыпано. Тако, побегающе, бияхуся, инако бо ставляхуся многажды и воздержаваху и их, силних, убиваху несилнии, донележе созади русь приспѣвше и побиваху их. И инии же вбѣгаху в домы своя и запирахуся во храминах и бияхуся оттоле.

Но не может малъ пламень мног удержати и противитися велицѣй водѣ гашению, но скоро угасает, и ни малая прудина великия рѣки быстрины, сице же ни казанцы много стояти противу толикаго множества руский вой, и паче же рещи, божия помощи.

ПЛАЧЬ И УНИЧИЖЕНИЕ К СЕБѢ КАЗАНЦЕВ И УБИЕНИЕ КНЯЗЯ ЧАПКУНА. ГЛАВА 81

И начаша бѣгати казанцы сюду и сюду по улицамъ градным, яко вода вѣтромъ носима, обрывающи с себя пансыри и доспѣхи и мечющи из рукъ своих оружия своя, и кличющи, и ревущи сами к себѣ, мужи и жены, отроки и отроковицы, своимъ языком варварскимъ.

«О, люте намъ! — глаголюще,— уже бо время смерти нашея приближися днесь! И что сотворимъ? О, горе намъ! Уже постиже нас неизбытный конецъ и вправду погибаемъ, неповинувшеся. О, како изнемогше крѣпцыи наши людие, иже нѣсть было таково ни во всѣх землях! О, како падоша силния казанцы от руских людей, иже ни зрѣти коли можаху преже сего — противитися намъ, и нынѣ видим себе, аки прах, валяющихся под ногами их, погибающая надежа наша. И днесь мимо иде день добраго жития нашего, и зайде красное солнце

в яростном бою с передними и задними воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери. И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других: одни хотели ворваться в город, другие же не захотели пускать их. И, отчаявшись остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копья, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других воинов.

И здесь, в Муралиевых воротах, нанесли казанцы храброму воеводе князю Семену Микулинскому множество ран, но не смертельных. И через несколько дней исцелили его врачи и сделали здоровым, но не на долгое время, как об этом я уже писал прежде. Брата же его, князя Дмитрия, убили из пушки со стены. И подхватили его слуги, и оттащили мертвого его в шатер. И пало с ним воинов его три тысячи.

И, недолго бившись, потоптали казанцев русские, и погнали их по улицам города, побивая их и посекая, ибо было казанцев не очень много, и не успевали они обегать все места города, охранять все ворота и проломы, и не могли они биться со всеми, поскольку город уже был полон русскими, словно мошкой усыпан. Так, перебегая, сражались они, и много раз вступали в бой, и удерживали русских, и, несильные, убивали их, сильных, до тех пор, пока сзади не подоспевали русские и не побивали их. Иные же вбегали в свои дома, и запирались в них, и бились оттуда.

Но не может слабый огонь долго держаться и сопротивляться, когда гасит его большая вода, но скоро угасает; не может и небольшая запруда устоять перед быстриной большой реки, так и казанцы не могли долго сопротивляться такому множеству русских воинов, а точнее сказать — божьей помощи.

ПЛАЧ И УНИЖЕНИЕ КАЗАНЦЕВ И УБИЕНИЕ КНЯЗЯ ЧАПКУНА. ГЛАВА 81

И начали бегать казанцы — мужчины и женщины, отроки и отроковицы — туда и сюда по городским улицам, словно вода, ветром носимая, срывая с себя панцири и доспехи и бросая свое оружие, крича и вопя сами о себе — варварским своим языком.

«О, горе нам! — кричали они,— ведь приблизился уже смертный наш час! Что будем мы делать? О, горе нам! Уже настиг нас неизбежный конец, и вправду погибаем мы, не покорившись. О, как изнемогли крепкие наши люди — не случалось такого ни в одной земле! О, как побиты были могущественные казанцы русскими людьми, теми, что прежде и помыслить не могли сопротивляться нам! Теперь же видим мы себя словно пыль валяющимися под ногами их, а наши надежды — погибающими. И вот уже мимо проходит день доброго жития нашего, и скрылось красное солнце

от очию нашею, и свѣт померче. О горы! покрыйте нас! О земле мати, раздвигни уста своя нынѣ скоро и пожри нас, чад своих, живых, да не видимъ горкия смерти сея, внезапу со единаго пришедшия вдруг на всѣх нас! Бѣжимъ, казанцы, да не умрем!»

Отвѣщеваху же ини: «Камо прочее бѣжимъ, яко тѣсен есть град? Или гдѣ есть нынѣ скрыемся от злыя руси; приидоша бо они к нам, гости немилыя, и наливают намъ пити горкую чашю смертную, ея же мы иногда часто почерпахом имъ, от них же нынѣ сами тая же горкая пития смертная неволею испиваемъ, и кровь их излияся на нас и на чада наши».

«И гдѣ есть нынѣ врагъ нашъ и злодѣй, князь силный Чапкун, вмѣсто живота смерть на нас всеконечную наведе, и в коей полатѣ: или со царем нашим и с велможами казанскими седит, думая о Казани; или еще пиет черлено вино и меды сладкия и веселится, приемля дары от царя и почести от другов своих, велмож; или с красными своими женами спит еще долго утра, или храбръствует единъ и хощет удержати Казань, безо многих людей *удержати* царство *от погубления,* мняся крѣпко стояти, возмущая народом всѣмъ и велможами всѣми владуя, яко премудръ творяшеся, и царя не слушаше? Горе намъ, буимъ, послушавшимъ злаго совѣта его! И се изчезаем днесь вси его ради».

И текше, воини свои ему разсѣкоша его мечи на части, глаголющи: «Умри с нами, безумне и лестче, и душепагубный прелагатаю, и окаянный пагубникъ, и лукавый смущенниче, замутив Казанью всею! Увы и намъ о тебѣ, увы и тебѣ, лживый псе нечистый! Горе намъ! Горе намъ! Лучше было намъ послушати царя своего, отецъ и матерей наших, женъ и дѣтей своих слез и плача не презрити и царя московскаго с веселиемъ и радостию в первый день прихода его встрѣтити, изшедши з женами нашими и з дѣтми, и предатися ему, да токмо живы были вси, и красный свѣт видѣли и работали бы ему с великою правдою и вѣрою».

Ови же жалостне рыдающе, на воздух гласъ испущаху.

МОЛЕНИЕ И СМИРЕНИЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 82

«Милостив буди намъ,— вопияху,— самодержче московский, и прости нам всего нашего зла и беззакония нашего не помяни! Много бо лукавствоваху и неправды творяху отцы наши ко твоему отцу и дѣды наши, и прадѣды к дѣдом твоимъ и прадѣдом; тако же и мы нынѣ к тебѣ, и болша их: докуду *бо растяша ты,* и тогда много зла тебѣ сотворяху, плѣнующе и губяще землю твою во свою волю. Со единаго вси измѣнники и лестцы полаты твоея, всегда норовящеи намъ и емлющим от того у нас

от глаз наших, и свет померк. О горы, накройте нас! О мать-земля, раздвинь теперь поскорее уста свои и поглоти нас, детей твоих, живыми, дабы не увидели мы горькой смерти сей, внезапно вдруг пришедшей ко всем нам одновременно! Бежим, казанцы, дабы не умереть!»

Иные же отвечали: «Куда еще побежим мы, если тесен город? Разве где-нибудь скроемся мы теперь от злых русичей: пришли ведь они к нам, гости немилые, и наливают нам пить горькую чашу смертную, которую некогда мы им часто наливали, от них же теперь сами того же горького питья смертельно испиваем, и кровь их излилась на нас и на детей наших».

«И где теперь, в какой палате, находится враг наш и злодей, могущественный князь Чапкун, который вместо жизни навел на нас окончательную погибель: или сидит с царем нашим и с вельможами казанскими, совещаясь о Казани; или еще пьет красное вино и сладкие меды и веселится, принимая дары от царя и почести от друзей своих, вельмож; или долго спит еще поутру со своими красавицами женами; или один проявляет храбрость и хочет с немногими людьми удержать Казань, удержать от гибели царство, намереваясь стоять накрепко, приводя в смятение всех людей и правя всеми вельможами, ибо прикидывался он мудрецом и царя не слушал? Горе нам, безумным, послушавшим злого его совета! И вот теперь все мы пропадаем из-за него».

И, бросившись к нему, свои же воины рассекли его мечами на части, говоря так: «Умри с нами, безумный, и хитрый, и душепагубный изменник, и окаянный губитель, и лукавый смутьян, смутивший всю Казань! Увы и нам из-за тебя, увы и тебе, лживый пес нечистый! Горе нам! Горе нам! Лучше было бы нам послушаться царя своего, не пренебречь слезами и плачем отцов и матерей наших, жен и детей и с веселием и радостью встретить московского царя в первый день его прихода, выйдя с женами нашими и детьми, и предаться ему, и были бы мы тогда все живы и видели красный свет, и служили бы ему с великой правдою и верою».

Другие же, жалобно рыдая, оглашали воздух криками.

МОЛЕНИЕ И СМИРЕНИЕ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 82

«Будь милостив к нам,— кричали они,— самодержец московский, и прости нам все наше зло и преступления наши не вспоминай! Много ведь лицемерили отцы наши и обманывали твоего отца, и деды наши и прадеды — твоих дедов и прадедов; так же и мы теперь — тебя, и даже больше их: ведь пока подрастал ты, много зла причиняли мы тебе, разоряя и губя твою землю по своей воле. Все до одного изменники и твои льстецы придворные, всегда угождающие нам и за то получающие от нас дорогие

дары велики. Потому же и супротивляхомся тебѣ много и лстяхом, и лгахом по их научению, и служити волею своею, и *поработитися* тебѣ не хотѣхом, таку сущу и велику царю, и богату, ему же многи царства и земли подлежахуть безчисленни, дары носяще, и князи самодержавни работают, и волнии царие служат, повинувшеся, паче многих царей славою и силою, и богатством превозходящему, ему же точных во вселенней не обрѣтается.

Мы же нынѣ самоволиемъ слышавше князя Чапкуна, твоего же милосердия не послушавше, и се нынѣ преклоняем выя своя подо оружия вой твоих и погубляемся безвременне, и лишаемся всуе другаго живота нашего, и краснаго свѣта сего избываемъ, умирающим не по закону нашему, нази ложащеся безчисленно, поругаеми пред очима твоихъ людей, не погребаемы в землю. И что много речемъ, поистиннѣ бо и по правдѣ твоей погибаемъ вси мы от тебе, самодержче великий, за высокоумие и безвѣрие, и за лукавствие, и злобу!

Когда бо ты родися от матери своея, мы о тебѣ сотворихом тогда и погибель свою узнахомъ; и волхви наши преже рожения твоего повѣдаху намъ, яко хощет родитися на Русѣ царь силенъ и возмятетъ многими странами, и царства многия поплѣнит, и смиритъ, и одолѣетъ иноязычными землями, и грады их приимет и озлобит, и никто же от царей наших срацынских и королей латинских возможет противитися ему, аще же и постоит, но и побѣжени будут; иматъ же и наше царство взяти, и нас всѣх погубитъ огнемъ и мечемъ.

Но злымъ обычаем нашимъ прегордымъ от родства своего одержими есмы и не хотѣхом до смерти нашея смиритися с тобою, и не повинутися тебѣ, и слыти неволнии твои раби. Правда твоя и милость великая, и многое терпѣние твое, и великое смирение, еже к нам, и къ богу твоему вѣра твоя и непрестанная молба преможе и погуби нас. Ныне же, самодержче великий, да буди царствуя по нас и владѣя Казанью мирне и многолѣтне, и во вѣки царствуя».

И плакаху казанцы плачемъ великим, раздирающи в тугах на себѣ ризы своя и объимающе отцы сынов своих, матери же чад своих, проливающе слезы горкия. «Увы,— вопияху,— пагубы различныя нашего от вас! Не молихом ли вас, чад, и не плакахом ли ся: «Помилуйте старости нашя со юностию вашею и сосец воздоивших вас устыдитеся!» И нѣсть вас милующих нас, ни послушающих. И не збысть ли ся сие?»

Слышаху же от руских вой мнози умилныя в рыдании словеса мужей и женъ казанских, знающи языки их, и покиваху главами своими, плеваху и проклинаху мерская зачатия их змиина и аспидова рожения их.

И донесошася плачеве и жалостныя рѣчи казанцов во уши самодержцевы, и еще, милостивая утроба, сердцемъ своимъ пожалѣ

дары. Потому мы и сопротивлялись тебе долго, и обманывали, и лгали по их наущению, и не хотели по своей воле служить и покоряться тебе, такому великому и богатому царю, которому подчиняются многие царства и бесчисленные земли, принося дары, которому и самодержавные князья подвластны, и цари вольные, повинуясь, служат тебе, превосходящему многих царей славою, и силой, и богатством, равного которому не найти во всей вселенной.

Мы же добровольно послушались князя Чапкуна, а твоему милосердию не вняли, и вот теперь склоняем шеи свои под оружие воинов твоих, и безвременно гибнем, и лишаемся всуе другой жизни нашей, и прекрасный свет этот оставляем, умирая не по обычаю нашему — на глазах твоих людей, поруганные, без числа ложась нагими, непогребенными в землю. И что много говорить, ведь воистину по справедливости погибаем все мы от тебя, великий самодержец, за высокомерие, и безверие, и лицемерие, и злобу!

Ведь когда был ты рожден матерью своей, мы о тебе гадали и тогда узнали о своей погибели, волхвы же наши еще до твоего рождения поведали нам, что должен родиться на Руси сильный царь, который смутит многие страны и завоюет многие царства, и смирит и одолеет иноязычные земли, и возьмет и покарает города их, и никто из сарацинских наших царей и латинских королей не сможет воспротивиться ему: если даже и окажет сопротивление, все равно будет побежден; сможет он и наше царство взять и нас всех погубит огнем и мечом.

Но одержимы мы от рождения нашего злостью и гордыней, и не хотели до самой смерти мириться с тобой, и покориться тебе, и слыть покорными твоими рабами. Правда твоя и великая милость к нам, и большое твое терпение, и великое смирение, и вера твоя, и непрестанные молитвы к богу победили и погубили нас. Теперь же, великий самодержец, царствуй после нас и многие годы мирно владей Казанью, царствуй вечно!»

И плакали казанцы плачем великим, в тоске раздирая на себе одежды свои, и обнимали отцы сыновей своих, матери же — детей своих, проливая горькие слезы. «Увы,— кричали они,— все наши несчастья от вас! Разве не умоляли мы вас, детей, и разве не просили со слезами: «Помилуйте старость нашу и юность вашу и вскормивших вас сосцов устыдитесь!» Но не пожалели вы нас и не послушались. И разве не сбылось это?»

Многие же русские воины, знающие язык их, слышали жалостливые вперемешку с рыданиями слова жен и мужей казанских и, покачав головой, плевались и проклинали мерзкое зачатие их змеиное и аспидово рождение их.

И донеслись рыдания и жалостные речи казанцев до ушей самодержца, и еще раз, милосердный, пожалел он их сердцем своим:

о них: забы злобы их и неправды, и повелѣ воеводамъ, да молвятъ сотником и тысящником, да уймут вой от сѣча. И не бѣ их мощно уняти и ни ярости воинства утолити, быша бо имъ злѣе казанцы, паче огня всеядца и меча обоюдуостра, и всякия болѣзни и горкия смерти горчайши. И повелѣвающих от брани престати многих своих язвиша до смерти. Рустии же вои состизающе казанцевъ немилостивно мечи своими и секирами разсѣцаху, и копиями и сулицами прободаху всквозь, и рѣзаху, аки свиней, нещадно, и кровь их по улицам града течаше.

И вбѣгаше казанцы в Вышеград, и не успѣша в немъ затворитися, такожe и в царевъ двор, и в полаты его, и бияхуся с русию камениемъ и дреколием и цками покровными, яко во тмѣ шатающися, и сами убивающися, и живы в руки не дающися взять. Скоро побѣжени бываху казанцы, яко трава, посѣцахуся.

О ПАДЕНИИ ХРАБРЫХ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 83

Тѣхъ же досталних 3 000 окопившася храбрых казанцевъ и плакавше, и цѣловавшеся со оставльшими, и молвяще к себѣ: «Выедемъ ис тѣсноты сея на поле и сѣцемся с русию на мѣстѣ широцѣ дондеже изомремъ или убѣгше, живот получим».

И всѣдше на кони своя, и прорвашася во врата Царевы за Казань рѣку, и надѣющеся на крѣпость рукъ своих, и хотяще пробитися сквозѣ руских полки, стрегущия бѣглецевъ, и убѣжати в Нагай Орду. И вскочиша, аки звѣри, во осокъ, и ту их окружи руская сила и вмѣсто согнете, и осыпаша их, аки пчелы, не дадуще ни прозрѣти — стояху бо ту на поле два воеводы противъ Царевых врат — князь Петръ Щенятевъ, другий же князь Иванъ Пронской Турунтай.

И много сѣкшеся казанцы, и многих от вой руских убивше, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей. Како бо можаху битися казанцы с такими рускими силами многими, яко быти на единаго казанца русинов 50!

Рустии же вои быстро, яко орли и ястреби гладни, на ырищи полетаху, и, скачющи, полѣтоваху, яко елени по горамъ, и по стогнамъ града; и рыскаху, яко звѣрие по пустынямъ, сѣмо и овамо, яко лвы рыкаху, восхитити лова — ищущи казанцевъ, в домѣх их и во храминах, и в погребѣх, и въ ямах скрывающихся. И гдѣ аще обрѣтаху казанца стара или юношу, или средоличнаго, и ту скорѣ того оружиемъ своимъ смерти предаваху; отроки же токмо младыя и красныя жены, и девицы соблюдоваху: не убиваху повелѣниемъ самодержца, что много моляху мужей своих предатися ему.

забыл злобу их и неправду и повелел воеводам, чтобы приказали они сотникам и тысяцким унять воинов от сечи. И нельзя было ни унять их, ни утолить ярости воинства, ибо были для них казанцы злее огня-всеядца и меча обоюдоострого, и всякой болезни и горше смерти горькой. И многим своим, приказывавшим им прекратить сражение, нанесли они смертельные раны. Безжалостно настигали русские воины казанцев своими мечами и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали насквозь, и нещадно резали их, словно свиней, и текла кровь их по улицам города.

И вбежали казанцы в Вышгород и не успели в нем запереться; прибежали они и на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями, и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы — словно трава, посечены.

О ПАДЕНИИ ХРАБРЫХ КАЗАНЦЕВ. ГЛАВА 83

Те же, кто остался в живых, три тысячи храбрых казанцев, собравшихся вместе, плакали и целовались, говоря друг другу: «Выйдем из тесноты этой на поле и будем биться с русскими на широком месте до тех пор, пока не умрем или, убежав, не спасем свою жизнь!»

И сели они на своих коней, и прорвались через Царские ворота за реку Казань, надеясь на крепость своих рук и рассчитывая пробиться сквозь русские полки, подстерегающие беглецов, и убежать в Ногайскую Орду. И забились они, словно звери, в осоку, и здесь окружили их русские воины и, согнав в одно место, облепили их, как пчелы, не давая возможности ничего разглядеть,— стояли ведь тут, на поле против Царских ворот, два воеводы — князь Петр Щенятев и князь Иван Пронский Турунтай.

И долго бились казанцы, и убили многих русских воинов, и сами, храбрые, достойно умерли здесь, на своей земле. Да и как могли казанцы биться с такими большими русскими силами, ведь на одного казанца приходилось по пятьдесят русских!

Русские же воины быстро, словно орлы или голодные ястребы, летящие к гнездам своим, полетели к городским башням и, словно олени, скачущие по горам, помчались по улицам города; и рыскали они, как звери по диким местам, туда и сюда, рыча, словно львы, в поисках добычи, разыскивая казанцев, скрывающихся в своих домах, и молельнях, и погребах, и ямах. И если где-то находили они казанца — старика, или юношу, или средних лет человека,— тут же вскоре оружием своим смерти его предавали; в живых оставляли только юных отроков и красивых женщин и девушек: не убивали их по повелению самодержца за то, что много умоляли мужей своих покориться ему.

И бѣ видети, яко высокия горы, громады же великия побитых казанцевъ лежащихъ, яко внуть града з градными стѣнами сравнитися, и во вратѣх же градных и проломѣх; и за градомъ — в ровѣх, потоцех и в кладязѣх, по Казани рѣки и по-за Булаку, по лугомъ, безчисленно мертвых бысть, яко и силному коню не могуще доволство скакати по трупию мертвых казанцевъ, но вседати воину на иныя кони и пременятися.

Рѣки же по всему граду кровию их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша; яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по нискимъ мѣстомъ; очерленеваше земля, яко и речным водам с кровию смеситися, и неможаху людие из рѣк по 7 дний пити воды, конем же и людем в крови до колѣна бродити. И бысть сѣча та великая от утра, перваго часа дни, и до десятаго.

О СЕЧЕ И О ВЗЯИИ ПЛЕНА И БОГАТЬСТВА КАЗАНЬСКАГО. ГЛАВА 84

Глаголаша бо нѣцыи после пленения казанцы, умѣюще грамотѣ своей варварской, вопрошающим у нихъ в бесѣдѣ руским людем о сѣче казанской и отвѣшаху имъ, яко: «Много есть бывало в Казани сѣчей и боевъ великих, а такова сѣча и бои не бысть никогда же, от когда и почася быти царство Казанское: *ни* от прадѣд своихъ слышахом, ни писания же наша имѣют *сицевых*».

И збысться от рускихъ людей всегда о Казани глаголющее слово, яко мечем и на крови зачася Казань, такоже и скончася мечемъ и кровию, якоже и збысться ему нынѣ, преизлихованному непревдами преже и злобами всяческими кипящему. Блаженъ благовѣрный нашъ царь, иже воздастъ ему воздаяние его, еже по многу времени воздаша намъ! Блажени вои рустии, до вѣка разбившия скверныя младенцы его о камень!

Вои же рустии, избираючи великорожденных казанцев малыя дѣти, отроки и красныя откровицы, и жены доброличныя богатыхъ и добродных мужей, и в *плѣнъ* взяша многихъ, и овѣхъ себѣ в работу сведоша, овѣхъ же, крестивша, в жены себѣ пояша; отроки же и девицы в сыны и во дщери мѣсто держатъ паче имуще своих дѣтей. Взяша же безчисленная множество злата и сребра, и жемчюгу, и камения драгаго, и свѣтлых портищъ златых, и красныхъ поволок драгихъ, и сосудовъ сребрянныхъ и златыхъ, им же нѣсть числа, и кииждо человѣкъ, что требоваша и можаше, той взимаше себѣ на требование: силнии воини, меж себѣ биющеся, от несилних отнимаху, раны возлагающе на ся о богатствѣ томъ.— О зависти сребролюбия аде! О даннѣмъ равнѣ всѣмъ богатствѣ от бога друг друга убиваше!

Мнози же тогда убозии вои, кои взимающе и грабяще, сии в земли скровеная сокровища великая обрѣтающе, обогатѣша и до вѣка

И можно было видеть подобные высоким горам громадные кучи убитых казанцев, лежавших и внутри города, вровень с городскими стенами, и в городских воротах, и в проломах; и за городом — во рвах, ручьях и колодцах, вдоль реки Казани и за Булаком, по лугам — лежало бесчисленное количество мертвых, так что даже сильный конь не мог свободно скакать по трупам мертвых казанцев и воину приходилось сменять коней, пересаживаясь с одного на другого.

И разлились по всему городу реки крови, и протекли потоки горячих слез; словно огромные лужи дождевой воды стояла кровь по низким местам; окровавилась земля, и речная вода смешалась с кровью, так что семь дней не могли люди пить воду из рек; кони же и люди бродили в крови по колено. А длилась та великая битва с утра, с первого часа дня до десятого.

О БИТВЕ И О ЗАХВАТЕ ПОЛОНА И БОГАТСТВА КАЗАНСКОГО. ГЛАВА 84

Некоторые же казанцы, знающие грамоту свою варварскую, попав в плен, в беседах с русскими людьми, расспрашивавшими их о казанской сече, отвечали им так: «Много бывало в Казани сражений великих и боев, но такого сражения и боя не было никогда с тех пор, как началось Казанское царство: и от прадедов наших не слыхали мы о такой сече, и в книгах наших о том не пишется».

И сбылись слова, которые всегда говорили о Казани русские люди: «Мечом и на крови зачалась Казань, мечом и кровью закончится», что и сбылось теперь с ней, прежде неправдами переполненной и всякими злодействами кипящей. Блажен благоверный наш царь, который воздает ей за то зло, что долгое время причиняла она нам! Блаженны русские воины, навсегда разбившие скверных младенцев ее о камень!

Русские же воины, выбирая маленьких детей знатных казанцев, и отроков, и прекрасных отроковиц, и пригожих жен богатых и почтенных людей, забирали многих в плен и одних увели с собою в неволю, других же, окрестив, взяли себе в жены, отроков же и девиц растили как сыновей и дочерей,— лучше, чем своих собственных детей. Захватили они и бесчисленное множество золота, и серебра, и жемчуга, и драгоценных камней, и нарядных золотых одежд, и прекрасных дорогих паволок, и серебряных и золотых сосудов, которым нет числа; и каждый брал по своему желанию все, что ему требовалось и что мог он взять: сильные воины, дерясь друг с другом, отнимали добычу у несильных, нанося друг другу раны из-за того богатства. О ад зависти сребролюбия! Из-за всем поровну посланного богом богатства убивали друг друга.

Многие же слабые воины, у которых сильные отбирали добычу, отыскав зарытые в земле богатые клады, разбогатели и

своего казанским богатствомъ наполнишася, всякаго узорочия до воли своея, яко сыном и внукомъ их, и послѣднему роду их остася полно того богатства, и к тому не пещися имъ о нужных потребах домашних, но веселитися всегда з женами своими и з дѣтми, яко мало дний потрудившеся и надолга времена обогатѣвша.

И все богатство руское, и всякия драгия узорочья и паки воспять возвратишася рускимъ людемъ, еже издавна казанцы воеванием себѣ собраша.

О ИЗЫМАНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ПРЕЛАГАТАЕ МОСКОВСКОМЪ. ГЛАВА 85

Нѣкий же юноша воинъ, княжей отрокъ князя Дмитрея Палецкого, оружие наго держа в руках своих, кровию варварскою красѣющися, и потече с воины, с *четою* своею, в мерское святилище Махметово, в мечеть цареву, идѣже у мерских нечестивых царей казанских скверная и гнилая, и мотылная, и смрадная тѣлеса погребахуся, чая тамо нѣкое себѣ налѣсти богатство, еже и бысть. И разби оружиемъ своимъ двери мечетныя, и влѣз в ню, и погляда *сюду* и сюду, видѣ по стѣнамъ златотканныя запоны, на царских гробѣх — покровы драгия, саженыя жемчюгомъ и камениемъ драгимъ; по едину же страну храма того до верха наставленых великих ларцевъ и коробей є рухломъ драгих казанских велмож, по другой же странѣ — женъ красных и дѣвицъ до 1 000, угнетающихся, во одѣянии красномъ и в повоях златых, и среди мечети — самого царя казанскаго в желѣвѣчных и в худых ризах одѣянна не на царскомъ мѣсте златом, но на земли седяща, на коврѣ, сѣтующа и плачюща, и прахомъ главу посыпанну имуща, и скверную молитву по закону своему творяща, и храняющася смертнаго ради страха, да не познан будет от руских вой, яко царь есть, и нѣкако *прелукавит* их, и не изыманъ нощию убѣжати чая у них из града; и 12 иерей нечестивых пред нимъ на земли же ницаху и молитву творяху, и около царя 30 князей воруженных стояху.

Воин же той русинъ остави то все в мечети грабити и тече к дружине *своей* и повѣда имъ о цари, с ними же и поскочи на царя, а иныя на жены устремишася. И хотѣ оружием своимъ поразити всѣх и смерти предати, не вѣдая, что царь есть, убогия ради приправы его, еже на немъ. Сверже бо с себѣ царь драгия ризы познатия дѣля и воинския одежи совлечеся, но не утаится в кале многоцѣнный бисер.

Князи же царевы воскричаша и рускимъ языком рекоша: «Не мозите нас, юннии, никако же убити! О силный воеводо, да нас

запаслись казанским богатством на весь свой век, захватив, сколько хотели, всяких драгоценностей, так что сыновьям, и внукам их, и далеким потомкам осталось много того богатства, и потому могли они не заботиться о насущных домашних нуждах, но всегда веселиться с женами своими и детьми, ибо, мало дней потрудившись, разбогатели они на долгие времена. И возвратились назад русским людям все те русские богатства и все те драгоценности, которые за много лет награбили у них во время набегов казанцы.

О ВЗЯТИИ В ПЛЕН КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О МОСКОВСКОМ ИЗМЕННИКЕ. ГЛАВА 85

Некий же юноша-воин, дружинник князя Дмитрия Палецкого, держа в руках оружие свое наголо, красное от варварской крови, направился с воинами, со своим отрядом, в мерзкое Магометово святилище, в царскую мечеть, где погребались скверные, и гнилые, и навозные, и смрадные тела мерзких, нечестивых казанских царей, надеясь найти там для себя какую-нибудь богатую добычу, как и случилось. И разбил он оружием своим двери мечети, и вошел в нее, и, поглядев по сторонам, увидел на стенах златотканые занавеси, на царских гробах — дорогие покрывала, усаженные жемчугом и драгоценными каменьями; по одну сторону этого храма — большие ларцы и короба с имуществом богатых казанских вельмож, наставленные до самого верха, по другую же сторону — до тысячи жмущихся друг к другу прекрасных женщин и девушек в красивых одеждах и в золотых повойниках, а посредине мечети — самого казанского царя, одетого в истерзанные бедные одежды, сидящего не на золотом царском месте, а на земле, на ковре, горюющего, и плачущего, и посыпающего голову свою пеплом, и скверную молитву, по своему обычаю, шепчущего, и прячущегося в смертельном страхе, чтобы не узнали в нем русские воины царя, надеясь тем перехитрить их и, избежав плена, ночью убежать из города; и двенадцать иереев нечестивых распростерлись перед ним на земле и произносили молитвы, и около царя стояли тридцать вооруженных князей.

Воин же тот русский раздумал грабить мечеть, и пошел к дружине своей, и поведал ей о царе; с ними он и наскочил на царя, часть же воинов устремилась к женщинам. И хотел он оружием своим всех поразить и предать смерти, не ведая, что перед ним царь — из-за нищенской одежды, которая была на нем. Сбросил с себя царь дорогие одежды и совлек воинский свой наряд, чтобы не быть узнанным, но не может утаиться в навозе драгоценный жемчуг!

Князья же царевы закричали и сказали по-русски: «Никак не можете вы убить нас, юноши! О сильный воевода, сам не

дѣля самъ не погибнеши злѣ, ему же служиши, но вземъ, веди нас живых ко царю великому князю, да про нас от него честь приимеши: то бо есть царь казанский, его же мало не убил еси, а то есть иереи бахмечи, а мы есмя князи царевы, служимии ему раби». И падоша ему на колѣну свою, повергше оружия своя, держаще на персѣх руцѣ свои, молящеся своим языкомъ, дабы их не убил. Бѣ бо крѣпко заповѣдано от самодержца всѣмъ воемъ никому же убити казанскаго царя, но жива взяти, идѣже обрящут его.

Юноша же воинъ преклонився к милосердию и опусти острое кровавое оружие свое на землю, трясыйся злобою убийственною и трепеща весь от радости, яко не лишен бысть онъ за труды своя обогащение прияти от бога. Повелѣ же другом своимъ убити иеревъ бахмичих, и убиша их, царю же ничтоже зла не сотвори, но, яко велико сокровище обрѣт, тихо и честно царя от земля подья и посади его на конь свой, и его князи остави пѣши итти, связанных, у седла, у ногу цареву, и самъ и друзи его пред царем и около царя идяху, оружиемъ своимъ машуще, и разбиваху воя, путь итти царю творяще сквозѣ воя, да никто же приближится к нему. И многих уязви юноша той, хотящих силно царя отняти у него, чести ради и корысти от самодержца прияти.

И приведе въ стан к шатру самодержцеву. Онъ же не велѣ его вести на очи к себѣ. «Не подобает бо,— глаголаше,— повинному древних царей обычаю, видѣвше царя, быти в печали и тузѣ, но радостну и веселу, яко царь сый, аще и поганъ, и силою и богатством не таковъ сый, но самоволенъ бѣ и себѣ служаше, а не иному коему царю, и себе брежаше, и за себе стояше. И паче достоинъ есть похвалѣ таковый, и не муце и казни».

И повелѣ его на конь всадити и водити по всѣмъ рускимъ полком, рек: «Да не имать часа сего видѣти лица моего супостат мой», и, водив его, отдати на брежение великому воеводѣ князю Дмитрею Палецкому Щередѣ, его же отрокъ царя изыма. И наказа воеводѣ словесы утѣшати царя и не печалитися, и блюсти его, и брещи во ослабѣ и в покое велицѣмъ, да точию не убѣжит или самъ себе в тосцѣ не убиет, князи же его, железы прековав, держати. И воина же русина, приведшаго царя, и други его, сребром и златом ис казны своея понемалу одаривъ и свѣтлая портища подавъ имъ, и паки отпусти их на сѣчю казанцевъ. И радостно потече з друзи своими, вземше корысть добычи своея от самодержцевы казны.

И повелѣ царь князь великий приставнику воеводѣ у царя казанского вопросити, аще кто к нему или х казанцемъ от воевод или от вой московских перевѣт держалъ и грамоты посылал. Царь же с словомъ воеводы борзо влагалище свое развергъ,

пострадай жестоко из-за нас от того, кому служишь; лучше, взяв нас, веди живыми к царю великому князю и получишь от него за нас почести: ведь тот, кого ты едва не убил — казанский царь, а это — иереи магометанские, а мы — князья царевы, служащие ему рабы». И, побросав оружие свое, упали они перед ним на колени, умоляя его на своем языке, приложив руки к груди, не убивать их. Накрепко ведь наказал самодержец всем своим воинам, чтобы никто не убивал казанского царя, но взяли бы его живым там, где его найдут.

И юноша-воин склонился к милосердию и опустил на землю острое кровавое свое оружие, весь трясясь от смертельной злобы и трепеща от радости, что не лишил его бог за его труды возможности обогатиться. И повелел он друзьям своим убить магометанских иереев, и убили их, царю же не причинил он никакого зла, но тихо и уважительно, так, словно нашел драгоценное сокровище, поднял царя с земли и посадил его на своего коня, а князей его повел пешком, связанными, у седла царского, у его ноги; сам же и друзья его шли впереди и около царя, размахивая оружием, и раздвигали воинов, прокладывая царю путь, чтобы никто не мог приблизиться к нему. И многих ранил юноша тот, тех, кто хотел силой отнять у него царя, чтобы получить от самодержца почести и награду.

И привел он его в стан, к самодержцеву шатру. Тот же не велел вводить его к себе, пред очи свои. «Не подобает ведь,— объяснил он,— тому, кто придерживается обычаев древних царей, увидев царя, пребывать в печали и тоске вместо радости и веселья, а этот царь хотя и поганый и не такой сильный и богатый, но независимым был и служил себе, а не какому-нибудь иному царю, и сам себя охранял, и сам за себя стоял. И достоин больше таковой похвалы, чем муки и казни».

И, сказав: «Да не увидит сейчас лица моего супостат мой!», повелел посадить его на коня и водить по всем русским полкам и, обойдя их, отдать его под охрану великому воеводе князю Дмитрию Палецкому Щереде, отрок которого взял царя в плен. И наказал воеводе утешить царя, чтобы тот не печалился, и ухаживать за ним, и держать его на свободе и в полном покое, чтобы только не убежал он или сам в тоске себя не убил, князей же его держать закованными в железо. Воина же русского, приведшего царя, и друзей его, немало одарив серебром и золотом из своей казны и раздав им нарядные одежды, отпустил он снова сражаться с казанцами. И радостно пошел тот с друзьями своими, получив богатую добычу из самодержцевой казны.

И повелел царь великий князь воеводе, приставленному к казанскому царю, спросить того, не доносил ли кто-нибудь ему или казанцам из московских воевод или простых воинов и не посылал ли грамот. Царь же по слову воеводы быстро открыл кошелек,

еже при поясе своемъ ношаше, у срачицы, и взем от него грамоту и вдаде воеводѣ онаго злаго воина Юрья Булгакова, самого его руки писание. Воевода же то до самодержца донесе и прочет я пред нимъ. Онъ же разгнѣвася зѣло и повелѣ яти его и пытати его крѣпко, аще того есть грамота и писание? Онъ же никакоже крѣпко, аще того есть грамота и писание? Онъ же никакоже запреся, но исповѣдаше предо всѣми, яко: «Мое есть дѣло сие, и мой грѣх ко мнѣ пришел есть, и по сердцу сотворих е за нелюбие твое ко мнѣ».

И предаде его воеводѣ, да промыслит о немъ, яко же хощет. Воевода же отдаде на смертную казнь и повелѣ его по хребту секѣрою растесати и руцѣ его по мышцѣ, и нозѣ его по колѣни, а последи главу ему отсѣщи, яко да и прочии, сие видѣвше, лишатся тако творити. И лежа 3 дни непогребенъ на мѣсте томъ, всѣми зримь, и прошениемъ воеводы свои ему взяша с мѣста того, и погребенъ бысть на Руси у родителей своих. Се бо тако случается вездѣ ко иновѣрнымъ перевѣт держащимъ.

СМѢЧЕНИЕ ВСѢХ В КАЗАНИ ПОБИТЫХ КАЗАНЦЕВ И РУСКИХ ВОЙ, ИЗЧИЩЕНИЕ ГРАДА. ГЛАВА 86

И кончавшейся сѣчи, и воплю преставшу, и улегшуся мятежю, и повелѣ царь князь великий мудрецемъ гораздым, обьѣхавъ, смѣтити и счести, колико есть число побитых казанцевъ и руси. И борзо поѣздивъ, и почте, и смѣти рязанския земли воевода Назарья Глѣбовъ, мудръ бо бѣ и хитръ ко счетному числу — таков, яко единемъ часомъ, не долго мысля или рати число не довѣдовыя, по хожению их *и* по пути, в мегновении ока познавше. Смѣтивъ, и сказа. «Есть,— рече,— самодержче, болѣ 190 000 побитых казанских людей и всѣх мала и велика, стара и млада, мужска пола и женска, кромѣ плененых, есть же и тѣх число болѣ того». Онъ же покива главою своею и рече: «Воистинну сии людие, буи и не мудри, *крѣпцы быша и силнии*, и самоволни умроша, непокорившися воли моей». Руских же вой сочтоша, побитых от казанских людей во всѣх приступех и на сьемных боех, и в загонех 15 355 человекъ.

И повелѣ царь князь великий пѣшцемъ чистити град и царевъ двор, и улицы вси, и площади и всѣх побитых казанцевъ трупия вонъ из града извлачити и далече внѣ града пометати, на пусте мѣсте, псомъ и звѣремъ на снѣдение и на раздробление воздушным птицам. Ту же наидоша в трупии томъ и сеита казанскаго, убита, и оного буяго варвара — сходника и прелагатая князя Чапкуна, лежаща нага, по частем разсѣчена и толь скоро согнивша во единъ день, и червми

который носил на поясе у сорочки, и достал из него грамоту того злого воина Юрия Булгакова, написанную его рукой, и отдал ее воеводе. Воевода же принес ее самодержцу и прочел ему. Тот же сильно разгневался и повелел схватить его и крепко пытать его: им ли написана грамота? И не стал он нисколько запираться, но признался перед всеми: «Мое это дело, и мой грех вернулся ко мне, сделал же я это по своей воле за нелюбовь твою ко мне».

И отдал его самодержец воеводе, дабы тот поступил с ним, как захочет. Воевода же предал его смертной казни и повелел сначала разрубить его секирой вдоль хребта, потом отсечь руки до мышек, потом ноги до колен, а напоследок отрубить голову, чтобы другие, увидев это, не совершали подобного. И лежал он у всех на виду три дня непогребенным на месте том, и, упросив воеводу, забрали его оттуда близкие его, и был он похоронен на Руси, у родителей своих. Так ведь везде случается с теми, кто доносит иноверным.

СОБИРАНИЕ ВСЕХ УБИТЫХ В КАЗАНИ КАЗАНЦЕВ И РУССКИХ ВОИНОВ, ОЧИЩЕНИЕ ГОРОДА. ГЛАВА 86

Когда же кончилась битва, и смолкли крики, и улеглось волнение, повелел царь великий князь искусным умельцам, объехав город, собрать в одно место и сосчитать, сколько убито казанцев и русских. И, быстро поездив, собрал всех и сосчитал рязанский воевода Назар Глебов, ибо был он умен и искусен в счете — таков, что за один час, недолго размышляя и не узнавая о численности войска, по тому, как движется войско и какой проходит путь, в мгновение ока мог сосчитать его численность. Сосчитал он и доложил: «Побито,— сказал он,— самодержец, более ста девяноста тысяч казанцев, детей и взрослых, старых и молодых, мужчин и женщин, и все это — не считая пленных, тех же число еще больше». Царь же покачал головою и сказал: «Воистину эти люди, дерзкие и неразумные, стойкими были и мужественными и умерли свободными, не покорившись моей воле». Русских же воинов, убитых казанцами во время всех приступов и в стычках во время вылазок, насчитали пятнадцать тысяч триста пятьдесят пять человек.

И повелел царь великий князь пехотинцам вычистить город, и царский двор, и все улицы, и площади и вытащить вон из города трупы всех убитых казанцев, и побросать их далеко за городом, в пустынном месте, на съедение псам и зверям и на расклевание птицам небесным. Среди трупов нашли и убитого казанского сеита и того наглого варвара, что был лазутчиком и изменником,— князя Чапкуна, который лежал нагой, рассеченный на части и так быстро — за один день! — сгнивший, и червями

кипяща, и злосмрадие злое издающа на показание протчимъ всѣмъ измѣнникомъ, с лестию и неправдою служащимъ государемъ своимъ — им же да буди вѣчная мука!

ВШЕСТВИЕ В КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И МОЛЕНИЕ *ЕГО* И БЛАГОДАРЕНИЕ КЪ БОГУ. ГЛАВА 87

И егда исчистиша град, тогда самъ благовѣрный царь князь великий во вторникъ въѣхавъ в столный град Казань в час 3 дня со всею силою своею, предидущу пред нимъ хоругви его — образу Спасову и того рождшей пречистей богородицы, и честному кресту. И приѣхавъ на великую площадь къ цареву двору, и ту сойде с коня своего, дивяся во умѣ своемъ и чюдяся, и пад на земли и благодаряше бога, зря на образ его, еже на хоругви, и на пречистую богородицу, и на честный крестъ Спасовъ, слезы точя о неначаемых избывшихся ему.

И воставъ от земли и радости и жалости наполнився, рече: «О, коликъ народ людей паде единемъ малым часомъ единаго ради града сего! И не без ума положиша главы своя казанцы до смерти, яко велика бѣ слава и красота царства сего».

И пойде во царевъ двор, таже и на сѣни и в полаты, и в златоверхия теремы, и походи в них, *красуяся* и веселяся: разруши бо ся красота их и охудѣ ото многаго биения пушечнаго. И созрѣ цареву казну всю очима своима самъ, повелѣ преписати ю и печатью своею запечатати, да не угибнет от нея ничтоже. Приставленъ бо бѣ к ней воевода со стрелцы огненными брещи ея от расхищения вой.

И повелѣ молебная благодарения презвитером своим и дияконом, и всѣмъ людемъ богу воздати о всѣх от бога дарованных ему по желанию его, и воду святити, и со кресты и с литиею окрестъ всего града ходити свщенником и всѣмъ воемъ повелѣ. И бѣ самъ ходя за кресты, слезяще и глаголаше: «Благодарю тя, Христе боже мой, яко не предал мя еси в руцѣ врагъ моих до конца в посмѣх и укоризну и не презрѣл еси моления моего, но даровал ми еси, юному, сия вся нынѣ збывшася видѣти очима моима, еже *на* жребий мой и на честь, и на славу мнѣ от прародителей моих убреглъ еси, еже они многа лѣта подвизашася о Казани и одолѣти не возмогоша, и ничимъ же охуженъ есмь от них».

И вси людие «господи, помилуй» взываху, и вси вопияху: «Десница твоя въ крѣпости прославися, и десная ти рука, господи, сокруши враги наши, и множествомъ славы твоея стерлъ еси супротивных. И паки сей день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь». И много воспѣвающи, и много благодарственыя гласы воспущаху, и, яко велицыи громи, до небесъ слышахуся гласи их.

Священницы же святую воду святивше з животворящих крестовъ и святых иконъ, и з чюдотворных мощей и святых, и все

кипящий, и злосмрадие сильное издающий в назидание всем другим изменникам, с лицемерием и неправдой служащим своим государям,— да будет им вечная мука!

ВХОД В КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И МОЛИТВА ЕГО И БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ. ГЛАВА 87

И когда очистили город, тогда сам благоверный царь великий князь во вторник въехал в стольный город Казань в третьем часу дня со всею своей силою, а впереди него несли его хоругвь — образ Спаса и родившей его пречистой богородицы и честной крест. И, приехав на большую площадь к царскому двору, сошел он здесь с коня своего, удивляясь про себя и изумляясь, и, упав на землю, благодарил он бога, глядя на образ его на хоругви, и на пречистую богородицу, и на честной Спасов крест, проливая слезы о неожиданно сбывшемся.

И, поднявшись с земли и наполнившись радостью и жалостью, воскликнул он: «О, сколько в единый малый час пало людей за один город этот! И не по глупости своей сложили за него казанцы свои головы: велика была слава и красота царства этого».

И пошел он на царский двор, и в сени, и в палаты, и в златоверхие терема и расхаживал по ним, красуясь и веселясь, ибо разрушилась и исчезла красота их от частой пушечной стрельбы. И, сам своими глазами осмотрев царскую казну, повелел он переписать ее и запечатать своею печатью, дабы ничто из нее не погибло. И приставлен был к ней воевода с пищальниками охранять ее, чтобы воины не растащили.

И повелел он пресвитерам своим, и дьяконам, и всем людям молитвами возблагодарить бога за все, что даровал ему бог по желанию его; и повелел освятить воду и ходить вокруг города с крестами и молитвой священникам и всем воинам. И сам, ходя за крестами, проливал слезы и говорил: «Благодарю тебя, бог мой Христос, за то, что не отдал меня в руки врагов моих на посмеяние и унижение и не презрел моления моего, но даровал мне, юному, видеть своими глазами все сбывшееся теперь, то, что сделал ты моим жребием и на честь и на славу мне уберег от прародителей моих — ведь они много лет домогались Казани и не смогли одолеть ее, и теперь ничем я не хуже их».

И все люди взывали: «Господи, помилуй!», и все кричали: «Прославилась крепостью десница твоя, и сокрушила, господь, правая твоя рука врагов наших, и великой своей славой стер ты противника! Так возрадуемся же и возвеселимся мы в день, когда совершил все это господь!» И долго пели они, и долго воссылали слова благодарности, и, словно сильные громы, поднимались крики их до небес.

Священники же, животворящими крестами, и святыми иконами, и чудотворными и святыми мощами освятив воду, кропили ею все

христолюбивое воинство, и кони их и по всему граду: по улицам и по домомъ, и по храминамъ, и всюду ходяще, доволно кропиша. И тако святым обновлениемъ обновиша Казань град.

И разрушенная мѣста и паки повелѣ царь князь великий поровняти и поставити, и крѣпце здати, и болѣ стараго прибавити град, и мѣста разширити на здание каменнаго града. И поча на весну того же лѣта строити каменный град и церкви в немъ на болшее утвержение царству.

О ЗАЛОЖЕНИИ ЧЕРЕМИСЫ ДОСТАЛНЫЯ ЗА ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И О ИСПОЛНЕНИИ ОБѢЩАНИЯ ЕГО. ГЛАВА 88

Черемиса же луговая досталная вся, свѣдавше того же дня взятие великаго града своего, изыдоша из остроговъ своих: и старѣйшины их, и сотники, кои были не взяты еще. И собравшеся мнози, приидоша в Казань ко царю самодержцу с великимъ смирениемъ и покорениемъ и предашася ему вси, и назваша его себѣ новым царемъ. Онъ же возлюби их и пожалова, на обѣде своемъ накормивъ их и напоивъ, и дастъ сѣмена земныя и кони, и волы на орание: инымъ же и одѣяние дастъ, и сребреницъ понемногу. Они же радовахуся о милосердии его. И отпусти их по мѣстом своимъ жити без боязни, наказавъ воеводамъ, да накажут воемъ своимъ не обидѣти их ничимъ же. И преписаша тѣх оставшихся от воевания живых 93 075. И от того дне преста воевати казанския земли.

И вскорѣ восхотѣ благовѣрный царь обѣщание свое исполнити, еже обѣщася пред образомъ Спасовымъ, х Казани пошед: мечети поганыя раскопати и святыя церкви воздвизати на мѣстех их. И повелѣваетъ всѣмъ воеводамъ и воемъ на плещах своих от лѣса древие носити, самъ преже рукама своима древо секирою посѣче и от лѣса на плещу свою принесе.

И во единъ день созда храмъ соборный Благовѣщение пресвятыя владычицы нашея богородицы на мѣсте краснѣ, на площадѣ близ царева двора, предѣла два имущи. И единемъ стояниемъ сотворены церкви же предѣлныя: велицы страстотерпцы руския Борис и Глѣб и новоявленныя чюдотворцы муромския князь Петръ и княгини Феврония. Вторую же церковь *поставн Воскресение господа нашего Исуса Христа, 3-ю церковь* святых великомученикъ Киприана и Устины, 4 же — за градом, на пожарѣ, противу врат градных, на торговищи, нерукотворенный образ господа нашего Иисуса Христа, пятую же — великаго чюдотворца Николы монастырь общежителный учини.

христолюбивое воинство, и коней их, и весь город, ходя всюду: по улицам, и по домам, и по строениям. И так святым обновлением обновили город Казань.

И повелел царь великий князь разрушенные места разровнять и вновь застроить, и сделать еще крепче, и увеличить крепостную стену по сравнению со старой, и расширить место для возведения каменного города. И весной того же года начали строить каменный город и в нем — церкви для большего укрепления царства.

О ДОБРОВОЛЬНОМ ПОДЧИНЕНИИ ОСТАЛЬНОЙ ЧЕРЕМИСЫ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ОБ ИСПОЛНЕНИИ ЕГО ОБЕЩАНИЯ. ГЛАВА 88

Вся же остальная луговая черемиса, в тот же день узнав о взятии великого своего города, повыходила из острогов своих: и старейшины их и сотники, кто еще не был взят в плен. И когда собралось их много, пришли они в Казань к царю-самодержцу с большим смирением и покорностью, и покорились ему все, и назвали его своим новым царем. Он же полюбил их и пожаловал, на обеде своем накормив их и напоив, и раздал им семена, и коней, и волов для вспашки земли; некоторым же и одежду дал, и понемногу серебра. Они же радовались милосердию его. И отпустил их по своим местам, чтобы жили они без страха, наказав воеводам приказать своим воинам ничем их не обижать. И переписали их, оставшихся в живых после войны, девяносто три тысячи семьдесят пять. И с того дня прекратили разорять казанские земли.

И вскоре захотел благоверный царь исполнить свое обещание, которое дал перед образом Спаса, пойдя на Казань, разрушить поганые мечети и воздвигнуть на их месте святые церкви. И повелевает он всем воеводам и воинам на своих плечах носить из леса бревна, прежде же других сам своими руками подсек секирой дерево и принес его на своем плече из леса.

И за один день в красивом месте — на площади возле царского дворца — возвели соборный храм Благовещения пресвятой владычицы нашей богородицы, имеющий два придела. И одновременно построены были придельные церкви: в честь великих страстотерпцев русских Бориса и Глеба и новоявленных чудотворцев муромских князя Петра и княгини Февронии. Вторую же церковь поставили в честь Воскресения господа нашего Иисуса Христа; третью церковь — в честь святых великомучеников Киприана и Устины; четвертую же, в честь нерукотворного образа господа нашего Иисуса Христа,— за городом на пожарище, напротив городских ворот, на рынке; пятым же построили общежительный монастырь великого чудотворца Николы.

Потомъ же многи церкви от християн во имяна святых воздвигнуты быша в похвалу имяни Христа, бога нашего.

И наведе же богатых жителей царь князь великий в Казань из области своея, из селъ и из градов, и наполни град людми своими, десятерицею старого болѣ. И великим богатством Казань воскипѣ, и необычною красотою восия. И забываше всякъ человекъ иноземец, *видѣвше* царство то, отца своего и матерь, и жену, и дѣти, и племя свое, и друзи, и землю свою, и жити в Казани, и не помышляющи воспять во отечествие свое обратитися.

О ПОСТАВЛЕНИИ В КАЗАНИ АРХИЕПИСКОПА И ПОХВАЛА ХРИСТУ БОГУ НАШЕМУ. ГЛАВА 89

Минувшима же по взятии Казани лѣтома двѣма, и божиимъ промысломъ, изволениемъ самодержца и проразсужениемъ великаго святительскаго собора святиша новаго архиепископа граду Казанскому перваго, Гуриа именемъ, игумена бывшаго честныя обители Иосифовы, да в новомъ царстве, в Казани, устрояетъ и утвержает, и исправляетъ слово истинныя вѣры, и во скрепление граду, и от измѣнных лстец, и во блюдение христоименитымъ людемъ, живущимъ во граде и селех, духовне и всячески да не прелщаются людие, сходящися с поганою черемисою, яко русь литовская с ляхи, и да ни женятся, ни посягают с ними, ни ядят, ни пиют у них и ни к себѣ да взывают их. И учини быти царь князь великий казанскаго архиепископа под Ноугородцкою архиепископию, третияго в Руси.

Но, о великих тѣх чюдес, Христе, кое благодарение о сих мы, грѣшнии, тебѣ принесем? Точию: «Слава неизреченнымъ судбамъ твоимъ, владыко! Слава человеколюбию и милосердию твоему к намъ! Слава неизреченной ти благости! Велий еси господи, и чюдна дѣла твоя, и ни едино же есть слово доволно наше к похвалению чюдес твоих!» И паки: «Велий господь наш и велия крѣпость его, и разуму его нѣсть числа! Кто возглаголетъ силы господни и слышаны сотворит вся хвалы его? Слава единому богу нашему, творящему дивная и преславная чюдеса, еже видѣста очи наши!»

ПОХВАЛА ГРАДУ КАЗАНИ. ГЛАВА 90

О, блаженъ еси нынѣ, градѣ прекрасный Казань, и от бога благословен еси, зѣло радуйся и веселися паче всѣх руских градов! Вся бо Руская земля и градове издавна от благодати святаго Духа просвѣщение прияша, ты же нынѣ ново православиемъ просветися и божественными храмы обновися и, яко младенецъ, породися, избѣгъ темныя вѣры суетства,

После этого много было церквей воздвигнуто христианами в честь святых, во славу Христа, бога нашего.

И привел царь великий князь в Казань богатых жителей из владений своих, из сел и городов, и наполнил город своими людьми в десять раз больше прежнего. И закипела Казань несметными богатствами и засияла необычной красотою. И, увидев то царство, забывал любой иноземец отца своего, и мать, и жену, и детей, и родственников своих, и друзей, и землю свою и оставался жить в Казани, не помышляя возвратиться назад, в отечество свое.

О ПОСТАВЛЕНИИ В КАЗАНИ АРХИЕПИСКОПА И ПОХВАЛА ХРИСТУ, БОГУ НАШЕМУ. ГЛАВА 89

Когда же минуло два года после взятия Казани, божиим промыслом по желанию самодержца и по решению большого святительского собора впервые для службы в городе Казани поставлен был новый архиепископ — бывший игумен честной Иосифовой обители по имени Гурий, для того чтобы в новом царстве, в Казани, проповедовал он, и утверждал, и насаждал слово истинной веры, а также для очищения города от льстивых изменников и для наблюдения над христианами, живущими в городе и селах, дабы духовно и всячески не прельщались люди, сходясь с поганой черемисой, так же как литовская русь с ляхами, и не переженились бы с ними, и не посягали на них, не ели бы и не пили у них, и к себе бы их не приглашали. И определил царь великий князь казанского архиепископа под начало Новгородской архиепископии третьим на Руси.

Но, Христос, какое благодарение можем мы, грешные, принести тебе за великие те чудеса? Разве только: «Слава непостижимым замыслам твоим, владыка! Слава человеколюбию и милосердию твоему к нам! Слава непостижимой твоей благодати! Велик ты, господи, и чудны дела твои, и ни одно слово наше не достойно восхваления твоих чудес!» И еще скажем: «Велик господь наш, и велика сила его, и разуму его нет предела! Кто расскажет о могуществе господнем и сделает слышимыми все похвалы ему? Слава единому богу нашему, творящему дивные и преславные чудеса, которые видят глаза наши!»

ПОХВАЛА ГОРОДУ КАЗАНИ. ГЛАВА 90

О прекрасный город Казань, достойный похвалы и богом благословенный, радуйся и веселись больше всех русских городов! Ведь вся Русская земля и города ее еще в давние времена просветились благодатью святого Духа, ты же теперь внове православием просветился, и обновился божественными храмами, и, словно младенец, народился, избежав обмана темной веры,

и всяко нечестие потреби, и поганую бахмичю вѣру до конца погуби. Яко солнце красное от темных облакъ произшед, от прелести тоя провосия, всю страну ту лучами благовѣрия просвѣщаеши. И сего ради не унывай, но паче ликоствуй и свѣтло торжествуй, и красуйся! Отъят бо господь от тебе неправды твоя, бывшая от зачала в тебѣ, избави тя от варварскаго державства и жертвъ служения сквернаго Бахмета. И воцарися господь посредѣ тебе, и той сохранит тя, яко сѣницу ока десницею своею покрыет, и заступит тя от враг твоих, и не узриши зла к тому ни от кого же, яко новорожденнаго младенца, и мир божий на тебѣ до вѣка временных пребудет!

Древле бо ты злобами и неправдами великими наполняшеся и кровию многою рускою, и горкими слезами, яко реками, кипяше, и всяцеми скверНами и нечистотами преизобиловашеся, и тѣх ради многих беззаконей твоих великою славою словяше, яко доходити славѣ твоей и до самаго царя вавилонскаго, и другу ему именоватися, и почитаему быти от него, и любиму, и славиму, от руских людей всегда поношаемь и проклинаемь бываше, и богу своему со слезами моляхуся, да воздастъ ти господь по дѣломъ твоимъ, *еже и* восприял еси; нынѣ же от них вмѣсто проклятия благословениемъ веселишися и похвалами ублажаемь, прославишися и седмерицею паче перваго славнейши сотворися, не до Вавилона, но от конец до конец земли.

Мы же, истиннии християне и не лестнии поборницы вѣре христовѣ, како не удивимся нынѣ божию человеколюбию на нас: идѣже царство темное и нечестивое бѣ, и ту царство благочестивое процвѣте, идѣже умножися грѣх, ту преизобиловаше божия благодать. И кто ся не почюдит, и кто не прославит бога о семъ? Токмо еретик и невѣрных иноземцевъ — тии бо суть едини не ради християнскому добру: распыхахуся сердцы своими, завистию снедаеми, видяще христову вѣру разширяющюся и их вѣру изчезающю силою христовою, и Рускую землю продолжающуся и разширяющуся, и народа людми умножающюся.

Иже иногда слышахуся и видяху во граде Казани морзости и запустѣния мечети варварския стоящи, нынѣ же на тѣх мѣстех видяхуся церкви божия християнския, пресвѣтло сияюще; иже иногда злосмрадныя сквары воздух оскверняющи, бѣсомъ требовахуся, нынѣ же кандило и благовонный фимиянъ в воню благоухания Христу приносится; иже иногда животная закалахуся, безсловесная скоти и птицы, нынѣ же самый агнецъ Христос за вся вѣрныя закалается, и безкровная и чистая жертва богу выну о грѣсѣх наших приносится; иже иногда тимпаны звяцаху, и арганы восклицаху, и рожны вопияху, и сурны возглашаху, и трубы шумяху,

и истребил всякое нечестие, и окончательно разрушил магометанскую веру. Словно красное солнце, выйдя из-за темных облаков, засиял ты, освободившись от того заблуждения, просвещая всю страну лучами благоверия. Поэтому не унывай, но еще больше ликуй, и светло торжествуй, и красуйся! Ибо освободил тебя господь от неправды твоей, которая изначально была в тебе — избавил тебя от варварского правления и жертвоприношений скверному Магомету. И воцарился в тебе господь и теперь сохранит тебя: словно зеницу ока, прикроет он тебя десницею своею, и, как новорожденного младенца, защитит от врагов твоих, и ни от кого не увидишь ты теперь зла, и пребудет в тебе мир божий на долгие века!

Если в давние времена был ты наполнен злобою и большими неправдами и кипел, словно реками, многою кровью русскою и горькими слезами, и изобиловал всякими сквернами и нечистотами, и далеко прославился теми многочисленными своими преступлениями, так что доходила слава твоя до самого царя вавилонского, и другом ему называли тебя, и был ты им почитаем, и любим, и прославляем, в то время как русские люди всегда поносили тебя, и проклинали, и богу своему молились со слезами, чтобы воздал тебе господь по делам твоим, что и случилось; то теперь вместо проклятия получил ты благословение от них и веселишься, и, похвалами их ублажаем, прославился ты и в семь раз известнее стал — не до Вавилона, но от одного конца земли до другого.

Мы же, истинные христиане и нелицемерные поборники христовой веры, как не подивимся теперь божьему человеколюбию, нам показанному: там, где было царство темное и нечестивое, процвело царство благочестивое; там, где умножался грех, воцарилась божья благодать. И кто же не удивится и не прославит за это бога? Только еретики и неверные иноземцы — они одни не рады христианскому благополучию: разъярились сердца их, снедаемые завистью, когда увидели они, что христова вера распространяется, а их вера уничтожается христовою силой и что Русская земля растет и процветает и народ в ней умножается.

Некогда можно было слышать и видеть в Казани в мерзости и запустении стоящие мечети варварские, теперь же на их месте видны церкви божии христианские, пресветло сияющие; там, где некогда оскверняли воздух злосмрадные воскурения, приносимые бесам, ныне благовонный фимиам кадилами воссылается ко Христу ароматом благоуханным; там, где некогда животных закалывали, бессловесный скот и птицу,— теперь сам агнец Христос закалывается за всех правоверных, и бескровная и чистая жертва приносится всегда богу за грехи наши; там, где некогда звенели тимпаны, и взвизгивали органы, и вопили рожки, и сурны оглашали воздух, и шумели трубы,

вои казанския собирающи, симъ подобающи имъ вѣсть, да готови будут на едование плоти и пролити крови крестьянския, ныне же доброгласныя трубы вопияху, рекше, звонения церковная, уши оглашающи, не страх и боязнь подающи, но веселие и умиление вѣрнымъ людем въ сердца влагая и возбужающи от сна, и созывающи богобоязнивыя мужи и жены на духовный подвиг во церкви божии, на молбы и моления, и на божественая славословия.

О ПОСЛАНИИ С ВѢСТИЮ К МОСКВѢ, ИЖЕ МОЛИТИСЯ ГОСПОДУ БОГУ И ИИСУСУ ХРИСТУ, И О РАДОСТИ ЛЮДСТѢЙ. ГЛАВА 91

Православний же царь князь великий посылает тогда скоро со благодарною вѣстию к Москвѣ наперед себе велика бо воеводу благовѣрнаго болярина, шурина своего, Данила Романовича к брату своему, ко князю Георгию, и ко отцу своему святѣйшему митрополиту Макарию, и ко царице своей Анастасии, и веля имъ повѣдати царское свое здравие и всѣх князей и великих воевод, и всѣх благочестивых вой его и бывшую ему помощъ и великую побѣду над казанцы, и како взя столный град Казань, и самого казанскаго царя изыма. И прииде вѣсть к Москвѣ октября въ 9 день на память святаго апостола Иакова Алфеова.

Благовѣрный же князь Георгий и преосвященный Макарей митрополит, слышавше от царева посла, и скоро потекоша в великую соборную церковь пресвятыя владычицы нашея Богородицы и со всѣми епископы, иже бяху во царствующемъ градѣ Москвѣ, киждо давно их пришедши от епископия своего и ждущи из Казани возвращения царева, и со всѣми презвитеры своими, и дияконы, и с клирики, повелѣвше на площади во вся тяжкая звонити, такоже и по всему граду Москвѣ, по всѣмъ церквамъ святым звонити и пѣти благодарственныя молбы, пѣти всю неделю.

И начаша молебная совершати преосвященный митрополитъ со епископы, и у всѣх рѣки слез от очию на брады и на перси проливахуся и на землю течаху. Небо и земля, и вся твари тогда дивящеся вкупе и радующися со человеки, славящи и величающи творца своего, всесилнаго бога, даровавшему слузѣ своему, благочестивому царю, дивную побѣду на варвары. И всей Рустей земли — во градѣх и в селѣхъ, и во всѣхъ людехъ радость и веселие бысть велико на долго время.

Православнии же християне, иноцы и мирстии, и вси полатнии сановницы с ними — и что убу не глаголаху, и что ли не творяху, побѣдная плещущи, и веселящися, и борзо течение ко святымъ церквамъ *творяще*, и состизающися и другъ со другомъ, сами у себе пытающися, и повѣющи, како ихъ самодержецъ казанцы злыя побѣди и градъ Казань взя с крѣпкими

собирая казанских воинов — так узнавали они, что подобает им быть готовыми на съедение плоти и пролитие крови христианской, теперь гремят, достигая ушей, благозвучные трубы, то есть звоны церковные, внушающие не страх и боязнь, но веселие и умиление влагающие в сердца правоверным людям, пробуждая ото сна и созывая в божьи церкви богобоязненных мужей и жен на духовный подвиг — на молебны, и моления, и божественное славословие.

О ПОСЛАНИИ В МОСКВУ С ВЕСТЬЮ, ЧТОБЫ МОЛИЛИСЬ ГОСПОДУ БОГУ ИИСУСУ ХРИСТУ, И О ЛЮДСКОЙ РАДОСТИ. ГЛАВА 91

И вскоре посылает православный царь великий князь впереди себя в Москву с благой вестью знатного воеводу, благоверного боярина, шурина своего Данилу Романовича к брату своему, князю Георгию, и к отцу своему, святейшему митрополиту Макарию, и к царице своей Анастасии, веля поведать им о царском своем здравии и здравии всех князей, и великих воевод, и всех своих благочестивых воинов, и о пришедшей к нему помощи, и о великой победе над казанцами, и о том, как взял он стольный город Казань и взял в плен самого казанского царя. И пришла весть эта в Москву девятого октября, в день поминовения святого апостола Иакова Алфеева.

Благоверный же князь Георгий и преосвященный митрополит Макарий, услышав это от царского посла, быстро пошли в большую соборную церковь пресвятой владычицы нашей Богородицы со всеми епископами, которые находились в это время в царствующем городе Москве, ибо каждый из них давно пришел из своей епископии и ожидал возвращения царя из Казани, и со всеми пресвитерами своими, и дьяконами, и клириками, повелев на площади звонить во все большие колокола, также и по всей Москве по всем святым церквам звонить и петь благодарственные молебны всю неделю.

И начал преосвященный митрополит с епископами совершать молебен, и потекли у всех из глаз на бороды и на грудь реки слез, и стекали на землю. Небо, и земля, и все живое тогда дивилось и радовалось вместе с людьми, славя и величая творца своего, всесильного бога, даровавшего слуге своему, благочестивому царю, дивную победу над варварами. И долгое время было во всей Русской земле, во всех городах и селах, во всех людях великое веселие и радость.

Православные же христиане, иноки и миряне, а с ними и все палатные сановники чего только не говорили и чего только не делали: и победно махали руками, и веселились, и спешили к святым церквам, стремясь обогнать друг друга, и расспрашивали друг друга, и рассказывали один другому о том, как самодержец победил злых казанцев и взял город Казань с крепкими

стенами и людми его, отецъ же его и дѣды, и прадѣды, по многа лѣта доступающи, и никий же от нихъ тако не возможе взяти.

О ВОЗВРАЩЕНИИ К МОСКВѢ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 92

Царь же князь великий пребысть в Казани, взявъ градъ, 15 дней, устрояя и увѣряя, и уряжая. *И* дву великих воеводъ в себѣ мѣсто во градѣ намѣстники остави: князя Александра Горбатаго да князя Василья Сребренаго судити людемъ и войская попечения творити; с ними 60 000 вой на все лѣто в собълюдение царству; а в Свияжскамъ градѣ два же воеводы: князя Петра Шуйскаго и болярина, именемъ Бориса Салтыкова, и 40 000 вой, добрѣ разчинив.

И тако возвратися ко отчеству своему Руския земли, свѣтлу побѣду поставль надъ супостаты своими. В веселии мнозѣ и в радости велицей грядяше ис Казани в ладияхъ прежде реченную многажды великою рѣкою Волгою к Нижному Нову граду, здрав и невреженъ, со всѣми рускими силами, божиею благодатию хранимъ, с великою славою и со многимъ богатьством, и з бесчисленною корыстию, низложивъ сопротивоборцов своих и ведяху с собою жива супостата своего, царя казанскаго, плѣнивъ, и многих с нимъ улановей и мурзы, и князей казанских з женами и з дѣтми безчисленно в плѣнъ.

Царя же Шигалея со всею его силою отпусти полем великим в вотчину его, в Касимов, тѣм же путем, им же ѣхалъ сам Шигалей *х* Казани. Царевичев *же* азстроханских — болшаго брата Дербыш-Алея с честию, одарив, и отпустив его во Орду; и по лѣте едином от нагай убиен бысть; меншаго брата, Кайбулу, с собою к Москвѣ взя, да служит ему на Москвѣ, и даде ему вотчину Юрьевъ-градъ Поволский.

Протчая же воя вся идяху за нимъ из Казани к Василю-граду землею Казанскою по нагорней странѣ и по лугувой не проходными пути чрез высокия горы и дебри, и блата, блудяще пѣши по пустынямъ. И мнози з гладу помроша, не доставше пищи у них, и инии же конину и звѣрину, и мертвечину ядоша. И коней без числа паде, яко мало их выведоша на Русь: кииждо бо князь или воевода 1 000 и 2 000 водяше коней, и у того 10 или 5 остася. И у всѣх такоже, у силних и у несилных, и вси пѣши на Русь приидоша.

И егда бысть в Нижнемъ в Новѣ градѣ царь князь великий, и оттоле поѣде на конех, шествие пути творя сквозь грады и села з братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ и со всѣми князи, и с воеводы к царствующему граду Москвѣ. И встретаху его священницы и мниси с народомъ, со кресты исходящи из градов и ис селъ, стоящих по пути ему, с молитвами и похвалами, и с веселиемъ великимъ.

его стенами и людьми, в то время как отец его и деды и прадеды в течение многих лет осаждали его, но никто из них так и не смог его взять.

О ВОЗВРАЩЕНИИ В МОСКВУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ГЛАВА 92

Царь же великий князь, взяв город, оставался в Казани пятнадцать дней, все устраивая, проверяя и налаживая. И оставил он вместо себя наместниками в городе вершить суд между людьми и наблюдать за войсками двух знатных своих воевод: князя Александра Горбатого да князя Василия Серебряного и с ними на весь год шестьдесят тысяч воинов для охранения царства; и в Свияжске оставил двух воевод: князя Петра Шуйского и боярина, по имени Борис Салтыков, и сорок тысяч воинов, умело распределив их.

И после этого возвратился он в отечество свое, на Русскую землю, одержав светлую победу над супостатами своими. В большом веселии и с великою радостью шел он из Казани в ладьях многажды упоминавшейся прежде великою рекою Волгой к Нижнему Новгороду, здоров и невредим, со всеми русскими силами, храним божьей благодатью, с великой славой, и со многим богатством, и с огромной добычей, низложив противников своих и ведя с собою живым взятого в плен супостата своего — казанского царя и с ним бесчисленное множество уланов, и мурз, и князей казанских с женами и детьми.

Царя же Шигалея со всею его силою отпустил он идти через поле в вотчину его в Касимов тем же путем, каким сам Шигалей ехал в Казань. Из двух же астраханских царевичей старшего брата, Дербышалея, одарив, с честью отпустил он в Орду, и был он спустя год убит ногайцами; младшего же брата, Кайбулу, взял с собою в Москву, дабы служил он ему в Москве, и дал ему в вотчину город Юрьев Поволжский.

Все же остальные воины пешими шли за ним из Казани к Василюгороду по Казанской земле, по нагорной стороне и по луговой, непроходимыми дорогами через высокие горы, и овраги, и болота, плутая по безлюдным местам. И многие умерли с голоду от недостатка пищи; некоторые же ели конину, и звериное мясо, и мертвечину. И коней пало бесчисленное множество, так что мало их довели до Руси: каждый князь или воевода вел тысячу или две тысячи коней, осталось же у них по десять или пять. Так же и у остальных: и у богатых и у бедных. И все пешими возвратились на Русь.

Царь же великий князь, дойдя до Нижнего Новгорода, пошел оттуда на конях с братом своим, князем Владимиром, и со всеми князьями и воеводами сквозь города и села к царствующему городу Москве. И с большой радостью с молитвами и похвалами встречали его вместе с народом священники и монахи, выходя с крестами из городов и из сел, стоящих у него на пути.

И прииде в великую обитель живоначалныя Троицы, в лавру Сергия чюдотворца, и доволно игумена и з братьею напита ядениемъ и питиемъ, и милостыню вда. И ту всрѣти его, пришед с Москвы, брат его, князь Георгий Васильевичъ, с князи и з боляры. И пойде царь князь великий изо обители Сергиевы вкупѣ з братьею своею къ преславному граду Москвѣ.

О ВСРѢТЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АРХИЕПИСКОПОВ ДВУ И ВСЕГО НАРОДА МОСКОВСКАГО И О КРАСОТѢ ОБОЛЧЕНИЯ ЕГО. ГЛАВА 93

Слышанъ же бысть на Москвѣ царский приход его, и *выѣхаша* посланнии от митрополита епископы 3, и встрѣтиша его от града Москвы за 12 верстъ в царскомъ селѣ его в Тонинскмъ со архимариты и игумены: Ростовский архиепископъ Никандръ и Тверский епископъ Иоакимъ, и Сава, епископъ Крутицкий, миръ и благословение носяще от преосвященнаго отца Макариа митрополита. И поклонився ему, и благословивше его, и скоро назад возвратившеся от него. Приближающися ему к посаду града, и пусти ведома впереди себе далеко с приставником воеводою казанскаго царя со знамениемъ его и с плеными казанцы, полкъ великъ до 50 000.

И по звоне весь великий град Москва изыдоша на поле за посад в стрѣтение царя великаго князя: князи и велможи его, и *вси* старейшины града, богатии и убозии, юноши и дѣвы, и старцы со младенцы, и чернцы и черницы, и спроста — все множество безчисленое народа московскаго и с ними же вси купцы иноязычныя: турцы и армены, и нѣмцы, и литва, и многия странницы. И встрѣтиша за 10 верстъ, овии же за 5 верстъ, овии же за 3, ови же за едино поприще, оба полы пути стояще со единаго и угнетающеся, и — теснящеся. И видѣша самодержца своего идуща, яко пчелы матерь свою, и возрадовашася зѣло, хваляще и славяще, и благодаряще его, и побѣдителя велика его нарицающи, и многа лѣта ему восклицающе на долгъ великъ час, вси поклоняхуся ему до земли.

Онъ же посреди народа тихо путем прохожаше, на царстемъ коне своемъ ѣздя со многимъ величаниемъ и славою великою, на обѣ страны против поклоняшеся народом, да вси людие видяще, насладятся велелѣпотныя славы его, сияющия на немъ, бяше бо оболченъ во весь царский санъ, яко на свѣтлый день Воскресения Христа, бога нашего, во златная и сребряная одежда: и златый вѣнецъ на главѣ его с великим жемчюгом и камениемъ драгимъ украшен, и царская порфира о плещу его, и ничтоже ино видѣти и у ногу его развѣ злата и сребра, и жемчюга, и камения многоцѣннаго. И никто же таких вещей драгих нигдѣ же когда видѣ, удивляют бо сия умъ зрящих на нь.

И пришел он в великую обитель живоначальной Троицы, в лавру Сергия-чудотворца, и вволю выделил для игумена и братии еды и питья и раздал милостыню. И здесь встретил его, придя из Москвы, брат его Георгий Васильевич с князьями и боярами. И пошел царь великий князь из Сергиевой обители вместе с братьями своими к преславному городу Москве.

О ВСТРЕЧЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДВУМЯ АРХИЕПИСКОПАМИ И ВСЕМ МОСКОВСКИМ НАРОДОМ И О КРАСОТЕ ОБЛАЧЕНИЯ ЕГО. ГЛАВА 93

Когда же услышали в Москве о приходе царя, выехали навстречу ему три посланных митрополитом епископа: Ростовский архиепископ Никандр, Тверской епископ Иоаким и Савва, епископ Крутицкий, и встретили его с архимандритами и игуменами в двенадцати верстах от города Москвы, в царском его селе Тонинском, принеся ему мир и благословение от преосвященного отца митрополита Макария. И, поклонившись ему и благословив его, вскоре возвратились от него назад. Когда же стал он приближаться к городскому посаду, то послал далеко впереди себя ведомого воеводою-стражником казанского царя со знаменем его и с большим полком пленных казанцев — около пятидесяти тысяч.

И по колокольному звону весь большой город Москва вышел на поле за посад навстречу царю великому князю: князья его, и вельможи, и все старейшины города; богатые и бедные, юноши и девушки; старцы с младенцами и чернецы с черницами; попросту же сказать — все бесчисленное множество народа московского и среди него — все иноземные купцы, турки, и армяне, и немцы, и литовцы, и множество странников. И встречали его одни за десять верст, другие — за пять верст, иные же за три или за одно поприще от города, стоя одновременно по обе стороны пути, давя друг друга и тесня. И, видя, что идет их самодержец, сильно радовались они, словно пчелы, увидевшие матку свою, и кланялись ему до земли, восхваляя, и славя, и благодаря его, и победителем великим называя, и долгое время выкрикивали ему пожелания многих лет жизни.

Он же тихо продвигался среди народа, восседая на царском своем коне в величии и славе, и на обе стороны кланялся народу, дабы все люди, увидев его, насладились прекрасным сиянием его славы, ведь на нем надет был весь царский наряд, как в светлый день Воскресения Христа, бога нашего: золотые и серебряные одежды, на голове — золотой венец, украшенный крупным жемчугом и драгоценными каменьями, а на плечах — царская порфира, ноги же его невозможно было разглядеть из-за золота, и серебра, и жемчуга, и драгоценных камней. И никто никогда не видел таких дорогих вещей, которые поражают ум смотрящего на них!

За нимъ же яздяху братия его, князь Георгий и князь Владимир, такоже и тии в вѣнцах златых и в порфирная, и златыя одѣяна, за ними же и круг их — вси князи и воеводы, и благородныя боляре, и велможа идяху, по тому же в пресвѣтлая и драгая оболчены, и коемуждо на выях их повѣшены чепи и гривны златыя, яко забыти в той час всѣмъ людем, на такия красоты на царския зрящимъ, вся домовная попечения своя и недостатцы.

Прилучиша же ся тогда и послы нѣкия, с честию и з дары пришедше от далних странъ на болшую славу самодержцу нашему: вавилонскаго царя посолъ, сеит царства его, муж зѣло премудръ, и взят бысть из Казанскаго царства за 25 лѣт, удал, и нѣсть бывал от тоя земли преже сего на Руси посол; и послы нагайския, и послы польского короля, и послы дацкаго короля, и послы свицкого короля, и посол волоский, и купцы Англиския земли. И тии вси послы же и купцы тако же дивляхуся, глаголюще, яко: «Нѣсть мы видали ни в коих царствах, ни в своих, ни в чюжих, ни на коемъ же царѣ, ни на королѣх сицевыя красоты и силы, и славы великия!»

Овии же народи московстии, возлѣзше на высокия храмины и на забрала, и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего; овии же далече напред заскачише и от инѣх высот нѣких, лепящеся, смотряху, да всяко возмогут его видѣти. Девицы же чертожныя и жены княжия и болярския, имъ же нелзѣ есть в такая в позорища великая, человеческаго ради срама, из домов своих исходити и ис храминъ излазити *не* полезно есть, гдѣ седяху и живяху, яко птицы брегоми въ клѣтцах, ови же сокровенне приницающи из дверей и из оконецъ своих и в малыя скважницы глядаху, и наслаждахуся многаго видѣния того чюднаго, доброты и славы блистающияся.

ВСРѢТЕНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ МИТРОПОЛИТОМ МАКАРИЕМЪ И ПОУЧЕНИЕ ЕГО К НЕМУ. ГЛАВА 94

Входящу же ему в болшая врата граду, зовомыя Фроловския, и всрѣте его ту, изшед, преосвященный митрополит Макарий со архиепископы и епископы, со архимариты и со игумены, и презвитеры, и з диаконы, и с клирики, и со всѣм священнымъ соборомъ, и со множеством великим народа московскаго, носяще честныя кресты и святыя чюдотворныя иконы, с кандилы и со благовонными фимияны, и со свѣщами горящими, яко воистинну царю побѣдителю почесть носяще, и благодарственныя хвалы многи воздаваху ему. Онъ же, егда узрѣ собор святительский, и борзо скочи с коня своего и цѣлова честныя кресты и святыя иконы. И достойная поклонения святительскому собору давъ, и пѣшъ пойдѣ за честными кресты и за освященнымъ соборомъ в великую

За ним же ехали братья его, князь Георгий и князь Владимир, также в золотых венцах и в пурпурных и золотых одеждах, а за ними шло все их окружение — князья, и воеводы, и благородные бояре, и вельможи, тоже облаченные в пресветлые и дорогие одежды, навесив каждый на шею себе золотые цепи и гривны, так что забыли в тот час все люди, глядящие на такую царскую красоту, все свои домашние заботы и нужды.

Случилось тогда быть там и некоторым послам, с честью и с дарами пришедшим из дальних стран, чтобы еще более прославить самодержца нашего: послу вавилонского царя, сеиту царства его, смелому и мудрейшему человеку, взятому двадцать пять лет назад из Казанского царства,— прежде ведь никогда не бывало на Руси послов от той земли; и ногайским послам, и послам польского короля, и послам датского короля, и послам шведского короля, и валашскому послу, и купцам из Английской земли. И все те послы и купцы также дивились, говоря: «Не видали мы ни в каких царствах, ни в своих, ни в чужих, ни одного царя или короля в такой красоте и силе и великой славе!»

Некоторые же жители московские, взобравшись на высокие дома и заборы и на крыши дворцов, смотрели оттуда на царя своего; другие же, забежав далеко вперед, облепляли какие-нибудь возвышения, лишь бы увидеть его. Девицы же, живущие во дворцах, и жены княжеские и боярские, которым не подобает выходить на такие многолюдные зрелища из домов своих и не пристало комнаты свои покидать на посрамление людям, тайком приникали к дверям и окнам в жилищах своих, где сидели они, как птицы, запертые в клетках, и подсматривали в узкие щелки, наслаждаясь чудным тем зрелищем — блеском славы и богатства.

ВСТРЕЧА ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ МИТРОПОЛИТОМ МАКАРИЕМ И НАСТАВЛЕНИЕ ЕГО КНЯЗЮ. ГЛАВА 94

Когда же входил он в большие городские ворота, называемые Фроловскими, встретил его, выйдя из них, преосвященный митрополит Макарий с архиепископами и епископами, с архимандритами и игуменами, с пресвитерами и с дьяконами, и с клириками, и со всем священным собором, и с великим множеством народа московского, неся честные кресты, и святые чудотворные иконы, и кадила с благовонным фимиамом, и горящие свечи, как и подобает оказывать почести истинному царю-победителю; и воздал он ему многие благодарственные хвалы. Тот же, когда увидел святительский собор, быстро соскочил с коня и поцеловал честные кресты и святые иконы. И, поклонившись, как подобает, святительскому собору, пошел он пешком за честными крестами и за священным собором в большую

церковь пресвятыя Богородицы, стелющим по пути ему красныя ковры срацынския от врат градных и до дверей церковных и до полатных лѣствицъ его.

И вшед, слуша в соборной церкви велицѣи святыя литургии, лице свое слезами моча и моляся, благодарствуя бога, яко не тще быша труды его и подвизи, и восприях от господа, его же по многа лѣта просил есть. И цѣлова руку со слезами Петра чюдотворца, такоже и мощи святителя и чюдотворца Ионы. И егда соверши преосвященный митрополит соборне божественую литургию со всѣмъ освященнымъ соборомъ святительским, и сшед от олтаря, и вдастъ самодержцу святую просфиру, и глагола ему слово духовно и учително, всему святительскому собору стоящу ту и честнымъ велможамъ царевымъ, и боляром великим, и воеводамъ.

И рече преосвященный митрополит: «О господине, духовный сыне мой, державный царю, не скорби, ни тужи, ни печалися, но радуйся паче и веселися, славя бога, иже спасение и побѣду подадѣ тебѣ на противныя! И буди бо намъ всегда великая божия благодать, яже у тебѣ нынѣ бысть; проси бо с вѣрою и взя, иский обрѣтеся, и удари — отверзеся. И то убо печалнымъ спомогай и нищимъ, и алчющим пища сподавай, и нагимъ — одежа, боляре же и велможи своя честны имѣй и обогащай их, да не будут скудны ничимъ же, и ко всѣмъ слугамъ своим, к малымъ же и к великимъ, любовь тиху показуй и потребная имъ подавай по апостольскому словеси, да с радостию тебѣ служат, а не воздыхающе; повинных же не скоро смертию осужай, но со испытанием великимъ, аще будут достойни за дѣла своя казнь прияти смертную, но и то с милостию и с пощажениемъ, и отпущати и дважды, и трижды, да покаются и престанут от злоб своих и тому не творити ихъ.

О МИЛОСТЫНИ К НАРОДУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И О СТРѢТЕНИИ ЦАРИЦЕЮ ЕГО. ГЛАВА 95

И поученъ бысть надолзе от митрополита царь самодержецъ, и поклонся до земли отцу митрополиту на духовномъ поучении его со многим смирениемъ и страхомъ, яко от божиих устъ наказание от него приимъ. И обѣщася ему та творити и быти, якоже поучи его отецъ митрополит.

И многу того дне милостыню нищимъ и по монастырем чернцемъ, и по градцкимъ церквамъ иереемъ вда, и всѣх осуженных на смерть и в темницах сѣдящих на волю испусти, и земския дани своя людемъ облегчи, и милостыню разосла по всей державе своей: и по градомъ, и по селомъ, и по монастыремъ по всем, по малым же и по великим, и по пустыням; и по всем церквам святымъ, гдѣ есть, свѣща и просвира отправляти, и да

церковь пресвятой Богородицы по красным сарацинским коврам, которые стелили ему под ноги от городских ворот до церковных дверей и до дворцовых его лестниц.

И, войдя в соборную церковь, слушал он великую святую литургию, обливая слезами лицо свое и в молитвах благодаря бога за то, что не тщетными были труды его и старания и получил он от господа то, о чем просил его в течение многих лет. И целовал он со слезами руку Петра-чудотворца и мощи святителя и чудотворца Ионы. И когда отслужил преосвященный митрополит вместе со всем священным святительским собором божественную литургию, спустился он с алтаря, и дал самодержцу святую просфору, и сказал ему в присутствии всего святительского собора и почтенных вельмож царских, и знатных бояр, и воевод духовное и поучительное слово.

И сказал преосвященный митрополит: «О господин, духовный сын мой, державный царь, не скорби, не тужи и не печалься, но лучше радуйся и веселись, прославляя бога, подавшего тебе спасение и победу над врагами! И пусть всегда будет над нами великая божья благодать, как теперь над тобой; ибо просил ты с верою — и получил, искал — и нашел, ударил — и открыли тебе. Ты же помогай страдающим и нищим и подавай пищу алчущим, а нагим — одежду, бояр же и вельмож своих содержи в чести и обогащай их, дабы ни в чем они не нуждались, и всем слугам своим, малым и большим, оказывай тихую любовь и подавай им необходимое по апостольскому слову, дабы служили они тебе, радуясь, а не вздыхая; виновных же не спеши осуждать на смерть, но сначала хорошо узнай, заслужили ли они за дела свои принять смертную казнь, но и тогда будь милостив и снисходителен и прощай до двух и до трех раз, дабы раскаялись они и перестали совершать злые свои дела».

О МИЛОСТЫНЕ, КОТОРУЮ РАЗДАЛ НАРОДУ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, И О ВСТРЕЧЕ ЕГО ЦАРИЦЕЮ. ГЛАВА 95

И когда закончил митрополит долгие свои наставления, поклонился царь-самодержец до земли отцу митрополиту за духовное его поучение с большим смирением и страхом, словно принял наказ из самих божьих уст, и пообещал ему во всем поступать так, как учил его отец митрополит.

И раздал он в тот день большую милостыню нищим и чернецам в монастырях и иереям в городских церквах, и отпустил на свободу всех осужденных на смерть и сидящих в темницах, и облегчил людям земские подати, и разослал милостыню по всей своей державе: и по городам, и по селам, и по всем монастырям, и по малым и по большим, и по пустыням, по всем же святым церквам, где бы они ни были, разослал свечи и просфоры, чтобы

молятся прилѣжно богу о тѣлесномъ здравии его и о душевномъ спасении игумени и попы.

И поиде благовѣрный царь из великия церкви соборныя на сѣни своя, во церковь пресвятыя богородицы Благовѣщения и в той такоже помолися и молебны пѣвъ. Ис тоя же церкви пойде во царския полаты своя.

Царица же христолюбивая Анастасия *въсрѣтити* уготовася царя самодержца по царскому обычаю своему, на преддверие полатное изшед со благовѣрными женами, с княгинми и з болярынями, и веселия полны, на землю проливающи слезы, яко печалная горлица, супруга своего видѣвъ давно разлучившимся от себе и паки прелетѣвшу к первому подружию своему. И вопль их и тоскование обою преста, и радостна быста зѣло, другъ друга видѣвше, или рещи, яко красная денница пресвѣтлое солнце, на вселенную *с* востока в полаты своя входяща, узрѣ и помраченный облакъ уныния и печали, *преже бывшие* и по немъ, свѣтлостию лица своего и веселым зрѣниемъ на ню прогоняя от нея, и невидимъ, яко дымъ, сотвори я.

О ПИРЪШЕСТВѢ И ВЕСЕЛИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ З БОЛЯРЫ И ВОЕВОДЫ ЕГО И О ДАРОВАНИИ ЕГО К НИМ, И О МИЛОСТИ ЕГО КО ЦАРЮ КАЗАНСКОМУ. ГЛАВА 96

И тогда повелѣ царь князь великий пиршеству велию по 40 дней сотворятися, посажая с собою перваго дни на пиру преосвященнаго отца своего митрополита Макария и весь с нимъ собор святительский, и священницы, и диаконы со всего града Москвы; и в прочии же дни вся опоясанныя воинством князи и воеводы, и боляре, и велможи.

И доволно царскимъ веселиемъ повеселися, учрежая и одаряя князи и воеводы, и вся благовѣрныя и до менших всѣх: овымъ грады в кормление дая, овымъ в вотчину селъ прибавляше, овѣмъ же злата и сребра, и свѣтлая портища, и добрыя кони подаяше, кои чего достоинъ есть.

Веселящу же ся ему и быша в веселии велицѣ, и воспомяну о казанскомъ царѣ, плененом имъ и в заключении сѣдящемъ, посла к нему самодержецъ нарѣчие: «Аще прокленет вѣру бахмичю и вѣрует в распятаго сына божия, въ господа нашего Иисуса Христа, в рускую нашу святую вѣру, еже, русь, мы вѣруемъ, от грекъ приемше, то избавится ото одержания сего и приииметъ от мене честь и славу велию, и будетъ, яко единаго мы отца и матери рожденныи, ми брат любимый, а не яко плѣнникъ мой и сопостат; аще тако не хощет, то злѣ умрети имать в заточении нужнемъ, в горцей темнице, во узах тяжких и во оковѣх».

Косну же ся въ сердце казанскаго царя благостная искра святаго духа, и восхотѣ прияти нашу истинную вѣру православную и бысть христианин. Посланный же бояринъ, пришед от

молились прилежно богу игумены и попы о телесном здоровье его и о душевном спасении.

И пошел благоверный царь из большой соборной церкви к себе на сени, в церковь Благовещения пресвятой богородицы и в ней так же молился и пел молебны. Из той же церкви пошел он в царские свои покои.

Царица же христолюбивая Анастасия приготовилась встретить царя-самодержца, по царскому обычаю, у входа в палату с благоверными женами, княгинями и боярынями; и от радости проливали они слезы на землю, и была царица словно печальная горлица, увидевшая, что снова прилетел супруг ее, с которым давно была в разлуке, к ней, первой подруге своей. И перестали оба они плакать и тосковать и так обрадовались, увидев друг друга, как если бы прекрасная заря узрела, что входит в земные владения ее с востока пресветлое солнце, прогоняя темное облако уныния и печали, прежде омрачавшее ее, светлостью лица своего и веселым взглядом и делая его невидимым, словно дым.

О ПИРШЕСТВЕ И ВЕСЕЛИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ С БОЯРАМИ И ВОЕВОДАМИ, И О ЕГО ДАРАХ ИМ, И О МИЛОСТИ ЕГО К КАЗАНСКОМУ ЦАРЮ. ГЛАВА 96

И тогда повелел царь великий князь в течение сорока дней устраивать пиры, в первый день посадив с собою на пиру отца своего — преосвященного митрополита Макария и с ним весь святительский собор, и священников, и дьяконов со всего города Москвы; в другие же дни — всех князей, и воевод, окруженных воинами, и бояр, и вельмож.

И вдоволь повеселился он царским веселием, угощая и одаривая князей и воевод и всех благоверных людей до самых захудалых: одним города отдавая на кормление, другим прибавляя в вотчину села, третьим раздавая золото, и серебро, и нарядную одежду, и добрых коней,— что каждый заслуживал.

Когда же пировал он и был в большом веселье, вспомнил он о казанском царе, своем пленнике, сидящем в заключении. И послал к нему самодержец с такой речью: «Если проклянет он магометанскую веру и уверует в распятого сына божия, в господа нашего Иисуса Христа, примет русскую нашу святую веру, в которую мы, русские, веруем, переняв ее от греков, то избавится он от заключения, и примет от меня большую честь и славу, и будет мне любимым братом, как если бы рожден был от одних со мною отца и матери, а не пленником моим и супостатом; если же не захочет он этого, то умрет страшной смертью в тяжком заточении, в горькой темнице, в тяжелых цепях и оковах».

И коснулась сердца казанского царя благостная искра святого Духа, и захотел он принять нашу истинную православную веру и быть христианином. Посланный же боярин, вернувшись от

казанскаго царя, и вся реченная царемъ сказа своему царю самодержецу. Царь же князь великий повелѣ скоро его привести пред ся в полату пред вся велможи своя, на пришествие его сѣдящая с ним.

О СМИРЕНИИ КАЗАНСКАГО ЦАРЯ И О ПРЕЛОЖЕНИИ ВѢРЫ ЕГО КО СВЯТОМУ КРЕЩЕНИЮ. ГЛАВА 97

Введену же бывшу со страхомъ и трепетом казанскому царю въ златую полату, и восташа противу его вси князи и воеводы московския, овии же встрѣтиша его на полатных лѣствицах, овии же на площади. И вшед царь в великую полату, и пад на колѣну свою, мил ся дѣя царю самодержцу и рабом его неизмѣнымъ называяся, подвизая на печалование к нему братию его, князя Георгиа, князя Владимира и вся предсѣдящия князи и боляре, и воеводы его, в порфирная и златая одѣянных, слезы горкия точа ото очию своею и моляся быти христианин и не погибнути в заключении горкия темницы от безчестнаго видѣния того, срама и студа исполнена: самъ себѣ преже царь и господинъ бѣ, и самому ему служаху мнози уланове и князи, и мурзы, той, яко злодѣй осуженикъ, со страхомъ великимъ предстоя пред очима всѣх, по руцѣ от приставникъ держимъ, во одежах худых, умилению и слезам достоит.

И вси князи и воеводы, веселящеся в полате, прослезишася о немъ и восплакашася, зрящи его худа стояща. И паки же воспросити его, токмо предо всѣми, повелѣ царь самодержецъ, аще истинно и нелестно вѣрует во Христа. Царь же крѣпляшеся стоя и неложно обѣщевашеся вѣровати во Христа и креститися.

О КРЕЩЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ЧЕСТИ И ЛЮБВИ К НЕМУ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О ЦАРѢ ШАГАЛѢЕ, И О ЦАРИЦЕ КАЗАНСКОЙ, И О СЫНЕ ЕЯ. ГЛАВА 98

Царь же князь великий, слышавъ от казанскаго царя Едигера Касаевича истинное слово и обѣщание его, и рад бысть о семъ велми паче всея казанския побѣды: радость бо бывает всѣмъ апостоломъ на небесѣх о единомъ грѣшнице, кающемся на земли. И повелѣе сѣтовныя порты сняти с него и омыти его в бани от скверны, и облещи в ризы своя царския, и вѣнецъ возложити на главу его, и гривну златую обѣсити на выи ему, и перстня воздѣти на руцѣ его. И сѣсти ему велѣ близ себе и пировати, и веселитися с собою, но не из единех сосудов, яко еще бѣ не крещенъ. И не велѣ ему от мимошедших скорбну быти и печалну, но радоватися паче и веселитися, яко быти сие изволение о немъ божиими судбами.

казанского царя, передал все сказанное своему царю-самодержцу. Царь же великий князь повелел быстро привести его к себе в палату, чтобы предстал он перед ним и перед всеми вельможами, собравшимися здесь по поводу его прихода.

О СМИРЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ И О ПЕРЕМЕНЕ ВЕРЫ ЕГО СВЯТЫМ КРЕЩЕНИЕМ. ГЛАВА 97

Когда же введен был казанский царь, испуганный и трепещущий, в золотую палату, поднялись ему навстречу все московские князья и воеводы, некоторые же встретили его еще на палатных лестницах, другие — на площади. И вошел царь в большую палату и упал на колени, прося милости у самодержца и рабом его себя называя, стремясь вызывать сострадание у братьев его, князя Георгия и князя Владимира, и у всех находившихся там князей его, бояр и воевод, в пурпур и золото разодетых, и проливал он из глаз своих слезы горькие, клянясь стать христианином, дабы не погибнуть в заключении в горькой темнице от позорного этого зрелища, полного срама и стыда: тот, который сам себе был прежде царь и господин и которому самому служили многие уланы, и князья, и мурзы, теперь, словно злодей осужденный, стоит перед всеми в большом страхе, в плохой одежде, удерживаемый за руки стражниками, вызывающий жалость и слезы.

И все князья и воеводы, пировавшие в палате, прослезились о нем и заплакали, видя его в таком унижении. И повелел царь-самодержец снова спросить его, теперь уже перед всеми, действительно ли и искренне верует он в Христа. Царь же стоя подтвердил это и обещал без обмана веровать в Христа и креститься.

О КРЕЩЕНИИ КАЗАНСКОГО ЦАРЯ, И О ПОЧЕСТЯХ И ЛЮБВИ, ОКАЗАННЫХ ЕМУ ЦАРЕМ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ, И О ЦАРЕ ШИГАЛЕЕ, И О КАЗАНСКОЙ ЦАРИЦЕ, И О СЫНЕ ЕЕ. ГЛАВА 98

Царь же великий князь, услышав от казанского царя Едигера Касаевича правдивое слово и обещание его, сильно обрадовался этому, больше, чем казанской победе, ибо и апостолы на небе радуются хотя бы одному грешнику, кающемуся на земле. И повелел он снять с него печальные одежды, и отмыть его от скверны в бане, и облечь в царские одежды, и венец возложить ему на голову, и гривну золотую повесить на шею, и перстни надеть ему на руки. И повелел ему сесть возле себя, и веселиться, и пировать вместе с собой, но не из тех же сосудов, ибо был он еще не крещен. И велел ему не скорбеть и не печалиться о случившемся, но радоваться и веселиться, ибо все это произошло с ним божьими судьбами.

И по пяти месяцѣх крестити его повелѣ во имя Отца и Сына и святаго Духа. Крести же самъ преосвященный митрополит Макарий на Москвѣ рекѣ со епископы и со архимариты, и со игумены, и с презвитеры, и з дьяконы честно месяца марта въ 5 день, на память преподобнаго отца нашего Герасима. Прият же его от купѣли породныя самъ царь князь великий. И нареченно бысть имя его во святомъ крещении Симеон. Иже иногда бывъ лютый волкъ и хишник, и кровопийца, нынѣ же явися кроткое и незлобивое агня христовы ограды живоносныя, паствы благия.

И толма возлюби самодержецъ, яко и братом его назва себѣ, и отецъ ему по духу бысть. И даде ему грады и земли во одержание во отечество, и всю царскую казну его отда ему же, еже в Казани взя, и до единыя мѣдницы. И приведе ему невѣсту от славна и от велика рода болярска, и обогати его златомъ и серебромъ, и многоцѣнными вещми драгими одари его, да живет без печали на Руси, служа самодержцу, и да не унывает, и не тужит по вѣре своей срацынской и по царстве Казанскомъ, и по странѣ земли отечества своего.

Царица же Казанская, преже плѣненая жена Сап-Кирѣя, царя казанскаго, преже бывши много добром нужена бысть крещение прияти и не крестися, и отдаде ю за царя Шигалея, аки замуж за инаго царя ни за коего же не восхотѣ поити, аще не царь Шигалей поимет ю, якоже обѣщася ей и клятву даде, аще и смерть прияти ей от него, то бо есть царь великороден сый и отечествомъ болши всѣх царей, и старѣйший мѣстом и честнѣиший служащих самодержцу.

И взем ю за себя царь Шигалей, казанскую царицу, и не любляше красоты ея, хотѣ бо его в Казани былием отравным уморити, якоже преже сказася о ней. И живяше она, во отлученней у него и несвѣтлей храмине заключена, аки в темнице, и спати с нею не схожася, и един раб его, варварин, з женою своею, старый, вѣрный *ему,* приставлен кормити и служити ей, да токмо не смѣяше ю живу уморити, слова ради к нему о ней самодержцева.

А царевича младаго, сына ея, Мамш-Кирея, повелѣнием самодержцевым крестиша. И наречено бысть имя его во святом крещении царь Александръ. И изученъ бысть руской грамоте гораздо, и препираше многих в бесѣде, от книг истязающихся с нимъ, никтоже може препрѣтися с нимъ.

О ВЗЯТИИ КАЗАНСКОМ И О ТРУДѢХ, И О СКОРБѢХ ЦАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ВОЕВОД, И ВОЙ ЕГО, И О НУЖЫ ЗЕМСКИХ ЛЮДЕЙ. ГЛАВА 99

Взятъ же столны и великий град Казань благовѣрный царь князь великий Иван Васильевичь Владимирский, Московский, и Великоновогородцкий, и Псковский, и всея великия Росии великий самодержецъ християнский лѣта 7061-го году октября во

И спустя пять месяцев повелел он крестить его во имя Отца и Сына и святого Духа. Крестил же его с честью в Москве-реке сам преосвященный митрополит Макарий с епископами, и архиепископами, и игуменами, и пресвитерами, и дьяконами месяца марта в пятый день, в день памяти преподобного отца нашего Герасима. Восприемником же от купели был сам царь великий князь. И дано было имя ему в святом крещении Симеон. И тот, кто некогда был лютым волком, и хищником, и кровопийцей, стал кротким и незлобивым ягненком живоносным христова стада, благой паствы.

И так полюбил его самодержец, что братом своим назвал его и стал ему отцом. И дал ему в вотчину города и земли и всю царскую казну, которую захватил в Казани, вернул ему до последнего медяка. И привел ему невесту из славного и знатного боярского рода, и обогатил его золотом и серебром, и одарил многоценными и дорогими вещами, дабы жил он без печали на Руси, служа самодержцу, и не унывал бы, и не тужил по вере своей сарацинской, и по царству Казанскому, и по родной своей земле.

Царицу же казанскую, ранее взятую в плен жену Сафа-Гирея, царя казанского, которую долго принуждали добровольно принять крещение, но она не крестилась, отдал он замуж за царя Шигалея, поскольку ни за какого другого царя, если бы царь Шигалей не взял ее, как обещал ей и поклялся, не захотела она идти, от него она готова была даже смерть принять. Ведь царь этот знатного рода, и по рождению своему выше всех других царей, и из всех, служащих самодержцу,— самый старый и честнейший.

И взял царь Шигалей в жены казанскую царицу, но не любил он ее, несмотря на ее красоту, ибо хотела она его в Казани уморить отравленным кушаньем, как рассказано было раньше. И жила она у него, запертая, в отдаленной и несветлой комнате, словно в темнице, и не сходился он с нею спать, и только благодаря заступничеству за нее самодержца приставлен был к ней один преданный ему старый варвар с женой, раб его, прислуживать ей и кормить ее, так чтобы только не умерла с голоду.

А царевича юного, сына ее Мамш-Кирея, по повелению самодержца окрестили. И дано было имя ему в святом крещении царь Александр. И хорошо овладел он русской грамотой, и побеждал в беседе многих, кто состязался с ним в книжных спорах, и никто не мог его переспорить.

О ВЗЯТИИ КАЗАНИ, И О ТРУДАХ И ПЕЧАЛЯХ ЦАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И ВОЕВОД, И ВОИНОВ ЕГО, И О НУЖДАХ ЗЕМСКИХ ЛЮДЕЙ. ГЛАВА 99

Взял же стольный и великий город Казань благоверный царь великий князь Иван Васильевич Владимирский, и Московский, и Великоновгородский, и Псковский, и всей великой России великий самодержец христианский в год 7061 (1552) октября

2 день, на память святых великомученик Киприана и Устины, в день недельный, въ 3 часа дни, много подвизася за свою богохранимую державу, за Рускую землю, за православныя люди, день и нощъ сердцемъ боля и стоня душею, и сокрушаяся, и никогда же царских брашен сладких в сытость и в сладость насыщашеся до побежения казанцевъ. И печаль ему о Казани всегда веселие пресецаше, по всяк час слыша овцы своя, люди руския, от волкъ казанцевъ разганяемы и похищаемы, и снедаемы.

И скорбь велика обдержаше много лѣт все христианство Русския земли, убогих и богатых, и воин, и воевод, князей и боляръ, и всѣх людей простых, изнемогаху бо земския люди простыя с частых податей и великих и не успѣваху, дающи царския оброки; воеводы же и воини, не опочивающи, во бранѣх тружахуся, борющеся с погаными за християны, и с коней своих не слазяще, и оружий своих не снимающи, подворей своих и женъ, и милых своих малых дѣтей *не знающе,* гостем толко прихажаху на час, являющися домови к женам своим и к дѣтемъ.

И мнози тогда худоумные человецы или, прямо рещи, безумныя и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко самому ему землю свою губящу и паче злѣе ратных, и не щадящу, и не брегущу людей своих. Онъ же, предобрый в самодержцех, не похвалы тлѣнныя себѣ взыскуя, да славен будетъ в родѣх мужествомъ, якоже и Макидонский Александръ, до край земли дошед и смерти не убѣжа, или преже его бывый Ликиний царь, до четырех градов дошед и столпове тамо постави, и свое имя в писаниих.— Сей же не о таковѣй славе подвизашеся, но о своем царствии тружашеся, общаго ради составления мирскаго, о благостоянии святых церквей и устроении земскомъ, и о тишинѣ всего православнаго християнства, да не паки бы поработитися поганым, якоже при царѣ Батые бысть.

И в день убо царская строяше, нощию же по церквам святым и по монастырем, близ града стоящим, яздяще и молящеся къ человеколюбцу богу и ко пречистой богородицы, обливаяся слезами, помиловати и ущедрити согрѣшившая рабы своя и до конца смирити, и покорити ему поганыя казанцы со всею многою черемисою их.

Не презрѣ же господь моление раба своего и увидѣ смирение и сокрушение сердца его, и вѣрное прошение его, и воздыхание с рыданиемъ и услыша, и сотвори с нимъ по вѣре его великую свою милость, и даде ему милосердый богъ желание сердца его, и вся подвиги и труды его благих исполни, и предаде его в руцѣ, яко малу и худу птицу, великое царство Казанское, на час его от прародителей его убреже ему.

И тако Казань державы царския до конца отпаде и великому царству Московскому работати и нехотя повинуся, и Руская земля совершеннаго мира от казанцевъ насладися.

во второй день на память святых великомучеников Киприана и Устины, в воскресный день, в три часа дня, много потрудившись для своей богохранимой державы, для Русской земли, для православных людей, день и ночь болея сердцем, и стеная душой, и сокрушаясь, и никогда до победы над казанцами не наедался он досыта и всласть сладкими царскими кушаньями. И всегда печаль о Казани прерывала ему веселье, ибо ежечасно слышал он, что овцы его, люди русские, волками-казанцами разгоняются, и похищаются, и съедаются.

И много лет сильная скорбь владела всеми христианами Русской земли: бедными и богатыми, и воинами, и воеводами, князьями и боярами, и всеми простыми людьми, ибо изнемогли простые земские люди от частых и больших податей, не успевая платить царские оброки, воеводы же и воины без отдыха трудились на войне, сражаясь с погаными за христиан, с коней своих не слезая и не снимая оружия своего, не зная подворий своих, и жен, и милых своих малых детей, гостями только приходя на час к женам своим и детям.

И многие тогда глупые люди, или прямо сказать безумные и слабые духом, негодовали и роптали на самодержца своего, что сам он больше, чем войны, губит землю свою и не щадит и не бережет людей своих. Он же, добрейший из самодержцев, не тленных похвал себе искал, чтобы прославиться мужеством у потомков, как, например, Александр Македонский, дошедший до края земли и смерти не избежавший, или до него царь Ликиний, дошедший до четырех городов и поставивший там столпы, где записал свое имя. Этот же не о такой славе заботился, но для своего царства трудился ради общего мирского благополучия, ради благосостояния святых церквей и порядка земского, и тишины для всего православного христианства, дабы снова не поработиться поганым, как было при царе Батые.

И днем он справлялся с царскими делами, ночью же ездил по святым церквам и по монастырям, стоящим возле города, и, обливаясь слезами, молил человеколюбца бога и пречистую богородицу помиловать и пощадить согрешивших своих рабов и до конца смирить и подчинить ему поганых казанцев со всею многочисленной их черемисой.

И не отверг господь моления раба своего, и увидел смирение и сокрушение сердца его и правоверное прошение его, и услышал вздохи его и рыдания, и послал ему по вере его великую свою милость, и дал ему милосердный бог то, чего желало его сердце, и всем стараниям его и трудам ниспослал удачу и предал ему в руки, словно маленькую и бедную птицу, великое Казанское царство, сохранив его для него от прародителей его.

Так и перестала Казань окончательно быть независимым царством и против своей воли подчинилась великому царству Московскому, и Русская земля насладилась полным миром с казанцами.

О ХОЖЕНИИ Х КАЗАНИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И О КОЛИЧЕСТВѢ ИЗБИЕННЫХ ПОГАНЫХ, И О ШЕСТВИИ ЕГО ВО ГРАД. ГЛАВА 100

Дважды бо бѣ самъ ходил х Казани со всѣми силами рускими, дважды же царя Шигалея посылал и великих воевод своих с нимъ, такоже со всѣми вои рускими. Всего же было хожения при нем х Казани в лѣте, в зимѣ седмью в девять лѣт: пятью бо ходиша до Казанскаго взятия, дважды же после взятия — нижния черемисы плѣномъ и сѣчью до конца показнити за измѣнство их, что предавшеся и паки скоро измениша того же лѣта.

По 6 месяцех паки учиниша брань сице: воеводы бо казанския послаша воеводу свияжскаго Бориса Салтыкова не с великою силою на нѣкия улусы черемиския, еще не покаряющимся имъ, яко да и тѣх покорят и смирят. И за тѣх восташа вси людие, и паки возмятеся вся земля. И того воеводу жива яша, побивше вои его 20 000, и заведоша его в башкирския улусы и в далную черемису, за 700 верстъ за Казань, и умучиша его тамо. И воевахуся пять лѣт не отступающи от Казани и паки хотяще град свой восприяти, не дадущи гражаном руским на дѣла своя из града изходити. Токмо великою силою прогоняще их и тако исхожаху на оружия своя, данележе изчезѣ вся черемиса за беззакония своя, якоже и владѣлцы их — уланове и князи и мурзы, остриемъ меча вси поразишася.

И *сосчиташа* же сами себѣ изставшиися казанцы и черемиса *всѣх* побитых своих во взятье казанское и преже взятья, и по взятии — и татар, и черемисы, во граде и в острогах, и во пленъ сведеных, и от глада умерших, и от мраза, и всячески вездѣ погибших, вѣдомых ими и писаных, кромѣ невѣдомых и неписаных, 757 270 человекъ. Мало же их живых остася во всей земли Казанской, развѣ простых живых людей, худых и немощных, и убозѣх земледѣлецъ.

Въѣхавъ же великий самодержецъ благовѣрный царь князь великий Иванъ Васильевичь во царствующий свой в преименитый град Москву месяца ноября вь 1 день, на память святых безсребреникъ Козмы и Дамиана, и тако сѣд на престолѣ своем — великаго царства Рускаго, правя скипетръ державы своея, утер кровавый пот свой, покорив под себя жестокия и лукавыя казанцы и паче злѣйшую их черемису поганую, оставив себѣ славу великую превыше отецъ своих и память вѣчную в роды руския в вѣки.

О ПОХОДЕ НА КАЗАНЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, И О КОЛИЧЕСТВЕ УБИТЫХ ПОГАНЫХ, И О ШЕСТВИИ ЕГО В ГОРОД. ГЛАВА 100

Дважды ведь сам он ходил на Казань со всеми русскими силами, дважды же посылал царя Шигалея и с ним первых воевод своих также со всеми русскими воинами. Всего же при нем ходили на Казань летом и зимою за девять лет семь раз: пять раз ходили до казанского взятия, дважды же после взятия — окончательно расправиться, разорив ее и перебив, с низовой черемисой, которая сначала покорилась, а потом вскоре, в том же году, снова изменила.

Спустя шесть месяцев снова разгорелась война, а было это так: казанские воеводы послали свияжского воеводу Бориса Салтыкова с небольшой силой на некие черемисские улусы, которые еще не покорились, дабы и их покорили и смирили. И из-за тех восстали все люди, и снова пришла в смятение вся земля. И того воеводу живым взяли в плен, побив двадцать тысяч его воинов, и завели его в башкирские улусы и земли дальней черемисы за семьсот верст от Казани, и там замучили его. И пять лет воевали они, не отступая от Казани и желая снова вернуть себе город свой, не давая русским горожанам по своим делам выходить из города. Только с помощью большого числа воинов прогоняли их и тогда выходили на свою работу, пока не погибла вся черемиса за преступления свои и все правители их — уланы, князья и мурзы — не были поражены остриями мечей.

И сосчитали сами оставшиеся в живых казанцы и черемиса всех своих, убитых в Казанское взятие, и до взятия, и после взятия — и татар и черемису в городе, и в острогах, и уведенных в плен, и умерших с голода, и замерзших, и от других причин в разных местах погибших, о которых знали они и которые были записаны, и насчитали, кроме неизвестных и незаписанных, семьсот пятьдесят семь тысяч двести семьдесят человек. Мало осталось их в живых во всей Казанской земле — только простые люди, больные и немощные и бедные земледельцы.

Въехал же великий самодержец благоверный царь великий князь Иван Васильевич в царствующий свой прославленный город Москву месяца ноября в первый день, в день памяти святых бессребреников Козьмы и Дамиана, и сел на престол великого своего Русского царства, управляя державой своей, утер кровавый пот свой, покорив себе жестоких и лукавых казанцев и злейшую поганую черемису, оставив по себе русским людям великую славу, большую, чем предки его, и вечную память на века.

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСѢМЪ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОЕМЪ. ГЛАВА 101

Сицев бѣ той царь князь великий. И многа при себѣ памяти и похвалы достойна сотвори: грады новые созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвиже, и монастыря общежителныя иночествующимъ устрой. И от *юны* версты не любяше никакия потѣхи царския: ни птичья лова, ни песья, ни звериныя борбы, ни гуселнаго звяцания, ни прегубницъ скрипѣния, ни мусикийскаго гласа, ни пискания свирѣлнаго, ни скомрах, видимых бѣсов, скакания и плясания. И всяко смѣхотворение от себѣ отрину, и глумники отгна, и вконецъ сих возненавидѣ. И токмо всегда о воинственнемъ попечении упражняшеся и поучение о бранѣх творяше, и почиташе доброконники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаше, и симъ во вся дни живота своего с мудрыми совѣтники своими поучашеся и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганых нашествия и от частаго плѣнения их; к сему же тщашеся и покушашеся, како бы всяку неправду и нечестие, и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбой, и татбы изо всей земли своей извести, правду же и благочестие в людех, насѣяти, возрастити. И того ради по всей области великия державы своея, по всѣмъ градомъ и по *селом* изыска, устави разумныя люди и вѣрныя сотники, и пятдесятники, и десятники на вѣре и *к роте приведе* во всѣх людех якоже Моисей во израилтянех, да киждо блюдет числа своего, аки пастырь овцы своя, и разсмотряетъ в них, и изыскует всякого зла и неправды, и да обличает виноватаго пред болшими судьями, и, аще не престанет от злаго обычая своего, то да смерть примет о дѣле своемъ неизмолимо. И сим обычаем укрѣпи землю свою. Но ли еси не мощно злыя обычаи, издавна застарѣвшаяся в человецѣх, искорени и истребити!

И бысть в царствии его велия тишина во всей земли Рустей, и укротися всяка бѣда и мятеж, и великий разбой, и хищения, и татба не имѣновашеся, яко при отцѣ его бысть, и частое варварское плѣнение преста, убояша бо ся крѣпкия силы его пагании цари, и устрашишася меча его нечестивии короли, и военачалницы нагайския, мурзы, усумнѣшася блещания копей его и щитов, и вострясошася, и побѣгоша нѣмцы с магистром ото искуснейших ратоборецъ, и сосѣче стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выя черемиская! И стеснившаяся от супостат руския предѣлы на всѣ страны разшири, и продолжи их до край морских, и наполни безчислеными селенми людскими, и многи побѣды на супротивных постави, яко разнымъ точию именъ воеводских боятися и трепетати. И зваху его во всѣх странах крѣпкимъ царем и непобѣдимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаще же его жива

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСЕМ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОИНАМ. ГЛАВА 101

Таков был тот царь великий князь. И еще при жизни своей совершил он много дел, достойных похвалы и памяти: города новые построил, а старые обновил, и воздвиг церкви чудесные и прекрасные, и монастыри общежительные устроил для иночествующих. И с юных лет не любил он никаких царских потех: ни охоты на птицу, ни собачьей, ни звериной борьбы, ни гусельного бренчания, ни скрипения прегубниц, ни музыкального звука, ни пищания свирельного, ни скакания и плясок скоморохов, зримых бесов. И всякое балагурство от себя отринул и насмешников отогнал и окончательно их возненавидел. И жил лишь воинскими заботами и обучал ратному делу, и почитал добрых конников и храбрых стрелков, и заботился о них с воеводами, и всю жизнь свою советовался с мудрыми советниками своими, и стремился к тому, чтобы избавить землю свою от нашествия поганых и от частого разорения; кроме того, пытался он и старался всякую неправду, и бесчестье, и неправедный суд, и посулы, и подкупы, и разбой, и грабеж вывести по всей своей земле и насеять в людях и взрастить правду и благочестие. И для того по всей великой своей державе, по всем городам и селам, подыскав, расселил разумных людей и верных сотников, и пятидесятников, и десятников и заставил всех людей присягнуть ему на верность, как некогда Моисей израильтян, дабы каждый отвечал за свое число, как пастырь за овец своих, и наблюдал за ними, и вскрывал всякое зло и неправду, и обличал бы виноватых перед старшими судьями, и, если бы такой человек не прекратил злых своих дел, чтобы неумолимо предавали его смерти за проступок его. И таким способом укрепил он землю свою. Можно ведь дурные застаревшие привычки искоренять у людей и истреблять!

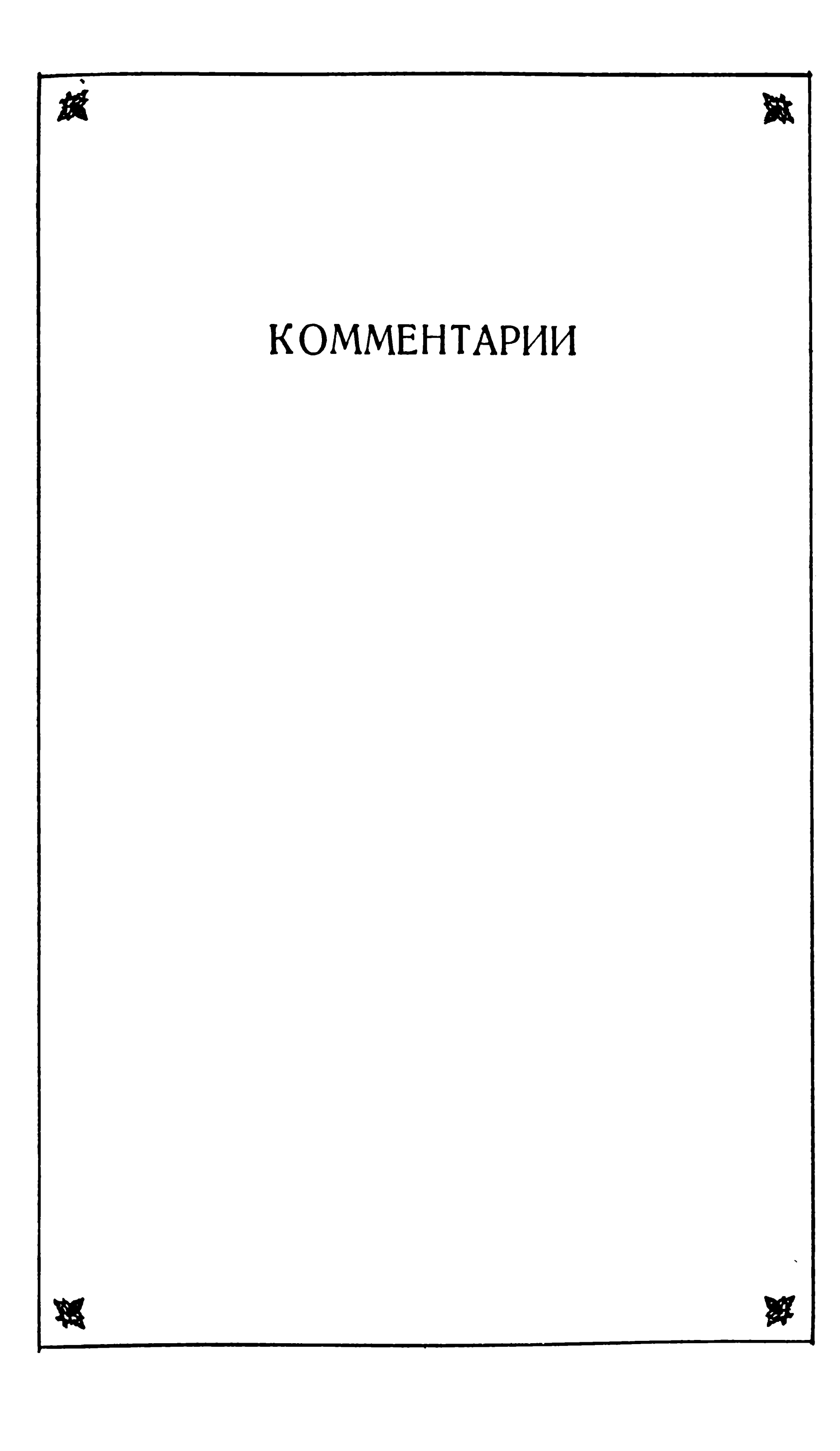
И была в царствование его великая тишина по всей Русской земле, и улеглись всякие беды и мятежи, и прекратился сильный разбой, и хищения, и воровство, которые были при его отце, и варварские набеги прекратились, ибо испугались крепкой силы его поганые цари и устрашились меча его нечестивые короли, и военачальники ногайские, мурзы, дрогнули перед блистанием копий его и щитов и затряслись и побежали немцы во главе с магистром от доблестных воинов, и пресек стремления воинственных казанцев, и заставил смиренно преклониться черемисов! И расширил он во все стороны русские границы, продолжил их до берегов морских, и наполнил их бесчисленными людскими селениями, и одержал много побед над врагами, так что боялись и трепетали они от одного имени его воевод. И звали его во всех странах могущественным и непобедимым царем, и боялись поганые народы приходить войной на Русь, слыша, что еще жив он,

еще, и страх его свѣдуще, якоже заточеные самояди сыроядцы македонскимъ царем Александромъ за великия горы на край Чермнаго моря. Колижды же прихожаху агаряне на землю нашу, но не яве, якоже при отцѣ его и прадѣде, яко во всей земли, неисходяще, в руских украинах живяху, но татем прихожаху и нѣчто украдомъ похищаху, и бѣгаху, яко звирие гоними. Воеводы же московския, гдѣ убо ощутивше варвар и на кою украйну пришедших, и тамо, собравшеся, прогоняху их и, яко мышей, давляху и побиваху: то бо есть от вѣка и от рожения дѣло варварское и ремество — кормитися войною.

Конецъ о взятии Казанскомъ.

зная грозность его, как сыроядцы, самоеды, заточенные македонским царем Александром за высокие горы на самом краю Красного моря. И много раз приходили агаряне на землю нашу, но не открыто, как при отце его и прадеде, когда безвыходно жили они по русским границам, но как разбойники приходили, и что-то воровски похищали, и убегали, словно гонимые звери. Воеводы же московские, когда узнавали, что к какой-то границе подошли варвары, собравшись, прогоняли их оттуда и, словно мышей, давили их и побивали, ведь это испокон веку, от рождения их, варварское дело и ремесло — кормиться войною.

Конец о взятии Казанском.



КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ГИМ — Государственный исторический музей, Москва

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Ленинград

ПЛДР, 1 — Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М. 1978.

ПЛДР, 2 — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М. 1980.

ПЛДР, 3 — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М. 1981.

ПЛДР, 4 — Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М. 1981.

ПЛДР, 5 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М. 1982.

ПЛДР, 6 — Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М. 1984.

ППС — Православный палестинский сборник

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ПОВЕСТЬ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ ВАСИЛИЯ III

(Стр. 18)

В ночь на 4 декабря 1533 г. умер Василий III (р. 26 марта 1479 г.), великий князь московский и государь «всея Руси», сын Ивана III и византийской принцессы Софьи Палеолог. Василий III умер в зените своей государственной деятельности, добившись многого из того, что было задумано. Границы расширенного государства, в состав которого при нем вошли древние русские земли — Псков, Рязань, Смоленск (вслед за Новгородом и Тверью введенных в состав Московской Руси Иваном III), были хорошо укреплены; на востоке — продолжалась настойчивая деятельность — военная и дипломатическая — по подчинению Казанского царства; на западе — укреплялись позиции Москвы в отношениях с княжеством Литовским и королевством Польским. Церковь была подчинена воле великого князя, она стала послушным орудием укрепляющегося самодержавия. Василий III как рачительный хозяин настойчиво и неустанно строит здание централизованного государства, начатое его отцом, и как символы его деятельности вырастают в Кремле два строения: каменный великокняжеский дворец и Архангельский собор, который по воле Ивана III и Василия III становится усыпальницей всех московских князей. Решены наконец проблемы престолонаследия: растут сыновья Василия от второго брака с Еленой Глинской — Иван и Юрий. Атмосфера ликования и радости ощутима даже в текстах официальных летописей, описывающих эту пору свершений замыслов Василия III: сообщения о пирах Василия напоминают об эпических временах Владимира Киевского. Болезнь Василия III была внезапной, страдания мучительны и долги. Рассказ «Повести» о болезни и смерти Василия III звучит диссонансом к мажорным описаниям в русских летописях деятельности Василия III.

«Повесть о болезни и смерти Василия III» хорошо известна в исторической науке: она неоднократно пересказывалась историками (см., напр., Историю государства Российского Карамзина Н. М. или Историю России Соловьева С. М.), ей посвящены специальные исследования А. Е. Преснякова, И. И. Смирнова, М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина (в последнее время — С. А. Морозова), изучавших духовное завещание Василия III и обстоятельства политической борьбы 1530—1540-х гг. Значительно меньше внимания уделяли «Повести»

историки литературы (как литературный памятник «Повесть» лишь кратко рассмотрена Я. С. Лурье в кн.: «Истоки русской беллетристики». Л., 1970, с. 437—438), хотя художественное значение «Повести» несомненно. Выразительные детали и драматизм повествования, острота самой ситуации, изображенной в «Повести», привлекли внимание такого мастера советской психологической прозы, как В. Ф. Панова: на материале «Повести» ею создана историческая повесть «Кто умирает» (Панова В. Ф. Лики на заре. М.— Л., 1969).

«Повесть о болезни и смерти Василия III» — один из интересных образцов изображения личности в средневековой русской литературе. Она была написана вскоре после смерти Василия очевидцем событий, человеком, близким великому князю, создававшим эту хронику болезни и смерти Василия III, по-видимому, как подготовительный материал для будущего жития *. Это предположение поддерживается последующим использованием текста: «Повесть» была включена не только в летописные своды, но и в Великие Минеи-Четьи митрополита Макария.

Как оказалось возможным в литературной традиции первой половины XVI в. создание произведения, в котором так детально описывались болезнь великого князя, его поведение и мысли? Как согласовать изображение немощи, бессвязной речи умирающего Василия с утверждающейся в это время идеей обожествления власти и личности царя-самодержца? По-видимому, «Повесть» можно рассматривать как непосредственную литературную реализацию представлений Иосифа Волоцкого о двойственной природе царя: царь «властию» уподобляется богу, а «естеством» — «подобен всем человеком» (в этом суждении нетрудно увидеть утилитарное использование учения о двойственной природе Христа — божественной и человеческой, что позволило далее идеологам самодержавия поставить знак равенства между царем и богом).

Хроника болезни и смерти Василия III предваряется в «Повести» рассказом о его успешной военной деятельности в августе 1533 г. и превращается в итоге в повествование о бренности человеческой жизни (один из выразительных эпизодов «Повести» — описание поверженного немощью Василия на паперти Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря, в котором идет служба с молением о его выздоровлении). Фабула «Повести» могла восприниматься современниками как конкретная иллюстрация к тексту «Прения жизни и смерти», а сам Василий III продолжал ряд легендарных героев, побежденных смертью,— Александра Македонского, царей Давида и Соломона и др. (см. коммент. к с. 50). История болезни и смерти Василия III, а может быть и сама «Повесть», могла послужить толчком к созданию книжниками Иосифо-Волоколамского монастыря «Сказания о некоем человеке богобоязниве», написанного примерно в то же время — не позднее середины XVI в. («вчера тысящами пред ним стояли, а ныне во гробе един лежить...»).

Текст «Повести» дошел в 15 списках в составе различных летописей XVI в., в обоих списках августовских *ВМЧ* и в одном позднем житийном сборнике; особая редакция находится в «Степенной книге» (данные С. А. Морозова). Пять летописей (Воскресенская, Летописец начала царства, Никоновская, Александро-

---

* Аналогичные задачи ставил перед собой Иннокентий, автор «Рассказа о смерти Пафнутия Боровского» (см.: *ПЛДР*, 5, с. 478—513).

Невская, Царственная книга) содержат вторичные, сокращенные тексты «Повести», другие десять списков сохранили два варианта текста, восходящие к первоначальному виду. Восемь рукописей содержат текст Новгородского летописного свода 1539 г. (далее — *НС*), составленного в 1542—1548 гг., две рукописи — Софийская II летопись (*СII*) и Постниковский летописец (*ПЛ*, самая старая рукопись с текстом «Повести», датируется 1550-ми гг.) — содержат текст, несколько отличающийся от *НС* и, возможно, восходящий к своду 1534 г. А. А. Шахматов (в последнее время — С. А. Морозов) считал текст *НС* первоначальным, но, по-видимому, оба варианта текста — и *НС* и *СII* (*ПЛ*) — восходят к одному общему источнику (точка зрения А. А. Зимина), в каждом из них заметны следы целенаправленной обработки текста. Особенно очевидна «литературность» текста *НС*: он стремится сгладить элементы непосредственной фиксации речей и действий исторических лиц, присущие начальному авторскому тексту, лучше сохранившемуся в ряде фрагментов *СII* и *ПЛ*. Возможно, эта правка принадлежит не составителю *НС*, а деятелю профессиональной школы книжников из окружения митрополита Макария, так как именно этот текст был включен Макарием в августовские книги Успенских и Царских Миней, созданных в эти же годы; именно этот текст лег в основу и всех последующих официальных переделок «Повести» в XVI в.

«Повесть» публикуется по древнейшему списку *НС* — по списку конца XVI в.: *ГПБ*, F. IV, № 238 (*ИЛ* по списку Дубровского), л. 413—429 (текст издавался: *ПСРЛ*, т. IV, вып. 3. Л., 1929, с. 552—564); для исправления отдельных чтений используем текст *ПЛ* (*ПСРЛ*, т. XXXIV. М., 1978, с. 17—24); все исправления выделяются курсивом.

Стр. 18. *Волок Ламъский* — Волоколамск.

Поле — степные пространства к югу и юго-востоку от Московского государства.

Оспожин (Госпожин) *день* — день Успения богородицы (15 августа).

...царь Сап-Кирѣй да Исламъ царевичь... — «Сап-Киреем» русские летописи называют Сагиб-Гирея (см. коммент. к с. 342 наст. изд.). Поход крымских татар на Русь в августе 1533 г. возглавлял не Сагиб-Гирей, а его племянники: Сафа-Гирей и Ислам.

Юрий (1480—1536) и *Андрей* (1490—1537) — младшие братья Василия III, удельные князья Дмитровского и Старицкого княжеств.

...на Коломну, на Берег, на Оку... — *Коломна*, расположенная при слиянии Москвы-реки и Оки, преграждала путь татарам в междуречье Оки и Волги. Пограничная служба на Оке (*на Берегу*) — одна из постоянных военных забот московского правительства; в 1531 г. в Коломне на берегу Москвы-реки был построен каменный кремль, одно из самых мощных оборонительных сооружений России XVI в.

Д. Ф. Бельский и его два брата — *С. Ф.* и *И. Ф. Бельские*, а также *В. В. Шуйский*, *М. С. Воронцов*, *И. В. Ляцкий*, *И. Ф. Телепнев-Овчина Оболенский* — крупнейшие военачальники Василия III, не раз несшие «береговую службу»; для самого молодого *Д. Ф. Палецкого* — это один из первых походов.

Мещера — рязанские земли к северу от Оки (к востоку от Коломны).

Дѣти боярские — потомки бояр, служившие в войске и при дворе великого князя.

Стр. 20. *...во своемъ селѣ Коломенскомъ* — княжеское село к югу от Москвы, на реке Москве (теперь — в черте города).

...к Николе къ Зараскому на Осетръ...— Так назывался в XVI в. Зарайск (на реке Осетр, притоке Оки), возникший на месте погоста, где стояла церковь в честь Николы Заразского (потом Зарайского); город прикрывал подступы к Москве и Переяславлю Рязанскому; в 1531 г. в городе был построен каменный кремль.

...въ 24 день августа, в среду, бысть на небеси в солнце знамение... — Дата — 24 августа — противоречит указанию на день недели «в среду»: средой в 1533 г было 20 августа (20 августа указано в *СII* и *ПЛ*).

...на 1-мъ часу дни... от перваго часа и до третьяго часа дни... на пятомъ часу дни... — Древнерусский счет часов зависел от времени восхода солнца; «первый час дня» 24 августа — это 5 час. 30 мин. утра, «третий» — 7 час. 30 мин., «пятый» — 9 час. 30 мин.

Ускуй (ушкуй) — ладья, лодка новгородская.

...с великою княгинею ... детьми...— Великая княгиня — вторая жена Василия III Елена Васильевна Глинская; Василий III женился на ней 21 января 1526 г. после развода (в ноябре 1525 г.) с бездетной Соломонией Сабуровой. Отец Елены Глинской — князь Василий Львович Слепой в 1508 г. вместе с многочисленной семьей князей Глинских перешел из подданства Литвы на службу к великому князю московскому. Один из летописцев XVI в. писал: великий князь «зело возлюби» Елену «лепоты ради лица ея и благообразиа възраста» и что оба таланта даровал ей бог: красоту и разум. *Дети* Василия III *Иван Васильевич* (р. 26 августа 1530 г.), будущий московский царь Иван IV Грозный, и его брат *Юрий* (Георгий) Васильевич (р. 30 августа 1533 г.).

...къ живоначалнѣй Троици... чюдотворцу Сергию...— Троице-Сергиев монастырь, основанный Сергием Радонежским в конце XIV в.; память Сергия — 25 сентября.

Озерецкое — село к северу от Москвы на пути в Дмитров; *Нохабное* — на р. Нахабинке, впадающей в Истру.

Стр. 22. *Покров* — церковный праздник 1 октября.

И того же дни бысть пиръ... у Ивана у Юрьевича у Шигоны, у дворецкаго тверскаго и волоцкого.— И. Ю. Шигона-Поджогин — сын боярский, любимец Василия III и его думный дворянин; неоднократно выполнял самые сложные поручения великого князя (именно он передал первой жене великого князя Соломонии Сабуровой требование постричься в монахини и руководил ее пострижением). Чин *дворецкого* в великокняжеской администрации был весьма значительным: областные дворецкие осуществляли высшие судебные функции на управляемой ими территории и контролировали владение землей, являясь наместниками князя. *И. Ю. Шигона* вместе с дворецким Большого дворца князем *И. И. Кубенским* сосредоточивали в своих руках, по характеристике советского историка Н. Е. Носова, управление почти всем основным центральным приказным аппаратом Русского государства.

Михаил Львович Глинский — дядя великой княгини Елены, пользовался большим влиянием при дворе Василия III.

Николай Люев (правильно: Булев) — придворный врач Василия III, приехал на Русь из г. Любека около 1494 г.; один из образованнейших людей своего времени, занимался медициной, астрономией, известен как автор богословских

и публицистических сочинений. О личности другого врача — *Фефила* (Феофила) — достоверных сведений почти нет (одни исследователи считают его греком, другие — немцем из г. Любека).

...с медом прѣснымъ... — Имеется в виду обычный пчелиный мед, а не хмельной напиток.

Стр. 24. *...дияка своего введеного Григорья Никитина сына Меньшого Путятина.*— Г. Н. Меньшик-Путятин — один из великокняжеских дьяков, известный дипломат, пользовался особым доверием Василия III (именно он писал под диктовку великого князя — по обычаю того времени — дошедшие до нас его письма Елене Глинской); термин «введеный» значит, что дьяк имеет особые полномочия.

...духовные дѣда его и отца его великого князя Иоанна...— Речь идет о духовных грамотах — завещаниях Василия II и Ивана III. *ПЛ* (и *СII*) сообщают, что великий князь посылал за духовными грамотами Ивана III и за своей собственной, которую он писал еще в 1510 г., до рождения наследника, и что теперь он распорядился эту грамоту сжечь. А. А. Шахматов считал это известие *СII* позднейшей вставкой.

...от пятницы в нощи противу Дмитреевы суботы...— то есть в ночь с пятницы 24 октября на субботу 25 октября, накануне Дмитриева дня.

...на 6-мъ часу нощи — для 26 октября это 21 час. 30 мин.

Князь И. В. Шуйский — боярин и воевода Василия III.

...да князь... Шигона.— Шигона князем не был, по-видимому, это ошибка *НС*.

...пред чюдотворцовою памятью Варлама Хутынского...— Облегчение болезни Василия III, произошедшее 5 ноября, по-видимому, проецируется автором «Повести» на сходную литературную ситуацию одного из посмертных чудес Варлаама Хутынского (1407 г.), излечившего князя Константина Дмитриевича (сына Дмитрия Донского), также тяжело заболевшего в пути.

Мисаил Сукин — инок Троице-Сергиева монастыря, происходил из старинного боярского рода Сукиных; из текста «Повести» ясно, что он пользовался особым доверием Василия III (по предположению С. А. Морозова, он и является автором «Повести о болезни и смерти Василия III»).

...по Михайла по Юрьевича.— Речь идет о М. Ю. Захарьине, который вместе с И. Ю. Шигоной был одним из самых близких и преданных Василию III людей. Летописи подробно рассказывают о военной и дипломатической деятельности М. Ю. Захарьина, энергичного сторонника укрепления централизованного государства, одного из виднейших политических деятелей 30-х гг. XVI в.; умер в начале 1539 г.

Стр. 26. *Заговейно* (в *ПЛ* — «Филиппово заговейно»).— Имеется в виду начало Филиппова поста 14 ноября.

...в Осифов монастырь к Пречистые молитися, Иосифа игумена гробу поклонитися.— Иосифо-Волоколамский Успенский монастырь (в 20 км от Волоколамска, на р. Струге), основанный в 1479 г. крупным церковным и политическим деятелем конца XV в. Иосифом Саниным (Волоцким), впоследствии игуменом монастыря, был оплотом великокняжеской власти и центром борьбы с реформационными течениями конца XV — начала XVI в.; главный храм монастыря — Успения богородицы; Василий III приехал в монастырь 15 ноября.

Каптана — зимняя повозка (крытый возок на полозьях).

Д. И. Шкурлятев (Курлятев-Оболенский) — известен как политический деятель более позднего времени — Ивана IV; *Д. Ф. Палецкий* — один из полководцев Василия III, впоследствии — Ивана IV; сопровождение ими больного Василия III объясняется, по-видимому, их молодостью и физической силой.

...дьякон начать октенью творити...— Ектения («прошение») — часть церковной службы; «прошение» дьякона об общей молитве должно сопровождаться ответом хора.

Стр. 28. *...на Введение Пречистые...*— 21 ноября.

Воробьево — подмосковное великокняжеское село к югу от Москвы (теперь — в черте города).

Даниил митрополит (1522—1539) — ученик и последователь Иосифа Волоцкого (о нем см. *ПЛДР*, 6, с. 703—708); послушный исполнитель воли великого князя; поддержал развод Василия III с Соломонией Сабуровой и венчал его с Еленой Глинской.

Владыка Васьянъ коломенской — Вассиан Топорков, племянник Иосифа Волоцкого и продолжатель его дела, единомышленник митрополита Даниила; с 1525 г.— епископ коломенский; «великий сохлебник» Василия III, не раз участвовал в его пирах.

Дософѣй, владыка крутицкой — крутицкий епископ с 1508 г.; активный сторонник иосифлян и централизаторской политики Василия III и Елены Глинской.

Казначей Петр Иванович Головин — один из видных деятелей времени Василия III, управитель великокняжеской канцелярии — «казны» (1519—1533); в его ведении находилось и практическое руководство посольскими делами.

...против Нового монастыря...— Новый (Новодевичий) монастырь был основан Василием III на Девичьем поле в 1525 г. в честь присоединения к Москве Смоленска.

Городовые приказчики (до начала XVI в.— городничие) — ведали строительством городских укреплений.

...на пором под Дорогомиловым, и вьеде... в ворота Боровицкие...— После неудачи с переправой у Воробьева великокняжеский поезд повернул на север, вверх по течению р. Москвы, где у переправы, в Дорогомилове, начиналась дорога, ведущая непосредственно к Кремлю (современный проспект Калинина). Боровицкие ворота (ворота у «бора») — западные ворота Кремля, построены итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари (Петром Антонием Фрязиным) в 1440 г.; въезд Василия III в Москву состоялся 23 ноября.

М. В. Тучков (из рода Морозовых) — один из близких к Василию III политических деятелей, известный дипломат XVI в.

Стр. 30. *У Благовещения* — в кремлевском соборе Благовещения, домовой церкви великого князя; придел *Василия Великого* — часть собора, посвященная византийскому богослову Василию Великому (329—378 гг.).

Дары («святые тайны») — причастие.

...у Рожества... богородици... — Церковь Рождества богородицы была построена итальянцем Алевизом в 1514 г.

Дора (антидор) — часть просфоры (белого круглого хлебца), предназначенная для раздачи молящимся в храме.

Стр. 32. *...мои сестричичи, князь Дмитрѣй з братьею...* — Князья Бельские приходились Василию III двоюродными племянниками по женской линии: они внуки

Анны Рязанской, сестры Ивана III. Фрагмент речи Василия III о князьях Бельских, так же как и его обращение к ним, отсутствуют в *СП* и *ПЛ*. До сих пор в исследовательской литературе нет единого мнения о том, является этот текст поздней вставкой или, напротив, он первоначален и что Василий III намеревался поручить охрану престола не только М. Л. Глинскому, но и своим родственникам — Бельским.

Стр. 34. *А мошно ли мнѣ мертваго жива сотворити, занеже, государь, мнѣ богомъ не быти!* — Ответ, приписанный здесь Николаю Булеву, вряд ли был возможен в реальной ситуации 1533 г. и, по-видимому, сочинен позже, с целью усилить в тексте мысль о неизлечимости царской болезни; ср. текст *ПЛ* (и *СП*), сохранивший приметы первоначального сообщения о диалоге царя и лекаря: «аще бы мощно,— тело бы свое роздробил тобя ради, государя, но моя мысль не имети, опричь божьей помощи».

...игумен троицкый Асафъ... сына на руки дал...— Иоасаф Скрипицын, игумен Троице-Сергиева монастыря, крестил в 1530 г. будущего царя Ивана IV. Василий III вспоминает, как он «вручил» новорожденного сына особому покровительству Сергия Радонежского и троице-сергиевых иноков.

...от третьяго часа и до седмого...— 3 декабря — это промежуток времени от 17 час. 30 мин. до 21 час. 30 мин.

Стр. 36. *Петр чюдотворец* — первый московский митрополит Петр (1308—1325), поддерживал московского князя Ивана Даниловича Калиту (1328—1341) в его борьбе за великое княжение Владимирское.

...баба его Огрофѣна...— няня Ивана IV Аграфена Челядина.

Елѣна Челядина — ближняя боярыня Елены Глинской.

Стр. 38. *...крестъ паисиской...*— По-видимому, речь идет о кресте Паисия Ярославова, игумена Троице-Сергиева монастыря (1478—1482), крестившего Василия III.

Тогда же великая княгини не хотяше итти от него, но отсла ея князь велики...— В *ПЛ* (и *СП*) сохранился текст «Повести», описывающий не «этикетное» поведение Елены Глинской у постели умирающего Василия III: «И хоте ей наказывати и житье ея, но в кричанье не успе ю ни единого слова наказати. Она же не хотяще итти от него, а от вопля не преста, но отосла ея князь велики сильно...»

...в Кирилове монастыре.— Один из крупнейших монастырей к северо-востоку от Москвы, Кирилло-Белозерский, основан в 1397 г. иноком Кириллом; был центром идей церковной независимости от власти великого князя.

Пречистые образ... чюдотворѣнные Владимирские...— Икона Владимирской божьей матери была патрональной святыней Владимиро-Суздальской земли и Московского княжества; считалась чудотворной.

...и по Николу, чюдотворца Гостуньского.— Эту икону Василий III пожертвовал в 1507 г. в построенный им храм Николы Гостунского; она славилась целебной силой.

Крестовый дьяк — дьяк из домовой царской церкви; в его обязанности входило читать в царских покоях, говорить псалмы, петь на крылосе.

Канон — церковное песнопение в похвалу святому или празднику.

Стр. 40. *...из-ыкосов...*— Икос — род церковного песнопения.

Стр. 42. *Патрахиль* — часть одежды священника; *перѣманатка, ряска, манатия* —

части обычного иноческого облачения; *скима ангельская* — одежда монаха, давшего обет самого сурового отречения от мира.

Кѣларь — инок, ведающий монастырскими припасами.

...сь середы на четверг, в 12 нощи, противу Варварина дни.— Василий III умер в ночь со среды на четверг в 2 ч. 30 мин. ночи, 4 декабря («Варварин день»).

Стр. 44. *...от Михайлова Чюда...*— то есть из Чудовского монастыря, находившегося в Кремле.

Стряпчие великого князя — дворцовые служилые люди; *стряпчие погребные* — слуги, ведающие погребением.

Часы — ежедневные молитвословия, распределенные по времени суток.

...повѣле во Арханьгилѣ ископати гроб подлѣ отца его... противу дверей Семиона Лѣтопровотца.— Строительство Архангельского собора в Кремле было завершено Алевизом Фрязиным весной 1508 г.; собор стал усыпальницей московских князей: в октябре 1508 г. в присутствии Василия III в соборе состоялось перезахоронение всех великих и удельных князей; могилы Ивана III и Василия III находятся «возле южной стены», около «дверей Семиона Лѣтопровотца». «Лѣтопроводец» — русское именование византийского аскета Симеона Столпника (356—459), память которого отмечается 1 сентября — в день, когда на Руси начинался новый год — новое «лето».

Стр. 46. *...пѣвчимъ болшой станицы...*— Станица обозначает и хор в целом и особый разряд певчих.

Великую... княгиню Елѣну несоша... а с нею шли бояре: князь Василѣй Васильевичь Шуйской... княгини Анна.— В перечне траурного сопровождения Елены Глинской в *НС* названы лица, которые сразу же после погребения Василия III вступили в ожесточенную борьбу за власть: глава группировки Шуйских — *В. В. Шуйский,* «единомысленник» М. Л. Глинского *М. С. Воронцов,* примирившийся с Василием III перед его смертью, сам *М. Л. Глинский,* претендующий на значительную роль в управлении государством, и *И. Ф. Овчина-Телепнев-Оболенский* — фаворит Елены Глинской. Боярыни, сопровождающие великую княгиню,— это или жены и вдовы крупнейших сановников Василия III, или ее прямые родственницы и доверенные лица: племянница Василия III Анастасия, дочь его сестры Евдокии и крещеного казанского царевича Петра, жена князя Ф. М. Мстиславского, которого Василий III (по гипотезе А. А. Зимина) прочил — до рождения Ивана IV — в наследники престола; жена И. Д. Пенькова *княгиня Мария* Пенькова — младшая сестра Елены Глинской (ум. около 1535 г.) (Иван Хомяк Данилович Пеньков — боярин Василия III с 1524 г. и лицо к нему приближенное, с первых же дней правления Елены Глинской находился среди наиболее доверенных ее лиц, ум. в 1540 г.). *Елена* и *Аграфена Челядины* — вдовы двух крупнейших сановников Василия III в начале его правления, братьев Челядиных; Аграфена — сестра боярина И. Ф. Телепнева, няня Ивана IV — оказывала большое влияние на великую княгиню; после скоропостижной смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 г. и боярской расправы с И. Ф. Телепневым (умер в темнице через неделю после ее смерти) была насильно пострижена в монахини. *Феодосия Юрьева-Захарьина* — жена М. Ю. Захарьина (см. выше). *Анна Глинская* — мать великой княгини. В разных вариантах «Повести» список лиц, сопровождавших Елену Глинскую, по-разному сокращался и неоднократно редактировался.

ПОВЕСТЬ О СПОРЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

(Стр. 48)

В европейских странах в период позднего средневековья получила широкое распространение тема спора человека со смертью. Так называемые «Пляски смерти» и диалоги человека со Смертью нашли отражение в творчестве и писателей и художников, а также в народной сатире, в представлениях народных театров. Непосредственно с Запада эта тема была заимствована русской литературой. Первым произведением такого рода, попавшим на Русь, явилось «Двоесловие живота и смерти, сиречь стязание животу с смертью». Это был дословный перевод немецкого стихотворного диалога, изданного в 1482—1492 гг. в Любеке печатником Бартоломеем Готаном и привезенного им в 1494 г. в Новгород. Перевод был сделан, возможно при участии того же Б. Готана, при дворе архиепископа Геннадия. Вскоре после своего появления перевод начал перерабатываться и приобрел более понятное для русского читателя название «Прение живота со смертью». В середине XVI в. создается четвертая («распространенная») редакция «Прения», в которой уже трудно усмотреть черты немецкого оригинала. Эта редакция и публикуется в настоящем издании. Переработка выразилась прежде всего в изменении образов, выступающих в диалоге собеседников: неопределенный «живот» переделывается в удалого воина, разъезжающего по чистому полю и похваляющегося своей силой. Описание облика Смерти приобрело красочные черты, заимствованные из «Жития Василия Нового». Кстати, следует отметить оплошность составителя четвертой редакции, сохранившего употребление форм первого лица в тексте, взятом из «Жития», несмотря на то, что повествование в «Прении» ведется от третьего лица. Изложение реплик спорящих значительно отдалилось от буквальной передачи немецкого оригинала. Поскольку мысли, на которых строятся доводы спорящих, были знакомы начитанному книжнику из учительной литературы (слова о смерти, покаянии, Страшном суде и др.), то он без труда стал передавать их привычной фразеологией славяно-русской литературы, внося при этом новые оттенки в эмоциональную окраску спора и в характеристику его участников. Автор-редактор отошел от чисто диалогической формы к повествовательной, поместив в начале и конце повести описательный текст, заимствованный, главным образом, из «Жития Василия Нового». Перечень героев, которых победила Смерть, включенный в четвертую редакцию, был хорошо знаком русскому читателю по литературе и народному эпосу. Автор-редактор проделал такую значительную работу, что произведение по форме изложения потеряло связь с оригиналом, в нем исчезли всякие признаки переводности, содержание его стало более доступным и понятным.

В течение второй половины XVI и XVII вв. «Прение живота и смерти» неоднократно подвергалось переделке за счет включения новых доводов в споре между воином и Смертью. Литературной средой, в которой это произведение бытовало в XVI в., были воинствующие церковники ортодоксального толка. «Прение живота и смерти» на всех этапах его литературной жизни в основном сохраняло идейную близость церковно-учительной литературе, а цель памятника заключалась в стремлении внушить читателю мысль о неизбежности смерти и необходимости покаяния. Однако напоминания о равенстве всех — в том числе и богатых и

знатных — перед смертью, о равном возмездии на «том свете» давали своеобразный выход антифеодальным настроениям.

Текст «Прения...» печатается по списку конца XVI в.: *ГПБ*, собр. Погодина, № 1301, л. 8 об., 9, 13—15 об., исправления внесены по списку: *ГБЛ*, собр. Волоколамское, № 520. Издание текстов всех редакций памятника см.: Повести о споре жизни и смерти. Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.— Л., 1964.

Стр. 50. *Александр, царь макидонский* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), покоривший весь мир и дошедший в своих походах до неведомых земель, был популярен в Древней Руси благодаря «Александрии» — литературному памятнику, широко распространенному в древнерусской письменности (см.: *ПЛДР*, 5, с. 22—173).

А царь Давидъ...— Давид — царь Израильско-Иудейского государства (X в. до н. э.), герой ветхозаветных преданий: юношей в поединке поразил великана Голиафа, одержал многочисленные победы в разных сражениях; ему приписывается составление псалмов, объединенных в библейской книге Псалтырь.

...не мудрее ты царя Соломона...— Соломон — сын Давида и Вирсавии, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), в ветхозаветных преданиях подчеркивается его мудрость. В древнерусской письменности широко бытовали легендарные рассказы о Соломоне (см.: Суды Соломона.— В кн.: *ПЛДР*, 4, с. 66—87).

Акирь Премудрый во Алевитцкомъ царьствии...— герой «Повести об Акире Премудром», отличавшийся мудростью (см.: *ПЛДР*, 2, с. 246—281).

ИЗ «ИЗМАРАГДА»

(Стр. 54)

«Измарагдом» («смарагд» — по-гречески «изумруд») в древнерусской книжности именовался сборник устойчивого состава, включавший либо 88 глав (первая редакция «Измарагда»), либо 165 (вторая редакция). «Измарагд» предназначался для домашнего чтения и ставил своей целью наставлять в основных правилах морали и христианских добродетелях: статьи «Измарагда» осуждали сребролюбие, злобу, пьянство, скупость, побуждали к чтению «божественных» книг, к строгому соблюдению церковных обрядов. Верующих призывали жить в «страхе божьем», грозили им Страшным судом и адскими муками за прегрешения и т. д.

Рассчитанный на домашнее чтение мирян, не искушенных в книжной премудрости и богословии, «Измарагд» излагает свои наставления простым языком, часто использует жанр нравоучительного сюжетного рассказа и притчи. «Измарагд» пользовался в Древней Руси большой популярностью. До настоящего времени сохранилось множество его списков XV—XVII вв.

В данной публикации представлены семь глав из второй редакции «Измарагда». В них отражены основные темы сборника: наставление о необходимости чтения книг (глава 4), осуждение мирских радостей и народных празднеств (глава 33),

наставление о поведении в церкви (глава 38), наставление о воспитании детей в «страхе божьем» (глава 53), осуждение пьянства (глава 71), слово, в котором автор пытается объяснить причины неожиданной смерти, настигающей порой и добродетельных людей, осуждает своеволие (глава 82). Восходящее к византийской легенде сказание о воине (глава 131) развивает апокрифическую тему о «мытарствах» — испытаниях, которым подвергаются души умерших.

По этим главам можно составить представление и о разнообразии литературных приемов, употребляемых в «Измарагде»: иногда это довольно бесцветные наставления, пересыпаемые цитатами из Священного писания и сочинений византийских проповедников (как в главах 4, 53 и отчасти 71), а иногда — и довольно часто — сюжетные рассказы и притчи. Так, глава 33 стремится отвратить читателя от пристрастия к мирским развлечениям с помощью сюжетного рассказа о том, как радуются бесы и сам сатана, глядя на поющих и пляшущих христиан. Идея главы 38 — не следует покидать церкви до окончания службы — явилась сюжетообразующим мотивом в рассказе о чудесном спасении благочестивого юноши. В главе 131 осуждение одного из грехов также облечено в форму устрашающего воображение рассказа о муках, претерпеваемых грешником после смерти. Это обилие в «Измарагде» нравоучительных, но в то же время занимательных рассказов, вероятно, немало способствовало его популярности.

В основу публикации положен список «Измарагда» XVI в. (*БАН*, 13.2.7), который был сопоставлен с несколькими списками конца XV—XVI вв. Слова, исправленные и дополненные на основе этих списков, выделены курсивом.

Стр. 54. *...Иоана Златоустаго.*— Именем Иоанна (344/354—407), авторитетнейшего византийского проповедника, прозванного за красноречие Златоустом, в 398—404 гг.— константинопольского патриарха, надписывалось в средневековой славянской книжности множество торжественных и учительных слов, в значительной своей части ему не принадлежащих или представлявших собой риторические упражнения, основанные на извлечениях из подлинных произведений Иоанна.

Стр. 56. *Слово... Нифонта...*— Эта глава является извлечением из византийского жития Нифонта Констанцского, переведенного на Руси не позднее начала XII в.

...о русалиях...— Русалия — языческий праздник весны и, шире — всякое народное празднество и гуляние, которые церковь связывала с языческими обычаями и осуждала. В данном случае древнерусский книжник обозначил этим словом бытовую сценку на улице византийского города, изображенную в житии.

Стр. 58. *Эпарх* — в Византии — префект, глава городского управления. В подчинении эпарха находились и силы для поддержания порядка, поэтому правомерно, что посланный к эпарху мнимый преступник попадает в руки палача.

Стр. 60. *...в 4-х Царствиих.*— Имеются в виду библейские книги Царств, в одной из которых содержится рассказ об Офни и Финесе, порочных сыновьях священнослужителя Ильи.

Стр. 62. *Давид* — см. коммент. к с. 50.

Стр. 66. *...патрекиа...*— Патрикий — высокий титул в Византии.

...доидохомъ мытарства...— Согласно средневековым легендам, душа умершего, возносимая ангелами на небо, должна миновать «мытарей» (число их колебалось, обычно 12 или 21) — бесов, каждый из которых представлял какой-либо порок. Если этим же пороком страдал умерший и он не покаялся в нем, не замолил его добрыми делами, то душа попадала во власть бесов, которые низводили ее в преисподнюю (в ад).

...Иевъ рече...— Цитируется библейская Книга Иова.

ДОМОСТРОЙ

(Стр. 70)

Один из важнейших памятников древнерусской светской литературы, «Домострой» был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности, в первой половине царствования Ивана IV Грозного. По-видимому, этому предшествовал длительный период складывания текста на основе самых разных источников, в том числе и связанных с византийской традицией; сказались в нем и влияния деловых и хозяйственных сочинений конца XV в., в том числе и переводных (напр., польской книги М. Рея «Żywot szłowieka poczćiwego» — жизнь добропорядочного человека). Таким образом, в широком смысле «Домострой» впитал в себя общие идеи средневековья, не всегда имеющие строго национальную основу. Однако окончательный результат в подборе источников и в характере самого текста, в интонации повествования и в идеологических акцентах является чисто русским, несет на себе следы русской жизни в начале XVI в. Образная русская речь, множество ставших теперь диалектными слов, богатство традиционных художественно-образных формул, языковая близость к фольклорным текстам, но также и к текстам деловым — несомненны и доказывают участие многих лиц в создании этого памятника. Сборность его подтверждается также неоднократными повторениями, иногда даже в пределах одной и той же главы; одни и те же вещи именуются разными словами, относившимися к различным русским говорам. Но в том и состоит основная ценность «Домостроя» сегодня: с его помощью мы можем заглянуть в быт наших предков XV—XVI вв. и как бы присутствовать при их «разговорах».

Авторство одного лица в составлении окончательного текста памятника можно предполагать только в общем плане книги, в композиции ее частей, в выборе объектов описания, в логической структуре повествования, в языковой обработке старых текстов. В целом же совершенно ясно, что «Домострой» — не механическая компиляция, а полемически заостренное произведение, это «не описание практических устоев жизни, а дидактическое изложение ее теории» (А. Н. Пыпин). Дидактичность «Домостроя» четко задана указанием в самом тексте: жить следует так, «какъ в сѣи памяти писано». В соответствии со значением в древнерусском языке слова *память*, это одновременно и «воспоминание об отческих традициях», и «понимание» современной автору ситуации, и «напоминание-наставление» для будущих поколений.

Авторство окончательного текста «Домостроя» связывается с именем вполне определенного человека, известного сподвижника Ивана IV, его духовного наставника,— Сильвестра.

Сильвестр (начало XVI в.— до 1568 г.), выходец из новгородской зажиточной торгово-промышленной среды, был близок к новгородскому архиепископу Макарию, после избрания которого митрополитом переехал в Москву и с 1545 г. стал протопопом придворного Благовещенского собора в Кремле. Он участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников, как Судебник 1550 г. и Четьи-Минеи. По своим политическим взглядам Сильвестр близок к нестяжателям (см.: *ПЛДР,* 6, с. 711), он выступал против обогащения церкви, отстаивал сильную государственную власть — единодержавие; это стало политической платформой для сближения с представителями возвышавшегося дворянства (в лице других приверженцев нового курса, таких, как Алексей Адашев). «Остуда» Ивана IV к Сильвестру началась после боярского «мятежа» 1553 г., в котором Сильвестр занял уклончивую позицию; поскольку же он был связан с Владимиром Старицким, основным антагонистом Ивана IV, ему пришлось «добровольно» постричься в Кирилло-Белозерский монастырь (под именем Спиридона). Окончательная опала постигла Сильвестра весной 1560 г., после смерти царицы Анастасии, которая благоволила ему. Дальнейшие обстоятельства личной жизни Сильвестра мало известны и являются спорными, неизвестно даже время и место его смерти. Крупный политический деятель и писатель, в последние годы жизни — он занимался только перепиской книг, некоторые из них сохранились.

«Домострой» «сильвестровской редакции» — основное произведение писателя; он отредактировал и отчасти дополнил ходивший в списках новгородский сборник аналогичного содержания (А. С. Орлов).

До наших дней сохранилось около сорока списков «Домостроя» в трех редакциях: 1) краткая по содержанию, близкая к предполагаемому новгородскому сборнику; она дополнена некоторыми частями, не использованными Сильвестром,— с перечнем яств по праздникам, с описанием свадебного чина и др.; 2) «Сильвестровская», которая, собственно, и называется «Домостроем», дополненная составленной лично Сильвестром 64-й главой («Послание и наказание к сыну Анфиму», так называемый «малый Домострой»); здесь устранены композиционно лишние статьи о праздниках и произведена правка основного текста; 3) смешанная, представленная всего тремя списками, она возникла позже в результате неумелого механического переписывания с текстов основных редакций.

Три основные части «Домостроя» излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (религиозные наставления, главы 1—15), «мирского строения» (о семейных отношениях, главы 16—29) и «домовного строения» (хозяйственные рекомендации, главы 30—63); 64-я глава отчасти повторяет основные мысли предыдущих частей, одновременно это как бы житейское, основанное на личном опыте автора обоснование «Домостроя»: Сильвестр на примерах показывает сыну, насколько эффективны и справедливы рекомендации «Домостроя», следуя которым можно добиться успеха в современном им обществе. Последняя глава описывает конечный результат тех действий, которые рекомендованы в «Домострое» и являются традиционными. Эту же главу можно воспринимать и как самостоятельное произведение: оно относится к древнерусскому жанру поучений отца сыну, распространенному уже с XII в.

Большинство подробностей частной жизни Сильвестра нам известно как раз из текста этого послания.

Все части «Домостроя» отражают опыт семейной и хозяйственной жизни крупного домашнего хозяйства XV—XVI вв. Однако за этим стоит многовековый опыт частной жизни русских людей, оттесненных набегами язычников на крайний север славянского мира.

В «Сильвестровской» редакции на примере семейных отношений и описывается подобная модель государственного организма, увенчанного самодержавной властью «государя» (характерно и употребление слова *государь* одновременно в отношении и к государственному и к семейному владыке без различения их функций) и сложными отношениями к нему со стороны других членов «дома», основанными не только на силе, но еще и на законе и на чувстве долга. Идеологически такая модель была более характерной для московского, а не новгородского быта. Вообще нужно сказать, что, хотя «Домострой» и рисует «образцовый дом», этот «дом» не является хозяйством безликим и в понятии «усредненным»; его нельзя связать с любым хозяином Московской Руси, он был таким не для всякого мужика. Социальное расслоение в русском обществе достигло уже той степени, когда только действительный «государь» и мог стать «владыкой дому». Но тем и интересен «Домострой», который тщательно выписывает для нас средневековый быт в конкретно-историческом его проявлении: уже не в условиях общинного равенства или жизни в городской коммуне, но еще и — не гнет крепостничества. В яркой художественной форме «Домострой» рисует общественно-нравственный идеал в момент, когда «старина поисшаталась» (А. Н. Пыпин). Особый упор делая на чувстве долга и выделяя нравственные основы жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг, «Домострой» ничего не говорит о культурной и интеллектуальной жизни общества и семьи, что естественно для церковного писателя того времени. Однако это обстоятельство и стало причиной осуждения «Домостроя» в XIX в.— в связи с изменением общего отношения к нормам не только семейной, но и общественной жизни. Славянофилы не находили положения и рекомендации «Домостроя» идеальными, западники ссылались на него как на образец крепостной зависимости; в XX в. «Домострой» определенно воспринимается как «теория семейного рабства и скопидомство» (А. С. Орлов).

Для своего же времени «Домострой» был авторитетным руководством и важным, регламентирующим жизнь текстом. В полном соответствии со средневековыми представлениями «Домострой» в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для такой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза. Таковы были требования истории, и в полном соблюдении принципа власти на всех социальных уровнях реформаторы XVI в. видели смысл своих государственных реформ и прочность государственной жизни. В этой жесткой иерархии и сам владыка оказывается не вполне свободным, он и сам просто обязан учить и наставлять всех окрест себя. Если же он не исполняет такой своей функции, его самого накажут — бог, государь, «суседи» — насмешкой, судом, штрафом. Смысл жизни государя, таким образом, и заключается в «руководстве домом». Семья как школа подготовки к жизни в обществе при отсутствии еще организованного государственного образования;

не индивидуальные склонности и способности человека, а общегражданские, прагматически сконцентрированные добродетели; не развитие моральных установлений, а утверждение традиции как всеобщей нормы для всех,— все это характерно для общественной атмосферы, породившей «Домострой».

Одновременно «Домострой» отражает и коренные взгляды русского народа, сохраненные в продолжение веков несмотря на чуждые влияния. Например, антиженский элемент церковных проповедей и мусульманских представлений эпохи «татарского ига», как можно судить по этому памятнику, привился не вполне: женщина — хозяйка дома в иерархии семейных отношений занимает свое особое место, права и обязанности хозяина и хозяйки находятся как бы в дополняющем друг друга распределении, почти не пересекаясь, а это и определяет высокий социальный ранг хозяйки в частной жизни каждого дома. В большинстве глав «Домостроя» христианство вообще понимается не в каноническом смысле как «царство духа», а вполне практически, как всякая другая хозяйственная надобность — это чистый обряд, практическое суеверие, которое активно сопровождало все сферы русской жизни с языческих времен. Сокращенный пересказ текстов Писания, примененный в «Домострое», показывает границы той вольности, какую позволял себе автор. Сопоставление церковных учений средневековья с духовным регламентом «Домостроя» дает своеобразный масштаб для суждений о смысле самого «Домостроя» — это не вероучение, а практический минимум нравственной жизни, который не связан с богословской стороной религии. Важна идея живого примера, наглядного образца как формы воспитания в семье молодых ее членов и слуг. Таким способом в XVI в. создавалась искомая целостность всего воспитательного комплекса наставлений, призванная «выбивать автоматическую совесть» из воспитуемого (как выразился исследователь «Домостроя» в прошлом веке — П. Бракенгеймер). Характерно, например, четкое противопоставление прав и обязанностей каждого члена дома (а в сущности, и любой другой социальной иерархии) с непременным указанием форм и степеней не только наказания за многие вины, но и поощрения за честную и усердную работу. Кроме всего прочего, «Домострой» не просто рисует идеальный тип хозяина-государя, он указывает и на отрицательные стороны бытия и быта (глава «О неправедном житии» и др.), то есть предостерегает от возможных ошибок и заблуждений.

Текст «Домостроя» публикуется по древнейшей (XVI в.) рукописи полной («сильвестровской») редакции: *ГПБ*, Q. XVII. 149 (так называемый «Коншинский список Домостроя»), л. 1—124; опущено только оглавление, идущее сразу же вслед за заглавием, в нем перечисляются названия глав, повторенные впоследствии в самом тексте. Сверка с другими списками этой редакции произведена по изданию: Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 4—142 (*Чт. ОИДР*, 1908, кн. II, с поправками в *Чт. ОИДР*, 1911, кн. I).

Стр. 72. *Дора и просфира* — см. коммент. к с. 30.

...с кутьею... с кануномъ...— Кутья и канун — кушанья при поминовении умерших, особым образом приготовленные из круп.

Стр. 78. *«Егда нѣчто имать братъ твой на тя...»* — Краткое переложение («напоминание») из Евангелия: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там

вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и прежде пойди помирись с братом твоим, а потом вернись и принеси дар твой».

...и иноческом ящаго...— Испорченный текст с неясным пропуском.

Стр. 80. *Егда жидове сѣдоша ясти в пустыни и пити...*— Напоминание о библейских текстах, говорящих о неизбежности наказания идолопоклонникам: «...народ сел есть и пить и стал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, так что в один день погибло их двадцать три тысячи».

Стр. 82. *Заутреня и часы.*— Имеются в виду разные формы и время церковного богослужения.

Стр. 88. *«Возмется нечестивый, да не видит славы господня».*— Краткое напоминание о библейском тексте: «Если нечестивый будет помилован, то не научится он правде,— будет злодействовать в земле правых, и не будет взирать на величие господа».

Стр. 98. *...к сему ж чарование и волхвование, и наузы...*— Перечисляются осуждаемые церковью астрологические и магические книги, с XV в. распространяемые «еретиками»: *наузы* — гадальные книги (в древнерусском языке это слово обозначало также и колдуна, и защищающий от нечистой силы амулет); *звездочетье* — астрология; *рафли* — книга истолкования сновидений и примет; *алнамахи* — также астрологические книги («альманахи»); *воронограй* — гадание по крикам ворона; *шестокрылъ* — таблицы для гадания по знакам зодиака и по звездам; *усовники* — лечебные книги с рекомендациями против болезней с внутренним воспалением (*усовье* — колотье тела); *дна* — также болезни внутренних органов; затем перечисляются и некоторые магические средства: волшебные кости и камни, особенно *стрелки громные и топорки* — сплавленный молнией песок или камень метеоритного происхождения, с которых «сливали лечебную воду» для магических обрядов; *чарование, волхвование, чернокнижие* и т. д.— разные именования магических манипуляций на основании всех указанных орудий и источников.

...якоже и долготерпѣливаго Иова искушая...— В библейской книге Иова рассказывается о многочисленных и страшных испытаниях праведника Иова.

Стр. 100. *«Ускии и прискорбный путь...»* — Краткое изложение евангельской мысли: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель... потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь...»

...«Нужно есть царство небесное...» — Краткое изложение мысли, несколько раз повторенной в Евангелии: как трудно имеющим богатство войти в царство божие.

Стр. 106. *Межьситки* — крупяные высевки, оставшиеся после провеивания крупы.

Стр. 108. *...обрѣсъки камчатые и тафтяные...*— тонкие шелковые ткани, но тафта — гладкая, а камка — узорная ткань.

Стр. 110. *...или сагадакъ, или на седло...*— перечисляются различные предметы домашнего обихода и одежды: *сагадакъ* — саадак, то есть расшитый чехол для лука и стрел; *терликъ* — узкий нижний кафтан; *кортель* — женская нарядная одежда на меху; *каптуръ* — теплая меховая шапка с круглым верхом; *нага-*

вицы — ногавицы, нижнее белье; *опашень* — верхняя длинная одежда со столь же длинными рукавами; *зуфрянъ* — из шерстяной ткани.

Стр. 110. *...саженье или мониста...*— женские украшения из драгоценных камней или самоцветов, а также жемчуга; саженье — головное украшение, «нанизанное каменьями».

Стр. 116. *...у избы или у кѣльи...*— В древнерусском быту так назывались разные типы жилых летних построек, не обязательно сельских или монастырских; различались разным числом комнат.

...а толко аминя не отдадутъ...— то есть не произнесут заключительного к молитве слова «аминь», указывающего на то, что молитва услышана и можно приступить к делу.

...«В мале бе вѣренъ...» — слова господина к верному рабу, известные из евангельских текстов: «в малом ты был верен, над многими тебя поставлю».

Стр. 126. *Мѣрники* — сосуды для измерения объема жидкостей.

Стр. 128. *...елычемъ...*— рассолом, специально готовившимся для сохранения говядины или рыбы.

Стр. 130. *Кундумцы* — мучное кушанье в соусе.

Рыба прутовая.— Прутовой рыбой называлась разрезанная, слегка просоленная, а затем провяленная на прутьях рыба.

Хохолковые, хохолъ, хохлики — народное название мелкого ерша, из которого готовилась особенно вкусная уха.

Яглы — общее название некоторых крупяных продуктов, получаемых из остролистных растений, например,— просо.

Левашники — пироги с ягодами или с вареньем.

Стр. 136. *Арака* — водка из ячменя или пшеницы.

Изварі — специальные чаны для приготовления напитков, в том числе и вина.

Стр. 142. *Сущь* — сущик, то есть сушеная мелкая рыба, в том числе и снеток.

Стр. 144. *...в крошнях...*— крошнями назывались плетенные из прутьев короба, предназначенные для хранения продуктов питания.

Стр. 146. *...и епаньчи, и кепеняки...*— Следует перечень некоторых видов верхней одежды, конской сбруи и т. д.: *епанча* — накидка, широкий плащ, длинное верхнее платье без рукавов; *кебеняк* — верхняя мужская одежда для ненастной погоды; *медведно* — выделанные медвежьи шкуры, служащие полстью в санях и коврами в доме; *морхи* — кисти на переносье у лошади, часть сбруи; *лысина* — конский налобник; *похва* — подхвостник у лошади, также часть сбруи; *мехи дымчатые* — мешки, сшитые из мягких, выделанных на пару или в дыме шкур; *одръ* — рабочая повозка со скамьями; *коптана* — см. коммент. к с. 26; *калымага* — закрытый возок шатрового типа с кожаными шторами; *высытки* — сосуды, в которых взваривают, «сытят», меды; *уторы* — нарезка на клепках деревянной посуды для вставления дна.

Стр. 156. *Какъ дворовое тягло плотить...* — Перечисляются различные повинности, уплачиваемые с городского двора (*тягло*), с купеческого места на торгу (*позем*) и с сельского имения (*подать*).

Стр. 164. *«Любите враги ваша...»* — Следует свободная по композиции (как и на с. 172 *«Не на лица судите...»*) подборка из нескольких евангельских стихов, но не в точной цитате.

Стр. 170. *...и великихъ чюдотворьцевъ Николы, Петра...*— Перечисляются принятые в церковной традиции «покровители» Руси и царствующего града Москвы: святые Николай Мирликийский, московские митрополиты Петр и Алексий, также Сергий Радонежский и другие игумены главных русских монастырей — Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский (новгородский святой), Александр Невский.

ЧИН СВАДЕБНЫЙ

(Стр. 174)

Это оригинальный памятник древнерусской литературы, который составлен был и записан как «руководство» к проведению свадебного торжества — ритуального действа, во многом связанного с языческим бытом и запечатленного в образной словесной форме. Кроме множества остатков язычества, в поэтике «Чина» содержится также символический и образный мир средневекового общества. Текст памятника складывался постепенно и так же постепенно откладывались в нем следы разных периодов развития русской культуры.

Некоторые варианты чрезвычайно кратки и совершенно безлики в отношении к социальной среде или времени, когда происходили предполагаемые ритуалом события. Другие редакции наполнялись яркими подробностями и характеристиками, и тем самым «Чин» становился художественным произведением, по типу близким к народной сказке, да и по характеру совершенно народным — с анонимностью автора, с принципиальной возможностью дальнейшего восполнения текста, с характерным для средневековых народных произведений языком. В нем много следов и языковой древности, в том числе и в обозначении предметного мира, и в описании действий «героев» повествования.

По содержанию «Чин» близок к «Домострою», но в текст «Домостроя» «Чин» не включался, хотя списки «Чина» обычно сопровождают списки «Домостроя»: тематическая и идеологическая близость двух памятников осознавалась средневековым читателем.

Текст издается по рукописи: *ГБЛ*, фонд 205, № 340, л. 145—171. Варианты и исправления приводятся по изданию: Забелин И. И. Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских.— *Чт. ОИДР*, 1881, кн. II. М., 1881, с. 170—193; поправки в изданиях: *Чт. ОИДР*, 1882, кн. I, М., 1882, с. XI—XIV; Русский филологический вестник, т. 75. Варшава, 1916, кн. 1—2, с. 41—47.

Стр. 174. *...и воспоминает праотець Авраама и Сарру, Иоакима и Анну, и царя Константина и Елену.*— Перечисляются христианские покровители новобрачных: патриарх Авраам и жена его Сарра, родители богородицы Иоаким и Анна — символы долголетней и счастливой супружеской жизни; Константин и его мать Елена первыми из римских императоров приняли христианство — символ верности богу.

Стр. 176. *Панагия* — иконка с изображением богородицы, которую носили на груди (греческое слово «панагия» и значит «богородица»).

Волосникъ — вид шапочки, надеваемый замужней женщиной под платок.

...в каптыре...— Каптырь, или каптур — женский головной убор, представлявший собою круглую шапочку с пелериной, которая прикрывала шею и плечи; в отличие от спусков, которые также упоминаются в этом тексте, каптырь не из ткани, а из меха или стеганный на вате.

Стр. 178. *Кика* — головной убор замужней женщины, округлой формы; ниже перечисляются «приклады» к кике — *подзатыльник* и *подубрусник*, то есть различные платки с вышивкой.

Кумган — узкогорлый металлический сосуд с крышкой и с ручкой.

Шубы наголные — то есть не покрытые тканью, из одного меха.

...в золотном платье...— то есть в златотканом или вышитом золотом платье.

...ферези спущены...— Ферязь — верхняя домашняя одежда без пояса и воротника с длинными рукавами; впоследствии — обычная рабочая одежда, но в данном случае это еще архаичный праздничный наряд с торжественно спущенными длинными рукавами.

Шапка горлатная — то есть шитая из очень тонкого меха, взятого с шеи («горла») животного.

Коровай — ритуальный круглый хлеб, символизирующий солнечный круг.

Стр. 180. *...в скамье седячие бояре...*— По старому русскому обычаю, лавка у стены, к которой ставился стол, почетнее, чем место на скамье, которая придвигалась к столу с противоположной (внешней) стороны.

Да устроити мѣсто...— В древнерусском языке слово *мѣсто* могло обозначать любое пространственное вместилище; в данном случае «местом» именуется свадебное место новобрачных на пиру.

3 девят.— Остатки древнего счета по тройкам, в данном случае — двадцать семь; сохраняется как образец ритуального счета, представленного и в сказочных зачинах.

...пѣнязей серебряных золоченых малых...— В краткой (первоначальной, новгородской) редакции этого текста говорится о «ноугородках золоченых» — серебряных новгородских рублях, которые по стоимости были в то время вдвое дороже рублей московских; в данном случае — намеренная архаизация текста в употреблении старых слов (*пѣнязь* вместо *деньга*).

Стр. 182. *Аргамакъ* — восточный породистый конь, скакун; здесь также условный термин свадебного обряда.

Стр. 184. *«Аргамак тобѣ в Ордѣ, а золотые в Угрѣ».*— Скороговорка — присловье, обозначавшее, очевидно, и пожелание иметь самых лучших коней и самое чистое золото: «золотой угорский» (венгерский) в те времена особенно ценился.

...голову чесати...— Расчесывание гребнем волос новобрачных имеет смысл очищения; после расчесывания сваха заплетает невесте волосы уже в две косы, как замужней женщине.

Стр. 186. *Романѣя* — французское сухое вино.

Стр. 190. *Четыги*, или чедыги — мягкие кожаные или матерчатые сапоги, на которые затем надевались башмаки.

Шапка черевья — то есть шитая из меха, взятого на животе («череве») животного.

Стр. 192. *До́роги* — очень тонкая восточная шелковая ткань и одежда из нее.

ПОВЕСТЬ О НОВГОРОДСКОМ БЕЛОМ КЛОБУКЕ

(Стр. 198)

Легенда о необычном головном уборе новгородских архиереев связана с именем архиепископа Василия (1331—1352). В конце XV в. она привлекла внимание архиепископа Геннадия — знаменитого организатора книгописания, создателя первого русского полного свода библейских книг. Вероятно, кем-то из окружавших Геннадия книжников эта легенда была переработана в «Повесть», отразившую популярную в то время доктрину «Москва — третий Рим». При переработке были использованы «Житие Константина» — римского императора (306—337), легализовавшего христианство, и так называемая Псевдоконстантинова грамота, утверждавшая приоритет духовной власти над светской. Однако несмотря на отражение в «Повести» актуальных для своего времени церковно-политических идей, она не получила признания в официально-церковных кругах, но зато широко распространилась в рукописной книжности XVI—XVIII вв. Церковным собором 1667 г. она была признана «лживой и неправой», но вскоре после этого фрески на сюжет «Повести о белом клобуке» были исполнены ярославскими мастерами в Воскресенском соборе города Романова-Борисоглебска (ныне г. Тутаев). Дальнейшее распространение «Повесть» получила в старообрядческой рукописной книжности; на нее ссылается в своей полемике с патриархом Никоном протопоп Аввакум. Всего известно около трехсот списков различных редакций «Повести».

«Повесть о белом клобуке», как и «Сказание о князьях Владимирских» и послания старца Филофея (см.: *ПЛДР,* 6, с. 422—455), входит в цикл произведений публицистического характера, в которых обосновывалась идея официальной идеологии об особой роли России, как единственной православной стране, уцелевшей в мире, утратившем истинное христианство. Естественно, что в повествовании о церковных регалиях сильнее, чем в других произведениях данного цикла, отразились церковно-религиозные мотивы. Но сюжетная занимательность повествования, носившего определенный «приключенческий» характер, придавала этому произведению увлекательную окраску, а идейная направленность «Повести» способствовала утверждению национального самосознания.

В предлагаемом издании публикуется список конца XVI в. первой пространной редакции «Повести» (*ГПБ,* Q I — 1409, л. 394—423); его немногочисленные лакуны (самая большая — из-за утраты листа) и ошибки восполнены и исправлены по списку, изданному Н. И. Костомаровым (Памятники старинной русской литературы, т. 1. М., 1860, с. 287—303). Отсутствующее в этих списках Написание архиепископа Геннадия публикуется по списку середины XVII в. Соловецкой библиотеки (*ГПБ,* Сол. 855/965, л. 413—415).

Стр. 198. *Послание Дмитрея грека толмача...*— позднейшее дополнение к «Повести о белом клобуке», написанное тогда, когда обстоятельства ее сочинения стали уже забываться. Отсюда, прежде всего,— путаница с именем ее автора: в заглавии он назван «греком» (таковых среди русских «толмачей» начала XVI в. было два: Дмитрий Траханиот и Дмитрий Ларев), а в начале — Митей Малым — так называли в молодости дипломата и сотрудника Максима Грека

Дмитрия Герасимова. Сочинение «Послания» — первая попытка выяснить происхождение «Повести», может быть, с целью придать ей больший авторитет, приписав «римское» происхождение.

Генадий — новгородский архиепископ в 1484—1504 гг. В противоположность своему предшественнику Сергию — первому архиерею, присланному из Москвы (до этого новгородцы выбирали себе «владыку» сами), пренебрегшему местными обычаями, Геннадий стал носить белый клобук и установил особый ритуал его чествования (это Установление публикуется вслед за «Повестью»). Ему, очевидно, пришла мысль использовать одну из новгородских легенд для пропаганды идей московской публицистики конца XV — начала XVI в.

...книгохранителю церкви римския именем Иякову...— Прототип «книгохранителя» Иакова неизвестен. Скорее всего, это имя, как и некоторые другие в «Повести»,— вымышленное. Однако похвала «греческой вере» и упоминание русских «чудотворцев», возможно, восходят к рассказам Дм. Герасимова о своей родине итальянскому гуманисту Паоло Джовио, с которым он близко сошелся во время своего посольства в Рим в 1526 г.

Селивестр — первый глава христианской церкви после ее легализации императором Константином в 313 г.

Стр. 200. *...турки обладаша царствующимъ градомъ...*— Завоевание турками Византийской империи и захват ими Константинополя произошли в 1453 г.

Осмочасная книга — вероятно, сочинение античного грамматика Элия Доната, содержащее учение о восьми частях речи; было переведено Дм. Герасимовым в 1522 г.

Миротворный круг — 532-летний период, после которого даты праздника Пасхи повторяются в той же последовательности. Был изложен Геннадием в толковании составленной им «Пасхалии на восьмую тысячу лет» (с 1493 г.).

Фамилия *«московского гостя Фомы»* в различных списках «Послания» разная (насчитывается более десятка ее вариантов), в большинстве из них пишется «Саларев». Один из Саларевых, в качестве купеческого старосты, подписал мирный договор с Ливонским орденом в 1509 г.

Максентий — Максенций, римский император. В борьбе за власть с Константином потерпел поражение и погиб в 312 г.

Стр. 202. *Замбрия* (Замврий) — в «Житии Сильвестра» его противник, возглавивший толпу евреев, протестовавших против закрытия синагог и пытавшихся оклеветать Сильвестра перед императором.

...чюдо велие сотвори...— В Макарьевских Минеях-Четьих рассказывается, что в споре с Сильвестром Замврий умертвил быка, а Сильвестр его воскресил. Во многих списках «Повести», в том числе опубликованном Костомаровым, об этом кратко упоминается.

Стр. 204. *...в Капеталии римьстеи...*— Капитолий — главный языческий храм Рима, посвященный Юпитеру.

...множество женъ... плачюще...— Эта сцена подробно иллюстрирована в росписях Воскресенского собора в Тутаеве.

Гора Сорепта (Соратта) — гора в окрестностях Рима.

Стр. 206. *...сотвори его оглашенна...*— «Оглашение» предшествует христианскому обряду крещения. Обряд крещения Константина в «Повести» смещен во времени: он крестился только перед смертью.

Стр. 208. *...повелѣ собрати мощи...*— Эпизод, так же как последующие — «разорение еллинских храмов» и другие,— заимствованы из «Жития Константина», которое — как и всякое агиографическое сочинение — не полностью соответствует его подлинной биографии.

Стр. 210. *...утвари всякия плетенная...*— Реалия, подтвержденная при вскрытии в 1946 г. погребения архиепископа Василия. В его гробнице оказались остатки необычного головного убора — две ленты, сплетенные из серебряного кружева с вышитыми шелком изображениями святых, а также жемчужины, бирюзовые и золотые бусины. Такой необыкновенно роскошный для монашествующих головной убор (они всегда носили черные матерчатые клобуки) мог послужить поводом для легенды, возникшей явно после смерти Василия: если бы уже при его жизни он считался «святым», созданным «первым христианским царем», то его не могли положить в гроб. Последующие новгородские архиереи носили клобуки, связанные из белого шелка.

Стр. 214. *...созда... Констянтинград...*— Константин не «создал», а лишь переименовал древний греческий город Византий в 330 г., когда перенес сюда столицу Римской империи.

...царя Карула...— Имени «Карул» (Карл?) в списке византийских императоров нет. Его носили многие императоры Священной Римской империи, из которых один — Карл Толстый был современником папы Формоза (891—896).

Аполинариева ересь — учение о несовместимости в личности Христа «совершенного человека» и бога. Была осуждена церковным собором 362 г.

Опресночная (в некоторых списках добавлено: «служения») — принятый католической церковью догмат совершения литургии на пресном ритуальном хлебе; православная церковь признает «квасной» (кислый) хлеб.

Стр. 218. *Филофие патриарх.*— Филофей был патриархом дважды: в 1354—1355 и 1362—1376 гг. Император Иоанн VI Кантакузин царствовал с 1341 по 1355 год.

Стр. 222. *Гервасъ.*— Имя Гервасий в списке римских пап не значится. Евгений IV занимал папский престол в 1431—1447 гг. Он был одним из зачинателей унии между католической и православной церковью — столь непопулярной в средневековой России.

Стр. 224. *...от царствующаго града сего царский вѣнецъ данъ бысть рускому царю.*— Легенда о присылке киевскому князю Владимиру Всеволодовичу царских регалий византийским императором Константином Мономахом отразилась в официозном «Сказании о князьях Владимирских» (см.: *ПЛДР*, 6, с. 422—434).

И кольми сии честнѣе оного...— Основная идея Псевдоконстантиновой грамоты: духовный сан более почетен, чем царский чин.

Патриаршеский чин.— Мысль о том, что глава русской церкви должен быть патриархом, появилась задолго до учреждения патриаршества в России. «Патриаршеским престолом» называет московскую митрополию волоколамский монах Нил Полев в своем письме Герману Подольному в 1510 г. В 1519 г. римский папа Лев X предлагал великому князю Василию Ивановичу «учредить» московского митрополита патриархом.

Стр. 226. *Архиепископ Василий* был одним из самых популярных новгородских «владык». В первой новгородской летописи подробно описывается его градо-

строительная деятельность, подчеркивается его роль в примирении внутриновгородских междоусобий, его умная и дальновидная политика в отношениях с Москвой. Митрополит Феогност дал Василию высшую награду — «ризы кресчаты», причисленные в «Повести» к дарам Филофея.

Стр. 228. *Исполати деспота!* — греческое приветствие архиереям.

Стр. 230. *Написания архиепискупа Генадия...* — своеобразный эпилог «Повести о белом клобуке», дополнительно раскрывающий ее источники — «малая некая», вероятно, предания (а может быть, и документы) Софийского собора.

Стр. 232. *Цветоносный день* — праздновался за неделю до Пасхи, когда вспоминалась торжественная встреча Христа населением Иерусалима. Позднее этот день назывался «Вербное воскресенье».

...шествие... на жребяти и ослѣ... — В старину в Новгороде в Вербное воскресенье совершался особый обряд: в церковной процессии архиепископ ехал на молодом осле, изображая «вход господень в Иерусалим». Позднее этот обряд совершался также и в Москве патриархом.

...хлѣбца... богородица... — По большим праздникам в Софийском соборе, перед иконой богородицы, совершалось благословение хлеба и вина. Согласно Уставу Геннадия, в Вербное воскресенье они раздавались «по скончании... торжественнаго пиршества».

ОБ УМСТВОВАНИЯХ КОСОГО
(ИЗ «МНОГОСЛОВНОГО ПОСЛАНИЯ» ЗИНОВИЯ ОТЕНСКОГО)
(Стр. 234)

Текст «Об умствованиях Косого» («О Косого мудровании») сохранился в виде особых «вопросов», входящих в состав одного из двух противоеретических трактатов, направленных против русского еретика середины XVI в.— Феодосия Косого, проповедовавшего сперва в Московской (Белоозеро, Москва), а затем в Западной (Литовской) Руси. Оба противоеретических трактата — «Послание многословное к вопросившим... на зломудрие Косого» и «Истины показание к вопросившим о новом учении...» — написаны автором, знакомым с учением Косого по изложению (письменному и устному) неких «богобоязненных людей» из Литвы и «крылошан» из Старой Руссы. Автор «Истины...» прямо назван в древнейшей рукописи памятника (возможно, его автографе) — это старец Зиновий, инок новгородского Отенского монастыря, ученик Максима Грека. В «Многословном послании» имени автора нет, но большинство исследователей также считает этот памятник сочинением Зиновия Отенского.

Ересь Феодосия Косого, получившая распространение в начале и осужденная собором в середине 50-х гг. XVI в., представляла собой самое радикальное из всех еретических движений Древней Руси. Еретики отрицали не только церковную традицию после Библии (подобно новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI в.), но также и всякую церковную иерархию и богоустановленность светских «властей». После бегства еретиков в Польско-Литовское государство Косой и его сподвижники примкнули к крайним представителям Реформации в Польше — антитринитариям (социнианам),

и возглавленное ими движение «русских братьев», наряду с близким к нему движением «чешских братьев», оставило глубокий след в идейной жизни Западной Европы вплоть до XVII—XVIII вв.

«Послание многословное» было, по мнению большинства исследователей, более ранним из двух противоеретических трактатов Зиновия Отенского — оно написано, по-видимому, в конце 50-х — начале 60-х гг. XVI в.

Не имея возможности включить в «Памятники литературы Древней Руси» «Послание многословное» в его полном объеме, мы публикуем здесь введение («Сказание») к «Многословному посланию» и текст «Вопросов о Косого мудровании» (так они озаглавлены в пометках, сделанных в рукописи на полях), которые в «Послании» перемежаются с пространным опровержением «мудрований» Косого. Следует, однако, иметь в виду, что «Вопросы» отнюдь не представляют собой точного изложения учения Косого (едва ли даже существовавшего в письменном виде) — в ряде случаев они явно искажают его высказывания, придавая им особенно одиозный характер. Однако самый характер аргументации Косого «Вопросы», по-видимому, передавали верно: как и другие представители еретических и реформационных движений, Феодосий Косой широко привлекал тексты «Писания», и в особенности — Евангелия, Апостольские послания и Деяния, противопоставляя их «Преданию», то есть основной традиции, на которую опиралась господствующая церковь.

«Сказание» и «Вопросы» из «Многословного послания» публикуются по единственной древней рукописи (XVI в.; сохранилась также еще копия XIX в.) этого памятника: *ГПБ*, Кир.-Бел. собрание, № 31/1108, л. 1—4 об., 12 (заголовок «Послания многословного»), 15—16, 57—58 об., 81—82, 120—122 об., 194—195, 225 об.— 226, 245, 248 об.— 249.

Стр. 234. *Раби нѣции въ градѣ Москвѣ, украдше от стяжаниа господий своихъ, бѣжаша въ предѣлы Белозерскиа.*— О том, что Феодосий Косой и его сподвижники были «рабы» (холопы), бежавшие из Москвы на Белоозеро, упоминается неоднократно и в «Послании многословном» и в «Истины показании»; в последнем памятнике автор особенно подчеркивает это обстоятельство, настаивая на том, что раб, даже обретший свободу, не может быть учителем. Обвинение Косого в воровстве, содержащееся в «Послании многословном», фактически опровергается в «Истины показании», где собеседники автора, «клирошане» Спасова монастыря в Старой Руссе, объясняют, что Косой, бежав из Москвы, взял с собой только свое личное имущество — коня и одежду и что уже после бегства, «в мнишестве же Косому много угожая господин его». Зиновий Отенский отвечал на это, что «раб не имать свое ничто же, но вся, яже имать у себе, господина его суть» («Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия». Казань, 1863, с. 26—30).

...съвокупишася на Новоозерѣ Федосей, нарицаемый Косой, и Игнатей, и Васианъ, ученикы Артемиевы...— Кириллов Новоозерский Воскресенский монастырь был основан в 1519 г. на небольшом Новоозере к юго-западу от Белого озера, западнее Кирилло-Белозерского и других крупных белозерских монастырей XV в. Видный церковный деятель XVI в. Артемий был первона-

чально монахом Псковско-Печерского монастыря, но с конца 30-х гг. XVI в. находился в белозерской Порфирьевой пустыни. В 1551 г. Артемий был вызван в Москву и стал настоятелем Троице-Сергиева монастыря, но спустя полгода вернулся на Белоозеро; уже в 1553 г. был привлечен к следствию по делу о ереси Матвея Башкина; вместе с ним были схвачены и доставлены в Москву Игнатий и Вассиан. В 1554 г. Артемий был отлучен от церкви и сослан в Соловецкий монастырь, но вскоре бежал в Литву, где, однако, в отличие от Косого и его товарищей выступал в роли защитника ортодоксального православия и полемизировал с еретиками.

...от святаго собора, иже в Москвѣ... — В 1554—1555 гг. в Москве происходили церковные соборы, осудившие Артемия и московского еретика Матвея Башкина; Феодосий Косой и его сподвижники были уже в это время «пойманы» и находились в заточении в одном из московских монастырей; в 1557 г. разбирается дело некиих «новоозерских чернецов», учеников Артемия — чернеца Ионы и попа Оникея; материалы этих дел находились впоследствии в царском архиве (Опись Царского архива, ящики 189, 190, 222). Состоялся ли собор против самого Феодосия Косого — неизвестно; возможно, что Косой бежал уже во время следствия.

...разбѣгошася от Новоозера... — Известия Зиновия об обстоятельствах бегства Косого противоречивы (в «Истины показании» говорится о том, что Косой бежал, когда был «блюдом в едином из монастырей московских»), но во всяком случае впоследствии и Косой, и Игнатий, и Вассиан оказались в Литовской Руси; Курбский упоминает ненавистных ему еретиков Феодосия и Игнатия, как живых, еще в грамоте 1575 г.

...Торопець, и Лука Великиа... — города бывшей Новгородской земли, где явно обнаруживались следы влияния ереси Косого. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что «клирошане», с которыми спорил Зиновий Отенский в «Истины показании», происходили из близкой к Великим Лукам Старой Руссы; сам Зиновий также пребывал в новгородском Отенском монастыре.

Стр. 236. *Апостолъ* — книга (часть Нового завета), содержащая деяния апостолов и апостольские послания.

Великаго Василиа Постническую книгу... — Речь идет о сочинении византийского «отца церкви» IV в. Василия Кесарийского, очень популярном в древнерусской письменности и помещенном в *ВМЧ* за 1 января; в «Послании многословном» автор многократно ссылается на этот памятник.

Златоустовъ Маргаритъ — сборник «слов» (букв. перевод греч. названия — «Жемчужина») Иоанна Златоуста (о нем см. коммент. к с. 54), популярный в древнерусской письменности и помещенный в *ВМЧ* за 14 сентября.

...етера калугера (калогеръ)... — по-гречески: некоего монаха, святого старца. Из дальнейшего текста ясно, что «некий монах» и является автором следующего далее памятника — «Послания многословного». Заслуживает внимания утверждение еретиков, что «калугер», подобно им, «ведает истину», то есть, очевидно, в каком-то отношении разделяет их взгляды, но боится об этом сказать откровенно. В связи с этим следует отметить, что Зиновий Отенский, наиболее вероятный автор «Многословного послания», был ученико Максима Грека и, по предположению ряда исследователей, его пребывани в Отенском монастыре было следствием ссылки в связи с делом Максима Гре

ка в 1525 или 1531 гг. (см.: *ПЛДР*, 6, с. 740). Следует отметить, однако, что в своем противоеретическом «Истины показании» Зиновий резко критикует и Максима Грека и другого опального церковного деятеля — Вассиана Патрикеева.

..*въскорѣ и неукрашено*...— Такая уничижительная характеристика следующего далее «Послания многословного» делает весьма вероятным, что, хотя автор его, анонимный «калугер», назван во вступительном «Сказании», в третьем лице, вступление это принадлежит ему самому: другому автору было бы странно так отзываться о сочинении, предлагаемом им читателю; автору-монаху, напротив, подобала именно такая самоуничижительная скромность.

черноризца Послание многословное.— Перед именем «черноризца» (монаха) в рукописи оставлен пробел; большинство исследователей считает, что здесь пропущено имя Зиновия Отенского.

Стр. 238. ...*отъ начала при Владимирѣ*.— Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), киевский князь, при котором на Руси христианство было признано государственной религией.

Едина церкви въ Иерусалимѣ древняя, еаже о разрушении Христос рече... Речь идет о храме Соломона, разрушенном в 70 г. императором Титом после победы в Иудейской войне.

..*въ Премудрости писано*.— Приведенный далее текст восходит к неканонической книге Премудростей Соломона.

..*в Послании Иеремиинѣ*...— Приведенный далее текст восходит к неканоническому Посланию Иеремии вавилонским пленникам.

Стр. 240. ...*октениямъ*...— Ектения — молитвенное прошение.

Охтаикъ.— Октоих (греч.— осмигласник), богослужебная книга, включающая в себя службы дней недели в восьми вариантах, связанных с «гласами», то есть мелодиями.

Уставъ — типик (типикон) — книга, содержащая указания, в какие дни и часы, при каких службах и в каком порядке исполняются тексты из богослужебных книг.

..*Петру въ плащаницы всяко животно показавъ*...— Имеется в виду рассказ в деяниях апостольских о спустившейся с неба к апостолу Петру «плащанице» (некий сосуд, большое полотно) с различными животными и птицами и о небесном гласе, приказавшем Петру есть всякую пищу.

«*Въ всякомъ языцѣ... приятъ ему есть*».— Повеление, отменяющее запрет общаться с иноплеменниками и устанавливающее равенство всех «языков» перед богом, содержится в том же рассказе из деяний апостольских. На этот библейский текст ссылались уже новгородско-московские еретики, с которыми полемизировал в конце XV в. Иосиф Волоцкий.

Стр. 242. «*Духъ же рѣчию глаголеть*...» — Этот текст из 1-го «Послания Павла Тимофею» привлекался и новгородско-московскими еретиками в их выступлениях против монашества.

..*а нищиа псы... чада мы есмы*...— Изложение учения еретиков здесь несомненно тенденциозно. Выступления против церковной благотворительности были характерны для реформационных движений, вполне вероятна при этом и ссылка на евангельскую заповедь: «Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврѣщи

псомъ», но едва ли при этом еретики объявляли единственными «чадами», познавшими «истину», самих себя.

Стр. 246. *...притчю въ Евангелии о плевелохъ селныхъ...* — Имеется в виду евангельская притча о Страшном суде, когда грешники будут сожжены, как плевелы во время жатвы.

ИЗ «СТЕПЕННОЙ КНИГИ». СКАЗАНИЕ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ

(Стр. 248)

«Книга степенная царского родословия» — выдающийся литературно-исторический памятник XVI в. Главная его мысль — представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков — характерна для московского кружка митрополита Макария, создателя Великих Миней-Четьих. Составителем «Степенной книги» считается единомысленник митрополита Макария митрополит Афанасий. На примере сказания о княгине Ольге — первой княжеской биографии, вошедшей в «Степенную книгу»,— можно представить особенности построения повествования в этом произведении. «Сказание» составлено на основе нескольких источников: летописного сказания об Ольге, ее «Жития» и церковной службы ей, «Похвалы князю Владимиру» инока Иакова и других агиографических текстов. Сравнение «Сказания» с соответствующими страницами «Повести временных лет» показывает, что повествование в летописи строже, насыщеннее фактами, во многом значительнее. Кроме того, в «Сказании» многие исторические факты и имена приводятся неверно,— например, все, что связано с крещением княгини Ольги.

Авторство «Сказания об Ольге» приписывается Сильвестру (см. коммент. на с. 581). «Сказание», которое является в «Степенной книге» своего рода торжественным вступлением, отражает определенный этап в формировании идеологических представлений о истоках и значении самодержавной власти; оно было важным аргументом для обоснования исконного происхождения царской власти на Руси (Курукин И. В. Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги.— В сб. «Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории». М., 1979, с. 51—60).

Рассказы об Ольге в древнерусской письменности восходят к долетописным (частью фольклорным) источникам. Сказание о ней вошло, по А. А. Шахматову, в древнейший летописный свод. В рукописях, начиная с XIII в., сохранилось несколько типов повествовательных произведений об Ольге.

Имя княгини Ольги окружено легендами. Действительных фактов ее биографии мы знаем очень мало. О ее происхождении, месте рождения, возрасте существуют весьма различные мнения, основанные на интерпретациях тех немногих фактов, которые можно извлечь из летописных, агиографических и других источников, относящихся к раннему периоду русской истории. Самое распространенное мнение, восходящее к летописным и житийным сказаниям,— что Ольга была псковитянкой. Мнения расходятся относительно того, была ли она действительно простой перевозчицей или принадлежала к знатному

роду. Агиографические памятники, более связанные с легендами, предпочитают первый вариант (о простой девушке, ставшей княгиней благодаря своей красоте и мудрости); однако размышления над историческими свидетельствами склоняют в пользу высокого положения Ольги. По-видимому, князь Олег сознательно выбрал для Игоря невесту, подобающую по рангу. О таком выборе говорит и тот факт, что, насколько можно судить по упоминаемым в летописях датам, пришлось дожидаться, пока невеста достигнет брачного возраста — в 903 г., когда, согласно «Повести временных лет», Олег привез Игорю жену из Пскова именем Ольгу, ей было семь — десять лет. О знатном происхождении княгини Ольги можно судить и по описаниям ее приема в Царьграде. Возможно, она была варяжкой (и родственницей Олегу, в честь которого названа). Леонид (Кавелин), найдя в собрании Уварова исторический сборник XV в. (в котором было сказано, что Олег женил Игоря «в Болгарех» и взял за него княжну, по имени Ольга, «иже бе мудра зело»), впервые высказал точку зрения, что Ольга была болгаркой и происходила не из Плескова (Пскова), а из болгарского города Плескова. Болгарское происхождение Ольги дает возможность дать интересные объяснения некоторым другим фактам — например, пристрастию Святослава к городу Преславу и его интересу к болгарским делам, а упомянутый Константином Багрянородным поп Григорий в свите княгини Ольги в таком случае может оказаться тем Григорием, который перевел Хронику Амартола и Хронику Иоанна Малалы. Однако псковское (а не болгарское) происхождение княгини Ольги значительно сильнее опирается на свидетельства летописей и представляется более вероятным. Кроме всего прочего, вряд ли привезенная из Болгарии княжна могла быть язычницей.

Легенды и сказания о княгине Ольге значительно богаче тех скудных исторических сведений, которые до нас сохранились. Образ княгини Ольги в народной памяти — это эпический образ мудрой и могучей правительницы, беспощадной к врагу и милосердной к своему народу, благодаря деятельности которой Русь стала не только могучим государством на уровне других крупных держав, но и во многом превзошла их. Часть легенд об Ольге и до сих пор живет в виде топонимов (например, Ольгин городок в Псковской области или село Ольжичи под Киевом) или в преданиях об установленных ею крестах и погостах.

Несмотря на широкое использование в «Степенной книге» устных легенд, включение в рассказы ее занимательных эпизодов, памятник этот прежде всего носил официально-публицистический характер. По словам Ф. Энгельса в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» должно быть отмечено «господство богословия», что являлось «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, изд. 2-е. М., 1956, с. 360—361). «Богословская» окраска ярче всего проявлялась в произведениях официальной литературы, что в полной мере отразилось и в рассказах «Степенной книги». Однако мы не должны забывать, что за этим стояло стремление показать, что история Русского государства входила полноправной составной частью в исторический процесс цивилизованных христианских государств.

Не случайно поэтому, что со «Сказания» об Ольге, задолго до официального «крещения Руси» принявшей христианство, начиналась «Степенная книга». «Сказание» это примечательно и тем, что оно убедительно опровергает официальную церковную версию о «крещении Руси» как о каком-то единовременном и повсеместном акте. Принятие Русью христианства как официальной государственной религии являлось длительным историческим процессом, обусловленным социальным и экономическим развитием Киевской Руси.

«Сказание о княгине Ольге» издается по рукописи: *ГБЛ*, из собрания Пискарева № 612 конца XVI в. (по той же рукописи осуществлено издание «Степенной книги» в *ПСРЛ*, т. 21, ч. 1—2. Книга степенная царского родословия. СПб., 1908—1913), с некоторыми сокращениями. Неисправные чтения исправляются по другим спискам «Степенной книги», по *ПСРЛ*. Исправленные места набираются курсивом.

Стр. 250. *Царь же Роман, тесть царя Констянтина Багрянороднаго, сына Премудраго Лва царя...*— Роман Лакапин, крупный военный деятель Византийской империи, с 920 г. соимператор, в 944 г. был заточен своими сыновьями в монастырь на острове Проти, где и умер в 948 г.; Константин VII Багрянородный (Порфирогенит), император в 913—959 гг.; Лев VI Премудрый (Философ), византийский император в 886—912 гг. Лев назван Премудрым за свою образованность, интерес к наукам и литературе.

...шедшу ему в Древляны...— Древляне — восточнославянское племя, занимавшее в IX—X вв. территорию по течению рек Тетерев, Уж, Уборть, Ствига (совр. Полесье и Правобережная Украина), главный город — Коростень (Искоростень). При Ольге Деревская земля стала Киевским уделом с центром в г. Вручий (совр. Овруч).

...со князем своим, ему же имя Мал...— Древлянский князь Мал, претендовавший на руку княгини Ольги и столь решительно отвергнутый, на самом деле не исчез из биографии княгини и ее потомков. В «Повести временных лет» внук Ольги Владимир был сыном ее ключницы Малуши, дочери Малъка Любчанина. А. А. Шахматов предполагает, что после разгрома древлян Ольга взяла в плен князя Мала и, по обычаю, переселила его на свои земли — таким образом, он из самостоятельного князя становился одним из ее бояр. Возможно, что его малолетнюю дочь Ольга взяла к своему двору и воспитала, сделав потом одной из своих «придворных дам» (ключница или милостиница — это лицо, через которое княгиня раздавала милостыню). Возможно, что местом поселения Мала (которого именовали русифицированной формой его имени — Малко) был город Любеч. А. А. Шахматов приводит и еще одно объяснение названия «Любчанин»: первоначально, видимо, было «Малъ Къльчанин» (в поздних преданиях называют город Колец в Деревской земле — вероятно, современный Клецк Луцкого р-на), последующие переписчики или составитель «Повести временных лет» осмыслили это как «Малъкъ Льчанин» — «Малко Любчанин».

Стр. 258. *Деревская пятина...*— Новгородская земля делилась на пять частей (пятин). Одна из пятин называлась Деревской. Однако отождествлять ее с деревской землей нельзя. Деревская пятина находилась между р. Ловатью и Мстой.

Стр. 260. *Переславец* — Преслав, город в Болгарии (ныне село Преслав возле г. Тулча в Румынии, южнее Дуная).

Никифоръ Фока... — Никифор Фока, полководец, в 963—969 гг. император византийский.

О Афонасии Афонстемъ... — Афанасий Афонский — известный афонский подвижник, основатель лавры святого Афанасия на Афоне. Житие его помещено в Минеях-Четьих и Прологах под 5 июля.

по Романе цари, сыне Костянтина Багрянороднаго... — Роман II, в 959—963 гг император византийский.

царицы Романовѣ Феофане... — Феофано (дочь трактирщика Анастасия), жена императора Романа II, мать императора Константина VIII и Василия II; после смерти Романа II вышла замуж за Никифора Фоку, который вскоре был коронован императором; участвовала в заговоре против Никифора Фоки вместе с Иоанном Цимисхием; потом была заточена в монастырь.

..*къ Цимисхию Ивану...* — Иоанн Цимисхий, византийский император с 969 по 976 гг.; взошел на престол, свергнув своего предшественника Никифора Фоку; по происхождению армянин. В его царствование был ряд военных успехов, особенно в войне с Болгарией, в которой участвовал также русский князь Святослав. Визит княгини Ольги в Царьград в действительности был значительно раньше: при императоре Константине Багрянородном.

О прихожении в Царьград блаженныя Олги и о крещении ея... — За неправдоподобностью этого рассказа (император при живой жене не мог свататься к правительнице другого государства, прибывшей к нему с официальным визитом, тем более, что ей в это время было не менее 60 лет), видимо, стоят какие-то реальные переговоры,— может быть, предложения политического характера: предложение соправления, попытки тем или иным образом присоединить Русское государство к Византийской империи. О торжественной встрече Ольги в Царьграде см.: *ПЛДР*, 1, с. 432.

Стр. 264. ...*патриархъ Фотий...* — На самом деле патриарх Фотий был в Византии почти на сто лет раньше (858—867 гг.); во времена княгини Ольги был патриарх Полиевкт (ум. в 970 г.).

Стр. 272. ...*яко же пишет в премудрости...* — здесь цитируется не книга Премудрости Соломона, а книга Притчей Соломоновых.

Стр. 274. *Почайна* — река около Киева. Так Ольга выразила недовольство приемом, который ей оказали в Константинополе. Однако здесь имеет место искажение текста по сравнению с «Повестью временных лет» — там говорится: «Постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ въ Суду» (Суд — гавань Константинополя),— здесь же появляется слово «сосуд» как приложение к слову «купель», и весь пассаж осмысляется иначе. (Ср.: *ПЛДР*, 1, с. 76).

Стр. 280. *О проречении бытия града Пскова...* — Здесь в «Сказании об Ольге» допущена непоследовательность — город Псков уже существовал в это время (основан в 903 г.).

Стр. 282. *Печенѣзи же тогда...* — Имеется в виду осада Киева печенегами в 968 г (см. подробнее в «Повести временных лет» — *ПЛДР*, т. I, с. 78—80).

..*Ярополкъ и Олег...* — О крещении костей Ярополка и Олега при князе Ярославе Владимировиче рассказывается и в «Повести временных лет» под 6552(1044) г.

...в церкви Святыя Богородица...— Десятинная церковь — церковь Успения богородицы, заложена князем Владимиром в 989 г. (освящена в 996 г.) на возвышенной части города, на том месте, где находился дом варяга-христианина, незадолго до того погибшего мученической смертью вместе со своим сыном. На ее содержание Владимир давал десятую часть (отсюда название) своих княжеских доходов. В 1007 г. туда были перенесены мощи княгини Ольги, затем похоронена Анна, супруга Владимира, позднее и сам Владимир.

Стр. 284. *...с мудрыми дѣвами...*— Имеется в виду евангельская притча о десяти девах, мудрых и неразумных.

ПОСЛЕСЛОВИЯ К ИЗДАНИЯМ ИВАНА ФЕДОРОВА

(Стр. 288)

Жизнь русского первопечатника Ивана Федорова полна загадок. Не известны ни год, ни место его рождения, ни даже социальное происхождение. Правда, недавно обнаружен документ, из которого следует, что в 1532 г. Иван Федоров был удостоен степени бакалавра в Краковском университете (Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979, с. 10—16). Первые достоверные сведения о Федорове в русских источниках начинаются с послесловия к Апостолу 1564 г., где сообщается, как по распоряжению Ивана Грозного к изданию первой датированной русской книги приступили дьякон кремлевской церкви Николы Гостунского Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец (по-видимому, выходец из белорусского города Мстиславля). Через год после Апостола Иван Федоров и Петр Мстиславец благополучно выпустили в свет два издания Часовника. В 1565—1568 гг. по неведомым нам причинам они покидают Москву и оказываются в имении известного ревнителя православия, великого гетмана литовского Г. А. Ходкевича. Здесь, в Заблудово, они создали новую типографию, в которой были выпущены «Учительное Евангелие» (1569 г.) и «Псалтирь с Часословцем» (1570 г.). Летом 1569 г. Петр Мстиславец покинул имение Г. А. Ходкевича, связав свою дальнейшую судьбу с Вильно. Чтобы продолжать занятия любимым делом, Ивану Федорову пришлось осенью 1572 г. также покинуть Заблудово и перебраться во Львов, где в 1574 г. уже в своей собственной типографии он издал Апостол; здесь вышла и федоровская «Азбука» 1574 г. Поздней осенью 1576 г. Иван Федоров выехал в Острог, вотчину князя Константина Константиновича Острожского. Работа в Острожской типографии — пожалуй, самый продуктивный период деятельности московского первопечатника. В течение 1578—1581 гг. он выпустил пять изданий, в том числе знаменитую Острожскую библию. Мы не знаем, почему он покинул Острог и вновь явился во Львов (по-видимому, это произошло в самом начале 1583 г.). В это время первопечатник обращается к новому ремеслу — «пушкарскому»; по разным делам он побывал в 1583 г. в Кракове, Вене, возможно, и в Дрездене. Скончался Иван Федоров во Львове 5 декабря 1583 г. Похоронили его во львовском Онуфриевом монастыре.

Такова краткая событийная канва жизни Ивана Федорова, скорее напоминающей судьбы западноевропейских гуманистов, переходивших от одного мецената к другому, чем жизненный путь древнерусского книжника. Иван Федоров был не только организатором книгопечатания в Москве и на Украине, не только издателем полиграфически совершенных книг, он был и замечательным мастером слова. Памятниками его писательского искусства служат послесловия к осуществленным им изданиям. С одной стороны, эти послесловия продолжают традиции древнерусских послесловий к рукописным книгам и писцовых записей на рукописных кодексах. С другой стороны, эти сочинения Ивана Федорова (а большинство исследователей склоняется к тому, что они принадлежат перу самого первопечатника) заложили основы совершенно особого жанра — послесловия к печатной книге (послесловиями была снабжена большая часть продукции Московского Печатного двора), с присущим ему лаконизмом, особым формуляром и т. д. (См. подробнее: Русская старопечатная литература. XVI — первая четверть XVIII в. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981.) В настоящем издании публикуются послесловия Ивана Федорова к московскому и львовскому Апостолам по кн.: Апостол. М., 1564, л. 260—261; Апостол. Львов, 1574, л. 260—264.

Стр. 288. *...Макария, митрополита всея Русии...*— Макарий, архиепископ Новгородский, затем митрополит всероссийский (1542—1563 гг.).

...в новопросвѣщенномъ мѣсте — во градѣ Казани...— Казанская епархия образована в 1555 г., после присоединения Казани к России.

...Великаго Константина, Иустинияна, и Михаила и Феодоры...— Византийские императоры Константин I Великий (306—337 гг.), Юстиниан I (527—565 гг.), Михаил III (842—867 гг.) и его мать Феодора.

...прочии же веси... в разумѣ...— Цитата из «Слова отвещательного о исправлении книг русских» Максима Грека.

...и во Фрягии...— В оригинале «во Фригии». Конъектура предположительна.

Стр. 290. *...в лѣто 61 осмыа тысящи, въ 30-е лѣто государьства его.*— Текст содержит хронологическую несообразность: тридцатый год царствования Ивана Грозного приходится на 1563 г. (то есть 7071 г. от сотворения мира). Некоторые ученые видели здесь простую опечатку. Другие — относят первую дату к началу деятельности анонимной типографии (выпустившей несколько книг до Апостола 1564 г.); при этом предлагалось после слова «тысящи» поставить точку и считать вторую дату («въ 30-е лѣто...») указанием на время, когда правительство взялось за оборудование типографии Ивана Федорова. Последнее — малоубедительно, ибо вся фраза (с двойной датировкой, но без хронологической путаницы) процитирована в послесловии к львовскому Апостолу 1574 г.

...на память преподобнаго отца Иоана Палеврета...— Иоанн Палеолаврит («старой» лавры св. Харитона), подвижник палестинский VIII в. (?).

...при архиепископе Афанасие, митрополите всея Росия...— Афанасий (в миру Андрей) — митрополит всероссийский в 1564—1566 гг.

Стр. 292. *...Жикгимонтъ Август...*— Сигизмунд II Август (1520—1572), король польский с 1548 г. (формально в 1530 г.) и великий князь литовский с 1529 г., последний представитель династии Ягеллонов.

...рады...— Рада — королевский совет.

Стр. 294. *«Лукавый рабе и лениве!.. с лихвою».*— Имеется в виду евангельская притча: человек, отправляясь в чужую страну, поручил свое имение рабам. Оставленные им деньги рабы пустили в оборот, так что господин их, вернувшись, получил прибыль. Лишь один раб зарыл свой талант (денежная единица) в землю и был за это наказан хозяином.

...по притчи смоковничнаго неплодъствия...— Речь идет о другой евангельской притче — в ней рассказывается о человеке, повелевшем виноградарю срубить смоковницу, которая не приносила плодов три года.

...презелному повѣтрею дышущу...— Эпидемия моровой язвы, которая достигла апогея осенью 1572 г.

Яко апостолъ хвалится въ скорбех...— Далее приводится выписка из «Послания к римлянам».

Стр. 296. *«Услыши молитву мою... отцы мои».*— Цитата из Псалтири.

Не испросих... иерейскими чинми...— Вероятно, цитата из первого послания А. М. Курбского к Ивану Грозному (вторая редакция).

...ниже въ грекахъ милости обрѣтох.— Во Львове существовала сильная и богатая греческая колония.

...но яко же оная убогая вдовица от лишения своего двѣ лѣптѣ въвергьшия.— В Евангелии рассказывается, что однажды народ собирал деньги в сокровищницу, и «пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты» (греческие медные монеты), что составляет кодрант. Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое».

Стр. 298. *Андрѣю Григорьевичу Ходкевича... и ...Александру Григорьевичу Ходкевича...*— Рано умершие сыновья Г. А. Ходкевича Андрей Григорьевич (ум. в 1575 г.) и Александр Григорьевич (ум. в 1578 г.).

...пану подстолему...— Подстолий — смотритель стола короля и великого князя, придворный титул (ср. «стольник»).

...державцу...— Державец — управляющий в имениях короля и великого князя.

КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

(Стр. 300)

«Казанская история» — беллетризованный рассказ о трехсотлетней истории русско-ордынских отношений со времени нашествия на Русь хана Батыя (1237 г.) и образования Золотой Орды (нач. 40-х гг. XIII в.) до завоевания Иваном Грозным в 1552 г. Казанского ханства — «осколка» Золотой Орды, образовавшегося на территории Волжско-Камской Болгарии в середине XV в.

Неизвестный автор «Казанской истории», согласно данным, содержащимся в тексте произведения, русский по происхождению, двадцать лет (с 1532 по 1551 г.) прожил в Казани как пленник, принявший мусульманство, и лишь во время взятия Казани вышел из города и поступил на службу к Ивану Грозному. Длительное пребывание автора повести в Казани (он не вос-

пользовался возможностью покинуть город вместе с другими русскими пленниками задолго до взятия Казани), возможно, объясняется особым тайным заданием, которое он выполнял в Казани: «находясь при царском дворе, он мог оказывать услуги и русскому правительству» (Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории».— *ТОДРЛ*, т. IX. М.—Л., 1953, с. 279).

Победоносное завершение похода 1552 г. на Казань было крупнейшим успехом внешней политики правительства Ивана Грозного. В честь Казанской победы в Москве на Красной площади возводится храм Покрова на рву (собор Василия Блаженного), о победе рассказывают разные по жанру и идеологическим установкам историко-публицистические сочинения второй половины XVI в.: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (1553 г.) и «Повесть о взятии Казани», созданная в стенах Троице-Сергиева монастыря (1553 г.), «Книга степенная царского родословия» (1560—1563 гг.) и «История о великом князе московском» А. М. Курбского (1573 г.).

«Казанская история», созданная в 1564—1565 гг., выделяется своим художественным своеобразием. В ней использованы достижения едва ли не всех известных на Руси к XVI веку литературных жанров, причудливо переплетаются различные стили повествования. Однако весь этот пестрый в жанровом и стилистическом отношении материал объединен единым художественным замыслом — показать победу над Казанью как закономерный итог многовековой борьбы русского народа с его поработителями — золотоордынскими ханами и их преемниками — казанскими царями. При этом первостепенная роль в исторической победе отводится автором главе Русского государства — царю Ивану Грозному, возглавлявшему русское войско в казанском походе.

«Казанская история» — произведение острополицистическое. Написанное в годы обостренных отношений Грозного с феодальной знатью, оно отразило — в трактовке исторических событий — политическую борьбу 60-х гг. XVI в., в которой автор последовательно стоит на стороне Ивана Грозного. Это привело к намеренному искажению в «Казанской истории» целого ряда исторических фактов (что будет особо отмечено в последующем комментарии). Однако в произведении присутствует не только публицистический, но и чисто художественный вымысел. Автор «Казанской истории» постоянно стремится заинтересовать читателя, связать отдельные исторические события в единый сюжет, что приводит к свободному обращению его с многочисленными историческими (прежде всего, летописными) источниками. Большой круг их выявили исследования Г. З. Кунцевича («История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования». СПб., 1905) и Г. Н. Моисеевой («Казанская история» — новый этап в развитии исторического повествования Древней Руси». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951). «Баснословие» «Казанской истории» было отмечено уже первыми ее исследователями — историками XIX в. (С. М. Соловьевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым, С. М. Шпилевским и др.), которые обращались к «Казанской истории», прежде всего, как к историческому источнику по истории Казанского ханства.

Названные художественно-публицистические особенности «Казанской истории» осложняют ее комментирование. Практически каждая глава, описывая какое-то реальное историческое событие, художественно его трансформирует, зачастую компилируя фактические сведения разных источников, полный круг которых до конца еще не выявлен. Прокомментировать *все* эти расхождения в данном издании не представляется возможным, поэтому мы ограничиваемся указанием лишь на наиболее существенные. В комментариях использованы, помимо указанных работ Г. З. Кунцевича и Г. Н. Моисеевой, следующие исследования по истории русско-ордынских отношений: Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, ч. I; Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955 и др.

«Казанская история» дошла до нас в большом количестве списков (более 200), однако значительная их часть передает текст позднейшей переработки повести, произведенной после 1592 г., когда вся вторая ее часть, наиболее тенденциозная (последние пятьдесят глав, рассказывающие о походе 1552 г.), была заменена компиляцией из «Степенной книги» и ряда летописных источников. Древнейшая редакция повести сохранилась лишь в восьми известных в настоящее время списках. Три из них (*ГПБ*, Соловецкое собр. № 1501/42, сер. XVII в.; собр. Ф. И. Буслаева, Q. XVII,сер. XVII в. и *БАН*, собр. И. И. Срезневского 24.5.9, перв. четв. XVII в.) были опубликованы Г. З. Кунцевичем (*ПСРЛ,* т. XIX. СПб., 1903); четвертый — древнейший (конца XVI в.) — Г. Н. Моисеевой (Казанская история. М.—Л., 1954). Мы публикуем текст «Казанской истории» по списку: *ГПБ,* F IV. 578 (60-х гг. XVII в.), л. 138—286. Это наиболее полный список первоначальной редакции, сохранивший несколько глав в начале «Истории» и полный текст завершающей ее похвалы Ивану Грозному, отсутствующие в других списках. Исправления вносятся по древнейшему списку: *ИРЛИ*, собр. В. Н. Перетца, № 98, л. 2—265.

Стр. 300. *...на презлое царство срацынское...*— Основное население Казанского ханства исповедовало ислам. Уже в X в. главные города Волжско-Камской Болгарии, на территории которого оно возникло, были по преимуществу мусульманскими.

...продолжающися в длину до оного Нова града... а на полудень — до половецкихъ предѣл.— Основные земли Казанского ханства располагались в предкамских районах современной Татарской АССР: в районе р. Казанки по средней Меше (правый приток Камы) и по верхнему течению р. Ашита (приток Иляти, впадающей в Волгу), а также по правому берегу Волги (на западе — до р. Свияги, на юге — до современного г. Тетюши). Входили в состав ханства и земли, населенные другими народностями Среднего Поволжья. Западная граница ханства проходила по р. Суре. Северная была неопределенной: жившие на этой окраине ханства марийцы и удмурты в южных местах своего поселения подчинялись Казани, а в северных — Руси; на востоке владения ханства в Предкамье достигали р. Вятки, а возможно, и Камы (выше устья

р. Белой). В Закамье захватывали башкирские земли вдоль Камы к западу от р. Белой; на юге граница Казанского ханства проходила по Каме, за которой находились Ногайские земли.

Стр. 300—302. *...вниз до Болгарскихъ рубежов... Живяху же за Камою в части земли своея болгарския князи и варвари, владующе поганым языкомъ черемискимъ...* — Речь идет о Волжско-Камской Болгарии, феодальном государстве, образовавшемся в районе впадения Камы в Волгу, после прихода в эти места из Приазовья тюркоязычных болгарских племен (вторая половина VII в.), подчинивших себе местные племена — марийцев, чувашей, удмуртов, мордву, которые обобщенно назывались древнерусскими авторами «черемисой».

Стр. 302. *...до Батыя царя.* — Батый — Бату (1208—1255), монгольский хан, сын Джучи, внук Чингисхана. В 1243 г. основал в низовьях Волги Золотую Орду со столицей Сарай-Бату.

...царю казанскому Сат-Серею. — Сафа-Гирей (1510—1549), представитель четвертого поколения крымской династии Гиреев, сын царевича Фатыха, внук хана Менгли-Гирея. Правление его в Казани продолжалось с перерывами в 1524—1531 и в 1535—1549 гг.

...по убиении... Георгиа Всеволодича Владимирскаго и со двема сыньми его и з братаничи... — Георгий Всеволодович (1188—1238), великий князь владимирский с 1212 г., сын Всеволода Большое Гнездо. Погиб в битве с монголо-татарами на р. Сить. Вместе с ним были убиты два его сына — Всеволод и Мстислав и племянники — Василек Ростовский, Всеволод и Владимир Святославичи.

... Ярославъ Всеволодичь... со осмью сыньми своими... — Ярослав Всеволодович (1191—1246), князь Переяславский. Неоднократно приглашался княжить в Новгород. Третий сын Всеволода Владимирского, брат Георгия Всеволодовича. После гибели последнего получил ярлык на великое княжение. Умер, вызванный в Каракорум к великому хану Гуюку, как считали современники,— от яда. Вслед за «Хронографом» автор «Казанской истории» говорит о восьми сыновьях Ярослава. Однако к 1238 г. в живых оставалось пять сыновей.

...сына своего Александра. — Александр Ярославич Невский (1220—1263), великий князь владимирский с 1252 г. Блестящие победы в 1240 г. над шведами и в 1242 г. над немцами сделали его имя символом храброго государя-полководца, что было закреплено в «Житии Александра Невского» (*ПЛДР*, 3, с. 426—440).

Стр. 304. *...митрополитом Антонием...* — на самом деле при взятии г. Владимира монголо-татарами в 1238 г. погиб епископ Митрофан.

...Руская земля... предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тѣм смирится. — Иерусалим был завоеван царем Вавилонии Навуходоносором II (605—562 гг. до н. э.) дважды: в 597 и 587 гг Особенно драматичным было завоевание города в 587 г., когда, подавляя вспыхнувшее восстание, вавилоняне по приказу Навуходоносора сожгли стены города, разрушили храмы, около 9 000 человек были уведены в плен, а само Иудейское царство было ликвидировано. О пленении Иерусалима, как о наказании за грехи, говорится в Библии.

...выходы... давахy...— Выход — дань, подать.

...по царство тоя Златыя Орды царя Ахмата, сына Зелед-Салтанова...— Ахмед (Ахмат), хан Большой Орды, образовавшейся во второй четверти XV в. в низовьях Волги в результате распада Золотой Орды. В годы правления Ахмеда произошло окончательное освобождение Руси от монголо-татарского ига (1480 г.). Зеледи (или Зелени)-Салтаном древнерусские авторы называли сына Тохтамыша Джелал-Эддина, занимавшего ханский престол в 1411—1413 гг. Отцом Ахмеда он назван ошибочно: сыном Джелал-Эддина был другой герой «Казанской истории» — Улу-Ахмет (Улу-Мухаммед), основатель Казанского ханства (см. комм. к с. 318). Отцом же Ахмеда был Кичи-Мухаммед, внук Тимура-Кутлу.

...Иоанна Васильевича Московскаго, иже взя и поработи под ся Великий Новъ град.— Иван III Васильевич (1440—1505), сын Василия II Темного, великий князь московский с 1462 г. Успешно проводил политику централизации Русской земли: подчинил Москве великое княжество Тверское, Ростовское и Ярославское княжества. В 1478 г. начал войну с Новгородом, закончившуюся поражением феодальной республики (см.: *ПЛДР*, 5, с. 376—410).

Стр. 306. *...призвавше от Пруския земли, от варяг, князя и самодержца...*— Здесь автор «Казанской истории», обвиняя в своеволии новгородцев, противопоставляет приглашенного ими Рюрика «законным» владыкам Руси, словно забывая о том, что к Рюрику возводит свой род великий князь московский. Родословная Рюрика возводилась к Прусу в «Сказании о князьях владимирских» (см.: *ПЛДР*, 6, с. 422—434).

...короля литовскаго держателя себѣ восхотѣша имѣти.— Это же обвинение в сношениях с королем Казимиром Ягеллоном (король Польши с 1447 г.) выдвигалось московской «Повестью о взятии Новгорода Иваном III» (см.: *ПЛДР*, 5, с. 376—404).

...яко Тита, римскаго царя, Еуспасиянова сына, разорити градъ Иерусалимъ...— Еуспасиян (Веспасиан) — римский полководец, с 69 г.— император. Он и его сын Тит (император с 79 г.) вели войну с восставшей против Римской империи Иудеей в 67—70 гг. События этой войны, закончившейся взятием и разрушением Иерусалима, описаны сторонником Веспасиана и Тита Иосифом Флавием в «Истории Иудейской войны», созданной в 75—79 гг. и известной русским читателям по переводу с XII в. (см.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., Изд-во АН СССР, 1958).

Стр. 308. *Царь Ахматъ восприимъ царство Златыя Орды по отце своемъ, Зелети-Салтанѣ царѣ...*— Ханский престол в Большой Орде перешел к Ахмед-хану после сына Тохтамыша Сейид-Ахмета.

...ни мало убояся страха царева...— Эпизод с «потоптанием» ханской басмы носит легендарный характер. Однако действительно, Иван III в 1476 г. прекратил выплату дани Орде.

...базму — парсуну лица его...— Изображение людей вообще было запрещено у мусульман. По-видимому, эта деталь введена автором с чисто художественной целью.

...и прииде на Русь к рецѣ Угрѣ...— Речь идет об историческом походе на Русь Ахмед-хана осенью 1480 г., с которым связывается окончательное освобожде-

ние Руси из-под власти Золотой Орды. Река Угра — левый приток Оки, впадающий в нее возле Калуги.

...ноября въ 1 день... — Дата указана ошибочно. Войска Ахмед-хана, согласно летописным источникам, появились на Угре почти на месяц раньше — в начале октября.

...яко же и царь Тактамышъ лестию взялъ. — После поражения Мамая на Куликовом поле в 1380 г. в Золотой Орде воцарился Тохтамыш. В 1382 г., придя на Русь, он обманом захватил Москву (см.: *ПЛДР*, 4, с. 190—207)

Та бо река многа мѣста обходящи... защищающи Рускую землю. — Угра была в XV в. пограничной рекой, разделявшей русские и литовские земли. Будучи в те времена довольно широкой и глубокой рекой с крутыми и обрывистыми берегами, Угра представляла серьезное естественное препятствие на пути военных отрядов и не раз останавливала врагов Руси.

Стр. 310. *И покушашеся многажды прелѣсти реку... и не можаше...* — Сражение на переправе через Угру продолжалось четыре дня. Летописи подтверждают, что татарам не удалось преодолеть водную преграду и завязать бой на левом берегу. Это четырехдневное сражение фактически предрешило судьбу войны.

И посылает отай царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецкаго... — Нур-Давлет, сын крымского хана Хаджи-Гирея (Ази-Гирея), после смерти отца, потерпев поражение в борьбе за власть от своего младшего брата Менгли-Гирея, бежал на Русь и в царствование Ивана III находился у него на службе как Касимовский (Городецкий) царевич (см. коммент. к с. 442) Умер около 1491 г. Сведения «Казанской истории» о его походе не подтверждаются историческими источниками. Однако по мнению исследователей, этот факт вполне мог иметь место в действительности.

И скоро в томъ часѣ царь от рѣки Угры назадъ обратися бѣжати... — В действительности бегство Ахмед-хана было обусловлено комплексом причин: союзник Орды польский король Казимир IV не пришел на помощь Ахмед-хану; союзник Ивана III Менгли-Гирей угрожал ему с тыла, со стороны Поля; окрестности Угры были разорены самими же ордынцами; не хватало продовольствия, и надвигалась зима, которая несла новые лишения. К отступлению от Угры Ахмед-хан готовился заранее, сначала отослав в Орду захваченный полон. Конное же войско татар покинуло район Угры поспешно, побросав обозы, накануне 7 ноября.

И приидоша нагаи, иже реченныя мангиты... — Мангыты — тюркоязычные кочевники крупного феодального рода Мангыт. Во второй половине XIII в. входили в состав Орды правнука Батыя — Ногая, по имени которого и стали позднее называться «ногаями».

...при... первом Владимирѣ православномъ. — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.), с 980 г. — великий князь киевский, сделавший христианство официальной религией русского государства.

Стр. 312. *По смерти... Батыя, убиту ему бывшю от югорскаго короля Владислава...* — Факт гибели Батыя от руки венгерского короля — вымышленный. Источником его является легендарная «Повесть об убиении Батыя», включенная в «Хронограф». В действительности Батый нанес поражение в 1242 г. королю Венгрии Беле IV. В XV в. с именем Владислава III (1424—1444), короля Польши (с 1434 г.) и Венгрии (с 1440 г.), связан ряд побед над турками, что,

возможно, и послужило толчком для соединения двух разных исторических событий.

Стр. 312—314. *...и наста иный царь... Саинъ именем...*— Саин — фигура легендарная. Историческим преемником Батыя был его брат хан Берке. В 1256 г. он убил сына Батыя Сартака и в 1257 г. стал золотоордынским ханом.

Стр. 316. *...царь Саинъ и возгради... град Казань...*— Здесь автор излагает одну из многочисленных легенд о возникновении Казани. В действительности Казань — исконное болгарское поселение. Оно было основано в 1401—1402 гг., по-видимому, выходцами из Старой Казани (Иски-Казань), в 45 верстах выше по течению р. Казанки, основанной в 1361 г. В русских летописях Казань упоминается под 1376, 1382 и 1398—1399 гг., в связи с военными походами русских в Волжскую Болгарию. Однако по мнению ряда историков, Казань в этих летописных статьях упомянута ошибочно.

Тое же глаголютъ ростовскую чернь... вселившихся в Болгарскую землю и Орду...— По известиям русских летописей, древний народ меря, обитавший в Ростовской земле, ушел в землю волжских болгар, не пожелав принять христианство. Автор отождествляет этот народ, уже исчезнувший, с «отяками» — удмуртами.

...Бѣлыя рѣки Воложки...— река Белая — левый приток Камы, впадает в нее несколько выше устья р. Вятки.

...до великия Орды Нагайския.— Ногайская Орда — феодальное государство кочевников, в конце XIV — начале XV в. выделившееся из Золотой Орды. Занимало территорию от Северного Прикаспия и Волги до Иртыша.

Болшия болгары — на Дунае.— Имеются в виду славянские племена, предки современных болгар, жившие по берегам Дуная. Первое Болгарское царство пало в 1018 г. под ударами войск византийского императора Василия II Болгаробойцы.

Того же первие взя... Андрѣй Юрьевичь Владимирский...— Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111—1174), сын Юрия Долгорукого. Поход его относится к 1164 г. Согласно летописным данным, русские заняли «славный город Бряхимов» и повоевали некоторые другие.

И бысть Казань столный градъ вмѣсто Бряхимова.— Столицей Волжской Булгарии в X—XV вв. был не Бряхимов, а город Булгар (см. комм. к с. 318) Казань во времена Андрея Боголюбского еще не существовала.

Стр. 318. *...Василей Дмитриевичь з братом своимъ со княземъ Юрьемъ Дмитриевичемъ...*— Василий I Дмитриевич (1371—1425), великий князь московский с 1389 г., старший сын Дмитрия Донского. Присоединил к Москве Нижегородское и Муромское княжества, Вологду и Устюг. После разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 г. перестал платить татарам дань. С 1412 г. (после нашествия на Москву Едигея в 1408 г.) выплата дани была восстановлена. Юрий Дмитриевич Звенигородский (1374—1434), второй сын Дмитрия Ивановича Донского. Возглавлял успешные походы московских войск на новгородские земли в 1399—1400 гг., на татар в 1398—1414 гг. После смерти старшего брата боролся за престол с племянником — Василием II. В ходе борьбы дважды (1433 и 1434 гг.) занимал московский престол.

...Казань, Болгары, Жукотинъ, Кеременчюк и Златую Орду повоева...— В данном рассказе, включая Казань в число завоеванных русскими городов, автор

опирается на летописи. Однако, по мнению С. М. Шпилевского, Казань, основанная в 1401—1402 гг., в летописях названа ошибочно вместо малоизвестного на Руси города Кашана, находившегося в низовьях Камы. Болгары — г. Булгар, столица государства волжских болгар, современное село Булгары-Успенское Татарской АССР. Жукотин, Керменчук — города, расположенные в нижнем течении Камы, ближе к устью р. Вятки.

...по совѣту крымскаго царя Азигирея.— Ази-Гиреем автор называет крымского хана Хаджи-Гирея, основателя династии крымских Гиреев, ошибочно приписывая ему участие в событиях времени Василия I Дмитриевича: Хаджи-Гирей появился в Крыму только в 30-е гг. XV в. при сыне Василия I — Василии II Темном, где после продолжительной междоусобной борьбы в 1449 г. основал независимое от Золотой Орды Крымское ханство.

Бяше бо умирился крымъский царь Азигирей с... Васильемъ Дмитриевичем...— В действительности Василий Дмитриевич не совершал совместных походов на Золотую Орду с Хаджи-Гиреем. Сарайский хан Джелал-Эддин не был братом Хаджи-Гирея: первый был сыном Тохтамыша, второй — внуком Таш-Тимура, брата Тимура-Кутлу, современника и соперника Тохтамыша. Джелал-Эддин был убит в 1412 г., задолго до того, как Хаджи-Гирей стал крымским ханом. Борьба Хаджи-Гирея с Ордой относится к более позднему времени: в 1465 г. в правление Ивана III, благодаря параллельным действиям русского войска и войска Хаджи-Гирея, поход на Москву хана Большой Орды Сейид-Ахмета потерпел неудачу. Однако из источников неясно, насколько согласованными были действия русских и крымцев.

...на ...рецѣ Яикѣ, иже течет во Хвалимское море прямо бухаров.— Яик — р. Урал; *Хвалимское море* — Каспийское море; *бухаров* — имеются в виду земли, находящиеся между восточным побережьем Каспийского моря и бассейна р. Сырдарьи, входившие в XVI в. в состав Бухарского и подчиненного ему Хивинского ханств.

И в то же... время... гонимъ, прибѣжа... тоя же Болшия Орды Златыя царь, Улус-Ахметъ имя ему...— Улу-Мухаммед (Улу-Ахмет) — сын Джелал-Эддина, внук Тохтамыша, стал золотоордынским ханом в 20-е гг. XV в. В 1436 г. в результате междоусобной борьбы был низвергнут с престола и бежал на Русь, обосновавшись со своей Ордой на юго-западной окраине Московского государства близ русско-крымской границы у г. Белева.

...по умертвии Зелед-Салтана... десять лѣтъ...— то есть в 1422 г.

...а по взятии Казанскомъ от князя Юрья тридесять лѣтъ...— То есть в 1425 г., поход на Волжскую Болгарию в «Казанской истории» датируется 1395 г.

...от великаго Едичея... и мало от него смерти не приятъ.— Едигей (Идигу), эмир из племени мангыт, с 1399 по 1411 гг. фактически возглавлял Золотую Орду В изгнании Улу-Мухаммеда из Сарая в 1436 г. принимал участие не сам Едигей (погибший в 1419 г.), а его сыновья, действовавшие в союзе с Гыяз-Эддином, племянником Тимура-Кутлу, занявшим престол после Улу-Мухаммеда, и сын Тохтамыша Сейид-Ахмед.

...к великому князю Василию Васильевичю Московскому...— Василий II Васильевич Темный (1415—1462), великий князь московский с 1425 г., сын Василия I Дмитриевича. Во время феодальной войны в борьбе за великое княжение в 30—40-х гг. XV в. был ослеплен своим двоюродным братом Дмитрием

Шемякой (см.: *ПЛДР,* 4, с. 504—522). В 1445 г. был захвачен в плен после поражения в Суздальской битве татарским ханом Улу-Мухаммедом, вынужден был заплатить за освобождение огромный выкуп — 200 000 рублей.

...в шестое лѣто царства своего...— Бегство Улу-Мухаммеда на Русь произошло через восемь (или 9) лет после того, как он в 1427—1428 гг. воцарился в Золотой Орде.

Стр. 320. *От него же бо и на великое княжение посаженъ бысть...*— Спор за московский стол между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем был перенесен в Орду. В 1431 г. хан Улу-Мухаммед оставил великое княжение за Василием Васильевичем.

Стр. 322. *...князя Дмитрея Галецкаго, по реченному Шемяку...*— Дмитрий Юрьевич, князь Галицкий (ум. в 1453 г.), сын Юрия Дмитриевича, внук Дмитрия Донского. После смерти отца и ослепления в 1436 г. Василием II старшего брата боролся за великое княжение. В 1446 г. занял московский престол, однако, не получив поддержки, оставил Москву и обосновался в Новгороде, где и умер (по мнению современников, был отравлен).

Стр. 326. *...и засяде Казань пустую, Саиновъ юртъ.*— Русские летописи намекают, что Улу-Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного хана Ли-бея (Али). События эти относятся к 1438 г.

И умре в Казани и со юнѣйшимъ своим сыномъ съ Ягупомъ: оба ножемъ зарѣзаны от болшаго сына своего Мамотяка. А царствова на Казани 7 лѣтъ.— Хан Улу-Мухаммед умер в 1445 г. Рассказ о его убийстве одним из сыновей носит, по-видимому, легендарный характер. Обстоятельства смерти Улу-Мухаммеда по другим источникам не известны. Царевич Ягуп (Якуб, Юсуф) в 1445 г. вместе со своими братьями Касимом и Махмутеком (Мамотяком) участвовал в походе Улу-Мухаммеда на Русь, после чего еще несколько лет служил Василию II. Махмутек (уменьшительное от «Махмуд»), старший сын Улу-Мухаммеда, принимал активное участие в деятельности своего отца. Ему принадлежало главное командование в Суздальской битве 7 июля 1445 г., в которой был взят в плен Василий II. Русские летописи часто упоминают Махмутека рядом с его отцом. По мнению В. В. Вельяминова-Зернова, основанному на ряде летописных известий, именно Махмутек (а не Улу-Мухаммед) захватил Казань уже после смерти отца и основал Казанское ханство.

...и державъ его у себе четырнатцать месяцъ...— Василий II был освобожден через 2 месяца.

Стр. 328. *Сынъ же... Василья Васильевича — Иоаннъ Васильевичь...*— Иван III (см. комм. к с. 304).

...и многи грады полскаго короля отня державы своея, завладѣвшия князем Гедимономъ.— Гедимон — Гедимин (ум. в 1341 г.), великий князь литовский с 1316 г. Захватил ряд западнорусских земель. Опираясь на союз с Тверью (князь которой Дмитрий Михайлович был женат на дочери Гедимина Марии), пытался отделить от русского государства Новгород и Псков. Убит при осаде немецкой крепости Багрбурга.

По взятии же Великого Нова града въ девятое лѣто, по тверскомъ во второе лѣто...— То есть в 1487 г.: Новгород потерял самостоятельность в 1478 г., а Тверь — в 1485 г.

...посла воеводъ своихъ на Казанъское царство...— Речь идет о походе 1487 г., результатом которого явилось установление протектората над Казанским ханством.

И срѣте ихъ казанский царь Алехамъ старый...— Алехам (Алегам, Ильган), хан Али, сын казанского хана Ибрагима, внук Махмутека. Правил в Казани с перерывами с 1479 по 1487 г., несколько раз уступая престол своему брату Мухаммед-Эмину. В 1487 г. был разбит на р. Свияге Иваном III. 18 мая русские начали осаду Казани, завершившуюся взятием города.

...и яша матерь его и царицу его, и дву братей его, и к Москвѣ ихъ сведоша. Али-хан был сыном первой жены Ибрагима — Фатимы. Вместе с ним в плен были взяты два его брата: Худай-Кул и Мелик-Тагир (Малекдар).

Другий же царевичъ оста живъ: того же изведе ис темницы и крести его, и даде за него дщерь свою.— Царевич Худай-Кул (Кудалгу) получил при крещении имя Петр (1505 г.). В 1506 г. женился на дочери Василия III Евдокии.

И посади на Казани... Махмет-Аминя Ибѣговича, приѣхавшаго ис Казани к Москвѣ... служити великому князю.— Хан Мухаммед-Эмин, сын хана Ибрагима от второй жены Нур-Султан, был воспитан при дворе Ивана III, куда он попал в 1479 г. десятилетним мальчиком после неудавшейся попытки русской группировки в Казани посадить его на ханский престол вместо брата Али. В 1485 г. занял ханский престол, но продержался на нем только несколько месяцев. Борьба между Али-ханом и Мухаммед-Эмином продолжалась до 1487 г. В 1487 г. после взятия Казани русскими войсками был снова возведен на престол Иваном III и процарствовал до 1518 г., лишь на несколько лет (с 1496 по 1502 гг.) уступив престол своему брату Абдул-Латыфу.

...з братомъ своим Ибделятифомъ...— Мать Абдул-Латыфа Нур-Султан после смерти хана Ибрагима (1478 г.) вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, и малолетний Абдул-Латыф вместе с нею переехал в Крым ко двору своего отчима. В 1496 г. был возведен на казанский престол вместо Мухаммед-Эмина, бежавшего в Москву от сибирского хана Мамука, временно завоевавшего власть в Казани. В 1502 г. Абдул-Латыф по приказу Ивана III был арестован и сослан на Белоозеро. Менгли-Гирей неоднократно возбуждал перед русским правительством вопрос об освобождении своего пасынка. Однако Абдул-Латыф был освобожден только через шесть лет — уже при Василии III — и получил в управление г. Юрьев-Польской.

Стр. 330. *И по лѣтех же живша и умроста на Москвѣ оба царевича: Авделети... а другий же... Петръ царевич...*— Год смерти Абдул-Латыфа неизвестен. Царевич Петр (Худай-Кул) умер в 1523 г. (по другим данным — в 1509 г.)

Измени великому князю московскому... и присѣче купцовъ рускихъ... и всю русь... в лѣта 7013... на Рождество Иоанна Предтечи.— Речь идет об антирусском перевороте в Казани, произошедшем 24 июня 1505 г. В результате учиненного в этот день погрома все товары и имущество русских были разграблены, сами же они были убиты или обращены в рабство. После казанского похода на Нижний Новгород Мухаммед-Эмину пришлось покориться Василию III, занявшему в 1503 г. великокняжеский стол после отца. Мир после событий 1505 г. не нарушался до 1518 г., но положение в Казани оставалось напряженным.

На той бо день съѣзжахуся в Казань изо всеа земли Руския богатыя купцы...

С конца XV в. ежегодно 24 июня в Казани открывалась большая ярмарка, на которую съезжались русские, астраханские, крымские, ногайские, сибирские, среднеазиатские, армянские купцы. Ярмарка проходила на песчаном волжском острове (против устья р. Казанки), носившем название Гостиного (Купеческого). Ограбления и убийства русских купцов в Казани в начале XVI в. привели к тому, что в 1523 г Василий III запретил русским купцам ездить на казанскую ярмарку и вместо нее учредил ярмарку Макарьевскую (впоследствии — Нижегородскую)

Стр. 332. *Бысть же тогда Казань за великимъ князем седмь на десятъ лѣт.*— То есть с 1487 г. (воцарение Мухаммед-Эмина) по 1505 г.

...храбрый воевода московский князь Данило, прозвищемъ Щеня...— Щеня Данил Васильевич — князь, боярин. В 1489 г. возглавлял военный поход против вятчан, после которого к Руси была присоединена Вятка. В мае 1500 г разбил на р. Ведрошь литовские войска гетмана Константина Острожского и взял его в плен вместе с 500 литовскими воинами. Победа на Ведроши над численно превосходившим русских противником была одной из наиболее блестящих в русско-литовской войне 1500—1503 гг.

Стр. 334. *...приказа... царство... Московское сыну своему Василию Ивановичю.*— Василий III стал наследником престола после того, как Иван III переменил свое решение оставить престол внуку Дмитрию Ивановичу. Дмитрий был сыном старшего сына Ивана III от первого брака. Назначение наследником престола Василия нарушило принцип старшинства при наследовании.

...брата своего князя Дмитрея Углецкаго, Жилку по реклому...— Дмитрий Иванович (1480—1538), второй сын Ивана III от второго брака, брат Василия III. Участник походов на Смоленск (1502 г.), Казань (1506 г.). Его неожиданный уход из Казани через три дня после удачного приступа (25 июня 1506 г.) привел к тому, что более во главе войск Василий III Дмитрия не ставил. Участвовал в походах на Смоленск (1513 и 1514 гг.).

Стр. 340. *И посла к Москвѣ послы своя...*— В 1512 г. Мухаммед-Эмин вызвал к себе в Казань из Москвы «человека своего верного» —М. А. Челяднина, которому объяснил причины, заставившие его в 1505 г. устроить русский погром. Переговоры привели к важным дипломатическим результатам: в феврале 1512 г. казанский посол Сеид Шах-Хусейн подписал в Москве от имени Казани договор об установлении вечного мира.

И Махметь-Аминь житие свое скончавъ, живъ червьми снеденъ бысть, яко дѣтоубийца Иродъ...— Мухаммед-Эмин умер в 1518 г. Ирод — сын идумейского князя Антипатра, современник Марка Антония и Октавиана Августа. В 40 г. до н. э. царь всей Иудеи; в глазах населения был узурпатором (т. к. не являлся потомком царя Давида). Согласно Евангелию, узнав от волхвов о рождении «истинного царя» — Христа,— приказал умертвить всех новорожденных в Вифлееме. В наказание ему была послана страшная смерть: он был заживо съеден червями.

Тако же и царица та... борзо по немъ того же месяца с печали умре...— Вдова Мухаммед-Эмина стала женой следующего казанского хана московского ставленника Шах-Али (Шигалея). О ее смерти в русских летописях не упоминается.

Стр. 342. *...вдаде имъ на царство по прошению ихъ служимаго своего царя Шигалея Шахъяровича Касимовскаго...*— Шах-Али (Шигалей) родился в России в 1505 г. и с шестилетнего возраста жил в Касимове. Его отцом был Касимовский хан Шейх-Аулиар, матерью — дочь ногайского князя Ибрагима Шаги-Салтан. После смерти отца в 1516 г. касимовский удел перешел к Шах-Али. После смерти Мухаммед-Эмина, последнего из династии Улу-Мухаммеда, встал вопрос о кандидате на казанский престол. Послы восточной партии, отправленные в Крым, чтобы пригласить хана оттуда и династически объединить Казань с Крымом, были перехвачены русскими пограничными отрядами. Московская группировка в Казани поддержала кандидатуру тринадцатилетнего касимовского хана Шах-Али. В марте 1519 г. Шах-Али был провозглашен в Москве казанским ханом, в апреле был торжественно возведен на казанский престол. Казанцы присягнули в верности как хану, так и союзу с Россией.

...и держа царство, три лѣта мирно владѣя Казанью.— Правление Шах-Али в Казани, согласно русским источникам, продолжалось два с небольшим года (по весну 1521 г.).

...ко царю Менди-Гирею...— Крымский хан Менгли-Гирей, сын основателя Крымского ханства Хаджи-Гирея, умер в 1515 г. В 1521 г., к которому относится посольство казанцев, крымским ханом был сын Менгли-Гирея — Мухаммед-Гирей.

...и оттуду приведоша царя... именем Сап-Кирея.— Сахыб (Сагиб, Саип)-Гирей, сын Менгли-Гирея. Занял в 1521 г. престол, опираясь на вооруженную помощь крымцев и поддержку Турции. В 1524 г., не чувствуя прочной основы своей власти, бежал в Турцию, уступив казанский престол своему племяннику Сафа-Гирею (см. комм. к с. 302). В 1532—1551 гг. Сахыб-Гирей — крымский хан. Убит во время похода на Казань старшим сыном Сафа-Гирея Булюк-Гиреем.

Стр. 342—344. *Бѣ бо царь Шигалей по роду... от колѣна Тактамышева...*— Род Шах-Али происходил не от Тохтамыша, а от хана Тимура-Кутлу. Родословная хана Сахыб-Гирея восходила к брату Тимура-Кутлу, Таш-Тимуру.

Стр. 346. *И невѣрный варваръ паче нашихъ вѣрных сотвори.*— Шах-Али идеализирован автором «Казанской истории». Из летописных источников известно, что Шах-Али принимал участие в заговоре против Василия III, за что попал в опалу и был сослан на Белоозеро, где провел несколько лет (с 1533 по 1536 гг.). В 1536 г. был возвращен в Москву как претендент на казанский престол.

И потом молча долго князь великий, 11 лѣтъ не могий управитися с казанцы...— То есть с весны 1521 г. (воцарение Сахыб-Гирея) до 1532 г. (первое изгнание из Казани Сафа-Гирея).

...брань... имяше с полскимъ королемъ, з Жигимонтом...— Жигимонт — Сигизмунд I (1467—1548). Король польский и великий князь литовский с 1506 г. С 1507 г. вел неудачную войну с русским государством, в ходе которой Русь возвратила себе некоторые западные земли и г. Смоленск (1514 г.).

Стр. 348. *...златоструйный Тигръ...*— В данном случае речь идет о р. Тигр, которая, согласно Библии, являлась одной из четырех рек, орошавших рай.

Стр. 350. *Воеводам же началнымъ бѣ имена: князь Иоанъ Бѣльский...*— Иван Федорович Бельский (ок. 1490—1542), князь, боярин. С 1522 г.— один из ближайших бояр царя Василия III. Участник походов на Казань 1524, 1530, 1532 гг. После смерти Василия III был брошен в темницу из-за побега брата Семена Федоровича в Литву, но в 1538 г. освобожден. После смерти Елены Глинской и И. Ф. Овчины-Оболенского — фактический правитель государства. В 1542 г. был свергнут Шуйскими и сослан на Белоозеро, где и умер насильственной смертью.

...Михайло Глинский, сынъ Лвовъ...— Михаил Львович Глинский (ум. в 1534 г.), князь, дядя царицы Елены Васильевны, жены Василия III. Пользовался большим влиянием в последние годы правления Василия. В 1534 г. организовал заговор против фаворита Елены И. Ф. Овчины-Оболенского, был схвачен и умер в заточении.

...князь Иван Оболенский Овчина...— Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский (ум. в 1539 г.), князь, боярин с 1534 г. Играл большую роль в правительственных делах при Василии III; при Елене Глинской стал фактическим правителем государства. После смерти царицы по распоряжению захвативших власть Шуйских брошен в тюрьму, где и умер.

Стр. 354. *...малаго градца гуляя 80 городень и в них 7 пушекъ.*— Гуляй-город — древнерусское подвижное боевое сооружение, применявшееся при осаде городов. Имел вид многоярусной самоходной крепости, внутри которой помещалась команда, вооруженная орудиями и пищалями.

...и с того бою... в Крым утече... к брату своему Сап-Кирию... крымскому. И бѣ тамо... лѣто и шесть месяцъ.— Свое первое изгнание (около четырех лет — до 1535 г.) Сафа-Гирей провел не в Крыму у Сахыб-Гирея, а в Ногайской Орде.

Стр. 356. *И царя на Казань прошаху — брата Шигалиева меншаго, царевича Геналея...*— Касимовский царевич Джан-Али (Геналей) был приглашен на престол «московской партией» в Казани после изгнания Сафа-Гирея в 1531 г.

...царевича суща пятинадесяти лѣтъ...— Относительно даты рождения Джан-Али у историков нет единого мнения. М. С. Худяков указывает на 1516 г., Г. З. Кунцевич относит его к более раннему времени, так как уже в 1521 г Джан-Али управлял касимовскими татарами.

...Даниилъ митрополитъ...— О нем см. коммент. к с. 28.

...лѣто едино тихо живше с нимъ...— Правление Джан-Али в Казани продолжалось около пяти лет (с 1531 по 1535 гг.).

...и восташа, и убиша его без вины...— Одна из версий, объясняющая убийство Джан-Али казанцами, известна по переписке ногайского мурзы Юсуфа с дочерью Сююн-Бике (Сумбекой), ставшей женой хана Джан-Али. Узнав из письма дочери, что муж ее не любит, Юсуф отдал приказ убить Джан-Али, а Сююн-Бике вернуть домой (М о и с е е в а Г. Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории».— *ТОДРЛ*, т. XII, 1956, с. 175).

И паки же прияше царя Сап-Кирия...— Второе правление Сафа-Гирея в Казани продолжалось с осени 1535 по 1546 гг.

Стр. 358 *...Георгий... простъ сый и несмысленъ...*— Георгий Васильевич (1533—1563), сын Василия III, брат Ивана IV, углицкий князь. Его характеристика ав-

тором «Казанской истории» совпадает со словами А. М. Курбского: «был без ума, без памяти и бессловесен». Георгий поэтому не рассматривался как возможный наследник престола даже во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.

..*великой своей княгине Еленѣ*.. Е. В. Глинская (о ней см. коммент к с. 20) после смерти Василия III — регентша при малолетнем Иване В правление Елены большую роль играли князь И. Ф Овчина-Телепнев-Оболенский и митрополит Даниил. Неожиданную смерть Елены современники объясняли отравлением.

Стр. 360. *О семъ же.. великий салтанъ турский похвалная восписа ему..* — Во Львовской и Никоновской летописях содержится рассказ о том, как Иван IV получил письмо из Царьграда через купца Мустафу-Челобея от турецкого султана Сулеймана, сына Сюлюма, в котором он поздравлял русского государя с принятием титула самодержца. Этот же легендарный факт приводит и автор «Казанской истории».

Стр. 364. *..агаряном, внуком Измаиловымъ..* — Так в средние века именовались восточные народы. Согласно Библии, они — потомки Измаила, сына Авраама и его наложницы Агари. Дети Агари — агаряне, потомки Измаила — измаилтяне.

Стр. 366. *..и тафии на главы своя украшаху...*— Тафия — шапочка татарского образца, надеваемая под шапку

Стр. 370. *...давыдски слезами своими постелю свою омакаше...*— Давид, согласно церковной традиции — автор Псалтири, в своих покаянных псалмах со слезами раскаивался в прегрешениях.

Стр. 372. *И воста в Казани... смятение велико, воздвигоша бо крамолу вси... на царя... Сат-Кирея...*— Речь идет о восстании 1546 г., в ходе которого Сафа-Гирей был во второй раз изгнан из Казани. Сафа-Гиреем были недовольны казанские феодалы (царь пытался передать крымцам некоторые наследственные права и привилегии казанской знати) и простые люди, терпевшие двойной гнет казанских и крымских феодалов.

И побѣжавъ... Сат-Кирей... къ заяицкому князю Исупу...— Ногайский мурза Юсуф был потомком эмира Едигея. Занимал двойственную позицию по отношению к русскому государству, то поддерживая с ним союзнические отношения, то выступая на стороне его врагов. Переписывался с Иваном Грозным, информируя его о событиях в Казани.

...и дщерь у него взя...— Речь идет о Сююн-Бике (Сумбеке). В действительности она стала женой Сафа-Гирея намного раньше: вскоре после того, как он вторично (в 1535 г.) захватил власть в Казани.

И возлюби ю зѣло, паче первыхъ женъ...— Из переписки Ивана Грозного с отцом и братьями Сююн-Бике явствует, что Сафа-Гирей взял ее насильно («в полон за себя взял, и многую ей соромоту учинил, как писати непригоже».— См. Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории», с. 175).

Стр. 376—378. *И вложи богъ милосердие о царѣ... въ сердце... Чюры Нарыковича...*— Чура Нарыков — казанский вельможа. В 1545 г. считался одним из руководителей «московской партии» в Казани. Его внешнеполитическая ориентация была неустойчивой: в летописях упоминается о его набегах на Русь.

В 1547 г. Чура был казнен ханом Сафа-Гиреем, вернувшимся на казанский престол, за участие в заговоре против крымской группировки.

Стр. 382. *...идоша казанцы в Нагаи... и молиша царя Сап-Кирея, да изыдетъ... на Казань царемъ...*— Возвращение Сафа-Гирея в Казань осуществилось благодаря военной помощи Юсуфа. Из грамоты братьев Сююн-Бике Ивану IV явствует, что, подойдя к стенам Казани, они намеревались перебить всех крымцев во главе с Сафа-Гиреем, перейти на сторону Шах-Али, выдав за него замуж Сююн-Бике. Но Шах-Али покинул Казань до прихода ногайско-крымского отряда. Простояв у Казани восемь дней, Сафа-Гирей вошел в город.

И царствова напослѣдок два лѣта, и злѣокаянную свою душю изверже.— Сафа-Гирей умер в 1549 г.

...приказа царство... меншей царице...— Сююн-Бике.

Стр. 382—384. *Царь же Шигалий из Казани на Коломну прибѣжав... И втай наедине возвѣсти ему... о себѣ...*— Летописи сообщают, что Шах-Али, бежав из Казани, с дороги послал великому князю грамоту об измене казанцев и воцарении Сафа-Гирея.

Стр. 384. *Царь же... повелѣ трех своих боляр... казни предати. Четвертый же... зелием опився уже после ихъ.*— В летописях под 1546 г. сообщается о казни Иваном Грозным в июле трех князей: Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых и ссылке на Белоозеро И. Ф. Петрова. Причиной казней и опалы называется «извещение» дьяка Василия Захарова, что они «многие мзды в государстве его взимаху».

И на другое лѣто... посла... казанския земли воевати... князя Семиона Микулинскаго... и князя Василья Оболенскаго Срѣбренаго...— Поход князей Микулинского и Серебряного-Оболенского на Казань относится к 1545 г., то есть еще ко времени второго правления Сафа-Гирея в Казани, до кратковременного царствования и бегства из Казани Шах-Али.

Стр. 388. *Подле же обою рѣкъ, Звияги и Волги...*— Свияга — правый приток Волги, течет почти параллельно ей, но в противоположном направлении, иногда приближаясь к руслу Волги на расстояние трех-четырех километров.

...двѣ бо черемисы в Казанской области, языки ихъ три, четвертый же язык — варварский и той владѣяше ими...— Горная черемиса — чуваши, населявшие гористый правый берег Волги; луговая черемиса — марийцы, жившие по левому, низменному берегу Волги; кокшайская и ветлужская черемиса — марийцы бассейна р. Кокшаги и р. Ветлуги; третий народ, здесь не названный автором, упомянут им в другом месте (см. на с. 316) — «остяки» — то есть удмурты; «варварский народ» — татары.

Стр. 390. *...о поставлении Свияжского града.*— Свияжск (первоначально названный Иван-городом в честь Грозного) — крепость близ устья р. Свияги.

...яко и древле царю Константину...— По легендарному преданию основателю Константинополя (Царьграда) императору Константину I (285—337) место, где должен быть построен город, было указано в видении. См.: «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (*ПЛДР*, 5, с. 216—267).

Стр. 392. *...везуще с собою готовый град древяный...*— Детали будущего города были изготовлены в Угличском уезде под руководством дьяка Ивана Выродкова.

...на великих лодиях бѣлоозерскихъ...— «Белозеркой» (или дощаником) называлось судно, имевшее в длину от кормы до носа тринадцать сажен (приблизительно 27 метров)

...и приидоша... на рѣку Свиягу... месяца майя въ 16 день, в субботу седмую по Пасце.— В летописях называется другая дата — 24 мая, «в неделю Всех святых».

..июня въ 30 день.— По летописям — 21 июня.

..преподобнаго Сергия чюдотворца.— Сергий Радонежский (ум. в 1391 г.), основатель Троицкого монастыря (ныне Троице-Сергиева лавра в г. Загорске Московской обл.), поддержавший Дмитрия Донского в его борьбе с монголо-татарами.

Стр. 398. *...Сивилла Южская царица...*— Речь идет об упоминаемой в Библии мудрой царице Савской (государство на юге Аравии), отождествленной автором «Казанской истории» с Сивиллой (пророчицей у древних римлян).

Стр. 400. *...мал градецъ пустъ... бѣсовское городище.*— Так называемое «Чертово городище» некогда находилось недалеко от современного г Елабуги.

...и родися царевич от нея, именемъ Мамш-Кирей...— Царевич Утемыш-Гирей (Мамш-Кирей) родился в 1549 г. вскоре после смерти отца. Позднее был крещен и получил имя Александр. Умер на Руси в 1566 г.

Стр. 402. *Владяше же царица Сумбек... пять лѣтъ... Казанским царством... И брежаху Казань с нею уланове... в них же бѣ первый... Кощакъ.*— После смерти Сафа-Гирея власть в Казани захватила крымская группировка во главе с уланом Кучаком (Кощаком). Она провозгласила ханом малолетнего сына Сафа-Гирея, а регентшей — его вдову, мать Утямыша, Сююн-Бике. Правление Сююн-Бике продолжалось с марта 1549 г. по август 1551 г

Стр. 404. *О любви блудной со царицею Кощака...*— Этот сюжет «Казанской истории» не находит подтверждения в источниках. Автор представляет связь Сююн-Бике с уланом Кучаком как внезапно вспыхнувшую непреодолимую страсть. Возможно, это был политический шаг, вызванный необходимостью найти опору в крымском лагере, который мог стать враждебным: на престол был возведен не один из старших сыновей Сафа-Гирея, живших в Крыму, а сын Сююн-Бике (см.: Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории», с. 174—187).

...взявъ брата своего, и жену свою, и два сына своя...— Летописи сообщают, что Кучак бежал из Казани один, оставив семью в городе.

Стр. 406. *...бежаща меж двою рѣкъ... Доном и Волгою...*— По летописным данным Кучак был схвачен русскими при переправе через р. Вятку.

..И поби всѣх бѣжащих с нимъ 5 000... Самого же... Кощака... жива взяша... и с ним 300... воинъ...— По летописям Кучак захватил с собою всего 300 крымцев; вместе с ним в плен было взято еще 45 человек.

А жену его крестиша...— О судьбе жены Кучака в летописях сведений нет.

Стр. 422. *И воспечалися... салтанъ, яко все свое злато египетское погубль...*— К середине XVI в. турки установили господство над огромной территорией от Гибралтара до восточного побережья Средиземного моря. В состав Османской Порты как одна из провинций входил и Египет, присоединенный к ней в 1517 г султаном Селимом I.

Стр. 430. *И совѣщав казанцемъ оболстити царя... воеводам московским.. и возвести на него измѣну велику...*— В действительности причины удаления Шах-Али из Казани были иными: Шах-Али не мог выполнять требований русского правительства, так как казанские феодалы ему не подчинялись; к помощи русских войск он прибегнуть не захотел, надеясь привлечь на свою сторону знать Казани. Не справившись с создавшимся положением, Шах-Али в феврале 1552 г. покинул Казань и уехал в Москву

Стр. 436. *И измѣниша казанцы царю... великому князю..* — После ухода Шах-Али из Казани Грозный предпринял попытку присоединить Казань мирным путем: по соглашению с казанцами Иван IV объявлялся казанским ханом, а управление в городе передавал русским воеводам. Наместником в Казани был назначен князь Семен Микулинский. Но когда в сопровождении русских войск и казанских вельмож наместник приблизился к Казани, казанские князья Исмаил, Кебек и Алике Нарыков из свиты Микулинского поскакали в город и заявили, что русские будут избивать население. В городе вспыхнул мятеж, и Микулинский был вынужден вернуться в Свияжск.

Стр. 440. *...приведоша... на царство царя из Нагайския земли... Едигея Касаевича...*— Едигер (Ядигар) — Мухаммед — астраханский царевич, сын хана Касима, внук Сейид-Ахмета. В 1542 г. приехал на службу к Ивану IV, в 1550 г. участвовал во втором походе Грозного на Казань. В конце 1551 г. стал казанским царем.

И с ним прийде в Казань 10 000 варваръ...— По словам «ногайского человѣка» Янгары-богатыря, приведенным в летописях, с Едигером в Казань пришли только 500 человек.

Стр. 442. *...во свою вотчину... в Касимовъ...*— Касимов — ранее Городец-Мещерский — главный город удельного татарского княжества, основанного в 50-е гг. XV в. Василием II Темным и служившего проводником московских влияний в Казанском ханстве. Находилось в северо-восточной части современной Рязанской обл. по р. Оке. Первым ханом был царевич Касим (ум. около 1469 г.), сын золотоордынского, позднее — казанского хана Улу-Мухаммеда (Улу-Ахмета) «Цари» и «царевичи» Касимовского княжества назначались из числа татарской знати, принявшей русское подданство. Просуществовало до 1681 г

Стр. 444. *...и князя Владимира...*— Владимир Андреевич Старицкий (1533—1569), двоюродный брат Ивана IV, один из последних русских удельных князей. После мятежа, поднятого в 1537 г. отцом — Андреем Ивановичем, три года провел в заключении. Позже был приближен царем Иваном, принимал участие в военных походах. После 1533 г., когда во время болезни Грозного прочился в цари (в случае смерти Ивана), попал в опалу. В 1569 г. казнен вместе с женой и детьми.

...яко Елезванъ, ефиопъский царь, на омиритского царя Дунаса жидовина...— Елезван (Элесбоа) и Дунас (Зу-Навас) упоминаются и в переписке Ивана Грозного. Элесбоа — негус Эфиопии, был союзником императора Юстиниана (VI в.) и воевал против царя Зу-Наваса. После одержанной победы принял монашество и жил аскетической подвижнической жизнью. Легенда входила в Великие Минеи-Четьи.

...ревнуя... Святославу Игоревичю...— Святослав Игоревич (ок. 945—972 гг.), великий князь киевский. Прославился своими воинскими деяниями.

...со благородных грек, побѣдивших древле Трою предивную и прегордаго царя... Скерска...— Рассказ о взятии греками Трои (нач. XII в. до н. э.) был известен русскому читателю из «Хронографа», куда он попал из «Хроники Иоанна Малалы». Основой повествования о Троянской войне в «Хронике» был не текст «Илиады» Гомера, а перевод латинской переработки греческого романа I—II вв. н. э., приписывавшегося Диктису Критскому, мифическому участнику войны с Троей (см.: Т в о р о г о в О. В. Древнерусские Хронографы. Л., 1975, с. 15). О победах греков над Ксерксом (ум. в 465 г. до н. э.), сыном Дария I, царем Персии, русский читатель мог узнать из «Хронографа» или из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Побед над персами греки добились под предводительством Фемистокла в двух морских сражениях: у острова Саламин (480 г. до н. э.) и у мыса Микале (479 г. до н. э.) и в битве сухопутных войск при Платеях (479 г. до н. э.).

Поревнова... великому князю Владимиру... како взя великий град Корсунь...— Имеется в виду великий князь киевский Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.) и его успешный поход в 989 г. на Корсунь (Херсонес).

...позавидѣ Владимиру Манамаху...— Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125). С 1113 г.— великий князь киевский. С 1093 г. вел ожесточенную борьбу с половцами, был организатором и участником удачных походов 1103, 1107, 1111 гг. Автор «Поучения» (см.: *ПЛДР*, 1, с. 393—413), в тексте которого содержится рассказ о его походах. С Фракией, Халкедонией и Грецией войн не вел.

..на греческаго царя Констянтина Монамаха...— Константин Мономах, император Византии с 1042 г., действительно вел войны с Русью. В 1043 г был заключен союз между Византией и Русью, скрепленный браком родственницы Константина (возможно, даже дочери) со Всеволодом, сыном Ярослава Мудрого. Владимир Мономах, родившийся от этого брака в 1053 г., не мог вести войну с императором Константином, умершим в 1055 г

Посылает к нему с великим смирением...— Рассказ о посольстве императора Константина с дарами (царским венцом, скипетром, багряницей и сердоликовой крабицей Августа) заимствован из «Сказания о князьях владимирских» (см. *ПЛДР*, 6, с. 422—434).

Стр. 450. *...празновав царь... пятдесятный день по Пасце... и всю ту неделю пянтикостную...*— В 1552 г. Пятидесятница (Троица) приходилась на 5 июня. Пянтикостная неделя — первая неделя после Пятидесятницы.

Стр. 452. *...митрополиту Макарию.*— Макарий — инок, позже — архимандрит Можайского Лужецкого монастыря. С 1526 г.— архиепископ Новгородский (не по избранию новгородцев, а волею великого князя Василия III). После низложения Шуйскими митрополита Иоасафа в 1542 г. был призван на митрополичий престол, который занимал 22 года. Венчал на царство Ивана Грозного в 1547 г. При нем и под его непосредственным началом были созданы Великие Минеи-Четьи и Степенная книга царского родословия.

..миръ и любовное целование царице своей Анастасии...— Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (ум. в 1560 г.), первая жена Ивана IV Грозного, дочь окольничьего при Иване III Васильевиче Романа Юрьевича. Была обвенчана с царем в феврале 1547 г Мать Ивана Ивановича и Федора Ивановича, послед-

него из Рюриковичей на русском престоле. К первой жене Иван Грозный относился с искренней нежностью, чему есть много исторических свидетельств.

Стр. 454. *...предо образомъ... Богородицы, юже евангелистъ Лука написа...*— Согласно преданию, Владимирская икона богоматери, о которой здесь идет речь, была копией с иконы, написанной евангелистом Лукой. В XII в. икона была привезена из Византии в Киев, затем увезена князем Андреем Боголюбским во Владимир, а оттуда в 1382 г.— в Москву. В настоящее время находится в Третьяковской. галерее.

Стр. 456. *И отпущаетъ его, яко ангелъ божий Гедеона на царей мадиамскихъ и яко Самсонъ кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда...*— В данном фрагменте автор «Казанской истории» проводит параллель между Иваном Грозным и библейскими героями-победителями. Так, Гедеон с тремястами воинов победил несметное войско Мидиама и Амалика, которое было обращено в бегство звуками труб; Давид победил гиганта Голиафа, поразив его камнем из пращи Одновременно митрополит Макарий уподобляется здесь вдохновителям этих побед, причем в обоих случаях автор допускает ошибки: Гедеон был послан на битву «гласом бога», Давид вышел сразиться с Голиафом по призыву Самуила, а не Самсона.

Стр. 458. *...в первую неделю Петрова поста..* — Петров пост начинался в понедельник через неделю после Троицы.

..въ десятый час дни...— По современному счету времени это соответствует приблизительно 13 ч. 30 мин.

..нечестиваго царя крымскаго Девлет-Кирия пришедша... на Тулу...— Девлет-Гирей, крымский хан (1551—1577), племянник Сахыб-Гирея, сменивший его на крымском престоле. Был ставленником турецкого султана. В 1552 г. при военной поддержке Турции попытался помешать походу русских на Казань. Осада Тулы была предпринята им в 20-х числах июня.

Стр. 462. *...и два царевячя Астроханския Орды... приидоша ту: Кайбула... Дербыш-Алей...*— Царевич Кайбула (Хайбула) приехал на Русь в мае 1552 г., получил во владение г. Юрьев и женился на племяннице Шах-Али, дочери Джан-Али. Дервиш-Али (Дербыш-Али) выехал на Русь в конце 1551 г., получил от Ивана IV Звенигород, где и проживал безвыездно. В 1554 г был посажен Грозным на Астраханский престол вместо Ямгурчия.

.и ту... уряжает полки...— Приводимое далее распределение военачальников по полкам не совпадает с данными летописей. Г. Н. Моисеева установила, что автор «Казанской истории» поместил здесь не вымышленный разряд войск, а отразил расстановку воинских должностей за более поздний период (1564—1565 гг.), когда многие воеводы, участвовавшие во взятии Казани, были либо казнены, либо находились в ссылке. Так, например, не упоминаются воевода «большого полка» М. И. Воротынский (в 1562—1566 гг. находился в заточении на Белоозере), Курбский — воевода «правой руки» (в 1564 г. бежал в Литву), Немого-Оболенский, воевода «сторожевого полка» (казнен в 1565 г.). С другой стороны, в 60-е гг. Грозный приближает к себе новых воевод из среды опричников и приехавших на Русь татарских царевичей, что также нашло отражение в «Казанской истории», где упомянуты «начальные» воеводы казанского взятия из среды опричников Темкин-Ростовский, Одоевский, Пронский,

Трубецкой, а также ряд татарских царевичей, которые на самом деле в походе на Казань не участвовали.

..артоулному полку...— Ертаул (или ертоул) — передовой конный отряд для разведки.

Стр. 464. *...и черкасъ... и мордвы... и нѣмецъ, и фряг, и ляховъ...*— Черкасы — северокавказский народ; мордовские племена жили за Сурой и ее притоком р. Пьяной; под немцами здесь, по-видимому, подразумеваются шведы; фряги — итальянцы; ляхи — поляки.

..и пророчествова Иеремия: «От яждения бо,— рече,— громовъ колесниц его и от ступания коней и слоновъ его потрясется вся земля».— Источником данного высказывания действительно является входящая в состав Библии Книга Иеремии, но автор «Казанской истории» приводит слова пророка неточно. Ср.: «От шума устремления его, и от оружия ног его, и от гремления колесниц его, и от звука колес его не обратишася отцы к сыном своим, опустивше руце своя».

...и за поле Куликово...— Куликово поле находится к юго-востоку от Тулы в междуречье Дона и его притока Непрядвы.

...по Мечю рѣку...— Меча — правый приток Дона южнее Куликова поля. Современное название — Красивая Меча.

Стр. 466. *...и в калантырь облекся...*— Калантырь — доспехи из крупных металлических пластин, прикрывающих спину и грудь, с кольчужной сеткой от пояса до подола.

Стр. 468. *...и ста на Арскомъ поле... прямо граду за версту едину...*— В действительности полк Грозного разместился на Царевом луге в достаточном удалении от Казани (см. план осады Казани в 1552 г.).

...со всею матицею великою...— Матица — центральная часть войска.

И повелѣ себе одѣлати градцемъ...— Рисунки «Царственной книги» изображают эти оборонительные укрепления в виде четырехугольных редутов из туров (башен) с выкопанными перед ними траншеями.

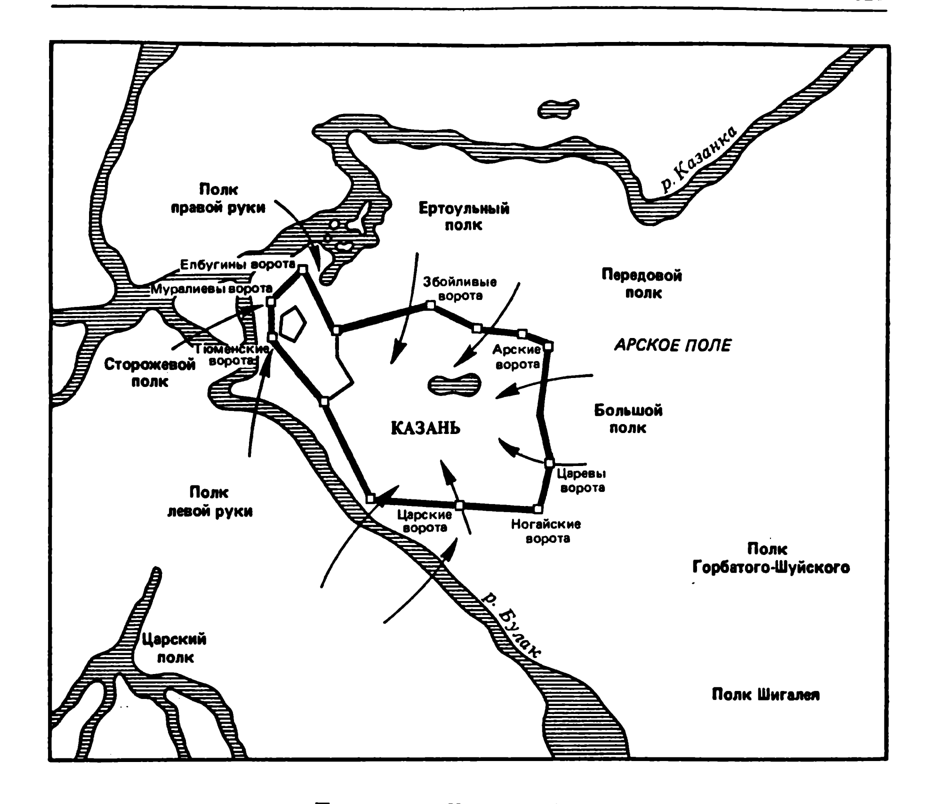
И постави правыя руки полкъ... противу дву Нагайских вратъ... а сторожевый полкъ... противъ Царевых вратъ.— В действительности расположение русских полков вокруг Казани было иным (см. план осады Казани).

Стр. 470. *И не хуже Антиоха явленаго, егда прииде Иерусалимъ плѣнити.*— В 203 г. до н. э. Иерусалимом овладел Антиох Великий, царь Сирии. Однако вероятней, что речь идет об Антиохе Епифане. О его разграблении Иерусалима рассказано в Библии. О завоевании Иерусалима Антиохом Епифаном говорит в «Истории Иудейской войны» Иосиф Флавий, приведя это завоевание как пример наказания жителей за грехи.

Стр. 476. *В ту же нощъ сеитъ казанский сонъ же видѣ...*— Главой мусульманского духовенства в Казани в 1552 г. был Кулшериф-Молна (молла, мулла). Он считался вторым лицом в государстве после хана. Был убит при взятии Казани.

Стр. 480. *Той бо острог старый, Арескъ зовом...*— Городок Арск находился в верховьях р. Казанки примерно в шестидесяти верстах от Казани. Был центром Арского княжества, населенного удмуртами (арами).

Стр. 490. *...яко древле иногда от 5 хлѣбовъ 5 000 народа иудеѣй напита?* — Автор «Казанской истории» ссылается на евангельский эпизод, рассказывающий о том, как Иисус Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил 5 000 человек.



План осады Казани в 1552 г.

Стр. 492. *Бѣ бо царь Шигалей в ратном дѣле зѣло прехитръ и храбръ...*— В «Летописце начала царства» Шах-Али охарактеризован иначе: «...царь... не могий скоро на конях ѣздити, разумичен же царь преизлишне, но не храбръ сый на ратях...» (*ПСРЛ*, т. XXIX. М., 1965, с. 82).

Стр. 494. *...посла... яко аггела своего ко Исусу Навину разорити стѣны Иерихонския...*— Согласно Библии, помощник и преемник Моисея Иисус Навин овладел городом Иерихоном благодаря чудесной помощи бога: стены осажденного города рухнули от звуков труб и криков войска Иисуса Навина.

Стр. 496. *...учиниша... башни 4 фряским обычаемъ...*— В действительности во время осады Казани была сооружена (под руководством дьяка Ивана Выродкова) одна башня огромных размеров в близком расстоянии от городской стены.

...и вскоре другому дѣлу... касаются, его же преж того никто же на Руси видал.— Подкоп как военно-инженерный прием был известен на Руси задолго до взятия Казани. В Никоновской летописи под 1533 г. есть запись о взятии г. Стародуба литовцами с помощью подкопа. Устроение подкопов под казанскими стенами в летописях приписывается «немчину» Размыслу.

Стр. 498. *И вборзѣ хитрецы повелѣнное... в седмый день... скончаша...*— Согласно «Летописцу начала царства», сооружение подкопов длилось более месяца — с 31 августа по 2 октября.

Стр. 504. *...и напрасно вси вдруг исчезнуша... яко египтянѣ: онѣх бо море потопи...*— В Библии говорится о бегстве иудеев под предводительством Моисея от египетского фараона. По молитве Моисея, море, вставшее преградой на пути, расступилось, и иудеи перешли Красное море по дну Но когда за ними устремились их преследователи, то волны сомкнулись над ними, и все египтяне утонули.

...царь... самъ ходя с ними...— Участие Ивана IV в посольстве в Казань — факт легендарный. Автор «Казанской истории» создал данный фрагмент по аналогии с эпизодом из «Александрии», в котором рассказано о том, как Александр Македонский явился на пир к Дарию в качестве посла (см. *ПЛДР*, 5, с. 84—91)

Стр. 508. *...праздникъ... богородици, честнаго ея Покрова.*— Праздник Покрова (1 октября), установленный в честь «нетленной ризы», с помощью которой богородица, по легенде, защищает народ во время бедствий, особенно почитался на Руси. Молитва к богоматери о покрове (защите) всегда свершалась перед выходом на войну. Не случайно поэтому, что день решающего штурма Казани был приурочен к празднику Покрова.

Стр. 512. *...и в прегубницы ударяющи...*— Прегубница музыкальный инструмент.

И егда зажжено бысть огненое зелие в ровѣх... И прорви... стѣны градныя... и тайникъ подня...— В «Казанской истории» упоминается лишь об одном взрыве подкопов накануне последнего штурма Казани 2 октября. В действительности за время осады было взорвано четыре подкопа: под тайником, откуда осажденные добывали воду (4 сентября), под тарасами (земляными сооружениями казанцев) — 30 сентября и два подкопа под городскими стенами (2 октября)

...прясло едино, а в другомъ же мѣсте — с полпрясла...— Прясло — часть крепостной стены от башни до башни.

Стр. 514. *...чающи... содомский огнь, с небеси сшедши, попалити их.*— Жители двух библейских городов Содома и Гоморры за великие прегрешения были уничтожены богом (за исключением семьи праведного Лота) В библейской Книге Бытия об этом событии сказано: «И господь одожди на Содом и Гоморр жупел, и огнь... с небесе».

И вострубиша... в сурны... и удариша в накры...— Сурна — древний музыкальный инструмент, отличавшийся сильным пронзительным звуком. Накры — древнерусский музыкальный инструмент типа бубна.

Стр. 518. *И ту, в Муралѣевых вратех, уязвиша... Симеона Никулинского...*— О том, где именно находился во время штурма Казани С. Микулинский, сведений нет В летописях он упоминается как воевода «передового» полка во время похода на Арскую крепость, но в числе воевод, участвовавших в последнем штурме Казани, не назван.

Брата же его, князя Дмитрия, ис пушки... убиша.— Согласно Разрядной книге, Д. Микулинский был воеводой «полку левой руки», стоявшем на берегу Булака. Никаких сведений о его судьбе ни Разрядная книга, ни летописи не содержат.

Стр. 524. *Тѣхъ же досталних 3 000 окопившася храбрых казанцевъ...*— А. М. Курбский называет другую цифру — 6 000 человек.

...и прорвашася во врата Царевы за Казань рѣку...— Последний отряд казанцев покинул город со стороны Елбугиных ворот, находившихся в северной части крепости, непосредственно выходившей на берег р. Казанки, через которую казанцы переправились вброд и, сражаясь с воинами полка «правой руки», отходили в леса за Казанкой. Царские врата находились в противоположной части города (см. План осады Казани на с. 621).

...стояху бо ту на поле два воеводы противъ Царевых врат — князь Петръ Щенятевъ... князь Иванъ Пронской Турунтай.— Князь Щенятев находился у Елбугиных ворот (как воевода «правой руки») вместе с князем Курбским; князь Пронский, находясь вместе с «передовым полком» на Арском поле, не принимал участия в сражении с последним отрядом казанцев.

Стр. 526. *И бѣ видети, яко высокия горы, громады... побитых казанцевъ лежащихъ...*— Сходное описание Казани, заваленной телами убитых воинов после взятия города, есть и в других исторических сочинениях.

И бысть сѣча та великая от утра, перваго часа дни, и до десятаго.— О продолжительности последнего штурма Казани точных сведений в летописях не имеется, есть лишь общие указания на длительность битвы.

Стр. 528. *О изымании казанского царя...*— Обстоятельства взятия в плен казанского царя Ядигара-Мухаммеда в разных источниках освещаются по-разному По одной версии («Отрывок русской летописи». *ПСРЛ*, т. VI, с. 313), наиболее близкой к рассказу «Казанской истории», воины князя Палецкого схватили царя, не опознав его, на городской стене близ Збойливых ворот и хотели убить его, но узнали «от неких татар», что перед ними казанский царь. По другой версии, принадлежащей Курбскому, казанцы сами передали царя русским, после чего попытались выбраться из города.

...женъ красных и дѣвиць до 1000...— Эта подробность подтверждается рассказом Курбского.

...и в повоях златых...— Повой (повойник) — женский головной убор.

Стр. 532. *...рязанския земли воевода Назарья Глѣбовъ...* В Разрядной книге Н. С. Глебов воевода в «передовом полку».

Стр. 534. *...въѣхавъ в столный град Казань в час 3 дня...*— по современному времяисчислению около 9 часов утра.

...предидущи пред нимъ хоругви его — образу Спасову...— Хоругвь — войсковое знамя; образ Спасов — так называемый «Нерукотворный Спас» — особо почитаемый тип иконы Христа на убрусе (плате): согласно преданию, Христос сам «запечатлел» свой образ, прижав полотно к лицу. Хоругвь с изображенным на ней Спасом была главным боевым знаменем русского войска.

Стр. 538. *...новаго архиепископа граду Казанскому перваго, Гуриа...*— Гурий Руготин (ум. в 1563 г.), известный церковный деятель. Был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря (1544—1551), до 1555 г.— игуменом Троице-Селижаровского монастыря. В феврале 1555 г. стал архиепископом казанским. В «Казанскую историю» включен подлинный текст наказа Гурию Ивана IV.

Стр. 540. *...тимпаны звяцаху, и арганы восклицаху, и рожны вопияху...*— Тимпаны — древний музыкальный инструмент, род небольших литавр; арган — в древности — духовой музыкальный инструмент с резким звуком; рожны

(рожки) — древний музыкальный мундштучный инструмент с сильным звуком.

Стр. 548. *Прилучиша же ся тогда и послы нѣкия... от далних странъ...* — В данном фрагменте автор сводит вместе иностранных дипломатов, в действительности побывавших в Москве в разное время.

...*вавилонскаго царя посолъ...* — По-видимому, имеется в виду персидский посол, находившийся в Москве до 1557 г

...*послы нагайския...* — находились в Москве в момент возвращения Грозного (до 25 октября).

...*послы польского короля...* — В 1552 г. в Москве дважды были польские посланники, но первый из них уехал 10 марта, а второй прибыл в Москву лишь 24 ноября.

...*послы дацкаго короля...* — были в Москве в 1559 г

...*послы свицкого короля...* — Шведские послы были в Москве уже после 1552 г: в 1557 г. Иван IV заключил мир в Москве с послами шведского короля Густава Вазы.

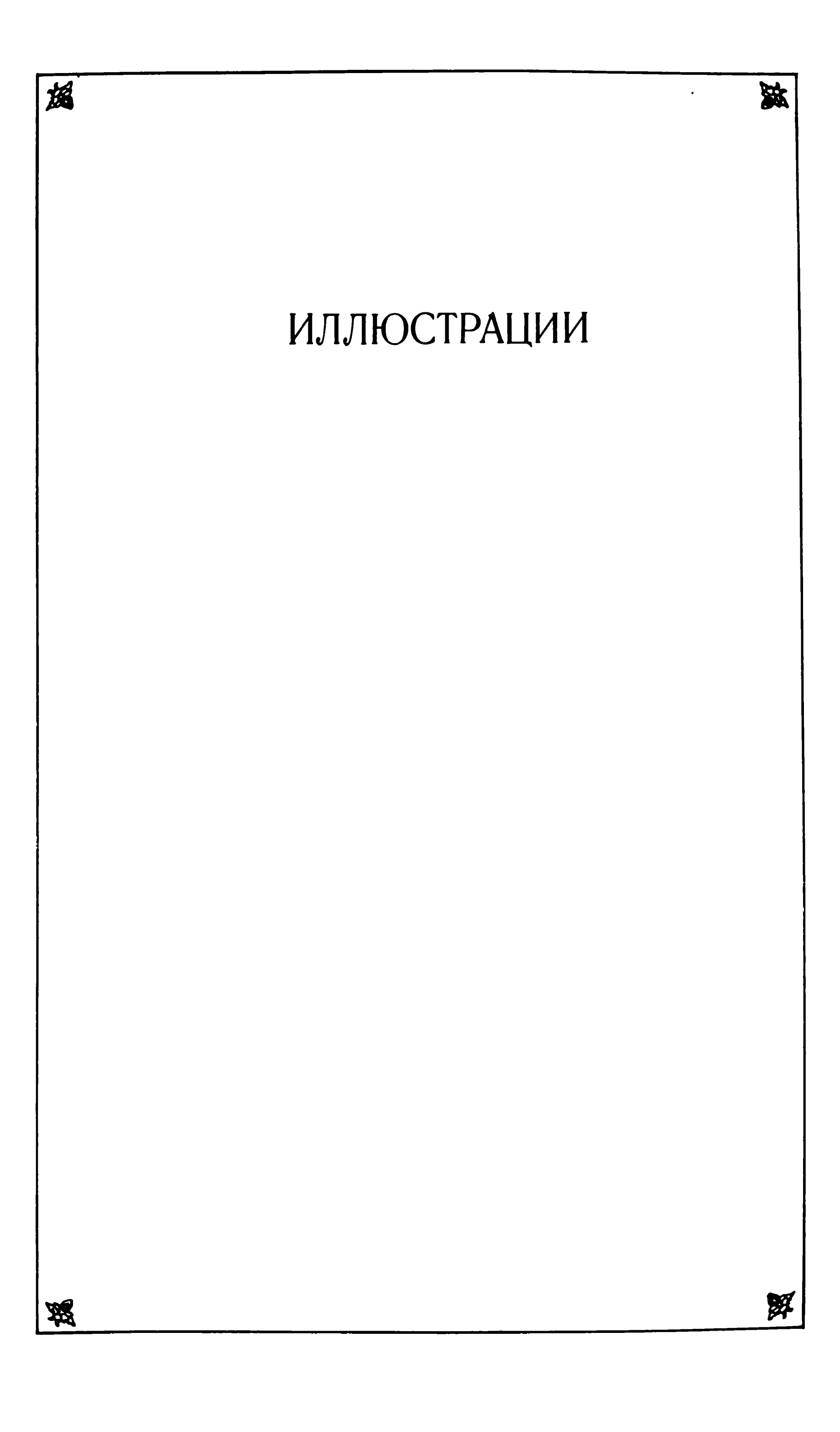
...*посол волоский...* — Послы волошского воеводы Александра прибыли в Москву, согласно летописи, в 1555 г.

...*купцы Англиския земли.* — Впервые английские купцы появились в Москве только в 1553 г. (Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве..., с. 495—497).

...*в болшая врата граду, зовомыя Фроловския...* — Фроловскими назывались до 1658 г. Спасские ворота Кремля.

Стр. 562. ...*к роте приведе... якоже Моисей во израилтянех...* — Имеется в виду библейский эпизод — клятва израильтян перед Моисеем в том, что они будут неукоснительно соблюдать божественные заповеди и предписания.

Стр. 564. ...*якоже заточеные самояди сыроядцы македонскимъ царем Александромъ за великия горы на край Чермнаго моря.* — Эти сведения о самоедах, вероятнее всего, восходят к рассказу «Повести временных лет» под 1096 г (см.: *ПЛДР*, 1, с. 242—245), где сказано, что самоеды, в числе других «нечистых» народов, были заточены Александром Македонским за непроходимыми горами. Однако возможно, что это сообщение имеет своим источником «Александрию», в которой рассказывается о заточении Александром «нечистых» народов, правда, самоеды среди них не названы (см.: *ПЛДР*, 5, с. 130—133).



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Подбор иллюстраций
О. А. Белобровой

Памятник архитектуры XVI в. — церковь Иоанна Предтечи в селе Дьякове близ Москвы. 1554 г. Фотография 1890-х гг. *(Гос. музей архитектуры СССР им. А. В. Щусева).*

Зодчие Барма и Постник. Покровский собор на Рву — храм Василия Блаженного в Москве. 1555—1560 гг. Снимок сделан около 1899 г. *(Гос. музей архитектуры СССР им. А. В. Щусева).*

Зодчие Барма и Постник. Покровский собор на Рву — храм Василия Блаженного в Москве. 1555—1560 гг., деталь. Фотография около 1900 г. *(Гос. музей архитектуры СССР им. А. В. Щусева).*

Башня Сююмбеки в Казани. XVII в.
Снимок сделан И. Барщевским в 1886 г.
(Гос. музей архитектуры СССР им. А. В. Щусева).

Памятник архитектуры Пскова XVI в. — звонница в с. Пароменье *(Гос. музей архитектуры СССР им. А. В. Щусева).*

Василий III, великий князь московский.
Роспись Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

Княгиня Ольга.
Роспись Архангельского собора
Московского Кремля. XVII в.

Прение живота и смерти.
Миниатюра Синодика XVII в. *(БАН)*.

Произведение древнерусского шитья — покров. Вклад в Троице-Сергиев монастырь царя Ивана IV и царицы Анастасии. 1557 г. *(Загорский музей-заповедник).*

Христос в образе воина — деталь четырехчастной иконы. Середина XVI в.
(Музеи Московского Кремля).

Иван IV Грозный на коне.
Миниатюра из Казанского летописца. XVII в. *(БАН)*.

Орнаментальное шитье XVI в. — оплечье фелони
(Загорский музей-заповедник).

Оклад Мстиславова евангелия. Новгород. 1551 г.
(ГИМ).

Подвесная золотая цата — деталь оклада иконы «Троица» письма Андрея Рублева. Вклад Ивана IV Грозного в Троице-Сергиев монастырь. Середина XVI в. *(Загорский музей-заповедник).*

Серебряный ковш XVI в.
(Загорский музей-заповедник).

Переговоры в Москве с казанскими послами (1531 г.).
Миниатюра XVI в. Лицевой летописный свод *(ГПБ)*.

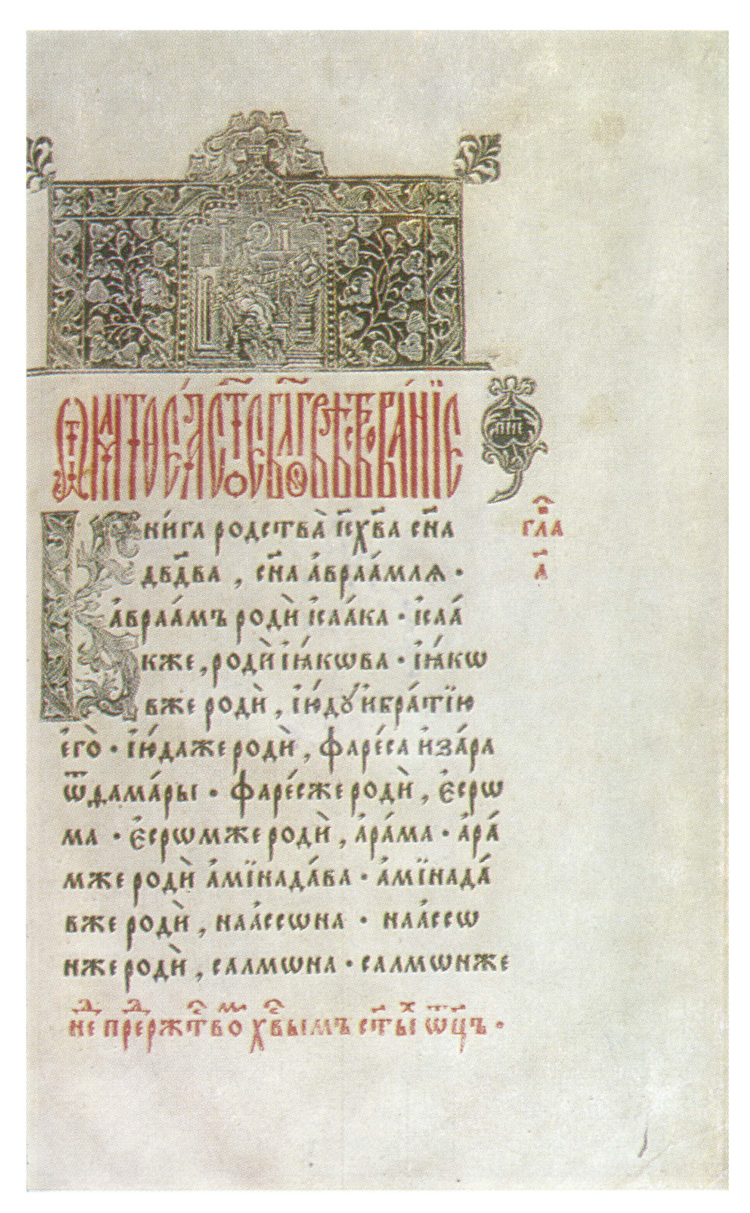
Казанские отряды подступают к русским городам (1536 г.).
Миниатюра XVI в. Лицевой летописный свод *(ГИМ)*.

Подготовка к походу на Казань (1541 г.).
Миниатюра XVI в. Лицевой летописный свод *(ГИМ)*.

Поход царя Ивана IV Грозного из Москвы на Казань в 1552 г.
Миниатюра списка Казанской истории. XVII в. *(БАН)*.

Осада Казани русскими войсками.
Миниатюра списка Казанской истории. XVII в. *(БАН)*.

Пленение хана Едигера в Казани в 1552 г.
Миниатюра списка Казанской истории. XVII в. (*БАН*).



Ѿ матѳеа ст҃ое бл҃говѣщенїе

глава а

Книга родства іс҃ х҃ва сн҃а
д҃два, сн҃а авраамля.
Авраамъ роди ісаака. ісаа
кже, роди іакѡва. іакѡ
вже роди, іюдꙋ и братїю
его. іюдаже роди, фареса и зара
ѿ дамары. фаресже роди, есрѡ
ма. есрѡмже роди, арама. ара
мже роди аминадава. аминада
вже роди, наассѡна. наассѡ
нже роди, салмѡна. салмѡнже

не прерж тво х҃ вымъ ст҃ы ѿцъ.

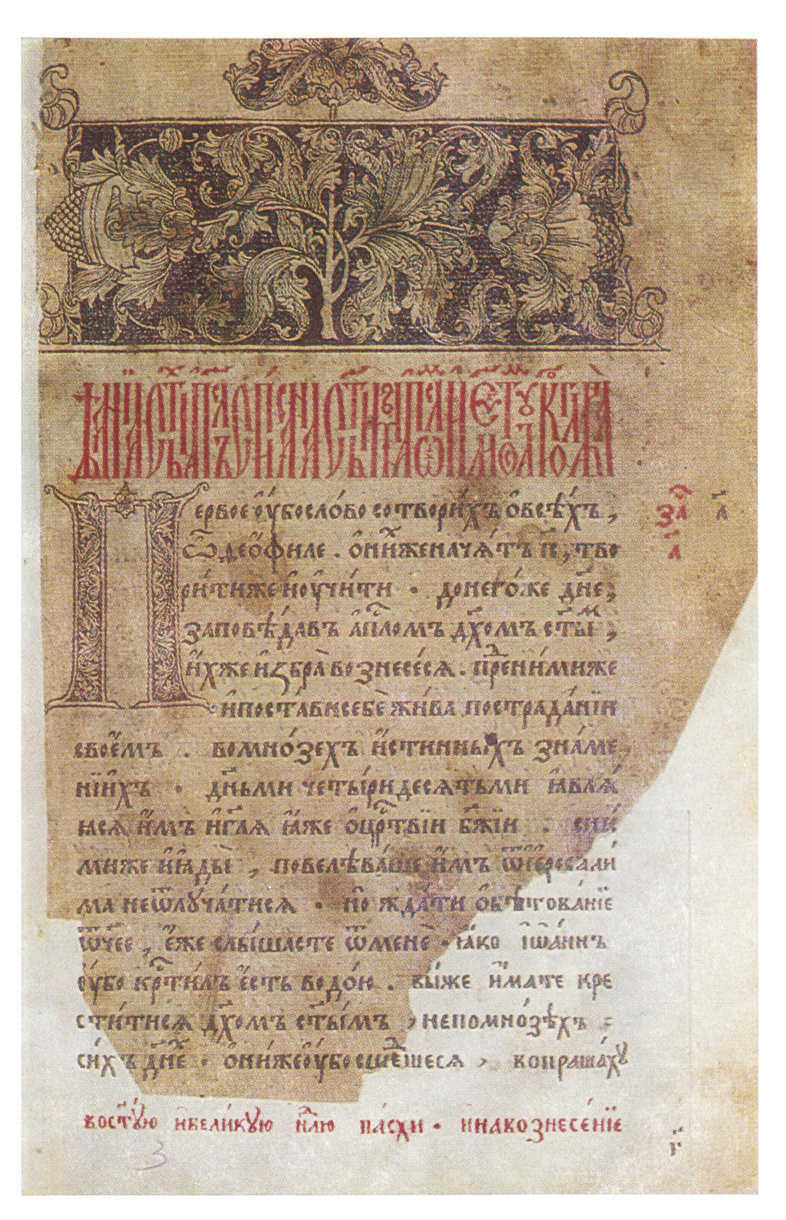
Лист с заставкой из анонимного (дофедоровского) печатного Евангелия (до 1564 г.) *(ГБЛ)*.

Ѿ Марка стаго благовѣстованїе

Начало еѵалїа ісх҃ва — За а
сна бжїа. ꙗкоже есть
писано въ прорцѣхъ. се азъ
посылаю аггела моего
предъ лицемъ твоимъ,
иже оуготовитъ путь
твой предъ тобою. гла
съ вопїющаго въ пу
стыни. оуготоваите
путь гнь. правы творите сте
зѧ его. Бысть іѡаннъ кртѧ
не пре просвѣщенїемъ

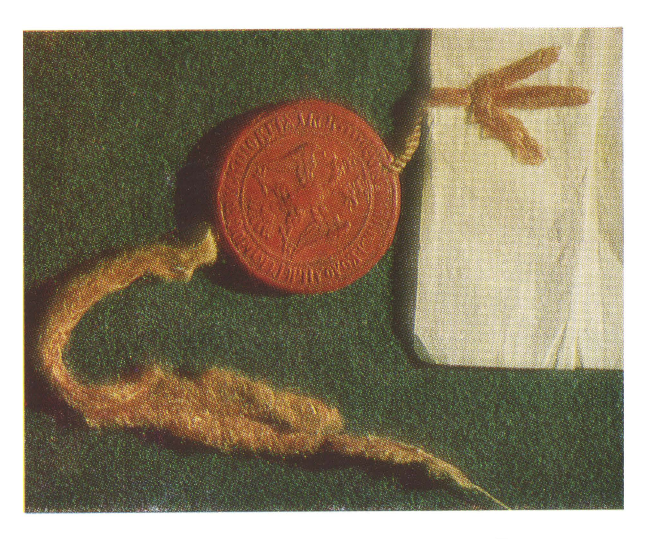
Лист с заставкой из анонимного (дофедоровского) печатного Евангелия (до 1564 г.) *(ГБЛ)*.

Лист из печатного Апостола Ивана Федорова.
Москва, 1564 г. *(ГБЛ)*.

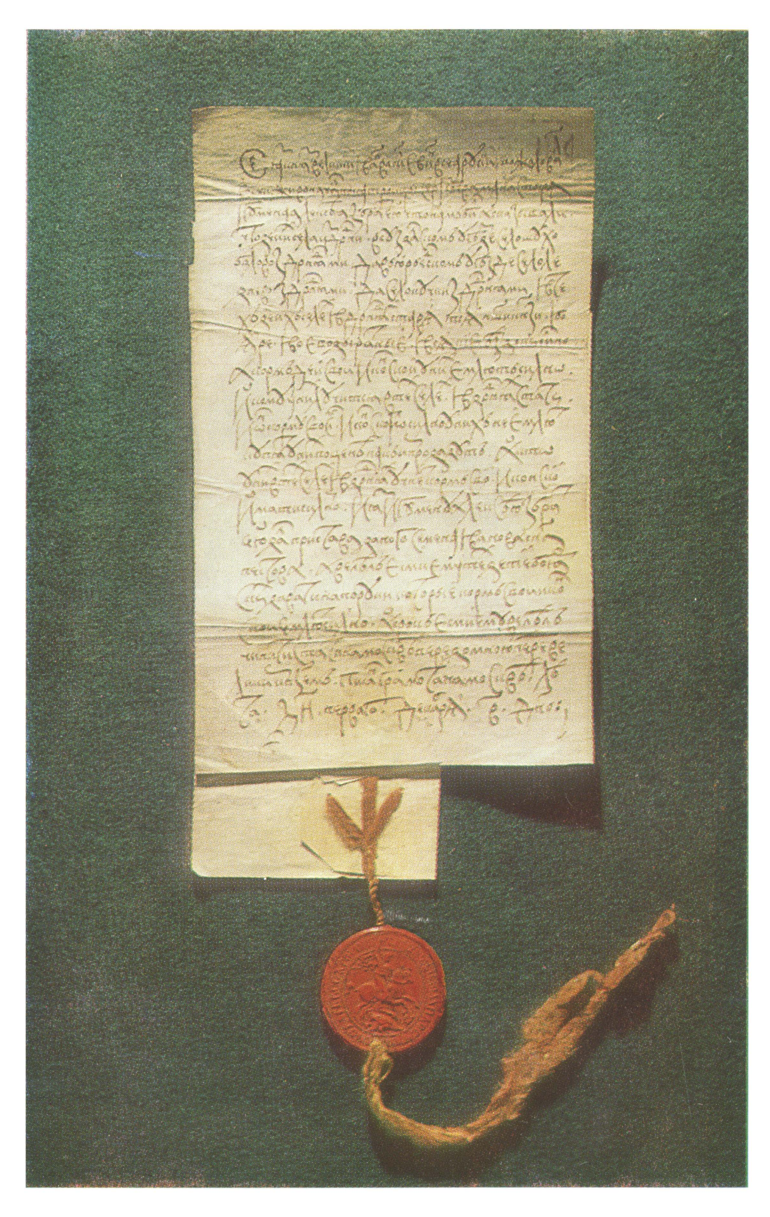


Лист из печатного Апостола Ивана Федорова.
Москва, 1564 г. *(ГБЛ)*.

Государственная печать царя Ивана IV Грозного (оттиск), лицевая сторона *(ЦГАДА)*.



Государственная печать царя Ивана IV Грозного (оттиск), оборотная сторона *(ЦГАДА)*.



Государственная печать царя Ивана IV Грозного (оттиск) на грамоте более позднего времени *(ЦГАДА)*.

Заздравная чаша. Серебро, чеканка, гравировка.
Вклад Ивана IV Грозного в Троицкий монастырь
(Загорский музей-заповедник).

СОДЕРЖАНИЕ

На форзаце: Писцы книг. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI — начало XVII вв. *(ГБЛ).*

Памятники литературы Древней Руси: Середина
П 15 **XVI века.** / Вступит. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1985. — 638 с., ил.

В седьмой выпуск серии «Памятники литературы Древней Руси» включены произведения, созданные в середине XVI века — в период «государственного устроения»: «Домострой», «Чин свадебный», Послесловия к изданиям первопечатника Ивана Федорова, отрывки из «Измарагда» и «Степенной книги», а также «Казанская история», осветтившая собой целую эпоху и ярко представившая все те прогрессивные особенности литературы, которые разовьются в литературе второй половины XVI и XVII веков.

П $\frac{4702010100-008}{028(01)-85}$ 19-85 ББК 84Р1 Р1

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
СЕРЕДИНА XVI ВЕКА

Составители:
Лев Александрович Дмитриев
Дмитрий Сергеевич Лихачев

Редактор Е. Малинина
Художественный редактор Г. Масляненко
Технический редактор О. Ярославцева
Корректоры О. Стародубцева и М. Чупрова

ИБ № 4079

Сдано в набор 06.03.84. Подписано к печати 01.04.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 39+альбом=41. Усл. кр.-отт. 46,25. Уч.-изд. л. 43,68+альбом=45,21. Тираж 50 000 экз. Изд. № II-1669. Заказ № 1362. Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

4р.10 к.

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ